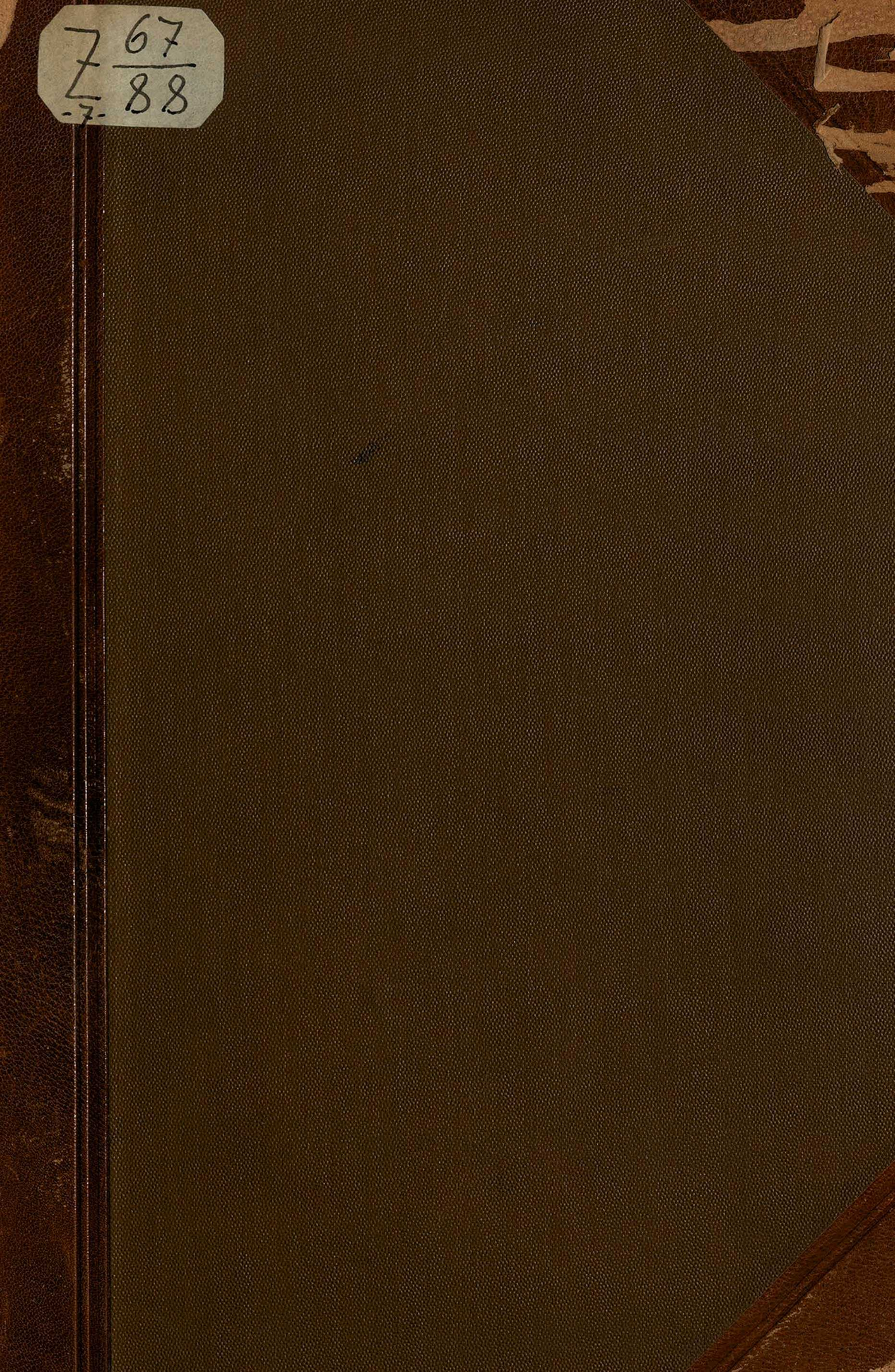
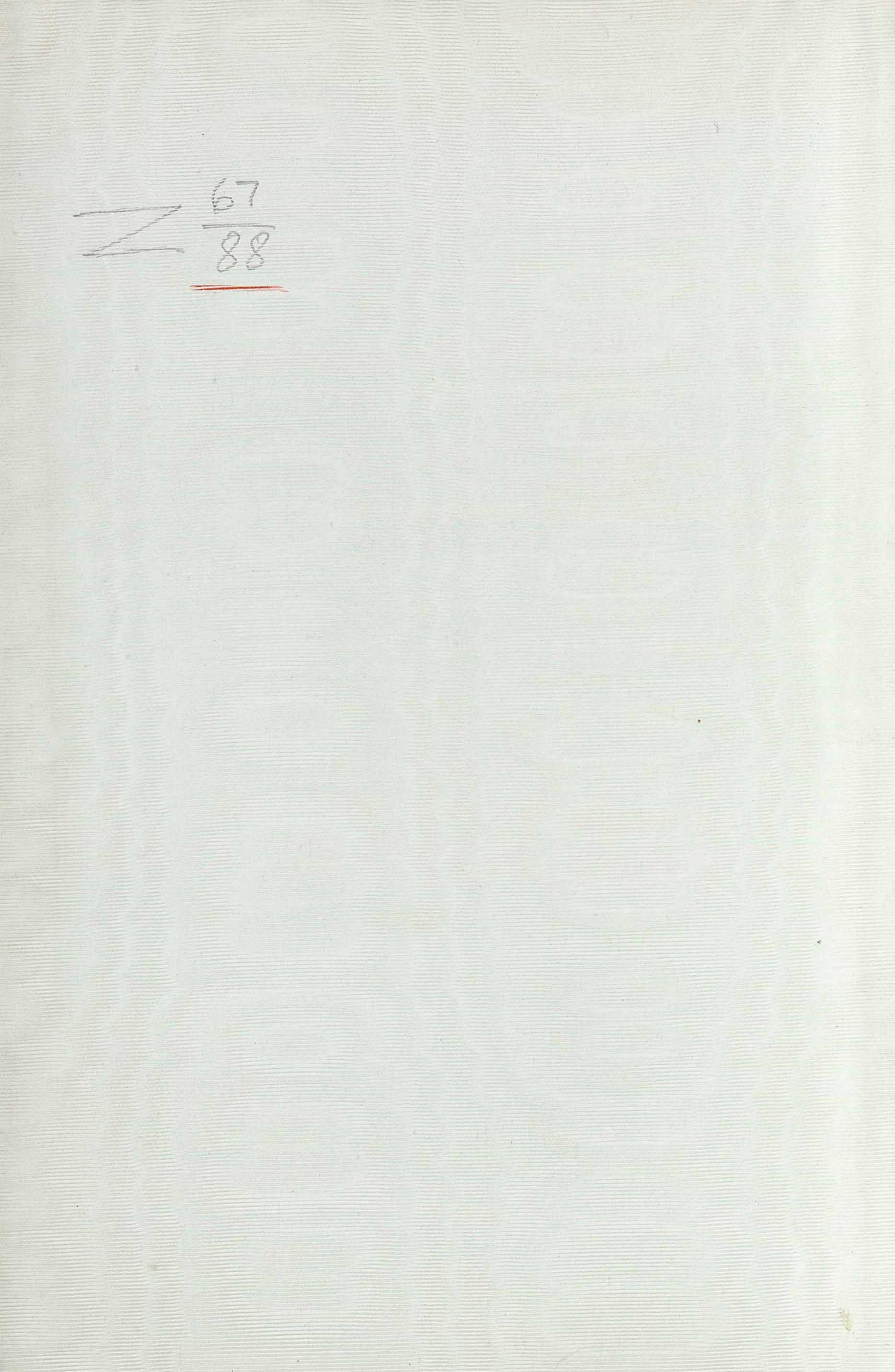
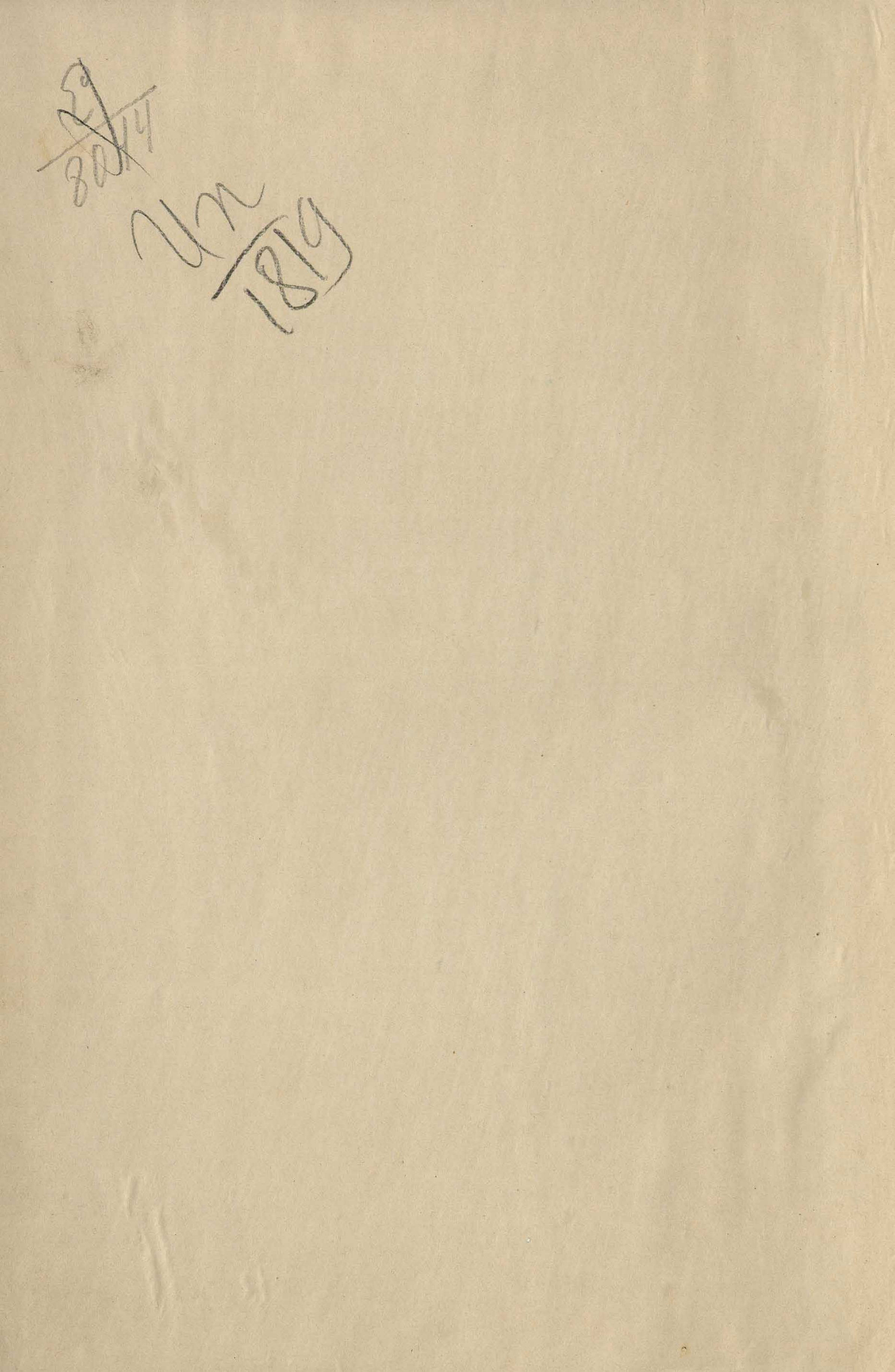
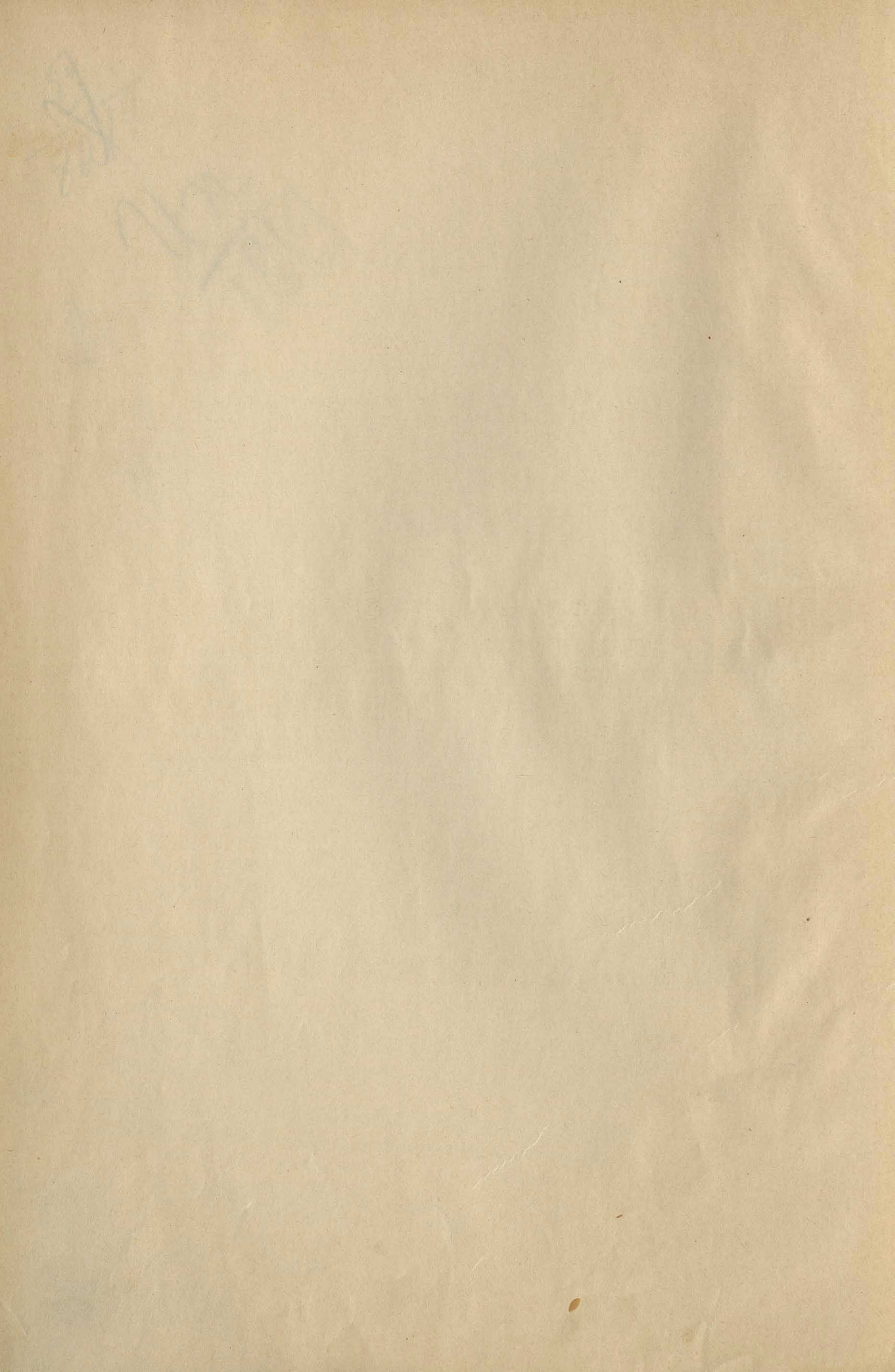



Z 67/88


Un
1819

Исторія человѣчества.

Томъ седьмой.



Исторія человѣчества.

Томъ седьмой.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для Россіи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.

Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному **Б. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штернбергомъ, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ,** прив.-доц. **И. М. Гревсъ,** проф. **Н. И. Карѣевъ, † Д. А. Коропчевскій,** академикъ **В. И. Ламанскій, В. А. Мякотинъ,** академикъ **В. В. Радловъ** и др.

---

*1-й томъ **одобренъ** Учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ средних учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи;*

***рекомендованъ** Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.*

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

Городская контора: Невскій, 50.

Исторія человѣчества.

Седьмой томъ.

Западная Европа.

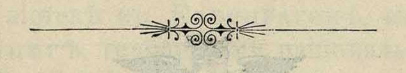
Первая часть.

Составили профессора **Г. Адлеръ, В. Вальтеръ, Р. Майръ, Г. ф.-Цвидинекъ-Зюденгорстъ** и д-ръ **А. Тилле.**

Перевели съ нѣмецкаго библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки **А. И. Браудо** и **А. А. Вейнбергъ.**

Отдѣльныя приложенія: 6 географич. картъ, 5 хромолитографій, 15 гравюръ (на мѣди и на деревѣ) и автотипій.

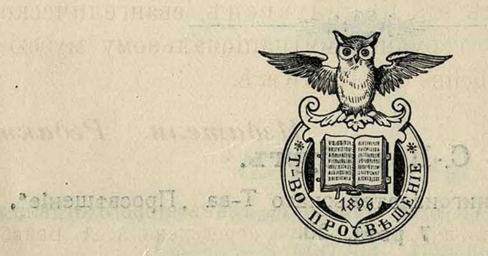
Иллюстраціи исполнены **К. Р. Клаубертомъ, О. Шульцемъ** и **В. Штеверомъ.**



С.-Петербургъ.

Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.

Дозволено цензурою Спб., 2 августа 1904 г.



Предисловіе.

Первоначальнымъ планомъ было—въ VII томѣ, третьемъ по порядку выхода томовъ „Исторіи человѣчества“ въ свѣтъ, дать исторію Западной Европы до 1800 года, а въ VIII томъ долженъ былъ войти обзоръ исторіи Европы въ XIX вѣкѣ. Вскорѣ однако выяснилась нецѣлесообразность и ненаучность такого чисто-хронологическаго, механическаго дѣленія. Непрерывный ходъ историческаго развитія не допускаетъ рѣзкаго дѣленія на произвольныя эпохи, особенно когда въ основу дѣленія берутся опредѣленныя хронологическія даты. Поэтому планъ былъ измѣненъ, и VII томъ долженъ составить съ VIII одно цѣлое, въ которомъ, въ рядѣ отдѣловъ будетъ дана исторія Западной Европы съ того времени, когда вообще можетъ быть рѣчь о терминѣ „Западная Европа“, и до нашихъ дней.

Предлагаемый VII томъ содержитъ первые пять отдѣловъ этого ряда. На первомъ мѣстѣ данъ очеркъ экономическаго развитія Западной Европы; значеніе этого историко - географическаго термина опредѣляется на первыхъ страницахъ. За экономическимъ очеркомъ собственно слѣдуетъ очеркъ культурной и политической исторіи за тотъ же періодъ. Здѣсь требуется, конечно, большая обстоятельность, и потому во второй главѣ разсматриваются только эпохи возрожденія, реформаціи и контръ-реформаціи; въ пятомъ отдѣлѣ изложено непосредственно за ними слѣдующее возникновеніе великихъ державъ. Въ VIII томѣ, въ двухъ крупныхъ отдѣлахъ, будетъ дано продолженіе (революція, цезаризмъ и реакція; конституціонное и національное государство).

Но ранѣе мы нашли необходимымъ дать въ двухъ отдѣлахъ очеркъ исторіи христіанской церкви и соціальнаго развитія Западной Европы. Эти отдѣлы, третій и четвертый предлагаемаго тома, могутъ служить пояснительными и дополнительными къ первому. Интересующіеся преимущественно непрерывнымъ теченіемъ политической и культурной исторіи, могутъ отъ второй главы перейти непосредственно къ пятой.[1]

Необходимо замѣтить, что цитаты въ послѣдней главѣ, при которыхъ не указанъ источникъ, всѣ взяты изъ книги Ганса ф. Цвидинека: „Deutsche Geschichte im Zeitraume der Gründung des preussischen Königtums“.

Подробныя указанія для пользованія всѣмъ сочиненіемъ даны будутъ въ концѣ VIII тома.

Приносимъ благодарность за энергичное и любезное содѣйствіе украшенію этого тома иллюстраціями дирекціямъ всеобщаго техническаго бюро королевскихъ желѣзныхъ дорогъ и королевскаго мюнцъ-кабинета въ Дрезденѣ, королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ, евангелическо - лютеранской миссіи въ Лейпцигѣ, германскому національному музею въ Нюрнбергѣ и Manufacture des Gobelins въ Парижѣ.

Издатели. Редакторъ.

---

[1] Переводъ перваго отдѣла VII тома и первыхъ главъ второго отдѣла (до стр. 171) принадлежитъ А. И. Браудо. Остальная часть книги переведена А. А. Вейнбергомъ.

Списокъ приложенiй.

Хромолитографiи.

Автотипiи и гравюры (на деревѣ и на мѣди).

Географическiя карты въ краскахъ.

Оглавленіе.

II. Возрожденіе, реформація и контръ-реформація.

III. Западное христіанство и его миссіи со временъ реформаціи.

IV. Соціальный вопросъ.

V. Возникновеніе великихъ державъ.

I. Экономическое развитіе Западной Европы съ крестовыхъ походовъ.

Профессора д-ра **Рихарда Майра.**

1. Содержаніе понятія „Европа“.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій „Европа“ является болѣе, чѣмъ только географическимъ понятіемъ; это культурное понятіе, условный культурно-историческій терминъ. Эта „Европа“ въ смыслѣ болѣе глубокомъ, чѣмъ простое географическое обозначеніе, Европа одухотворенная, предполагающая извѣстное единство культуры, возникаетъ уже въ средніе вѣка. Подготовленная каролингской монархіей, она въ XI вѣкѣ становится окончательнымъ фактомъ, въ предѣлахъ сферы вліянія императорски-папскаго авторитета. Какъ самостоятельная, связанная внутреннимъ единствомъ сила, Европа впервые даетъ себя знать въ крестовыхъ походахъ. Съ этого момента она является уже исходнымъ пунктомъ общихъ предпріятій, очагомъ общихъ идей, ареной проникающихъ другъ друга интересовъ, выступаетъ, какъ культурная область, замкнутая въ себѣ, но въ то же время преисполненная вѣчно живымъ стремленіемъ раздвинуть свои границы.

Но уже съ самого начала культурно-историческая Европа была заключена въ болѣе узкіе предѣлы, нежели одноименная съ нею часть свѣта. Да и въ настоящее время мы склонны разумѣть подъ „Европой“ въ культурномъ смыслѣ слова только западную ея половину. Унаслѣдованная традиція заставляетъ насъ обособлять отъ прочихъ европейскихъ странъ Балканскій полуостровъ и Русскую имперію. И на это мы имѣемъ неоспоримое историческое право.

Во избѣжаніе недоразумѣній, мы называемъ Европу, связанную культурно-историческимъ единствомъ, особымъ именемъ: „Средняя и Западная“ или просто „Западная“ Европа, въ отличіе отъ Восточной. Границу между Западной и Восточной Европой составляетъ мысленно проведенная отъ Адріатическаго моря къ Куришъ-Гафу линія, которая, будучи продолженной черезъ Ботническій заливъ, пересѣкла бы Нордкапъ. Со всѣхъ остальныхъ сторонъ западная половина нашей части свѣта ограничена моремъ, въ которое она вдается на подобіе полуострова.

Къ материковому остову западной Европы, заключенному между двумя внутренними морями и составленному изъ земель, расположенныхъ между Ліонскимъ заливомъ и Ламаншемъ, Генуэзскимъ заливомъ и Нѣмецкимъ, Венеціанской бухтой и Балтійскимъ моремъ, примыкаютъ четыре тонко расчлененныя образованія: Аппенинскій и Пиренейскій полуострова, Великобританія съ ея архипелагомъ, отдѣлившаяся отъ континента лишь въ четвертичный періодъ, и наконецъ Датскій полуостровъ съ прилежащею къ нему группою острововъ. Западная Европа охватываетъ такимъ образомъ страны, которыя въ политической географіи носятъ слѣдующія названія: Португалія и Испанія, Франція, Великобританія и Ирландія, Италія, Германія (въ историческомъ смыслѣ, такъ что сюда должны быть причислены Бельгія и Нидерланды, Швейцарія и цислейтанская Австрія безъ ея иллирійскаго придатка, Галиціи и Буковины), Данія и, наконецъ, Швеція и Норвегія, которыя, несмотря на обособленное географическое положеніе,

никакъ нельзя исключить изъ комплекса странъ, объединяемыхъ понятіемъ „Западная Европа“. Польскія и венгерскія страны вмѣстѣ съ христіанскими государствами Балканскаго полуострова представляются морфологическими переходными образованіями отъ Западной Европы къ полуазіатскому ея Востоку.

Этнографически „Западная Европа“ включаетъ въ себя народы романо-германскихъ нарѣчій, культурно-исторически страны западно-христіанской (латинской) цивилизаціи. Не всѣ онѣ были провинціями римской имперіи, но всѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій питали убѣжденіе, что римское государство продолжаетъ существовать, и всѣ находились подъ властью римскаго папства. Изъ этихъ убѣжденій и этой дѣйствительности возникла та единая культура, которая и до сихъ поръ существуетъ подъ именемъ „европейской“, хотя западная церковь давно уже утеряла свое всемогущество, а римская универсальная монархія прекратила свое существованіе, даже въ смыслѣ мечты. Европейская, точнѣе „западно-европейская“ культура со времени крестовыхъ походовъ непрерывно распространяется по всему земному шару, такъ что въ настоящее время она въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ подчинила себѣ не только Восточную Европу, но также Новый Свѣтъ и Австралію, значительныя области Азіи и Африки.

Широко распространили западные европейцы свои религіозныя убѣжденія, свое политическое господство, свои общественныя учрежденія, даже свою литературу и искусство, но только свое экономическое превосходство, ярмо своихъ хозяйственныхъ интересовъ, удалось имъ прочно утвердить почти по всему земному шару, какъ заселенному, такъ и не заселенному. Области, до сихъ поръ еще недоступныя европейскому вліянію, лишены всякаго значенія; наоборотъ, въ высшей степени важными представляются для насъ всѣ тѣ событія, въ которыхъ мы можемъ видѣть первые признаки великой освободительной борьбы за хозяйственную самостоятельность, начатой народами, уже подчиненными европейскому вліянію. Борьба за хозяйственную эмансипацію отъ Западной Европы начинается въ тотъ моментъ, когда эта послѣдняя еще находится въ періодѣ энергичнаго движенія впередъ; борьбу эту ведетъ Россія въ такой же степени, какъ Сѣвероамериканскіе Штаты и Японія. Далеко назадъ бросаютъ свой свѣтъ эти явленія, стоящія на рубежѣ настоящаго и будущаго; вся исторія хозяйственнаго расширенія Западной Европы, которую мы здѣсь намѣрены изложить, пріобрѣтаетъ благодаря экономическимъ освободительнымъ войнамъ свою специфическую окраску. Не о вещахъ, недоступныхъ человѣческому обзору, будетъ идти рѣчь; передъ нами ряды фактовъ, ясныхъ, продолжительныхъ, очевидныхъ, — фактовъ, вліяніе которыхъ, не ограничиваясь современностью, далеко захватываетъ будущее. И какимъ бы непроницаемымъ ни казалось это послѣднее человѣку, вѣдь все же только ради будущаго живетъ то, что есть и было; даже самый скудный свѣтъ, отбрасывающій въ мракъ грядущаго свой слабый, болѣе обманчивый, нежели дѣйствительно озаряющій дорогу, блескъ, даже онъ является, полагаемъ мы, достаточной наградой за труды, связанные съ изслѣдованіемъ прошлаго.

2. Борьба за преобладаніе въ торговлѣ съ Востокомъ и расширеніе южноевропейскаго вліянія.

Съ начала достовѣрной исторіи, со временъ финикійцевъ, грековъ, кареагенянъ и италиковъ, Средиземное море было преимущественной ареной послѣдовательнаго столкновенія различныхъ народностей, ареной такой оживленной торговой дѣятельности, какая въ тѣ древнія времена

конечно не имѣла мѣста ни въ какой другой странѣ земного шара (см. I отдѣлъ IV тома). Въ концѣ концовъ римляне соединили подъ своею властью всѣ земли, лежащія по сѣверному побережью Средиземнаго моря. Когда римскій западъ погибъ и хозяйственно, и политически, когда изъ государствъ, основанныхъ народами эпохи великаго переселенія, развилась новая Европа, восточный Римъ все еще сохранялся, какъ территоріальное и культурное цѣлое, не отказываясь въ то же время отъ своего хозяйственнаго господства; а въ теоріи и государственнаго верховенства надъ всею областью Средиземнаго моря. Въ VII же вѣкѣ къ Средиземному морю побѣдоносно пробивается исламъ и подчиняетъ себѣ почти цѣлую половину его береговъ. Такимъ образомъ, „ϑάλασσα“, соединяющая три части свѣта, стала мѣстомъ столкновенія трехъ великихъ культуръ: западно-христіанской (западно-европейской или латинской), восточно-христіанской (восточно-римской, ромейской, греческой или византійской) и магометанской (исламистской или арабско-мавританской). Естественнымъ исторически необходимымъ результатомъ этого событія была борьба за талассократію, за господство на морѣ, между тремя культурами. Побѣда осталась за тѣмъ изъ соперниковъ, который въ началѣ спора имѣлъ, повидимому, меньше всего шансовъ, — за христіанскимъ Западомъ.

До завоевательныхъ арабскихъ походовъ, слѣдовательно до половины VII вѣка, господами средиземной торговли были византійцы. Балканскій полуостровъ до Дуная, Малая Азія, Сирія, Египетъ, сѣверный берегъ Африки до Мавританіи, часть Италіи и Испаніи (до 631 г.) входили въ составъ Византійскаго государства. Греки, сирійцы, евреи держали въ своихъ рукахъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю. Константинополь и Александрія были мѣстами самыхъ крупныхъ торговыхъ оборотовъ; впрочемъ сирійскіе и малоазіатскіе города, Ѳессалоника, Карѳагенъ, также продолжали свою восходящую къ незапамятнымъ временамъ торговую дѣятельность. Съ Краснаго моря, съ Персидскаго залива и съ внутреннихъ азіатскихъ торговыхъ путей проникали индійскіе и восточно-азіатскіе товары къ византійцамъ, сосредоточивавшимъ у себя прибыльную посредническую торговлю, обладаніе которой всегда является признакомъ господства на міровомъ рынкѣ. Таковъ былъ одинъ изъ краеугольныхъ камней византійской торговли; другой составляла отечественная художественная промышленность, особенно ткачество шелковыхъ издѣлій. Византійскія золотыя деньги, константинопольскіе червонцы (= 5 руб. 88 к.), впослѣдствіи получившіе названіе „византійцевъ“, пользовались свободнымъ обращеніемъ во всемъ мірѣ; даже византійскія серебряныя деньги, пока онѣ оставались полновѣсными, принимались за границей.

Это состояніе восточно-римской гегемоніи измѣнилось вслѣдствіе арабскихъ завоеваній. Именно Египетъ и Сирія, провинціи, наиболѣе затронутыя торговлей и ремесломъ, прежде всего подпали подъ власть калифовъ; нѣсколько позднѣе той же участи подверглось побережье сѣверной Африки, при чемъ заново выстроенный римлянами Карѳагенъ снова былъ разрушенъ и мѣсто его занялъ Тунисъ и наиболѣе значительные острова восточной части Средиземнаго моря. Когда съ 827 года сарацины стали осѣдать въ Сициліи и нижней Италіи, это также имѣло своимъ результатомъ ослабленіе Византіи. Правда, византійцы оказали стойкое сопротивленіе при нападеніи арабовъ на самый Константинополь; такъ наз. „греческимъ огнемъ“ столица спасла себя и свою торговлю съ побережьями Средиземнаго моря; тѣмъ не менѣе восточно-римское государство, угрожаемое одновременно славянами и болгарами, терявшее область за областью въ Азіи и Европѣ, утратило въ это тяжелое для себя время руководящую роль. Но оно уступило ее не калифату, который первоначально велъ опустошительную религіозную борьбу противъ Европы, сопротивлявшейся введенію ислама, и потомъ самъ подвергся распаденію, — нѣтъ, роль вождя мало по малу приняли

на себя ново-европейскіе народы. Съ девятаго столѣтія въ Константинополѣ растутъ чужестранныя факторіи, поселенія купцовъ, которыхъ торговые интересы привлекали къ Золотому Рогу, заставляя снова и снова возвращаться сюда. Когда сами византійцы уже не были въ состояніи отправляться въ чужія страны, чужестранцы явились къ нимъ. Византійская активная торговля превратилась въ пассивную, ея оживляющимъ началомъ были теперь иноземцы. Даже магометане, и тѣ основывали свои поселенія въ Византіи, такъ что въ концѣ концовъ ими выстроена была тамъ мечеть; несмотря на острую религіозную вражду, здѣсь, какъ и въ Александріи, Антіохіи и т. п., побѣдилъ въ концѣ концовъ духъ дѣлового коммерческаго разсчета. Хотя Красное море, особенно послѣ того какъ былъ засыпанъ каналъ Рамзеса, и утратило свое значеніе для индійской торговли, тѣмъ не менѣе черезъ земли калифа все же пролегала наиболѣе важная изъ индійскихъ торговыхъ дорогъ, а именно по Персидскому заливу; равнымъ образомъ сухопутныя торговыя дороги Азіи соприкасались съ магометанской областью по пути къ своему конечному пункту, Каспійскому или Черному морю. Такъ какъ Византія привлекала къ себѣ пряности и др. цѣнные южно-азіатскіе товары, или по крайней мѣрѣ служила для нихъ складочнымъ мѣстомъ, западныя страны были вынуждены обращаться въ Константинополь; безъ названныхъ товаровъ имъ было трудно обойтись, а сноситься съ Востокомъ въ то время было еще всего удобнѣе черезъ Византію.

По мѣрѣ того какъ сила византійцевъ падала подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и сами они все болѣе и болѣе утрачивали былой духъ предпріимчивости, для европейскихъ народовъ наступало время расширенія ихъ вліянія на морѣ и ихъ коммерческихъ интересовъ. Это первое расширеніе молодой Западной Европы направлялось на Востокъ, точно такъ же какъ и колонизація германцевъ еще со времени Каролинговъ устремилась по направленію къ солнечному восходу.

Прежде всего вступили въ торговыя отношенія съ греческими гаванями тѣ итальянскіе города, которые, хотя бы по имени, признавали надъ собою главенство византійскаго императора. Въ такого рода зависимыхъ отношеніяхъ находилось большинство поселеній, не попавшихъ ни подъ власть лангобардовъ, ни подъ власть сарациновъ. Рядомъ съ Бари, Бриндизіумомъ, Тарентомъ, Салерно, Неаполемъ и Гаэтой это были прежде всего Амальфи и Венеція. Амальфи, который уже по меньшей мѣрѣ съ X вѣка поддерживалъ сношенія съ магометанскими странами Востока, Египтомъ и Сиріей, ввозилъ греческіе товары и удержалъ эти связи даже послѣ того, какъ въ 1073 г. подчинился норманскому князю Роберту Гюискарду, смертельному врагу византійцевъ. Упадокъ амальфійской морской торговли былъ подготовленъ только соперничествомъ Пизы, которая въ XII столѣтіи (1135 и 1137 гг.) завоевала Амальфи и подчинила его себѣ.

Болѣе счастливой была судьба Венеціи, сдѣлавшейся вскорѣ владычицей всѣхъ торговыхъ сношеній Средиземнаго моря. И этотъ, расположенный среди лагунъ, городъ признавалъ надъ собою верховную власть греческаго императора и потому граждане его пользовались правомъ свободно основывать поселенія въ Константинополѣ. И онъ уже съ IX вѣка несмотря на религіозныя различія состоялъ въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сирійскими и египетскими городами. Но расцвѣтъ Венеціи всецѣло покоился на преимуществахъ ея географическаго положенія, преимуществахъ, которыя сохраняли свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока міровая торговля ограничивалась берегами внутреннихъ морей. Въ эпоху океанической торговли это цѣлыми столѣтіями охранявшееся судьбою преимущество превратилось въ свою полную противоположность. Средневѣковая Венеція сохраняла господство надъ громадною областью сбыта именно потому только, что была расположена у самаго сѣвернаго пункта

Адріатическаго моря, слѣдовательно недалеко отъ альпійскихъ проходовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла позади себя богатую долину По, передъ собою западные берега Балканскаго полуострова и открытый доступъ къ странамъ, лежащимъ въ бассейнѣ Савы и Дуная. Двѣ политическія партіи города, византійская и итальянская, были представительницами взаимно дополняющихъ другъ друга интересовъ, съ одной стороны интересовъ ввозной торговли съ Востокомъ, съ другой — интересовъ вывоза продуктовъ торговли въ родственныя Венеціи по происхожденію области сбыта. Обѣ имперіи, западная и восточная, старались привлечь на свою сторону ловко лавировавшую между ними Венецію; благодаря этому соперничеству венеціанцамъ удалось очень рано добиться права свободной торговли какъ въ той, такъ и въ другой имперіи. Когда южная Италія была отторгнута у византійцевъ норманнами, Восточная Римская имперія осыпала фактически независимый, но формально подчиненный ей городъ милостями, чтобы добиться его союзничества. Да и для самихъ венеціанцевъ, норманская политика захвата все новыхъ и новыхъ земель представлялась въ высшей степени угрожающей; послѣ побѣды надъ Робертомъ Гюискардомъ при Дураццо въ Албаніи венеціанцы получили отъ императора Алексѣя I Комнена право безпошлинной торговли во всей Византійской имперіи (1082 г.), между тѣмъ какъ раньше каждый приходящій корабль долженъ былъ платить два, каждый отъѣзжающій 15 червонцевъ пошлины. Съ этихъ поръ они непрерывно пользовались завидными правами наиболѣе покровительствуемой державы.

Въ то самое время, когда Венеція достигла преобладанія на Золотомъ Рогѣ, Пиза и Генуя завоевали себѣ господствующее положеніе въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Послѣ распаденія Багдадскаго калифата, повлекшаго за собою всеобщее ослабленіе ислама, западно-итальянскіе приморскіе города получили возможность не только очистить Сардинію отъ мусульманства, но даже подчинить своей власти отдѣльные пункты на сѣверо-африканскомъ берегу. Купцы Пизы добились въ государствѣ Зеиритовъ (см. томъ IV, стр. 241) такой же свободы отъ налоговъ, какъ венеціанцы въ Греціи. Между тѣмъ началось норманское завоеваніе нижней Италіи и Сициліи. Пизанцы и генуэзцы приняли въ немъ участіе, вполнѣ сознавая, что ихъ интересы требуютъ прежде всего открытія свободной и безопасной дороги на Востокъ. Ибо, какъ говоритъ Вильгельмъ Гейдъ въ своей Исторіи восточной торговли, „все судоходство между Испаніей, южной Франціей и западной Италіей съ одной стороны, азіатскимъ Востокомъ и сѣверной Африкой съ другой стороны, шло мимо лежащей по срединѣ Сициліи....., гдѣ привилегіи норманскихъ королей сулили купцамъ хорошій пріемъ и куда привлекало ихъ содѣйствіе консуловъ ихъ націй и вообще соотечественниковъ, поселившихся въ этой землѣ.“ Такимъ образомъ пизанцы и генуэзцы еще до крестовыхъ походовъ ѣздили въ Египетъ и Сирію и уже тогда привозили съ собою пилигримовъ, стремившихся посѣтить святыя мѣста, столь трудно доступныя со времени господства сельджуковъ.

Полнѣйшую перемѣну во всѣхъ отношеніяхъ, сложившихся на почвѣ торговли съ Востокомъ, принесли съ собою крестовые походы. Колоссальныя и въ общемъ почти безплодно растраченныя силы, которыя Западъ употребилъ на то, чтобы завоевать и удержать за собою Святую Землю, своей благодѣтельной стороной коснулись приморскихъ городовъ, центръ тяжести которыхъ давно уже, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, склонялся къ Востоку. Съ 1097—1100 гг., со времени основанія перваго государства крестоносцевъ, Іерусалимскаго королевства и зависимыхъ отъ него княжествъ Эдессы, Антіохіи, Триполиса, для итальянцевъ, провансальцевъ и каталонцевъ начинается новая жизнь. Прежде всего имъ открылась возможность основывать поселенія въ чужой части свѣта, на западномъ

берегу Азіи, подъ защитою западно-европейскихъ учрежденій и отечественнаго права. Открылась кромѣ того возможность заполучить новыя привилегіи и преимущества, такъ какъ франки и латинцы нуждались въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Западомъ и, такимъ образомъ, не могли избѣжать услугъ южно-европейскихъ мореходовъ. Послѣдніе являлись посредниками въ перевозкѣ какъ людей, такъ и товаровъ. Вскорѣ имъ принадлежали уже цѣлые кварталы и улицы въ основанныхъ крестоносцами городахъ, а также и земли, обрабатываемыя барщиннымъ трудомъ сирійскаго крестьянина. При всемъ томъ южно-европейцы были свободны отъ платежей и получали даже часть таможенныхъ доходовъ; высшихъ начальниковъ назначалъ не король, а метрополія. Торговля не представляла особенныхъ трудностей, такъ какъ сокровища и пряности тропиковъ достигали западныхъ береговъ Азіи по старымъ торговымъ дорогамъ, безъ всякаго содѣйствія европейцевъ (см. томъ III, стр. 170, 171, 269, 300, 309; см. также карту, приложенную къ стр. 309). Христіанскимъ же купцамъ было бы дѣйствительно неблагоразумно пускаться по дикимъ тропинкамъ, или дорогамъ, проложеннымъ пилигримами исламистской Азіи. Опасности морского путешествія между южно-европейскими и азіатскими берегами уменьшались конвоемъ, который дважды въ годъ доставлялъ подъ своею охраной европейскіе товары (металлы, дерево, оружіе, сукно) и на обратномъ пути бралъ съ собою товары Востока (шелкъ, стекло, хлопчатникъ, сахаръ, пряности).

Когда Іерусалимское королевство погибло (1187 г.), для того, чтобы впослѣдствіи (1229 г.) возстановиться только по имени, западно-европейцы потеряли свои сирійскія владѣнія вмѣстѣ съ всѣми связанными съ ними феодальными правами; однако нѣсколько приморскихъ городовъ сохранились въ ихъ рукахъ вплоть до конца XIII столѣтія, а большаго и не нужно было франкскимъ купцамъ для поддержанія своихъ торговыхъ связей. Даже послѣ того, какъ покинуты были Акконъ (1291 г.), Тиръ и Сидонъ (1295 г.), прямыя отношенія между Европой и Сиріей не вполнѣ прекратились.

Между тѣмъ за тѣ потери, которыя западная Европа потерпѣла въ Сиріи, она была сторицею вознаграждена съ другой стороны. Послѣ вступленія перваго войска крестоносцевъ въ Константинополь (1096 г.) византійская политика измѣнилась въ сторону, неблагопріятную для западно-европейцевъ. И въ самомъ дѣлѣ мечъ уничтоженія висѣлъ надъ греческой имперіей; каждое войско крестоносцевъ угрожало самому ея существованію и въ то же время южноитальянскіе норманны работали дальше въ духѣ своихъ завоевательныхъ плановъ. Чтобы раздѣлить враговъ, византійцы продолжали осыпать итальянцевъ выраженіями своей благосклонности и даровали имъ всѣмъ право наиболѣе благопріятствуемой державы, до того времени принадлежавшее однимъ только венеціанцамъ. Однако такое отношеніе правительства отнюдь не соотвѣтствовало враждебнымъ чувствамъ населенія. Возбужденіе византійцевъ противъ латинянъ, особенно же венеціанцевъ, было вполнѣ естественно; они вырвали изъ ихъ рукъ всю внѣшнюю и значительную часть внутренней торговли, не платили никакихъ пошлинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживали въ обращеніи ту пренебрежительность, которая такъ естественна прогрессирующей полной внутренней силы расѣ, по отношенію къ вырождающемуся народу, приписывающему послѣдствія бездѣятельности не себѣ самому, а чужестранцамъ. Эта реакція противъ преобладанія ненавистныхъ пришельцевъ проявилась въ актѣ, полномъ коварства. Императоръ Мануилъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія издалъ въ 1171 г. тайный приказъ схватить всѣхъ венеціанцевъ въ имперіи и конфисковать ихъ имущество. Венеціанская политика отвѣтила на эту враждебную мѣру заключеніемъ союза съ норманнами, и Византія вынуждена была сдѣлать видъ, что

добрыя старыя отношенія снова возстановлены. Однако въ скорости жестокій ударъ обрушился, и уже на голову всѣхъ латинцевъ, а не однихъ только венеціанцевъ. Это было проявленіе народной мести въ родѣ той, которою во время Митридата Великаго разразились противъ римлянъ порабощенные ими азіаты. Согласно кровавому приказу императора Андроника, въ 1182 году латинцы во всей имперіи подверглись внезапному нападенію и частью были перебиты, частью проданы въ рабство. Отъ мести западно-европейцевъ византійцевъ уже не могло спасти то обстоятельство, что, по сверженіи Андроника, императоръ Исаакъ Ангелъ вознаградилъ венеціанцевъ, генуэзцевъ и пизанцевъ, насколько это было въ его силахъ, и возвратилъ имъ ихъ старыя привилегіи. Ни одно изъ слабыхъ византійскихъ правительствъ не могло дать гарантіи противъ повторенія ужасовъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1171 и 1182 гг. Между тѣмъ соперничество, уже тогда свирѣпствовавшее между различными приморскими городами Италіи, не позволяло и думать о какомъ либо совмѣстномъ предпріятіи; въ отдѣльности же каждый городъ былъ слишкомъ слабъ по сравненію съ громадной и все еще богатой деньгами имперіей.

Послѣ смерти геніальнаго императора Генриха VI (1197 г.), отвратившей отъ восточно-римской имперіи опасность, снова угрожавшую ей со стороны южной Италіи, венеціанцамъ, и только имъ однимъ, представилось наконецъ средство отомстить за прошлое и обезопасить себя на будущее время. Счастливая случайность помогла дожу Венеціи, Энрико Дандоло, направить въ 1202 году войско крестоносцевъ противъ Константинополя. Почти все византійское государство стало добычей побѣдоносныхъ латинцевъ, и Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау, взошелъ на тронъ „Латинской имперіи“, продержавшейся отъ 1204 до 1261 года. При раздѣлѣ византійскаго царства, на долю венеціанцевъ пришлось три восьмыхъ его, ровно столько, сколько осталось новому императору. Венеціанцы даже послѣ паденія латинскаго царства сумѣли удержать въ своей власти захваченныя ими при раздѣлѣ земли по берегу моря и острова, правда, весьма разбросанные, но за то очень доходные. Только съ этого момента они прочно обосновываются въ земляхъ Понта и вводятъ послѣднія въ сферу своего экономическаго вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе западной Европы на востокѣ приближается къ моменту своего наивысшаго развитія, который и былъ достигнутъ, когда греческая имперія съ помощью генуэзцевъ была снова возстановлена (1261). Соперничество между метрополіями Лигурійскаго и Адріатическаго морей возбудило благодѣтельное соревнованіе, которое между прочимъ было благопріятно и для византійской политики самосохраненія.

Со второй половины XIII вѣка генуэзцы проникли въ глубь Азіи дальше, нежели это когда либо удавалось западно-европейскимъ купцамъ. На берегахъ Понта Эвксинскаго, какъ и во время грековъ, возникла колоніальная область, главными пунктами которой были Каффа (Ѳеодосія) и Тана (Азовъ; см. томъ IV, стр. 76). Отсюда вела понтійско-китайская торговая дорога (торговля шелкомъ) черезъ Туркестанъ и Джунгарію къ берегамъ Тихаго океана (см. т. I, стр. 573). Отдѣльные миссіонеры и купцы привозили въ западныя страны баснословныя извѣстія о чудесахъ природы и культуры на крайнемъ Востокѣ. Первоначально эти разсказы играли извѣстную роль только какъ обогащеніе фантазіи европейцевъ; прошло полтора столѣтія, прежде чѣмъ эта игра воображенія превратилась въ дѣло и безплодныя повидимому предпріятія отдѣльныхъ искателей приключеній снова ожили въ славныхъ открытіяхъ вѣка конквистадоровъ.

Путешествія Марко Поло (1271—95), который является представителемъ всѣхъ вообще путешественниковъ по Азіи того времени, не могли бы состояться, если бы не существовало одно изъ величайшихъ основанныхъ на завоеваніи государствъ, которыя только знаетъ исторія: государ-

ство монгольское, основанное Чингисханомъ Темучиномъ въ первой половинѣ XIII столѣтія (около 1220 г.; см. т. III, стр. 345). Въ періодъ 1240—42 гг. полчища монголовъ заполонили собою пограничныя области народовъ западно-европейскаго культурнаго цикла и значительная часть Россіи въ теченіе двухъ столѣтій послѣ этого несла на себѣ иго азіатскихъ завоевателей (см, т. V). Правда, еще въ древности Востокъ не разъ надвигался на Западъ, но это стремленіе къ распространенію народностей, родственныхъ населяющей побережья Средиземнаго моря расы: семитовъ (ассирійцы, финикійцы, карѳагеняне) и восточныхъ арійцевъ (мидоперсы, парѳяне, новоперсы). Лишь съ набѣгами гунновъ (375 г.) начались повторныя нашествія народовъ монгольскаго происхожденія, аваровъ, болгаръ, мадьяръ, сельджуковъ, монголовъ и османовъ, которые являлись для территоріи средней и восточной Европы, занятой индогерманцами, такой же угрозой, какою было въ VIII и IX столѣтіи арабско-берберское нашествіе для средиземной южной Европы. Существованіе Великаго ханства, охватившаго почти всю Азію, сдѣлало въ XIII и XIV столѣтіяхъ возможнымъ переѣздъ черезъ крупнѣйшій изъ всѣхъ материковъ отъ Чернаго до Желтаго моря; тѣмъ не менѣе стремленіе монголовъ расширить сферу своего господства, будучи направлено какъ разъ противъ волны европейскаго движенія, сдѣлало невозможнымъ, какъ болѣе или менѣе прочное заселеніе переднеазіатской и понтійской области, такъ и прочныя сношенія съ восточной Азіей черезъ центральную. Обезпеченіе сухопутной дороги черезъ Азію является дѣломъ, которое стремится вызвать къ жизни наше время, но это дѣло предпринято не западными, а восточными европейцами, ведущими его на свой рискъ и страхъ.

Въ 1368 году, когда туземная династія Мингъ снова герметически закупорила — и именно съ западной стороны — освобожденный отъ монголовъ Китай, османскіе турки уже перебрались черезъ Геллеспонтъ и овладѣли Галиполисомъ (въ 1357 г.). Это было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи восточнаго господства и восточной торговли южныхъ европейцевъ. Каждый клочекъ земли, завоеванный турками, былъ во всѣхъ отношеніяхъ потерянъ для христіанскаго запада (т. III, стр. 352). Однако послѣдній все еще сохранялъ въ своей власти Константинополь и область Понта. Какъ разъ въ это время монголы дѣлаютъ новый натискъ, разбиваютъ турецкое войско и, такимъ образомъ, даютъ восточному Риму отсрочку еще на пять десятилѣтій; но въ 1395 г. дикій Тимуръ предаетъ огню Тану, вмѣстѣ съ Сараемъ и Астраханью. Послѣ того, какъ улеглась вторичная буря монгольскаго движенія (1405 г.; см. т. III, стр. 356), турки снова возвратились, подчинили себѣ балканскія страны и направились наконецъ противъ Константинополя, паденіе котораго знаменовало собою конецъ византійской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ западно-европейской торговли съ Востокомъ (1453). Генуэзцы покинули свои владѣнія на Черномъ морѣ (1475). Съ этого момента итальянскіе купцы встрѣчаются на турецкомъ Востокѣ лишь въ единичныхъ случаяхъ, беззащитные и безправные. Османы заперли Босфоръ и положили ключъ себѣ въ карманъ (т. III, стр. 359).

Послѣ паденія восточно-римской имперіи въ рукахъ венеціанцевъ все еще находились значительные остатки добычи латинскаго крестоваго похода 1204. Прошло много времени, пока турецкимъ султанамъ удалось отнять у нихъ кусокъ за кускомъ всѣ ихъ острова и береговыя владѣнія; даже послѣ Пассаровицкаго мира (1718 г.), отнявшаго у нихъ Морею, они все еще удерживали въ своей власти Іонійскіе острова и побережье Далмаціи и Истріи. Эти венеціанскія колоніи никогда не были доходными. Но для всѣхъ латинцевъ и прежде всего для венеціанцевъ было бы очень важно, если бы имъ удалось сохранить свое положеніе въ Египтѣ. Со времени крестовыхъ походовъ Александрія снова стала складочнымъ мѣстомъ,

около котораго главнымъ образомъ концентрировалась индійско-европейская торговля; также и Каиръ съ своимъ огромнымъ населеніемъ и съ своими базарами привлекалъ къ себѣ латинцевъ (см. т. III, стр. 355). Ихъ не останавливала ни фанатическая ненависть мусульманъ къ иноземцамъ, ни разбойничье хозяйничаніе пашей: жажда торговой прибыли помогала переносить всякія злоключенія. Они пренебрегали также папскимъ запрещеніемъ доставлять невѣрнымъ военные матеріалы и облегчали отъ времени до времени свою совѣсть покупкой индульгенцій. Но еще раньше, чѣмъ турки появились въ странѣ Нила, другое всемірно-историческое событіе начало накладывать свой отпечатокъ на торговлю съ Востокомъ; это было открытіе португальцами морской дороги въ Остъ-Индію (1498; см. томъ III, стр. 359). Съ неудержимою быстротой стала падать венеціанская торговля пряностями, всегда бывшая только торговлей изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Зато Лиссабонъ, куда пряности стекались прямо изъ производящихъ ихъ странъ, сдѣлался главнымъ рынкомъ этого рода товаровъ.

Приблизительно въ то же самое время, когда португальцы заперли Красное море и Персидскій заливъ, Дамаскъ, Александрія и Каиръ попали подъ власть османскихъ султановъ (1517 — 18 г.), совпаденіе, совершенно разрушившее египетскую торговлю и причинившее огромный вредъ всей вообще средиземной торговлѣ (томъ III, стр. 360). Средиземное море все болѣе и болѣе превращалось въ опасный тупикъ съ нѣкоторою торговлею по берегамъ, но не съ странами, лежащими въ глубинѣ окружающаго его континента. Главная арена морской торговли культурнаго міра становится теперь театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ безпрестанно ведутъ свои битвы магометанскій Востокъ и христіанскій Западъ. Какъ во времена наибольшаго упадка республиканскаго Рима, такъ и теперь Средиземное море дѣлается излюбленнымъ мѣстомъ пиратства, которое прекратилось лишь послѣ завоеванія Алжира Франціей, т. е. послѣ 1830 года (см. томъ IV, стр. 246).

Благодаря неблагопріятнымъ внутреннимъ событіямъ начала XVI вѣка, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій нельзя было и думать о возстановленіи европейскаго вліянія на Востокѣ, какъ о непосредственной цѣли реальной политики. Враждебное Европѣ направленіе, характеризующее Востокъ и восточную политику, нѣсколько улеглось, строго говоря, только въ XIX столѣтіи. Но теперь это уже не отдѣльныя, враждующія между собою, городскія общины стремятся подчинить своимъ хозяйственнымъ интересамъ восточную часть Средиземнаго моря, это новѣйшія крупныя государства. И хотя послѣднія также не выступаютъ единодушно противъ Востока, тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить огромную разницу между положеніемъ, занятымъ въ восточномъ вопросѣ современными великими державами и средневѣковыми городами-государствами. Если сила итальянскихъ коммунъ, даже не объединенныхъ между собою на подобіе Ганзы, была достаточной для того, чтобы до извѣстной степени подчинить себѣ падающую Византію или обломки распавшагося калифата, то сплоченныя военныя силы султаната всегда выбивали ихъ изъ всѣхъ ихъ позицій. Болѣе слабая организація, именно городская, смогшая, правда, управлять громадной областью, подчиненной ея внѣшнимъ интересамъ, обнаружила свою несостоятельность по сравненію съ болѣе сильной организаціей, крупно-государственной военной монархіей. Борьба съ турецкимъ Востокомъ могла быть успѣшно возобновлена европейскимъ Западомъ лишь тогда, когда образованіе крупныхъ государствъ на сушѣ и на морѣ достигло соотвѣтствующей этой цѣли высоты. И все же, сколько внутреннихъ кризисовъ должна была выдержать Европа, прежде чѣмъ снова стало возможнымъ расширеніе сферы западно-европейской власти въ тѣхъ странахъ, гдѣ горожане романской расы уже столѣтія тому назадъ пользовались

преобладающимъ вліяніемъ, несмотря на всѣ внутреннія ссоры и взаимное соперничество!

Аналогичный ходъ событій за этотъ періодъ мы наблюдаемъ на сѣверѣ Европы. Здѣсь долгое время побѣдоносно расширяла свою власть такъ наз. Ганза, союзъ городовъ, слабо связанныхъ между собою; но въ XV вѣкѣ развитіе союза было остановлено начавшимся процессомъ усиленія крупныхъ государствъ Сѣвера и въ концѣ концовъ самый союзъ благодаря этому распался. Какъ разъ тѣ самыя страны, приморскіе города которыхъ властвовали надъ областями южно- и сѣверно-европейскаго внутреннихъ морей, не въ состояніи были выйти изъ своей мелко-государственной раздробленности и мѣстной ограниченности; поэтому руководящая роль въ міровой торговлѣ и расширеніе ея на неизвѣстныя еще до сихъ поръ страны, перешла въ руки западно-европейскихъ государствъ, болѣе объединенныхъ политически и болѣе прочныхъ внутреннею связью.

3. Борьба за преобладаніе въ сѣверныхъ моряхъ и нѣмецкая Ганза.

А. **Область средне- и сѣверно-европейской торговли.**

На всемъ протяженіи суживающагося къ западу европейскаго материка сѣверно-европейскія внутреннія моря отдѣлены отъ интерконтинентальнаго моря юга — Средиземнаго моря. Какъ въ до-христіанское время, такъ и въ теченіе послѣдующихъ 13 вѣковъ сообщенія между южнымъ и сѣверо-западнымъ побережьями Европы совершаются главнымъ образомъ при помощи сухопутныхъ дорогъ. Морской дороги вокругъ Испаніи, пугавшей своими опасностями финикійцевъ, грековъ и римлянъ, старались избѣгать и въ позднѣйшее время Только съ 1317 г. начинаются регулярныя морскія поѣздки венеціанцевъ и генуэзцевъ къ берегамъ Англіи и Нидерландовъ; но и эти послѣднія не наносятъ еще существеннаго ущерба сухопутнымъ торговымъ сношеніямъ. Дѣло въ томъ, что къ этому времени уже обособилась внутренняя материковая торгово-географическая зона, которая, являясь въ торговлѣ посредницей, въ то же время имѣла и крупное самостоятельное торговое значеніе; зона эта охватывала западно-европейскія страны, лежащія въ глубинѣ континента далеко отъ Средиземнаго моря: верхнюю Германію, Рейнскую область, теперешнюю Бельгію (Фландрію и Брабантъ) и сѣверно-восточную Францію; эти внутреннія области съ своимъ густымъ, зажиточнымъ, сословно расчлененнымъ населеніемъ, съ своими широкими связями удерживали торговлю на ея старыхъ континентальныхъ путяхъ, на мѣстѣ ея первоначальнаго возникновенія.

Если торговое значеніе Италіи и выросло на почвѣ руководящей идеи міровой торговли, — на почвѣ ввоза тропическихъ продуктовъ въ страны умѣреннаго пояса, то во всякомъ случаѣ своимъ господствомъ на европейскомъ рынкѣ она обязана также и собственнымъ подтропическимъ продуктамъ, и еще больше своей ремесленной промышленности, развившейся на основахъ, заимствованныхъ изъ Византіи и съ Востока. Хозяйственное значеніе и благосостояніе континентальной внутренней зоны въ еще большей степени, чѣмъ Италіи, покоилось на развитіи ремесленной и распредѣлительной торговой дѣятельности, по сравненію съ которой добывающія отрасли производства отступали на задній планъ.

Напротивъ того, область, окружающая сѣверно-европейскія внутреннія моря, имѣла громадное значеніе для торговли естественными произведеніями всѣхъ тѣхъ странъ, рѣки которыхъ впадаютъ въ Балтійское

и Нѣмецкое моря. Благодаря низкому уровню цивилизаціи, указанныя страны образовали естественную область сбыта для ремесленныхъ произведеній болѣе развитыхъ народовъ и для драгоцѣнныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ другихъ зонъ и прошедшихъ уже черезъ руки многочисленныхъ посредниковъ. Подобнаго рода земли, богатыя продуктами, но бѣдныя культурой, нуждаются, пока не достигнутъ экономическаго совершеннолѣтія, въ коммерческой и вообще хозяйственной опекѣ. Благодаря своему географическому положенію и болѣе высокому уровню развитія городской жизни, нѣмцы нижней Германіи и колонизованной ими по правому берегу Эльбы должны были въ силу неустранимой исторической необходимости выступить въ роли хозяйственнаго опекуна надъ германскими, литовско-славянскими и финскими народностями сѣвера и востока Европы. Нѣмецкая Ганза взяла на себя и выполнила эту задачу, поскольку она вообще могла быть выполнена усиліями отдѣльныхъ, слабо связанныхъ между собою городскихъ общинъ, которыя, будучи предоставлены императоромъ и имперіей сами себѣ, должны были отражать враждебныя поползновенія феодальныхъ князей и бароновъ. Впрочемъ, для энтузіазма, который по Гете есть лучшее, что мы можемъ почерпнуть изъ исторіи, нѣмецкая Ганза даетъ очень мало повода. Буржуазная, республикански настроенная романтика окружила ее вымышленнымъ блескомъ и пустила въ оборотъ эпитеты, которые потомъ неизмѣнно повторяются всѣми историками-популяризаторами, какъ эпическія формулы. Однимъ изъ такихъ вѣчно повторяемыхъ эпитетовъ является напр. „грандіозная“; выраженіе, наиболѣе неподходящее для характеристики политики и всей вообще дѣятельности Ганзы. Въ эпическомъ и лирическомъ стилѣ, какъ и вообще во всемъ кругѣ представленій, выработанныхъ героическимъ рыцарскимъ вѣкомъ, мы не находимъ подходящаго выраженія для изображенія истиннаго смысла бюргерской исторіи. Неоднократно уже указывалась ошибка столь многихъ изъ нашихъ новеллистовъ города и деревни, а именно, что они по обычному недоразумѣнію вносятъ въ свои описанія чувства и мысли, порожденныя преданіями классической романтики, и такимъ образомъ разрушаютъ своеобразную грубую привлекательность тѣхъ отношеній, которыя они берутся обрисовать: ошибка, конечно болѣе простительная для новеллиста, нежели для историка. На послѣднемъ болѣе, чѣмъ на комъ либо другомъ, лежитъ обязанность отдать каждому историческому явленію только то, что дѣйствительно принадлежитъ ему по праву и, въ особенности, тщательно выяснить, чѣмъ каждое событіе хотѣло и могло быть.

Б. Сѣверная Европа до возникновенія Ганзы.

Связная исторія сѣверныхъ морей, а отчасти и омываемыхъ ими странъ начинается только со времени походовъ викинговъ (приблизительно 750—1050 гг.). Страшные морскіе и сухопутные разбойники скандинавскаго сѣвера были, какъ извѣстно, въ одно и то же время колонизаторами и основателями государствъ и произвели множество открытій. Жажда подвиговъ и ненависть къ зависимости, которую стремилась наложить на нихъ ростущая королевская власть, выгоняли ихъ далеко за границы обычнаго средневѣковаго мореходства. Они основали поселенія на Фарейскихъ островахъ и въ Исландіи, открыли и колонизовали Гренландію, гдѣ поселенія ихъ удержались до 1400 г., открыли наконецъ западный берегъ Сѣверной Америки до Флориды, не осѣдая тамъ прочно (см. т. I, стр. 349 и 419). Въ этой области, остававшейся вплоть до послѣдняго времени неизвѣстной остальной Европѣ, изъ первобытнаго сѣвернаго нарѣчія развился древне-исландскій языкъ, языкъ Эдды. Древне-норвежскій языкъ распространился изъ своей родины, Норвегіи, по островамъ Фарей-

скимъ, Гебридскимъ, Оркадскимъ, Шетландскимъ, по сѣверной Шотландіи до Ирландіи и Мэна, гдѣ онъ и удержался вплоть до XIV столѣтія, а на Оркадскихъ и Шетландскихъ островахъ даже до 1800 г. Наоборотъ, датскій языкъ, пустившій въ IX вѣкѣ корни въ восточной и южной Англіи, исчезъ тамъ уже въ XI вѣкѣ, а норманны, осѣвшіе по нижнему теченію Сены, утратили свое родное нарѣчіе около 1000 г. Равнымъ образомъ древне-шведскій языкъ, проникшій въ IX вѣкѣ въ Россію, удержался тамъ лишь до начала XI столѣтія. Въ широкой области, захваченной норманской колонизацией, сравнительно слабые по численности скандинавы вездѣ въ концѣ концовъ растворились среди болѣе сильнаго и болѣе цивилизованнаго населенія аборигеновъ; уже одно это является достаточнымъ доказательствомъ, что притокъ новыхъ элементовъ съ родины прекратился и выселеніе скандинавскихъ народностей остановилось.

Когда три сѣверныя государства вступили въ вѣкъ аграрнаго развитія, которое средняя Европа продѣлала тремя столѣтіями раньше, быстрѣе развившіеся народы уже достигли характеристическаго раздѣленія между деревней и городомъ: они уже достигли буржуазно-городской культуры. По мѣрѣ того, какъ затихало норманское пиратство, сѣверныя моря становились ареной мирной торговой дѣятельности, обладавшей для своей защиты лишь ничтожными средствами. Въ хозяйственно отсталыхъ странахъ, откуда вышли нѣкогда норманны, и въ тѣхъ, куда они внѣдрялись, передъ купцами-піонерами болѣе культурныхъ народовъ открывалось поле дѣятельности, которое не могла у нихъ оспаривать конкурренція тамошней отечественной торговли. Норвегіи, Швеціи, Даніи, Россіи и до извѣстной степени Британскимъ островамъ, вообще всей той области, которую захватывали походы викинговъ и въ которой были разсѣяны скандинавскія поселенія, было предназначено еще цѣлые вѣка нести на себѣ ярмо торговаго подданничества. Но то обстоятельство, что какъ разъ нѣмцамъ, именно нѣмцамъ нижней Германіи суждено было держать надъ сѣверной Европой жезлъ Меркурія въ качествѣ скипетра, не было еще ясно въ самой критическій моментъ, въ эпоху, когда прекратились походы викинговъ (XI столѣтіе). Событія, обезпечившія за Германіей руководящую роль, относятся лишь къ XII вѣку; въ одиннадцатомъ одинъ только фактъ благопріятствовалъ нѣмцамъ, а именно тотъ, что кромѣ нихъ не было въ Европѣ ни одной націи, способной взять въ свои руки руководительство сѣверной торговлей.

В. Народнохозяйственныя отношенія Англіи до появленія истерлинговъ*.

Что касается группы Британскихъ островъ и особенно Англіи, то уже въ XI, XII вѣкѣ они производили такое впечатлѣніе, что здѣсь почти не остается мѣста для позднѣйшихъ пришельцевъ. Однако среди многочисленныхъ чужестранцевъ, являвшихся сюда ради торговли, на ряду съ фламандцами, французами, итальянцами, уже сыздавна были и нѣмцы и именно сѣверозападные нѣмцы изъ рейнской области.

а) Внѣдреніе въ Англію нижнерейнскихъ купцовъ.

На сѣверѣ Англія была первою страною, вступившею съ нѣмцами въ морскія торговыя отношенія. „Нижнерейнская торговая область", говоритъ Карлъ Лампрехтъ, „имѣвшая своимъ центральнымъ пунктомъ Кельнъ, съ самаго начала имѣла особенный характеръ. Рейнъ въ его нижнемъ теченіи, точно такъ же, какъ и въ его соединеніи съ Маасомъ, повели-

* Easterlings — пришельцы съ востока; такъ назывались въ Англіи нѣмецкіе купцы съ береговъ Балтійскаго моря. См. слѣдующій отдѣлъ Г.

тельно указывалъ на море, на Фландрію, на Англію. Если области болѣе ранней собственно-нѣмецкой торговли были замкнуты въ себѣ, и торговля эта была главнымъ образомъ внутренней, то здѣсь потокъ торговыхъ сношеній выходилъ за узкія границы континента и, въ Лондонѣ, а также на материковомъ берегу Ламанша, встрѣчался съ послѣдними струями великаго восточнаго торговаго потока, изливавшагося чрезъ Средиземное море на франко-германскій сѣверъ. Нижнерейнская торговля первыхъ вѣковъ имперіи (до Штауфеновъ) была единственною интернаціональною торговлею Германіи, Кельнъ на Рейнѣ единственнымъ портовымъ городомъ государства. Эти отношенія были завязаны уже очень рано; и быть можетъ, кельнскіе купцы дѣйствительно имѣютъ право кичиться тѣмъ, что покровительство ихъ лондонской торговлѣ было оказано еще Карломъ Великимъ". Одинъ лондонскій статутъ временъ Этельреда II (около 1000 г.) перечисляетъ взносы, которые должны были дѣлать нѣмецкіе купцы, для того чтобы получить разрѣшеніе торговать въ Лондонѣ. Документальныя доказательства существованія союза кельнскихъ купцовъ въ Лондонѣ имѣются только начиная съ XII вѣка (1157 г.). Король Генрихъ II принимаетъ купцовъ подъ свое покровительство, въ какомъ бы пунктѣ страны они ни находились; въ другихъ документахъ упоминается объ ихъ торговлѣ виномъ на ряду съ французской и объ ихъ домѣ въ Лондонѣ. Ричардъ I Львиное сердце, по освобожденіи изъ плѣна и возвращеніи черезъ Кельнъ въ Англію (см. т. VI, картину: „Императоръ Генрихъ VI на высотѣ своего могущества"), даруетъ кельнскимъ купцамъ свободу отъ пошлинъ и налоговъ и даетъ имъ привилегію торговать во всей Англіи — а не въ одномъ только Лондонѣ — и посѣщать всѣ ярмарки. Распространялись ли права кельнской Ганзы на другіе рейнско-вестфальскіе города и насколько широко было участіе послѣднихъ въ этихъ правахъ, объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что уже позднѣе, когда имѣлся общій союзъ нѣмецкихъ купцовъ, кельнцы не перестаютъ требовать отъ англійскихъ королей подтвержденій ихъ исключительныхъ правъ; такимъ образомъ мы снова и снова встрѣчаемся съ обособленными стремленіями Кельна, хотя онъ уже присоединился къ обще-германской Ганзѣ.

Политика Плантагенетовъ была благопріятна иностраннымъ купцамъ, Такъ какъ въ средніе вѣка едва ли не единственнымъ руководящимъ принципомъ торговой политики былъ фискальный, то, естественно, англійскіе Генрихи и Эдуарды разсматривали иностранныхъ купцовъ только, какъ объектъ обложенія, источникъ доходовъ; въ XIV вѣкѣ иноземцы цѣнились королями, ибо давали возможность заключать займы. Англійскіе бароны и крупные землевладѣльцы, единственная сила, существовавшая тогда на ряду съ почти неограниченной королевской властью, также стояли на сторонѣ чужестранныхъ купцовъ противъ отечественныхъ. Политика англійскихъ городовъ, въ которыхъ какъ и на материкѣ власть принадлежала купеческимъ организаціямъ, устроеннымъ по типу гильдій, была направлена къ тому, чтобы не допустить къ внутреннему обращенію иностранцевъ, необходимыхъ для поддержанія ввоза и вывоза, другими словами, города стремились удержать въ своихъ рукахъ монополію внутренней торговли. Наоборотъ, англійская знать исходила изъ того взгляда, что отечественный купецъ при покупкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и при продажѣ иностранныхъ предметовъ роскоши отнимаетъ у нея ровно столько, сколько онъ самъ выигрываетъ въ видѣ дохода въ своей посреднической торговлѣ. Желая обходиться безъ посредниковъ, т. е. дороже продавать и дешевле покупать, землевладѣльцы высказывались за неограниченную свободу иностранной торговли на протяженіи всего королевства. Количество привилегій для отдѣльныхъ группъ иностранныхъ купцовъ—послѣднія назывались обыкновенно по имени ихъ родныхъ

городовъ—увеличивается въ теченіе XII и XIII столѣтій, и наиболѣе важною изъ нихъ считается право, гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно торговать въ предѣлахъ королевства. И такъ, прежде чѣмъ завязались торговыя сношенія съ нѣмецкимъ сѣверо-востокомъ, иностранные купцы уже получили въ Англіи права, которыя съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе неприкосновенными.

Кельнская ганза съ ея мѣстноограниченнымъ и уже во всякомъ случаѣ территоріальнымъ характеромъ была въ XIII вѣкѣ превзойдена купеческимъ союзомъ, который пріобрѣлъ для нѣмцевъ крупное значеніе въ качествѣ прототипа: это была лондонская ганза фламандскихъ городовъ (строго говоря, городовъ Фландріи и сѣверной Франціи). Сюда входили тѣ же города, которые выступали на величайшихъ ярмаркахъ того времени въ Шампани и Бри, какъ привилегированный союзъ; между лондонской ганзой и „ганзой 17 городовъ“ на французскихъ ярмаркахъ не существовало разницы. Лондонская ганза не была простымъ союзомъ фландрскихъ купцовъ, торгующихъ съ Англіей, не была слѣдовательно гильдіей или ганзой въ собственномъ смыслѣ этого слова, она представляла собою союзъ городовъ, купцы которыхъ ведутъ свои торговыя дѣла за границей. Въ тѣ времена, когда ремесленные цехи еще не пробились къ кормилу правленія, „купечество“ и „городъ“ были въ большинствѣ случаевъ равнозначущими понятіями; поэтому, когда ради коммерческихъ интересовъ купцы различныхъ городовъ расширяли свои прежніе отдѣльные союзы въ одинъ общій союзъ, это вело къ непосредственному союзному сближенію ихъ родныхъ городовъ.

Фландрскіе и сѣверно-французскіе города имѣли источникомъ своего существованія суконное производство и торговлю сукнами. Съ давняго времени (съ X и XI вѣка) значительную часть сырого матеріала они получали изъ Англіи; ея зеленѣющія сочной травой пастбища самой природой предназначены для скотоводства, особенно же для разведенія овецъ; благодаря влажному климату Англіи овечья шерсть достигаетъ тамъ рѣдкой тонкости, англійскій климатъ и теперь даетъ возможность выдѣлывать тончайшіе сорта хлопчато-бумажной пряжи. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій овечья шерсть являлась наиболѣе важнымъ предметомъ британскаго вывоза, во всякомъ случаѣ для фламандцевъ она была важнѣе британской мѣди, свинца и цинка, привлекавшихъ въ Англію еще народы древности и сохранившихъ извѣстное значеніе также для нѣмецкой, особенно вестфальской металлургической промышленности среднихъ вѣковъ. Обработанную шерсть въ формѣ вполнѣ уже законченнаго и окрашеннаго въ модные цвѣта сукна французско-фландрскіе города вывозили отчасти въ другія страны, отчасти назадъ въ Англію, суконная промышленность которой въ средніе вѣка ограничивалась почти исключительно производствомъ самыхъ грубыхъ сортовъ и только въ XVI вѣкѣ достигла полной самостоятельности. Таковы были тѣ важные и общіе интересы, которые заставили французско-фландрскіе города, причастные къ торговлѣ сукномъ и шерстью, прекратить взаимное соперничество и заключить союзъ для обоюдной защиты.

Впрочемъ союзъ преслѣдовалъ еще и другія цѣли, чрезвычайно характерныя для этой чисто купеческой и патриціатской организаціи: дѣйствительный производитель сукна, ремесленникъ не допускался въ силу взаимнаго соглашенія ни къ покупкѣ шерсти, ни къ продажѣ сукна; купцамъ должна была принадлежать двойная прибыль, хозяйственное и политическое господство надъ сословіемъ городскихъ ремесленниковъ. Съ презрѣніемъ смотрѣли гордые капиталисты на мелкихъ людей, живущихъ трудами рукъ своихъ, да еще имѣющихъ порой, какъ напр., красильщики, голубые ногти. Только тотъ, кто уже не долженъ былъ изо дня въ день трудиться въ своемъ ремеслѣ, могъ купить себѣ право занимать выборныя

должности въ родномъ городѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ право вступить въ ганзу. Вступительный взносъ достигалъ въ такихъ случаяхъ 30 шиллинговъ 3 пфенниговъ, тогда какъ сынъ члена ганзы платилъ только 5 шиллинговъ 3 пфеннига. Расцвѣтъ лондонской ганзы фламандцевъ относится къ XIII вѣку; впослѣдствіи дѣла ея пошли на убыль и не столько отъ возвышенія стремившейся по ея стопамъ нѣмецкой Ганзы, сколько отъ возникновенія англійской гильдіи оптовой торговли (штапельная гильдія) и товарищества Merchant adventurers (см. ниже, стр. 60), которыя поставили своей задачей націонализовать торговлю шерстью и сукномъ и, слѣдовательно, вытѣснить изъ этой области иностранцевъ. Какъ бы то ни было, огромное значеніе имѣло уже то обстоятельство, что изъ старыхъ гильдій и ганзъ иностранныхъ купцовъ, жившихъ въ одномъ и томъ же городѣ чужой страны, и надъ этими организаціями стараго типа, возникъ союзъ многихъ городовъ, на который и перешло названіе „Ганза“. Въ ганзахъ германскаго происхожденія каждый отдѣльный членъ сохранялъ за собою собственный рискъ и страхъ, пользуясь однако, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, правами и преимуществами, принадлежащими всѣмъ компаньонамъ.

б) Возрастаніе южноевропейскихъ вліяній.

На европейскомъ югѣ, который уже въ XII столѣтіи началъ распространять свое вліяніе на среднія и сѣверныя области Европы, создался теперь иной типъ купеческой ассоціаціи. Устремлявшійся послѣ крестовыхъ походовъ съ юга на сѣверъ потокъ товаровъ изъ Индіи, Леванта и Италіи становился теперь все шире. До крестовыхъ походовъ для восточной торговли существовалъ также обходный путь черезъ Россію къ Балтійскому морю. Продолженіе его въ направленіи съ востока на западъ можно прослѣдить вплоть до Англіи. Въ этомъ сравнительно древнемъ періодѣ чужеземные продукты приносились на сѣверъ также изъ южной Франціи. Въ тѣ времена Германія не только не пересѣкалась, но даже не затрагивалась путями міровой торговли. Эти пути обходили ее; то была эпоха злополучнаго „путевого четыреугольника“: Средиземное море, Франція, Сѣверное и Балтійское моря, Россія. Вплоть до XII столѣтія Германіи пришлось нести всѣ тяжелыя послѣдствія своего невыгоднаго положенія къ путямъ міровой торговли. К. В. Ницшъ, открывшій этотъ путевой четыреугольникъ, вполнѣ основательно приписываетъ хозяйственную отсталость Германіи, долгое господство въ ней натуральнаго хозяйства и поздній переходъ къ денежному, тому обстоятельству, что Германія долго не участвовала въ міровой торговлѣ. Въ XII и XIII столѣтіи наступаетъ переворотъ. Южные продукты, стекавшіеся въ итальянскіе торговые города, нуждались въ кратчайшей и наиболѣе безопасной дорогѣ къ рынкамъ средней и сѣверной Европы; такая дорога должна была пересѣкать Германію. Еще одинъ разъ массы товаровъ наводнили французскія ярмарки и города Фландріи; и тогда то и наступило ихъ окончательное распредѣленіе и разсѣяніе.

Каковы бы ни были перевороты, постигшіе Европу, какова ни была борьба, которую Европа вела за высшія, идеальныя блага человѣчества, все же народы романски-германскаго языка не сумѣли остаться чуждыми погонѣ за матеріальными возбуждающими и услаждающими средствами, производимыми болѣе счастливыми въ климатическомъ отношеніи странами; самые мощныя, дѣвственныя, неиспорченныя племена терпѣли пораженія въ борьбѣ съ грубымъ искушеніемъ, даже христіанство и аскетизмъ не могли освободить человѣчество отъ сластолюбія, этого основного грѣха, унаслѣдованнаго отъ прародительницы Евы, этого корня неисчислимыхъ бѣдствій и зла. Въ то же время, можно прибавить, это былъ корень безконечныхъ проявленій человѣческой энергіи; ибо побудительныя причины

всѣхъ открытій, колонизацій, завоеваній, общественныхъ учрежденій, которыя призваны были облегчать народамъ, живущимъ внѣ тропическихъ и подтропическихъ странъ, пріобрѣтеніе возбуждающихъ и услаждающихъ снадобій этихъ зонъ, теряются въ темной области всевозможныхъ физіологическихъ и психо-физическихъ процессовъ. Сколько силъ надо было приложить, сколько затратить труда, сколько перенести лишеній, чтобы страны умѣреннаго пояса могли принести ту дань, которую они сами на себя наложили, въ погонѣ за блаженствомъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній, за возбужденіемъ и забвеніемъ.

Средневѣковой міръ, также какъ и античный, уплачивалъ сальдо своей индійской торговли, какъ мы кратко будемъ называть ее, наличными деньгами, чистымъ золотомъ. И только изобрѣтательности итальянцевъ удалось уменьшить этотъ сальдо по сравненію съ суммою всего товарообмѣна, пока до XV столѣтія европейскіе и съ XVI столѣтія также и американскіе горные пріиски не сдѣлали нечувствительнымъ отливъ благороднаго металла въ тропическія страны, откуда ему не могло уже быть возврата. Въ сношеніяхъ съ восточными странами, съ Византіей и исламомъ, всѣми этими областями съ невыдержанною золотою, или даже двойною валютою, итальянцы, провансальцы и каталонцы пріобрѣли ту торговую технику и виртуозность въ денежныхъ дѣлахъ, которою они опередили остальныхъ европейцевъ.

Когда же итальянцы двинулись съ южными товарами на сѣверъ, они повсемѣстно распространили вмѣстѣ съ тѣмъ свою развитую торговую технику, но первоначально, какъ исключительно ихъ личное пріобрѣтеніе, какъ тайну, какъ искусство, для усвоенія котораго туземцы не обладали еще надлежащею зрѣлостью. Къ XII вѣку въ Италіи выработались уже два типа торговаго общества, комменда, исходная форма позднѣйшаго „замкнутаго общества“ и комиссіонной торговли, и „открытое общество“; въ XIV в. къ этому присоединилось еще акціонерное общество, возникшее изъ судостроительныхъ товариществъ и союзовъ кредиторовъ государственной казны. Подобнаго рода товарищества существовали не только на ихъ родинѣ, но и на чужбинѣ, гдѣ крупнѣйшія фирмы были уже представлены своими факторами и агентами; хотя, вообще говоря, организація средневѣковой торговли требовала непосредственнаго личнаго присутствія купца. На сѣверѣ Европы точно такъ же, какъ на востокѣ, итальянцы учредили свои консулаты; они имѣли тамъ свои кварталы и собирались въ опредѣленныхъ мѣстахъ чужестранныхъ городовъ, какъ у себя на родинѣ, на Ріальто или въ лоджіяхъ (галлереяхъ) гильдейскихъ и городскихъ зданій. Въ этихъ регулярныхъ собраніяхъ, занимавшихся главнымъ образомъ денежными и вексельными сдѣлками, мы должны видѣть зачатки современной биржи.

Несомнѣнно, итальянцы или, какъ ихъ обыкновенно называли, ломбардцы, избѣжали бы нападокъ и не навлекли бы на себя ненависти туземнаго населенія, если бы они не пустились въ сомнительную область ссудныхъ операцій и ростовщичества. Здѣсь лежала та пограничная линія, которая отдѣляла тогда христіанина отъ не-христіанина, тотъ предѣлъ, который тогдашній вѣкъ съ его натурально-хозяйственнымъ укладомъ мысли, съ его заботами о слабыхъ и о массѣ потребителей, старался воздвигнуть на пути денежнаго хозяйства, капитализма, торговаго кредитнаго посредничества. Инстинктъ самосохраненія въ этомъ натурально-хозяйственномъ организмѣ былъ настолько могущественъ, что привлекъ для своей защиты религію: церковь запретила взимать проценты при денежныхъ ссудахъ и старалась провести это запрещеніе въ жизнь, угрожая нарушителямъ самыми строгими наказаніями. Однако въ тотъ періодъ, когда южные европейцы явились на сѣверъ, ссуды подъ проценты или ростовщическія сдѣлки — тогда не различали этихъ терминовъ — были уже въ полномъ ходу. Эта сфера дѣятельности, запрещенная христіанамъ, повсе-

мѣстно стала привилегіей евреевъ, участвовавшихъ также и въ торговлѣ. Правда, какъ разъ въ то время, когда коммерческое господство южной Европы начало распространяться на сѣверную и сѣверо-западную часть материка, денежное господство евреевъ сломилось уже подъ напоромъ народной ненависти, вызванной религіозными и экономическими мотивами. Южные европейцы заступили мѣсто евреевъ. Обладая значительными капиталами, они тотчасъ же добились господства на денежномъ рынкѣ бѣдныхъ капиталами странъ; но они не могли избѣжать искушенія стать счастливыми преемниками евреевъ въ доходной области денежныхъ ссудъ, а въ отдѣльныхъ странахъ выступить до поры до времени ихъ соперниками. Для евреевъ наступилъ мучительный переходный періодъ, въ теченіе котораго государи не давали имъ погибнуть окончательно и даже поддерживали ихъ денежныя предпріятія, лишь для того, чтобы затѣмъ хронически эксплуатировать ихъ и въ извѣстные, планомѣрно разсчитанные, промежутки времени подвергать ихъ настоящему грабежу; въ концѣ концовъ они все же бывали изгоняемы. Особенно въ Англіи они испытали при первомъ Плантагенетѣ всѣ превратности высочайшаго королевскаго покровительства; ихъ окончательное изгнаніе послѣдовало при Эдуардѣ I въ 1290 году.

Еще задолго до этого времени христіане, ссужавшіе деньги, или попросту ростовщики навлекли на себя ненависть старой Англіи; это были пользовавшіеся самой дурной славой во всей Европѣ „кагорцы", терминъ, подъ которымъ понимались не только жители Кагора, но и вообще южные европейцы, впослѣдствіи-же такъ стали называть всѣхъ профессіональныхъ ростовщиковъ безъ разбору. „Кагорцы", разсказываетъ въ своей „Экономической исторіи Англіи" Эшли, „впервые явились въ Англіи въ 1235 году: въ качествѣ „папскихъ купцовъ", т. е. съ цѣлью помочь взиманію папскихъ сборовъ въ Англіи и отсылать затѣмъ собранныя деньги въ Римъ". Именно поэтому съ кагорцами трудно было что либо подѣлать; тѣмъ не менѣе они „и преимущественно сіенцы" (доказательство, насколько широко было уже понятіе „кагорцы") въ 1240 году были высланы королемъ Генрихомъ III. Однако это не помогло: въ дѣйствительности они остались въ странѣ, обзавелись собственностью, и продолжали вести свои предпріятія, ничѣмъ не отличающіяся отъ еврейскаго ростовщичества. Только въ XIV вѣкѣ, когда появились крупныя ломбардскія фирмы (подъ ломбардцами слѣдуетъ понимать вообще итальянцевъ, особенно же флорентинцевъ), болѣе старая группа южно-европейскихъ ростовщиковъ, кагорская, оттѣсняется на задній планъ. Новые банкирскіе дома, Барди, Перуцци, Фрескобальди и т. д., стали кредиторами казны, и это имѣло роковое значеніе для нихъ и для благосостоянія ихъ родины, когда Эдуардъ III оказался не въ состояніи выполнять свои обязательства (1339 г.).

Г. Истерлинги („восточники") въ Англіи.

Къ кельнцамъ, французамъ, фламандцамъ, итальянцамъ, испанцамъ, скандинавамъ въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIII вѣка присоединились „восточники" (easterlings), т. е. люди, явившіеся въ Англію съ нѣмецкихъ береговъ Балтійскаго моря. Если слово стерлингъ образовалось изъ easterling, то несомнѣнно, это послѣднее слово уже ранѣе вошло въ употребленіе. Монетный терминъ „истерлингъ" стоитъ въ связи съ достопамятной денежной реформой Генриха II.

Въ средніе вѣка Англія одна среди западно-европейскихъ государствъ обладала единообразно регулированной монетной системой, — обстоятельство, которое даетъ намъ представленіе о высокомъ могуществѣ англійской королевской власти. Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ право чеканить монету перешло въ руки духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ и городовъ, въ Англіи корона сумѣла сохранить за собой монетную привилегію.

Упорядоченное монетное дѣло облегчало, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее обращеніе, хотя при этомъ нерѣдко обнаруживался недостатокъ денегъ у мѣнялъ, необходимыхъ иностранцамъ для обмѣна привезенныхъ съ родины денегъ на англійскія, такъ какъ иностранная монета не обращалась въ Англіи. Съ другой стороны принимались мѣры, чтобы англійскія деньги не отливали изъ страны: всѣ, отплывающіе заграницу, должны были въ гавани обмѣнять отечественныя деньги на иностранныя. При Генрихѣ II (около 1180 г.) монетная система Англіи возвратилась къ полновѣсному каролингскому фунту серебра. Серебряный пфеннигъ (penny), единственную дѣйствительную денежную единицу страны, стали чеканить теперь не по образцу легкаго западно-франкскаго или французскаго фунта (livre Tournois), а по образцу восточно-франкскаго, сохранившагося еще въ германской имперіи, фунта Карла Великаго: 240 пфенниговъ изъ фунта серебра, каждый пфеннигъ вѣсомъ въ 32 зерна пшеницы ($22^1/_2$ грана); „фунтъ" же, „марка", „шиллингъ" вплоть до Тюдоровъ являлись просто разсчетными единицами. Тяжелый, по восточно-франкскому образцу вычеканенный пфеннигъ назывался „sterling penny" (= easterling penny).

Но съ конца XII вѣка въ Англіи появляются и живые истерлинги, пришельцы съ востока, обитатели нѣмецкой колоніальной области, только что выросшей на берегу Балтійскаго моря. „Восточники" вѣроятно уже очень скоро получили крупное значеніе; по крайней мѣрѣ, наслѣдственно-привилегированная кельнская ганза, такъ наз. „Gildhalle", выступила противъ нихъ съ такою враждебностью, что любекцы принуждены были просить о заступничествѣ императора Фридриха II; послѣдній сдѣлалъ кельнцамъ выговоръ за ихъ поведеніе и указалъ имъ на то, что новые пришельцы имѣютъ такое же право находиться въ Англіи, какъ и они. Равнымъ образомъ Плантагенеты начинаютъ давать привилегіи уже не отдѣльнымъ нѣмецкимъ городамъ, какъ Кельну или Брауншвейгу, но всѣмъ купцамъ „императора Аллеманіи и герцога Саксоніи". Мало-по-малу выработалось важное для чужестранцевъ понятіе „нѣмецкаго купца", вообще предполагавшее извѣстную сумму правъ и рядъ общихъ интересовъ.

Тѣмъ временемъ сильно развилась и та торговля, которую лежащіе на Нѣмецкомъ морѣ города, Бременъ, Эмденъ, Гамбургъ и др., поддерживали съ Британскими островами. Въ 1266 году гамбургцы получили право подъ условіемъ уплаты опредѣленныхъ пошлинъ образовать особую ганзу, годъ спустя этого же добились любекцы. Такъ какъ болѣе тѣсный союзъ, заключенный любекцами и гамбургцами ради ихъ отечественныхъ интересовъ, сдѣлалъ ихъ союзниками и на чужбинѣ, такъ какъ далѣе Кельнъ былъ ослабленъ внутреннею смутою, то метрополія рейнской области не въ силахъ была больше противодѣйствовать общегерманской политикѣ, три ганзы поэтому стали одной, три факторіи слились въ одну (1282 г.). Мѣстомъ соединенія нѣмецкихъ купцовъ въ Лондонѣ и вообще въ Англіи становится отнынѣ расположенный на берегу Темзы „стальной дворъ" (steelyard), рядъ строеній, которыя наслѣдники ганзейскаго имени, еще и понынѣ такъ наз., „ганзейскіе" города, удерживали въ своемъ владѣніи вплоть до 1853 года. Съ внѣшней стороны ни этотъ ганзейскій дворъ, ни другія аналогичныя учрежденія, гдѣ бы они ни находились, — въ Брюгге, Бергенѣ, Новгородѣ, — не представляли заманчивой картины. Стѣны окружали ганзейскую территорію и тяжелыя ворота всегда старательно запирались съ наступленіемъ ночи. Только со стороны Темзы дворъ былъ открытъ; къ рѣкѣ вела лѣстница; пристань и подъемный мостъ служили для разгрузки товаровъ, подвозимыхъ морскими кораблями къ самому двору. Магазины, кладовыя, жилыя помѣщенія и спальни находились внутри этой по монастырски устроенной обители; монашескій уставъ царилъ какъ среди тѣхъ, которые временно останавливались на дворѣ, такъ и среди постоянныхъ служащихъ; послѣдніе давали обязательство въ те-

ченіе десяти лѣтъ своей службы оставаться неженатыми. Только въ „большой залѣ“ (общей столовой) да въ „рейнскомъ шинкѣ“ пульсировала болѣе веселая жизнь, тамъ имѣлъ право выпить хорошій стаканчикъ вина и лондонскій обыватель, не наложившій еще на себя обѣта воздержанія. Въ этомъ царствѣ самодовлѣющей дѣловой прозы для поэзіи былъ оставленъ лишь ничтожный уголокъ, — маленькій садикъ; да и то преобладаніе въ немъ плодовыхъ деревьевъ и виноградника показывало, что владѣльцы „двора“ цѣнили фрукты выше, нежели менѣе пригодныя къ непосредственному потребленію прелести природы.

Постараемся теперь ясно представить себѣ, чего достигли въ Англіи нѣмцы къ концу XIII столѣтія. Наиболѣе важное пріобрѣтеніе состояло въ заключеніи союза интересовъ и правъ между купцами различныхъ городовъ, которые были защищены противъ враждебной замкнутости англійскихъ муниципалитетовъ правомъ свободнаго проѣзда и свободной торговли по всей Англіи и обладаніемъ своими собственными самоуправляющимися факторіями; но въ то же время города эти не пользовались никакими правами, превышающими права другихъ чужестранныхъ товариществъ, не говоря уже о какой бы то ни было монополіи. На отечественные города объединеніе пребывающихъ заграницей гражданъ дѣйствовало также сплачивающимъ образомъ, ибо чужестранные государи обыкновенно выдавали свои грамоты цѣлымъ городамъ, а не имѣвшимся въ данный моментъ на лицо отдѣльнымъ купцамъ и купеческимъ товариществамъ. Городъ и его заграничное купечество объединялись въ одномъ понятіи, такъ что каждый купецъ даннаго города, попавъ въ Англію, пользовался одинаковыми правами. Это и понятно: купцы, остававшіеся заграницей, и правящіе въ ихъ родномъ городѣ знатные роды принадлежали къ одному и тому же соціальному слою. При случаѣ весь городъ долженъ былъ выступать на защиту своихъ земляковъ, живущихъ и торгующихъ заграницей; а отъ такого единичнаго акта былъ всего одинъ шагъ до общаго дипломатическаго, а въ случаѣ надобности и военнаго вмѣшательства нѣсколькихъ городовъ, связанныхъ между собою интересами и привилегіями. Съ полнымъ правомъ принимаютъ обыкновенно что изъ товариществъ нѣмецкихъ купцовъ заграницей, какіе существовали напримѣръ въ Англіи, образовался тотъ обширный союзъ южно-германскихъ городовъ, который впослѣдствіи получилъ названіе Ганзы вообще. Но это лишь одинъ изъ корней, одинъ изъ многочисленныхъ источниковъ происхожденія ганзейскаго союза.

Д. **Нѣмцы въ Висби и Новгородѣ.**

На востокѣ сѣверной Европы объединительная работа купцовъ и торговыхъ городовъ шла быстрѣе, нежели на западѣ. Закладка второго, именно восточнаго, — краеугольнаго камня нѣмецкаго торговаго могущества произошла въ области, существенно отличной отъ западной Европы: она произошла не среди германцевъ или романцевъ, а среди славянъ, смѣшанныхъ съ финскими элементами, не среди сторонниковъ той же самой церкви, а среди схизматиковъ, наконецъ въ области распространенія не латинской, а греческой культуры, въ странахъ полуцивилизованныхъ, трудно доступныхъ, различныхъ по климату и враждебно настроенныхъ. Правда, въ этихъ странахъ, отмѣченныхъ уже съ XII вѣка непрерывнымъ поступательнымъ движеніемъ нѣмецкаго воина, пастора, поселянина, дорога для нѣмецкаго купца неоднократно расчищалась другими силами, но онѣ же снова загромождали ее, такъ что въ концѣ концовъ здѣсь въ гораздо большей степени, чѣмъ въ благоустроенной, управляемой сильной королевскою властью Англіи, купцы были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, могли разсчитывать только на самопомощь

и самозащиту, единодушіе въ предпріятіяхъ, на взаимныя соглашенія, договоры, обмѣнъ услугъ.

Къ наиболѣе раннимъ поселеніямъ нѣмецкихъ купцовъ за границей принадлежалъ Висби, главный городъ шведскаго острова Готланда. Этотъ Висби былъ оживленнымъ торговымъ городомъ еще въ тѣ времена, когда на Балтійскомъ морѣ господствовали славяне и датчане. Въ XII столѣтіи тамъ осѣло значительное число нѣмцевъ, главнымъ образомъ вестфальцевъ; тѣ же вестфальцы явились вѣдь и въ Англіи піонерами нѣмецкой торговли. Еще и въ наше время на развалинахъ Висби можно распознать вліяніе вестфальскаго стиля. „Кто подъѣдетъ на кораблѣ къ скалистому западному берегу Готланда", пишетъ Дитрихъ Шеферъ, „и такимъ образомъ снизу броситъ взглядъ на разстилающійся по берегу городъ, тотъ будетъ пораженъ его въ высшей степени интереснымъ своеобразнымъ видомъ. На высотахъ тянется старая, въ общемъ прекрасно сохранившаяся стѣна; изъ 48 башенъ, которыя она когда то насчитывала, 38 почти совершенно не разрушены и поднимаются до ихъ первоначальной высоты въ 60 — 70 футовъ. Широкую площадь включаетъ въ себя эта охватывающая городъ съ трехъ сторонъ — только морская сторона остается свободной — стѣна, протяженіе которой равняется 11,200 футамъ. Висби имѣлъ такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ размѣры Любека. Мощно возвышается еще и теперь надъ остальной массой домовъ старая нѣмецкая церковь св. Дѣвы Маріи, обезображенная къ сожалѣнію башенными шпицами, воздвигнутыми на ней въ XVIII вѣкѣ. Изъ 18 церквей, которыя когда то насчитывалъ Висби, это единственная, оставшаяся въ употребленіи; отъ десяти другихъ сохранились болѣе или менѣе замѣтные остатки, представляющіе въ нѣкоторой своей части великолѣпнѣйшія развалины, какія только можно встрѣтить. Мощный фронтонъ церкви св. Николая, принадлежавшей Чернымъ монахамъ, сохранилъ обѣ большія, двѣнадцатилистныя розетки, откуда согласно народному сказанію громадные камни—карбункулы нѣкогда указывали мореходу въ ночное время городъ и путь въ гавань. Не игралъ ли этотъ высоко поднимающійся фронтонъ дѣйствительно роли маяка? Конечно Висби никогда не былъ такъ великъ, какъ это утверждаетъ одинъ изъ его панегиристовъ XVII столѣтія, насчитывающій тамъ 12,000 гражданъ изъ однихъ купцовъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ (кромѣ всѣхъ остальныхъ ремесленниковъ), говорящій о его предмѣстьяхъ, тянущихся на сѣверъ и на югъ на протяженіи часа ходьбы; тѣмъ не менѣе въ эпоху своего расцвѣта въ средніе вѣка Висби несомнѣнно могъ поспорить съ крупнѣйшими городами Балтійскаго побережья".

Подобно Кальмару и Стокгольму, въ Висби были смѣшанное, нѣмецко-шведское населеніе. Нѣмцы не жили тамъ въ отдѣльной факторіи, гильдейскомъ домѣ или дворѣ, какъ это было въ Лондонѣ и Бергенѣ. Поэтому въ Висби не образовалось никакой замкнутой организаціи, никакого экстерриторіальнаго самоуправляющагося союза нѣмецкихъ купцовъ. Тѣмъ не менѣе нѣмцы не смѣшивались съ готландцами. Отъ потери своей народности, отъ растворенія среди мѣстныхъ жителей ихъ защищало уже враждебное отношеніе туземцевъ. Ибо въ балтійскихъ водахъ готландцы были первыми мореходами, въ прибалтійскихъ странахъ первыми купцами. Имъ приходилось такимъ образомъ защищать свои болѣе старыя права и интересы. Даже въ Германіи готландскіе купцы, покровительствуемые королями и князьями, явились раньше, нежели нѣмецкіе купцы въ Висби. Задолго до появленія нѣмцевъ готландцы поддерживали сношенія съ Россіей; и сами русскіе появлялись въ Висби и имѣли даже тамъ свой собственный храмъ. Съ своей стороны готландцы имѣли дворъ и церковь — то и другое имени св. Олафа — въ важнѣйшемъ торговомъ городѣ сѣверной Россіи, Великомъ Новгородѣ. Благодаря этимъ давно уже существовавшимъ связямъ между Готландомъ и Великимъ Новгородомъ, гот-

ландскіе нѣмцы также проникли въ послѣдній и пріобрѣли тамъ себѣ дворъ св. Николая.

Вступленіе Россіи въ балтійскую торговлю было событіемъ, въ высшей степени важнымъ и знаменательнымъ. Оно относится къ началу XII столѣтія. Правда, еще во времена Генриха II и Салійцевъ рейнскіе и верхнегерманскіе (регенсбургскіе) купцы вели торговлю съ Кіевомъ, великимъ центромъ южной Россіи. Въ Кіевѣ концентрировалась русская торговля съ припонтійскими странами и греческой имперіей; онъ сбывалъ въ страны, съ которыми велъ торговлю, индійскіе, восточные, византійскіе товары. Въ XI столѣтіи дорога на Кіевъ черезъ Польшу еще была выгодна нѣмцамъ, хотя по причинамъ политическаго характера ею часто бывало невозможно пользоваться; но по меньшей мѣрѣ съ конца XII вѣка цѣнные товары Востока гораздо дешевле и легче стало доставлять черезъ Италію. Однимъ словомъ сухопутная торговля верхнихъ нѣмцевъ съ Россіей, всегда носившая случайный характеръ, совершенно прекратилась на цѣлыя столѣтія. Тѣмъ болѣе блестящимъ былъ расцвѣтъ нижнегерманской торговли съ Россіей со стороны Балтійскаго моря.

Одинъ первобытно-этнографическій фактъ благопріятствовалъ нѣмцамъ въ расширеніи ихъ колонизаторской и торговой дѣятельности въ области Балтійскаго моря. Въ то время какъ родственныя нѣмцамъ племена сѣвера, полновластно господствовавшія тогда на морѣ, въ теченіе всего позднѣйшаго средневѣковья оставались серьезными противниками ганзейскихъ мореходовъ, русскіе славянскаго происхожденія были тогда столь же чужды мореходству, какъ и теперь. И все же великороссійское государство было основано варягами, т. е. викингами норманнами. Но за то какъ быстро мореходы-варяги подверглись ассимиляціи! Имъ на перекоръ славянскій Востокъ Европы сохранилъ свое расовое отвращеніе къ соленой водѣ. Правда, русскіе много разъ пытались играть роль въ балтійской торговлѣ на своихъ собственныхъ корабляхъ; но нѣмцамъ и скандинавамъ каждый разъ удавалось снова вытѣснить ихъ съ моря.

Рядомъ съ готландцами и готландскими нѣмцами въ послѣдней четверти XII вѣка въ прибалтійской Россіи появились странствующіе купцы изъ Германской имперіи, изъ Любека и другихъ балтійскихъ городовъ, а также изъ городовъ, лежащихъ внутри страны и въ области, прилегающей къ Нѣмецкому морю, для которыхъ Любекъ былъ безусловно необходимымъ посредническимъ пунктомъ. Всѣ они стремились по возможности въ Naugarden; такъ нѣмцы называли Великій Новгородъ, въ то время какъ у скандинавовъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Holmgard. Здѣсь около церкви св. Петра, построенной въ 1184 году, образовалось поселеніе нѣмецкихъ купцовъ; подъ названіемъ „Двора св. Петра" оно стяжало себѣ историческую извѣстность. Съ нимъ въ скорости соединился, основанный готландскими нѣмцами, дворъ св. Николая, постройки котораго были при этомъ проданы. Дворы чужестранныхъ купцовъ лежали по правому берегу Волхова, раздѣлявшаго старый Новгородъ на двѣ, обнесенныя стѣнами, половины, торговую сторону по правому и софійскую по лѣвому берегу. На торговой сторонѣ находилась также церковь Іоанна Предтечи — мѣсто собраній новгородскаго крупнаго купечества. По имени этого святого была названа гильдія новгородскихъ купцовъ, основанная приблизительно въ 1130 году. На дворѣ около церкви засѣдалъ совѣтъ по торговымъ дѣламъ и купеческій судъ. Здѣсь же должны были искать правосудія русскіе и нѣмцы, если между ними возникали споры. Въ общемъ городъ, съ его огромными внѣшними владѣніями, былъ скорѣе республикою, чѣмъ монархіей, хотя во главѣ его и стояли избираемые народомъ князья. Вѣче, или народное собраніе, рѣшало всѣ важнѣйшіе вопросы. Новгородъ, какъ и многіе другіе города внутренней Россіи, соединенъ съ моремъ непрерывною водною дорогою. Отъ Финскаго

залива корабли направлялись въ Неву и Ладожское озеро до устья Волхова. Здѣсь нужно было покинуть глубоко-сидящія балтійскія суда и путешествіе продолжалось на болѣе легкихъ судахъ, которыя и доходили до самаго Новгорода. По этому пути, длиною приблизительно въ 150 километровъ, пріѣзжали сюда ежегодно двѣ партіи нѣмецкихъ купцовъ, зимняя и лѣтняя. Правда, были и сухопутныя дороги въ Новгородъ, но сухопутные торговцы пользовались меньшимъ вліяніемъ, нежели морскіе, и должны были уступить послѣднимъ мѣсто въ ганзейскихъ дворахъ.

Великій Новгородъ былъ не единственнымъ русскимъ городомъ, доступнымъ нѣмцамъ или, какъ ихъ называли въ странѣ греческаго православія, латинцамъ. Черезъ Ригу, основанную въ 1201 году, и уже въ теченіе двухъ десятилѣтій достигшую самостоятельнаго торговаго значенія, нѣмецкіе купцы ѣздили по Двинѣ до Полоцка и Витебска. Отъ Витебска они перебирались черезъ узкій водораздѣлъ къ Днѣпру до Смоленска, гдѣ въ ихъ владѣніи находились нѣмецкіе дворы, дома и одна церковь; въ Смоленскихъ грамотахъ упоминаются горожане Висби, Любека, Бремена, Зеста, Дортмунда, Гронингена и т. д. Но наиболѣе важнымъ мѣстомъ нѣмецко-балтійской торговли послѣ Новгорода былъ, находившійся отъ него вплоть до XIV вѣка въ зависимости, Псковъ (Pleskow), куда можно было добраться по Наровѣ, Чудскому озеру и рѣчкѣ Великой. Такъ какъ нѣмцы не имѣли права вступать въ городъ, они построили себѣ торговый дворъ въ одномъ изъ псковскихъ предмѣстій.

За предѣлами прибалтійской области торговля нѣмецкихъ и готландскихъ купцовъ наталкивалась на препятствія. Они не добились здѣсь права свободныхъ поселеній какъ въ Англіи, такъ какъ русскіе купцы, опираясь на свою товарищескую организацію и на враждебное иностранцамъ настроеніе народа, не выпускали изъ своихъ рукъ монополію внутренней торговли. Туземные мелкіе торговцы и даже самъ князь новгородскій были вынуждены при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными купцами пользоваться услугами русскихъ посредниковъ. Только церковь непосредственно сносилась съ чужестранцами. Нигдѣ нѣмцы не попали съ самаго начала въ такое тяжелое положеніе, какъ въ Новгородѣ. Здѣсь постоянная опасность требовала возможно болѣе тѣснаго союза и строжайшей дисциплины. Еще въ XII столѣтіи появилась древнѣйшая кодификація внутреннихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ нѣмецкомъ дворѣ, такъ называемая новгородская „Skrâ“, впослѣдствіи неоднократно пополнявшаяся и измѣнявшаяся. Первоначально выбирались два ольдермана, старшины двора св. Петра, по одному изъ зимней и лѣтней партіи купцовъ, прибывавшихъ во дворъ, причемъ не обращалось вниманія на то, какой былъ ихъ родной городъ; кассовые остатки отсылались въ казну св. Петра при церкви св. Дѣвы Маріи въ Висби, и совѣтъ нѣмецкихъ купцовъ на Готландѣ былъ аппеляціонной инстанціей для сомнительныхъ юридическихъ случаевъ. Крупнымъ успѣхомъ Любека было то, что въ теченіе XIII столѣтія ему удалось пріобрѣсти руководящую роль внутри Новгородской факторіи. Отнынѣ должности ольдермановъ замѣщаются попеременно любекцами и висбійцами; ольдерманы несутъ отвѣтственность только передъ своими родными городами, хотя власть перваго ольдермана распространялась на жизнь и смерть подчиненныхъ ему гражданъ. Что касается кассовыхъ остатковъ, то они направлялись теперь въ Любекъ, и Любекскій совѣтъ господъ, авторитетъ котораго царилъ во всѣхъ балтійскихъ колоніяхъ, сдѣлался для новгородской факторіи единственной аппеляціонной инстанціей въ сомнительныхъ юридическихъ вопросахъ. Не безъ сопротивленія удалось Любеку осуществить свои притязанія; также и власть его надъ пригородами неоднократно оспаривалась; особенно энергично старалась вырвать у Любека роль вождя честолюбивая глава ливонскихъ городовъ, Рига.

Уже въ теченіе XIII столѣтія отношенія между русскими и нѣмецкими купцами не разъ настолько ухудшались, что нѣмецкіе города вынуждены были примѣнять крайнее средство борьбы, **торговый бойкотъ**, т. е. прекращеніе какихъ бы то ни было сношеній съ бойкотируемой страной; такъ было напримѣръ, въ 1268—69 году. Такъ какъ русскіе, вынужденные уступить, выполнили требованія нѣмцевъ, поѣздки въ Новгородъ въ 1270 году возобновились. Переговоры велъ Любекъ черезъ своихъ пословъ. Итакъ, на восточномъ театрѣ нѣмецкой торговли Любекъ впервые пріобрѣлъ руководящую роль, къ которой онъ стремится затѣмъ повсемѣстно. Въ 1278 году, когда торговый бойкотъ противъ Россіи былъ возобновленъ, Любекъ заключилъ союзъ съ готландскими нѣмцами и съ рижскими купцами противъ всѣхъ, кто могъ бы повредить его торговлѣ съ Новгородомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ союзныхъ договоровъ, которые города различныхъ территорій заключали между собою, снова разрывали и возобновляли, пока, наконецъ въ XIV столѣтіи они не получили болѣе устойчиваго характера. Впрочемъ, и въ позднѣйшее время эти частные союзы отдѣльныхъ городовъ оказывались болѣе дѣйствительными и важными, нежели тотъ всеобщій союзъ всѣхъ причастныхъ къ сѣверо-германской внѣшней торговлѣ городовъ, который назывался чаще всего Ганзой и существовалъ болѣе въ теоріи, нежели на практикѣ.

E. **Нѣмецкій купецъ въ скандинавскихъ государствахъ.**

Любекъ и балтійскія колоніи нѣмцевъ не удовольствовались своими успѣхами въ Висби и Новгородѣ. Въ XIII столѣтіи пріобрѣтаютъ выдающееся значеніе сношенія съ скандинавскими государствами. Легче всего устроились дѣла со Швеціей. Селиться въ самой Швеціи нѣмцы начали только тогда, когда ихъ колоніи въ Готландѣ и Эландѣ были уже давно упрочены. И здѣсь, особенно въ новыхъ городахъ, возникавшихъ въ періодъ нѣмецкой колонизаціи, они легко добились равноправности съ туземцами. Новая столица Стокгольмъ, основанная въ XII столѣтіи, носила нѣмецкій характеръ. Нѣмецкіе купцы привозили шведамъ всѣ предметы роскоши; нѣмцы эксплуатировали за свой собственный счетъ рудники Атвиды и Фалуна и покупали желѣзо въ лѣсныхъ кузницахъ. Уже къ концу XIII столѣтія они обладали важными привилегіями: свободой отъ налоговъ, свободой передвиженія, защитой отъ пиратства и притѣсненій берегового права. Но страна была бѣдна и ея торговля ничтожна.

Несравненно важнѣе, хотя въ то же время гораздо богаче препятствіями были сношенія съ **Даніей**, которая никогда не отказывалась отъ своего стремленія къ Dominium maris baltici, господству надъ Балтійскимъ моремъ. Географическое положеніе способствовало этимъ цѣлямъ. Такъ какъ датчане владѣли южной Швеціей, Шоненомъ и Галландомъ, то въ ихъ распоряженіи находились морскіе пути между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями. Отъ нихъ зависѣло запереть или открыть Зундъ для купцовъ съ Нѣмецкаго моря, которыхъ Любекъ и другіе торговые прибалтійскіе города хотѣли бы удержать вдали отъ Балтійскаго моря; точно также и самыхъ истерлинговъ датчане могли по произволу допускать или не допускать къ Эрезунду и обоимъ Бельтамъ. Такимъ образомъ, та цѣль, которую Любекъ уже очень рано поставилъ передъ собою, отъ которой онъ никогда не отказывался и которую тѣмъ не менѣе ему удавалось осуществлять лишь на короткое время, заключалась въ слѣдующемъ: захватить въ свои руки проходъ Зунда, удерживать западные народы отъ сношеній съ Балтійскимъ моремъ какъ фактически, такъ и юридически, и съ другой стороны воспрепятствовать поѣздкамъ готландцевъ, а по возможности также и всѣхъ балтійскихъ нѣмцевъ, къ берегамъ Нѣмецкаго моря. Лю-

бекъ стремился монополизировать всѣ сношенія между обоими морями, стать складочнымъ мѣстомъ, которое явилось бы необходимымъ посредникомъ въ торговлѣ между западомъ и востокомъ. Такъ какъ морская дорога между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями нерѣдко бывала непроходима, то Любекъ стремился использовать выгоды своего углового положенія для того, чтобы направить торговлю по не особенно длинной сухопутной дорогѣ черезъ Голштинію; и въ самомъ дѣлѣ значительная часть товаровъ, двигавшихся съ запада на востокъ, избирала именно эту торговую дорогу. Въ XIV столѣтіи благодаря открытію Стекницъ-канала къ услугамъ купцовъ была уже непрерывная водная дорога, достаточная для скромнаго по размѣрамъ средневѣковаго транспорта.

Въ теченіе XIII столѣтія сначала отдѣльнымъ городамъ, а потомъ и всѣмъ гостямъ изъ Алеманніи датскіе короли даровали защиту отъ берегового права и свободу безпошлинной торговли. Такимъ образомъ и въ этой странѣ понятіе „нѣмецкій купецъ" стало отождествляться съ понятіемъ привилегированный. Если сама Данія и не имѣла значенія для купцовъ, то право поселенія въ Шоненѣ, подчиненномъ датскому владычеству, было для нихъ очень цѣннымъ. Южный берегъ Швеціи былъ главнымъ мѣстомъ ловли сельдей, которою занимался Любекъ, сосѣдніе съ нимъ прибалтійскіе города, а также Бременъ, Гамбургъ и нидерландскіе города. Копченая и соленая рыба была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли приморскихъ городовъ съ материкомъ; но и на чужестранныхъ рынкахъ балтійская селедка была желаннымъ товаромъ въ эту эпоху церковныхъ постовъ. У Сканера и Фальстербо, важныхъ торговыхъ пунктовъ того времени (теперь это заброшенныя развалины), находились крупнѣйшія мѣста рыбной ловли съ ихъ многочисленными лавками, такъ наз. витты. Жизнь на этихъ рыбныхъ ловляхъ Густавъ Фрейтагъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: „Тамъ на берегу моря, между замками Сканеръ и Фальстербо, въ рукахъ у нѣмцевъ находилась земля, гдѣ дѣйствовало ихъ право и развѣвались знамена ихъ городовъ, земля, огражденная отъ окружающей датской области вооруженной стражей, рвами, полными воды, и крѣпкими заборами. Каждый городъ и каждый союзъ имѣлъ на этой драгоцѣнной почвѣ свое собственное мѣсто, отмѣренное саженями, такъ называемую Vitte, причемъ каждая витта была опять таки обнесена деревяннымъ частоколомъ съ изображеніемъ соотвѣтственнаго герба. На каждой виттѣ находились каменныя зданія для копченія и соленія сельди, деревянныя кладовыя для рыбаковъ и ремесленниковъ, вездѣ дѣйствовало право родного города; во главѣ витты стоялъ уважаемый горожанинъ, посылавшійся для этой цѣли на нѣсколько лѣтъ; верховный надзоръ сосредоточивался въ рукахъ фогта изъ Любека, только уголовныя дѣла разбиралъ фогтъ датскаго короля. Все было точно опредѣлено: величина бочекъ, длина рыбы, особый надсмотрщикъ слѣдилъ за добротою товара... Безлюденъ былъ берегъ большую часть года, только вооруженные сторожа со своими собаками жили тамъ. Но во время ловли между днями св. Іакова и св. Мартина, какъ безконечныя стаи лебедей, сплывались сюда флоты нѣмецкихъ и балтійскихъ ганзъ; тогда толпа рабочихъ людей тѣснилась въ пустынномъ дотолѣ мѣстѣ, тысячи рыбачьихъ лодокъ со своими сѣтями день и ночь оставались въ морѣ, во время ночного лова рядъ факеловъ озарялъ берегъ. Между тѣмъ на берегу канатчики и бочары трудятся вокругъ бочекъ, а купецъ раскладываетъ свои товары въ деревянной лавкѣ. И вотъ среди горъ рыбы, среди соли и дыма коптиленъ продаются, какъ на ярмаркѣ, дорогіе товары материка, шелковыя ткани и вина юга, нидерландское сукно и пряности востока. Трижды отплывали поспѣшно нагруженные корабли на родину, трижды возвращались они назадъ, пока наконецъ, въ октябрѣ не замирала внезапно эта пестрая жизнь на сѣверномъ берегу".

Въ Норвегіи, классической родинѣ викинговъ во время возникнове-

нія нѣмецкой Ганзы улеглись уже бурные порывы предшествующихъ столѣтій. Чужестранные купцы, англичане, фризы, нижне-германцы доставляли бѣдной людьми и продуктами Норвегіи то небольшое количество товаровъ, которое она въ состояніи была оплатить. Рыбная ловля также привлекала иностранцевъ въ норвежскія воды. Торговля рыбой и особенно треской концентрировалась въ Бергенѣ. Нѣмцы съ любекцами и гамбургцами во главѣ добились сначала только наиболѣе общихъ правъ: свободы отъ берегового права, свободы сношеній съ внутренними областями и съ заграницей, право жительства и поселеній, равенства съ туземцами передъ судомъ. Хотя начало ганзейскихъ поселеній въ Бергенѣ относится еще къ XIII столѣтію, тѣмъ не менѣе только въ XIV и XV вѣкахъ они достигли своего, можно сказать, бурнаго развитія.

Ж. Истерлинги на западѣ.

Великій международный рынокъ, возникшій во фландрскомъ Брюгге, этомъ очагѣ средне-европейскихъ торговыхъ сношеній, былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ замкнутая торговля европейскаго сѣвера и въ особенности нижней Германіи соприкасалась съ міровой торговлей. Здѣсь находился складъ тончайшихъ произведеній западно-европейской индустріи и всего, что европейскій югъ производилъ самъ или вывозилъ съ востока. Въ Брюгге, какъ въ Гентѣ и Ипернѣ, какъ почти во всѣхъ городахъ Фландріи, Брабанта и сѣверной Франціи процвѣтали ремесла. Главнымъ промысломъ было изготовленіе суконъ: ткацкое, вязальное, красильное дѣло, стрижка сукна. Впослѣдствіи сюда присоединились другія отрасли ткацкаго искусства: обработка льна, шелка, хлопчатника. Горный и металлургическій промыслы находились въ зародышѣ: въ Люттихѣ уже въ XIV вѣкѣ были угольныя копи; Динантъ, единственный городъ съ французскимъ населеніемъ, принадлежавшій къ нѣмецкой Ганзѣ, славился своими издѣліями изъ мѣди, такъ наз., „dinanderies". Населеніе этой фландрско-брабантской (старо-бельгійской) области было такъ густо, что уже начиная съ XIII столѣтія оно нуждалось въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ извнѣ. Гильдейская жизнь находилась въ полномъ расцвѣтѣ. Еще и теперь зданія, принадлежавшія гильдіямъ и суконнымъ промышленникамъ, съ ихъ высокими башнями (beffrois), наглядно свидѣтельствуютъ о мощи и организаціи нидерландскаго бюргерства. Въ XIII столѣтіи ремесленные цехи добились участія въ судѣ шеффеновъ и городскомъ управленіи. Родовитые горожане — патриціи, изъ ненависти къ цеховымъ ремесленникамъ, примкнули къ французамъ; въ концѣ концовъ Фландрія стала частью бургундскихъ владѣній Валуа. Торговля гостей нерѣдко страдала отъ классовой борьбы горожанъ, столкновеній съ своими князьями и иностранными государями.

Своимъ выдающимся положеніемъ Брюгге былъ обязанъ сравнительной близости къ морю. Онъ былъ соединенъ водною дорогой какъ съ Слюисомъ, такъ и съ Дамме. Рейдъ Слюиса былъ мелокъ и занесенъ пескомъ; между тѣмъ Цвинъ, морской рукавъ, вдающійся въ страну и судоходный вплоть до Брюгге, удалось искусственно расширить, превративъ въ продолженіе гавани Дамме. Мощныя, построенныя послѣ 1180 года плотины защищали Брюгге отъ наводненій, о которыхъ много можетъ поразсказать средневѣковая исторія Нидерландовъ. И все же значительную часть приходящихъ моремъ товаровъ необходимо было перегружать, для того, чтобы они могли добраться до Брюгге. Вплоть до конца XIII столѣтія восточные товары приходили сюда сушею съ Рейна или съ французскихъ ярмарокъ. Отдѣльныя итальянскія галеры, правда, уже давно совершали плаванія во Фландрію, но регулярными эти плаванія стали только съ 1317 года. Съ незапамятныхъ временъ приставали къ фландрскимъ

берегамъ западно-французскіе корабли, нагруженные виномъ, испанцы и португальцы. Очень древними были также сухопутныя сношенія съ нѣмецкими прибережными городами, древнѣе, во всякомъ случаѣ, чѣмъ появленіе верхне-германскихъ купцовъ и нижне-германскихъ мореходовъ.

Только въ XIII столѣтіи явились наконецъ восточные нѣмцы (Easterling'и) и хотя не добились уже никакихъ привилегій, но все же получили равныя права съ остальными иностранцами. Маргарита Фландрская даровала обычныя торговыя вольности „всѣмъ купцамъ римской имперіи, копосѣщаютъ Готландъ". Съ этого времени „восточники" и въ Брюгге пользовались равноправіемъ съ своими западно-германскими предшественниками (1252 г.). Но такъ какъ заносчивый центръ міровой торговли не обращалъ вниманія на правовыя притязанія „нѣмецкаго купца", нѣмцы уже въ 1280 г. сочли умѣстнымъ прибѣгнуть къ единодушной демонстраціи; средство устращенія, и впослѣдствіи не разъ примѣнявшееся ими, состояло въ перенесеніи ихъ торговыхъ складовъ изъ Брюгге въ другое мѣсто, на этотъ разъ въ Арденбургъ. Въ 1283 году нѣмецкіе купцы вернулись назадъ въ Брюгге. Неуклонно преслѣдовали они и въ этомъ міровомъ пунктѣ свою инстинктивную цѣль, накопляли одно право за другимъ, пока наконецъ, изъ суммы этихъ правъ не создавалось совершенно исключительное привилегированное положеніе.

3. **Факторіи заграницей, нижне-германскіе города и ихъ союзы.**

Какъ уже было упомянуто (стр. 20), до конца XIII столѣтія во всѣхъ государствахъ европейскаго сѣвера возникли нѣмецкія факторіи, въ которыхъ имѣли участіе не только ближайшіе, но зачастую и очень отдаленные города родной страны. Повсемѣстно права и вольности получали сначала купцы отдѣльныхъ городовъ, пока наконецъ сумма добытыхъ, такимъ образомъ, единичныхъ правъ не переносилась на „нѣмецкаго купца" вообще („Gemeiner deutscher Kaufmann"). Потребность въ защитѣ общихъ правъ и разрѣшеніи взаимныхъ споровъ безъ посредства чужихъ властей привела къ болѣе прочному объединенію пребывающихъ заграницей купцовъ „царства аллеманскаго" и къ образованію самодержавныхъ товариществъ, функціонирующихъ непрерывно, несмотря на смѣну постоянно отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ лицъ. Эти товарищества, дворы, конторы, старались какъ можно дольше отстаивать свою самостоятельность отъ притязаній метрополіи. Имъ не трудно было отдѣлаться отъ вмѣшательства отдѣльныхъ городовъ, а союза всѣхъ городовъ, участвующихъ въ заграничной торговлѣ, еще не существовало. Тѣмъ не менѣе уже въ XIII столѣтіи образовалась извѣстная общность интересовъ между торговыми поселеніями заграницей и городами на родинѣ. Ибо иностранные государи давали привилегіи не опредѣленнымъ купцамъ, какъ даннымъ личностямъ, но купечеству или горожанамъ даннаго города вообще. Кромѣ того въ трудныхъ юридическихъ вопросахъ приходилось прибѣгать къ верховному суду родного города, да и въ другихъ дѣлахъ нерѣдко допускалось вмѣшательство отечественнаго города; особенно необходимо его содѣйствіе было при объявленіи торговаго бойкота или перенесеніи склада въ другое мѣсто.

Какъ ни мало это было пріятно самодержавнымъ личнымъ союзамъ нѣмецкихъ купцовъ за границей, но фактъ тотъ, что именно города гарантировали положеніе купца и, естественно, добивались права верховнаго надзора за иностранными поселеніями. Общіе интересы, связывавшіе города родины и факторіи чужбины, соединили въ концѣ концовъ и тѣ города Германіи, которые вели торговлю съ сѣверомъ и которымъ приходилось поэтому охранять или завоевывать одни и тѣ же торговыя преимущества.

Уже въ теченіе XIII вѣка сложились въ Германіи союзы (такъ наз., Einungen) городовъ, купцы которыхъ были причастны къ внѣшней торговлѣ. Сильное стремленіе къ федераціи господствуетъ вообще въ исторіи этого столѣтія. Упадокъ императорскаго могущества при послѣднихъ Гогенштауфенахъ вынуждалъ города, угрожаемые княжескими войсками, соединяться ради защиты своихъ политическихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Большинство союзовъ охватывали лишь небольшую территорію и заключались на опредѣленное время, но ихъ легко было возобновить, если повторялись поводы къ нимъ. Послѣ паденія Генриха Льва въ сѣверной Германіи вовсе не было политической силы, достаточной для того, чтобы оказать сопротивленіе внѣшнему врагу. Императоры предоставили сѣверъ государства его судьбѣ, когда Вальдемаръ Великій завладѣлъ Балтійскимъ моремъ и молодыми колоніальными странами. Но Данія встрѣтила отпоръ со стороны союза городовъ, къ которому принадлежалъ между прочимъ и Любекъ. Битва при Борнгеведѣ (см. таблицу „Битва при Борнгеведѣ 22 іюля 1227 г.“ въ VI томѣ) на долгое время доставила балтійскимъ нѣмцамъ безопасность и просторъ для развитія.

Какъ разъ въ эти годы спокойствія усилились города и княжества нѣмецкаго сѣвера; Dominium maris baltici и руководящая роль въ сѣверноевропейской торговлѣ перешли къ нижне-германцамъ. И вотъ съ этого времени ведетъ свое начало рядъ союзовъ и договоровъ между городами, связанными между собою общностью интересовъ, такъ что образуются цѣлыя группы или округа, тѣсно сплоченные внутреннею организаціей. Наиболѣе важной группой, центромъ кристаллизаціи ганзейскаго союза, является группа вендскихъ городовъ: Любекъ, Ростокъ, Штральзундъ, Висмаръ, также Грейфсвальдъ, Гамбургъ, Люнебургъ. Уже въ 1241 году Любекъ и Гамбургъ заключили договоръ, въ которомъ взаимно обязывались защищать устья Эльбы и Травы. Они предпринимали совмѣстные походы противъ пиратовъ и распредѣляли между собою издержки (1259 г.) Болѣе рѣшительное значеніе имѣлъ Ростокскій союзъ (1283 г.), въ которомъ кромѣ вендскихъ городовъ приняли участіе князья и феодалы, движимые желаніемъ оттѣснить отъ моря бранденбургскихъ Асканіевъ, достигшихъ къ этому времени господства надъ Помераніей и стремившихся завладѣть Мекленбургомъ. Дѣло удалось. Тогда Любекъ возобновилъ Ростокскій союзъ, но уже только между городами (1293 г.), что и впослѣдствіи неоднократно повторялось.

Однако даже и въ центральной группѣ вендскихъ союзныхъ городовъ не всегда союзники держались вмѣстѣ; то тотъ, то другой городъ начиналъ вдругъ идти самостоятельнымъ путемъ и подъ давленіемъ городскихъ властей вынужденъ былъ избрать обособленое направленіе. Ибо нижне-германскіе города, за исключеніемъ Любека и незначительныхъ Дортмунда и Гослара, не были свободными имперскими городами, обстоятельство, чрезвычайно важное для пониманія общаго характера Ганзы. Большинство городовъ, причисленныхъ въ XIV и XV вѣкѣ къ Ганзѣ, имѣли надъ собой господина, находились въ ленной зависимости и не пользовались самостоятельностью. „Наиболѣе рѣзко давало себя чувствовать“, говоритъ Э. Р. Дэнелль, „господство Нѣмецкаго ордена надъ зависимыми отъ него городами. Большая часть остальныхъ городовъ, особенно конечно могущественнѣйшіе изъ нихъ, пользовались широкими вольностями. Города Помераніи были подчинены различнымъ линіямъ ея герцогскаго дома, маркскіе Асканіямъ, Люксембургамъ и Гогенцоллернамъ, Ростокъ и Висмаръ герцогамъ Шверинскимъ, Гамбургъ графамъ Голштинскимъ, Брауншвейгъ и Люнебургъ герцогамъ одноименныхъ странъ, Кельнъ, Бременъ и Магдебургъ архіепископамъ, многіе другіе епископамъ. Такъ какъ города должны были оказывать помощь и содѣй-

ствіе своимъ господамъ, внутреннія междоусобія и внѣшнія войны вырывали ихъ изъ союза съ ганзейскими товарищами, ставили въ противорѣчіе съ послѣдними, часто дѣлали врагами; между тѣмъ иностранный государь, въ случаѣ выступленія противъ него одного изъ членовъ Ганзы, которой онъ даровалъ у себя привилегіи, чувствовалъ себя въ правѣ открыть насильственныя дѣйствія также и противъ остальныхъ ганзейскихъ городовъ и мстить имъ. Несмотря на все это, лишь очень немногіе изъ нижне-германскихъ городовъ стремились получить права свободнаго имперскаго города; они предпочитали вынудить угрозами или выторговать у своихъ господъ такое количество вольностей, чтобы не приходилось завидовать средне- и верхне-германскимъ имперскимъ городамъ. Правда, эта борьба съ феодальными властителями въ большинствѣ случаевъ сильно затруднялась тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь каждый городъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Послѣ того какъ императоры, начиная съ Сигизмунда, поставили въ непосредственное отношеніе къ имперіи Бременъ и Гамбургъ, эти послѣдніе получили права вольныхъ имперскихъ городовъ; однако вплоть до Вестфальскаго мира права эти нерѣдко оспаривались.

Подобно вендскимъ городамъ группировались также и города другихъ областей. Они заключали и возобновляли союзы, вели переговоры, посылали уполномоченныхъ, участвовали въ общихъ предпріятіяхъ и т. п. Города нижняго Рейна и Вестфаліи были связаны исконною общностью интересовъ: сюда принадлежали Кельнъ, Дортмундъ, Зестъ, не говоря уже о болѣе мелкихъ общинахъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть Зюдерзейскую группу съ городами: Кампенъ, Девентеръ, Гардервійкъ. Нерѣдко нидерландскіе города епископства Утрехтскаго, Гельдерна, Зеландіи, Оберисселя, Голландіи и Фрисландіи выступали, какъ отдѣльный, обособленный союзъ. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія: нижнесаксонская группа съ Брауншвейгомъ, Бременомъ, Люнебургомъ, стоявшимъ благодаря своей соляной торговлѣ въ связи съ вендскими городами; маркскіе города съ Стендалемъ и Зальцведелемъ; померанскіе съ Штеттиномъ и Кольбергомъ; прусскіе съ Торномъ, Эльбингомъ, Данцигомъ, Кенигсбергомъ; ливонскіе съ Дерптомъ, Ригою, Ревелемъ.

Можно почти сказать, что эти территоріальные обособленные союзы есть уже Ганза. Все, что дѣлали вендскіе города и какъ относились къ нимъ города прусскіе, все, что предпринимали рейнскіе города, какъ они всѣ заключали союзы и разрывали ихъ, оказывали взаимную помощь и оставляли другъ друга на произволъ судьбы, — все это составляетъ содержаніе ганзейской исторіи. Ганзейскаго-же союза въ смыслѣ хорошо организованной федераціи, преслѣдующей великую общую цѣль, всегда готовой пожертвовать единичными интересами ради общаго блага, никогда несуществовало; никогда не существовало, строго говоря, даже простого союза всѣхъ участвующихъ въ сѣверной торговлѣ городовъ отъ сѣвернаго Брабанта до Эстляндіи. Ганза, какъ намъ изображаетъ ее традиціонная исторія, была всегда только требованіемъ, благимъ пожеланіемъ, быть можетъ—цѣлью. Серьезныя попытки основать и прочно организовать обширный союзъ городовъ предпринималъ, собственно говоря, только Любекъ, этотъ узловой пунктъ западно-европейской торговли. Любекъ имѣлъ постоянный интересъ въ существованіи такого союза. Въ самомъ дѣлѣ, его собственные интересы приблизительно совпадали съ общими, въ то время какъ остальные города и ганзейскія группы городовъ, заботившіяся прежде всего о своихъ собственныхъ выгодахъ, вспоминали о Ганзѣ лишь тогда, когда имъ требовалась помощь и хотѣлось послать за себя кого либо другого на поле сраженія. Со времени великаго кельнскаго союза, направленнаго противъ датскаго короля Вальдемара IV (1367 г.), основаніе всеобщаго союза городовъ не казалось уже невозможнымъ. И вотъ Любекъ

употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы шагъ за шагомъ осуществить свой идеалъ путемъ общихъ ганзейскихъ конгрессовъ, путемъ обязательныхъ для всѣхъ постановленій, путемъ соотвѣтственныхъ матрикулъ и статутовъ. Но несмотря на ту подкупающую силу, которой обладаетъ имя, понятіе, даже просто мечта, въ дѣйствительности не было ни одного ганзейскаго конгресса, на который бы дѣйствительно всѣ города послали представителей, ни одного постановленія, которое бы являлось обязательнымъ для всѣхъ, принадлежавшихъ въ данный моментъ къ Ганзѣ, городовъ, ни одной матрикулы, на основаніи которой собирались бы регулярные денежные взносы со всѣхъ городовъ, ни одного общеобязательнаго статута, никакой совмѣстной организаціи военныхъ силъ, ни одной войны, въ которой бы приняли участіе всѣ члены Ганзы. Однимъ словомъ, великая нѣмецкая Ганза была союзомъ городовъ, во всѣхъ отношеніяхъ аналогичнымъ священной римской имперіи нѣмецкой націи. Не только художественныя, но также политическія и хозяйственныя творенія этого вѣка обнаруживаютъ одинъ и тотъ же стиль. Любитель чистоты стиля не откажетъ въ своемъ одобреніи и нѣмецкой Ганзѣ. Недоразумѣніе же большинства новѣйшихъ историковъ заключается въ томъ, что они стремятся эту вполнѣ соотвѣтствующую своему средневѣковому стилю Ганзу перестроить согласно новѣйшему понятію о союзѣ. Они полагаютъ, что старые ганзейцы также единодушно устремлялись по знаку Любека на войну, какъ это, напримѣръ, было съ войсками союзныхъ нѣмецкихъ государствъ въ франко-прусской войнѣ 1870 года.

Любекъ не былъ Аѳинами, а Ганза Делійскимъ морскимъ союзомъ. Всякое внесеніе греческихъ понятій „гегемонія", „симмахія" исказило бы истинную картину ганзейскихъ отношеній. Если бы Любекъ располагалъ военнымъ могуществомъ Аѳинъ V вѣка до Р. Х., онъ могъ бы оказывать то давленіе, которое необходимо для существованія общины самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Но въ ганзѣ организація принудительной власти не достигла необходимаго развитія; и это было причиной, отъ которой погибла Ганза. При всемъ этомъ отдѣльные города были очень воинственны. Непрестанно каждый изъ нихъ вынужденъ былъ отражать нападенія чужихъ и своихъ собственныхъ князей, сухопутныхъ и морскихъ разбойниковъ, сосѣднихъ городовъ; вражда внутреннихъ партій также питала воинственный духъ. Тѣмъ не менѣе всѣ они въ военномъ отношеніи были безсильны и лишь до тѣхъ поръ могли кое чего добиваться оружіемъ, пока силы феодальныхъ властителей и даже многихъ крупныхъ государствъ находились почти въ такомъ же жалкомъ положеніи. А такъ какъ Любекъ лишь немногимъ превосходилъ средніе размѣры обычныхъ въ то время военныхъ силъ, онъ, естественно, не могъ стать на долгое время вождемъ, подобно Аѳинамъ, Спартѣ или Риму. Въ одномъ только дипломатическомъ отношеніи Любекъ, какъ вольный имперскій городъ, имѣлъ преимущество по сравненію съ своими союзниками: онъ не долженъ былъ подчиняться стѣснительному посредничеству. Это обстоятельство доставило городу особую славу даже заграницей.

Съ эллинской симмахіей Ганза не можетъ идти въ сравненіе не только вслѣдствіе безсилія ея руководящаго центра, но также и вслѣдствіе зависимаго характера отдѣльныхъ союзныхъ городовъ. Греческія симмахіи были въ одно и то же время союзами городовъ и государствъ; средневѣковые городскіе союзы были союзами городовъ, подвластныхъ императору и за немногими исключеніями также и князю; они могли, слѣдовательно, выступать самостоятельно лишь въ томъ случаѣ, если княжеская власть была сломлена. Прусскіе города, напр., были въ теченіе полутора столѣтія придавлены желѣзной десницей Нѣмецкаго ордена и только со времени упадка орденскаго государства получили просторъ для самостоятельной дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда политика или интересы владѣ-

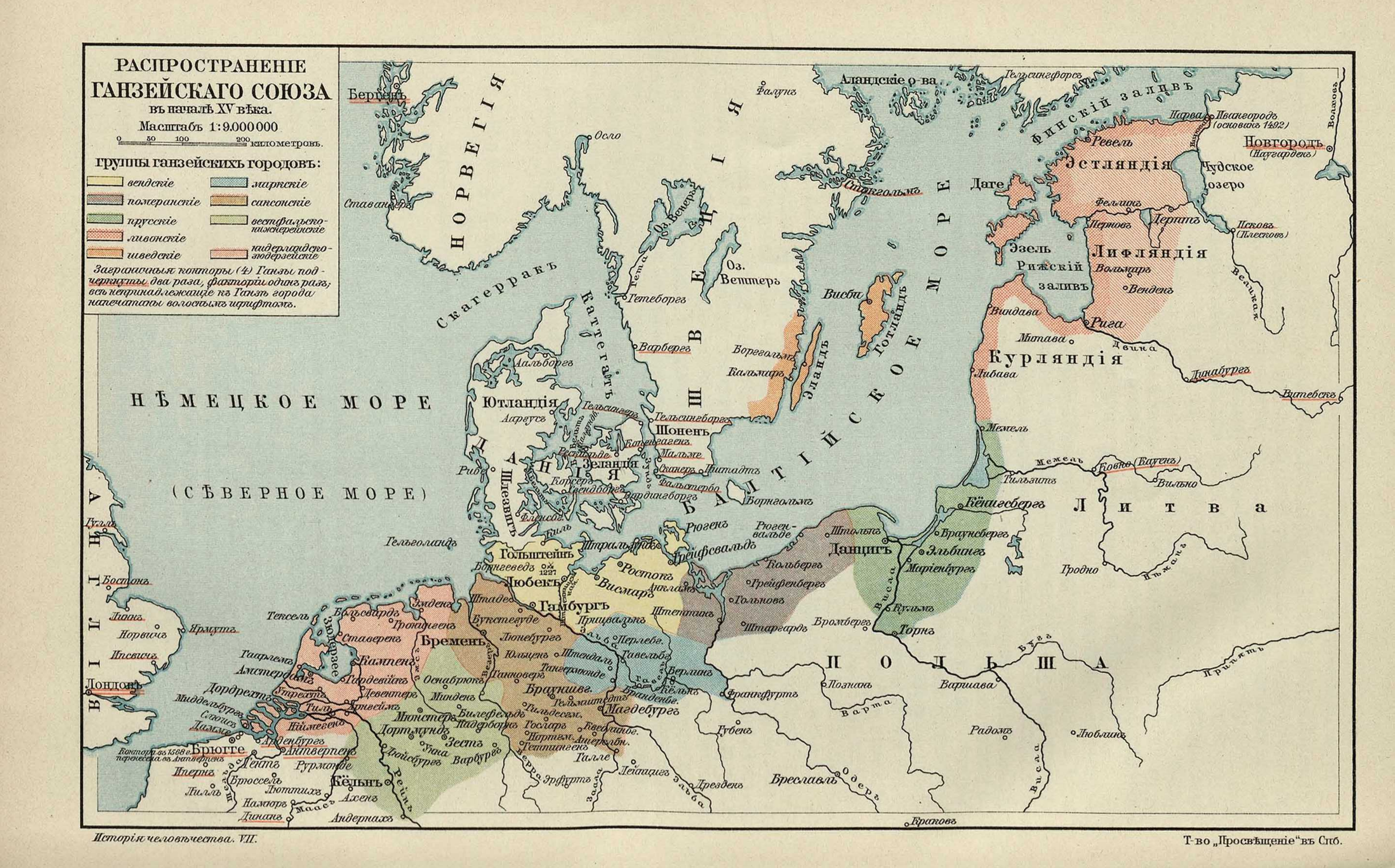
тельнаго государя возлагали на городъ обязанность держаться опредѣленнаго направленія, принадлежность къ Ганзѣ не приносила пользы ни ему, ни союзу.

Если требуется установить признакъ, по которому можно было бы сразу отличить ганзейскій городъ, можно указать только на то, что отмѣтилъ Дитрихъ Шеферъ: обладаніе правами „нѣмецкаго купца“ за границей. Если сосчитать всѣ города, причислявшіеся, правда, не всѣ одновременно, а лишь временно, къ ганзейскому союзу, — это можно сдѣлать, такъ какъ впослѣдствіи, когда рѣшено было создать постоянныя матрикулы, этимъ городамъ велись списки — то получится довольно внушительная цифра 90 городовъ. Географическая область, въ предѣлахъ которой были разсѣяны участники союза, также весьма значительна. Сѣверную ея границу составляютъ Нѣмецкое и Балтійское моря, при чемъ къ ганзейской области должны быть также отнесены Готландъ, Эландъ и Кальмаръ. Материковая южная граница идетъ отъ Динанта черезъ Андернахъ, Геттингенъ, Галле и въ области Одера и Вислы загибается внизъ къ Бреславлю и Кракову. Крайнимъ западнымъ пунктомъ ея являются города Зеландіи, крайнимъ восточнымъ Ревель и Нарва (см. карту при этой страницѣ: „Распространеніе ганзейскаго союза въ началѣ XV вѣка“).

Въ то время какъ территоріальныя группы городовъ устраивали свои съѣзды или въ одиночку или съ привлеченіемъ сосѣднихъ группъ, Любекъ старался превратить собранія вендскихъ городовъ въ съѣзды всѣхъ конфедерированныхъ городовъ, участвующихъ въ внѣшней торговлѣ, старался сдѣлать изъ этихъ ганзейскихъ съѣздовъ или съѣздовъ Ганзы (Hansetage) періодическій союзный органъ съ рѣшающимъ голосомъ. Такихъ конгрессовъ было много, и не только въ Любекѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Любекъ разсылалъ приглашенія, предсѣдательствовалъ на засѣданіяхъ явившихся на конгрессъ городскихъ уполномоченныхъ, хранилъ протоколы засѣданій (Hanserezesse) и др. документы союза. Однако лишь въ немногихъ случаяхъ являлись всѣ приглашенные, и лишь немногіе конгрессы заслуживаютъ вслѣдствіе значительнаго числа участниковъ имени съѣздовъ Ганзы; собранія всѣхъ членовъ союза при непостоянномъ характерѣ федераціи не было возможности достигнуть: полнѣйшая аналогія съ германскими рейхстагами среднихъ вѣковъ.

Какое же принудительное средство могла пустить въ ходъ Ганза противъ непокорныхъ членовъ союза? Исключеніе, бойкотъ или изгнаніе изъ Ганзы („die Verhansung“), т. е. прекращеніе всякихъ сношеній съ исключеннымъ изъ Ганзы городомъ, арестъ его кораблей, груза и др. имущества, лишеніе правъ „нѣмецкаго купца“ заграницей, слѣдовательно, недопущеніе конторы и факторіи, начиная отъ Брюгге и кончая Новгородомъ; вотъ эти обоюдоострыя средства! Столь же обоюдоострыми были и тѣ мѣры припужденія, которыя примѣнялись къ заграницѣ: торговый бойкотъ, перенесеніе складовъ, война. Нѣтъ ничего удивительнаго, что трезвые купцы предпочитали безконечные переговоры самоубійственной политикѣ рѣшительныхъ дѣйствій; въ переговорахъ же ганзейскіе дипломаты обнаруживали всегда значительную настойчивость и ловкость. Бѣда противнику, если Ганза имѣла какой либо письменный документъ! Съ бумагою въ рукахъ, съ письменнымъ доказательствомъ своего права, она доводила противную сторону до изнеможенія. При этомъ дипломатическіе успѣхи ганзейскихъ пословъ въ значительной степени покоились на томъ превосходствѣ, которое является результатомъ узкаго кругозора и упрямаго возвращенія къ исходному пункту переговоровъ.

Своимъ врагамъ обязаны ганзейцы тѣмъ обстоятельствомъ, что въ XIV вѣкѣ имъ удалось такъ смѣло поднять голову и что изъ нихъ дѣйствительно едва не вышло чего-то крупнаго. Противъ своей воли они были втянуты въ распри сѣверныхъ государствъ и высокая школа соли-



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

дарности, война, помогла имъ достигнуть той степени объединенія, къ которой они вообще были способны. Ганзейцы не были бы германцами, если бы они не сохранили въ себѣ рыцарскій духъ героизма, несмотря на все мѣщанство своей жизненной обстановки. Пока купецъ вынужденъ былъ самъ вдыхать морской воздухъ и подвергаться опасностямъ далекихъ плаваній, его не могъ совершенно опошлить полумракъ мелочной лавочки или селедочнаго магазина. Пираты и разбойники заставляли его постоянно быть наготовѣ; враждебное населеніе чужестранныхъ городовъ также развивало умѣнье защищаться вооруженною рукою, такъ какъ ненависть туземцевъ къ прибилегированнымъ пришельцамъ могла привести къ возстаніямъ, что и случалось нерѣдко, благодаря повелительной и беззастѣнчивой манерѣ ганзейцевъ держать себя. Жизнь средневѣкового купца была вообще непрерывною школой борьбы.

И. **Вѣкъ Вальдемаровскихъ войнъ до Кальмарской уніи.**

а) Отъ Эриха VI Менведа до Штральзундскаго и Корзерскаго мира.

Задержка въ развитіи Даніи, которая наступила послѣ пораженія Вальдемара Великаго при Борнгеведѣ (1227 г.) и которая была такъ на руку балтійскимъ колоніямъ нѣмцевъ, закончилась во времена короля Эриха VI Менведа (1285—1319 гг.). Но не только Данія вернулась къ прежнимъ планамъ расширенія своего вліянія, герцогъ Голштинскій и маркграфъ Бранденбургскій также стали стремиться къ участію въ „Dominium maris baltici“. Пятьсотъ лѣтъ тянется эта борьба за двоякое господство на Балтійскомъ морѣ: торговое, къ которому стремились ганзейскіе города, и финансово-политическое. Наложить свою руку на гавани, берега и города Балтики, открывать и закрывать доступъ къ нимъ и получать за это мзду,—таковы были цѣли всѣхъ какъ крупныхъ, такъ и малыхъ князей, сидѣвшихъ у Балтійскаго моря или стремившихся туда. Съ этимъ намѣреніемъ пленскій графъ Гергардъ II построилъ у устья Травы башню, грозившую любекцамъ, какъ это уже раньше сдѣлалъ Вальдемаръ II; равнымъ образомъ графъ занялъ торговую область между Гамбургомъ и Любекомъ (1306 г.), чтобы пополнять свою казну сборами съ купцовъ, обязанныхъ нанимать у него конвой. Такъ какъ въ то же самое время брандебургскіе Асканіи снова выступили, какъ и въ 1283 г., противъ вендскихъ городовъ и померанскихъ князей, послѣдніе вынуждены были искать защиты у Даніи. Феодаламъ Мекленбурга и Помераніи пришлось признать свою ленную зависимость отъ Даніи; Ростокъ, Грейфсвальдъ, Штральзундъ стали какъ бы датскими городами. А такъ какъ и Любекъ на десять лѣтъ отдался подъ покровительство короля Эриха и даже уплачивалъ ему ежегодную дань, то казалось, такимъ образомъ, что прибалтійскія земли, выйдя изъ союза римско-германской имперіи, станутъ ей совершенно чуждыми.

Однако Эрихъ, очень дурной хозяинъ, не сумѣлъ удержать этихъ пріобрѣтеній. Балтійскіе города освободились отъ датскаго верховенства и заставили дорого оплатить свое возвращеніе въ руки мѣстныхъ феодаловъ. Послѣ смерти Эриха Менведа нѣмецкое вліяніе подчинило себѣ всю Данію. Король Христофъ II былъ изгнанъ и голштинскій графъ Гергардъ фонъ-Рендебургъ, котораго соотечественники называли „de grote Ghert“ (великій Гертъ), а датчане „лысымъ графомъ“, принялъ регентство, какъ опекунъ малолѣтняго Вальдемара III. Въ то время южная Ютландія и Шлезвигъ были уже соединены съ Голштиніей. Когда затѣмъ Христофъ II вернулся въ свое королевство и былъ снова изгнанъ, Великій

Гергардъ призвалъ на помощь сѣверно-германское дворянство и послѣднее захватило Данію, какъ завидную добычу. Ганзейскимъ городамъ датская неурядица приносила только вредъ. Такъ какъ кромѣ того король Швеціи и Норвегіи, Магнусъ, открывшій противъ нихъ враждебныя дѣйствія въ Бергенѣ, занялъ сосѣднія датскія земли, Шоненъ, Галландъ и Блекингенъ, то они боялись, что для нихъ совершенно будетъ закрытъ доступъ къ рыбнымъ ловлямъ на берегахъ Швеціи; однако, какъ восточные такъ и западные ганзейцы получили подтвержденіе своихъ правъ въ городахъ и рыбныхъ рынкахъ южной оконечности Швеціи (1336 г.). Любекъ, звѣзда котораго, казалось, начинала меркнуть съ 1310 г., въ двадцатыхъ годахъ XIV вѣка снова сталъ играть вліятельную роль въ переговорахъ съ сѣверными властителями и нѣмецкими феодалами.

Въ 1340 году, достигнувъ вершины своего могущества, Гергбрдъ былъ убитъ въ Рандерсѣ; еще и теперь датчане чтутъ убійцу, Нильса Эббенсона, какъ народнаго мстителя и освободителя страны отъ позорнаго господства иноземцевъ. Младшій сынъ Христофа, Вальдемаръ IV Аттердагъ, торжественно вступилъ въ государство Эстридидовъ. Города помогли ему выгнать изъ страны голштинское дворянство и оттѣснить Шауенбургскихъ графовъ за Эйдеръ. Тогда Вальдемаръ снова подчинилъ своей власти Зеландію и Финенъ. Съ успѣхомъ выступилъ онъ и противъ императора Карла IV, когда этотъ послѣдній завоевалъ Бранденбургъ и возобновилъ балтійскіе планы асканскихъ маркграфовъ. Мекленбургскіе князья должны были снова признать ленную зависимость отъ Даніи, несмотря на то, что императоръ далъ имъ титулъ герцоговъ и включилъ въ феодальный союзъ Германіи. Только отдаленную Эстляндію уступилъ Вальдемаръ IV Нѣмецкому рыцарскому ордену за извѣстное денежное вознагражденіе. На континентальной сторонѣ Балтійскаго моря передъ датчанами не открывалось вообще никакихъ дальнѣйшихъ перспективъ; здѣсь было бы слишкомъ трудно состязаться съ могуществомъ императора и ордена. Но зато междоусобія, возгорѣвшіяся въ государствѣ Магнуса, короля Швеціи и Норвегіи, открыли передъ датскимъ королемъ надежду завоевать обратно отнятыя у него земли и пріобрѣсти новыя. Въ союзѣ съ сѣверо-германскими князьями Вальдемаръ возвратилъ Шоненъ, Галландъ, Блекингенъ (1360 г.). Государство Гольма Стараго и Вальдемара Великаго было такимъ образомъ возстановлено.

Къ ужасу вендскихъ городовъ, только что заключившихъ соглашеніе съ Вальдемаромъ Аттердагомъ, король въ 1361 году двинулся на Эландъ, завоевалъ Борнгольмъ и поплылъ далѣе къ Готланду. Прежде чѣмъ кто либо успѣлъ оказать ему сопротивленіе, Вальдемаръ овладѣлъ этимъ важнѣйшимъ островомъ Балтійскаго моря. Граждане Висби, разбитые подъ стѣнами своего города желѣзными рыцарями короля, отворили побѣдителю ворота; однако послѣдній вступилъ черезъ брешь, пробитую въ стѣнѣ его воинами, для того чтобы можно было наложить произвольную контрибуцію на городъ, якобы взятый приступомъ. Сказочно преувеличенныя богатства Висби такъ описываются въ одной старой пѣснѣ:

„Готландцы центнеромъ злато гребутъ,
У нихъ самоцвѣтныхъ груды камней,
На прялкахъ златыхъ ихъ жены прядутъ,
Изъ чановъ серебряныхъ кормятъ свиней“.

„Серебряные чаны для свиней“ повидимому особенно воспламенили воображеніе датчанъ, послѣдовавшихъ за Вальдемаромъ въ его хищническомъ набѣгѣ. Отнынѣ король датчанъ и вендовъ именуетъ себя также королемъ готландцевъ. Но время расцвѣта Готланда миновало навсегда. Висби еще продолжалъ существовать, однако даже при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ не могъ бы болѣе вернуть себѣ положеніе торговой

метрополіи, такъ какъ онъ былъ оттѣсненъ на второй планъ ливонскими городами и прежде всего Ригою.

Завоеваніе Шонена и Готланда поразило восточную часть ганзейскаго союза въ самое сердце, да и для западныхъ городовъ оно не было безразлично. Именно въ этотъ моментъ въ Грейфсвальдѣ засѣдали депутаты вендскихъ и прусскихъ городовъ; они немедленно же объявили торговый бойкотъ противъ Даніи и установили особый сборъ военной пошлины. Кромѣ городовъ, также и короли и князья прибалтійскаго побережья были потревожены завоеваніями Вальдемара. Черезъ шесть недѣль послѣ взятія Висби образовался военный союзъ междунаиболѣе угрожаемыми нѣмецкими городами, королями Швеціи и Норвегіи и голштинскими графами; цѣль этого союза заключалась въ томъ, чтобы, какъ говоритъ Дэнелль, „возстановить нарушенное равновѣсіе между балтійскими державами и упрочить положеніе ганзейскихъ городовъ въ Шоненѣ; ради этого они обязали королей въ случаѣ побѣды сдать имъ въ аренду весь берегъ Зунда съ замками Гельсингборгомъ, Сканеромъ и Фальстербо". Ганзейскій флотъ брался прежде всего противъ Гельсингборга. Лѣтомъ 1362 года, въ то время какъ князья еще только собирались съ силами, онъ пустился одинъ въ море, но потерпѣлъ уничтожающее пораженіе. Любекскій бургомистръ, Іоганнъ Виттенборгъ, предводительствовавшій флотомъ, долженъ былъ на эшафотѣ искупить свое несчастіе. Между тѣмъ короли заключили между собой миръ: дочь Вальдемара Маргарита вышла замужъ за Гакона Норвежскаго, и такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ уніи сѣверныхъ государствъ; даже нидерландскіе города заключили спеціальные договоры съ Вальдемаромъ. Побѣжденные, совершенно одинокіе теперь восточные нѣмцы должны были согласиться на самыя невыгодныя условія перемирія и мира. При заключеніи Гельсингборгскаго мира (1365 г.) союзъ окончательно распадается; каждый городъ стремится выторговать что нибудь для себя, хотя никому не удается добиться отъ Вальдемара опредѣленныхъ обѣщаній, не говоря уже объ уступкахъ.

Толчекъ къ новому союзу, направленному противъ Даніи, исходилъ отъ прусскихъ городовъ, которые не могли обойтись безъ свободнаго проѣзда черезъ Зундъ и находились въ тѣснѣйшей общности интересовъ съ городами Зюдерзе. Главою послѣднихъ былъ Кампенъ, расположенный въ Оберисселѣ. Союзные прусско-зюдерзейскіе города вступили въ переговоры съ вендскими. На позднюю осень 1367 г. былъ назначенъ всеобщій съѣздъ въ Кельнѣ. Сюда собрались уполномоченные Любека, Ростока, Штральзунда, Висмара, Кульма, Торна, Эльбинга, Кампена, Эльборга, Гардвійка, Амстердама, Бриля, и отъ имени вендскихъ, прусскихъ, ливонскихъ, зюдерзейскихъ, зеландскихъ и голландскихъ городовъ основали 11 ноября 1367 года знаменитую кельнскую конфедерацію. Объ участіи-же рейнско-вестфальскихъ, фризскихъ, нижне-саксонскихъ городовъ мы не слышимъ ничего. Въ Кельнѣ рѣшено было объявить въ ближайшемъ году военный походъ, установлены контингенты армій и взносы на покрытіе военныхъ издержекъ и каждому городу разрѣшено собирать особый налогъ. Въ февралѣ 1368 года вендскіе города заключили съ князьями-противниками Вальдемара IV (съ Швеціей, Мекленбургомъ, Голштиніей) союзъ на два года, прусско-нидерландскіе на одинъ годъ. Но еще прежде чѣмъ началась борьба, король датскій исчезъ со всей своей казной изъ Зеландіи, назначивъ предварительно верховнаго управителя страной; фактически во время отсутствія короля правилъ государственный совѣтъ. Уже въ 1368 году союзники завоевали Копенгагенъ, укрѣпленныя мѣста Ютландіи и Шонена за исключеніемъ Гельсингборга, сопротивлявшагося вплоть до осени 1369 г. Блокада, отрѣзавшая отъ Норвегіи между прочимъ англичанъ и фламандцевъ, вынудила Гакона вступить въ мирные переговоры, а такъ какъ кромѣ того эволюція, предпринятая бѣжавшимъ королемъ противъ Мек-

ленбурга, не имѣла ожидаемаго успѣха, датскій государственный совѣтъ также вступилъ въ переговоры съ коалиціей (1369 г.). Любекъ велъ переговоры отъ имени городовъ. Миръ былъ заключенъ лишь въ маѣ 1370 года на съѣздѣ въ Штральзундѣ. Какъ показываетъ Дэнелль, штральзундскій миръ представляетъ два ряда соглашеній, одинъ хозяйственнаго характера, регулирующій торговлю, другой политическаго. „Въ первомъ отношеніи Ганза добилась теперь осуществленія всѣхъ тѣхъ требованій, которыя за послѣднее полустолѣтіе непрерывно выставлялись то тѣмъ, то другимъ городомъ“: свободнаго проѣзда по всей Даніи, освобожденія отъ берегового права, собственныхъ судовъ въ мѣстахъ торговли рыбою („Fitten“), пониженія таможенныхъ пошлинъ и т. п. Однимъ изъ политическихъ пріобрѣтеній Штральзундскаго мира была аренда на 15 лѣтъ (т. е. до 1383 г.) наиболѣе важныхъ замковъ въ Шоненѣ и близъ Зунда, Фальстербо, Сканера, Мальме, Гельсингборга вмѣстѣ съ $^2/_3$ принадлежащихъ имъ доходовъ. До наступленія дня св. Михаила 1371 г. долженъ былъ король Вальдемаръ утвердить этотъ миръ приложеніемъ большой печати; въ случаѣ его отказа отъ престола или смерти новый король не могъ вступать на датскій престолъ безъ согласія Ганзы.

Правда, княжескіе союзники Ганзы не могли примириться съ этими односторонне составленными условіями мира, но, не будучи въ состояніи продолжать войну, они тоже заключили миръ съ Даніей (въ Стокгольмѣ въ 1371 г.) Вальдемаръ IV медлилъ съ ратификаціей штральзундскаго договора и приложилъ въ концѣ концовъ къ подлинному документу только малую печать, да и за это еще выговорилъ себѣ различныя уступки. Управленіе арендованными шоненскими замками создавало городамъ значительныя затрудненія; въ особенности же много споровъ между арендаторами возбуждено распредѣленіемъ доходовъ. Когда Вальдемаръ въ 1385 г. умеръ и на датскій престолъ вступилъ безъ всякаго содѣйствія Ганзы его внукъ Олафъ, сынъ Маргариты, младшей дочери Вальдемара и Гакона норвежскаго, наступило время окончательно урегулировать отношенія съ ганзой; однако Олафъ лишь тогда приложилъ къ Штральзундскому договору большую государственную печать, когда ганзейцы отказались отъ своего притязанія утверждать наслѣдниковъ датскаго престола (Корзеръ, 1376 г.). Одновременно съ корзерскими переговорами шли переговоры въ Каллундборгѣ: Гаконъ норвежскій утвердилъ всѣ привилегіи, дарованныя когда бы то ни было городамъ въ его государствѣ, и кромѣ того далъ ганзейскимъ кораблямъ право свободно вступать во всѣ гавани Норвегіи, съ поднятыми національными флагами, спускать которые они должны были только при причалѣ къ берегу.

б) Послѣдняя треть XIV вѣка.

Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній права ганзейцевъ въ Даніи опредѣлялись условіями Штральзундъ-Корзерскаго мира; въ общемъ они остались неизмѣнными вплоть до Тридцатилѣтней войны, исключая, разумѣется, установленной на 15 лѣтъ аренды зундскихъ замковъ. Точно также Каллундборгскій договоръ регулировалъ отношенія къ Норвегіи, такъ что только съ этого времени начинается расцвѣтъ бергенской факторіи. Положеніе Ганзы было теперь настолько упрочено юридически, что она въ обоихъ королевствахъ могла стремиться къ торговой монополіи, которая вездѣ въ средніе вѣка представлялась отдаленною цѣлью достигнутыхъ уже или только подлежащихъ достиженію привилегій. Однако держать западныхъ нѣмцевъ вдали отъ Балтійскаго моря оказалось возможнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока были заняты замки Зунда; равнымъ образомъ никогда не удавалось совершенно вытѣснить изъ Норвегіи фламандцевъ, валлонцевъ и англичанъ, какъ того желали ганзейцы. Монополія сѣвер-

ной торговли осталась, такимъ образомъ, какъ и очень многое другое въ ганзейской исторіи, невыполнимымъ желаніемъ; однако преобладаніе ганзейской торговли, несмотря на нежелательныхъ конкуррентовъ, было все же надолго обезпечено.

Во всякомъ случаѣ значеніе кельнской конфедераціи, войны съ Вальдемаромъ Аттердагомъ и штральзундскаго мира не слѣдуетъ преувеличивать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Кельнская конфедерація далеко не охватывала всей Ганзы, т. е. всѣхъ городовъ и группъ, связанныхъ гдѣ бы то ни было за-границей общими торговыми интересами и привилегіями; въ нее входили только вендско-померанскіе, прусскіе и нидерландскіе города, и какъ разъ тѣ, которые давно уже согласно обычному праву принимали участіе въ рыбныхъ ловляхъ на берегахъ Шонена. За предѣлы датско-норвежскаго круга интересовъ и причастныхъ къ нему городовъ не выходили и результаты штральзундъ-корзерскаго и каллундборгскаго договоровъ. При обсужденіи всего этого историческаго событія рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что побѣжденный датскій король удержалъ всѣ свои завоеванія, не исключая Готланда, и что право ганзейцевъ утверждать наслѣдника датскаго престола примѣнялось ими только одинъ разъ — при смерти Вальдемара IV — и затѣмъ было снова отнято у нихъ Даніей. Даже военныхъ издержекъ не удалось взыскать побѣдоноснымъ купцамъ; вплоть до 1385 г. собирали они особый налогъ для покрытія расходовъ войны. Въ то время шоненскія аренды приносили столь незначительный доходъ, что за вычетомъ ежегодныхъ расходовъ по управленію и замиренію моря почти ничего не поступало въ раздѣлъ.

До какой степени права привилегированныхъ въ Даніи и Норвегіи городскихъ группъ висѣли въ воздухѣ, обнаружилось вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Олафа (1376 г.). Правда, юный король или скорѣе его умная мать, Маргарита, подвердила датскія привилегіи Ганзы въ благодарность за то, что послѣдняя ничего не предприняла противъ Олафа; однако, когда по смерти короля норвежскаго Гакона Олафъ соединилъ короны Норвегіи и Даніи, онъ не утвердилъ норвежскихъ привилегій Ганзы, что немедленно же и весьма чувствительно отозвалось на интересахъ ганзейцевъ. Въ 1385 г. истекъ срокъ шоненскихъ арендъ; безъ всякихъ оговорокъ возвратила Ганза арендованные замки Даніи и сдѣлала ее такимъ образомъ снова неограниченною владычицей важнѣйшей морской дороги между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями. Ганза вернулась къ своей старой узко коммерческой точкѣ зрѣнія; она даже воспротивилась попыткѣ возстановить Кельнскую конфедерацію, хотя Данія ничего не дѣлала для умиротворенія моря. Вмѣсто того изъ году въ годъ тянулись безконечные переговоры о дарованіи сѣверныхъ привилегій, съ Маргаритой, этой мастерицей затягивать дѣла.

Между тѣмъ король Олафъ внезапно умеръ (въ 1387 г.); съ этого момента заколебалась почва и подъ датскими привилегіями Ганзы, такъ какъ утвержденіе ихъ имѣло силу лишь на время царствованія подписавшаго договоръ короля. Теперь интересы Ганзы были отданы на произволъ Маргариты, которая медлила возобновить привилегіи; планъ ея состоялъ въ томъ, чтобы путемъ искусной дипломатіи удерживать Ганзу въ повиновеніи и выжидать момента, когда изъ возобновленія жалованныхъ грамотъ можно будетъ извлечь для себя наибольшую выгоду.

Тѣмъ временемъ произошли важныя событія. Данія и Норвегія присягнули Маргаритѣ; въ Швеціи большинство народа, недовольное королемъ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, также было на ея сторонѣ. Возникъ длинный споръ изъ-за шведскаго трона. На сторонѣ Альбрехта были собственно только два, болѣе нѣмецкіе, чѣмъ шведскіе, города: Кальмаръ и Стокгольмъ; равнымъ образомъ оба мекленбургскіе ганзейскіе города, Висмаръ и Ростокъ, держали сторону своего князя, Альбрехта. Остальные

вендскіе, померанскіе, прусскіе ганзейскіе города сохраняли нейтралитетъ. Тѣмъ не менѣе положеніе, занятое Висмаромъ и Ростокомъ, затронуло отчасти и ихъ; противъ воли они были втянуты во всѣ злоключенія сухопутной и морской борьбы претендентовъ. Только что начавшаяся зимою 1388—89 г. война, тотчасъ-же, казалось, и закончилась: при Аасле король Альбрехтъ попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Эрихомъ; плѣнники перевезены были въ Линдгольмъ и подвергнуты строжайшему заключенію. Такъ какъ Кальмаръ капитулировалъ, всѣ надежды мекленбургской партіи сосредоточились на Стокгольмѣ, оставшемся вѣрнымъ королю Альбрехту. Тамошніе нѣмцы насильственно захватили въ свои руки власть; но имъ нельзя было разсчитывать на помощь ни со стороны нейтральной Ганзы, ни со стороны нейтральнаго Нѣмецкаго ордена, Такимъ образомъ мекленбургцамъ приходилось однимъ продолжать борьбу противъ скандинавской Семирамиды. Сознавая себя болѣе слабыми, они прибѣгли къ средству, самому пагубному, какое только можно было придумать: герцоги и города объявили повсемѣстно, что гавани страны открыты для всякаго, желающаго на свой личный страхъ вести партизанскую войну съ Даніей. Мекленбургцы намѣревались такимъ образомъ освободить плѣннаго короля и доставить продовольствіе осажденному Стокгольму. Отъ этой послѣдней цѣли шайки авантюристовъ и разбойниковъ, тревожившихъ потомъ въ теченіе десятилѣтій сѣверныя моря и берега ихъ, получили свое имя Vitalien-Brüder (собственно Victualien-Brüder).

Тяжелыя времена наступили для ганзейскихъ купцовъ, напрасно взывавшихъ о помощи къ своимъ мекленбургскимъ союзникамъ, Вездѣ, не исключая и заграницы, Ганзу обвиняли въ томъ, что она не вмѣшалась своевременно въ споръ изъ-за шведскаго трона, предоставляли ей испытать пагубныя послѣдствія политики лѣниваго невмѣшательства. Но интересы различныхъ городскихъ группъ расходились между собой и потому союзъ вынужденъ былъ сохранять нейтралитетъ и вести на всѣ стороны безрезультатные переговоры. Лишь для одного ничтожнаго постановленія сумѣли сплотиться ганзейцы, угрожаемые со стороны братства виталіевъ, да и то только въ 1393 г.: а именно, было постановлено проѣзжать Зундъ не иначе, какъ флотомъ по меньшей мѣрѣ въ 10 кораблей. На ганзейскомъ съѣздѣ въ маѣ 1393 г. зюдерзейскіе города также приняли эту защитительную мѣру, предложенную вендскими и прусскими городами. Но такъ какъ морскіе разбойники завоевали между тѣмъ Готландъ, а въ 1393 г. проникли даже въ Нѣмецкое море и опустошили Бергенъ, то ганзейскій съѣздъ въ іюлѣ того же года рѣшилъ пріостановить ловлю сельдей на Шоненѣ; это рѣшеніе задѣло и королеву Маргариту, такъ какъ благодаря ему сокращались шоненскіе таможенные доходы.

Еще одно, болѣе важное, рѣшеніе приняли ганзейцы: предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ. Маргарита тотчасъ же приняла его; въ качествѣ вознагражденія за маклерскія услуги она могла предложить ганзейскія привилегіи, все еще неутвержденныя ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, ни въ Швеціи. Однако проектъ посредничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мирныхъ переговоровъ, снова наткнулся на препятствія; даже планъ уменьшить разорительныя послѣдствія войны путемъ основанія военнаго флота, оплачиваемаго постояннымъ налогомъ, удалось осуществить лишь отчасти, такъ какъ прусскіе и нидерландскіе города отказались принять въ этомъ участіе. Только въ маѣ 1395 года между Маргаритой и Альбрехтомъ былъ наконецъ заключенъ мирный договоръ въ Сканеръ-Фальстербо. Согласно принятымъ условіямъ мира король немедленно освобождается изъ заключенія; если въ теченіе трехъ лѣтъ до 29-го сентября 1398 г. онъ не представитъ выкупа въ 60,000 марокъ серебромъ, онъ долженъ или немедленно отправиться опять въ темницу,

или отдать королевѣ Стокгольмъ. До этого времени Стокгольмъ находится во власти и подъ управленіемъ поручителей короля, городовъ Любека, Штральзунда, Грейфсвальда, Торна, Эльбинга, Данцига и Ревеля. И такъ посредничество Ганзы удалось; оно ускорило конецъ войны, угрожавшей превратиться въ хроническое бѣдствіе. Какъ бы то ни было, Ганза сумѣла отстоять то положеніе, которое было завоевано ею въ Вальдемаровскихъ войнахъ.

Такъ какъ экскороль Швеціи Альбрехтъ не могъ, само собою разумѣется, уплатить къ назначенному сроку выкупа — гдѣ же было взять въ его обѣднѣвшей странѣ столько денегъ? — и такъ какъ онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія вернуться назадъ въ заключеніе, города-поручители передали занятый ими Стокгольмъ королевѣ Маргаритѣ, которая достигла наконецъ своей цѣли; это стоило ей утвержденія ганзейскихъ привилегій во всѣхъ трехъ королевствахъ (августъ 1398 г.)

Формально хартія была выдана не самой королевой, ибо три королевства имѣли уже своего общаго властителя въ лицѣ внучатнаго племянника Маргариты, Эриха Померанскаго. Это событіе, имѣвшее громадное значеніе для всего сѣвера и въ особенности для Ганзы, совершилось за годъ передъ тѣмъ (въ 1397 г.). Въ Кальмарѣ въ присутствіи королевы собрались государственные совѣты всѣхъ трехъ государствъ и постановили „вѣчное" объединеніе трехъ королевствъ подъ однимъ скипетромъ. Постановленіе это рѣшило политическую судьбу четырехъ послѣдующихъ поколѣній. Впрочемъ унія сѣверныхъ государствъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи участь всеобщей Ганзы нѣмецкаго сѣвера, была хотя и болѣе, чѣмъ только мечтой, но не была въ то же время жизненнымъ организмомъ. Какъ бы то ни было, объединеніе трехъ государствъ должно было бы заставить ганзейскихъ политиковъ серьезно призадуматься, однако, мы не находимъ и слѣдовъ подобнаго рода раздумья; ганзейцы были удовлетворены, такъ какъ юридическое утвержденіе правъ, добытыхъ съ такимъ тяжелымъ трудомъ, все же наконецъ находилось въ ихъ рукахъ. Они могли теперь спокойно хранить въ своемъ ганзейскомъ ларѣ пергаменты вмѣстѣ съ другими бумагами, которыми эта же эпоха обогатила собиравшихъ документы ганзейцевъ. Преувеличеніе силы формальныхъ юридическихъ доказательствъ являлось необходимымъ дополненіемъ къ внутреннему сознанію своей фактической слабости.

I. Время расцвѣта Ганзы.

Посмотримъ прежде всего, какъ сложились отношенія Ганзы къ Западной Европѣ въ эпоху наивысшаго подъема, въ концѣ XIV вѣка.

а) Ганза и Фландрія.

На фландрскомъ міровомъ рынкѣ въ Брюгге „нѣмецкій купецъ" давно уже пользовался правомъ постоянныхъ поселеній. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, выросла самоуправляющаяся факторія. Между 1360 и 1380 г. въ Брюгге подобно другимъ факторіямъ было признано положеніе, что конторы подчинены городамъ и должны повиноваться ихъ предписаніямъ. Сношенія съ иноземными властями перешли въ вѣдѣніе городовъ и велись ихъ уполномоченными. Отсюда возникъ конфликтъ между городами и самодержавными конторами, конфликтъ по большей части скрытый, но иногда приводившій къ страстнымъ раздорамъ. Благодаря вмѣшательству городовъ-метрополій въ 1360 г. было достигнуто обезпеченіе и расширеніе ганзейскихъ привилегій въ Фландріи; утвержденныя тогда юридическія отношенія оставались въ силѣ до окончатель-

наго перенесенія склада изъ Брюгге въ Антверпенъ (приблизительно 1560 г.). Ганза обязана была своимъ успѣхомъ принудительнымъ мѣрамъ: торговому бойкоту, длившемуся отъ 1358 до 1360 года и временному перемѣщенію склада изъ Брюгге въ голландскій Дортрехтъ. Возвратившись въ Брюгге, ганзейцы получили преимущественное право основывать свободныя поселенія во всей Фландріи. Въ Голландіи существовавшія доселѣ привилегіи вестфальцевъ и пруссаковъ были распространены на всѣхъ купцовъ римской имперіи, подъ условіемъ, правда, что льготы эти въ любой моментъ могутъ быть взяты назадъ. Однако раздоры между Ганзой и Нидерландами не прекратились. Въ 1388 г. „нѣмецкій купецъ“ снова перенесъ свои склады изъ Брюгге въ Дортрехтъ. Только въ январѣ 1392 г. ганзейцы получили полное удовлетвореніе; вслѣдъ за тѣмъ они возобновили сношенія съ Брюгге.

в) Ганза и Англія.

Въ Англіи къ концу XIV вѣка положеніе Ганзы также стало затруднительнымъ, однако и здѣсь нѣмецкіе города сумѣли счастливо отвратить угрожавшія имъ опасности. Всѣ три Эдуарда благопріятствовали иностранцамъ, даровали имъ полную свободу оптовой и розничной торговли во всемъ королевствѣ, отдали въ ихъ руки торговлю шерстью и добычу металловъ; Ричардъ II вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ также подтвердилъ права и вольности Ганзы. Но при этомъ слабомъ представителѣ королевской власти зашевелилась сдерживавшаяся до сихъ поръ національная непріязнь противъ торговаго господства чужеземцевъ. Нижняя палата, защищая интересы народа, убѣдила короля объявить ганзейскія привилегіи недѣйствительными, пока ганзейцы не оправдаются во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ. Это было начало длинной, не разъ прерывавшейся и снова возгоравшейся борьбы возникающей англійской торговли противъ преобладанія чужихъ, особенно же ганзейскихъ купцовъ, борьбы сначала за англійскій рынокъ, а потомъ и за сѣверные рынки, которые ганзейцы старались удержать только для себя: во первыхъ за норвежскіе и датскіе торговые центры, во-вторыхъ за ганзейскіе же города. Это та борьба, которая тянется вплоть до конца царствованія Елизаветы и только въ 1600 г. заканчивается полною побѣдой англичанъ.

При Ричардѣ II прорвалась наружу ненависть, давно уже накоплявшаяся противъ ганзейцевъ благодаря тому отношенію ко всѣмъ чужестранцамъ, которое послѣ Штральзундскаго мира они усвоили себѣ въ Шоненѣ и Норвегіи. Англичане не отступали передъ ганзейцами подобно остальнымъ не нѣмецкимъ народностямъ. Они продолжали проникать въ Балтійское море и, избѣгая ганзейской, главнымъ образомъ Любекской посреднической торговли, добывали себѣ сами то, что имъ требовалось. На враждебныя дѣйствія прибалтійскихъ городовъ король отвѣтилъ упомянутой выше временной пріостановкой ганзейскихъ привилегій. Кромѣ того англичане требовали равныхъ съ ганзейцами преимуществъ во всѣхъ городахъ и областяхъ Ганзы. Въ концѣ 1380 г. нѣмцы добились отъ короля возвращенія жалованныхъ грамотъ, не подумавъ однако отплатить британцамъ тою же услугой. Возгорѣвшіеся снова раздоры, усиленные бойкотами и конфискаціями, прекратились только въ 1388 г. Съ этихъ поръ англичане пользовались правомъ свободнаго въѣзда въ балтійскія гавани, купцы ихъ организовались по ганзейскому образцу и стали избирать одного ольдермена, на обязанности котораго лежало улаживать ихъ споры и защищать ихъ интересы отъ посягательствъ иностранцевъ. Хотя и послѣ соглашенія 1388 г. раздоры между нѣмцами и англичанами не прекратились, тѣмъ не менѣе положеніе нѣмцевъ въ Англіи не возбуждало болѣе нападокъ; первый Ланкастеръ, Генрихъ IV, утвердилъ ганзейскія

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Ганзейскія суда XIV и XV вѣка.

(Оригинальные рисунки Вилли Штевера).

чего перенесенія склада изъ Брюгге въ Антверпенъ (приблизительно 1560 г.). Ганза обязана была своимъ успѣхомъ принудительнымъ мѣрамъ: торговому бойкоту, длившемуся отъ 1358 до 1360 года и временному перемѣщенію склада изъ Брюгге въ голландскій Дортрехтъ. Возвратившись въ Брюгге, ганзейцы получили преимущественное право основывать свободныя поселенія во всей Фландріи. Въ Голландіи существовавшія доселѣ привилегіи вестфальцевъ и пруссаковъ были распространены на всѣхъ купцовъ римской имперіи, подъ условіемъ, правда, что льготы эти въ любой моментъ могутъ быть взяты назадъ. Однако раздоры между Ганзой и Нидерландами не прекратились. Въ 1388 г. „нѣмецкій купецъ“ снова перенесъ свои склады изъ Брюгге въ Дортрехтъ. Только въ январѣ 1392 г. ганзейцы получили полное удовлетвореніе; вслѣдъ за тѣмъ они возобновили сношенія съ Брюгге.

в) Ганза и Англія.

Въ Англіи къ концу XIV вѣка положеніе Ганзы также стало затруднительнымъ, однако и здѣсь нѣмецкіе города сумѣли счастливо отвратить угрожавшія имъ опасности. Всѣ три Эдуарда благопріятствовали иностранцамъ, даровали имъ полную свободу оптовой и розничной торговли во всемъ королевствѣ, отдали въ ихъ руки горную промышленность и добычу металловъ; Ричардъ II вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ также подтвердилъ права и вольности Ганзы. Но при этомъ слабомъ представителѣ королевской власти зашевелилась сдерживавшаяся до сихъ поръ національная непріязнь противъ торговаго господства чужеземцевъ. Нижняя палата, защищая интересы народа, убѣдила короля объявить ганзейскія привилегіи недѣйствительными, пока ганзейцы не оправдаются во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ. Это было началомъ длинной, не разъ прерывавшейся и снова возгоравшейся борьбы возникающей англійской торговли противъ преобладанія чужихъ, особенно же ганзейскихъ купцовъ, борьбы сначала за англійскій рынокъ, а потомъ и за сѣверные рынки, которые ганзейцы старались удержать только для себя: во первыхъ за норвежскіе и датскіе торговые центры, во-вторыхъ за ганзейскіе же города. Это та борьба, которая тянется вплоть до конца царствованія Елизаветы и только въ 1600 г. заканчивается полною побѣдой англичанъ.

При Ричардѣ II прорвалась наружу ненависть, давно уже накоплявшаяся противъ ганзейцевъ благодаря тому отношенію ко всѣмъ чужестранцамъ, которое послѣ Штральзундскаго мира они усвоили себѣ въ Шоненѣ и Норвегіи. Англичане не отступали передъ ганзейцами подобно остальнымъ не нѣмецкимъ народностямъ. Они продолжали проникать въ Балтійское море и, избѣгая ганзейской, главнымъ образомъ Любекской посреднической торговли, добывали себѣ сами то, что имъ требовалось. На враждебныя дѣйствія прибалтійскихъ городовъ король отвѣтилъ упомянутой выше временной пріостановкой ганзейскихъ привилегій. Кромѣ того англичане требовали равныхъ съ ганзейцами преимуществъ во всѣхъ городахъ и областяхъ Ганзы. Въ концѣ 1380 г. нѣмцы добились отъ короля возвращенія жалованныхъ грамотъ, не подумавъ однако отплатить англичанамъ тою же услугой. Возгорѣвшіеся снова раздоры, усиленные бойкотами и конфискаціями, прекратились только въ 1388 г. Съ этихъ поръ англичане пользовались правомъ свободнаго въѣзда въ балтійскія гавани, купцы ихъ организовались по ганзейскому образцу и стали избирать своего ольдермена, на обязанности котораго лежало улаживать ихъ споры и защищать ихъ интересы отъ посягательствъ иностранцевъ. Хотя и послѣ соглашенія 1388 г. раздоры между нѣмцами и англичанами не прекращались, тѣмъ не менѣе положеніе нѣмцевъ въ Англіи не возбуждало особыхъ опасеній: первый Ланкастеръ, Генрихъ IV, утвердилъ ганзейскія

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Ганзейскія суда XIV и XV вѣка.

(Оригинальные рисунки Вилли Штевера).

Объясненіе рисунковъ на оборотѣ.

1 и 3. Кельнскія суда около 1400 г.
2. Висмарскій корабль.
4. Любекскій корабль.
5. Данцигскій корабль.
6. Эльбингскій корабль.

(1 и 3 по картинѣ „Мученичество святой Урсулы", написанной около 1409 г. и находящейся въ музеѣ Вальрафа-Рихарца въ Кельнѣ; 2, 4—6 по слѣпкамъ печатей Германскаго Національнаго Музея въ Нюрнбергѣ, а именно 2 по печати съ надписью: Sigillum Wissemariensis civitatis, 4 по печати съ надписью: Sigillum burgensium de Lubeke, 5 по печати съ надписью: Sigillum burgensium in Dantzike и 6 — Sigillum civitatis Elbingensis.)

жалованныя грамоты, когда ганзейцы согласились на повышеніе пошлинъ, необходимое для британскаго бюджета. Однако не признаніе завоеваній прошлаго является главнымъ содержаніемъ ганзейско-британскихъ отношеній, а тотъ фактъ, что ганзейцы вынуждены были уже съ самаго начала дать просторъ зарождающемуся морскому могуществу Британіи.

в) Переселеніе братства виталіевъ въ Нѣмецкое море.

Къ концу XIV столѣтія Балтійское море было наконецъ очищено отъ пиратовъ, которые такъ размножились во время борьбы изъ-за Швеціи. Братство виталіевъ продолжало свою работу и послѣ освобожденія короля Альбрехта, и послѣ выдачи Стокгольма Ганзѣ въ видѣ залога. Мекленбургцы попрежнему пользовались ихъ услугами, все еще питая надежды на Швецію. Но они перенесли свою главную квартиру въ Висби, въ то время какъ большая часть Готланда оставалась во власти Маргариты. Также въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ, даже на померанскомъ побережьи находили они себѣ убѣжище; наоборотъ Ростокъ и Висмаръ заперли имъ свои гавани. „Нѣмецкому купцу“ они приносили страшный вредъ. Положеніе сразу измѣнилось, когда Нѣмецкій орденъ завладѣлъ Висби и остальнымъ Готландомъ (1398 г.). Такъ какъ въ это же время вендскіе города рѣшили готовиться къ борьбѣ съ морскими разбойниками и назначили новый сборъ военнаго налога, такъ какъ съ другой стороны владѣтельница трехъ объединенныхъ королевствъ сѣвера также выступила противъ грабителей, то они покинули балтійскія воды и сдѣлали Нѣмецкое море ареною своей дѣятельности, не прикрытой теперь уже никакими политическими мотивами.

Нѣмецкое море издавно имѣло своихъ собственныхъ пиратовъ, главнымъ образомъ фризскаго происхожденія. Во время столѣтней войны грабежи французовъ и англичанъ не разъ подавали ганзейцамъ поводъ къ жалобамъ. Теперь къ этимъ разбойникамъ присоединились еще виталіи затруднившіе сношенія на всемъ театрѣ западно-европейской торговли, начиная съ Фрисландіи. Снова вынуждены были ганзейцы соединять суда, плывущія во Фландрію, во флоты, приблизительно по 20 кораблей въ каждомъ (см. таблицу „Ганзейскія суда XIV и XV вѣка“), и снабжать ихъ конвойными кораблями. Тщетно обращалась Ганза за помощью къ фландрскимъ городамъ; между тѣмъ эскадрѣ изъ кораблей Любека и Гамбурга удалось нанести рѣшительное пораженіе виталіямъ (апрѣль 1400 г. при Эмсѣ). Одна часть пиратовъ бѣжала въ норвежскія шхеры, другая нашла убѣжище у графа Голландскаго. Гамбургъ продолжалъ свою борьбу съ морскими разбойниками и ему удалось поймать и обезглавить вождя пиратовъ, Клауса Штертебекера, событіе, надолго сохранившееся въ памяти народа, обыкновенно столь забывчиваго во всемъ, что касается его исторіи. Тѣмъ не менѣе пиратство продолжалось и имя Vitalienbrüder, замѣненное въ теченіе многихъ лѣтъ названіемъ „Likendeeler“ („раздѣляющіе поровну“), изобрѣтеннымъ самимъ пиратами, пережило вторичный періодъ блеска.

г) Ганза и Нѣмецкій орденъ.

Занятіе Готланда Нѣмецкимъ ыцарскимъ орденомъ не могло не возбудить въ Ганзѣ серьезныхъ опасеній. Всѣ прибалтійскіе города за исключеніемъ прусскихъ старались ради защиты совмѣстныхъ интересовъ сохранять наилучшія отношенія съ орденомъ, несмотря на то, что послѣдній шелъ своею собственной дорогой и былъ въ высшей степени ненадежнымъ союзникомъ. Но этого мало; орденъ открыто выступилъ про-

тивъ политики сѣверной уніи и вызывалъ королеву на борьбу за политическое преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Этимъ былъ поставленъ вопросъ о нейтралитетѣ Ганзы. Слѣдуетъ ли ганзейцамъ стать на сторону одной изъ враждующихъ партій, или попрежнему предоставить дѣло его естественному теченію, чтобы въ надлежащій моментъ выступить посредниками? Но орденъ не ограничился захватомъ Готланда. Его торговая политика приняла направленіе, непосредственно враждебное Ганзѣ. До сихъ поръ прусскіе, именно лифляндскіе, города безупѣшно стремились получить въ Новгородѣ одинаковыя права съ пригородами Висби и Любекомъ, какъ вдругъ прусскіе города благодаря договору съ Литвою пріобрѣли совершенно новую торговую область, недоступную для остальныхъ ганзейцевъ; въ Ковнѣ (Kauen) была основана факторія, которая могла вступить и дѣйствительно вступила въ серьезную конкурренцію съ новгородскою и псковскою торговлею. Договоръ, заключенный гроссмейстеромъ съ литовскимъ великимъ княземъ Витольдомъ (1398 г.), покончилъ въ то же время съ безконечными распрями, одинаково стѣснявшими обоихъ противниковъ. Литва согласилась на миръ, выгодный для ордена, такъ какъ ей необходимо было обезопасить себѣ тылъ въ виду предстоящей войны съ Россіей, Пруссія же могла на него согласиться, потому что Литва перестала быть языческимъ государствомъ и поводомъ къ безконечнымъ религіознымъ войнамъ.

Если отношенія между обоими государствами вскорѣ снова обострились, и возгорѣвшаяся опять распря привела орденъ на край гибели, то для самостоятельной торговли прусскихъ городовъ въ Литвѣ и Польшѣ это обстоятельство не имѣло существеннаго значенія, точно также какъ и для конторы въ Ковнѣ. Когда внутреннее разложеніе прусскаго ордена разрушило старую связь между нимъ и его городами, послѣдніе не только не стремились сплотиться съ остальными прибалтійскими городами, но съ удвоенной беззастѣнчивостью преслѣдовали свои спеціальные интересы, шедшіе въ разрѣзъ съ интересами вендскихъ и всѣхъ вообще ганзейскихъ купцовъ. Дальнѣйшему развитію союзнаго характера Ганзы наступилъ конецъ. Система территоріальныхъ городскихъ союзовъ, отвѣчающая общему развитію нѣмецкой государственной жизни, уничтожила въ самомъ зачаткѣ попытку образованія общегерманскаго союза городовъ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда противорѣчіе между дальновидной торговой политикой ордена и торговыми интересами подчиненныхъ ему городовъ разрослось въ непроходимую пропасть, выступилъ новый претендентъ на Dominium, или по меньшей мѣрѣ Condominium maris baltici, претендентъ, которому именно рыцарскій орденъ закрылъ дорогу къ морю: это была съ 1401 года окончательно объединившаяся Литва-Польша. Эта унія являлась для ордена болѣе опасною, чѣмъ унія трехъ сѣверныхъ королевствъ. На обѣ стороны онъ не могъ продолжать борьбу и поспѣшилъ заключить миръ съ сѣверомъ, отдавъ послѣ девятилѣтняго владѣнія королю уніи Эриху островъ Готландъ за ничтожную денежную сумму (1407 г.). Предварительно, однако орденъ въ формѣ аренды купилъ у Сигизмунда Люксембургскаго Неймаркъ, чтобы такимъ образомъ окончательно отрѣзать полякамъ путь къ морю. О дальнѣйшихъ событіяхъ, о гибельной для ордена битвѣ при Танненбергѣ (1410 г.), мы упомянемъ здѣсь лишь мимоходомъ. Движеніе впередъ западнаго славянства, остановившее направленное на востокъ расширеніе германскаго міра и даже отнявшее у послѣдняго часть его завоеваній, принесло неизгладимый вредъ и нѣмецкой Ганзѣ. Въ сознаніи своего безсилія она и не мечтала подрѣзать когти бѣлому орлу Польши. Пока она съ чувствомъ удовлетворенія отнеслась къ Танненбергской катастрофѣ, какъ къ событію, сократившему размахъ чернаго орла.

д) Препятствія и затрудненія.

Греки съ участливымъ благочестивымъ содраганіемъ разсказываютъ о баловняхъ счастья, которыхъ слѣпая судьба возноситъ на вершину благополучія, успѣхъ соблазняетъ къ заносчивымъ поступкамъ, вслѣдствіе чего они, наконецъ, низвергаются съ головокружительной высоты въ бездну неизмѣримаго горя. Ганза не принадлежала къ этимъ ослѣпленнымъ счастьемъ безумцамъ, къ этимъ уничтожающимъ самихъ себя созданіямъ стихійной игры случая.

Боги не сбрасывали ее въ бездну, какъ орденъ нѣмецкихъ рыцарей, они просто не давали ей развиваться, не давали ей стать крупной силой; они какъ-бы систематически, съ мелочной предусмотрительностью ставили препятствія на каждомъ шагу ея развитія. Сама природа, казалось, была противъ нея въ заговорѣ: одною изъ своихъ капризныхъ прихотей она причинила вредъ, какого не могла исправить политика прибалтійскихъ городовъ со всею ихъ мудростью. Селедка, которая на ряду съ треской является, какъ извѣстно, воплощеніемъ тупости и неподвижности стаднаго существованія, въ началѣ XV вѣка вдругъ измѣнила тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она со временъ сѣдой древности неукоснительно выполняла свою важнѣйшую жизненную задачу, размноженіе. По какимъ причинамъ селедка покидала тогда и въ позднѣйшее бассейнъ время Балтійскаго моря, чтобы затѣмъ снова вернуться туда (обыкновенно черезъ 60 лѣтъ „рыбнаго періода“), на этотъ вопросъ исторія не даетъ отвѣта, предоставляя разрѣшеніе его океанографіи и ихтіологіи. И по выселеніи своемъ въ другія моря селедка сохранила прежній обычай метать икру близъ береговъ, по прежнему она позволяла себя массами ловить, солить и коптить, не заботясь о томъ, кто производитъ эти операціи. Но для нѣмцевъ восточныхъ колоній было далеко не безразлично то обстоятельство, что они встрѣтили въ обитателяхъ побережья Сѣвернаго моря опасныхъ соперниковъ въ ловлѣ селедокъ, послѣ того какъ послѣднія перебрались въ англійско-шотландскія и норвежскія воды.

Но и кромѣ рыбной ловли существовали важные интересы, которые въ XV вѣкѣ приходилось охранять отъ посягательствъ внѣшнихъ враговъ, такъ что въ концѣ концовъ ганзейскіе города и цѣлыми группами и въ одиночку вовлечены были въ тяжелую борьбу. Въ числѣ основаній, побуждавшихъ къ болѣе тѣсному сплоченію особенно сосѣдніе города, видное мѣсто занимала необходимость совмѣстно охранять городскія вольности и союзы отъ козней и насилій феодальныхъ князей. Въ теченіе XV и XVI вѣковъ большинство сѣверно-германскихъ городовъ утратили многія права самоуправляющихся общинъ и были принуждены территоріальными князьями отказаться отъ участія въ ганзейскомъ союзѣ. Печальный жребій полнѣйшаго подчиненія самовластію князей выпалъ прежде всего на долю бранденбургскихъ городовъ при переходѣ ихъ во власть Гогенцоллерновъ. Но и бургундскіе, рейнско-вестфальскіе, нижне-саксонскіе, померанскіе и прусско-ливонскіе города должны были мало-по-малу утратить свои вольности и признать надъ собою право князей. Княжеская власть покоилась на политически болѣе зрѣломъ принципѣ, побѣдоносное шествіе котораго не могли остановить слабыя организаціи среднихъ вѣковъ.

е) Внутренніе раздоры городовъ.

Внутренніе раздоры городовъ, принявшіе особенно затяжной характеръ въ сѣверной Германіи, не мало благопріятствовали попыткамъ князей уничтожить городскія вольности. Средняя и южная Германія уже пере-

жила въ существенныхъ чертахъ великій кризисъ борьбы цеховъ, когда въ ганзейскихъ городахъ эта послѣдняя только возникала. Вообще не только въ коммерческомъ и культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи сѣверъ и югъ священной римской имперіи образовали двѣ строго отличавшіяся другъ отъ друга области.

Въ сѣверно-германскихъ городахъ, какъ и въ остальной Европѣ, развился городской патриціатъ, олигархія, прочно державшая въ своихъ рукахъ городское управленіе, и разсматривавшая участіе въ муниципалитетѣ, въ военномъ совѣтѣ и въ дипломатіи, какъ свое исключительное, наслѣдственное право. Все рѣшительнѣе отграничивалъ себя этотъ патриціатъ отъ другихъ низшихъ слоевъ бюргерства. Привилегіи его можно было добыть лишь по праву рожденія, т. е. патриціатъ сталъ особымъ сословіемъ. Члены послѣдняго назывались „Junker" („благородные") и въ собственныхъ помѣщеніяхъ устраивали свои закрытыя собранія и пирушки. Патриціатскія или „благородныя" фамиліи ганзейскихъ городовъ вышли изъ среды крупнаго купечества и многія изъ нихъ еще продолжали вести торговлю въ широкомъ масштабѣ. Но соціальный блескъ доставила имъ не торговая дѣятельность, а обладаніе помѣстьями на правѣ полной или ленной собственности, вслѣдствіе чего ихъ называли также „рентнерами". Огромная масса купцовъ, отправлявшихся ежегодно въ плаваніе и зачастую жившихъ по цѣлымъ годамъ заграницей, составляла среднее сословіе, которое не допускалось въ среду городскихъ сановниковъ и не имѣло никакого вліянія на городскія дѣла. Въ такомъ же положеніи находились зажиточные цехи или „должности" („Aemter"), а именно пивовары и мелкіе торговцы сукномъ. Это среднее сословіе стремилось прежде всего добиться участія въ городскомъ управленіи. И ему конечно, легко удалось привести въ движеніе широкую массу, „господина omnes", „чернь" и воспользоваться ею, какъ тараномъ противъ твердыни патриціатскаго господства.

Въ XIV и XV вѣкѣ типичный ходъ событій въ ганзейскихъ городахъ былъ слѣдующій: возстаніе среднихъ и низшихъ слоевъ населенія приводитъ къ изгнанію господъ городского совѣта и къ измѣненію городской конституціи; за самыми ничтожными исключеніями вскорѣ послѣ этого слѣдуетъ патриціатская реакція и возстановленіе старой конституціи съ небольшими измѣненіями. Въ періодъ реформаціи городская демократія снова завоевываетъ себѣ господство, но не можетъ надолго удержать его, такъ какъ лютеранское духовенство столь же антидемократично и реакціонно настроено, какъ и его предшественникъ, католическое. По мѣрѣ того какъ росъ гнетъ княжеской власти и усиливалось вліяніе княжескаго законодательства, охватывавшаго между прочимъ и жизнь городскихъ коммунъ, противорѣчія внутри города ослаблялись и исчезали. Но въ промежутокъ времени отъ XIV до XVII вѣка противорѣчія эти носили кроваво-серьезный характеръ. Ненависть, жестокость и коварство составляли ихъ характерныя черты. Убійства, поголовныя, избіенія, изувѣченія, поджоги, грабежи и опустошенія не разъ свирѣпствовали въ одномъ и томъ же городѣ.

Рядомъ съ потребностью въ защитѣ внѣшней торговли стремленіе патриціевъ удержать выгодное для нихъ городское устройство было главнымъ связующимъ средствомъ, удерживавшимъ Ганзу отъ распаденія вплоть до второй половины XVI вѣка. Даже строптивый, не разъ исключавшійся изъ ганзейскаго союза, Бременъ,—и тотъ искалъ помощи у родственныхъ ему городовъ, когда патриціатскіе роды его были изгнаны (1365 г.). Кельнъ, Брауншвейгъ, Штральзундъ, Анкламъ, Дортмундъ, всѣ эти города пережили въ XIV столѣтіи демократическія революціи; въ Брауншвейгѣ господство цеховъ удерживалось даже, несмотря на изгнаніе города изъ Ганзы и бойкотъ. Равнымъ образомъ въ Любекѣ, главномъ городѣ Ганзы, цеховое движеніе было усмирено только силою (въ 1380 г.). Въ общемъ-же

цехи находили себѣ обыкновенно поддержку у княжеской власти, гдѣ таковая существовала: тиранія, цезаризмъ, легитимная монархія по самой природѣ своей суть демократическія силы, благопріятствующія подавленію привилегированныхъ сословій и классовъ, и если въ позднѣйшіе вѣка княжеская власть опиралась на родовитую аристократію и крупное землевладѣніе, то только для того, чтобы заставить служить себѣ и эти силы.

Когда цеховое движеніе достигло нижней Германіи и каждой городской коммунѣ стала угрожать неустранимая опасность конституціоннаго переворота, патриціатскія власти города естественно старались быть какъ можно болѣе осторожными, особенно въ дѣлахъ внѣшней политики; онѣ старались не разъединять своихъ силъ, устраняя всякіе поводы къ тому, чтобы тлѣющая вражда перешла въ открытыя столкновенія. Нерѣшительность ганзейцевъ въ дипломатическихъ переговорахъ и въ войнахъ имѣла своимъ основаніемъ непрочность ихъ положенія дома, въ городскомъ управленіи. „Городской совѣтъ Любека“, по словамъ Ницша, „отказался отъ плодовъ своей побѣды надъ Вальдемаромъ, для того чтобы дома обезпечить свою позицію противъ цеховъ“. Тѣмъ не менѣе, неизбѣжное участіе въ борьбѣ претендентовъ на скандинавскіе троны поставило города, съ Любекомъ во главѣ, въ крайне затруднительное положеніе. Если бы народъ спросилъ, что же сдѣлало въ концѣ концовъ правительство благородныхъ, то врагъ послѣднихъ могъ бы отвѣтить: оно не воспрепятствовало образованію уніи, не сумѣло обезопасить торговыя сношенія, не могло добиться прекращенія разбоя виталіевъ, не говоря уже о томъ, что оно не было въ состояніи доставить союзнымъ городамъ исключительнаго права торговли; но зато оно обременило города долгами, которые должны были все болѣе и болѣе возрастать благодаря дурной организаціи коммунальнаго управленія.

Въ особенности въ Любекѣ попытка обложить населеніе новымъ видомъ поборовъ (акцизомъ, налогомъ на предметы потребленія) привела къ объединенію городского средняго сословія и назначенію контролирующей комиссіи шестидесяти (1406 г.). Въ первомъ возстаніи, обошедшемся, правда, безъ кровопролитія, участвовали купцы, шоненскіе, рижскіе, бергенскіе и др. гости и крупные цехи. Но такъ какъ затѣмъ городской совѣтъ медлилъ измѣненіемъ конституціи въ желательномъ для народа направленіи, народъ взялся за оружіе; благородные члены совѣта изъ знатныхъ родовъ Плесковыхъ, Вестгофовъ, Гойеровъ, Варендорповъ и др. покинули городъ. Революція быстро распространилась на другіе вендскіе города: Висмаръ, Рoштокъ, Штральзундъ, Гамбургъ. Но Любекъ, какъ вольный имперскій городъ, находился въ положеніи, совершенно отличномъ отъ остальныхъ городовъ. Его выходцы съ Іорданомъ Плесковомъ во главѣ обратились къ верховному владыкѣ имперіи, королю Рупрехту. Послѣдній не могъ измѣнить положенія дѣлъ, хотя и наложилъ на Любекъ опалу. Опала эта дала противникамъ города возможность во-первыхъ пригрозить ему исключеніемъ изъ Ганзы, во-вторыхъ возбудить мысль о расколѣ, объ образованіи новой Ганзы въ духѣ Кельна и тянущихъ къ нему внутреннихъ городовъ. Между тѣмъ императоръ Сигизмундъ, къ которому обратились враждующія любекскія партіи, старался использовать удобный случай, чтобы пособрать денегъ съ той и другой стороны. При помощи его вліянія и при содѣйствіи сосѣднихъ городовъ въ качествѣ третейскихъ судей удалось, наконецъ, возстановить господство стараго совѣта въ Любекѣ. Эрихъ разсчитывалъ наложить свою руку на главный городъ Ганзы и даже на весь ганзейскій союзъ; онъ уже подумывалъ о достиженіи той великой цѣли, которую онъ поставилъ себѣ тотчасъ-же по смерти Маргариты (1412 г.), а именно о возсоединеніи подъ одной державой Шлезвига и Даніи.

ж) Ганзейская политика въ XV вѣкѣ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ отношеніе къ тремъ сѣвернымъ, теперь объединеннымъ государствамъ по прежнему составляло центральный пунктъ ганзейской политики. Въ этой области не нейтралитетъ, а только вполнѣ опредѣленная политическая позиція могла доставить защиту и расширеніе торговымъ привилегіямъ; здѣсь открывалась въ то же время возможность путемъ энергичнаго вмѣшательства пріобрѣсти вліяніе на ходъ событій. На славянскомъ востокѣ и на романо-германскомъ западѣ Ганза принуждена была въ большинствѣ случаевъ предоставить высшую политику ея естественному теченію; положеніе ея носило тамъ скорѣе страдательный характеръ: во всѣхъ случаяхъ активнаго вмѣшательства она только безполезно растрачивала свои недостаточныя военныя силы. Нападеніе короля Эриха на Шлезвигъ и шауенбургскихъ герцоговъ вынудило Гамбургъ немедленно взяться за оружіе для защиты голштинскихъ сосѣдей. Міру предстало невиданное дотолѣ зрѣлище: гамбургцы шли рука объ руку съ виталіями въ войну противъ Даніи. Любекцы устранились пока отъ участія въ войнѣ, выступивъ посредниками при перемиріи.

Въ эту эпоху Ганза возобновила объединительную политику временъ Вальдемара; любекская конфедерація 1418 года была первой послѣ кельнской конфедераціи 1367 года. Города присоединились въ значительномъ числѣ: 47 изъ нихъ поименованы, какъ участники союза. Любопытно то обстоятельство, что особенно сильно были представлены внутренніе города, точно также нидерландскіе. Была установлена матрикула, опредѣляющая военные контингенты и денежные взносы, принято постановленіе, что каждый угрожаемый врагами городъ должны защищать сначала четыре, потомъ восемь сосѣднихъ городовъ и, наконецъ, весь союзъ, разработаны правила касательно третейскаго разбирательства возникающихъ въ союзѣ раздоровъ: все это мѣропріятія, направленныя главнымъ образомъ противъ враждебныхъ городамъ князей. Конфедерація самымъ рѣшительнымъ образомъ выступила также противъ городскихъ революціонеровъ. По торговымъ вопросамъ были также приняты опредѣленныя рѣшенія; такъ напр., воспрещено вывозить хлѣбъ, если онъ купленъ не въ одной изъ ганзейскихъ гаваней; это было демонстраціей противъ голландцевъ, старавшихся избѣгать ганзейскаго посредничества.

Конфедерація 1418 г. не имѣла значительнаго вліянія, по крайней мѣрѣ въ политической области. Тѣмъ не менѣе до 1430 года она считалась юридически существующей; за ней послѣдовали аналогичныя соглашенія 1430, 1443, 1447 и 1450 годовъ. Похвальное стремленіе прочнѣе связать расползающіяся въ разныя стороны части союза сказалось и въ постановленіяхъ, имѣвшихъ цѣлью сдѣлать посѣщеніе ганзейскихъ съѣздовъ обязательнымъ; ради этого для отсутствующихъ безъ уважительныхъ причинъ членовъ союза былъ опредѣленъ денежный штрафъ, неисправимымъ же угрожало исключеніе изъ Ганзы на пять лѣтъ. Несмотря однако на такія мѣры, жалобы на слабое посѣщеніе съѣздовъ никогда не прекращались. Отдѣльныя группы, а именно нидерландскіе, а иногда также прусскіе и ливонскіе города, состояли въ открытой враждѣ съ центральной группой вендскаго союза. Бранденбургскіе и многіе внутренніе города не посылали депутатовъ, потому что этого не допускали ихъ феодальные властители. Это было время второй великой войны городовъ, въ которой каждый городъ могъ разсчитывать только на свои собственныя силы. Какое же дѣло было имъ до союзныхъ интересовъ, которые все же являлись преимущественно любекскими!

Между тѣмъ сѣверныя событія постоянно держали ганзейскіе города, особенно вендскіе, въ напряженномъ состояніи. Любекцы первоначально

находились въ союзѣ съ королемъ Эрихомъ VII Померанскимъ, отношенія котораго къ Гамбургу были уже въ высшей степени натянутыми. Открытое покровительство голландцамъ, которымъ король уніи открылъ Зундъ, навлекло на него вражду его недавнихъ союзниковъ. Съ 1426 года до Вордингбордскаго мира (1435 г.) продолжалась война Эриха съ любекцами. Яблоко раздора, Шлезвигъ, осталось въ рукахъ шауенбургцевъ и Любекъ могъ обогатить сокровищницу документовъ Ганзы утвержденіемъ ганзейскихъ привилегій еще на сто лѣтъ. При наслѣдникѣ низложеннаго въ 1439 г. Эриха королѣ Христофѣ Баварскомъ, отношенія Ганзы къ сѣверу не измѣнились; только жалобы на покровительство Даніи западнымъ нѣмцамъ и Даніи стали раздаваться нѣсколько громче.

Послѣ смерти Христофа (въ 1448 г.) на датско-норвежскій престолъ вступилъ не безъ содѣйствія Ганзы Христіанъ I Ольденбургскій, основатель нынѣшняго королевскаго датскаго дома. Когда шведы отложились отъ уніи и началась семилѣтняя война съ ними, Ганза не вмѣшивалась, довольная, что ей удалось получить новое подтвержденіе своихъ драгоцѣнныхъ правъ. Она допустила также провозгласить Христіана I герцогомъ Шлезвига и графомъ Голштиніи, послѣ того какъ вымерла главная шауенбургская вѣтвь; этимъ памятнымъ 1460 годомъ начинается исторія страданій заэльбскихъ союзниковъ Даніи. Если короля уніи и нельзя было обвинять въ открыто враждебномъ отношеніи къ Ганзѣ, то все же Любекъ и Гамбургъ должны были держаться очень насторожѣ, и увеличили высоту своихъ стѣнъ и башенъ.

При сынѣ Христіана I, Іоаннѣ (1481—1513), дѣло снова дошло до вооруженнаго столкновенія между любекцами и королемъ уніи, такъ какъ ганзейцы приняли сторону отложившихся отъ уніи шведовъ. Король Іоаннъ поставилъ нѣмцевъ передъ дилеммою: или шведы, или привилегіи; онъ подкрѣпилъ свои слова новыми таможенными пошлинами и новымъ обремененіемъ рыбнаго промысла. Немедленно въ Балтійскомъ морѣ появились военные корабли Ганзы (1509 г.); возгорѣлась многолѣтняя морская война, которую ганзейцы старались какъ можно скорѣе привести къ концу, такъ какъ огромныя военныя издержки сопровождались еще большимъ уменьшеніемъ обычной торговой прибыли. Въ Мальмескомъ мирѣ (1512 г.) вендскіе города — ибо они одни несли всю тягость войны — еще разъ добились подтвержденія всѣхъ своихъ привилегій. Но важнѣе всего было то, что фактически они все еще держали въ своихъ рукахъ торговлю трехъ сѣверныхъ государствъ.

Къ идеалу монополіи, устраняющей всякую конкурренцію, ганзейцамъ удалось приблизиться лишь въ Норвегіи. Здѣсь иностранцы были почти совершенно вытѣснены, а туземцы вынуждены совершать всѣ свои торговыя сдѣлки въ Бергенѣ. Беззастѣнчивость, свойственная грубому времени и грубому народу, нигдѣ не выступала съ большей рѣзкостью, какъ въ норвежской колоніи Ганзы. Нѣмецкій кварталъ, такъ наз., „мостъ“ и „улица башмачниковъ“, съ 2—3000 исключительно мужского населенія, отличался варварски строгой дисциплиной, но зато и варварски дикими нарушеніями ея. Достигши крупнаго значенія позже другихъ, эта факторія пережила почти всѣхъ своихъ товарищей.

Въ Англіи въ теченіе XV вѣка Ганза также удерживала свои поселенія и привилегіи; однако здѣсь нерѣдко случались уже серьезныя столкновенія, перешедшія разъ даже въ открытую борьбу. Англичане не оставили своего стремленія національзовать экспортъ и морскую торговлю, вытѣснивъ изъ этой области иностранцевъ; они основали складъ шерстяныхъ товаровъ въ Калэ и стали показываться въ водахъ, которыя Ганза хотѣла имѣть въ своемъ исключительномъ пользованіи. Въ Норвегіи англичане не сумѣли утвердиться, но на балтійскихъ берегахъ они нашли себѣ внѣ почти недоступныхъ вендскихъ городовъ убѣжище, открытое также

и для Голландіи, а именно Данцигъ. Метрополія прусской торговли развивалась и прогрессировала въ такой же степени, въ какой падало подавляющее ее господство ордена. Не порывая съ Любекомъ, она пошла въ польско-литовской и нидерландско-англійской торговлѣ своимъ путемъ. Въ 1428 году англичане основали въ Данцигѣ факторію по образцу ганзейскихъ конторъ. На это они имѣли право въ силу ганзейско-англійскаго договора, обезпечившаго взаимныя привилегіи той и другой стороны. Однако любекцамъ, столь ревностнымъ въ защитѣ собственнаго права, очень не понравилось появленіе англичанъ въ Балтійскихъ водахъ, хотя имъ и не приходилось бояться конкурренціи островитянъ, тогда еще сильно отсталыхъ въ промышленномъ развитіи. Благодаря войнѣ съ Франціей и войнѣ бѣлой и алой розы, Англія не была въ состояніи рѣшительно защищать свои торговые интересы, гражданская война доставила кромѣ того Ганзѣ желанную возможность лавировать между партіями и заставлять обѣ ихъ оплачивать свои кажущіяся услуги. Въ это время вражды между королевскими домами любекцы безъ всякаго стѣсненія задерживали и заарестовывали англійскіе корабли въ Зундѣ.

Одинъ изъ такихъ фактовъ (въ 1468 г.) побудилъ англійское правительство употребить силу противъ живущихъ въ Англіи истерлинговъ. При этомъ снова ярко обнаружилась наиболѣе уязвимая сторона ганзейскаго союза; кельнцы, продолжавшіе считать себя единственными правомѣрними владѣльцами лондонской факторіи, отказались отъ своихъ восточныхъ союзниковъ и добились документальнаго признанія ихъ исключительнаго права на все, принадлежащее къ нѣмецкой колоніи. Ганза исключила изъ своего союза Кельнъ и объявила торговый бойкотъ противъ Англіи. Такъ какъ Эдуардъ IV подобно Генриху VI при своемъ вторичномъ восшествіи на престолъ обезпечилъ за кельнцами исключительное право собственности на „Стальной дворъ", то бойкотъ продолжался; началась даже настоящая морская война съ Англіей (1472), какой Ганза, воевавшая съ Даніей, никогда еще не вела. Въ февралѣ 1474 года англійскій король заключилъ съ Ганзой Утрехтскій миръ, Въ переговорахъ приняли участіе городскіе сановники Любека, Гамбурга, Бремена, Дортмунда, Данцига, Девентера и Нимвегена. Почетнымъ образомъ вернули себѣ господа Ганзы „Стальной дворъ" и дворы въ Бостонѣ и Лейнѣ; привилегіи ихъ снова вступили въ силу, Кельнъ, преданный Эдуардомъ IV, черезъ четыре года послѣ Утрехтскаго мира снова былъ принятъ въ ганзейскій союзъ, на унизительныхъ однако условіяхъ. Англичанамъ былъ опять предоставленъ свободный доступъ во всѣ ганзейскія гавани, „какъ это было въ обычаѣ за сто лѣтъ назадъ", однако полная взаимность правъ еще цѣлыя сто лѣтъ являлась открытымъ вопросомъ, на который каждый ганзейскій городъ отвѣчалъ сообразно своимъ интересамъ. Только окрѣпшая при Тюдорахъ королевская власть разрѣшила его, наконецъ, въ смыслѣ, гибельномъ для нѣмецкой активной торговли.

Въ то время какъ на сѣверѣ и востокѣ Европы объединились раздѣленныя до сихъ поръ государства, на западѣ, на границахъ нѣмецкой и французской народности возникло политическое образованіе, въ которое вошли области наивысшей въ то время культуры: то было герцогство Бургундское, управляемое младшею вѣтвью Валуа, ведущею свое начало отъ Іоанна Добраго. Имѣя съ 1384 года въ своей власти фландрскіе города, центральный пунктъ европейскаго ремесла и торговли, умные и храбрые герцоги пріобрѣли въ 1428 г. Голландію, Зеландію, Геннегау, Лимбургъ и Брабантъ. „Когда центры западно-нѣмецкой торговли попали такимъ путемъ въ руки ненѣмецкой династіи, они попытались освободиться отъ вліянія Ганзы и въ союзѣ съ королями сѣверной уніи устранить восточные города изъ сѣверно-датской торговли" (К. В. Ницшъ). Среди городовъ, попавшихъ

теперь подъ бургундское владычество, многіе были издавна связаны съ ядромъ ганзейскаго союза и нерѣдко посѣщали устраиваемые Любекомъ съѣзды. Особенно зюдерзейскіе города, съ Кампеномъ во главѣ, были членами союза, начиная съ Вальдемаровскихъ войнъ, и участниками въ Шоненскихъ рыбныхъ ловляхъ.

Однако, начиная съ XV вѣка, эти присоединившіеся къ Ганзѣ торговые пункты должны были отступить назадъ передъ зеландскими и голландскими городами. Восточнымъ нѣмцамъ приходилось спокойно смотрѣть, какъ голландцы, по большей части стоявшіе внѣ Ганзы, не только проѣзжали подъ датскою защитою Зундъ, но, не обращая никакого вниманія на штапельное право Любека, плыли на своихъ корабляхъ прямо въ прусскія и даже лифляндскія гавани, забирали оттуда хлѣбъ и вывозили его, опять таки мимо Любека, черезъ открытый Зундъ на родину. Между тѣмъ въ головахъ любекцевъ прочно сидѣло представленіе, что у нихъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отнято ихъ исторически пріобрѣтенное право запирать Балтійское море для каждаго неугоднаго имъ пришельца и принуждать всѣхъ балтійскихъ купцовъ торговать только при помощи любекскаго склада. Какъ создалось такое представленіе, трудно сказать, но они тѣмъ настойчивѣе держались его, чѣмъ сильнѣе падала Ганза. Правда, равноправнымъ съ ними прусскимъ городамъ нельзя было ни запереть Зунда, ни навязать любекскаго складочнаго права; но по отношенію къ лифляндскимъ городамъ Любекъ и теоретически и практически установилъ систему, предвосхитившую основанія колоніальной политики морскихъ державъ въ XVII и XVIII вѣкѣ. Что же касается голландцевъ, то противъ нихъ опасно было примѣнять силу, такъ какъ они могли отомстить ганзейскимъ кораблямъ, посѣщавшимъ западъ. Несмотря на это, „восточники" не переставали принимать на своихъ ганзейскихъ съѣздахъ постановленія противъ Голландіи. Взаимное раздраженіе, возгорѣвшееся еще при королѣ Эрихѣ, пережило Вордингбордскій миръ (1435 г.); вскорѣ послѣ него, въ 1437 г. восточники и западники взялись уже другъ противъ друга за оружіе. Обѣ партіи отнимали другъ у друга торговые флоты, причемъ восточники терпѣли большія потери, такъ какъ ихъ корабли были лучше построены, а грузы болѣе цѣнны. Въ 1441 г., благодаря вмѣшательству Филиппа Добраго, заключено было перемиріе, не разрѣшившее однако главныхъ вопросовъ. Если открытая борьба и не возобновлялась болѣе, то союзъ между восточными и западными купцами былъ во всякомъ случаѣ окончательно порванъ; къ тому же вражебныхъ Ганзѣ голландцевъ оказалось невозможно выгнать изъ балтійскихъ водъ.

Во Фландріи, особенно въ Брюгге, ганзейцы удержали свое привилегированное положеніе въ теченіе всего XV вѣка; противъ жителей Брюгге, отличавшихся такимъ же стремленіемъ къ монополіи, они пустили въ ходъ свое давно испытанное средство, угрозу перенести складъ въ другое мѣсто. Такимъ образомъ здѣсь обѣ стороны находились, такъ сказать, въ брачномъ сожительствѣ, которое поддерживается несмотря на постоянные раздоры, потому что послѣдствія разрыва еще сильнѣе пугаютъ обѣ партіи, нежели непріятности совмѣстной жизни. Граждане Брюгге имѣли конечно полное основаніе быть недовольными территоріальнымъ расширеніемъ сферы ганзейской торговли. Когда начались такъ наз. „Baienfahrten" ганзейцевъ, неизвѣстно; но въ XV столѣтіи они были въ полномъ расцвѣтѣ. Подъ этимъ именемъ понимались плаванія цѣлыхъ флотовъ, грузившихся преимущественно виномъ и солью, къ западнымъ берегамъ Франціи. Съ этими товарами, считавшимися монополіей склада въ Брюгге, ганзейцы плыли мимо Фландріи, игнорируя такимъ образомъ общепризнаннаго до сихъ поръ посредника этой торговли.

Со второй половины XV вѣка Брюгге приходитъ въ явный упадокъ. Его гавани и каналы все болѣе и болѣе заносятся пескомъ и для него

становится почти физически невозможнымъ служить главнымъ складочнымъ мѣстомъ между южно- и сѣверно-европейской торговыми областями. Этому злу до нѣкоторой степени еще можно было бы помочь, но о немъ никто не заботился. Причина лежала въ политическихъ междоусобіяхъ, въ которыя Брюгге, привыкшій всегда идти впереди, неизбѣжно вмѣшивался. Онъ принялъ самое энергичное участіе въ войнѣ, опустошавшей послѣ смерти Карла Смѣлаго (1477 г.) бургундскія земли. Иностранные купцы, присутствіе которыхъ обусловливало величіе Брюгге, толпами перекочевывали въ болѣе спокойный, удобнѣе расположенный Антверпенъ. Рѣшительнымъ моментомъ для этой эмиграціи были событія 1488—89 г., когда Брюгге три мѣсяца держалъ въ Краненбургѣ эрцгерцога Максимиліана, мужа покойной Маріи, наслѣдницы Бургундіи, послѣ чего Фландрія была наводнена иностранными войсками и въ концѣ концовъ вынуждена просить унизительнаго мира. Несмотря на войну и грабежи, восточники оставались въ своей все болѣе пустѣвшей конторѣ въ Брюгге; оставались въ ней, когда всѣ чужестранные купцы ушли оттуда; оставались, когда Антверпенъ превзошелъ уже бывшую метрополію Фландріи; оставались наконецъ и тогда, когда европейская торговля продѣлала такую революцію, какъ никогда раньше или послѣ. Полстолѣтія пребывали еще ганзейцы въ своей неподвижности, воспѣвая славословія своимъ вѣчнымъ привилегіямъ, пока наконецъ не переселились все же въ Антверпенъ, но конечно слишкомъ поздно. Если упорство въ добрѣ и злѣ дѣйствительно является нравственнымъ отличіемъ германской расы, то добродѣтель эта вдвойнѣ свойственна нижнегерманцамъ и втройнѣ ганзейцамъ XV и XVI вѣка.

Исторія Ганзы во времена ея „расцвѣта", продолжавшагося отъ второй половинѣ XIV до конца XV вѣка, какъ видимъ, мало утѣшительна и не способна возбудить чувство уваженія. Но Ганза все же процвѣтала, сохраняла обладаніе своими заграничными привилегіями и на родинѣ играла извѣстную роль въ политической и хозяйственной жизни. Подобно Любеку съ его вендскими городами, всѣ остальные города и группы городовъ оставались при своихъ традиціонныхъ притязаніяхъ и привилегіяхъ. Въ сѣверной торговлѣ за ними оставалось дѣйствительно первое мѣсто, въ то же время они пользовались замѣтнымъ вліяніемъ на сѣверно-европейскія государства. Но въ XV и еще болѣе въ началѣ XVI вѣка политическія отношенія въ области, подчиненной ганзейскому вліянію, радикально измѣнились; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе дальнѣйшаго столѣтія нѣмецкіе города не были уже въ силахъ — ни въ одиночку, ни въ союзѣ — поддерживать свое торговое преобладаніе.

К. **Паденіе Ганзы.**

а) Паденіе ганзы на славянскомъ востокѣ.

Съ востока Европы хлынула та волна, которая въ своемъ движеніи снесла шаткій фундаментъ на которомъ покоилась Ганза. Паденіе началось съ образованіемъ польско-литовской уніи (см. стр. 42); за этимъ послѣдовали и разгромъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена при Танненбергѣ (1410), и роковая рознь между политикою ордена и интересами его городовъ, сочувствующихъ Ганзѣ, наконецъ второй Торнскій миръ, по которому западная Пруссія вмѣстѣ съ Эрмеландомъ присоединена была къ Польшѣ (1466 г.). Эта перемѣна господства оказалась гибельною для мелкихъ городовъ Пруссіи; но Данцигъ, завоевавшій себѣ исключительное положеніе даже по сравненію съ свободными имперскими городами южной Германіи, непрерывно возвышался, такъ что къ концу XV столѣтія онъ по своему значенію сравнялся съ Любекомъ, а въ XVI столѣтіи даже превзошелъ его. Связь прусскихъ городовъ съ общеганзейскимъ союзомъ даже въ эпоху орденскаго

могущества была слабою, такъ что отдѣленіе ихъ отъ римско-германской имперіи мало измѣнило ихъ положеніе. Данцигъ, нуждавшійся въ защитѣ противъ польскихъ королей, поддерживалъ связи съ Ганзою и порвалъ съ нею лишь тогда, когда союзъ этотъ распался. Польшѣ хотя и удалось освободиться отъ властнаго вліянія нѣмцевъ, длившагося цѣлое столѣтіе, но шляхетское королевство мало выиграло отъ этого; среднія сословія мало укрѣпились въ немъ, а внутреннюю торговлю взяли въ свои руки евреи. Внѣшняя-же по прежнему велась нѣмцами; нѣмцы нижней, средней и верхней Германіи подѣлили между собою эксплуатацію области, простиравшейся отъ Балтійскаго моря до Карпатъ, отъ Вислы до Днѣпра.

Послѣ того какъ западная Пруссія присоединена была къ Польшѣ, орденъ въ теченіе нѣкотораго времени господствовалъ еще въ восточной Пруссіи и Лифляндіи. Торговыя сношенія съ западомъ велись обычнымъ путемъ. Чрезвычайно важныя сношенія съ русскими въ Псковѣ и Новгородѣ остались и въ XV столѣтіи монополіей Ганзы. Лишь купеческая жадность и въ частности специфическая нижне-германская настойчивость помогли имъ не утратить этихъ наиболѣе опасныхъ пунктовъ нѣмецкой внѣшней торговли. Но повѣствованіе о многочисленныхъ запрещеніяхъ торговыхъ сношеній съ русскими, о томъ какъ, часто закрывались новгородскіе торговые склады, какъ часто они подвергались нападеніямъ, раззорялись, сжигались, и какъ, несмотря на все это, вновь закипала здѣсь торговля, — не можетъ представлять всемірно-историческаго интереса. По прежнему продолжались распри между группами вендскихъ и лифляндскихъ городовъ. Въ концѣ концовъ Любеку все же пришлось уступить рижанамъ и предоставить имъ участіе въ контролѣ надъ новгородскимъ дворомъ св. Петра; даже болѣе: въ XV в. Любекъ добровольно поручаетъ веденіе часто очень запутанныхъ, сложныхъ и длинныхъ переговоровъ съ Россіей и Польшей ближе къ Россіи расположеннымъ городамъ Лифляндіи и Эстляндіи. Въ то-же время употреблены были всѣ усилія для исключенія голландцевъ изъ русско-ливонской торговли и прегражденія лифляндцамъ Эрезундскаго пути.

Положеніе дѣлъ въ восточныхъ областяхъ тѣмъ временемъ однако такъ измѣнилось, что у Риги, Дерпта и Ревеля возникаютъ уже стремленія монополизировать въ своихъ рукахъ торговлю съ русскими и принудить своихъ коллегъ — остальныхъ ганзейцевъ отказаться отъ непосредственныхъ сношеній съ русскими. Но въ этотъ моментъ въ сѣть ганзейскихъ интригъ вторглась губительная десница московскихъ царей.

Іоаннъ III, освободившій Россію отъ татарскаго ига (см. изобр. его на картинѣ: „Іоаннъ III и Іоаннъ IV; союзъ бѣлоруссовъ съ императоромъ Максимиліаномъ“, въ V томѣ), потребовалъ отъ свободнаго города Великаго Новгорода, чтобы онъ призналъ его своимъ государемъ. Подступивъ со своими войсками къ Новгороду, еще не рѣшившему, какъ ему поступить, онъ взялъ его (1477). Вскорѣ послѣ этого новгородское населеніе подверглось массовому переселенію во внутреннія области русскаго царства, какъ это было въ обычаѣ еще въ древней Ассиріи; въ Новгородъ-же отправлялись на жительство московскіе бояре, воины и купцы. Пребывавшіе въ то время въ Новгородѣ ганзейцы были раззорены и должны были быть довольны тѣмъ, что въ результатѣ дипломатическихъ переговоровъ города Любека, вновь явившагося представителемъ для нѣмецкаго купечества, установлено было 20-лѣтнее перемиріе (1487). Теперь торговля могла опять пойти своимъ обычнымъ путемъ.

Серьезныя опасенія внушало основаніе Іоанномъ въ 1492 году противъ Нарвы, а слѣдовательно неподалеку отъ Финскаго залива, крѣпости Ивангородъ. Ненависть царя къ лифляндцамъ и нерасположеніе его къ нѣмцамъ, послѣ того какъ онъ грубо былъ обманутъ императоромъ Максимиліаномъ I, съ которымъ велъ переговоры, были всѣмъ извѣстны. Теперь Іоаннъ

4*

Васильевичъ вступилъ въ сношенія съ королемъ Уніи Іоанномъ (ср. выше стр. 47); послѣдній былъ врагомъ Ганзы и, не обладая достаточными силами, чтобы напасть на нее лично, возстановлялъ противъ нея московитянъ; въ тайномъ договорѣ рѣшено было изгнать нѣмцевъ изъ Новгорода и запретить имъ торговлю съ русскими. Удобнымъ предлогомъ для начала враждебныхъ дѣйствій послужило сожженіе въ Ревелѣ двухъ русскихъ: одного за чеканку фальшивыхъ монетъ, другого за противуестественно развратное поведеніе. „5 ноября 1494 года дикая орда, руководимая только что вернувшимся изъ столицы царскимъ тайнымъ писцомъ Василіемъ Жукомъ и Данилой Манырeвымъ, напала на нѣмецкій гостиный дворъ, и безъ предупрежденій, безчестно захватила въ плѣнъ всѣхъ его обитателей; ихъ было 49 человѣкъ нѣмцевъ, купцовъ, учителей иностранныхъ языковъ, учениковъ изъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унна, Дуисбурга, Эймбека, Дудерштадта, Ревеля и Дерпта; съ плѣнныхъ стащили одежду, обувь и заключили ихъ въ гнилыя темницы; товары ихъ, стоимость которыхъ равнялась милліону гульденовъ (золотыхъ гульденовъ), были захвачены“ (А. Винклеръ). Правда, послѣ многократныхъ просьбъ царь въ 1497 году велѣлъ освободить оставшихся еще въ живыхъ плѣнниковъ, но во время морского плаванія обратно на родину судно ихъ было поглощено бурнымъ моремъ и все бывшее на немъ погибло.

Послѣ катастрофы, постигшей новгородскую факторію въ 1494 году, исчезло преобладаніе нѣмцевъ въ торговлѣ на сѣверо-западѣ Россіи. Голландцы, англичане, верхне-германцы стремились забрать въ свои руки торговлю и добиться если не монополіи, то хотя бы участія въ торговыхъ сношеніяхъ. Ганзейцы тоже, въ особенности Любекъ, выступали со своими притязаніями на русскій рынокъ. Такъ какъ флотъ и наемныя войска не представляли для московитянъ такой угрозы, какъ для датчанъ, то ганзейцы рѣшили попробовать счастья, обращаясь къ царямъ съ челобитными. Нѣкоторую услугу Ганзѣ оказало прекращеніе нападеній русскихъ на нѣмецкія области послѣ сопротивленія, оказаннаго имъ въ Лифляндіи знаменитымъ Плеттенбергомъ, а также и то, что какъ разъ въ это время вновь заключенъ былъ союзъ между императоромъ Максомъ и Василіемъ III (см. уже упомянутую картину, т. V). Черезъ 20 лѣтъ послѣ разгрома 1494 года нѣмцы вернулись въ Новгородъ и опять основались въ Петровскомъ дворѣ, но торговля шла очень туго; она могла производиться теперь въ любомъ мѣстѣ города и кѣмъ угодно: торговля не была больше связана съ монопольными гильдіями и помѣщеніями ганзейскаго двора. Стремленіе возстановить старыя монопольныя права встрѣтило противодѣйствіе со стороны лифляндцевъ; послѣдніе утверждали, что торговля идетъ теперь иными путями: она ведется черезъ Смоленскъ и Псковъ, къ тому-же русскіе завязали сношенія съ верхнегерманцами и черезъ Польшу. Тѣмъ не менѣе любекское купечество продолжало добиваться давно утраченныхъ привилегій: въ этомъ сказалась его закоренѣлая неспособность понимать и приспособляться къ измѣняющимся требованіямъ времени. Та самая косность мысли, тотъ же педантизмъ и строгое слѣдованіе буквѣ, которыя испортили нѣмецкую реформацію, окончательно лишили жизни и сѣверно-германскую внѣшнюю торговлю XVI столѣтія; но именно лишь окончательная гибель была вызвана этими чертами германскаго характера; въ общемъ же не тѣ или другіе поступки или промахи нѣмцевъ привели къ окончательной развязкѣ, а другое болѣе важное обстоятельство: на первый планъ выступили теперь чужеземные народы, когда то съ младенческой культурой, но теперь превосходившіе нѣмцевъ силою и развитіемъ своей государственности.

Новый ударъ поразилъ Ганзу на сѣверо-востокѣ Европы послѣ паденія Лифляндіи. Въ 1558 году полчища Іоанна Грознаго (см. изображе-

ніе его на уже нѣсколько разъ упомянутой картинѣ въ V томѣ) вторглись въ область, принадлежащую ордену, и взяли кромѣ Нарвы также и Дерптъ. Русскіе, шведы, датчане, поляки, старались урвать себѣ клочки этой наиболѣе сѣверной колоніи средневѣковыхъ нѣмцевъ (1559—62). Іоаннъ IV избралъ Нарву пограничнымъ пунктомъ иностранной торговли съ Россіей. Онъ старался привлечь сюда торговыхъ людей, ставя ихъ подъ защиту законовъ и освобождая отъ пошлинъ. Но шведскіе и польскіе каперы перехватывали шедшія къ Нарвѣ торговыя суда, между которыми попадались и любекскія. Любекское купечество, отъ своего собственнаго, а также отъ имени всей Ганзы обратилось съ жалобой къ Іоанну; противу всякаго ожиданія царь, обыкновенно враждебно настроенный противъ нѣмцевъ, но какъ разъ въ это время гнѣвавшійся на своихъ любимцевъ англичанъ, отнесся благосклонно къ ихъ просьбѣ; но путь къ Нарвѣ они сами должны были себѣ очистить, изъ за этого имъ пришлось даже еще разъ вести войну со шведами. Еще худшее ждало ихъ впереди, когда шведы и поляки, соединившись, отняли у русскихъ Лифляндію, при чемъ Нарва досталась шведамъ (1581 г.).

Когда послѣ смерти Іоанна Грознаго на престолъ вступилъ Θеодоръ Іоанновичъ, Любекъ вновь началъ переговоры отъ имени „Союза 73 городовъ", какъ хвастливо величала себя Ганза. Еслибъ задачи ихъ исчерпывались заключеніемъ договоровъ, то Ганза теперь могла добиться бы большихъ преимуществъ, чѣмъ когда либо; царь предоставилъ ей право ввоза и вывоза товаровъ въ Новгородѣ, Псковѣ, даже въ Москвѣ и Бѣломорской гавани со взиманіемъ лишь половинной пошлины (1588). Однакожъ шведы и поляки преграждали безсильнымъ ганзейцамъ доступъ въ Россію. Англичане же, которые въ то время являлись соперниками, уже опередившими нѣмцевъ, получили не половинное, но полное освобожденіе отъ пошлинъ. Правда, нѣмцы опять появились въ Новгородѣ, но ихъ дворъ св. Петра былъ теперь жалкою руиною. Лишь гамбургцы добились нѣкотораго участія въ русской торговлѣ, проникнувъ по слѣдамъ голландцевъ и англичанъ въ Бѣлое море, куда восточные ганзейцы за ними не послѣдовали.

Послѣ смерти Θеодора Любекъ рѣшился попытать счастья у царя Бориса Годунова. Хотя послы и утверждали, что въ составъ Ганзы входятъ еще 58 городовъ, но въ Россіи хорошо извѣстно было, что Ганза почти не существуетъ, что она представляетъ собою лишь историческое воспоминаніе. Новыя милости Бориса Годунова относились лишь къ городу Любеку, остальнымъ городамъ, выдававшимъ себя за ганзейскихъ, въ этихъ дарованныхъ льготахъ было отказано. Правда, Любекъ, въ интересахъ сохраненія предводительствуемаго имъ союза, выхлопоталъ право предоставлять и другимъ ганзейскимъ городамъ пользованіе своими льготами, но это могло совершаться лишь съ соизволенія царя. Въ дѣйствительности такого случая не было, ибо вскорѣ послѣ этого въ Россіи наступило смутное время, а въ Германіи — самый злополучный періодъ ея исторіи, тянувшійся 30 лѣтъ. Если сношенія Любека съ Россіей продолжались и послѣ 1648 года, то во всякомъ случаѣ не отъ имени Ганзы, потому что послѣдняя за это время прекратила свое существованіе. Дальнѣйшая же судьба нѣмецкой торговли съ Россіей зависѣла отъ тѣхъ договоровъ, которые заключались нѣмецкими правителями съ русскими царями. Территоріальныя княжества одержали окончательную побѣду надъ идеей самодовлѣющей федераціи, породившей слабо скрѣпленные, безсильные городскіе союзы средневѣковья.

б) Паденіе ганзейскаго вліянія въ скандинавскихъ странахъ.

Въ XVI столѣтіи, послѣднемъ вѣкѣ существованія Ганзы, положеніе большинства ея городовъ было не хуже, чѣмъ двумя или тремя столѣтіями

раньше. Даже наоборотъ. До половины XVI столѣтія въ большинствѣ городовъ еще возрастало число жителей и расширялась занимаемая ими территорія. Хотя ганзейскіе города, и уступали въ богатствѣ итальянскимъ и верхнегерманскимъ городскимъ коммунамъ, но и здѣсь уже скоплялись крупные капиталы, которыхъ не было въ XIV или XV столѣтіи. Несмотря на всѣ потери, прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ сталъ замѣтнымъ упадокъ общаго хода ганзейской торговли. Съ центробѣжными тенденціями, которыя выставляются историками какъ главныя причины, или же во всякомъ случаѣ какъ несомнѣнные симптомы паденія Ганзы, въ XVI столѣтіи дѣло обстояло совершенно также, какъ въ XIV или XV; стремленія къ обособленію, недоразумѣнія, взаимная враждебность всегда существовали. Зато болѣе слабые континентальные города, поскольку имъ не оказывалось противодѣйствія ихъ князьями, никогда не чувствовали въ такой степени своей связи съ союзомъ, никогда не проявляли болѣе энергичной дѣятельности, чѣмъ въ XVI столѣтіи. Принадлежать къ ганзейскому союзу считалось большою честью. Ганзейскій городъ въ глазахъ современниковъ и своихъ собственныхъ занималъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ простой, нетитулованный городъ. Мелкіе члены союза добровольно дѣлали свои матрикулярные взносы, города не ганзейскіе домогались чести быть принятыми въ союзъ, но получали отказъ, если не въ состояніи были засвидѣтельствовать своихъ историческихъ заслугъ. Можно ли видѣть въ этомъ доказательства жизненной силы союза? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Дѣйствительно жизненное и сильное не справляется о прошломъ, оно всецѣло занято будущимъ; тамъ же, гдѣ процессъ развитія уже достигъ своего завершенія, гдѣ наступило уже окостенѣніе, важную роль начинаетъ играть вопросъ о томъ, что было, какъ слыло, тамъ выступаютъ на сцену исторія и историческія права. Мнимые признаки жизненной силы въ дѣйствительности были вѣрными симптомами того, что Ганза вступила уже въ послѣдній фазисъ своего существованія. Правда, сама она мало измѣнилась, на зато измѣнилось все кругомъ нея.

На скандинавскомъ сѣверѣ, бывшемъ ареною ея сравнительно наиболѣе крупныхъ успѣховъ, Ганза пережила также наиболѣе славные моменты въ періодъ заката своего могущества. Кальмарская унія, подобно ганзейскому союзу, никогда не была тѣмъ, чѣмъ она по существу должна была бы быть. Поэтому Ганза и ганзейскія стремленія къ монополизаціи торговли встрѣтили сравнительно наименьшее сопротивленіе въ слабо связанныхъ скандинавскихъ государствахъ. Уніатскіе короли были проникнуты самымъ сильнымъ желаніемъ стряхнуть съ себя и со своихъ земель иго хозяйственнаго господства нѣмецкаго союза городовъ. Въ XV столѣтіи часто вспыхивали попытки борьбы, но до рѣшительныхъ событій дѣло пока не доходило. Положеніе Ганзы ухудшилось, когда владѣтелемъ трехъ коронъ явился Христіанъ II. Правда, ему не удалось привести въ исполненіе своихъ плановъ, но взлелѣянныя имъ мысли впослѣдствіи сыграли свою роль. Христіанъ хотѣлъ открыть доступъ въ Зундъ всѣмъ иностранцамъ, со взиманіемъ со всѣхъ одинаковыхъ пошлинъ; онъ хотѣлъ сдѣлать Копенгагенъ вмѣсто Любека штапельнымъ пунктомъ торговаго обмѣна Сѣвернаго и Балтійскаго морей и наконецъ учредить также датско-шведское торговое общество, которое выступило бы противъ Ганзы и вытѣснило ее изъ сѣверной торговли. Преданіе разсказываетъ, что Христіанъ II, желая воспользоваться незнакомствомъ Карла V съ нѣмецкою жизнью, попросилъ своего зятя уступить ему „маленькій городокъ, который называется Любекъ.“ Въ лицѣ Христіана II ганзейскій союзъ имѣлъ противника, который безъ долгихъ колебаній готовъ былъ съ корнемъ уничтожить его. Затѣмъ, соціальная политика Христіана, покровительствовавшая крестьянамъ и мелкому мѣщанству, возбудила противъ него

ненависть городскихъ патриціевъ, также какъ и дворянства и духовенства. Чтобы досадить имъ, онъ сталъ на сторону Лютера. Но его замыселъ фактическаго истребленія дворянства и попытка путемъ Стокгольмской „кровавой бани“ (1520 г.) захватить въ свои руки всю власть надъ Швеціей вызвали его паденіе. Густавъ Ваза, поддерживаемый Данцигомъ, Любекомъ, снабженный ими военными кораблями и деньгами, добился обладанія Швеціей и шведскою короною (1522 г.). Характерно, что Стокгольмъ, сдавшись на капитуляцію, вручилъ свои ключи не названному претенденту, но любекскимъ городскимъ совѣтникамъ. Одновременно съ Густавомъ Вазою Фридрихъ Голштинскій, тоже поддержанный Данцигомъ и Любекомъ, выступилъ въ Даніи претендентомъ на престолъ; и ему тоже удалось достичь своей цѣли (1523 г.). Христіанъ же II искалъ убѣжища въ Нидерландахъ. Такимъ образомъ Ганза вновь сыграла свою роль при занятіи сѣверныхъ престоловъ, и, что было для нея самымъ главнымъ, способствовала распаденію невыгодной для нея уніи.

Любекъ, однако, не былъ-бы Любекомъ, еслибы онъ не воспользовался великимъ моментомъ, когда имъ созданы были два короля и изгнанъ третій, чтобы заставить скандинавскія страны выпустить новое исправленное изданіе ганзейскихъ привилегій. Густавъ I, который въ качествѣ должника Ганзы находился въ ея власти, и могъ приступить къ уплатѣ долговъ только послѣ введенія у себя реформаціи и конфискаціи церковныхъ имуществъ, долженъ былъ надавать Ганзѣ обѣщаній, которыхъ онъ не могъ и не хотѣлъ никогда исполнить, приблизительно также, какъ это было въ то же время съ Францискомъ I, бывшимъ въ плѣну въ Мадридѣ. Любекъ и Данцигъ потребовали свободы отъ пошлинъ и торговой свободы, права гражданства въ Швеціи, исключенія иностранцевъ изъ сношеній со Швеціей, ограниченія шведской торговли однимъ Балтійскимъ моремъ. Другой король, обязанный трономъ тоже ганзейской помощи, Фридрихъ I въ Даніи и Норвегіи, также вынужденъ былъ проявить признательность и возобновить старыя датскія, шведскія, норвежскія привилегіи. Любекъ и шесть другихъ городовъ получили право свободнаго плаванія въ Зундѣ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ города, которымъ глава ганзейскаго союза пожелалъ бы предоставить пользованіе этой привилегіей. Подобное условіе присовокуплено было также къ шведскимъ привилегіямъ, такъ что теперь единственно отъ Любека зависѣло допустить или не допустить остальныхъ членовъ Ганзы къ участію въ его торговыхъ преимуществахъ во всей Скандинавіи; мелкія городскія общины хлопотали около Любека, чтобы добиться разрѣшенія пользоваться его привилегіями, болѣе крупные же города порвали свой союзъ съ Ганзой, чтобъ не быть зависимыми отъ главы союза и его милостей.

Хотя Любекъ добровольно предоставилъ вестерлингамъ участіе въ дарованныхъ ему королями Густавомъ и Фридрихомъ преимуществахъ, тѣмъ не менѣе нидерландцы все же дали убѣжище бѣжавшему къ нимъ врагу Ганзы, Христіану II; затѣмъ они заключили торговый договоръ съ Густавомъ I, который, вопреки договорамъ съ Любекомъ, освободилъ ихъ отъ пошлины и даровалъ нѣкоторыя другія льготы (1525 г.). Фридрихъ I тоже заключилъ особый договоръ съ нидерландцами. И въ 1530 г. Любекъ вновь очутился въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ до переворота на шведскомъ и датскомъ престолахъ. Жертвы оказались напрасными и, съ чѣмъ еще труднѣе мириться человѣку, взлелѣянныя надежды оказались праздными. Вновь вспыхнуло недовольство патриціанскимъ господствомъ и на этотъ разъ удалось однимъ ударомъ провести задерживаемую патриціями реформацію церкви, а также ввести демократизацію въ аристократическое до сихъ поръ устройство городского управленія.

Такъ какъ народная партія обвиняла патриціатъ въ пренебреженіи интересами Любека, то ей пришлось теперь вступить въ борьбу съ дер-

жавами, которыя такъ коварно обманули жителей города. Странныя, фантастическія мечты, которымъ предавался возбуженный народъ, вызвали губительную по своимъ послѣдствіямъ манію величія. Носителей своихъ это направленіе, отчасти проникнутое сектантскимъ духомъ, нашло въ лицѣ двухъ пришельцевъ, выдвинувшихся въ это бурное время: то были Юргенъ Вулленвеберъ и Марксъ Мейеръ, политикъ и воинъ. Сначала повидимому должна была разгорѣться война съ нидерландцами, ибо послѣдніе поддерживали Христіана II, когда онъ покинулъ ихъ страну, чтобы попытаться вновь завоевать свои утраченныя короны. Ему удалось уже завладѣть Норвегіей, когда противъ него двинулись любекскіе отряды и принудили сдаться; свои промахи ему пришлось искупить пожизненнымъ заточеніемъ (1532—44 г.). Теперь ганзейцы и датчане потребовали отъ нидерландцевъ возмѣщенія военныхъ расходовъ, за то, что ими вопреки договорнымъ условіямъ была оказана помощь неудавшемуся предпріятію. Въ торговлѣ наступило затишье, Любекъ и Нидерланды вооружались для рѣшительной борьбы изъ за преобладанія на морѣ (1533 г.). Хотя между Даніей и Любекомъ существовалъ еще въ это время общій союзъ противъ Христіана, но Данія не заинтересована была въ побѣдѣ Ганзы, побѣдѣ, которая могла бы лишь воскресить старыя ганзейскія притязанія.

Въ это время умеръ Фридрихъ I; положеніе вещей тотчасъ измѣнилось; наиболѣе важнымъ являлся теперь вопросъ о замѣщеніи датскаго престола; нидерландская война отступила на второй планъ. Все вниманіе Вулленвебера сосредоточилось на войнѣ претендентовъ, такъ называемой „графской (или бюргермейстерской) распрѣ,“ и поэтому онъ поспѣшилъ заключить съ нидерландцами перемиріе. Для веденія войны нуженъ былъ аристократическій полководецъ, который явился въ лицѣ графа Христофа Ольденбургскаго; не для себя, а якобы ради плѣннаго Христіана II взялся онъ за оружіе. Въ случаѣ побѣды имъ обѣщано было уступить Любеку Гельсингёръ и Гельсингборгъ, открывающіе доступъ къ Эрезунду: „эти пріобрѣтенія“, замѣчаетъ Ранке, „навсегда укрѣпили бы господство Любека на Балтійскомъ морѣ и Зундѣ.“ Кромѣ Христофа Ольденбургскаго Любеку удалось привлечь на свою сторону еще и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ князей, обѣщая имъ датскій престолъ. Но за исключеніемъ этихъ представителей аристократіи, демократическихъ общинъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городовъ и дико возбужденныхъ крестьянъ Даніи у Любека не было друзей: Генрихъ VIII, который велъ съ нимъ переговоры, не предпринималъ ничего въ его пользу и даже изъ числа ганзейскихъ городовъ къ нему примкнули лишь сосѣднія общины Ростокъ, Висмаръ, Штральзундъ.

Когда же сынъ Фридриха I, Христіанъ III, занялъ берега Травы и отрѣзалъ Любекъ отъ моря, народъ возмутился противъ новыхъ правителей города; и послѣ того какъ Христіанъ III одержалъ полную побѣду при Ассенсѣ и Борнгольмѣ, на сушѣ и на морѣ, со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія о томъ, чтобы возвращены были бѣжавшіе патриціи вмѣстѣ со старымъ бургомистромъ Бремзе, которые скоро и вернулись въ городъ. Вулленвеберъ, покинувшій Любекъ, былъ схваченъ Бременскимъ архіепископомъ, выданъ имъ герцогу Вольфенбюттельскому и послѣ допросовъ, сопровождавшихся пытками, въ концѣ концовъ обезглавленъ (1537). „Вулленвеберъ“, говоритъ Леопольдъ Ранке, „является типичнымъ представителемъ того отважнаго духа, которымъ проникнуты были нѣмецкія городскія сословія того десятилѣтія... Вмѣстѣ съ нимъ, казалось, еще разъ воспрянула старая Ганза, въ предпринимаемыхъ имъ походахъ участвовали нѣмецкіе князья, онъ заключалъ союзы съ иностранными королями. Самые разнообразные интересы занимали его: и демократическіе, и религіозные, и меркантильные и чисто политическіе; подъ главенство обновленнаго Любека онъ думалъ поставить весь демократическій

сѣверъ и въ свои руки взять кормило правленія этимъ новымъ міромъ. Но ни у него, ни у его общины не было достаточно силъ, чтобы идти прямо къ цѣли.... Но оставляя въ сторонѣ оцѣнку отдѣльныхъ личностей, нельзя не признать, что весь планъ Любека не соотвѣтствовалъ уже духу времени. Старыя великія корпораціи, которыя въ средніе вѣка проникали во всѣ государства и объединяли ихъ, переживали теперь стадію полнѣйшаго разложенія. Въ эпоху всеобъемлющихъ духовныхъ орденовъ, рыцарства, объединявшаго все западно-европейское дворянство въ своего рода цехъ, городскіе союзы тоже могли выступать съ притязаніями на признаніе своихъ торгово-монопольныхъ правъ во всѣхъ далекихъ и близкихъ странахъ. Но съ паденіемъ первыхъ должны были пасть и они. Принципъ новой исторіи, это взаимная независимость отдѣльныхъ народовъ и государствъ во всѣхъ политическихъ отношеніяхъ. И всемірно-историческое противорѣчіе заключалось въ томъ, что Любекъ, оторвавшись отъ іерархіи городовъ, тѣмъ не менѣе желалъ сохранить свое верховное господство въ торговлѣ и основывался въ своихъ притязаніяхъ не на естественномъ превосходствѣ своей производительности, своихъ капиталовъ или товара, но лишь на насильственно добытыхъ государственныхъ договорахъ".

Гамбургскій миръ, которымъ Данія и Любекъ положили конецъ „графской распрѣ", не былъ особенно неблагопріятнымъ для города (1536): взамѣнъ признанія Христіана III законнымъ королемъ, онъ получилъ подтвержденіе всѣхъ своихъ привилегій, даже тѣхъ, которыя предоставлены были ему Фридрихомъ I. При преемникѣ Христіана Фридрихѣ II привилегіи эти вновь получили формальное подтвержденіе; однако отнынѣ ганзейцамъ приходилось уплачивать въ Зундѣ товарную пошлину, и послѣ одного враждебнаго столкновенія Бергенская факторія лишилась своихъ укрѣпленій. Монопольное право въ Норвегіи было потеряно, иностранцы и мѣстные жители съ одинаковымъ равнодушіемъ относились къ жалобамъ нѣмцевъ. И въ Швеціи тоже палъ престижъ нѣмцевъ. Густавъ I оффиціально отказался отъ соблюденія завоеванныхъ ими привилегій. При его наслѣдникѣ Эрихѣ XIV Любекъ поднялся на послѣднюю войну, которая велась имъ какъ самостоятельною державою противъ другой. Причиной этой войны было уже упомянутое запрещеніе „плаванія къ Россіи или Нарвѣ." Любеку удалось заключить союзъ съ датскимъ королемъ, но ганзейскіе города совершенно отказали ему въ своей помощи. Очутившійся въ небезславномъ одиночествѣ, городъ въ теченіе семи лѣтъ участвовалъ въ такъ называемой войнѣ трехъ коронъ (1563—70). Хотя Штеттинскимъ миромъ Швеція и обязалась предоставить свободное пользованіе морскимъ путемъ въ Россію, но она тотчасъ же вновь стала препятствовать мореплаванію. Данія, въ теченіе семи лѣтъ связанная съ Любекомъ союзомъ, потребовала вопреки Гамбургскимъ договорамъ 1536 г. отданный подъ закладъ Любеку городъ Борнгольмъ, и получила его (1576).

Фридриху II наслѣдовалъ Христіанъ IV, для котораго Ганза была лишь предметомъ злобы и глумленія. Онъ приказалъ уничтожить ея знаки, тамъ гдѣ они еще сохранились въ его государствѣ, и объявилъ въ концѣ концовъ — въ то время уже началась Тридцатилѣтняя война — что привилегіи Ганзы уже давнымъ давно утратили свое значеніе, да и кромѣ того имъ они никогда не подтверждались, такъ же какъ не подтверждались и правителями Швеціи, Англіи и Нидерландовъ; времена измѣнились и теперь достаточно есть купцовъ, которые могутъ вести торговлю въ его государствѣ; впрочемъ, въ видѣ милости онъ готовъ предоставить тѣмъ, которые поклянутся употреблять свои барыши на благо его страны, тѣ же льготы, какъ и своимъ подданнымъ или лишь „съ маленькой разницей".

Но не Христіанъ IV, а побѣдоносный шведскій король Густавъ II Адольфъ, завоеватель Ингерманландіи, Лифляндіи и Помераніи, окончательно разрушилъ послѣдніе призраки участія Ганзы въ господствѣ

надъ Балтійскимъ моремъ. Любекъ, покинутый даже вендскими городами, спустился до положенія торговаго города посредственнаго значенія. Къ счастью для позднѣйшей нѣмецкой торговли, ни Россія, ни Швеція, ни Данія неспособны были стать міровыми торговыми державами.

в) Паденіе торговли съ Нидерландами.

Въ сѣверозападныхъ областяхъ сѣверогерманской внѣшней торговли, на прибрежьяхъ Нѣмецкаго моря, ганзейскій союзъ городовъ никогда не игралъ политической роли. Но и здѣсь торговое соперничество съ голландцами часто приводило къ вооруженнымъ столкновеніямъ. Ганзейцамъ не удалось достичь здѣсь своей цѣли; голландцамъ нельзя было преградить доступъ къ Балтійскому морю и нельзя было заставить ихъ признать Любекскій штапель. Къ концу XVI столѣтія падающая Ганза должна была примириться со всѣми послѣдствіями постояннаго возвышенія своей непобѣдимой соперницы.

Уже нѣсколько десятилѣтій до того Ганза во Фландріи сдѣлала уступку измѣнившимся условіямъ міровой торговли. Тщетно ожидая въ теченіе двухъ поколѣній, что средоточіемъ южно- и сѣверно-европейскаго торговаго обмѣна вновь станетъ Брюгге (см. выше, стр. 50), Ганза въ концѣ концовъ должна была войти въ переговоры съ Антверпеномъ. Съ городомъ на Шельдѣ ей скоро удалось сговориться (1546); но когда дѣло дошло до обсужденія вмѣстѣ съ союзными городами вопроса объ устройствѣ новой конторы, обнаружилась сильная оппозиція со стороны Кельна и Данцига, не говоря уже о мелкихъ городахъ Саксоніи и Пруссіи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь удалось добиться соглашенія (1554). Послѣ того какъ Антверпенъ предоставилъ удобное мѣсто для постройки „дома Остерлинговъ“, и взялъ на себя даже третью часть расходовъ, было приступлено въ 1564 году къ постройкѣ зданія, законченнаго черезъ четыре года. Но какую пользу могъ принести прекрасный уставъ новой конторы, составленный ганзейскимъ генералъ-синдикомъ (см. ниже, стр. 64), д-ромъ Зудерманномъ, если Данцигъ и Кельнъ не подчинялись штапельному принужденію новаго дома и отказывались отъ уплаты соотвѣтствующихъ взносовъ?

Къ внутренней розни присоединилось еще неблагопріятнѣйшее политическое положеніе: осложненное запрещеніемъ обмѣна обостреніе отношеній между Англіей и Испаніей, подъ властью которой находились Нидерланды, и начало освободительной 80-ти лѣтней войны нидерландцевъ, совпавшее какъ разъ съ открытіемъ конторы (1568—1648). Ганзейцы пришли въ Антверпенъ не только слишкомъ поздно, но и въ самое неподходящее время. Да и какой успѣхъ возможенъ былъ при этихъ условіяхъ для новой факторіи, которая къ тому-же управлялась средневѣковыми порядками, представлявшими въ то время курьезный анахронизмъ? Чего можно было ожидать отъ учрежденія, проникнутаго духомъ монастырскихъ принудительныхъ правилъ, попавшаго въ городъ, который былъ мѣстомъ зарожденія современной свободы торговли, спекулятивныхъ операцій и международной биржей? Остерлинги, въ самаго начала уже обремененные долгами, ненавидимые Данцигомъ и Кельномъ, страдали отъ всѣхъ превратностей войны. Возставшіе голландцы запрещали и препятствовали сношеніямъ съ Испаніей, испанцы не допускали сношеній съ Англіей. Устья Шельды и Рейна были обыкновенно заперты. Послѣ того какъ въ городѣ въ 1566 году свирѣпствовали иконоборческія смуты, а въ 1567 году расправлялся герцогъ Альба, Антверпену въ 1575 году пришлось пережить еще вторженіе „испанской фуріи“, т. е. солдатъ-наемниковъ, которые грабили и разоряли городъ; въ концѣ концовъ онъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ былъ осажденъ Александромъ Фарнезе, который, завоевавъ городъ, вновь предалъ его на разграбленіе (1585).

Вся эта цѣпь несчастныхъ обстоятельствъ была причиною того, что Антверпенъ былъ точно также оставленъ иноземными купцами, на которыхъ зиждилось его торговое могущество, какъ 100 лѣтъ тому назадъ это случилось со фландрскимъ Брюгге. Мѣсто Антверпена, унаслѣдовавшаго въ свое время значеніе павшаго Брюгге, занялъ теперь Амстердамъ. И какъ прежде въ Брюгге, такъ теперь въ Антверпенѣ ганзейцы одни остались на старомъ мѣстѣ. Для переселенія, хотя бы и запоздалаго, въ другой городъ у распадающагося союза не хватало необходимой энергіи. Лишь жизнеспособный Данцигъ уже давно хозяйничалъ въ Амстердамѣ, который уже тогда для торговли хлѣбомъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ Антверпенъ. Правда, ганзейцами была сдѣлана попытка нѣсколько поправить свое положеніе, примкнувъ къ испанцамъ, но Испанія сама потерпѣла пораженіе; вновь измѣнилось соотношеніе міровыхъ силъ, а распавшаяся Ганза не способна была примѣниться къ новому порядку вещей. И послѣ гибели Армады (1588) еще продолжались хорошія отношенія съ Испаніей. Заключались договоры, въ Лиссабонѣ даже появилось ганзейское консульство, но конечно, въ тотъ моментъ, когда блескъ Лиссабона уже сильно потускнѣлъ. Умѣніемъ идти на встрѣчу запросамъ времени, становиться на сторону опредѣленной партіи Ганза никогда не отличалась; въ большинствѣ случаевъ она предпочитала лавировать между партіями и, сохраняя нейтральное положеніе, отстаивать или расширять свои права. Тоже было и теперь, въ эпоху ея упадка: договоры заключались то съ испанцами, то съ генеральными штатами. Тѣмъ временемъ купеческій дворъ въ Антверпенѣ до того опустѣлъ, что ужъ подумывали о томъ какъ бы отъ него отдѣлаться, и въ концѣ концовъ его сдали въ наемъ. Когда (въ 1621 г.) вновь вспыхнула война между Испаніей и Нидерландами, отъ прежней Ганзы сохранилось лишь одно воспоминаніе и имя.

г) Ганзейцы въ Англіи.

Въ то время какъ нидерландская торговля ганзейцевъ не могла возродиться вновь въ XVI столѣтіи, потому что этому мѣшали общія, главнымъ образомъ политическія условія той эпохи, теченіе событій въ Англіи приняло совершенно иной оборотъ. Здѣсь послѣ долгой рѣзни дѣло дошло до поединка двухъ соперниковъ, кончившагося гибелью слабѣйшаго. Въ эпоху Плантагенетовъ и распри между ланкастерской и іоркской династіей Британскіе острова въ экономическомъ отношеніи стали добычею чужестранцевъ. Въ концѣ концовъ и Ганзѣ, несмотря на частыя столкновенія, удалось отстоять свою позицію и Утрехтскимъ миромъ ознаменовать свою побѣду (1474; сравни выше, стр. 48). Правда энергичная національно-хозяйственная политика, которую начала проявлять Англія со времени Тюдоровъ, была враждебно настроена противъ иностраннаго экономическаго господства, но она не рѣшалась выступить съ открытымъ нападеніемъ, такъ какъ иностранные купцы, въ особенности ганзейскіе и нидерландскіе, были еще незамѣнимы при сбытѣ отечественныхъ продуктовъ. Генрихъ VII оставилъ неприкосновенными ганзейскія привилегіи, хотя и заключалъ въ то же время особые договоры съ датчанами и голландцами, при чемъ эти договоры преслѣдовали главнымъ образомъ цѣль—ослабить нижне-германское торговое могущество; Генрихъ VIII, не смотря на многочисленныя колебанія въ государственныхъ вопросахъ, въ общемъ тоже оставался при прежней политикѣ въ отношеніи къ Ганзѣ. И все же, коренное измѣненіе условій хозяйственной жизни королевства при первыхъ двухъ Тюдорахъ неминуемо должно было рано или поздно вызвать соотвѣтствующее измѣненіе также въ условіяхъ внутренней и внѣшней торговли. Зачатки этого переворота надо искать въ далекомъ прошломъ.

Быть можетъ уже въ XIII столѣтіи, и во всякомъ случаѣ въ XIV, вы-

возъ сырой шерсти былъ монополіей одного купеческаго товарищества „штапельной гильдіи". Начиная съ XIV столѣтія стали развиваться не только скотоводство и выдѣлка шерсти, но и обработка шерсти, до сихъ поръ почти исключительно производившаяся заграницей, приняла теперь въ Англіи такіе широкіе размѣры, что все большія массы сырья, а впослѣдствіи и готоваго товара вывозились изъ страны. Экспортъ англійскихъ тканей лежалъ почти всецѣло въ рукахъ иностранныхъ, между прочимъ и ганзейскихъ купцовъ, теперь же англійское купечество начало стремиться къ тому, чтобы завладѣть сбытомъ заграницу. Въ виду трудности соперничества съ ганзейцами и гильдіями въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, англійскимъ торговцамъ суконъ не оставалось ничего другого, какъ образовать, по примѣру штапельной гильдіи, товарищество съ монопольными правами и сконцентрировать торговлю англійскими сукнами въ одномъ пунктѣ. Штапельнымъ мѣстомъ еще въ XV столѣтіи былъ избранъ Антверпенъ. Грандіозный ростъ этого мірового города въ XVI столѣтіи оказался конечно въ высшей степени выгоднымъ какъ для англійской торговли, такъ и для англійской промышленности, переходящей въ то время къ системѣ факторій и крупныхъ складовъ, а также и англійскому производству сырья. И тогда уже всеобщіе интересы требовали запрещенія или по меньшей мѣрѣ ограниченія въ вывозѣ шерсти и экспортѣ сырья; тѣмъ не менѣе значительная часть вывоза все еще осталась въ рукахъ ганзейцевъ, и до тѣхъ поръ пока сохранялись ихъ привилегіи, нечего было и думать о какомъ либо иномъ порядкѣ вещей.

Но привилегіи Ганзы основывались на принципѣ взаимности, на равноправности англичанъ съ гражданами ганзейскихъ городовъ въ этихъ послѣднихъ, подобо тому какъ и ганзейцы пользовались въ Англіи по меньшей мѣрѣ тѣми же правами, какъ ея коренные жители. Но обращеніе съ иностранцами какъ съ равноправными противорѣчило традиціямъ Ганзы, которая вмѣстѣ съ тѣмъ склонна была разсматривать то, вѣками длившееся предпочтеніе, которое ей повсюду оказывалось передъ прирожденнымъ населеніемъ, какъ свое естественное, само собою разумѣющееся право. Фактически ганзейцы безпрестанно нарушали права пріѣзжавшихъ въ Германію англичанъ; какъ въ голландцахъ, такъ и въ англичанахъ-мореплавателяхъ они видѣли своихъ незаконныхъ конкурентовъ. Ненавистнѣе всѣхъ были имъ члены могущественной монопольной гильдіи для внѣшней торговли сукнами, такъ наз. „Merchant Adventurers". Эти „купцы-предприниматели" которые въ свою очередь вступили въ соглашеніе или даже собственно отчасти сами были членами союза крупныхъ купцовъ — „Mercers Company", приняли на себя руководящую роль въ національной борьбѣ, которая, начиная съ половины XVI столѣтія, съ неизмѣннымъ успѣхомъ велась ими противъ все еще вліятельной Ганзы.

Столкновенія происходили уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но съ этого момента борьба ведется систематически хотя и не достигаетъ сразу своей цѣли. Особенную стойкость и послѣдовательность внесъ въ эту борьбу замѣчательный Томасъ Грешемъ, когда онъ сдѣлался совѣтникомъ короны. Еще въ 1550 г. ганзейцы пользовались привилегіей уплачивать при вывозѣ суконъ болѣе низкія пошлины, чѣмъ остальные иностранцы и даже сами англійскіе купцы. Въ названномъ году они вывезли 43,000 штукъ сырого сукна и кромѣ того шерсть, свинецъ, олово, ввезены же ими были въ Англію изъ ихъ родины полотно, воскъ, дерево, смола, деготь, и изъ другихъ странъ южные продукты, вино, соль, красящія вещества и т. д. Въ 1553 году, во время Эдуарда VI или вѣрнѣе протектора Нортумберландскаго, въ Англіи воспользовались случайнымъ поводомъ для временной отмѣны ганзейскихъ привилегій. Въ актѣ, изданномъ по этому поводу, Ганзѣ было прямо объявлено, что преимущества ея, бывшія до сихъ поръ полезными странѣ, теперь вредны ей. Вскорѣ послѣ того умеръ Эду-

ардъ VI, Нортумберландъ былъ казненъ, и Марія Тюдоръ, вступившая теперь на престолъ, поспѣшила вновь подтвердить ганзейскія привилегіи. Нѣмецкій союзъ городовъ чувствовалъ себя теперь такимъ сильнымъ въ обладаніи своими привилегіями, что рѣшился подвергнуть торговому запрету Британскіе острова, когда возвышены были всѣ пошлины въ Англіи, что отразилось также на ганзейцахъ.

Въ это время у англійскихъ купцовъ возникъ планъ учредить какъ въ Нидерландахъ и на Балтійскомъ морѣ, такъ и въ омываемой Нѣмецкимъ моремъ ганзейской области штапельное мѣсто и отсюда производить внѣшнюю торговлю, могущую быть независимой отъ настроеній и капризовъ Ганзы. Со вступленіемъ на престолъ въ 1558 году Елизаветы, наслѣдовавшей своей сестрѣ на англійскомъ престолѣ, наступилъ удобный моментъ для приведенія въ исполненіе какъ этого, такъ и другихъ болѣе дальновидныхъ замысловъ. Лишенные своего вліянія, противники Ганзы Сесиль (Cecil) и Грешемъ вновь очутились у кормила правленія. Если англійская политика и теперь все еще до извѣстной степени щадила Ганзу, то объяснялось это тѣмъ, что всѣ военные матеріалы, начиная отъ корабельнаго строевого лѣса вплоть до опытныхъ въ военномъ дѣлѣ солдатъ наемниковъ, доставлялись въ Англію Германіей. да и кромѣ того правительство того, времени находилось очевидно въ нерѣшительности относительно того, какое иго слѣдуетъ стряхнуть раньше, — ганзейское или нидерландское; объ этомъ свидѣтельствуетъ англійско-нидерландскій торговый запретъ 1564 года. Въ эпоху этого запрещенія обсуждался вопросъ о томъ, куда, въ случаѣ надобности, могъ бы быть перенесенъ Антверпенскій суконный штапель. Изъ двухъ городовъ, которые имѣлись при этомъ въ виду, Гамбургъ и Эмденъ, выборъ остановился на послѣднемъ, несмотря на его не особенно благопріятное мѣстоположеніе. Ганзейцы были къ тому-же непріятно поражены неожиданнымъ временнымъ запрещеніемъ вывоза сукна. Когда до Гамбурга дошли слухи о штапельныхъ планахъ Англіи, городъ обратился къ королевѣ съ посланіемъ, въ которомъ выражалась живѣйшая готовность принять у себя купцовъ предпринимателей.

Результатомъ оживленныхъ переговоровъ было то, что совѣтъ города изготовилъ для предпринимателей очень выгодную, дѣйствительную на десять лѣтъ льготную грамоту (1567), и что Гамбургъ сталъ штапельнымъ мѣстомъ для англійской торговли сукнами. „Тутъ, когда Гамбургъ впервые фактически отдѣлился отъ Ганзы,“ говоритъ Эренбергъ, „и рѣшительно пошелъ своимъ путемъ, началось новая эпоха въ его исторіи, а также исторіи нѣмецкой торговли.“ Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что послѣ, съ основанія Гамбургскаго штапеля, въ Англіи стали лучше обращаться съ хозяевами „Стального двора“, слѣдуя здѣсь принципу взаимности. Но въ естественныхъ успѣхахъ англійской промышленности, совершенствовавшейся при помощи нидерландскихъ эмигрантовъ, въ расширеніи англійской торговли, скрывалась необходимость вырвать изъ рукъ Ганзы вывозную торговлю и во всѣхъ крупныхъ пунктахъ ея внѣшней торговли вступить въ смѣлое соперничество съ ней. Уже водвореніе англійскихъ купцовъ въ Гамбургѣ наносило ущербъ не только ганзейской торговлѣ, но и всей верхнегерманской, такъ какъ англичане проникали также во внутрь страны, и устраивали свои поселенія въ нѣмецкихъ городахъ, напр. Нюрнбергѣ; кромѣ того массовый ввозъ англійскаго сукна обусловливалъ полную гибель нѣмецкаго суконнаго производства.

Конечно Ганза, на которой это прежде всего отразилось, не оставалась безучастной, и даже въ самомъ Гамбургѣ выступила партія, солидарная со старой Ганзой. Ганза запретила возобновленіе привилегій „купцовъ предпринимателей“; Гамбургъ покорился и лишилъ иностранцевъ ихъ прежнихъ привилегій (1578). Англія въ свою очередь предприняла по отношенію къ ганзейцамъ соотвѣтствующія мѣры: привилегіи Ганзы были уничтожены,

„Стальной дворъ“ долженъ былъ теперь уплачивать обычныя установленныя для иностранцевъ пошлины, послѣ чего и англійскіе купцы подвергнуты были въ нѣкоторыхъ ганзейскихъ городахъ уплатѣ добавочныхъ пошлинъ. При полномъ паденіи ганзейской вывозной торговли въ Британскомъ королевствѣ, возвращеніе утраченныхъ льготъ имѣло для Ганзы лишь второстепенное значеніе; ея ближайшей задачею было освобожденіе отъ Adventurers и Interlopers, т. е. отъ торговцевъ, стоявшихъ внѣ монопольной гильдіи и оспаривавшихъ у Ганзы ея внутренній рынокъ.

Теперь, въ свои предсмертные часы, Ганза вспомнила о своей принадлежности къ императору и имперіи. Положеніе вещей въ Россіи и Польшѣ тоже заставляло падающій, прежде столь независимый и самостоятельный союзъ городовъ, оцѣнить значеніе вмѣшательства высшей имперской власти. До сихъ поръ они мало или даже совсѣмъ не заботились другъ о другѣ, имъ не въ чемъ было упрекать другъ друга, ибо въ ошибкахъ управленія, въ своекорыстныхъ стремленіяхъ, „предпринимателей“ имперія, имперскія власти и Ганза были одинаково повинны. Роль связующаго звена сыграла здѣсь испанская дипломатія, потому что враждебная Англіи и союзная съ нѣмецкими Габсбургами Испанія хотѣла поднять нижнегерманскіе города противъ Англіи. Опираясь на направленныя противъ монополій рѣшенія имперскаго сейма, Ганза съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ формальностей подала жалобу на свою британскую соперницу императору и курфюрстамъ. Дѣло это обсуждалось на засѣданіяхъ сейма въ 1582 году. Рѣшено было посовѣтовать императору изгнать изъ имперіи „купцовъ предпринимателей“ и вступить въ мирные переговоры съ англійскимъ правительствомъ по поводу уничтоженія ганзейскихъ привилегій. Рудольфъ II согласился только съ проектомъ мирныхъ переговоровъ. Такимъ образомъ результатовъ никакихъ не было достигнуто, хотя англичане покинули Гамбургъ; они продолжали свои торговыя дѣла изъ Эмдена. Вскорѣ послѣ того „предприниматели“ вновь устроили свой нидерландскій штапель (1586) — въ Миддельбургѣ, въ виду того, что Антверпенъ послѣ катастрофы 1585 года былъ раззоренъ. Такъ какъ Эмденъ теперь, какъ и раньше, казался имъ мало подходящимъ мѣстомъ, то нѣмецкій штапель былъ ими перенесенъ въ Штаде (1587), т. е. въ непосредственной близости къ Гамбургу; и это было сдѣлано, какъ говоритъ Эренбергъ, „противъ воли Ганзы, не смотря на угрозы Гамбурга и сеймовыя постановленія 1582 года.“

Съ тѣхъ поръ, какъ отношенія между испанцами и англичанами стали натянутыми, сношенія ганзейцевъ съ Пиренейскимъ полуостровомъ, достигшія вообще значительнаго оживленія въ XVI столѣтіи, стали увеличиваться въ той же мѣрѣ, въ какой падала англійская торговля съ Испаніей. Когда вспыхнула война между этими двумя державами, плаваніе на Атлантическомъ океанѣ стало небезопаснымъ. И когда Армада (въ 1588 году) была побѣждена, нѣмцамъ пришлось дорого расплачиваться за то, что они поддерживали сношеніе съ падающей державой въ ущербъ великой торговой державѣ будущаго. Френсисъ Дрэкъ захватилъ 60 ганзейскихъ кораблей въ испанскихъ водахъ, за то якобы, что они подвозили испанцамъ военную контрабанду (1589). Потерпѣвшая Ганза вновь выступила съ жалобой и нѣмецкій сеймъ опять порѣшилъ, что всѣ „предприниматели“ должны быть изгнаны изъ имперіи (1594), а императоръ Рудольфъ II потребовалъ у королевы Елизаветы возвращенія ганзейцамъ ихъ привилегій.

Такъ какъ мирные переговоры и на этотъ разъ ни къ чему не привели, то императоръ, собравшись съ духомъ, предпринялъ единственный рѣшительный шагъ, который когда либо дѣлался имперіей въ защиту ганзейскихъ интересовъ: императорскимъ указомъ отъ 1-го августа 1598 года запрещено было всѣмъ имперскимъ чинамъ подъ страхомъ опалы

принимать или позволять селиться у себя „предпринимателямъ“: точно также всѣмъ подданнымъ имперіи запрещалось вести съ ними дѣла или вступать въ какія либо другія сношенія. Спустя три мѣсяца послѣ объявленія указа, который былъ направленъ исключительно противъ монополистовъ-эксплуататоровъ, должны были прекратиться всѣ связи съ ними. Въ результатѣ „предприниматели“ дѣйствительно принуждены были удалиться и въ англійско-нѣмецкой торговлѣ наступилъ опасный застой; еще опаснѣе для монопольной гильдіи было то, что враги ихъ сумѣли повредить имъ на ихъ собственной родинѣ. Товариществу „предпринимателей“ пришлось претерпѣть кризисъ, затянувшійся на много лѣтъ, кризисъ, изъ котораго оно вышло однако въ концѣ концовъ здравымъ и невредимымъ.

Англійское же правительство въ свою очередь воспользовалось императорскимъ указомъ для того, чтобы запретить ганзейцамъ всякаго рода торговлю въ Англіи, прекратить занятіе Стального двора и приказать всѣмъ обитателямъ послѣдняго покинуть Англію въ тотъ же день, когда англійскіе купцы принуждены будутъ удалиться съ нѣмецкой территоріи (январь 1598). Въ іюлѣ того же года именемъ королевы было занято Стальное подворье; 4-го августа, немногіе обитатели его „съ омраченнымъ сердцемъ“ покинули домъ, который послѣ ихъ ухода былъ запертъ. За этой заключительною главой англійско-ганзейскихъ отношеній послѣдовало однакожъ еще послѣсловіе; въ 1606 году Іаковъ I возвратилъ Стальной дворъ его владѣльцамъ, т. е. Ганзѣ, конечно не возобновляя при этомъ давно забытыхъ привилегій; Ганза сдала въ наемъ старинныя помѣщенія, также какъ гораздо позже выстроенное зданіе остерлинговъ въ Антверпенѣ. „Предприниматели“, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переживали очень опасный кризисъ, въ 1605 году получили подтвержденіе своихъ льготныхъ грамотъ. Не безъ возраженій гамбургцы предоставили имъ (въ 1611 году) опять свой городъ, какъ штапель для торговли сукнами. Императоръ Матѳей далъ на это свое благословеніе и Гамбургъ былъ въ теченіе двухъ столѣтій заграничной факторіей для британской торговли съ средней Европой. Съ этого момента для священной римской имперіи германской націи наступила эпоха экономическаго рабства

Л. Внутреннее разложеніе Ганзы.

Шестнадцатое столѣтіе есть вѣкъ открытій. Но всѣ они для Ганзы прошли почти совершенно безслѣдно. Изъ ганзейской области не исходило ни одно путешествіе, ни одной географической экспедиціи не было предпринято изъ ганзейскаго города; въ этомъ отношеніи сѣверогерманскіе приморскіе жители отстали даже отъ верхне-германцевъ, населяющихъ внутреннюю часть страны. И только лишь усилившееся оживленіе въ сношеніяхъ съ Испаніей и Португаліей вызвано было открытіями, произведшими полный переворотъ. Естественно, что отъ Ганзы, политика которой направлена была теперь главнымъ образомъ на отстаиваніе существующаго положенія и борьбу за утраченныя права, нельзя было ожидать исканія новыхъ путей и стремленія выйти за предѣлы извѣстныхъ уже и привычныхъ условій.

Но шестнадцатый вѣкъ есть также вѣкъ реформаціи. И эта послѣдняя оказала огромное, чрезмѣрное вліяніе на исторію той самой Ганзы, которая оставалась почти безучастной свидѣтельницей духовныхъ теченій средневѣковья: это вліяніе реформаціи отразилось одинаково пагубно какъ на всей общественной жизни націи, такъ и на союзѣ сѣверо-нѣмецкихъ торговыхъ городовъ. Въ 20-ыхъ и 30-ыхъ годахъ XVI в. почти всѣ ганзейскіе города, за исключеніемъ рейнско-вестфальскихъ, стали протестантскими. Переходъ къ протестантизму почти всюду сопровождался междоусобною борьбою патриціевъ и цеховъ внутри городовъ, и эти распри часто, благо-

даря вмѣшательству князей и духовенства, затягивались на десятки лѣтъ. Усиленіе власти владѣтельныхъ князей было повсемѣстнымъ наиболѣе очевиднымъ результатомъ церковнаго переворота. Если союзные города и пробовали сопротивляться, они все же не были въ состояніи воспрепятствовать гибели своей свободы и отпаденію совершенно порабощенныхъ князьями общинъ. Естественнымъ результатомъ этого процесса было то, что въ концѣ концовъ лишь приморскіе имперскіе города сохранили свое ганзейство. Необходимость постоянно нападать или отбиваться все болѣе и болѣе мѣшала ганзейскому союзу вѣрно понимать свои хозяйственныя выгоды; если даже въ XIV и XV столѣтіяхъ, несомнѣнно ужъ и тогда существовавшіе, политическіе интересы подчинялись интересамъ чисто коммерческимъ, то теперь въ эпоху реформаціи наступило обратное явленіе. Когда былъ основанъ Шмалькальденскій союзъ, къ нему присоединились самые богатые города; при этомъ они безусловно подчинились своимъ принципіальнымъ противникамъ, владѣтельнымъ князьямъ, усиліями которыхъ былъ созданъ союзъ. При такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ было еще счастьемъ, что присоединившіеся къ союзу города послѣ битвы при Мюльбергѣ (1547) отдѣлались лишь денежными контрибуціями. Стремленіе къ объединенію съ родственными въ церковно-политическомъ отношеніи общинами не исчезло и послѣ распущенія Шмалькальденскаго союза; но оно осталось совершенно безрезультатнымъ.

Наконецъ Ганза опять вспомнила о своихъ собственныхъ интересахъ и въ 1579 сдѣлала попытку при помощи конфедераціи, подобной конфедераціямъ 1367 или 1418 г., защитить себя отъ полнѣйшаго распаденія. Но и теперь, какъ и раньше, не было сдѣлано ничего въ смыслѣ созданія дѣйствительной союзной конституціи. Теперь, какъ и всегда, недоставало необходимаго единодушія; каждый городъ выступалъ какъ бы съ своимъ liberum veto, а совокупность городовъ лишена была принудительной власти. Все же этотъ фактъ изъ эпохи паденія союза не безинтересенъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ вообще возникающее впервые лишь въ XVI столѣтіи дѣленіе ганзейской области на округи; Любекъ долженъ былъ кромѣ вендскихъ городовъ, которыхъ округа онъ являлся представителемъ, приглашать на съѣзды еще три другія столицы округовъ, Кёльнъ, Брауншвейгъ, Данцигъ—главные города рейнскаго, саксонскаго и прусскаго округовъ. Точно было опредѣлено, какіе города должны были созываться этими послѣдними и т. п. Отъ союзной матрикулы конфедерація 1579 года отказалась изъ за вѣчнаго земскаго мира и высшаго имперскаго суда; о военной защитѣ противъ иностранцевъ ганзейцы повидимому уже больше не думали, хотя только что передъ тѣмъ Любекъ велъ послѣднюю морскую войну (1570). Но все же въ одной изъ статей протокола съѣзда говорилось о налогахъ для общихъ цѣлей. Въ общемъ статьи эти трактовали о послушаніи императору, въ законныхъ и справедливыхъ дѣлахъ, о поощреніи торговли, о разбирательствѣ и умиротвореніи взаимныхъ пререканій самими городами, поддержкѣ стѣсненному родственному городу и т. п. Если въ спискѣ 1579 года фигурируютъ 66 городовъ, то изъ нихъ лишь 20, по своему экономическому значенію и сравнительной свободѣ, дѣйствительно могли быть принимаемы во вниманіе. Однимъ словомъ постановленія конфедераціи, также какъ и утратившія свою силу привилегіи, были цѣнны для архивовъ, и лишены всякаго значенія въ практическомъ отношеніи.

Въ послѣднее время своего существованія Ганза создала у себя новое учрежденіе для важныхъ и затруднительныхъ переговоровъ со внутренними и внѣшними властями,—должность генеральнаго синдика (Generalsyndikus). Въ теченіе продолжительнаго времени мѣсто это занимали д-ръ Генрихъ Зудерманнъ (см. стр. 54) и д-ръ Іоганъ Доманнъ; до сихъ поръ сохранились еще многочисленные, въ высшей степени поучительные документы, вышедшіе изъ подъ ученыхъ перьевъ обоихъ док-

торовъ. Оба синдика были въ своемъ родѣ прекрасные люди, обладавшіе большими свѣдѣніями, находчивые, ловкіе, съ большимъ характеромъ. Но они были до мозга костей публицистами, учеными законовѣдами. Къ запутаннымъ вопросамъ они приступали съ аргументами, полными юридической эрудиціи, уснащенными историческими примѣрами, въ то время какъ эти вопросы лишь въ глазахъ представителей умирающей Ганзы являлись вопросами права, въ дѣйствительности же тутъ дѣло шло не о правѣ, а о силѣ. И конечно ученые при всемъ желаніи не могли излечить больного организма Ганзы.

Однакоже къ началу XVII столѣтія уцѣлѣвшіе ганзейскіе города пользовались такимъ именемъ, что воюющія между собою державы домогались ихъ союзничества: и испанцы и нидерландцы старались привлечь ихъ къ себѣ на удочку торговыхъ привилегій. Ганзейцы измѣнили бы своимъ обычаямъ, если бы не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы вновь занять лавирующее положеніе между партіями. И лишь мысль о возможности дальнѣйшаго политическаго распространенія свободнаго ихъ союза съ генеральными штатами отвлекла ихъ на короткое время отъ традиціоннаго образа дѣйствій. Когда же началась великая нѣмецкая война, каждый отдѣльный городъ опять искалъ спасенія въ сохраненіи своего нейтралитета и если Штральзундъ и Магдебургъ сыграли выдающуюся роль въ военной исторіи того времени, то они выступаютъ здѣсь за свой собственный рискъ и страхъ, а не въ качествѣ городовъ ганзейскаго союза.

Но несмотря на это, и въ эту эпоху всеобщаго раззоренія Ганзѣ представлялся удивительный случай вновь завоевать былое могущество, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться точкой опоры для Германіи въ ея величественныхъ планахъ. Но какое значеніе имѣли для нѣмцевъ того времени, какое значеніе для Ганзы имѣли интересы государства, національности? Правда, не они одни были виноваты въ своей неспособности возвыситься надъ узкою точкою зрѣнія партикулярныхъ и конфессіональныхъ интересовъ. Такъ, когда у датскаго короля Христіана IV, заклятаго врага ганзейскаго союза, были отняты Тилли и Валленштейномъ всѣ земли за исключеніемъ датскихъ островов, вновь ярко обнаружилась вся слабость Германіи; несмотря на то, что ей принадлежали прибрежья двухъ морей, и не совсѣмъ еще пала ея морская торговля, она не обладала военнымъ флотомъ, необходимымъ для того, чтобы окончательно уничтожить потерпѣвшаго пораженіе непріятеля. Въ этотъ моментъ премьеръ-министръ Фердинанда II, князь Эггенбергъ, вспомнилъ о ганзейскомъ союзѣ, о его флотѣ, его военныхъ успѣхахъ на морѣ. Къ императорской политикѣ присоединилась также и испанская. Грандіозный планъ, охватывавшій Германію, Скандинавію и Нидерланды,—замышлялся въ интересахъ всей габсбургской династіи. Планъ созданія имперскаго военнаго флота на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ въ 1627 году не былъ уже новымъ. Уже Рудольфъ II думалъ объ учрежденіи поста императорскаго адмирала, обязанностью котораго было бы защищать права государства и мореплаваніе. Въ 1624 году испанскій министръ Оливаресъ велъ переговоры съ императорскимъ посломъ относительно основанія испанско-германской монопольной компаніи, для защиты которой ганзейцы, сдѣланные участниками предпріятія, должны были снарядить флотъ. Тотъ-же посолъ, графъ Шварценбергъ, въ 1627 году отправился въ Любекъ, надѣясь заинтересовать ганзейцевъ морскими планами императора съ помощью открывавшейся при этомъ перспективы основанія испанско-ганзейской монополіи. Но несмотря на все свое краснорѣчіе Шварценбергъ ничего не добился. Слишкомъ уже вкоренились въ ганзейцахъ ихъ религіозные предразсудки противъ католическихъ государей, для того чтобы какіе либо аргументы могли на нихъ подѣйствовать. Кромѣ того, предложеніе графа Шварценберга было отклонено ганзейцами также изъ страха передъ датчанами и шведами, которые

обладали уже той морскою силой, къ созданію которой Германія еще только стремилась; ганзейцы просили лишь уважать ихъ нейтралитетъ. Тогда то Валленштейнъ, съ самаго начала одобрительно относившійся къ морскимъ планамъ, получивъ титулъ „генерала Океаническаго и Балтійскаго морей", съ горячимъ рвеніемъ приступилъ къ постройкѣ флота и къ осадѣ прибалтійскихъ городовъ. Въ качествѣ герцога Мекленбургскаго онъ сталъ господиномъ гаваней Ростока и Висмара. Но морскимъ предпріятіямъ, которыя несомнѣнно были дѣломъ Валленштейна въ несравненно большей степени чѣмъ императора, не благопріятствовало счастье. Христіанъ IV заперъ гавани, разрушилъ военные корабли, и въ союзѣ съ Густавомъ II Адольфомъ оказывалъ помощь Штральзунду, сопротивлявшемуся генералиссимусу, и въ концѣ концовъ результатомъ разрушенныхъ плановъ основанія германскаго имперскаго флота, который господствовалъ-бы надъ Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями, было вмѣшательство Швеціи въ Тридцатилѣтнюю войну. Протестантскій шведскій король защищалъ въ Брейтенфельдскомъ и Люценскомъ сраженіяхъ давнымъ давно уже отнятое у нѣмцевъ „dominium maris baltici", которому временно угрожала теперь опасность.

Въ томъ же 1630 году, когда Густавъ Адольфъ высадился въ Помераніи, имѣлъ мѣсто ганзейскій съѣздъ. Лишь Любекъ, Гамбургъ и Бременъ были представлены на немъ. Эти три приморскіе города (Anseestädte, по ихъ своеобразному словопроизводству) заключили болѣе тѣсный союзъ, съ тѣмъ, чтобы по возможности самимъ распоряжаться всѣми дѣлами Ганзы. Мысль о томъ, что прежній союзъ уже исчезъ, что онъ болѣе не существуетъ, не приходила имъ въ голову; даже позже, по прошествіи нѣкотораго времени, блуждающій призракъ принимался еще за нѣчто дѣйствительно живое и реальное. За этими тремя съ 1630 года тѣснѣе соединившимся приморскими городами (Anseestädte) до настоящаго времени сохранилось имя Ганзы. О томъ, что всюду еще вѣрили въ существованіе Ганзы, свидѣтельствуетъ вестфальскій миръ, гдѣ упоминалось о Ганзѣ и ея правахъ. Врученныя въ 1658 году отпрыску Габсбургскаго дома Леопольду I избирательныя кондиціи между прочимъ заключали также „запрещеніе всякихъ единеній, совершившихся подъ прикрытіемъ и подъ предлогомъ ганзейскаго союза." Въ 1669 состоялся еще одинъ ганзейскій съѣздъ въ Любекѣ, послѣдній, гдѣ кромѣ Гамбурга и Бремена, участвовали также Брауншвейгъ, Данцигъ и Кельнъ (главные города округовъ), отправившіе туда своихъ представителей, и другіе города, приславшіе письменныя полномочія. На этомъ послѣднемъ ганзейскомъ съѣздѣ не пришли однако ни къ какому рѣшенію. Наслѣдство покойной Ганзы перешло къ тремъ приморскимъ городамъ. Въ 1763 году они продали развалины Бергенской факторіи. Когда въ 1666 году, во время лондонскихъ пожаровъ Стальной дворъ тоже сдѣлался жертвою пламени, союзъ трехъ городовъ почему то вновь выстроилъ его; лишь въ 1853 году они продали его за 72,000 фунтовъ стерлинговъ. Но и послѣ этого заграницей все еще оставалось ганзейское имущество: домъ Остерлинговъ въ Антверпенѣ; въ 1863 году ганзейскіе города передали его наконецъ въ другія руки. Ф. В. Бартольдъ, историкъ союза, которому однакоже задача его была не по плечу, высказываетъ между прочимъ одно вѣрное замѣчаніе: „Точно также какъ Ганза не могла торжественно отпраздновать дня своего основанія, ибо она выростала незамѣтно, шагъ за шагомъ, въ зависимости отъ запросовъ и потребностей времени — точно также она исчезла, безъ того, чтобы какое либо выдающіеся событіе ознаменовало послѣдній часъ ея существованія."

M. Заключеніе.

По своему внутреннему складу и организаціи Ганза оставалась неизмѣнною отъ начала до конца. Въ нее входило измѣняющееся число болѣе

или менѣе самостоятельныхъ городскихъ общинъ, при чемъ у каждой на первомъ планѣ стояли ея собственные хозяйственные и политическіе интересы; въ то-же время эти городскія общины примыкали къ другимъ городамъ, связаннымъ съ ними географически и исторически, и объединеннымъ общими интересами, вступали въ союзныя сношенія съ центральной групой вендскихъ городовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Любекъ, такъ какъ область интересовъ этихъ послѣднихъ охватывала всю арену нижнегерманской внутренней и внѣшней торговли. Слабо связанные между собою, безъ прочныхъ обязательствъ по отношенію къ союзному цѣлому, не угрожаемые непобѣдимою принудительною властью, члены этого такъ называемаго союза шли каждый своимъ собственнымъ путемъ, радуясь выгодамъ, довольные возможностью найти заграницей товарищей и участвовать въ пользованіи правами, пріобрѣтеніе которыхъ подавляющему большинству ничего не стоило и для расширенія которыхъ это большинство не сдѣлало ни шагу. Помощь союзниковъ можно было призывать даже для борьбы съ владѣтельнымъ княземъ, съ другими общинами, а также во время городскихъ междоусобныхъ партійныхъ распрей. Этотъ фактъ, что въ теченіе пяти вѣковъ могло существовать такое своеобразное учрежденіе, какимъ былъ ганзейскій союзъ, и объясняется именно тѣмъ, что налагая на своихъ членовъ лишь самыя ничтожныя тяготы, союзъ въ то же время былъ имъ полезенъ.

И все же ганзейскій союзъ не могъ бы возникнуть и существовать, если бы не существовало пункта, въ которомъ совпадали бы и сплетались бы интересы частно-городскіе и обще-ганзейскіе. Это имѣло мѣсто въ Любекѣ. Экономическіе интересы Любека простирались на всѣ внѣшнія области нѣмецкой торговли на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ; въ заграничныхъ факторіяхъ Любекъ приходилъ въ соприкосновеніе со всѣми торговыми городами какъ своего отечества, такъ и колоніальной области: благодаря своему географическому положенію онъ сближалъ востокъ съ западомъ и условія жизни Любека постоянно вызывали въ немъ стремленіе отстоять союзъ заинтересованныхъ городовъ, стать на точку зрѣнія общихъ интересовъ, защищать и увеличивать пріобрѣтенныя права и преимущества. Ради своихъ выгодъ, но также и изъ безкорыстныхъ побужденій, Любекъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ всю тяжесть и трудность своего предводительства. Даже въ наиболѣе блестящія времена Ганзы онъ былъ предоставленъ лишь своимъ собственнымъ силамъ, и затѣмъ, когда союзъ распался, онъ остался одинъ, всѣми покинутый, съ поднятымъ знаменемъ, послѣдній на посту.

Если Ганзѣ, несмотря на всѣ недостатки ея организаціи, удалось достичь экономическаго могущества и какъ въ военное, такъ и въ мирное время пріобрѣсти политическое значеніе, то причина такихъ успѣховъ лежала во всякомъ случаѣ не въ достоинствахъ ея устройства въ смыслѣ цѣлесообразности и своевременности его, но, въ гораздо большей степени, въ удовлетворительности этого устройства именно при тѣхъ условіяхъ міровой политики, которыя господствовали въ эпоху ея роста и расцвѣта. У народовъ европейскаго сѣвера не хватало или необходимой культурной зрѣлости или же ихъ хозяйственная дѣятельность носила слишкомъ односторонній характеръ. Во Фландріи и Брабантѣ преобладали промышленность и внутренняя торговля, собственной морской торговли почти не существовало; у фризовъ совершался лишь переходъ отъ пиратства къ торговлѣ; въ Англіи первостепенную роль играли аграрные интересы; въ скандинавскихъ земляхъ не было вполнѣ развитой городской жизни, которая является фундаментомъ промышленности и торговли; въ такомъ же положеніи находились Польша и Литва. Россія была и оставалась сухопутною страною, чуждою мореплаванія.

Къ экономической отсталости присоединялась также долговременная

политическая слабость тѣхъ областей, на которыя распространялось ганзейское вліяніе. Нидерланды представляли классическую страну городского и сельскаго партикуляризма, безпрерывныхъ внутреннихъ распрей въ городахъ и политической маніи величія, вслѣдствіе которой Нидерланды вѣчно впутывались въ раззорительныя тяжбы; впослѣдствіи они подпали вліянію династической политики Валуа и Габсбурговъ. Въ Англіи, гдѣ государственная власть, по сравненію съ европейскимъ материкомъ, достигла сильнаго развитія, было очень рѣдкое населеніе, отстающее по своей густотѣ отъ нѣмецкаго, не было военныхъ кораблей, Англія мало интересовалась сѣверо-восточною областью Европы и стремленія ея не были направлены на мореплаваніе и торговлю; начиная отъ XI вѣка до половины XV центръ тяжести всей дѣятельности Англіи лежалъ на западѣ, и французскія войны истощали всѣ ея силы. Съ Даніей, самою передовою и предпріимчивою страною изъ трехъ, тогда еще не объединившихся скандинавскихъ государствъ, Ганза была одинаково сильна, а временами даже превосходила ее. Но, когда всѣ три сѣверныя короны соединились въ одномъ лицѣ, ганзейскому превосходству на Балтійскомъ морѣ наступилъ конецъ; лишь непокорность Швеціи, противившейся уніи, отсрочила на время паденіе ганзейскаго вліянія и былъ даже моментъ, когда, казалось, Ганзѣ представляется возможность возрожденія. На славянскомъ востокѣ большую услугу оказали Ганзѣ какъ постоянный, продолжавшійся вплоть до XIV столѣтія, наплывъ нѣмцевъ, такъ и 200-лѣтній перерывъ процесса развитія, вызванный монгольскимъ вторженіемъ. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что господству Ганзы содѣйствовали только отрицательныя условія, только отсутствіе противодѣйствующихъ силъ; и поэтому то достаточно было тѣхъ незначительныхъ средствъ, которыми располагалъ союзъ слабо объединенныхъ городовъ, и недостатки союзной организаціи не приводили къ особенно пагубнымъ послѣдствіямъ.

Когда же съ XV столѣтія условія жизни, какъ въ области ганзейскихъ интересовъ, такъ и внѣ ея, кореннымъ образомъ измѣнились, Ганза оказалась лишенной внутренней силы, необходимой для развитія, для приспособленія къ измѣнившимся условіямъ, для укрѣпленія. Теперь она является отсталымъ учрежденіемъ, побѣждается болѣе сильными соперниками и обречена на саморазложеніе. „По мѣрѣ того какъ сѣверныя и западно-европейскія государства внутренно укрѣплялись и съ внѣшней стороны отливались въ опредѣленныя политическія цѣлыя“, говоритъ Дитрихъ Шеферъ, извѣстный историкъ Ганзы, „параллельно этому падалъ престижъ Ганзы. Окончательное изгнаніе англичанъ изъ Франціи, въ Англіи побѣда Тюдоровъ, полное распаденіе скандинавской уніи и возвышеніе дома Вазы въ Швеціи — всѣ эти событія ускоряли агонію умиравшей Ганзы; хотя не вездѣ, конечно, политическія власти, ставшія теперь могущественными, расправлялись такъ рѣзко, какъ Іоаннъ III при закрытіи Новгородскаго нѣмецкаго двора. Въ новой Европѣ не было мѣста ганзейскому союзу. Ганза была сильною лишь среди слабыхъ; но когда она столкнулась съ волею націи, воплощавшейся въ главѣ государства, волею, которая въ области экономической дѣятельности рѣзче всего проявилась въ Англіи, — она оказалась безсильною, и это неудивительно, если вспомнить, что отъ нѣмецкаго народа, лишеннаго политическаго единства, Ганза не получала никакой поддержки; наоборотъ, часто самостоятельности членовъ ганзейскаго союза угрожала опасность со стороны нѣмецкихъ же территоріальныхъ князей.“

Но съ другой стороны, если ганзейскіе интересы не находили поддержки въ германскомъ народѣ, то это проистекало не только отъ того, что Германія лишена была государственнаго единства и что она поэтому не могла мѣряться силами съ объединенными національными государствами сѣвера; здѣсь играло роль еще и то, что вообще ослабѣло сочувствіе къ

меркантильной и хозяйственной дѣятельности; когда въ XVI столѣтіи выступили на сцену религіозные вопросы, явленія экономической жизни окончательно утратили всякій интересъ для народа. Даже въ ганзейскихъ городахъ съ равнодушіемъ стали теперь относиться ко всему тому, на чемъ зиждилось все ихъ прежнее значеніе. Знатные городскіе роды, которые безпрерывно боролись за свое оспариваемое господство, были заняты политикою, а не хозяйственно - экономическими интересами. Во всей Германіи поднялась аграрная (не спеціально натурально-хозяйственная) реакція, предводительствуемая князьями и аристократіей противъ индустріализма, капитализма и ганзейской торговли, представителями которыхъ являлись верхне- и средне-нѣмецкіе города. Тотъ самый нѣмецкій народъ, который въ началѣ XVI вѣка, казалось, таилъ въ себѣ силы для подчиненія всего міра своему экономическому ярму, въ концѣ этого-же столѣтія терпѣливо позволилъ надѣть себѣ на шею иго чужеземнаго экономическаго господства, и все это потому, что цѣли и стремленія его за это время отклонились въ другую сторону. Много понадобилось времени для того, чтобы вновь накопились силы нѣмецкаго народа, и много позже пришлось князьямъ эпохи просвѣщенія загладить тѣ грѣхи, въ которыхъ повинны были представители эпохи реформаціи и контръреформаціи передъ священнымъ духомъ націи.

Къ числу причинъ паденія Ганзы присоединяютъ также состоявшееся въ 1492 и 1498 г. перемѣщеніе центра тяжести міровой торговли отъ внутреннихъ морей и соединяющихъ ихъ сухопутныхъ дорогъ къ берегамъ Атлантическаго океана. Несомнѣнно, что это лишило торговлю на Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ ея первоначальнаго значенія. Но въ эпоху паденія Ганзы, въ XVI вѣкѣ перемѣна эта была еще почти неуловима, и лишь въ XVII столѣтіи морскія открытія вызвали въ сѣверной Европѣ тотъ переворотъ, который въ южной Европѣ имѣлъ мѣсто уже въ XVI вѣкѣ. Еслибы паденіе Ганзы обусловливалось безучастнымъ отношеніемъ ганзейцевъ къ открытіямъ новаго времени, какъ это очень часто утверждается, то и голландцы и англичане должны были бы въ XVI вѣкѣ утратить свою внѣшнюю торговлю, такъ какъ они сохраняли то же выжидательное положеніе, какъ и Ганза. Въ дѣйствительности лишь запретительныя мѣропріятія соединенныхъ королевствъ Испаніи и Португаліи, единовластныхъ хозяевъ вестъ- и остиндскаго мореплаванія, принудили голландцевъ и англичанъ предпринять путешествія въ Индію: голландцы въ 1595, англичане въ 1602 году впервые направили свои корабли къ землямъ, гдѣ произрастали пряности. Несмотря на длившуюся цѣлое столѣтіе выжидательную политику, торговля ихъ расцвѣла, въ то время какъ ганзейская окончательно заглохла. Даже Любекъ, не говоря уже о другихъ ганзейскихъ городахъ, не обладалъ тогда достаточною энергіей для того, чтобы согласиться на предложеніе монопольнаго союза съ Испаніей и сдѣлать хотя бы попытку вдохнуть жизнь въ европейскую торговлю при помощи заатлантическихъ сношеній; боясь борьбы и относясь съ недоброжелательностью къ католической гегемоніи, Ганза отказалась отъ дальнѣйшаго соперничества съ Голландіей и Великобританіей.

Состарившаяся Ганза умерла отъ безсилія. Сильной и мощною она никогда не была, она только казалась такою, пока народы и государства сѣвера въ соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ стояли ниже нѣмцевъ. Въ эпоху незрѣлости и слабости сѣверныхъ государствъ Ганза завоевала свое экономическое господство, и фактъ этого превосходства долженъ былъ быть засвидѣтельствованъ ей въ формѣ льготныхъ грамотъ, которыхъ она умѣла добиваться всевозможными дипломатическими уловками. Когда же сѣверная Европа окрѣпла и своимъ политическимъ развитіемъ опередила Германію, Ганза при помощи чрезвычайно характерныхъ пріемовъ старалась удержать за собою насильно захваченныя ею у чужихъ народовъ

привилегіи, ненавистныя, невыгодныя имъ, и къ тому же совершенно не соотвѣтствующія фактическому соотношенію силъ. Такъ какъ дѣйствительной силы, которою она могла бы располагать, было не достаточно для веденія борьбы, то на сцену выступили ссылки на права, на обычай, на разумъ, на нравственность. Тотъ, кто подобно ганзейцамъ ищетъ опору въ правѣ, долженъ быть судимъ исторіей также съ точки зрѣнія права. Поэтому-же, не боясь ошибиться, можно сказать, что именно ссылками на свои писанныя права Ганза доказывала всю свою неправоту. То, что завоевывалось силою, и оказывало полезное вліяніе, пока могло поддерживаться силою, становилось вопіющею несправедливостью, когда слабость становилась на мѣсто исчезнувшей силы. Святое право господствовать принадлежитъ только сильнымъ; желаніе продлить это господство тогда, когда сила утрачена, когда она стала достояніемъ другихъ, есть преступленіе передъ человѣчествомъ. Когда слабость по наслѣдству получаетъ то, что было завоевано силою, то, сознавая свою недостойность, она призываетъ на помощь великія идеи, всѣ тѣ возвышенныя понятія, которыя священны для человѣчества; раздаются жалобы, мольбы, проклятія. Напрасно. Нѣтъ картины болѣе величественной въ нѣмецкой исторіи, чѣмъ картина возвышенія нѣмецкой націи, изъ безсилія и ничтожества, вновь къ могуществу и величію во всѣхъ областяхъ достойной человѣческой дѣятельности.

4. Западная Европа въ эпоху открытій.

A. **Воздѣйствіе Иберійской завоевательной политики на экономическія условія въ остальной Европѣ.**

О возникновеніи Иберійскихъ государствъ Испаніи и Португаліи, а также обоихъ могущественныхъ иберскихъ колоній (см, томъ IV, также томъ I—III) разсказано въ другомъ мѣстѣ. Защищенныя папскимъ указомъ, обѣ державы—португальская на востокѣ, испанская на западѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія предохранены были отъ вторженій со стороны другихъ морскихъ державъ того времени. Тогда господствовало еще мнѣніе, что океаномъ можно завладѣть и подчинить его господству какого либо народа или государства точно также какъ морскою бухтою, окруженною со всѣхъ сторонъ материкомъ, или какъ самимъ материкомъ. Но если распространеніе европейскаго вліянія на новооткрытыя земли и моря въ пространственномъ отношеніи предоставлено было лишь двумъ національностямъ, то все же новыя условія не преминули оказать свое дѣйствіе и на жизнь остальной Европы.

a) Продолженіе борьбы съ исламомъ; народы Средиземнаго побережья.

Для правителей Португаліи и Испаніи санкціонированное церковью распространеніе могущества на незнакомыя или доселѣ никогда не посѣщаемыя земли было первоначально лишь слѣдствіемъ продолжавшейся борьбы съ исламомъ, для преемниковъ Григорія VII и Урбана II это являлось продолженіемъ старой политики крестовыхъ походовъ. Властителямъ Пиренейскаго полуострова удалось наконецъ оттѣснить за море врага, вторгшагося къ нимъ еще въ VIII столѣтіи. Завоеваніе Гранады (1492) положило конецъ кровавой работѣ семи столѣтій. Теперь на очереди стояло закрѣпленіе побѣды завоеваніемъ средиземнаго сѣвернаго прибережья Африки. Испанская и португальская политика дѣйствительно взялись за эту задачу (сравни томъ IV, стр. 538 и 541), однакожъ

разрѣшить ее, пользуясь лишь тѣми средствами, которыя были на лицо, оказалось дѣломъ невозможнымъ. И поэтому уже Генрихъ Мореплаватель (умершій въ 1460 году) стремился при помощи снаряженныхъ имъ экспедицій открыть новое стратегическое поле дѣйствій, новыхъ союзниковъ, новыя средства для борьбы съ невѣрными. Колумбъ и его покровительница Изабелла Кастильская были преисполнены подобными же планами. Испанцы и португальцы были единодушны въ томъ, что слѣдуетъ пустить въ оборотъ богатства Индіи и Китая для борьбы съ исламомъ. Но ни Португалія, ни Испанія не могли достичь своей цѣли—завоеванія Варварійскихъ владѣній. Христіанамъ удалось отвоевать и удержать за собою лишь отдѣльные клочки пребрежья, такъ называемыя Presidios (томъ IV, стр. 247); нападенія Карла V на Тунисъ и Алжирію остались безрезультатными, (тамъ же, стр. 244), а военный походъ дона Себастіана противъ Марокко окончился роковымъ для будущности Португаліи пораженіемъ (1578; тамъ же, стр. 549).

Но королямъ Испаніи приходилось и на востокѣ Средиземнаго моря защищать интересы своихъ подданныхъ противъ ислама; прежде всего въ этомъ нуждалась торговля каталонцевъ, которые съ эпохи крестовыхъ походовъ соперничали съ итальянцами и провансальцами на Востокѣ (смотри томъ IV, стр. 524). Кромѣ того и Сицилія уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находилась подъ Арагонскимъ владычествомъ и съ 1504 года Неаполь тоже принадлежалъ къ областямъ, подчиненнымъ испанской коронѣ (тамъ же, стр. 530 и 538); и здѣсь тоже приходилось отстаивать государственные и хозяйственные интересы въ борьбѣ съ исламомъ. Какія глубокія измѣненія произошли на востокѣ послѣ крестовыхъ походовъ! Византійской имперіи болѣе не существовало. Ее смѣнила магометанская Турція. На прибрежьи Чернаго моря не было больше генуэзскихъ и венеціанскихъ поселеній (см. выше, стр. 9). Анатолія принадлежала Турціи; Сирія и Египетъ съ начала XVI столѣтія тоже находились подъ властью Константинопольскаго султана. Лишь на нѣкоторыхъ островахъ въ восточной части Средиземнаго моря сохранились еще кое гдѣ остатки венеціанскихъ колоній, но и этимъ жалкимъ слѣдамъ былого могущества постоянно угрожала опасность быть стертыми, и дѣйствительно Турція мало по малу побѣждала.

Независимо отъ Испаніи и Италіи, Габсбурги, въ государствѣ которыхъ солнце никогда не заходило, еще въ третьемъ пунктѣ вынуждены были вступить въ борьбу съ исламомъ: въ своихъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Правда, имъ удалось ловко и удачно скрѣпить въ 1526 году великій земельный союзъ, изъ котораго впослѣдствіи выросла австрійско-венгерская монархія, но при постоянныхъ смутахъ и раздорахъ, царствовавшихъ въ земляхъ короны Св. Стефана, они не въ состояніи были препятствовать утратѣ большей части Венгріи. Помогло имъ лишь то, что защита нѣмецко-австрійскихъ земель разсматривалась какъ общегерманское, пожалуй даже какъ общеевропейское дѣло. И привыкшему къ побѣдамъ Солиману II не удалось поэтому водрузить своего полумѣсяца на стѣнахъ Вѣны (1529; см, томъ V).

Самая важная задача испанской государственной политики, отраженіе мусульманъ при ихъ послѣднемъ нападеніи на христіанскій западъ, существенно затруднялась позиціей Франціи, боровшейся при Францискѣ I за сохраненіе своей независимости, которой угрожало испанско-габсбургское превосходство. Еще будучи мадридскимъ узникомъ, Францискъ вступилъ въ сношенія съ Портой (1525); испанско-французская война 1526—29 гг. и одновременныя нападенія Солимана на Венгрію заставили габсбургцевъ воевать разъединенными силами на два фронта. Затѣмъ Францискъ I, съ полнымъ сознаніемъ всей важности своего шага, заключилъ союзъ съ Портой (въ 1535 г.); это былъ первый союзъ между христіанской латин-

скою державою и преемникомъ пророка. Турки замѣняли французскому королю средиземный флотъ. И при такихъ условіяхъ испанцы не только не могли стать хозяевами области Средиземнаго моря, но и роль вожаковъ въ борьбѣ христіанъ съ исламомъ стоила имъ потери всякаго участія въ торговлѣ съ востокомъ. Такъ какъ при этомъ особенно пострадали каталонцы и городъ Барселона, то у нихъ еще возросла ненависть къ кастильцамъ, которымъ нечего было терять на востокѣ, и которые являлись вообще носителями идеи міровой политики, казавшейся безумной остальнымъ испанцамъ.

Въ то время какъ паденіе торговли съ Левантомъ обострило взаимную враждебность различныхъ составныхъ частей испанской монархіи, объединенныхъ между собою лишь общею династіею, а не внутреннею связью, Франція пожинала матеріальныя выгоды своего нехристіанскаго союза съ магометанскимъ Востокомъ. Въ 1535 г. заключенъ былъ торговый договоръ, нѣсколько напоминающій ганзейскія привилегіи и ставшій образцомъ аналогичныхъ договоровъ болѣе поздняго времени. Договоръ этотъ былъ проникнутъ принципомъ льготъ съ исключеніемъ отъ участія въ нихъ остальныхъ странъ: французы отнынѣ должны были уплачивать на Востокѣ лишь тѣ же торговые налоги, которые взимались и съ турокъ ихъ властителемъ, и наоборотъ; затѣмъ они должны были быть подчинены судебному авторитету своихъ собственныхъ консуловъ и имѣли право свободно исповѣдывать свою религію. Французскій флагъ получилъ привилегіи венеціанскаго; французское знамя прикрывало также всѣ тѣ корабли и всѣхъ торговыхъ людей другихъ націй, которые пожелали бы стать подъ защиту Франціи.

б) Венеціанцы на востокѣ.

Въ противуположность испанцамъ ихъ случайные союзники венеціанцы умѣли сохранить за собой участіе въ восточной торговлѣ. Охотнѣе всего они, какъ и въ старыя времена, блюли-бы свои интересы, лавируя между воюющими державами востока и запада; но въ XVI вѣкѣ обстоятельства сложились такъ что они въ полномъ вооруженіи своихъ силъ должны были стоять на стражѣ своихъ интересовъ какъ по отношенію къ тѣмъ, такъ и другимъ: они должны были опасаться какъ султана, который не прочь былъ захватить остатки венеціанскихъ колоніальныхъ владѣній, такъ и императора или вѣрнѣе всей австрійской династіи, въ сферу интересовъ которой входила и область долины По, и мѣстности, расположенныя по ту сторону Адріи, составляя опасное сосѣдство венеціанскимъ владѣніямъ. Но несмотря на то, что континентальныя владѣнія могли втянуть Венецію въ опасныя столкновенія, все же, съ другой стороны, безъ золота, которое приносили эти владѣнія, городъ не въ состояніи былъ бы снаряжать корабли и отряды, нужные для защиты его позиціи на востокѣ.

Мнѣніе, будто бы восточная торговля Венеціи совершенно пала тотчасъ-же послѣ открытія морского пути въ Индію и что венеціанцы побѣждены были въ торговлѣ португальцами, есть старое неискоренимое заблужденіе. Въ дѣйствительности венеціанская торговля на востокѣ процвѣтала и въ XVI столѣтіи, продолжалась даже вплоть до начала XVIII столѣтія, такъ что много поколѣній смѣнили другъ друга, прежде чѣмъ торговля, о которой идетъ рѣчь, совершенно утратила свое значеніе. Несомнѣнно, что если-бы венеціанцы отличались такою же неподвижностью и неуклюжестью какъ ганзейцы, то ихъ торговыя сношенія съ востокомъ должны были-бы скоро прекратиться. Но венеціанцы, замѣтивъ, что Александрія падаетъ вслѣдствіе уменьшенія ввоза, такъ какъ португальцы закрыли доступъ въ Красное море, не считали вопросомъ чести

вѣрность своей бывшей торговой повелительницѣ: они перенесли свою главную квартиру въ Алеппо, такъ какъ этотъ сирійскій городъ становился теперь средоточіемъ, куда стекались сокровища Азіи; арабы, персы, армяне привозили сюда индійскіе товары; португальцамъ, несмотря на все ихъ желаніе, не удалось надолго запереть ни Персидскій заливъ, ни сухопутныя дороги, не удалось имъ также изгнать арабовъ изъ Индійскаго океана. Они лишь ограничили, стѣснили старыя торговыя сношенія, но отнюдь не уничтожили ихъ. Судьба венеціанской восточной торговли зависѣла не отъ лузитанцевъ, но отъ воинственнаго или мирнаго расположенія духа великаго султана.

Ловкость венеціанцевъ и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ лучше всего характеризуются тѣмъ, что они избрали теперь новый торговый путь, при которомъ главное ихъ орудіе — флотъ не могъ приносить имъ никакой пользы. Они обратились теперь къ караванному пути черезъ Балканскій полуостровъ; конечными пунктами этого пути были Константинополь и Спалато. То что въ этомъ далматинскомъ приморскомъ городѣ не находило своего покупщика непосредственно, при исключительномъ конечно посредничествѣ венеціанскихъ торговыхъ людей, перевозилось на кораблѣ въ столицу. Однимъ словомъ, венеціанецъ все еще могъ снабжать свою старую кліентуру внѣ предѣловъ Италіи восточными товарами, несмотря на Лиссабонъ и Антверпенъ, конкурренціи которыхъ онъ къ сожалѣнію не могъ уничтожить (см. стр. 79).

Какъ и въ прежнія времена, наиболѣе постоянными и вѣрными кліентами Венеціи остались верхнегерманцы. Для верхнегерманскаго купца, который теперь болѣе энергично, чѣмъ когда-либо, устремлялся во всѣ стороны свѣта, было выгодно, что, несмотря на юговосточный путь, португальцы и нидерландцы не могли захватить въ свои руки всей торговли азіатскими товарами. Нѣмецъ могъ выбирать между Венеціей, Лиссабономъ и Антверпеномъ; у него не было причинъ пренебрегать первой, такъ какъ здѣсь ему открывались болѣе выгодныя переспективы въ смыслѣ сбыта своихъ продуктовъ, чѣмъ въ молодыхъ торговыхъ центрахъ западной Европы.

Какимъ же образомъ могло-бы случиться, что Венеція такъ внезапно, какъ это принято думать, утратила свое всемірное могущество въ экономическомъ отношеніи? Если предположить, что Востокъ дѣйствительно былъ герметически закупоренъ португальско-турецкими запретительными мѣропріятіями, то все-же это не могло бы вызвать гибели венеціанской торговли; ибо послѣдняя опиралась въ значительной степени на мѣстную венеціанскую промышленность. Именно въ XVI столѣтіи, въ позднюю эпоху возрожденія, и вплоть до половины XVII, съ его стилемъ барокъ, Италія господствовала надъ европейскимъ художественнымъ вкусомъ, надъ измѣнчивою модою. Ея коммерческій языкъ, ея торговые обычаи, вся ея торговая техника именно въ XVI столѣтіи достигли наибольшаго распространенія въ сѣверной и западной Европѣ. Даже открытія, которыми, будто-бы, уничтожена была торговля Аппенинскаго полуострова, содѣйствовали тому, чтобъ усилить торговое могущество итальянцевъ или по крайней мѣрѣ расширить области сбыта ихъ товаровъ: ибо главнымъ образомъ венеціанскій и генуэзскій ввозъ снабжалъ Севилью и Лиссабонъ товарами, которые, конечно, согласно принципамъ испанской и португальской системы, отправлялись въ заатлантическія ихъ владѣнія. Не испанцы и португальцы должны были внушать опасенія старымъ торговымъ народамъ—итальянцамъ и нѣмцамъ; страшны послѣднимъ были нидерландцы и англичане. Именно тамъ, въ пограничныхъ областяхъ средней и сѣверно-европейской торговли итальянцы прежде всего отказались отъ дальнѣйшаго соперничества. Около 1560 года они прекратили свои постоянныя морскія поѣздки въ Нидерланды и къ Британскимъ островамъ, которыя

правильно совершались ими съ 1318 года; англичане же и нидерландцы стали правильными гостями Средиземнаго моря.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что центръ тяжести міровой торговли въ теченіе XVI столѣтія лишь постепенно перемѣщался въ направленіи къ западному прибрежью Атлантическаго океана, не вызывая этимъ внезапнаго крушенія итальянской и нѣмецкой торговли. И та и другая, какъ романская, такъ и верхнегерманская торговля сумѣли пустить глубокіе корни на Иберійскомъ полуостровѣ и въ новыхъ расцвѣтающихъ городахъ міровой торговли. Быстрое приспособленіе къ измѣнившемуся положенію вещей было возможно, благодаря тому, что старая, тяжеловѣсная мѣновая товарная торговля не составляла болѣе единственнаго содержанія международныхъ сношеній; денежная торговля и кредитныя операціи достигли уже такого высокаго развитія, что географическія передвиженія не могли оказать существеннаго вліянія на коммерческія дѣла.

в) Вліяніе открытія Америки на Старый Свѣтъ.

Новый Свѣтъ развернулъ передъ конквистадорами XVI столѣтія всю тропическую роскошь своей своеобразной флоры и фауны. Встрѣча съ новою человѣческою расою, въ средѣ которой можно было найти самыя разнообразныя ступени культурнаго развитія, имѣла также значеніе для побѣдителей новой части свѣта, хотя явленіямъ чуждой природы и культуры они удѣляли лишь второстепенный интересъ, сосредоточивая всю свою энергію, которую по истинѣ можно назвать колоссальной, на добываніи благороднаго металла.

Но какъ бы то ни было, важно было основаться въ новооткрытой части свѣта, умѣть использовать значеніе ея въ антропогеографическомъ отношеніи: какъ мѣста заселенія и пропитанія. Еслибъ Европа, или по крайней мѣрѣ Испанія, въ XVI столѣтіи страдала перенаселеніемъ, то Новый Свѣтъ уже тогда сталъ-бы тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался настоящимъ образомъ лишь въ XIX столѣтіи: мѣстомъ иммиграціи для стараго культурнаго міра, находящагося подъ гнетомъ малоземелья и скудости средствъ къ пропитанію. Но такъ какъ въ тогдашней Европѣ, съ Испаніей во главѣ, замѣчался скорѣе недостатокъ населенія, чѣмъ избытокъ, то Новый Свѣтъ прежде всего сталъ необъятно-широкою ареною для подвиговъ отважныхъ искателей приключеній, благодарною почвою для дѣятельности ревностныхъ миссіонеровъ и огромнымъ государственнымъ имуществомъ для правительства, которое, неся на себѣ бремя пріобрѣтенія новыхъ мѣстъ, по принципамъ управленія того времени считало, что за свои издержки оно должно получить немедленное и непосредственное вознагражденіе.

Но, несмотря на то, что условія того времени мало благопріятствовали иммиграціи бѣлыхъ или средиземныхъ жителей, все же открытіе Америки повлекло за собой переселеніе выходцевъ романскаго племени на острова и на прибрежья средне-американскаго моря, позже въ земли, прилежащія къ Тихому океану, и наконецъ въ области Южной Америки, омываемыя Атлантическимъ океаномъ. Такимъ образомъ европейская, средиземная культура пересаживалась въ періодъ ея зрѣлости, — то была эпоха возрожденія,—на дѣвственную почву новой части свѣта, которая, въ силу однихъ географическихъ условій, должна была вести обособленное существованіе. И одновремено съ тѣмъ, какъ сношенія выходили изъ тѣсныхъ границъ Средиземнаго моря или прибрежій, европейская морская или средиземная культура начала также расширяться въ океаническую или по крайней мѣрѣ атлантическую культуру, культуру всемірную. Родственность цивилизацій Новаго и Стараго Свѣта, обусловленная ихъ общеевропейскимъ происхожденіемъ, породила ту прочную связь, которая соединяетъ всѣ культурные и прежде всего хозяйственные интересы

Новаго и Стараго Свѣта. Начиная съ XVI столѣтія, передъ ними всталъ вопросъ: что нужно Старому и Новому Свѣту другъ отъ друга? Каждая эпоха по своему отвѣчала на этотъ вопросъ. Принципъ гемисферическаго раздѣленія производства и труда отнынѣ прочно утвердился въ области міроваго хозяйства.

Благотворная для обоихъ міровъ европеизація Америки находилась въ зависимости отъ отношенія къ рѣдкому, но мѣстами высокоразвитому туземному ея населенію. Если бы все совершалось такъ, какъ того желали конквистадоры, то красной расѣ досталась бы та же участь, какъ ея культурѣ: то есть, она была бы уничтожена. Но интересы и культура церкви и государства, могущественно подчиняющихъ себѣ всѣ индивидуальныя эгоистическія стремленія, одержали побѣду и вытѣснили земельныхъ, горно-промышленныхъ и торговыхъ дѣльцовъ. Когда на мѣстѣ господствовавшей анархіи воцарился церковный и государственный порядокъ, туземное населеніе могло быть, по крайней мѣрѣ, спасено отъ гибели, хотя культура его, уже вслѣдствіе языческаго ея происхожденія, обречена была на гибель. Лишь нецивилизованные краснокожіе уклонились отъ вліянія европейской культуры, бѣгствомъ въ лѣса и пустыни. Ихъ цивилизованные собратья по расѣ подчинились послѣдствіямъ своего сожительства съ европейскими выходцами, половыя потребности которыхъ тоже вызывали и у нихъ болѣе привѣтливое отношеніе къ чуждымъ имъ по расѣ сожителямъ. Такъ возникла среди чистыхъ по расѣ креоловъ и индѣйцевъ смѣшанная раса метисовъ. Дальнѣйшее скрещеніе бѣлыхъ, краснокожихъ и метисовъ съ темною африканскою расою вызывалось условіями земледѣльческаго быта.

Что касается снабженія жителей ручными, вообще полезными животными, то въ этомъ отношеніи Старый Свѣтъ неизмѣримо превосходилъ Новый. За исключеніемъ ламы, вигони и нѣсколькихъ птичьихъ породъ, въ Америкѣ не было домашнихъ животныхъ и поэтому она могла подарить Старому Свѣту лишь одну домашнюю птицу, несомнѣнно имѣющаго малое значеніе индѣйскаго пѣтуха. Богатство новой части свѣта дикими животными, могущими привлечь охотника, испанско-португальскимъ населеніемъ никогда не принималось во вниманіе. Такъ какъ всѣ за упомянутыми исключеніями, домашнія животныя Новаго Свѣта обязаны своимъ происхожденіемъ породамъ Стараго Свѣта, то можно сказать что балансъ культурнаго обмѣна въ зоологическомъ отношеніи также какъ и въ антропологическомъ былъ выгоденъ для Америки.

Что касается американской флоры, то она хотя и была гораздо богаче фауны, все же Новый Свѣтъ получилъ гораздо болѣе полезныхъ растеній, чѣмъ внесъ ихъ въ Старый Свѣтъ. Американскаго происхожденія — маисъ, табакъ, картофель, испанскій перецъ, которые можно культивировать въ умѣренныхъ полосахъ старыхъ частей свѣта; затѣмъ также ананасъ, агава (Agave americana), опунція, привившіяся въ субтропическихъ зонахъ, и наконецъ какао, ваниль, а также нѣкоторыя лекарственныя растенія, произрастающія въ тропическихъ областяхъ Стараго Свѣта. Если даже прибавить сюда различные сорта американскаго дерева, все же количество растеній, перевезенныхъ изъ Новаго Свѣта въ Старый, далеко не можетъ сравниться, хотя бы съ одними только зерновыми растеніями, пересаженными европейцами въ Америку (рожь, ячмень, пшеница, овесъ). Перечисленіе было бы безконечно, если бы мы захотѣли назвать всѣ плодовыя, овощныя, годныя для пряжи, красильныя и т. п. растенія, родиною которыхъ является одна изъ трехъ частей Стараго Свѣта, и которыя оказались годными къ воздѣлыванію ихъ по ту сторону океана. Сюда принадлежитъ также тропическая колоніальная флора: сахарный тростникъ и кофейное дерево. Даже наиболѣе распространенные въ Америкѣ сорта хлопка (Gossypium herbaceum и arboreum) не американскаго происхожденія.

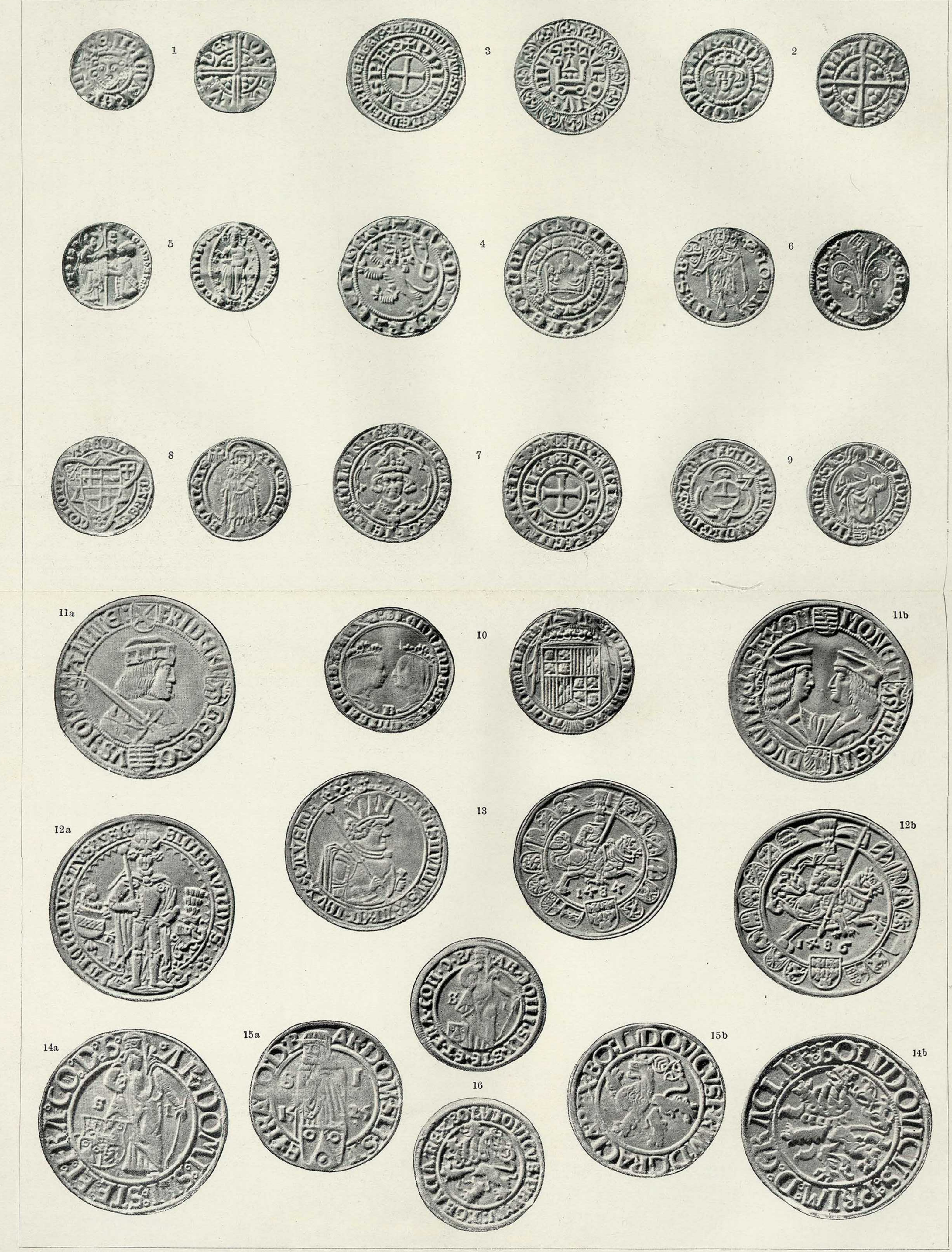
Тихо и незамѣтно происходило переселеніе родоначальниковъ акклиматизировавшихся впослѣдствіи въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ растеній и животныхъ, Проходили иногда столѣтія, прежде чѣмъ населеніе научалось понимать и оцѣнивать по достоинству ихъ полезныя свойства, какъ это было напримѣръ съ картофелемъ. Въ первые сто, полтораста лѣтъ продукты растительнаго и животнаго царства играли вообще лишь второстепенную роль въ сношеніяхъ Стараго и Новаго Свѣта. Оба эти царства не выставили еще такого предмета вывоза, которымъ могъ бы оплачиваться европейскій ввозъ продуктовъ промышленности. Даже количество вестъиндскаго сахара, который вмѣстѣ съ красильными веществами и москательными товарами перевозился изъ Средней и Южной Америки въ Европу, было повидимому не особенно значительно, такъ какъ потребленіе сахара было тогда еще не велико. Вообще въ то время еще ни одинъ изъ такъ называемыхъ впослѣдствіи колоніальныхъ товаровъ не вошелъ еще какъ предметъ роскоши въ обиходъ массъ. Лишь въ XVII столѣтіи измѣнились условія жизни европейцевъ въ направленіи, благопріятномъ для развитія колоніальной торговли.

Какимъ же образомъ могло имѣть мѣсто прочное водвореніе въ Америкѣ европейскихъ эмигрантовъ, которые нуждались вѣдь въ правильномъ ввозѣ продуктовъ изъ Стараго Свѣта, такъ какъ они отнюдь не спустились до уровня варваровъ, лишенныхъ всякихъ потребностей? Основаніемъ для существованія и развитія испанско-американскихъ колоній были, наряду съ большими пространствами для заселенія и богатствомъ средствъ пропитанія, также и найденныя здѣсь залежи благородныхъ металловъ. Серебро и золото Новаго Свѣта оказало уже въ XVI столѣтіи замѣтное вліяніе на хозяйственныя и политическія отношенія Европы.

Количество добываемаго въ Америкѣ благороднаго металла можетъ быть выражено довольно точными цифрами. Но ученые напрасно ломали себѣ голову, чтобы доискаться, какъ приблизительно великъ былъ европейскій запасъ благороднаго металла къ тому времени, когда начался приливъ денегъ изъ Новаго Свѣта, т. е. къ 1500 году; однакоже если допустить, что запасъ этотъ равнялся 1250 милліонамъ рублей, то врядъ ли цифра эта будетъ очень преувеличена. Важнѣе впрочемъ нѣкоторые уже установленные факты изъ исторіи благородныхъ металловъ и монетнаго обращенія въ старой Европѣ. Главнымъ мѣновымъ металломъ средневѣковья было серебро; изъ него чеканились ходячіе денежные знаки, на которыхъ большіе и маленькіе господа монетныхъ дворовъ упражняли свои финансовые таланты. Неустойчивость серебряныхъ денегъ пріучила крупную торговлю уже съ XIII столѣтія къ золотому обращенію, которое уже давно было въ обычаѣ на хорошо знакомомъ европейцамъ востокѣ, какъ среди византійцевъ, такъ и мусульманъ. Флорентійскіе гульдены (fiorini) и венеціанскіе дукаты (цехины) служили образцами для денежныхъ знаковъ рейнскихъ, венгерскихъ, французскихъ и т. д. (см. прилежащую таблицу монетъ). Препятствіемъ для дальнѣйшаго распространенія золотого обращенія была незначительность добываемаго золота въ Европѣ, въ то время какъ количество серебра въ XV столѣтіи страшно увеличилось и въ XVI столѣтіи еще возросло. Отъ переполненія рынка серебромъ или перепроизводства его, начиная съ классической древности, спасалъ отливъ благороднаго металла въ восточную Азію и этимъ, въ свою очередь, объясняется какъ высокая цѣнность денегъ, такъ и выгодный для предпочитаемаго серебра курсъ по сравненію съ болѣе рѣдкимъ золотомъ. Если оставить въ сторонѣ незначительныя колебанія курса, то въ общемъ въ концѣ XV столѣтія отношеніе стоимости золота и серебра равнялось приблизительно $11^1/2$ къ 1. Когда въ теченіе XVI столѣтія на Европѣ отразилась производительность золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ Новаго Свѣта при чемъ количество добываемаго серебра все еще превосходило количество золота,

Наиболѣе распространенныя монеты Западной Европы въ эпоху чистаго денежнаго хозяйства (XII—XVI вѣкъ.)

(*Сопоставленіе сдѣлано* ***Юліемъ Эрбштейномъ,*** *по оригиналамъ Кор. мюнцкабинета въ Дрезденѣ.*)



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Объяснительный листъ къ таблицѣ монетъ.

1. Стерлингъ (пенни) короля Генриха III Англійскаго (1216—72), чеканенъ въ Лондонѣ.
2. Пенни образца, остававшагося почти безъ измѣненій при короляхъ Эдуардѣ I, II и III Англійскихъ (1272—1377), чеканенъ въ Лондонѣ.
3. Турноза короля Филиппа IV Красиваго Французскаго (1285—1314).
4. Пражскій грошъ короля Вацлава II Чешскаго (1278—1305).
5. Цехинъ дожа Венеціи Пьетро Градениго (1289—1310).
6. Флорентинскій золотой гульденъ съ гербомъ Августина де Назисъ, 1489 г.
7. Дейцская турноза кельнскаго архіепископа Вальрама Юлихскаго (1332—1349).
8. Боннскій золотой гульденъ кельнскаго архіепископа Дитриха II Мерсскаго (1414—63).
9. Лейпцигскій золотой гульденъ герцога Альбрехта Саксонскаго (1464—1500).
10. Двойной дукатъ (дублонъ) короля Фердинанда Католика Арагонскаго 1479—1519) и его супруги Изабеллы Кастильской (1474—1504); въ бракѣ съ 1469 г.
11. a. b. Такъ называемый „шапочный талеръ“ курфюрста Фридриха III Мудраго Саксонскаго, чеканенный (1500—1507) имъ сообща съ племянникомъ герцогомъ Георгомъ и братомъ герцогомъ Іоанномъ Постояннымъ.
12. a. b. Тирольскій талеръ эрцгерцога Сигизмунда Австрійскаго, 1486 г.
13. Полъ-талера того же эрцгерцога, 1484 г.
14. a. b. Іоахимстальскій талеръ графа Стефана Шлика (ум. въ 1526 г.) и его братьевъ.
15. a. b. Полъ-талера тѣхъ же графовъ, 1525 г.
16. Четверть-талера тѣхъ же графовъ.

(По ассортименту директора королевскаго мюнцъ-кабинета въ Дрезденѣ, тайнаго совѣтника д-ра Юлія Эрбштейна.)

пропорція эта измѣнилась въ невыгодную для бѣлаго металла сторону. Приблизительно къ 30-ымъ годамъ XVII столѣтія отношеніе это выражалось цифрами 15 къ 1 и съ небольшими перерывами оно оставалось такимъ на долго. Лишь въ 1874 году, цифра, соотвѣтствующая сравнительной цѣнности золота, поднялась выше 16 и затѣмъ послѣдовало быстрое паденіе курса серебра.

Однакоже необыкновенное увеличеніе европейскаго запаса благороднаго металла и металлическихъ денежныхъ знаковъ въ XVI столѣтіи не со всѣхъ точекъ зрѣнія представляется благодѣтельнымъ явленіемъ, въ особенности если принять во вниманіе хозяйственную сторону этого факта, исторію цѣнъ и заработной платы и вліяніе этого факта на европейскій государственный міръ. По Георгу Вибе количество добытаго золота въ Европѣ и Америкѣ между 1493 и 1600 годами оцѣнивается въ 1450 милліоновъ имперскихъ марокъ, серебра же на сумму свыше 3800 милліоновъ, что вмѣстѣ составляетъ ровно пять милліардовъ. Въ началѣ, до 1544 г., Новый Свѣтъ въ отношеніи добычи металловъ отставалъ отъ Стараго благодаря богатству и техническимъ преимуществамъ нѣмецкихъ горныхъ предпріятій: тирольскаго, богемскаго и саксонскаго. Но когда въ 1545 г. открыты были серебрянныя залежи Потози въ Перу, въ 1548 году Закатека и Гванахуато въ Мехикѣ, когда въ Америку призваны были нѣмцы, знающіе горное дѣло, и среди нихъ одинъ, неизвѣстный, открылъ средство добычи серебра при помощи ртути (сравн. томъ I, стр. 408): тогда успѣхи трансатлантическаго производства достигли такой высоты, что оно превзошло Европу и стало оказывать давленіе на цѣны благородныхъ металловъ. Такъ какъ количество отправляемаго изъ Америки благороднаго металла неизвѣстно, то лишь оцѣнивая имѣющіеся въ Европѣ въ различныя эпохи запасы благородныхъ металловъ можно заключить объ увеличеніи ввоза. Если запасъ золота и серебра Европы въ 1493 году равнялся приблизительно 1250 милліонамъ рублей, а въ 1600 году 3250 милліонамъ, то возрастаніе запаса въ теченіе XVI столѣтія выразилось цифрой около 2000 милліоновъ рублей.

Если цѣнность денегъ вслѣдствіе сильнаго и постояннаго увеличенія запаса благородныхъ металловъ, также какъ цѣнность всякаго другого товара, падаетъ, когда предложеніе превышаетъ сумму, необходимую для удовлетворенія нормальнаго спроса, то денежныя цѣны всѣхъ остальныхъ товаровъ должны подняться, т. е. при убывающей платежеспособности денегъ, за ту же сумму денегъ получаютъ меньшее количество товара. Но общее возвышеніе цѣнъ или другими словами возрастающая дороговизна товаровъ чувствительно отзывается на всѣхъ слояхъ населенія, сильнѣе же всего тамъ, гдѣ параллельно возвышенію цѣнъ не можетъ быть достигнуто увеличеніе доходовъ. Какъ показываетъ опытъ, лица, живущія заработной платой, опредѣленнымъ содержаніемъ, отнюдь не всегда и не сразу, въ лучшемъ случаѣ лишь черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, въ состояніи бываютъ увеличить свои доходы сообразно вздорожанію цѣнъ. Кризисъ цѣнъ поэтому обыкновенно сопровождается явленіями, очень тяжелыми для неимущихъ классовъ. Высокій денежный курсъ и сравнительно высокій уровень заработной платы въ XV столѣтіи создали для рабочаго класса, поскольку трудъ оплачивался деньгами, благопріятныя условія; но когда въ XVI столѣтіи заработная плата стала падать и къ этому еще присоединилось паденіе цѣнности денежныхъ знаковъ, положеніе рабочаго класса очень ухудшилось, и несмотря, или вѣрнѣе, благодаря богатству благороднаго металла, притекавшаго изъ Новаго Свѣта, пролетаризація массъ возростала. Возвышеніе товарныхъ цѣнъ было убыточно также и для тѣхъ классовъ, которые существовали на счетъ постоянныхъ процентовъ или ренты. Правда, предприниматели или торговцы, которые имѣли возможность поднять цѣны, могли не только удержаться на старомъ положеніи, но даже безъ труда возвысить свое благосостояніе.

Какъ это доказывается цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ фактовъ, цивилизованная Европа въ XVI столѣтіи пережила кризисъ цѣнъ. Паденіе денежнаго курса и вздорожаніе продуктовъ, которое въ серединѣ XVI столѣтія всюду стало чувствительнымъ — сначала на западѣ, потомъ на востокѣ — продолжалось до XVII столѣтія, затѣмъ наступило затишье и во второй половинѣ XVII столѣтія замѣтно стало даже обратное движеніе цѣнъ. Лишь къ началу XVIII столѣтія опять начался процессъ постояннаго возвышенія цѣнъ. Столь медленные процессы, которые напоминаютъ совершающіяся столѣтіями повышенія и опусканія береговой линіи, несомнѣнно не заслуживаютъ обычнаго названія „революціи цѣнъ". И лишь искусственное взвинчиваніе цѣнъ торговцами и неумѣлая торговая политика правительственныхъ властей придали этому медленно протекавшему кризису въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ революціоннаго движенія.

г) Измѣненія въ Европѣ, обусловленныя португальскими открытіями.

Направляясь за южный мысъ Африки, португальцы достигли цѣли, къ которой стремились также испанцы при Колумбѣ: они приплыли къ Индіи, родинѣ пряностей и драгоцѣнныхъ камней. Съ этою страною Европа уже въ теченіе тысячелѣтій, правда большею частью не непосредственно, вела торговыя сношенія: густонаселенная, съ роскошною, своеобразною природою, съ самобытной культурою, страна эта, являясь центромъ міровой торговли, въ то же время сама не претендовала на торговое господство и предоставляла это тѣмъ, кто въ качествѣ покупателей изъ первыхъ рукъ оказались способными завладѣть распространеніемъ продуктовъ Индіи на болѣе широкія области въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Внутри эритрейской области сношеній, охватывающей прибрежныя земли Индійскаго океана, хозяевами торговаго посредничества были арабы; отъ нихъ европейцы средней полосы съ венеціанцами во главѣ получали драгоцѣнности восточной Индіи, и даже эта торговля изъ вторыхъ, третьихъ и еще болѣе далекихъ рукъ, создавала тѣмъ, которые ее вели, экономическое преобладаніе въ латинскомъ и долгое время также въ византійскомъ культурномъ мірѣ. Подобно тому какъ эритрейская область примыкала къ Индіи съ запада, на востокѣ азіатскія торговыя сношенія простирались до Японіи и терялись гдѣ то въ неизвѣстной дали среди океаническихъ острововъ.

Въ восточной Индіи, этой центральной области міровой торговли, засѣли португальцы, опытные въ морскомъ и военномъ дѣлѣ, и подобно испанцамъ, закоренѣлые враги мусульманъ; стремясь къ завоеваніямъ, они послѣдовали за исламомъ въ сѣверную Африку и теперь вновь встрѣтились съ нимъ въ эритрейскомъ мірѣ. Они сдѣлали лишь слабую попытку подчинить себѣ земли, которыя папою предоставлялись въ ихъ владѣніе; несомнѣнно, что о колонизаціи или серьезномъ захватѣ Португалія при своихъ малыхъ размѣрахъ и незначительности населенія не могла и думать. Однакоже враждебное отношеніе арабовъ принудило португальцевъ къ занятію и укрѣпленію нѣкоторыхъ приморскихъ пунктовъ; впрочемъ и вообще азіатски-африканскія владѣнія Португаліи всегда распространялись лишь на ближайшую къ берегу полосу. Достичь по возможности монополизаціи торговли пряностями въ Европѣ и вытѣснить азіатскихъ торговыхъ соперниковъ, поскольку они хотя бы косвеннымъ образомъ въ состояніи были бы участвовать въ европейской торговлѣ пряностями, таковы были тѣ двѣ задачи, надъ которыми маленькой Португаліи приходилось достаточно потрудиться. На ряду съ крупнѣйшей торговлею пряностями, португальцами велась также въ обширныхъ размѣрахъ тор-

говля неграми, которая послѣ введенія рабства получила въ испанской Америкѣ довольно большіе размѣры; западноафриканское золото оказало имъ тоже хорошія услуги.

Въ то время какъ сначала португальскія экспедиціи носили характеръ торговыхъ путешествій, требовавшихъ не болѣе значительныхъ военныхъ приспособленій, чѣмъ обыкновенныя плаванія по внутреннимъ морямъ, впослѣдствіи португальскому правительству пришлось дѣлать большія военныя снаряженія, для которыхъ нужны были не только единовременныя траты, но постоянно изъ года въ годъ возобновляющіеся расходы. Отнынѣ португальская колоніальная торговля, подобно испанской, была поставлена подъ строгій государственный контроль, подчинена интересамъ фиска; она была національзирована и сдѣлана регаліей. Непосредственное участіе въ ней иностранцевъ, чему раньше не дѣлалось никакихъ затрудненій, на будущее время запрещалось. Король Мануилъ Великій сконцентрировалъ индійскую торговлю въ Casa de India въ Лиссабонѣ и объявилъ въ концѣ концовъ, что она является исключительнымъ правомъ правительства. И прежде уже грузы пряностей отправлялись въ Англію и Нидерланды, теперь же устроена постоянная королевская факторія въ Антверпенѣ. Отнынѣ западноевропейская торговля обладала двумя центрами: Лиссабономъ и Антверпеномъ (см. стр. 73). Тотчасъ же итальянскіе, верхнегерманскіе, испанскіе, французскіе купцы или ихъ представители тоже основались здѣсь. Когда правительство стало отдавать въ аренду (contractadores) монополію индійской торговли, началось состязаніе представителей международнаго капитала за обладаніе этомъ источникомъ богатства. Лиссабонъ былъ кромѣ того важенъ также какъ рынокъ хлѣба и судостроительнаго матеріала. Сѣверная и южная Германія участвовали въ доставкѣ этого сырья; этимъ занимались крупные купцы изъ Данцига, такъ и изъ Аугсбурга.

Б. Денежное хозяйство и крупный капиталъ.

а) Крупные капиталисты XVI столѣтія.

Вторженіе крупнаго капитала — преимущественно итальянскаго и верхнегерманскаго — въ сферу океаническихъ торговыхъ сношеній конквистадорскихъ государствъ есть явленіе, рѣзко характеризирующее хозяйственную жизнь тогдашней Европы, Но крупныя финансовыя силы XVI столѣтія также мало, какъ и другихъ эпохъ, могли ограничиваться однѣми товарными и вспомогательными при торговлѣ денежными сдѣлками; хотѣли ли онѣ этого или нѣтъ, но онѣ должны были выйти изъ круга чисто коммерческихъ интересовъ, онѣ вовлекались въ движеніе политическихъ, міровыхъ событій, для котораго незамѣнимымъ средствомъ были деньги, которыя могли бы въ любой моментъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ быть пущены въ оборотъ. Государственный механизмъ еще не приспособился къ потребностямъ времени, всецѣло проникнутаго денежнохозяйственнымъ характеромъ. Всюду еще сохранились остатки устарѣвшихъ феодальныхъ учрежденій, возникшихъ въ эпоху натуральнаго хозяйства. Государственные доходы составлялись еще во многихъ мѣстностяхъ изъ натуральныхъ взносовъ съ государственныхъ земель; не существовало еще достаточно развитаго чиновничества, которое слѣдило бы за быстрымъ взиманіемъ податей и притокомъ ихъ въ центральную кассу. Утвержденіе расходовъ зависѣло отъ чиновъ, которые руководились именно только сословными, а не государственными интересами, въ то время какъ придворныя сферы вращались уже въ атмосферѣ, проникнутой духомъ широкой міровой политики. Но война и миръ стоили денегъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ наемники и даже кое гдѣ постоянное войско

замѣнили собою прежнюю феодальную армію. Правительства, заботясь объ образованіи новыхъ источниковъ денежныхъ средствъ, старались также извлечь возможную пользу изъ уже существующихъ. Какъ первая, такъ и вторая задача искусно осуществлялась князьями XVI столѣтія, этой эпохи расцвѣта системы регалій. Они обращались къ капиталистамъ, которые, соблазняемые огромными выгодами ихъ, соглашались на денежное содѣйствіе, и разумѣется, каждая такая услуга влекла за собою цѣлый рядъ другихъ.

Такъ всѣ явленія общественной жизни переплетались между собою. Современная политика, стремящаяся къ созданію крупныхъ государствъ, возникшая въ концѣ XV столѣтія подъ вліяніемъ вторженій французовъ въ Италію и образованія универсальной габсбургской монархіи, создала изъ средневѣковаго государства, этого слабо скрѣпленнаго союза самодовлѣющихъ политическихъ мірковъ, современное абсолютное, однородное государство съ его арміей и финансами; средствомъ къ достиженію этого былъ крупный капиталъ, поскольку онъ уже существовалъ и былъ организованъ; при этомъ капиталистамъ приходилось переживать кризисы, которые врядъ ли угрожали бы имъ, если бы они не связали своихъ дѣлъ съ государственными интересами. Кто могъ-бы при бѣгломъ обзорѣ данной эпохи усмотрѣть въ ней эту тѣсную связь всемірноисторическихъ событій съ чисто коммерческими интересами? Эпохи, которая, казалось, всецѣло была занята религіозными, династическими, свободолюбивыми идеалами — и не только казалось, но и дѣйствительно была поглощена ими? Вѣдь реформація и контръ-реформація, борьба Габсбурговъ и Валуа, нидерландская освободительная война конечно вызваны были реальными причинами: корни этихъ событій должны были таиться въ глубинахъ человѣческой души, гдѣ уже не можетъ быть мѣста самообману.

Прежде чѣмъ могущественнѣйшіе изъ денежныхъ тузовъ XVI столѣтія, аугсбургцы и нюрнбергцы, перешли отъ солидной товарной торговли къ торговлѣ спекулятивной, къ денежнымъ, вексельнымъ и наконецъ финансовымъ операціямъ въ силу естественнаго внутренняго развитія хозяйственныхъ силъ и могущественнаго давленія запросовъ эпохи, итальянцы уже перешли всѣ эти переходныя ступени и проявили поразительную ловкость во всевозможныхъ дѣлахъ. Итальянскіе мѣнялы, ломбардцы и тосканцы, всюду слѣдовали за распространеніемъ итальянской товарной торговли (см. выше, стр. 18 и 19). Они покупали и перепродавали различныя монеты и благородные металлы, векселя и долговыя обязательства, они были посредниками при купеческихъ займахъ, заботились о кассовыхъ дѣлахъ римскаго двора и выдавали даже королямъ подъ закладныя всякаго рода большія суммы. Дѣятельность эта носила интернаціональный характеръ и вслѣдствіе этого ей приходилось бороться съ теченіемъ, которое стремилось хотя бы кредитныя операціи вырвать изъ рукъ иностранцевъ и національизировать. Такъ французамъ удалось на время, въ XV столѣтіи, слѣдовательно какъ разъ во время расцвѣта флорентинскихъ банковыхъ учрежденій, освободиться отъ власти интернаціональнаго крупнаго капитала, послѣ того какъ Жакъ Кёръ (Jacques Coeur), гражданинъ Буржа, первый капиталистъ столѣтія, вошелъ въ сношенія съ правительствомъ. Но послѣ паденія этого великаго финансиста, французы опять стали въ зависимость отъ итальянцевъ въ денежныхъ, вексельныхъ и закладныхъ операціяхъ. Французскіе короли XVI вѣка изъ политическихъ соображеній покровительствовали флорентинцамъ, генуэзцы же обратились къ Габсбургамъ.

б) Синдикаты и союзы капиталистовъ въ XVI столѣтіи.

Благодаря своимъ дѣловымъ связямъ съ Габсбургами верхнегерманскіе купцы втянулись также въ финансовыя правительственныя операціи. Быстрое возвышеніе, деспотическое господство и жалкое паденіе — таковы

были фазы, черезъ которыя долженъ былъ пройти нѣмецкій капитализмъ въ теченіе одного столѣтія. Прежде еще чѣмъ денежныя и кредитныя операціи крупныхъ коммерсантовъ успѣли пріобрѣсти широкій размахъ, онѣ встрѣтились съ враждебностью народа; рейхстаги заваливались жалобами, и люди, открыто ратовавшіе за народное благо, между ними Мартинъ Лютеръ, громили торговыя сдѣлки и ростовщиковъ. Всюду еще было въ силѣ запрещеніе церковнымъ правомъ взиманія процентовъ съ денегъ, отдаваемыхъ въ займы; на хозяйственныя понятія того времени вліяла еще иллюзія существованія „справедливой (а слѣдовательно и неизмѣнной) цѣны" (justum pretium) каждаго товара. Когда же римская церковь сама стала обнаруживать на практикѣ менѣе строгія воззрѣнія, противъ нея возстали реформаторы, такъ что теперь и католики и протестанты, чтобы ни въ чемъ не уступить другъ другу, должны были доводить до крайности монашеское осужденіе коммерчески-дѣловой жизни своего времени. Согласной съ церковными воззрѣніями была также и хозяйственная политика, которая возникла въ городскихъ общинахъ средневѣковья: политика низкихъ цѣнъ, маленькихъ людей, потребителей; такое направленіе относилось одинаково враждебно и къ капитализму, и къ свободной конкуренціи.

Неудивительно, что массы горожанъ глубоко взволновались, когда изъ ихъ собственной среды появились спекуляторы, игравшіе на повышеніе цѣнъ и непомѣрно увеличивавшіе свои богатства. Опаснѣе всего казалось превращеніе отдѣльныхъ уже и безъ того всесильныхъ предпріятій въ общества, образованіе синдикатовъ и капиталистическихъ союзовъ. Для того, чтобы уменьшить рискованность своихъ спекуляцій, капиталисты соединялись въ общества съ ограниченной отвѣтственностью, которыя легко могли распасться и гдѣ прибыль распредѣлялась сообразно высотѣ вкладовъ, какъ только цѣль образованія этихъ обществъ оказывалась достигнутою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ союзамъ удавалось, правда, добиться монополизаціи въ ихъ рукахъ торговли нѣкоторыми товарами, какъ напримѣръ, пряности или металлы, быть можетъ имъ удавалось даже оказать давленіе на цѣну этихъ товаровъ на міровомъ рынкѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что союзы торговцевъ мѣди и перца для агитаторовъ эпохи, предшествовавшей великой соціальной революціи („Крестьянской войнѣ") 1525 года, играли роль агитаціоннаго средства, которое дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ туманнѣе было представленіе массъ о всѣхъ этихъ запутанныхъ вещахъ. Но и не причастные къ торговлѣ элементы поразительно скоро освоились съ новымъ, сначала преслѣдуемымъ ими методомъ быстрой и легкой денежной наживы. И подобно тому, какъ кризисы XIX вѣка пріобрѣтали широкіе размѣры и носили опустошительный характеръ лишь тогда, когда частныя сбереженія средне- и малосостоятельныхъ людей вовлекались въ ажіотажъ, такъ было и въ эпоху перечныхъ союзовъ. Въ консорціяхъ XVI столѣтія, также какъ и въ биржевыхъ спекуляціяхъ XIX, участвовало безчисленное количество мелкихъ капиталистовъ, которые, считаясь лишь съ возможностью прибыли, нерѣдко теряли все свое состояніе при крушеніи предпріятія. Такъ, въ спекуляціяхъ Гехштеттеровъ изъ Аугсбурга принимали участіе даже крестьянскіе батраки, которые при крахѣ главной фирмы потеряли свои жалкія сбереженія. Но съ другой стороны, еслибъ не было притока этихъ маленькихъ ручейковъ, не могли бы накопиться тѣ громадные капиталы, при помощи которыхъ орудовали всемірные торговые дома.

в) Фуггеры и другіе верхне-германскіе торговые дома.

Какимъ образомъ началось паденіе германскихъ и другихъ капиталовъ, занятыхъ въ международныхъ торговыхъ оборотахъ, въ теченіе XVI

вѣка, ясно показываетъ исторія Фуггеровъ, перваго всемірно-торговаго дома той эпохи. Рихардъ Эренбергъ справедливо называетъ весь хозяйственно-историческій періодъ отъ конца XV до начала XVII столѣтія „эпохою Фуггеровъ“.

Въ 1367 году родоначальникъ этого дома, ткачъ-бумазейщикъ Гансъ Фуггеръ поселился въ Аугсбургѣ и достигъ скромнаго благосостоянія. Его сыновья были уже крупными купцами; внукъ его, Яковъ II (умеръ въ 1526 г.) создалъ унаслѣдованному торговому дѣлу его міровое значеніе. Снарядивъ свиту императора Фридриха III для свиданія послѣдняго съ Карломъ Смѣлымъ, онъ завязалъ важныя по своимъ послѣдствіямъ связи съ габсбургскимъ домомъ, также стремившимся достичь мірового значенія. Затѣмъ эрцгерцогъ Сигизмундъ Тирольскій, который долженъ былъ возвратить Фуггерамъ сдѣланный у нихъ заемъ, предоставилъ имъ въ видѣ уплаты доходы съ тирольскихъ серебряныхъ залежей. Тогда-то они бросились на горнопромышленныя предпріятія, которымъ они и обязаны были поразительно быстрымъ ростомъ своего благосостоянія. Особенно выгодной оказалась для нихъ эксплоатація мѣдныхъ рудниковъ въ Нейсоль въ Венгріи, такъ какъ это дало имъ возможность распространить свою торговлю до Данцига и Антверпена и даже завладѣть венеціанскимъ мѣднымъ рынкомъ. Какъ разъ когда снаряжались первыя остиндскія экспедиціи, Фуггеры добрались до Лиссабона, гдѣ они основали склады для торговли пряностями. Они принимали участіе въ великой экспедиціи 1505 г., вмѣстѣ съ другими верхне-германцами, которые вложили въ это предпріятіе 36 тысячъ дукатовъ. Послѣ монополизаціи индійско-португальской торговли они часто еще получали на откупъ крупныя партіи пряностей, большею частью въ отплату за ссужаемыя ими подъ большіе проценты деньги правительству.

Но уже къ началу XVI столѣтія у верхне-германскихъ капиталистовъ, также какъ и у итальянцевъ, товарная торговля отступила на второй планъ; денежныя и главнымъ образомъ крупно-финансовыя дѣла съ правительствами заняли первенствующее мѣсто. Уже во второмъ десятилѣтіи реформаціоннаго вѣка судьба важнѣйшихъ всемірно-историческихъ событій лежала въ ихъ рукахъ. Выступленіе Лютера въ 1517 году и избраніе Карла V на германскій престолъ любопытнѣйшимъ образомъ связаны съ дѣлами торговаго дома Фуггеровъ.

Уже въ 1500 году Фуггеры обладали факторіей въ Римѣ и выполняли порученія, которыя давались имъ папою и другими духовными князьями. Такъ, избранный въ 1517 году майнцскій архіепископъ Альбрехтъ Бранденбургскій занялъ у Фуггеровъ 21,000 дукатовъ для уплаты римской куріи за паллій, затѣмъ, уплативъ еще 10,000 дукатовъ, которыми его опять таки снабдили Фуггеры, онъ былъ сдѣланъ главнымъ комиссаромъ по собиранію объявленнаго папою Львомъ X для Саксоніи юбилейнаго отпущенія грѣховъ. Послѣ этого архіепископъ назначилъ проповѣдниковъ отпущенія грѣховъ, которые должны были принимать деньги отъ покупателей индульгенцій съ тѣмъ, чтобы вручать ихъ сопровождавшему ихъ фуггеровскому агенту; послѣдній долженъ былъ отсылать половину этихъ денегъ въ Аугсбургъ для погашенія архіепископскаго долга и остальную часть въ Римъ. Такое положеніе дѣлъ должно было въ концѣ концовъ привести къ столкновенію Тецеля и Лютера. Издавна отливъ наличныхъ денегъ въ Римъ былъ поводомъ національнаго недовольства; новая торговля индульгенціей дала удобный поводъ напасть одновременно на папство и крупный капиталъ.

Если въ раздѣленіи церквей участіе Фуггеровъ было лишь косвеннымъ, то зато при побѣдѣ Карла V надъ его соперникомъ французскимъ королемъ Францискомъ I, при выборахъ императора послѣ смерти Максимиліана I (1519 г.), золото ихъ оказало непосредственное рѣшающее влія-

ніе. Дѣло въ томъ, что каждое избраніе императора было не что иное, какъ сложная система подкуповъ; вопросъ рѣшался лишь размѣрами ассигнуемыхъ на это суммъ. Поручительство Фуггеровъ за испанскаго претендента положило конецъ колебаніямъ курфюрстовъ, такъ какъ Францискъ не могъ предоставить такихъ вѣрныхъ гарантій; изъ требовавшихся 850,000 золотыхъ гульденовъ Фуггерами было дано 543,000, Вельзерами—143,000, итальянцами остальное. Послѣ же выборовъ, тѣ, усиліями которыхъ былъ избранъ императоръ, находились всецѣло во власти своей собственной креатуры и должны были при помощи новыхъ ссудъ укрѣплять за новоизбраннымъ престолъ, если они не желали потерять уже ранѣе одолженныхъ, но еще не полученныхъ обратно суммъ. Впрочемъ, такой разрывъ для Фуггеровъ былъ особенно труднымъ, такъ какъ они были убѣжденными сторонниками Габсбурговъ и католической политики этой династіи.

Послѣ императорскихъ выборовъ 1519 года центръ тяжести Фуггеровскихъ предпріятій лежалъ въ Испаніи; кредиторамъ короля-императора предоставлено было удовлетворять свои притязанія при помощи испанскихъ доходовъ. „Испанское дѣло" высосало мало по малу изъ этой фирмы всѣ жизненные соки и привело къ паденію величайшій торговый домъ этого вѣка.

Въ различнаго рода предпріятія, которыми занимались Фуггеры въ Испаніи, входила также взятая на откупъ эксплуатація Алмаденскихъ ртутныхъ залежей, которыя, особенно послѣ изобрѣтенія амальгамированія, приносили большую прибыль. Нѣмецкіе рудокопы привозились Фуггерами въ Испанію и оттуда попадали въ Америку. Такъ какъ крупные кредиторы государства, чтобы обезпечить за собою свои старыя притязанія, принуждены были оказывать все новыя и новыя услуги правительству, то въ ихъ распоряженіе часто предоставлялись возвращавшіеся изъ Новаго Свѣта „серебряные флоты", которые привозили съ собою также королевскій Quinto (20-процентную часть, принадлежащую коронѣ, см. т. I, стр. 405). Но, въ виду того, что вывозъ благороднаго металла изъ Испаніи закономъ воспрещался, Фуггеры и ихъ товарищи принуждены были хлопотать объ особыхъ льготахъ, чтобы, несмотря на запрещеніе, имѣть возможность направлять свои деньги туда, гдѣ онѣ имъ были нужны; но правительству самому приходилось хранить въ строгой тайнѣ дарованіе этихъ льготъ, такъ какъ иначе испанцы силою стали бы препятствовать вывозу наиболѣе цѣнимаго изъ всѣхъ земныхъ сокровищъ. Такимъ образомъ благородные металлы Новаго свѣта, едва попавши въ Испанію, утекали въ руки крупныхъ капиталистовъ, которые, привозя товары въ промышленно-бѣднѣющую страну, удерживали за собою и послѣдніе остатки американскаго золота; впрочемъ Фуггеры принимали малое участіе въ этихъ ввозныхъ операціяхъ, такъ какъ ихъ достаточно поглощали заботы о сбытѣ горнопромышленныхъ произведеній и натуральныхъ продуктовъ заложенныхъ у нихъ государственныхъ имѣній.

Съ германской линіей Габсбургскаго дома, также какъ и съ испанской, Фуггеры находились въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ. Такъ какъ у Фердинанда I были большія помѣстья въ Неаполѣ, то его главные кредиторы распространили свои коммерческія дѣла на весь югъ Апеннинскаго полуострова. Намѣстники Габсбургскихъ Нидерландовъ тоже безпрерывно пользовались финансовыми услугами верхне-германскихъ и итальянскихъ крупныхъ капиталистовъ.

Послѣ смерти Якова II Фуггеровскій домъ, руководимый его племянникомъ Антономъ (1526—1560), достигъ вершины своего богатства и могущества. Обиліе дѣтей этой денежной династіи вошло въ поговорку и поэтому для нихъ было счастьемъ, что семейное достояніе не дѣлилось, а наоборотъ, право распоряженія имъ исходило изъ одного центра и переда-

валось въ строго монархическомъ порядкѣ. Глава дома, хотя и пользовался совѣтомъ и помощью остальныхъ членовъ семьи, но все же управлялъ широко раскинувшимися предпріятіями самолично при помощи своихъ агентовъ и представителей. Резиденціей денежнаго короля Европы былъ Аугсбургъ. Лишь во второй половинѣ XVI столѣтія семейное единеніе начало рушиться; нѣкоторые члены семьи вынули свои денежные вклады изъ дѣла и этимъ принудили фирму отступить отъ ея второго принципа—по возможности вкладывать въ предпріятіе лишь собственные, а не чужіе капиталы. Чѣмъ больше чужихъ капиталовъ пускалось фирмою въ оборотъ къ концу столѣтія, тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе дѣла, особенно въ періоды кризисовъ.

Поворотъ въ судьбѣ Фуггеровскаго дома, наступившій какъ разъ во время достиженія имъ наибольшаго блеска, былъ вызванъ Шмалькальденской войною (1546—1547). Антонъ Фуггеръ, уже тогда носившійся съ мыслью ликвидировать предпріятіе, очевидно инстинктивно предчувствовалъ близость рокового конца, но онъ уже не могъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію: желѣзныя цѣпи приковывали его къ Габсбургамъ. Для того, чтобы имѣть возможность сопротивляться въ Аугсбургѣ протестантской народной партіи, онъ долженъ былъ поддерживать католиковъ. А когда побѣдоносный Карлъ V бѣжалъ отъ Морица Саксонскаго въ Виллахъ, Фуггеръ долженъ былъ, если онъ не желалъ потерять все то, что должны были ему Габсбурги обѣихъ линій, оказать ему новую денежную помощь въ размѣрѣ 400,000 дукатовъ, суммѣ чудовищной для того времени. Такъ шли дѣла и послѣ отреченія Карла V до тѣхъ поръ, пока не разразился первый страшный финансовый кризисъ 1557 года; за нимъ послѣдовалъ долгій застой въ дѣлахъ. Наступило паденіе не только Фуггеровъ, но и всей крупной денежной знати; первый періодъ *интернаціональнаго* денежнаго могущества приходилъ *къ концу*, уступая мѣсто національной (или территоріальной) финансовой хозяйственной политикѣ и это до тѣхъ поръ, пока французская революція и міровыя войны въ началѣ XIX столѣтія не создали вновь благодарной почвы для процвѣтанія интернаціональнаго капитала.

Послѣ событія, которое, являясь первымъ предостереженіемъ, въ 1557 году вызвало колебаніе Фуггеровскаго дома, прошелъ еще длинный рядъ лѣтъ, прежде чѣмъ наступило банкротство. Послѣ смерти Антона (въ 1560 г.) управленіе дѣлами сначала перешло къ его старшему племяннику Гансу-Якову. человѣку образованному, съ художественнымъ вкусомъ, у котораго, однако, не было дѣлового чутья и который по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ принужденъ былъ передать управленіе сыновьямъ Антона: „Максу Фуггеру съ братьями" („Max Fugger und Gebrüder"). Семейное имущество, вложенное въ предпріятіе, было раздѣлено, товарная часть дѣла брошена, такъ что осталось лишь одно *„испанское дѣло"* („Spanische Handlung"), которое требовало постоянныхъ сношеній съ важнѣйшею Европейскою биржею—съ Антверпеномъ. Однако финансы испанскаго государства находились въ такомъ плохомъ состояніи, что черезъ правильные промежутки времени, приблизительно каждыя 20 лѣтъ, правительству приходилось прекращать платежи и заключать принудительныя сдѣлки съ своими кредиторами. Хотя правительство часто ставило Фуггеровъ въ особое привилегированное положеніе по сравненію съ остальными государственными кредиторами, но все же и имъ противъ воли приходилось иногда соглашаться на предлагаемыя имъ условія, изъ которыхъ наиболѣе тяжелымъ была уплата рентовыми облигаціями (juros). Такимъ образомъ денежныя ссуды возвращались имъ не валютой, но въ видѣ процентныхъ, непогашаемыхъ (вѣчныхъ) долговыхъ обязательствъ, которыя тотчасъ же падали ниже своей номинальной цѣнности и поэтому лишь съ большими потерями могли быть обращены въ деньги. Банкиры возвра-

щали своимъ вкладчикамъ ихъ капиталы тоже такими же рентовыми билетами, что вызывало запутанныя тяжбы и полное крушеніе сначала испанскаго государственнаго кредита, а затѣмъ также кредита финансистовъ. Положеніе Фуггеровъ стало особенно шаткимъ со времени вступленія на престолъ Филиппа IV (1621—1665). Они пользовались немилостью его могущественнаго премьеръ-министра Оливареса (см. т. IV, стр. 551), тогда какъ какъ до этихъ поръ съ ними въ виду ихъ неоспоримыхъ заслугъ обращались всегда лучше, чѣмъ съ остальными нѣмецкими капиталистами. На Фуггеровъ была возложена обязанность ежемѣсячно уплачивать необходимую для содержанія двора сумму („mesados") въ 50,000 дукатовъ, взамѣнъ чего въ ихъ распоряженіе отданы были лишенныя всякой цѣны податныя статьи. Съ 1630 года всемірная фирма уже нуждалась въ мораторіяхъ (отсрочкахъ), а въ 1637 году конкурсная масса „испанскаго дѣла" была отдана въ распоряженіе Фуггеровскимъ кредиторамъ, главнымъ образомъ генуэзцамъ. Итоги дали дефицитъ въ полъ-милліона дукатовъ, но выставленныя въ активѣ долговыя обязательства испанскаго правительства не представляли цѣнности, иначе говоря, были безнадежны. „Если общую сумму убытковъ, которую потерпѣли Фуггеры въ качествѣ кредиторовъ Габсбурговъ до половины XVII столѣтія, выразить цифрою въ 8 милліоновъ гульденовъ, то въ этомъ не будетъ никакого преувеличенія. Мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что большая часть того, что заработали Фуггеры въ теченіе столѣтія, была потеряна именно этимъ путемъ" (Эренбергъ).

Не многимъ лучше чѣмъ у Фуггеровъ дѣла обстояли у южно-германскихъ торговыхъ домовъ, участвовавшихъ въ интернаціональныхъ предпріятіяхъ и особенно рискованныхъ финансовыхъ дѣлахъ, какъ Гехштеттеръ, Паумгартнеръ, Вельзеръ, Зейлеръ, Нейгартъ, Манлихъ, Ремъ, Гаугъ, Гервартъ: всѣ эти аугсбургскія фирмы еще въ теченіе XVI столѣтія въ критическую эпоху 50-хъ и 60-хъ годовъ пріостановили свои платежи. Раньше всего (въ 1529 году) пробилъ часъ для Гехштеттеровъ, этихъ наиболѣе „ненавистныхъ монополистовъ своего времени".

Дольше съумѣли удержаться Вельзеры; это были верхне-германскіе капиталисты, которые уступали только Фуггерамъ. У Вельзеровъ существовала нюрнбергская и аугсбургская вѣтви. Нюрнбергскіе Вельзеры въ 1560 году прекратили свои дѣла. Къ аугсбургской линіи принадлежалъ Варѳоломей Вельзеръ, который единственный изъ нѣмцевъ сдѣлалъ первую и послѣднюю попытку пріобрѣсти земельныя владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, благодаря чему возникла было надежда основать нѣмецкую колонію по ту сторону океана; надежда, которая, однако, скоро исчезла (см. т. I, стр. 382). Въ противоположность Фуггерамъ, которые были строгими приверженцами Габсбурговъ, Вельзеры занимали нейтральное положеніе и вели денежныя дѣла также и съ Франціей. Поэтому на нихъ отразилось какъ испанское, такъ и французское государственныя банкротства въ 1557 году, но это не повредило ихъ кредиту, они и послѣ этого были еще въ состояніи заключать заемные договоры съ Англіей. Лишь къ концу столѣтія дѣла ихъ начали ухудшаться; въ 1614 году они обанкрутились.

Изъ болѣе крупныхъ нюрнбергскихъ торговыхъ домовъ, Тухеры отличались своимъ принципомъ не вступать ни въ какія денежныя дѣла съ властвующими князьями. Поэтому имъ удалось пережить XVII столѣтіе оставаясь цѣлыми и невредимыми. Имгофы хотя участвовали въ финансовыхъ операціяхъ, но не потерпѣли окончательнаго крушенія. Они ликвидировали лишь свои дѣла съ огромными потерями. Южно-германцы изъ другихъ городовъ, кромѣ Аугсбурга и Нюрнберга, принимали лишь въ исключительныхъ случаяхъ участіе въ интернаціональныхъ денежныхъ и кредитныхъ операціяхъ.

г) Генуэзцы и флорентинцы.

Болѣе стойкими чѣмъ верхне-германцы, перешедшіе лишь на границѣ XV и XVI столѣтія отъ товарной къ денежной торговлѣ, оказались итальянцы, которые во всѣхъ дѣлахъ обладали большею ловкостью и опытностью. На интернаціональномъ рынкѣ главное значеніе имѣли генуэзцы и флорентинцы.

Послѣ того, какъ генуэзцы утратили на востокѣ Средиземнаго моря свое господство (см. стр. 10) и на западѣ сношенія затруднялись варварійцами, торговая предпріимчивость и освободившіеся капиталы столицы Лигуріи обратились преимущественно къ денежнымъ и кредитнымъ операціямъ. Начиная съ XII вѣка, генуэзцы поддерживали коммерческія связи съ испанцами. Ихъ флотъ и ихъ капиталы облегчили испанцамъ завоеваніе Америки. Они взяли на себя доставку требуемаго ежегодно для трансатлантическихъ колоній количества негровъ (см. т. I, стр. 410); они снабжали Севилью издѣліями для вывоза въ Америку и давали деньги для снаряженія экспедицій. Отдѣльныя генуэзскія фирмы, какъ напр. Гримальди, имѣли уже и денежныя дѣла съ испанскимъ правительствомъ. Изъ соглашеній въ области хозяйственныхъ интересовъ выросъ прочный политическій союзъ. Рѣшающее вліяніе оказалъ переходъ фирмы Дорія отъ Франциска I къ Карлу V въ 1528 г. во время второй испанско-французской войны. Господствующая партія называла себя оптиматской партіей богатыхъ людей. Она раздѣлилась на старую и новую аристократическую (nobili vecchi и nuovi); первые были преимущественно денежные дѣльцы, вторые товаро-торговцы. Народъ держалъ сторону ново-аристократической партіи, потому что товарная торговля, благопріятствовавшая промышленности, давала ему больше заработка. Все же эта партія, предводительствуемая Джованни Луиджи де'Фіески, потерпѣла пораженіе (1494) отъ староаристократической партіи, предводительствуемой Доріями. Тогда послѣдніе еще тѣснѣе примкнули къ испанцамъ. Въ награду за это императоръ, а впослѣдствіи сынъ его Филиппъ II выдвинули ихъ изъ ряда остальныхъ финансистовъ. Лишь Фуггеры пользовались одинаковыми съ ними привилегіями. Наиболѣе выдающимися изъ генуэзскихъ государственныхъ кредиторовъ въ Испаніи были: Гримальди, Спинола, Паллавичино, Ломеллино, Джентили, Чентуріони. По мѣрѣ того какъ возростала благосклонность королей, она становилась все опаснѣе въ эпоху правильно повторявшихся финансовыхъ кризисовъ, такъ какъ благосклонность монарховъ никогда не обходилась даромъ: въ концѣ концовъ и на ихъ долю такъ же какъ и верхне-германцевъ приходились лишь обезцѣненныя рентовыя бумаги и не приносившія никакого дохода оброчныя статьи; тѣмъ не менѣе они до половины XVII вѣка сохраняли сношенія съ Испаніей. Такъ какъ къ тому времени платежеспособнымъ государствамъ уже удалось національизировать народное и государственное хозяйство, то финансовое дѣло вообще утратило уже свой интернаціональный характеръ. Пока что, генуэзскимъ крупнымъ капиталистамъ удалось захватить въ свои руки громадныя земельныя имущества благодаря своимъ связямъ съ Габсбургами, такъ что они могли съ сравнительнымъ спокойствіемъ ожидать бѣдственной катастрофы, полнѣйшаго раззоренія своего родного города.

Къ серединѣ XVII столѣтія прекратились также связи флорентинцевъ съ Франціей, гдѣ финансовое дѣло больше столѣтія находилось въ ихъ рукахъ. Еще въ раннюю пору флорентійскаго денежнаго хозяйства, въ эпоху Бальди и Перуцци, въ XIV столѣтіи, Франція принадлежала къ тѣмъ государствамъ, которыя были кліентами тосканскихъ банкировъ. Затѣмъ въ XV столѣтіи, когда въ банковомъ мірѣ господствовали Медичи, были опять возобновлены старыя связи. Въ XVI столѣтіи, когда представители

дома Медичи съ помощью Габсбурговъ завладѣли политическою властью въ Тосканѣ, флорентійская плутократія тоже приняла сторону Валуа. Дѣла ихъ во Франціи процвѣтали и послѣ того, какъ Англія и Нидерланды, гдѣ первенствующая роль перешла теперь къ мѣстнымъ капиталамъ, ускользнули уже изъ ихъ рукъ. Среди флорентинскихъ финансовыхъ тузовъ того времени самыми выдающимися были Фрескобальди, Гвальтеротти, Строцци, Сальвіати, Гваданьи, Каппони; кромѣ спеціально флорентійскихъ домовъ упоминаются еще Киджи изъ Сіены, Буонвизи изъ Лукки, Дуччи изъ Пистойи, Аффаитади изъ Кремоны. Первымъ грознымъ ударомъ, постигшимъ тосканскія фирмы, которыя вели дѣла съ Франціей, было банкротство короля Генриха II, въ 1557 году. Вскорѣ послѣ этого начались гугенотскія войны, во время которыхъ французскіе финансы окончательно пришли въ упадокъ, такъ что остается только изумляться отвагѣ капиталистовъ, подобныхъ Джироламо Гонди, которые продолжали вести дѣла съ французскими королями. Послѣ царствованія Генриха IV флорентинцы исчезли изъ Франціи, которая впрочемъ до 1660 г. все еще не могла обойтись безъ помощи иностранныхъ капиталовъ.

д) Ярмарки и биржи въ XVI столѣтіи.

Современныя биржи образовались мало по малу изъ ярмарочныхъ съѣздовъ эпохи франкско-германской имперіи. Особое ярмарочное право, которое предоставлялось извѣстнымъ мѣстностямъ императорами и королями, начиная съ Каролинговъ, явилось центромъ, вокругъ котораго постепенно наросли всѣ тѣ правовыя нормы, которыя образуютъ содержаніе юридическаго понятія „города“. Внутри стараго деревенскаго хозяйства, сначала на романскихъ земляхъ, нѣсколько позже на германскихъ, появилась новая городская культура, которая, не разрушая старо-деревенскаго міра, разсѣяна была въ немъ, сохраняя свой самодовлѣющій характеръ. Деревня и городъ, сельское и городское населеніе, отнынѣ воплощаютъ въ себѣ два культурныхъ типа, двѣ экономическія группы, существующія другъ подлѣ друга, необходимыя другъ для друга въ хозяйственномъ отношеніи, а вслѣдствіе этого вступающія другъ съ другомъ въ правильныя сношенія; регулированіе взаимныхъ отношеній было, само собою разумѣется, дѣломъ болѣе развитой группы — т. е. городского населенія. Еженедѣльныя ярмарки и установленіе городской черты знаменуютъ этотъ процессъ взаимнаго приспособленія сельскихъ и городскихъ интересовъ: еженедѣльная ярмарка снабжала городъ сельско-хозяйственными продуктами сосѣднихъ деревень и гарантировала сельскимъ жителямъ сбытъ ихъ товаровъ по цѣнамъ, независящимъ отъ ухищреній торговцевъ, отъ запроса или желанія низкой цѣною переманить покупателя. Право же городской черты препятствовало занятіямъ городскими ремеслами въ прилежащихъ къ городу сельскихъ областяхъ. Такимъ образомъ обезпечивались за городомъ постоянные покупщики среди его деревенскихъ сосѣдей.

Труднѣе для городовъ было ужиться съ наслѣдниками старыхъ земельныхъ владѣльцевъ, земельной аристократіей. Такъ называемые рыцари-разбойники представляютъ собою естественное явленіе въ общественной жизни XIV и XV столѣтій. Съ одной стороны мы имѣемъ здѣсь сословіе, которое въ результатѣ сложной сѣти историческихъ причинъ приведено было къ упадку, съ другой стороны буржуазію и городской капитализмъ, грозившіе вытѣснить старое дворянство. Рыцарь большой дороги и рыцарь аршина были представителями двухъ противуположныхъ классовъ: аграрнаго и торгово-промышленнаго. Классовый антагонизмъ, воплощающійся въ этихъ двухъ фигурахъ, не могъ не приводить къ длинной, мелочной борьбѣ, которой былъ положенъ конецъ лишь въ

XVI столѣтіи все охватывающей и всюду проникающей властью территоріальныхъ князей.

Раньше еще чѣмъ правительственная опека стала вмѣшиваться въ классовую борьбу, городскія общины сами стали сознательно относиться къ своимъ интересамъ, но каждая община заботилась лишь о себѣ. Городъ какъ цѣлое чувствовалъ себя группою потребителей, которымъ прежде всего надлежитъ защитить себя отъ естественнаго корыстолюбія производителей. Каждый городской житель являлся вѣдь до извѣстной степени потребителемъ, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія также и городскіе торговцы и ремесленники. Однако-же частные интересы городскихъ производителей находились въ противорѣчіи съ общими интересами потребителей и потому внутренняя городская, хозяйственная политика должна была выработать такой порядокъ, который былъ бы принятъ обѣими партіями. Помощь въ этомъ дѣлѣ городское правительство встрѣтило со стороны организованныхъ ремеслъ — цеховъ и гильдій. Послѣднія были главнымъ образомъ заинтересованы въ томъ, чтобы по возможности ограничить взаимное соперничество мѣстныхъ производителей и устранить конкурренцію иногородней промышленности. Такъ какъ городъ дѣйствительно оберегалъ внутренній рынокъ для мѣстныхъ производителей и заботился о томъ, чтобы обезпечить имъ извѣстное благосостояніе, то и они, въ свою очередь, могли пойти на встрѣчу общимъ интересамъ потребителей нормировкой цѣнъ, заработной платы, предписаніями объ испытаніи качества товаровъ и т. п.

Въ общихъ интересахъ городского населенія было также временное допущеніе чужого вмѣшательства, уничтоженіе промышленныхъ ограниченій на короткій срокъ. Этой цѣли отвѣчали годичныя ярмарки, которыя благодаря наплыву гостей способствовали поднятію благосостоянія города; при этомъ мѣстному производству хотя и приходилось временно сталкиваться съ конкурренціей, но зато невыгоды этого искупались приливомъ новыхъ необычныхъ заказчиковъ. Помимо городского права, церквамъ и монастырямъ тоже часто удавалось добиться ярмарочныхъ привилегій, благодаря тому, что въ извѣстные праздничные дни къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекались гости и паломники. Такимъ образомъ возникали импровизированные ярмарочные съѣзды. Послѣ святой мессы начиналась месса свѣтская, являвшаяся интернаціональной типичной формой народныхъ сходовъ, свойственныхъ какъ магометанскимъ, такъ и браманскимъ и буддійскимъ странамъ. Такъ, напримѣръ, обѣ главныя Парижскія ярмарки были первоначально такими паломническими мессами: Lendit или Сенъ-Денисская месса и месса Сенъ-Жерменская. Точно также наиболѣе значительная ярмарка Англіи представляла собою мессу, которая служилась въ чистомъ полѣ, около монастыря Стаурбриджъ. Вскорѣ понятія ярмарки и мессы стали отождествляться; и въ концѣ концовъ привыкли нѣсколько разъ въ году повторяющіяся ярмарки, имѣющія международное значеніе, называть преимущественно мессой.

Важность городовъ для крупной торговли заключалась не только въ томъ, что они являлись ярмарочными центрами, они могли быть также складочнымъ мѣстомъ: этимъ не исключалась возможность для города быть въ одно и то же время и ярмарочнымъ и складочнымъ пунктомъ. Складочныя мѣста, соединенныя или несоединенныя съ ярмарками, можно подраздѣлить на естественныя и искусственныя. Естественными были всѣ исходные и конечные пункты путей сообщенія, главнымъ образомъ морскихъ путей: такова Венеція, Генуя, Барселона, Брюгге и т. д., гдѣ выгружались товары, привозимые издалека и, по скольку они не служили непосредственному мѣстному потребленію, опять продавались, дѣлились и распредѣлялись. Но не всѣ города занимали подобное положеніе, не всюду мѣстная промышленная жизнь была настолько развита, чтобъ

привлекать со всѣхъ сторонъ товары и покупателей. Тѣ города, которые лежали въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, которыхъ товары безъ всякаго ущерба могли миновать, стремились путемъ различныхъ привилегій пріобрѣсти выгоды, какія другіе города имѣли благодаря своему естественному положенію въ качествѣ складочнаго пункта. Развитое складочное право или складочное принужденіе, какое мы, напримѣръ, видимъ въ Вѣнѣ, заключалось въ томъ, что посторонніе купцы задерживались въ городѣ и принуждались въ теченіе извѣстнаго времени (отъ шести до восьми недѣль) продавать свои товары внутри города и затѣмъ лишь съ непроданными остатками товаровъ имъ дозволялось продолжать свой путь. Со складочнымъ принужденіемъ въ большинствѣ случаевъ связано было также дорожное принужденіе; благодаря этому купцы не имѣли возможности миновать складочныя мѣста, такъ какъ имъ разрѣшалось пользоваться лишь тѣмъ путемъ, который проходилъ именно черезъ данный привилегированный пунктъ. Во всѣхъ складочно-торговыхъ пунктахъ развилась, независимая отъ точно установленнаго ярмарочнаго времени, часто продолжавшаяся круглый годъ или же во всякомъ случаѣ весь благопріятный сезонъ, внѣшняя торговля. Посторонніе купцы того же города или той же страны имѣли здѣсь свои торговые дома, такъ, напримѣръ, нѣмцы свой fondaco въ Венеціи или регенсбургцы свой дворъ въ Вѣнѣ, въ другихъ случаяхъ они имѣли свои квартиры въ частныхъ домахъ складочныхъ центровъ, преимущественно у маклеровъ.

Тамъ гдѣ складочные центры носили не временный, а постоянный характеръ, а также въ ярмарочныхъ пунктахъ, рядомъ съ товарными сдѣлками, гдѣ имѣющіеся на-лицо товары осматривались, подсчитывались, измѣрялись и оплачивались наличными деньгами, возникъ цѣлый рядъ болѣе тонкихъ дѣловыхъ операцій, въ которыхъ итальянцы превосходили всѣ остальные европейскіе народы и играли роль учителей. Сюда относятся всѣ тѣ дѣла, при помощи которыхъ можно было избѣгнуть опаснаго и дорогого транспорта всевозможныхъ денежныхъ знаковъ. На первомъ мѣстѣ стояло вексельное дѣло и связанная съ вексельною торговлею компенсація. Къ концу большихъ ярмарокъ, послѣ того какъ товарныя сдѣлки были уже закончены, собирались капиталисты и производили какъ для себя такъ и для другихъ торговцевъ уравненіе взаимныхъ разсчетовъ, такъ что лишь остатокъ (сальдо) долженъ былъ уплачиваться деньгами. Если дѣйствительно оставались наличныя деньги, то иногда отдавались въ заемъ на выгодныхъ условіяхъ до слѣдующей ярмарки и такимъ образомъ займовое дѣло тоже связано было съ окончательными ярмарочными разсчетами.

Тамъ, гдѣ ярмарки продолжались круглый годъ, въ крупныхъ складочныхъ пунктахъ европейской торговли, среди купцовъ образовалась привычка ежедневно собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ обмѣнъ важными коммерческими новостями и гдѣ совершались товарныя, денежныя и вексельныя сдѣлки. Всѣ эти сдѣлки, которыя часто тутъ же закрѣплялись нотаріусомъ, носили публичный характеръ и не мало способствовали созданію нормальной средней цѣнности товаровъ. Такъ, венеціанскіе коммерсанты собирались на Ріальто, флорентинскіе — въ loggia на Mercato nuovo, каталанскіе въ Барселонской lonja и т. д. За границей, такъ напримѣръ въ Брюгге, итальянцы обыкновенно собирались подлѣ домовъ своихъ консуловъ и именно Брюгге является мѣстомъ происхожденія вошедшаго въ большинствѣ міровыхъ языковъ въ употребленіе названія „биржа". „Биржей" стали называть давно вошедшія въ обычай дѣловыя собранія коммерсантовъ. Въ Брюгге, этомъ важномъ пунктѣ южно- и сѣверно-европейскихъ товарныхъ оборотовъ, существовалъ домъ, принадлежавшій фамиліи ванъ деръ Бурсе; это имя часто сокращали и говорили просто „de burse". Передъ домомъ ванъ деръ Бурсе происходили, начиная съ

пятнадцатаго столѣтія, собранія венеціанцевъ. Въ этомъ домѣ жилъ ихъ консулъ и имя фландрскаго рода было впослѣдствіи перенесено на мѣсто и цѣль подобныхъ коммерческихъ собраній. Вообще названіе „биржа“ уже вошло въ обиходъ, когда въ Антверпенѣ выстроено было большое зданіе съ широкою колонадою, въ которомъ боковыя залы, украшенныя колоннами, окружали среднюю непокрытую площадку, предназначенную для собраній. Лишь въ Англіи, открытое въ 1720 году и выстроенное по иниціативѣ Томаса Грэшема биржевое зданіе носило названіе „the royal exchange“.

Несмотря на существованіе постоянныхъ складочныхъ мѣстъ съ развивавшимися при нихъ биржами, ярмарочные съѣзды, повторяющіеся черезъ опредѣленные сроки, съ ихъ приливомъ и отливомъ массы народа, сохранили свое значеніе. Долгое время они играли первенствующую роль даже при биржевыхъ кредитныхъ и денежныхъ операціяхъ, такъ какъ лишь немногочисленныя фирмы были въ состояніи содержать въ большихъ складочныхъ центрахъ своихъ постоянныхъ представителей или агентовъ; большинство купцовъ сами еще ѣздили на ярмарки, гдѣ торговыя отношенія были имъ хорошо знакомы и всѣ сдѣлки пріурочивались къ опредѣленному ограниченному времени.

Большинство коммерческихъ сдѣлокъ, заключавшихся между сѣверной и южно-европейской торговыми областями, отъ двѣнадцатаго до четырнадцатаго столѣтія совершались на ярмаркахъ Шампани и Бри (въ Труа, Ланьи, Баръ-сюръ-Объ, Провэнѣ). Послѣ паденія ярмарокъ Шампани важнымъ ярмарочнымъ центромъ для французовъ, итальянцевъ и верхнегерманцевъ стала Женева. Людовикъ XI попытался перенести торговыя сношенія вновь на французскую почву и даровалъ четыремъ Ліонскимъ ярмаркамъ привилегіи всякаго рода, одновременно запретивъ своимъ подданнымъ посѣщеніе Женевы. Затѣмъ, когда широкая государственная политика XVI столѣтія не могла ужиться со старыми финансовыми порядками, Ліонъ превращенъ былъ французскими королями въ главный пунктъ ихъ заемныхъ операцій и въ мѣсто набора ихъ арміи. Съ 1522 года начинается рядъ французскихъ государственныхъ займовъ вплоть до рокового 1557 года, когда одновременно съ Филиппомъ II и соперникъ его Генрихъ II пріостановилъ платежи. Среди смутъ, начавшихся послѣ того, какъ вспыхнули гугенотскія войны, Ліонъ утратилъ всякое значеніе; лишь послѣ 1650 года онъ начинаетъ вновь возвышаться, но теперь уже не въ качествѣ центра интернаціональныхъ денежныхъ операцій, но какъ центръ національизировавшейся (французской) хозяйственной жизни.

Французскіе короли, вслѣдствіе весьма естественныхъ причинъ, преграждали своимъ Габсбургскимъ противникамъ доступъ къ Ліонскому денежному рынку и поэтому Испанія должна была искать другихъ мѣстъ для своихъ денежныхъ операцій. Въ самой Испаніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ происходили ярмарки, выросшія изъ потребностей внутренней товарной торговли, но пріобрѣтшія мало по малу также извѣстное значеніе для заграничныхъ денежныхъ и вексельныхъ сдѣлокъ; значеніе это возрастало по мѣрѣ того, какъ правительство и испанскіе потребители все болѣе стали нуждаться въ иностранцахъ. Послѣ того какъ ярмарки Медина дель Кампо, Виллалонъ, Медина де Ріосекко заканчивались, наступали сроки платежей, иностранные кредиторы Испаніи предъявляли свои требованія и по мѣрѣ возможности добивались уплаты.

Желая подорвать значеніе ліонской ярмарки, Карлъ V учредилъ ярмарочные съѣзды въ Бургундскомъ Безансонѣ; въ этихъ съѣздахъ стали принимать участіе также генуэзцы и верхне-германцы, такъ какъ имъ въ качествѣ приверженцевъ императора не предоставлялось полной свободы въ веденіи договоровъ и коммерческихъ дѣлъ въ Ліонѣ. Однако, генуэзцы, занимавшіеся на европейскихъ ярмаркахъ не товарною, но главнымъ обра-

зомъ денежною торговлею, скоро нашли болѣе удобныя мѣста для своихъ генуэзскихъ дѣлъ. Такъ называемыя Генуэзскія ярмарки происходили не въ Генуѣ, но сначала въ небольшихъ мѣстечкахъ на сѣверѣ отъ Альпъ (въ Полиньи, Шамбери), затѣмъ на югѣ (Риволи, Иврея, Асти), послѣ 1579 года въ Пьяченцѣ и съ 1621 года въ Нови. Около этого времени денежное могущество генуэзцевъ стало колебаться, послѣ того какъ верхнегерманцы были уже раззорены; вмѣстѣ съ испанскимъ банкротствомъ 1627 г. рухнула послѣдняя опора, поддерживавшая могущество интернаціональнаго капитала въ XVI столѣтіи.

Въ теченіе всей этой эпохи грозный шумъ колесъ того дѣлового механизма, который приводилъ въ движеніе міровое хозяйство и одновременно съ этимъ міровую исторію, явственнѣе всего слышенъ былъ въ крупнѣйшемъ торговомъ центрѣ сѣвера, въ Антверпенѣ, этомъ старомъ ярмарочномъ пунктѣ съ его весеннимъ и осеннимъ суконнымъ рынкомъ. И позже, когда Антверпенъ превратился въ постоянный штапель съ биржевою денежною торговлею, старыя ярмарки сохранили свое значеніе, такъ какъ къ нимъ пріурочивались сроки платежей. Также какъ въ Брюгге и въ Ліонѣ, и въ Антверпенѣ крупными купцами и капиталистами были не мѣстные жители, и своимъ торговымъ значеніемъ городъ былъ обязанъ иностранцамъ, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимали верхнегерманцы и итальянцы. Они выдавали какъ частныя, такъ и государственныя ссуды, и поэтому правительства, нуждающіяся въ деньгахъ, имѣли своихъ постоянныхъ агентовъ въ Антверпенѣ: ихъ имѣли и брюссельскіе намѣстники, и испанскіе и португальскіе короли, и англійскій дворъ. Около 1550 года здѣсь совершалось ежегодно сдѣлокъ въ среднемъ на сумму до 40 милліоновъ дукатовъ. Когда въ промежуткѣ между 1568 и 1585 годами уже упомянутыя катастрофы привели къ полному паденію Антверпена (см. выше, стр. 58), это оказалось весьма выгоднымъ для его преемниковъ, которые подѣлили между собою наслѣдіе раззореннаго на цѣлыхъ два столѣтія города. Настоящимъ универсальнымъ наслѣдникомъ былъ Амстердамъ (см. картину „Старая биржа въ Амстердамѣ“ къ стр. 99). Но и во Франкфуртѣ на Майнѣ дѣла пошли такъ хорошо, что Франкфуртъ сталъ не только ярмарочнымъ и биржевымъ центромъ Германіи, но даже интернаціональнымъ рынкомъ, и это положеніе осталось за нимъ почти до конца XVII столѣтія.

e) Крушеніе международнаго крупнаго капитала и паденіе Испаніи.

Возвышеніе Амстердама знаменуетъ начало новой эры въ исторіи мірового хозяйства. Въ XVI столѣтіи Испанія пыталась распространить свое господство на оба полушарія; однако ни географическое протяженіе испанской монархіи, ни богатство благородныхъ металловъ въ ново-открытыхъ странахъ не могли обезпечить существованіе такого государственнаго образованія отъ нападеній его противниковъ; когда испанское правительство, преслѣдовавшее цѣли міровой политики, соединилось съ высшими представителями финансоваго міра, оно довело послѣднихъ до раззоренія; поглотивъ международный капиталъ, оно все-же не сумѣло достичь своей цѣли. Европейскій крупный капитализмъ, который родился во время расцвѣта морской торговли на Средиземномъ морѣ, оживившейся подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, рано перешелъ отъ торговли къ политикѣ, такъ какъ вслѣдствіе ограниченнаго размѣра торговыхъ операцій, онѣ не могли занять всѣ имѣющіеся капиталы. Когда были открыты новые морскіе пути, общіе размѣры торговли остались почти неизмѣнными, такъ что капиталисты XVI столѣтія, преслѣдуя свои интересы, вовлечены были въ союзы съ новой широкой государственной политикой, союзы,

которые привели ихъ къ гибели. Капиталисты обанкротились вмѣстѣ съ правительствами; такъ закончился первый періодъ исторіи интернаціональнаго крупнаго капитала на рубежѣ XVI и XVII столѣтія.

Уже здѣсь собственно мы могли бы подвести итоги неосуществимымъ стремленіямъ Испаніи къ міровому господству, погубившимъ интернаціональный капитализмъ того времени, хотя и въ XVII столѣтіи испанская политика не измѣнила своего направленія, и даже еще въ XVIII испанцамъ принадлежали колоніальныя владѣнія, которыя по своимъ размѣрамъ превосходили колоніи всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. Исторія упадка Иберійскаго государства изображалась очень часто, причины этого паденія часто перечислялись. Правда, дѣлалось это большею частью съ точки зрѣнія политическаго и экономическаго либерализма, который пользовался удобнымъ случаемъ показать на яркомъ примѣрѣ правильность своихъ теорій и пагубность несогласныхъ съ ними принциповъ. Примѣръ Иберійскаго полуострова сталъ излюбленнымъ конькомъ фритредерскаго историческаго міросозерцанія. Съ фанатической самоувѣренностью фритредеры провозглашали, что Испанія осталась бы великой, еслибы она исповѣдывала религіозное и политическое свободомысліе и предоставила бы право свободнаго развитія хозяйственнымъ силамъ страны. При этомъ они забывали однако, что государства и народы, которые къ концу XVI столѣтія стали обгонять Испанію, придерживались тѣхъ же самыхъ религіозныхъ, политическихъ и хозяйственно-экономическихъ воззрѣній, какъ и Испанія; эти народы смотрѣли на Испанію, отнюдь не какъ на отрицательный примѣръ, а какъ на образецъ, которому они стремились подражать. Итакъ современные доктринеры не привели доказательствъ того, что испанское могущество дѣйствительно рушилось изъ-за религіозной нетерпимости, абсолютизма и враждебной иностранцамъ узко-національной хозяйственной политики; всѣ протестантскіе и католическіе соперники Испаніи отличались той-же нетерпимостью, какъ и испанцы. Къ усиленію и централизаціи государственной правительственной власти стремились и стремятся всѣ государства, какъ монархіи, такъ и республики; національзировать экономическую жизнь страны, освободить ее отъ всякаго чужеземнаго хозяйственнаго гнета — будь ли это гнетъ отдѣльнаго народа или интернаціональнаго капитала — таковы были цѣли, которыя ставились всѣми государствами и народами; при этомъ они подобно испанцамъ всячески старались подчинить собственному господству хозяйственную жизнь другой націи.

Въ противуположность приведенному только что фритредерскому объясненію паденія Испаніи необходимо подчеркнуть, что Испанія лишилась своего могущества, своего положенія великой державы, не вслѣдствіе своего крайняго государственнаго и хозяйственнаго абсолютизма, но вслѣдствіе крушенія всѣхъ ея попытокъ создать изъ разнообразныхъ разсѣянныхъ частей государства единое политическое цѣлое. Филиппъ II и графъ Оливаресъ, министръ Филиппа IV, потерпѣли неудачу въ своей объединительной политикѣ. И именно потому, что въ Испаніи не существовало достаточно централизованной власти, власть правительствъ нигдѣ, за исключеніемъ Кастиліи, не была неограниченною, а ограничивалась чинами, именно поэтому Испанію обгоняли и Англія и Франція и даже отпавшіе Нидерланды, такъ какъ въ этихъ государствахъ центральная власть или по крайней мѣрѣ общая сплоченность странъ была сильнѣе.

Помимо этого неоднократно высказывалось мнѣніе, будто-бы колоніальная система Испаніи тоже повинна въ утратѣ Испаніей ея мірового могущества, но возражая противъ этого, мы можемъ указать не только на тотъ фактъ, что торговыя державы XVII и XVIII столѣтія, игравшія руководящую роль, придерживались той же ограничительной политики

въ области торговыхъ сношеній, что̀, однако, не вызвало ихъ хозяйственнаго паденія, но также и на то, что испанская монархія сама лишь до тѣхъ поръ извлекала существенныя для себя выгоды изъ своихъ заатлантическихъ владѣній, пока принципъ ихъ полнѣйшей недоступности для иностранцевъ не нарушался. Съ тѣхъ поръ какъ и другіе европейскіе народы стали проникать въ Вестиндію, Сѣверную и Южную Америку, и, несмотря на всѣ мѣры, предпринимаемыя испанцами, обосновывались тамъ, доходы колоніальныхъ владѣній стали уменьшаться, что въ общемъ балансѣ всей монархіи давало себя чувствовать, знаменуя постепенную утрату ею прежняго могущества. Одинаковое съ этимъ значеніе имѣло вторженіе нидерландцевъ и англичанъ въ Остиндскія владѣнія Португаліи, которая, съ 1580 года, была связана съ Испаніей личной уніей, но, и оставшись самостоятельной, она все же врядъ ли съумѣла бы препятствовать вторженію чужестранцевъ.

Итакъ, причину паденія испанскаго міроваго могущества надо искать не тамъ, гдѣ ее видѣли фритредеры, или во всякомъ случаѣ иначе разсматривать ее, чѣмъ это дѣлалось историками фритредерскихъ воззрѣній. Испанская монархія сама по себѣ была слишкомъ слабою и слишкомъ мало способной къ развитію для того, чтобы съ успѣхомъ и въ теченіе долгаго времени продолжать свою политику міровой державы XVI столѣтія, т. е. отстаивать христіанство противъ ислама, и главнымъ образомъ Средиземное море и его торговлю противъ турокъ, защищать итальянскія и бургундскія земли противъ французовъ, бороться съ протестантизмомъ и стремленіемъ къ независимости въ Нидерландахъ, стараться подчинить себѣ Англію, поддерживать нѣмецкихъ Габсбурговъ и ко всему еще стремиться удержать за собою то исключительное морское господство въ обоихъ полушаріяхъ, на которое давалъ право произведенный папою раздѣлъ вновь открытыхъ земель. Прежде всего экономическій фундаментъ Испаніи былъ слишкомъ слабымъ для такой широкой, требующей безграничныхъ тратъ, дѣятельности. Несмотря на сокровища обѣихъ Индій и на беззастѣнчивое банкротированіе, вошедшее въ обычай, государственный бюджетъ, начиная отъ Карла V, никогда не приходилъ въ равновѣсіе; а такъ какъ отъ финансовыхъ мѣропріятій эпохи кризисовъ страдали не только иностранные, но и внутренніе кредиторы государства, то Испанія бѣднѣла все болѣе, чему не мало способствовало неумолимое высасываніе послѣднихъ средствъ у народа при сборѣ податей. Въ концѣ концовъ иностранцамъ уплачивались ихъ деньги и они въ качествѣ государственныхъ кредиторовъ и предпринимателей извлекали изъ страны американское серебро и доходы національнаго труда въ формѣ процентовъ на капиталъ и предпринимательской прибыли.

Къ несчастью это неудачное финансовое хозяйничанье находилось, если не въ соотвѣтствіи, то, во всякомъ случаѣ, не въ противорѣчіи къ духу націи; оно было обременительно для народа, но не антинаціонально. Испанцы, которые, въ качествѣ завоевателей и владѣльцевъ стадъ, медленно распространялись на полуостровѣ, презирали промышленную дѣятельность и хозяйственныя добродѣтели, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего рыцарскаго. Правда, въ городахъ существовали торговля и ремесла, но испанецъ презиралъ эти еврейскія и мавританскія профессіи и неохотно занимался ими. Такъ какъ въ теченіе XVI столѣтія отечественная промышленность пришла въ упадокъ и въ торговлѣ главную роль стали играть иностранцы, то Испаніи пришлось удовольствоваться доходами своихъ естественныхъ продуктовъ. Однако земледѣліе страдало отъ расширенія крупнаго земельнаго хозяйства и развитія овцеводства, естественными (проявившимися одновременно и въ Англіи) послѣдствіями котораго являются превращеніе пашенъ въ пастбища и уменьшеніе народонаселенія (ср. т. IV, стр. 545).

лишеннаго кормящей его земли. Народъ, у котораго хозяйственно-экономическій фундаментъ существованія былъ такимъ слабымъ — при ненадежности остальныхъ частей, входящихъ въ составъ монархіи—не въ состояніи былъ долго выдерживать политику міровой державы Карла V и Филиппа II; испанцы не могли не отставать отъ остальныхъ великихъ державъ, у которыхъ съ самаго начала были болѣе благодарныя условія для хозяйственной дѣятельности или которыя умѣли создать собственною энергіею то, чего не было имъ дано природою и предшествующимъ историческимъ развитіемъ.

5. Эпоха меркантильной системы.

На рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, черезъ сто лѣтъ послѣ Діаса, Колумба и Васко да Гамы, обѣ половины земного шара, удѣленныя папой испанцамъ и португальцамъ, соединились подъ одною державой. Но дальнѣйшее распространеніе иберійскихъ народностей пріостановилось еще за два поколѣнія до того. Испанцы дошли до границъ областей, которыми они желали завладѣть; дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія показались имъ ненужными; это были terras di ningun provecho (никуда не годныя земли), въ которыхъ по ихъ ложному представленію, не было ни золота, ни серебра или драгоцѣнныхъ камней, и которыя въ самомъ дѣлѣ были лишены густого и пригоднаго къ порабощенію населенія. Португалія, династически соединенная съ Испаніей съ 1580 г., кромѣ того, давно уже дошла до предѣла своихъ силъ; до той опасной границы, гдѣ прекращаются выгоды, и поддержаніе старыхъ владѣній поглощаетъ всѣ доходы съ нихъ. Итакъ, дальше идти частью было нежелательно, частью невозможно. А между тѣмъ монополія на обладаніе земнымъ шаромъ оставалась еще незатронутой. Ни одинъ серьезный конкуррентъ не оспаривалъ еще у Испаніи ея неограниченнаго владѣнія Новымъ Свѣтомъ, у Португаліи ея исключительнаго права на торговлю съ Остиндіей.

A. **Ростъ потребностей европейскаго населенія и міровая торговля.**

XVI вѣкъ былъ уже на исходѣ и все еще ни одна европейская національность, за исключеніемъ испанцевъ и португальцевъ, не владѣла ни одной пядью земли по ту сторону океана. Существовали попытки основать поселенія въ незанятыхъ испанцами частяхъ Новаго Свѣта; рыболовство, охота на пушного звѣря, поиски сѣверо-восточнаго прохода (см. томъ I, стр. 584), имѣли достаточно притягательной силы для европейцевъ. Тѣмъ не менѣе всѣ старанія англичанъ и французовъ обосноваться въ Новомъ Свѣтѣ до конца XVI столѣтія терпѣли полную неудачу. Вслѣдствіе необходимости вести постоянную борьбу, отсутствія средствъ пропитанія, недостатка товаровъ для снабженія обратнымъ грузомъ европейскихъ купцовъ, гибли поселенцы и вымирали колоніи. Неудивительно, что вмѣсто того, чтобы умирать съ голоду въ нежизнеспособныхъ колоніяхъ, вмѣсто того, чтобы обрекать себя на смерть отъ рукъ индѣйцевъ или испанцевъ, взбѣшенныхъ появленіемъ непрошенныхъ гостей, болѣе заманчивымъ казалось обратиться къ насильственнымъ, разбойничьимъ промысламъ: пиратству, каперству, контрабандной торговлѣ. Во время англійско-нидерландской войны, которая велась съ 1568 года противъ Испаніи, всѣ эти преступленія окружены были особаго рода національно-героическимъ ореоломъ: сэръ Вальтеръ Ралей и Френсисъ Дрэкъ имъ обязаны своею всемірною славою. Отнынѣ эти сношенія съ испанскою Америкою, нарушающія испанское монопольное право, становятся главною задачею, основною цѣлью европейскихъ торговцевъ, которыхъ мало безпокоилъ вопросъ о нравственности или безнравственности, законности или противузаконности

ихъ поведенія. Занятіе контрабандой привело къ захвату англичанами, нидерландцами, французами, датчанами фактически еще никому не принадлежащихъ Малыхъ Антильскихъ островов; сюда присоединилось также туземное пиратство флибустьеровъ.

Прежде еще чѣмъ возобновились попытки не-испанцевъ основать поселенія въ Америкѣ, недоступность, которая, казалось, окружала Остиндію, стала дѣломъ прошлаго: голландскіе корабли плавали по Индійскому океану, привозили на свою родину пряности и возбуждали охоту у другихъ европейцевъ подражать въ этомъ голландцамъ.

Но расширеніе захватываемыхъ западно-европейцами областей, ростъ заатлантическихъ сношеній совсѣмъ не обусловливался, исключительно или хотя бы лишь преобладающимъ образомъ, участіемъ въ нихъ новыхъ торговыхъ народовъ и возникновеніемъ новыхъ постоянныхъ колоній. Внѣшняя торговля, большая или меньшая прибыльность обработки далекихъ полосъ земли въ XVII столѣтіи также, какъ и во всякое другое время, находились въ зависимости отъ метрополіи, отъ отечественной страны, ея потребностей, спроса и потребленія. Въ дѣйствительности двигательною силою растущихъ международныхъ сношеній было не одно лишь производство, будь то производство первобытное или промышленное, не говоря уже о распредѣленіи уже готовыхъ продуктовъ, совершаемомъ торговлею, а потребленіе, какъ непосредственное выраженіе человѣческихъ потребностей. Потребитель является господиномъ, производитель его слуга, а торговецъ играетъ роль посредника между ними; оба они, и производитель и торговецъ, хотя и могутъ возбудить у своего властелина — потребителя усиленный спросъ, но все же всегда должны выжидать, желательно ли ему что нибудь и когда именно. Безъ новшествъ, которыя въ XVII и XVIII столѣтіи вошли въ образъ жизни и потребленія народовъ, не оставивъ камня на камнѣ въ старыхъ обычаяхъ, міровая торговля не вышла бы изъ своихъ прежнихъ рамокъ, осталась бы на той же сравнительно не высокой ступени развитія.

Что же представляла собственно міровая торговля отъ древнихъ временъ, отъ плаваній восточныхъ народовъ въ Пунтъ и Офиръ до начала XVII столѣтія? Дѣло въ томъ, что занималась она сбытомъ немногихъ бакалейныхъ товаровъ и драгоцѣнныхъ камней, спросъ на которые былъ такъ ограниченъ, что въ міровой торговлѣ XIX вѣка они не играютъ никакой роли, хотя и количество ихъ, пускаемое въ оборотъ, ничуть не меньше, чѣмъ въ болѣе раннія времена. Ни въ эпоху діадоховъ, ни въ римское время, ни въ эпоху византійцевъ и арабовъ, венеціанцевъ и генуэзцевъ, ни наконецъ во времена португальскаго господства, ничего не измѣнилось въ характерѣ торговли, которая велась культурными странами умѣреннаго пояса Стараго Свѣта съ тропическими зонами. Затѣмъ послѣдовало открытіе Америки, тропической и субтропической. Сначала и это не вызвало коренного измѣненія въ составѣ товаровъ міровой торговли, такъ какъ добываніе благородныхъ металловъ отодвинуло все другое на задній планъ. Но незамѣтно разведеніе сахарнаго тростника стало давать продуктъ, который способенъ былъ вызвать все растущій спросъ и къ тому же не связанъ былъ, подобно пряностямъ, съ высокими, искусственно поддерживаемыми монопольными цѣнами. Сахаръ былъ первымъ изъ предметовъ роскоши, вошедшихъ въ потребленіе, который придалъ сравнительно широкіе размѣры трансатлантической торговлѣ и былъ причиною все увеличивающейся доходности тропическихъ поселеній испанцевъ, португальцевъ, голландцевъ, французовъ, англичанъ. Вмѣстѣ съ обработкой сахарнаго тростника въ испанской Америкѣ развилась типичная форма плантаторскаго хозяйства, которая впослѣдствіи стала примѣняться при разведеніи другихъ растеній міровой торговли: стало распространяться плантаторство и негритянское рабство; послѣднее въ свою очередь дало толчекъ къ раз-

витію новой и очень завидной отрасли монопольной торговли. Но, какъ уже выше было сказано, все зависѣло отъ потребленія, отъ распространенія даннаго продукта во все болѣе широкихъ слояхъ населенія.

Подобно тому какъ остиндскій тростникъ нашелъ въ XVI столѣтіи новую родину въ Америкѣ, и сахаръ сталъ предметомъ массового потребленія лишь послѣ того, какъ онъ вывозился изъ Америки въ Европу. Американскій табакъ за тотъ же періодъ времени получилъ распространеніе въ Старомъ Свѣтѣ и акклиматизировался не только среди жителей Стараго Свѣта, но и на новой, неамериканской почвѣ. Этимъ выигрывался новый продуктъ массового потребленія, продуктъ первостепенной важности въ товарномъ обращеніи, не говоря уже о финансовомъ значеніи, которое пріобрѣло это первоначально преслѣдовавшееся полиціей наркотическое средство, когда сбытъ его сталъ правительственною монополіей.

Аналогичную судьбу, какъ сахаръ и табакъ, имѣли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ также какао, кофе, чай, индиго, хлопокъ; они тоже стали предметами массового потребленія, а вслѣдствіе этого также массоваго производства и міровой торговли. Только теперь получили цѣнность новыя поселенія, пріобрѣтеніе колоній и сношенія со странами, производящими продукты великой міровой торговли, потому что только теперь эти послѣднія приспособились къ тому, чтобы служить мѣстами сбыта товаровъ. Торговая и промышленная дѣятельность, благодаря своему усиленному росту, стали носить совершенно иной характеръ, внутренній складъ ихъ существенно измѣнился. И все это въ концѣ концовъ обусловливалось тѣмъ, что потребленіе соотвѣтствующимъ образомъ измѣнилось и европейцы, какъ и вообще жители средняго пояса, упорно и вопреки своимъ хозяйственнымъ интересамъ, хотѣли платить дань какъ отечественнымъ странамъ получаемыхъ ими средствъ наслажденія, такъ и привозящимъ ихъ коммерсантамъ.

Громадныя деньги, которыя стоили эти, содержащія алкалоидъ возбуждающія средства своимъ покупателямъ, оплатились въ культурно-историческомъ отношеніи. Такъ называемыя возбуждающія средства въ дѣйствительности скорѣе успокаивающія средства; они поднимаютъ благородныя силы духовной жизни человѣка и своимъ вліяніемъ, противуположнымъ дѣйствію доводящаго до животнаго отупѣнія алкоголя, они содѣйствовали гуманизаціи семьи европейскихъ народовъ. За столѣтіями поголовнаго пьянства и хроническаго отравленія алкоголемъ (XV—XVII) послѣдовали вѣка наркотическихъ противоядій (XVIII и XIX), которые соотвѣтствуютъ эпохамъ просвѣщенія и гуманности. Именно въ тѣхъ кругахъ, которые потребляли кофе, чай, шоколадъ и сахаръ, появились живые носители стремленій къ болѣе мягкимъ нравамъ и представители новыхъ духовныхъ теченій.

Б. **Торговое преобладаніе нидерландцевъ.**

Первымъ государствомъ, которое, не обращая вниманія на священную привилегію Испаніи и Португаліи, проникло въ запретныя земли, была Нидерландская республика, послѣ того какъ она, въ 1579 году, отдѣлилась отъ монархіи Филиппа II и съ тѣхъ поръ взяла на себя всю тяжесть борьбы съ первоклассной державой того времени, такъ какъ ея прежніе союзники, Южные Нидерланды, опять вернулись къ испанскому владычеству.

Нидерландцы или голландцы успѣли уже къ тому времени добиться самостоятельнаго участія, наперекоръ нѣмецкой Ганзѣ и наряду съ англичанами, въ европейской посреднической торговлѣ; ихъ географическое мѣстоположеніе дѣлало ихъ естественными посредниками южной и сѣверной европейской торговли. Даже послѣ того какъ вспыхнула освобо-

дительная борьба (1568), ни Испанія, ни Португалія не закрывали передъ ними своихъ гаваней, а слѣдовательно и не препятствовали пріобрѣтенію заморскихъ продуктовъ въ Лиссабонѣ и Севильѣ. Испанскій король обращался какъ съ врагами лишь съ мятежниками, а не съ мирными купцами возмутившейся противъ него провинціи. Однакожъ когда семь сѣверныхъ провинцій окончательно отвергли своего прежняго властелина и соединились съ врагами Испаніи, Филиппъ II въ концѣ концовъ запретилъ имъ свободныя сношенія съ испанскими и подвластными ему португальскими гаванями.

Послѣ паденія Антверпена Амстердамъ несомнѣнно является наиболѣе удобно расположеннымъ рынкомъ пряностей для сѣвера Европы. Но откуда было доставать товары этому городу, который Испанія предала опалѣ? Сильно развитая самостоятельность отдѣльныхъ провинцій и городовъ, входившихъ въ составъ новой республики, и въ особенности слабое сознаніе общности хозяйственныхъ интересовъ обусловливали то, что и внѣ Амстердама дѣлались попытки независимымъ путемъ и непосредственно добиться того, что послѣ испанскаго торговаго запрета стало недоступнымъ. Такъ во многихъ городахъ образовались частныя общества, задавшіяся цѣлью привозить изъ Индіи пряности и такимъ образомъ устранить недостатокъ необходимаго для торговли товара, который служилъ бы предметомъ обмѣна съ натуральными продуктами сѣверной Европы. Наиболѣе значительнымъ изъ маленькихъ обществъ, основанныхъ для веденія непосредственной торговли съ Остиндіей, была возникшая въ 1594 году Compagnie van verre (компанія дальнихъ странъ); въ ея интересахъ предпринята была первая нидерландская поѣздка въ Яву, Бавеанъ и Бали (1595—1597) подъ руководствомъ Корнелиса де Гутмана. Подобно своимъ конкуррентамъ, это общество врядъ ли было чѣмъ-нибудь болѣе значительнымъ, чѣмъ обычныя судовладѣльческія товарищества, имѣющія историческое значеніе, какъ предшественники акціонерныхъ обществъ. Послѣ того, какъ цѣль для осуществленія которой учреждались эти товарищества, оказывалась достигнутою, товары распредѣлялись между участниками его, которые изъ суммъ, выручаемыхъ при сбытѣ продуктовъ, должны были покрыть расходъ и извлечь прибыль. Лишь въ 1602 году, когда, подъ вліяніемъ великаго государственнаго дѣятеля Іоганна ванъ Ольденбарнвельдта, всѣ прежнія общества слились въ одно, возникъ новый типъ обществъ, который господствовалъ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи и характеризуетъ собою эти вѣка.

Соединенная остиндская компанія была монопольнымъ и акціонернымъ обществомъ, т. е. она получила отъ правительства исключительное право торговли какъ въ направленіи отъ Остиндіи, такъ и въ направленіи къ Остиндіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ что всякому голландцу запрещалось безъ согласія компаніи показываться къ востоку отъ мыса Доброй Надежды, не говоря уже о занятіи торговлею, но зато всякому нидерландцу дозволялось принимать участіе въ обществѣ подпискою и въ качествѣ участника пользоваться всѣми правами, даваемыми обществу, главнымъ образомъ правомъ пользоваться предпринимательской прибылью, дивидендами. Первоначально неравныя акціи капитала въ 6.600,000 гульденовъ, который составлялъ достояніе общества, можно было по желанію отчуждать. Лишь къ концу семнадцатаго столѣтія установлена была, во вниманіе къ удобству биржевыхъ сношеній, единая номинальная цѣна акцій въ 3000 гульденовъ. Главный комитетъ изъ семнадцати членовъ управлялъ компаніей, раздѣленной на провинціальныя отдѣленія.

Какъ ни много новаго внесено было въ заимствованные изъ гильдейскаго устройства старые порядки, въ организаціи голландско-остиндской компаніи принципіально новымъ было лишь предоставленіе обществу по-

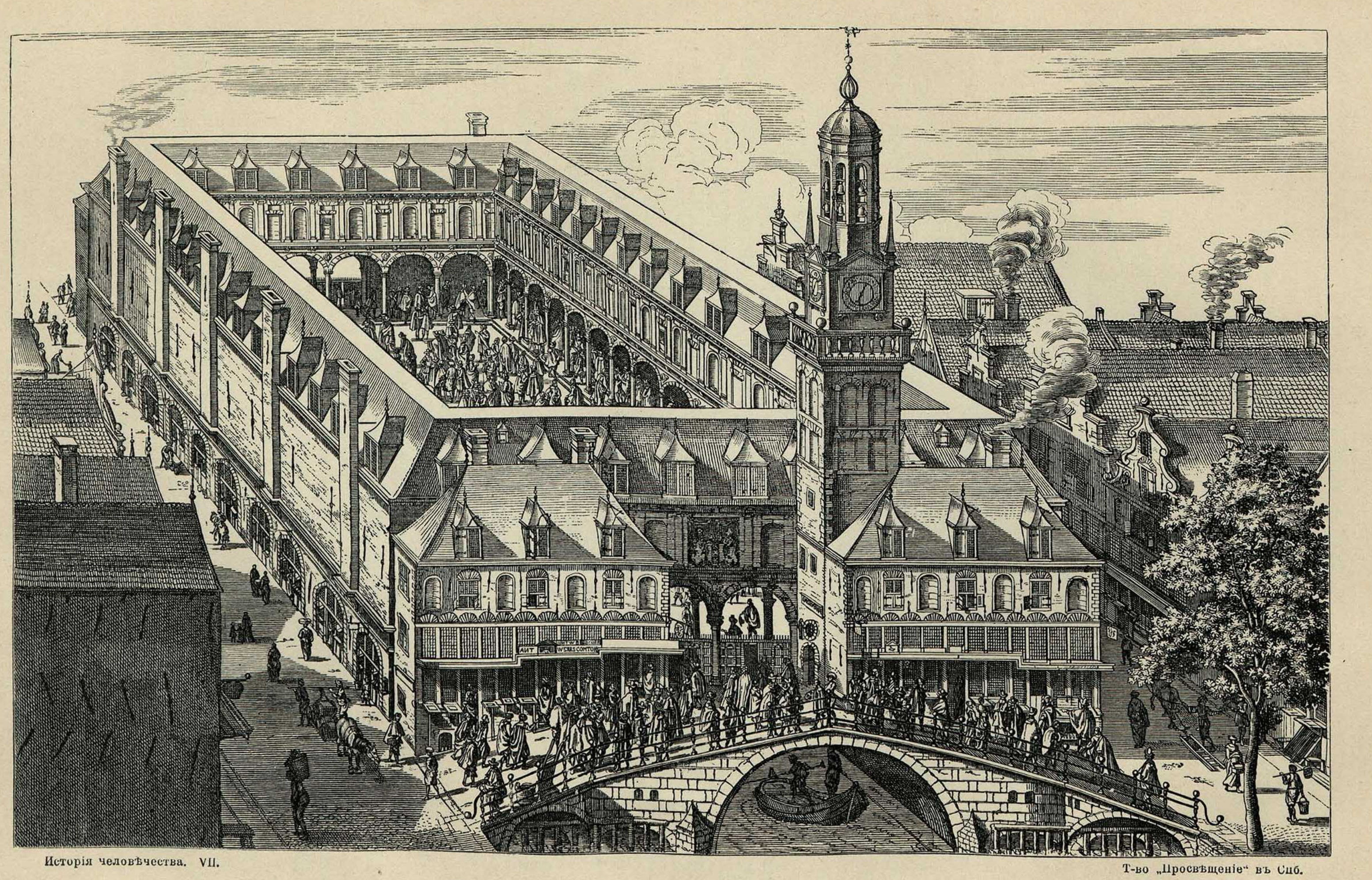
литическихъ верховныхъ правъ, пользоваться которыми можно было лишь отъ имени генеральныхъ штатовъ и не безъ ихъ контроля; поэтому всѣ торговыя и колоніальныя общества, образованныя по образцу голландско-остиндской компаніи, называются политическими торговыми обществами. Они имѣли право вести войну, заключать миръ, устанавливать договоры; законодательная, административная и судебная дѣятельность довѣрялась имъ въ районахъ дѣятельности; правительство же до тѣхъ поръ лишь формально относилось къ своему верховному главенству, пока компаніи могли обходиться безъ его помощи и не прекращали своихъ платежей.

Нидерландско-остиндская монопольная компанія основала нидерландскую колоніальную имперію на юго-востокѣ Азіи; частью благодаря тому, что изъ важныхъ пунктовъ изгнаны были португальцы (Цейлонъ, Малакка, Молукки), отчасти заняты были безхозяйныя, т. е. заселенныя туземцами области (Ява, Суматра, Целебесъ и т. д.). Яванская факторія, которая съ 1619 года называлась Батавіей, сдѣлалась резиденціей генералъ-губернатора, управлявшаго въ эпоху расцвѣта нидерландскихъ восточныхъ владѣній (около 1650 г.) семью провинціями. Область нидерландскаго вліянія простиралась до Китая и Японіи, хотя на дальнемъ востокѣ торговля была сопряжена съ большими трудностями. Одному изъ служащихъ компаніи Абелю Тасману мы обязаны первымъ плаваніемъ вокругъ пятой части свѣта—Австраліи или Новой Голландіи, также какъ открытіемъ Вандименовой земли (Тасманіи) и Новой Зеландіи (1642). Но это событіе, чрезвычайно важное для землевѣдѣнія, не имѣло первоначально никакихъ экономическихъ послѣдствій; пустынные берега не привлекали колонистовъ, а богатство той страны золотомъ осталось здѣсь также какъ и въ Калифорніи неизвѣстнымъ еще въ теченіе двухъ столѣтій.

Торгуя пряностями, голландцы стояли на той же точкѣ зрѣнія, какъ и португальцы; они желали добиться какъ можно болѣе высокихъ монопольныхъ цѣнъ и избѣжать надолго ихъ пониженія. Несмотря на общедоступные аукціоны этого товара въ Амстердамѣ и допущеніе его къ свободной конкурренціи, имъ удалось достичь своей цѣли при помощи регулированія производства. Они ограничили размѣры культиваціи гвоздичнаго дерева островомъ Амбоина и мускатнаго дерева группою Бандскихъ острововъ; при слишкомъ обильныхъ урожаяхъ уничтожалось то количество продуктовъ, на которое данный урожай превосходилъ средніе.

Когда въ 1621 году окончилось двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ Испаніей, оказавшее столь благодѣтельное вліяніе на благосостояніе нидерландцевъ, возникла вторая тоже снабженная политическими правами акціонерная компанія: Голландско-вестиндская. Подобно тому, какъ въ свое время папа раздѣлилъ міръ между Испаніей и Португаліей, такъ теперь нидерландское правительство распредѣлило землю между своими обѣими компаніями. Мысъ Доброй Надежды и мысъ Горнъ должны были быть пограничными пунктами подвластныхъ имъ частей свѣта. Хотя нидерландцы не могли требовать международной санкціи своей политики и хотя остальныхъ христіанскихъ народовъ нисколько не касалось то, что предписывалось генеральными штатами своимъ подданнымъ и торговымъ обществамъ, нидерландцы, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, съ прежними владѣтелями земель и съ новыми пришельцами обращались съ беззастѣнчивой наглостью.

Одновременно съ этимъ, ихъ теоретики — учителя естественнаго права Гроцій, Сальмазій, Боксгорнъ, Делакуръ — ратовали за свободу, вѣрнѣе безхозяйность океановъ (mare liberum), что было вполнѣ умѣстно, пока испанцы заявляли свои претензіи, которыя давнымъ давно не соотвѣтствовали реальнымъ условіямъ жизни. То что ихъ нидерландскіе земляки, съ тѣхъ



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Старое зданіе Биржи въ Амстердамѣ (сгорѣвшее въ 1858 году).

(По старой гравюрѣ въ Германскомъ Національномъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.)

поръ какъ океанъ былъ открытъ для нихъ, стремились по возможности вновь закрыть его для своихъ соперниковъ, осталось незамѣченнымъ этими учеными патріотами и не вызвало съ ихъ стороны никакого порицанія. И еще въ другомъ отношеніи голландскіе мыслители подтвердили тотъ же фактъ, что теорія, большей частью безсознательно, провозглашаетъ истиннымъ всегда и всюду то, что дѣйствительно, т. е. выгодно въ данный моментъ для ихъ времени, ихъ народа и даже лишь для ихъ партіи. Теоретики семнадцатаго столѣтія развивали тѣ самыя фритрэдерскія ученія, которыя, 150 лѣтъ спустя, вновь высказывались въ Англіи съ большимъ успѣхомъ. Любопытно, что всегда экономически сильные народы читаютъ болѣе слабымъ проповѣди о благахъ свободныхъ сношеній, неограниченнаго соперничества націй и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но въ то время какъ фритрэдерскія теоріи англичанъ съ конца XVIII столѣтія начали свое побѣдное шествіе черезъ весь міръ и помогали тріумфамъ англійскаго торговаго господства, фритрэдерская аргументація нидерландцевъ въ XVII столѣтіи осталась почти незамѣченною, несмотря на то, что на практикѣ хозяйственная политика маленькаго приморскаго народа впослѣдствіи стала вызывать весьма энергичное сопротивленіе. Съ большею дерзостью еще, чѣмъ остиндская компанія, выступала вестиндская; собственно говоря, это была правительственно привилегированная акціонерная шайка пиратовъ, разбойничествамъ которыхъ соотвѣтствовали мошенническія продѣлки спекуляторовъ съ компанійскими акціями на амстердамской биржѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря вестиндской компаніи Голландія получила во владѣніе Суринамъ и нѣкоторые Малые Антильскіе острова; остальныя же области, занятыя этой компаніей въ Америкѣ (Новые Нидерланды и Бразилія, см. т. I, стр. 440 и сл.), были утрачены ими еще въ XVII столѣтіи; точно также и свои западно-африканскія владѣнія маленькое государство могло удержать лишь до XVIII столѣтія.

Въ виду того, что акціи обоихъ торговыхъ обществъ были первыми цѣнными бумагами, циркулировавшими на биржѣ, амстердамскую биржу можно разсматривать какъ мѣсто зарожденія современной биржевой игры. Зданіе биржи (см. приложенный рисунокъ „Старая биржа въ Амстердамѣ“) существовало съ 1613 года; съ самаго начала биржа эта была ареною непрерывной борьбы между партіей, играющей на повышеніе, и партіей пониженія. Современныя денежныя операціи, пагубный обычай бланковой продажи (т. е. продажа акцій, не имѣющихся у продавца, дѣлающаяся въ разсчетѣ на разницу цѣнъ), противъ чего издавались безплодныя запрещенія, биржевая пошлина (1689), курсовые бюллетени и т. д. зародились или получили развитіе здѣсь. Такъ какъ высота дивидендовъ, даваемыхъ обществами, зависѣла отъ не предусматриваемыхъ случайностей, сопровождавшихъ дѣла компаніи въ далекихъ странахъ (въ среднемъ дивиденды равнялись 22%), то спекуляція носила характеръ азартной игры; страсть къ выигрышамъ стала народнымъ порокомъ, проявившимся въ пресловутой тюльпанной горячкѣ 1630 года, этой каррикатурной внѣ-биржевой пародіи на биржевую игру. Спекулировали на повышеніе и пониженіе цѣнъ какъ дѣйствительныхъ, такъ и не существующихъ тюльпанныхъ луковицъ, пока крахъ не положилъ конца дикому безумію.

До конца XVII столѣтія только генеральные штаты, провинціальныя и городскія правительства Нидерландовъ пользовались Амстердамской биржей для заемныхъ операцій. Конечно правительственныя долговыя обязательства въ тѣ времена безпрестанныхъ войнъ являлись бумагами, цѣнность которыхъ при куплѣ и продажѣ была подвержена сильнымъ колебаніямъ. Интернаціональнаго заемнаго центра, какимъ былъ Антверпенъ прежде, теперь послѣ паденія интернаціональнаго (итальянскаго и верхнегерманскаго) финансоваго могущества болѣе не существовало. Каждая страна старалась по возможности удовлетворять свои нужды при помощи

своихъ собственныхъ капиталовъ. Но когда, въ результатѣ національной хозяйственной политики Англіи и Франціи, Голландія утратила свое значеніе на міровомъ торговомъ рынкѣ, то освободившіеся торговые капиталы стали устремляться въ новыя сферы примѣненія ихъ. Такъ въ новыхъ отрасляхъ промышленности, доступныхъ капиталистическому крупному производству, они могли бы найти приложеніе. И тѣмъ не менѣе въ богатой и все обогащавшейся странѣ все болѣе накоплялись незанятые въ дѣлѣ капиталы, капиталисты же обнаруживали все меньшее желаніе пускаться въ рискованныя предпріятія и предпочитали пользоваться рентой, на которую не приходилось затрачивать никакого труда. Поэтому нуждающіеся въ деньгахъ князья, которые не могли найти у себя на родинѣ необходимыхъ средствъ, къ началу восемнадцатаго столѣтія стали обращаться въ Голландію за займами, напр. нѣмецкіе Габсбурги. Такимъ образомъ Амстердамъ сталъ мало по малу новымъ интернаціональнымъ денежнымъ центромъ и Амстердамская биржа интернаціональнымъ рынкомъ государственныхъ бумагъ, и господствующій на ней курсъ былъ рѣшающимъ для всѣхъ остальныхъ денежныхъ биржъ XVIII столѣтія.

Въ Амстердамѣ же вновь послѣ долгаго времени впервые сталъ замѣтнымъ важный во всемірно-исторической и хозяйственной жизни элементъ, который, хотя пока плохо уживался съ предубѣжденнымъ противъ него населеніемъ, но шелъ навстрѣчу лучшему будущему; этимъ новымъ элементомъ являлись евреи. Изгоняемые и преслѣдуемые послѣ крестовыхъ походовъ, евреи, тамъ, гдѣ ихъ еще терпѣли изъ фискальныхъ соображеній, не принимали участія ни въ мѣстныхъ, ни въ международныхъ дѣлахъ сѣверной и южной Европы. Отъ XII до XVII столѣтія они влачили жалкое существованіе, пробавляясь ростовщичествомъ и самымъ мелочнымъ и низкопробнымъ шахермахерствомъ. Когда послѣ завоеванія Гранады (1492) евреи вмѣстѣ съ маврами были изгнаны изъ Испаніи, часть ихъ осталась въ Испаніи, приняла крещеніе и стала называться марранами. Но какъ морисковъ, такъ и маррановъ подозрѣвали въ томъ, что они лишь мнимые христіане, и въ качествѣ заговорщиковъ и мятежниковъ они въ 1609—11 году окончательно были изгнаны изъ Испаніи и Португаліи (см. томъ IV, стр. 550). Многіе изъ этихъ маррановъ нашли убѣжище въ Нидерландахъ, которые этимъ манифестировали свое враждебное отношеніе къ Испаніи. Такимъ образомъ образовалась Амстердамская еврейская община, которой не препятствовалось принимать участіе въ дѣловой жизни міроного города. Въ свою очередь Амстердамская община пустила ростки, и въ Гамбургѣ напр. развилась новая община. Голландско-португальскіе евреи переселились въ Англію, когда Британскіе острова, которые съ Эдуарда III не допускали евреевъ, при Кромвелѣ (1657) открыли имъ доступъ. Амстердамъ это дверца, которая вновь открыла евреямъ путь во внутренній міръ европейской культуры; это Архимедовъ рычагъ, при помощи котораго евреи сами подняли себя изъ состоянія глубокаго нравственнаго и экономическаго паденія. Разсѣянные по всей землѣ евреи явились связующимъ элементомъ во вновь возникающемъ интернаціональномъ капиталистическомъ могуществѣ.

Какъ ни велика была внѣевропейская торговля, денежныя и кредитныя сношенія Нидерландовъ, своимъ значеніемъ, своимъ богатствомъ они обязаны главнымъ образомъ товарной торговлѣ съ остальною Европою. Въ XVII столѣтіи мореплавателями, посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Европы были нидерландцы, имъ принадлежалъ на три четверти весь торговый флотъ Европы. Могущества Ганзы не было и въ поминѣ; Тридцатилѣтняя война обезсилила Германію; Англія переживала самый критическій моментъ своей государственной жизни; Франція, благодаря своей внутренней и внѣшней политикѣ, была покамѣстъ далека отъ сознанія

своихъ матеріальныхъ интересовъ; — однимъ словомъ, стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ доставило Нидерландамъ, которые сами по себѣ были слабою страною, возможность достичь гегемоніи въ міровой торговлѣ, какъ это было прежде съ Ганзой, но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не исчезли эти счастливыя внѣшнія условія, пока великія державы не вступили въ обладаніе тѣми естественными правами, которыя давало имъ ихъ политическое превосходство. Въ этотъ счастливый для Голландіи промежутокъ времени, голландскіе купцы и мореплаватели господствовали на Балтійскомъ морѣ, а слѣдовательно на хлѣбномъ рынкѣ Европы. „Амстердамъ", говоритъ Г. Шмоллеръ, „увозилъ крупные излишки хлѣба съ Балтійскаго моря и снабжалъ ими какъ Голландію, такъ и западную и южную Европу. Одно сочиненіе, написанное въ 1603 году, говоритъ, что въ Амстердамѣ всегда было четыре милліона четвериковъ, т. е. хлѣбъ для 800,000 человѣкъ". Заперевъ устья Рейна и Шельды, голландцы разрушили внутреннюю торговлю испанскихъ Нидерландовъ и западной Германіи, которая вплоть до Шварцвальда стала имъ экономически подвластна. Гамбургъ же и Данцигъ открывали имъ область нѣмецкаго востока. Въ скандинавскихъ земляхъ и на сѣверныхъ моряхъ голландцы, въ качествѣ купцовъ и рыбаковъ, давно торжествовали побѣду надъ всѣми своими соперниками. Ихъ связи проникали даже до береговъ Бѣлаго моря; въ Арктическомъ океанѣ они пытались напасть на слѣдъ открытія сѣверо-восточнаго пути. Югъ Европы былъ тоже захваченъ ихъ сѣтью торговыхъ сношеній; они были господами на Средиземномъ морѣ, и послѣ заключенія мира въ 1648 они появились вновь въ португальско-испанскихъ гаваняхъ.

Насколько сильно угнетались Голландіей обѣ великія державы западной Европы, Франція и Англія, показываетъ энергичное противодѣйствіе, которое съ половины XVII столѣтія обнаруживается въ нихъ противъ Голландіи. Въ 1651 году появляется Кромвелевскій актъ мореплаванія, эта торгово-политическая программа будущаго, изъ за постановленій котораго разгорѣлась ожесточенная борьба за свободу англійской морской торговли и за господство въ міровой торговлѣ, борьба, отъ которой болѣе слабая сторона отказалась, поспѣшивъ своевременнымъ союзомъ съ прежнимъ противникомъ спасти то, что еще могло быть спасено.

В. Экономическое возвышеніе Англіи отъ XVI до XVII столѣтія.

а) Хозяйственная политика Тюдоровъ.

Счастливая звѣзда Британіи уже нѣсколько разъ выглядывала изъ за темныхъ тучъ и опять скрывалась за ними, но наконецъ она на долго засіяла на небосклонѣ и стала непрерывно подниматься къ зениту. Въ XI столѣтіи Англія подпала иноземному господству какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ то время какъ осѣдлые чужеземные и мѣстные элементы населенія слились въ одно государственное и національное цѣлое, экономическое иго чуждыхъ народностей, несмотря на кочевой характеръ ихъ жизни, еще болѣе сдавило страну, которая хотя и обладала естественными богатствами, но не имѣла ни развитой промышленной жизни, ни способнаго выдержать конкурренцію флота, не говоря уже о самостоятельной внѣшней торговлѣ. Но здѣсь существовала, хотя и ограниченная феодальными учрежденіями, но все же сильная, способная стать на широкую національную точку зрѣнія королевская власть. Она взяла на себя заботу о хозяйственныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ, въ то время какъ во всей Европѣ хозяйственная политика еще лежала въ рукахъ городскихъ управленій, и въ лучшемъ случаѣ находилась въ вѣ-

дѣніи болѣе или менѣе могущественныхъ территоріальныхъ князей. Вмѣстѣ съ основаніемъ гильдій (складочныхъ и Merchant Adventurers, стр. 60) началось самоосвобожденіе старой Англіи отъ экономическаго ига чужеземцевъ.

Когда Тюдоры вступили во владѣніе англійскимъ престоломъ (1485), въ хозяйственной жизни Англіи совершались измѣненія, которыя имѣли весьма важныя послѣдствія: страна переживала тотъ аграрный процессъ, который обыкновенно обозначается ходячимъ терминомъ „отгораживанія". Также какъ и на европейскомъ материкѣ, и здѣсь, въ островномъ государствѣ, крупная земельная аристократія боролась противъ существующихъ порядковъ сельскохозяйственныхъ отношеній, потому что они мѣшали свободѣ и прибыльности той формы владѣнія землей, къ которой они стремились. Когда пахотныя земли въ цѣляхъ скотоводства превращались въ луга, крупные поставщики шерсти нашли, что разсѣянныя среди ихъ земельныхъ владѣній крестьянскія хозяйства и обычное до тѣхъ поръ общинное владѣніе полями (лежащія въ области деревни полосы пахотной земли) мѣшаютъ имъ въ осуществленіи задуманнаго перехода къ луговому хозяйству и травосѣянію (періодически смѣняющееся пользованіе землею какъ лугомъ или какъ пашнею). Поэтому они отдѣляли свои земли, не обращая вниманія на разбросанные среди нихъ клочки крестьянскихъ участковъ, „отгораживались", какъ это называлось, и безъ дальнихъ церемоній захватывали крѣпостную, оброчную землю, лежавшую въ предѣлахъ воздвигнутой ими ограды. Захваченныя такимъ образомъ имѣнія свободныхъ землепашцевъ или скупались ими, или при помощи сговорчивыхъ судей отбирались у нихъ судейскими приговорами. Такъ совершилось обезземеленіе многочисленныхъ оброчныхъ и свободныхъ крестьянъ, которымъ частью лишь удалось кое какъ устроиться въ качествѣ арендаторовъ. Вскорѣ Англія кишѣла обнищавшими, безработными людьми, которыхъ ни государственная, организованная со временъ Генриха VIII помощь бѣднымъ, ни варварскіе судебные приговоры не могли сдѣлать хозяйственно полезными, и вопросомъ жизни для англійской націи стало поощреніе или созданіе такихъ отраслей труда, которыя могли бы помочь не только при данныхъ хозяйственныхъ неурядицахъ, но также въ будущемъ--занять увеличивающееся населеніе.

Къ достиженію этой цѣли англійское національное хозяйство, англійская экономическая политика стала стремиться со временъ королевы Елизаветы (1558—1603). Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій мудрыхъ государственныхъ дѣятелей, на обязанности которыхъ лежало совѣтомъ и дѣломъ исправлять женскіе промахи своей госпожи, была монетная реформа, необходимая вслѣдствіе ухудшенія качества монеты произведеннаго въ царствованіе Генриха VIII. Облегчались эти мѣропріятія тѣмъ особенно счастливымъ положеніемъ, въ которомъ находилось англійское королевство, которое права чеканки монеты никогда не раздѣляло съ другими низшими властями, какъ это имѣло мѣсто во всей остальной феодальной Европѣ; поэтому правительству здѣсь если и случалось вызвать временное разстройство въ монетномъ дѣлѣ, то затѣмъ оно могло зато также кореннымъ образомъ водворить порядокъ въ области денежныхъ отношеній, на благо страны, главнѣйшія хозяйственныя задачи которой сознавались уже какъ общенаціональныя. Мѣры правительства, имѣвшія въ виду всю совокупность національной хозяйственной жизни, находили сочувственное отношеніе въ народѣ, которому именно существованіе имперской монеты яснѣе всего показывало всю благодѣтельность общегосударственныхъ учрежденій и мѣръ.

Что касается внѣшней политики, то даже и при томъ развитомъ пониманіи общегосударственныхъ вопросовъ, которымъ отличалась англійская нація въ эпоху Елизаветы, на сочувствіе и помощь народа въ этой области

можно было разсчитывать только тогда, когда странѣ угрожала наступательная война. Прежде чѣмъ Англія въ 1588 году, во время испанской Армады, могла разсчитывать на такое высокое пониманіе національныхъ интересовъ со стороны населенія, англійскому правительству, желавшему избѣжать экстреннаго сбора податей, приходилось довольствоваться заключеніемъ мало выгодныхъ займовъ. Прежде они дѣлались Тюдорами въ Антверпенѣ, гдѣ знаменитый Томасъ Грешемъ (Tomas Gresham, 1519—1579) состоялъ финансовымъ агентомъ англійскаго правительства. Но уже съ 1569 года, когда герцогъ Альба вступилъ въ Нидерланды и Антверпенъ началъ приходить въ упадокъ, потребность въ денежныхъ средствахъ правительства могла удовлетворяться національными капиталами. Такимъ образомъ англійское правительство хотя и освободилось отъ необходимости прибѣгать къ интернаціональнымъ займамъ, и значительно подвинулось на пути къ хозяйственной самостоятельности, но все же, въ любезномъ отечествѣ ему пока что приходилось пробавляться лишь принудительными ссудами. На добровольное предложеніе свободныхъ капиталовъ пока еще нельзя было разсчитывать. Достиженіе національной независимости въ области денежныхъ и кредитныхъ дѣлъ было монументально увѣковѣчено постройкою лондонской биржи, которую уже названный Томасъ Грешемъ, Крезъ Англіи, соорудилъ на собственныя средства (1566). Королева наградила великодушнаго богача, посвятивъ его (еще въ 1559 году) въ рыцари; въ то время итальянскіе и нѣмецкіе крупные капиталисты тоже получали у себя на родинѣ дворянское достоинство.

Политика крупной державы, которой слѣдовали Тюдоры, требовала, какъ и у Габсбурговъ и у Валуа, большихъ денегъ. Повсюду правители не могли довольствоваться прежними доходами, которые приносили ихъ государства, какъ ни облегчено было дѣланіе долговъ, такъ какъ долги надо было все таки въ концѣ концовъ уплачивать или во всякомъ случаѣ вносить за нихъ проценты. Со взиманіемъ податей, усиленіемъ податного бремени дѣло обстояло не такъ то просто: попытки правительствъ возвысить подати всюду встрѣчали противодѣйствіе сословій, а благодаря мало развитой техникѣ взиманія, податныхъ сборовъ на пути отъ плательщиковъ къ казнѣ столько растеривалось, что окончательный податной доходъ былъ совсѣмъ малозначителенъ. Но здѣсь, какъ и всегда, духъ человѣческій, обнаруживающій необыкновенную находчивость въ случаяхъ нужды, измыслилъ цѣлый рядъ новыхъ источниковъ доходовъ, независимыхъ отъ сословнаго или парламентскаго права утвержденія налоговъ, и превышающихъ своею доходностью прежніе источники государственныхъ средствъ. Это направленіе финансовой политики въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ обозначается какъ система регалій.

Когда то германскими князьями заимствованы были изъ древнеримскаго міра исключительныя верховныя права или регаліи, какъ напримѣръ исключительное право чеканки монетъ, горнаго промысла, податныхъ сборовъ, судебныхъ налоговъ; но затѣмъ потокъ историческихъ событій смылъ ихъ права, которыя были ими переданы духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, городамъ и корпораціямъ. Теперь доходы князей составлялись лишь изъ того, что приносилось имъ ихъ коронными имѣніями; раздавъ и эти послѣднія, они становились такими безсильными, такими нищими, какими мы видимъ нѣмецкихъ императоровъ съ эпохи Гогенштауфеновъ. Правда, теперь независимые территоріальные князьки и города въ своихъ небольшихъ округахъ худо ли, хорошо ли, но заботились о томъ, что должно было бы быть дѣломъ центральнаго правительства; но благодаря этому еще усиливалось безсиліе этого послѣдняго, которое становилось особенно угрожающимъ въ эпоху внѣшнихъ неурядицъ. Недостаточность доходовъ съ государственныхъ земель заставила правительства обратиться къ податямъ. Но такъ какъ утвержденіе податей зависѣло отъ сословій съ ихъ непобѣдимымъ отвра-

щеніемъ къ утвержденію оныхъ, то правительства вновь пришли къ регаліямъ, какъ къ своимъ неотчуждаемымъ верховнымъ правамъ, которыя нужно было только возобновить, вновь заставить признать, для того, чтобы избавиться отъ бѣдственнаго финансоваго положенія. Рецепція римскаго права въ XV и XVI столѣтіи кстати подоспѣла навстрѣчу стремленіямъ правителей того времени. Въ особенности въ западной Европѣ увлеклись этимъ возобновленіемъ казенныхъ монополій, которыя провозглашались безъ вниманія къ существующимъ правамъ и благу населенія. Въ нѣмецкихъ и итальянскихъ земляхъ правительства тоже слѣдовали примѣру великихъ государствъ западной Европы, хотя и не съ такимъ успѣхомъ и не съ равною имъ послѣдовательностью.

Среди государствъ, въ которыхъ коронныя монополіи достигли особаго разцвѣта, первое мѣсто занимаютъ Англія и Франція. Послѣ того какъ пошлинные и другіе посторонніе доходы, штрафныя деньги, конфискаціи (сюда относится также секуляризація монастырскихъ земель, произведенная Генрихомъ VIII), чеканка монетъ, таможенный сборъ подверглись уже финансовой эксплуатаціи, королева Елизавета объявила, что вся торговля является тоже привилегіей престола. Всѣ эти государственныя монополіи тотчасъ же отдавались на откупъ отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ, при чемъ воцарившееся, характерное для женскаго правленія, хозяйничаніе любимцевъ часто противорѣчило финансовымъ и національнымъ интересамъ страны. Монополизація внутренней торговли захватила (слѣдуя Рошеру) между прочимъ слѣдующіе товары: изюмъ, соль, желѣзо, порохъ, карты, телячью кожу, парусное полотно, щелочную соль, винный уксусъ, рыбій жиръ, каменный уголь, сталь, водку, щетки, бутылки, горшки, селитру, свинецъ, масло, гальмей, зеркала, бумагу, крахмалъ, олово, сѣру, сукно, анчоусы, пиво, пушки, рогъ, кожу, испанскую шерсть, ирландскую пряжу. Такая система внутренней торговли была, въ самой основѣ своей, настолько неудачной, что, мало по малу, незамѣтно какъ бы сама собою сошла со сцены.

Зато монополизацію внѣшней торговли было легче провести и отстоять, такъ какъ въ этой области уже существовали факты, которые могли быть использованы въ данномъ отношеніи. При содѣйствіи правительства, которое получало деньги за выдачу привилегій, основались, по образцу Merchant Adventurers, нѣсколько въ формѣ гильдій организованныхъ торговыхъ обществъ, такъ называемыя regulated companies. По ихъ названіямъ можно уже судить объ объемѣ торговыхъ сношеній Англіи къ концу XVI столѣтія; но не всѣ эти общества имѣли одинаковый успѣхъ. Существовали: русская или московская (1554), балтійская (1579) турецкая (1581), марроканская или варварійская (1585), гвинейская (1588) монопольная компанія; по примѣру лондонской Mercers Company, экчестерскіе и кристольскіе купцы тоже организовались въ монопольныя гильдіи. Наконецъ въ 1600 году возникло общество, которому предстояло блестящее будущее— Англо-остиндская компанія, первое акціонерное товарищество или joint stock company страны.

Выше (стр. 61) было изложено, какимъ образомъ англійская политика въ эпоху Елизаветы одержала верхъ надъ однимъ изъ иноземныхъ поработителей англійской національной торговли, надъ нѣмецкою Ганзою. Съ итальянцами Англія тоже сумѣла справиться, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ прекращеніе торговыхъ венеціанскихъ и генуэзскихъ рейсовъ. Теперь оставалось бы только одолѣть важнѣйшаго соперника въ европейской внѣшней торговлѣ, Голландію, но послѣдняя являлась незамѣнимою союзницей Англіи въ борьбѣ противъ господствующей морской державы того времени—противъ соединенныхъ Испаніи и Португаліи—и поэтому требовала иного отношенія къ себѣ. Собственно говоря, происшествія 1564 года показываютъ, что Англія уже готовилась къ войнѣ съ Нидер-

ландами, передъ началомъ Нидерландскаго возстанія. Обѣ страны угрожали другъ другу торговымъ бойкотомъ и Англія осуществила свое рѣшеніе, перенести въ другое мѣсто бывшіе Антверпенскіе суконные склады. Затѣмъ, во время дальнѣйшаго развитія событій въ Нидерландахъ, Англія сдѣлала попытку присоединить къ себѣ Нидерланды, что ей удалось сдѣлать столѣтіе спустя, при Вильгельмѣ Ш. Изъ за этого вспыхнула война между Испаніей и Англіей, кульминаціонною точкой которой является экспедиція потерпѣвшей крушеніе (1588) непобѣдимой Армады Филиппа II. Если довѣрять витіеватому краснорѣчію, при помощи котораго религіозно и политически партійная исторіографія любитъ разукрашивать факты, то пришлось бы констатировать, что послѣ катастрофы 1588 г. испанское морское могущество тутъ же немедленно и на вѣки было разрушено; въ глубинѣ этой мрачной картины, гдѣ непремѣнно должны фигурировать также деспотизмъ и фанатизмъ, такъ же внезапно выступаетъ британское морское могущество, надъ которымъ аллегорическія фигуры религіозной и политической свободы, благословляя, склоняютъ пальмовыя вѣтви. Въ дѣйствительности же война Испаніи и Англіи продолжалась еще и послѣ смерти Елизаветы (1603) съ перемѣннымъ успѣхомъ, и британцамъ приходилось еще долго бороться, чтобы затмить своихъ соперниковъ на морѣ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Іакова I изъ дружественнаго испанцамъ дома Стюартовъ, въ Лондонѣ былъ заключенъ миръ съ Филиппомъ III (1604). Теперь испанцы предоставили жителямъ отнынѣ соединеннаго Британскаго королевства право свободныхъ сношеній въ ихъ владѣніяхъ, за исключеніемъ Остъ- и Вестиндіи; однакожъ торговля съ Вестъ- и Остиндіей именно то и являлась наиболѣе важною. Могли ли британцы предоставить поле дѣйствія голландцамъ, которые и здѣсь и тамъ выступали въ качествѣ активнаго элемента? Къ счастію, Лондонскій договоръ самъ по себѣ давалъ точку опоры англичанамъ, разрѣшая имъ отыскивать и овладѣвать не занятыми еще испанцами и португальцами областями въ Остъ- и Вестиндіи. При такихъ условіяхъ можно было достичь прекрасной гармоніи между требованіями международнаго права и потребностями національнаго хозяйства.

Несмотря на стремленіе къ возможному расширенію сферы дѣятельности, которое одушевляло мореплаваніе и торговый міръ Англіи, несмотря на многочисленныя войны, которыя велись Британскими островами съ цѣлью добиться освобожденія отъ экономическаго гнета чужеземцевъ, англійская промышленность, поскольку она работала на внѣшній рынокъ, и при Тюдорахъ оставалась въ узкихъ рамкахъ одного лишь издавна національнаго производства шерсти. Послѣ того какъ въ Англію переселились при Эдуардѣ III первые нидерландскіе суконщики (около 1330 г.), шерстяное производство, которое до сихъ поръ было настолько слабымъ, что неспособно было выдержать конкурренцію, поднялось въ такой мѣрѣ, что начался вывозъ англійскаго суконнаго сырья, монополизированнаго въ XVI столѣтіи гильдіей „предпринимателей“. Около середины XVI столѣтія надо было уже запретить вывозъ овецъ и шерсти, изъ опасенія, что недостатокъ сырого матеріала вредно повліяетъ на мѣстные ткацкіе и прядильные промыслы. Вскорѣ послѣ этого началось второе большое переселеніе нидерландскихъ суконщиковъ, которые бѣжали, преслѣдуемые эдиктами объ еретикахъ Карла V и Филиппа II, и гостепріимно встрѣчены были англійскимъ правительствомъ, къ большому недовольствію мѣстныхъ ремесленниковъ. Послѣ этого нидерландская промышленность не обладала ни однимъ преимуществомъ, которое не могло бы быть достигнуто по ту сторону Ламанша. Но англійскимъ королямъ еще часто приходилось пришпоривать отстающихъ суконщиковъ, чтобы они слѣдили за прогрессомъ въ области ихъ производства.

Въ царствованіи Елизаветы въ шерстяномъ производствѣ произошло

то важное измѣненіе, которое на европейскомъ материкѣ уже сто лѣтъ тому назадъ проникло во многія отрасли промышленности. Выдѣлка шерсти уже въ силу техническихъ условій плохо мирилась со старымъ ремесленнымъ производствомъ. Одинъ и тотъ же матеріалъ долженъ былъ проходить здѣсь черезъ цѣлый рядъ различныхъ мастерскихъ (прядильня, ткацкая, валяльня, красильня), прежде чѣмъ онъ дѣлался готовымъ товаромъ, но и въ такомъ видѣ онъ еще нуждался въ крупномъ и мелкомъ торговцѣ, которые являлись бы посредниками между нимъ и покупателемъ, такъ какъ требовалась масса готоваго и разнообразнаго товара, а для этого недостаточно было работы одной, единичной мастерской. Торговцамъ (шерстью или сукнами), обладающимъ капиталами, не трудно было при помощи раздачи задатковъ въ видѣ сырого матеріала или денежнаго вознагражденія забрать въ свои руки бѣдное капиталами ремесло и такимъ образомъ стала господствовать новая форма производства, такъ называемая система домашняго производства,

Теперь ткачи, валяльники, суконщики и т. д. работали уже не непосредственно на своихъ покупателей, а на капиталистическаго предпринимателя—хозяина, который объединялъ всѣ отдѣльныя части производственнаго процесса и въ то же время снабжалъ рынокъ готовыми товарами. Само производство еще не приняло крупно-промышленнаго, фабричнаго характера, а по прежнему гнѣздилось въ мелкихъ мастерскихъ, такъ какъ правительство покровительствовало домашнимъ работникамъ и, по крайней мѣрѣ, въ шерстяномъ производствѣ, почти до конца XVIII столѣтія препятствовало введенію фабричной организаціи труда.

Вліяніе на промышленность и торговлю, которое въ другихъ странахъ, достигалось правительствами только послѣ долгой и упорной борьбы съ самодовлѣющими городскими организаціями, корпораціями или отдѣльными территоріальными единицами, въ Англіи при Тюдорахъ было еще неотъемлемымъ правомъ верховной власти. Знаменитымъ актомъ объ ученикахъ 1562 года предначертаны были впередъ на цѣлыя столѣтія принципы промышленнаго законодательства. Этимъ закономъ 1562 года затрагиваются важнѣйшіе соціальные вопросы частнаго характера: время ученія (обязательное семилѣтнее ученичество), вопросъ о подмастерьяхъ, рабочій договоръ, рабочее время, заработная плата; рѣшающій голосъ въ установленіи послѣдней предоставлялся городскимъ властямъ, а внѣ города мировымъ судьямъ. Актъ королевы Елизаветы объ ученикахъ сохранилъ свою силу до 1814 года, хотя уже вскорѣ послѣ своего изданія онъ во многихъ отношеніяхъ игнорировался, такъ какъ возникли новыя отрасли промышленности и новые способы производства.

б) Соперничество между Англіей и Голландіей.

Тюдоры могли себѣ позволить иногда злоупотребленія своими правами, такъ какъ въ общемъ ихъ политика соотвѣтствовала потребностямъ населенія; но Стюарты (1603—1688) вызвали въ странѣ небывалое сопротивленіе, охватившее какъ народъ, такъ и парламентъ, вслѣдствіе того, что ихъ правленіе противорѣчило національному духу ихъ подданныхъ. Сближеніе съ Испаніей было антинаціонально, несмотря на то, что Англіи выгодно было соединиться съ Испаніей противъ болѣе опаснаго соперника Голландіи; союзъ съ Испаніей могъ бы содѣйствовать ввозу и сбыту англійскихъ товаровъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Южной Америкѣ. Когда первымъ Стюартамъ понадобились денежныя средства для ихъ внѣшней политики, оказалось, что ни парламентъ, ни народъ отнюдь не расположены поддерживать ихъ предпріятія. Попытка обратиться къ системѣ правительственныхъ монополій встрѣтила вновь сильную оппозицію. Парламентъ опредѣлилъ, что право раздачи монополій принадлежитъ ему:

это право было отнято у королей (1623) и начата была борьба противъ системы принудительныхъ займовъ (petition of rights, 1628). Теперь парламентъ далъ свое согласіе на взиманіе таможенныхъ сборовъ, не какъ это дѣлалось по отношенію къ предшественникамъ Карла I—разъ навсегда, а лишь на одинъ годъ, и поэтому Карлъ I сдѣлалъ попытку править безъ парламента и собирать налоги, не утвержденные парламентомъ. Но не экономическіе интересы оказывали въ то время рѣшающее вліяніе на взгляды и желанія населенія Великобританіи; несомнѣнно, что на первомъ планѣ тогда стояли религіозные вопросы, и даже политическіе вопросы, въ болѣе узкомъ смыслѣ, всѣми признавались болѣе важными, чѣмъ потребности хозяйственной жизни.

Однако, какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ матеріальнымъ инстинктамъ присуща непреоборимая стихійная сила, которая смѣется надъ всѣми попытками подавить ихъ, такъ и въ жизни народовъ и государствъ, въ моменты временнаго затишья борьбы за идеальныя блага человѣчества, прорываются и получаютъ господствующее значеніе вопросы объ условіяхъ матеріальнаго благосостоянія народа. Долго откладывалась въ Англіи борьба съ Нидерландами, борьба за самостоятельность англійской внѣшней торговли, за морское господство, но въ концѣ концовъ, когда при Оливерѣ Кромвелѣ послѣ паденія королевской власти можно было ясно обозрѣть совокупность условій жизни страны, республика, не колеблясь болѣе ни одной минуты, поспѣшила наверстать свою вѣковую медлительность въ отношеніяхъ къ Нидерландамъ. Тираннія и цезаризмъ—мы имѣемъ право характеризовать этими словами протекторатъ Кромвеля—всегда стремятся успокоить страсти, еще взволнованныя отголосками революціонныхъ бурь, отклоненіемъ народнаго вниманія въ сторону хозяйственныхъ интересовъ. Впрочемъ не иначе поступаютъ и законные властелины государствъ. Кромвель же, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ въ духѣ своего времени, того времени, когда всѣ жизнеспособныя націи были охвачены стремленіемъ къ хозяйственной независимости и при этомъ убѣждены были, что только унижая соперника, онѣ могутъ содѣйствовать собственному благу. Затаенные мотивы, руководившіе Кромвелемъ, были, правда, ненависть къ породнившемуся со Стюартами Оранскому дому и месть генеральнымъ штатамъ, принявшимъ у себѣ бѣглаго принца Карла Стюарта (Карла II).

Таково происхожденіе навигаціоннаго акта 1651 года, являющагося провозглашеніемъ Британіей своей экономической независимости. Еще при Тюдорахъ и даже при Плантагенетахъ національное мореплаваніе пользовалось особымъ покровительствомъ по сравненію съ иностраннымъ, выражавшемся въ меньшемъ таможенномъ обложеніи и въ предоставленіи ему одному права прибрежнаго плаванія; теперь въ актѣ 1651 года эти старыя постановленія были возобновлены, объединены и дополнены. Отнынѣ только подъ британскимъ флагомъ дозволялся ввозъ внѣевропейскихъ продуктовъ, товары же европейскаго происхожденія могли привозиться въ Англію лишь на британскихъ корабляхъ или на судахъ тѣхъ государствъ, которыя были родиною ввозимыхъ продуктовъ; при этомъ они должны были совершать прямой путь въ Англію, минуя промежуточныя голландскія станціи; плаваніе вдоль береговъ отъ одной гавани къ другой осталось привилегіей національнаго флага; для содѣйствія развитію рыбнаго промысла, запрещенъ былъ ввозъ соленой рыбы. Точная регламентація, касающаяся экипажа англійскихъ кораблей, показываетъ, что Кромвель смотрѣлъ на торговый флотъ какъ на школу для будущихъ моряковъ военнаго флота.

Въ то время какъ благодѣтельное вліяніе навигаціоннаго акта на экономическую жизнь страны долго не могло проявиться изъ за сравнительной слабости англійскаго торговаго флота, непосредственнымъ результатомъ

его въ политическомъ отношеніи была морская война съ Голландіей (1652—1654), во время которой англійскій флотъ, предводительствуемый Робертомъ Блэкомъ, съ успѣхомъ боролся противъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ голландскихъ судовъ. Именно, благодаря широкому распространенію торговли Нидерландовъ, война на нихъ тяжелѣе отзывалась, чѣмъ на ихъ противникахъ, которые въ 1653 году захватили свыше тысячи голландскихъ кораблей въ разныхъ моряхъ. Въ мирномъ договорѣ 1654 года, заключенномъ антиоранскими олигархами съ братьями де Виттъ во главѣ, изъ политическихъ партійныхъ побужденій, Голландія должна была признать какъ навигаціонный актъ, такъ и господство англійскаго флота на британскихъ моряхъ.

Больше еще, чѣмъ успѣхъ Англіи въ борьбѣ съ голландцами, англичане цѣнили исходъ войны, которую Кромвель велъ противъ стараго, заклятаго врага англичанъ — испанцевъ, цѣнили не потому, что Испанія, бывшая все еще наиболѣе могущественною колоніальною державою препятствовала увеличивающемуся росту Британіи, но потому, что въ лицѣ Испаніи Англія воевала съ католицизмомъ. Какою гордостью должны были преисполниться сердца ревнителей протестантской церкви, когда Робертъ Блэкъ появился со своимъ флотомъ на Средиземномъ морѣ, принудилъ папу къ возмѣщенію убытковъ за оказанную имъ поддержку Стюартамъ, наказалъ затѣмъ варварійцевъ и предалъ уничтоженію часть серебрянаго флота испанцевъ! Результатомъ этой войны было то, что англичане завладѣли Ямайкой и бельгійскимъ Дюнкирхеномъ, который могъ бы стать точкой опоры для распространенія англійскаго могущества на материкѣ, какъ когда то Калэ (1347—1558 въ англійскихъ рукахъ), еслибы Карлъ II въ 1662 году не продалъ бы его Людовику XIV, потому что владѣніе Дюнкирхеномъ ложилось непомѣрною тяжестью на его бюджетъ.

Возстановленная въ 1660 году монархія въ торгово-политическомъ отношеніи намѣревалась слѣдовать тому же направленію, какъ и республика, что видно уже изъ возобновленія Кромвелевскаго навигаціоннаго акта въ 1660 и 1664 годахъ; были выпущены какъ бы второе и третье изданія, дополненныя и исправленныя, закона 1651 года. Въ то время Великобританія была уже отечествомъ цѣлаго ряда сѣверо-американскихъ колоній, населеніе которыхъ состояло не изъ искателей приключеній и рыцарей золотой наживы, какими были англійскіе выходцы временъ сэра Вальтера Ралея, а изъ переселенцевъ, отправлявшихся за океанъ, чтобы сохранить свободу совѣсти и свою политическую независимость. Желѣзная воля колонистовъ-земледѣльцевъ XVII столѣтія сумѣла преодолѣть тѣ трудности, въ борьбѣ съ которыми погибли ихъ предшественники. Эти новыя поселенія явились давно желаннымъ мѣстомъ сбыта товаровъ, и британцы всячески старались оградить себя въ нихъ отъ постороннихъ конкуррентовъ. При возобновленіи навигаціоннаго акта, какъ въ 1660, такъ и въ 1664 году, въ изложеніе его включено было постановленіе о томъ, что продукты британскихъ колоній могутъ привозиться только въ британскія гавани (даже если они предназначались для иныхъ мѣстностей), а европейскіе товары только на британскихъ судахъ изъ Англіи и Уэльса прямымъ путемъ должны отправляться въ англійскія колоніи. Несмотря на протестъ, поднятый нѣкоторыми колонистами, въ Англіи утвердилась, популярная въ то время, выгодная національной торговлѣ и чрезвычайно убыточная голландской посреднической торговлѣ „система ограниченій“ (Restrictionsystem).

Тогда же вспыхнула вторая морская война съ Голландіей (1664), вызванная столкновеніями съ голландско-вестиндской компаніей, у которой отняты были Ново-Амстердамъ (современный Нью-Іоркъ) и укрѣпленный пунктъ на Гвинейскомъ прибрежьи, мысъ Корсо (Coastcastle).

Изъ первыхъ слитковъ золота, привезенныхъ однимъ англійскимъ обществомъ изъ Гвинеи въ Англію, вычеканены были первыя гинеи. Въ виду того, что долголѣтняя война связана была съ большими потерями для чрезмѣрно широко раскинувшейся въ то время и британской торговли, въ Бреда приступлено было къ мирнымъ переговорамъ, продолженіе которыхъ ускорено было внезапнымъ появленіемъ голландской флотиліи на Темзѣ (1667). Это событіе впослѣдствіи стало самымъ убѣдительнымъ аргументомъ, съ помощью котораго обезоруживались противники увеличенія англійскаго флота. Миръ въ Бреда оставилъ Новые Нидерланды за англичанами, и они теперь отъ Акадіи до Флориды были господами атлантическихъ береговъ Сѣверной Америки. Яркій свѣтъ на несамостоятельность нѣмецкой торговли бросаетъ сдѣланная, вопреки постановленіямъ навигаціоннаго акта, голландцамъ уступка: имъ разрѣшалось на собственныхъ корабляхъ привозить нѣмецкіе товары въ Англію.

Еще третья морская война (1672—74) съ Нидерландами разыгралась, когда Англія въ союзѣ съ Франціей въ 1672 году поддержала разсчитанное на уничтоженіе Голландіи нападеніе Людовика XIV. Вестминстерскій миръ хотя и не принесъ англичанамъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, но былъ имъ полезенъ тѣмъ, что разрушилъ планъ союза между голландцами и испанцами, этими двумя старыми властелинами моря, которые въ равной мѣрѣ страдали отъ возвышенія Англіи. Но послѣ того какъ въ Голландіи власть опять перешла въ руки Оранскаго дома (1672), который возобновилъ свои династическія связи со Стюартами, борьба между этими сосѣдними морскими державами прекратилась. Мало по малу достигнуто было состояніе извѣстнаго равновѣсія; въ сытой, богатой Голландіи стали затихать героическія стремленія, она удовлетворялась тѣмъ, что въ твердомъ союзѣ съ Англіей, находившейся еще въ періодѣ поступательнаго движенія, оказывала сопротивленіе французамъ, которые какъ въ Европѣ, такъ и въ колоніяхъ стали внушать опасенія своимъ быстро растущимъ могуществомъ.

Нидерландски-британская дуэль была лишь прелюдіей къ грандіозному единоборству между соперничающими другъ съ другомъ съ незапамятныхъ временъ націями, живущими по обѣ стороны Ламанша. Новая столѣтняя война, начавшаяся съ третьей разбойничьей войны Людовика XIV и продолжавшаяся, конечно съ перерывами, вплоть до Вѣнскаго конгресса (1688—1815), является съ нашей точки зрѣнія послѣдней рѣшительною борьбою за всемірно-торговое господство, къ которому стремились испанцы, португальцы, нидерландцы, французы и англичане, причемъ никто изъ нихъ не обладалъ достаточными силами. Чѣмъ инымъ было это всемірно-торговое могущество, какъ не соблазнительнымъ, обманчивымъ призракомъ, который разсѣялся какъ дымъ, когда англичане подошли къ своей цѣли ближе, чѣмъ кто либо изъ ихъ предшественниковъ? Вѣчно живое стремленіе къ независимости, геройская энергія націй, сплотившихся въ западной Европѣ ранними историческими переселеніями, дѣлали существованіе торговой всемірной монархіи такимъ же невозможнымъ, какъ и политической; а такъ какъ такія же свойства развивались въ населеніи европейскихъ колоній Новаго Свѣта, то прочность ихъ зависимости отъ европейской родины чѣмъ дальше, тѣмъ становилась сомнительнѣе. Но какъ бы то ни было, погоня за призракомъ всемірно торговаго господства вызвала болѣе быстрое движеніе европейской культуры, дальше раздвинула границы ея вліянія, чѣмъ это въ состояніи былъ бы сдѣлать трезвый разсчетъ, преслѣдованіе лишь осуществимыхъ цѣлей. Частно-хозяйственныя стремленія и стремленія фиска находили поддержку въ государственныхъ властяхъ и въ колоніальной политикѣ, такъ какъ представители всѣхъ этихъ интересовъ дышали тѣмъ же воздухомъ возбуждающихъ фантастическихъ замысловъ.

Г. Франція, Кольберъ и система меркантилизма.

Когда, въ концу XVII столѣтія Францiя ревностно стала бороться за свое участіе во всемірномъ господствѣ, у нея, какъ и у англичанъ, ставшихъ теперь ея соперниками, въ прошломъ были уже войны съ Испаніей и Голландіей. Распря съ Испаніей, начавшаяся еще при Карлѣ VIII, продолжалась въ теченіе всего XVI столѣтія. Но въ то время какъ на исходѣ XVI вѣка Филиппъ II намѣревался раздавить и уничтожить Францію, въ XVII столѣтіи обстоятельства настолько измѣнились, что Людовикъ XIV черезъ сто лѣтъ послѣ Филиппа II смотрѣлъ на испанскую монархію вмѣстѣ со всѣми ея владѣніями по эту и по ту сторону океана, какъ на лакомую добычу, которая, по праву наслѣдства и благодаря его могуществу, не можетъ ускользнуть отъ него.

Послѣ того какъ Филиппъ II незадолго до своей смерти заключилъ съ Франціей миръ въ Вервэнѣ и одновременно закончены были также гугенотскія войны (1598), наступилъ одинъ изъ тѣхъ мирныхъ періодовъ, во время которыхъ жизнеспособные народы и государства, хотя бы они стояли на краю гибели, быстро возстановляютъ свои силы. Во Франціи во главѣ культурной работы стала королевская власть и въ началѣ не встрѣчала никакого принципіальнаго сопротивленія. Заключая торговые договоры, учреждая колоніальныя общества, покровительствуя промышленности, а въ особенности земледѣлію, Генрихъ IV, въ союзѣ со своимъ совѣтникомъ Сюлли, вступилъ на путь государственной хозяйственной политики, которая въ другихъ странахъ дала уже такіе громадные результаты. И могущественный укротитель феодальной аристократіи, которая теперь, какъ и во время первыхъ Валуа, стремилась подчинить себѣ королевскую власть, самъ Ришелье придерживался того же направленія въ своей внутренней политикѣ, насколько Тридцатилѣтняя война ему оставляла возможность заниматься національнымъ хозяйствомъ. Однако оказалось, что французы слишкомъ поздно заняли свое мѣсто въ ряду колоніальныхъ державъ. Имъ перепадали лишь крохи, остатки, которыми пренебрегли испанцы, португальцы, голландцы, англичане; они утвердились на Лоренцо, на Антильскихъ островахъ, въ Гвіанѣ, въ западной Африкѣ, на Мадагаскарѣ, но все это дѣлалось безъ настоящаго одушевленія, и вниманіе ихъ постоянно отвлекалось болѣе близкими, европейскими осложненіями.

При Ришелье (умеръ въ 1642 году) вновь вспыхнула ожесточенная война съ Испаніей; она тянулась еще долго послѣ окончанія Тридцатилѣтней войны (1648) и закончилась Пиренейскимъ миромъ (1659). Одновременно съ этимъ во Франціи бушевала послѣдняя вспышка самостоятельныхъ, привилегированныхъ элементовъ государства: духовенства, аристократіи, парламента, противъ угрожающаго имъ всѣмъ неограниченнаго королевскаго абсолютизма: такъ называемое возстаніе „фронды". Вызвано было это движеніе невѣроятными злоупотребленіями въ области государственныхъ финансовъ, которыя начались еще при Ришелье, а въ особенности усилились при его преемникѣ Мазарини (1642—1661). Послѣ того какъ выдача государственныхъ займовъ перешла изъ рукъ иностранныхъ капиталистовъ къ мѣстнымъ, такъ называемымъ партизанамъ, укоренился тотъ гибельный обычай, по которому государственнымъ кредиторамъ, въ видѣ возмѣщенія ихъ требованій, предоставлялось право распоряжаться взиманіемъ и повышеніемъ податей и налоговъ. Это ложилось невыносимою тяжестью на населеніе, правительство же при такомъ порядкѣ обманывалось и обогащались лишь денежные тузы. Парижскій парламентъ началъ походъ противъ королевскаго абсолютизма; въ этомъ движеніи приняла участіе также парижская буржуазія. Но когда волненія „фронды" затянулись и отъ этого стали страдать промышленные интересы буржуазіи, то въ

Парижѣ началось обратное движеніе и королевское правительство побѣдоносно справилось съ опасностью, которая грозила ему со стороны феодальныхъ элементовъ, вооружившихся въ послѣдній разъ противъ неограниченности верховной власти. Эпилогъ событій „фронды“ разыгрался послѣ смерти Мазарини, главнаго виновника бѣдствій, когда другъ и соучастникъ его въ финансовыхъ дѣлахъ, Николай Фукэ (Nicolas Foucquet), который пышностью и блескомъ своей жизни затмѣвалъ дворъ Людовика XIV, заключенъ былъ въ тюрьму. Кары распространены были также на всю родню партизановъ, потому что послѣдніе представляли собою государство въ государствѣ, пожалуй даже надъ государствомъ; будучи ненадежною опорою законнаго правительства въ эпоху смутъ, они являлись заступниками и покровителями княжескихъ кондотьери вродѣ Конде или Орлеана, которые были опаснѣе французскому королю, чѣмъ въ свое время Валленштейнъ императору Фердинанду.

Самую ревностную борьбу за низверженіе партизанства велъ новый генералъ-контролеръ финансовъ Жанъ Баптистъ Кольберъ (см. фиг. 1 таблицы, приложенной къ стр. 119), который сумѣлъ удержаться на своемъ трудномъ посту отъ 1661 года до своей смерти (1683). Первою великою заслугою его было то, что онъ превратилъ многочисленные государственные долги, существовавшіе подъ тысячью различныхъ наименованій и требовавшіе уплаты высокихъ процентовъ, въ единый (консолидированный) пятипроцентный рентовый долгъ; такой методъ примѣненія сравнительно наиболѣе мягкой и скрытой формы государственнаго банкротства во Франціи не былъ новымъ и послѣ Кольбера къ нему еще часто прибѣгали. Передъ задачей погашенія долговъ, также какъ противъ податныхъ привилегій аристократіи и духовенства, Кольберъ былъ безсиленъ, такъ какъ на этомъ зиждилась внѣшняя и внутренняя политика Людовика XIV, а единственнымъ стремленіемъ Кольбера было — быть его вѣрнымъ слугою. Войны же короля-солнца требовали наоборотъ новыхъ займовъ и вновь расшатывали государственное хозяйство, аристократія же и духовенство укрощались при помощи признанія ихъ привилегій и, соблазняемые личными выгодами, они превращались въ своего рода придворныхъ слугъ.

Этимъ знаменуется важный, имѣющій рѣшающее значеніе и для остальной Европы, поворотъ королевской политики. Если до сихъ поръ короли обуздывали притязанія привилегированныхъ сословій благодаря союзу съ буржуазіей, съ третьимъ сословіемъ, то теперь, на вершинѣ своего могущества, они сдѣлали изъ аристократіи и духовенства самую главную опору трона, и это дѣлалось не для того, чтобы выступить противъ прежняго союзника, еще не поднявшаго знамя революціи 1789 года, но для того, чтобы устранить дальнѣйшія столкновенія съ привилегированными сословіями и съ безпристрастной высоты солнечнаго величія воплощать идею всеобъемлющаго государства. И дѣйствительно, въ личности короля воплощалась и находила свое высшее выраженіе государственная власть, противъ которой падало, какъ недѣйствительное, всякое личное или сословное, исключительное право. Правда, королевство того времени, создавшее изъ хаоса самодовлѣющихъ эгоистическихъ стремленій современное централизованное государство, ни въ коемъ случаѣ не утратило представленія о своей спеціальной миссіи, но это сознаніе какъ то стушевалось и отступило на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ привилегированныя сословія стали привлекаться ко двору съ тѣмъ, чтобы увеличить его блескъ и пышность. Иногда еще издавалось то или другое единичное мѣропріятіе съ соціальной подкладкою; такъ Кольберъ, имѣя въ виду интересы наиболѣе угнетеннаго изъ всѣхъ классовъ населенія — крестьянскаго сословія — понизилъ земельную подать (taille); но вообще политика неограниченной монархіи была болѣе направлена на поднятіе общаго благосостоянія, чѣмъ на защиту слабыхъ и притѣсняемыхъ. Увеличеніе

народной зажиточности должно было возвысить могущество государства, а главное, его военныя силы. Въ концѣ концовъ въ основѣ всѣхъ стремленій лежала забота о томъ, чтобы съ внѣшней стороны защитить, увеличить, распространить государство. Видя явное паденіе испанскаго мірового могущества, Франція полагала, что наступилъ удобный моментъ занять мѣсто Испаніи, захватить господство въ Европѣ, на моряхъ и въ колоніяхъ. Великая политическая программа заключала въ себѣ не только зародыши новыхъ войнъ съ испанскими и нѣмецкими Габсбургами, при помощи пораженія которыхъ Франція надѣялась достигнуть тѣхъ „естественныхъ границъ“, въ которыхъ ей отказали ея географическое положеніе и предыдущая исторія, но также поводы къ новымъ столкновеніямъ съ морскими державами того времени, Голландіей и Англіей.

Нигдѣ во всемъ мірѣ королевская власть и нація не достигли такой совершенной солидарности, не были такъ проникнуты однимъ духомъ, какъ это имѣло мѣсто во Франціи Людовика XIV. Всѣ печальныя событія при немъ и при его преемникахъ: паденіе старой королевской власти, великая революція, водвореніе имперіи — являются послѣдствіями пораженія, которое народъ, привыкшій къ побѣдамъ, потерпѣлъ въ борьбѣ съ англичанами. Господство на морѣ никогда не могло быть вырвано изъ желѣзныхъ рукъ соперниковъ. И Франція, также какъ Испанія, Голландія, какъ сама Англія, столѣтія своего существованія принесла въ жертву заманчивой мечтѣ о міровомъ господствѣ, опирающемся на монополію всемірной торговли.

Если Франція, стремившаяся все къ большему господству и смотрѣвшая на побѣжденную Испанію уже какъ на вѣрную добычу, хотѣла оттѣснить Голландію и Англію отъ участія въ міровой торговлѣ, то для этого ей требовалось привести въ движеніе всѣ свои военныя силы и въ то же время воспользоваться всѣми источниками хозяйственныхъ доходовъ. Политика міровой державы нуждалась въ денежныхъ средствахъ, которыя черпались Испаніей изъ эксплоатаціи ея рудниковъ, Голландіей изъ ея посреднической роли въ торговлѣ. И подобно Франціи, соперничающая съ ней Англія и всякое государство, желавшее отстоять свою независимость, должно было искать новыхъ средствъ для боробы. Хозяйственная жизнь, предоставленная сама себѣ и сосредоточивавшаяся вокругъ небольшихъ центровъ, очевидно не могла удовлетворить потребности въ матеріальныхъ средствахъ, въ которыхъ нуждались великія державы теперь, при усилившемся соперничествѣ въ борьбѣ за міровой рынокъ.

Но экономическая политика мелкихъ хозяйственныхъ единицъ: корпорацій, городовъ, территорій и провинцій, давала весьма цѣнныя указанія относительно направленія, котораго должна была бы придерживаться обще-государственная политика, стремящаяся поднять народное благосостояніе. Задача состояла въ томъ, чтобы то, что уже осуществлено было въ маленькомъ масштабѣ, распространить на болѣе широкія сферы, развить, дополнить и усовершенствовать.

И дѣйствительно, меркантилизмъ или, какъ его называютъ по имени его классическаго представителя, кольбертизмъ, былъ лишь систематическимъ проведеніемъ хозяйственно-политическихъ мѣропріятій, которыя давно примѣнялись въ частныхъ, небольшихъ хозяйственныхъ сферахъ. Распространивъ на хозяйственную жизнь народа, которая до сихъ поръ предоставлена была самодовлѣющимъ внутреннимъ силамъ, свои заботы и свою дѣятельность, государство, какъ это всегда бываетъ съ новичками, слишкомъ ревностно принялось за дѣло и игнорировало ту почву, на которой вырастаетъ хозяйственная дѣятельность, создаваемая стремленіями личнаго индивидуальнаго характера и выливающаяся въ самыя разнообразныя формы; почву, которая мало-по-малу создаетъ національное міровое хозяйство. Но въ общемъ меркантилизмъ въ свое время и на

своемъ мѣстѣ, то есть въ Западной Европѣ въ продолженіи XVII и XVIII столѣтія оказался полезнымъ: онъ далъ народамъ и государствамъ то, чего они до сихъ поръ не имѣли и чего они не могли бы достигнуть, оставивъ хозяйственной жизни ея прежній стихійный неурегулированный характеръ. Лишь централизованная государственная власть современныхъ великихъ державъ могла достичь тѣхъ результатовъ, которые недоступны были ни отдѣльнымъ городамъ, ни городскимъ союзамъ, ни мелкимъ территоріямъ Германіи и Италіи, ни самоуправляющимся провинціямъ болѣе крупныхъ политическихъ единицъ; всюду здѣсь въ борьбѣ частныхъ интересовъ погибала большая часть имѣющихся силъ и лишь государственное цѣлое, охватывающее всѣ мелкіе центры, могло устранить внутреннія столкновенія и сдѣлать дѣятельность тѣхъ силъ, которыя его создали, болѣе интенсивной.

Въ виду того, что описаніе меркантильной политики каждаго отдѣльнаго государства привело бы насъ къ повтореніямъ, мы ограничимся примѣромъ Франціи. Кольберъ, водворивъ порядокъ въ области финансовъ и достигнувъ въ концѣ концовъ, не усиливая податнаго бремени, чистаго дохода въ 110 милліоновъ ливровъ (600 мил. франковъ), оказалъ этимъ самымъ Франціи сравнительно наименьшую услугу; въ финансовомъ и народно-хозяйственномъ отношеніи особенную важность имѣла его таможенная политика. Старыя провинціи Франціи на сѣверѣ и западѣ (Иль де Франсъ, Шампань, Бургундія, Пикардія, Нормандія, провинціи: Пуату, Анжу, Мэнъ, Туренъ) въ 1664 году объединены были въ одну таможенную область, послѣ того какъ уничтожены были прежнія внутреннія таможенныя заставы. Молодыя же провинціи (Provinces étrangères) изъ фискальныхъ соображеній сохранили свои особыя таможни. Тарифомъ 1667 года установленъ былъ меркантилистическій принципъ таможеннаго національнаго покровительства. Закрывая чрезмѣрно высокими пошлинами продуктамъ заграничной промышленности доступъ на внутренній рынокъ, правительство желало этимъ самымъ поощрить французскую промышленность къ болѣе высокой производительности и удержать внутри страны деньги, которыя обыкновенно уплывали заграницу. Тѣ отрасли промышленности, на которыя Франція тратила массу денегъ и которыхъ у нея не было, искусственно насаждались и пользовались всяческимъ покровительствомъ, такъ напр. производство зеркалъ и кружевъ—на манеръ венеціанскаго, чулочное производство въ подражаніе англійскому, суконное—голландскому, жестяное и мѣдное—по нѣмецкимъ образцамъ. Между 1667—1683 г. было издано не менѣе 44 указовъ (réglements), заключавшихъ самую точную регламентацію различныхъ условій производства. Кольберъ самъ былъ такого мнѣнія, что тарифы и указы имѣютъ лишь воспитательное значеніе и впослѣдствіи можно будетъ обойтись безъ нихъ; и дѣйствительно Кольберъ своими педагогическими мѣрами достигъ совершенно непредвидѣннаго развитія художественно-техническихъ способностей французовъ. Болѣе прочное значеніе, чѣмъ его указы, имѣло творчество Кольбера въ законодательной области: его торговые законы (Ordonnance du Commerce 1673) и Code noir о рабствѣ въ колоніяхъ.

Но промышленность должна была работать не только для внутренняго, но также по возможности для внѣшняго рынка, для того, чтобы вызвать приливъ денегъ въ страну и поставить Францію въ экономическомъ отношеніи на собственныя ноги, и поэтому необходимо было также обратить вниманіе на торговлю. „Кольберъ, происходившій изъ купеческой семьи“, говоритъ Ранке, „быть можетъ слишкомъ высоко ставилъ значеніе денегъ и наличное владѣніе ими, но онъ умѣлъ свои меркантильныя стремленія согласовать съ цѣлями государства, съ его наиболѣе важными интересами; возвышеніемъ третьяго сословія, объединеніемъ націи и вообще со всѣми требованіями, вытекающими изъ ея мірового положенія“. Онъ содѣй-

ствовалъ развитію внутреннихъ сношеній устройствомъ искусственныхъ путей, каналовъ (Canal du Midi), почты. Внѣшняя торговля поощрялась покровительствомъ вывозу продуктовъ промышленности, ввозу сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ, учрежденіемъ „пакгаузовъ“, свободныхъ портовъ (Марсель, Дюнкирхенъ, Байонна) и морскихъ арсеналовъ. Выстроенъ былъ довольно сильный, постоянный военный флотъ, а торговый флотъ былъ на столько силенъ, что можно было обойтись безъ услугъ голландцевъ въ области судоходства. Однако, въ видахъ охраненія лѣсовъ, Франціи дозволялось покупать суда, выстроенныя заграницей. Національному мореплаванію оказывалось покровительство не только предоставленіемъ ему исключительнаго права береговой и колоніальной торговли, но также установленіемъ дифференціальнаго тарифа, направленнаго противъ иностраннаго мореплаванія.

Большихъ выгодъ для заатлантической торговли Кольберъ ожидалъ также отъ монопольныхъ обществъ, организованныхъ по образцу голландскихъ Но основывать ихъ удавалось лишь съ большимъ трудомъ, и провлачивъ въ теченіе короткаго времени жалкое существованіе, они погибали; ни одно изъ нихъ не достигло значенія англійской или голландской компаніи. Лучше всего шли дѣла у Левантійской компаніи (1670—1690), которая производила свои торговыя операціи изъ Марселя и главнымъ торговымъ пунктомъ которой на востокѣ была Смирна, гдѣ приходилось вести нелегкую борьбу съ голландцами, подчинившими область Средиземнаго моря своему господству. Менѣе посчастливилось Сѣверной компаніи на Балтійскомъ морѣ. Медленно и туго пробивалась Остиндская компанія на юго-востокѣ Азіи, оттѣсняемая голландцами, англичанами, португальцами; а Вестиндское общество, пытавшееся распространить свою дѣятельность по обѣ стороны Атлантическаго океана, черезъ нѣсколько лѣтъ уже прекратило существованіе (1664—74).

Большія трудности политика меркантилистовъ встрѣтила въ области сельскаго хозяйства, въ особенности въ вопросѣ о хлѣбной торговлѣ. Слѣдовало ли просто продолжать политику дешевыхъ цѣнъ, въ интере-потребителей, которой придерживались города, или же примѣнять и здѣсь новые принципы? Тѣ предметы сельскаго хозяйства, которые допускали вывозъ, какъ напр.: вино, масло, фрукты, Кольберъ не отличалъ отъ прочихъ товаровъ; постановленія же его, касающіяся торговли хлѣбомъ и сырьемъ, имѣли въ виду интересы промышленныхъ и торговыхъ классовъ. Сюлли допустилъ свободный вывозъ хлѣба со взиманіемъ обычныхъ пошлинъ. Политика Кольбера, касающаяся хлѣбной торговли, измѣнялась въ зависимости отъ мѣста и времени. По изслѣдованіямъ Нодэ (Naudé) и Шмоллера при Кольберѣ вывозъ хлѣба въ теченіе 56 мѣсяцевъ изъ 168 мѣсяцевъ (13 лѣтъ), которые длилось его управленіе, былъ запрещенъ, а въ теченіе 112 мѣсяцевъ допускался, причемъ вывозныя пошлины то повышались, то понижались.

Подобно Кромвелевской, торговая политика Кольбера была направлена противъ преобладанія Голландіи, существованію которой стала угрожать опасность, когда Людовикомъ XIV, въ союзѣ съ Карломъ I, былъ предпринятъ противъ нея походъ (1672). Освобожденные Вестминстерскимъ миромъ (1674) отъ опасности со стороны англичанъ и подкрѣпляемые нѣмцами, Нидерланды сумѣли отстоять свое положеніе и имъ удалось даже заключить выгодный торговый договоръ (1678). Но для того, чтобы обезопасить себя на будущее время, Вильгельмъ III Оранскій связалъ судьбу Голландіи съ судьбою Великобританіи и такимъ образомъ затихло взаимное торговое соперничество обѣихъ странъ. Послѣ того какъ Вильгельмъ III вступилъ на англійскій тронъ, „морскія державы“ Англія и Голландія сообща стали бороться противъ преобладанія Франціи.

Д. Новая столѣтняя война между Франціей и Англіей.

Незадолго до того, какъ разстроились хорошія отношенія между Франціей и Англіей, умеръ Кольберъ (1683). Кольберъ вернулъ Францію французамъ, т. е. освободилъ хозяйственную жизнь Франціи отъ господства иноземцевъ и сдѣлалъ ее самостоятельною. Но, по мнѣнію Людовика XIV, слѣдовало внести не только въ матеріальныя условія существованія его государства характеръ обособленности, что почиталось имъ какъ основа его могущества, но также въ религіозную жизнь, въ область высшихъ человѣческихъ идеаловъ. Протестантское меньшинство противилось его идеѣ учрежденія галликанской или національно-французской церкви, и поэтому король отмѣнилъ (въ 1685 году) Нантскій эдиктъ и потребовалъ насильственнаго обращенія своихъ подданныхъ, принадлежавшихъ къ реформатской церкви, въ лоно католичества. Вслѣдъ за этимъ, несмотря на запрещеніе переселеній, послѣдовало массовое бѣгство протестантовъ, которые искали защиты въ Швейцаріи, Англіи, Голландіи, Бранденбургѣ. И еще большій вредъ, чѣмъ потеря части населенія, принесло Франціи насажденіе французскаго искусства и французскаго вкуса (шелковые товары, сукна, шляпы, перчатки, стекло, бумага, украшенія и т. п.) во враждебныхъ ей странахъ.

Въ англиканской церкви такъ же, какъ во Франціи, проявился духъ религіозной нетерпимости, но здѣсь правительство не препятствовало эмиграціи, такъ что нонконформисты или диссентеры, включая сюда и католиковъ, могли основать сѣвероамериканскія колоніи, съ которыми Англія завязала столь выгодныя ей монопольныя сношенія. Когда Іаковъ II рѣшился посягнуть на „присяжный актъ“ (test-act), онъ лишился престола и долженъ былъ спастись бѣгствомъ подъ защиту Людовика XIV (1688). Преемникъ Іакова Вильгельмъ Оранскій сталъ во главѣ большого союза противъ Франціи, желавшаго положить конецъ насиліямъ Франціи и возстановить европейское равновѣсіе. Съ этихъ поръ Англія вмѣстѣ съ Голландіей борется противъ Франціи, флотъ которой, предводительствуемый Турвилемъ, былъ разбитъ соединеннымъ флотомъ морскихъ державъ съ Эдвардомъ Росселемъ во главѣ при Ла Гугъ (29 мая 1692 года). Способная выдержать борьбу съ каждымъ изъ своихъ противниковъ въ отдѣльности, Франція потерпѣла пораженіе отъ союзниковъ на морѣ въ третьей морской войнѣ и на сушѣ въ войнѣ за испанское наслѣдство.

Любопытно прослѣдить, какъ военныя событія, сопровождавшія конецъ XVII и начало XVIII столѣтія, отразились на условіяхъ хозяйственной жизни враждующихъ государствъ. Среди грохота орудія основанъ былъ англійскій банкъ и возникъ государственный долгъ; одновременно финансы во Франціи пришли въ такое ужасное разстройство, что нельзя было въ нихъ водворить порядка раньше, чѣмъ вмѣстѣ съ великой французской революціей не наступила расплата.

Послѣ того какъ въ Италіи (въ Генуѣ, Венеціи) возникли первые общественные (городскіе, правительственные) банки, которымъ въ концѣ XVI столѣтія удалось пустить въ оборотъ на мѣсто звонкой монеты банковые билеты или росписки (segni representativi), дальнѣйшее развитіе банковаго дѣла въ XVII столѣтіи перешло къ голландцамъ. Амстердамскій учетный банкъ (1608) сталъ образцомъ всѣхъ банковъ, главною задачею которыхъ было производство разсчетовъ по взаимнымъ платежамъ купцовъ, опираясь при этомъ на прочный банковый курсъ. Въ Англіи и главнымъ образомъ въ Лондонѣ издавна золотыхъ дѣлъ мастера изъ Lombard street занимались банковыми операціями, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоялъ размѣнъ денегъ, что въ ту эпоху страшной путаницы монетныхъ системъ было очень прибыльнымъ. Затѣмъ они прини-

мали вклады, за которые они уплачивали проценты и опять въ свою очередь отдавали взаймы; съ правительствомъ у нихъ тоже были дѣловыя сдѣлки.

Когда Карлъ II въ 1672 г. пріостановилъ платежи (послѣднее государственное банковое банкротство въ Англіи), то золотыхъ дѣлъ мастера (которымъ король долженъ былъ $1^1/_3$ милл. фунтовъ стерлинг.) тоже принуждены были объявить банкротство. Идея основанія общественнаго банка, возникшая уже въ то время, осуществлена была лишь во время третьей французской войны, когда Вильгельму III лишь съ большимъ трудомъ удалось собрать средства для веденія борьбы. Очевидно, что все дѣло было въ отсутствіи правильно организованнаго учрежденія, потому что въ Англіи было скорѣе обиліе, чѣмъ недостатокъ капиталовъ. Въ эпоху реставраціи 1660—1688 г. коммерческія дѣла находились въ блестящемъ положеніи; капиталами иногда злоупотребляли, основывая грандіозныя, отчасти дутыя предпріятія (Bubbles — мыльные пузыри). Послѣ того какъ въ 1692—93 г. полученъ былъ первый милліонъ консолидированнаго государственнаго долга, правительство въ 1694 году заключило новый заемъ ($1^1/_5$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ за $8^0/_0$). Слѣдуя проекту шотландца Вилліама Петерсона, взявшаго за образецъ генуэзскій банкъ San Giorgio, корпорація участвовавшихъ въ ссудѣ государственныхъ кредиторовъ получила право заниматься банковыми дѣлами, за исключеніемъ собственно торговыхъ операцій, и стала выпускать росписки, которыя во всякое время могли быть подаваемы ко взысканію, на подобіе уже пріобрѣтшихъ право гражданства банковыхъ бумагъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Въ скоромъ времени англійскій банкъ сталъ правительству также необходимъ какъ и купеческому міру; онъ и по настоящее время является однимъ изъ главныхъ столбовъ интернаціональнаго кредитно-денежнаго дѣла. Вскорѣ послѣ англійскаго банка былъ учрежденъ также шотландскій банкъ (1695); Шотландія, съ 1603 года соединенная съ Англіей, въ коммерческомъ отношеніи до сихъ поръ разсматривалась какъ иностранное государство и совершенно не пользовалась привилегіями англійскаго подданства; когда въ 1695 году шотландцы сдѣлали попытку самостоятельной колонизаціи на Панамскомъ перешейкѣ въ Даріенѣ, то они потерпѣли пораженіе вслѣдствіе противодѣйствія англичанъ въ 1699 году. Лишь парламентарская унія 1706 года уничтожила обособленность хозяйственной жизни обоихъ королевствъ; но Ирландія по прежнему была исключена изъ союза и съ ней обращались какъ съ заатлантическою колоніей.

Когда съ наступленіемъ XVIII вѣка на очередь выступилъ важнѣйшій вопросъ европейской политики, вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, Великобританія въ дипломатическомъ, военномъ и финансовомъ отношеніи была достаточно вооружена для того, чтобы воспрепятствовать присоединенію испанской монархіи къ Франціи. Въ то время болѣе богатыя морскія державы уже облегчали бѣднымъ капиталами сухопутнымъ державамъ веденіе войны, выдавая имъ денежныя пособія, ссуды: такъ въ войнѣ за испанское наслѣдство (1701—1714) Австрія и Пруссія боролись не только за себя, но, и въ значительной степени, за Англію. Пользуясь формою политическихъ союзовъ, Англія преслѣдовала тайную цѣль по своему усмотрѣнію употреблять силы своихъ союзниковъ или даже злоупотреблять ими, главнымъ же желаніемъ англійскихъ дипломатовъ было постоянно поддерживать и обострять раздоры державъ на материкѣ, для того, чтобы парализованныя взаимными распрями державы не въ состояніи были бы оказывать противодѣйствіе стремленію Англіи къ увеличенію и расширенію ея могущества. Постоянныя враждебныя отношенія между Франціей и Германіей оказали большее содѣйствіе успѣхамъ Англіи, чѣмъ ея собственныя усилія.

Экономическою основою войны за испанское наслѣдство было англо-

французское соперничество за господство на испанскомъ и американскомъ рынкѣ. Уже во время войны Францiя изъ своей товарной торговли съ Испанiей, и черезъ посредство Испанiи съ Южной и Сѣверной Америкою, черпала часть финансовыхъ средствъ, благодаря которымъ она получала возможность, несмотря на упорныя неудачи, продолжать войну до сравнительно благопрiятнаго для нея оборота дѣла. Англiи удалось помѣшать лишь тому, чтобы испанско-американская торговля не стала исключительною добычею ея соперниковъ. Утрехтскiй мiръ (1713) раздробилъ испанскую монархiю, чего всегда желала Англiя: испанскiе Нидерланды, Неаполь, Сардинiя (въ 1720 году отданная въ обмѣнъ за Сицилiю) и Ломбардiя достались дружественной Австрiи; сама Англiя получила важнѣйшiе пункты Средиземнаго моря, Гибралтаръ и Магонъ (на Миноркѣ), по ту сторону Атлантическаго океана ей отдана была Акадiя.

Величайшею побѣдою Англiя однако считала заключенiе договора о поставкѣ негровь (см. т. I, стр. 410), по которому ей, вмѣсто Францiи, предоставлялось исключительное право снабженiя испанской Америки негритянскими рабами. Изъ мелкой льготы—позволенiя присоединять къ флоту съ рабами еще два корабля въ 600 тоннъ съ грузомъ изъ не живого товара—они сумѣли создать доходную статью, игнорируя ограниченiе. Торговля неграми и замаскированная контрабанда обогатили Ливерпуль.

Когда, послѣ окончанiя войны за испанское наслѣдство, правительство сдало монополiю поставки негровъ въ аренду существовавшей съ 1710 года „компанiи Южнаго моря“ (Южнымъ моремъ въ то время называли море по обѣ стороны Южной Америки) наступилъ перiодъ лихорадочныхъ, преувеличенныхъ спекуляцiй, который обыкновенно заканчивается столь же разрушительной, какъ и очищающей воздухъ катастрофою. Акцiи компанiи поднялись послѣ того, какъ она взяла поставку негровъ, и на нихъ былъ большой спросъ, потому что послѣ окончанiя войны англiйскiе капиталы не нужны были больше для государственныхъ займовъ; компанiя хотѣла даже выплатить государственный долгъ. Вскорѣ цѣны на эти акцiи оказались слишкомъ высокими для мелкихъ капиталистовъ, охваченныхъ горячкою биржевой игры. Стали возникать всевозможныя дутыя предпрiятiя, которыя, несмотря на всю свою безсмысленность, пользовались сочувствiемъ общества. Въ концѣ концовъ правительство цѣлымъ рядомъ указовъ положило конецъ этой разрушающей жизнь общества горячкѣ; но когда лопнули „пузыри“ (стр. 116), то этотъ крахъ повлекъ за собою гибель массы мелкихъ состоянiй. „Компанiя Южнаго моря“, акцiи которой упали, стала тоже приходить въ упадокъ, но тѣмъ не менѣе она продолжала влачить свое существованiе еще и послѣ Ахенскаго мира 1748 года, когда ею утрачена была негритянская монополiя.

Внѣшнiя побѣды обусловливались здоровымъ направленiемъ внутренней политики, обновившейся послѣ 1688 года. Правда, казалось, что страна является игрушкою въ рукахъ борющихся партiй, тори и виговъ; къ тому же система многоголоваго парламентаризма повидимому была менѣе удобною, чѣмъ единоличный деспотизмъ во Францiи. Но именно соглашенiе между престоломъ и парламентомъ, воцарившееся вмѣстѣ съ Вильгельмомъ III, создало для страны возможность кредита, при помощи котораго могло произойти образованiе безпримѣрнаго, консолидированнаго государственнаго долга; пока длилась борьба между королемъ и парламентомъ, государство пользовалось такимъ ничтожнымъ кредитомъ, что не могло быть и рѣчи о мiровой политикѣ во вкусѣ Вильгельма III и Анны. Виги смотрѣли на англiйскiй банкъ какъ на дѣло рукъ своихъ, они интересовались государственными займами потому, что война за наслѣдство была для нихъ партiйнымъ вопросомъ. Тори въ свою очередь гордились выгодными мирными договорами 1713 и 1714 года; то были chef d'oeuvre'ы дипломатическаго искусства ихъ вождя Болингброка. Противуположность

хозяйственныхъ интересовъ обѣихъ партій помѣшала односторонности торговой политики. Правда, тори состояли преимущественно изъ землевладѣльцевъ, представителей аграрныхъ интересовъ, но они не отмѣняли покровительственныхъ пошлинъ, ввозныхъ запрещеній и торговыхъ привилегій, которыми виги—промышленники, купцы, рантьеры, старались обезпечить свои интересы. Зато тори сельскохозяйственными покровительственными пошлинами могли поддерживать высокую доходность земли, такъ что имъ не приходилось ополчаться противъ національной формы меркантилизма, какъ напримѣръ французскимъ сельскимъ хозяевамъ. Въ Англіи господствовала своеобразная, національная торговая политика, которую Вильгельмъ Лексисъ обозначаетъ какъ „систему солидарнаго покровительства".

Общая сумма англійскихъ торговыхъ оборотовъ въ теченіе столѣтія отъ Вильгельма III до французской революціи приблизительно утроилась; они возросли отъ 12 милліоновъ до 36 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Первое мѣсто занимала европейская торговля, за нею слѣдовали американская, азіатская и наконецъ африканская. Если бы не произошло одновременно съ ростомъ торговли переворота въ области промышленной техники, англичанамъ врядъ ли удалось бы покрыть ввозъ вывозомъ.

Въ XVI вѣкѣ въ англійской промышленности распространилась система домашняго производства (см. стр. 106) и до начала XIX столѣтія она господствовала въ старыхъ отрасляхъ производства. Какъ прежде, такъ и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, Англія отставала отъ Европы и за это время на материкѣ образовалась новая система производства: крупное фабричное производство. Происхожденіе фабрикъ не доступно историческому изслѣдованію. Можно сказать только то, что нѣкоторыя новыя, позднѣйшаго происхожденія отрасли промышленности, или такія, которыя сравнительно недавно получили распространеніе, не были приняты въ цеховыя организаціи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ по техническимъ условіямъ допускали крупное производство, въ нихъ вводилось фабричное устройство. Такъ, къ характеру фабричнаго производства приближались еще съ XIV столѣтія извѣстныя бумажныя мельницы, горные промыслы, связанные съ горнымъ дѣломъ, льнопрядильныя и ткацкія мастерскія, обрабатывавшія привозимое съ Востока сырье, книгопечатаніе, пивовареніе, сахарные заводы. Система фабричнаго производства въ ея чистомъ видѣ примѣнялась въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя учреждались по иниціативѣ Кольбера и его подражателей съ цѣлью насадить внутри страны производство такихъ продуктовъ, которые до сихъ поръ были предметомъ ввоза изъ заграницы. Тамъ гдѣ прививалась система меркантилизма, основывались производства зеркалъ, ковровъ (гобелены), шелка, солдатскихъ суконъ, фарфора и табака, частью въ видѣ казенныхъ, частью въ видѣ частныхъ предпріятій (по поводу французскихъ гобеленовыхъ мастерскихъ см. пояснительный текстъ къ картинѣ „Аудіенція Киджи у Людовика XIV", томъ VII, часть 2). Большее или меньшее процвѣтаніе ихъ зависѣло отъ свойствъ страны и ея населенія; не всюду можно было встрѣтить такую способность къ художественнымъ ремесламъ, какъ у итальянцевъ, верхнегерманцевъ, французовъ; впрочемъ рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отстранилъ въ XVII столѣтіи первые два народа отъ участія въ соперничествѣ на міровомъ рынкѣ.

Въ Англіи фабричное устройство вплоть до XVIII столѣтія существовало лишь въ металлургическихъ предпріятіяхъ, расположенныхъ внѣ городовъ, этихъ крѣпостей мелкаго цехового производства. Слѣдуя примѣру Додда Дедлея (около 1620 года), въ металлургической промышленности было введено употребленіе каменнаго угля. Но важнѣйшія производства, доставляющія продукты вывоза, какъ напр. шерстепрядильное и льнопрядильное, кожевенныя производства и т. д. еще сохранили слѣды

Объясненіе портретовъ на оборотѣ.

---

1. **Жанъ Батистъ Кольберъ,** род. въ Реймсѣ 29 августа 1619 года, съ 1648 г. служилъ въ конторѣ государственнаго секретаря Мишеля Ле Телье, въ 1654 г. по протекціи Мазарини сталъ государственнымъ совѣтникомъ и секретаремъ королевы, съ 1661 оберинтендантъ финансовъ, съ 1665 г. генеральный контролеръ финансовъ, съ 1669 г. министръ, оберинтендантъ королевскихъ сооруженій, изящныхъ искусствъ и фабрикъ, впослѣдствіи кромѣ того завѣдывалъ морскимъ департаментомъ; возведенъ въ санъ маркиза де Сеньелэй; умеръ 6 сентября 1683 года въ Парижѣ.
(Рисунокъ Филиппа де Шампэнь, гравюра Нантейля, 1662 г.)

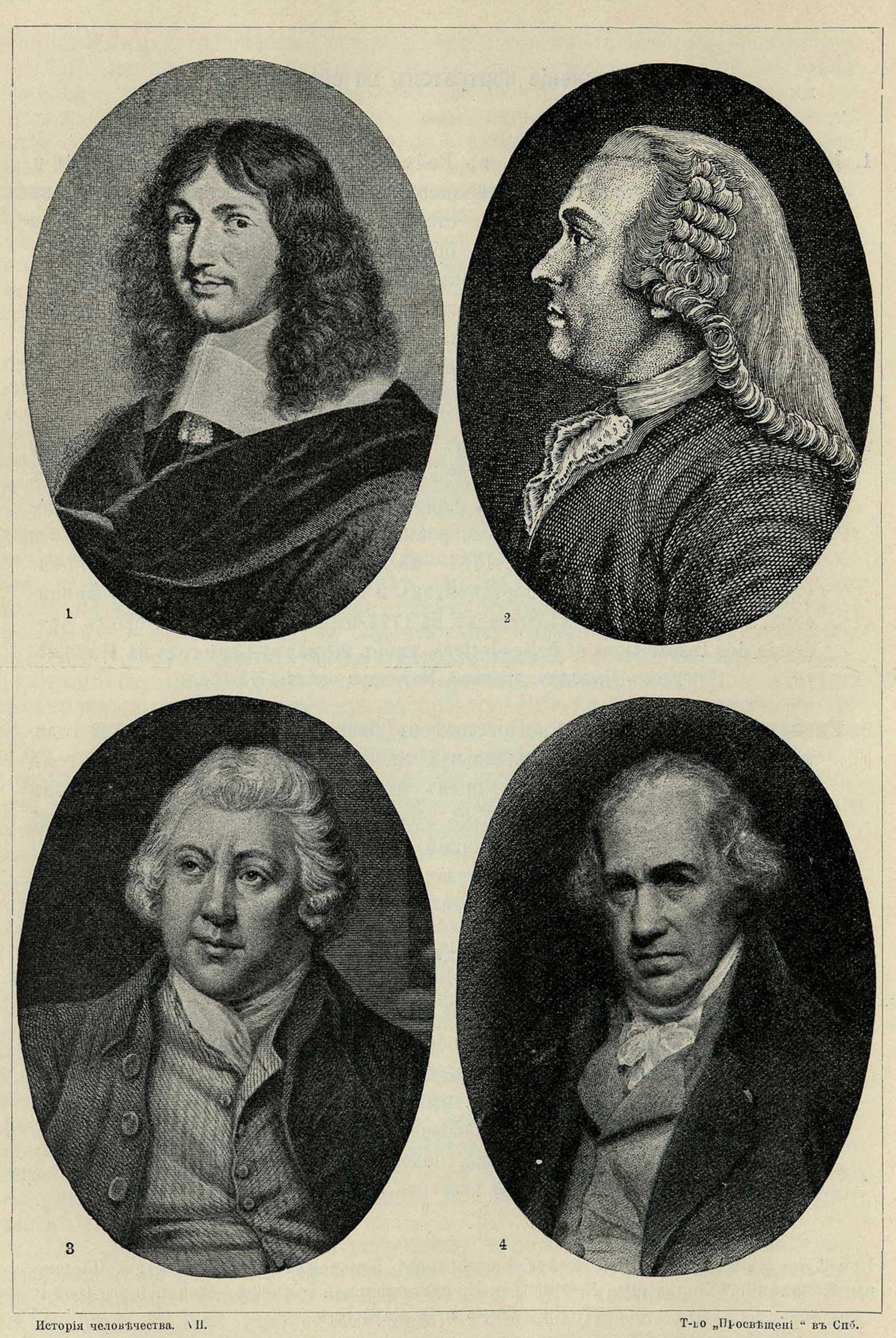
2. **Аннъ Роберъ Жанъ Тюрго,** баронъ де л'Онъ, род. въ Парижѣ 10 мая 1727 года, съ декабря 1749 г. пріоръ Сорбонны, съ 1751 г. оставилъ духовное званіе и поступилъ въ чиновники, въ 1752 г. помощникъ генералъ прокуратора и совѣтникъ парламента съ 1753 maître des requêtes и членъ королевской палаты, 1761—63 интендантъ въ Лиможѣ, въ 1774 г. управляющій военнымъ департаментомъ и генеральный контролеръ финансовъ, въ 1776 г. получилъ отставку, въ 1777 избранъ вице-директоромъ Académie des Inscriptions et belles lettres, умеръ 20 марта 1781 года въ Парижѣ.
(Рисунокъ Панилли, гравюра Марсильи около 1775 года).

3. **Ричардъ Аркрайтъ,** род. въ Престонѣ въ Лэнкаширѣ 23 декабря 1732 года, построилъ въ 1768 году прядильную машину и основалъ въ Ноттингемѣ прядильную мастерскую съ коннымъ двигателемъ, въ 1771 г. устроилъ вторую крупную мануфактуру, съ водянымъ двигателемъ въ Кромфордѣ въ Дербиширѣ. Въ 1786 г. старшій шерифъ въ Дербиширѣ, вскорѣ возведенъ въ званіе рыцаря (сэръ), умеръ 3 августа 1792 года въ Кромфордѣ.
(Рисунокъ Врайта, гравюра Поссельвайта).

4. **Джемсъ Уаттъ,** родился въ Гринкокѣ въ Шотландіи 19 января 1736 года, съ 1654 г. механикъ въ Глазговѣ, 1756 г. въ Лондонѣ, въ 1757 г. университетскій механикъ въ Глазговѣ (до 1764 года), землемѣръ и гражданскій инженеръ (до 1774 года), изобрѣлъ въ 1765 г. отдѣльный конденсаторъ съ воздушнымъ насосомъ, въ 1774 г. устроилъ фабрику машинъ въ Сого близъ Бирмингама, въ 1784 г. изобрѣлъ параллелограммъ и примѣнилъ передачу движенія поршня вращающемуся валу; умеръ 19 августа 1819 г. въ Гимфильдѣ близъ Бирмингама, похороненъ въ Гендсуортѣ.
(Съ картины сэра Вильяма Бичи рисунокъ В. Эванса и гравюра Пикара.)

---

1. и 2. по „Allgemeines Historisches Porträtwerk" Вольдемара ф. Зейдлица; 3. По гравюрѣ, изданный Вильямомъ Мэкензи; 4. По оригинальной гравюрѣ, изданной въ 1809 г. Т. Каделлемъ и В. Дэвисомъ.



Исторія человѣчества. VII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Четыре реформатора промышленности: 1) Кольберъ; 2) Тюрго; 3) Аркрайтъ; 4) Уаттъ.

системы домашняго производства. Даже тѣ отрасли промышленности, которыя насаждались въ Англіи гугенотами, приспособлялись къ господствовавшимъ въ Англіи формамъ производства, такъ напр. выдѣлка шелка въ Спитальфильдѣ. Въ Англіи хотя и существовали ткачи, но эта вѣтвь текстильнаго производства имѣла небольшое значеніе, такъ какъ ввозъ изъ Остиндіи не допускалъ ея расцвѣта. И все же именно хлопчатобумажному производству было предназначено подчинить весь міръ англійскому промышленному господству. И это сдѣлалось возможнымъ только благодаря тому, что для этой отрасли промышленности, чуждой цеховой организаціи, дѣлались открытія, которыя произвели переворотъ въ промышленномъ производствѣ вообще. Этими открытіями обусловился переходъ отъ чисто фабричнаго крупнаго производства къ машинному крупному производству.

Эпоха крупныхъ открытій началась изобрѣтеніемъ прядильныхъ машинъ Уатта, Аркрайта, Гаргрева, Кламптона, затѣмъ ткацкой машины Кэя (челнокъ) и Картрайта (станокъ). Фабрики Ричарда Аркрайта (см. его портретъ на приложенной картинѣ, слѣва внизу), которыя стали основываться съ 1768 года и приводились въ движеніе сначала лошадиной силой, а затѣмъ силою воды, доставили своему учредителю такія богатства, что опытъ примѣненія крупнаго машиннаго производства долженъ былъ быть признаннымъ безспорно удачнымъ. Въ то же время Джемсъ Уаттъ (см. портретъ его на таблицѣ, справа внизу) сумѣлъ дать надлежащую конструкцію паровой машинѣ, къ изобрѣтенію которой подходили уже въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій и которая въ продолженіе ста лѣтъ была уже извѣстна. Изъ машинной фабрики Уатта-Бультона у Сого при Бирмингамѣ вышли первыя паровыя машины, которыми стали пользоваться въ прядильныхъ, ткацкихъ, пивоварняхъ, на мельницахъ, въ прокатныхъ мастерскихъ и т. п. Тѣмъ временемъ керамика тоже приспособилась къ формѣ фабричнаго производства (фаянсовая фабрика „Этрурія“ Іосіи Веджвуда въ Стаффордширѣ). Скоро не было ни одной отрасли промышленности, въ которой не установилась бы новая форма производства. И при обработкѣ овечьей шерсти, льна и шелка стали тоже слѣдовать пріемамъ, введеннымъ въ хлопчатобумажной промышленности.

Еще въ XVI в. Британскимъ островамъ приходилось нести коммерческое иго иностранцевъ, отчасти облегченное изгнаніемъ ганзейцевъ. Въ XVII в. Англія сравнялась съ сильными въ экономическомъ отношеніи голландцами и, оказавъ посильное содѣйствіе паденію Испаніи, она приступила къ борьбѣ съ Франціей за обладаніе заатлантическими колоніями и различными торговыми привилегіями. Борьба еще не была закончена, когда поразительный подъемъ духовной энергіи англичанъ создалъ тѣ нововведенія, тѣ новыя формы въ производствѣ, которыя сообщили англійской промышленности завоевательную силу.

Ареной завоевательныхъ дѣйствій могъ служить не только европейскій континентъ, но преимущественно область юго-восточной Азіи, гдѣ англійско-остиндская монопольная компанія подвизалась уже въ теченіе 150 лѣтъ, не достигая замѣтныхъ результатовъ. Компанія эта, которой приходилось вести трудную борьбу противъ португальцевъ и голландцевъ, часто, такъ напр. въ эпоху Кромвеля, была близка къ гибели. При Вильгельмѣ III ей угрожала конкурренція другой компаніи, выдвинутой противъ нея вигами, пока не произошло сліяніе обѣихъ компаній (1701). Наступили болѣе счастливыя времена, такъ какъ царство Великаго Могола распалось на свои составныя части. Правда, вмѣстѣ съ этимъ началось соперничество французовъ, но французскіе дѣятели (Бертранъ Магè де Лабурдоннэ, Жозефъ Дюплейксъ, графъ Тома Артюръ Лалли де Толлендаль) получали такую скудную поддержку изъ своей родины и были такъ опутаны всевозможными интригами, что не могли завоевать себѣ проч-

наго положенія. Когда компанія подчинила своему вліянію необъятную Индію, правительство увидѣло себя вынужденнымъ подвергнуть чрезмѣрно самостоятельное общество своему надзору. Осуществлено это было указомъ лорда Фредерика Норта (1773) и остиндскимъ биллемъ младшаго Питта (1784). Но мѣстомъ сбыта для англійскихъ фабрикантовъ Остиндія стала лишь тогда, когда совершилось освобожденіе торговли (1814); тѣмъ временемъ англійская промышленность, благодаря развитію машиннаго производства, дешевизнѣ и доброкачественности своихъ продуктовъ, могла одержать побѣду надъ произведеніями остиндскаго ручного труда, несмотря на баснословно низкія издержки производства послѣдняго.

Однако и Франція, которая послѣ войны за испанское наслѣдство и Семилѣтней войны потеряла свои сѣверо-американскія владѣнія (Канада, область Миссиссипи) и одновременно съ этимъ, въ результатѣ своего соперничества съ Англіей, должна была отказаться отъ Остиндіи, эта Франція сдѣлала тѣмъ не менѣе въ XVIII стол. громадные успѣхи въ области промышленности и торговли. Правда, съ финансами, начиная со второй половины жизни Людовика XIV, дѣло обстояло очень плохо. Сейчасъ же послѣ окончанія войны за испанское наслѣдство, правительство прибѣгло къ мѣропріятіямъ, которыя привели къ банкротству. Но несчастья обрушились главнымъ образомъ на наслѣдниковъ старыхъ партизановъ (стр. 110), къ которымъ никто не чувствовалъ состраданія. Зато бѣдственное положеніе низшихъ классовъ глубоко трогало сердца патріотовъ, которые умѣли возвыситься надъ своими сословными интересами. Но не всѣ слои населенія пострадали отъ войны. Послѣ заключенія мира произошло накопленіе капиталовъ здѣсь, также какъ въ Голландіи или Англіи, и у обладателей этихъ капиталовъ проснулась жажда къ безграничной наживѣ. Во время регентства принца Филиппа Орлеанскаго на встрѣчу разгорѣвшейся страсти къ спекуляціямъ явилась новая система Джона Ло. Шотландецъ Джонъ Ло основалъ два акціонерныхъ общества: ассигнаціонный банкъ (1716) и колоніальное общество Compagnie d'occident (1717, называемое обществомъ Миссиссипи), къ которому онъ присоединилъ остатки остиндско-китайскаго общества подъ названіемъ Compagnie des Indes (1719). Банкъ этотъ, пользовавшійся покровительствомъ правительства (Ло самъ сдѣланъ былъ генералъ-контролеромъ финансовъ), въ концѣ концовъ стремился даже къ возврату государственнаго долга; въ то же время онъ наводнялъ Францію банковыми билетами, звонкая же монета мало по малу забиралась въ государственныя кассы. Въ концѣ концовъ въ виду того, что выкупъ облигацій сталъ невозможнымъ, онѣ утратили свою цѣнность и были изъяты изъ курса. Акціями Миссиссипіевскаго общества, которое само по себѣ никакихъ дѣлъ не дѣлало, стали пользоваться для игры на повышеніе и пониженіе, и, при номинальной цѣнѣ въ 500 ливровъ, цѣна ихъ по курсу достигла 20,000 ливровъ. Когда правительство, желая положить предѣлъ безумной игрѣ, сдѣлало попытку постепенно понижать курсъ, наступилъ внезапный переворотъ общественнаго мнѣнія: всѣ наперерывъ спѣшили освободиться отъ этихъ акцій, такъ что по прошествіи нѣкотораго времени ихъ можно было пріобрѣтать по 20 франковъ за штуку. Джонъ Ло тѣмъ временемъ бѣжалъ и всѣ его предпріятія, одно за другимъ, рушились. Два поколѣнія хорошо помнили урокъ, данный имъ въ 1720 году: банки и кредитные знаки были запрещены, и только третье поколѣніе, поколѣніе революціонеровъ, было уже лишь поверхностно знакомо съ тѣми событіями, и приключеніе Джона Ло было внесено ими въ списокъ грѣховъ Ancien Régime'а.

Военныя и финансовыя неудачи никогда не мѣшали французамъ ясно понимать свои частно-хозяйственныя выгоды; какъ будто существовалъ особенный у французовъ даръ — наживать богатства. Сред-

нее мѣсто между тѣми вершинами соціальной лѣстницы, на которыхъ привилегированныя касты, свободныя отъ земныхъ заботъ, наслаждались жизнью, и ея низшими ступенями, на которыхъ угнетенные классы влачили свое жалкое, оскорбляющее званіе человѣка, существованіе, занимала буржуазія, все возроставшая въ количественномъ отношеніи: промышленники, торговцы, ученые, удручаемые тѣмъ, что въ государственной жизни они не занимаютъ того положенія, на которое они, въ силу своего матеріальнаго и духовнаго значенія, имѣютъ право. Дѣятели въ области промышленности доставили Франціи первенствующее положеніе въ Европѣ; расцвѣтомъ своей вывозной торговли Франція обязана имъ. Внѣшняя торговля Франціи XVIII столѣтія, несмотря на всѣ, переживаемыя ею внутреннія неурядицы, увеличилась въ пять разъ, торговля съ колоніями увеличилась даже въ десять разъ, несмотря на уменьшеніе площади колоній. Но среди колоній, которыя остались за французами, находились настоящія жемчужины: важнѣе всѣхъ былъ Санъ Доминго (восточная область, уступленная Франціи въ 1697 году, испанскаго Гаити или Гиспаньолы), также Гваделупа и Мартиника въ Вестиндіи, Реюніонъ въ Индійскомъ океанѣ. Въ 1789 году торговля Франціи съ ея колоніями превосходила торговлю Англіи приблизительно на 150 милл. ливровъ.

Еще разъ въ XVIII столѣтіи Франціи представился случай вернуть утраченныя въ борьбѣ съ Англіей колоніи, когда во время сѣверо-американской войны за независимость три морскія державы, оттѣсненныя Англіей на второй планъ: Франція, Голландія, Испанія, заключили союзъ съ отпавшими Американскими штатами. И дѣйствительно по Версальскому миру (1783) Франція получила обратно область Сенегала, Табаго и Пондишерри, Испанія — Менорку и Флориду; но торговля съ освободившимися теперь Соединенными Штатами осталась въ рукахъ британцевъ, хотя доступъ къ нимъ былъ открытъ кораблямъ и торговымъ людямъ всѣхъ національностей.

Въ теченіе послѣднихъ столѣтій XVIII столѣтія стали распространяться уже болѣе свободныя воззрѣнія на международныя торговыя отношенія, на торговлю съ собственными и чужими колоніями. Блескъ англійскаго акта о мореплаваніи и Кольберовскихъ традицій, въ теоріи по крайней мѣрѣ, сильно потускнѣлъ. Когда во время Семилѣтней войны заключенъ былъ семейный договоръ Бурбоновъ (1761), всѣмъ подданнымъ принадлежащихъ этой династіи странъ даровано было право взаимности въ торговыхъ дѣлахъ. Незадолго до революціи, послѣ того какъ новыя фритрэдерскія идеи уже получили всеобщее признаніе, между Англіей и Франціей заключенъ былъ торговый договоръ, такъ называемый эденскій договоръ 1787 года, по которому строго покровительственныя пошлины должны были быть понижены и уничтожены многія запрещенія, касающіяся ввоза товаровъ. Дальнѣйшему развитію системы договоровъ положила конецъ великая революція; она вновь разожгла также старыя распри на почвѣ соперничества изъ за морского господства.

E. **Германія, Пруссія и Австрія.**

Въ то время какъ Голландія, Англія и Франція мѣрили свои силы и крѣпли въ борьбѣ за всемірно-торговое господство, въ Германіи національная жизнь находилась въ такомъ упадкѣ, что священная римская имперія германской націи, которая когда то сама лелѣяла мечту мірового господства, стала добычею западноевропейскихъ народовъ-властелиновъ. Уже къ концу XVI столѣтія всюду стали проявляться симптомы паденія: Ганза угасала медленною смертью могущество верхне-германскаго капитала было сломлено. Съ этой эпохою слабости и безсилія совпала Тридцатилѣтняя война, которая превратила Германію, страну съ самымъ густымъ населеніемъ, съ самыми благодарными естественными условіями,

въ почти безлюдную пустыню. Въ то время какъ земледѣліе во многихъ мѣстахъ требовало вновь тщательной, предварительной обработки земли и пока лишь непроизводительно поглощало рабочую силу народа, нѣмецкая промышленность безъ посторонней помощи не въ силахъ была возвыситься надъ мѣстными ограниченіями, преодолѣть которыя въ состояніи лишь крупные капиталы, и нѣмецкая торговля желѣзными цѣпями была связана съ интересами заграницы. Расположенная по обѣ стороны Рейна, западная область Германіи досталась голландцамъ, которые закрыли доступъ къ устьямъ Рейна и Шельды, вслѣдствіе чего испанскіе (съ 1714 года) и австрійскіе Нидерланды (Бельгія) были отрѣзаны отъ міровыхъ сношеній. Черезъ западъ Германіи къ концу XVII столѣтія стали проникать моды и предметы роскоши, производимые французскою промышленностью, такъ какъ съ эпохи Людовика XIV Франція заступила мѣсто Италіи въ области художественнаго вкуса и стала законодательницей модъ. Явнымъ признакомъ несамостоятельности германскаго запада было то, что ярмарки во Франкфуртѣ на Майнѣ, имѣвшія въ XVI столѣтіи европейское значеніе, совершенно заглохли. Изъ Гамбурга, гдѣ „предприниматели“ еще въ XVI столѣтіи заняли позицію, англичане распространяли свое господство вплоть до Саксоніи и Силезіи. Если города, расположенные у Нѣмецкаго моря, которыми пользовалась заграничная торговля для своихъ цѣлей, сравнительно благополучно пережили худшія времена экономическаго рабства и въ XVIII столѣтіи оказались способными вновь принять самостоятельное участіе въ міровыхъ сношеніяхъ, то зато порты Балтійскаго моря, съ Любекомъ, когда то царившимъ на сѣверѣ, во главѣ, мало по малу совсѣмъ утратили всякое значеніе; одинъ лишь Данцигъ, стоявшій подъ польскимъ патронатомъ, остался важнымъ пунктомъ вывозной торговли изъ богатой продуктами области Вислы, хотя и Данцигъ, подобно Гамбургу, захваченъ былъ сѣтью голландскихъ и англійскихъ хозяйственныхъ интересовъ.

Чѣмъ рѣшительнѣе въ сторону принциповъ меркантилизма склонялись также и нѣмецкія правительства, тѣмъ труднѣе приходилось мелкимъ княжествамъ и въ особенности имперскимъ промышленнымъ городамъ вродѣ Нюрнберга; со всѣхъ сторонъ они опутывались такою сѣтью всевозможныхъ пошлинъ и запрещеній, что имъ приходилось по неволѣ отказываться отъ участія въ соперничествѣ на чужихъ рынкахъ. Прежде всего въ Германіи не доставало того единообразія, которое устанавливалось съ абсолютизмомъ и абсолютистическимъ меркантилизмомъ. Всѣ эти крошечныя государства, за которыми Вестфальскій миръ призналъ права полнаго суверенитета, подражали политикѣ, которая, получивъ пышное развитіе въ крупныхъ державахъ западной Европы, теряла всякій смыслъ въ мелкихъ политическихъ единицахъ. Лишь въ Пруссіи и Австріи система меркантилизма могла имѣть успѣхъ, и именно тотъ успѣхъ, который являлся наиболѣе желательнымъ: созданіе изъ многообразныхъ, династически объединенныхъ территорій болѣе крупнаго хозяйственнаго цѣлаго, перевоплощеніе конгломерата или аггрегата въ живое органическое цѣлое.

Правда, во главѣ старой германской имперіи стояли еще императоръ и, ставшій съ 1663 года постояннымъ, рейхстагъ. Но въ XVI в. имперскія реформы, также какъ и имперскіе финансы и имперское войско, не вышли изъ зачаточнаго состоянія, такъ что столь благодѣтельные указы, касающіеся имперской монетной системы (1524—1551—1558), не могли быть проведены, и въ XVII в. наступилъ полный застой въ дѣятельности имперскихъ учрежденій. Даже тѣ ужасныя неурядицы въ монетномъ дѣлѣ, имѣвшія мѣсто къ началу 30-лѣтней войны — безчинства переплавщиковъ и перечеканщиковъ монетъ, не могли подвинуть имперскую власть на вмѣшательство съ цѣлью водворенія порядка. Она отказалась отъ своихъ правъ

въ пользу территоріальныхъ князьковъ. Сознаніе общности жизненныхъ интересовъ поддерживалось въ Германіи лишь турецкими и французскими войнами; тѣмъ поразительнѣе былъ законодательный актъ въ политико-экономической области, на который имперія рѣшилась, правда, послѣ полувѣковыхъ переговоровъ, актъ, который является единственнымъ въ своемъ родѣ: законъ объ имперской промышленности 1731 г. „Произошло неслыханное событіе", говоритъ Густавъ Шмоллеръ: „послѣ ряда столѣтій Германская имперія собралась съ силами и издала обязательное для всей страны постановленіе. Этимъ было преодолѣно важнѣйшее затрудненіе на пути къ реформѣ ремесленныхъ организацій. Правда, дальнѣйшее теченіе событій показало, что общеимперское законодательство при отсутствіи общеимперской исполнительной власти является, въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы витьемъ веревокъ изъ воды".

Дѣйствительно, цеховыя и ремесленныя организаціи въ той формѣ, въ какой онѣ изъ эпохи средневѣковаго цехового хозяйства перешли въ эпоху меркантилизма, представляли собой анахронизмъ. Онѣ должны были по крайней мѣрѣ быть приспособлены къ потребности общегосударственной хозяйственной жизни. Нѣкогда, въ XIII и XIV вѣкѣ, ремесленники и мелкіе торговцы объединились со своими товарищами по профессіи въ самодовлѣющія корпораціи, какъ для того, чтобы устранить взаимную и иностранную конкурренцію, такъ и для того, чтобы уничтожить капиталистическое господство городскихъ родовъ. Затѣмъ отъ ремесленныхъ корпорацій дѣло упорядоченія производственныхъ отношеній перешло къ городу, но къ тому времени образовались союзы цеховыхъ организацій, изъ которыхъ нѣкоторые распространились на всю страну и даже за ея предѣлы. Но эти корпораціи въ концѣ концовъ преслѣдовали главнымъ образомъ лишь выгоды мастеровъ и даже лишь наиболѣе зажиточныхъ изъ нихъ, и вслѣдствіе этого подмастерья рѣшили объединиться въ собственныя общества, которыя отъ XV вплоть до XVIII столѣтія вели ожесточенную борьбу противъ мастеровъ. Противъ гибельныхъ послѣдствій такого положенія вещей направлены были во Франціи уже при Генрихѣ III (1581) и Генрихѣ IV (1597) ремесленные законы. Здѣсь, какъ и въ Англіи, правительство умѣло при помощи своей законодательной и административной дѣятельности подчинять себѣ ремесленные цехи, какъ и вообще промышленную жизнь страны. Правда, нѣмецкіе князья имѣли тоже благое намѣреніе освободить Германію отъ злоупотребленій цеховъ, но такъ какъ цеховые союзы и союзы подмастерьевъ выходили за предѣлы территоріальныхъ границъ ихъ владѣній, то имъ удалось добиться результатовъ лишь послѣ выхода въ 1731 году общеимперскаго закона, предписывающаго отдѣльнымъ правительствамъ Германіи одинаковые принципы въ борьбѣ съ этими безпорядками, возбуждавшими всеобщій ропотъ. Конечно, большая или меньшая успѣшность этой борьбы зависѣла отъ энергіи, мудрости, силы территоріальныхъ князей, которымъ ввѣрены были счастье и благо раздробленнаго нѣмецкаго народа.

Значеніе мелкихъ и среднихъ князей Германіи нисколько не умаляется констатированіемъ факта, что дѣятельность ихъ представляется менѣе важною въ сравненіи съ событіями, имѣвшими мѣсто въ Пруссіи и Австріи съ тѣхъ поръ, какъ эти государства стали придерживаться меркантилистической политики, т. е. съ конца XVIII столѣтія. Въ этихъ двухъ государствахъ, взаимное соперничество которыхъ начинается вмѣстѣ съ попытками ихъ монарховъ поднять производительность въ своихъ отсталыхъ странахъ при помощи западноевропейской системы меркантилизма, лежитъ центръ тяжести нѣмецкой жизни въ отношеніи какъ внѣшней такъ и внутренней политики.

Великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ (1640—1688), бывшій родоначальникомъ прусскаго военнаго могущества, былъ въ то же

время основателемъ новой экономической политики, стремившейся возвыситься надъ обычными узкими рамками правительственной дѣятельности мелкихъ территоріальныхъ княжествъ. Своими планами объ усиленіи флота и пріобрѣтеніи колоній, онъ отдалъ дань духу своего времени, но онъ не умѣлъ сообразоваться съ темпомъ естественнаго развитія, поэтому поспѣшно основанныя имъ колоніи на Гвинейскомъ берегу (Гросфридрихсбургъ) и на островѣ Аргуинъ были имъ вновь утрачены. Да и кромѣ того голландцы и французы недоброжелательно смотрѣли на новаго соперника. Въ исторіи развитія средствъ сообщенія Великій курфюрстъ прославился какъ учредитель прусской почты и системы каналовъ, соединяющихъ восточно-германскія рѣки. Мюльрозерскимъ каналомъ онъ направилъ сношенія между Одеромъ и Эльбой въ сторону быстро растущей столицы — Берлина.

Внукъ его, король Фридрихъ Вильгельмъ I, положилъ начало образованію прусскаго чиновничества и подалъ примѣръ того, какъ правительство можетъ удовлетворить всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ требованіямъ, не только не дѣлая долговъ, но даже умѣя сохранить излишки для составленія запасныхъ капиталовъ. Такъ какъ послѣ опустошеній 30-лѣтней войны выше всего цѣнилась человѣческая жизнь, то Фридрихъ Вильгельмъ I принималъ въ своихъ странахъ бѣглецовъ, какъ напр. зальцбургскихъ протестантовъ (20,000 душъ), изгнанныхъ ихъ нетерпимымъ архіепископомъ Фирміаномъ; собственно уже Великимъ курфюрстомъ была начата внутренняя колонизація пріемомъ эмигрировавшихъ гугенотовъ, которые впослѣдствіи на прусской почвѣ насадили французскую промышленность, въ то время какъ зальцбургскимъ протестантамъ, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, отведены были земли преимущественно въ восточной Пруссіи. Гуситскіе чехи и швейцарскіе реформаты нашли въ Пруссіи вторую родину. Будучи противникомъ вывоза денегъ, а вслѣдствіе этого также ввоза иностранныхъ фабрикатовъ (т. напр. бумажнаго платья), Фридрихъ Вильгельмъ I поощрялъ отечественное суконное производство. Основана была „русская компанія“ для веденія суконной торговли съ московскимъ царствомъ и выстроены берлинскіе склады, куда мелкіе производители могли поставлять свои товары, послѣ того какъ послѣдніе подвергались тщательному осмотру.

Послѣ то какъ Фридрихъ II въ Силезскихъ войнахъ израсходовалъ отцовское войско и казну, надо было вновь позаботиться о пріобрѣтеніи средствъ; но лишь въ мирное время, наступившее послѣ окончанія Семилѣтней войны въ 1763 г., онъ могъ приступить къ осуществленію своихъ хозяйственныхъ плановъ. И Фридрихъ II, этотъ величайшій король XVIII столѣтія, этотъ наиболѣе проницательный и просвѣщенный абсолютистъ, былъ меркантилистомъ, т. е. воспитателемъ народа въ хозяйственно отсталой странѣ. Главной цѣли внѣшней торговой политики, актива въ балансѣ, ему удалось достичь безъ труда: вывозъ ежегодно превышалъ на 4—5 милл. талеровъ ввозъ. Но завязать заокеанскія связи ни ему, ни основаннымъ имъ въ Эмденѣ азіатскимъ компаніямъ не пришлось. Бо́льшій успѣхъ выпалъ на долю учрежденныхъ для внутреннихъ потребностей страны торговыхъ и кредитныхъ обществъ, гл. обр. Берлинскаго банка, Общества морской торговли и Дворянскихъ кредитныхъ учрежденій, соціальной миссіей которыхъ должна была быть защита земельныхъ владѣній восточно-эльбскаго дворянства, а также его самого отъ ростовщической эксплуатаціи. Подобныя учрежденія могли возникать только съ помощью правительства, но то же самое приходится сказать относительно новыхъ отраслей промышленности. Сколько труда было положено Фридрихомъ II на то, чтобы насадить въ своемъ государствѣ шелководство и шелковое производство! И для всего этого ему нужны были люди, которыхъ удавалось привлечь крупными денежными вознагра-

жденіями. Особенно велика была потребность въ сельскихъ хозяевахъ, когда вслѣдствіе перваго раздѣла Польши западная часть Пруссіи перешла къ Фридриху, и эти сельскіе хозяева явились изъ перенаселеннаго югозапада Германіи, преимущественно изъ Вюртемберга. И несмотря на это, государство въ 1785 г. незадолго до смерти Фридриха имѣло лишь $5^1/2$ милл. жителей.

Обладая такими незначительными силами, государство, которое и въ мирное время должно было поддерживать престижъ великой державы, при всей бережливости не могло сохранить status quo, не прибѣгая къ фискальнымъ прижимкамъ. Ненависть и презрѣніе современниковъ направлены были противъ фридриховской регіи, управляемой французомъ Ла Ге де Лонэ съ помощью французскихъ средствъ. Это были таможенныя, государственно-монопольныя и потребительно-податныя учрежденія. Сюда относилась также монополія на кофе; Фридрихъ II затруднялъ своимъ подданнымъ потребленіе товара, изъ за котораго ежегодно такія большія суммы денегъ уходили изъ страны. Несмотря на всѣ свои странности, Фридриху Великому удалось все-таки содѣйствовать экономическому воспитанію своего народа. Послѣ того какъ прусское государство оправилось отъ бѣдствій 1806—1807 года, въ воззрѣніяхъ и потребностяхъ произошло такое радикальное измѣненіе, что практическій меркантилизмъ не могъ не оказаться отжившимъ. Пруссія, раньше какого-либо другого нѣмецкаго государства, перешла къ политикѣ хозяйственнаго либерализма, потому что она съ мудрой осторожностью вступала на путь свободы.

Въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ, послѣ окончанія Тридцатилѣтней войны, не водворился миръ, какъ въ остальныхъ нѣмецкихъ территоріяхъ. Французы, турки, мятежники принуждали Леопольда I и его сыновей Іосифа I и Карла II вести непрерывныя войны, издержки которыхъ приходилось носить истощеннымъ старо-австрійскимъ и богемскимъ землямъ. Къ этому присоединялось еще то, что прежде значительная торговля съ Италіей пришла въ упадокъ, а обильные продукты земельной культуры Австріи не находили рынка. Еще при Леопольдѣ I дѣлались попытки устройства образцовыхъ мастерскихъ, мануфактуръ, монопольныхъ обществъ, но для этого не было ни денегъ, ни предпринимателей, ни дѣльныхъ чиновниковъ. Въ эпоху финансовой нужды прибѣгали къ заграничнымъ займамъ: въ Голландіи, Англіи, также въ Генуѣ и въ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ. Основаніемъ Вѣнскаго городского банка (1706) правительство получило возможность пользоваться для своихъ цѣлей вложенными въ банкъ вкладами мѣстныхъ капиталистовъ.

Систематическая торговая политика, опирающаяся на развитую систему меркантилизма, началась въ габсбургскихъ земляхъ лишь съ Карла VI. Въ трехъ направленіяхъ императоръ дѣлалъ попытки обезпечить за своими подданными самостоятельное положеніе наряду съ крупными торговыми державами своего времени. Прежде всего онъ попытался сдѣлать Остенде исходнымъ пунктомъ заокеанской торговли въ когда-то испанскихъ, съ 1714 г. австрійскихъ Нидерландахъ. Но основанная для этой цѣли въ 1722 г. остиндская компанія пала жертвой зависти союзниковъ: англичанъ и голландцевъ (1731 г.). Лучшая судьба постигла его стремленія доставить адріатическимъ портамъ, Тріесту и Фіуме (свободные порты съ 1719 г.), участіе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, благодаря тому, что противодѣйствіе со стороны Венеціи было уже невозможнымъ. Зато неудачной оказалась также попытка поднять восточную торговлю съ помощью большого Восточнаго монопольнаго Общества; это Общество обанкрутилось, что вызвало аналогичныя бѣдствія, какъ и предпріятіе шотландца Ло во Франціи.

Сознательная централизаціонная политика Маріи Терезіи стре-

милась въ то же время внести большее объединеніе въ финансовую и хозяйственную жизнь чешскихъ и германскихъ провинцій, оставляя при этомъ неприкосновенной автономію венгерскихъ и итальянскихъ составныхъ частей Австріи. Въ первыхъ уничтожены были даже внутреннія таможни и упорядочены таможенныя учрежденія (1775 г.). Въ государственный долгъ тоже внесено было единство; принятая въ 1753 г. договоромъ съ Баваріей условная монета (20 гульд.) объявлена была имперскою монетою, а основанная въ 1771 г. Вѣнская биржа сдѣлана средоточіемъ денежной и вексельной банковой торговли.

Правленіе Іосифа II тоже ознаменовалось многими успѣхами, хотя не всѣ изъ нихъ были одинаково прочны. Къ неудачнымъ сторонамъ его правленія нужно причислить то, что имъ положено начало дефициту въ государственномъ хозяйствѣ (1782 г.), который къ сожалѣнію оказался очень продолжительнымъ: тянулся до 1889 г. Несмотря на многочисленныя возраженія, Іосифъ II въ 1784 г. водворилъ у себя систему запрещеній, которая оставалась въ силѣ до 1850 г. Тѣ иностранные товары, которые изготовлялись или могли изготовляться внутри страны или же казались не необходимыми, объявлялись „внѣ торговли“, т. е. ихъ нельзя было ввозить для перепродажи. Правда, разрѣшалось привозить изъ заграницы извѣстные товары для собственнаго потребленія, но въ такомъ случаѣ надо было уплачивать за нихъ высокія пошлины. Подъ защитой введенной Іосифомъ системы протекціонизма австрійская промышленность стала быстро развиваться. Это имѣло большое значеніе для вывоза въ венгерскія земли, составлявшія до 1850 г. особую таможенную область, и въ Турцію. Іосифъ II старался открыть австрійскимъ Нидерландамъ вновь доступъ къ морю, но Голландія сопротивлялась его попыткѣ уничтожить недоступность Шельды (1785 г.).

Итакъ въ XVIII столѣтіи существовали прусская и австрійская хозяйственныя области, довольно значительныя по своимъ размѣрамъ, но не существовало единой германской территоріи. Среднія и мелкія нѣмецкія государства въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи висѣли въ воздухѣ. Но несмотря на ихъ слабость, несмотря на часто ужасающія злоупотребленія въ управленіи ихъ князей, нѣкоторыя изъ нихъ достигли промышленнаго и экономическаго значенія, какъ напр. Саксонская курія. Большинство изъ нихъ однако ограничивалось тѣмъ, что производили излишекъ человѣческаго населенія, которое въ эпоху войнъ нѣкоторыми безсовѣстными правителями продавалось заграницу въ качествѣ пушечнаго мяса; поэтому мы должны считать большимъ прогрессомъ то, что этими лишними людьми стали пользоваться для колонизаціонныхъ цѣлей: Пруссія въ ея восточныхъ провинціяхъ, Австрія въ Венгріи и Силезіи.

6. Послѣднія сто двадцать пять лѣтъ.

Подобно мірамъ буддистскихъ, браманскихъ и исламскихъ народностей и обычаевъ, западноевропейскій христіанскій міръ въ XV столѣтіи тоже составлялъ единое цѣлое, покоившееся на общности идеальной и реальной основы: то было, укрѣпляемое узами родства по крови, единство вѣры и науки, обычаевъ и нравственности, общественныхъ и государственныхъ учрежденій, и даже, до извѣстной степени, хозяйственныхъ интересовъ. Но въ XV и XVI столѣтіи гуманизмъ и реформація разрушили единство высшей культуры, на благо этой послѣдней; однако западной Европѣ предстояло теперь разсчитываться съ послѣдствіями, которыя повлекли за собою расколъ и разъединеніе. Но въ то время какъ внѣшнія сношенія европейскихъ государствъ чрезвычайно тормазились религіозно-политическими противорѣчіями, внутренняя, междоусобная борьба породила конфессіо-

нальный и придворный абсолютизмъ XVI и XVII столѣтія, приведшій отдѣльныя страны, или группы областей вновь къ религіозному и правовому единству. Въ это время усилившейся обособленности отдѣльныхъ государствъ — почти совершенно исчезли слѣды прежняго интернаціональнаго единства, воплощавшагося въ папской и императорской власти.

Въ прежнія времена мелкія хозяйственныя группы должны были сами заботиться о своихъ выгодахъ, такъ напр. маркграфскія общины, помѣстья, города, провинціи, княжескія владѣнія, но такое раздробленіе не мѣшало существованію интернаціональныхъ сношеній. Когда централизованное объединенное государство эпохи меркантилизма переняло у мелкихъ экономическихъ группъ заботу о матеріальномъ благѣ общества, оно дѣйствовало при этомъ побуждаемое вполнѣ естественнымъ эгоизмомъ. Повышеніе народнаго благостоянія должно было стать въ его рукахъ средствомъ для усиленія его могущества. И, дѣйствительно, финансы и кредитоспособность государствъ въ XVII и XVIII столѣтіи достигли поразительнаго роста, хотя государственной власти не удавалось провести всѣ свои мѣры и она часто останавливалась на полъ-дорогѣ. Ни одно изъ стремящихся къ міровому господству государствъ не могло достичь прочнаго мірового господства. Другая неудача заключалась въ томъ, что ожидаемое отъ взаимной обособленности странъ повышеніе внутренней ихъ производительности хотя и дѣйствительно наступило, но дальнѣйшему росту угрожала опасность, вслѣдствіе затрудненій въ сбытѣ товаровъ, затрудненій, которыя не могли не возникнуть при единообразіи въ таможенной политикѣ меркантилистическихъ культурныхъ государствъ. Гораздо больше вреда, чѣмъ опека промышленности предписаніями и тщательнымъ надзоромъ, вызывавшимъ столько порицаній, принесло то, что правительства нигдѣ не были въ состояніи дѣйствительно уничтожить или внести коренную реформу въ область разлагавшихся цеховыхъ организацій. Затѣмъ они не могли также устранить государственные, провинціальные, мѣстные поборы, перешедшіе въ новое время съ допотопной старины и чрезвычайно затруднявшіе внутреннюю торговлю. Пойдя на нѣкоторые слабые компромиссы, правительственная власть въ общемъ уживалась со старыми порядками, давно признанными вредными, но сохранявшимися въ силу инерціи.

Устраненія коммерческихъ и промышленныхъ неурядицъ можно было бы еще достигнуть, это не превышало могущества меркантилистическаго государственнаго искусства. Но меркантилизму присущъ былъ одинъ существенный недостатокъ, неразрывно связанный съ его существованіемъ и паденіемъ. Какъ говоритъ уже само слово „меркантилизмъ“, — система эта слагалась на половину изъ непроизвольныхъ, на половину изъ сознательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поощренію національной общегосударственной торговли, опирающейся на усиленную промышленную производительность. Экономическіе же интересы сельско-хозяйственнаго населенія меркантилистическимъ государствомъ принимались также мало во вниманіе, какъ и какимъ-либо средневѣковымъ городомъ, торговую и промышленную политику котораго государство повторяло лишь въ болѣе крупномъ масштабѣ. Правда, оба аграрныхъ класса, служившіе опорою абсолютной монархіи, дворянство и духовенство, получили отъ нея всякаго рода податныя и должностныя привилегіи. Но низшее сельское поселеніе не только отдавалось совершенно на произволъ земельнымъ помѣстнымъ владѣльцамъ, но кромѣ того отягощалось податями, отъ которыхъ были отчасти или совершенно освобождены привилегированныя сословія. Въ интересахъ торговли и промышленности всюду, гдѣ только возможно было, искуственно понижались цѣны на жизненные припасы и сырье, въ то время какъ земледѣльцы должны были еще оплачивать

монопольныя цѣны защищаемой ввозными пошлинами и запрещеніями промышленности. Такъ какъ правительственная власть сама была на сторонѣ торгово-промышленныхъ интересовъ противъ земледѣльческихъ, то понятно, что торговые и промышленные классы считали себя стоящими выше земледѣльческихъ. На крестьянъ смотрѣли какъ на презрѣнныхъ паріевъ.

Меркантилистическій абсолютизмъ не успѣлъ еще достичь своего апогея или по крайней мѣрѣ своего наибольшаго развитія, когда переворотъ въ сферѣ религіозной и свѣтской мысли явился уже знаменемъ наступленія новой эры. Поскольку это движеніе ограничивалось духовною дѣятельностью, или давало толчекъ реформамъ „сверху“, его называютъ просвѣтительнымъ, но это идеалистическое теченіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи смыло всѣ плотины, которыя устроены были для защиты стараго общественнаго строя, и превратилось во все разрушающую революцію.

А. Эпоха просвѣщенія.

Эпоха просвѣщенія, это эпоха возмущенія западноевропейскаго культурнаго человѣка противъ его собственной исторіи. Лозунгомъ ея было выдѣленіе, освобожденіе индивидуума (отдѣльной человѣческой личности) отъ власти крупныхъ соціальныхъ корпорацій — церкви, сословнаго общества, государства, народа, товарищескихъ организацій, традицій. Культурный процессъ долженъ былъ начаться сызнова, но на этотъ разъ, руководимый разумомъ и природою, онъ долженъ былъ также немедленно достичь своего окончательнаго завершенія.

Изъ нѣдръ просвѣтительной эпохи вышли двѣ первыя широкія системы политической экономіи: ученіе французскихъ физіократовъ и англійскихъ смитіанцевъ; послѣднее сохранилось до настоящаго времени въ качествѣ классической или абсолютной системы теорій народнаго хозяйства.

Ни Франсуа Кэнэ (1694—1774) и его ученики (Гурнэ, Мерьсе де ла Ривьеръ, Дюпонъ де Немуръ, Тюрго, Мирабо старшій), ни Адамъ Смитъ (1723—90) со своими послѣдователями не сознавали революціоннаго значенія своихъ взглядовъ и полагали, что все совершится мирнымъ путемъ, если только предоставить человѣку и устроенію имъ своей судьбы свободное поле дѣйствія. Какъ ни различно обоснованіе обѣихъ системъ, — общею цѣлью ихъ обѣихъ являлась хозяйственная свобода отдѣльной личности, свободное, индивидуалистическое хозяйство, опирающееся на тотъ принципъ, что не ради государства и общества существуетъ отдѣльный человѣкъ, но наоборотъ, для блага единичной личности существуютъ и государство и общество. Эта переоцѣнка всѣхъ до сихъ поръ общепризнанныхъ цѣнностей, эти новые взгляды, опрокинувшіе лѣстницу донынѣ существовавшихъ историческихъ ранговъ, привели къ требованіямъ, изъ которыхъ каждое должно было взорвать на воздухъ подпорки стараго общественнаго зданія, несмотря на то, что само теоретическое теченіе не давало ничего кромѣ туманной надежды на лучшее будущее. Теоретики требовали безусловной свободы хозяйственной жизни во имя естественныхъ законовъ, передъ которыми ничтожны всѣ человѣческіе, исторически создавшіеся законы, какъ акты простого насилія. „Съ профессіональной точки зрѣнія на первомъ планѣ стояли три слѣдующихъ требованія: свобода промышленности, свобода торговли и сношеній, уничтоженіе зависимости крестьянскаго сословія и закрѣпощенія земельныхъ владѣній. По отношенію къ положенію населенія это соотвѣтствовало праву перехода, т. е. свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, свободѣ промысла, свободѣ рабочаго договора, свободѣ въ распоряженіи и способахъ пріобрѣтенія имущества.“ (Е. ф. Филипповичъ).

Просвѣтительная философія и просвѣтительныя политико-экономическія теоріи встрѣтили сочувствіе въ высшихъ слояхъ, хотя именно имъ осуществленіе требованій ихъ мыслителей должно было нанести наибольшій ущербъ. Однако большинство аристократическихъ ревнителей просвѣщенія довольствовалось лишь тѣмъ, что кокетничали новыми идеями и болтали о нихъ въ салонахъ, а въ дѣйствительной жизни они, мало задумываясь, придерживались старыхъ порядковъ; лишь немногіе старались тамъ, гдѣ это допускала ихъ дѣятельность, облегчить участь угнетаемыхъ классовъ и устранить наиболѣе опасныя злоупотребленія. Когда къ духовенству, дворянству, къ денежной аристократіи предъявлялись запросы, требующіе серьезныхъ жертвъ, они отказывали наотрѣзъ, хотя бы призывъ исходилъ отъ престола. И это было лишь естественнымъ слѣдствіемъ индивидуалистическихъ ученій, проповѣдывавшихъ, что отдѣльная личность не должна приносить никакихъ жертвъ тѣмъ общественнымъ союзамъ, членомъ которыхъ она состоитъ, что наоборотъ отъ этихъ союзовъ она вправѣ ожидать для себя лишь увеличенія выгодъ.

Но государство продолжало существовать и обращалось теперь къ своимъ членамъ съ повышенными требованіями, именно по той причинѣ, что князья и лица, входившія въ составъ правительства, тоже охвачены были новыми теченіями времени. Просвѣщенные государи въ свою очередь тоже являлись личностями, стремящимися къ наибольшой выгодѣ, и какъ таковыя, они старались о томъ, чтобы втянуть въ сферу, подчиненную ихъ власти, все то, что въ результатѣ борьбы съ самоуправляющимися корпораціями — съ церковью, цехами, общинами, оставалось безхозяйнымъ и безмѣстнымъ. Судьба въ высшей степени благопріятствовала абсолютнымъ правительствамъ тѣмъ, что увлекала въ ихъ сѣти общественныя организаціи, которыя до сихъ поръ сохраняли свою обособленность и независимость. Наконецъ и католическая церковь, которая, благодаря своей хозяйственной самостоятельности, долго съ успѣхомъ отражала всѣ попытки къ ея подчиненію, была сломлена и уничтожена просвѣщеннымъ абсолютистскимъ государствомъ, стремившимся къ всемогуществу. Когда всюду, начиная съ Португаліи вплоть до Италіи, уничтоженъ былъ іезуитскій орденъ и въ концѣ концовъ (въ 1773 году) распущенъ былъ папою, началась радостная эпоха секуляризаціи его владѣній, распространенной также и на области по ту сторону океана, на Парагвай и Антильскіе острова. Іосифъ II посягнулъ уже также вообще на монастырскія владѣнія, и скоро революція должна была возстать противъ всякаго рода церховнаго имущества, чтобы уничтожить ненавистную самостоятельность величайшей въ мірѣ автономной корпораціи. На ряду съ церковными имуществами школьное дѣло тоже должно было быть подвергнуто секуляризаціи; чрезвычайно характернымъ для просвѣщеннаго абсолютизма является то, что имъ основаны были первыя торговыя и реальныя училища, имъ создано было, исходящее отъ правительства, народное обученіе, и въ то же время имъ обнаружено было глубокое непониманіе, какъ духа университетской жизни, такъ и вообще чистой науки.

Если владѣнія духовенства заклеймены были теоріею какъ несвободныя, принудительныя, и изъ практическихъ соображеній захвачены были абсолютною монархіею, то затѣмъ и свѣтское, собственно дворянское землевладѣніе, система „феодализма“ оказалась помѣхою государству въ его стремленіи къ распространенію своего могущества. Правда, изъ просвѣщенныхъ государей XVIII столѣтія лишь немногіе рѣшались посягнуть на дворянское господство, да и эти немногія попытки не имѣли должнаго успѣха. Предприняты онѣ были Іосифомъ II, Густавомъ III Шведскимъ и еще нѣкоторыми мелкими властелинами. Все же въ Австріи уничтожена была крѣпостная зависимость, регулированы и ограничены были также сборы податей, барщинный трудъ, судопроизводственная и полицейская

дѣятельность землевладѣльцевъ. Всѣ новыя государства желали теперь, чтобы совершеніе правосудія находилось въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи, ни одно изъ нихъ не могло мириться съ тѣмъ, чтобы развитію военныхъ силъ и финансовъ могло помѣшать что либо, стоящее на дорогѣ между высшею верховною властью и крупными народными массами. Для того, чтобы могла быть введена воинская повинность на мѣсто старой системы солдатской вербовки, для того, чтобы дешевая, но выгодная система государственнаго обложенія могла заступить мѣсто экономическаго притѣсненія низшаго населенія, требовалось уничтожить тѣ права, которыя землевладѣльцы имѣли на личность своихъ подданныхъ, отмѣнить феодальные наборы и службы. Но то, что только колеблясь собиралась осуществить абсолютная монархія, медленно, шагъ за шагомъ, съ большою осмотрительностью подвигаясь впередъ и встрѣчая на своемъ движеніи энергичное противодѣйствіе, то насильственно, однимъ ударомъ сдѣлала революція. Правда, это совершилось не одновременно во всей западной Европѣ, но все же такъ, что освобожденіе низшихъ классовъ и отмѣна привилегій высшихъ, хотя и отодвигаемыя по мѣрѣ возможности, все же становились неизбѣжными даже въ самыхъ отсталыхъ странахъ.

Что же касается торговли и промышленности, то въ этой области стѣснительныя ограниченія, ведущія свои начала съ эпохи товарищескихъ ремесленныхъ организацій, въ такой мѣрѣ утратили свой авторитетъ, что абсолютная правительственная власть давно уже распоряжалась всѣмъ по своему усмотрѣнію, при чемъ она оказывалась болѣе свободомыслящею, чѣмъ это было пріятно торговцамъ и промышленникамъ. Такъ напримѣръ въ Тосканѣ, въ Сициліи, и въ Австрійской Ломбардіи уже въ 1780-хъ годахъ провозглашена была полная свобода промышленности. Въ дѣлѣ устраненія внутреннихъ таможенныхъ границъ, первыя начинанія тоже исходили еще отъ абсолютическаго государства, такъ что и въ этомъ направленіи революція должна была только продолжить уже начатое. Но теоретическое требованіе свободы внѣшнихъ торговыхъ сношеній, — попросту свободы торговли, несмотря на революцію, снято было съ очереди. Если другія либеральныя требованія вытекали изъ духа времени и въ то же время соотвѣтствовали интересамъ стремившихся выбиться впередъ классовъ, то свободная торговля, увлекая каждое отдѣльное государство на арену интернаціональнаго соперничества, лишала его тѣмъ самымъ возможности слѣдить за соблюденіемъ какъ общихъ выгодъ, такъ и частно-хозяйственныхъ интересовъ своихъ подданныхъ. И въ этомъ случаѣ общественные и частные интересы отвергали требованія ученія, стоящаго на независимой отъ государственныхъ и сословныхъ выгодъ точкѣ зрѣнія міроваго гражданина.

Б. **Французская революція и имперія.**

Глубокія измѣненія совершались во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни, когда французская революція значительно ускорила завершеніе медленно протекавшаго до сихъ поръ процесса. Правда, Франція при Людовикѣ XVI попробовала было перейти на путь добровольныхъ реформъ, но было ужъ слишкомъ поздно, да и дѣлалось это черезчуръ порывисто и непослѣдовательно. Послѣ окончанія войны за испанское наслѣдство, французскому народу, привыкшему къ побѣдамъ, ни разу не удалось ощутить въ полной мѣрѣ свое національное достоинство, достичь національнаго самосознанія. За пораженіями на сушѣ и на морѣ послѣдовала утрата Франціей ея американскихъ и индійскихъ владѣній. И въ концѣ концовъ французскій народъ сталъ винить во всѣхъ своихъ несчастіяхъ абсолютную правительственную власть, правящій королевскій домъ и обѣ главныя опоры его, духовенство и дворянство, которыя дѣлались также отвѣтственными за всѣ внутреннія неурядицы. Пока еще было время при-

ступить къ реформамъ, при Людовикѣ XV небрежное правительство медлило взяться за исполненіе своего долга; при Людовикѣ XVI надлежащій моментъ былъ уже пропущенъ. Физіократъ Тюрго (Anne Robert Jaques Turgot; 1727—81; см. фиг. 2 приложенной къ стр. 119 таблицы), который въ 1774 г. сталъ во главѣ управленія, хотѣлъ однимъ скачкомъ наверстать упущенное; Тюрго, подобно всѣмъ своимъ современникамъ эпохи просвѣщенія, преисполненъ былъ иллюзіи, что разумное и естественное само собою должно привиться въ жизни. Еслибы Францію могли излечить королевскіе ордонансы, то средства, предписанныя ей Тюрго: освобожденіе крестьянъ, свободная торговля хлѣбомъ и виномъ, уничтоженіе цеховъ, регулированіе податей, реформа юстиціи и т. д., несомнѣнно должны были бы принести ей облегченіе. Когда послѣ двухлѣтней дѣятельности на своемъ посту, Тюрго получилъ отставку, ни одинъ изъ указовъ Людовика XVI не былъ исполненъ, и достаточно было одного росчерка королевскаго пера, для того, чтобы лишить ихъ всякой силы.

Отнынѣ центромъ тяжести всѣхъ реформенныхъ стремленій была область финансовъ; кромѣ двора, состояніе ихъ особенно близко принималось къ сердцу третьимъ сословіемъ, къ которому принадлежало большинство государственныхъ кредиторовъ. Собственно французы должны были бы уже привыкнуть къ тому, что французское правительство не исполняетъ своихъ финансовыхъ обязательствъ; потому что, начиная отъ Генриха IV, то-есть, въ продолженіе двухъ столѣтій оно пятьдесятъ шесть разъ не держало своего слова. Въ прежнія времена подобныя катастрофы не опубликовывались и не подвергались гласному обсужденію; теперь же вся Франція, надъ двумя поколѣніями которой уже работали просвѣтители, участвовала въ обсужденіи положенія финансовъ. Въ концѣ концовъ, послѣ послѣдняго безуспѣшнаго обращенія короля къ нотаблямъ — къ дворянству, духовенству, къ денежной аристократіи — сдѣлалось неизбѣжнымъ испытать то самое средство, при помощи котораго Англіи когда-то удалось возстановить свой государственный кредитъ: передать заботу о финансахъ въ вѣдѣніе законнаго собранія народныхъ представителей и такимъ образомъ вернуть престижъ, котораго не было больше у покинутаго обоими союзниками королевскаго престола. Единственнымъ же законнымъ представительнымъ учрежденіемъ явились генеральные штаты, не созывавшіеся съ 1614 года, т. е. въ теченіе 175 лѣтъ. Это историческое привидѣніе — генеральные штаты — призвано было въ эпоху наибольшаго ослабленія всѣхъ историческихъ традицій, чтобы прогнать страшный призракъ финансоваго бѣдствія.

a) Революція.

Руководительство дѣлами въ Національномъ Собраніи захватило въ свои руки третье сословіе. Справедливо было бы предположить, что третье сословіе, у котораго ancien régime отнялъ его капиталы, что и вызвало съ его стороны возмущеніе, сосредоточитъ все свое вниманіе теперь на томъ, чтобы по возможности вернуть убытки, и привести въ порядокъ финансы. Однако, на дѣлѣ мы видимъ иное: третье сословіе дебатируетъ вопросъ о правахъ человѣка и хлопочетъ о созданіи новой конституціи. На этомъ примѣрѣ видно, какъ мало сходства между живымъ человѣкомъ и тѣмъ абстрактнымъ представленіемъ о человѣкѣ, которое установлено классической политической экономіей, по мнѣнію которой единственнымъ господствующимъ двигателемъ человѣческой психики является экономическій хозяйственный разсчетъ.

Лишь въ антрактахъ между работою надъ созданіемъ новаго государственнаго строя, конституціонное національное собраніе занималось великими вопросами соціальнаго и хозяйственнаго обновленія Фран-

ціи. Только когда во всей странѣ начались возстанія крестьянъ, которые хозяйничали теперь какъ въ эпоху жакерій (1358), тогда собраніе единымъ засѣданіемъ (4 авг. 1789 г.) уничтожило всѣ феодальныя права и обязанности, безъ того, чтобы феодаламъ когда-либо были возмѣщены убытки. Въ ноябрѣ 1789 г. Учредительное Собраніе объявило, что всѣ церковныя имущества являются національнымъ достояніемъ. Вскорѣ послѣ этого начался выпускъ гипотечныхъ облигацій, которыя очень скоро выродились въ непогашаемыя государственныя бумаги съ принудительнымъ курсомъ (ассигнаціи). Затѣмъ началась также конфискація дворянскаго землевладѣнія, такъ что оба привилегированныя сословія отнынѣ навсегда лишены были матеріальной основы занимаемаго ими до сихъ поръ исключительнаго положенія. Тайная причина смертельной вражды третьяго сословія противъ двухъ высшихъ именно заключалась въ недоступности для нихъ владѣнія и пріобрѣтенія имѣющихся въ странѣ имуществъ, связанныхъ всевозможными запрещеніями. Прекраснымъ словомъ „свобода" прикрывалась алчность земельныхъ спекуляторовъ, жаждавшихъ броситься на отнятую у прежнихъ хозяевъ землю, покупать, для того, чтобы перепродавать, дѣлить, отдавать въ аренду, обременять налогами, однимъ словомъ, превратить недвижимое имущество въ движимое, пріобрѣсти богатство и почетъ. Вольноотпущеннымъ рабамъ казалось заманчивымъ завладѣть господскимъ ложемъ и, въ особенности стрѣлять господскихъ зайцевъ. Въ теченіе одного года во Франціи вывелась вся дичь.

Что революція, собственно говоря, только довершила то, что было уже начато и отчасти выполнено абсолютной монархіей, — показываетъ, напримѣръ, уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенъ, еще оставшихся послѣ Кольбера, показываетъ также систематическое проведеніе принципа промышленной свободы (1791 г.). Изъ отвращенія къ дореформеннымъ привилегированнымъ корпораціямъ въ законъ внесено было запрещеніе всякаго рода коалицій рабочихъ, работодателей и товаровладѣльцевъ.

Съ объявленіемъ войны въ 1792 г. революція окончательно пошла по стопамъ монархіи и стала придерживаться старой, оплакиваемой филантропами, національной военной политики самодержцевъ. Прерванная было война съ Англіей была возобновлена (въ 1793 г.) и продолжена до 1815 г. Монархія была свергнута за то, что ея внѣшняя политика въ XVIII в. была неудачна и жажда славы французовъ не получала удовлетворенія. Съ тѣхъ поръ въ странѣ не могла удержаться никакая власть, которая не льстила бы постоянно и ежеминутно шовинизму французовъ. Въ зависимости отъ хода военныхъ событій падало господство третьяго сословія, фельяновъ и жирондистовъ, уступая мѣсто господству якобинскихъ пролетаріевъ, эти же въ свою очередь были смѣнены Директоріей, новой формой буржуазнаго правительства. Теперь подошло время финансовой расплаты, задерживаемой до сихъ поръ революціей и совершившейся въ такой острой формѣ, подобной которой мы не видимъ во всей исторіи: въ 1797 г. сорокъ пять милліардовъ ассигнаціи и 24 милліарда территоріальныхъ мандатовъ были объявлены стоящими внѣ курса и кромѣ того вычеркнуты были $^2/_3$ государственнаго долга.

б) Первая имперія,

Послѣ того какъ окончилось хозяйничанье буржуазной республики, Франція въ лицѣ человѣка, вновь возстановившаго ея военную славу, обрѣла также спасителя отъ внутреннихъ неурядицъ. При Наполеонѣ Бонапартѣ духовенство и дворянство вновь заняли видное положеніе въ государствѣ, при чемъ однако имъ не возвращены были ихъ привилегіи и узурпаторы ихъ владѣній продолжали ими пользоваться. Величайшій пе-

реворотъ, происшедшій въ имущественныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ послѣ завоеванія Англіи норманнами (1066), былъ освященъ закономъ. Наконецъ-то финансы были приведены въ порядокъ и поддерживались, правда, благодаря беззастѣнчивому пользованію военнымъ правомъ, въ хорошемъ состояніи. Наполеонъ I, крестьянскій императоръ, удовлетворилъ также буржуазные классы тѣмъ, что вновь ввелъ старую національную систему промышленнаго покровительства.

Невозможно было бы придумать болѣе адской махинаціи, чѣмъ изобрѣтенная Наполеономъ, для сокрушенія торгово-политическаго противника, континентальная система. Великобританія господствовала на морѣ и Франція не могла побѣдить ее. Конечно, тягости военнаго времени чувствовались и по ту сторону Ламанша, — англійскій банкъ въ 1798 году долженъ былъ пріостановить наличные платежи по своимъ обязательствамъ (сокращеніе банковыхъ операцій до 1821 года), но перспектива, натравляя на стараго соперника все новыхъ и новыхъ враговъ, при этомъ захватывать въ свои руки приблизительно всѣ колоніи, которыми владѣли прочія европейскія государства во всѣхъ частяхъ свѣта, была слишкомъ заманчивою. Міровыя войны, которыя, не истощая Англіи, увеличивали ея могущество, были выгодны всѣмъ слоямъ населенія, такъ что даже самые мирные рантьеры стали восторженными поклонниками войны, которая давала имъ возможность ссужать правительству свои капиталы подъ высокіе проценты. Почти безропотно Англія допустила установленіе высокаго подоходнаго налога (1798—1816) и роста государственнаго долга, который до 1815 года достигъ цифры въ 800 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. И неудивительно, такъ какъ пришлось вести борьбу на жизнь и смерть, послѣ того какъ появился декретъ о блокадѣ въ 1806 году, въ которомъ Наполеонъ объявилъ запрещеніе всякаго рода торговли и сношеній съ Великобританіей. Въ сущности декретъ этотъ былъ лишь отвѣтомъ на объявленную англичанами блокаду всѣхъ французскихъ портовъ; вообще съ тѣхъ поръ Англія и Франція стараются затмить другъ друга мѣропріятіями съ цѣлью взаимнаго уничиженія. Но Наполеонъ хотѣлъ всю Европу отрѣзать отъ англійской торговли и этимъ уничтожить торговлю и промышленность своихъ противниковъ, такъ что Англія вынуждена была вновь завоевывать континентъ. Собственными силами завоеваніе это было сдѣлано ею лишь на Пиренейскомъ полуостровѣ, вообще же Англія предоставила своимъ союзникамъ вести борьбу, въ результатѣ которой произошло паденіе французской универсальной монархіи, возстановленіе независимости европейскихъ государствъ и прочное утвержденіе на долгія времена морского и торговаго господства Соединеннаго Королевства. И въ то время какъ тайны французскаго духа, французской дипломатіи, несмотря на смѣну лозунговъ и правительственныхъ формъ, оставались всѣмъ ясны, европейскій материкъ по прежнему падалъ жертвою своего непониманія Англіи и ея коварной, эгоистической политики.

B. Война и миръ въ XIX столѣтіи.

Эпоха колоніальныхъ и торговыхъ войнъ, начавшаяся цѣлымъ рядомъ великихъ открытій, закончилась лишь послѣ паденія Наполеона, Вѣнскимъ конгрессомъ (1814—15). Войны временъ революціи и имперіи (1792—1815) носили еще въ рѣзкой, типичной формѣ характеръ войнъ XVII и XVIII столѣтія, но затѣмъ характеръ этотъ совершенно стушевывается. Великія войны XIX столѣтія вызваны были не столкновеніемъ заокеанскихъ интересовъ, а внутреннеевропейскими конфликтами. Зато, стремленія европейскихъ націй къ расширенію сферы своего вліянія и своихъ владѣній, привели къ безконечному числу войнъ съ внѣевропейскими народами,

стоящими на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры, причемъ хотя до сихъ поръ счастливо избѣгалось вооруженное столкновеніе самихъ европейцевъ, но нельзя быть увѣреннымъ въ сохраненіи постоянныхъ мирныхъ сношеній.

Зато прошлыя времена какъ будто воскресаютъ передъ нами, когда во второй половинѣ XIX столѣтія государствами затѣваются войны не ради общаго блага, а главнымъ образомъ въ угоду интересовъ группъ мелкихъ, но важныхъ по оказываемому ими на правительства вліянію. Эта новаго типа война характеризуется названіемъ „дивидендной“ или „купонной“ войны (таковы: Мехиканскій походъ Наполеона III 1861—66, англо-египетская война 1882 года, англо-бурскія войны 1899—1900). И теперь при наступленіи новаго столѣтія, кто, принимая во вниманіе зловѣщій ростъ величайшихъ державъ (см. ниже, стр. 137), обостреніе лихорадочнаго стремленія къ раздѣлу всего земного шара и неравенство соперничающихъ силъ, усомнится въ томъ, что Европа идетъ навстрѣчу новой эпохѣ колоніальныхъ и торговыхъ войнъ?

Правда, вопросъ объ обладаніи океаномъ не вызоветъ больше войнъ, такъ какъ принципъ, что моря являются интернаціональнымъ достояніемъ и что слѣдовательно они нейтральны, что никто не въ правѣ заявлять претензій на исключительное владѣніе ими или ограничивать на нихъ плаваніе, окончательно укоренился въ европейскомъ сознаніи; исключенія здѣсь возможны лишь въ томъ смыслѣ, что отдѣльныя государства могутъ заявить, что имъ принадлежитъ право прибрежнаго плаванія на разстояніи трехъ морскихъ миль и на разстояніи десяти морскихъ миль въ портахъ, устьяхъ, бухтахъ, также какъ и пользованіе внутренними морями, если тѣ со всѣхъ сторонъ окружены землями одного и того же государства. На Парижскомъ конгрессѣ (въ 1856 году) получили признаніе также тѣ требованія, которыя стояли на очереди съ эпохи „вооруженнаго нейтралитета“ 1780 года: прекращеніе каперства, ограниченіе права блокады и уваженіе къ нейтральному флагу, который долженъ былъ считаться защитою всякаго товара за исключеніемъ военной контрабанды (военные припасы и оружіе). Впрочемъ, какъ это легко понять, къ постановленіямъ международнаго и морского права слабыя державы относились съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ сильныя.

Внутренніе водные пути тоже въ большинствѣ случаевъ получили нейтральный характеръ и подчинены были международно правовымъ статутамъ послѣ того, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ рѣшено было, что тѣ изъ рѣкъ, которыя протекаютъ въ нѣсколькихъ государствахъ, вмѣстѣ со своими притоками должны быть доступны всѣмъ національностямъ на протяженіи всего судоходнаго пространства вплоть до впаденія ихъ въ море; такимъ образомъ въ настоящее время различаютъ національныя и интернаціональныя рѣки. Особый типъ представляютъ собою такъ называемыя „конвенціональныя“ рѣки, относительно которыхъ существуютъ особые договоры; такъ напр. имѣются Рейнскій навигаціонный актъ отъ 1 іюля 1869 года, которымъ уничтожаются оставленные въ Рейнскомъ навигаціонномъ положеніи отъ 1830 года налоги, и Эльбскій навигаціонный законъ отъ 1 іюля 1870 года, который также кладетъ конецъ взимаемымъ по Эльбскому навигаціонному акту отъ 1821 г. поборамъ; затѣмъ 30 мая 1856 года образовалась „Европейская Дунайская комиссія“, „Смѣшанная Прутская комиссія“ и т. д. Послѣ того какъ недоступность Шельды, эта безконечно длившаяся несправедливость, уничтожена была еще во время французской революціи, прекращено было также въ 1863 году, введенное въ 1831 году голландцами, взиманіе Шельдскаго налога, которое отнято было у тюремщиковъ бельгійской и сѣверо-западной нѣмецкой торговли за милліонъ гульденовъ; отмѣна эта составляетъ pendant къ отмѣнѣ установленнаго датчанами Зундскаго налога (1857 г.).

Г. Новое распространеніе европейцевъ по всему земному шару.

Если мы по примѣру Евгенія фонъ Филипповича будемъ различать четыре хозяйственныхъ періода развитія въ міровой исторіи: во-первыхъ, періодъ замкнутаго домашняго хозяйства; во-вторыхъ, ограниченныхъ мѣстныхъ сношеній или городского хозяйства; въ-третьихъ, сношеній, ограниченныхъ и ограничиваемыхъ государствомъ, и въ-четвертыхъ, свободныхъ сношеній, то мы должны признать, что Европа съ наступленіемъ XIX ст. поднялась съ третьей ступени на четвертую. Отнынѣ обмѣнъ сношеній свободно совершается по океанамъ, тамъ, гдѣ полярный ледъ не ставитъ предѣловъ человѣческой предпріимчивости. Пиратство, которое еще въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX столѣтія на Средиземномъ морѣ было грозою ганзейскихъ городовъ, стало сказкою временъ давно минувшихъ, также и когда то неизбѣжное конвоированіе судовъ. Въ то время какъ прежде, до XVI ст. европейскія сношенія сосредоточивались на внутреннихъ моряхъ и даже въ XVII и XVIII ст. ограничивались лишь плаваніемъ на Индійскомъ и Атлантическомъ океанахъ, XIX ст. является эпохою панокеаническою. Правдо, судоходство главнымъ образомъ сосредоточивается все еще на окруженныхъ культурными странами, внутреннихъ моряхъ. Даже южно-европейское Средиземное море, занимавшее въ теченіе долгаго времени лишь второстепенное мѣсто въ области міровой торговли и бывшее чѣмъ то вродѣ глухого переулка ея, послѣ открытія Суэзскаго канала (1869 г.) вновь получило свое прежнее значеніе, Но всѣ эти явленія не представляются особенно характерными въ виду важности сношеній на міровыхъ моряхъ, типичныхъ для XIX ст., и появленія обширной сѣти переплетающихся водныхъ и сухопутныхъ путей, которые перерѣзываютъ континентъ.

Хотя между океанами существовали также естественные водные пути, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось возможнымъ устроить кромѣ того искусственныя сообщенія и этимъ осуществить одно изъ самыхъ древнихъ желаній человѣческаго рода: появляются такъ называемые между-океаническіе или морскіе каналы. Суэзскій (выстроенный между 1859—69), Коринѳскій каналъ и каналъ между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями (открытый въ 1893—95), создались благодаря западно-европейскимъ капиталамъ и знаніямъ; прорытіе же Панамскаго перешейка потерпѣло неудачу вслѣдствіе преступнаго обращенія съ преимущественно французскимъ акціонернымъ капиталомъ. Каналъ Никарагуа будетъ дѣломъ сѣверо-американцевъ, которые не согласятся отдать американское предпріятіе въ руки европейцевъ.

Европа, которая, начиная съ XVI ст., вводила свою культуру въ Новомъ Свѣтѣ, нуждается въ видахъ самосохраненія въ дальнѣйшемъ распространеніи своего могущества на земномъ шарѣ. Увеличеніе ея населенія требуетъ все бо́льшихъ территоріальныхъ и экономическихъ завоеваній. Маленькая по своимъ размѣрамъ Европа, нуждаясь для растущаго населенія въ растущихъ количествахъ привозныхъ товаровъ изъ чужихъ странъ и зонъ, принуждена заботиться о томъ, чтобы отстоять свою независимость. Самымъ вѣрнымъ путемъ для достиженія этого является подчиненіе своему господству тѣхъ странъ, въ которыхъ нуждается Европа. Однихъ коммерческихъ связей для этого недостаточно. Необходимо устройство колоній, пріобрѣтеніе зависимыхъ областей, необходимо къ торговой дѣятельности присоединить правительственную помощь.

Послѣ французской революціи населеніе Европы приблизительно удвоилось. Въ 1789 г. Европа врядъ ли насчитывала 200 милліоновъ жителей; въ настоящее время она населена 380 милліонами. Не во всѣхъ частяхъ Европы ростъ населенія происходилъ равномѣрно; на западѣ онъ

совершается быстрѣе, чѣмъ на востокѣ, на сѣверѣ быстрѣе, чѣмъ на югѣ, у германцевъ онъ сильнѣе, чѣмъ у романцевъ, сильнѣе въ городахъ и въ областяхъ городскихъ промысловъ, чѣмъ въ деревняхъ, что впрочемъ объясняется притокомъ сельскаго населенія въ города.

Англія (включая Уэльсъ, но безъ Шотландіи и Ирландіи) и въ особенности Бельгія занимаютъ первое мѣсто какъ по увеличенію населенія и его плотности, такъ и по преобладанію въ нихъ промышленнаго класса надъ сельско-хозяйственнымъ. Въ то время какъ Англія отъ эпохи норманскаго завоеванія до прекращенія династіи Тюдоровъ (1066—1603) сохраняла приблизительно одно и то же число жителей ($2^1/2$ милліона), -- при экстенсивномъ хозяйствѣ тѣхъ временъ почва не могла прокормить большаго населенія,—въ XVII столѣтіи число жителей возросло до 5, въ XVIII до 10 милліоновъ; къ концу же XIX ст. оно достигло 31 милл. (192 жит. на квадр. километръ). Въ то время какъ въ Шотландіи между 1801 и 1898 г. населеніе увеличилось отъ 1,6 милл. до 4,3 милл. жителей, Ирландія, которая въ 1669 имѣла только 1 милл., въ 1801 г. имѣла уже отъ 4—5 милл. жителей и къ серединѣ 40-хъ гг. XIX ст. достигла высшей цифры отъ 7—8 милл. Голодъ, чума и эмиграція уменьшили населеніе къ 1851 г. почти на два милл. и въ слѣдующія десятилѣтія оно еще убыло, такъ что къ концу XIX ст. осталось только $4^1/2$ милл. душъ. Наименьшимъ приростомъ населенія отличается, какъ извѣстно, Франція, которая, уже въ XIV ст. достигнувъ высшей цифры своей населенности—20 милл., обнаруживаетъ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ убыль населенія. Только при Генрихѣ IV послѣднее вновь начинаетъ рости и лишь около 1750 г. достигаетъ той численности, которую оно имѣло въ XIV столѣтіи. Въ то время какъ Франція и земли, входящія теперь въ составъ Германской имперіи, въ 1845 г. имѣли одинаковое число жителей (около 35 мил.), Франція спустя полъ-столѣтія насчитывала лишь 36 милліоновъ, Германія же, несмотря на сильную эмиграцію, 52 милліона.

Цифры, выражающія приростъ населенія крупныхъ городовъ, лучше всего уясняютъ переворотъ въ составѣ и концентраціи (агломераціи) населенія. Лондонъ, который въ XIV столѣтіи со своими 35,000 жителей являлся самымъ населеннымъ городомъ Англіи и однимъ изъ крупныхъ городовъ Европы, имѣлъ ко времени великаго пожара (1666) около половины, въ 1801 году цѣлый милліонъ жит., въ 1865 году 3 милліона, къ концу XIX столѣтія $4^1/2$ милліона (съ предмѣстьями даже $6^1/3$ милліоновъ); зато населеніе Парижа уже въ XIV столѣтіи опредѣляется приблизительно цифрою въ 250,000 жителей; незадолго до революціи городъ на Сенѣ насчитывалъ 650,000, вскорѣ послѣ революціи (1801) лишь 550,000 душъ; къ 1900 году Парижъ имѣлъ $2^1/2$ милліона жителей. Берлинъ, который послѣ Тридцатилѣтней войны имѣлъ 6 тысячъ жителей, достигъ при Фридрихѣ II (въ 1786 г.) цифры въ 150,000 и въ продолженіе немногимъ больше чѣмъ ста лѣтъ, населеніе въ немъ возросло до $1^3/4$ милліона жителей. Увеличились также и провинціальные города, такъ напримѣръ къ началу XIX столѣтія Нюрнбергъ насчитывалъ едва 20,000 жителей, а къ концу этого столѣтія 195,000; Манчестеръ въ 1801 году: 75,000, въ 1900 году—540,000 жителей; Глазго въ 1800 году—77,000, спустя сто лѣтъ 660,000 и т. д. Зато рѣдкимъ явленіемъ стало основаніе новыхъ городовъ, что имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, Австраліи или даже въ восточной Европѣ. Всѣ же западно-европейскіе города фигурируютъ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ. Всюду на мѣстѣ крупнаго города можно констатировать существованіе въ прошломъ какого нибудь незначительнаго или маленькаго пункта, вокругъ котораго съ теченіемъ времени скоплялось населеніе; мы видимъ это на примѣрѣ тридцати германскихъ городовъ, имѣющихъ болѣе 100,000 жителей.

Еще болѣе характернымъ для эпохи свободнаго передвиженія, чѣмъ

движеніе и концентрація населенія внутри страны, является выселеніе жителей изъ своей родины съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться. До конца XVIII столѣтія переселенческое движеніе изъ Европы было незначительно и оно цѣликомъ устремлялось въ Америку; настоящее переселеніе въ колоніальныя области различныхъ остиндскихъ и вестиндскихъ компаній было невозможно, такъ какъ европейскія поселенія подъ тропиками не имѣли устойчиваго характера и преслѣдовали лишь торговыя или плантаторскія цѣли; совершенно справедливо такія „культиваціонныя" области отличаются отъ колоній въ узкомъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ открытъ былъ Новый Свѣтъ, туда двинулись выходцы изъ Испаніи и Португаліи, но Иберійскій полуостровъ самъ былъ очень малолюденъ и поэтому правительство вскорѣ ограничило свободу переселенія. Въ XVII столѣтіи Сѣверная Америка тоже не отняла большого количества людей у сѣверо-восточной Европы; даже въ XVIII столѣтіи эмиграція была еще такъ незначительна, что Германія, отдавшая Америкѣ отъ 80,000 до 100,000 человѣкъ, занимала въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Широкое переселенческое движеніе начинается лишь съ XIX столѣтія и вплоть до 80-ыхъ годовъ нашего вѣка оно все усиливается. Безземелье, отсутствіе заработковъ, недовольство условіями политической жизни, отчаяніе, страсть къ приключеніямъ и т. д. гонятъ за океанъ ежегодно сотни тысячъ людей въ страны, гдѣ можно даромъ имѣть землю, гдѣ выше цѣнятъ трудъ, гдѣ есть золото и драгоцѣнные камни, гдѣ больше свободы и въ политической жизни и въ формахъ общежитія. И въ XIX столѣтіи наибольшею хотя и не исключительною притягательною силою, какъ цѣль переселеній, обладала Америка. Въ Соединенные Штаты между 1801 и 1900 г. иммигрировало приблизительно 20 милліоновъ человѣкъ (отъ 7 до 8 милліоновъ изъ Великобританіи и Ирландіи, свыше 5 милліоновъ изъ Германіи), около 3 милліоновъ въ Южную Америку и столько же въ Канаду. Общее число европейскихъ эмигрантовъ XIX столѣтія можно вѣроятно выразить цифрою въ 30 милліоновъ.

Въ результатѣ этого переселенія народовъ получилась европеизація двухъ частей свѣта, германизація Сѣверной Америки и Австраліи. Но европейскіе переселенцы, ассимилируясь съ населеніемъ внѣевропейскихъ культурныхъ государствъ европейскаго происхожденія, такимъ путемъ навсегда утрачиваютъ связь со своею первоначальною родиною; и если, изъ политическихъ или экономическихъ соображеній, вспыхиваетъ вражда между ихъ новымъ, избраннымъ отечествомъ и первоначальною родиною, то сыны послѣдней превращаются въ ея соперниковъ и враговъ. Поэтому то европейскія націи въ XIX столѣтіи вновь стремятся къ пріобрѣтенію колоній, несмотря на печальный опытъ, который имъ пришлось испытать съ американскими колоніями. Ораторы либеральной школы, враждебные колонизаціонной политикѣ, при бурномъ одобреніи слушателей указывали на примѣръ самоосвобожденія Сѣверной Америки (1776 г.) и Южной Америки (1810—25 г.), какъ на доказательство „естественнаго закона", по которому колоніи, созрѣвшія для самостоятельной жизни, такъ же неминуемо должны отпасть отъ своего отечества, какъ падаютъ съ дерева зрѣлые плоды. Однако естественная необходимость восторжествовала надъ академическими предразсудками, хотя несомнѣнно, что смѣна партійныхъ взглядовъ внесла колебанія въ колоніальную политику нашего столѣтія.

Однако въ XIX столѣтіи западная Европа не была больше единственной представительницей колонизаціонныхъ стремленій, къ которымъ надо причислить не только основаніе настоящихъ колоній, но также попытки подчинить заокеанскія области своему политическому господству и утвердить въ нихъ хозяйственную зависимость, выгодную для господствующей страны. Великое царство европейскаго востока и отпавшее отъ своей

первоначальной родины государство по ту сторону Атлантическаго океана тоже не дремлютъ и не желаютъ остаться съ пустыми руками при новомъ раздѣлѣ земли. Итакъ три величайшія державы нашей планеты: британская, сѣвероамериканская и русская, сталкиваются въ соперничествѣ за подчиненіе возможно большей области поверхности земного шара своему вліянію, Франція же и Германія являются только второстепенными соперниками, а остальныя державы врядъ ли могутъ даже приниматься во вниманіе какъ активно дѣйствующія силы.

Цѣлью возникшихъ въ 80-ые годы XIX столѣтія стремленій, осуществленіе которыхъ скрывается во мракѣ будущаго, является раздѣлъ Африки и Азіи, поскольку здѣсь вообще можно еще что либо дѣлить; будущность Средней и Южной Америки, связанная съ панамериканизмомъ (идеей болѣе тѣснаго хозяйственнаго, а можетъ быть также союзно-политическаго объединенія всей Америки; см. томъ I, стр. 560) принадлежитъ также къ тѣмъ вопросамъ, которые, будучи хотя и не новыми, все же далеко не могутъ считаться рѣшенными. Послѣ того какъ раздѣлъ Африки уже вчернѣ произведенъ, главное вниманіе государствъ, способныхъ къ расширенію территорій, сосредоточивается на азіатской политикѣ. Уже въ настоящее время между Босфоромъ и Желтымъ моремъ на протяженіи всего континента сталкиваются западно-европейскіе и восточно-европейскіе интересы, т. е. другими словами интересы Великобританіи и Россіи. На европейскіе капиталы создаются здѣсь новые пути сообщенія, предполагается поднятіе производительности въ странахъ съ уже расцвѣтшей, увядающей или еще не распустившейся культурой. И больше всего Китай, особенно послѣ мира при Шимоносеки (1895 г.), является предметомъ ожесточеннаго соперничества. Собственно Англія начала подтачивать существованіе Поднебесной Имперіи уже съ эпохи войны за опіумъ 1840/41 года (уступка Гонконга); самымъ существеннымъ результатомъ этой первой, а также и послѣдующихъ войнъ было допущеніе англичанъ къ нѣкоторымъ портамъ (такъ называемые трактатные порты, въ настоящее время ихъ около 20). Зато Россія однимъ ударомъ присоединила къ себѣ обширную Амурскую область (1858 г.). Когда обнаружившаяся въ войнѣ 1894/95 года слабость китайцевъ побудила европейскія державы отнять у побѣдителей японцевъ ихъ военную добычу, европейцы рѣшились завладѣть нѣкоторыми областями на окраинахъ гигантской восточноазіатской имперіи (Россія получила Таліенванъ и Портъ-Артуръ, Англія Вей-Хай-Вей; Кіаучау въ 1898 году захвачено нѣмцами).

Испанія, бывшая еще къ началу XIX столѣтія первою колоніальною державою, въ настоящее время не входитъ больше въ составъ западно-европейскихъ колоніальныхъ державъ. Послѣ Парижскаго мира (1898 г.) и продажи ею Микронезійскихъ владѣній Германіи (1899), всѣ ея колоніи ограничиваются Presidios, Канарскими островами и Фернандо По (см. томъ IV, стр. 563). Еще въ 1893 году Испанія, въ 1898 году Португалія чествовали основателей своего заокеанскаго господства; но повидимому Португалія тоже приступаетъ уже къ распродажѣ остатковъ своихъ колоніальныхъ владѣній, которыхъ она не въ состояніи ни сдѣлать доходными, ни защитить отъ чужого произвола. Зато Франція, колоніальныя владѣнія которой къ 1815 году составляли нѣсколько разсѣянныхъ островковъ, вновь пріобрѣла себѣ значительную колоніальную область (3,8 милліоновъ квадратныхъ километровъ съ 43 милліонами жителей): сѣверо-западную часть Африки и Индокитай, хотя въ то же время она напрасно стремилась къ утвержденію своего протектората надъ Египтомъ, къ захвату восточно-африканскихъ земель. Неудачу потерпѣлъ также въ 1866 году планъ Наполеона о томъ, чтобы, исходя изъ Мехики, объединить подъ верховнымъ главенствомъ Франціи латинскія области Америки. Завоевательные планы французовъ встрѣчали отпоръ въ Африкѣ—въ лицѣ англичанъ, въ

Америкѣ—въ Соединенныхъ Штатахъ. До 60-хъ гг. XIX столѣтія Франція не допускала участія иностранныхъ судовъ въ колоніальной торговлѣ и предоставляла своимъ колоніямъ пониженный тарифъ по сравненію съ тарифомъ, установленнымъ для внѣшнихъ державъ; затѣмъ дѣйствіе дифференціальнаго тарифа по отношенію къ французамъ и иностранцамъ было на нѣкоторое время пріостановлено, но въ 70-хъ годахъ Франція по отдѣльнымъ вопросамъ вновь стала придерживаться протекціонной политики въ отношеніи своихъ подданныхъ. Въ 1889 году французскому флагу опять было предоставлено исключительное право плаванія между Алжиромъ и Франціей.

Лишь къ концу XIX столѣтія итальянцы и нѣмцы, только что достигшіе политическаго единенія, вспомнили о своемъ быломъ морскомъ могуществѣ и рѣшили воспользоваться выгоднымъ для нихъ перемѣщеніемъ, совершившимся въ ряду великихъ державъ; они потребовали тоже кусокъ Африки, къ раздѣлу которой только что было приступлено. Итальянцы основали на Красномъ морѣ свое Эритрейское государство (1885—90), но вслѣдствіе неудачной войны въ 1896 году должны были отказаться отъ своихъ поползновеній на Габешъ. Робко и осторожно нѣмцы, не преминувъ при этомъ вызвать неудовольствіе другихъ державъ, подчинили своему господству области, расположенныя по обоимъ берегамъ Африки и въ Океаніи, которыя въ совокупности охватываютъ 2,6 милліоновъ километровъ съ $9^1/_4$ милліонами жителей. Даже бельгійцамъ удалось добиться суверенитета надъ полосою „темной" части свѣта (штатъ Конго 1885 г.). Голландцы не сдѣлали никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, но зато они сумѣли сдѣлать въ высшей степени доходными колоніи, которыя Англія вернула имъ въ 1815 году (за англичанами при этомъ остались Цейлонъ, Капландія и большая часть Гвіаны).

Исключительное положеніе какъ по своей исторіи, такъ и по географическимъ размѣрамъ занимаетъ британское всемірное государство. Занимая площадь въ 28 милліоновъ квадратныхъ километровъ и обладая населеніемъ въ 383 милліона душъ (слѣдовательно ею занята седьмая часть земной поверхности, и $^1/_5$ всего населенія нашей планеты принадлежитъ ей), Великобританія въ пять или шесть разъ превосходитъ римскую имперію и затмѣвается въ отношеніи пространства и числа жителей лишь быстро распавшимися монгольскими царствами Чингисъ-Хана (см. томъ III, стр. 345) и Тимура (т. III, стр. 356). Въ то же время ростъ ея еще далеко незаконченъ, въ особенности на берегахъ Индійскаго океана, который омываетъ большую часть англійскихъ владѣній. Слабой стороною этой міровой имперіи, особенно по сравненію съ соперничающими съ нею Россіей и Соединенными Штатами, является разсѣянное положеніе ея колоній и разнообразіе ихъ правовыхъ отношеній къ Англіи. Англійская дипломатія увидѣла себя даже вынужденною предоставить извѣстный просторъ стремленіямъ своихъ колоній къ политической и хозяйственной независимости, изъ боязни, что въ противномъ случаѣ онѣ послѣдуютъ примѣру сѣвероамериканцевъ.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія дѣйствовала еще старая рестрикціонная система колоніальной политики. Тѣмъ не менѣе правительство, въ ущербъ остиндской компаніи, предоставило всѣмъ британскимъ подданнымъ право свободной торговли съ Индіей (1814), а позже также и съ Китаемъ (1833). Съ иностранными державами Англія заключала договоры на правахъ взаимности и предоставила имъ (въ 1825 году) свободу сношеній съ колоніями, за исключеніемъ Остиндіи, въ сношеніяхъ съ которой лишь въ 1839 году получили возможность участвовать всѣ тѣ націи, которыя въ мирѣ съ Англіей. Сначала иностранцамъ приходилось еще уплачивать болѣе высокія пошлины и судоходные налоги, чѣмъ британскимъ подданнымъ; но послѣ уничтоженія (въ 1849 г.) унаслѣдованнаго

съ эпохи Кромвеля навигаціоннаго акта, разница эта была устранена: въ области сношеній съ колоніями прекратилось различіе между иностранцами, колонистами и подданными Великобританскаго королевства (въ 1854 году). Чрезвычайно выгоднымъ для всѣхъ заинтересованныхъ группъ оказалось то, что послѣ возстанія сипаевъ въ 1857 году, уничтожена была Остиндская компанія, Индія превращена въ государство (1858 г.), затѣмъ въ имперію (въ 1876 году). Послѣ того какъ Англія попробовала было ввести въ Индіи свою собственную свободно торговую и свободно финансовую систему, съ тайною цѣлью наплывомъ англійскихъ фабрикатовъ задушить молодую, нуждающуюся въ покровительствѣ крупную промышленность Индіи она затѣмъ съ 1894 года перешла къ введенію 5-процентной, по отношенію къ стоимости товара, пошлины, которой отнынѣ подвержены всѣ предметы ввоза.

Въ тѣхъ колоніяхъ, которымъ Англія предоставила самостоятельность, замѣчается тяготѣніе къ политикѣ таможеннаго покровительства. Вслѣдствіе антагонизма между протекціонистскими штатами Австраліи и фритрэдерскою Новозеландіей, замедлилось заключеніе федеративнаго союза, также какъ и торговополитическаго объединенія австралійскихъ колоній, что впрочемъ въ ближайшемъ будущемъ все таки должно состояться.

Въ эпоху, когда фритрэдерскія идеи полновластно (сильны онѣ еще и теперь) господствовали въ Англіи, ничего не предпринималось для противодѣйствія пріобрѣтенію колоніями самостоятельности и ихъ отдѣленію. Въ 80-хъ годахъ появляются однако враждебныя этому теченія, которыя считаютъ желательнымъ болѣе тѣсное сплоченіе отдѣльныхъ частей всемірнаго британскаго государства. Партія имперіалистовъ (Imperial Federation League) отстаиваетъ необходимость политическаго объединенія частей государства въ Greater Britain съ имперскимъ парламентомъ, имперскимъ войскомъ, имперскими финансами и т. д. Другая партія, тоже насчитывающая приверженцевъ въ колоніяхъ, видитъ свою цѣль въ достиженіи лишь болѣе тѣснаго торговополитическаго (Commercial Union) сплоченія между колоніями и ихъ отечествомъ. Въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ уже также рѣшительный шагъ: дѣло не ограничилось тѣмъ, что на лондонскихъ конференціяхъ въ 1897 году министры колоній высказались за систему протекціонизма по отношенію къ продуктамъ англійской промышленности, но Канада уже въ 1897 году фактически установила $12^1/_2$-процентное, а съ 1 іюля 1898 года 25-процентное пониженіе таможенныхъ тарифныхъ ставокъ въ пользу Англіи и ея колоній. Такимъ образомъ въ Канадѣ неанглійскіе товары облагаются дифференціальными таможенными пошлинами, которыя на одну треть выше, чѣмъ пошлины на англійскіе товары. Существовавшіе договоры съ Бельгіей и съ таможеннымъ союзомъ, которые противорѣчили этому нововведенію, были тотчасъ порваны (1898 г.). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ новымъ столѣтіемъ Англія вступаетъ въ новую эпоху своей торговой политики. Въ душу британскаго народа все глубже и глубже западаютъ имперіалистскія идеи, которыя должны повлечь за собою разрывъ съ традиціями фритрэдерскаго прошлаго.

Д. **Міровое хозяйство и средства сообщенія.**

Желая указать на размѣры европейской колонизаціи въ настоящее время и прежде, на размѣры областей промышленнаго покровительства и сферъ промышленныхъ интересовъ, часто говорятъ о міровомъ хозяйствѣ и о всемірно-хозяйственномъ стремленіи современности. Равнымъ образомъ статистики охотно оперируютъ съ количественнымъ понятіемъ мірового хозяйства, какъ суммы отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ. Свое жизненное, исторически насыщенное и исчерпывающее содержаніе понятіе мірового хозяйства получаетъ, когда на первый планъ выдвигаются тѣ

хозяйственныя явленія, которыя выступаютъ за узкіе предѣлы болѣе или менѣе обособленнаго домашняго, городского, территоріальнаго и національнаго хозяйства и, такимъ образомъ, въ сильной или слабой степени, умышленно или нѣтъ, въ хорошую или дурную сторону, но во всякомъ случаѣ вліяютъ на хозяйственныя явленія внутри другихъ, національныхъ хозяйствъ. Такъ напр., неурожай въ Соединенныхъ Штатахъ повышаетъ цѣны на хлѣбъ во всемъ мірѣ, крахъ въ Аргентинѣ приводитъ къ банкротству англійскіе банки, ажіотажъ съ цѣнностями африканскихъ рудниковъ пробуждаетъ духъ спекуляціи на протяженіи обоихъ полушарій и т. п. Всемірно-хозяйственныя явленія сами по себѣ восходятъ къ доисторическимъ безписьменнымъ временамъ, такъ какъ уже въ неполитическомъ періодѣ мѣновая торговля и распространеніе изобрѣтеній оказывали хозяйственное вліяніе на самыя отдаленныя страны и народы; каждый періодъ исторіи, начиная съ древней передней Азіи и вплоть до исхода меркантильной эпохи, характеризуется специфическимъ укладомъ всемірно-хозяйственныхъ отношеній. Однако лишь въ XIX вѣкѣ всемірно-хозяйственныя отношенія достигли такихъ размѣровъ, силы и быстроты, чтобы вполнѣ войти въ сознаніе людей и поставить передъ народами вопросъ, дѣйствительно ли безграничный потокъ всемірнаго хозяйства, ворвавшійся въ когда то столь заботливо огражденныя сферы національныхъ хозяйствъ, принесъ съ собой одну только пользу. Поскольку мы желаемъ лишь объяснять, а не судить, поскольку мы, слѣдовательно, беремъ современную хозяйственную форму, какъ простой фактъ, какъ продуктъ дѣйствующихъ силъ, мы находимъ, что прежде всего она обусловлена современными средствами сообщенія.

XIX вѣкъ позаимствовалъ у XVIII-го, у вѣка просвѣщенія, обоготвореніе настоящаго, „современнаго“, „дѣйствующаго“ и пренебреженіе къ прошлому, къ исторіи, къ неподвижному. Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: столѣтіе имѣетъ право гордиться своими техническими пріобрѣтеніями; оно запрягло въ ярмо человѣческихъ хозяйственныхъ нуждъ силу пара и электричества. Благодаря этому средства сообщенія испытали коренной переворотъ: возникло водяное сообщеніе при помощи парохода, сухопутное при помощи бѣгущаго по рельсамъ паровоза, сообщеніе извѣстій при помощи телеграфіи и телефоніи. Соединивъ эти новыя средства съ имѣвшимися уже ранѣе, почта создала мощный интернаціональный организмъ, подобно тому, какъ въ другой области ту же задачу выполнило другое могучее орудіе обращенія, интернаціональная пресса (см. стр. 143).

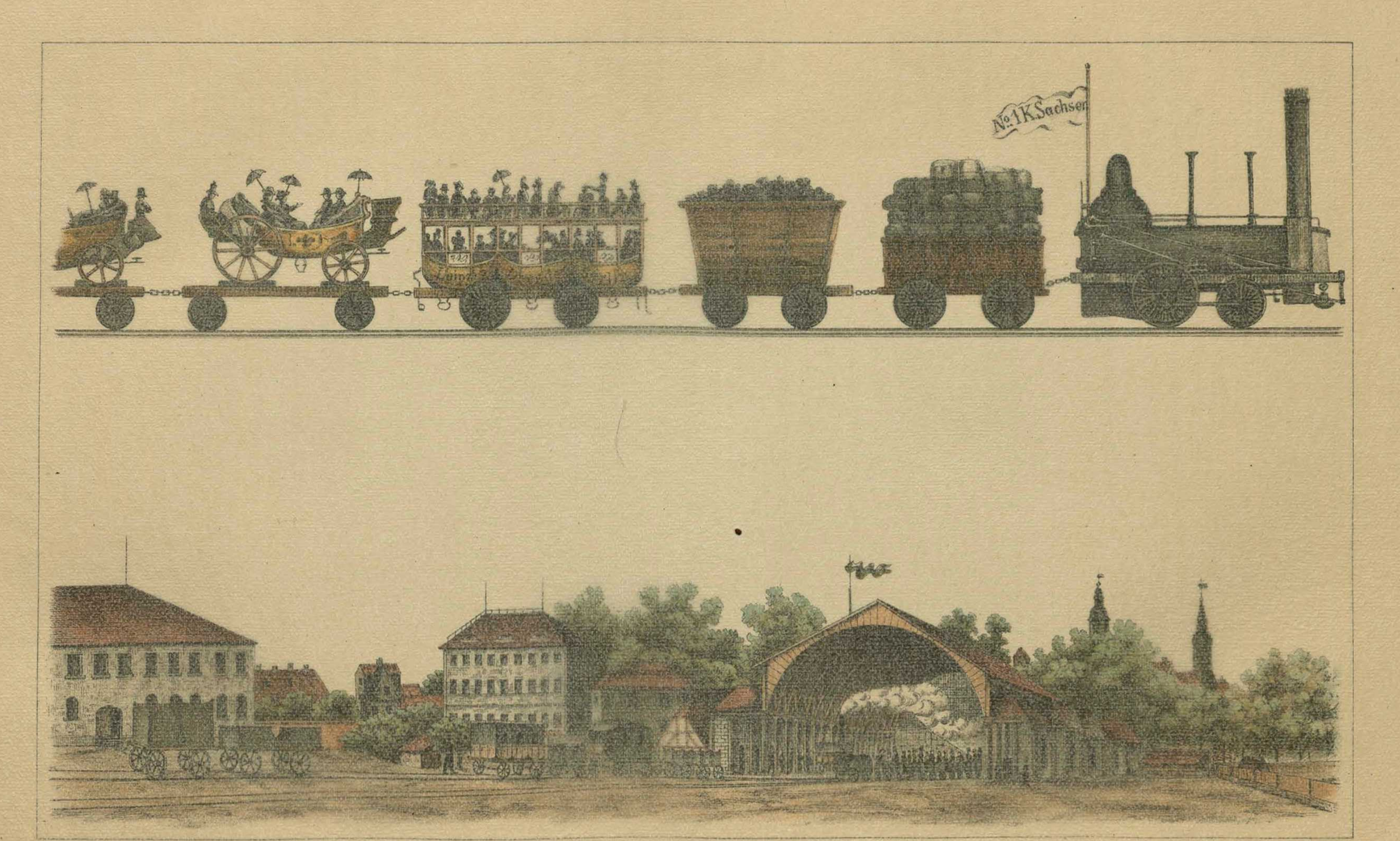
Каждое открытіе должно быть сдѣлано нѣсколько разъ, если только оно не появляется въ надлежащій моментъ, да и въ послѣднемъ случаѣ ему приходится выдержать борьбу не на жизнь, а на смерть, противъ глупости, косности, недовѣрія и своекорыстія. Сколько попытокъ потерпѣло неудачу, пока „Clermont“ Роберта Фультона не доказалъ на Гудзонѣ, что, по крайней мѣрѣ, по рѣкамъ пароходство возможно (1807 г.), пока переѣздъ „Savannah“ черезъ Атлантическій океанъ (1819 г.) не побѣдилъ предразсудка, что на морѣ пароходы не примѣнимы. Только въ 1840 г. было установлено регулярное почтово-пароходное сообщеніе между Англіей и Америкой (линія Кунардъ). Въ настоящее время торговые флоты Западной Европы насчитываютъ до 15,000 пароходовъ вмѣстимостью въ 10 милліоновъ тоннъ. Несмотря на то, что величина и число пароходовъ росли быстрѣе, чѣмъ величина и число парусныхъ судовъ, вмѣстимость послѣднихъ съ 1820 г. до настоящаго времени учетверилась. Отношеніе между паровымъ и парусным судоходствомъ является типичнымъ отношеніемъ жизнеспособнаго новаго изобрѣтенія къ жизнеупорному старому: послѣднія не приговариваются къ смерти и не вытѣсняются первыми, какъ хвастливо выкрикиваютъ изобрѣтатели и рекламеры, а сосредоточиваются на недо-

ступной позиціи, гдѣ съ успѣхомъ отстаиваютъ свое существованіе, какъ напримѣръ парусное судоходство въ области дешевой перевозки массовыхъ товаровъ.

Почти одновременно съ постройкой первыхъ пароходовъ геній человѣческой изобрѣтательности выступилъ съ желѣзной дорогой. И здѣсь среди многихъ, причастныхъ къ изобрѣтенію, счастливый жребій успѣха выпалъ на долю одного Георга Стефенсона; ему міръ обязанъ устройствомъ годнаго къ употребленію локомотива и первыхъ рельсовыхъ путей: первой желѣзнодорожной линіи Стоктонъ-Дарлингтонъ (1825 г.) и линіи Манчестеръ-Ливерпуль (1830 г.). Въ тридцатыхъ годахъ были открыты желѣзныя дороги въ Бельгіи, Франціи, Австріи, Германіи и Сѣверной Америкѣ. Въ Германіи толчокъ къ желѣзнодорожному строительству исходилъ отъ сознательныхъ агитаторовъ, среди которыхъ выдавались: политико-экономъ Фридрихъ Листъ и вестфальскій фабрикантъ Фрицъ Гаркортъ. Листъ избралъ центромъ своей агитаціи Лейпцигъ и добился проведенія Лейпцигско-Дрезденской желѣзной дороги, которая и была открыта въ 1839 г., послѣ того, какъ уже съ 1835 года начала функціонировать маленькая линія Нюрнбергъ-Фюртеръ. Съ 1840 г. желѣзно-дорожное строительство развивалось прогрессивно, пока наконецъ не достигло своей высшей точки, въ нашей части свѣта въ 80-хъ годахъ, на всемъ земномъ шарѣ въ 90-хъ. Едва ли въ какой-либо другой области непроизводительный духъ спекуляціи хозяйничалъ съ такой безудержностью, какъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Изъ раззоренія акціонеровъ и цѣлыхъ предпріятій почерпнули свои богатства „желѣзнодорожные короли“ Сѣверной Америки (Корнелій Вандербильтъ, Джей Гульдъ) и Европы (баронъ Морицъ фонъ-Гиршъ). Нельзя не видѣть вполнѣ правомѣрной реакціи противъ принципа безграничной хозяйственной свободы въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ желѣзныя дороги выкупаются государствомъ, какъ въ Пруссіи (1879 г.), Баваріи, Саксоніи, Австро-Венгріи, Россіи, или по крайней мѣрѣ подчинены установленному закономъ контролю, что имѣетъ мѣсто даже въ Англіи и Сѣверной Америкѣ.

Развитіе электрической телеграфіи было чуждо тѣхъ эксцессовъ, которыми отмѣчена исторія желѣзныхъ дорогъ. Телеграфное дѣло съ самаго начала было монополіей государства вездѣ, кромѣ Англіи, гдѣ оно лишь впослѣдствіи переведено въ государственную собственность (1869 г.). Послѣ того, какъ, пользуясь открытіями Гальвани, Вольты, Земмеринга, Ампера, Эрштедта, Шиллинга, геттингенскіе профессора Гауссъ и Веберъ устроили первый телеграфный проводъ на 900 метровъ разстоянія (1833 г.), быстро послѣдовали одно за другимъ изобрѣтенія, обезпечившія возможность употребленія телеграфіи въ желѣзнодорожномъ и почтовомъ дѣлѣ. Когда и континенты были связаны между собою подводнымъ кабелемъ (первымъ трансатлантическимъ проводомъ мы обязаны главнымъ образомъ настойчивости Сайруса Веста Фильда), телеграфія стала наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ международной торговли и, въ особенности, спекуляціи. Въ 1880-хъ годахъ электрическая телефонія присоединилась къ своей старшей сестрѣ. (Телефонъ Александра Грэгема Белля изобрѣтенъ въ 1876 г.).

Новѣйшая почта, исторія которой начинается въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ съ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій, находившихся въ завѣдываніи частныхъ лицъ, пріобрѣтаетъ свой теперешній характеръ съ XVI-го и XVII-го столѣтій, когда обращеніе писемъ, грузовъ и пассажировъ было объявлено регаліей. Нѣмецкая имперская почта также была регаліей, переданной въ 1595 г. въ видѣ лена фамиліи Турнъ и Таксисъ, которая еще при Максимиліанѣ I (1516 г.) придала этому дѣлу широкіе размѣры и возбудила плодотворную мысль интернаціональной почтовой организаціи. Въ XVII столѣтіи почта достигла уже такого совершенства, что



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Возникновеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Саксоніи.

Вверху: первый германскій поѣздъ по наброску Фридриха Листа. Внизу: первый вокзалъ въ Лейпцигѣ.

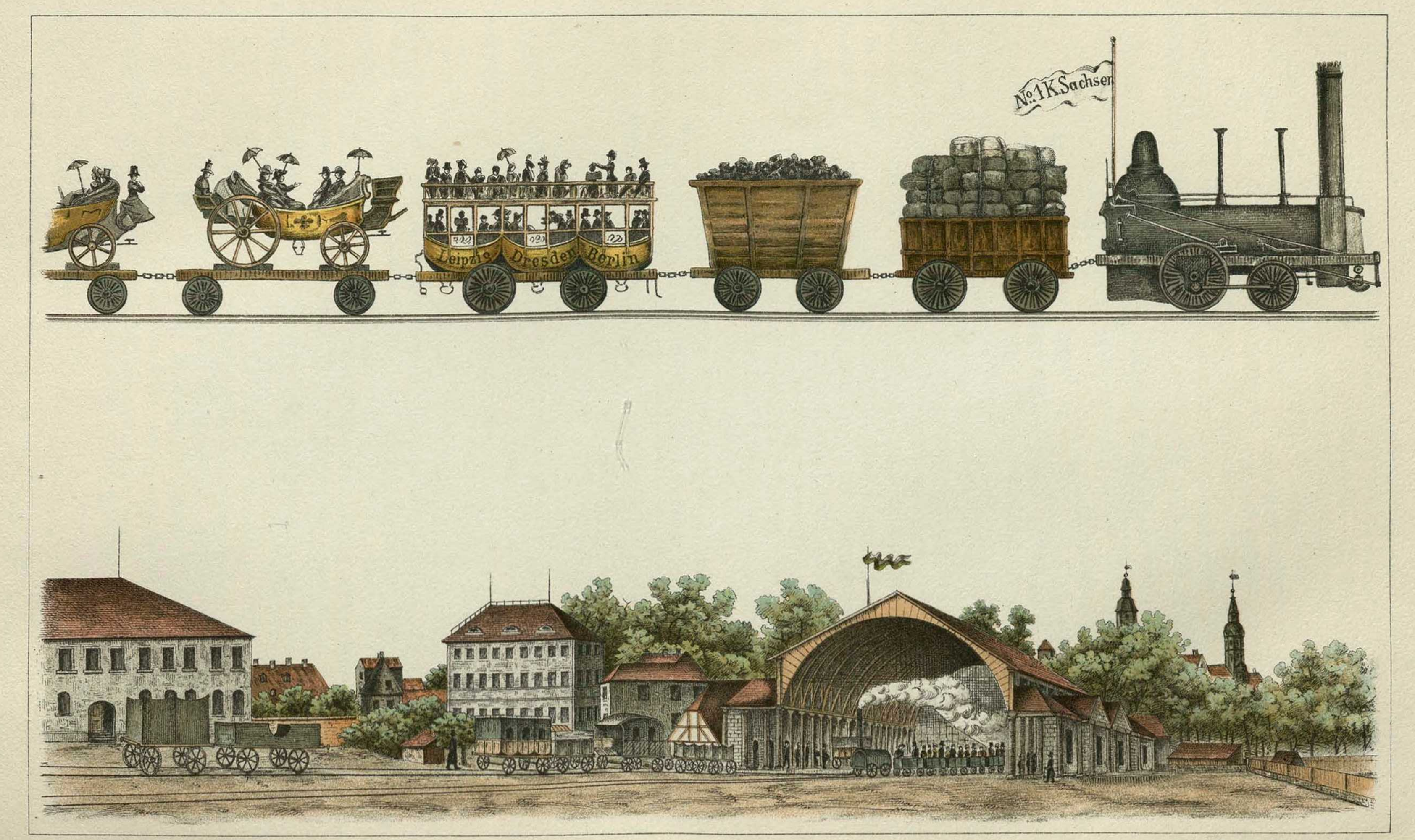
(По оригиналамъ, принадлежащимъ Общему

ступной позиціи, гдѣ съ успѣхомъ отстаиваютъ свое существованіе, какъ напримѣръ парусное судоходство въ области дешевой перевозки массовыхъ товаровъ.

Почти одновременно съ постройкой первыхъ пароходовъ геній человѣческой изобрѣтательности выступилъ съ желѣзной дорогой. И здѣсь среди многихъ, причастныхъ къ изобрѣтенію, счастливый жребій успѣха выпалъ на долю одного Георга Стефенсона; ему міръ обязанъ устройствомъ годнаго къ употребленію локомотива и первыхъ рельсовыхъ путей: первой желѣзнодорожной линіи Стоктонъ-Дарлингтонъ (1825 г.) и линіи Манчестеръ-Ливерпуль (1830 г.). Въ тридцатыхъ годахъ были открыты желѣзныя дороги въ Бельгіи, Франціи, Австріи, Германіи и Сѣверной Америкѣ. Въ Германіи толчокъ къ желѣзнодорожному строительству исходилъ отъ сознательныхъ агитаторовъ, среди которыхъ выдавались: политико-экономъ Фридрихъ Листъ и вестфальскій фабрикантъ Фрицъ Гаркортъ. Листъ избралъ центромъ своей агитаціи Лейпцигъ и добился проведенія Лейпцигско-Дрезденской желѣзной дороги, которая и была открыта въ 1839 г., послѣ того, какъ уже съ 1835 года начала функціонировать маленькая линія Нюрнбергъ-Фюртеръ. Съ 1840 г. желѣзно-дорожное строительство развивалось прогрессивно, пока наконецъ не достигло своей высшей точки, въ нашей части свѣта въ 80-хъ годахъ, на всемъ земномъ шарѣ въ 90-хъ. Едва ли въ какой-либо другой области непроизводительный духъ спекуляціи хозяйничалъ съ такой безудержностью, какъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Изъ раззоренія акціонеровъ и цѣлыхъ предпріятій почерпнули свои богатства „желѣзнодорожные короли" Сѣверной Америки (Корнелій Вандербильтъ, Джей Гульдъ) и Европы (баронъ Морицъ фонъ-Гиршъ). Нельзя не видѣть вполнѣ правомѣрной реакціи противъ принципа безграничной хозяйственной свободы въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ желѣзныя дороги выкупаются государствомъ, какъ въ Пруссіи (1879 г.), Баваріи, Саксоніи, Австро-Венгріи, Россіи, или по крайней мѣрѣ подчинены установленному закономъ контролю, что имѣетъ мѣсто даже въ Англіи и Сѣверной Америкѣ.

Развитіе электрической телеграфіи было чуждо тѣхъ эксцессовъ, которыми отмѣчена исторія желѣзныхъ дорогъ. Телеграфное дѣло съ самаго начала было монополіей государства вездѣ, кромѣ Англіи, гдѣ оно лишь впослѣдствіи переведено въ государственную собственность (1869 г.). Послѣ того, какъ, пользуясь открытіями Гальвани, Вольты, Земмеринга, Ампера, Эрштедта, Шиллинга, геттингенскіе профессора Гауссъ и Веберъ устроили первый телеграфный проводъ на 900 метровъ разстоянія (1833 г.), быстро послѣдовали одно за другимъ изобрѣтенія, обезпечившія возможность употребленія телеграфіи въ желѣзнодорожномъ и почтовомъ дѣлѣ. Когда и континенты были связаны между собою подводнымъ кабелемъ (первымъ трансатлантическимъ проводомъ мы обязаны главнымъ образомъ настойчивости Сайруса Веста Фильда), телеграфія стала наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ международной торговли и, въ особенности, спекуляціи. Въ 1880-хъ годахъ электрическая телефонія присоединилась къ своей старшей сестрѣ. (Телефонъ Александра Грэгема Белля изобрѣтенъ въ 1876 г.).

Новѣйшая почта, исторія которой начинается въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ съ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій, находившихся въ завѣдываніи частныхъ лицъ, пріобрѣтаетъ свой теперешній характеръ съ XVI-го и XVII-го столѣтій, когда обращеніе писемъ, грузовъ и пассажировъ было объявлено регаліей. Нѣмецкая имперская почта также была регаліей, переданной въ 1595 г. въ видѣ лена фамиліи Турнъ и Таксисъ, которая еще при Максимиліанѣ I (1516 г.) придала этому дѣлу широкіе размѣры и возбудила плодотворную мысль интернаціональной почтовой организаціи. Въ XVII столѣтіи почта достигла уже такого совершенства, что



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Возникновеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Саксоніи.

Вверху: первый германскій поѣздъ по наброску Фридриха Листа. Внизу: первый вокзалъ въ Лейпцигѣ.

(По оригиналамъ, принадлежащимъ Общему Техническому Бюро Главной Дирекціи Саксонскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, рисунокъ красками Е. Р. Клауберта.)

явилась возможность вести коммерческія дѣла преимущественно путемъ писемъ, развить коммиссіонную торговлю и въ извѣстныхъ случаяхъ пересылать товары по почтѣ. Въ то время какъ въ XVII и XVIII вѣкахъ искусственныя дороги были рѣдки или же вслѣдствіе небреженія скоро снова приходили въ запущенное состояніе, въ XIX столѣтіи почта располагаетъ не только прекрасно содержимыми гужевыми дорогами, но и всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ области средствъ сообщенія. Кромѣ того почта и въ своемъ внутреннемъ устройствѣ сдѣлала не малые успѣхи: заведены объединенные тарифы (Рауландъ Гилль; законопроектъ 1834 г., Pennyporto-bill въ 1839 г.), почтовыя марки (Джэмсъ Чэльмерсъ; проектъ 1834 г., изданіе первыхъ почтовыхъ знаковъ въ 1840 г.), открытыя письма (впервые введены въ 1869 г. въ Австріи), переводные бланки, сберегательныя кассы (мысль банкира В. Сайкса изъ Геддерсфильда, осуществлена въ Англіи въ 1861 г.) и т. д. Однако наиболѣе величественнымъ созданіемъ въ области почтоваго дѣла является безусловно „всемірный почтовый союзъ", основанный (9 окт. 1874 г.) по инициативѣ нѣмецкаго генералъ-почтмейстера Генриха Стефана, и охватывающій въ настоящее время всѣ цивилизованныя страны земного шара.

Въ Бернѣ засѣдаетъ постоянное интернаціональное бюро всемірнаго почтоваго союза; тамъ же находится бюро международнаго телеграфнаго управленія (съ 1868 г.) и центральные органы международнаго союза для защиты ремесленной, литературной и художественной собственности (1886 года) и международнаго соглашенія относительно желѣзно-дорожнаго грузового движенія (1890 г.). Международный союзъ для введенія метрическихъ мѣръ и вѣсовъ имѣетъ мѣстомъ своихъ засѣданій Парижъ (1876 г.), бюро для подавленія торговли рабами (1890 г.) и союзъ для опубликованія таможенныхъ тарифовъ (1890 г.) въ Брюсселѣ. Присоединяя сюда еще Потсдамское бюро для введенія интернаціональнаго градуснаго измѣренія, мы получаемъ восемь международныхъ союзовъ, преслѣдующихъ цѣли, выходящія за предѣлы вліянія отдѣльныхъ государствъ.

Если задачей почты является пересылка извѣстій, то сущность прессы заключается въ ихъ распространеніи и обсужденіи. Дѣйствительная, истинная исторія прессы будетъ возможна только тогда, когда будетъ написана исторія крупныхъ денежныхъ силъ нашего вѣка. Однако уже теперь возможно намѣтить поворотный пунктъ, начиная съ котораго скромное газетное дѣло прежняго времени, поступивъ на службу къ крупному капиталу, приняло форму крупнаго производства; это — іюльская монархія, время, въ теченіе котораго спекулянтъ широкаго размаха, Луи Филиппъ Орлеанскій, былъ королемъ французовъ (1830—40 гг.). Знаменоносцемъ журналистики, когда она повернула фронтъ и направилась въ лагерь властителей биржи и рыцарей дутой рекламы, былъ Эмиль Жирарденъ, основатель „La Presse". Еще и понынѣ французскія газеты имѣютъ наиболѣе широкое интернаціональное распространеніе. Подобныя же цѣли преслѣдуются международными выставками.

Е. Деньги и кредитъ.

Наиболѣе важное средство обращенія, деньги, и именно металлическія деньги, въ XIX столѣтіи не подвергались уже оффиціальной фальсификаціи въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ прежнее время; но съ бумажными замѣстителями денегъ (денежными суррогатами) обращались въ теченіе этого же періода не болѣе чистоплотно, чѣмъ раньше.

Цѣна и взаимное цѣнностное отношеніе обоихъ благородныхъ металловъ зависитъ прежде всего отъ высоты ихъ выработки. Въ XVII и XVIII вѣкахъ къ старымъ мѣстонахожденіямъ золота присоединилась Бразилія, доставлявшая также алмазы; въ первой половинѣ XIX столѣтія

значительное увеличеніе общей суммы циркулирующаго золота было вызвано разработкой русскихъ копей. Не задолго до половины столѣтія были открыты калифорнскія (1847 г.) и австралійскія (1851 г.) золотоносныя области, богатство которыхъ немедленно же дало себя знать повышеніемъ товарныхъ цѣнъ, еще болѣе быстрымъ, чѣмъ это имѣло мѣсто въ XVI столѣтіи. Австралійская и калифорнская золотопромышленность начинала уже падать и тревожное ожиданіе недостатка золота закрадывалось въ сердца, когда были открыты и подвергнуты самой широкой эксплуатаціи африканскія золотыя розсыпи вмѣстѣ съ находящимися по близости отъ нихъ алмазными копями. Начиная съ половины XIX вѣка расширялось также и производство серебра, такъ какъ къ старымъ мѣстонахожденіямъ его присоединились рудники въ сѣверо-американскихъ Кордильерахъ. Въ то время какъ спросъ на золото возрасталъ вмѣстѣ съ ростомъ его выработки, потребность въ серебрѣ отставала отъ производства, такъ какъ почти во всѣхъ крупныхъ торговыхъ государствахъ чеканка серебряной монеты была уменьшена или вовсе пріостановлена. Результатомъ этого явилось непрерывное, начиная съ 1874 года, паденіе цѣны серебра и соотвѣтственное измѣненіе въ цѣнностномъ отношеніи между обоими денежными матеріалами. Выработка золота съ 1500 г. до 1800 г. оцѣнивается въ 4750 милліоновъ рублей; къ этому присоединились 1150 милліоновъ, добытыхъ въ первую половину, и почти 15,000 милліоновъ во вторую половину XIX-го столѣтія, такъ что общая сумма добычи отъ 1500 до 1900 г. достигаетъ круглымъ числомъ 20,000 милліоновъ рублей. Точно также и производство серебра за указанный періодъ выражается въ общей суммѣ 20,000 милліоновъ рублей слишкомъ. Въ то время какъ до 70-хъ годовъ цѣнностное соотношеніе бѣлаго и желтаго металловъ лишь немногимъ уклонялось отъ положенной въ основу денежнаго обращенія пропорціи $1:15^1/_2$, въ послѣдніе годы оно, постоянно колеблясь, спустилось въ среднемъ до 1 : 35.

Обезцѣненіе серебра ускорило переходъ къ золотой валютѣ, вызванный кромѣ того многими другими соображеніями. Борьба изъ за различныхъ системъ денежнаго обращенія является конечно не простымъ столкновеніемъ мнѣній, но столкновеніемъ интересовъ, вліяющихъ также и на политическую жизнь. Въ первой половинѣ столѣтія страны съ серебрянымъ и двойнымъ обращеніемъ составляли еще большинство; только Англія перешла къ золотой валютѣ еще въ 1816 г., послѣ системы бумажныхъ денегъ, къ которой ей пришлось прибѣгнуть въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Лишь въ 1873 году первая страна съ крупнымъ населеніемъ послѣдовала британскому примѣру и ввела у себя золотое обращеніе,—это была Германская имперія; вслѣдъ за ней реформу совершили: въ 1873—1875 гг. Скандинавская монетная унія, въ 1875 г. Голландія, въ 1892 г. Австро-Венгрія, до сихъ поръ еще не закончившая преобразованія, въ 1897 году Японія. Франція осталась вѣрна своей, введенной въ 1803 г., системѣ двойного обращенія даже послѣ заключенія съ Италіей, Бельгіей и Швейцаріей „латинскаго монетнаго союза“ (1865 г.); однако она все же пріостановила чеканку серебряной монеты. Попавшій въ немилость бѣлый металлъ сохранялъ еще за собою одно убѣжище, служившее въ теченіе тысячелѣтій мѣстомъ его особеннаго скопленія: юго-восточную Азію; но въ 1893 г. Великобританія воспретила свободную чеканку серебра также и въ своихъ остиндскихъ владѣніяхъ и такимъ образомъ въ настоящее время мы находимся наканунѣ всемірнаго господства золотой валюты. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось и американцамъ отказаться отъ попытки удержать въ обращеніи часть вырабатываемаго у нихъ серебра путемъ спеціальнаго закона (Билль Бланда и Шермэна).

Металлическія деньги отдѣльныхъ областей обращенія лишь отчасти находятся въ оборотѣ; другая часть ихъ покоится въ кладовыхъ эмиссі-

онныхъ банковъ и порождаетъ, оплодотворенная кредитомъ, своихъ бумажныхъ замѣстителей. За исключеніемъ англійскихъ банковъ, уставы которыхъ опредѣляются банковскимъ актомъ Пиля отъ 1844 г., крупныя эмиссіонныя учрежденія Европы являются порожденіемъ XIX вѣка; таковы: Французскій банкъ (1800 г.), Австрійскій національный банкъ (основанъ въ 1816 г., въ 1878 г. преобразованъ въ Австро-Венгерскій банкъ), Нѣмецкій имперскій банкъ (1875 г.), Итальянскій банкъ, построенный изъ обломковъ крупнаго банковаго краха и т. д. Въ то время, какъ прежде учрежденія, имѣющія право выпускать банкноты, были государственными банками, въ XIX вѣкѣ это по преимуществу частные акціонерные банки и потому подчинены вліянію финансовой аристократіи. Но и правительства, требуя вознагражденія за дарованную банкамъ монополію, оказываютъ вліяніе на эмиссіонныя учрежденія, часто не въ пользу правильной постановки денежнаго дѣла. Такъ было въ Австріи еще въ періодъ войнъ 1792—1815 гг. Правда, послѣ денежнаго краха (государственнаго банкротства) 1811 г. и его добавленія въ 1816 г. эмиссіонная операція была урегулирована; однако съ 1848 г. въ Австріи господствуютъ неразмѣнныя банкноты, къ которымъ въ 1869 году присоединились еще не покрытыя металлической наличностью государственныя бумажныя деньги. Такъ какъ и въ настоящее время эти послѣднія не изъяты изъ обращенія и государственный долгъ банку не погашенъ, то декретированное въ 1892 г. золотое обращеніе фактически все еще не проведено. Еще хуже обстоятъ дѣла въ южно-европейскихъ государствахъ, не говоря уже о неевропейскихъ, финансовые кризисы которыхъ при теперешнихъ всемірно-хозяйственныхъ связяхъ ощущаются и въ Европѣ, этой родинѣ международнаго ссуднаго капитала, производя здѣсь банкротства.

Финансовыя потребности крупныхъ государствъ возродили на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій денежныхъ магнатовъ, которые по своему богатству и могуществу такъ же относятся къ Фуггерамъ, какъ міровое, народное и государственное хозяйство XIX вѣка къ соотвѣтственнымъ величинамъ XVI вѣка. Какова задача, написать исторію вѣка Ротшильдовъ! Такъ какъ въ наше время, подъ вліяніемъ индивидуалистическаго свободнаго хозяйства, старые профессіональные и сословные союзы разложились, такъ какъ индивидуумъ сталъ беззащитной жертвой неограниченной конкурренціи и безудержной спекуляціи, то, естественно, огромное могущество могутъ пріобрѣсти сравнительно слабо связанныя между собою, эфемерныя организаціи: акціонерныя общества, картели, биржевые синдикаты. Денаціонализація хозяйственной жизни, поглощеніе народныхъ хозяйствъ міровымъ, дала возможность такъ слабо соединенному между собою интернаціональному еврейству достигнуть всемогущества, опираясь на устои биржи и прессы.

Изъ союза банковъ съ биржами возникъ также характеристичный для XIX вѣка учредительный банкъ, или финансовое общество, имѣющее задачей доставлять спекуляціи матеріалъ для игры путемъ учрежденія новыхъ акціонерныхъ товариществъ и извлекать непосредственную выгоду изъ спекуляцій. Образцомъ подобнаго рода банковъ можетъ послужить парижскій Crédit mobilier, который былъ вызванъ къ жизни въ 1852 г. двумя евреями португальскаго происхожденія, братьями Жакомъ Эмилемъ и Исаакомъ Перейрами, якобы съ цѣлью сломить могущество нѣмецкаго еврейства (группа Ротшильдовъ), какъ это впослѣдствіи обѣщали Андрэ Лагранъ-Дюмонсо (1869) и Эженъ Бонту (1880—1882), но конечно лишь для того, чтобы привлечь къ себѣ иначе недоступные капиталы клерикальныхъ и консервативныхъ круговъ.

Такимъ то образомъ индивидуализмъ, или принципъ свободной конкурренціи, привелъ въ XIX столѣтіи къ неустойчивому міровому хозяйству подъ тираніей спекулянтовъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ

всѣ области производства (путемъ картелей, трестовъ) и поддерживающихъ постоянныя колебанія всѣхъ цѣнностей, благодаря чему извлекаются громадные барыши и составляются колоссальныя состоянія „милліардеровъ“.

Ж. Европейское сельское хозяйство и его критическое положеніе.

Если мы бросимъ взглядъ на состояніе отдѣльныхъ отраслей западно-европейскаго производства, то увидимъ, что земледѣліе съ его побочными развѣтвленіями сильнѣе всего затронуто процессомъ вовлеченія національныхъ хозяйствъ въ общую связь міpового хозяйства. Когда европейское сельское хозяйство было освобождено отъ феодальныхъ оковъ, волна облегченія прокатилась по всему міру; заря новаго дня освѣтила существованіе человѣчества въ его старой юдоли скорби и слезъ. За освобожденіемъ крестьянъ во Франціи (1789 г.), послѣдовала эмансипація въ Пруссіи (1807—1851 г.), Австріи (1848 г.); и въ Россіи крѣпостное право было отмѣнено (1861 г.). Англія, гдѣ не было крестьянскаго сословія, а слѣдовательно и освобожденія крестьянъ, стала во главѣ движенія, поставившаго своею цѣлью уничтоженіе рабства. Послѣднее впрочемъ лишь посредственно затрогивало европейскія отношенія; если торговля рабами могла считаться уничтоженной уже въ 1820 г., то отмѣна рабскаго состоянія въ Средней и Южной Америкѣ закончилась лишь въ 1888 году.

Не только въ соціальномъ, но и въ чисто техническомъ отношеніи сельское хозяйство сдѣлало въ теченіе XIX вѣка многообѣщающіе успѣхи. Послѣ того какъ уже въ предшествующемъ столѣтіи совершился переходъ отъ трехпольнаго къ плодосмѣнному хозяйству, земледѣліе, скотоводство и лѣсоводство получило раціональную постановку, благодаря успѣхамъ химіи и біологіи; сельское хозяйство стало наукой, а тамъ, гдѣ имѣлись въ распоряженіи капиталы, индустріей. Характеръ международныхъ отношеній также пробуждалъ большія надежды. Европа, казалось, стремилась расколоться на двѣ области: индустріальную, съ недостаточнымъ производствомъ жизненныхъ средствъ и сырыхъ матеріаловъ, и сельскохозяйственную, которая нуждалась въ обмѣнѣ избытка пищевыхъ и сырыхъ продуктовъ на предметы индустріи. Голландія и Бельгія уже много столѣтій требовали подвоза хлѣба извнѣ; Великобританія также открыла свои гавани кораблямъ, подвозившимъ продукты добывающей промышленности, послѣ того какъ крупные фабриканты подъ предводительствомъ лэнкаширскихъ бумагопрядильщиковъ подняли агитацію (Лига противъ хлѣбныхъ законовъ: „Anti-cornlaw-league“) и выбили въ концѣ концовъ изъ сѣдла крупныхъ землевладѣльцевъ, получавшихъ, благодаря высокимъ покровительственнымъ пошлинамъ, чрезмѣрные доходы. Хлѣбныя пошлины были уничтожены въ 1846 г., ввозъ хлѣба объявленъ свободнымъ, чѣмъ не преминули воспользоваться Россія, нѣмецкія Балтійскія провинціи, Венгрія.

Однако мирное раздѣленіе производительнаго труда между земледѣльческими и промышленными странами Европы, при которомъ, впрочемъ, первыя чувствовали себя обдѣленными, продержалось не долго. Съ одной стороны индустріальное населеніе Западной Европы возрастало въ такой степени, что подвозъ хлѣба изъ одной только этой, сравнительно небольшой, части свѣта оказывался недостаточнымъ; въ странахъ, до сихъ поръ по преимуществу земледѣльческихъ, промышленное населеніе мало по малу становилось преобладающимъ, какъ напр., въ Германіи послѣ 1871 г. Съ другой стороны выгодно расположенныя земли внѣ Западной Европы были въ состояніи снабжать послѣднюю хлѣбомъ въ количествѣ, достаточномъ для покрытія возрастающаго спроса даже при наиболѣе быстромъ увеличеніи промышленнаго населенія. Начиная съ того момента, когда въ дѣлѣ снабженія Западной Европы жизненными средствами и сырыми матеріалами заокеанскія страны вступили въ конкурренцію съ европейскимъ

сельскимъ хозяйствомъ, послѣднее впало въ состояніе хроническаго кризиса, продолжающагося вплоть до настоящаго времени. Только Россія благодаря плодоносному чернозему и дешевому труду смогла удержать свою позицію на ряду съ Соединенными Штатами, Остиндіей, Австраліей, Аргентиной.

Такъ какъ этотъ поворотный пунктъ въ судьбѣ западно-европейскаго сельскаго хозяйства имѣлъ мѣсто въ 1875—1876 гг., то, слѣдовательно, кризисъ продолжается уже четверть столѣтія. Мировое хозяйство, живущее изо дня въ день, не безпокоится о томъ, что почва, вслѣдствіе хищнической эксплуатаціи по сю и по ту сторону океана, приводится къ окончательному истощенію, мало заботитъ его также вопросъ, имѣютъ ли вывозящія хлѣбъ страны достаточно пищевыхъ средствъ для себя, или же сотни тысячъ ихъ обитателей вынуждены умирать съ голоду, какъ например въ Остиндіи. Цѣна на міровомъ рынкѣ опредѣляетъ собою высоту земельной ренты, заработной платы, торговой прибыли въ каждой отдѣльной области народнаго производства; между тѣмъ въ торговлѣ продуктами добывающей промышленности, — а одна только хлѣбная торговля составляетъ десятую часть всего мірового торговаго оборота, — цѣны на всемірномъ рынкѣ зависятъ прежде всего не отъ производственныхъ отношеній, не отъ спроса и предложенія, а отъ всемірной биржи съ ея спекуляціей, съ ея дутыми предпріятіями, при помощи которыхъ часто продается въ 30 разъ больше товара, чѣмъ его имѣется въ наличности. И при всемъ томъ, несмотря на низкія, почти убійственныя для европейскаго земледѣлія, міровыя цѣны, продуктъ, попадающій въ руки потребителя, не дешевле и не лучше, чѣмъ въ эпоху высокихъ мѣстныхъ цѣнъ, такъ какъ многочисленные слои торговыхъ посредниковъ по кусочкамъ присвоиваютъ себѣ всю разницу. Причиной того обезсиленія, отъ котораго страдаетъ сельское хозяйство Западной Европы и всего остального міра, слѣдуетъ считать гипертрофію индустріальнаго и коммерческаго развитія, подготовленную меркантильной системой и доведенную до невѣроятныхъ размѣровъ вѣкомъ свободной конкурренціи.

3. Промышленность и торговля.

При видѣ этой вопіющей несоразмѣрности мы могли бы, быть можетъ, утѣшиться, занявшись сравненіемъ количествъ угля, желѣза, хлопчатобумажной пряжи, свекловичнаго сахара и т. п., производимыхъ въ Европѣ въ настоящее время и производившихся въ ней въ началѣ столѣтія свободной конкурренціи; но разсмотрѣнію хозяйственныхъ и общественныхъ измѣненій въ промышленной области посвященъ нами особый отдѣлъ восьмого тома. Впрочемъ, указывая на техническіе успѣхи вѣка, не слѣдуетъ умалчивать и о томъ, что значительная часть механическихъ и химическихъ ухищреній направлена на фальсификацію и суррогаты или на изготовленіе дешевыхъ продуктовъ массового потребленія возможно низкаго качества. Необходимо во всякомъ случаѣ подчеркнуть, что промышленность, которую такъ поощрялъ меркантилизмъ ради доходной внѣшней торговли, стала теперь самоцѣлью, при чемъ ея регулярное перепроизводство неизбѣжно приводитъ торговлю къ катастрофѣ. Государство, вмѣшательства котораго въ другія сферы производители не терпятъ, обязано поддерживать промышленныя предпріятія таможенными тарифами и торговыми трактатами, огнемъ и мечемъ; и все же, обезпеченные такимъ образомъ доходы уплываютъ, въ концѣ концовъ, изъ кармановъ промышленниковъ въ руки стоящихъ въ сторонѣ профессіональныхъ спекулянтовъ.

Перепроизводство и чрезмѣрная спекуляція являются причинами торговыхъ и спекулятивныхъ кризисовъ, благодаря которымъ все столѣтіе свободной конкурренціи можетъ быть раздѣлено на чередующіеся

періоды хозяйственнаго процвѣтанія и хозяйственнаго упадка. Въ началѣ XIX вѣка, когда еще отдѣльныя народныя хозяйства были болѣе или менѣе отграничены другъ отъ друга, періодическіе кризисы прежде всего обнаружились въ самой промышленно развитой странѣ, Великобританіи. Чѣмъ дальше впередъ подвигалось столѣтіе, чѣмъ разностороннѣе становилась всемірно-хозяйственная связь между народными хозяйствами, тѣмъ шире распространялись застои, оживленія и катастрофы производства и сбыта. Въ Англіи грандіозное разореніе промышленныхъ и экспортныхъ фирмъ произошло въ 1815 г., когда оказалось, что продукты промышленности, скопившіеся въ теченіе періода колоніальной системы (1806—14 гг.), не могутъ быть проданы вслѣдствіе недостаточной покупательной способности истощеннаго войнами материка; и еще цѣлый рядъ лѣтъ послѣ этой катастрофы англійская промышленность находилась въ состояніи застоя. Уже въ 1825 году чрезмѣрная спекуляція съ иностранными займами и акціями вызвала новый кризисъ; избытокъ вновь учрежденныхъ банковъ былъ причиною кризиса 1836—39 гг., обостреннаго одновременно съ нимъ разразившимся сѣверо-американскимъ кризисомъ. Послѣ неистовой спекуляціи съ хлѣбомъ въ 40-хъ годахъ послѣдовалъ кризисъ 1847 года, который уже далъ себя почувствовать во всѣхъ главныхъ торговыхъ пунктахъ земного шара. Еще обширнѣе была сфера потрясеній, произведенныхъ кризисомъ 1857 г., имѣвшимъ мѣсто, послѣ того какъ изобиліе золота, вызванное открытіемъ залежей у Тихаго океана, чрезмѣрно подняло духъ спекуляціи. 7-ое десятилѣтіе началось хлопчатобумажнымъ кризисомъ, обусловленнымъ американской гражданской войной (1861—65 гг.); кромѣ того въ 1866 г. вслѣдствіе избыточнаго учредительства новыхъ акціонерныхъ товариществъ произошла заминка въ промышленномъ мірѣ Лондона. Затѣмъ наступили годы блестящаго подъема, время высокой конъюнктуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безумной биржевой игры,—въ заманчивыхъ надеждахъ на барыши не было тогда недостатка, такъ какъ именно въ это время (1871—73 гг.) Франція была вынуждена уплатить побѣдоносной Германской имперіи 5 милліардовъ военной контрибуціи. Спекулятивныя и учредительскія излишества привели къ „великому краху“ 1873 года, разразившемуся прежде всего въ Австріи, дотолѣ ограниченной отъ остального промышленнаго міра; хозяйственное угнетеніе, начавшееся послѣ мѣстныхъ катастрофъ, длилось до 1878 года. Пятилѣтній застой смѣнился пятилѣтнимъ подъемомъ (1878—83 гг.) интернаціональнаго производства, затѣмъ идетъ снова пятилѣтіе упадка 1883—88 гг., потомъ новый подъемъ 1890—1896 гг. и наконецъ, за самые послѣдніе годы, подъемъ съ небывало высокими конъюнктурами въ 1899 и 1900 гг. Впрочемъ на денежномъ и бумажномъ рынкѣ даже каждый отдѣльный предметъ міровой торговли имѣетъ свой особый барометрическій уровень, свои особыя колебанія вверхъ и внизъ, благодаря чему руководящая всѣмъ спекуляція и пріобрѣтаетъ свое могущество.

Какую же позицію по отношенію къ этимъ явленіемъ заняла политика и прежде всего торговая политика? Въ началѣ мирнаго періода, послѣдовавшаго за низверженіемъ Наполеона I, большинство государствъ еще сохраняли унаслѣдованную систему запретовъ и покровительствъ, мало того, нѣкоторыя, какъ напр., Франція и Австрія, даже усилили уже нѣсколько смягчившуюся къ тому времени исключительность по отношенію къ заграницѣ. Въ Великобританіи принципъ свободной торговли, боровшійся съ покровительственной системой, былъ не простою теоріей, а практически необходимой предпосылкой дальнѣйшаго процвѣтанія крупной промышленности, тѣсно связанной съ міровымъ рынкомъ; лишь послѣ того, какъ хозяйственно сильнѣйшая страна міра, Англія, сумѣла путемъ убѣжденія или договора открыть себѣ замкнутые рынки всѣхъ остальныхъ болѣе слабыхъ странъ, лишь послѣ этого начинается для Англіи время

всемірнаго господства, которому дотолѣ мѣшали правительственныя мѣропріятія континента. Однако первой задачей партіи свободной торговли — союза крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ торговцевъ -- было устраненіе внутреннихъ препятствій, воздвигнутыхъ на ихъ пути торійской аристократіей, крупнымъ землевладѣніемъ. Первымъ борцомъ за свободомыслящую торговую политику былъ Вильямъ Гескиссонъ (въ 1823—27 гг. президентъ торгово-промышленнаго совѣта, „board of trade"); оффиціальное признаніе система свободной торговли получила въ реформахъ Роберта Пиля (1841—48 г.), отмѣнѣ навигаціоннаго акта (1849 г.) и Гладстоновскихъ реформахъ 50-хъ годовъ. Англійско-французскій торговый договоръ 1860 г., названный по имени англійскаго представителя, участвовавшаго въ его заключеніи, договоромъ Кобдена, открываетъ собою новую эпоху интернаціональной политики свободной торговли. Впослѣдствіи большинство европейскихъ государствъ снова вернулись отъ безусловной свободы къ умѣреннымъ покровительственнымъ пошлинамъ, но Англія до сихъ поръ осталась вѣрна основнымъ началамъ 1860 года. Только за самое послѣднее время появляются признаки, что и она начинаетъ колебаться; по крайней мѣрѣ имѣются сильныя противоположныя теченія: имперіализмъ и Fair-Trade-League („Лига справедливой торговой политики" съ 1881 г.), желающая свободы торговли только въ обмѣнъ на свободу торговли, и покровительственныхъ пошлинъ противъ государствъ съ покровительственными пошлинами. Другія западно-европейскія государства, за исключеніемъ Нидерландовъ, лишь короткое время слѣдовали за Англіей въ ея движеніи къ неограниченной свободѣ торговли и затѣмъ снова вернулись къ покровительственной политикѣ; при этомъ однако удержался принципъ торговыхъ договоровъ, заключаемыхъ съ цѣлью доставить преимущества отдѣльнымъ отраслямъ отечественнаго производства путемъ взаимныхъ уступокъ договаривающихся сторонъ. Наиболѣе рѣшительно реакція противъ свободной торговли проявилась во Франціи. Послѣ господства въ первой половинѣ столѣтія покровительственной системы, направленной къ охраненію интересовъ какъ сельскаго хозяйства, такъ и промышленности, Наполеонъ III, руководствуясь соображеніями общей политики, перешелъ въ 1860 г. къ системѣ договоровъ въ смыслѣ свободы торговли. Съ 1892 года Франція снова имѣетъ всеобемлющую покровительственную систему съ высокими пошлинами на земледѣльческіе и промышленные продукты, съ дифференціальными пошлинами противъ чужестранцевъ въ колоніяхъ, съ отнятіемъ у иностранцевъ права побережной торговли и съ максимальнымъ тарифомъ для всѣхъ государствъ, гдѣ Франція не пользуется правами наиболѣе покровительствуемой державы. На непрерывный ростъ благосостоянія французскаго народа ни покровительственная, ни противоположная ей политика не оказали неблагопріятнаго вліянія.

Въ XIX столѣтіи нѣмецкая торговля также добилась полной самостоятельности и со времени основанія новой имперіи, на ряду съ промышленною дѣятельностью, достигла расцвѣта, который далеко превосходитъ наиболѣе блестящіе періоды прошлаго. Во всякомъ случаѣ въ началѣ столѣтія еще не было нѣмецкаго народнаго хозяйства. Однако Пруссія быстро усмотрѣла, какое важное преимущество передъ соперничающей Австріей могло бы ей доставить хозяйственное объединеніе Германіи подъ ея знаменемъ. Въ 1818 г. Пруссія ввела у себя таможенный законъ, болѣе свободомыслящій, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ того времени. Въ 1833 году она заключила рядъ договоровъ, послужившихъ основаніемъ для нѣмецкаго таможеннаго союза (Deutscher Zollverein), возникшаго 1 января 1834 года. Въ соотвѣтствіи съ интересами еще слабаго въ промышленномъ отношеніи народа, въ таможенномъ союзѣ первое время преобладало покровительственное теченіе. Дважды, въ 1853 г.

и въ 1865 г., отразивъ попытку Австріи заставить принять ее въ число членовъ, союзъ въ 60-хъ годахъ былъ увлеченъ движеніемъ въ пользу свободной торговли, достигшимъ своего апогея въ 1877 году. Въ 1879 году финансово-, торгово- и соціально-политическія реформы Бисмарка положили основу всестороннему покровительству, причемъ съ особенной силой были представлены земледѣльческіе интересы, доминирующіе въ восточной Германіи. Въ 1892 году имперія заключила съ среднеевропейскими государствами (Австро-Венгріей, Италіей, Бельгіей, Швейцаріей) торговые договоры, остающіеся въ силѣ до 1904 года. Въ то же время объединенная торгово-политически имперія сдѣлалась первой торговой силой континента, второй во всемъ мірѣ; какъ промышленное государство она занимаетъ третье мѣсто.

Австро-Венгрія также прошла аналогичныя фазы торгово-политическаго развитія. До 1850 г. находилась еще въ силѣ Іосифовская запретительная система; 50-ые годы характеризуются умѣренной системой покровительства, причемъ въ это же время рушатся таможенныя перегородки между венгерскими землями и остальной имперіей. Въ торговыхъ договорахъ 60-хъ годовъ отразилось теченіе въ пользу свободы торговли, увлекшее тогда своимъ потокомъ весь міръ; однако уже въ началѣ 70-хъ годовъ обнаруживается сильная реакція, еще болѣе увеличившаяся благодаря несчастному опыту во время краха 1872 года. Въ 1878 году имперія перешла къ автономнымъ покровительственнымъ пошлинамъ и въ 1892 г. присоединилась къ системѣ среднеевропейскихъ торговыхъ договоровъ. Подобное же теченіе имѣла исторія торговой политики въ Португаліи, Испаніи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и скандинавскихъ странахъ.

Трудно чѣмъ-либо сильнѣе польстить самодовольству нашего вѣка, какъ сопоставленіемъ цифръ, показывающихъ развитіе производства и внѣшней торговли. Люди съ преобладаніемъ количественнаго міросозерцанія, лишенные пониманія не поддающихся измѣренію цѣнностей, приходятъ въ состояніе настоящаго экстаза, когда передъ ними развертываютъ рядъ цифръ, обнаруживающихъ, напр., что общая сумма интернаціональнаго торговаго оборота, включая ввозъ и вывозъ, достигала въ 1897 г. 70—80 милліардовъ марокъ. Между тѣмъ торговый балансъ, разница между ввозомъ и вывозомъ, является для Западной Европы сплошь пассивнымъ, т. е. она ввозитъ болѣе, чѣмъ вывозитъ, если не считать Австрію, примыкающую въ этомъ отношеніи къ европейскому Востоку; въ то же время Россія, Сербія, Болгарія и Турція имѣютъ активный торговый балансъ.

До сихъ поръ еще къ западно-европейской торговлѣ примѣнимо положеніе, что ея функція состоитъ въ доставленіи нашей части свѣта сырыхъ матеріаловъ, а странамъ съ преобладаніемъ добывающей промышленности европейскихъ фабрикатовъ. Однако расширеніе европейской культуры приводитъ къ тому, что число не-европейскихъ странъ съ собственной индустріей увеличивается и, слѣдовательно, область сбыта европейскихъ товаровъ сокращается. Въ то же время, какъ западно-европейское земледѣліе не можетъ прокормить все населеніе и кромѣ того убивается заокеанской конкурренціей, европейская промышленность, долженствующая создать эквивалентъ не хватающихъ жизненныхъ средствъ, также приближается къ пункту, гдѣ ей начинаетъ грозить внѣевропейская конкурренція. Сельское хозяйство приведено въ безысходно бѣдственное положеніе и все болѣе и болѣе впадаетъ въ рабство задолженности. Но и торговля съ промышленностью отъ одного кризиса переходятъ къ другому и способны процвѣтать лишь при исключительно благопріятной конъюнктурѣ; свободное міровое хозяйство не обезпечиваетъ имъ даже отечественнаго рынка, который они впрочемъ не цѣнятъ, такъ какъ

всѣ ихъ помыслы устремлены въ сторону мірового рынка. Полуазіатская Россія успѣла возрастить у себя индустрію, благодаря которой она уже теперь менѣе зависима отъ Запада, нежели голодный Западъ отъ русскаго хлѣба; равнымъ образомъ она проводитъ рельсовые пути вплоть до Тихаго Океана, чтобы вступить въ борьбу за обладаніе спорнымъ Востокомъ. Подобно Россіи и Сѣверной Америкѣ освобождается Индія, освободилась Японія отъ ярма западно-европейскаго торговаго господства. Если юго-востокъ Азіи, насчитывающій 700—800 милліоновъ способнаго, чрезвычайно нетребовательнаго населенія, вполнѣ усвоитъ себѣ матеріальную культуру Западной Европы, онъ раздавитъ и промышленность этой маленькой части свѣта; а въ качествѣ купца азіатъ уже давно по меньшей мѣрѣ равноправенъ съ европейцемъ.

Роковая опасность всемірно-хозяйственнаго расширенія Западной Европы заключается въ томъ, что она неизбѣжно встрѣчаетъ пораженіе и вынуждена отступать изъ завоеванныхъ уже ею областей, и въ то же время, несмотря на ожиданіе грядущихъ неудачъ, она не можетъ не захватывать въ свое вліяніе все новыя и новыя сферы, для того чтобы обезпечить себѣ существованіе хотя бы на завтрашній день. Настанетъ время, когда несовершеннолѣтніе иностранцы, ставъ вполнѣ взрослыми, самостоятельными и способными къ конкурренціи, откажутся платить собственной Европѣ дань пока еще богато приливающихъ торговыхъ барышей, — и Европѣ прійдется ждать спасенія главнымъ образомъ отъ военныхъ и политическихъ силъ, которыя господствующая здѣсь вѣтвь индо-европейской расы никогда не допускала до упадка. Но есть еще и другія силы, которыми природа наградила европейца, которыя исторія широко развернула въ немъ: даръ открытій и изобрѣтеній, мышленія и творчества, снабжаетъ его не только грубой силой владычества, но даетъ ему право господства надъ міромъ.

Законъ могучъ, нужда еще сильнѣй.

(Гете.)

[illegible]

царство она занимаетъ третье мѣсто.

[illegible]

какъ сопоставленіемъ цифръ, показывающихъ [illegible] внѣшней торговли. Люди съ преобладаніемъ количественнаго міросозерцанія [illegible] приходятъ въ смущеніе [illegible], когда передъ ними развертывается рядъ цифръ, [illegible], что общая сумма иностраннаго торговаго оборота, включая ввозъ и вывозъ, достигала въ [illegible] милліардовъ марокъ. Между тѣмъ торговый балансъ, разница между ввозомъ и вывозомъ, является для Западной Европы сильно пассивнымъ, т. е. она ввозитъ больше, чѣмъ вывозитъ, если не считать Австріи, примыкающую въ этомъ отношеніи къ европейскому Востоку; въ то же время Россія, Сербія, Болгарія и Турція имѣютъ активный торговый балансъ.

До сихъ поръ еще въ западно-европейской литературѣ принимаютъ положеніе, что ея функція состоитъ въ доставленіи нашей части свѣта сырыхъ матеріаловъ, а странамъ съ преобладающей [illegible] промышленностью европейскихъ фабрикатовъ. Однако распространеніе европейской культуры приводитъ къ тому, что число не-европейскихъ странъ съ собственной индустріей увеличивается и, слѣдовательно, область сбыта европейскихъ товаровъ сокращается. Въ то же время, какъ западно-европейское земледѣліе не можетъ прокормить все населеніе и кромѣ того убивается заокеанской конкурренціей, европейская промышленность, [illegible] жизненныхъ средствъ, также приближается къ пункту, гдѣ ей начинаетъ грозить внѣевропейская конкурренція. Сельское хозяйство приведено въ безвыходно бѣдственное положеніе и все болѣе и болѣе впадаетъ въ рабскую зависимость. Но и торговля съ промышленностью отъ одного кризиса переходятъ къ другому и способны процвѣтать лишь при исключительно благопріятной конъюнктурѣ; свободное міровое хозяйство не обезпечиваетъ имъ даже отечественнаго рынка, который они [illegible] не упустить, такъ какъ

II. Возрожденіе, реформація и контръ-реформація.

Д-ра **Армина Тилле.**

I. Вѣкъ реформаторскихъ стремленій въ государствѣ и церкви.

А. Оплодотвореніе западно-европейской культуры возрожденіемъ.

а) Обновленіе классическаго образованія въ Италіи.

Италія имѣла уже за собою длинное историческое развитіе, когда страны, лежащія къ сѣверу отъ Альпъ, впервые стали ареной всемірно-историческихъ событій. Впрочемъ еще хозяйство латифундій въ послѣдніе вѣка императорской эпохи обезземелило значительную территорію и обусловило такимъ образомъ всеобщій культурный регрессъ, такъ что ворвавшіеся въ V вѣкѣ германцы нашли въ Римской имперіи почти совершенно натуральное хозяйство. При господствѣ юныхъ германскихъ народностей прошлое пришло въ забвеніе: наступилъ переломъ въ прежнемъ культурномъ развитіи; остатки старыхъ сооруженій отчасти были разрушены, отчасти заброшены на произволъ судьбы. Только черезъ нѣсколько вѣковъ возникла, какъ продуктъ грандіознаго смѣшенія народовъ, новая нація, которая благодаря благопріятному хозяйственному развитію смогла достигнуть значительныхъ успѣховъ и въ области духовной жизни.

Въ странѣ, гдѣ городъ Римъ, этотъ единственный въ своемъ родѣ духовный центръ міра, ежедневно напоминалъ о своемъ великомъ полуторатысячелѣтнемъ прошломъ, о прошломъ, относительно котораго въ головахъ средневѣковыхъ людей сложилось своеобразное, мало правдоподобное представленіе, въ такой странѣ дѣятельность вновь возродившихся духовныхъ интересовъ врядъ ли могла быть направлена на что либо другое, кромѣ изученія литературныхъ произведеній древности. Наиболѣе одаренные таланты стали поэтому уже очень рано стремиться понять древнихъ, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и слѣдовать въ своей жизни, какъ и въ своихъ сочиненіяхъ, древнимъ образцамъ. Правда дѣло въ большинствѣ случаевъ не шло дальше попытокъ; мы, эпигоны, не можемъ не сказать этого даже о тѣхъ богатыряхъ духовнаго творчества, которые сами считали себя настоящими римлянами.

Уже въ послѣдней трети одиннадцатаго вѣка въ Павіи вполнѣ разумно и сознательно пользовались Юстиніановскимъ кодексомъ для примѣненія къ новымъ практическимъ задачамъ; Болонья со времени основанія университета (1088 г.) стала истинной родиной юридическихъ наукъ, основанныхъ на абстрактномъ правѣ римской императорской эпохи. Какимъ вліяніемъ пользовался тамъ, какъ и въ Миланѣ, corpus juris, видно изъ того факта, что законъ Фридриха I о мирѣ въ имперскихъ земляхъ (1152 г.) и два тома феодальнаго права (libri feudorum) со времени Гуголина де Пресбитерисъ (умеръ въ 1233 г.) разсматривались, какъ добавленія къ corpus juris civilis; и, повидимому, благодаря послѣднему обстоятельству

новые законы способны были въ то время внушить къ себѣ больше уваженія, чѣмъ это имѣло бы мѣсто, если бы законодатель удовлетворился простымъ ихъ провозглашеніемъ.

Научное изученіе древнеримскихъ юридическихъ памятниковъ вытекало несомнѣнно изъ непосредственно ощущаемой практической потребности, потребности въ правовыхъ нормахъ, соотвѣтствующихъ хозяйственнымъ отношеніямъ, измѣнившимся въ смыслѣ большаго оживленія обмѣна, при чемъ право римскихъ императоровъ какъ разъ и давало такія нормы, вполнѣ готовыя, сложившіяся. Что же касается распространенія древнеримской литературы, начавшагося съ конца XIII вѣка, то оно стояло въ тѣсной связи съ явленіями политическаго характера: вѣдь новое воззрѣніе на государство является существеннымъ моментомъ того духовнаго движенія, которое обыкновенно называютъ возрожденіемъ. Авантюристская попытка какого-нибудь Кола ди Ріенцо, превратить Римъ въ республику по античному образцу и стать самому во главѣ послѣдней въ качествѣ трибуна (20 мая 1347 г.), является не чѣмъ инымъ, какъ фантастическимъ осуществленіемъ античнаго государственнаго идеала, съ которымъ Кола познакомился въ твореніяхъ Ливія и Цицерона.

Связь между возродившимся классическимъ образованіемъ и политикой съ особенной яркостью проявляется въ томъ, что люди, одушевленные древностью, писали исторію, и при томъ исторію новую, существенно отличную отъ трудовъ ихъ средневѣковыхъ предшественниковъ. Уже Альбертино Муссато (1261—1329) пишетъ исторію своего времени не какъ средневѣковый хронистъ, начинающій съ сотворенія міра, но изображаетъ политическія событія своего вѣка, какъ человѣкъ, самъ принимавшій участіе въ политической жизни и питавшій особенное пристрастіе къ королю Генриху VII. Въ изложеніи матеріала онъ явно слѣдуетъ древнеримскимъ образцамъ, но еще сильнѣе это вліяніе сказывается въ его стихотвореніяхъ, особеннно трагедіяхъ.

Еще до Муссато Брунетто Латини (умеръ 1294 или 1295), тонкій политическій умъ, близко знакомый съ классиками, особенно съ Овидіемъ, провозгласилъ политику благороднѣйшей и высшей изъ наукъ, обнаруживъ, такимъ образомъ, что онъ уже тогда въ существенномъ пунктѣ переросъ средніе вѣка. Остроту своего практическаго историко-политическаго пониманія онъ доказалъ сравнительной характеристикой Англіи и Франціи; несмотря на свое знаніе древнихъ, онъ написалъ свой энциклопедическій трудъ (li livres dou trésor) по французски, чтобы быть общепонятнымъ. Латини былъ бы теперь, быть можетъ, забытъ, если бы онъ не былъ учителемъ Данте Алигіери (1265—1321), человѣка, который впервые воспользовался знаніемъ античной древности, для того чтобы создать въ ея духѣ художественно совершенныя, и притомъ новыя, произведенія, написанныя по итальянски и потому не только широко распространившіяся въ массѣ, но и существенно способствовавшія, благодаря употребленію народнаго языка, пробужденію національнаго самосознанія. Вождемъ въ его странствованіяхъ по адскому міру былъ Виргилій, римлянинъ, кругъ идей котораго ближе всего подходилъ къ христіанскому. И его общее философское міросозерцаніе, поскольку оно выразилось въ „Божественной комедіи“, несомнѣнно является христіанскимъ, хотя оно и стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствовавшей въ то время теологіей. Въ своемъ латинскомъ трудѣ „De monarchia“ онъ выступаетъ противъ стремленія папъ въ родѣ Бонифація VIII къ всесвѣтному могуществу, настаиваетъ на самостоятельности римскаго императора рядомъ съ папой и высказывается, будучи республиканцемъ по происхожденію (его родиной была Флоренція), за всемірную монархію, разумѣется съ Италіей въ главѣ; личность короля Генриха VII по всей вѣроятности оказала сильное вліяніе на развитіе этихъ его мыслей.

Менѣе политически одаренъ, чѣмъ Данте, былъ Франческо Петрарка (1304—74 г.), который, происходя изъ одной флорентійской фамиліи, провелъ свою юность въ Авиньонѣ и 8 апрѣля 1341 года въ Римѣ былъ въ качествѣ поэта увѣнчанъ королемъ неаполитанскимъ, Робертомъ. Эту честь принесли ему его латинскіе стихи; но его историко-философскіе труды (между прочимъ „De republica optime administranda", „О наилучшемъ государственномъ устройствѣ") еще болѣе проникнуты поэтической фантазіей и не обнаруживаютъ глубокаго политическаго смысла. Какъ почитатель древняго Рима и латинскаго языка, онъ не былъ мелкимъ подражателемъ древнихъ, но оригинальнымъ латинскимъ писателемъ съ своеобразнымъ стилемъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ существенное преимущество передъ Данте. Какъ истинно новый человѣкъ, но окруженный еще „средневѣковою" средой, онъ характеренъ своимъ едва ли не единичнымъ въ то время взглядомъ на астрологію, какъ на пустой вымыселъ, и своею идеальною любовью къ Лаурѣ, воспѣтой въ его итальянскихъ стихахъ.

Другое, характерное для духовнаго склада той эпохи, явленіе, — безпощадная критика церкви и духовенства, соединенная съ церковнымъ благочестіемъ и преданностью папѣ, — въ большей мѣрѣ, чѣмъ у Данте и Петрарки, проявилось у Джіованни Боккачіо (1313—75), біографа Данте и друга Петрарки. Ядовитой сатирой бичуетъ онъ въ своемъ „Декамеронѣ" моральный упадокъ духовенства, что навлекло на него незаслуженное обвиненіе въ отсутствіи религіозности. Для того чтобы напасть на свѣтскую власть папы, ему не хватало политическаго чутья, хотя онъ, неоднократно участвуя въ дипломатическихъ миссіяхъ, несомнѣнно стоялъ въ курсѣ текущей политики.

Данте, Петрарка, Боккачіо, эти три человѣка, опередившіе свое время и все же во многихъ отношеніяхъ стоявшіе подъ его вліяніемъ, воплотили въ себѣ всѣ существенныя стороны индивидуальной духовной жизни эпохи. Сами они были проникнуты убѣжденіемъ, что начинается новое время, окружающая ихъ среда лишь постепенно доработалась до того же взгляда. Число людей, понимавшихъ латынь и древнихъ, все еще оставалось сравнительно незначительнымъ. Однако скоро дѣло измѣнилось. Колючіо Салютати (1331—1406), съ 1375 года государственный канцлеръ Флорентійской республики, ввелъ языкъ Цицерона въ оффиціальное дѣлопроизводство, а монахъ-августинецъ Луиджи Марсили (1342—94), полный глубокаго благовѣнія передъ древностью, счелъ возможнымъ, не стѣсняясь своимъ духовнымъ саномъ, направить яростныя нападки противъ папства. Многочисленные ученики примкнули къ Марсили. Флоренція стала центромъ античнаго просвѣщенія въ его новой формѣ.

Латинская литература все еще оставалась почти исключительнымъ предметомъ изученія; даже Петрарка при всемъ своемъ уваженіи къ греческому міру не владѣлъ языкомъ послѣдняго. Боккачіо былъ однимъ изъ первыхъ, научившихся понимать по гречески; и въ теченіе всего XIV столѣтія въ Италіи было не легко найти учителя греческаго языка. Поэтому, когда въ 1393 г., убѣгая отъ опасностей, возникшихъ вслѣдствіе осады Константинополя Баязетомъ, въ Венецію явились два греческихъ ученыхъ, Деметріосъ Кидоніосъ и Мануель Хризолорасъ, обстоятельство это было цѣлымъ событіемъ. Молодые флорентинцы направлялись къ нимъ учиться, и въ 1396 г. Хризолорасъ былъ назначенъ преподавателемъ греческой грамматики и литературы въ Флорентинскомъ университетѣ. Въ 1439 г., по случаю флорентинскаго собора въ Италію явился престарѣлый Гемистосъ Плетонъ, который впервые познакомилъ мѣстное общество съ ученіемъ Платона, создавъ такимъ образомъ противовѣсъ все еще господствовавшей философіи Аристотеля. Во Флоренціи и въ Римѣ возникли „платоновскія" академіи и оба города принялись за лихорадочную пере-

водческую работу: Полибій, Аристотель, Плутархъ, Эпиктетъ, Страбонъ и мн. др. были переведены на латинскій языкъ. Только переводъ Гомера не удалось еще осуществить. Къ срединѣ XV столѣтія латинскій и греческій языки заняли равноправное положеніе и культивировались съ одинаковымъ рвеніемъ въ двухъ центрахъ, Римѣ и Флоренціи.

Козимо Медичи (ум. 1464 г.), сынъ богатаго флорентійскаго купца, род. въ 1389 году. Съ 1429 года онъ стоялъ во главѣ роднаго города и съ 1434 года непрерывно управлялъ его судьбами. Горячій сторонникъ всякаго просвѣщенія, располагая кромѣ того богатыми средствами, онъ развилъ обширную строительную дѣятельность; въ то же время, будучи самъ глубокимъ ученымъ и тонкимъ цѣнителемъ авторовъ древняго Рима, онъ создалъ черезъ переписчиковъ и переводчиковъ единственную въ своемъ родѣ рукописную библіотеку: Роберто ди Росси переводилъ ему Аристотеля, Лапо ди Кастильонкіо Плутарха. Цѣлый кружокъ ученыхъ объединился вокругъ Козимо; Марсиліо Фичино (1433—99) наиболѣе извѣстенъ среди нихъ. Внукъ Козимо, Лоренцо Медичи (ум. 1492 г.), прозванный „великолѣпнымъ“, былъ подобно своему дѣду другомъ искусства. Одаренный самъ поэтическимъ талантомъ, онъ сдѣлался щедрымъ меценатомъ художниковъ и поэтовъ. Библіотека была при немъ расширена въ духѣ начинаній Козимо; архитектура и живопись, скульптура и музыка достигли подъ его управленіемъ новаго расцвѣта.

18 марта 1447 г. архіепископъ Болоньи, Томасъ Парентучелли, былъ избранъ папой и принялъ имя Николая V (умеръ въ 1455 г.). Онъ принадлежалъ во Флоренціи къ кружку Козимо и теперь, достигнувъ папскаго престола, основалъ въ Римѣ аналогичный научный центръ, создавъ тамъ вторую рукописную библіотеку. Онъ разсылалъ въ путешествія довѣренныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы они собирали списки произведеній древнихъ авторовъ, и довелъ свое книгохранилище подъ наблюденіемъ библіотекаря Джіовани Тортелло (ум. 1466 г.) до 5000 томовъ, въ числѣ которыхъ значительную долю занимали греческія книги. Среди ученыхъ, которыми окружилъ себя Николай, Лоренцо Валла (ум. 1457) безпорно занимаетъ первое мѣсто, Въ области исторической критики онъ является крупной и самостоятельной величиной. Почетное мѣсто рядомъ съ нимъ занимаютъ Маффео Веджіо (ум. 1458), монахъ-августинецъ и глубокій знатокъ древности, и Флавіо Біондо (1388—1463), авторъ средневѣковой всемірной исторіи отъ завоеванія Рима готами и вплоть до современной ему эпохи (1452). Въ отношеніи метода трудъ этотъ знаменуетъ собою крупный прогрессъ, такъ какъ здѣсь чуть не впервые рядомъ съ древней исторіей изображаются событія тысячелѣтія, названнаго впослѣдствіи „средними вѣками“.

Но стремленія папы Николая не нашли себѣ сочувствія у его преемниковъ. Каликстъ III (1455—58) допустилъ расхищеніе съ такими трудами собранной библіотеки; Пій II (1458—64), до посвященія Энеа Сильвіо Пикколомини, самъ былъ хорошо знакомъ съ античною древностью и ревностно предавался литературному труду, но до другихъ ученыхъ ему не было никакого дѣла. Павелъ II (1464—71) даже прямо ненавидѣлъ всякую науку и преслѣдовалъ гуманистовъ, хотя цѣнилъ древнія сооруженія и заботился объ ихъ поддержаніи. Сикстъ IV (1471—84) также не былъ ученымъ, тѣмъ не менѣе при немъ библіотека и архивъ были переведены въ новое, болѣе обширное помѣщеніе и поставлены подъ умѣлое управленіе Бартоломмео Сакки („Платинасъ“). Искусство нашло себѣ энергичное покровительство только при Юліи II (1503—13), литература при Львѣ X (1513—21).

Просвѣтительное движеніе въ остальныхъ государствахъ Италіи не достигало такой высоты, какъ во Флоренціи и временно въ Римѣ. Даже въ Венеціи, отъ которой при ея общемъ богатомъ развитіи можно было бы

многаго ждать, для науки было сдѣлано мало. Мы находимъ тамъ только случайныя попытки, да и эти послѣднія часто заканчивались неудачей. Тѣмъ не менѣе именно здѣсь пріобрѣлъ въ концѣ XV вѣка всемірную славу гуманистически образованный типографщикъ и книгоиздатель Альдъ Мануцій. Съ другой стороны жизнь искусства была въ Венеціи болѣе богата, чѣмъ въ какомъ либо другомъ городѣ, если не считать Флоренціи. Первое время, для Венеціи работаютъ почти исключительно муранезцы; но скоро, сначала подъ падуанскимъ вліяніемъ, въ Венеціи начинается расцвѣтъ искусства, достигающій почти невиданнаго богатства. Живопись Беллини нашла себѣ въ Джіорджіоне (ум. 1510 г.), Тиціанѣ (1477—1576) и Паоло Веронезе (ум. 1588) еще болѣе блестящихъ продолжателей. При дворѣ Феррары жилъ Лодовико Аріосто (1474—1533), творецъ „Неистоваго Орланда", въ Неаполѣ—Джіованни Понтано (1426—1503), ревностный математикъ и астрономъ.

б) Возрожденіе античной древности и стремленіе къ духовной самостоятельности.

Подъ „ренессансомъ" первоначально понимали то, что слово это обозначаетъ, взятое въ его буквальномъ смыслѣ: „возрожденіе" и именно возрожденіе античной древности. Античность была тѣмъ великимъ образцомъ, которому подражали носители вновь пробудившейся духовной жизни, или, по крайней мѣрѣ, стремились подражать; на самомъ дѣлѣ, какъ это ясно для современнаго наблюденія, бросающаго свой ретроспективный взглядъ на эпоху, классическій образецъ далеко отступалъ назадъ передъ новыми самостоятельно найденными идеями, которыя и составляли главное содержаніе этого культурнаго періода. Поэтому, хотя новѣйшее пониманіе и удержало слово „возрожденіе", но содержаніе этого понятія стало существенно инымъ. Возрожденіе обязано античности необычайнымъ богатствомъ стимуловъ: собирались античныя произведенія искусства, предпринимались раскопки, срисовывались и копировались античные архитектурные обломки; результаты такой консервирующей работы примѣнялись къ новымъ твореніямъ, но эти послѣднія носятъ уже совершенно иной характеръ, нежели образцы. Не имѣетъ, напр., особеннаго значенія тотъ фактъ, что Николо Пизано (ум. около 1280 г.) воспринялъ въ свои произведенія фигуры и даже цѣлыя группы изъ скульптурныхъ остатковъ, выставленныхъ въ Пизѣ, приспособивъ послѣдніе къ христіанскому содержанію своихъ твореній; болѣе важно то, что свой идеалъ красоты онъ позаимствовалъ у античной древности. И все же стиль его рельефовъ и его техника совершенно не тѣ, что на римскихъ саркофагахъ; такъ что, въ общемъ, всѣмъ дѣйствительно великимъ и новымъ въ своихъ произведеніяхъ онъ болѣе обязанъ самому себѣ и вновь пробудившейся чуткости къ явленіямъ окружающей жизни, нежели какому бы то ни было образцу. Какъ мало античные образцы были связаны съ новымъ искусствомъ, показываютъ лучше всего творенія сына Пизано, Джіованни (ум. 1320 г.), для котораго античная древность была ничто, кипучая внутренняя и внѣшняя жизнь—все.

Съ извѣстными ограниченіями та же самая ступень развитія воплотилась въ картинахъ Джіотто (1266—1337). Если искусство Пизани, благодаря ученикамъ и товарищамъ по мастерской, распространилось по всей Италіи, то еще болѣе это надо сказать объ искусствѣ Джіотто. Всю итальянскую живопись XIV столѣтія безъ преувеличенія можно назвать Джіоттовской; и что наиболѣе сильно дѣйствуетъ въ этомъ новомъ искусствѣ, такъ это его неслыханная до сихъ поръ полнота жизни, его внутренняя, направленная на самую сущность, правда, его реализмъ. Изъ античной древности живопись XIV вѣка не могла ничего заимствовать уже по одному тому, что остатковъ античной живописи вообще не существовало.

Наоборотъ архитектура доставляла, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, изобиліе хорошихъ образцовъ, особенно въ Римѣ, хотя въ то время многіе ея памятники еще оставались погребенными подъ землей. Однако и здѣсь вліяніе античности было значительно меньше, чѣмъ обыкновенно принимали въ недавнее время. Задачи несомнѣнно стали иными и иначе онѣ разрѣшались: Брунеллеско (1377—1446), строитель флорентинскаго соборнаго купола, котораго называютъ первымъ великимъ архитекторомъ возрожденія, взялъ изъ античной древности немного больше, чѣмъ только орнаментъ, да устройство одной, правда, весьма важной, части зданія: колонны и опирающейся на нее балки.

Характерно, что не Римъ со своимъ міромъ античныхъ развалинъ, а Флоренція сдѣлалась центромъ развитія ранняго ренессанса. Правда многіе художники пріѣзжали изъ Тосканской столицы въ Римъ, чтобы срисовывать тамъ римскіе памятники, и великій флорентинецъ, Леонъ Баттиста Альберти (1404—72), жившій значительно дольше внѣ своего родного города, нежели въ немъ, старался подражать античной древности, выходя за предѣлы орнаментики, особенно же въ сооруженіи фасадовъ. Однако Падуя въ гораздо большей степени, чѣмъ Флоренція, была средоточіемъ этого антикварскаго изученія искусства. Здѣсь Скварчіоне (1394—1474) основалъ мастерскую, въ которой работали съ оригиналовъ, собранныхъ отовсюду, даже изъ Греціи. Это обстоятельство объясняетъ въ то же время пластично строгую художественную манеру его ученика, живописца и гравера по мѣди, Андреа Мантенья (1431—1506), извѣстнаго также своими изображеніями античныхъ сюжетовъ, а именно своимъ „Тріумфомъ Цезаря“. Изъ Падуи онъ перенесъ свое искусство въ Мантую и Римъ, между тѣмъ какъ въ Венеціи падуанскій духъ обнаружился въ многочисленныхъ произведеніяхъ Якопо Беллини и, превосходящихъ его по значенію, его сыновей, Джентиле (ум. 1507) и Джіованни (ум. 1516 г.).

Погребенные подъ обломками остатки античныхъ построекъ, которые были разсѣяны во многихъ мѣстахъ, не только изучались дѣятелями искусства, но и сохранялись ими, нерѣдко даже собирались въ коллекціи древностей, хотя въ то же время зачастую имѣло мѣсто поразительно варварское разрушеніе древнихъ памятниковъ. Николай V, ревностный покровитель искусства и науки, употреблялъ для возводимыхъ имъ построекъ камни древнеримскихъ развалинъ и приказалъ разрушить храмъ Проба; однако при немъ же начата отдѣлка капитолія и посвящалось много заботъ сохраненію старыхъ камней древнехристіанскихъ гробницъ. Съ большимъ вниманіемъ къ охраненію римскихъ зданій отнесся Пій II. Еще не будучи папой, онъ рекомендовалъ воспретить обжиганіе древняго мрамора въ известь, и, достигнувъ престола, издалъ 28 апрѣля 1462 года буллу, — правда, врядъ ли имѣвшую успѣхъ, — которая за разрушеніе древнихъ зданій угрожаетъ строжайшими штрафами. И даже папа Павелъ II, врагъ гуманистовъ (1464—71), не только обладалъ пониманіемъ произведеній античнаго искусства, но былъ кромѣ того неутомимымъ коллекціонеромъ, такъ что его собранія римскихъ древностей заслуживаютъ вниманія рядомъ съ коллекціями Медичи. Въ Венеціи уже въ 1335 году одинъ богатый тревизанецъ устроилъ музей рукописей, медалей, монетъ, издѣлій изъ бронзы, камня, и т. п.; въ слѣдующемъ столѣтіи этотъ городъ сохранялъ за собою свою славу и сдѣлался мѣстомъ собранія античныхъ произведеній искусства.

Крупная личность, съ которой начинается исторія итальянской живописи въ XV столѣтіи, это Масаччіо. Отличительной чертой его главнаго труда, фресокъ въ капеллѣ Бранкаччи, по сравненію съ болѣе ранними произведеніями живописи, является полная правдивость: реализмъ, замѣтный въ зародышѣ уже у Джіотто, достигаетъ полной зрѣлости у Масаччіо. Основательное знаніе нагого тѣла, разработанная перспектива, компо-

зиція въ пространствѣ и распредѣленіе массъ ставятъ его искусство значительно выше образцовъ предшествующаго столѣтія. Этотъ богатый расцвѣтъ живописи продолжается въ теченіе всего XV вѣка. Современникъ Масаччіо, доминиканецъ Фра Джіованни Анджелико (1387—1455), по чувству, проникающему его произведенія, относится скорѣе къ готическому періоду, чѣмъ къ ренессансу, и тѣмъ не менѣе онъ именно въ духѣ послѣдняго явился образцомъ для цѣлаго ряда художниковъ. По его стопамъ идутъ Фра Филиппо Липпи, Ботичелли, Доменико Гирландайо и рядъ представителей пластической живописи, Полайуоли, Верроккіо, Лоренцо ди Креди, которые украшали произведеніями своей кисти алтари и стѣны тосканскихъ церквей.

Одновременно съ этимъ, благодаря задачамъ, выдвинутымъ архитектурой, возникло пластическое искусство и достигло такого богатаго развитія, какое раньше имѣло мѣсто развѣ только въ древней Греціи. XV столѣтіе открывается состязаніемъ мастеровъ, взявшихся изготовить мѣдную дверь для баптистеріума; Лоренцо Гиберти (ум. въ 1455 г.) вышелъ побѣдителемъ, но истиннымъ выразителемъ пластическаго искусства вѣка былъ Донателло (ум. въ 1466 г.). Всѣ его созданія имѣли опредѣляющее значеніе. Только въ самыхъ первыхъ работахъ Донателло можно открыть вліяніе болѣе раннихъ мастеровъ; позднѣе онъ отбрасываетъ все неиндивидуальное и даетъ полный просторъ своей безудержно реалистичной, не отступающей даже передъ безобразіемъ, натурѣ. Изъ дерева, глины, камня и металла работалъ онъ на различныхъ заказчиковъ. Для Падуи онъ сдѣлалъ бронзовую статую Гатамелаты верхомъ на конѣ (окончена въ 1453 г.); въ этомъ произведеніи впервые послѣ цѣлаго тысячелѣтія была поставлена гигантская техническая задача, которая и получила мощное художественное разрѣшеніе.

Въ теченіе XV столѣтія во всѣхъ частяхъ Италіи кипитъ богатая жизнь искусства; въ концѣ вѣка первые мастера Флоренціи и Умбріи призываются въ Римъ для украшенія Сикстинской капеллы. Само флорентинское искусство группируется около трехъ именъ: Леонардо да Винчи, Микель Анджело Буонаротти и Рафаэль Санти. Леонардо (ум. 1519 г.), всеобъемлющая натура, какъ Гете, поразительно разносторонне одаренная: архитекторъ, ваятель, живописецъ, инженеръ, физикъ и анатомъ, обогащающій всѣ области открытіями, вездѣ закладывающій новыя основы, и притомъ человѣкъ, совершенный и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, богатырски сильный, красивый до глубокой старости, знаменитый музыкантъ и импровизаторъ. Въ 1505 г. въ соперничество съ нимъ вступилъ Микель Анджело (1475—1564). Онъ тоже былъ художникомъ, ваятелемъ и архитекторомъ и кромѣ того глубокимъ философомъ-поэтомъ; главной ареной его дѣятельности былъ Римъ, гдѣ покровительствовавшіе искусству папы этого вѣка возлагали на него задачи, достойныя его творческой фантазіи. Въ Рафаэлѣ Урбинскомъ наконецъ (ум. въ 1520 г.) завершается все то, что было подготовлено живописью XV столѣтія: въ его твореніяхъ всѣ отдѣльные тоны звучатъ чистымъ и полнымъ аккордомъ.

Всѣ эти попытки, направленныя на возрожденіе классической древности, доставили современникамъ въ сравнительно короткое время огромную массу новыхъ знаній, чрезвычайно расширили ихъ кругозоръ. Однако съ точки зрѣнія позднѣйшаго развитія главная цѣнность всего движенія заключалась не столько въ увеличеніи запаса фактическихъ знаній, какъ въ стимулированіи духовной самостоятельности, въ воспитаніи независимой мысли, что конечно должно было повести къ борьбѣ противъ духа схоластики. Рядомъ съ христіанскимъ авторитетомъ, воплощеннымъ въ папствѣ, выступилъ теперь совершенно иной, античный авторитетъ, рядомъ съ Аристотелемъ—Платонъ: необходимо было примирить оба источника авторитета, несмотря на ихъ внутреннее противорѣчіе. Отсюда возникла

борьба противъ авторитета вообще, которая неизбѣжно должна была повести къ усиленію индивидуализма. Личность, пришедшая къ сознанію своего права,—таково ядро новаго времени, пережившаго въ XVI столѣтіи церковную революцію (1517 г.) и возстановленіе католической церкви въ Тридентскомъ соборѣ (1563 г.).

в) Авиньонъ.

Папа Бонифацій VIII (1294—1303) велъ непримиримую борьбу съ французскимъ королевствомъ за всемірное господство, и король Филиппъ IV (1285—1314), счастливый въ своихъ абсолютистскихъ стремленіяхъ, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, хотя ему и не удалось привести преемника Петра военноплѣннымъ во Францію. Кратковременное господство Бенедикта XI (1303—1304) не могло ослабить этого противорѣчія и при новомъ избраніи на папскій престолъ былъ возведенъ, подъ именемъ Климента V, французъ Бертранъ де Го, бывшій до тѣхъ поръ архіепископомъ Бордосскимъ. Совершенно подчиненный вліянію французскаго двора, онъ перенесъ папскую резиденцію на французскую почву: съ 1309 года расположенный на берегу Роны Авиньонъ сдѣлался на срокъ семи десятилѣтій мѣстопребываніемъ намѣстниковъ Христа. Это событіе несомнѣнно вызвано политическими отношеніями даннаго момента, но оно пріобрѣло огромное значеніе, какъ для культуры Франціи, такъ и за предѣлами ея.

До Людовика VIII (1223—26), который благодаря альбигойскимъ войнамъ вступилъ во владѣніе бургундскими землями Раймунда VI Тулузскаго, Франція была политически раздѣлена на двѣ части, культурный укладъ которыхъ еще въ теченіе цѣлыхъ столѣтій обнаруживалъ рѣзкія различія. Югъ съ самаго начала былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пустила свои главные корни идея крестовыхъ походовъ; здѣсь расцвѣла провансальская, преимущественно лирическая поэзія, создавшая языкъ, понятный для всего романскаго міра. Въ южной Франціи раньше, чѣмъ въ какой-либо другой западной странѣ, возникла собственная литература на народномъ языкѣ; вплоть до временъ Данте стихи и проза, даже въ Италіи, несомнѣнно находились подъ этимъ провансальскимъ вліяніемъ; Брунетто Латини, какъ мы видѣли, употреблялъ еще французскій языкъ (см. стр. 156). Если поэзія южной Франціи послѣ альбигойскихъ войнъ, нанесшихъ такія тяжелыя раны странѣ, и пришла въ упадокъ, то еще въ XIV столѣтіи (въ Тулузѣ въ 1324 г.) въ нее старались искусственно вдохнуть новую жизнь, назначая стихотворцамъ преміи. Въ сѣверной Франціи развилась между тѣмъ эпическая рыцарская поэзія, первоначально на латинскомъ языкѣ; но, повидимому, уже во времена Филиппа II (1180—1223) народный языкъ достигъ здѣсь необходимой для художественныхъ произведеній картинности: такимъ образомъ и здѣсь эта ступень была достигнута значительно раньше, чѣмъ въ Италіи. На французскомъ югѣ связь съ античной древностью никогда не была потеряна въ такой степени, какъ по ту сторону Альпъ; не могло поэтому быть и возрожденія античной жизни въ томъ смыслѣ, въ какомъ это имѣло мѣсто въ сосѣдней странѣ. Національная литература могла уже указать на оригинальныя произведенія, настолько крупныя, что ихъ не затмѣвалъ окончательно блескъ созданій Виргилія и Овидія; развитое національное сознаніе препятствовало безусловному преклоненію передъ чуждымъ культурнымъ міромъ. Политическія отношенія также не были здѣсь въ такой степени безнадежны, чтобы античная республика могла явиться единственнымъ идеаломъ государства.

Если Италія уже въ XI вѣкѣ обладала въ Болонскомъ университетѣ питомникомъ науки, въ XII вѣкѣ присоединила къ нему еще одинъ (въ Салерно), а въ XIII еще четыре (въ Неаполѣ, Падуѣ, Римѣ и Фер-

рарѣ), то Франція, хотя и не могла выставить равное количество, но за то имѣла въ своемъ основанномъ въ 1200 г. Парижскомъ университетѣ по общему признанію первый въ мірѣ теологическій факультетъ. И не одинъ изъ итальянскихъ университетовъ, а именно Парижскій сталъ образцомъ для позднѣе основанныхъ университетовъ запада: парижскіе учителя, покинувъ въ 1378 году свою высшую школу вслѣдствіе схизмы, дали толчокъ къ основанію нѣмецкихъ университетовъ въ Гейдельбергѣ, Кельнѣ, Эрфуртѣ, въ то время какъ еще ранѣе были устроены по парижскому образцу Пражскій (1348 г.) и Вѣнскій (1365 г.) университеты. На французскомъ югѣ въ 1228 г. былъ вызванъ къ жизни университетъ въ Тулузѣ, въ 1289 г. въ Монпелье, оспаривавшій у итальянскаго Салерно славу первой въ мірѣ постановки преподаванія врачебнаго искусства, наконецъ въ 1330 году сюда присоединился университетъ въ Ліонѣ.

Въ такую то среду кипучей духовной жизни попало папство, когда ему пришлось обосноваться въ Авиньонѣ, и это произошло какъ разъ въ эпоху, до которой Римъ менѣе, чѣмъ какой-либо другой значительный итальянскій городъ, испытывалъ на себѣ вліяніе флорентинскаго духа. Правда въ теченіе этихъ роковыхъ 70-ти лѣтъ между Римомъ и Авиньономъ имѣлись самыя оживленныя сношенія: многіе выдающіеся приверженцы античности, и прежде всего Петрарка, довольно долго жили въ послѣднемъ; тѣмъ не менѣе самостоятельное литературное возрожденіе при папскомъ дворѣ не имѣло мѣста. Парижскій университетъ также являлся — и быть можетъ дольше, чѣмъ это соотвѣтствовало потребности времени — крѣпостью схоластической системы и относился, вообще говоря, отрицательно ко всѣмъ гуманистическимъ стремленіямъ, хотя именно здѣсь еще до Данте и Петрарки обнаружились зачатки ренессанса. Но уже въ половинѣ XIV вѣка эти стремленія снова угасли, далеко не совершивъ здѣсь чего либо подобнаго тому, что ими было сдѣлано въ Италіи.

Однако въ одномъ отношеніи Авиньонъ, какъ и вообще южная Франція, могъ поспорить съ верхней Италіей: въ области искусства. И здѣсь развитіе искусства, по крайней мѣрѣ отчасти, стоитъ въ прямой связи съ изученіемъ многочисленныхъ и высоко совершенныхъ памятниковъ древности, особенно обильныхъ именно въ этой мѣстности. И здѣсь оно, какъ и развитіе литературной дѣятельности на югѣ, является слѣдствіемъ богатаго накопленія капиталовъ, которое дало возможность существовать значительному количеству людей, не занятыхъ непосредственно производительнымъ трудомъ. Духовныя и свѣтскія власти уже давно соперничали здѣсь, возводя величественныя зданія, и готика уже въ XII и XIII столѣтіяхъ достигаетъ своего пышнаго расцвѣта. Въ четырнадцатомъ столѣтіи начинается уклоненіе въ развитіи стиля. Но во всей полнотѣ декоративное богатство послѣдняго развертывается лишь въ XV и къ началу XVI вѣка: церковь св. Магдалины въ Труа, соборы въ Альби, Нарбоннѣ и Тулузѣ — вотъ образцы этого типа зданій, особенно многочисленныхъ именно на югѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ замки и городскія укрѣпленія, ратуши и частные дома, поражающіе своимъ пестрымъ разнообразіемъ. Луврь, выстроенный въ 1204 г. Филиппомъ Августомъ внѣ городскихъ границъ тогдашняго Парижа, былъ возобновленъ Карломъ V, въ болѣе обширномъ и блестящемъ видѣ; укрѣпленные замки уступаютъ мало по малу мѣсто дворцамъ. Въ тотъ же періодъ былъ построенъ собственно королевскій дворецъ, отель де Сентъ-Поль, огромное зданіе, которое предполагалось окружить со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями; къ сожалѣнію оно, какъ и старый Лувръ, въ XVI вѣкѣ было разрушено.

Въ параллель съ этими созданіями свѣтскаго искусства идетъ блестящее произведеніе искусства духовнаго, Авиньонскій папскій дворецъ. Епископскіе дворцы въ Бове, Анжерѣ, Оксеррѣ, Нарбоннѣ или Альби лишь мало-по-малу, вслѣдствіе непрерывныхъ распрей, были на-

половину преобразованы въ крѣпости; между тѣмъ папскій дворецъ, постройка котораго и до сихъ поръ вызываетъ восхищеніе, былъ съ самаго начала построенъ, какъ крѣпость, такъ что его справедливо называли зданіемъ, соединяющимъ выдающуюся красоту формъ съ могучею силою оборонительныхъ средствъ. Когда Климентъ V (1305—14) избралъ Авиньонъ своимъ мѣстопребываніемъ, для него первоначально было выстроено обширное жилище на скалѣ, возвышающейся надъ Роной; но Бенедиктъ XII (1334—42) велѣлъ уничтожить послѣднее и началъ въ 1336 году постройку мощнаго, подобнаго крѣпости, дворца по планамъ Пьера Обрье. При Бенедиктѣ была возведена сѣверная часть дворца съ четырьмя башнями, Климентъ VI (1342—52) выстроилъ главную часть (надъ однимъ изъ входовъ и теперь еще красуется его гербъ), Иннокентій VI (1352—62) присоединилъ еще одну башню, Урбанъ V (1362—70) — восточный фасадъ и седьмую башню (башню Ангела), а при Бенедиктѣ XIII (съ 1394 г.) дворецъ долженъ былъ уже выдержать осаду. Менѣе, чѣмъ въ 60 лѣтъ была закончена эта гигантская постройка, покрывающая площадь въ 15,165 кв. метровъ, и какъ разъ въ періодъ, когда одновременно съ ней (при папахъ Климентѣ VI до Урбана V) были выстроены городскія укрѣпленія длиною почти въ 5 километровъ. Исключительно французскіе мастера работали здѣсь для французскихъ папъ и создали произведеніе въ истинно французскомъ духѣ, рядомъ съ которымъ нельзя поставить ни одной постройки XV столѣтія.

г. Нѣмецкій гуманизмъ.

Въ Германіи начало гуманистическаго движенія связано съ личностью Карла IV, который принялъ къ своему пражскому двору фантастическаго возстановителя римской республики, Кола ди Ріенцо, и стоялъ въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ Петраркой. Карлъ и самъ занимался литературной дѣятельностью, написавъ свою автобіографію, правда, оставшуюся незаконченной: явный признакъ, что отъ него не совсѣмъ укрылась индивидуализирующая тенденція времени. Настроеніе его было строго ортодоксальнымъ; съ неописуемымъ рвеніемъ собиралъ онъ реликвіи и основывалъ многочисленные монастыри. Этому соотвѣтствовало его спеціально богословское образованіе, которому мы обязаны, между прочимъ, вышедшимъ изъ-подъ его пера теологически-моральнымъ трактатомъ; свои философскіе взгляды на государство и общество онъ изложилъ въ предисловіи къ своду богемскихъ законовъ (maiestas Carolina). Благодаря личнымъ его усиліямъ, былъ основанъ Пражскій университетъ (1348 г.); онъ собиралъ цѣнныя книги и римскія монеты, учредилъ ботаническій садъ и покровительствовалъ исторіографіи. Имперская канцелярія, освобожденная „золотой буллой" 1356 г. отъ вліянія духовныхъ курфюрстовъ, была организована по образцу папской и поставлена подъ начало гуманистически образованнаго епископа Ольмюцскаго. Оффиціальная латынь была очищена отъ искаженій, а во многихъ случаяхъ употребляли также нѣмецкій языкъ, допущенный съ 1283 г. въ государственные акты на ряду съ латинскимъ: вѣдь нѣмецкимъ былъ дворъ въ Прагѣ, нѣмецкимъ было искусство этого города. Верхне-германское нарѣчіе, которымъ пользовалась канцелярія, вырабатывало изъ себя мало-по-малу будущій языкъ нѣмецкой литературы, по-нѣмецки же были написаны многія, иногда весьма изящныя по формѣ городскія хроники; выдающимся памятникомъ этой городской исторіографіи является хроника Констанцскаго собора, написанная городскимъ лѣтописцемъ Ульрихомъ фонъ-Рихенталемъ.

Въ XIV столѣтіи нѣмцы охотно направлялись въ Болонью изучать право и обыкновенно возвращались на родину, какъ Люпольдъ Бебен-

бургъ (ум. въ 1362 г.), облеченные достоинствомъ doctoris decretorum, съ усиленнымъ національнымъ сознаніемъ, — но это все еще были отдѣльныя личности, объ общемъ гуманистическомъ вліяніи не могло быть и рѣчи. Въ оживленномъ литературномъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ имперской реформы во времена Людвига Баварскаго участвовали почти исключительно итальянцы, какъ Данте и Марсилій изъ Падуи. Вильгельмъ изъ Оккама былъ англійскаго происхожденія и нѣкоторое время преподавалъ въ Парижскомъ университетѣ; если свои послѣдніе годы онъ и провелъ въ Мюнхенѣ, то во всякомъ случаѣ роль его въ Германіи не была сколько нибудь замѣтной. Люпольдъ Бебенбургъ, авторъ появившагося вскорѣ послѣ 1338 г. „Tractatus de regni et imperii juribus“ („трактатъ о законахъ управленія и власти“), получилъ, какъ уже упомянуто выше, образованіе въ Италіи; не удивительно поэтому, что его трудъ проникнутъ римскими представленіями о правѣ. Только среди защитниковъ Людвига, его секретарь, Ульрихъ Гофмайеръ, былъ настоящимъ нѣмцемъ. Къ концу четырнадцатаго вѣка выдвигается еще одинъ нѣмецъ, Дитрихъ фонъ-Нигеймъ (ум. въ 1416 г.), который, несмотря на свои постоянныя занятія въ папской канцеляріи, ревностно изучалъ нѣмецкое отечество и нѣмецкую исторію. Всѣ свои надежды онъ возлагалъ на королей Германіи, Рупрехта и Сигизмунда; они должны были оздоровить церковь и папство. Духовная жизнь при дворѣ Карла не стояла въ прямой связи съ изученіемъ древнихъ; она была продуктомъ индивидуалистическаго времени, которому благопріятствовали личныя наклонности высокодаровитаго короля, украсившаго свою резиденцію выдающимися произведеніями нѣмецкаго искусства.

Преемники Карла не продолжали его дѣла; однако Прага еще долго сохраняла характеръ нѣмецкаго города. Культивированіе нѣмецкаго языка и забота о красиво написанныхъ, снабженныхъ художественными иниціалами рукописяхъ имѣли мѣсто и въ позднѣйшее время; такъ называемые „Венцелевскія библіи“ принадлежатъ къ наиболѣе совершеннымъ плодамъ этого, пережившаго короля Карла (ум. въ 1378 г.), художественно-научнаго теченія при Пражскомъ дворѣ. Художественный снимокъ страницы одной изъ такихъ Библій можно найти между прочимъ въ „Исторіи нѣмецкой литературы“ Фогта и Коха. Нѣмецкая культура пустила въ Богеміи такіе глубокіе корни, что даже во время гуситскаго движенія подъемъ чешскаго вліянія могъ быть лишь весьма кратковременнымъ. Со второй трети пятнадцатаго столѣтія и въ исторіографіи Богеміи снова получаетъ преобладаніе нѣмецкій духъ.

Только въ XV вѣкѣ Германія можетъ указать на значительное количество людей, вооруженныхъ гуманистическимъ образованіемъ и занимающихся литературной дѣятельностью, какъ въ области политическихъ вопросовъ, такъ и на поприщѣ чисто научной работы. Однако древніе никогда не были въ Германіи образцомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это имѣло мѣсто въ Италіи; государственный и культурный идеалы сложились здѣсь совершенно иначе. Правда, изученіе античной древности въ литературѣ и искусствѣ расширило кругозоръ нѣмцевъ, увеличило ихъ знаніе и оплодотворило ихъ мысль, но за эти предѣлы въ XV столѣтіи развитіе не выходило: значительная часть нѣмецкихъ гуманистовъ писала въ рѣзко выраженномъ націоналистскомъ духѣ, и во всякомъ случаѣ они себя чувствовали нѣмцами и не хотѣли быть римлянами, хотя часто и воображали, что пишутъ по латыни лучше, чѣмъ эти послѣдніе.

Во второй половинѣ XIV столѣтія въ Голландіи Гергардъ Гротъ (1340—84) основалъ общество „братьевъ общей жизни“. Члены его не были священниками, они хотѣли быть просто проповѣдниками и наставниками народа; общество поставило себѣ цѣлью дать народу образованіе

въ прогрессивно индивидуалистическомъ духѣ. Это новое духовное общество, не связанное монастырскимъ обѣтомъ, наткнулось почти повсемѣстно на враждебное отношеніе духовенства: прогрессивное религіозное чувство тогда еще не встрѣчало признанія. Однако въ 1431 г. папа Евгеній IV далъ наконецъ обществу церковную санкцію и братья съ новымъ рвеніемъ принялись за свою дѣятельность, особенно въ Германіи. Перепискѣ книгъ и обученію юношества посвящали они свою жизнь и скоро въ обоихъ отношеніяхъ могли похвалиться значительными успѣхами. Они считали своимъ священнымъ долгомъ обогащать собственныя библіотеки произведеніями христіанской и языческой древности и путемъ продажи послѣднихъ удовлетворять потребность въ знаніи у другихъ. Дѣятельность ихъ охватила всю Германію, почти всѣ тѣ люди, которые впослѣдствіи выступили, какъ гуманисты, получили первоначальное образованіе въ ихъ школахъ. Уже въ концѣ XIV вѣка въ Германіи, а именно въ Кельнѣ, процвѣтала торговля рукописными книгами. Курфюрстъ Людвигъ III Пфальцскій (1410—36) заботливо собиралъ рукописи и положилъ основу знаменитой Bibliotheca Palatina, которая впослѣдствіи, въ 1623 г., перекочевала въ Римъ. Въ монастыряхъ и частныхъ домахъ горожанъ много прилежныхъ рукъ занималось перепиской и продукты этого труда распространялись спеціальными предпринимателями еще ранѣе, чѣмъ Гутенбергъ открылъ свое искусство. Именно въ этой широко ощущаемой потребности и лежала экономическая предпосылка успѣховъ послѣдняго; безъ этого книгопечатаніе никоимъ образомъ не могло бы достигнуть такого поразительно быстраго распространенія и высокаго развитія (см. ниже, стр. 255).

Въ Германіи политическая публицистика, развившаяся подъ вліяніемъ возрожденія, также достигла своего расцвѣта нѣсколько ранѣе, нежели научно-филологическое изученіе древнихъ авторовъ. Но нѣмецкій духъ остался незатронутымъ фантастическими идеалами, здѣсь занимались практической политикой, которая между прочимъ привела къ изученію болѣе отдаленныхъ періодовъ нѣмецкой исторіи; выяснилась необходимость ознакомиться съ Германской имперіей и ея развитіемъ съ эпохи Карла Великаго и въ еще болѣе раннія времена. На этотъ путь вступилъ уже Дитрихъ фонъ-Нигеймъ, идеаломъ котораго былъ Оттонъ I; Николай Кузанскій (ум. 1464 г.) родомъ изъ Кюса на Мозелѣ, юристъ и теологъ, съ 1450 г. епископъ Бриксенскій, слѣдовалъ ему въ этомъ направленіи. Онъ владѣлъ основами исторической критики; еще за 8 лѣтъ до Лоренцо Валла (см. выше, стр. 158) относитъ онъ мнимый даръ Константина къ области басенъ; онъ занимается математикой и астрономіей въ строго научномъ духѣ. Историческія познанія служили ему прежде всего къ тому, чтобы построить осуществимый планъ реформы имперіи и церкви. Въ своей книгѣ „Concordantia catholica" развиваетъ онъ передъ Базельскимъ соборомъ (1433 г.) полную программу политическихъ реформъ, которая за исключеніемъ отдѣльныхъ странныхъ предложеній, въ значительной степени проникнутыхъ еще чисто средневѣковымъ духомъ, свидѣтельствуетъ о глубокомъ политическомъ пониманіи эпохи. Подобной же политической программой является анонимно изданная „Реформація короля Сигизмунда", трудъ, не только хорошо рисующій политическія, хозяйственныя и соціальныя отношенія эпохи, но и указывающій, какимъ образомъ положеніе дѣлъ можетъ быть улучшено въ смыслѣ соціалистически-коммунистической общественной реформы. Грегоръ изъ Геймбурга, юристъ по профессіи, родственный по духу Николаю Кузанскому энергично боролся противъ папскаго авторитета и въ національно-нѣмецкомъ интересѣ рѣшительно отвергалъ всякое вмѣшательство чужестранцевъ во внутреннія дѣла Германіи. Петръ фонъ Андлау (умеръ въ 1475 г.) подарилъ Германіи въ своей книгѣ о императорской монархіи (Libellus de caesarea monarchia) первое систематическое изложеніе нѣмецкаго имперскаго права. Всѣ эти люди были

одушевлены гуманистическимъ духомъ и не мало способствовали, хотя и не въ качествѣ агитаторовъ, распространенію среди широкихъ круговъ извѣстнаго знакомства съ древностью и разработкѣ нѣмецкаго прошлаго, по крайней мѣрѣ въ области исторіи государственнаго устройства.

Въ личныхъ отношеніяхъ съ этими людьми находились отчасти и первые нѣмецкіе гуманисты филологи. Феликсъ Геммерлинъ, родившійся еще до 1400 г. въ Цюрихѣ, получилъ образованіе въ Италіи, сдѣлался докторомъ въ Болоньѣ и примѣнилъ потомъ свои познанія въ Германіи, не обнаруживъ, впрочемъ, особенно выдающихся дарованій. Въ политикѣ и религіи онъ представлялъ старое направленіе, но рѣзко нападалъ на испорченность духовенства и очевидные недостатки папства. Его труды, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ книга о дворянствѣ, свидѣтельствуютъ о довольно поверхностномъ классическомъ образованіи; въ нихъ онъ неоднократно повторяетъ мысль, что нравственный подъемъ народа возможенъ только путемъ возрожденія древности. Аугсбургскій патрицій Сигизмундъ Госсембродтъ, равнымъ образомъ, проникнутъ сознаніемъ важности новыхъ наукъ. Петръ Лудеръ (1415—74), странствующій по свѣту гуманистъ, занимался толкованіемъ древнихъ писателей, сначала (1444 г.) въ Гейдельбергѣ, затѣмъ въ Ульмѣ, Эрфуртѣ и Лейпцигѣ; однако онъ, подобно Самуэлю Кароху изъ Лихтенберга, былъ недостаточно крупной индивидуальностью, чтобы оставить по себѣ глубокіе слѣды. Рудольфъ Агрикола изъ Гронингена (умеръ въ 1485 г.), столь прославленный современниками, также лишь читалъ древнихъ и побуждалъ другихъ къ ихъ изученію, но не создалъ оригинальныхъ произведеній.

Если до сихъ поръ теологія все еще стояла въ центрѣ всеобщихъ научныхъ интересовъ, то, начиная съ половины столѣтія, въ тѣсной связи съ университетами развивается научный гуманизмъ, благодаря которому черезъ посредство латинскихъ школъ кое что изъ античнаго духа сдѣлалось достояніемъ широкихъ круговъ образованнаго общества. Средневѣковый университетъ имѣлъ факультетъ искусствъ, разсматриваемый какъ подготовительная стадія къ тремъ другимъ факультетамъ, особенно теологическому. Число слушателей на подготовительномъ факультетѣ было однако всегда наибольшее, такъ какъ многіе не переходили на высшіе факультеты, но, достигнувъ званія „magister bonarum artium“, тотчасъ же вступали въ практическую жизнь. Когда въ учебные планы высшихъ школъ вошло болѣе интенсивное изученіе старыхъ латинскихъ питателей и когда число учебныхъ предметовъ было увеличено введеніемъ греческаго (Эразмомъ Роттердамскимъ, ум. 1536 г.) и еврейскаго (Іоганномъ Рейхлиномъ, ум. 1522) языковъ, стало необходимымъ дать артистическому факультету приличествующее ему самостоятельное положеніе. Къ пяти университетамъ XIV столѣтія (см. выше, стр. 163) въ пятнадцатомъ присоединились университеты: въ Краковѣ (1400 г.), Вюрцбургѣ (1403 г.), Лейпцигѣ и Ростокѣ (1409 г.), Левенѣ (1426 г.), Грейфсвальдѣ (1456 г.), Фрейбургѣ (1457), Базелѣ (1459), Ингольштадтѣ и Трирѣ (1472), Тюбингенѣ и Майнцѣ (1477) и Грацѣ (1486); въ началѣ XVI столѣтія были еще основаны два новые университета на востокѣ: въ Виттенбергѣ (1502 г.) и Франкфуртѣ на Одерѣ (1506 г.).

Уже споръ между Госсембротомъ изъ Аугсбурга и Сельднеромъ изъ Вѣны, начавшійся въ 1452 году, вращался около постановки классическаго образованія; но рѣшительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ лишь тогда, когда подъ вліяніемъ Рейхлина въ Тюбингенскомъ университетѣ, основанномъ Эбергартомъ Бородатымъ, между артистическимъ и другими факультетами въ качествѣ самостоятельнаго предмета было введено преподаваніе „litterae politiores“, и когда Бебель (ум. въ 1518 г.) и Меланхтонъ, перешедшій отсюда въ 1518 году въ Виттенбергъ, взяли на себя преподаваніе. Дверь этой новой науки была открыта еще ранѣе въ Вѣнскомъ

артистическомъ факультетѣ, гдѣ съ 1454 г. гуманистическія лекціи читалъ Георгъ Пейербахъ, и въ Базелѣ, гдѣ въ 1474 г былъ приглашенъ Маттіасъ изъ Генгенбаха, главнымъ образомъ въ качествѣ гуманиста. Въ Эрфуртѣ честь введенія новой науки выпала на долю Муціана Руфа; между тѣмъ въ Гейдельбергѣ, Фрейбургѣ, Кельнѣ схоластическое направленіе господствовало еще въ первыя десятилѣтія XVI вѣка. Въ Кельнѣ съ 1512 года въ Рейхлиновскомъ спорѣ, вызвавшемъ появленіе остроумныхъ „Писемъ темныхъ людей", схоластическое направленіе съ Ортуиномъ Гроціусомъ во главѣ вступило въ непримиримую борьбу съ гуманизмомъ, борьбу, въ которой принималъ участіе весь образованный міръ. Побѣда въ глазахъ современниковъ несомнѣнно была на сторонѣ гуманистовъ.

Рядомъ съ названными выше (Рейхлиномъ. Эразмомъ, Меланхтономъ, Муціаномъ) выдающимися гуманистами были: Конрадъ Цельтесъ (ум. въ 1508 г. въ Вормсѣ), разработавшій планъ географически-историческаго описанія Германіи, Виллибальдъ Пиркгеймеръ (ум. въ 1528 г.), другъ короля Максимиліана, издатель Горація, Якобъ Лохеръ (ум. въ 1528), реформаторъ юридической науки, Ульрихъ Цазіусъ (ум. въ 1535 г.), Эобанъ Гессенскій (ум. въ 1540 г.), переводчикъ Иліады, извѣстный своими элегантными латинскими стихами, Конрадъ Пейтингеръ изъ Аугсбурга (ум. въ 1547 г.), нашедшій названную по его имени римскую карту германскихъ дорогъ. Одновременно съ этимъ процвѣтали точныя науки. Уже Николай Кузанскій далъ толчекъ къ улучшенію календаря; ученикъ Пейербаха, математикъ Регіомонтанъ (ум. въ 1476 г.), изобрѣлъ, столь важную для оріентировки на морѣ, астролябію. Мартинъ Бегеймъ (ум. въ 1506 г.) изъ Нюрнберга сопровождалъ португальскихъ путешественниковъ въ ихъ африканскихъ поѣздкахъ и положилъ начало нѣмецкой космографіи.

Пожалуй наиболѣе пламеннымъ приверженцемъ классическаго образованія былъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ (1488—1523), который, обладая богатымъ политическимъ дарованіемъ, въ послѣдніе годы своей жизни постарался вывести практическія послѣдствія изъ пріобрѣтенныхъ знаній; онъ одинъ изъ всѣхъ гуманистовъ понималъ смыслъ соціальнаго движенія современности. Его послѣднія сочиненія написаны по нѣмецки, чтобы обезпечить имъ вліяніе на массу; но, сломленный неудачами, безконечно удаленный отъ своего идеала, авторъ ихъ умеръ въ глубокой нуждѣ, не вызвавъ никакого участія къ себѣ своихъ современниковъ. Во многихъ отношеніяхъ къ нему приближается базельскій профессоръ Себастіанъ Брантъ (1457—1521). Послѣдній тоже получилъ античное образованіе и все же писалъ по нѣмецки для массы. „Корабль дураковъ" (1494 г.), бывшій долгое время наиболѣе популярнымъ стихотвореніемъ, далеко не является простымъ нанизываніемъ библейскихъ и античныхъ кусочковъ: это художественное произведеніе, проникнутое внутреннимъ единствомъ, излагающее пріобрѣтенія гуманизма языкомъ народа и обрисовывающее индивидуальные характеры, хотя перечисленіе различныхъ видо̀въ дураковъ нельзя признать ни особенно оригинальнымъ, ни выдающимся по остроумію. Какое значеніе придавали этому стихотворенію современники, видно изъ того, что оно дважды было переведено на латинскій языкъ: Якобомъ Лохеромъ (1497 г.) и Іодокусомъ Бадіусомъ (1507 г.). Подражатель Брандта, францисканецъ Томасъ Мурнеръ (ум. въ 1537 г.), превосходилъ своего предшественника въ отношеніи сатирической ѣдкости, широты кругозора и безпощадности обличенія. Его „Заговоръ дураковъ" и „Цехъ негодяевъ" (то и другое опубликовано въ 1512 г.) принадлежатъ къ выдающимся сатирическимъ произведеніямъ.

Энеа Сильвіо, во время своего посѣщенія двора Фридриха III (въ 1442 г.), напрасно старался побудить германскаго императора оказать поддержку гуманистическому образованію; столь же несчастливо закончились его попытки и у другихъ князей. Несмотря на это, онъ все же имѣлъ

косвенный успѣхъ, благодаря тому, что его книжка, предназначенная для обученія Владислава Венгерскаго, оказала большое вліяніе на будущаго императора Макса, князя, проникнутаго истинно гуманистическимъ духомъ. Не малое содѣйствіе гуманизму оказали Эбергартъ Бородатый Вюртембергскій (ум. въ 1498 г.), который выучился по латыни уже въ зрѣломъ возрастѣ, Альбрехтъ Майнцскій, съ 1480 г. архіепископъ, покровитель Гуттена, и графъ фонъ Нейенаръ, умершій въ 1530 г. въ должности соборнаго протоіерея въ Кельнѣ. Король Матѳей Корвинъ венгерскій также привлекалъ къ своему двору гуманистовъ. Но лично глубокое участіе принималъ въ этомъ движеніи только король Максъ. Онъ заставлялъ поэтовъ и ученыхъ творить, возлагая на нихъ опредѣленныя порученія, и самъ набросалъ планъ „Weisskunig“ и „Teuerdank“, хотя и поручилъ выполненіе этихъ произведеній своимъ секретарямъ; въ обоихъ стихотвореніяхъ воспѣвается личная судьба Макса.

д) Искусство въ Нидерландахъ и въ Германіи.

По скольку дѣло касается литературы, отдѣльные нѣмцы, какъ мы видѣли, получали первый толчекъ и первыя знанія въ Италіи, и затѣмъ, вернувшись на родину, развивали систему гуманизма въ нѣмецкомъ духѣ. Въ области искусства Германія не такъ быстро послѣдовала за итальянскими образцами, и на это имѣлись вѣскія основанія: въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Нидерландахъ, въ культурномъ отношеніи тогда совершенно нѣмецкихъ, успѣло уже развиться самостоятельно искусство, принявшее то же самое направленіе, какъ и ренессансъ, направленіе натуралистическаго пониманія внѣшняго міра.

Еще въ тринадцатомъ вѣкѣ въ Нидерландахъ имѣлъ мѣсто пышный расцвѣтъ искусства, какъ разъ одновременно съ расцвѣтомъ городовъ и городскихъ промысловъ. Во всякомъ случаѣ въ первой трети XIV столѣтія художественная дѣятельность достигла широкаго развитія,—въ этомъ убѣждаютъ насъ не столько скудные остатки, сохранившіеся отъ того времени, сколько тотъ фактъ, что уже въ 1337 г. художники и ваятели Гента соединились въ гильдію, первую въ этой отрасли труда. Скоро примѣру Гента послѣдовали Турнэ, Брюгге, Левенъ; представители другихъ полухудожественныхъ ремеслъ, какъ золотыхъ дѣлъ мастера и ткачи ковровъ, также примкнули къ товариществу художниковъ и ваятелей. Въ послѣдней трети вѣка выдвигается уже художественная индивидуальность отдѣльныхъ мастеровъ, причемъ творенія ихъ отмѣчены личными, выходящими за предѣлы средневѣковой традиціи, чертами.

Однако новый духъ въ нидерландскомъ искусствѣ начинаетъ проявляться только въ XV вѣкѣ; его блестящіе выразители—братья Гюйбрехтъ (ум. 1426 г.) и Янъ ванъ Эйкъ (ум. 1440 г.). Имъ приписывали въ прежнее время открытіе искусства писать масляными красками, но, какъ оказалось впослѣдствіи, это не вѣрно. Но если бы они, дѣйствительно, не только довели живопись масляными красками до высокаго совершенства, но и впервые открыли ее, то все же это было бы лишь меньшей половиной ихъ славы; большая половина состоитъ въ томъ, что они использовали въ своемъ искусствѣ всѣ стороны культуры того времени и, такимъ образомъ, сдѣлали свои произведенія современными. Въ послѣднихъ отражается безконечно болѣе обширная сфера жизни, нежели въ твореніяхъ ихъ предшественниковъ. Для средневѣковыхъ художниковъ окружающая жизнь или вовсе не существовала, или существовала лишь въ очень ограниченномъ смыслѣ; Ванъ Эйки черпали въ ней главный стимулъ къ творчеству; съ любовью смотрятъ они на каждый цвѣтокъ, каждый предметъ домашней обстановки, на каждую стѣну, на каждый лучъ солнца, и воспроизводятъ кистью то, что видитъ ихъ глазъ. Для нихъ ландшафтъ—и въ

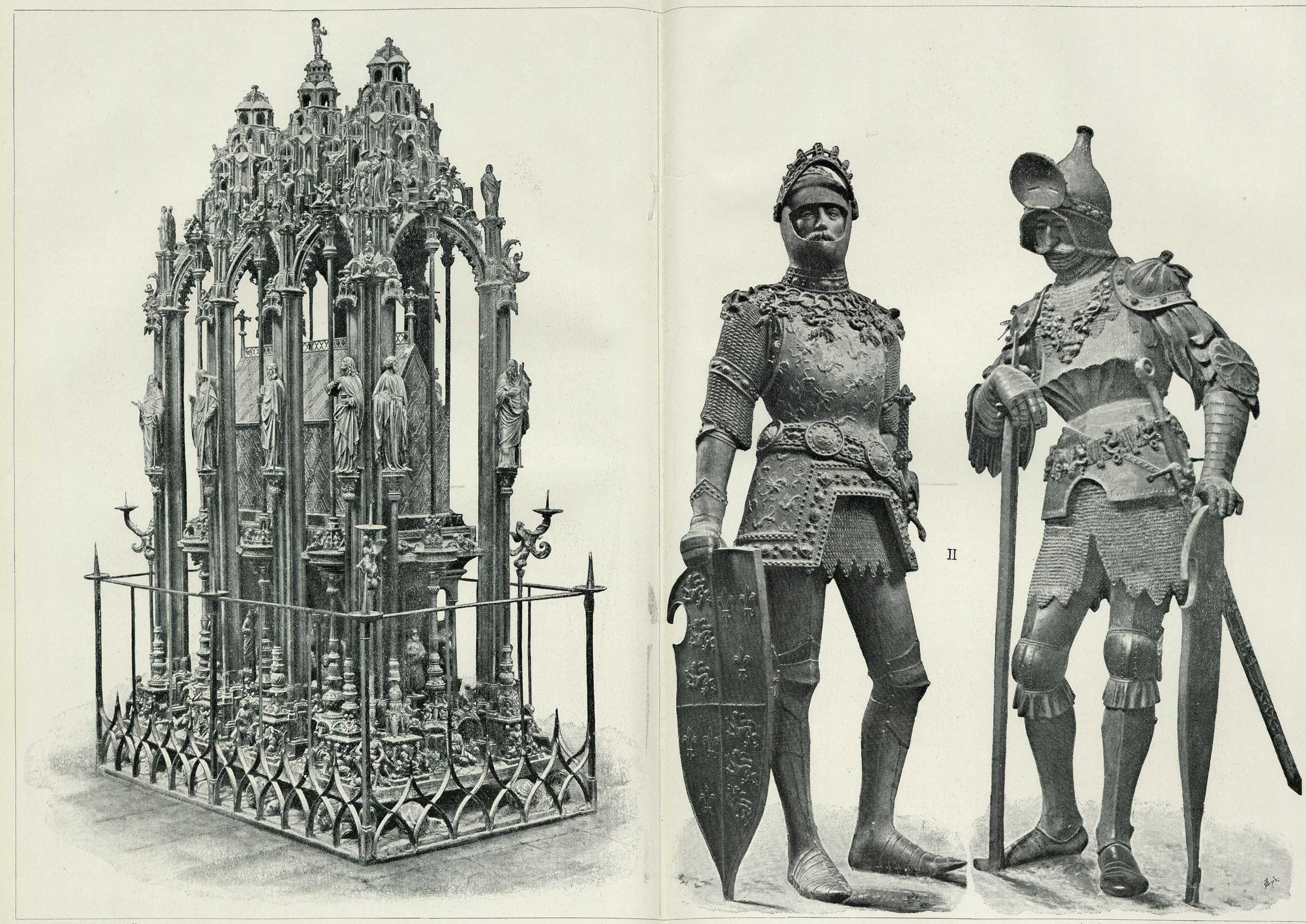
этомъ особенное отличіе отъ предшественниковъ—не есть чужая „вещь въ себѣ“, но нѣчто, неизбѣжно входящее въ общую связь цѣлаго. Они впервые постигли воздушную перспективу; а Янъ, младшій и наиболѣе одаренный изъ братьевъ, умѣетъ схватить своей художественною кистью и внутренній міръ личности. Картины его свидѣтельствуютъ объ этомъ искусствѣ схватывать и изображать характеры. Но вѣнцомъ его творчества является Гентскій алтарь, который не только въ относительномъ, но и въ абсолютномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ художественнымъ произведеніемъ всѣхъ временъ и народовъ. Какъ ни различны между собою художники по темпераменту и средствамъ выполненія, но въ основѣ живопись всѣхъ ихъ все же можетъ быть сведена къ ванъ Эйку.

Нидерландская пластика достигла высшей точки своего развитія едва ли еще не раньше, чѣмъ живопись: ея главное произведеніе, „Колодезь Моисея“, который подобно Гентскому алтарю превосходитъ все, что было создано въ этомъ родѣ раньше, сработанъ нидерландскимъ мастеромъ, Клаусомъ Стутеромъ. Памятникъ этотъ возникъ не на нидерландской почвѣ, а въ Дижонѣ, резиденціи бургундскихъ герцоговъ, около 1399 г., и до сихъ поръ составляетъ главную достопримѣчательность города. По жизненности воззрѣнія и выразительности характеристики онъ является почти единственнымъ въ своемъ родѣ и съ достаточною наглядностью обнаруживаетъ, что уже достигнутое художественное совершенство можетъ фактически въ теченіе долгаго времени оставаться безъ подражанія.

Нидерландское искусство XIV и XV столѣтій по своей внутренней сущности—нѣмецкое, и отвѣчаетъ наиболѣе развитымъ формамъ духовной жизни, извѣстнымъ въ то время. Поэтому то до 1500 г. возрожденіе врядъ ли имѣло сколько нибудь замѣтное вліяніе на нѣмецкое искусство. Первая значительная постройка въ стилѣ ренессанса, башня Киліана въ Вейнсбергѣ, была начата лишь въ 1513 и закончена въ 1519 году. Въ живописи первые ясные слѣды итальянскаго вліянія выступаютъ у Ганса Гольбейна Аугсбургскаго старшаго; въ сѣверной Германіи, ихъ можно отмѣтить лишь незадолго до 1550 г. Верхняя Германія подобно Нидерландамъ, создала своего собственнаго оригинальнаго артиста въ лицѣ Мартина Шонгауэра (ум. въ 1491 г.); онъ былъ художникомъ и граверомъ по мѣди, предшественникомъ Дюрера.

Въ Альбрехтѣ Дюрерѣ (1471—1528), какъ въ личности, вполнѣ развитой въ индивидуалистическомъ направленіи, отражается существенная сторона духовной культуры его времени. Онъ былъ гуманистически образованъ, стоялъ въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Виллибальдомъ Пиркгеймеромъ, побывалъ въ Италіи и воспринялъ тамъ художественныя впечатлѣнія, которыя, по крайней мѣрѣ въ одинъ періодъ его творческой дѣятельности, несомнѣнно имѣли рѣшающее значеніе. Онъ объѣхалъ значительную часть Германіи, и въ зрѣломъ возрастѣ сталъ ревностнымъ приверженцемъ Лютера. Его художественною спеціальностью была рѣзьба по дереву и гравировка по мѣди. Рядъ большихъ, рѣзанныхъ по дереву, гравюръ изъ Апокалипсиса (въ 1498 г. закончены печатаніемъ) составляетъ его первое крупное произведеніе; „Четыре апостола“ (1526) являются его послѣдними трудами.

Въ области пластики развитіе приняло аналогичное направленіе: Вейтъ Штоссъ (ум. въ 1533 г.) избралъ матеріаломъ для воплощенія художественнаго идеала дерево, Адамъ Краффтъ (ум. въ 1507 г.) камень и Петръ Фишеръ (ум. въ 1529 г.), котораго можно сравнить съ Дюреромъ и, быть можетъ, поставить рядомъ съ нимъ,—металлъ. Великолѣпное произведеніе Фишера, надгробный памятникъ Себальда, изображено на прилагаемой таблицѣ „Нѣмецкая скульптура въ XVI столѣтіи“. Памятникъ этотъ былъ законченъ въ 1519 г., послѣ тринадцатилѣтней работы, въ которой принимали участіе пять сыновей Фишера. На этомъ величественномъ произве-



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

I. Гробница Св. Себальда въ церкви Себальда въ Нюрнбергѣ. Важнѣйшее произведеніе Петра Фишера старшаго и его сыновей; исполнено въ 1508—1519 г.; 1/25 настоящ. величины. (*По „Wandbilder“ Зеемана.*)

II. Бронзовыя статуи Артура, короля силуровъ въ Англіи (вѣроятно отлита Петромъ Фишеромъ) и Теодориха, короля остготовъ; съ гробницы императора Максимиліана I въ Францисканской церкви въ Иннсбрукѣ. (*По фотографіямъ.*)

деніи нѣмецкой скульптуры уже лежитъ печать итальянскаго вліянія. Надгробный памятникъ императору Максу въ придворной церкви въ Иннсбрукѣ, сооруженный по плану, набросанному самимъ государемъ, занялъ силы выдающихся нѣмецкихъ скульпторовъ по металлу; начатый уже въ 1509 году, онъ былъ законченъ только въ 1583. На гигантскомъ мраморномъ саркофагѣ изображена колѣнопреклоненная фигура императора, вокругъ которой стоятъ двадцать восемь бронзовыхъ статуй его предковъ и современниковъ, погруженныхъ въ глубокую скорбь. Изображенія короля Артура Англійскаго и короля остготовъ Теодориха (на правой сторонѣ таблицы) считаются также произведеніями Фишера и свидѣтельствуютъ о его способности создавать колоссальныя статуи, въ то время какъ изящныя фигуры 12 апостоловъ на гробницѣ Себальда обнаруживаютъ всю его художественную мощь и даютъ представленіе объ его идеалѣ художника (см. ниже, стр. 251).

Въ области пластики Фишеръ на долгое время является послѣднимъ нѣмецкимъ артистомъ. Послѣ него подъ вліяніемъ духа возрожденія вырабатывается *художественное ремесло*. Только при помощи послѣдняго масса нѣмецкаго народа приходитъ въ соприкосновеніе съ ренессансомъ. То самое зажиточное бюргерство, которое ревностно держало сторону Лютера, было и первымъ потребителемъ произведеній художественнаго ремесла, дѣлавшихъ нѣмецкій домъ болѣе уютнымъ и привлекательнымъ. И послѣ половины XVI столѣтія, когда вмѣстѣ съ хозяйственнымъ и политическимъ упадкомъ городовъ понизилось благосостояніе горожанъ, художественное ремесло могло влачить лишь самое жалкое существованіе. Свѣжее теченіе, оживившее, начиная съ середины XV столѣтія, умы и сообщившее въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка вполнѣ опредѣленное направленіе духовнымъ интересамъ, въ этотъ періодъ отступило назадъ: великій подъемъ, охватившій всю Германію, остался безрезультатнымъ. Только въ отдѣльныхъ мѣстахъ—и прежде всего въ Нидерландахъ, не принадлежавшихъ уже теперь Германіи — дальнѣйшее развитіе до нѣкоторой степени отвѣчало многообѣщающимъ начинаніямъ XV столѣтія.

Б. **Французское королевство съ Филиппа IV до Карла VI.**

а) Послѣдніе Капетинги.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ *французское королевство* значительно усилилось: изъ земельныхъ пріобрѣтеній назовемъ Пуату и Тулузу, окончательно присоединенныя къ королевству послѣ смерти графа Альфонса, брата Людовика IX (ум. въ 1270 г.); отвоевана была и крупная доля англійскихъ владѣній. Генрихъ III Англійскій (1216—1272) согласился признать, въ качествѣ герцога Гіенни, ленное господство французскаго короля надъ своими владѣніями во Франціи; а противъ папскихъ притязаній на обложеніе податью церковныхъ учрежденій Людовикъ IX въ 1266 г. издалъ „прагматическую санкцію" и такимъ образомъ положилъ основу французской національной церкви. Этому развитію внѣшняго могущества соотвѣтствовало внутреннее усиленіе королевской власти. Средневѣковая ленная монархія уничтожилась въ XIII вѣкѣ. Она уступила мѣсто *абсолютному правленію* новаго времени. Все королевство было единообразно раздѣлено на судебные округи, во главѣ каждаго поставленъ парламентъ (королевскій судъ) и такимъ образомъ странѣ дана такая организація, какой никогда не достигала, напримѣръ, Германская имперія, въ смыслѣ единаго государства. Поскольку еще въ королевствѣ оставались самостоятельныя государственныя единицы, ихъ владѣльцы, герцоги и графы, были въ большинствѣ членами королевскаго дома и король являлся

ихъ естественнымъ верховнымъ главой. При Филиппѣ IV Красивомъ (1285—1314) впервые на сеймахъ появляются представители городовъ. Съ ними въ политическую жизнь Франціи вступаетъ новый элементъ, сильнѣйшій противовѣсъ королевской власти. Смотря по дарованіямъ правящаго государя, эта власть въ теченіе послѣдующаго времени проявляетъ большее или меньшее вліяніе и могущество; но даже въ самое тяжелое время она могла еще обнаруживать значительно большій блескъ, чѣмъ современная ей имперская власть въ Германіи.

Издавна англійскій король обладалъ значительной областью на материкѣ съ французскимъ населеніемъ. Къ древнимъ владѣніямъ норманновъ на западѣ прибавились еще наслѣдныя земли Плантагенетовъ по Луарѣ и Гароннѣ, когда этотъ родъ, въ лицѣ Генриха II, вступилъ въ 1154 г. на престолъ Англіи. Усиливавшееся французское королевство должно было почувствовать неудобство сосѣдства Англіи на материкѣ, и ничто не могло быть естественнѣй желанія окончательно изгнать британцевъ изъ Франціи. Уже Генрихъ III отказался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ Нормандіи, графствъ Анжу, Мэна, Турэни и Пуату, и былъ, какъ герцогъ Гіенни, вассаломъ французской короны (см. стр. 171). Когда Филиппъ IV вступилъ на престолъ, Эдуардъ I Англійскій 1272—1307) присягнулъ ему въ Парижѣ, на Пасху 1286 г.; но черезъ немного лѣтъ споръ между англійскими и нормандскими рыбаками повелъ къ болѣе крупнымъ несогласіямъ. Франція заступилась за своихъ подданныхъ и потребовала отъ Англіи возмѣщенія нанесенныхъ убытковъ и наказанія виновниковъ. Эдуардъ былъ готовъ пойти на уступки и хотѣлъ сдѣлать посредникомъ своего брата; но вызванный, какъ вассалъ, на судъ къ французскому королю, онъ не повиновался и за то Филиппъ объявилъ его, какъ нарушившаго вассальную присягу, лишеннымъ всѣхъ своихъ леновъ. Эдуардъ пытался отстоять свои владѣнія и, воюя въ это время съ Шотландіей, старался привлечь на свою сторону нѣмецкаго короля Адольфа; но труды его, вслѣдствіе слабости послѣдняго, не имѣли успѣха, тогда какъ Филиппъ, заручившись родственными связями, не только пріобрѣлъ поддержку графа Брабантскаго, но и поставилъ въ болѣе тѣсныя отношенія къ Франціи его страну, до сихъ поръ принадлежавшую къ Германской имперіи. Графа Фландрскаго, завязавшаго сношенія съ Эдуардомъ, король тоже сумѣлъ обезвредить и даже взять въ плѣнъ; кромѣ того король Шотландскій и валлійцы, подстрекаемые Филиппомъ, такъ сильно тревожили Эдуарда, что онъ долженъ былъ на время отказаться отъ плановъ завоеванія Гаскони и Гіенни.

Папа Бонифацій VIII пробовалъ выступить посредникомъ въ спорѣ и Эдуардъ былъ готовъ на перемиріе; но Филиппъ скоро замѣтилъ, что папское вліяніе склонялось въ пользу Англіи, и поэтому отклонилъ всякое вмѣшательство папы въ свѣтскія дѣла. На это папа, принимая во вниманіе вымогательства Филиппа отъ церквей королевства пособій на военныя издержки, отвѣчалъ буллой, которая грозила отлученіемъ каждому, кто будетъ безъ папскаго разрѣшенія облагать духовенство. Филиппъ воспользовался случаемъ и со своей стороны совершенно воспретилъ вывозъ денегъ, чѣмъ лишилъ папу финансовой поддержки богатыхъ церквей Франціи. Графъ Гвидо Фландрскій, освобожденный изъ французскаго плѣна, тотчасъ же снова вступилъ въ союзъ съ Англіей, но за это навлекъ на свою страну въ 1297 г. вторженіе Филиппа съ большимъ войскомъ. Помощь отъ короля Адольфа не приходила, а отъ Эдуарда была такъ незначительна, что перемиріе, заключенное поздней осенью, было побѣдой Франціи. Бонифацій, сильно потерпѣвшій отъ запрещенія вывоза монеты, вскорѣ взялъ назадъ важнѣйшіе пункты своей буллы, и Филиппъ, за то, отмѣнилъ свой запретъ. Людовикъ IX былъ причисленъ къ лику святыхъ, а папа, въ качествѣ частнаго лица, былъ принятъ въ посредники между

Франціей и Англіей. Но такъ какъ его рѣшеніе снова показалось Филиппу слишкомъ благопріятнымъ для англичанъ, то онъ не обратилъ на него вниманія и въ 1300 г. опять возобновилъ войну съ Фландріей. Графъ Гвидо, на этотъ разъ покинутый Англіей, былъ разбитъ въ сраженіи братомъ короля Карломъ и потерялъ страну. Но папа потребовалъ освобожденія графа, а другія вмѣшательства Филиппа въ сферу его духовнаго владычества заставили Бонифація въ самыхъ рѣзкихъ посланіяхъ объявить королю, что право раздавать духовные лены принадлежитъ исключительно папскому престолу. Филиппъ отвѣчалъ столь же рѣшительно; при этомъ онъ умѣло выдвинулъ благо государства, которому обязаны служить всѣ обитатели страны. И дворяне, и города, которые именно при этомъ случаѣ впервые были призваны въ собранія, стали на сторону короля; даже и духовенство обратилось къ папѣ съ просьбой отступиться отъ своихъ требованій.

Но на подобный шагъ Бонифацій никакъ не могъ согласиться. Напротивъ, онъ изложилъ свои требованія отъ свѣтскихъ правительствъ въ знаменитой буллѣ „Unam sanctam", которая является высшей точкой іерархическихъ притязаній: подчиненіе всѣхъ существъ папѣ выставляется въ ней необходимымъ условіемъ блаженства. Въ апрѣлѣ 1303 г. папа, низложеніе котораго замышлялось во Франціи, поразилъ Филиппа отлученіемъ отъ церкви; несмотря на это, государственныя сословія въ іюнѣ постановили обжалованіе передъ новымъ папой и общимъ церковнымъ соборомъ. Филиппъ, тѣмъ временемъ заключившій миръ съ Англіей и возвратившій ея королю Гіеннь, послалъ въ Италію своего канцлера Гильома Ногаре, поручилъ ему тамъ втихомолку навербовать войска и 7 сентября ему удалось захватить папу въ плѣнъ въ его дворцѣ въ Ананьи. Правда, его освободило окрестное населеніе, но онъ не смогъ вынести поруганія. Онъ умеръ 13 октября 1303 года.

Избранный его премникомъ Бенедиктъ XI снялъ съ короля Филиппа отлученіе. Когда онъ въ скорости умеръ, положеніе дѣлъ стало еще благопріятнѣе для Франціи, потому что архіепископъ Бордосскій, до сихъ поръ противникъ Филиппа, завлеченный надеждой на высокій санъ, перешелъ на сторону короля и въ самомъ дѣлѣ, подъ именемъ Климента V, занялъ престолъ намѣстниковъ Петра. Римская партія слишкомъ поздно замѣтила перемѣну въ его убѣжденіяхъ. Но Климентъ не рѣшился вступить въ Римъ, а короновался въ Ліонѣ и съ 1309 г. избралъ своей постоянной резиденціей **Авиньонъ** (см. стр. 162). Это соотвѣтствовало и желаніямъ Филиппа, который такимъ образомъ легче всего могъ пользоваться папскимъ могуществомъ для своихъ цѣлей. Церковный соборъ въ Віеннѣ, созванный въ 1311 г., имѣлъ цѣлью осудить образъ дѣйствій предшественника Климента. Этого, впрочемъ, достичь не удалось, но за то французская корона сильно увеличила свое достояніе, когда въ 1312 г. Климентъ согласился **уничтожить** за приписанныя имъ преступленія орденъ **тампліеровъ**, который былъ основанъ для освобожденія гроба Господня. Рыцари были заточены въ тюрьмы, отъ нихъ было вымучено признаніе во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ, а ихъ имущества конфискованы для обогащенія короля.

И другими путями умѣлъ Филиппъ добывать богатыя финансовыя средства; онъ лишилъ дворянство права чеканить монету и присвоилъ его себѣ, причемъ качество монеты стало все ухудшаться. Правда, эти мѣропріятія, какъ и тяготы налоговъ, не могли способствовать довольству народа; къ концу правленія Филиппа (онъ умеръ въ ноябрѣ 1314 г.) повсюду въ государствѣ угрожали возстанія, не мало раздуваемыя тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1302 г. поднялись **фламандцы** и въ двухъ войнахъ побѣдоносно сопротивлялись французамъ. Уже въ 1305 г. Филиппъ долженъ былъ отдать въ ленъ сыну умершаго въ плѣну графа Гвидо владѣ-

нія его отца, и такимъ образомъ было утрачено единственное пріобрѣтеніе, сдѣланное въ войнѣ съ Англіей. Когда старшій сынъ Филиппа, Людовикъ X (1314—16), наслѣдовалъ отцу, положеніе Франціи едва ли могло назваться благопріятнымъ. Но новый король приложилъ всѣ усилія, чтобы возстановить внутреннее спокойствіе страны. Новый походъ противъ Фландріи (1316) не имѣлъ успѣха: вскорѣ король умеръ, оставивъ малолѣтнюю дочь Жанну и не успѣвъ даже подумать о продолженіи войны. Только брату Людовика, Филиппу V (1316—22), удалось окончить фландрскую войну; по мирному договору, три города окончательно перешли къ Франціи. Во внутреннихъ дѣлахъ стремленія новаго короля были направлены главнымъ образомъ на выработку неограниченной королевской власти. Рядъ административныхъ мѣропріятій имѣлъ цѣлью политическое ослабленіе дворянства и городовъ. Еще Людовикъ, для пополненія своей казны, разрѣшилъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ откупаться на волю; теперь и военныя силы страны получили правильную организацію и этимъ подготовленъ конецъ кичливой самостоятельности городовъ и усобицамъ дворянства. При третьемъ братѣ, Карлѣ IV (1322—28), было мало нововведеній. Съ его смертью развитіе абсолютизма испытало задержку; именно въ это время началась англо-французская война за престолонаслѣдіе, которая своими разнообразными превратностями больше чѣмъ на цѣлое столѣтіе должна была занять всѣ силы страны.

б) Англо-французская война за наслѣдство до 1422 г.

Ближайшей наслѣдницей престола по смерти Карла была бы Жанна дочь Людовика X и внука Филиппа IV. Вопроса, можетъ ли она вообще, по салическому праву, считаться наслѣдницей, въ то время вѣроятно и не подымали; ее удовлетворили Наваррой. По желанію сословій на престолъ вступилъ племянникъ (сынъ брата) Филиппа IV, Филиппъ VI (1328—50) и съ нимъ на престолъ Франціи взошелъ домъ Валуа, удержавшійся на тронѣ до смерти Карла VIII (1498). Но права Филиппа Валуа на корону встрѣтили возраженіе, именно со стороны Эдуарда III Англійскаго (1327—1377), который, какъ внукъ Филиппа IV (дочь послѣдняго, Изабелла, была его матерью), считалъ болѣе основательными свои собственныя притязанія на французскій престолъ. Правда, въ началѣ онъ, какъ герцогъ Гіенни, присягнулъ новому королю и тѣмъ призналъ его ленное верховенство, которое было только слѣдствіемъ его королевскаго сана; но какъ только близкія отношенія съ фландрскимъ городомъ Гентомъ, гдѣ правилъ Якобъ Артевельде, и вообще возросшее его вліяніе въ Нидерландахъ (императоръ Людвигъ назначилъ его имперскимъ намѣстникомъ Нижней Лотарингіи),— какъ только эти обстоятельства позволили Эдуарду счесть моментъ удобнымъ для себя, онъ провозгласилъ себя королемъ Франціи и въ 1339 г. вторгся въ страну, чтобы завоевать ее. До сраженія дѣло не дошло. Весною 1340 года Филиппъ собралъ флотъ въ гавани Слюйса, чтобы помѣшать переправѣ Эдуарда. Но тотъ въ іюнѣ одержалъ въ этой самой гавани блестящую морскую побѣду. Сухопутное войско было менѣе счастливо: городъ Турнэ оказалъ мощное сопротивленіе. Кромѣ того, Эдуардъ не могъ болѣе выдержать вслѣдствіе крайняго недостатка въ деньгахъ, и заключилъ перемиріе.

Въ Бретани въ 1341 г. возникъ споръ за герцогское достоинство. Одинъ изъ претендентовъ опирался на Францію, другой искалъ помощи у Эдуарда. Это послужило причиной новой войны. Англійское войско въ 1346 г. побѣдоносно прошло Нормандію и вверхъ по теченію Сены поднялось до Парижа. Только здѣсь его встрѣтило французское войско подъ предводительствомъ короля. Развязка затянулась до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ не занялъ твердой позиціи при Креси-анъ-Понтье, откуда

онъ тотчасъ напалъ на подступившихъ французовъ. Несмотря на сильный численный перевѣсъ (68,000 противъ 20,000 чел.) Филиппъ былъ разбитъ (25 августа 1346 г.). Этотъ день даровалъ блестящую побѣду англійскому оружію. Осенью Эдуардъ подступилъ къ Калэ и осаждалъ этотъ важный для него городъ одиннадцать мѣсяцевъ; когда крѣпость наконецъ сдалась, въ ней были поселены англійскіе жители, чтобы создать прочную опору Британскому королевству. При посредничествѣ папы было заключено перемиріе, не распространившееся однако на Бретань. Тамъ продолжался споръ за герцогскую власть.

Въ августѣ 1350 г. Филиппъ VI умеръ; ему наслѣдовалъ сынъ его Іоаннъ (1350—64), прозванный Добрымъ. Онъ старался продолжить перемиріе съ Англіей, но ему не удалось добиться заключенія окончательнаго мира; Эдуардъ полагался на свое военное счастье и все еще не отказывался отъ надежды на корону Франціи. Его сынъ Эдуардъ, прозванный „Чернымъ принцемъ“, главный виновникъ побѣды при Креси, не хотѣлъ слышать о мирѣ. Поэтому, когда Іоаннъ отклонилъ требованія Эдуарда и не согласился уничтожить ленной зависимости англійскихъ владѣній на французской почвѣ, то война возобновилась (1355 г.). Вспышку ея ускорило то обстоятельство, что Карлъ Наваррскій поссорился съ Іоанномъ и призвалъ на помощь противъ него Англію. Тамъ жадно ухватились за предлогъ къ новому нападенію. Черный принцъ съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ область Луары. На встрѣчу ему двинулся съ болѣе крупными силами Іоаннъ. Послѣ тщетной попытки достичь мирнаго соглашенія Іоаннъ былъ совершенно разбитъ и самъ попалъ въ руки англичанъ, 19 сентября 1356 г. при Пуатье (Мопертюи). Короля увезли въ Англію, гдѣ какъ разъ въ это время пребывалъ въ плѣну у Эдуарда и шотландскій король.

Еще до возвращенія молодого Эдуарда на родину, между воюющими державами было заключено въ Бордо перемиріе на два года; но во время плѣненія Іоанна Францію потрясали опасныя внутреннія волненія. Администрація, именно способъ взиманія налоговъ, вызывала недовольствіе усиливавшихся экономически городовъ, самой вліятельной части государственныхъ сословій; когда послѣ взятія короля въ плѣнъ дофинъ, впослѣдствіи Карлъ V, созвалъ сословія Сѣверной Франціи и просилъ ихъ помощи въ бѣдѣ, представители городовъ потребовали устраненія всѣхъ административныхъ злоупотребленій и поручили особой комиссіи изложить дофину въ отдѣльности свои опредѣленныя требованія. Подъ давленіемъ обстоятельствъ корона должна была во всемъ уступить городамъ. Несмотря на это въ Парижѣ, въ 1358 г., дошло до открытаго возмущенія. Все еще содержавшійся въ плѣну король Наваррскій былъ освобожденъ, казненные его приверженцы провозглашены невинными, двери тюремъ раскрыты, и самого дофина насильно заставили одѣть сине-красную шапку, отличительный знакъ революціонеровъ. Какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, среди крѣпостныхъ крестьянъ вспыхнуло возстаніе, извѣстное подъ именемъ „жакеріи“; его удалось подавить только съ крайнимъ кровопролитіемъ. Общая опасность со стороны крестьянъ привлекла дворянство на сторону дофина; духовенство тоже было за него; когда ему удалось вырваться изъ рукъ парижскихъ мятежниковъ, въ его распоряженіи оказалась сильная партія сторонниковъ. Даже въ самомъ Парижѣ въ средѣ возставшихъ не было соглашенія; появилось три партіи, боровшіяся другъ съ другомъ; вскорѣ дофинъ оказался въ состояніи вступить въ столицу, подвергнуть бунтовщиковъ кровавому возмездію и продолжать управленіе государствомъ за своего плѣненнаго отца. Но Карлъ Наваррскій началъ противъ него войну, затянувшуюся до 1359 года.

Въ томъ же 1359 г. и Эдуардъ снова появился съ войскомъ во Франціи, послѣ того какъ государственные чины отвергли принятыя уже королемъ

Іоанномъ мирныя условія; нѣсколько недѣль продолжалась осада Реймса, но городъ удержался. На слѣдующій годъ Эдуардъ попытался блокировать Парижъ, но предпріятіе тоже не удалось, за недостаткомъ продовольствія. Такимъ образомъ, состоялся въ маѣ 1360 г. миръ въ Бретиньи, по которому Франція отказывалась отъ леннаго верховенства надъ англійскими владѣніями, тогда какъ Эдуардъ отрекался отъ своихъ притязаній на французскій престолъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уступалъ Іоанну Нормандію и Анжу. Впрочемъ, несмотря на заключеніе мира, спокойствіе еще все не возстановлялось: вопреки королевскому приказу въ странѣ остались англійскія наемныя войска и даже разбили выставленную противъ нихъ французскую армію. Большихъ трудовъ стоило и собрать высокій выкупъ за короля Іоанна, который вернулся во Францію послѣ пятилѣтняго плѣненія. Только въ одномъ отношеніи успѣхъ благопріятствовалъ Іоанну: герцогство Бургундское въ 1361 г. отошло къ коронѣ и король черезъ два года отдалъ его въ ленъ своему младшему сыну Филиппу (Смѣлому); послѣдній основалъ новую бургундскую династію и черезъ союзъ съ Маргаритой Фландрской пріобрѣлъ принадлежавшее къ Германской имперіи Франшъ-Конте и фландрскія провинціи. Такъ какъ одинъ изъ принцевъ, остававшійся въ Англіи заложникомъ до взноса выкупа, бѣжалъ оттуда, то самъ Іоаннъ возвратился въ 1363 г. въ плѣнъ къ англичанамъ и умеръ тамъ весною 1364 г.

Отцу наслѣдовалъ старшій сынъ, Карлъ V (1364—80); еще дофиномъ, онъ послѣ 1356 г. стоялъ во главѣ правленія и пріобрѣлъ извѣстную опытность въ дѣлахъ внутренней политики. Правда, онъ не былъ выдающимся полководцемъ; за то Бертранъ дю Гескленъ, знаменитый вождь, былъ его помощникомъ и съ рѣдкимъ счастьемъ велъ королевскія войны съ Англіей. Правительственная система Карла прежде всего заключалась въ постоянномъ противодѣйствіи городамъ, напиравшимъ на свое могущество; бережливость позволила ему рѣже прибѣгать къ созванію государственныхъ сословій для изысканія денежныхъ средствъ, а въ остальныхъ дѣлахъ король уничтожилъ представительство городовъ выборными депутатами. Въ общинномъ управленіи также было усилено королевское вліяніе; несмотря на постоянную тяжесть налоговъ, дворянство и города постепенно все болѣе сближались съ королемъ, и противорѣчія сглаживались. Признательность, которую чувствовалъ народъ къ королю, нашла себѣ выраженіе въ прозвищѣ „Мудрый“.

Войска наемниковъ, продолжавшія повсюду свои грабежи и послѣ вступленія Карла на престолъ, были выведены за Пиренеи по случаю войны за престолонаслѣдіе въ Кастиліи, такъ что наконецъ французскія области отъ нихъ освободились. Принцъ Эдуардъ, самостоятельно правившій материковыми владѣніями Англіи, тоже принялъ на сторонѣ короля Петра участіе въ борьбѣ кастильскихъ партій, и такимъ образомъ англо-французская война продолжалась на испанской почвѣ. И въ другихъ отношеніяхъ Карлъ V считалъ моментъ благопріятнымъ для нападенія со своей стороны, тѣмъ болѣе что населеніе англійскихъ провинцій было крайне недовольно иноземнымъ владычествомъ. При томъ же условія мирнаго договора въ Бретиньи все еще не были выполнены. Такимъ образомъ въ 1369 г. война возобновилась вторженіемъ французовъ въ Гіеннь. Черный принцъ, тяжело больной, выступилъ имъ на встрѣчу, но вскорѣ долженъ былъ возвратиться въ Англію и тамъ умеръ раньше отца. Послѣ этого Дюгесклену удалось до 1372 г. завоевать всѣ англійскія владѣнія. Одна только крѣпость Калэ осталась во власти англичанъ. Всѣ англійскія вторженія во Францію не имѣли успѣха, такъ какъ французы избѣгали рѣшительныхъ сраженій и неутомимо преслѣдовали непріятеля мелкими стычками и нападеніями. Въ 1374 г. состоялось перемиріе, которое затѣмъ было продолжено. Въ 1377 г. умеръ король Эдуардъ III, оставивъ пре-

столъ своему одиннадцатилѣтнему внуку Ричарду II (1377—99). Черезъ три года умеръ и Карлъ. Ему наслѣдовалъ двѣнадцатилѣтній сынъ Карлъ VI (1380—1422).

Неизбѣжный споръ за опеку надъ несовершеннолѣтнимъ королемъ тотчасъ же расшаталъ прочное до сихъ поръ положеніе королевской власти. Въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ дошло до кровавыхъ возстаній, были разграблены королевскія кассы; въ то же время вспыхнули волненія и въ городахъ Фландріи. Подъ управленіемъ Филиппа Артевельде, Гентъ принялъ демократическую конституцію и графу Людовику грозила серьезная опасность. Поэтому за Людовика вступился его зять и будущій наслѣдникъ Фландріи, Филиппъ Бургундскій; онъ двинулся на Фландрію съ французскимъ рыцарствомъ и въ ноябрѣ 1382 г. разбилъ при Роосбеке гентскихъ горожанъ. Этотъ походъ прежде всего былъ вызванъ династическими интересами Филиппа, но во Франціи было всеобщимъ мнѣніемъ, имѣвшимъ достаточныя основанія, что происшествія во фландрскихъ городахъ не остаются безъ вліянія на волненія въ королевствѣ; поэтому подчиненіемъ фламандцевъ надѣялись снова возстановить спокойствіе въ самой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого успѣха въ сосѣдней области, въ Парижѣ королевская власть, поддержанная дворянствомъ, достигла полной побѣды; подобный же ходъ имѣли дѣла и въ другихъ городахъ.

Достигнувъ двадцати лѣтъ, король Карлъ въ 1388 г. принялъ правленіе въ свои руки. Но такъ какъ уже въ 1392 г, онъ впалъ въ полное помѣшательство, то снова стало необходимымъ учрежденіе регентства. Его взяли на себя дядя короля, Филиппъ Бургундскій, и его братъ, Іоаннъ Орлеанскій. Эти правители со своими партіями вступили между собою въ самую ожесточенную, порою прямо омерзительную борьбу. Когда по смерти Филиппа (1404 г.) управленіе Бургундіей перешло къ его сыну Іоанну („Неустрашимому"), готова была вспыхнуть междоусобная война. Въ 1405 г. Іоаннъ подступилъ съ войскомъ къ Парижу; герцогъ Орлеанскій и королева Изабелла спаслись бѣгствомъ. Впрочемъ, на этотъ разъ еще дѣло окончилось соглашеніемъ. Но въ 1407 г. Іоаннъ Бургундскій велѣлъ предательски умертвить своего двоюроднаго брата Іоанна Орлеанскаго и съ этого времени, при ликованіи городовъ, видѣвшихъ въ немъ защитника, онъ является фактическимъ повелителемъ Франціи. Но семья убитаго, при поддержкѣ графа Арманьяка, хотѣла отомстить за смерть Іоанна; съ обѣихъ сторонъ приступили къ вербовкѣ войскъ, и началась разнузданная борьба партій. Сначала городъ Парижъ, въ которомъ руководящая роль принадлежала цехамъ, всецѣло былъ на сторонѣ бургундской партіи; только съ 1413 г. здѣсь получили преобладаніе Орлеаны.

Эти неурядицы и смуты должны были представить соблазнъ для завоевательныхъ поползновеній дѣятельнаго англійскаго короля Генриха V (1413—22). Онъ потребовалъ возвращенія англійскихъ владѣній на материкѣ, уплаты еще не пополненнаго выкупа за короля Іоанна, а также руку дочери Карла VI, Екатерины, съ значительнымъ приданымъ. Когда во Франціи отказались удовлетворить его требованія, онъ высадился съ войскомъ въ Нормандіи, въ 1415 г. Французская армія (при ней находился самъ Карлъ VI и дофинъ Людовикъ) выступила ему на встрѣчу и ей удалось поставить англичанъ въ критическое положеніе; но какъ нѣкогда при Креси и Пуатье, такъ и въ этотъ разъ англійское войско одержало побѣду въ открытомъ сраженіи при Азинкурѣ. Но Генрихъ возвратился обратно въ Англію, не воспользовавшись побѣдой для осуществленія своихъ домогательствъ.

Именно въ это время власть перешла во Франціи къ партіи Орлеановъ. Государствомъ управлялъ графъ Арманьякъ; къ приверженцамъ его принадлежалъ прежде всего Карлъ, сынъ короля Карла VI. Ему въ это время было всего четырнадцать лѣтъ и онъ сталъ дофиномъ Франціи

за смертью своихъ четырехъ старшихъ братьевъ. Народъ томился подъ произволомъ владычества Арманьяка, сославшаго королеву въ Туръ, и съ привѣтомъ встрѣтилъ герцога Бургундскаго, когда онъ въ 1417 г. подступилъ къ Парижу и затѣмъ освободилъ королеву. Изабелла, примирившись съ нимъ и забывъ убійство своего сына, всенародно объявила, что ей одной принадлежитъ право регентства за душевно-больного супруга и несовершеннолѣтняго дофина, и что она рѣшилась вести регентство съ помощью Іоанна Бургундскаго. Въ 1418 г. былъ взятъ Парижъ; но бургундскія войска тоже не могли совладать съ возбужденной народной толпой: графъ Арманьякъ былъ умерщвленъ и та же участь постигла большую часть его приверженцевъ. Наконецъ Изабелла и Іоаннъ торжественно вступили въ столицу, но и затѣмъ рѣзня все еще продолжалась, пока Іоаннъ не спохватился и, удаливъ изъ города своихъ самыхъ яростныхъ приверженцевъ, не возстановилъ порядка и спокойствія съ помощью гражданскаго ополченія.

Уже въ 1418 г. Генрихъ V снова открылъ враждебныя дѣйствія; въ 1419 г. паденіе Руана отдало въ его руки Нормандію, а между тѣмъ французскія партіи продолжали свои усобицы, забывая объ общемъ врагѣ. Только когда въ сентябрѣ 1419 г. Іоаннъ Бургундскій былъ убитъ товарищемъ дофина Карла, считавшагося теперь предводителемъ партіи Арманьяковъ, тогда сынъ убитаго, Филиппъ („Добрый"), чтобы отомстить, прибѣгнулъ къ помощи Англіи. Въ маѣ 1420 г. Филиппъ и Изабелла заключили съ Генрихомъ V договоръ въ Труа, по которому Генрихъ получилъ руку Екатерины, сестры дофина, и этимъ способомъ дѣлался наслѣдникомъ Карла VI и немедленно долженъ былъ получить регентство. Генрихъ вступилъ въ Парижъ, созвалъ сословія и заставилъ ихъ подтвердить договоръ присягой. Парламентъ объявилъ дофина Карла, какъ убійцу, утратившимъ свои права, и приговорилъ его къ изгнанію изъ королевства. Генрихъ завоевалъ почти всю страну къ сѣверу отъ Луары, но 31 августа 1422 г. смерть пресѣкла его побѣдное шествіе. Уже 22 октября того же года за нимъ послѣдовалъ въ могилу и Карлъ VI. Бывшему дофину предстояла еще тяжелая борьба, раньше чѣмъ онъ могъ короноваться въ Реймсѣ въ 1429 г. (см. стр. 219).

В. Германская имперія, германскія государства и города въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ.

а) Имперія.

По сравненію съ задачами современной государственности не сложны были тѣ обязанности, которыя приходилось выполнять имперской власти въ раннее средневѣковье, пока она еще располагала богатыми экономическими средствами и находилась въ рукахъ могучихъ представителей. Заботы о правосудіи и поддержаніи внутренняго мира, надзоръ за церковными дѣлами и охрана границъ имперіи отъ внѣшнихъ враговъ,—этимъ исчерпывалось почти все содержаніе правительственной дѣятельности королей. Принципіально и въ четырнадцатомъ еще столѣтіи кругъ королевской власти захватывалъ всѣ эти задачи; но верховныя права имперіи, а слѣдовательно и ея матеріальныя средства уже потерпѣли значительный ущербъ. Въ эпоху чистаго натуральнаго хозяйства каждый нѣмецкій король былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ и богатѣйшимъ человѣкомъ въ имперіи. Даже еслибы не воспослѣдовало уменьшенія имперскихъ имуществъ и доходныхъ правъ, то всетаки имперія не была бы въ состояніи удержать прежняго преобладающаго положенія среди другихъ силъ, съ возникновеніемъ съ двѣнадцатаго вѣка денежнаго хозяйства и об-

ращенія, всѣ выгоды котораго для королевской власти было возможно использовать въ лучшемъ случаѣ только въ видѣ монетной и таможенной регаліи. А между тѣмъ, во время междуцарствія имперскія имѣнія и верховныя права были отторгнуты отъ короны, путемъ дареній и залоговъ, въ такихъ количествахъ, что имперская власть могла теперь располагать только очень скромными источниками доходовъ. Нельзя было и думать, что имперія была въ состояніи сознательно повліять на ходъ новаго экономическаго развитія. То, что было фактически сдѣлано въ этомъ отношеніи, является дѣломъ обѣихъ болѣе юныхъ формъ государственности: территорій и городовъ. Тѣ и другіе представляютъ въ XIV—XVI вѣкахъ нормальныя хозяйственныя единицы и образъ ихъ дѣйствій соотвѣтствуетъ тому, что въ наше время называется экономической политикой.

Во Франціи и Англіи существовало наслѣдственное королевство; тамъ имѣлись фамильныя традиціи и опредѣленныя королевскія коронныя имѣнія, количество которыхъ, особенно во Франціи, все продолжало увеличиваться. Число самостоятельныхъ князей и графовъ, вассаловъ короны, въ обѣихъ странахъ въ значительной степени уменьшилось. Если возвращенное коронѣ ленное владѣніе и жаловали кому нибудь вновь, то обыкновенно одному изъ членовъ королевскаго дома, что еще болѣе помогало усиленію королевскаго вліянія. Въ Германіи, избирательной имперіи, обстоятельства слагались совершенно въ иномъ видѣ. Князья избиратели имѣли большія выгоды въ томъ, чтобы воспрепятствовать созданію прочнаго имперскаго уложенія, которымъ былъ бы положенъ предѣлъ для развитія ихъ территоріальнаго владычества. Для избирателей князей была весьма желанной возможность избрать мало дѣятельнаго короля и въ награду за свой голосъ поживиться имперскимъ добромъ. Король, который, прежде всего, тоже былъ однимъ изъ князей, могъ добиться въ имперіи вліянія и значенія, только опираясь на свое территоріальное могущество; но такъ какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ и въ первой трети пятнадцатаго сынъ обыкновенно не наслѣдовалъ отцу, то каждому новому королю приходилось прежде всего стремиться къ тому, чтобы обезпечить власть для своихъ потомковъ. Это прекрасно понимали и Люксембурги и Габсбурги. Короли изъ обѣихъ фамилій ревностно старались сохранить престолъ для своего рода. Наконецъ это удалось Габсбургамъ, пережившимъ соперниковъ.

Римская императорская корона послѣ междуцарствія потеряла свое обаяніе. Правда, всѣ нѣмецкіе короли считали долгомъ чести совершить походъ за Альпы и выполнить въ Римѣ обрядъ коронованія. Но послѣдніе римскіе походы менѣе всего могутъ произвести величественное впечатлѣніе, если и не всѣ они имѣли такую плачевную развязку, какъ походъ Рупрехта въ 1401 и 1402 г. Постепенно утратился и внѣшній блескъ императорской короны: Карлъ V былъ послѣднимъ нѣмецкимъ королемъ, который еще пожелалъ выполнить обрядъ коронованія римскимъ императорскимъ вѣнцомъ. Послѣ него короли непосредственно вслѣдъ за своимъ избраніемъ принимали и императорскій титулъ и блескомъ имени прикрывали плачевное содержаніе нѣмецкаго королевскаго достоинства.

Какъ съ одной стороны королевскія права: монета, пошлина, охрана, защита евреевъ, горная и соляная регалія, судъ и т. п., переходили къ территоріальнымъ князьямъ, такъ и во внѣшнемъ протяженіи имперія постепенно теряла. Повсюду на границахъ отпадали значительныя области и дѣлались самостоятельными или даже переходили къ сосѣднимъ государствамъ.

Область имперіи все еще простиралась номинально на западъ до Фландріи и Бургундіи, Ронскихъ земель, на югъ до верхней Италіи и на востокъ до границъ Венгріи, Чехіи и Польши. Правда, восточныя области входили все въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ имперіей; онѣ

даже частью находились подъ непосредственнымъ господствомъ нѣмецкаго короля; но настоящими членами имперіи онѣ не сдѣлались. А между тѣмъ на западѣ имперская область уменьшалась. Карлъ IV въ 1365 г. еще вѣнчался въ Арлѣ бургундской короной; но въ вознагражденіе за отказъ отъ венгерской наслѣдницы Маріи и для предотвращенія двойного избранія папы, онъ въ 1377 г. назначилъ французскаго дофина Карла VI имперскимъ викаріемъ въ Бургундіи. Этимъ предрѣшался переходъ Бургундіи къ Франціи. Подобный же ходъ имѣли событія на сѣверозападѣ. Когда послѣ основанія новобургундскаго государства (1363) бракосочетаніе наслѣднаго принца съ фландрской наслѣдницей Маргаритой соединило Фландрію съ Бургундіей (см. выше, стр. 176), тогда это государство незамѣтно выскользнуло изъ подчиненности имперіи, а фландрскіе города прекратили свое участіе въ ганзейскомъ союзѣ.

Швейцарія тоже добилась самостоятельности: Габсбурги, стремившіеся утвердить здѣсь господство своего дома, должны были отступить передъ союзомъ городскихъ обществъ и свободныхъ крестьянскихъ общинъ. Тщетно передъ Цюрихомъ въ 1354 г. появилось имперское войско; мирный договоръ слѣдующаго года уже знаменовалъ вытѣсненіе Габсбурговъ изъ ихъ старинныхъ владѣній. Когда затѣмъ города швабскихъ владѣній вошли въ 1385 г. въ сношенія съ Берномъ, Цюрихомъ, Цугомъ, Золотурномъ, Мюльгаузеномъ и даже съ габсбургскимъ Земпахомъ, тогда вмѣшательство Габсбурговъ въ защиту своихъ послѣднихъ правъ стало неизбѣжнымъ. Леопольдъ Австрійскій двинулся съ рыцарскимъ войскомъ, но былъ въ 1386 г. совершенно разбитъ „мужиками" при Земпахѣ. Такимъ образомъ было на долгое время обезпечено существованіе и значеніе швейцарскаго союза. Битва при Нэфельсѣ въ 1388 г. тоже имѣла исходъ, неблагопріятный для сыновей Леопольда, а по миру 1389 года домъ Габсбурговъ долженъ былъ отказаться отъ своей верховной власти надъ страной, именно отъ фогтства Люцерна, Цуга и Гларуса. Союзные кантоны возобновили свой договоръ, къ нему примкнулъ и Золотурнъ, и „Земпахское письмо" 1393 г. стало исходнымъ пунктомъ для новѣйшаго развитія Швейцаріи. Грозное территоріальное владычество было свергнуто, а имперіи не хватало силъ осуществить свои права. Свободный союзъ швейцарскихъ общинъ живетъ съ конца четырнадцатаго вѣка обособленной жизнью. Въ общихъ судьбахъ Германіи онъ уже больше не принимаетъ участія, но тѣмъ оживленнѣе общеніе въ области духовной дѣятельности. Особенно Базель дѣлается убѣжищемъ нѣмецкаго гуманизма и пріютомъ нѣмецкаго книгопечатанія, достигшаго высшаго художественнаго совершенства. Возобновленныя императоромъ Максимиліаномъ попытки, поддержать связь горной страны съ имперіей, потерпѣли неудачу; послѣ несчастливой борьбы онъ долженъ былъ въ 1499 г. согласиться на освобожденіе Швейцаріи отъ имперской подати и имперскаго суда. Этимъ была уже формально расторгнута связь съ имперіей. Союзу съ этихъ поръ присваивается характерное имя „имперскіе сродники", а вестфальскій миръ въ 1648 г. окончательно признаетъ швейцарскій союзъ за самостоятельную государственную организацію внѣ границъ имперіи.

Но и во внутренней Германіи вліянія имперской власти проявлялись въ самыхъ различныхъ степеняхъ: ея сила была значительно больше въ южногерманскихъ областяхъ, гдѣ было много важныхъ имперскихъ городовъ, гдѣ существовало многочисленное имперское рыцарство, чѣмъ въ сѣверогерманской низменности. Здѣсь и въ прежнія столѣтія королевская власть никогда не находила столь прочной поддержки, какъ на югѣ. Съ возрастающимъ значеніемъ торговли на германскомъ побережьи, здѣсь господствующее вліяніе въ политикѣ получилъ обособленный союзъ городовъ, извѣстная Ганза. Она возникла изъ союза нѣмецкихъ купцовъ для защиты своихъ общихъ интересовъ заграницей; но съ начала четыр-

надцатаго вѣка этотъ союзъ получилъ и на родинѣ признанное политическое преобладаніе (см. выше, стр. 12—70).

Подобное же положеніе, какъ Ганза на сѣверѣ, занималъ Нѣмецкій орденъ на сѣверовостокѣ. Онъ втиснулся между поляками, литовцами и русскими, и отрѣзалъ ихъ отъ сообщенія съ моремъ. Орденская область на Балтійскомъ морѣ стала важнымъ передовымъ оплотомъ германства; до рокового для Орденскаго государства сраженія при Танненбергѣ (въ 1410 г.) тамъ возникло 93 нѣмецкихъ города и 1400 деревень; Данцигъ, важнѣйшій пунктъ страны, принадлежалъ къ Ганзѣ и соперничалъ съ Любекомъ (см. томъ V). Но Орденское государство служило только германизаціи, а не Германской имперіи. Оно вело обособленную жизнь и подконецъ помогло усиленію могущества прусскихъ Гогенцоллерновъ.

Въ сердцѣ имперіи тѣ области, которыя еще не подчинились территоріальнымъ владѣтелямъ, далеко не служили поддержкой королевской власти. Имперскіе города платили свои подати и въ остальномъ вступали въ болѣе близкія отношенія къ королю развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ихъ стѣнахъ собирался сеймъ. Нѣкоторые были даже освобождены отъ правильной ежегодной подати, и именно поэтому назывались „вольными“ городами. Гдѣ еще встрѣчались мѣстности,—а такихъ до сихъ поръ было не особенно мало,—не подчиненныя никакому князю, тамъ царила полная независимость; привлечь ихъ къ общеимперскимъ повинностямъ было еще труднѣе, чѣмъ князей, которые все таки хотя по временамъ находили для себя болѣе выгоднымъ вмѣшательство имперской власти. Въ подобныхъ случаяхъ непосредственная принадлежность имперіи была равнозначуща съ отчужденіемъ отъ имперіи. Такимъ образомъ королевская власть пользовалась въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи весьма различной степенью дѣйствительнаго значенія, а сообразно съ этимъ выражалось и содѣйствіе сосѣднихъ областей общеимперскимъ предпріятіямъ. Рудольфъ I, точно также какъ и Альбрехтъ I, приложили много усилій къ тому, чтобы снова упорядочить пришедшіе въ упадокъ имперскіе доходы; но они не были достаточно дальновидны для того, чтобы использовать въ интересахъ государственной казны развивавшееся денежное обращеніе, основу новой формы народнаго хозяйства. Они удовольствовались реформой имперскихъ областныхъ намѣстничествъ и имперскихъ податныхъ учрежденій, которыя вмѣстѣ съ опредѣлявшимися по договорамъ платежами имперскихъ городовъ были главными источниками доходовъ имперіи въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкѣ.

Каковы были средства, таковы были обыкновенно и результаты дѣйствій имперской власти на ея важнѣйшемъ поприщѣ, при умиротвореніи страны. Не говоря уже о томъ, что отсутствовала имперская исполнительная власть, которая была бы въ состояніи наказать нарушителей закона о земскомъ мирѣ, вообще уже больше не появляется имперскихъ мирныхъ постановленій, то есть карательныхъ законовъ противъ нарушителей мира, объявлявшихся всегда на опредѣленное время и имѣвшихъ силу для всей имперіи. Имперскія постановленія о мирѣ съ Рудольфа до Генриха II были въ сущности только возобновленіями майнцскаго земскаго мира 1235 г.; со времени Людовика Баварскаго даже такія подтвержденія выходятъ изъ практики и только важный законъ Альбрехта II отъ 1438 г. снова выдвигаетъ старую мысль о мирѣ для всей имперіи. Обыкновенно же издаются провинціальныя мирныя постановленія, свидѣтельствующія, до какой степени даже въ представленіи верховной власти идея имперіи уступала мѣсто понятію территоріальности. Еще въ 1383 г. король Вацлавъ пытался, но неудачно, провести постановленіе объ имперскомъ мирѣ; онъ оказался не въ состояніи расторгнуть существовавшіе союзы городовъ. Теперь, когда имперія была безсильна, былъ избранъ новый путь къ обезпеченію мира, необходимаго особенно въ интересахъ горо-

довъ; города заключали такъ называемыя „единенія“ (Einungen), то есть союзы на опредѣленный срокъ, и обязывались къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ каждаго нарушителя мира, который затронетъ кого-либо изъ союзниковъ. Къ подобнымъ союзамъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ заключенный въ 1381 г. между рейнскими и швабскими городами, иногда примыкали даже князья; уже ульмское постановленіе о земскомъ мирѣ въ 1331 г. распространялось, кромѣ двадцати двухъ имперскихъ городовъ Швабіи, на государей Верхней Баваріи и Бранденбурга, а также на епископа Аугсбургскаго. Затѣмъ Золотая булла категорически разрѣшила „единенія“ для поддержки земскаго мира, въ то время какъ ею запрещались всѣ другія „Einungen“ для иныхъ цѣлей, и этимъ было обнаружено, что имперія со своей стороны уже болѣе не въ состояніи заботиться о поддержаніи внутренняго мира. Въ теченіе XIV и XV вѣковъ было издано множество постановленій о земскомъ мирѣ, заключено множество „единеній“ для охраны мира, пока наконецъ „вѣчный земскій миръ“ вормсскаго рейхстага въ 1495 г. не воспретилъ категорически всѣхъ усобицъ и самоуправства; правда, въ это время окрѣпшія территоріальныя власти были уже большей частью въ состояніи успѣшно бороться съ непокорными рыцарями, и энергичное вмѣшательство имперской власти уже становилось ненужнымъ.

Нѣмецкій король былъ верховнымъ судьей; графы и прочія власти судили только его именемъ, и повсюду, гдѣ появлялся король лично, право судить переходило къ нему. Этотъ принципъ сохранился и въ позднѣйшемъ средневѣковьи; только графства давно уже стали наслѣдственными, и ихъ обладатели пріобрѣли разныя другія права, такъ что являлись большей частью территоріальными государями. Давно уже придворноправовыя учрежденія расшатали старинное судебное уложеніе и королямъ осталась только малая часть ихъ прежней верховной юрисдикціи. Если въ началѣ имъ и принадлежало эвокаціонное право, въ силу котораго они могли по произволу вытребовать къ себѣ каждое еще не разрѣшенное юридически дѣло для постановленія своего приговора, то уже сравнительно рано имъ пришлось отказаться отъ этого права по отношенію къ отдѣльнымъ князьямъ. Золотая булла 1356 г. возвела привилегію de non evocando въ законное право всѣхъ курфюрстовъ; а въ 1487 г. королевское эвокаціонное право было окончательно отмѣнено.

Старинное судебное уложеніе имѣло дѣло съ свободными людьми; но сословіе „свободныхъ“ сохранилось въ болѣе значительномъ числѣ только въ Вестфаліи, и тамъ все еще существовали въ почти неизмѣнившемся видѣ королевскіе суды, такъ называемые „Femgerichte“, отъ Feme= наказаніе. Это былъ судъ свободныхъ надъ свободными, подъ предсѣдательствомъ графа. Но такъ какъ въ большей части имперіи уже ничего не знали о сословіи свободныхъ и графскомъ судѣ, то положеніе дѣлъ въ Вестфаліи казалось современникамъ своеобразнымъ исключеніемъ. Карлъ IV въ постановленіи о земскомъ мирѣ для Вестфаліи въ 1371 г. мудро использовалъ въ общихъ интересахъ этотъ остатокъ германскаго правосудія; онъ поручилъ именно этимъ судамъ надзоръ за сохраненіемъ мира, и этимъ не мало способствовалъ уваженію, даже суевѣрному страху, съ которымъ относились къ „тайнымъ судамъ“. По ихъ правиламъ, въ судебномъ округѣ (фрейграфство) судъ велъ назначенный королемъ судья (фрейграфъ) съ семью засѣдателями-шеффенами, засѣдая на „свободномъ престолѣ“ (Freistuhl), всегда подъ открытымъ небомъ и среди бѣлаго дня. Смотря по тому, могли-ли присутствовать посторонніе, засѣданіе было открытымъ или тайнымъ. Наказаніемъ всегда была смерть черезъ повѣшеніе. Если обвиняемый находился на лицо, приговоръ исполнялся немедленно; если его не было, казнь совершалась тогда и тамъ, гдѣ застигали преступника трое изъ членовъ судилища. Послѣдствія этого установленія

были въ четырнадцатомъ вѣкѣ всецѣло благодѣтельны, потому что такимъ путемъ устранялись рѣшительные недостатки уголовно-правовыхъ порядковъ. Впрочемъ, въ слѣдующемъ столѣтіи тайные суды пришли къ вырожденію; нюрнбергскій рейхстагъ 1431 года и реформаціонный актъ Фридриха III 1442 г. должны были установить мѣропріятія противъ злоупотребленій тайныхъ судовъ. Затѣмъ они постепенно утрачиваютъ свое значеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ старое судебное уложеніе было разрушено и низшая подсудность почти повсюду перешла къ гофгерихтамъ, а высшая къ судамъ территоріальныхъ государей, — стало замѣтнымъ отсутствіе повсемѣстной королевской власти. Имперскіе города и тѣ мѣстности, которыя, какъ организованные въ четырнадцати церковныхъ приходахъ Дитмарши, еще принадлежали имперіи, являются почти независимыми государственными единицами. Личность короля была большей частью чужда народу, а постояннаго представительства королевскихъ правъ не существовало. Въ королевской канцеляріи не имѣлось даже списка всѣхъ членовъ имперіи; не нашлось даже перечня городовъ и князей, когда въ 1422 г. нужно было со всевозможной поспѣшностью приготовиться къ имперской войнѣ съ Чехіей. Городъ Дюренъ, который съ 1242 г. былъ въ залогѣ у графа, впослѣдствіе герцога Юлихскаго, и фактически давно считалъ себя областнымъ городомъ, еще послѣ 1578 года неоднократно получалъ приглашенія на рейхстаги и требованія о взносѣ подати на борьбу съ турками. Дѣло въ томъ, что у канцеляріи не было никакихъ документальныхъ основаній, чтобы умѣть согласовать правовыя притязанія съ фактами.

Не менѣе прискорбно чувствовался недостатокъ имперской исполнительной власти; кто получалъ отъ имперіи какое-нибудь право, долженъ былъ сначала съ боя добиться его осуществленія. Когда объявлялась имперская опала, не было средствъ привести ее въ исполненіе. Когда, напримѣръ, Карлъ IV отдалъ имперскій городъ Вейль въ залогъ графу Эбергарду Вюртембергскому, этотъ городъ примкнулъ къ швабскому союзу городовъ, существовавшему съ 1376 г., и король объявилъ опалу надъ четырнадцатью союзными городами. Эбергардъ хотѣлъ силой осуществить свои права на городъ Вейль, но сынъ его потерпѣлъ въ 1377 году при Рейтлингенѣ полное пораженіе отъ союзниковъ и король оказался вынужденнымъ снять опалу и отмѣнить договоръ о залогѣ: тутъ города побѣдили имперскую власть и княжеское господство. Гдѣ имперія хотѣла явиться карателемъ, она зависѣла отъ доброй воли и состоянія силъ тѣхъ имперскихъ чиновъ, которымъ поручалась экзекуція. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда уже существовало дѣленіе на округа, значительно облегчавшее задачу, состоялось и положеніе объ имперскихъ экзекуціяхъ (1555 г.), но было уже поздно: въ это время уже все политическое могущество было въ рукахъ князей.

б) Возникновеніе территоріальныхъ княжествъ.

Германская имперія, по крайней мѣрѣ со времени Золотой буллы, является союзнымъ государствомъ. Правда, и въ прежнія времена имперскіе васалы были совѣтниками своего короля въ важныхъ обстоятельствахъ, но только отъ послѣдняго зависѣлъ выборъ рѣшенія. Теперь же во всѣхъ рѣшительныхъ вопросахъ предполагалось согласіе курфюрстовъ, и имперское собраніе стало правовымъ учрежденіемъ, хотя проектировавшіеся ежегодные съѣзды курфюрстовъ и не могли состояться. Князья стали „имперскими чинами“, какъ подъ ихъ главенствомъ образовались „земскіе чины“; они принимаютъ участіе въ управленіи имперіей и постепенно все болѣе выступаютъ на первый планъ. Положеніе короля

существенно измѣнилось; формы его избранія были точно установлены, а предпочтительное положеніе семи имперскихъ князей, которымъ отнынѣ принадлежало право выбора, также способствовало дальнѣйшему ослабленію королевской власти, такъ каждый курфюрстъ въ вознагражденіе за свой голосъ стремился получить какія нибудь имперскія имущества или права (ср. стр. 179). А разъ что курфюрсты могли избирать короля, то недалеко было и до того, чтобы они сохранили за собой и право участія въ его управленіи, выражали, когда требовалось, свое согласіе (разумѣется, не безвозмездное), въ такъ называемыхъ „разрѣшительныхъ письмахъ" (Willebriefe) и даже присваивали себѣ право низлагать короля, какъ это иногда и въ самомъ дѣлѣ случалось, напримѣръ въ 1400 году по отношенію къ Вацлаву. Вскорѣ коллегія курфюрстовъ пріобрѣтаетъ значеніе представителя имперіи и разрѣшительныя письма заступаютъ мѣсто согласія имперскаго сейма.

Сословіе имперскихъ князей, насчитывавшее около 1350 г свыше семидесяти духовныхъ и сорока свѣтскихъ представителей, постоянно увеличивалось въ числѣ, потому что санъ имперскаго князя легко достигался королевскимъ возвышеніемъ имперскаго лена въ знаменный ленъ: знаменными ленами были сдѣланы въ четырнадцатомъ вѣкѣ между прочимъ Померанія, Юлихъ, Гельдернъ, Люксембургъ, Бергъ, въ пятнадцатомъ Клеве, Голштейнъ и Вюртембергъ. Но и раздѣлы наслѣдства въ княжескихъ домахъ, обычные съ тринадцатаго вѣка, причемъ каждая линія могла сохранить имперско-княжеское достоинство, увеличивали число свѣтскихъ князей и свели на ихъ сторону перевѣсъ въ имперіи. Полномочія отдѣльныхъ князей, которые съ XIII вѣка постоянно являются уже и государями своихъ областей, различны смотря по ихъ происхожденію. Но по мѣрѣ того, какъ король уступаетъ въ пользу князей оставшіяся за нимъ верховныя права (Золотая булла даровала курфюрстамъ право чеканить золотую монету, король отказывался отъ эвокаціоннаго права и пр., ср. стр. 182), владѣніе страной стало верховнымъ господствомъ надъ ней и надъ нормальнымъ верховнымъ владычествомъ съ четырнадцатаго вѣка подымается болѣе высокая территоріальная власть курфюрстовъ. Изъ территорій средневѣковья образуются новѣйшія отдѣльныя государства Германіи, среди которыхъ наконецъ Австріи и Пруссіи пришлось выдержать борьбу за гегемонію.

Кромѣ князей, многіе графы и бароны тоже добились верховной власти, признакомъ которой считается право высшей юрисдикціи. Всѣмъ этимъ территоріямъ, бывшимъ сначала только частно-правовыми владѣніями, благопріятствовало, въ противоположность имперіи, то обстоятельство, что вслѣдствіе гораздо болѣе незначительнаго объема и однообразія отношеній внутри отдѣльной области, владѣлецъ ея могъ ввести въ управленіе ею единство, котораго никогда не могла достичь имперія. Территоріальное чиновничество, которое имѣетъ свое начало въ управляющихъ княжескими помѣстьями, стало главной опорой владѣтельныхъ князей, и ходъ развитія княжеской власти, несмотря на различія въ личностяхъ государей, продолжался послѣдовательно въ разъ заданномъ направленіи именно благодаря этой административной традиціи.

Правовыя основанія, по которымъ князю принадлежала власть надъ отдѣльными частями своей области, были чрезвычайно разнообразны: наряду со старыми аллодіальными владѣніями существовали имперскіе лены, дававшіе ихъ владѣльцу герцогскія, маркграфскія или графскія права; иногда князь являлся церковнымъ фогтомъ, имѣвшимъ право уголовнаго суда; въ иныхъ мѣстахъ онъ былъ только землевладѣльцемъ, въ другихъ — залогодержателемъ судебныхъ доходовъ. Время, еще мало способное къ отвлеченному мышленію, не всегда могло отдѣлить всѣ эти различныя должности отъ личности могучаго властителя, случайно соеди-

вившаго ихъ въ своихъ рукахъ; нисколько не казалось удивительнымъ, если князья отодвигали на заднiй планъ всѣ эти разнородныя права и за то во всей области своего господства выдвигали впередъ одну только власть владѣтельнаго государя и на ея принципѣ строили новый видъ обладанія страной, до того времени неизвѣстный въ Германіи.

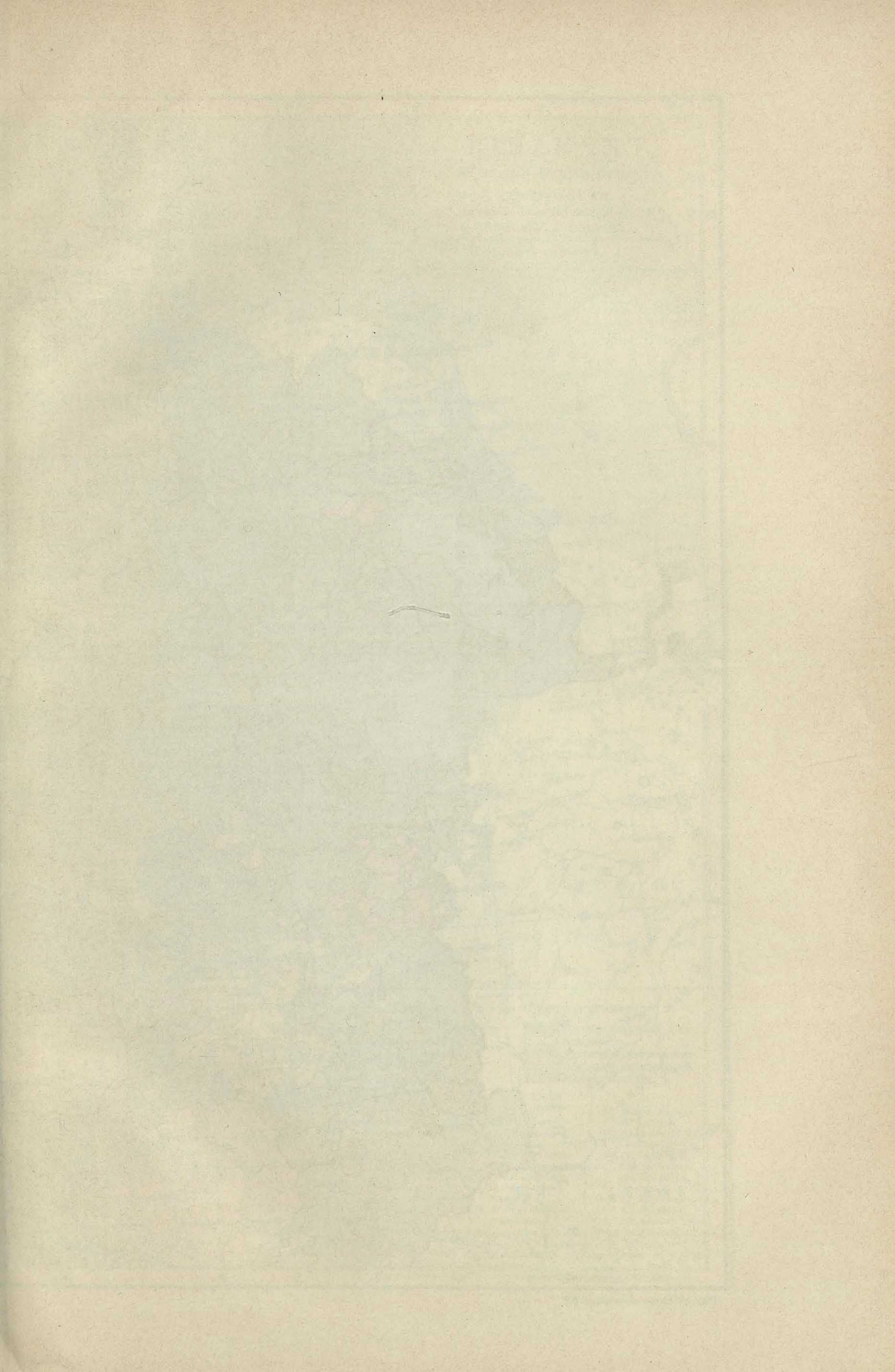
Естественно, что при такомъ способѣ возникновенія территоріальной власти болѣе крупныя области лишь въ видѣ исключенія принадлежали одному государю, обыкновенно же территорію составляли разбросанныя тамъ и сямъ владѣнія. Этимъ крайне затруднялось управленіе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось провести какія нибудь мѣропріятія, такъ и тогда, когда приходилось подавлять противодѣйствіе рыцарства. Легко могло даже случиться, что при враждебномъ отношеніи сосѣдей государю могъ быть силою закрытъ доступъ въ большую часть своихъ владѣній. Выдающіеся князья издавна уже старались устранить это неудобство и прилагали всѣ усилія къ достиженію территоріальной непрерывности своихъ владѣній. Иногда князю удавалось при благопріятномъ случаѣ получить отъ короля въ подарокъ смежную имперскую область, иногда, пользуясь нуждою въ деньгахъ, онъ за извѣстную сумму получалъ отъ короля эту область въ залогъ, причемъ ни должникъ, ни заимодавецъ и не помышляли о выкупѣ. Вклинивающіеся участки пріобрѣтались мѣной, для чего жертвовалось отдаленное владѣніе; искусная брачная политика вела къ присоединенію цѣлой области, а иногда въ составъ территоріи включались земли мелкихъ независимыхъ владѣльцевъ, которые такимъ образомъ низводились на степень помѣстныхъ рыцарей. Тамъ, гдѣ въ предѣлахъ территоріи оказывались болѣе крупные имперскіе города, пріобрѣтеніе ихъ оказывалось желательнымъ не столько въ видахъ округленія области, сколько изъ за городской платежной силы. Этимъ объясняются нападенія кельнскихъ архіепископовъ на Дортмундъ (1368 г.) и Зестъ (1447), маркграфа Альбрехта Ахилла Бранденбургскаго на Нюрнбергъ (1449). Въ пятнадцатомъ столѣтіи попалъ такимъ образомъ подъ власть архіескопа Адольфа Майнцъ (1462), а герцогъ Людвигъ Байернъ-Ландсгутскій завладѣлъ имперскимъ городомъ Донаувертомъ (1458). На западѣ изо всѣхъ князей четырнадцатаго вѣка преслѣдовалъ подобную территоріальную политику съ наибольшимъ успѣхомъ архіепископъ Балдуинъ по отношенію къ Триру. На востокѣ Карлъ IV достигъ значительнаго округленія своихъ владѣній на счетъ веттинцевъ, частью опираясь на неоспоримыя ленныя права, а частью путемъ хитрости и насилія. Большимъ подспорьемъ при этомъ были его замѣчательныя коммерческія дарованія и находившіяся въ его распоряженіи относительно крупныя финансовыя средства.

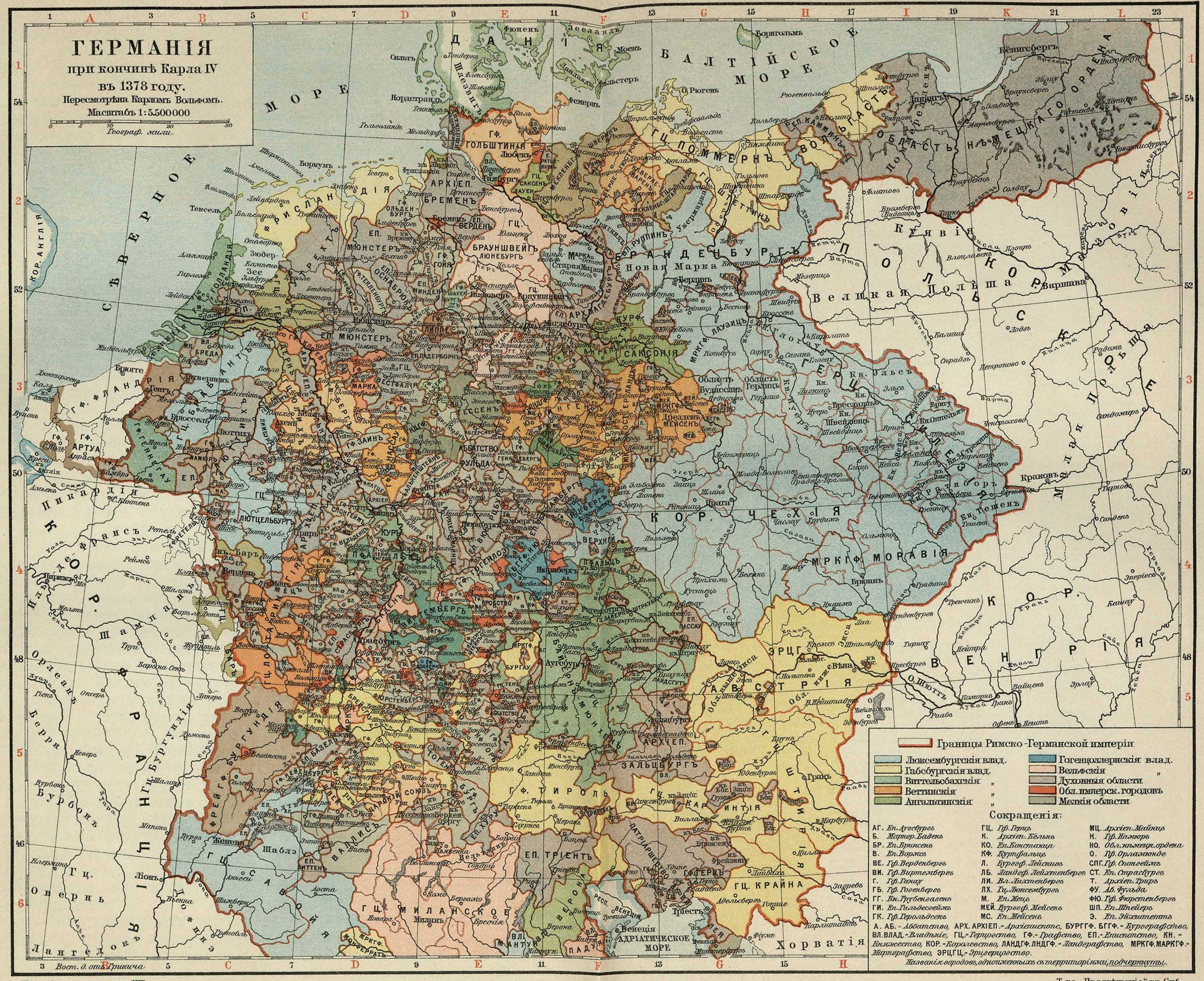
Наряду съ территоріальнымъ округленіемъ во всѣхъ областяхъ является потребность въ единствѣ **управленія**, которое всевластно распространялось бы надъ существующими помѣстными и тому подобными учрежденіями. Отсутствіе опредѣленнаго разграниченія послѣ упадка старыхъ графствъ дало себя замѣтно чувствовать въ имперіи и не мало способствовало ослабленію имперской власти. Въ гораздо менѣе крупныхъ территоріяхъ, имѣвшихъ еще на половину частно-правовой характеръ, вопросъ объ организаціи былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что было въ общемъ сохранено дѣленіе на судебные округы или округи помѣстнаго управленія, и только тамъ, гдѣ того требовали практическія соображенія, либо раздѣлили слишкомъ обширные округи, либо соединили слишкомъ мелкіе. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ повсюду существуетъ такое административное раздѣленіе; во главѣ округа, носящаго названіе фогтства, амта, и пр., стоитъ амтманъ, фогтъ, земскій судья, старшина (названія крайне разнородны, смотря по мѣстному словоупотребленію); онъ большей частью принадлежитъ къ мелкому дворянству и является чиновникомъ, представляющимъ

всѣ верховныя права владѣтельнаго государя. Этотъ княжескій представитель былъ смѣняемымъ чиновникомъ съ широкими полномочіями и постояннымъ жалованьемъ, хотя еще и сохранялась внѣшняя форма пожалованія должности въ ленъ. Такъ какъ надзоръ высшихъ властей, тождественныхъ съ княжескимъ дворомъ, въ то время еще не всегда имѣвшимъ постоянную резиденцію, не могъ поэтому отличаться особой правильностью, то амтманъ долженъ былъ на свою отвѣтственность дѣйствовать въ интересахъ государя. При этомъ онъ очень тѣсно сближается съ находящейся въ его управленіи областью, посреди которой, въ какомъ-нибудь замкѣ, находится его резиденція, и является почти самостоятельнымъ властителемъ, тѣмъ болѣе, что и сама область зачастую не что иное, какъ нѣкогда независимое государство. О раздѣленіи административной власти отъ судебной еще никто и не помышляетъ. Такимъ образомъ амтманъ единолично оказывается судебнымъ, административнымъ, полицейскимъ, финансовымъ и военнымъ чиновникомъ, а часто къ тому же еще управляющимъ собственными помѣстьями государя. Его окружаетъ штатъ низшихъ чиновниковъ. Какое значеніе должна была имѣть эта организація, способная въ частностяхъ къ дальнѣйшему развитію, для идеи территоріальнаго государства, легко себѣ представить, если принять во вниманіе, что каждому обывателю округа была знакома личность амтмана, ежедневно являвшагося передъ нимъ въ качествѣ намѣстника государя.

Основной характеръ территоріи былъ преимущественно сельскимъ. Преобладаютъ все еще экономическія формы натуральнаго хозяйства, а городское денежное хозяйство кажется до сихъ поръ чуждымъ. Крестьянскія возстанія, обнаруживающіяся, именно на юго-западѣ, уже задолго до шестнадцатаго вѣка (см. стр. 189), поэтому направлены преимущественно противъ ростовщическаго капитализма городовъ. и особенно противъ евреевъ. Обыкновенно территоріи распадаются на сельскіе округи, и владѣтельные князья, побуждаемые все возростающими издержками на содержаніе двора и на дорогія войны, стараются довести до возможнаго напряженія ихъ платежную силу. Территоріальные города, съ болѣе или менѣе значительной промышленностью и торговлей, часто настоящіе земледѣльческіе города, все еще оставались самостоятельными общинами съ собственнымъ уложеніемъ и управленіемъ. Они не входили всецѣло въ составъ территоріи; часто ихъ отношенія къ ней ограничивались финансовой помощью, которую доставляло государю ихъ обложеніе. Городъ, какъ податная единица, взноситъ наложенную на него сумму, и въ остальномъ княжескому управленію нѣтъ дѣла до того, какимъ способомъ собирается эта сумма. Въ эту эпоху города часто пріобрѣтаютъ отъ своихъ государей (какъ нѣкогда князья отъ имперіи) различныя доходныя статьи въ видѣ аренды или залога: въ ихъ распоряженіи большей частью находится акцизъ, важнѣйшій источникъ доходовъ. Для князей денежная помощь городовъ имѣетъ громадное значеніе, поэтому они волей-неволей должны соглашаться, когда города со своей стороны требуютъ объясненій относительно назначенія денегъ и другихъ вопросовъ управленія, и ставятъ выполненіе плановъ князя въ зависимость отъ своего согласія. Съ четырнадцатаго столѣтія постоянно наблюдается явленіе, что областные города соглашаются поручиться за уплату долговъ своего государя, а это приводитъ наконецъ къ тому, что города дѣлаются земскими чинами, то есть правильно посылаютъ на земскіе сеймы своихъ депутатовъ. При этомъ интересы городовъ приходятъ въ столкновеніе съ интересами помѣстнаго дворянства.

Уже раздѣлъ княжескихъ домовъ, причемъ каждый изъ сыновей государя получалъ титулъ и соотвѣтственный дворъ, ложился тяжелымъ бременемъ на государственную казну и предъявлялъ къ странѣ болѣе высокія требованія. Княжеское право обложенія вовсе не признавалось.





Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Регистръ къ картѣ „Германія въ 1378 году“.

(Буквы, стоящія въ скобкахъ [ГБ], обозначаютъ принятыя на картѣ сокращенія.)

I. Свѣтскія области.

1. Королевство Чехія: FGH3,4

Округъ Бехинъ	G4
— Бунцлау	GH3
— Заацъ	G3
— Кёнигингрецъ	H3
— Лейтмерицъ	G3
— Пильзенъ	G4
— Прахинъ	G4
— Раконицъ	G3,4
— Хрудимъ	H4
— Часлау	H4
— Шланъ	G3
— Эгеръ	F3
Влад. Крумау	G4

2. Эрцгерцогство:

Австрія	GH4,5
Область выше Эннса	G3,4
Область ниже Эннса	H3,4

3. Герцогства:

Байернъ-Ландсгутъ	F4
— Мюнхенъ	F4,5
— Штраубингъ	F4
Баръ	C4
Брабантъ	BC3
Брауншвейгъ - Вольфенбютель	E3
— Геттингенъ	E2
— Грубенгагенъ [ГГ]	E3
— Люнебургъ	E2
Гельдернъ	C2,3
Каринтія	G5
Крайна	G5,6
Лимбургъ	C3
Лотарингія	C4
Лютцельбургъ	C3,4
Мекленбургъ-Шверинъ	F2
— Штаргардъ	G2
Миланъ	DE5,6
Померанія-Вольгастъ	GH1,2
— Штеттинъ	G2
Савойя	CD5,6
Саксенъ-Виттенбергъ	F3
— Лауэнбургъ	DE2
Силезія	HIK3,4
— Княжество Бреславль	H3
— Бригъ	I3
— Глогау	H3
— Лигницъ	H3
— Мюнстербергъ	HI3
— Нейссе	I3
— Оппельнъ	I3
— Ратиборъ	I3
— Стрелицъ	I3
— Теменъ	IK4
— Троппау	I4
— Фалькенбергъ	I3
— Швейдницъ	H3
— Эльсъ	HI3
— Яуэръ	H3
Текъ	E4
Штирія	GH5
Юлихъ	C3

4. Пфальцграфства:

Верхній Пфальцъ	F4
Рейнскій Пфальцъ (Курфюршество)	D4
Тюбингенъ	DE4

5. Ландграфства:

Брейсгау	D5
Гессенъ	DE3
Нелленбургъ	D5
Тюрингенъ	EF3
Штюлингенъ	D5
Эльзасъ	D4,5

6. Маркграфства:

Баденъ [Б]	DE4,5
Бергенъ	B3
Бранденбургъ (Курфюр.)	FGH2
Альтмаркъ	F2
Влад. Руппинъ	FG2
Ноймаркъ	FG2
Обл. за Одеромъ	GH2
Пригницъ	F2
Укермаркъ	G2
Бургау	E4
Лузація	G2,3
Мейссенъ	G3
Монферратъ	D6
Моравія	HI3,4
Округъ Брюннъ	H4
— Градишъ	I4
— Знаимъ	H4
— Иглау	H4
— Ольмюцъ	HI3,4
Муссонъ	C4
Остерландъ	F3

7. Бургграфства:

Дона	G3
Лейснигъ [Л]	FG3
Мейссенъ [МЕЙ]	FG3
Нюрнбергъ	EF3,4

8. Княжества:

Ангальтъ	F3
Верле-Вареңъ	F2
— Гюстровъ	F2

9. Фрейграфство:

Бургундія	C5

10. Графства:

Бейхлингенъ	F3
Бентгеймъ	CD2
Бергъ	CD3
Бильштейнъ	D3
Бланкенбургъ	EF3
Брухгаузенъ	D2
Вальдбургъ	E5
Вальдекъ	DE3
Вангенъ	D5
Вельденцъ	D4
Верденбергъ [ВЕ]	E5
Вернигероде	E3
Вертгеймъ	E4
Видъ	D3
Виртембергъ [ВИ]	DE4,5 C5
Витгенштейнъ	D3
Віанденъ	C4
Водемонъ	C4
Вольденбергъ	E2,3
Вунторфъ	E2
Габсбургъ	D5
Ганау [Г]	DE3,4
Гельфенштейнъ	E4
Геннебергъ	E3
Геннегау	BC3
Герольдсэкъ [ГК]	D4
Герцъ [ГЦ]	FG5,6
Глейхенъ	E3
Гогенбергъ [ГБ]	E4
Гогенлоэ	D4
Гойя	DE2
Голландія	B2,3
Гольштинія	F1,2
Гомбургъ	E2,3
Гонштейнъ	EF3
Горнъ	C3
Грейерцъ	D5
Дельменгорстъ	D2
Дипгольцъ	D2
Заарбрюкенъ	CD4
Зайнъ	D3
Зальмъ	C3
Зальмъ (Лотарингія)	CD4
Зеландія	B3
Зигмарингенъ	E4,5
Изенбургъ	D3,DE3
Кастель	E4
Катценэльнбогенъ	D3,4
Кибургъ	D5
Кирхбергъ	E4
Клеве	C3
Клермонъ	BC4
Куикъ	C3
Левенштейнъ	E4
Лейнингенъ	D4
Лейхтенбергъ [ЛБ]	FG4
Лимбургъ	E4
Липпе	DE2,3
Мансфельдъ	F3
Марка	D3
Мемпельгардъ	C5
Монфоръ	E5
Намюръ [Н]	B3
Нассау	D3
Нейенбургъ	CD5
Ольденбургъ	D2
Орламюнде	F3
Ортенбургъ	G4
Равенсбергъ	D2
Рау- и Рейнграфство	D3,4
Ринекъ	E3,4
Рошфоръ	C3
Сольмсъ	D3
Спонгеймъ [СПГ]	D3,4
Текленбургъ	D2
Тоггенбургъ	E5
Торгау	FG3
Труэндингенъ	EF3,4
Фалькенштейнъ	D4
Фельдкирхъ	E5
Фландрія	B3
Фробургъ	D5
Фюрстенбергъ [ФЮ]	D4,5
Цвейбрюкенъ	D4
Цигенгайнъ	DE3
Цоллернъ	DE4
Шауэнбургъ	E2
Шварцбургъ	EF3
Шини	C4
Штейнфуртъ	D2
Штольбергъ	EF3
Эверштейнъ	E2,3
Эрбахъ	DE4
Эттингенъ	E4

11. Баронства:

Агаусъ	CD2
Ангіенъ	B3
Аспремонъ	C4
Баденвейлеръ	D5
Бламонъ	C4
Бланкенгеймъ	C3
Битчъ	D4

Бондорфъ	D5
Бреда	B3
Бухэкъ	D5
Верона	EF5,6
Вестенбергъ	E4
Визенштейгъ	E4
Виммисъ	D5
Гейдекъ	F4
Гейнсбергъ	C3.D3
Герольшейнъ	C3
Гольдекъ	FF5
Гомбургъ	D3
Заарверденъ	CD4
Иттеръ	D3
Кверфуртъ	F3
Кольдицъ	F3
Лимбургъ (на Ланѣ)	Д3
Лимбургъ (Марка)	Д3
Лихтенбергъ [ЛИ]	Д4
Мандершейдъ	C3
Траксельвальдъ	D5
Фалькенштейнъ	D3
Фалькенштейнъ (Шварцвальдъ)	D4
Фрунтигенъ	D5
Шенбургъ	F3
Салинъ	C5
Саксъ	E5
Ритбергъ	D3
Реда	D3
Пютлингенъ	CD4
Пирмонтъ	E2,3
Пиннебергъ	E2
Паппенгеймъ	EF4
Падуя	F6
Обоннъ	C5
Мантуя	E6
Шлейденъ	C3
Штейнъ	F4
Штернбергъ	E2
Эберштейнъ	D4
Эмблихгеймъ	C2

12. Области фризовъ. CD2

13. Области Швейцарскаго союза. DE5

14. Имперскіе города и земли:

а) Фогтландъ	F3
б) Имперскіе города;	
Ааленъ	E4
Аахенъ	C3
Аугсбургъ	E4
Базель	D5
Биберахъ	E4
Бизанцъ (Безансонъ)	C5
Бопфингенъ	E4
Бременъ	D2
Бухау	E4
Бухгорнъ	E5
Вейль, городъ	D4
Вейсенбургъ	EF4
Вейсенбургъ (Эльзасъ)	D4
Вердюнъ	C4
Виндсгеймъ	E4
Вецларъ	D3
Вормсъ	D4
Гагенау	D4
Галль	E4
Гамбургъ	E2
Гейльброннъ	E4
Гельнгаузенъ	E3
Гингенъ	E4
Гмюндъ	E4
Госларъ	E3
Динкельсбюль	E4
Донаувертъ	E4
Дортмундъ	D3
Зельцъ	D4
Золотурнъ	D5
Кауфбейренъ	E5
Кельнъ	C3
Кемпенъ	E5
Кольмаръ	D4
Констанца	E5
Лейткирхъ	E5
Линдау	E5
Любекъ	E2
Мемпингенъ	E4,5
Мецъ	C4
Мюльгаузенъ (Гюрингенъ)	E3
Мюльгаузенъ (Эльзасъ)	D5
Мюнстеръ (Эльзасъ)	D4,5
Нердлингенъ	E4
Нордгаузенъ	E3
Нюрнбергъ	F4
Регенсбургъ	F4
Рейтлингенъ	E4
Ротвейль	D4
Ротенбургъ и Тауберъ	E4
Страсбургъ	D4
Туль	C4
Ульмъ	E4
Франкфуртъ на Майнѣ	D3
Швейнфуртъ	E3
Шледтштадтъ	D4
Шпейеръ	D4
Эслингенъ	E4
Юберлингенъ	E5

II Духовныя области.

1. Архіепископства:

Аквилея (Патріархатъ)	FG5,6
Бременъ	DF1,2
Зальцбургъ	FG4,5 H4,5
Кельнъ (Курфюршество) [К]	CD3,D3
Магдебургъ	2,3,G2,3
Майнцъ (Курфюршество) [МЦ]	DE3,43 EF3
Триръ (Курфюршество) [Т]	CD3,4

2. Епископства:

Аугсбургъ [АГ]	E4,5
Базель	CD5
Бамбергъ	EF3,4G5
Бранденбургъ	F2
Бриксенъ [БР]	F5G5
Верденъ	E2
Вердюнъ	C4
Вормсъ [В]	D4
Вюрцбургъ	E3,4
Гавельбергъ	F 2
Гальберштадтъ	EF 2,3
Гильдесгеймъ [ГИ]	E2.3
Женева	C5
Зиттенъ	K5,6
Камбрэ	B3
Камминъ	H1,2
Констанца [КО]	DE5
Лебусъ	G2
Лозанна	G5
Любекъ	E1,2
Люттихъ	BC34
Мейсенъ [МС]	FG3
Мерзербургъ	E3
Мецъ [М]	CD4
Минденъ	DE2
Мюнстеръ	CD2,3
Наумбургъ	F3
Оснабрюкъ	D2
Падерборнъ	DE3
Пассау	G45
Ратцебургъ	E2
Регенсбургъ	F4,E5
Страсбургъ [СТ]	D4,CD5
Тріентъ	EF 5,6
Туль	C4
Утрехтъ	BC 2,3
Фрейзингъ	F4, 5 G4,5 H4
Хуръ	E5
Шверинъ	F2
Шпейеръ [ШП]	D 4
Эйхштеттъ [Э]	EF 4

3. Аббатства:

Валькепридъ	E3
Герсфельдъ	E3
Диссентисъ	D5
Иррзее	E45
Кведлинбургъ	F3
Кемптенъ	E5
Корвей	E2
Корнелисмюнстеръ	C3
Мальмеди	C3
Мурбахъ	CD5
Прюмъ	C 3
Сенъ Галленъ	E5
Стабло	C 3
Фульда [ФУ]	E3
Цвифальтенъ	E4
Эссенъ	CD 3

4. Пробстства:

Берхтесгаденъ	FG5
Эльвангенъ	E4

5. Область нѣмецкаго ордена

[НО]	H—L 1,2 F4

Подать, наложенная имъ самовольно, носила названіе exactio violenta, считалась насиліемъ и вымогательствомъ; подать должна была, по старинному, являться результатомъ ходатайства и переговоровъ съ плательщиками. По ленному праву рыцари считались свободными отъ налоговъ и взносы были для нихъ обязательны только въ трехъ случаяхъ: для выкупа государя изъ плѣна, на приданое его дочери и при посвященіи въ рыцари его сына. Благодаря тому, что вассалы оказывали своему владѣтельному князю помощь и въ другихъ случаяхъ, возникли зачатки земско-сословной конституціи, такъ какъ и находившіяся въ странѣ духовныя учрежденія, принципіально не подлежавшія обложенію, подобно городамъ и рыцарству помогали князьямъ въ особыхъ случаяхъ деньгами и при этомъ навязывались со своими совѣтами. Случаи для экстренныхъ денежныхъ вспомоществованій являлись часто: новый способъ веденія войны, необходимость котораго была сознана собственно со времени гуситскаго движенія, требовалъ громадныхъ средствъ для пріобрѣтенія обозовъ, орудій и на жалованье наемной пѣхотѣ. Нѣкоторымъ князьямъ, именно саксонскимъ и тирольскимъ, особую поддержку оказывали въ этихъ обстоятельствахъ ихъ серебряные рудники. Вообще же повышенныя требованія приходилось удовлетворять косвенными налогами, и этимъ давался случай „сословіямъ“, то есть рыцарямъ, духовнымъ учрежденіямъ и городамъ, при помощи своего согласія достичь доли участія въ управленіи страной. Въ 1430 г. сословія Байернъ-Мюнхена и Байернъ-Ингольштадта, въ 1442 г. мекленбургскія, въ 1456 г. куръ-трирскія, въ 1463 г. куръ-кельнскія, въ 1466 г. мюнстерскія сословія объединились въ „союзы сословій“, чтобы составить сплоченный противовѣсъ княжеской власти. Только съ возникновеніемъ этой новой сословной корпораціи съ тремя подраздѣленіями окончательно было разработано понятіе о территоріи. Земскіе сеймы теряютъ съ этихъ поръ характеръ частныхъ совѣщаній и являются государственно-правовыми учрежденіями. Сословія дѣлаются представителями страны и напр. въ Клеве и въ графствѣ Маркскомъ съ 1486 г. съ полной энергіей участвуютъ въ управленіи государствомъ, причемъ часто достигаютъ отличныхъ финансовыхъ результатовъ.

Развитіе земскаго представительства было въ той мѣрѣ выгодно для владѣтельныхъ князей, поскольку оно ввело подъ контролемъ сословій правильное финансовое управленіе, и поскольку прекратилось по крайней мѣрѣ принципіальное отрицаніе права государя на податное обложеніе. Но и кромѣ того, только теперь было окончательно низведено на степень земскихъ чиновъ множество мелкихъ полудержавныхъ владѣльцевъ, которые еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ серьезно соперничали со своими будущими государями. Отнынѣ они перестаютъ быть самостоятельными членами имперіи и значительно способствуютъ финансовому усиленію территорій. Прилагаемая карта „Германія по смерти Карла IV, въ 1378 г.“ даетъ картину территоріальнаго раздробленія имперіи, хотя и трудно для даннаго момента опредѣлить точныя границы отдѣльныхъ мелкихъ областей. Регистръ, приложенный въ картѣ, можетъ дать особенно наглядное представленіе о многообразіи составныхъ частей имперіи.

Государственно-правовой характеръ территорій нашелъ признаніе и поддержку и съ другой стороны. Территоріальные раздѣлы, создававшіе миніатюрныя государства (Duodezländchen, то есть земли въ 12-ую долю листа), не были благопріятны созданію значительныхъ областей. Если даже отдѣлившіяся части до сихъ поръ обыкновенно соединялись, черезъ одно или два поколѣнія, подъ общей властью, то всетаки можно было опасаться новаго распаденія крупныхъ территорій, только что получившихъ прочную объединяющую организацію. Чтобы предотвратить эту опасность, фамильнымъ закономъ въ Павіи (1329) была впервые провозглашена недѣлимость для земель Виттельсбаховъ, Верхней и Нижней Баваріи и

Рейнскаго Пфальца. Но и тамъ, гдѣ допускались дѣлежи, старались особыми мѣропріятіями избѣжать по возможности вредныхъ послѣдствій; такъ напримѣръ, Фридрихъ II, маркграфъ Мейсенскій и ландграфъ Тюрингенскій, передъ смертью, въ 1349 г. раздѣлилъ свои владѣнія между четырьмя сыновьями, но въ то же время установилъ общее правительство подъ регентствомъ старшаго изъ братьевъ и такимъ образомъ соединилъ преимущества политическаго государственнаго единства со справедливымъ отношеніемъ къ частно-правовымъ интересамъ всѣхъ своихъ дѣтей. Затѣмъ Золотая булла въ 1356 году запретила дробленіе курфюршескихъ земель; впрочемъ это запрещеніе не распространялось на другія области, находившіяся во владѣніи курфюрстовъ. Габсбурги въ 1364 г. установили нераздѣльность Австріи, включая камеральныя имѣнія. Для Бранденбурга соотвѣтственныя мѣропріятія внесла только dispositio Achillea 1473 года, которая вмѣстѣ съ недѣлимостью Марки установила франкскій удѣлъ для второго сына. Даже тамъ, гдѣ не существовало особыхъ законовъ, воспрещавшихъ раздѣлы, ихъ предпочитали избѣгать, и въ то же время заботились о соединеніи болѣе крупныхъ земельныхъ владѣній въ однѣхъ рукахъ путемъ такъ называемыхъ „Erbverbrüderungen“, договоровъ о взаимонаслѣдіи, по которымъ изъ двухъ владѣтельныхъ фамилій та, которая раньше вымирала, оставляла свои владѣнія въ наслѣдство пережившей. Изъ болѣе крупныхъ государствъ этой цѣли достигла только габсбургская Австрія: въ силу договора о взаимонаслѣдіи 1364 г. къ государямъ Австріи въ концѣ-концовъ перешли всѣ владѣнія, принадлежавшія дому Люксембурговъ.

Дальнѣйшій ходъ развитія денежнаго хозяйства, которое, исходя изъ городовъ, начало уже захватывать и территоріи, указалъ князьямъ, что для нихъ единственнымъ путемъ удержать за собой какое нибудь политическое значеніе является увеличеніе и обезпеченіе своихъ доходовъ. Только этимъ способомъ они могли окончательно преодолѣть города, которые въ самомъ дѣлѣ въ XIV вѣкѣ чуть ли не превосходили князей своимъ могуществомъ. Почти повсюду, гдѣ королевскія регаліи отошли къ князьямъ, ихъ доходы начинаютъ быстро возрастать. Число таможенныхъ заставъ, особенно на Рейнѣ, значительно увеличивается. Еще архіепископъ Зигфридъ Кельнскій (умеръ въ 1297 г.) воздвигъ въ Воррингенѣ новый таможенный замокъ, а вскорѣ за нимъ послѣдовали и другіе. Но возрастаніе торговыхъ сообщеній вліяло и на быстрый ростъ таможенныхъ сборовъ. Таможенная застава въ Эренфельсѣ давала въ 1377 г. уже 20,000 золотыхъ гульденовъ, то есть 200,000 имперскихъ марокъ по вѣсу. Въ Кобленцѣ оборотъ съ 1267 до 1368 года поднялся съ 15,000 до 50,000 кгр. серебра. Хотя Альбрехтъ I и отмѣнилъ въ 1301 г. всѣ новыя рейнскія заставы, но это мѣропріятіе было лишь преходящимъ. Важнѣйшимъ источникомъ доходовъ для князей было возраставшее обращеніе; правда, что они, вслѣдствіе непониманія экономическихъ условій, иногда черезчуръ отягчали его. Кромѣ того способы взысканія сборовъ были такъ невыработаны и стоили такъ дорого, что только незначительная часть доходовъ въ самомъ дѣлѣ притекала въ центральную кассу. Но при помощи реорганизаціи управленія легко можно было достичь значительнаго увеличенія доходовъ, какъ это доказала во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка финансовая реформа Ганзена Мергенталя въ курфюршеской Саксоніи. Правда, княжескія кассы обыкновенно пустовали; суммы, за которыя отдавались въ залогъ доходныя статьи, иногда кажутся намъ до смѣшного незначительными, а процентъ, за который города дѣлаютъ свои ссуды, очень высокъ. Всетаки въ финансовомъ отношеніи лучше всего обстояли дѣла городовъ, хотя на нихъ однихъ почти всей тяжестью лежали сборы съ обращенія. Когда они, въ качествѣ земскихъ чиновъ, соглашались на денежные взносы, имъ въ большинствѣ случаевъ не составляло труда со-

брать требуемую сумму. Иначе обстояло съ дворянствомъ и духовенствомъ. они, какъ землевладѣльцы, получали свои доходы преимущественно естественными продуктами, и только въ малыхъ размѣрахъ могли продавать ихъ на городскихъ рынкахъ. Лично они себя все еще продолжали считать свободными отъ обложенія, а тѣ налоги, которые имъ приходилось уплачивать государю, они перекладывали на тѣхъ, кто отъ нихъ зависѣлъ, на крестьянъ.

Положеніе крестьянъ еще въ тринадцатомъ вѣкѣ было вполнѣ благопріятнымъ. Сборы въ пользу помѣщика были фиксированы, а при возрастаніи земельной ренты такимъ образомъ получался значительный приростъ заработка. Избытокъ населенія отвлекался колонизацiей восточныхъ областей и городами, а общинная земля давала еще въ обиліи и топливо, и строевой лѣсъ, и пастбища для скота. Но когда стало нехватать мѣста, гдѣ бы избыточное населеніе могло найти пристанище, тогда начались прогрессирующіе раздѣлы участковъ и появились мелкія хозяйства, состоявшія изъ хижины съ крохотнымъ клочкомъ пашни, поддерживавшіяся только надеждой на неисчерпаемое богатство общинной земли. Только значительное повышеніе интенсивности хозяйства, — разрывъ съ пастбищнымъ хозяйствомъ, удобреніе пашни, соотвѣтственное аграрное уложеніе, — могло бы предотвратить надвигающуюся бѣду; но для этого отсутствовалъ и капиталъ, и, что еще важнѣе, пониманіе требованій и задачъ времени, особенно среди землевладѣльцевъ, которые своевременнымъ преобразованіемъ аграрнаго строя могли бы совершить національный подвигъ. Но ничего подобнаго не случилось. Положеніе крестьянъ становилось все тяжелѣе; помѣщикъ даже выразилъ притязанія на распоряженіе общинной землей и властно располагалъ ея пользованіемъ.

Старинное помѣстное владѣніе пришло въ упадокъ; мелкіе господа, какъ и крупные, желали пользоваться владѣтельными правами, но мелочность условій привела всѣ ихъ стремленія къ систематическому мученію крестьянъ. Это выражается въ увеличеніи повинностей, въ отступленіи отъ привившагося уже порядка переводить тягостныя натуральныя повинности на деньги, и главнымъ образомъ во введеніи подушной подати, которая грозила обратить крестьянское населеніе въ крѣпостныхъ. Это особенно относится къ югозападной Германіи, но не меньше и къ Фландріи, гдѣ уже въ 1324 г. дошло до кровопролитнаго возстанія крестьянъ и гдѣ въ 1404 г. самъ владѣтельный князь выступилъ противъ произвола помѣщиковъ. Въ высшихъ духовныхъ задачахъ времени, въ развитіи правового порядка, въ политической жизни крестьянинъ, вообще говоря, уже не принимаетъ никакого участія. Онъ остановился на мѣстѣ и захудалъ въ то время, когда городское мѣщанство достигло высокаго подъема и, улучшивъ свое матеріальное положеніе, нашло досугъ и для высшаго духовнаго развитія. Впрочемъ, благосостоятельное бюргерство пришло еще въ особаго рода соприкосновеніе съ крестьянствомъ; послѣднему слишкомъ часто приходилось, подъ гнетомъ владѣльческаго вымогательства, обращаться къ городскому кредиту и 50 процентовъ не были рѣдкостью.

Еще въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка это повело на западѣ къ полному разоренію цѣлыхъ областей, а потому къ возстаніямъ крестьянъ. Это были предвѣстники широкаго движенія, которое обнаружилось въ шестнадцатомъ столѣтіи въ связи съ новой евангельской проповѣдью. Хотя современники по большей части не обладали глубокимъ пониманіемъ общественнаго строя и не сознавали возможности его измѣненія, все таки общее мнѣніе ясно поняло, чѣмъ грозитъ всей націи безотрадное положеніе крестьянства. Но для уменьшенія нужды ничего не было сдѣлано. Имперское законодательство занялось этимъ вопросомъ

только на аугсбургскомъ рейхстагѣ 1500 г., но и тогда не было сдѣлано сколько нибудь существенныхъ реформъ.

в) Города.

Съ городами мы уже неоднократно ознакомились въ ихъ отношеніяхъ къ имперіи, къ княжествамъ и другъ къ другу. Короткаго разсмотрѣнія требуетъ еще автономное уложеніе городовъ и городское хозяйство, являющіяся вмѣстѣ основами для политической роли, которую играли городскія общины.

Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ, когда развивающееся денежное хозяйство проявляло свои дѣйствія исключительно въ городахъ, городской совѣтъ, корпорація богатыхъ купцовъ, значительно увеличилъ свою власть въ ущербъ епископальнымъ и княжескимъ владѣльцамъ. Въ большинствѣ городовъ южной и западной Германіи этотъ совѣтъ, мирнымъ путемъ покупки, либо, какъ особенно въ Кельнѣ и Страсбургѣ, послѣ упорной борьбы съ прежнимъ владѣльцемъ, пріобрѣлъ верховныя права, принадлежавшія князьямъ: право высшаго суда, чеканки монеты и косвеннаго обложенія. При такихъ условіяхъ совѣтъ обладалъ всемогуществомъ: въ его рукахъ было и распоряженіе платежными силами горожанъ, и ихъ военнымъ ополченіемъ. Въ городѣ и внѣ его совѣтъ являлся полномочнымъ, неограниченнымъ представителемъ общины. Въ первое время эта корпорація пополнялась выборами изъ болѣе зажиточныхъ фамилій, но постепенно кругъ сталъ тѣснѣе; только члены немногихъ патриціанскихъ родовъ могли войти въ составъ совѣта. Такимъ образомъ городское населеніе распалось на два класса: господствующихъ патриціевъ и безправную общину. Это состояніе, созданное беззастѣнчивымъ приниженіемъ большинства, должно было повести къ протесту. Организованныя ремесленныя общества, цехи, въ которыхъ объединился экономически усиливавшійся классъ населенія, явились силой, передъ которой не могъ устоять совѣтъ. По крайней мѣрѣ, такъ было на западѣ и югѣ, на старо-нѣмецкой почвѣ; на сѣверѣ и востокѣ, въ колонизаціонной области, гдѣ всѣ безъ исключенія крупные города принадлежали къ Ганзѣ, тамъ соотвѣтственное движеніе возникло значительно позже.

Цехи, все сильнѣе развивавшіеся экономически, получившіе отъ совѣта право ремесленнаго суда и ставшіе такимъ образомъ общественнымъ учрежденіемъ, въ эту эпоху объединяютъ въ себѣ главную массу гражданъ, плательщиковъ налоговъ, и въ то же время воиновъ, своей грудью отстаивающихъ городъ. Тѣ, кто приносили для города самыя высокія жертвы, не соглашались навѣки остаться непричастными къ городскому самоуправленію. Уже въ тринадцатомъ столѣтіи въ самыхъ прогрессивныхъ городахъ, въ Кельнѣ и Ульмѣ, ремесленники пытались добиться своихъ правъ возстаніемъ противъ совѣта; они хотѣли получить контроль надъ финансовымъ хозяйствомъ патриціевъ. Но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ; мятежники были укрощены силой, частью при помощи княжескихъ покровителей города, а ихъ цеховая организація была уничтожена. Раньше всего достигли своей цѣли ремесленники въ Ульмѣ (1292 г.). Между 1330 и 1336 г. состоялись реформы въ Шпейерѣ, Майнцѣ, Регенсбургѣ, Цюрихѣ и Страсбургѣ. Изъ болѣе крупныхъ городовъ юга только въ Бернѣ и Ротенбургѣ патриціямъ удалось еще сохранить свое преобладаніе; въ Нюрнбергѣ цеховое движеніе одержало побѣду въ 1348 г. Въ большей части городовъ борьба, порою явная, порою тайная, длилась около столѣтія, но только въ Фландріи дѣло дошло до кровавыхъ насилій. Наконецъ въ Кельнѣ въ 1396 г. и въ Страсбургѣ въ 1419 г. состоялись соглашенія и возникло новое прочное городовое положеніе.

Надо оговориться, что способы рѣшенія спорныхъ вопросовъ были

крайне разнообразны и доля участія цеховъ въ новомъ городскомъ самоуправленіи была далеко не вездѣ одинакова. Въ иныхъ мѣстахъ старые патриціанскіе роды были совершенно устранены: цехи одержали полную побѣду и теперь являлись точно такими же правителями, какъ нѣкогда совѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ совѣтъ былъ сохраненъ, но характеръ его измѣнился благодаря вступленію въ его составъ цеховыхъ выборныхъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ городахъ исчезаетъ и патриціанская организація, и цехи, какъ политическая корпорація; совѣтъ избирается изъ всей цѣлокупности гражданъ. Во всякомъ случаѣ, ремесленники повсюду получили въ пятнадцатомъ вѣкѣ извѣстную долю участія въ городскомъ самоуправленіи; ихъ ремесленная организація, которую часто находили опасной и уничтожали, но которая постоянно возникала вновь, имѣла теперь передъ собой политическія задачи и ея ремесленный характеръ все болѣе утрачивался. Цеховыя товарищества принимали уже участіе въ общественной жизни, въ правленіи и администраціи; органомъ правительства былъ совѣтъ, возлагавшій на отдѣльныхъ членовъ исполненіе опредѣленныхъ обязанностей.

Сѣверогерманскіе города, сплошь принадлежавшіе къ Ганзѣ, въ теченіе всего предшествовавшаго времени сосредоточивали свои интересы почти исключительно на торговлѣ; ремесла имѣли менѣе важное значеніе. Поэтому намъ не приходится отмѣчать здѣсь столь бурныхъ цеховыхъ волненій, какъ на югѣ и западѣ, да и проявляются они значительно позже. Впрочемъ въ Любекѣ цехи въ 1408 г. одержали временно верхъ; точно также, почти одновременно, въ Висмарѣ, Ростокѣ и Штральзундѣ; но уже въ 1416 г. городу-предводителю, Любеку, удалось возстановить старый совѣтъ и поддержать патриціанское правительство въ большинствѣ городовъ подъ угрозой исключенія изъ ганзейскаго союза (ср. стр. 45). Правда, и здѣсь раздоры между знатью, цехами и общиной идутъ своимъ чередомъ, но во многихъ городахъ они совсѣмъ отсутствуютъ, или наблюдается ихъ запоздалое появленіе въ шестнадцатомъ столѣтіи. Цѣль движенія на сѣверѣ та же, какъ и на югѣ: измѣненіе уложенія въ интересахъ менѣе зажиточныхъ классовъ, именно облегченіе доступа въ городское сословіе, и демократическое общинное правительство, при которомъ совѣтъ сохранялся бы только въ качествѣ органа исполнительной власти. Впрочемъ всецѣло была эта цѣль достигнута въ Германіи только Страсбургомъ. гдѣ фактически все населеніе перешло къ денежному хозяйству и гдѣ на этой основѣ могло возникнуть уложеніе въ духѣ новыхъ государственныхъ понятій.

Городская община, какъ и другія корпораціи въ развитіи германскаго правопорядка, покоилась на личномъ началѣ, то есть при извѣстныхъ допущеніяхъ къ одному обществу могли принадлежать члены, территоріально разъединенные. Поэтому въ четырнадцатомъ вѣкѣ не могла еще возникнуть мысль о пріобрѣтеніи пространственно-цѣлой, политически связанной съ городомъ области, въ которой совѣтъ (это относится конечно только къ имперскимъ городамъ) могъ бы пользоваться правами владѣтельнаго князя. Но отдѣльныя личности, внѣшніе, усадебные горожане, давно уже стали тѣснѣе связывать съ городомъ его сельскія окрестности. Зажиточные горожане, полноправные члены городской общины, начали обращать избыточныя средства на пріобрѣтеніе земель; они получали помѣщичьи права по сосѣдству съ городомъ, имѣли арендаторовъ и часто подолгу обитали за городской стѣной, Понятно, что такимъ образомъ сельскіе интересы сближались съ городскими: въ спорахъ съ сосѣднимъ государемъ или рыцаремъ городъ вступался за своего гражданина и зависимыхъ отъ него крестьянъ. Незамѣтно въ сферу вліянія города вошли всѣ владѣнія его „внѣшнихъ горожанъ". Съ другой стороны помѣстные владѣльцы, князья и монастыри имѣли въ городахъ свою недвижимую собственность; жи-

лые дома, склады для хлѣба, предназначеннаго на продажу. Въ интересахъ своего имущества и безопасности они были вынуждены предупредительно относиться къ могущественному совѣту и обѣщать, въ качествѣ „благородныхъ горожанъ", свое вооруженное содѣйствіе въ случаѣ войны. Болѣе того: многіе состоятельные поселяне, даже цѣлыя деревни въ окрестности значительныхъ городовъ становились подъ ихъ защиту. Они дѣлались „усадебными горожанами" и такимъ образомъ добровольно подчинялись городскому правительству, конечно во вредъ какому нибудь имперскому фогту или сосѣднему владѣтельному князю. Уже Золотая булла 1356 г. воспрещаетъ въ шестнадцатой главѣ пріемъ „усадебныхъ горожанъ" въ ущербъ интересамъ князей, но, разумѣется, безъ успѣха. Изъ естественнаго сліянія городскихъ и сельскихъ интересовъ образовались городскія территоріи, такъ какъ поселенія, пользовавшіяся въ городѣ правомъ убѣжища, то есть имѣвшія право укрываться въ его стѣнахъ въ случаѣ опасности, постепенно все тѣснѣе сростались съ самымъ городомъ, особенно если совѣтъ обладалъ къ тому же правомъ высшаго уголовнаго суда. Во Франкфуртѣ правомъ убѣжища пользовалось около 1350 г. восемьдесятъ два поселенія, въ Майнцѣ еще раньше до сорока деревень въ окружности двухъ съ половиной миль; меньше была область имперскаго города Ахена, а въ Кельнѣ власть совѣта простиралась только до городскихъ стѣнъ.

Основою могущества городовъ было ихъ значеніе какъ центровъ обмѣна и обращенія среди страны, жившей еще въ устарѣлыхъ средневѣковыхъ формахъ натуральнаго хозяйства и не умѣвшей извлекать достаточныхъ выгодъ изъ существованія городовъ. Источникомъ городского богатства была торговля, сначала ярмарочная, потомъ и постоянная. Для веденія ея составлялись обыкновенно компанейскія товарищества; послѣ 1450 г. мы находимъ въ небольшомъ городкѣ Равенсбургѣ самое крупное торговое товарищество того времени, Гундбисъ, Мунтпратъ и Меттели, предшественниковъ торговаго дома Фуггеровъ. Къ этому занятію довольно рано присоединяется ссудное и мѣняльное дѣло. Но вскорѣ достигаетъ большого значенія и промышленность организованныхъ въ цехи ремесленниковъ, и отдѣльные представители благородныхъ цеховъ вступаютъ въ успѣшное состязаніе съ вліятельнымъ купечествомъ.

Но съ накопленіемъ крупныхъ состояній, быстро увеличивающихся, одновременно развивается и городской пролетаріатъ, множество неимущихъ, число которыхъ пополняютъ подмастерья, не имѣющіе надежды когда нибудь стать мастеромъ, бродячіе пѣвцы и музыканты, носильщики и невѣроятное количество простыхъ нищихъ. Эти люди, особенно въ пятнадцатомъ вѣкѣ, неоднократно играли рѣшающую роль при политическихъ возстаніяхъ и иногда вмѣстѣ съ сельскимъ пролетаріатомъ боролись противъ общихъ притѣснителей. Нужда этихъ низшихъ классовъ была тѣмъ сильнѣе, что соціальное сознаніе было еще слишкомъ слабо разработано и нельзя было даже приблизительно опредѣлить вліянія, какое могутъ оказать на общественный строй законодательныя мѣропріятія. Руководство городскими дѣлами, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ правили цехи, всецѣло принадлежало зажиточнымъ классамъ, такъ какъ выборные чиновники не получали жалованья. Большая часть благотворительныхъ учрежденій церковнаго характера, которыя должны были облегчать положеніе бѣдняковъ, оказывались, напротивъ, способными скорѣе пріучить пролетаріатъ къ настоящему нищенству. Правда, городскіе совѣты часто обращали серьезное вниманіе на общественную язву, но основательныхъ мѣропріятій для ея устраненія не находилось ни въ болѣе раннія столѣтія, ни въ шестнадцатомъ или семнадцатомъ вѣкѣ. Напротивъ, городская политика способствовала росту капитала и усиляла его всемогущество. Спекулятивныя сдѣлки на хлѣбъ и образованіе купе-

ческихъ кружковъ (ср. стр. 81) въ пятнадцатомъ вѣкѣ уже далеко не рѣдкость; объ этомъ многозначительно говоритъ такъ называемая „реформація императора Сигизмунда“ (ср. стр. 196).

Каковы бы ни были жертвы городовъ для обезпеченія земскаго мира, они при этомъ дѣйствуютъ въ узко-эгоистичныхъ интересахъ и часто, борясь съ конкуррирующимъ городомъ, наносятъ себѣ безсознательный ущербъ. Внѣшняя безопасность обращенія достигалась особенно городскими „единеніями“. Но кромѣ того, важнѣйшей задачей городовъ является упорядоченіе и облегченіе экономическаго обращенія, того новаго принципа, на которомъ зиждилось существованіе городовъ. Въ этомъ отношеніи было особенно важно выступить противъ ухудшенія монеты, предпринятаго князьями въ своихъ выгодахъ, и ввести монетную систему, которая могла бы быть принята въ болѣе обширныхъ областяхъ. При существованіи шестисотъ монетныхъ дворовъ въ имперіи неизбѣжный размѣнъ денегъ, производившійся городами большей частью въ собственныхъ банкахъ (въ Ульмѣ уже около 1300 г., во Франкфуртѣ съ 1402 г.), ложился на обращеніе неимовѣрно тяжелымъ бременемъ. Въ эпоху, когда обращеніе отсутствовало, можно было довольствоваться легковѣсной серебряной монетой. Теперь торговля чувствовала живѣйшую потребность въ болѣе крупной монетной единицѣ. Такою явился чешскій гульденъ, чеканку котораго началъ съ 1325 г. король Іоаннъ по флорентинскому образцу; эта монета получила международное значеніе.

Кромѣ короля, только Чехія имѣла право чеканки золотой монеты. Но еще раньше, чѣмъ Золотая булла даровала это право всѣмъ курфюрстамъ, то же право пріобрѣли четыре города: Любекъ, Франкфуртъ, Триръ и Кельнъ. Нѣмецкій золотой гульденъ флорентинскаго образца (см. таблицу при стр. 76) уже съ половины четырнадцатаго столѣтія пріобрѣтаетъ значеніе для крупныхъ торговыхъ сдѣлокъ и со времени монетнаго договора между четырьмя рейнскими курфюрстами въ 1386 г. дѣлается въ области рейнской торговли и даже внѣ ея общепризнанной монетой, стоящей въ опредѣленномъ отношеніи къ серебру (ср. стр. 75). Если чеканка золота и была преимущественно дѣломъ князей, то первыми потребителями золотыхъ денегъ все таки являются торговые города: къ участію въ монетномъ договорѣ 1402 г. даже привлекаются имперскіе города; монета Франкфурта, Нюрнберга и Юберлингена вскорѣ получаетъ положеніе, равноправное съ золотымъ гульденомъ четырехъ курфюрстовъ. Въ рейнскомъ гульденѣ Германія впервые получила монету, пользовавшуюся признаніемъ во всей имперіи и даже заграницей. Правда, со временемъ, когда расширеніе серебряныхъ рудниковъ, особенно въ Тиролѣ и Саксоніи, дало возможность чеканить изъ серебра крупную монету, тогда серебряная валюта получаетъ преобладающее значеніе. Но гульденъ сохраняетъ свое существованіе и далѣе, какъ торговая монета, хотя городское благосостояніе, основа политическаго могущества, и начинаетъ необычайно быстро идти на убыль, послѣ того какъ окончательно рѣшилась политическая побѣда князей и нѣмецкіе города утратили свое значеніе для международной торговли (см. стр. 78 и сл.).

Четырнадцатое, пятнадцатое столѣтіе и даже первая половина слѣдующаго, это въ Германіи эпоха городовъ; при сравнительно небольшомъ населеніи (Нюрнбергъ въ 1449 г. насчитывалъ только немного больше 20,000 жителей, Франкфуртъ на Майнѣ между 1350 и 1500 г. никогда не имѣлъ свыше 10,000, и даже Кельнъ въ 1575 г. только около 37,000), города, какъ центральные пункты обращенія, были культурными и политическими вождями націи. Имперская политика всегда должна была считаться съ богатствами маленькихъ республиканскихъ общинъ: еще Вацлавъ (1389 г.) подавалъ городамъ надежды на формальное дарованіе правъ имперскаго сословія. А послѣ того какъ Николай Кузанскій въ своей полити-

ческой программѣ реформъ (ср. стр. 166) категорически потребовалъ для городовъ этого права, какъ разъ черезъ столѣтіе было окончательно упорядочено представительство имперскихъ городовъ, чрезъ выборныхъ депутатовъ, на рейхстагахъ. Съ этихъ поръ имперскій сеймъ состоитъ изъ трехъ коллегій: первую составляютъ курфюрсты, вторую прочіе князья, графы и бароны, а третью города. Какъ замкнутая корпорація, города впервые появляются на франкфуртскомъ рейхстагѣ 1489 г.; съ этого времени они дѣлятся на рейнскую скамью съ четырнадцатью и швабскую съ тридцатью семью членами.

Г. Германская имперія съ избранія Карла IV (1346 г.) до низложенія его сына Вацлава (1400).

Въ плачевное во всѣхъ отношеніяхъ царствованіе Людвига Баварскаго дѣла дошли наконецъ до того, что въ 1338 г. курфюрсты сочли своимъ долгомъ вступиться за достоинство имперіи, чего не умѣлъ сдѣлать король. Когда же и по отношенію къ новому папѣ Клименту VI (1342—52 г.) Людвигъ оказался совершенно неспособнымъ поддержать достоинство своего сана, тогда Балдуинъ Трирскій, достойнѣйшій изъ вождей противоимператорской партіи, открыто высказался за избраніе на королевскій престолъ сына чешскаго короля Іоанна. Послѣ того какъ кандидатъ далъ папѣ обѣщаніе подтвердить присягой всѣ послѣднія уступки Людвига и не оставаться въ Римѣ для вѣнчанія императорской короной дольше одного дня, онъ былъ избранъ въ Рензе, 11 іюня 1346 г.; правда, что ему пришлось заплатить за это курфюрстамъ неимовѣрныя суммы. Въ имперіи къ нему отнеслись презрительно. Нѣкотораго вліянія ему удалось достичь только тогда, когда Людвигъ умеръ, въ октябрѣ 1347 г., и когда смерть отца, короля чешскаго, въ сраженіи при Креси, доставила императору обладаніе Чехіей и наслѣдными землями Люксембурговъ.

Однако все это еще далеко не доставило Карлу IV признанія его имперскими чинами, хотя онъ зимой 1347—48 г, побѣдоносно прошелъ южную Германію, заставилъ присягнуть себѣ Регенсбургъ, Нюрнбергъ и даже Ульмъ и встрѣтилъ предупредительныя отношенія со стороны многихъ князей. Могучіе Виттельсбахи подъ предводительствомъ Людвига Бранденбургскаго и Тирольскаго все еще оставались его ожесточенными противниками. По ихъ проискамъ въ январѣ 1348 г. четырьмя голосами курфюрстовъ былъ избранъ германскимъ королемъ Эдуардъ III Англійскій. Но Карлу удалось искусными переговорами побудить его отказаться отъ избранія, и въ то же время онъ достигъ крупныхъ успѣховъ въ сѣверной Германіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ виттельсбаховскимъ Бранденбургомъ. Вѣроятно въ связи съ этимъ можно поставить неожиданное появленіе самозванца, который выдавалъ себя за Вальдемара, умершаго почти за тридцать лѣтъ до того; при поддержкѣ со стороны враждебной Людвигу партіи, онъ былъ повсемѣстно въ Маркѣ признанъ за стараго государя. Карлъ, который, должно быть, не принималъ личнаго участія въ обманѣ, конечно серьезно отнесся къ событію, которое было для него такъ благопріятно. Онъ заставилъ людей, знавшихъ покойника, торжественно объявить самозванца настоящимъ Вальдемаромъ, и далъ ему въ ленъ Марку въ обмѣнъ за Нижнюю Лузацію. Въ то же время герцогамъ Саксонскимъ и графамъ Ангальтскимъ было обѣщано, если Вальдемаръ умретъ бездѣтнымъ, пожаловать въ ленное владѣніе его земли.

Какъ бы то ни было, Людвигъ потерялъ свою опору на сѣверѣ; ему удалось удержаться только во Франкфуртѣ на Одерѣ. Въ переговоры съ Карломъ онъ не желалъ вступать, напротивъ, онъ еще разъ выставилъ кандидата-соперника, энергичнаго графа Гюнтера Шварцбургскаго,

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Accidit anno predicto q in die
Assumptionis virginis glori-
ose venerunt a villa brugen-
si circiter .CC. homines :: quasi hora

ceperunt compati personis et
penitentie condolere et deo gra-
tias reddere super tanta peni-
tencia quam gravissimam re

Бичевальщики въ Дорникѣ въ 1349 году.

Миніатюра изъ Хроники Эгидія Ли Муизисъ въ Брюссельской библіотекѣ.

(По Paul Fredericq, „De Secten der Geeselaars en der Dansers in de Nederlanden tijdens de 14de eeuw“.)

мелкопомѣстнаго владѣльца, извѣстнаго воинской доблестью. 30 января 1349 г. на полѣ передъ Франкфуртомъ голоса курфюрстовъ Майнца, Пфальца, Бранденбурга и Саксоніи избрали его королемъ. Но число приверженцевъ его не увеличивалось, а успѣхи Карла въ имперіи все росли, особенно послѣ того какъ онъ въ мартѣ женился на дочери пфальцграфа, привлекъ его на свою сторону и разстроилъ враждебный союзъ Виттельсбаховъ. Такъ какъ Гюнтеръ отказался отъ переговоровъ съ Карломъ, то завязалась короткая борьба изъ-за Эльтвиля, окончившаяся съ большою выгодою для Карла. Но еще раньше, чѣмъ дошло до развязки, Людвигъ Бранденбургскій самъ попросилъ о мирѣ; Гюнтеръ былъ оставленъ своей партіей и очень скоро умеръ во Франкфуртѣ, послѣ того какъ онъ формально отрекся отъ имперіи. Путемъ различныхъ уступокъ, сдѣланныхъ князьямъ, Карлъ теперь добился своего признанія; курфюрсты Майнцскій, Пфальцскій и Бранденбургскій публично объявили, что они якобы послѣ смерти Людвига избрали королемъ Карла, и онъ былъ вмѣстѣ съ супругою торжественно коронованъ въ Ахенѣ Балдуиномъ Трирскимъ.

Между тѣмъ въ Бранденбургѣ счастье повернулось на сторону Людвига. На княжескомъ съѣздѣ въ Бауценѣ князья объявили, что они не хотятъ признать претендента настоящимъ Вальдемаромъ, и имъ пришлось подтвердить это подъ присягою. Послѣ этого Карлъ вновь отдалъ въ ленъ Людвигу Старшему Марку, а также Каринтію и Тироль, и обѣщалъ похлопотать о снятіи съ него отлученія. Людвигъ возвратилъ имперскіе клейноды; возобновленное отлученіе причинило ему мало вреда; со своими сосѣдями онъ примирился при помощи земельныхъ уступокъ и денежныхъ платежей, послѣ всѣхъ — съ графомъ Ангальтскимъ (1355 г.). Марку онъ въ цѣлости уступилъ въ 1351 г. своему младшему брату, Людвигу „Римлянину“. Въ имперіи опять возстановилось спокойствіе и порядокъ. Карлъ былъ единственнымъ общепризнаннымъ королемъ.

Несомнѣнно, успѣхамъ Карла способствовало еще одно событіе, которое имѣло извѣстное политическое значеніе, поскольку оно могло вліять на ходъ мыслей того или другого князя или государственнаго дѣятеля. Къ концу 1347 года, сначала на берегахъ Средиземнаго моря, появилась болѣзнь, какой до сихъ поръ еще не видывала Германія. Эта болѣзнь съ невѣроятной быстротой распространилась по всей западной Европѣ и пощадила лишь немногія области. Моровую язву называли „черной смертью“, и причину ея старались найти въ томъ, будто „жиды отравили колодцы“. Хотя ни папа Климентъ VI, ни король Карлъ этому не вѣрили, началось всеобщее кровавое преслѣдованіе евреевъ, сопровождавшееся чудовищными жестокостями. Количество жертвъ, унесенныхъ чумой, трудно теперь установить хотя бы приблизительно. Госвинъ, монахъ монастыря Маріенберга въ Тиролѣ, полагаетъ, что въ живыхъ осталась едва шестая часть всего населенія страны; изъ его монастырской братіи осталось въ живыхъ только двое: самъ онъ и одинъ послушникъ. Подобно этому обстояло дѣло и въ другихъ областяхъ. Еще долгіе годы спустя недостатокъ населенія давалъ себя чувствовать.

Это событіе произвело на современниковъ потрясающее впечатлѣніе. Ужасную язву считали проявленіемъ Господняго гнѣва, а потому благочестивое поведеніе прежде всего могло отвести грозную карающую десницу. Для внѣшняго выраженія преувеличеннаго раскаянія въ грѣхахъ человѣчества, особенно въ Нидерландахъ, въ это время образовались братства, которыя ставили себѣ задачей умерщвленіе плоти и всенародно предавались, въ знакъ покаянія, жестокому бичеванію. Прилагаемая хромолитографія „Бичевальщики въ Дорникѣ въ 1349 г.“ представляетъ снимокъ съ современнаго изображенія этихъ крестовыхъ братьевъ, которые повсюду пріобрѣли себѣ столько приверженцевъ, что эта новая болѣзнь духа, подобно

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Бичевальщики въ Дорникѣ въ 1349 году.

Миніатюра изъ Хроники Эгидія Ли Муизисъ въ Брюссельской библіотекѣ.

Бичевальщики въ Дорникѣ въ 1349 году.

Хромолитографія представляетъ снимокъ съ миніатюры, изображающей „бичевальщиковъ“ или „крестовыхъ братьевъ“ (flagellatores или poenitentes лат., flagelleurs франц.). Они появились въ концѣ лѣта 1349 г. въ нидерландскихъ городахъ, особенно въ Дорникѣ. Подвергая себя всенародно бичеванію, они надѣялись этимъ покаяніемъ избавить міръ отъ страшной „черной смерти“ (чумы). Аббатъ С. Мартина въ Дорникѣ, Эгидій Ли Муизисъ, очевидецъ и до нѣкоторой степени участникъ этихъ событій, оставилъ хронику, изъ которой заимствованъ нашъ рисунокъ. На немъ изображены кающіеся братья въ длинныхъ одѣяніяхъ. Обнаженная спина слегка прикрыта короткой накидкой. Въ рукахъ у кающихся бичи, и на спинахъ видны слѣды ударовъ. На головахъ шляпы съ крестами. Отсюда названіе „крестовые братья“. Текстъ подъ рисункомъ составляетъ начало разсказа Эгидія. На рисункѣ воспроизведены только верхнія строки двухъ столбцовъ. Мы приводимъ латинскій текстъ и переводъ всего отрывка, относящагося къ бичевальщикамъ:

Accidit anno predicto quod in die assumptionis virginis gloriose venerunt a villa brugensi circiter CC homines, quasi hora [prandii. Ipsi autem adunaverunt se in foro, et statim rumor magnus fuit per totam civitatem, unde omnes veniebant. Catervatim venerunt ad locum supradictum, quia super hoc rumores audierant et idcirco factum videre affectabant. Illi autem de Brugis interim se preparaverunt et ritum suum, quam penitentiam vocabant, facere inceperunt. Populus autem utriusque sexus, qui nunquam tale quid viderant,] ceperunt compati personis et penitentie condolere et deo gratias reddere super tanta penitencia quam gravissimam re[putabant. Remanseruntque dicti Brugenses in civitate tota illa die et nocte].

Переводъ:

Въ томъ же году, въ день успенія Богородицы пришло изъ Брюгге около 200 человѣкъ, около часа обѣденнаго. Эти люди собрались на площади и тотчасъ по всему городу распространился слухъ объ ихъ прибытіи. Жители начали толпами собираться на площадь, потому что раньше слышали молву и теперь хотѣли своими глазами убѣдиться въ дѣйствительности. Между тѣмъ пришельцы изъ Брюгге приготовились и начали выполнять свои обряды, которые они называли покаяніемъ. Жители же обоего пола, никогда не видѣвшіе ничего подобнаго, начали подражать ихъ поведенію, и вмѣстѣ съ ними истязать себя покаяніемъ и благодарить Бога за такое покаяніе, которое имъ казалось очень дѣйствительнымъ. И упомянуные брюгскіе люди оставались въ городѣ весь этотъ день и ночь.

(Текстъ дополненъ по перепечаткѣ Chronica Aegidii Li Muisis въ 2 томѣ Corpus Chronicorum Flandriae, изданіе De Smet).

мелкопомѣстнаго владѣльца, извѣстнаго воинской доблестью. 30 января 1349 г. на полѣ передъ Франкфуртомъ голоса курфюрстовъ Майнца, Пфальца, Бранденбурга и Саксоніи избрали Гюнтера королемъ. Но число приверженцевъ его не увеличивалось, а успѣхи Карла въ имперіи все росли, особенно послѣ того какъ онъ въ мартѣ женился на дочери пфальцграфа, привлекъ его на свою сторону и разстроилъ враждебный союзъ Виттельсбаховъ. Такъ какъ Гюнтеръ отказался отъ переговоровъ съ Карломъ, то завязалась короткая борьба изъ-за Кастеля и Эльтвиля, окончившаяся съ большою выгодою для Карла. Но еще раньше чѣмъ дошло до развязки, Людвигъ Бранденбургскій самъ попросилъ о мирѣ; Гюнтеръ былъ оставленъ своей партіей и очень скоро умеръ во Франкфуртѣ, послѣ того какъ онъ и формально отрекся отъ имперіи. Путемъ различныхъ уступокъ, сдѣланныхъ князьямъ, Карлъ теперь добился своего признанія; курфюрсты Майнцскій, Пфальцскій и Бранденбургскій публично объявили, что они якобы послѣ смерти Гюнтера избрали королемъ Карла, и онъ былъ вмѣстѣ съ супругою торжественно коронованъ въ Ахенѣ Балдуиномъ Трирскимъ.

Между тѣмъ въ Бранденбургѣ счастье повернулось на сторону Людвига. На княжескомъ съѣздѣ въ Бауценѣ князья объявили, что они не могутъ признать претендента настоящимъ Вальдемаромъ, если имъ прійдется подтвердить это подъ присягой. Поэтому Карлъ вновь отдалъ въ ленъ Людвигу Старшему Марку, а также Каринтію и Тироль, и обѣщалъ похлопотать о снятіи съ него отлученія. Людвигъ возвратилъ имперскіе клейноды; возобновленное отлученіе причиняло ему мало вреда; со своими сосѣдями онъ примирился при помощи земельныхъ уступокъ и денежныхъ платежей, послѣ всѣхъ — съ графомъ Ангальтскимъ (1355 г.). Марку онъ въ цѣлости уступилъ въ 1351 г. своему младшему брату, Людвигу „Римлянину“. Въ имперіи опять возстановилось спокойствіе и порядокъ: Карлъ былъ единымъ и общепризнаннымъ королемъ.

Несомнѣнно, успѣхамъ Карла способствовало еще одно событіе, которое имѣло извѣстное политическое значеніе, поскольку оно могло вліять на ходъ мыслей того или другого князя или государственнаго дѣятеля. Къ концу 1347 года, сначала на берегахъ Средиземнаго моря, появилась болѣзнь, какой до сихъ поръ еще не видывала Германія. Эта болѣзнь съ невѣроятной быстротой распространилась по всей западной Европѣ и пощадила лишь немногія области. Моровую язву называли черной смертью, и причину ея старались найти въ томъ, будто „жиды отравили колодцы“. Хотя ни папа Климентъ, ни король Карлъ этому не вѣрили, началось всеобщее кровавое преслѣдованіе евреевъ, сопровождавшееся чудовищными жестокостями. Количество жертвъ, унесенныхъ чумой, трудно теперь установить хотя приблизительно. Госвинъ, монахъ монастыря Маріенберга въ Тиролѣ, полагаетъ, что въ живыхъ осталась едва шестая часть всего населенія страны; изъ его монастырской братіи осталось въ живыхъ только двое: самъ онъ и одинъ послушникъ. Подобно этому обстояло дѣло и въ другихъ областяхъ. Еще долгіе годы спустя недостатокъ населенія давалъ себя чувствовать.

Это событіе произвело на современниковъ потрясающее впечатлѣніе. Ужасную язву считали проявленіемъ Господняго гнѣва, а потому благочестивое поведеніе прежде всего могло отвести грозную карающую десницу. Для внѣшняго выраженія преувеличеннаго раскаянія въ грѣхахъ человѣчества, особенно въ Нидерландахъ, въ это время образовались братства, которыя ставили себѣ задачей умерщвленіе плоти и всенародно предавались, въ знакъ покаянія, жестокому бичеванію. Прилагаемая хромолитографія „Бичевальщики въ Дорникѣ въ 1349 г.“ представляетъ снимокъ съ современнаго изображенія этихъ крестовыхъ братьевъ, которые повсюду пріобрѣли себѣ столько приверженцевъ, что эта новая болѣзнь духа, подобно

только что миновавшей черной смерти, нѣкоторое время приводила въ волненіе всю Германію.

Ближайшей цѣлью Карла было бы теперь коронованіе императоромъ; но папа Климентъ, горько разочаровавшійся въ своемъ ставленникѣ, отклонилъ его просьбу. Только послѣ того какъ Карлъ въ 1353 г. женился (третьимъ бракомъ) на дочери герцога Болько Швейдницъ-Яуерскаго, Аннѣ, послѣ того какъ споръ за майнцское епископство былъ рѣшенъ, по смерти Генриха, въ пользу Герлаха, а на папскій престолъ вступилъ Иннокентій VI, — только теперь, весною 1355 г. состоялся римскій походъ. Въ Римѣ возлагали большія надежды на внука Генриха VII. Кола ди Ріензо ожидалъ отъ новаго императора возстановленія своего могущества; но Карлъ всѣмъ этимъ не интересовался; ему нуженъ былъ только императорскій титулъ. Съ большой свитой онъ перешелъ черезъ Альпы, возложилъ на себя ломбардскую корону, былъ коронованъ въ Римѣ, и въ тотъ же день оставивъ Вѣчный городъ, вскорѣ съ большой суммой денегъ возвратился въ Германію. Уже въ началѣ іюля онъ находится въ Аугсбургѣ, наслаждаясь своимъ императорскимъ саномъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вступилъ въ Чехію, а затѣмъ созвалъ въ Нюрнбергъ имперскій сеймъ, на которомъ была разсмотрѣна и 10 января 1356 г. торжественно обнародована первая часть основного государственнаго закона, получившаго позже названіе Золотой буллы. Вторая, болѣе короткая часть получила силу закона на рейхстагѣ въ Мецѣ, 25 декабря 1356 г. Во всѣхъ существенныхъ пунктахъ Золотая булла только подтверждаетъ установившійся порядокъ и лишь въ отдѣльныхъ вопросахъ высказывается въ пользу одной изъ спорящихъ партій. До Вестфальскаго мира и даже позже она была основой нѣмецкаго государственнаго строя и пріобрѣла большое значеніе для развитія государственно-правовой идеи. Ее печатали неоднократно. Еще въ 1766 г. Оленшлагеръ издалъ руководство государственнаго права подъ такимъ заглавіемъ: „Neue Erläuterung der guldenen Bulle Kaysers Karls des IV.“

Въ промежуткѣ между двумя рейхстагами Карлъ возвращался въ Чехію, имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ Казиміромъ и вступилъ въ соглашеніе съ королемъ венгерскимъ Людовикомъ по случаю его войны съ республикой Венеціей, которая въ самомъ дѣлѣ уступила ему въ февралѣ 1358 г. Далмацію. Между тѣмъ положеніе Франціи въ борьбѣ съ Англіей становилось все неблагопріятнѣе. Король Іоаннъ не принялъ условій, на которыхъ Карлъ предлагалъ свою помощь; въ сентябрѣ 1356 г. онъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Эти событія не могли не встревожить и папы Иннокентія, тѣмъ болѣе что онъ нуждался въ крупныхъ денежныхъ суммахъ для предполагавшагося пріобрѣтенія вновь Церковной области, а нѣмецкіе епископы не выказывали никакой готовности къ платежамъ. Карлъ обѣщалъ свою помощь и ничего не дѣлалъ; въ концѣ концовъ въ папскую казну поступили лишь незначительныя суммы. За то отъ Франціи онъ добился всего, чего хотѣлъ: и дофинъ, и графъ Бургундскій присягнули нѣмецкому королю. Но обѣщанной помощи противъ Англіи Карлъ все таки не оказалъ, ни теперь, ни впослѣдствіи.

Изъ за замка и баронства Донауштауфъ, пріобрѣтеннаго Карломъ отъ епископа Регенсбургскаго, вскорѣ завязался ожесточенный споръ съ баварскими Виттельсбахами; но они были побѣждены, ихъ старинная слава угасала. Теперь наряду съ родомъ Люксембурговъ, къ которому принадлежалъ король, усиливается значеніе габсбургской Австріи, при герцогѣ Альбрехтѣ (умеръ въ 1358 г.). Сынъ его Рудольфъ, зять императора, сумѣлъ при помощи поддѣльныхъ королевскихъ привилегій обезпечить за собой и своимъ домомъ тѣ права, которыя Золотая булла даровала курфюрстамъ. Хотя Карлъ и былъ далекъ отъ мысли спокойно признать за Рудольфомъ то положеніе, которое онъ хотѣлъ придать себѣ поддѣль-

ными грамотами, и пріобрѣтеніе Тироля по дарственной записи Маргариты Маульташъ отъ 1363 г., но въ концѣ концовъ король уступилъ въ отдѣльныхъ частностяхъ; тѣмъ болѣе, что главнымъ образомъ все это вредило Виттельсбахамъ. Когда умерла (1362 г.) третья супруга Карла, родившая ему 26 февраля 1361 г. сына, впослѣдствіи короля Вацлава, онъ воспользовался возможностью вступить въ четвертый бракъ для того, чтобы уладить политическія несогласія. Онъ избралъ себѣ въ жены Елизавету, дочь герцога Померанскаго. Въ маѣ 1363 г. въ Краковѣ состоялось бракосочетаніе. Въ началѣ слѣдующаго года былъ заключенъ полный миръ съ Людовикомъ Венгерскимъ и Рудольфомъ Австрійскимъ, а немного позже состоялся извѣстный многозначительный договоръ о наслѣдствѣ между домами Габсбурговъ и Люксембурговъ.

Когда Иннокентій VI умеръ въ 1362 г., не достигнувъ значительныхъ успѣховъ въ сферѣ своей итальянской политики и не подвинувъ впередъ церковной реформы, на папскій престолъ былъ возведенъ Урбанъ V, чтобы продолжать политику своего предшественника по отношенію къ Испаніи. Теперь обстоятельства показались императору Карлу достаточно благопріятными для того, чтобы добиться возвращенія папы въ Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣсная связь папскаго престола съ Франціей представляла постоянную опасность для всей Западной Европы; а для современниковъ, придававшихъ всегда громадную важность внѣшнимъ формамъ, должно было казаться умаленіемъ императорскаго достоинства, когда коронованіе въ Римѣ совершалъ не самъ папа, а только его легатъ. Урбанъ не отказывался отъ мысли покинуть Авиньонъ, но могъ отвѣчать на предложеніе Карла только указаніемъ на неизмѣримо большія препятствія къ этому. Тогда Карлъ рѣшился лично отправиться въ Авиньонъ, чтобы устранить затрудненія и направить теченіе западноевропейской политики въ новое русло. Въ концѣ мая 1365 г. онъ вступилъ въ Авиньонъ; здѣсь онъ вѣнчался бургундской короной, чтобы подтвердить, что не отказывается отъ своихъ правъ на титулъ короля Бургундіи, и вступилъ въ переговоры съ папой и братомъ французскаго короля относительно крестоваго похода, который прежде всего долженъ былъ имѣть цѣлью удобное удаленіе изъ Франціи отрядовъ наемниковъ, разорявшихъ страну. Отъѣзжая изъ Авиньона, Карлъ условился съ Урбаномъ относительно подробностей его переселенія въ Римъ. На франкфуртскомъ рейхстагѣ императоръ получилъ согласіе князей на походъ въ Римъ, а Урбанъ обѣщалъ ему отправиться въ путь весной 1367 года и сначала остановиться въ Витербо. Въ самомъ дѣлѣ онъ отплылъ 30 апрѣля съ итальянскимъ флотомъ изъ Марселя, поселился въ Витербо, а 16 октября вступилъ въ Римъ. Но къ снаряженію нѣмецкаго войска явились препятствія; чума и дороговизна такъ задержали сборъ арміи, что императоръ достигъ Италіи только въ маѣ 1368 г. Борьба съ Бернабò де' Висконти Миланскимъ кончилась неудачей и въ концѣ августа съ нимъ былъ заключенъ миръ. Послѣ этого Карлъ продолжалъ свой путь съ незначительной свитой, встрѣтился въ Витербо съ Урбаномъ и оба вмѣстѣ совершили въѣздъ въ Римъ. На этотъ разъ императоръ пробылъ въ Римѣ два мѣсяца. Въ это время его супруга Елизавета была коронована императрицей. На обратномъ пути изъ Рима пришлось вынести еще новыя осложненія въ борьбѣ съ миланскимъ герцогомъ, нарушившимъ мирный договоръ. Дружбу Урбана императоръ тоже утратилъ еще раньше, чѣмъ успѣлъ достичь Германіи (августъ 1369). Папа нашелъ, что положеніе дѣлъ въ Римѣ не соотвѣтствуетъ его ожиданіямъ, и въ 1370 г. вернулся обратно въ Авиньонъ; но уже въ декабрѣ этого года онъ умеръ. Преемникомъ ему былъ избранъ Григорій XI, племянникъ Климента VI, ученый человѣкъ, считавшійся особымъ другомъ императора.

Добрыя отношенія Карла съ князьями окончательно разстроились

еще до римскаго похода. Его брачная политика слишкомъ ясно давала понять, каковы его надежды на обогащеніе своего рода. Во всякомъ случаѣ соперничающія княжескія фамиліи были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Уже теперь не могло подлежать никакому сомнѣнію, что самымъ настоятельнымъ стремленіемъ Карла будетъ обезпеченіе королевской короны за своимъ сыномъ Вацлавомъ, котораго онъ помолвилъ съ венгерской принцессой Елизаветой; осуществленіе этихъ плановъ поставило бы домъ Люксембурговъ несравненно выше всѣхъ остальныхъ княжескихъ фамилій. По возвращеніи изъ Италіи Карлъ засталъ въ отечествѣ составленный противъ него союзъ, къ которому принадлежали пфальцграфъ Рупрехтъ, баварскіе Виттельсбахи, Польша и Венгрія. Такимъ образомъ его державѣ грозила съ востока опасность, тѣмъ болѣе что отданная въ закладъ Бранденбургская марка уже не была надежнымъ опорнымъ пунктомъ. По счастью въ это время умеръ Казимиръ Польскій, послѣ чего Польша была соединена съ Венгріей; умеръ и Герлахъ Майнцскій, такъ что императору удалось, пользуясь благосклонностью папы, доставить этотъ важный архіепископскій престолъ одному изъ своихъ родственниковъ, до сихъ поръ епископу Страсбургскому, человѣку несамостоятельному.

Между тѣмъ возгорѣлся новый споръ изъ за Марки Бранденбургской. Въ началѣ 1371 г. Оттонъ объявилъ своего племянника Фридриха наслѣдникомъ Марки, и этимъ нарушилъ императорскія притязанія на наслѣдство. Такъ началась война. На сторонѣ Виттельсбаховъ сражались Пильгримъ Зальцбургскій и Людовикъ Венгерскій, пользуясь случаемъ посчитаться съ неудобнымъ сосѣдомъ. Но война состояла только въ грабежахъ и опустошеніяхъ. Въ октябрѣ 1371 г. уже было заключено перемиріе въ Пирнѣ, а затѣмъ король венгерскій и совсѣмъ вышелъ изъ союза, такъ какъ его отвлекла начавшаяся война съ Венеціей. Въ то же время второй сынъ Карла, Сигизмундъ, былъ обрученъ съ дочерью Людовика, Маріей. Теперь Виттельсбахи остались одни. Вскорѣ по истеченіи срока перемирія (лѣто 1373 г.) въ Фюрстенвальде состоялось соглашеніе, по которому Оттонъ и Фридрихъ отказывались отъ Марки и въ возмѣщеніе получали солидную сумму въ 500,000 золотыхъ гульденовъ. Правда, для того, чтобы добыть эти деньги, имперскіе города должны были сдѣлать чрезвычайное усиліе.

Хотя Карлу въ это время еще не было шестидесяти лѣтъ, онъ уже заботливо думалъ о будущности имперіи и своихъ фамильныхъ владѣній. Его живѣйшее желаніе, дождаться избранія своего старшаго сына, Вацлава, нѣмецкимъ королемъ, теперь должно было исполниться, но это было возможно только при соотвѣтственномъ образѣ дѣйствій стараго короля, пока онъ былъ еще живъ. Кромѣ того, какъ разъ представлялся случай въ первый разъ произвести выборы, строго сообразуясь съ правилами Золотой буллы. Конечно, пріобрѣтеніе голосовъ трехъ духовныхъ курфюрстовъ должно было обойтись дорого, но уже въ октябрѣ 1374 г. Карлу удалось обезпечить голосъ пфальцграфа Рупрехта, а къ началу 1375 г. за него уже были всѣ курфюрсты; на этотъ разъ избраніе должно было послѣдовать единогласно. Самые выборы однако пришлось отложить, пока Вацлаву не исполнилось пятнадцать лѣтъ, что считалось совершеннолѣтіемъ. Когда папа Григорій узналъ о готовившемся избраніи, онъ былъ пораженъ, но никакими угрозами не могъ измѣнить принятаго намѣренія. Безъ папскаго согласія было рѣшено въ Рензе 1 іюня 1376 г. избраніе Вацлава и 10 іюня торжественно состоялось объявленіе его королемъ, въ ризницѣ церкви Св. Варѳоломея во Франкфуртѣ, причемъ голосъ за Бранденбургъ подавалъ Сигизмундъ, второй сынъ Карла. 6 іюля воспослѣдовало въ Ахенѣ коронованіе. Папа Григорій отказывалъ въ своемъ согласіи, но въ концѣ концовъ уступилъ, когда Карлъ обратился къ нему съ просьбой

о разрѣшеніи, въ письмѣ, помѣченномъ заднимъ числомъ, якобы до выборовъ. Вскорѣ послѣ того папа скончался. Теперь Вацлавъ былъ, наряду съ отцомъ, законнымъ королемъ. Но имперскіе города юга боялись, — и ихъ прежній опытъ давалъ имъ право на опасенія, — новыхъ поборовъ; избраніе Вацлава стоило въ самомъ дѣлѣ не дешево. Поэтому еще до коронаціи четырнадцать имперскихъ городовъ Швабіи составили союзъ „противъ каждаго, кто будетъ утѣснять ихъ поборами или отдачей въ закладъ"; предводительствовалъ союзомъ городъ Ульмъ. Карлъ подступилъ съ войскомъ подъ его стѣны, но не могъ ничего подѣлать и удалился обратно. Къ союзу примкнули другіе города. При Рейтлингенѣ графъ Ульрихъ Вюртембергскій былъ разбитъ (въ 1377 г.). Вскорѣ послѣ этого Вацлавъ, тѣмъ временемъ назначенный имперскимъ намѣстникомъ, долженъ былъ при заключеніи ротенбургскаго мира торжественно обѣщать городамъ не отдавать ихъ въ залогъ.

Между тѣмъ Карлъ сдѣлалъ путешествіе въ Парижъ ко двору короля Карла V; ему удалось разстроить угрожавшій его планамъ бракъ второго сына короля, Людовика Орлеанскаго, съ Маріей Венгерской, но за то ему пришлось уступить дофину имперскій викаріатъ надъ Бургундіей, и такимъ образомъ отказаться отъ имперскаго господства надъ этой областью. Вскорѣ по возвращеніи Карлъ умеръ отъ лихорадки, 29 ноября 1378 г., въ Прагѣ. Въ его лицѣ умеръ основатель люксембургскаго фамильнаго могущества, искусный дипломатъ, оставившій имперіи болѣе достойное устройство, чѣмъ то, въ какомъ онъ засталъ ее. Уваженіе къ нему нѣмецкихъ современниковъ и сосѣдей больше всего страдало оттого, что онъ каждое политическое событіе разсматривалъ, какъ финансовую операцію, и далеко не по рыцарски избѣгалъ дѣятельнаго участія въ боевыхъ схваткахъ.

Какъ разъ въ это время возникаютъ крупныя церковныя несогласія, и первымъ политическимъ актомъ юнаго короля было открытое вмѣшательство въ пользу римскаго папы, Урбана VI, на франкфуртскомъ рейхстагѣ въ началѣ 1379 г. Князья примкнули къ королю; Людовикъ Венгерскій тоже стоялъ за Урбана. Только Адольфъ Нассаускій, все еще на покончившій препирательствъ съ Людвигомъ Мейсенскимъ изъ за майнцскаго архіепископства, объявилъ себя сторонникомъ авиньонскаго папы, Климента VIII. Такимъ образомъ единство въ отношеніяхъ Германіи къ этому вопросу было нарушено, а вскорѣ у Климента нашлись и другіе друзья. Остальные рейнскіе курфюрсты, Кельнъ, Триръ и Пфальцъ, не могли терпѣть майнцскаго раскола и въ началѣ 1380 г. заключили въ Обервезелѣ союзъ противъ всѣхъ сторонниковъ папы Климента; конечно, главнымъ образомъ при этомъ подразумѣвали Адольфа. Когда же ему обезпечили обладаніе майнцскимъ архіепископствомъ, вознаградивъ Людвига Магдебургомъ, то и онъ перешелъ на сторону Урбана. Курфюрсты достигли своей цѣли безъ помощи короля, и уже теперь имъ казалось подозрительнымъ, что онъ такъ рѣдко появлялся въ имперіи и постоянно пребывалъ въ своихъ наслѣдныхъ земляхъ. Важнѣйшимъ стремленіемъ Вацлава было въ это время поддержаніе добрыхъ отношеній съ Австріей и Венгріей. Поэтому онъ не рѣшился выступить съ военной силой противъ Леопольда Австрійскаго, который былъ открытымъ сторонникомъ авиньонскаго папы, хотя поведеніе этого князя вызвало цѣлый расколъ въ епископствахъ Страсбурга, Базеля и Констанцы.

Что Германія стояла на сторонѣ Урбана, объясняется, главнымъ образомъ, противодѣйствіемъ, котораго требовало вліяніе Франціи. Впрочемъ Вацлавъ поддерживалъ добрыя отношенія съ французскимъ королевскимъ домомъ, о которыхъ такъ заботился его отецъ. Но въ этомъ предпочтеніи римскаго папы Германія сближалась съ Англіей, которая такимъ образомъ разсчитывала пріобрѣсть выгоды въ борьбѣ съ Франціей. Вацлавъ укрѣпилъ дружественныя отношенія къ Англіи, выдавъ замужъ за короля

Ричарда II сестру свою Анну, но при этомъ ему все таки удалось избѣжать разрыва съ Франціей. Добрыя отношенія между нѣмецкимъ королемъ и Урбаномъ позволяли заранѣе разсчитывать на полный успѣхъ похода въ Римъ для вѣнчанія императорской короной; трудностей по пути не предвидѣлось; оба, король и папа, могли ждать отъ этого похода несомнѣннаго усиленія своей власти. Уже былъ окончательно назначенъ на весну 1383 г. походъ черезъ Альпы, когда препятствіемъ явились дѣла фамильной политики. Открылись виды на Люксембургъ.

Людовикъ Венгерскій умеръ въ 1382 г. Въ послѣдній годъ жизни онъ пріобрѣлъ Неаполь и этимъ значительно поднялъ обаяніе своей власти. Изъ его дочерей еще ни одна не была замужемъ, но будущій зять его, Сигизмундъ, находился уже въ Польшѣ, не успѣвшей еще привыкнуть къ венгерскому владычеству, и тамъ вербовалъ себѣ сторонниковъ. Марія, невѣста Сигизмунда, была избрана на венгерскій престолъ; но въ Польшѣ ея не желали, предпочитая, въ крайности, другую дочь Людовика. Въ самомъ дѣлѣ, въ октябрѣ 1384 г. была коронована въ Краковѣ тринадцатилѣтняя Ядвига, а супругомъ ея сталъ великій князь литовскій Ягелло, бывшій еще язычникомъ. Сигизмундъ все еще не былъ обвѣнчанъ съ Маріей и даже долженъ былъ оставить страну. Французской дипломатіи удалось устроить новую помолвку королевы съ Людовикомъ Орлеанскимъ, братомъ Карла VI. Нашелся и третій претендентъ на руку королевы, Карлъ Дураццо, владѣтель королевства Неаполитанскаго; въ странѣ составилась партія его сторонниковъ. Но Сигизмундъ предупредилъ обоихъ; онъ добился силой, чтобы Марія съ нимъ обвѣнчалась, однако все таки долженъ былъ удалиться обратно въ Чехію. Карлъ въ первое время дѣйствовалъ успѣшно и былъ даже коронованъ на венгерскій престолъ; но вскорѣ онъ попалъ въ плѣнъ и былъ удавленъ въ тюрьмѣ по приказу Елизаветы, вдовы короля Людовика. Послѣ этого Вацлавъ съ войскомъ ввелъ своего брата въ Венгрію. Приверженцы Карла заточили Елизавету и Марію въ темницу. Сигизмундъ утвердился въ странѣ и былъ въ концѣ марта 1387 г. коронованъ въ Штульвейсенбургѣ. Елизавета была удавлена въ тюрьмѣ, Марія наконецъ возвращена супругу.

До сихъ поръ Вацлавъ проявлялъ еще кое какую дѣятельность, но его природное влеченіе къ покою сказывалось все сильнѣе. Въ имперіи были недовольны его продолжительнымъ отсутствіемъ; ближайшіе родственники, именно Іобстъ Моравскій, злоумышляли противъ него, и даже на его родинѣ, въ Чехіи, владѣтельные князья возстали противъ его правленія. Жертвою по подозрѣнію въ заговорѣ палъ пражскій архіепископъ со своимъ оффиціаломъ и съ генеральнымъ викаріемъ Непомукомъ. Тогда чешское дворянство нашло себѣ вождя въ лицѣ Іобста, который поссорился со своимъ братомъ Прокопомъ. Въ союзѣ съ Сигизмундомъ, Альбрехтомъ Австрійскимъ и маркграфомъ Вильгельмомъ Мейсенскимъ, Іобстъ велъ враждебную королю политику и наконецъ въ маѣ 1394 г. взялъ Вацлава въ плѣнъ и привезъ его въ Прагу. Такъ какъ въ имперіи начали собираться силы для освобожденія короля, то въ августѣ его выпустили изъ плѣна; Іобстъ былъ даже въ свою очередь заточенъ, но и ему вскорѣ удалось освободиться. Въ Чехіи бушевала война, и Альбрехтъ Австрійскій надѣялся, что смятенія доставятъ ему намѣстничество надъ имперіей и, можетъ быть, даже и корону. По счастью онъ вскорѣ умеръ. Когда же скончался братъ Вацлава Іоаннъ, тогда король и Сигизмундъ заключили въ мартѣ 1396 г. договоръ о наслѣдствѣ: Сигизмундъ сталъ имперскимъ викаріемъ и съ этихъ поръ начинаетъ питать виды на нѣмецкую королевскую корону. Впрочемъ, покамѣстъ положеніе его не было благопріятнымъ: при Никополѣ войско, находившееся подъ его начальствомъ и собранное со всѣхъ краевъ Европы, было разбито въ сентябрѣ 1396 г. султаномъ Баязетомъ II; по смерти Маріи ему угрожала и

потеря Венгріи. Іобстъ, заключивъ въ 1397 г. миръ съ Вацлавомъ, получилъ въ вознагражденіе земли въ Бранденбургской Маркѣ, изъ прежнихъ владѣній Сигизмунда.

Вацлавъ все еще питалъ надежды получить императорскую корону, и Бонифацій IV, преемникъ Урбана, былъ бы радъ, видѣть его въ Римѣ. Но въ то же время положеніе короля въ Германіи становилось все затруднительнѣе. Съ 1387 г. онъ уже болѣе не посѣщалъ имперіи, и страну безпрестанно волновали союзы рыцарей и городовъ. Особенно города наиболѣе ярко испытывали, что значитъ отсутствіе короля, а Вацлавъ, несмотря на всѣ приглашенія курфюрстовъ, оставался вдали отъ имперіи. Когда освободился престолъ майнцскаго архіепископства, поднялись новыя смуты, изъ которыхъ побѣдителемъ и архіепископомъ вышелъ Іоаннъ Нассаускій. Но еще до того пфальцграфъ и два остальные духовные курфюрста созвали на 1397 рейхстагъ во Франкфуртъ. Это было совершенно необычнымъ образомъ дѣйствій, но забвеніе королемъ своего долга дѣлало такой поступокъ необходимымъ. Правда, Вацлавъ незадолго передъ тѣмъ разослалъ приглашенія на имперскій съѣздъ въ Нюрнбергъ; но узнавъ о назначеніи рейхстага курфюрстами, онъ необдуманно отмѣнилъ свое приглашеніе. Во Франкфуртѣ, съ согласія многочисленныхъ князей и городовъ, отъ короля потребовали назначенія имперскаго викарія и на случай его дальнѣйшаго отсутствія ставили на видъ возможность установленія регентства изъ среды князей. Въ соглашеніи съ иностранными государями былъ разсмотрѣнъ и вопросъ о церковномъ расколѣ. Къ Вацлаву были отправлены жалобы на недостатки управленія. При извѣстіяхъ с франкфуртскихъ событіяхъ въ Прагѣ сильно заволновались, но до времени не прибѣгали ни къ какимъ мѣропріятіямъ. Только въ сентябрѣ Вацлавъ прибылъ въ Нюрнбергъ и попытался, изданіемъ закона о земскомъ мирѣ, доказать, что онъ еще въ состояніи самъ руководить дѣлами управленія.

При дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ во Франкфуртѣ курфюрсты по желанію короля представили ему еще новыя жалобы: на первомъ планѣ стоялъ церковный вопросъ и въ самой тѣсной связи съ нимъ политика по отношенію къ Франціи. Именно оттуда впервые нашла распространеніе мысль, что уладить споръ можно легче всего при помощи отреченія обоихъ папъ отъ своего сана. Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ былъ даже избранъ, въ 1394 г., только подъ условіемъ, что въ цѣляхъ объединенія церкви онъ будетъ готовъ отказаться отъ своего сана. Всѣ усилія французской политики были теперь направлены къ тому, чтобы добиться отъ приверженцевъ римскаго папы Бонифація такого же воздѣйствія на него, чтобы и онъ отказался отъ престола. Въ мартѣ 1398 г. состоялось въ Реймсѣ свиданіе Вацлава съ Карломъ VI; въ результатѣ послѣдовало только воззваніе къ обоимъ папамъ, убѣждавшее ихъ уступить. Успѣха оно понятно не имѣло. Вацлавъ стоялъ за Бонифація. Даже во Франціи началось движеніе противъ Бенедикта; противъ него возстали даже кардиналы, и началась долгая осада папскаго замка въ Авиньонѣ.

Въ Чехіи Вацлавъ засталъ по возвращеніи изъ Реймса старыя неурядицы. Раздоры въ королевской семьѣ продолжались. Ему удалось еще на этотъ разъ уклониться отъ назначенія имперскаго намѣстника. Но имперія отъ этого нисколько не выиграла; наконецъ курфюрсты Майнцскій и Пфальцскій, на которыхъ въ данный моментъ положеніе дѣлъ отзывалось съ наибольшей тяжестью, въ поискахъ исхода заключили въ апрѣлѣ 1399 г. въ Боппардѣ договоръ съ Кельнскимъ курфюрстомъ для совмѣстныхъ дѣйствій во всѣхъ вопросахъ церкви и имперіи, за единственнымъ исключеніемъ королевскихъ выборовъ. При случаѣ съѣзда князей въ маѣ, когда былъ заключенъ союзъ для борьбы съ городами, архіепископъ Іоаннъ Майнцскій доставилъ рейнскому союзу, направленному очевидно

противъ короля, еще новыхъ участниковъ; недовольство Вацлавомъ было одинаково сильно повсюду. Короля упрекали главнымъ образомъ въ пренебреженіи дѣлами имперіи, чему виною было его постоянное отсутствіе (назначая Сигизмунда имперскимъ викаріемъ, онъ и самъ косвенно признавалъ, что въ этомъ отношеніи нарушилъ свой долгъ); упрекали его и въ расточеніи имперскихъ владѣній, причемъ въ виду имѣли особенно потерю Милана. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ надо было видѣть только пожертвованіе областью, которой, все равно, нельзя удержать, какъ это уже было при Карлѣ IV съ уступкой Арелатской области. Всѣ приводившіяся основанія были сами по себѣ довольно слабыми, тогда какъ оставалась невысказанной главная и общая причина недовольства: пользованіе королевской властью исключительно для усиленія люксембургскихъ владѣній. Многими изъ участниковъ союза конечно могла руководить забота о благѣ имперіи; другіе несомнѣнно и сами помышляли объ императорской коронѣ. Но всѣ князья были увѣрены, что переворотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оказаться для нихъ невыгоднымъ.

Конечно все это дошло до свѣдѣнія Вацлава. Онъ пожелалъ явиться въ имперію и собрать рейхстагъ, но курфюрсты уже не соглашались на его предложенія. Напротивъ, уже въ сентябрѣ 1399 г. многіе князья высказывали мысль о необходимости избрать новаго короля; но очевидно было общее нежеланіе имѣть королемъ кого нибудь изъ курфюрстовъ. Только въ январѣ 1400 г. во Франкфуртѣ были допущены въ число кандидатовъ саксонскій и пфальцскій курфюрсты. Папа Бонифацій былъ увѣдомленъ о готовившемся новомъ избраніи, и былъ созванъ на конецъ мая съѣздъ князей и городовъ во Франкфуртъ. Посѣтителей явилось множество. Вѣроятно уже пришли къ соглашенію о личности новаго короля, когда послали Вацлаву 4 іюня энергичное требованіе явиться въ Оберланштейнъ къ 11 августа; король между тѣмъ со своей стороны воспретилъ въ свое отсутствіе принимать какія то бы ни было рѣшенія по дѣламъ церкви и имперіи. На приглашеніе Вацлавъ не явился. Четыре рейнскіе курфюрста своевременно прибыли въ Оберланштейнъ. Избраніе Рупрехта было рѣшено; онъ далъ обѣтъ вѣрно служить имперіи. 20 августа 1400 года его избраніе было объявлено во всеобщее свѣдѣніе и на слѣдующій день подтверждено въ Рензе.

Низложеніе Вацлава не имѣетъ государственно-правового оправданія, но оно было для имперіи благодѣяніемъ. Изъ всѣхъ упрековъ, которые дѣлались бывшему королю, самымъ тяжелымъ былъ тотъ, что онъ отнялъ у имперской области часть ея, когда за деньги сдѣлалъ Джангалеаццо де Висконти герцогомъ Милана и графомъ Павіи. Для дѣятельности новаго короля открывалось широкое поприще. Несомнѣнно на него возлагались преувеличенныя надежды, но уже и то являлось его неоспоримымъ преимуществомъ, что онъ не покупалъ своего избранія недостойной торговлей съ курфюрстами и продажей имперскаго достоянія.

Д. **Правленіе Рупрехта (1400—1410 г.) и бѣдствія церкви. Пизанскій соборъ.**

Вацлавъ былъ до крайности раздраженъ своимъ низложеніемъ. Но на дѣйствія, на защиту своихъ правъ оружіемъ онъ не рѣшился. 25 октября Рупрехтъ Пфальцскій совершилъ торжественный въѣздъ во Франкфуртъ въ санѣ нѣмецкаго короля; другіе города еще раньше изъявили ему свою покорность. Такъ какъ Ахенъ не впустилъ короля, обрядъ коронованія былъ совершенъ въ Кельнѣ, въ день Богоявленія 1401 г. Итакъ, корона была пріобрѣтена; но предстояла еще борьба за ея удержаніе. Война съ Чехіей началась еще раньше, чѣмъ новый король былъ признанъ Франціей, Италіей и папой. Во Франціи на сторону Рупрехта сталъ Филиппъ Бургундскій, тогда какъ Людовикъ Орлеанскій высказался

въ пользу Вацлава, также какъ и его нѣмецкій союзникъ, храбрый Вильгельмъ Гельдернскій. Англію Рупрехтъ надѣялся привлечь на свою сторону родственными узами и поэтому хлопоталъ о бракѣ своего сына съ Бланкой, дочерью короля Генриха IV. Необходимо было добиться также согласія папы, такъ какъ Рупрехтъ разсчитывалъ въ скоромъ времени возложить на себя императорскую корону. Бонифацій, слишкомъ занятый для того, чтобы имѣть возможность вмѣшаться въ германскія дѣла, не отказывалъ королю въ своемъ согласіи и только хотѣлъ обезпечить его помощь въ итальянской политикѣ; онъ поставилъ слѣдующія условія: борьба съ антипапствомъ, безотлагательный походъ въ Римъ и политическій разрывъ съ Франціей.

Въ имперіи король дѣйствовалъ успѣшно. Важный для него Нюрнбергъ выразилъ покорность и въ маѣ 1401 г. здѣсь состоялся первый рейхстагъ. Быстрое снаряженіе въ римскій походъ казалось желательнымъ, такъ какъ Флоренція предлагала королю 200,000 золотыхъ гульденовъ, если онъ въ этомъ году перейдетъ Альпы и начнетъ обратное завоеваніе Милана. Подробности императорскаго коронованія надлежало обсудить въ Нюрнбергѣ, но такъ какъ участниковъ было слишкомъ мало, то вопросъ былъ отложенъ до новаго рейхстага въ Майнцѣ. Въ данное время Рупрехтъ могъ безопасно покинуть Германію: отъ Вацлава нельзя было ожидать дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій. Сигизмундъ былъ взятъ въ плѣнъ венгерскимъ дворянствомъ, и въ Венгріи тоже начали помышлять объ избраніи новаго короля. Іобстъ со своей стороны увидѣлъ въ этихъ обстоятельствахъ благопріятный случай для пріобрѣтенія чешской королевской короны и усилилъ свои, никогда не прерывавшіяся окончательно, сношенія съ чешскимъ дворянствомъ. Въ іюнѣ было заключено перемиріе въ Амбергѣ между королемъ Рупрехтомъ и Вацлавомъ; новый государь выставилъ свои требованія, но не произвелъ ими никакого впечатлѣнія на стараго короля. Въ началѣ іюля въ Майнцѣ обсуждался римскій походъ. Австрійцы разрѣшили за крупное вознагражденіе (100,000 дукатовъ) проходъ черезъ свои владѣнія и черезъ перевалъ Бреннеръ; 8 сентября 1401 г. должно было послѣдовать выступленіе войска изъ Аугсбурга. Но денегъ не было, а Флоренція не хотѣла платить раньше, чѣмъ король прибудетъ въ Италію. Вацлавъ тоже прислалъ наконецъ отвѣтъ, но не такой, на какой разсчитывалъ Рупрехтъ: правда, онъ соглашался уступить Рупрехту королевскую корону Германіи, но самъ хотѣлъ получить санъ императора. Кромѣ того, женой сына Рупрехта, Ганса, должна была стать его племянница Елизавета, а на случай поддержки при борьбѣ за обладаніе Чехіей Вацлавъ разсчитывалъ на нѣкоторыя земельныя уступки. Рупрехтъ не требовалъ полнаго отреченія соперника, положеніе котораго складывалось все благопріятнѣе. Несмотря на бѣдствія имперіи, намѣстникомъ которой долженъ былъ остаться сынъ короля Людвигъ, Рупрехтъ приготовился выступить изъ Аугсбурга съ войскомъ, насчитывавшимъ, круглымъ числомъ, 15,000 всадниковъ. Но такъ какъ денегъ все не было, сразу же пришлось распустить 5000 всадниковъ; медленно двинулось войско къ Тріенту, откуда должны были начаться военныя дѣйствія противъ Джангалеаццо Миланскаго. Изъ Италіи получались небольшія пособія; денежныя затрудненія возрастали, такъ какъ Флоренція прислала сначала только 55,000 дукатовъ, а затѣмъ, уже въ половинѣ октября, еще 55,000 дукатовъ (наличными только меньшую часть). Война приняла неблагопріятный оборотъ когда въ промежутокъ времени между 21 и 25 октября не удалось завладѣть Бресчіей. Большинство нѣмецкихъ князей (архіепископъ Фридрихъ Кельнскій, графъ Фридрихъ Мерсскій, герцогъ Леопольдъ IV Австрійскій) возвратились послѣ этого на родину. Рупрехтъ былъ вынужденъ распустить большую часть своего войска, но самъ всетаки вытерпѣлъ. 18 ноября онъ съ 400 всадниковъ

прибылъ въ Падую,—но все еще безъ денегъ. Флорентинцы не чувствовали особаго желанія заплатить остальные 90,000 дукатовъ, послѣ того какъ первое нападеніе на Джангалеацдо не имѣло никакого успѣха. Все еще не приходили къ концу переговоры съ папой относительно формы и условій признанія. Наконецъ, въ исходѣ 1401 или въ началѣ 1402 года Флоренція доставила еще 65,000 дукатовъ (только 44,000 наличными). Но кучка приверженцевъ короля все таяла. Такимъ образомъ онъ оставался съ 11 декабря въ Венеціи, безъ всякой надежды добраться до Рима: папа Бонифацій рѣшительно объявилъ, что коронованіе состоится только въ томъ случаѣ, если въ то же время будетъ дѣятельно поведена война съ Джангалеацдо, либо при помощи Венеціи, либо имперскими наемными войсками. Но этого было невозможно достичь: не было денегъ. Король и его спутники занимали вездѣ, гдѣ только имъ давали въ долгъ. Но и эти средства быстро растаяли. Пробывъ еще нѣсколько времени (съ 29 января до половины апрѣля) вторично въ Падуѣ, король отправился черезъ Фріуль въ обратный путь въ Германію. 1 мая 1402 г. Рупрехтъ уже былъ въ Мюнхенѣ, и одинъ изъ самыхъ плачевныхъ походовъ въ Римъ, которые когда либо предпринимались, былъ оконченъ.

Положеніе дѣлъ въ Германіи было не менѣе печально. И тутъ не хватало денегъ, а до всеобщаго признанія Рупрехта королемъ было еще очень далеко. Главнымъ образомъ Люксембурги сохраняли свою враждебную позицію, хотя освобожденный изъ плѣна Сигизмундъ захватилъ своего брата Вацлава и представилъ его въ Вѣну. Но къ концу 1403 г. Вацлаву удалось бѣжать, и владычество его въ Чехіи снова упрочилось, тогда какъ во всѣхъ областяхъ имперіи бушевали ожесточенныя усобицы, а переговоры съ заграницей о церковныхъ дѣлахъ все еще не приносили никакихъ плодовъ.

Въ это время смерть Джованни Галеацдо Миланскаго произвела поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ. Послѣ убійства Бернабо Висконти (1385 г.) Галеацдо сталъ во главѣ синьоріи и купилъ за большія деньги отъ короля Вацлава герцогскій санъ и права имперскаго князя. Въ 1399 онъ подчинилъ себѣ Пизу и Сіену и сталъ опаснымъ врагомъ города Флоренціи, который со своей стороны поддержалъ дѣйствія курфюрстовъ противъ Вацлава, чтобы паденіемъ короля расшатать и положеніе Джангалеацдо. Этотъ планъ не удался, потому что Висконти оказался слишкомъ искуснымъ дипломатомъ. Тѣмъ пріятнѣе для республики было извѣстіе о его кончинѣ (3 сентября 1402 г.). Папа тотчасъ вступилъ въ сношенія съ Флоренціей и началъ борьбу съ малолѣтними дѣтьми миланскаго герцога; въ это время онъ былъ бы радъ даже цѣной императорской короны добиться присутствія Рупрехта въ Италіи и поэтому предложилъ ему, если тотъ прямымъ путемъ двинется на Римъ, признаніе его нѣмецкимъ королемъ и коронованіе итальянской короной въ Падуѣ, чрезъ посредство одного кардинала. Впрочемъ за это король долженъ былъ дать обѣщаніе участвовать, въ союзѣ съ Флоренціей, въ борьбѣ противъ Милана и выступить защитникомъ римскихъ интересовъ передъ Авиньономъ и Франціей. Весною 1403 г. Рупрехтъ сообщилъ свой отвѣтъ. Онъ желалъ немедленнаго признанія и указывалъ, что новый походъ въ Италію для него въ данное время невозможенъ. Бонифацій, который въ это время поддерживалъ Владислава, антикороля Сигизмунда въ Венгріи, встревожился, такъ какъ въ это самое время законнымъ папою былъ снова признанъ во Франціи Бенедиктъ XIII. Онъ долженъ былъ, во что бы то не стало, имѣть Рупрехта на своей сторонѣ и потому 1 октября 1403 г. подтвердилъ низложеніе Вацлава и торжественно объявилъ аппробацію Рупрехта. Для будущаго римскаго похода онъ разрѣшилъ королю собрать двѣ десятины съ доходовъ германской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ король въ 1404 г. и еще въ мартѣ 1405 г. серьезно

помышлялъ о новомъ походѣ въ Италію; но эта мысль такъ и не увидѣла исполненія. Нужда въ деньгахъ не позволяла осуществлять подобныхъ проектовъ; даже больше, она принудила его къ утѣсненію своихъ бывшихъ сторонниковъ, городовъ, чѣмъ онъ еще и навлекъ на себя ихъ вражду. Къ недовольнымъ въ имперіи присоединился Іоаннъ Майнцскій, раньше оказывавшій королю поддержку. Состоялся союзъ на пять лѣтъ между семнадцатью швабскими имперскими городами, Баденомъ, Вюртембергомъ, а также епископами Страсбургскимъ и Майнцскимъ. Союзъ, заключенный въ 1405 г. въ Марбахѣ, былъ направленъ противъ всякаго, кто нанесетъ ущербъ правамъ и привилегіямъ участниковъ. Это относилось, разумѣется, къ королю, хотя ему сообщили о заключеніи союза и просили его покровительства. Рупрехтъ тоже отлично понималъ смыслъ и значеніе союза, и, чувствуя себя невиннымъ, хотѣлъ защищаться отъ скрытаго упрека на рейхстагѣ; но союзники не допустили созванія сейма. Кельнскій архіепископъ, въ то время бывшій съ королемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, все время старался явиться посредникомъ и примирителемъ. Это ему удалось наконецъ въ 1407 г. Союзъ все таки продолжалъ существовать, хотя потерялъ свое настоящее значеніе; король вывелъ изъ событій полезный для себя урокъ и съ тѣхъ поръ остерегался вымогать отъ имперскихъ городовъ денежныя пособія. Наконецъ Рупрехту удалось достичь кое какихъ, хотя и незначительныхъ успѣховъ. Городъ Ротенбургъ, вступившій по побужденію своего энергичнаго бюргермейстера, Генриха Топплера, въ тайныя сношенія съ Вацлавомъ, понесъ должное наказаніе; герцогъ Гельдернскій примкнулъ къ Рупрехту; городъ Ахенъ отказался отъ своего сопротивленія, заплатилъ 8000 гульденовъ и въ концѣ 1407 г. устроилъ Рупрехту торжественную встрѣчу. Наконецъ, королю достался и Любекъ.

Впрочемъ, незадолго до того имперія утратила Брабантъ. Антонъ Бургундскій, второй сынъ герцога Филиппа, послѣ смерти герцогини Іоанны въ 1406 г., явился ея наслѣдникомъ. Несмотря на протестъ Рупрехта, онъ вступилъ во владѣніе страной и при этомъ встрѣтилъ благосклонное отношеніе Вацлава, который выдалъ за него замужъ свою племянницу Елизавету. Такимъ образомъ Антонъ пріобрѣлъ виды на люксембургскія наслѣдныя земли и послѣ смерти Іобста (1411 г.) тотчасъ завладѣлъ Люксембургомъ.

Борьба Рупрехта съ Вацлавомъ затихла. Въ имперіи одинаково мало интересовались обоими противниками; только въ важномъ вопросѣ о соборѣ, вопросѣ, волновавшемъ весь западно-христіанскій міръ, еще разъ обнаружилось ихъ соперничество. Вацлавъ поддерживалъ мысль созванія собора и на его сторонѣ было одобреніе кардиналовъ. Рупрехтъ, напротивъ, не соглашался съ этой революціонной мыслью и считалъ одного Григорія въ Римѣ законнымъ повелителемъ христіанства. Очевидно подъ вліяніемъ сочувствія, которое выразили ему кружки сторонниковъ собора, Вацлавъ вновь началъ предпринимать въ имперіи правительственныя дѣйствія и вѣроятно причинилъ бы еще Рупрехту серьезныя безпокойства, если бы этотъ послѣдній во время не умеръ (18 мая 1410 г.).

Вопіющее бѣдствіе западнаго христіанства, злосчастный споръ изъ за первосвященническаго сана давно уже опредѣлялъ ходъ западно-европейской политики. Но именно въ то время, когда Рупрехтъ былъ безславнымъ носителемъ нѣмецкой короны, противоположности обострились всего сильнѣе. То, о чемъ при жизни Климента VII съ крайней осторожностью пытался высказаться парижскій университетъ, теперь уже казалось единственнымъ возможнымъ рѣшеніемъ вопроса: именно всеобщій соборъ.

Съ упадкомъ нѣмецкаго королевскаго могущества, которое въ блескѣ

римскаго императорскаго вѣнца являлось нѣкогда средоточіемъ западноевропейской культуры, утратилась, собственно говоря, и всеобщность церкви. Національныя церкви Германіи, Италіи, Англіи и Испаніи начали соперничать между собою, и французская церковь пріобрѣла вліяніе, опередившее всѣ остальныя. Мы знаемъ, какъ ей удалось перенести папскую резиденцію изъ Рима въ Авиньонъ, и какія усилія дѣлало французское правительство, при поддержкѣ французскихъ кардиналовъ, чтобы сохранить свое вліяніе надъ главой христіанства послѣ возвращенія Урбана VI въ Италію. Какъ Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ, такъ и Иннокентій VII, римскій преемникъ Бонифація IX (ум. въ 1404 г.), должны были дать обѣщаніе своимъ избирателямъ кардиналамъ, что въ случаѣ надобности они въ интересахъ объединенія отрекутся отъ престола. Но ни тотъ, ни другой не выполняли обѣщаніе, хотя сильнѣйшимъ желаніемъ обоихъ было искорененіе схизмы. Да и какъ могъ одинъ изъ нихъ согласиться уступить другому. На самомъ дѣлѣ французская политика, пять лѣтъ отказывавшая Бенедикту въ повиновеніи, оказалась совершенно неудачной, такъ что съ мая 1403 г. снова пришлось признать его законнымъ папой. Расколъ существовалъ уже болѣе двадцати лѣтъ, и нельзя было предвидѣть конца его неурядицамъ, сѣявшимъ смуту во всѣхъ слояхъ населенія. Какъ въ Майнцѣ, такъ и на другихъ каѳедрахъ существовало по два епископа, ставленника каждаго изъ папъ. Даже въ приходахъ наблюдалось подобное зрѣлище. Всевозможными льготами каждый изъ антипапъ старался привлечь на свою сторону приверженцевъ противника. Дѣло дошло до безнравственной торговли, которую въ подходящихъ случаяхъ смѣняли карательныя мѣры, отлученія и проклятія. За римскаго папу стояли, вообще говоря, Германія, Италія и Англія, за французскаго были Франція, Испанія и Шотландія. У каждаго изъ нихъ была собственная коллегія кардиналовъ.

Борьба между обоими представителями верховной духовной власти въ значительной степени была только результатомъ общаго плачевнаго положенія церкви. Особенно со времени переселенія куріи въ Авиньонъ она являлась какимъ то международнымъ финансовымъ учрежденіемъ для эксплуатаціи странъ западной Европы. Продажа должностей и совмѣстительство духовныхъ лицъ, съ пользою для папской казны, сдѣлались повседневнымъ явленіемъ. Невѣроятнымъ притязаніямъ авиньонскаго двора, къ которымъ присоединялись требованія французскаго короля, уже не могли удовлетворять правильные доходы папской казны; надлежало создать новые источники доходовъ. Если въ теоріи уже нѣсколько столѣтій тому назадъ все церковное имущество считалось собственностью папы, то четырнадцатое столѣтіе попыталось осуществить эту теорію на дѣлѣ и папская власть стала отъ себя,—конечно, не безвозмездно,—раздавать всѣ приходы. Притомъ и ученіе объ отпущеніи грѣховъ получило новую разработку; съ конца четырнадцатаго вѣка начинается постоянная проповѣдь „жертвеннаго отпущенія“, этого неизсякаемаго источника доходовъ. Въ то же время начали давать одному лицу по нѣскольку приходовъ, что сильно увеличивало доходы этихъ лицъ, а должности приходскихъ священниковъ замѣщались только викаріями. Каноники тоже постоянно числились при нѣсколькихъ монастыряхъ; резидируя при одномъ изъ нихъ, они изъ остальныхъ получали только доходы, которые зачастую проживались далеко не благочестиво.

Какъ въ имперіи курфюрсты не могли отрѣшиться отъ мысли опредѣлить противоположность интересовъ короля и имперіи, такъ и передовая часть клира болѣе или менѣе ясно сознавала противоположность между папой и церковью. Папа считалъ себя олицетвореніемъ церкви; клиръ думалъ, что это притязаніе должно быть опровергнуто; ему было извѣстно существованіе другого законнаго представительства церкви, имен-

но вселенскаго церковнаго собора. Въ этомъ заключается принципіальный смыслъ того движенія, которое закончилось Вѣнскимъ конкордатомъ 1448 г.: идея церкви, воплощеніемъ которой является соборъ, стала доступной сознанію каждаго члена западно-христіанской церкви. Во всю эту эпоху споръ идетъ не о вѣрѣ, а о церковномъ уложеніи; не о борьбѣ съ лжеученіями (обсужденіе ересей Виклифа и Гуса было только частнымъ эпизодомъ, которому не придавалось крупнаго значенія), а о нравственномъ возрожденіи клира. Правда, пятнадцатое столѣтіе оказалось не въ состояніи достичь этой цѣли. Только тяжелое потрясеніе, которое испытала „вселенская" церковь въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда обсужденіе догматовъ вѣры исторгло изъ ея лона цѣлые народы, только этотъ ударъ повелъ къ ея нравственному обновленію на Тридентскомъ соборѣ.

Бенедиктъ XIII, авиньонскій папа, родомъ испанецъ, былъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, велъ строго нравственный образъ жизни, притомъ былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и страстно боролся за воззрѣніе, по которому церковь воплощается въ лицѣ папы. Римскій папа Иннокентій VII умеръ уже въ 1406 г., только два года пробывъ первосвященникомъ, и на его мѣсто кардиналы избрали престарѣлаго венеціанца, принявшаго имя Григорія XII. Онъ не былъ честнымъ человѣкомъ и вопреки всѣмъ своимъ завѣреніямъ не прилагалъ никакихъ серьезныхъ усилій къ устраненію раскола. Онъ сдѣлалъ видъ, что соглашается на предложеніе Бенедикта уладить дѣло при помощи свиданія обоихъ папъ; но когда авиньонскій папа въ самомъ дѣлѣ прибылъ въ Савону, Григорій началъ выставлять всевозможныя затрудненія, и хотя въ началѣ 1408 г. переѣхалъ въ Лукку, но этотъ шагъ въ дѣйствительности нисколько не приблизилъ его къ Бенедикту. Теперь повсемѣстно поняли, что отъ обоихъ папъ нельзя ничего ожидать. Дѣлу могъ помочь только соборъ. По счастью обѣ кардинальныя коллегіи, которыя въ самомъ дѣлѣ стремились къ единенію, разошлись со своими папами. Чтобы избавиться отъ настояній своихъ кардиналовъ, Григорій возвелъ въ этотъ санъ много новыхъ, послѣ чего старые порвали съ нимъ и переѣхали въ Пизу. Нѣсколько позже французскій провинціальный синодъ объявилъ Бенедикта закоренѣлымъ схизматикомъ и еретикомъ; послѣ этого въ Пизу уѣхали и французскіе кардиналы. Затѣмъ обѣ коллегіи совмѣстно разослали приглашенія на вселенскій соборъ. Но прежде всего необходимо было получить согласіе свѣтскихъ державъ. Во Франціи предпріятію сочувствовали, отъ Англіи тоже удалось въ концѣ концовъ получить согласіе; но нѣмецкій король Рупрехтъ, которому послали приглашеніе, какъ законному защитнику церкви, не отвѣчалъ и этимъ оказалъ помощь планамъ своего соперника Вацлава, который тотчасъ ухватился за благопріятный случай и къ концу 1408 г. прямо потребовалъ, чтобы его послы считались уполномоченными законнаго короля. Рупрехтъ и его ученые совѣтники были рѣшительными противниками собора. Они считали Григорія законнымъ папой, а образъ дѣйствія кардиналовъ казался имъ мятежомъ противъ верховнаго главы церкви. Иного мнѣнія держались архіепископы Кельнскій и Майнцскій; но ихъ мнѣніе не одержало побѣды и на франкфуртскомъ рейхстагѣ, хотя посланецъ кардиналовъ встрѣтилъ, особенно въ городахъ, радушный пріемъ, тогда какъ уполномоченный Григорія, который со своей стороны хотѣлъ созвать соборъ, былъ принятъ благосклонно однимъ только Рупрехтомъ. Наконецъ король назначилъ трехъ пословъ, которые по соглашенію съ Григоріемъ должны были выразить протестъ противъ всѣхъ постановленій собора. Такъ они и поступили, когда точно въ назначенный срокъ, 25 марта 1409 г., были открыты засѣданія пизанскаго собора.

Съѣздъ былъ многочисленнымъ сверхъ всякаго ожиданія. Болѣе двухсотъ епископовъ засѣдали вмѣстѣ съ представителями свыше ста капитуловъ; болѣе трехсотъ докторовъ богословія и каноническаго права яв-

лялись, вмѣстѣ съ депутатами отъ пятнадцати университетовъ, представителями авторитета западной науки. Во главѣ небольшой группы нѣмецкихъ князей находился король Вацлавъ, легкомысленно давшій обѣщаніе помочь вновь избранному папѣ оружіемъ при осуществленіи его правъ. Переговоры быстро подвигались впередъ; уже въ началѣ іюня оба папы, Григорій и Бенедиктъ, были объявлены еретиками и низложены, а въ концѣ того же мѣсяца былъ избранъ новый папа, Александръ V. Правда, оба низложенные папы все еще не помышляли ни о какомъ отреченіи. Теперь западно-христіанскимъ міромъ правило трое папъ, и каждый имѣлъ значительное число сторонниковъ. Въ началѣ іюля Александръ V распустилъ соборъ, а новый былъ назначенъ на 1412 г., для обсужденія проектовъ церковной реформы.

Въ Германіи, Рупрехтъ все еще стоялъ за Григорія; напротивъ Вацлавъ, большая часть князей и города были за Александра. Но именно въ Прагѣ большая партія, подъ предводительствомъ архіепископа и капитула, высказалась противъ разрыва съ Григоріемъ, и борьба разыгралась въ стѣнахъ университета: между чешской и тремя остальными „націями" давно уже существовали несогласія, которыя теперь перешли въ ожесточенный споръ, такъ какъ только одни чехи, согласно съ королевскимъ желаніемъ, высказались за нейтральное положеніе университета въ вопросѣ о соборѣ, тогда какъ саксонская, баварская и польская націи въ виду важности дѣла желали принять участіе въ рѣшеніи вопроса и были на сторонѣ папы, избраннаго соборомъ. Чтобы принудить нѣмецкую партію къ молчанію, Вацлавъ королевскимъ постановленіемъ измѣнилъ отношеніе голосовъ въ университетскомъ совѣтѣ, такъ чтобы чехи имѣли въ своемъ распоряженіи три голоса, а всѣ нѣмцы вмѣстѣ только одинъ. Оскорбленное этимъ униженіемъ нѣмецкое студенчество со своими профессорами по большей части ушло изъ города и обратилось въ только что основанный Лейпцигскій университетъ, получившій утвержденіе отъ папы Александра V.

Въ имперіи готова была вспыхнуть война изъ за папъ; архіепископы Іоаннъ Майнцскій и Фридрихъ Кельнскій составили союзъ для совмѣстной защиты правъ Александра, между тѣмъ какъ Григорій предоставилъ королю, своему вѣрному стороннику, доходы съ тѣхъ епископствъ, пастыри которыхъ были за Александра. Города все еще сохраняли преданность Рупрехту, но не высказывали своего желанія дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ въ пользу Григорія. Рупрехтъ уже заключилъ союзъ съ владѣтелями Гессена и Брауншвейга для войны противъ Іоанна, когда онъ, 18 мая 1410 г., скончался.

Какъ ни была незначительна и малоуспѣшна политика Рупрехта, все таки кончина его была крупнымъ событіемъ. Соборъ, отъ котораго при данномъ положеніи вещей единственно можно было ожидать разрѣшенія трудныхъ вопросовъ, избавился отъ непримиримаго врага. Послѣдній сторонникъ папски-абсолютистическаго церковнаго уложенія сошелъ въ могилу. Отнынѣ соборъ могъ выступить какъ церковное учрежденіе, какъ представительство христіанской общины, при поддержкѣ нѣмецкаго короля, защитника церкви въ силу своего сана. И кругъ дѣятельности и составъ участниковъ союза былъ значительно расширенъ по сравненію съ синодами ранняго средневѣковья; на ближайшее собраніе предстояло пригласить уже и мірянъ, согласно съ теоріей вліятельнаго Дитриха Нигейма. Соборы стремились къ тому, чтобы дѣятельность ихъ вышла далеко за предѣлы узко-церковныхъ вопросовъ; цѣлью ихъ было даже соединить съ высшимъ духовнымъ надзоромъ надзоръ за дѣятельностью духа, чего до сихъ поръ домогались и достигали папы даже въ вопросахъ свѣтскаго характера. Поэтому западная Европа не безъ основанія возлагала широкія надежды на проектировавшійся церковный соборъ, который, какъ преем-

никъ пизанскаго, долженъ былъ приступить къ преобразованію церкви отъ главы ея до низшихъ служителей.

E. **Король Сигизмундъ. Соборы въ Констанцѣ и Базелѣ.**

По смерти Рупрехта вновь предстояло избрать короля Германіи. Правда, Вацлавъ продолжалъ еще называть себя законнымъ королемъ, но онъ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ обезпечить за собою это положеніе. Ему принадлежалъ чешскій курфюршескій избирательный голосъ; Рудольфъ Саксонскій былъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, а Іобстъ Моравскій, какъ владѣтель Бранденбурга, тоже стоялъ за него; эти три голоса могли остановиться только на королѣ изъ дома Люксембурговъ. Изъ остальныхъ четырехъ курфюрстовъ, Кельнскій и Майнцскій непремѣнно желали избрать сторонника папы, поставленнаго соборомъ, тогда какъ Трирскій и Пфальцскій считали необходимымъ, чтобы будущій король стоялъ за папу Григорія и его преемниковъ. Сигизмундъ Венгерскій до сихъ поръ въ спорахъ изъ за папства наименѣе склонялся на чью либо сторону. Его можно было въ равной степени считать другомъ какъ Григорія, такъ и Александра, и притомъ онъ все таки принадлежалъ къ роду Люксембурговъ, хотя въ данное время былъ далеко не въ лучшихъ отношеніяхъ съ Вацлавомъ. Его избраніе могло бы успокоить всѣ три партіи.

Сигизмундъ все еще былъ имперскимъ викаріемъ и выполнялъ обязанности, связанныя съ этой должностью. Онъ все еще желалъ устроить коронованіе Вацлава императоромъ и вовсе не старался обезпечить за собой нѣмецкую корону. Но ставъ на сторону преемника Александра, „соборнаго“ папы Іоанна XXIII, онъ лишился избирательныхъ голосовъ Пфальца и Трира. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ принадлежащимъ себѣ, вмѣсто Іобста, бранденбургскій курфюршескій голосъ, и поручилъ Фридриху VI Нюрнбергскому, бургграфу изъ рода Гогенцоллерновъ, быть своимъ замѣстителемъ на съѣздѣ курфюрстовъ. Впрочемъ остальные курфюрсты не хотѣли признавать за нимъ этого голоса; однако они допустили бургграфа въ началѣ сентября къ избирательнымъ совѣщаніямъ во Франкфуртѣ, послѣ того какъ онъ своими заявленіями по папскому вопросу расположилъ Пфальцъ и Триръ въ пользу своего довѣрителя. Майнцъ и Кельнъ сначала не соглашались приступить къ выборамъ, пока не прибудутъ послы отъ остальныхъ трехъ курфюрстовъ. Но Фридрихъ, а съ нимъ Пфальцъ и Триръ, настояли на немедленномъ совершеніи выборовъ, которые и были произведены, и притомъ на паперти церкви св. Варѳоломея, такъ какъ самая церковь была заперта по случаю интердикта. Три этихъ избирателя провозгласили королемъ Сигизмунда и вскорѣ послѣ этого оставили городъ. Но Майнцъ и Кельнъ обратились къ Іобсту и предложили ему корону, хотя онъ, какъ и Рудольфъ Саксонскій, отклонили приглашеніе явиться на выборы, мотивируя отказъ тѣмъ, что Германія имѣетъ законнаго короля. Наконецъ, 1 октября Майнцъ, Кельнъ и Саксонія всетаки избрали, уже въ самомъ зданіи Варѳоломеевской церкви, королемъ Іобста. Но онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы въ самомъ дѣлѣ взять въ свои руки королевскую власть, а вскорѣ умеръ, въ январѣ 1411 г. Только теперь Сигизмундъ объявилъ, что принимаетъ избраніе, павшее на него въ сентябрѣ, и вступилъ въ переговоры съ Вацлавомъ. За послѣднимъ пришлось оставить титулъ римскаго короля и надежду на императорскій санъ, который обѣщалъ ему добыть Сигизмундъ. Курфюрсты молчаливо признали королемъ Сигизмунда, хотя Іоаннъ Майнцскій находилъ, что безусловно необходимы вторичные выборы.

Только послѣ этого Сигизмундъ посѣтилъ имперію, съ дѣлами которой онъ уже давно утратилъ знакомство; тамъ онъ былъ признанъ королемъ и вскорѣ возвратился въ Венгрію, но передъ этимъ успѣлъ еще совершить одинъ поступокъ, повидимому незначительный, а на самомъ дѣлѣ имѣвшій

огромнѣйшее значеніе для всей исторіи Германіи. Въ благодарность за поддержку, оказанную Сигизмунду въ Венгріи и при первыхъ выборахъ, король даровалъ бургграфу Фридриху Нюрнбергскому намѣстничество надъ разстроенной маркой Бранденбургской, гдѣ ему открывалось поприще для непрестанной дѣятельности. Это намѣстничество должно было остаться и за наслѣдниками Фридриха; имперія сохраняла за собою только право выкупа за высокую цѣну. Въ 1417 году Гогенцоллернъ получилъ, въ Констанцѣ, съ торжественными церемоніями въ ленъ Бранденбургскую марку и связанный съ нею курфюршескій голосъ. Такимъ образомъ Бранденбургъ пріобрѣлъ правящую династію; съ этихъ поръ имперію уже не тревожилъ споръ изъ за этой области, тянувшійся цѣлое столѣтіе.

Избранный соборомъ въ Пизѣ папа Александръ умеръ, не успѣвъ даже вступить въ Римъ. Преемникъ его, Іоаннъ XXIII, бывшій болонскій легатъ, не обладалъ достоинствами, какъ духовное лицо, но былъ умнымъ политикомъ. Первой задачей его была борьба съ королемъ Владиславомъ Неапольскимъ, который все еще поддерживалъ Григорія XII; но военный походъ противъ него не былъ удаченъ: Римъ и Церковная область достались неаполитанскому королю. Король Сигизмундъ, воевавшій съ конца 1411 г. съ Венеціей и лично находившійся въ Италіи, воспользовался стѣсненнымъ положеніемъ Іоанна; умѣлый образъ дѣйствій въ это мгновеніе могъ доставить ему блестящую репутацію во всемъ западно-христіанскомъ мірѣ. Въ концѣ октября онъ обнародовалъ постановленіе о созывѣ собора, проектировавшагося въ Пизѣ, на 1 ноября 1414 г. въ Констанцу, — мѣсто, находившееся внѣ сферы вліянія всѣхъ трехъ папъ. Іоаннъ, со своей стороны издавшій въ декабрѣ призывную буллу, былъ приглашенъ явиться на соборъ, также какъ и Григорій; и Франція, и Испанія, хотя и неохотно, должны были послѣдовать приглашенію нѣмецкаго короля.

Сигизмундъ все еще оставался въ Италіи и велъ войну съ Миланомъ, который онъ хотѣлъ вновь присоединить къ имперіи. Но до начала собора онъ долженъ былъ возложить на себя въ Ахенѣ нѣмецкую корону и потому весною 1414 г. двинулся въ Германію. По смерти Фридриха Кельнскаго въ архіепископствѣ возникъ споръ за наслѣдство между Дитрихомъ Мерсскимъ и Вильгельмомъ Бергскимъ. Сигизмундъ принялъ сторону перваго, котораго утвердилъ и папа Іоаннъ. Новый архіепископъ короновалъ Сигизмунда и его супругу въ Ахенѣ, 8 ноября. Но Вильгельмъ получилъ утвержденіе отъ Григорія XII, и распря за епископальную каѳедру готова была возгорѣться вновь.

Папа Іоаннъ явился въ Констанцу уже въ концѣ октября 1414 г.; къ Рождеству прибылъ и Сигизмундъ. Въ городкѣ на Боденскомъ озерѣ собралось несчетное множество пріѣзжихъ. Вмѣстѣ съ высшими духовными сановниками и докторами теологіи, прибыли князья и рыцари, жонглеры и куртизанки. Толпа постороннихъ, искавшихъ развлеченія или заработка, была несравненно многочисленнѣе, чѣмъ группа настоящихъ членовъ собора. Всѣ признавали Сигизмунда общимъ главою. Онъ добросовѣстно старался исполнить свой долгъ и прежде всего возстановить единство церкви; ему уже удалось получить согласіе Англіи и Франціи, чтобы Іоаннъ сложилъ съ себя первосвященническое званіе. Итальянцы, многочисленные на соборѣ, легко могли бы добиться перевѣса въ голосахъ. Но существовавшій въ то время обычай голосовать по націямъ препятствовалъ этому; нѣмецкая нація дружно держалась вмѣстѣ съ англійской; къ нимъ примыкали французы, итальянцы и испанцы; каждая изъ пяти націй имѣла одинъ голосъ. Для Іоанна должно было стать яснымъ, что для него не найдется поддержки въ собраніи: для достиженія единства предстояло вступить въ переговоры съ обоими остальными папами, а это было бы съ его стороны равносильно признанію, что онъ не есть единый законный папа. 1 марта 1415 г. онъ далъ обѣщаніе отречься отъ своего сана, но затѣмъ взялъ назадъ

свое заявленіе и съ помощью Фридриха Австрійскаго тайно удалился изъ Констанцы. Григорій XII добровольно отрекся отъ папскаго сана, соборъ объявилъ Іоанна низложеннымъ, оставался только Бенедиктъ XIII. Непосредственнымъ слѣдствіемъ бѣгства Іоанна было то, что соборъ 6 апрѣля сдѣлалъ постановленіе, имѣвшее неизмѣримую важность: онъ объявилъ свою духовную власть проистекающей непосредственно отъ самого Христа и обязательной даже для папы. Этимъ постановленіемъ соборъ возлагалъ на себя грандіозную задачу, тѣмъ болѣе, что при этомъ было категорически подтверждено, что соборъ не долженъ расходиться, раньше чѣмъ не будетъ устраненъ церковный расколъ и произведена реформа церкви. Фридрихъ Австрійскій былъ за свой поступокъ преданъ имперской опалѣ и Сигизмундъ готовилъ ему полную погибель. Когда и Бенедиктъ предъявилъ слишкомъ высокія требованія, Сигизмундъ прервалъ переговоры съ нимъ и убѣдилъ его прежнихъ покровителей, королей Арагоніи, Кастиліи и Наварры, прибыть на соборъ и тамъ подать голоса за низложеніе папы. Это и было исполнено 26 іюля 1417 года.

Между тѣмъ, на обсужденіе Констанцскаго собора поступили и другіе вопросы, по особому желанію Сигизмунда. Соборъ выступилъ противъ ересей, которыя тревожили разныя области, главнымъ образомъ противъ Виклифа и его чешскихъ единомышленниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Іоаннъ Гусъ, вызвавшій своей проповѣдью значительныя волненія въ Чехіи.

Уже съ 1403 г. въ Прагѣ обратили вниманіе на опасности, которыя таило въ себѣ ученіе Виклифа, и университетъ постановилъ исключить изъ преподаванія сорокъ пять пунктовъ изъ его сочиненій. При изслѣдованіи его произведеній въ 1410 г. тоже была обнаружена явная ересь въ ученіи о пресуществленіи. Въ началѣ противъ Гуса, какъ послѣдователя Виклифа, не принимали никакихъ мѣръ. Только въ 1409 г. ему было предложено дать объясненія по поводу нѣкоторыхъ приписывавшихся ему выраженій. Поводъ для дальнѣйшаго вмѣшательства явился тогда, когда группа студентовъ, можетъ быть по иниціативѣ Гуса, аппелировала къ папѣ Григорію XII противъ указовъ пражскаго архіепископа, который объявлялъ еретиками всѣхъ приверженцевъ ученія Виклифа о пресуществленіи. Григорій вызвалъ обѣ стороны къ себѣ на судъ, но на сторонѣ архіепископа былъ папа Александръ V, давшій ему въ концѣ 1409 г. полномочіе дѣйствовать дальше въ духѣ прежнихъ указовъ и категорически предложившій архіепископу не обращать вниманія на аппеляціи жалобщиковъ. Когда же Гусъ и его сторонники всетаки аппелировали противъ мѣропріятій архіепископа къ папѣ Іоанну XXIII, тогда тотъ подвергъ жалобщика, за неповиновеніе, отлученію отъ церкви, 18 іюля 1410. Но въ куріи все таки обратили вниманіе на сущность вопроса, и разсматривали поступокъ Гуса, какъ нарушеніе церковной дисциплины, не признавая выставленнаго пражскими властями обвиненія въ ереси. Въ это время еще и самъ Виклифъ не былъ объявленъ еретикомъ. Наконецъ Гусъ былъ вызванъ въ курію; но еще лѣтомъ 1411 г. въ Чехіи старались кончить процессъ соглашеніемъ между архіепископомъ и Гусомъ, изъ чего видно, что въ то время Гусъ еще не былъ признанъ еретикомъ. По жалобѣ пражскихъ противниковъ Гуса процессъ былъ переданъ въ другія руки и былъ подтвержденъ приговоръ архіепископа, объявлявшій Виклифа еретикомъ и Гуса его послѣдователемъ. Но дѣйствительныхъ мѣръ противъ ереси пока еще не принимали; только было подтверждено отлученіе непокорнаго Гуса и объявленъ въ октябрѣ 1412 г. интердиктъ надъ всѣми мѣстами, гдѣ онъ будетъ находиться. Однако Гусъ продолжалъ проповѣдывать и въ Прагѣ, и въ другихъ мѣстахъ. До 1413 года ни въ Чехіи, ни въ Римѣ не воспослѣдовало окончательнаго приговора противъ его вѣроученія.

Чешское движеніе давно уже обращало на себя вниманіе въ имперіи. Сигизмундъ, которому оно было знакомо лишь поверхностно, питалъ серьезное стремленіе устранить всѣ безпорядки въ странѣ, которую ему пред-

стояло унаслѣдовать. Онъ надѣялся скорѣе всего достичь этой цѣли вызовомъ Гуса на констанцскій соборъ, для защиты отъ обвиненій. При этомъ король не имѣлъ въ виду обыкновеннаго суда надъ еретикомъ, суда, при которомъ въ случаѣ обвинительнаго приговора всегда слѣдовала казнь сожженіемъ на кострѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы Гусъ изложилъ свое ученіе передъ всѣмъ соборомъ, причемъ каждый участникъ могъ бы задавать вопросы, а Гусъ отвѣчалъ бы на нихъ. Въ этомъ смыслѣ онъ обѣщалъ приглашенному на соборъ Гусу свою поддержку и 18 октября 1414 г. въ Шпейерѣ выдалъ ему охранную грамоту, то есть нѣчто вродѣ паспорта для свободнаго и безпрепятственнаго проѣзда туда и, — если будетъ въ томъ надобность, — обратно. Гусъ выѣхалъ изъ Праги еще раньше, 28 сентября. Задолго до прибытія императора, 3 ноября Гусъ уже былъ въ Констанцѣ. Папа отмѣнилъ тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе и интердиктъ, и предоставилъ Гусу полную свободу, но кардиналы по побужденію Михаила де Каузисъ, стариннаго противника Гуса, хитростью захватили его въ плѣнъ, безъ вѣдома папы, 28 ноября. Вопреки категорическому повелѣнію короля и обѣщанію папы былъ захваченъ Гусъ. Кардиналы побѣдили. Только теперь съ Гусомъ начинаютъ обращаться какъ съ еретикомъ; уже соборъ, созванный Іоанномъ, въ январѣ 1413 г. осудилъ сочиненія Виклифа и проектировалъ процессъ противъ автора, уже мертваго. Сигизмундъ, памятуя свое устное обѣщаніе, тотчасъ же по прибытіи сталъ хлопотать объ освобожденіи Гуса, но ничего не могъ добиться, такъ какъ слишкомъ энергичное вмѣшательство грозило пріостановить всю дѣятельность собора.

Теперь, въ началѣ 1415 г., соборъ уже почти единогласно держится мнѣнія, что ему приходится имѣть дѣло съ еретикомъ, и пытается представить предшествовавшій процессъ какъ послѣдствіе его ереси. Королю только удалось достичь того, чтобы судъ надъ Гусомъ былъ произведенъ публично. Въ концѣ мая Сигизмундъ добился этого, и 5, 7 и 8 іюня состоялись публичные допросы Гуса передъ всѣмъ соборомъ, давшіе ему случай кое что высказать, но не приведшіе ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ. Затѣмъ Сигизмундъ категорически объявилъ, что считаетъ свое обѣщаніе уже выполненнымъ; съ этихъ поръ онъ прекращаетъ попытки къ освобожденію Гуса и безучастно относится къ его сожженію на кострѣ, какъ еретика, 6 іюля 1415 г. (см. таблицу „Сожженіе Іоанна Гуса" въ V томѣ). Вѣроятно, по внимательномъ разсмотрѣніи императоръ убѣдился, что Гусъ съ самаго начала былъ еретикомъ и что его дѣятельность въ Чехіи грозитъ постоянной опасностью. Конечно, разъ вспыхнувшее движеніе, въ которомъ національныя стремленія чеховъ соединялись съ религіознымъ фанатизмомъ, не такъ скоро угасло, какъ вѣроятно надѣялся Сигизмундъ. Послѣ того какъ Іеронимъ вслѣдъ за своимъ другомъ нашелъ смерть въ пламени костра, 30 мая 1416 г., въ Чехіи начинается вооруженное движеніе за свободное вѣроисповѣданіе Виклифа; два десятилѣтія въ Германіи бушевали гуситскія войны.

Лѣтомъ 1415 г. вновь разгорѣлась война между Англіей и Франціей. Эти событія грозили погубить всѣ труды собора, на которомъ представители обѣихъ воюющихъ державъ должны были принимать совмѣстное участіе въ рѣшеніи великихъ задачъ. Сигизмундъ отъ души желалъ возстановленія мира и съ этой цѣлью лично посѣтилъ сначала Парижъ, а затѣмъ и дворъ Генриха V въ Англіи. Но такъ какъ ему не удалось добиться соглашенія между враждебными державами, то онъ въ августѣ 1416 г. заключилъ съ Генрихомъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи. Тогда французскіе члены собора сблизились съ романскими націями. Сигизмундъ долженъ былъ весною 1417 г. объявить съ своей стороны войну Франціи. Но имперія не была въ состояніи поддержать этого вызова соотвѣтственными военными дѣйствіями.

Во время отсутствія Сигизмунда въ совѣщаніяхъ собора по вопросу о реформѣ церкви господствовалъ застой; время тратилось на мелочи. Все яснѣе сказывалось противорѣчіе между германскими и романскими націями, и послѣднимъ принадлежалъ рѣшительный перевѣсъ. Впрочемъ онѣ сдѣлали германцамъ уступку въ формальномъ отношеніи, давъ свое согласіе на постановленіе, по которому по крайней мѣрѣ реформа папской власти и куріи долженствовала быть произведенной до избранія новаго папы. Сигизмундъ, вмѣстѣ со всей германской партіей, желалъ провести постановленіе о полной церковной реформѣ, раньше чѣмъ будетъ избранъ папа; но объ этомъ нельзя было и думать. Въ октябрѣ съ крайней поспѣшностью были только приняты постановленія о способѣ избранія папы и по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ. Англичане, повинуясь приказу своего короля, отдѣлились отъ германской партіи, и Сигизмундъ понялъ, что дѣло его проиграно. Онъ оставилъ Констанцу. Тогда, 11 ноября 1417 г. двадцать три кардинала и по шести прелатовъ отъ каждой изъ пяти націй избрали папой, подъ именемъ Мартина V (1417—31), враждебнаго Франціи итальянца изъ рода Колонна. Это былъ научно образованный дѣятель, выказывавшій себя до сихъ поръ вѣрнымъ приверженцемъ папы Іоанна XXIII. Личность новаго папы едва ли была пріятна кардиналамъ; тѣмъ болѣе были довольны выборомъ члены собора. Въ день, когда было провозглашено избраніе, Сигизмундъ уже снова былъ въ Констанцѣ. Для него существованіе папы, которому онъ способствовалъ вступить на престолъ и получить помазаніе, имѣло громадную важность; этотъ папа уже навѣрное долженъ былъ признать его королемъ и возложить на него императорскую корону.

Итакъ, единство церкви было наконецъ установлено. Но до церковной реформы дѣло не дошло. Правда, Мартинъ согласился обсудить съ особыми депутатами въ январѣ 1418 г. программу реформъ, установленную незадолго до его выборовъ. Но при этомъ обнаружилось, какъ далеко расходились между собою желанія и требованія національныхъ группъ. Въ концѣ концовъ папа заключилъ съ каждой націей отдѣльные конкордаты, и то лишь на опредѣленные сроки. Впрочемъ было подтвердено важное постановленіе о правильныхъ созывахъ собора. 22 апрѣля 1418 г. состоялось заключительное засѣданіе. Констанца опустѣла, но міръ обманулся въ тѣхъ великихъ надеждахъ, съ которыми онъ ожидалъ начала совѣщаній. Особенно были обмануты идеальные замыслы Сигизмунда: онъ хотѣлъ даровать миръ всему западному христіанству и затѣмъ повести его соединенныя силы на борьбу противъ турокъ; теперь о всѣхъ этихъ планахъ нельзя было и помышлять.

Современники видѣли въ Сигизмундѣ настоящаго короля; отъ него ожидали великихъ дѣлъ. Именно поэтому извѣстная программа соціальныхъ реформъ, возникшая вѣроятно въ послѣдніе дни его правленія, получила названіе „Реформаціи императора Сигизмунда". Самъ онъ прекрасно сознавалъ свои высокія задачи. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, какъ безсильна имперія, но старался создавать имперскіе города, а не только увеличивать владѣнія люксембургскаго дома. Быть можетъ онъ даже слишкомъ мало заботился о своихъ наслѣдственныхъ земляхъ: онъ отказался отъ Бранденбурга, отдалъ въ залогъ Лузацію, какъ ландфогтство, въ 1429 г., а Моравія перешла въ управленіе Альбрехта Австрійскаго, впослѣдствіе короля, который женился на единственной дочери Сигизмунда Елизаветѣ (1422) и такимъ образомъ доставилъ габсбургскому дому все наслѣдіе Люксембурговъ.

Въ Чехіи, гдѣ господиномъ былъ все еще Вацлавъ, распространялось гуситское движеніе, съ началомъ котораго мы уже познакомились (см. стр. 211); оно было причиной крупныхъ бѣдствій для страны. Сожженіе учителя воспламенило страсти на его родинѣ и негодованіе народа

обратилось особенно противъ духовенства. Дворянство сплотилось для защиты свободной проповѣди, университетъ былъ объявленъ высшей церковной инстанціей и всѣ католики составили оборонительный союзъ. Религіозное ученіе Гуса нашло сочувствіе даже въ королевской семьѣ, у супруги Вацлава; и когда фанатизмъ въ союзѣ съ соціальной нуждой поднялъ крестьянское возстаніе, тогда подавить волненіе было уже слишкомъ поздно. Лѣтомъ 1419 г., за нѣсколько дней до смерти Вацлава, въ Прагѣ впервые дѣло дошло до открытаго мятежа и уличнаго боя. Сигизмундъ былъ законнымъ наслѣдникомъ чешской короны, но онъ предпочелъ назначить правительницей вдову Вацлава; въ ея правленіе продолжались мятежи и кровопролитія, стоявшіе въ очевидной связи съ вопросомъ о престолонаслѣдіи; народъ ненавидѣлъ Сигизмунда, котораго считали убійцей Гуса. Король казнилъ въ Бреславлѣ большое число гуситовъ и этимъ далъ новое доказательство своего образа мыслей въ дѣлахъ религіи. По желанію короля Мартинъ V издалъ буллу о крестовомъ походѣ противъ еретиковъ, и Сигизмундъ готовился къ безпощадной войнѣ съ гуситами. Въ самомъ движеніи выдѣляются двѣ враждебныя партіи: умѣренные утраквисты (иначе называемые каликстинцами, расходившіеся съ католической церковью только въ вопросѣ о причащеніи) и радикальные табориты, отвергавшіе всякій культъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являвшіеся борцами за коммунистическія идеи. Послѣдніе уже въ 1420 г. одерживали верхъ, свирѣпствовали въ странѣ и устрашали утраквистовъ, которыхъ особенно много было въ Прагѣ. Въ концѣ іюня явился Сигизмундъ, съ войскомъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ 80,000 человѣкъ, и приступилъ къ осадѣ Праги. Но борьба не увѣнчалась успѣхомъ; потерпѣвъ неудачу 14 іюля, войско разошлось, ничего не достигнувъ. Однако пражскій архіепископъ короновалъ Сигизмунда чешскимъ королемъ.

Новый король оставилъ Чехію весною 1421 г., и гуситское движеніе быстро охватило всю страну и распространилось на Моравію. Даже пражскій архіепископъ призналъ „четыре пражскихъ статьи“, въ которыхъ заключалось ученіе Гуса: но соборный капитулъ сохранилъ вѣрность католичеству. Затѣмъ чешскій земскій сеймъ низложилъ Сигизмунда, и возникъ планъ избрать вмѣсто него польскаго короля Владислава. Съ такимъ оборотомъ событій Сигизмундъ не могъ примириться и на нюрнбергскомъ рейхстагѣ 1421 г. потребовалъ помощи отъ имперіи. Такъ какъ Чехія имѣла курфюршескій голосъ, то событія въ ней не могли не затрогивать имперскихъ интересовъ. Того же мнѣнія держались четыре рейнскіе курфюрста; они къ назначенному сроку явились въ Нюрнбергъ, но должны были начать совѣщанія въ отсутствіи короля. Главнымъ образомъ они опасались, чтобы еретическое ученіе не распространилось и по остальнымъ областямъ имперіи и старались предупредить это старательнымъ разысканіемъ всѣхъ еретиковъ. Дальнѣйшія мѣропріятія были рѣшены въ маѣ на съѣздѣ въ Везелѣ, гдѣ былъ и папскій легатъ, обѣщавшій всѣмъ участникамъ въ крестовомъ походѣ отпущеніе грѣховъ. Король и здѣсь отсутствовалъ. Но курфюрсты со своей стороны призвали имперское ополченіе и дѣйствительно собрали крупное войско, которое при Эгерѣ вступило въ Чехію и въ сентябрѣ обложило городъ Заацъ. Въ октябрѣ подошелъ со своимъ войскомъ Янъ Жижка изъ Трокнова. Войско крестоносцевъ обратилось въ бѣгство; Сигизмундъ, подошедшій въ это время изъ Моравіи, тоже потерпѣлъ, 8 января 1422 г., полное пораженіе у Нѣмецкаго Брода. Несчастіе его еще увеличивалось подозрѣніями современниковъ, будто онъ сочувствуетъ еретикамъ; между тѣмъ Чехія была для него совершенно утрачена, такъ какъ тамъ избрали регентомъ польскаго принца Сигизмунда Корибута.

Положеніе короля было крайне затруднительнымъ; въ имперіи настоятельно требовалось его присутствіе, а оно было столь же необходимо въ

Моравіи и Венгріи. Онъ очень неохотно прибылъ на нюрнбергскій рейхстагъ 1422 г., гдѣ было постановлено оказать помощь Нѣмецкому ордену противъ Польши и продолжать войну въ Чехіи. Было рѣшено снарядить двѣ арміи, одну для выручки Карлштейна, другую для кампаніи въ Чехіи. Главнокомандующимъ былъ избранъ маркграфъ Фридрихъ Бранденбургскій. Для покрытія издержекъ, евреи были обложены сборомъ, достигавшимъ трети ихъ состоянія. Передъ тѣмъ какъ оставить предѣлы имперіи, Сигизмундъ назначилъ архіепископа Конрада Майнцскаго имперскимъ викаріемъ съ необычайно широкими полномочіями; но этотъ постъ у него оспаривалъ пфальцграфъ Людвигъ. Тогда Конрадъ отказался отъ должности намѣстника имперіи; но когда обнаружились задержки въ сборѣ денегъ и войскъ, стало очень чувствительнымъ отсутствіе верховной власти. Въ октябрѣ маркграфъ Фридрихъ съ недостаточными силами вступилъ въ Чехію, все еще продолжая ожидать подкрѣпленій отъ Фридриха Мейсенскаго. На этотъ разъ произошелъ еще перерывъ въ борьбѣ, такъ какъ Польша заключила миръ съ Сигизмундомъ и съ Нѣмецкимъ орденомъ, и отозвала изъ Чехіи принца Корибута. Но ересь расцвѣтала въ Чехіи все пышнѣе и различныя партіи начали между собою самую горячую борьбу.

Пфальцграфъ Людвигъ никому не желалъ уступить сана имперскаго намѣстника; онъ считалъ, что эта честь подобаетъ ему одному. Поэтому четыре рейнскіе курфюрста, а съ ними Бранденбургъ и Саксонія сдѣлали опытъ управленія имперіей коллегіально, и 17 января 1424 г. заключили въ Бингенѣ „союзъ курфюрстовъ“ для возстановленія порядка въ имперіи и главнымъ образомъ для борьбы съ ересью Нельзя было не замѣтить, что самый фактъ союза курфюрстовъ являлся уже оппозиціей королю, а нѣкоторыя условія договора еще подчеркивали это обстоятельство, такъ что Сигизмундъ вполнѣ основательно выразилъ крайнее негодованіе, когда до него дошло извѣщеніе отъ курфюрстовъ. При данномъ положеніи дѣлъ онъ могъ видѣть въ этомъ союзѣ только заговоръ, затѣянный маркграфомъ Фридрихомъ Бранденбургскимъ, и поэтому пригласилъ курфюрстовъ прибыть въ Вѣну и способствовать соглашенію между нимъ и маркграфомъ. Курфюрсты сначала приняли его приглашеніе, но въ Вѣну не пріѣхали и только объявили, что они готовы вести переговоры съ послами Сигизмунда въ Нюрнбергѣ. При прибытіи короля въ Вѣну въ началѣ 1425 г. присутствовали только посланники нѣсколькихъ городовъ. Столкновеніе между королемъ и курфюрстами казалось неизбѣжнымъ; но рейнскіе князья не были особенно склонны заводить дѣло такъ далеко. Фридрихъ Саксонскій, только что получившій въ ленъ это курфюршество, былъ съ Сигизмундомъ въ отличныхъ отношеніяхъ. Вотъ почему и бранденбургскій маркграфъ долженъ былъ выразить готовность къ примиренію съ королемъ, особенно въ виду измѣнившихся отношеній къ Польшѣ (причина несогласія). На нюрнбергскомъ рейхстагѣ въ маѣ 1426 г. состоялось полное соглашеніе.

Между тѣмъ въ Чехіи снова появился принцъ Корибутъ; но положеніе дѣлъ стало для него уже менѣе благопріятнымъ: могучій сосѣдъ Чехіи, курфюрстъ Саксонскій и маркграфъ Мейсенскій, уже далъ обѣщаніе доставить чешскую корону зятю короля, Альбрехту Австрійскому, и подать за него же свой голосъ въ совѣтѣ курфюрстовъ. По смерти вождя таборитовъ Жижки 11 октября 1424 г., борьба между радикалами и пражскими утраквистами, во главѣ которыхъ сталъ Корибутъ, продолжалась. Но въ концѣ 1425 г. между обѣими партіями состоялось соглашеніе. Впрочемъ, оно не вполнѣ удалось, хотя новый вождь таборитовъ, Прокопъ (Великій), былъ готовъ на всякіе переговоры съ католиками, королемъ и утраквистами, лишь бы не затрогивалась свобода вѣроисповѣданія. Но пока на нюрнбергскомъ рейхстагѣ обсуждались новыя вооруженія, войско Фридриха Саксонскаго потерпѣло полное пораженіе при Аусигѣ 16 іюня 1426 г.; Сигизмундъ, совершенно поглощенный остальными дѣлами, предоставилъ веденіе войны въ Чехіи

своему зятю. Въ началѣ 1427 г. франконское рыцарство дало обѣтъ борьбы противъ еретиковъ, и курфюрсты возобновили во Франкфуртѣ Бингенскій „союзъ курфюрстовъ“ и вновь попытались взять въ свои руки управленіе имперіей, не становясь однако на этотъ разъ во враждебныя отношенія къ королю. Главнокомандующимъ въ чешской войнѣ былъ избранъ архіепископъ Оттонъ Трирскій, войска собрались въ достаточномъ количествѣ; но походъ и въ этотъ разъ окончился пораженіемъ (2 августа, при Тахау).

Въ 1427 г., послѣ паденія Корибута, произошло вторженіе гуситовъ въ сосѣднія области. Главной причиной къ этому было вѣроятно полное разореніе родины и стремленіе къ добычѣ; въ то же время гуситская пропаганда сильно раздуваетъ общую непріязнь населенія къ духовенству, что и обнаруживается затѣмъ во всѣхъ возстаніяхъ городского и сельскаго пролетаріата. На долгое время въ прилежащихъ въ Чехіи областяхъ воцаряется ужасная, опустошительная война. Только когда Базельскій соборъ 1433 г. по „пражскимъ компактатамъ“ (см. стр. 218) разрѣшилъ причастіе подъ обоими видами для мірянъ и проповѣдь на національномъ языкѣ, тогда утраквисты успокоились. Наконецъ, послѣ смерти обоихъ Прокоповъ при Липанѣ, 30 мая 1434 года, подъ впечатлѣніемъ тяжелой неудачи, покорились на тѣхъ же условіяхъ и табориты, и въ 1436 г. тоже признали королемъ Сигизмунда.

Имперскія арміи не были въ силахъ прекратить опустошительную войну. Но подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ 1427 году, благодаря кардиналу Генриху, брату короля Генриха IV англійскаго, на созванномъ имъ рейхстагѣ во Франкфуртѣ состоялось чрезвычайно важное постановленіе. Было наконецъ сознано, что существовавшее до сихъ поръ военное уложеніе совершенно не удовлетворяетъ новымъ требованіямъ времени, и что дѣйствительныхъ результатовъ можно достичь только при помощи наемныхъ войскъ, постоянно готовыхъ къ дѣйствію. Чтобы добыть для имперіи наемныхъ солдатъ, были необходимы деньги, и эти деньги по геніальному плану должна была доставить общая имперская подать (Der gemeine Pfennig). Хотя это и противорѣчило всѣмъ установившимся воззрѣніямъ времени, все таки подать, которая одновременно являлась подоходною, капитальною, подушною и сословною, была введена; назначена была комиссія для завѣдыванія сборами, и курфюрсты, вмѣстѣ съ тремя представителями городовъ, должны были распоряжаться назначеніемъ средствъ. Правда, сборовъ почти не поступало: мысль не перешла въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ проектъ и тонко продуманная система имѣютъ большое значеніе для реформъ имперскихъ финансовъ въ позднѣйшее время.

Сигизмундъ представилъ курфюрстамъ свободу дѣйствій въ имперіи. Турки и поляки доставляли ему вполнѣ достаточно дѣла. Но чтобы выполнить свои планы относительно гуситовъ, которыхъ онъ никогда не упускалъ изъ вида, ему нужна была болѣе сильная поддержка и въ этомъ отношеніи онъ разсчитывалъ на содѣйствіе папы Мартина V. Послѣдній въ 1423 г., согласно констанцскимъ постановленіямъ, созвалъ соборъ въ Павію, откуда, вслѣдствіе чумы, засѣданія были перенесены въ Сіену. Но не прійдя ни къ какимъ рѣшеніямъ, соборъ, число членовъ котораго было очень незначительно, разошелся уже весною 1424 г. и мѣстомъ для будущаго, черезъ семь лѣтъ, съѣзда, былъ назначенъ Базель. Мартинъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагались; напротивъ, онъ старался вновь возстановить всемогущество папской власти и лично далеко не былъ сторонникомъ соборовъ. А между тѣмъ Сигизмундъ все таки главнымъ образомъ разсчитывалъ для рѣшенія гуситскаго вопроса на вселенскій соборъ, на которомъ должна была подвергнуться обсужденію церковная реформа. Англія и Франція тоже

настаивали на томъ, чтобы соборъ былъ созванъ раньше 1433 года. Даже въ Прагѣ начинали уже примиряться съ мыслью о соборѣ. Послѣ совѣщанія курфюрстовъ Майнца и Бранденбурга и представителей нѣсколькихъ городовъ съ Сигизмундомъ, въ 1429 г., о замиреніи имперіи, король лѣтомъ 1430 года прибылъ въ имперію и предсѣдательствовалъ на сеймѣ въ Штраубингѣ. Обсуждался и вопросъ о гуситахъ. Но король, очевидно, помышлялъ главнымъ образомъ о походѣ черезъ Альпы, такъ какъ папа все еще не выражалъ намѣренія созвать столь желанный соборъ. Подчиняясь общимъ настояніямъ, Мартинъ V только въ началѣ 1431 года назначилъ кардинала Чезарини предсѣдателемъ Базельскаго собора съ обширными полномочіями. Вскорѣ папа умеръ. Немедленно приступили къ новымъ выборамъ. Избранъ былъ Евгеній IV (1431—1447), который былъ вынужденъ подписать пространный договоръ въ пользу коллегіи кардиналовъ.

Вѣсть объ этихъ событіяхъ застала Сигизмунда въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ въ это время на многолюдномъ сеймѣ обсуждалъ мѣры для серьезной борьбы съ чешскими еретиками. Узнавъ отъ Чезарини, что вскорѣ на самомъ дѣлѣ будетъ созванъ соборъ, король рѣшилъ удовольствоваться поддержаніемъ охраны границъ и выждать сначала результатовъ собора. Но курфюрсты высказались за войну. Король уступилъ, и вооруженія, хотя и медленно, все таки продолжались; Чезарини поддерживалъ ихъ проповѣдью крестоваго похода. 14 августа 1431 года имперское войско сошлось при Таусѣ съ гуситами. Несмотря на численный перевѣсъ оно разбѣжалось, и всѣ приготовленія оказались безплодными.

Базельскій соборъ фактически началъ засѣданія весною, не дожидаясь торжественнаго открытія. Послѣ неудачи похода противъ гуситовъ кардиналъ тоже склонился къ мысли, что только содѣйствіе собора можетъ помочь рѣшенію чешскаго религіознаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ это время нѣкоторые князья начали уже входить съ еретиками въ отдѣльные договоры. Старинное желаніе Сигизмунда, провести церковную реформу, побуждало его искать свиданія съ папой Евгеніемъ, чтобы условиться съ нимъ относительно императорскаго коронованія. Притомъ ему казалось необходимымъ уладить дѣло, раньше чѣмъ отправляться въ Базель. Послѣ того, какъ герцогъ Миланскій обѣщалъ королю на время пребыванія въ Италіи ежемѣсячную субсидію и конвой для похода въ Римъ, Сигизмундъ съ небольшой свитой двинулся осенью въ путь и 25 ноября былъ коронованъ въ Миланѣ. Но тутъ герцогъ сталъ выдвигать разныя затрудненія и совѣтовалъ королю возвратиться, тѣмъ болѣе, что о соглашеніи съ папой нечего было и думать. Папа былъ рѣшительнымъ противникомъ собора и желалъ, чтобы засѣданія происходили въ какомъ нибудь итальянскомъ городѣ. Когда онъ узналъ, что соборъ самовольно пригласилъ на свои засѣданія Чехію, онъ быстро принялъ рѣшительную мѣру и распустилъ собраніе, назначивъ новый съѣздъ въ Болонью на 1433 г. Но собравшіеся отцы церкви не смутились этимъ мѣропріятіемъ и продолжали засѣдать, ссылаясь на констанцскія постановленія. Такое поведеніе было энергично поддержано Сигизмундомъ; онъ даже предпочиталъ отказаться отъ императорской короны, хотя его положеніе въ Италіи безъ денегъ и безъ достаточной свиты было далеко не завиднымъ. Наконецъ соборъ послалъ настоятельное приглашеніе самому папѣ, явиться въ Базель или назначить полномочныхъ своихъ представителей. Папа не поѣхалъ. Между тѣмъ Сигизмундъ, тѣснимый Флоренціей и папскими войсками, все таки не рѣшался вернуться въ Германію, гдѣ ему пришлось бы стать безвольнымъ орудіемъ собора и отказаться отъ самостоятельной политики. Въ январѣ 1433 г. Евгеній былъ вынужденъ уступить. На сторонѣ собора противъ папы стояло все западное христіанство. Ему приходилось бояться утраты Церковной обла-

сти. Онъ уладилъ дѣло буллой 14 февраля, въ которой разрѣшалъ собору засѣдать въ Базелѣ и обѣщалъ назначить пословъ. Послѣ этого Евгеній выполнилъ и желаніе Сигизмунда быть коронованнымъ: 31 мая, по принесеніи обычной присяги, состоялось императорское коронованіе. Но недовольство собора было возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ, что присяга связывала новаго императора съ личностью папы.

Только въ августѣ 1433 г. Сигизмундъ выѣхалъ изъ Рима; передъ этимъ ему еще удалось исхлопотать у папы признаніе законности собора съ самаго начала засѣданій, подъ условіемъ, что соборъ отмѣнитъ всѣ тѣ постановленія, которыя были направлены противъ папы. Когда императоръ прибылъ въ Базель, его ожидали важныя задачи: соборъ уже грозилъ серьезно приступить къ отстраненію папы Евгенія отъ престола. Бѣдственное положеніе, въ которое поставили папу военныя неудачи въ Италіи, заставило его наконецъ совершенно отказаться отъ своей оппозиціи собору. Онъ отмѣнилъ свое прежнее постановленіе объ его распущеніи и опредѣлилъ задачи собора въ томъ же смыслѣ, какъ ихъ понимало само собраніе. Въ апрѣлѣ 1434 г. примиреніе совершилось. Отнынѣ соборъ, императоръ и папа сообща работаютъ надъ церковной реформой. Впрочемъ работа въ этой области не подвигалась впередъ, и разочарованный Сигизмундъ удалился изъ Базеля.

Все таки соборъ достигъ уже къ этому времени крупныхъ результатовъ по вопросу о примиреніи съ Чехіей. Прокопъ, предводитель гуситовъ, принялъ предложеніе собора вступить въ переговоры съ нимъ, и въ маѣ 1432 г. состоялось первое свиданіе въ Эгерѣ. Гуситамъ всѣхъ толковъ была дарована широкая имперская защита и даже дано право вносить на разсмотрѣніе собора свои предложенія. Наконецъ въ октябрѣ 1433 г. въ Базель явилась депутація; въ ея составѣ былъ и Прокопъ. Начались безконечно длинные и, само собою, безрезультатные диспуты. Затѣмъ депутація отъ собора отправилась съ чехами въ Прагу и тамъ пришли къ соглашенію объ условіяхъ мира („пражскіе компактаты“), которыя были одобрены соборомъ и затѣмъ приняты чешскимъ земскимъ сеймомъ 30 ноября 1433 г. Правда, все еще грозило продолженіе борьбы; различные толки гуситовъ начали междоусобные раздоры и приступили къ военнымъ дѣйствіямъ противъ города Пильзена, сохранившаго вѣрность католической религіи. Но въ этой борьбѣ побѣдило умѣренное дворянство, между тѣмъ какъ табориты разсѣялись.

Смерть короля Владислава Польскаго въ концѣ мая 1434 г. сильно измѣнила положеніе дѣлъ на востокѣ. Была устранена опасность политическаго соединенія Чехіи съ Польшей, хотя Сигизмундъ все еще продолжалъ съ подозрѣніемъ относиться къ возрастанію могущества Польши и побуждалъ Нѣмецкій орденъ на борьбу съ нею. Осенью 1434 г. императоръ оставилъ предѣлы имперіи; лѣтомъ въ 1435 г. въ Брюннѣ состоялись нескончаемые переговоры о примѣненіи пражскихъ компактатовъ и объ условіяхъ, на которыхъ Сигизмундъ можетъ быть признанъ королемъ Чехіи. Не достигнувъ положительныхъ результатовъ, Сигизмундъ 23 августа 1436 г. вступилъ въ Прагу, послѣ того, какъ компактаты были торжественно объявлены и король далъ обѣщаніе, что не допуститъ никакого принужденія къ причастію подъ обоими видами. Все таки безпокойства продолжались еще нѣсколько времени, но уже по крайней мѣрѣ не захватывали имперіи, ограничиваясь только Чехіей. Правда, и здѣсь, и въ имперіи, послѣдніе годы жизни Сигизмунда не были богаты отрадными для него событіями: событія на соборѣ, положеніе дѣлъ въ имперіи, угрожавшая война съ Бургундіей сильно разстраивали императора, котораго жестоко мучила подагра. Рейхстагъ въ Эгерѣ осенью 1436 г. не пришелъ ни къ какимъ рѣшеніямъ. Надежда императора, видѣть избраніе своего зятя Альбрехта римскимъ королемъ, не сбылась:

9 декабря 1437 г. Сигизмундъ умеръ въ Цнаймѣ, не оставивъ наслѣдниковъ мужского пола.

Между тѣмъ въ Базелѣ господствовало серьезное стремленіе произвести реформу церкви и папства. Но носитель папской власти, Евгеній IV, не являлся, чтобы принять участіе въ дѣлѣ; а это повело къ такому ожесточенію духовенства противъ папскаго абсолютизма, которое уже не могло быть улажено мирнымъ путемъ. Результатомъ такого настроенія являлось соборное постановленіе, отмѣнявшее всѣ доходы, которые доставляло папѣ замѣщеніе духовныхъ должностей. Конечно Евгеній IV отказался одобрить подобное постановленіе. Но до открытаго разрыва между соборомъ и папой дѣло дошло тогда, когда тѣснимая турками греческая церковь обратилась къ собору съ предложеніями относительно возсоединенія церквей. Папа желалъ обсуждать этотъ вопросъ на особомъ итальянскомъ синодѣ и надѣялся такимъ образомъ отдѣлаться отъ базельскихъ совѣтниковъ. Но большинство членовъ собора высказалось за сохраненіе мѣста засѣданій въ Базелѣ, и когда Евгеній вторично распустилъ соборъ и назначилъ новый на 1438 годъ въ Феррарѣ, тогда въ Базелѣ былъ начатъ противъ него процессъ. Но когда стало общеизвѣстно, что на феррарскій соборъ, а затѣмъ и во Флоренцію въ февралѣ 1439 г. въ самомъ дѣлѣ съѣхалось большое число участниковъ, тогда самые видные дѣятели оставили Базель и присоединились къ папской партіи. 6 іюля 1439 г. была торжественной присягой подтверждена во флорентинскомъ соборѣ унія, — конечно только фиктивная, между греческой и римской церковью. Вскорѣ то, что продолжало происходить въ Базелѣ, перестало обращать на себя какое-нибудь вниманіе, и менѣе всѣхъ безпокоился папа Евгеній, низложенный этимъ соборомъ. Весною 1443 г. и остальные члены собора оставили Базель, чтобы продолжать засѣданія въ Лозаннѣ. Наконецъ въ 1449 г. соборъ былъ окончательно распущенъ, послѣ того, какъ ему еще пришлось признать папой Николая V, преемника Евгенія.

Нѣмецкіе князья съ 1438 года въ общемъ занимали выжидательное положеніе; они болѣе не желали непосредственно вмѣшиваться въ церковные вопросы. Только при Фридрихѣ III состоялся въ 1448 г. „Вѣнскій конкордатъ“, который, правда, упорядочилъ отношенія куріи къ Германіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ явно отмѣнилъ все то, что было сдѣлано въ пользу Германіи на соборахъ. Изъ постановленій соборовъ извлекли наибольшую выгоду князья; такъ герцогъ Австрійскій, на первое время впрочемъ только Фридрихъ III пожизненно, получилъ право предлагать замѣстителей для шести епископскихъ каѳедръ своихъ владѣній (1445 г.), и то же право пріобрѣлъ маркграфъ Бранденбургскій для трехъ епископствъ Марки (1447 г.). Во Франціи королевская власть торжествовала побѣду надъ папствомъ: 7 іюля 1438 г. тамъ въ силу новой „прагматической санкціи французской церкви“, расширившей постановленія „прагматической санкціи“ 1268 г., возникла галликанская церковь, а въ Германіи князья стали господами своихъ церквей. Такимъ образомъ и въ области церковнаго уложенія нельзя было уже болѣе подавить національной идеи, поддержанной соборами. Одновременно, и не въ видѣ противорѣчія этой идеѣ, съ новой силой возстаетъ абсолютное папство: коллегія кардиналовъ лишается своего прежняго значенія и въ литературѣ пропагандируется всѣми способами теорія папскаго всемогущества.

Ж. **Франція до смерти Людовика XII (1515 г.).**

а) Карлъ VII; конецъ Столѣтней войны съ Англіей.

Съ судьбою Франціи мы выше (стр. 178) ознакомились до того момента, когда вскорѣ одинъ за другимъ сошли въ могилу англійскій

король Генрихъ V, только что совершившій побѣдоносное шествіе черезъ Францію, и французскій король Карлъ VI, съ 1392 г. охваченный помѣшательствомъ. Дофинъ Карлъ VII, въ теченіе партійной борьбы ставшій вождемъ арманьяковъ, долго еще не могъ вступить во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ; англичане считали законнымъ повелителемъ Франціи своего новаго короля, Генриха VI, которому еще не исполнилось года отъ рожденія, сына Генриха V и Катарины Французской. За права несовершеннолѣтняго короля вступился прежде всего дядя его, герцогъ Бедфордъ, дважды побѣдившій въ сраженіяхъ приверженцевъ Карла.

Но война велась вяло и только въ концѣ 1428 г. явился съ новыми войсками графъ Сольсбери, приступившій къ осадѣ Орлеана, этого важнаго пункта. Городъ оказалъ энергичное сопротивленіе. Въ бою палъ предводитель англичанъ и много воиновъ, но храбрые горожане не могли разсчитывать на помощь со стороны своего короля Карла. Спасительницей въ этомъ отчаянномъ положеніи явилась Жанна Даркъ, родившаяся 6 января 1412 г. въ Домреми, шампанской деревушкѣ на границѣ Лотарингіи. Она считала себя руководимой небесными силами спасительницей отечества и требовала, чтобы ей было отдано командованіе войскомъ, обѣщая освободить Орлеанъ и ввести короля въ Реймсъ для коронованія. Она сумѣла преодолѣть сопротивленіе не вѣрившихъ въ ея миссію придворныхъ и принятая наконецъ королемъ, она получила отрядъ войска, чтобы повести его на освобожденіе осажденнаго города.

Въ мужской одеждѣ, на конѣ, съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ было изображеніе Спасителя, вдохновленная дѣвушка повела войско. Ей удалось, пользуясь вылазкой осажденныхъ, пробиться въ Орлеанъ (въ концѣ апрѣля 1429 г.), и она тотчасъ съ новой силой начала борьбу съ англичанами, которыхъ охватилъ страхъ передъ „Орлеанской дѣвой", какъ передъ исчадіемъ дьявола. Послѣ блестящей побѣды французовъ 7 мая противники сняли осаду. Орлеанъ ликовалъ и былъ убѣжденъ въ сверхъестественной миссіи Жанны. Она исполнила свое первое обѣщаніе: Орлеанъ былъ освобожденъ. То, что до сихъ поръ не удалось ни одному полководцу, совершила въ нѣсколько дней простая крестьянская дѣвушка. Королевская партія воспрянула духомъ; ея мужество оживилось вновь. Казалось, престолъ Карла спасенъ, и притомъ безъ его содѣйствія; самъ король былъ мало способенъ къ энергичнымъ поступкамъ.

Послѣ этого Жанна пожелала исполнить и второе свое обѣщаніе и проводить Карла въ Реймсъ для коронованія. Вопреки совѣтамъ полководцевъ, думавшихъ раньше завоевать Нормандію, двинулись въ походъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ составляли все войско; въ побѣдоносномъ шествіи англичане были выбиты изъ всѣхъ позицій и число приверженцевъ короля быстро росло. Раньше еще чѣмъ Карлъ подступилъ къ коронаціонному городу, оттуда навстрѣчу ему явились депутаты съ изъявленіемъ покорности. Король вступилъ въ Реймсъ и 17 іюля былъ исполненъ обрядъ коронованія и помазанія. Во время торжественной церемоніи Жанна со своимъ бѣлымъ знаменемъ стояла рядомъ съ королемъ. Отнынѣ, по ея убѣжденію, ея миссія была окончена, она воздерживается отъ участія въ совѣтѣ и только своимъ присутствіемъ воодушевляетъ войска. Семья ея была возведена въ дворянское достоинство, а родная деревня „на вѣчныя времена" освобождена отъ всѣхъ податей.

Однимъ этимъ событіемъ положеніе Карла совершенно измѣнилось. Онъ уже не былъ только главой партіи арманьяковъ, онъ сталъ законнымъ королемъ, средоточіемъ національнаго самосознанія. Ему начали подчиняться многочисленные приверженцы англо-бургундской партіи. Но Парижъ продолжалъ занимать враждебное положеніе, главнымъ образомъ вѣроятно изъ боязни королевскаго мщенія. Попытка Жанны взять городъ не удалась; король не оказалъ Жаннѣ поддержки и сама она была ранена

во время приступа. Въ это время она уже предчувствовала, что будетъ взята въ плѣнъ. Все таки она взяла на себя защиту города Компьеня противъ Филиппа Бургунскаго; здѣсь, во время вылазки, она въ самомъ дѣлѣ была захвачена въ плѣнъ, 23 мая 1430 г., и подверглась мщенію англичанъ, которые въ ней одной видѣли виновницу всѣхъ своихъ неудачъ. Послѣ долгихъ мученій въ темницѣ, она, какъ вѣдьма, была предана духовному суду и 30 мая 1431 г. сожжена на рыночной площади Руана. За все это время неблагодарный король не сдѣлалъ ни одной попытки вступиться за нее, хотя имѣлъ къ тому полную возможность. Пересмотръ приговора, послѣдовавшій чрезъ двадцать пять лѣтъ по повелѣнію папы Каликста III, окончился полнымъ возстановленіемъ чести спасительницы Франціи, но не могъ оправдать предъ потомствомъ неблагодарнаго дофина.

Гибель Жанны нисколько не измѣнила положенія англичанъ, тѣмъ болѣе, что помощь съ родины не была столь обильной, какъ бы слѣдовало. Но неблагопріятнѣе всего было поведеніе бургундской партіи, съ помощью которой Англія сдѣлала передъ тѣмъ свои обширныя завоеванія. Теперь бургундцы начинаютъ охладѣвать и даже стремятся къ примиренію съ Карломъ. Примиреніе въ самомъ дѣлѣ состоялось по договору въ Аррасѣ, въ 1435 г. Филиппъ Бургундскій былъ вознагражденъ богатыми земельными владѣніями и даже былъ освобожденъ на время жизни Карла отъ ленныхъ повинностей. Къ тому же умеръ герцогъ Бедфордъ, главнокомандующій англійскими силами на материкѣ; граждане Парижа начали изъявлять желаніе снова видѣть въ своихъ стѣнахъ короля. Въ апрѣлѣ 1436 г. войска Карла могли вступить въ Парижъ, послѣ того какъ была обѣщана полная амнистія за сопротивленіе, а въ 1437 году и самъ король въѣхалъ въ свою столицу. Вся страна, особенно же сѣверныя области тяжело пострадали отъ войны и партійныхъ раздоровъ, и потому страстно жаждали умиротворенія. Наконецъ въ 1444 г. переговоры повели къ перемирію, такъ какъ внутреннія дѣла Англіи совершенно не позволяли продолжать войну. Во Франціи перерывомъ воспользовались для выработки соотвѣтственной условіямъ новаго времени военной организаціи, и когда въ 1449 г. были возобновлены военныя дѣйствія, французамъ въ теченіе одного года удалось отнять у англичанъ всю Нормандію; провинція Гіеннь тоже была завоевана, такъ какъ англійская помощь не прибыла. Только въ 1452 г. англійское войско подъ предводительствомъ престарѣлаго Тальбота явилось въ южную Францію. Но лѣтомъ слѣдующаго года при Шатильонѣ полководецъ былъ убитъ, а его войско потерпѣло полное пораженіе. Послѣ этого вся Франція, за исключеніемъ города Калэ, была освобождена отъ англійскаго господства, и только въ этомъ городѣ англичане могли держаться еще нѣсколько времени.

Великій врагъ былъ изгнанъ изъ страны. Но безконечная, невыразимо плачевная борьба тяжело отразилась на странѣ. Опустошенныя области могли оправиться только постепенно, напряженнымъ народнымъ трудомъ, Но необходимо было принять немедленно энергичныя мѣры противъ отрядовъ наемниковъ, которые, потерявъ службу, разбойничали въ провинціяхъ. Уничтоженіе этихъ шаекъ было главнымъ условіемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій. Еще во 1444 г. Карлъ по просьбѣ императора Фридриха III отправилъ значительную часть этихъ грабителей въ Швейцарію на войну съ союзомъ; изъ остальныхъ были избраны лучшіе и изъ нихъ сформированъ наемный отрядъ въ пятнадцать ротъ всадниковъ, которые должны были остаться на постоянной службѣ. Послѣ этого легко уже было справиться съ остальными, менѣе годными наемниками, тѣмъ болѣе, что теперь противъ шаекъ можно было выставить регулярныя полицейскія войска.

Но все таки защита государства требовала еще многихъ улучшеній

организаціи; поэтому вскорѣ былъ введенъ правильный запасъ войскъ на случай войны, для чего каждый церковный приходъ долженъ былъ вооружить и содержать одного стрѣлка. Народное ополченіе, созданное на такой основѣ, давало въ то же время несравненно болѣе сильный контингентъ арміи, чѣмъ составляли до сихъ поръ городскія ополченія, входившія цѣликомъ въ королевское войско. Этими мѣропріятіями была рѣшена судьба леннаго войска во Франціи, такъ какъ и необходимыя средства для содержанія арміи тоже доставилъ особый всеобщій налогъ. Съ этихъ поръ сословія призываются рѣже, города теряютъ преобладающее положеніе, которое они прежде занимали на государственныхъ сеймахъ. Въ 1453 г. была установлена письменная регистрація всего обычнаго права и этой мѣрой значительно упорядочено судопроизводство въ апелляціонныхъ инстанціяхъ. Церковь все болѣе дѣлалась національною, на основѣ постановленій Базельскаго собора (см. стр. 219). Несомнѣнно, въ области организаціи Карлъ VII обнаруживалъ больше дарованія, чѣмъ въ энергичныхъ дѣйствіяхъ. Нововведенія въ управленіи государствомъ вызвали противодѣйствіе дворянства, которое старалось возстановить противъ отца дофина Людовика. На первое время удалось впрочемъ предупредить возстаніе. Казалось уже, что сынъ снова готовъ возмутиться противъ отца, но въ это время, лѣтомъ 1461 года, Карлъ VII скончался.

б) Король Людовикъ XI и начало абсолютной монархіи; Карлъ Смѣлый Бургундскій.

Недавній мятежникъ, новый король Людовикъ XI преслѣдовалъ, вступивъ на престолъ, тѣ же цѣли, что и его отецъ. Его стремленія тоже были направлены на созданіе абсолютной монархіи, хотя онъ и отказался отъ тѣхъ совѣтниковъ, которые до сихъ поръ стояли во главѣ правленія, и окружилъ себя новыми дѣятелями. Прежде всего предстояло поставить въ болѣе прочную зависимость отъ престола самыхъ могучихъ коронныхъ вассаловъ, герцоговъ Бургундіи и Бретани. Первый изъ нихъ подчинился безъ споровъ. Но Францискъ Бретанскій осмѣлился оказать сопротивленіе королевскимъ требованіямъ. Онъ составилъ союзъ между самыми вліятельными представителями дворянства и грозилъ открытымъ нападеніемъ. Людовикъ попытался найти поддержку для борьбы съ нимъ въ городскихъ сословіяхъ. При этомъ дѣло дошло до войны съ дворянствомъ и бургундцы подступили къ самому Парижу. Сраженіе лѣтомъ 1465 г. не имѣло рѣшительнаго исхода и соединенные враги короля начали осаду столицы. Людовикъ избѣгалъ сраженія и старался утомить противниковъ проволочками, справедливо разсчитывая, что ихъ громадное войско скоро почувствуетъ недостатокъ въ продовольствіи. Послѣ предварительнаго перемирія, въ концѣ октября состоялся миръ, по которому братъ короля, герцогъ Беррійскій, принадлежавшій къ мятежникамъ, получилъ Нормандію, а верховныя права герцога Бретанскаго не потерпѣли никакого ущерба. Этотъ миръ былъ побѣдой дворянства. Но король все таки не хотѣлъ отказаться отъ своей политики. Правда, онъ вновь призвалъ ко двору нѣкоторыхъ совѣтниковъ своего отца, что было несомнѣнной уступкой требованіямъ противниковъ. Но вскорѣ послѣ этого всѣ недавніе союзники были побѣждены королемъ по одиночкѣ. Скоро герцогъ Беррійскій вновь утратилъ Нормандію; другіе дворяне были привлечены на сторону короля, а болѣе слабые укрощены силой. Дѣятельное сопротивленіе оказала только Бургундія; на мѣстѣ состарившагося Филиппа тамъ уже нѣсколько лѣтъ правилъ его сынъ, Карлъ, по прозвищу Смѣлый, а лѣтомъ 1467 г. онъ вступилъ на престолъ, какъ законный наслѣдникъ. Людовикъ охотно воспользовался бы въ своихъ выгодахъ затянувшейся борьбой Карла съ

Люттихомъ, но герцогъ Бургундскій не поддавался и, побѣдивъ непокорный городъ осенью 1467 г., значительно упрочилъ свое положеніе.

Бургундскія владѣнія, простиравшіяся отъ Люксембурга до моря, только за послѣднія поколѣнія, благодаря умѣлой пріобрѣтательной политикѣ своихъ государей, стали могучей державой между Германіей и Франціей (см. стр. 176, 180 и 221). Блестящій дворъ въ Аррасѣ сталъ образцомъ для остальныхъ княжескихъ дворовъ Европы; въ богатыхъ городахъ роскошно расцвѣтали искусство и духовная жизнь, торговля и промышленность. Уже при Филиппѣ, и еще больше при Карлѣ, государственная власть подчинила себѣ мѣстное самоуправленіе и попыталась, устранивъ самостоятельность остальныхъ политическихъ силъ, провести единую ихъ организацію. Богатыя средства страны позволяли герцогу постоянно содержать значительное войско, снабженное огнестрѣльными припасами и обозомъ, такъ что въ его распоряженіи были самыя совершенныя военныя силы того времени. Его политика укрѣпленія и расширенія бургундскаго могущества обращалась особенно на двѣ стороны: онъ хотѣлъ добиться равной независимости отъ Франціи и Германіи. Требованіе, которое еще Филиппъ предъявлялъ въ 1447 г. Фридриху III, именно образованіе бургундскаго королевства на счетъ Германіи, не могло быть выполнено; но на самомъ дѣлѣ, при слабости германскаго королевства, которое не могло воспротивиться проникновенію бургундскихъ вліяній въ западногерманскія территоріи, положеніе Карла фактически не отличалось отъ независимости. Принимая во вниманіе факты, ленная присяга, которую все еще приходилось приносить и Германіи, и Франціи, была только ничтожной фикціей.

Король Людовикъ XI былъ въ 1467 г. вынужденъ снова вступить въ борьбу съ герцогами Бретанскимъ и Беррійскимъ и счастливо окончилъ ее, раньше чѣмъ Карлъ Бургундскій успѣлъ оказать помощь своимъ друзьямъ. Но казалось все таки, что война между Людовикомъ и Карломъ неизбѣжна. Тщетно Людовикъ старался снова возмутить городъ Люттихъ противъ его повелителя; тщетно онъ пытался умиротворить самого Карла подкупомъ. Наконецъ онъ рѣшился на личное свиданіе въ Перроннѣ, для переговоровъ со своимъ противникомъ. Но еще во время его пребыванія тамъ распространилась ужасная вѣсть о возстаніи люттихцевъ, которые изгнали своего епископа, и тогда ярость Карла обратилась противъ короля, тамъ какъ ему казалось что онъ обладаетъ неоспоримыми доказательствами предательской политики Людовика. Съ трудомъ удалось убѣдить Карла пощадить особу государя, и онъ сдѣлалъ это, только получивъ согласіе Людовика, чтобы отнынѣ ленныя владѣнія, зависѣвшія до сихъ поръ отъ Франціи, стали суверенными владѣніями Карла. Кромѣ того, герцогъ Беррійскій долженъ былъ получить вознагражденіе. Людовикъ присягнулъ выполнить всѣ требованія и долженъ былъ даже согласиться лично выступить въ походъ противъ мятежнаго города Люттиха.

Конечно, Людовикъ никогда не думалъ серьезно выполнить этихъ обѣщаній. Ему удалось убѣдить своего брата, герцога Беррійскаго, принять вмѣсто Шампани и Бри, этихъ сосѣднихъ съ Бургундіей провинцій, болѣе богатую, но и болѣе отдаленную Гіеннь; а уже въ 1469 г. между братьями воспослѣдовало полное примиреніе. Другіе мятежные вассалы были усмирены. Это придало королю такую увѣренность въ своихъ силахъ, что онъ пересталъ уважать суверенныя права Бургундіи, и передъ собраніемъ феодальныхъ князей объявилъ Карла виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Такъ какъ герцогъ не явился на судъ въ Парижъ, то въ началѣ 1471 г. королевскія войска вторглись въ Бургундію и заняли нѣкоторые значительные пункты. Только въ февралѣ Карлъ могъ со своей стороны приступить къ осадѣ Амьена. Но не достигнувъ никакихъ успѣховъ и подъ вліяніемъ плохихъ извѣстій изъ Бургундіи онъ согласился на один-

надцатимѣсячное перемиріе. Снова онъ попытался вступить въ сношенія съ братомъ короля, но тотъ умеръ (можетъ быть, отъ яда). Еще до истеченія срока перемирія Карлъ возобновилъ военныя дѣйствія и на этотъ разъ болѣе успѣшно; но войско его такъ свирѣпствовало въ странѣ, что населеніе пришло въ крайнее негодованіе, и особенно граждане Бовэ оказали самое упорное сопротивленіе. Взять этотъ городъ не удалось; герцогъ Бретанскій, самъ въ это время тѣснимый королемъ, не приходилъ на помощь. Такимъ образомъ, недостатокъ продовольствія въ опустошенной странѣ заставилъ Карла отступить. Обратный путь его былъ затрудненъ множествомъ мелкихъ стычекъ; вынужденный необходимостью, онъ вскорѣ согласился на новое перемиріе. Людовикъ воспользовался свободой, чтобы подчинить мятежныхъ вассаловъ на югѣ, особенно герцога Алансонскаго.

Но Карлъ все еще не успокаивался. При помощи союза съ Эдуардомъ IV Англійскимъ онъ надѣялся одержать окончательную побѣду надъ Людовикомъ. Эдуардъ обѣщалъ на 1475 годъ предпринять походъ во Францію и въ самомъ дѣлѣ появился въ іюнѣ этого года при Калэ. Но Карлъ, понесшій тѣмъ временемъ крупныя потери при неудачной осадѣ Нейса, не могъ оказать требуемой помощи, особенно послѣ побѣдоноснаго вторженія Людовика въ Бургундію. Эдуардъ представлялъ себѣ положеніе дѣла во Франціи болѣе благопріятнымъ и въ своемъ разочарованіи не поколебался принять предложенное Людовикомъ соглашеніе, и получивъ значительную сумму въ возмѣщеніе издержекъ, вернулся въ Англію. Карлъ, занятый въ это время новыми планами, въ томъ же 1475 г. тоже согласился на заключеніе девятилѣтняго перемирія; казалось, что Франція избавилась отъ самаго опаснаго врага, хотя Людовикъ все еще ожидалъ возобновленнаго нападенія со стороны герцога Бургундіи. Но осложненія съ Лотарингіей и швейцарцами настолько заняли впослѣдствіи все вниманіе славолюбиваго воителя, что ему нѣкогда было думать о дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ. 5-го января 1477 г. Карлъ Смѣлый погибъ во время бѣгства послѣ несчастной битвы при Нанси. Но государство его перешло, благодаря браку наслѣдной принцессы Маріи съ молодымъ Максимиліаномъ, сыномъ Фридриха III, къ роду австрійскихъ Габсбурговъ, а не къ Франціи.

Изъ всѣхъ враговъ Людовика теперь оставался въ живыхъ только герцогъ Францискъ Бретанскій; въ 1477 г. король узналъ о его тайномъ соглашеніи съ Эдуардомъ Англійскимъ. Король удовольствовался тѣмъ, что отнялъ у него одно графство и заставилъ его возобновить присягу на вѣрность. Но по отношенію къ герцогу Немурскому король поступилъ согласно своимъ стариннымъ принципамъ и насладился кровавой местью. Теперь была достигнута его высшая цѣль: полная побѣда надъ всѣми дѣйствительными и мнимыми врагами королевства; по наслѣдству Людовику достался и Провансъ. Больше чѣмъ когда либо, трепеталъ народъ передъ королемъ, но за то и король трепеталъ передъ народомъ. Онъ подозрительно чуялъ повсюду, между слугами и совѣтниками, измѣну и прибѣгалъ къ жестокимъ карамъ. Богатая трудами, бѣдная радостями, полная тревогъ жизнь Людовика окончилась въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1483 г. При немъ и главнымъ образомъ благодаря ему было уничтожено во Франціи сословное правительство. При Людовикѣ XI начинается современный абсолютизмъ, объединяющій подъ своей державой всѣ силы государства, и при Людовикѣ XII достигаетъ своего апогея.

в) Карлъ VIII и его походъ на Неаполь.

Когда умеръ Людовикъ XI, сыну его, Карлу VIII, было только тринадцать лѣтъ. Не обладая особыми дарованіями, скудно образованный,

онъ не былъ способенъ править самостоятельно и находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ своей сестры Анны, которая была замужемъ за Петромъ, впослѣдствіи герцогомъ Бурбонскимъ. Согласно желанію народа уже въ началѣ 1484 г. были созваны сословные представители и засѣдали въ Турѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Отовсюду поступали жалобы, особенно на утѣсненіе податями; но совѣщанія не привели ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Во вредъ государству было отклонено установленіе формальнаго регентства; снова вспыхнула, какъ въ началѣ столѣтія, гражданская война. Супругъ дочери Людовика, Іоанны, герцогъ Людовикъ Орлеанскій, не хотѣлъ допускать вліянія своей свояченицы Анны на молодого короля; въ союзѣ съ герцогомъ Бретанскимъ онъ началъ войну противъ королевской партіи, но лѣтомъ 1488 г. былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Но Карлъ желалъ дѣйствовать самостоятельно и отказывался подчиняться руководству своей сестры. Онъ освободилъ герцога Орлеанскаго изъ заключенія, а въ 1491 г. женился на Аннѣ, дочери умершаго передъ тѣмъ герцога Франциска. Этотъ бракъ соединилъ съ французской короной Бретань, владѣльцы которой до сихъ поръ находились въ постоянной враждѣ съ королями.

Выходъ Анны замужъ за французскаго короля разрушилъ планъ бракосочетанія этой наслѣдницы съ римскимъ королемъ Максомъ, и послѣдній потребовалъ вознагражденія какъ за это, такъ и за разошедшуюся теперь помолвку своей дочери, Маргариты, съ королемъ Карломъ. Его союзникъ, Генрихъ VII, удовольствовался денежнымъ откупомъ, а у самого Макса не хватало средствъ на веденіе войны. Поэтому въ концѣ концовъ и онъ предпочелъ пойти на соглашеніе (въ 1493 г.) и получилъ обратно графства Бургундію и Артуа, гдѣ настроеніе народа уже было рѣшительно на сторонѣ нѣмецкаго государя.

Когда въ 1481 г. умеръ графъ Карлъ Мэнскій, король Людовикъ съ унаслѣдованнымъ Провансомъ получилъ также притязанія на королевство Неапольское, и Карлъ пожелалъ осуществить свои права на дѣлѣ, когда послѣ смерти короля Фердинанда (начало 1494 г.) въ Италіи возгорѣлись кровавыя партійныя распри. Чтобы не упускать удобнаго случая для вмѣшательства, Карлъ осенью того же года перешелъ черезъ Альпы и получилъ отъ Пьетро де Медичи неожиданно выгодныя предложенія, но это повело только къ изгнанію Медичи, и Карлъ ничего не могъ добиться отъ возмутившихся гражданъ Флоренціи. Оттуда онъ отправился въ Римъ, гдѣ ждалъ его крайне напуганный папа Александръ VI. Папа согласился уступить французамъ нѣсколько крѣпостей въ видѣ опорныхъ пунктовъ и отдалъ имъ заложникомъ своего сына Чезаре Борджіа. Въ концѣ января 1495 г. Карлъ оставилъ Римъ и двинулся на Неаполь, гдѣ царствовалъ Альфонсъ II, сынъ Фердинанда I, мучимый угрызеніями совѣсти за совершенныя имъ злодѣянія. Чтобы избѣгнуть народной ненависти, онъ отрекся отъ престола и передалъ корону своему молодому сыну Фердинанду II. Побѣдоносныя войска французовъ быстро привели въ отчаяніе неаполитанскую армію; часть ея перешла на сторону Карла, и уже въ февралѣ онъ имѣлъ возможность торжественно вступить въ Неаполь, а вскорѣ завладѣлъ и остальной страной.

Но французскіе завоеватели не умѣли пріобрѣсти расположенія народа. Грубое обращеніе, которое испытало населеніе отъ французскихъ солдатъ, вызывало жгучую ненависть, которой не могло уничтожить ни введенное немедленно пониженіе податей, ни устройство народныхъ увеселеній. Къ тому же папа не соглашался короновать Карла неапольскимъ королемъ. А между тѣмъ князья, до сихъ поръ враждовавшіе другъ съ другомъ, начали соединяться для борьбы съ общимъ врагомъ, пришельцемъ изъ Франціи. Лодовико Моро Миланскій, который самъ же особенно призывалъ Карла къ походу въ Италію, папа Александръ VI, Венеція,

Фердинандъ Сицилійскій и римскій король Максъ, всѣ соединились въ союзъ противъ короля Франціи. Ничего не подозрѣвая, онъ въ маѣ выступилъ изъ Неаполя, оставилъ тамъ половину своего войска и съ другой половиной двинулся на родину. Но въ іюлѣ при Форнуово на него напали превосходныя силы миланцевъ и венеціанцевъ; все таки Карлу удалось одержать побѣду и продолжать путь. Еще раньше, чѣмъ онъ достигъ Франціи, изгнанный Фердинандъ сдѣлалъ попытку снова завладѣть своимъ королевствомъ, причемъ ему очень помогла ненависть, которую чувствовало населеніе къ французскому владычеству. Остатокъ французской арміи погибъ въ бояхъ и отъ болѣзней. Вскорѣ по возвращеніи на родину, въ апрѣлѣ 1498 г., умеръ отъ несчастнаго случая и король Карлъ VIII.

г) Апогей абсолютизма: король Людовикъ XII.

Такъ какъ сыновья Карла умерли еще раньше отца, то на престолъ взошелъ послѣ него его двоюродный братъ Людовикъ XII изъ старшей линіи Орлеановъ (1498—1515 г.), Въ это время онъ находился въ лучшей порѣ мужественнаго возраста и до сихъ поръ рѣдко выступалъ на поприще общественной дѣятельности. Но скоро народъ различилъ въ немъ высшія добродѣтели государя, справедливость, милосердіе и пониманіе народныхъ нуждъ. Правда, все это не мѣшало ему во внѣшней политикѣ не уступать примѣру не особенно похвальной дипломатіи остальныхъ монарховъ его эпохи, и въ этой области Людовикъ иногда отваживался на самыя рискованныя предпріятія. Со своей супругой онъ развелся и женился на вдовѣ своего предшественника, Аннѣ, наслѣдницѣ Бретани, чтобы упрочить это герцогство за французской короной. Его предшественникъ на престолѣ проложилъ путь въ Италію, и Людовикъ былъ склоненъ послѣдовать его примѣру. На этотъ разъ цѣлью французской политики пріобрѣтеній былъ Миланъ: бабка короля была дочерью перваго миланскаго герцога (въ 1395 г. онъ пріобрѣлъ этотъ титулъ за 100,000 золотыхъ гульденовъ у короля Вацлава), умершаго въ 1402 г. Галеаццо Висконти. Послѣ сложныхъ приготовленій, свидѣтельствовавшихъ о мудромъ и осмотрительномъ разсчетѣ короля, лѣтомъ 1499 г. его войско перешло черезъ Альпы и съ невѣроятной быстротою покорило всю страну. Лодовико Моро вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Французскій король совершилъ торжественный въѣздъ въ Миланъ. Генуя тоже подчинилась ему. Часть французскихъ завоеваній отошла впрочемъ, согласно прежнему договору, къ Венеціи, но все таки у Франціи оказывался прочный опорный пунктъ, который грозилъ большой опасностью для Италіи. Какъ и слѣдовало ожидать, вслѣдъ за отбытіемъ короля вспыхнуло возстаніе противъ чужеземнаго владычества; населеніе, доведенное насиліями завоевателей до крайняго ожесточенія, съ ликованіемъ встрѣтило стараго герцога, когда онъ въ февралѣ 1500 г. появился въ своей странѣ съ наемнымъ войскомъ. Французскіе гарнизоны не могли оказать сопротивленія и должны были отступить. Но Людовикъ прислалъ подкрѣпленія, а швейцарскіе наемники Моро отказались сражаться противъ своихъ земляковъ, находившихся во французской службѣ. Это обстоятельство погубило герцога; онъ попытался бѣжать, но былъ преданъ, захваченъ въ плѣнъ и увезенъ въ Францію, гдѣ прожилъ въ темницѣ еще около десяти лѣтъ.

Людовика и этотъ успѣхъ еще не удовлетворялъ. Его помыслы направились теперь на Неаполь. Здѣсь ему приходилось считаться съ могучимъ Фердинандомъ Католикомъ Арагонскимъ, супругомъ Изабеллы Кастильской, который могъ явиться для него опаснымъ соперникомъ. Поэтому оба короля заключили между собой договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ дяди умершаго еще въ 1496 г. Фердинанда II, Фри-

дриха Неапольскаго. Предлогомъ для нападенія должны были послужить его дружественныя сношенія съ Турціей, и жаждавшіе завоеваній короли выставляли себя защитниками христіанства. Въ Неаполѣ ничего не знали объ этомъ союзѣ и видѣли врага только въ Людовикѣ; разсчитывали даже, что Фердинандъ окажетъ помощь противъ него. Только когда лѣтомъ 1501 г. въ Римѣ появились французскія войска, тогда сталъ извѣстнымъ союзный договоръ: оба государя потребовали отъ папы въ ленъ Неаполь и получили его. При такихъ условіяхъ Фридрихъ не могъ держаться и сдался французамъ. Послѣдніе годы жизни (до 1504 г.) онъ провелъ во Франціи, получая значительное ежегодное содержаніе. Людовикъ не долго наслаждался обладаніемъ Неаполемъ. Такъ какъ соглашеніе съ Фердинандомъ о разграниченіи завоеванныхъ областей оказалось невозможнымъ, то дѣло кончилось войной. Испанскій полководецъ Гонзальво Гернандесъ де Кордова (см. т. IV, стр. 538) одержалъ нѣсколько побѣдъ и въ концѣ концовъ совершенно завладѣлъ столицей. Крайне разгнѣванный неудачнымъ исходомъ предпріятія Людовикъ снарядилъ нѣсколько армій противъ испанцевъ; но въ концѣ 1503 года самая сильная изъ этихъ армій была разбита Гернандесомъ при Гарильяно. Въ февралѣ 1504 г. было заключено наконецъ перемиріе на три года, по которому весь Неаполь отошелъ къ Испаніи.

Итальянскія событія не могли не обратить на себя вниманія римскаго короля Макса; его вассалъ былъ безъ всякаго стѣсненія изгнанъ изъ Милана; кромѣ того пріобрѣтеніе Неаполя, казалось, должно было доставить французскому вліянію еще одинъ важный опорный пунктъ. Чтобы не потерять своихъ притязаній на Миланъ, король Максъ еще въ 1501 г. согласился на помолвку своего полуторагодичнаго внука Карла съ двухлѣтней дочерью Людовика Клавдіей, подъ условіемъ, что они получатъ въ наслѣдство Миланъ. При этомъ Максъ обѣщалъ даровать Людовику это герцогство въ ленное владѣніе. Договоръ этотъ былъ въ 1504 г. еще расширенъ въ томъ смыслѣ, что если Людовикъ умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ мужского пола, то Неаполь, Бретань во Франціи и герцогство Бургундское перейдутъ къ будущей супругѣ Карла. Вслѣдъ за тѣмъ Людовикъ дѣйствительно получилъ ленныя права на Миланъ. Но уже немного позже прекращаются всѣ переговоры о бракѣ Карла и Клавдіи. Надо полагать, что Людовикъ никогда серьезно на это не разсчитывалъ. И въ самомъ дѣлѣ, исполненіе условій договора 1504 г. было бы равносильно раздѣлу Франціи.

При всѣхъ переговорахъ между Людовикомъ и Максимиліаномъ видную роль играетъ сынъ послѣдняго, Филиппъ. Изъ ненависти къ нему Фердинандъ Испанскій тѣснѣе сблизился съ Людовикомъ и получилъ въ супруги его племянницу, которой Людовикъ передалъ свои права на Неаполь. Нѣсколько позже предполагаемая наслѣдница французской короны, Клавдія, была помолвлена съ графомъ Францискомъ Ангулемскимъ, и блестящія ожиданія Габсбурговъ растаяли. Филиппъ съ удовольствіемъ отомстилъ бы за этотъ позоръ. Но уже въ 1506 году онъ умеръ, а король Максимиліанъ не имѣлъ достаточно силъ для военныхъ предпріятій противъ Людовика, который въ 1507 году удачно усмирилъ возстаніе въ Генуѣ.

Вскорѣ послѣ этого Максъ вступилъ въ неуспѣшную борьбу съ могучей республикой Венеціей, которая не желала пропустить его съ войсками въ Римъ; въ апрѣлѣ 1508 г. онъ долженъ былъ заключить перемиріе. Такъ какъ республика внушала и Людовику и Максу одинаковыя опасенія, то 10 декабря 1508 г. былъ заключенъ договоръ въ Камбрэ, въ которомъ было условлено, что каждый изъ нихъ отвоюетъ отъ республики тѣ области, на которыя можетъ выставить правовыя притязанія. Къ союзу примкнулъ папа и король Фердинандъ Арагонскій, а съ ними

нѣсколько мелкихъ владѣтелей. Весною 1509 г. венеціанцы выставили значительное войско, когда французы приблизились для вторженія въ область; побѣда осталась за французами, и каждый изъ союзниковъ занялъ тѣ земли, которыя онъ желалъ пріобрѣсти. Попытки венеціанцевъ разъединить союзниковъ отдѣльными договорами не имѣли успѣха; во всякомъ случаѣ, имъ удалось при помощи мѣстнаго населенія возвратить утраченную было Падую. Нѣсколько позже явился съ сильнымъ войскомъ король Максъ и при поддержкѣ французовъ и испанцевъ началъ осаду города. Но досада и недостатокъ средствъ вынудили его въ концѣ концовъ отказаться отъ предпріятія. Онъ удалился въ Германію и распустилъ большую часть войска. Папа Юлій II добился отъ Венеціи всего, чего желалъ; Фердинандъ получилъ въ ленъ Неаполь и отказался отъ дальнѣйшей борьбы, такъ что войну продолжали вести только Франція и король Максъ.

Чтобы сломить сопротивленіе папы, ихъ недавняго союзника, оба государя условились, при содѣйствіи нѣсколькихъ кардиналовъ, созвать на ноябрь 1510 г. вселенскій соборъ. Въ самомъ дѣлѣ, участники съѣхались въ Пизу, но папа Юлій запретилъ засѣданія и со своей стороны созвалъ въ Римѣ Латеранскій соборъ. Теперь союзниками папы были Венеція и Швейцарія; съ нимъ сблизился и Фердинандъ Арагонскій. Такимъ образомъ составилась „священная лига“ для изгнанія Людовика. Но французы и на этотъ разъ побѣдили. Взятіе Бресчіи сопровождалось ужасной рѣзней (1512 г.). Папа привлекъ къ участію въ лигѣ и Генриха VIII Англійскаго и добился по крайней мѣрѣ того, что король Максъ заключилъ перемиріе съ Венеціей, такъ что Людовику оставалось разсчитывать только на свои собственныя силы. И въ этотъ разъ онъ одержалъ блестящую побѣду при Равеннѣ; къ сожалѣнію при этомъ палъ Гастонъ де Фуа, молодой предводитель французской арміи. Папа, тяжело пораженный неудачей, свободнѣе вздохнулъ, когда получилъ извѣстіе, что войска швейцарскаго союза вторглись въ Миланъ и при помощи венеціанцевъ вытѣсняютъ французовъ изъ страны. Максиміліанъ Сфорца, сынъ Лодовико Моро, сталъ новымъ герцогомъ страны, лишившейся нѣсколькихъ областей. Изъ Испаніи, гдѣ Фердинандъ захватилъ королевство Наваррское, Людовику угрожала еще новая опасность. Такимъ образомъ въ концѣ 1512 года положеніе французской державы представляло гораздо менѣе благопріятную картину, чѣмъ въ началѣ этого года.

Но въ февралѣ 1513 г. умеръ папа Юлій, который былъ душою лиги. Вскорѣ послѣ этого Людовикъ заключилъ со своимъ прежнимъ ожесточеннымъ врагомъ, съ Венеціей, договоръ, для совмѣстнаго завоеванія Милана. Новый папа изъ фамиліи Медичи, Левъ X, рѣшительный врагъ французовъ, соединился противъ этого предпріятія съ королемъ Максомъ, Фердинандомъ и Генрихомъ VIII; этотъ союзъ долженъ былъ составить противовѣсъ общимъ силамъ Франціи и Венеціи. Послѣ первыхъ успѣховъ французы были 6 іюня 1513 г. разбиты при Новарѣ швейцарскими войсками Сфорцы, а венеціанцы оказались покинутыми на произволъ судьбы. Франція была наводнена войсками Генриха VIII, которыя при поддержкѣ нѣмецкихъ рыцарей разбили въ августѣ непріятеля и заняли Турнэ. Въ то же время швейцарское войско сдѣлало попытку завоевать Бургундію. Но главнокомандующій французовъ заключилъ съ швейцарцами договоръ (впослѣдствіи не утвержденный королемъ); такимъ образомъ была устранена грозившая отсюда опасность. Затѣмъ Людовикъ попытался прійти къ соглашенію со своими врагами, что и удалось ему: Генрихъ VIII даже далъ ему въ супруги свою сестру Марію. Но 1 января 1515 г., едва черезъ три мѣсяца послѣ этого брака, Людовикъ XII умеръ, глубоко оплаканный своимъ народомъ. Онъ оставилъ престолъ графу Франциску Ангулемскому, правнуку ихъ общаго родоначальника, Людовика Орлеанскаго.

3. Германская имперія при Альбрехтѣ II (1438—1439 г.) и Фридрихѣ III (1440—1493 г.).

а) Альбрехтъ II.

Германская королевская корона, освободившаяся за смертью Сигизмунда, казалась для князей такъ мало завиднымъ пріобрѣтеніемъ, что никто на этотъ разъ не выступалъ претендентомъ на нее. Наконецъ курфюрсты избрали въ мартѣ 1438 г. во Франкфуртѣ, по установленнымъ обрядамъ, зятя Сигизмунда, Альбрехта Австрійскаго, достойнаго человѣка, который вначалѣ колебался принять это избраніе. Уже нюрнбергскій рейхстагъ 1438 г. далъ въ результатѣ серьезныхъ преобразовательныхъ стремленій, вдохновлявшихъ Альбрехта, постановленіе о земскомъ мирѣ, которое явилось исходнымъ пунктомъ для имперской реформы и только вслѣдствіе ранней кончины Альбрехта осталось безъ дальнѣйшихъ примѣненій въ имперіи. Въ немъ уже предусмотрѣно раздѣленіе имперіи на шесть округовъ, которые должны были являться самостоятельными конституціонными единицами, всестороннее улучшеніе правосудія и законодательства и принципіальное устраненіе междоусобій. Кромѣ этого „земскаго мира“ Альбрехтъ не имѣлъ времени для какого нибудь еще мѣропріятія по дѣламъ имперіи. Внутреннія неурядицы въ его наслѣдственныхъ земляхъ, Чехіи. Венгріи, и все возраставшая опасность со стороны турокъ всецѣло привлекали его вниманіе и силы. На обратномъ пути изъ малоуспѣшнаго похода противъ невѣрныхъ онъ умеръ въ концѣ октября 1439 г., не подвинувъ дѣла имперіи сколько нибудь значительно впередъ.

б) Фридрихъ III.

Еще разъ освободился престолъ и опять не оказывалось претендентовъ на него. Курфюрсты остановили свой выборъ на Фридрихѣ (вопреки совѣту его тайнаго секретаря, Іоанна Герта), который совмѣстно съ братомъ владѣлъ Штиріей, Каринтіей и Крайной. Не безъ труда удалось убѣдить его принять на себя обязанности верховнаго повелителя, къ которымъ мало подходилъ его характеръ. Нерѣшительность соединялась въ немъ съ нерасположеніемъ къ военнымъ предпріятіямъ; поэтому талантливому Энею Сильвіо, впослѣдствіи папѣ Пію II, было легко по своему направлять политику новаго короля, что особенно было замѣтно въ церковномъ вопросѣ, который, по поводу Базельскаго собора, все еще продолжалъ чрезвычайно волновать общественное мнѣніе. Стараніямъ Сильвіо надо главнымъ образомъ приписать то обстоятельство, что всѣ результаты дѣятельности соборовъ оказались для Германіи утраченными: въ концѣ концовъ, по вѣнскому конкордату имперія отказалась отъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ (см. выше, стр. 219, и въ VI т., конецъ отдѣла: „Развитіе западнаго христіанства“).

Такъ какъ Фридрихъ принадлежалъ къ небогатымъ князьямъ, то санъ германскаго короля имѣлъ для него особое значеніе; онъ давалъ возможность увеличить фамильныя владѣнія. Въ самомъ началѣ царствованія Фридриха представился къ этому благопріятный случай, такъ какъ онъ былъ избранъ опекуномъ надъ родившимся послѣ смерти Альбрехта сыномъ его Владиславомъ, наслѣдникомъ Венгріи, Чехіи и Австріи, а также опекуномъ надъ несовершеннолѣтнимъ Сигизмундомъ Тирольскимъ. Въ Венгріи послѣ долгой борьбы партій былъ избранъ въ 1446 г. правителемъ на время малолѣтства короля Янъ Гуніяди; но и наслѣдникъ и

королевская корона остались въ рукахъ Фридриха. Въ Чехіи желали имѣть королемъ самого Фридриха, но онъ отказался отъ короны и даже не соглашался взять на себя регентство за Владислава. Тогда было назначено два намѣстника, одинъ католическій, другой утраквистъ; но Фридрихъ и этимъ намѣстникамъ не пожелалъ выдать малолѣтняго короля. Внутреннія неурядицы повели наконецъ къ тому, что единымъ намѣстникомъ остался съ 1452 г., съ согласія Фридриха, Георгій Подибрадъ. Владиславъ умеръ молодымъ (1457 г.) и тогда Георгій Подибрадъ былъ избранъ 2 марта 1458 года королемъ Чехіи. Въ томъ же 1458 г. въ Венгріи былъ избранъ королемъ Матѳей Корвинъ, сынъ Яна Гуніяди. Въ Австріи наконецъ, третьей изъ наслѣдныхъ областей Владислава, гдѣ давно уже, вслѣдствіе открытаго возстанія помѣстнаго дворянства противъ Фридриха, правленіе находилось въ рукахъ одного изъ крупныхъ владѣльцевъ, Ульриха Эйцинга, теперь сталъ править братъ Фридриха, Альбрехтъ, а въ Тиролѣ уже съ 1446 г. Сигизмундъ правилъ самостоятельно.

Еще до этихъ домашнихъ неудачъ новый король былъ коронованъ въ Ахенѣ, въ 1442 году. Папа Евгеній еще до заключенія вѣнскаго конкордата обѣщалъ королю, если тотъ поддержитъ его планы, коронованіе императоромъ и щедрое пособіе для похода въ Римъ. Но осуществился походъ въ Италію только въ 1452 г., какъ разъ въ то время, когда въ Австріи поднялось возстаніе противъ королевской опеки. 19 марта 1452 г. въ послѣдній разъ было въ Римѣ совершено торжественное коронованіе германскаго короля императорской короной. Фридрихъ не появлялся лично на рейхстагахъ, чаще всего поручая представительство за себя Энею Сильвіо, а поэтому и князья собирались на сеймы менѣе охотно. Въ то же время въ веттинскихъ областяхъ между братьями Фридрихомъ и Вильгельмомъ, въ Франконіи между Альбрехтомъ Ахилломъ и имперскимъ городомъ Нюрнбергомъ съ ихъ многочисленными сторонниками, наконецъ между рейнскими князьями бушевали ожесточеннѣйшія усобицы и страна безпощадно разорялась. Фридрихъ же не дѣлалъ самой слабой попытки озаботиться умиротвореніемъ имперіи.

Въ это время два прежнихъ соперника, архіепископъ Дитрихъ Майнцскій и Фридрихъ Пфальцскій примирились, чтобы общими усиліями добиться низложенія короля; преемникомъ его долженъ былъ стать Георгій Подибрадъ, который, казалось, всего болѣе подходилъ для того, чтобы поддержать враждебныя папству стремленія майнцскаго архіепископа. Но выполненію плана помѣшало сопротивленіе остальныхъ курфюрстовъ, особенно Фридриха Бранденбургскаго. Въ концѣ концовъ Дитрихъ Майнцскій былъ побѣжденъ въ борьбѣ съ папой, былъ низложенъ и на его мѣсто назначенъ архіепископомъ графъ Адольфъ Нассаускій. Такъ какъ Дитрихъ не уступалъ добровольно и нашелъ поддержку у своего пфальцскаго союзника, то завязалась кровавая борьба, въ которой Адольфъ побѣдилъ, и городъ Майнцъ, стоявшій за Дитриха, утратилъ (27 октября 1462 г.) свою имперскую независимость (см. стр. 185). Въ это же время имперскій городъ Донаувертъ подвергся нападенію Людвига Байернъ-Ландсгутскаго; король предалъ его опалѣ и поручилъ Альбрехту Ахиллу произвести экзекуцію. У Людвига нашлись союзники: братъ императора, чешскій король и пфальцграфъ Фридрихъ; противъ нихъ выступили двадцать четыре имперскихъ города, опасавшіеся за собственную независимость. Но Виттельсбахъ разбилъ бранденбургскаго курфюрста 19 іюля 1462 г. при Гингенѣ; въ 1463 г. былъ заключенъ миръ. Въ Австріи продолжались несогласія между королемъ и его братомъ Альбрехтомъ, который побудилъ городъ Вѣну къ открытому возстанію противъ Фридриха. Только когда на помощь явился чешскій король, между братьями былъ заключенъ миръ въ концѣ 1462 г.; но возобновленію семейной войны помѣшала только смерть Альбрехта въ декабрѣ 1463 г.

Въ Чехіи все еще были живы религіозныя несогласія. Георгій Подибрадъ былъ обязанъ престоломъ партіи утраквистовъ, и получивъ признаніе своего сана отъ папы и императора, все еще имѣлъ врага, который не хотѣлъ подчиниться и присягнуть ему изъ за его религіозныхъ убѣжденій; это былъ относившійся къ Чешскому королевству городъ Бреславль. Только папскому посредничеству удалось добиться отъ бреславльцевъ въ 1459 г. обѣщанія, что они принесутъ присягу въ теченіе трехлѣтняго срока. Папа Пій II (1458—64) былъ раздраженъ невниманіемъ, съ которымъ король Георгій отнесся къ его любимому плану, къ войнѣ съ турками. Поэтому папа началъ борьбу съ чешскими утраквистами, объявилъ компактаты недѣйствительными и принялъ Бреславль подъ свою особую защиту противъ Георгія. Рѣзкія мѣропріятія папы заставили Подибрада со своей стороны еще круче разойтись съ католической партіей. Пій II умеръ въ августѣ 1464 г., но его преемникъ, Павелъ II, еще рѣшительнѣе продолжалъ политику своего предшественника въ чешскомъ вопросѣ: онъ разрѣшилъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность, низложилъ короля и сталъ проповѣдовать крестовый походъ противъ чешскихъ еретиковъ. Въ начавшейся междусобной войнѣ Георгій остался побѣдителемъ даже противъ венгерскаго короля Матѳея Корвина; до самой смерти (1491 г.) онъ не отказывался отъ чешскаго престола и даже самъ избралъ себѣ преемника. Это былъ молодой сынъ польск·го короля, Владиславъ, которому прежде всего пришлось вступить изъ за престола въ борьбу съ королемъ Венгріи Матѳеемъ. Семь лѣтъ продолжалась война. Польша была на сторонѣ Чехіи; сторонники Венгріи нашлись въ Силезіи, именно городъ Бреславль. Наконецъ, по мирному договору въ 1478 г. Владиславъ долженъ былъ уступить Матѳею Моравію, Силезію и Лузацію.

Но Матѳею Корвину Венгерскому пришлось еще выдержать борьбу и съ императоромъ Фридрихомъ. Въ самомъ началѣ правленія Матѳея (1458 г.) противная ему партія избрала императора антикоролемъ. Въ концѣ концовъ Фридрихъ долженъ былъ отказаться отъ престола и удовольствоваться правомъ на его унаслѣдованіе, въ случаѣ, еслибъ Матѳей Корвинъ умеръ бездѣтнымъ. Но во время борьбы Матѳея съ Владиславомъ изъ за чешской короны, Фридрихъ задѣлъ интересы Корвина, даровавъ въ ленъ Владиславу курфюршескій голосъ за Чехію. Послѣдствіемъ этого было вторженіе венгерскаго короля въ Австрію. Чтобы избавиться отъ него, Фридрихъ вынужденъ былъ даровать и ему ленную власть надъ Чехіей, и откупиться высокимъ денежнымъ вознагражденіемъ. Но Матѳей еще разъ занялъ войсками Австрію, и въ этотъ разъ на нѣсколько лѣтъ, именно когда Фридрихъ захотѣлъ возвести на зальцбургскую архіепископскую каѳедру изгнаннаго Матѳеемъ архіепископа Грацскаго. Даже Вѣна попала въ 1485 г. въ руки венгерскаго короля. Фридрихъ былъ вынужденъ обратиться за помощью къ имперіи. Только на имперскомъ сеймѣ 1487 г. въ Нюрнбергѣ князья обѣщали свое содѣйствіе; и въ самомъ дѣлѣ собралось войско, хотя и не большое, подъ предводительствомъ герцога Альбрехта Саксонскаго. По состоявшемуся договору Матѳей удержалъ за собой всѣ завоеванія до полученія полнаго возмѣщенія военныхъ издержекъ, чего Фридрихъ никоимъ образомъ не могъ выполнить. По счастью для императора Матѳей умеръ въ 1490 г. и этимъ освободилъ его изъ стѣснительнаго положенія.

Новой опасностью для Германіи явилось на западѣ возникновеніе Бургундскаго государства, съ исторіей котораго мы ознакомились при изложеніи событій во Франціи (см. стр. 223). При бездѣятельномъ характерѣ германскаго короля было вполнѣ естественно, что Карлъ Смѣлый крайне тѣснилъ сосѣднія съ его владѣніями германскія области: ему врядъ ли приходилось опасаться какого нибудь возмездія со стороны имперіи. Наибольшая опасность грозила повидимому Кельнской курфюршеской

области; отсюда и была возбуждена передъ императоромъ мысль о необходимости имперской войны съ Бургундіей. Архіепископъ Рупрехтъ, не пользовавшійся особымъ расположеніемъ своихъ подданныхъ, былъ лишенъ сана папою, но разумѣется не пожелалъ добровольно уступить архіепископства и прежде всего отказался признать назначеннаго администраторомъ Германа Гессенскаго. Такъ какъ вся область и особенно города были на сторонѣ Германа, то Рупрехтъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ призвать на помощь Карла Бургундскаго. Карлъ охотно отозвался па приглашеніе и лѣтомъ 1474 г. началъ осаду укрѣпленнаго архіепископскаго города Нейса. Но тутъ онъ встрѣтился съ неожиданнымъ сопротивленіемъ; подъ стѣнами города пришлось провести цѣлыхъ десять мѣсяцевъ. Весною 1475 г. явилась сильная имперская армія подъ предводительствомъ маркграфа Альбрехта Ахилла Бранденбургскаго; Карлъ снялъ осаду и отступилъ въ Бургундію. Онъ отказался отъ дальнѣйшей поддержки Рупрехта, и администраторъ Германъ сдѣлался архіепископомъ Кельнскимъ.

Между тѣмъ какъ таяли владѣнія Габсбурговъ въ Чехіи и Венгріи, даже въ Австріи, а бездѣятельный король Фридрихъ почти не дѣлалъ попытокъ сохранить за собою и своимъ родомъ подобающее преобладаніе на востокѣ Германіи, въ это время на западной границѣ, въ отношеніяхъ къ Бургундіи, на первый планъ выступаетъ Максъ, молодой и энергичный сынъ императора. Представляя во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность отцу, краснорѣчивый и щедрый, разносторонне одаренный и образованный (см. стр. 169), онъ сталъ любимцемъ народа и долго еще жилъ въ народной памяти подъ прозвищемъ „послѣдняго рыцаря“. И въ самомъ дѣлѣ, воплощеніе рыцарства — это лучшая характеристика всей его личности. Бракъ его съ Маріей Бургундской уже неоднократно служилъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между Фридрихомъ и Карломъ Смѣлымъ. Но когда послѣдній умеръ и Марія въ самомъ дѣлѣ явилась наслѣдницей отцовскаго государства, на которое разумѣется, тотчасъ выставилъ свои притязанія французскій король Людовикъ XI, тогда поспѣшили совершить бракосочетаніе девятнадцатилѣтняго Макса съ двадцатилѣтней наслѣдницей, въ Гентѣ, въ августѣ 1477 г. Людовикъ тѣмъ временемъ уже началъ войну съ Бургундіей, гдѣ къ тому же поднялись внутреннія волненія, именно въ городахъ Брюгге и Брюсселѣ. Такимъ образомъ первой задачей новаго государя было покореніе своихъ владѣній силою оружія; счастье ему благопріятствовало, 17 августа 1479 г. онъ побѣдилъ, при Гинегаттѣ, и французскую армію, и съ этихъ поръ могъ считать себя повелителемъ страны.

Отъ брака съ Маріей произошло двое дѣтей, Филиппъ и Маргарита, и когда герцогиня умерла въ 1482 г., четырехлѣтній въ то время Филиппъ сталъ наслѣдникомъ ея владѣній. Правда, въ сѣверныхъ областяхъ Максъ былъ признанъ опекуномъ мальчика; но городъ Гентъ захватилъ самого Филиппа, а Фландрія, Голландія и Брабантъ вошли въ сношенія съ Франціей. Дѣло кончилось безъ дальнѣйшей борьбы въ концѣ 1482 г. договоромъ съ Франціей въ Аррасѣ; часть бургундскаго государства вновь перешла къ Франціи и былъ условленъ бракъ между двухлѣтней Маргаритой и дофиномъ Карломъ. Но во Фландріи и на будущее время сохранялись французскія симпатіи, съ которыми Максу пришлось еще выдержать тяжелую борьбу: провинція требовала прежде всего самостоятельнаго управленія подъ надзоромъ регентскаго совѣта, то есть сословнаго правительства. Только въ 1485 г. Брюгге и Гентъ послѣ взятія Слюиса признали опекунскія права Макса. Но въ февралѣ 1488 г. самъ Максъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ Брюгге, и оставался въ тюрьмѣ почти четыре мѣсяца. Такъ какъ общественное мнѣніе въ остальныхъ провинціяхъ высказалось въ пользу Макса, а императоръ съ имперскимъ

войскомъ двинулся изъ Кельна на освобожденіе своего сына, то его наконецъ освободили, послѣ того какъ онъ обѣщалъ установить регентскій совѣтъ и вывести иностранныя наемныя войска. Разумѣется, послѣ освобожденія эти условія не были выполнены; напротивъ, имперское войско, теперь подъ предводительствомъ саксонскаго герцога Альбрехта, приступило къ осадѣ города Гента и счастливо закончило ее осенью 1489 года. Съ этого времени Максъ былъ уже настоящимъ повелителемъ унаслѣдованныхъ областей. Бургундія была такимъ пріобрѣтеніемъ для габсбургскаго дома, которое обусловило все могущество Габсбурговъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Князья тяготились бездѣятельностью императора Фридриха и уже къ 1462 г. подымалась мысль о желательности его низложенія; вновь былъ этотъ вопросъ поднятъ тогда, когда Максъ пріобрѣтеніемъ Бургундіи обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Противъ воли отца его, особенно благодаря стараніямъ епископа Бертольда Майнцскаго, Максъ былъ въ февралѣ 1486 г. избранъ „римскимъ королемъ“ и въ маѣ коронованъ въ Ахенѣ. Уже съ 1489 г., послѣ того какъ владѣніе Бургундіей было обезпечено, Максъ становится опорой габсбургскаго дома. Сигизмундъ отказался въ 1490 г. въ его пользу отъ господства въ Тиролѣ, а послѣ смерти венгерскаго короля Матѳея Максъ отвоевалъ обратно Австрію и поддержалъ старинныя притязанія Габсбурговъ на венгерскую корону. Правда, въ 1491 г. онъ призналъ чешскимъ королемъ Владислава, который спорилъ изъ за престола съ его братомъ Іоанномъ Альбрехтомъ, но за то добился съ его стороны признанія своихъ наслѣдныхъ притязаній на Чехію и Венгрію въ случаѣ, если новый король умретъ бездѣтнымъ. Еще императоръ Фридрихъ лѣтомъ 1486 г. положилъ основаніе союзу, который имѣлъ цѣлью обезпечить габсбургское могущество въ южной Германіи противъ Виттельсбаховъ. Въ февралѣ 1488 г. былъ заключенъ въ Эслингенѣ такъ называемый Швабскій союзъ, въ который входили князья, дворянство и города, и который могъ выставить значительную армію. Такъ какъ союзъ главной цѣлью имѣлъ борьбу съ чрезмѣрнымъ могуществомъ Виттельсбаховъ, то онъ могъ служить рѣшительной защитой для габсбургскихъ интересовъ, и въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи въ теченіе шестнадцатаго вѣка.

Когда императоръ Фридрихъ умеръ, 19 августа 1493 г., положеніе габсбургскаго дома существенно отличалось отъ того, какимъ оно было при его восшествіи на престолъ. Правда, эта перемѣна произошла почти безъ его участія. Главнымъ образомъ помогалъ въ послѣдніе годы осуществленію этой цѣли Максъ, оказавшійся къ тому же талантливымъ полководцемъ. Опираясь на свои фамильныя владѣнія, онъ, избранный для того, чтобы служить опорой имперіи, имѣлъ такую возможность принимать рѣшающее участіе въ судьбѣ націи, какъ давно уже не былъ въ состояніи ни одинъ король.

в) Турки.

Политическія событія Германіи въ пятнадцатомъ вѣкѣ опредѣлялись не только господствовавшими издавна силами, совмѣстно дѣйствовавшими въ продолженіе многихъ столѣтій; внѣшняя сила, наполнявшая европейскій западъ невыразимымъ ужасомъ, пріобрѣла рѣшающее вліяніе на судьбу его. Это была Турецкая имперія, возникшая на мѣстѣ самодовлѣвшей Византіи, на нижнемъ Дунаѣ, и оттуда вторгшаяся въ сферу нѣмецкихъ интересовъ. То обстоятельство, что дѣло приходилось имѣть съ нехристіанскимъ врагомъ, сдѣлало политическое соперничество въ то же время религіознымъ вопросомъ. Вотъ почему вновь оживаетъ старая идея крестовыхъ походовъ, хотя практическіе результаты ея осуществленія далеко уступаютъ тому, что было сдѣлано въ двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Къ концу XIII вѣка въ Малой Азіи подымается до тѣхъ поръ неизвѣстное турецкое племя, впослѣдствіи назвавшееся османами, въ честь Османа (Отманъ Ханъ I, умеръ въ 1326 г.), ихъ побѣдоноснаго полководца. На счетъ сельджуковъ (ср. т. III, стр. 327 и 353), а также византійскихъ владѣній въ Азіи, юная народность быстро распространялась и еще до 1350 года завоевала всю Малую Азію. Во время спора за престолонаслѣдіе въ Константинополѣ одна изъ партій призвала въ страну враговъ-магометанъ, и Сулейманъ, сынъ султана Орхана (умеръ въ 1359 г.), рѣшилъ, еще при жизни отца, прочно утвердиться на европейской почвѣ. Братъ его Мурадъ I (1359—89) закончилъ его предпріятіе, взялъ Адріанополь (въ 1361 г.) и сдѣлалъ этотъ городъ своей резиденціей (см. томъ III, стр. 354). Только теперь Западная Европа впервые поняла надвигающуюся опасность. Папа Урбанъ V (1362—1370) сталъ призывать къ крестовому походу противъ невѣрныхъ, и народы, которымъ прежде всѣхъ угрожала опасность, венгры, сербы, босняки, выступили въ самомъ дѣлѣ противъ турокъ, но были побѣждены. Постепенно всѣ славянскіе народы попадаютъ въ бóльшую или меньшую зависимость отъ османскаго государства. Въ 1387 г. вспыхнуло еще разъ грандіозное возстаніе славянъ противъ своихъ господъ; но въ 1389 г. султанъ Мурадъ опять побѣдилъ въ битвѣ на Коссовомъ полѣ. Самъ онъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи. Благодаря своей испытанной въ бояхъ пѣхотѣ, янычарамъ, турки въ дѣйствительности оказывались на поляхъ сраженій въ перевѣсѣ надъ всѣми націями Европы. Эта слава дѣлала ихъ бичами Европы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но именно въ борьбѣ съ врагомъ, превосходнымъ въ военномъ дѣлѣ, выработалось и окрѣпло военное могущество нѣмецкой націи.

При сынѣ Мурада, Баязетѣ II, по прозвищу „Молніи", побѣдоносныя турецкія войска проникли въ Азіи до Евфрата, а въ Европѣ завладѣли почти всей Греціей. Въ это время король Сигизмундъ Венгерскій занялся организаціей борьбы съ врагомъ христіанства; онъ отправилъ пословъ во Францію, пригласилъ къ участію въ войнѣ Нѣмецкій орденъ и получилъ поддержку съ обѣихъ сторонъ. Іоаннъ Неустрашимый, сынъ Филиппа Бургундскаго, и Фридрихъ Гогенцоллернъ, великій пріоръ Нѣмецкаго ордена, выступили съ Сигизмундомъ въ походъ противъ невѣрныхъ. Въ Офенѣ собралось значительное войско, по имѣющимся свѣдѣніямъ въ 50,000 человѣкъ, и уже высказывались планы завоевать съ этой арміей Гробъ Господень. Прежде всего осадили Никополь. Но едва началась осада, какъ на помощь поспѣшилъ Баязетъ; въ сраженіи, начатомъ французами прежде времени, блестящее христіанское войско было совершенно уничтожено, 28 сентября 1396 г. Королю Сигизмунду съ трудомъ удалось спастись на венеціанскомъ суднѣ. Плѣнники были подвергнуты безпощадному избіенію; но знатные французы получили послѣ тяжелаго плѣненія свободу за невѣроятный выкупъ.

Несмотря на плачевный исходъ нападенія западныхъ державъ на Баязета, наступательное движеніе османовъ на время пріостановилось; казалось, что Сигизмундъ избавилъ западъ отъ опаснаго врага. На самомъ дѣлѣ султана удерживали конечно другія причины: прежде всего, на азіатской почвѣ у него появился соперникъ въ лицѣ монгольскаго вождя Тимура, который хотѣлъ сравняться съ древнимъ Темучиномъ (см. выше, стр. 10) и создалъ могучее царство, простиравшееся отъ границъ Китая до береговъ Аравіи (см. т. III, стр. 356). Столкновеніе побѣдоносныхъ соперниковъ, Тимура и Баязета, было неизбѣжнымъ; въ 1401 г. въ Малой Азіи произошли первыя стычки и османы были побѣждены. Въ грандіозномъ сраженіи при Анкирѣ лѣтомъ 1402 г. Баязетъ былъ совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ; вскорѣ онъ умеръ. Въ 1405 г. скончался и Тимуръ, и царство его распалось. Между европейскими османами началась междоусобная война; казалось, что ихъ блестящая эпоха окончилась. Но на западѣ

не сумѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ. Главная вина въ этомъ падаетъ на ближайшаго сосѣда турокъ, греческаго императора Мануила.

Изъ сыновей Баязета Мухаммедъ I съ 1412 г. достигъ наконецъ могущества, почти равнаго тому, какимъ обладалъ его отецъ. Но въ его правленіе значительныхъ военныхъ предпріятій не воспослѣдовало. Преемникъ его, Мурадъ II (1421—51 г.), потерпѣлъ, правда, неудачу при нападеніи на Константинополь, но вскорѣ добился дани отъ греческаго императора, и теперь уже проницательный умъ могъ предугадать, что окончательная побѣда, благодаря распаденію византійской имперіи на отдѣльныя области, останется за турками. Въ этомъ положеніи помощь могла прійти только съ запада; попытка Альбрехта II (въ 1439 г.) окончилась его смертью во время похода (см. стр. 229). Но до тѣхъ поръ пока существовало раздѣленіе церквей, нельзя было помышлять о серьезномъ крестовомъ походѣ римско-католическаго христіанства на защиту греческой Византіи противъ невѣрныхъ. Чтобы помочь дѣлу, въ 1439 г. было провозглашено въ Феррарѣ соединеніе обѣихъ церквей; правда, соглашеніе существовало только на бумагѣ, такъ какъ противорѣчія между обоими вѣроисповѣданіями были непримиримы (см. стр. 219). Но папа Евгеній IV съ этихъ поръ серьезно берется за дѣло и начинаетъ на западѣ проповѣдь крестоваго похода. Князь Семиградскій Янъ Гуніяди одержалъ побѣды, въ 1441 г. при Бѣлградѣ, въ 1442 г. при Марошѣ-Сентъ-Имре и при Желѣзныхъ Воротахъ, надъ турецкими арміями, несмотря на ихъ численное превосходство. Итакъ, турки не были непобѣдимы. Въ слѣдующемъ году тотъ же князь повелъ къ Балканамъ сильное войско, состоявшее изъ всѣхъ сосѣднихъ дунайскихъ народностей. Уже изо всѣхъ странъ Запада стали получаться обѣщанія принять участіе въ слѣдующемъ походѣ, когда лѣтомъ 1444 г. султанъ Мурадъ заключилъ съ королемъ венгерскимъ Владиславомъ десятилѣтнее перемиріе, въ которомъ всѣ преимущества были на сторонѣ Венгріи; но безъ участія Венгріи борьба съ турками была бы безнадежной. Всетаки, благодаря хлопотамъ кардинала Юліана, война началась вновь; Владислава тоже убѣдили принять въ ней участіе. На этотъ разъ сухопутному войску долженъ былъ помогать флотъ. Но венгерское войско оказалось въ одиночествѣ при встрѣчѣ съ Мурадомъ; генуэзскія суда, прельстившись постыднымъ заработкомъ, переправили непріятелей черезъ Босфоръ. 10 ноября 1444 г. произошло сраженіе при Варнѣ; Владиславъ былъ убитъ и все венгерское войско обратилось въ бѣгство. Гуніяди тоже былъ разбитъ Мурадомъ въ кровопролитномъ сраженіи 17—19 октября 1448 г. при Коссовомъ полѣ въ Сербіи.

Когда Мурадъ умеръ въ 1451 г., ему наслѣдовалъ сынъ его Мухаммедъ II Буюкъ (1451—1481; портретъ его на таблицѣ „Шесть османскихъ султановъ“ въ V т.); онъ твердо рѣшился совершенно покончить съ отжившей византійской имперіей и сдѣлать своей столицей Константинополь. Императоръ Константинъ не пожелалъ сдаться и осенью 1452 г. началась осада Константинополя. На помощь съ Запада нельзя было надѣяться, хотя императоръ вступилъ въ сношенія съ папой Николаемъ V; именно греческій народъ чувствовалъ сильнѣйшее отвращеніе къ возсоединенію съ римской церковью. Султанъ съ несчетными силами обложилъ городъ, располагавшій далеко не достаточнымъ гарнизономъ. Незначительную помощь подала императору только республика Генуя, флотъ которой былъ гораздо лучше турецкаго. 29 мая 1453 года Константинополь палъ наконецъ подъ натискомъ турокъ; императоръ Константинъ палъ въ бою, большая часть жителей была перерѣзана; уцѣлѣвшіе были проданы въ рабство, городъ разграбленъ. Мухаммедъ не позволилъ разрушать построекъ; онъ хотѣлъ устроить здѣсь свою резиденцію. О заселеніи ея онъ

озаботился насильственнымъ привлеченіемъ жителей изъ Малой Азіи, и обращеніе храма Святой Софіи въ мечеть возвѣстило міру о побѣдоносномъ вступленіи ислама въ византійскую столицу.

Горестная вѣсть о паденіи Константинополя быстро облетѣла всю Европу; но тщетно папы Николай, Каликстъ и Пій II старались ревностной проповѣдью отпущенія грѣховъ поднять христіанство на крестовый походъ противъ свирѣпаго врага религіи. Но хотя ни одинъ изъ свѣтскихъ властителей, кромѣ Гуніяди, не ополчался на врага, подъ крестовыя знамена все таки стеклась воодушевленная толпа, составленная изъ всѣхъ слоевъ общества. Подъ начальствомъ Іоанна Капистрано, ревностнаго проповѣдника борьбы, эта армія выступила на защиту Бѣлграда, къ осадѣ котораго Мухаммедъ приступилъ въ 1456 г. Въ самомъ дѣлѣ удалось отразить войска султана и захватить богатую добычу, въ томъ числѣ турецкую осадную артиллерію. Къ сожалѣнію черезъ нѣсколько дней умеръ отъ чумы Янъ Гуніяди (11 августа 1456 г.), единственный государь, который до сихъ поръ могъ выказывать врагу серьезное сопротивленіе; но завоевательныя стремленія Мухаммеда были на нѣкоторое время отвлечены отъ Запада, благодаря различнымъ возстаніямъ среди покоренныхъ народовъ. Только съ Венеціей онъ продолжалъ войну, болѣе пятнадцати лѣтъ, изъ за владѣній этой республики въ Греціи; вскорѣ по заключеніи мира (1479 г.) Мухаммедъ появляется и въ Италіи, гдѣ занимаетъ Отранто. Впрочемъ по смерти его въ маѣ 1481 г. османы были вынуждены очистить этотъ опорный пунктъ.

И въ теченіе этого времени продолжались мелкіе набѣги на австрійскія владѣнія и на Венгрію, но противъ этого имперія не принимала никакихъ мѣръ, потому что князья въ наступленіи турокъ видѣли опасность только для наслѣдныхъ владѣній императора Фридриха. Послѣдній тоже ясно сознавалъ размѣры этой опасности. Еще по полученіи извѣстія о паденіи Константинополя онъ созвалъ въ Регенсбургъ имперскій сеймъ, чтобы устроить крестовый походъ противъ турокъ. Рѣшеніе вопроса было отложено до слѣдующаго сейма. Въ самомъ дѣлѣ на съѣздѣ во Франкфуртѣ князья обѣщали выставить 10,000 всадниковъ и 30,000 пѣхотинцевъ, — но обѣщанія этого не выполнили. Пій II прилагалъ всѣ возможныя усилія. Въ 1459 г. онъ созвалъ съѣздъ князей въ Мантуѣ, чтобы обсудить вопросъ о крестовомъ походѣ; но князья не явились, а только прислали своихъ представителей. Чтобы повліять на князей, папа отправилъ въ Германію кардинала Бессаріона; и это не помогло. На рейхстагахъ 1466 и 1467 гг. снова велись длинныя пренія о турецкой войнѣ — и опять безъ успѣха. Только на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ 1471 г., гдѣ присутствовалъ самъ императоръ и много князей, удалось нѣсколько подвинуть дѣло. Императоръ требовалъ немедленнаго сбора 10,000 человѣкъ для защиты границъ своихъ наслѣдныхъ областей, и князья соглашались исполнить его желаніе; сопротивлялись только города. Дѣло кончилось и въ этотъ разъ только обсужденіемъ мѣропріятій для большого похода на слѣдующій годъ. Несмотря на всѣ рѣчи и постановленія, до сихъ поръ противъ врага христіанства ничего не было сдѣлано; то же оказалось и въ 1474 г., когда исключительно для той цѣли былъ созванъ рейхстагъ въ Аугсбургѣ. По счастью Баязетъ II, сынъ умершаго въ 1481 году Мухаммеда II, не отличался воинственными наклонностями своего отца и далъ нѣсколько оправиться сильно пострадавшимъ пограничнымъ областямъ. Преемникъ его Селимъ (1512—1520 г.) былъ тоже болѣе занятъ дѣлами на востокѣ своего царства и меньше могъ помышлять о вторженіяхъ въ Германію. Тѣмъ не менѣе опасность для Германской имперіи продолжала существовать, и стала больше, чѣмъ когда либо, при Сулейманѣ, который въ 1529 г. появился подъ стѣнами Вѣны.

На самомъ дѣлѣ въ XVI вѣкѣ имперія могла уже легче вступить въ

борьбу, такъ какъ была установлена турецкая подать, которая конечно поступала не аккуратно и не цѣликомъ, но всетаки предоставляла въ распоряженіе нѣкоторыя средства. Во всякомъ случаѣ, разрѣшая это обложеніе капитала податью въ 1/10 процента, имперскія сословія въ принципѣ признали, что борьба съ невѣрными является обязанностью Германской имперіи и народа, а не только дѣломъ пограничныхъ князей и ихъ территорій.

II. Максимиліанъ I (1493—1519 г.) и имперская реформа.

a) Обзоръ имперскаго уложенія до восшествія на престолъ короля Макса.

Описанный выше (стр. 180, 184, 202, 215 и 231) упадокъ нѣмецкаго королевскаго могущества постепенно повлекъ за собою разложеніе стараго имперскаго порядка, покоившагося только на преданіи и основаннаго на формахъ леннаго устройства. Золотая булла сдѣлала попытку утвердить порядокъ, существовавшій въ половинѣ XIV вѣка, и своей кодификаціей имперскаго права создала, по крайней мѣрѣ принципіально, очень важную вещь. Но правовой порядокъ развивался дальше независимо отъ желаній законодателя, и законъ слишкомъ скоро совершенно устарѣлъ. Въ борьбѣ между князьями и городами, которая не была еще рѣшена къ концу XIV вѣка, побѣда въ XV вѣкѣ окончательно осталась за первыми; а по отношенію къ королевской власти они чувствовали себя настоящими господами: болѣе или менѣе ясно сознанной цѣлью ихъ въ области имперскаго уложенія было не что иное, какъ выработка федеративнаго уложенія, въ которомъ королю остался бы только титулъ и почетное предсѣдательство.

Но чѣмъ слабѣе было королевство, тѣмъ ревностнѣе оно охраняло немногія оставшіяся у него права и далеко не было склонно согласиться на предложенія князей. А между тѣмъ потребность въ реформѣ, хотя бы только въ виду полнаго упадка имперскаго военнаго уложенія, была общепризнана. Эти задачи неоднократно обсуждались на рейхстагахъ; но ни король, ни князья, ни города не были склонны пожертвовать хотя бы самую скромную часть своихъ правъ въ пользу цѣлаго. На встрѣчу государственнымъ дѣятелямъ явился Николай Кузанскій съ готовой системой имперскаго уложенія, которою онъ пытался заинтересовать на Базельскомъ соборѣ императора Сигизмунда (стр. 166), но все это ни къ чему не вело. Анонимная „Реформація императора Зигмунда“ съ ея проектами реформъ, въ которыхъ выражалось тонкое пониманіе явленій времени, прошла безслѣдно. Франкфуртскій сеймъ 1434 года еще разъ обратилъ вниманіе на эту серьезную задачу. Тамъ пришли къ соглашенію относительно шестнадцати главныхъ пунктовъ, которые должны были повести къ улучшенію имперской конституціи. Но выполненіе было отложено до слѣдующаго съѣзда, который не состоялся. Мы уже говорили о стараніяхъ Альбрехта II (стр. 229); его предложенія о возстановленіи земскаго мира, доложенныя канцлеромъ Каспаромъ Шликомъ на двухъ нюрнбергскихъ сеймахъ 1438 г., не встрѣтили одобренія князей, которые находили, что городамъ отдано передъ ними предпочтеніе. Если бы Альбрехтъ былъ долговѣчнѣе, то ему удалось бы вѣроятно провести нѣкоторыя реформы: онъ обладалъ нужными для этого дарованіями; поэтому съ нимъ сошла въ могилу надежда націи.

Какъ при Людвигѣ Баварскомъ, такъ и при Фридрихѣ III имперскія реформы проводятъ князья и конечно въ своихъ выгодахъ. Императора они прямо упрекали въ томъ, что онъ ничего не хотѣлъ сдѣлать для реформы, и въ докладной запискѣ коллегіи курфюрстовъ 1453 г., составленной вѣроятно курфюрстомъ Іаковомъ Трирскимъ, говорится о курфюрстахъ,

какъ о „призванныхъ по должности совѣтникахъ и соправителяхъ императора“. Они выражаютъ желаніе участвовать не только въ совѣтѣ, но и при исполненіи рѣшеній, и надѣются такимъ образомъ снова поднять авторитетъ имперіи. Разумѣется, императоръ на этотъ разъ выказалъ въ своемъ сопротивленіи всю ту энергію, на которую только былъ способенъ; проведеніе этого проекта было бы равносильно его низложенію. Дальнѣйшая попытка, исходившая отъ чешскаго короля Георгія, въ 1463 г., точно такъ же разбилась о сопротивленіе, которое оказали и императоръ и князья.

Нѣсколько благопріятнѣе обстояли дѣла съ уложеніемъ о земскомъ мирѣ. Такъ какъ во всѣхъ областяхъ Германіи бушевали опустошительныя и кровопролитнѣйшія усобицы, несмотря не провозглашеніе законовъ о земскомъ мирѣ, то самому тупому наблюдателю должно было стать ясно, что главная задача совѣщаній лежитъ не въ установленіи закона, а во введеніи исполнительной власти. Уже на нюрнбергскомъ рейхстагѣ 1466 г. былъ составленъ планъ создать такую исполнительную власть для отдѣльныхъ областей на федеративныхъ основахъ, другими словами, вновь вернулись къ проекту о раздѣленіи имперіи на округи для охраны земскаго мира: слѣдовательно къ той самой мысли, которая содержалась уже въ постановленіяхъ о земскомъ мирѣ короля Вацлава 1381 г. и короля Альбрехта II. Правда, и теперь ничто подобное не было осуществлено на практикѣ; но „Швабскій союзъ“ (см. стр. 233), существовавшій съ 1488 г., явился въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ для Верхней Германіи, въ первый разъ такимъ органомъ, который обладалъ достаточными средствами, чтобы принудить сильнѣйшихъ владѣльцевъ въ своей области къ сохраненію земскаго мира.

б) Начало правленія Макса. Миланъ и Венеція.

Таково было положеніе вопроса имперской реформы при кончинѣ императора Фридриха III. Всѣ надежды націи были возложены на его юнаго даровитаго сына, отъ котораго весь свѣтъ считалъ себя въ правѣ ожидать чего то необыкновеннаго. Но задача была не легка и, можетъ быть, оказывалась еще труднѣе для энергичнаго короля Макса, чѣмъ была бы она для болѣе скромнаго дѣятеля, который могъ бы рѣшиться и въ теоріи принести въ жертву на алтарь отечества часть тѣхъ коронныхъ правъ, которыя на практикѣ были давно уже утрачены. Въ лицѣ Бертольда Майнцскаго (см. стр. 233) король Максъ нашелъ, по крайней мѣрѣ на первое время, совѣтника, обладавшаго нужной проницательностью, чтобы помочь королю въ его предпріятіяхъ. Князья и города тоже готовы были оказать свое содѣйствіе, поскольку для этого имъ не пришлось бы отрекаться отъ какихъ нибудь правомочій.

Но въ первое время эти задачи были у короля на заднемъ планѣ. Онъ былъ занятъ грандіознымъ проектомъ энергично воспротивиться турецкому наступательному движенію, увѣнчавшись лаврами побѣды надъ турками, возложить на себя императорскую корону и затѣмъ уже, увеличивъ такимъ путемъ свое вліяніе, провести имперскую реформу. Вотъ мысль, которая для насъ очевидно выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ короля до конца 1494 г. Съ самой ранней юности его занимала идея войны съ турками и еще за нѣсколько недѣль до смерти Фридриха отецъ и сынъ совмѣстно начали приготовленія къ устройству союза для борьбы съ невѣрными. Усилія ихъ были тщетны; непріятель не только не смутился этими приготовленіями, но съ увеличенной дерзостью вторгся въ Хорватію и отступилъ съ богатой добычей, раньше чѣмъ Максъ подоспѣлъ на выручку. Послѣ этого король безуспѣшно старается съ помощью своихъ наслѣдственныхъ владѣній собрать войско для защиты, на первое время, хотя бы только Хорватіи. Въ августѣ 1494 послѣдовало новое турецкое

вторженіе въ эту область; въ октябрѣ отъ турокъ пострадала и Крайна. Наконецъ становилось ясно всѣмъ, что безъ дѣятельной помощи со стороны имперіи Хорватія будетъ отторгнута отъ христіанскаго міра, и что ея включеніе въ составъ Турецкой имперіи представитъ серьезную опасность для Германіи. Не смотря на всѣ старанія короля, не было предпринято никакихъ важныхъ мѣръ; поэтому въ апрѣлѣ 1495 г. Максъ присоединился къ трехлѣтнему перемирію, которое заключилъ съ султаномъ Владиславъ Венгерскій.

Еще при жизни отца Максъ былъ помолвленъ съ принцессой Бланкой Маріей Миланской и обезпечилъ ея дядѣ, Лодовико Моро, ленную власть надъ герцогствомъ Миланскимъ. Къ этому его побудило столько же предстоявшее бракосочетаніе, которое должно было принести ему 300,000 дукатовъ приданаго, сколько и надежда на помощь Лодовико въ готовившейся турецкой войнѣ. По смерти императора Фридриха состоялось въ ноябрѣ 1493 г. бракосочетаніе короля съ миланской принцессой. Въ самомъ дѣлѣ Максъ въ сентябрѣ 1494 г. пожаловалъ Миланское герцогство, какъ выморочное имперское владѣніе, въ ленъ Лодовико Моро и его наслѣдникамъ въ мужской линіи. Торжественная инвеститура послѣдовала въ ноябрѣ 1495 г.

Едва Максъ прибылъ въ имперію, чтобы въ первый разъ явиться тамъ въ качествѣ короля, какъ важнѣйшей задачей его стало устранить, въ интересахъ будущаго похода на турокъ, своимъ верховнымъ велѣніемъ войну, давно грозившую вспыхнуть между курфюрстами Майнцскимъ и Пфальцскимъ; и въ самомъ дѣлѣ ему удалось въ августѣ 1495 г. устроить соглашеніе. Еще передъ этимъ былъ продолженъ на три года, слѣдовательно до 1499 г., земскій миръ, установленный въ 1486 г. на десять лѣтъ; въ это время, какъ видно, король еще не высказывалъ идеи вѣчнаго земскаго мира. Въ первое время онъ снова занялся итальянскими дѣлами. Лодовико Моро, тѣснимый Карломъ VIII Французскимъ, желалъ посредничества Макса для заключенія мира между Карломъ и Неаполемъ. Оба короля согласились на это посредничество. Свиданія назначались нѣсколько разъ, но не могли состояться, такъ какъ въ самый благопріятный моментъ Макса задержала борьба съ Карломъ Гельдернскимъ. Затѣмъ королю пришлось вступить въ Нидерланды, гдѣ по желанію сословій правленіе приняль въ свои руки пятнадцатилѣтній эрцгерцогъ Филиппъ. Чѣмъ меньшими симпатіями пользовался въ Нидерландахъ самъ король Максъ, тѣмъ больше надѣялись нидерландцы справиться съ его покладистымъ сыномъ Филиппомъ. Бракосочетаніе его съ испанской инфантой Іоанной, оказавшее впослѣдствіи такое вліяніе на судьбы Европы, состоялось въ октябрѣ 1496 г. При этомъ отецъ и сынъ не столько помышляли о пріобрѣтеніи путемъ этого брака испанской короны, сколько о томъ, чтобы союзомъ между испанскимъ и габсбургскимъ королевскими домами составить противовѣсъ могучей французской коронѣ. Въ 1497 г. и Маргарита, дочь короля Макса отъ перваго брака, была обвѣнчана съ инфантомъ Іоанномъ, единственнымъ сыномъ Фердинанда и Изабеллы. Но бракъ ихъ длился недолго: наслѣдникъ испанскаго престола умеръ и Маргарита черезъ два года вернулась въ Германію вдовою.

Хотя германскій король и не имѣлъ личнаго свиданія съ Карломъ VIII, но теперь монархи сблизились при помощи посольствъ. Въ результатѣ переговоровъ Франція получила свободу дѣйствій въ Неаполѣ, но за то Габсбургу доставалась Венеція, которая была такой важной позиціей въ случаѣ войны съ турками. И въ самомъ дѣлѣ проектъ турецкой войны въ это время сильно интересовалъ обоихъ государей, а между тѣмъ Венеція до сихъ поръ не оказывала Максу никакого содѣйствія и даже категорически отказывалась отъ всякаго участія въ войнѣ съ турками. Но когда въ концѣ 1494 г. Карлъ VIII вступилъ въ Римъ и стало гласнымъ

его намѣреніе добиться императорской короны, тогда Максъ началъ искать союза съ Венеціей, чтобы открыть себѣ свободный путь въ Римъ и къ достиженію императорскаго сана. Дальнѣйшія событія, вызвавшія заключеніе „священной лиги", уже были изложены выше (стр. 228).

в) Общій пфеннигъ, земскій миръ и камерный судъ.

Итакъ приходилось поторопиться съ римскимъ походомъ, который Максъ сначала хотѣлъ отложить до побѣды надъ турками. Но для подготовленія похода необходимо было созвать имперскій сеймъ, чего настоятельно требовали и назрѣвшіе проекты реформъ. Въ концѣ марта 1495 г. въ Вормсѣ собрался рейхстагъ. Король требовалъ для защиты Милана „спѣшной помощи" и кромѣ того „продолжительной помощи", то есть постояннаго войска по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ, но за то онъ соглашался на обсужденіе реформы имперскаго уложенія. Сословія, со своей стороны, соглашались обсудить учрежденіе постояннаго имперскаго войска, но не хотѣли даже слышать о немедленномъ походѣ въ Римъ; главной цѣлью большинства князей была именно коренная реформа имперскаго права, находившая свое высшее выраженіе въ установленіи сословнаго имперскаго совѣта; это было бы равносильно полному преобразованію имперскаго уложенія въ смыслѣ введенія федеративно - государственнаго строя. Курфюрстъ Бертольдъ Майнцскій былъ главнымъ вдохновителемъ этихъ начинаній. Отъ него исходили категорическія предложенія, которыя главнымъ образомъ должны были въ интересахъ имперіи усилить вліяніе курфюрстовъ, но были въ общемъ сочувственно встрѣчены и остальными князьями, и городами. Отрицательно отнеслись къ нимъ только Виттельсбахи и ландграфъ Гессенскій. Въ концѣ апрѣля сейму было доложено предложеніе майнцскаго курфюрста, по которому все управленіе имперіей поручалось бы на извѣстный срокъ имперскому совѣту изъ семнадцати членовъ. Только тѣ приказы короля должны были имѣть законную силу въ имперіи, которые проходили черезъ этотъ совѣтъ; главнѣйшими-же его задачами было бы возстановленіе мира и порядка въ имперіи, управленіе и расходованіе имперскихъ доходовъ и надзоръ за военными силами имперіи. Такъ какъ наложеніе опалы должно было принадлежать создавшемуся одновременно камерному суду, то за королемъ оставались только почетныя права, тогда какъ имперскій совѣтъ въ важныхъ случаяхъ обязанъ былъ сообразоваться съ мнѣніемъ курфюрстовъ.

Получивъ сообщеніе объ этихъ проектахъ, король медлилъ отвѣтомъ. Для него было ясно, что эти мѣры не оставятъ за нимъ того верховенства, которое онъ считалъ себя въ правѣ требовать. Явившись лично на сеймъ въ началѣ мая, онъ объявилъ, что требуемая имъ „спѣшная помощь" заключается въ суммѣ 100,000 гульденовъ, которые чины должны доставить ему въ шестинедѣльный срокъ (50,000 онъ надѣялся получить отъ своихъ фамильныхъ владѣній). Князья на это отвѣчали, что до возстановленія порядка и мира въ имперіи нельзя разсчитывать на какую либо денежную поддержку. Впрочемъ, сословія, принявъ во вниманіе положеніе дѣлъ въ Италіи, соглашались доставить деньги, но за расходованіемъ ихъ долженъ былъ надзирать комитетъ изъ сословныхъ депутатовъ. Однако деньги не были собраны, главнымъ образомъ по винѣ городовъ, которые были бы въ состояніи доставить требовавшуюся сумму, но непремѣнно хотѣли раньше провести принятіе предложенныхъ проектовъ реформы имперскаго уложенія.

До сихъ поръ король оффиціально не высказывался о программѣ реформъ; онъ сдѣлалъ это только 22 іюня. Отвѣтныя предложенія, которыя онъ въ этотъ день представилъ рейхстагу, были почти полной противоположностью тому, что предлагали сословія. Какъ ни казалось ему, при его

постоянной нуждѣ въ деньгахъ, желательнымъ введеніе имперскаго налога, „общаго пфеннига“, все таки въ установленіи имперскаго совѣта онъ видѣлъ умаленіе своего верховенства. Только на время своего отсутствія изъ имперіи Максъ соглашался признать имперскій совѣтъ. Начались утомительные переговоры между королемъ и чинами; послѣдніе понимали, что король вынужденъ пойти на какія нибудь уступки, и во что бы то не стало хотѣли этимъ воспользоваться. Относительно земскаго мира и камернаго суда можно было, цѣною незначительныхъ измѣненій, получить его согласіе; за то сословія отказались отъ установленія имперскаго совѣта. 27 іюля король принялъ возобновленные въ отдѣльности законопроекты относительно общаго пфеннига, земскаго мира и камернаго суда, а 7 августа онъ подписалъ четыре акта, вводившіе уложеніе о камерномъ судѣ, земскомъ мирѣ, охранительныхъ мѣрахъ этого мира и объ общемъ пфеннигѣ. За то Максъ получилъ, кромѣ обѣщанныхъ уже 150,000 гульденовъ, еще поручительство сословій для заключенія займа въ такую же сумму.

Важнѣйшимъ изъ этихъ постановленій была несомнѣнно финансовая реформа, доставившая средства для содержанія камернаго суда и имперскаго войска. Далеко еще не было выяснено, какія средства на дѣлѣ доставитъ общій пфеннигъ, представлявшійся подушной и поимущественной податью; самая система взиманія не отличалась простотой; податными контролерами владѣльческихъ областей являлись приходскіе священники. На первый разъ взиманіе налога было разрѣшено только на четыре года, въ видѣ опыта; послѣ этого срока долженъ былъ подвергнуться новому обсужденію не самый налогъ, а только способъ его взиманія. Въ началѣ сборовъ вовсе не поступало. Владѣтельные князья прежде должны были прійти къ соглашенію со своими чинами, пфальцскій курфюрстъ даже вовсе отказался отъ налога, а отъ остальныхъ присутствовавшихъ на сеймѣ князей, какъ и отъ вовсе не представленнаго въ собраніи имперскаго рыцарства, приходилось еще добиться изъявленія готовности на уплату налога. Еще лѣтомъ 1496 г. для многихъ территорій даже не были назначены комиссары, которые должны были передавать собранныя суммы семи имперскимъ казначеямъ. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи административныхъ имперскихъ органовъ и при свойственной той эпохѣ полной неопытности во взиманіи налоговъ, деньги не могли быть собраны такъ скоро, какъ разсчитывалъ король. Между тѣмъ въ Бургундіи и другихъ областяхъ даже вовсе не думали объ уплатѣ подати. Рыцарство Швабіи тоже отнеслось къ налогу отрицательно, а также и Швейцарскій союзъ, который не хотѣлъ признавать и имперскаго камернаго суда и вслѣдствіе этого, послѣ вяло проведенной королемъ въ 1499 г. войны, фактически вышелъ изъ состава Германской имперіи. Со стороны сословій обѣщанія денежной помощи, данныя въ 1495 г., не были выполнены, но и король не сдержалъ своихъ обѣщаній: онъ продолжалъ вести иностранную политику по своему усмотрѣнію, и старался, не появляясь на рейхстагахъ, использовать по возможности большую часть поступившихъ въ казну денегъ безъ сословнаго контроля.

Въ Италіи къ началу 1496 г. положеніе дѣлъ мало измѣнилось. И Миланъ и Венеція настоятельно желали личнаго присутствія Макса. Въ самомъ дѣлѣ онъ двинулся въ августѣ черезъ Альпы, послѣ того какъ въ іюлѣ къ священной лигѣ присоединилась Англія. Максъ явился не какъ король, а какъ наемный полководецъ Венеціи и Милана: оба приглашали его еще въ маѣ и обѣщали ему по 30,000 дукатовъ, если онъ выставитъ въ поле на три мѣсяца 2000 всадниковъ и 4000 пѣхотинцевъ. Не смотря на это, войско Макса было крайне слабо: въ концѣ августа онъ имѣлъ еще не болѣе 600 человѣкъ и только что успѣлъ приступить къ вербовкѣ швейцарцевъ. Венеція оказалась вовсе не готовой къ уплатѣ

денегъ и даже предпочла бы, чтобы Максъ не являлся. Но онъ уже былъ на лицо и съ начала сентября старался утѣснить военнымъ постоемъ зависимыя отъ Франціи западныя области Италіи и, если возможно, привлечь ихъ на сторону враждебной французамъ лиги. Самымъ лучшимъ средствомъ удержать за собой преобладаніе было бы теперь занятіе альпійскихъ проходовъ, что преградило бы доступъ французскимъ подкрѣпленіямъ. Но Венеція, а подчиняясь ей, и Миланъ воспротивились этому плану и такимъ образомъ своекорыстная политика Венеціи помѣшала воспользоваться въ интересахъ лиги военными выгодами положенія. Вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Германію, Максъ мечталъ о широкихъ военныхъ предпріятіяхъ одновременно въ Италіи и Бургундіи, но для этого, къ сожалѣнію, совершенно не было ни денегъ, ни войскъ. Съ другой стороны, уже не подымалась и рѣчь о серьезныхъ дѣйствіяхъ для полученія императорской короны, хотя пособіе, обѣщанное имперскими чинами въ Вормсѣ, предназначалось главнымъ образомъ для этой цѣли. Въ октябрѣ король прибылъ въ Пизу, чтобы начать осаду важнаго пункта Ливорно. Но къ концу мѣсяца прибылъ нетерпѣливо ожидавшійся осажденными французскій флотъ, и благопріятный вѣтеръ далъ ему возможность войти въ гавань Ливорно; попытки Макса не допустить прорыва непріятеля не имѣли успѣха. Въ концѣ концовъ предпріятіе потерпѣло неудачу, въ серединѣ ноября осада была снята и такъ какъ истекъ договорный трехмѣсячный срокъ, то въ декабрѣ Максъ отправился обратно за Альпы, хотя какъ разъ въ это время грозилъ новый походъ Карла VIII и теперь даже Венеція охотно удержала бы короля на нѣкоторое время въ Италіи. Но онъ руководствовался главнымъ образомъ надеждой на лучшіе успѣхи предпріятія въ Бургундіи.

26 декабря 1496 г. Максъ уже былъ въ Тиролѣ, именно въ Мальсѣ. Но онъ не направился, какъ слѣдовало ожидать, на рейхстагъ въ Линдау, гдѣ Бертольдъ Майнцскій пытался въ подробностяхъ установить отношенія короля къ государству: самое обсужденіе подобныхъ вопросовъ казалось Максу почти государственной измѣной. Естественной задачей сейма въ Линдау было разсмотрѣніе и содѣйствіе осуществленію вормскихъ постановленій; малое число посѣтителей и отсутствіе короля не благопріятствовали исполненію задачи. 9 февраля 1497 г. рейхстагъ былъ закрытъ; вскорѣ собрался новый сеймъ въ Вормсѣ, тоже немноголюдный. Единственнымъ результатомъ его было фактическое собраніе имперскаго камернаго суда въ концѣ мая. Несмотря на всѣ усилія, общій пфеннигъ все еще не поступалъ изъ многихъ территорій; попытки короля сдѣлать какой нибудь заемъ въ счетъ будущихъ доходовъ тоже не имѣли успѣха. Только когда онъ далъ положительное обѣщаніе лично явиться на слѣдующій сеймъ въ Фрейбургъ въ Б., тогда сословія согласились выдать ему въ счетъ доходовъ 4000 гульденовъ. Но король, слишкомъ занятый дѣлами своихъ наслѣдныхъ владѣній, не явился и во Фрейбургъ; сословія ждали его отъ октября 1497 г. до лѣта 1498 г. Максъ оставался въ Иннсбрукѣ; тамъ его застало извѣстіе о смерти Карла VIII и отсюда онъ началъ требовать войско для войны съ Франціей. И въ самомъ дѣлѣ, 7000-ное войско Макса вступило въ непріятельскую страну. Но ни лига, ни князья, — въ томъ числѣ и сынъ короля, Филиппъ, — не желали принимать участія въ борьбѣ. Фридриху Саксонскому было поручено веденіе переговоровъ, и военныя дѣйствія были прерваны. Эрцгерцогъ Филиппъ съ своей стороны уже успѣлъ войти въ сношенія съ Людовикомъ XII и 15 августа далъ торжественное обязательство принести ленную присягу за Фландрію и Артуа. Одновременно съ этимъ Филиппъ отрекся отъ притязаній на Верхнюю Бургундію, чѣмъ разгнѣвалъ своего отца, который разсчитывалъ добиться болѣе благопріятныхъ результатовъ, если бы соглашеніе состоялось при участіи его дипломатовъ.

Явившись наконецъ 18 іюня на сеймъ въ Фрейбургъ, Максъ и тутъ высказалъ рѣшительное намѣреніе немедленно двинуться въ походъ на Францію. Послѣ жаркихъ преній сословія наконецъ согласились доставить неполученную еще королемъ часть 150,000 гульденовъ, но подъ условіемъ, чтобы онъ далъ отчетъ въ израсходованной уже суммѣ. Чины обѣщали вступиться передъ Франціей за интересы имперіи, но возлагали на короля обязанность заботиться о взысканіи „общаго пфеннига" и о поддержаніи мира и правосудія. Впервые на этомъ рейхстагѣ была сдѣлана попытка оцѣнить возможную доходность налога; заплатили 14 аббатовъ и 27 городовъ; изъ князей только архіепископъ Майнцскій, поскольку ему самому удалось взыскать налогъ. Открытое сопротивленіе теперь высказывало только имперское рыцарство; всѣ остальные были готовы платить. Въ области имперскаго уложенія было принято нѣсколько важныхъ постановленій, являвшихся дальнѣйшими шагами на пути, намѣченномъ Вормсскимъ проектомъ реформъ. Въ заключительномъ постановленіи сейма, отъ 24 августа, замѣчается извѣстный прогрессъ, хотя полное завершеніе преобразованій должно было произойти уже на слѣдующемъ рейхстагѣ въ Вормсѣ.

Предательское нападеніе французовъ, несмотря на перемиріе и непрекращавшіеся переговоры, побудило короля къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Со всѣми войсками, находившимися въ его распоряженіи, онъ 12 сентября былъ уже въ Мемпельгардѣ и двигался вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, но не могъ настичь его. На обратномъ пути онъ не на долго остановился въ Мецѣ; попытка установить съ Франціей перемиріе на болѣе продолжительный срокъ кончилась неудачей. Столь же безуспѣшны были старанія короля удержать своего сына отъ соглашенія съ Франціей. Наконецъ, въ началѣ 1499 г. Людовикъ заключилъ союзъ съ Венеціей, и примиреніе стало для Макса совершенно немыслимымъ, хотя въ это время силы его сильно отвлекались вновь вспыхнувшей войной съ Гельдерномъ и уже упомянутыми выше (стр. 241) событіями въ Швейцаріи. Къ тому же назначенный въ Вормсѣ рейхстагъ не состоялся; изъ за гельдернской распри король перенесъ сеймъ въ Кельнъ, куда не явился лично, а оттуда, изъ за швейцарскихъ событій, въ Юберлингенъ. Между тѣмъ эрцгерцогъ Филиппъ фактически принесъ французскому королю обѣщанную имъ въ 1498 г. ленную присягу. Людовикъ XII немедленно выразилъ готовность явиться третейскимъ судьей между нижнерейнскими территоріями, Юлихомъ, Клеве и Гельдерномъ. Несмотря на усиленные протесты нѣмецкаго короля, грозившаго князьямъ лишеніемъ ихъ регалій, въ концѣ года подъ вліяніемъ Людовика состоялся миръ.

Еще прежде чѣмъ въ 1499 году имперія потеряла Швейцарію, во Фрисландіи кончили свое существованіе старинныя крестьянскія вольности. На фрейбургскомъ сеймѣ Максъ указомъ 20 іюля 1498 г. назначилъ герцога Альбрехта Саксонскаго губернаторомъ Фрисландіи. Итакъ, фризы получили государя; но они упрямо возставали противъ него, и борьба затянулась на долго. Впослѣдствіи графскому дому Цирксена все еще приходилось постоянно страдать отъ аннексіонныхъ попытокъ сосѣдей. Въ началѣ Тридцатилѣтней войны послѣдовало вторженіе Мансфельда, по уговору съ Генеральными штатами. Но наконецъ Пруссія получила отъ императора Леопольда права на эту область и завладѣла ею по смерти послѣдняго графа въ 1744 г. Морской берегъ былъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для Пруссіи; впрочемъ тотчасъ же основанныя торговыя общества не оправдали возлагавшихся на нихъ въ началѣ ожиданій.

г) Имперское правительство.

Нѣкогда, до избранія, Максъ пользовался славой талантливаго полководца; во всѣхъ походахъ, предпринятыхъ имъ послѣ восшествія на пре-

столъ, онъ оставался въ проигрышѣ. До сихъ поръ всѣ реформы во внутреннихъ дѣлахъ въ сущности были только уступками съ его стороны, вызванными его безграничною нуждою въ средствахъ. Но дѣло уже было начато, и сеймъ, созванный въ Аугсбургѣ на февраль 1500 г., долженъ былъ подвинуть его еще на шагъ впередъ. Хотя король прибылъ въ Аугсбургъ заблаговременно, совѣщанія начались только съ апрѣля. Для Макса важнѣйшимъ вопросомъ была помощь въ военныхъ предпріятіяхъ и онъ самъ выступилъ съ предложеніями. „Общій пфеннигъ“ вызывалъ повсемѣстное неудовольствіе; налогъ этотъ оказался только неудавшимся опытомъ. Поэтому теперь проектировалось создать на основаніяхъ, предложенныхъ еще въ 1486 г., постоянное имперское войско въ 34,000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для облегченія трудовъ имперскаго сейма предполагалось учредить постоянный комитетъ, имперское правительство, и вновь возстановить камерный судъ. Въ іюлѣ состоялось положеніе объ имперскомъ правительствѣ, и въ томъ же 1500 г. собрался въ Нюрнбергѣ и самый комитетъ. Но планъ короля относительно войска не встрѣтилъ одобренія сословій; напротивъ, князья, по иниціативѣ Бертольда, настаивали на привлеченіи къ имперской повинности всѣхъ подданныхъ имперіи. Каждыя 400 имущихъ лицъ должны были поставлять на свой счетъ солдата; владѣльцы выставляли одного солдата на каждые 4000 гульденовъ ренты. Города должны были платить $2^1/_2$ процента своихъ доходовъ, а евреи вносить поголовную подать въ одинъ гульденъ. Такимъ образомъ надѣялись составить войско тысячъ въ тридцать, и задачей имперскаго правительства должно было явиться главнымъ образомъ распоряженіе собранными деньгами. На такой почвѣ въ этотъ разъ Максъ пришелъ къ соглашенію съ имперскими чинами.

Наряду съ этими вопросами собраніе занималось и внѣшней политикой, именно отношеніями къ Франціи, откуда нѣкоторое время какъ будто угрожало нападеніе. Требованія имперскаго посольства, отправленнаго ко двору Людовика XII, не имѣли особаго дѣйствія, но войну на этотъ разъ удалось предотвратить. Людовикъ, во всякомъ случаѣ, былъ уже фактическимъ господиномъ Милана; попытка отнять у него это владѣніе врядъ ли могла бы оказаться удачной; поэтому имперское правительство сочло за самое благоразумное, предложить ему получить Миланъ въ ленъ отъ имперіи за извѣстное вознагражденіе. Король, вѣроятно, не слишкомъ серьезно относился къ этому предложенію; но чтобы предупредить князей, онъ въ октябрѣ 1501 года условился съ Людовикомъ объ уступкѣ ему въ ленъ Милана, если тотъ окажетъ Максу содѣйствіе при его походѣ въ Римъ.

Вскорѣ имперское правительство вступилось за нѣмецкій народъ въ одномъ вопросѣ, имѣвшемъ очень важное національное значеніе; дѣло шло объ объявленіи папскаго юбилейнаго отпущенія грѣховъ, проповѣдь котораго въ Германіи въ концѣ 1500 года была поручена папскому легату Перауди. Правда, доходы, какъ и десятинный сборъ со всѣхъ церковныхъ имуществъ, назначенный еще лѣтомъ 1500 г., должны были пойти на веденіе войны съ турками. Но подобнымъ увѣреніямъ никто не вѣрилъ. Сначала кардиналу даже вовсе воспретили въѣздъ въ имперію; наконецъ онъ получилъ разрѣшеніе, когда далъ обязательство, что всѣ собранныя деньги останутся въ Германіи; король Максъ надѣялся на исполненіе своей мечты, разсчитывалъ этимъ способомъ получить средства для похода противъ турокъ. Въ концѣ концовъ имперское правительство должно было разрѣшить проповѣдь и сборъ денегъ, но рѣшительно воспротивилось обогащенію германскими деньгами папской казны. На этотъ разъ выручка съ продажи индульгенцій должна была пойти на поправленіе чрезвычайно разстроенныхъ средствъ имперской кассы. Соглашаясь на эту, безспорно значительную уступку, папа по крайней мѣрѣ

унималъ высказывавшееся уже кое-кѣмъ требованіе, чтобы курія возвратила всѣ внесенные до сихъ поръ аннаты и доходы съ прежнихъ индульгенцій. Конечно, всѣ эти протесты нѣмецкихъ князей имѣли въ виду только денежную сторону вопроса; казалось нежелательнымъ обогащеніе куріи на счетъ Германіи; нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ имперскихъ чиновъ какой нибудь протестъ противъ самыхъ индульгенцій, какъ церковнаго установленія.

Несомнѣнно, что проповѣдь отпущенія грѣховъ вновь оживила идею крестовыхъ походовъ; правительство для обсужденія этого вопроса созвало имперскій сеймъ во Франкфуртъ. Но король не явился. Онъ находилъ такой способъ дѣйствій слишкомъ медлительнымъ. Избравъ самостоятельный путь, онъ въ качествѣ сюзереннаго государя призвалъ князей на 1 іюня 1502 г. къ походу на турокъ; но этимъ призывомъ король рѣзко нарушалъ только-что созданное имперское уложеніе. Въ видѣ мѣры противодѣйствія Бертольдъ, у котораго Максъ кромѣ того истребовалъ обратно имперскую печать, созвалъ на май по старинному примѣру съѣздъ курфюрстовъ во Франкфуртъ. Члены съѣзда высказали королю рѣзкое порицаніе; они соглашались принять участіе въ походѣ на турокъ, но только послѣ долгихъ и тщательныхъ приготовленій. Между тѣмъ Максъ старался завладѣть деньгами, вырученными отъ продажи юбилейныхъ индульгенцій; но легатъ настаивалъ на исполненіи условій договора и соглашался передать поступившія суммы только имперскому правительству, которое въ это время по ходу событій было почти совершенно отстранено отъ дѣлъ. Король попытался пригласить курфюрстовъ для совѣщаній къ своему двору, но это ему не удалось; 4 іюля 1502 г. состоялся даже формальный союзъ курфюрстовъ, направленный противъ короля для охраны уложенія, созданнаго въ Вормсѣ и Аугсбургѣ. Для обсужденія турецкаго похода былъ назначенъ на ноябрь съѣздъ въ Гельнгаузенъ, куда предполагалось пригласить и остальныхъ князей. Максъ поспѣшилъ пригласить въ тотъ же городъ на августъ „усиленное имперское правительство", но затѣмъ отмѣнилъ приглашеніе, когда убѣдился, что никто ему не собирается послѣдовать. Съѣздъ курфюрстовъ не состоялся, такъ какъ король назначилъ на то же самое время рейхстагъ въ Гельнгаузенѣ; курфюрсты собирались перенести свой съѣздъ въ Вюрцбургъ. Наконецъ Максъ съ своей стороны отказался отъ плана немедленнаго похода противъ турокъ и оставилъ покамѣстъ мысль о созваніи рейхстага; напротивъ, онъ самостоятельно возстановилъ дѣйствія имперскаго камернаго суда. Между королемъ и курфюрстами установились натянутыя отношенія; но къ дѣйствіямъ ни одна изъ сторонъ не приступала. Финансовое положеніе короля измѣнилось къ лучшему, такъ какъ съ 1503 г. въ его кассу стала поступать значительная часть юбилейныхъ доходовъ. Въ октябрѣ этого года курфюрсты еще разъ собрались во Франкфуртѣ; они соглашались на созваніе рейхстага подъ условіемъ личнаго присутствія на немъ Макса; король уже проектировалъ на 1504 г. походъ въ Римъ и противъ турокъ.

По смерти герцога Георга Баварскаго вспыхнулъ споръ за Ландсгутское наслѣдство, взволновавшій всю верхнюю Германію. Споръ этотъ былъ рѣшенъ „кельнскимъ приговоромъ" лѣтомъ 1505 г. Во внѣшней политикѣ, между тѣмъ, Максъ достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ; въ сентябрѣ 1504 послѣдовалъ договоръ въ Блуа, за которымъ состоялось въ апрѣлѣ 1505 г. въ Гагенау окончательное соглашеніе съ Франціей. Людовикъ XII получилъ въ ленъ Миланское герцогство; наслѣдовать ему долженъ былъ помолвленный съ его дочерью Клавдіей сынъ эрцгерцога Филиппа, Карлъ, внукъ короля Макса. Такимъ образомъ Габсбурги сохраняли надежду вернуть себѣ Миланъ; кромѣ того Людовикъ вознаградилъ Макса за вводъ во владѣніе значительной суммой денегъ. Съ этихъ поръ

между обоими Габсбургами, отцомъ и сыномъ, и французскимъ королемъ устанавливается тѣсный союзъ; сферы ихъ интересовъ въ Италіи получаютъ разграниченіе. И хотя Людовикъ затѣмъ беззастѣнчиво нарушилъ договоръ, всетаки международное положеніе дома Габсбурговъ было теперь благопріятнѣе, чѣмъ въ предшествовавшее время, тѣмъ болѣе, что и съ Генрихомъ VII Англійскимъ существовали довольно хорошія отношенія.

Изъ Гагенау Максъ отправился внизъ по Рейну въ Кельнъ на рейхстагъ. Благопріятный исходъ баварскаго спора за наслѣдство, успѣхи внѣшней политики, побѣда надъ Карломъ Гельдернскимъ, — всѣ эти обстоятельства позволяли Максу снова посвятить свое вниманіе имперской реформѣ. Вѣроятно король уже понялъ, что безъ административныхъ органовъ немыслима никакая реформа, и поэтому онъ требовалъ учрежденія новаго имперскаго правительства, но на этотъ разъ монархическаго и только съ совѣщательнымъ голосомъ; его предложеніе совершенно отказывалось отъ прежней идеи сословнаго правительства. Но князья не желали согласиться на такое измѣненіе и отстранились отъ выработки реформъ. Постановленіе возобновить камерный судъ осталось только на бумагѣ; — да и откуда было взять средства на содержаніе этого суда? Для поддержанія своихъ притязаній на наслѣдованіе венгерскаго престола король потребовалъ отъ имперіи 4000 человѣкъ на одинъ годъ, и его просьба была уважена. Средства были доставлены по старинному способу, матрикулярными взносами; такимъ образомъ мысль о прямой имперской подати была окончательно оставлена. И въ этотъ разъ планы Макса потерпѣли неудачу; онъ вошелъ съ Владиславомъ въ дипломатическія сношенія и въ результатѣ ихъ состоялся въ мартѣ 1506 г. договоръ, по которому венгерская принцесса Анна должна была выйти замужъ за одного изъ внуковъ Макса. Но и этимъ еще не была устранена опасность, такъ какъ слѣдовало ожидать самаго серьезнаго сопротивленія этому браку со стороны венгерскаго дворянства. Требованіе Габсбурга, чтобы дворянство возобновило свои обѣщанія относительно габсбургскаго престолонаслѣдія, данныя въ 1491 г., вызвало даже войну. Въ іюнѣ 1506 г. король Максъ съ значительнымъ войскомъ вступилъ въ Венгрію; Эденбургъ былъ взятъ, затѣмъ палъ и Пресбургъ. Распрю прекратило рожденіе венгерскаго принца, получившаго имя Людовика; онъ являлся теперь единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Владислава. Но по вѣнскому миру 19 іюля 1506 г. всетаки были категорически установлены наслѣдственныя притязанія Макса на Венгрію.

д) Международная политика въ Италіи.

Между тѣмъ казалось, что наконецъ наступили благопріятныя обстоятельства для похода въ Римъ, разрѣшеннаго еще кельнскимъ рейхстагомъ 1505 г.; папа Юлій II открыто разорвалъ сношенія съ Франціей, а эрцгерцогъ Филиппъ побѣдоносно сражался въ Испаніи. Но неожиданно папа круто измѣнилъ политику и осенью Римъ и Миланъ, Неаполь и Венеція соединились, чтобы общими усиліями воспротивиться походу нѣмецкаго короля въ Римъ. Еще въ августѣ были окончены всѣ приготовленія къ походу за Альпы. Несмотря на тревожныя извѣстія о перемѣнѣ въ итальянской политикѣ, Максъ принялъ уже смѣлый планъ, силою проложить себѣ доступъ въ Римъ, когда его постигла вѣсть о кончинѣ его сына Филиппа (25 сентября 1506 г.).

Приходилось отказаться отъ плана совмѣстной наступательной войны съ Франціей. Но для выполненія римскаго похода, отъ котораго Максъ не отступался, ему пришлось прибѣгнуть къ совѣту и помощи князей, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ рейхстага, назначеннаго на начало 1507 года. Къ концу 1506 г. отношенія между папой и Франціей снова охладѣли; папа даже хотѣлъ выступить посредникомъ между Максомъ и Людовикомъ,

между тѣмъ какъ послѣдній подготовлялъ захватъ Генуи. Давно ожидавшійся Германіей имперскій сеймъ собрался наконецъ въ Констанцѣ, въ концѣ апрѣля 1507 года. Дѣла внутреннихъ реформъ получили наконецъ завершеніе введеніемъ новаго устройства камернаго суда, но къ сожалѣнію при этомъ не былъ достаточно разработанъ вопросъ объ исполнительной власти. Къ концу года въ Регенсбургѣ открылъ засѣданія камерный судъ, черезъ два года перенесшій свою резиденцію въ Вормсъ. На этомъ же сеймѣ были ассигнованы средства для похода въ Римъ и по этому поводу утверждено росписаніе матрикулярныхъ взносовъ, оставшееся въ силѣ и на будущее время. Королю было обѣщано войско въ 30,000 человѣкъ, которое должно было собраться въ Констанцѣ къ половинѣ октября; но переговоры со Швейцарскимъ союзомъ о пропускѣ войска не имѣли успѣха; мало того, ни войска, ни денегъ, обѣщанныхъ Максу, не удалось собрать. Въ такихъ условіяхъ Максъ на свой собственный рискъ проникъ зимою черезъ Тироль въ Италію, и 4 февраля 1508 г. въ Тріентѣ принялъ титулъ „избраннаго римскаго императора“, такъ какъ вслѣдствіе вмѣшательства Венеціи возможность вступить въ Вѣчный городъ дѣлалась все болѣе отдаленной. Затѣмъ, при содѣйствіи наслѣдныхъ владѣній, началась рѣшительная борьба съ торговой республикой венеціанцевъ, завладѣвшихъ Истріей. Послѣ первыхъ успѣховъ Траутсона нѣмцы были въ мартѣ совершенно разбиты при Пьеве ди Кадоре, въ то время какъ императоръ, вдали отъ арміи, хлопоталъ о подкрѣпленіяхъ изъ Германіи. Венеціанскій главнокомандующій Альвіано продолжалъ дѣйствовать успѣшно; въ апрѣлѣ онъ взялъ городъ Герцъ и осадилъ Тріестъ, который сдался 6 мая. Всѣ гавани были захвачены войсками республики, и сухопутная армія грозила Крайнѣ. Максъ нѣсколько разъ пытался добиться отъ сословій денежной помощи, но созванный въ Вормсъ „спѣшный сеймъ“ приходилось все вновь откладывать. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ былъ вынужденъ согласиться на заключеніе 6 іюня перемирія съ Венеціей на три года.

Но этотъ договоръ, игнорировавшій интересы французскаго короля въ пограничныхъ областяхъ имперіи, вызвалъ въ Людовикѣ раздраженіе противъ своихъ прежнихъ союзниковъ, гордыхъ своей побѣдой венеціанцевъ, и сблизилъ короля съ императоромъ. Максъ по смерти сына сталъ опекуномъ своихъ малолѣтнихъ внуковъ Карла и Фердинанда и поручилъ регентство надъ Нидерландами своей овдовѣвшей дочери Маргаритѣ, обладавшей государственными дарованіями. Руки ея просилъ англійскій король Генрихъ VIII, надѣявшійся такимъ путемъ получить вліяніе на нидерландскую политику; получивъ отказъ, онъ высказалъ намѣреніе породниться съ французскимъ королевскимъ домомъ. Подобное сближеніе между Франціей и Англіей грозило крупной опасностью для Нидерландовъ и Германіи; этой опасности надо было во всякомъ случаѣ избѣжать. Поэтому Маргарита побудила своего отца снова возобновить прежніе переговоры съ Франціей. Въ результатѣ этихъ переговоровъ послѣдовало въ декабрѣ 1508 г. соглашеніе въ Камбрэ, которое могло состояться только благодаря временной отсрочкѣ рѣшенія гельдернскаго вопроса. Въ такъ называемой „Лигѣ въ Камбрэ“, какъ намъ уже извѣстно (см. стр. 227), король французскій, императоръ германскій и папа составили союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Венеціи, причемъ вся венеціанская область была заранѣе раздѣлена между тремя участниками. Въ частности Людовикъ получилъ отъ имперіи въ ленъ Миланъ, за плату въ 100,000 кронъ, и ему была обѣщана инвеститура, какъ только французскія войска начнутъ военныя дѣйствія противъ Венеціи. Между тѣмъ какъ Франція въ самомъ дѣлѣ двинула армію на венеціанцевъ и въ маѣ 1509 г. одержала побѣду при Аньяделло, Максъ тщетно требовалъ денегъ на веденіе войны; поэтому только папа Юлій и Людовикъ дѣйствительно завладѣли землями, назна-

ченными имъ при раздѣлѣ; Максъ въ этомъ раздѣлѣ не могъ участвовать и только въ половинѣ августа явился для осады Павіи. Несмотря на сравнительно крупное войско, которымъ онъ располагалъ, онъ въ началѣ октября отказался отъ взятія города и уже въ концѣ этого мѣсяца мы встрѣчаемъ его въ Тиролѣ. Имперское войско было распущено. Людовикъ оставилъ поле сраженій, захвативъ себѣ все, что онъ желалъ пріобрѣсти. Хотя Максъ былъ убѣжденъ, что войну надо продолжать и зимой, онъ не могъ побудить своихъ союзниковъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ; въ теченіе зимы связь между членами лиги даже ослабѣла и въ 1510 г. война велась уже вяло.

Въ мартѣ собрался въ Аугсбургѣ новый рейхстагъ; императоръ требовалъ помощи въ военныхъ предпріятіяхъ и наконецъ соглашался на всѣ уступки въ области реформъ. Но теперь остановка была за князьями. Они не хотѣли вступать ни въ какія соглашенія, такъ какъ были убѣждены, что съ этимъ королемъ невозможенъ прочный договоръ на основахъ имперскаго уложенія. Къ этому теперь присоединялось еще, несомнѣнно, и вліяніе папы, который уже стремился къ мирному исходу предпріятія и еще въ февралѣ снялъ съ венеціанцевъ отлученіе; онъ теперь уже строилъ планъ составленія новой лиги для изгнанія изъ Италіи слишкомъ усилившихся тамъ французовъ Для Макса, при его финансовомъ безсиліи, самостоятельная политика оказывалась невозможной; тѣснимый нуждою, онъ поэтому все болѣе сближался съ Франціей и въ ноябрѣ заключилъ съ Людовикомъ договоръ. возобновлявшій условія соглашенія въ Камбрэ, поскольку они касались двухъ державъ, не отказавшихся еще отъ этого соглашенія. Союзъ этотъ теперь былъ направленъ **противъ папы** и оружіемъ въ новой борьбѣ должно было быть запрещеніе вывоза денегъ въ Римъ. Новый соборъ, который дѣйствительно собрался въ Пизѣ въ ноябрѣ 1511 года, долженъ былъ вновь обсудить церковныя реформы.

Эти событія заставили папу Юлія вступить въ переговоры съ каждымъ изъ союзниковъ, якобы для того, чтобы возстановить въ Италіи миръ, на самомъ же дѣлѣ съ цѣлью разстроить союзъ между державами. Но попытки его, сдѣланныя весною 1511 г., потерпѣли неудачу. Только когда папа заболѣлъ, такъ что предвидѣлась уже его кончина, тогда и Максъ склонился на его убѣжденія; тѣмъ временемъ состоялся и союзъ между папой, Испаніей и Венеціей. Зимою Максъ занималъ еще колеблющееся положеніе, но все болѣе склонялся на сторону „священнѣйшей лиги“, особенно когда къ ней присоединилась и Англія. Въ іюнѣ 1512 года былъ заключенъ мирный договоръ между Венеціей и императоромъ. Этимъ Максъ уже открыто примкнулъ къ союзу, задачей котораго было—сломить французское могущество въ Италіи. Получивъ обѣщаніе, что Миланское герцогство будетъ передано Максимиліану Сфорцѣ, Швейцарскій союзъ тоже высказалъ готовность къ нападенію на Францію. Посланникомъ императора при папскомъ дворѣ былъ епископъ Гуркскій; давъ обѣщаніе отступиться отъ пизанскаго собора и признать латеранскій соборъ, онъ получилъ отъ папы весьма цѣнныя уступки; въ венеціанскихъ дѣлахъ папа совершенно полагался на императора. Но еще въ теченіе зимы 1512—13 года Максъ не доводилъ дѣла до окончательнаго разрыва съ Франціей; смерть папы Юлія въ февралѣ 1513 г. сразу измѣнила положеніе дѣлъ.

На папскій престолъ былъ избранъ Джіованни Медичи, подъ именемъ **Льва X**; избраніе послѣдовало такъ быстро, что Максъ не успѣлъ оказать вліяніе на ходъ выборовъ. Такимъ образомъ окончательно рушился его планъ, послѣ смерти Юлія самому завладѣть Церковной областью. Левъ сохранилъ внѣшнюю вѣрность священнѣйшей лигѣ, но вскорѣ разрѣшилъ короля Людовика отъ отлученія, тогда какъ Венеція въ мартѣ открыто заключила союзъ съ Франціей. Немного позже король Максъ по побужденію

своей дочери вступилъ въ союзъ съ Генрихомъ VIII Англійскимъ. Это соглашеніе было принято къ свѣдѣнію новымъ папой и Фердинандомъ Испанскимъ: совмѣстное нападеніе на французскую область казалось рѣшеннымъ дѣломъ. Но къ сожалѣнію ни Левъ, ни Фердинандъ не относились серьезно къ этому соглашенію; послѣдній даже одновременно заключилъ съ Людовикомъ перемиріе. Положеніе, для Макса крайне затруднительное, выяснилось только тогда, когда швейцарцы въ началѣ іюня 1513 года одержали при Новарѣ рѣшительную побѣду надъ французами и принудили ихъ очистить Италію. Послѣ этого и Фердинандъ оказался болѣе уступчивымъ, Генрихъ VIII уже въ августѣ высадился на французскую территорію, а швейцарцы готовились къ вторженію въ Бургундію. Максъ лично явился въ главную квартиру англичанъ и 16 августа 1513 г. участвовалъ въ побѣдоносномъ сраженіи англичанъ съ французами при томъ же Гинегаттѣ, гдѣ тридцать четыре года тому назадъ онъ разъ уже одержалъ блестящую побѣду (стр. 232); черезъ нѣсколько дней сдалась крѣпость Теруаннъ на нидерландской границѣ. Въ началѣ сентября швейцарцы подступили къ Дижону, но вскорѣ вернулись обратно, далеко не использовавъ своего благопріятнаго положенія. Въ началѣ октября союзники одержали побѣду въ Италіи надъ венеціанцами, которые послѣ этого выказали готовность къ переговорамъ съ папой и императоромъ. Хотя англійскій королевскій домъ, помолвкой эрцгерцога Карла съ Маріей, сестрой Генриха VIII, вступилъ въ болѣе близкія отношенія къ Габсбургамъ, и хотя военныя приготовленія англичанъ противъ французовъ продолжались и зимою 1514 года, все таки королю Людовику удалось искусной дипломатіей отдѣлаться отъ своихъ враговъ. Уже въ апрѣлѣ 1514 г. король Генрихъ, оскорбленный разстроившимся бракосочетаніемъ своей сестры, принялъ сторону Франціи; въ августѣ, цѣной уступки Турнэ англичанамъ, былъ заключенъ миръ и сестра короля, Марія, была выдана замужъ за короля Людовика. Въ этихъ обстоятельствахъ императору оставалось только сближеніе съ Фердинандомъ; по совѣту послѣдняго онъ постарался примириться съ папой, предложивъ ему имперское ленное владѣніе Модену. Но переговоры еще не были окончены, когда 1 января 1515 года Людовикъ XII умеръ и на престолъ Франціи вступилъ его зять Францискъ Ангулемскій.

Новый король, проектировавшій бракъ эрцгерцога Карла, уже достигшаго совершеннолѣтія, съ оставшейся послѣ Людовика дочерью Ренатой, вовсе не желалъ отказываться отъ преобладанія французовъ въ Италіи, и немедленно приступилъ къ вооруженіямъ для защиты своихъ правъ. Вскорѣ въ Италію явилась французская армія и въ двухдневномъ сраженіи при Мариньяно (13 и 14 сентября 1515 года; нынѣ Меленьяно при Ламбро) одержала побѣду надъ прославленными швейцарскими войсками. Миланъ такимъ образомъ оказался во власти французовъ: Максиміліанъ Сфорца былъ увезенъ во Францію. Неожиданная смерть Фердинанда въ январѣ 1516 г. разстроила проектировавшійся союзъ съ англійскимъ королемъ, который хотѣлъ оказать помощь при защитѣ Неаполя. Венеція привѣтствовала Франциска, какъ своего защитника. Въ союзѣ съ венеціанцами французы выступили противъ навербованнаго на англійскія деньги швейцарскаго войска, при которомъ находился и король Максъ, но должны были отступить въ мартѣ 1516 года отъ Минчіо къ Аддѣ, а оттуда къ Милану. Максъ медлилъ рѣшительнымъ ударомъ, а затѣмъ не могъ уже наверстать пропущеннаго времени, такъ какъ его швейцарцы возмутились. Онъ все еще надѣялся для продолженія войны на англійскія деньги, и Генрихъ VIII за это долженъ былъ получить Миланъ. Но англійскій король отказалъ въ помощи, и Максъ, раздраженный такимъ поведеніемъ союзника, принялъ участіе въ переговорахъ, происходившихъ между его внукомъ Карломъ и королемъ Францискомъ: въ де-

кабрѣ 1516 г. состоялся союзъ между Карломъ и французскимъ королемъ. По условіямъ договора, Верона уступалась Венеціи за вознагражденіе въ 200,000 золотыхъ талеровъ, а Рива и Роверело, вмѣстѣ съ Фріулемъ, оставались за императоромъ. 26 августа 1518 года договоръ былъ возобновленъ въ формѣ пятилѣтняго перемирія; во всякомъ случаѣ, императоръ нѣсколько увеличилъ территорію своей наслѣдной области, Тироля.

e) Послѣдніе годы правленія Макса.

Хотя главнымъ образомъ императора занимала внѣшняя политика, онъ не оставался бездѣятельнымъ и въ прочихъ областяхъ правленія. Правда, сопротивленіе князей мѣшало продолжать имперскую реформу. Но аугсбургскій сеймъ 1512 г. сдѣлалъ постановленіе, весьма важное для имперскаго правопорядка; именно, мѣропріятія, постановленныя на рейхстагѣ, должны были являться обязательными для всѣхъ имперскихъ чиновъ; съ другой стороны, для исполненія приговоровъ камернаго суда и для поддержанія земскаго мира было учреждено десять округовъ съ собственной организаціей. Важное значеніе для охраны имперскаго мира имѣло также возобновленіе Швабскаго союза въ 1512 году, но одновременное возникновеніе противосоюза во многихъ отношеніяхъ ослабило дѣйствіе этого учрежденія, прекрасно задуманнаго. На рейхстагѣ 1517 года обсужденію подвергалась эксплуатація нѣмецкаго народа финансовыми операціями папской куріи, а въ 1518 г. папа опять потребовалъ новаго налога для борьбы съ турками, хотя соглашался совершенно предоставить національнымъ властямъ сборъ и употребленіе денегъ. Но сословія не хотѣли и слышать о новой подати, въ какой бы формѣ она не выражалась, и высказывали по поводу папскихъ вымогательствъ основательныя жалобы, въ которыхъ уже замѣчается связь съ новымъ ученіемъ, проповѣдывавшимся въ это время въ Виттенбергѣ (см. III отдѣлъ этого тома).

Заботы о наслѣдныхъ владѣніяхъ издавна занимали Макса. Чѣмъ старѣе онъ становился, и чѣмъ меньше отрадныхъ явленій представляли для него имперскія дѣла и внѣшняя политика, тѣмъ ближе къ сердцу принималъ онъ упорядоченіе своего земельнаго достоянія. 5 января 1515 года внукъ его Карлъ достигъ совершеннолѣтія и началъ самостоятельно править Нидерландами. По смерти Фердинанда Католика, который бракомъ съ Изабеллой соединилъ подъ одной державой Кастилію и Арагонію (см. т. IV, стр. 549), Карлъ наслѣдовалъ ему и въ Испаніи, минуя якобы умалишенную Іоанну, главнымъ образомъ благодаря искусной дипломатіи кардинала Хименеса. Въ 1517 году, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія Макса, получилъ важное значеніе и вопросъ о престолонаслѣдіи въ имперіи, который до сихъ поръ не былъ рѣшенъ Максомъ окончательно; теперь, незадолго до своего отъѣзда, кандидатомъ на престолъ, съ одобренія дѣда, выступилъ Карлъ. Въ самомъ дѣлѣ, было чрезвычайно важно избрать римскаго короля при жизни императора, чтобы не рисковать, что будетъ оспариваться самое право Габсбурговъ на наслѣдованіе въ имперіи. Различныя уступки курфюрстамъ и уплата старыхъ долговъ сдѣлали князей доброжелательными и на январь 1519 года былъ назначенъ избирательный съѣздъ во Франкфуртѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максъ еще обѣщалъ короноваться императорской короной, на что папа повидимому былъ готовъ согласиться. Но смерть постигла императора раньше, чѣмъ всѣ эти планы исполнились. Онъ умеръ 12 января 1519 года въ Вельсѣ, не успѣвъ окончательно назначить себѣ преемника и установить временное правительство, необходимое за отсутствіемъ изъ имперіи обоихъ его внуковъ.

Тѣло его было погребено въ церкви Святого Георга въ Винеръ-Ней-

штадтѣ; но великолѣпный памятникъ, о которомъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ (стр. 171), исполненный по его собственному плану, поставленъ въ замковой церкви въ Иннсбрукѣ, а не надъ настоящей его гробницей, какъ желалъ императоръ. Когда Максъ 30 декабря 1518 года подписалъ свое завѣщаніе, изъ большихъ бронзовыхъ статуй было готово 28 (см. таблицу при стр. 170) и 134 изъ малыхъ. Въ Нюрнбергѣ, Ландсгутѣ, даже въ Нидерландахъ работали ваятели надъ этими статуями. Впрочемъ, сопоставленіе ихъ въ одно цѣлое царственный заказчикъ несомнѣнно представлялъ себѣ совершенно не такъ, какъ это было впослѣдствіи выполнено внуками.

Въ царствованіе Макса получили свое возникновеніе многія идеи, впослѣдствіи принявшія осязательную форму, и много прекрасныхъ мыслей возникло въ творческомъ умѣ самого императора. Но его непостоянная натура съ быстрою смѣной плановъ и намѣреній мѣшала ему цѣлесообразно проводить разъ намѣченную идею. Какъ бы не были малы результаты, которые принесла народу его дѣятельность въ области имперскихъ реформъ, все таки къ его памяти отнеслись съ благодарностью; современники, и прежде всего гуманисты, взирали на него съ восторгомъ. Потомство сохранило о немъ преданія, какъ о „послѣднемъ рыцарѣ“; именно рыцарскія черты его характера доставили ему народную любовь, несмотря на многія бѣды, которыя не безъ вины его постигли Германію во время его правленія.

2. Эпоха реформаціи.

А. Экономическая и духовная культура въ эпоху реформаціи.

Безотрадно сложилась къ XV вѣку политическая и національная жизнь западной Европы и особенно Германіи; народъ былъ лишенъ единства, будущее,—по крайней мѣрѣ для немногихъ, кто рѣшался думать о немъ,—казалось мало обѣщающимъ. Между тѣмъ, неоспоримо, что именно въ этомъ столѣтіи можно отмѣтить рядъ явленій, которыя мы имѣемъ право разсматривать, какъ зачатки новой культуры. Но культура этого столѣтія генезиса лишена единства; она двулична и зачастую въ непосредственной близости къ устарѣлымъ, не только не прогрессирующимъ, но дѣлающимся все болѣе невыносимыми, земельнымъ условіямъ, встрѣчается стремящаяся къ прогрессу гражданственность, съ ея попытками удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ духу времени.

a) Города около 1500 года.

Въ картинѣ западно-германскаго города около 1400—1500 г. (за исключеніемъ побережья Балтійскаго моря, въ эту эпоху Эльба еще представляетъ главную восточную границу Германіи) объединяются всѣ культурныя пріобрѣтенія эпохи, хотя-бы многое и казалось очень скуднымъ съ современной точки зрѣнія. Политическое значеніе городовъ съ немногими тысячами жителей съ XIV вѣка очерчено выше (стр. 190). Но за прикрытіемъ городской стѣны и въ ея непосредственной близости постройки и прочія сооруженія свидѣтельствовали о внѣшнемъ могуществѣ города, прочныхъ основахъ политическаго существованія, о сильномъ гражданствѣ съ богатыми источниками благосостоянія. Правда, улицы были по большей части узки и неправильно построены, дома, преимущественно, деревянные; правда, почти каждый бюргеръ держалъ у себя въ домѣ немного скота, и свиное стадо, выгонявшееся каждое утро на пастбище простыми пастухами, было неизбѣжной составной частью городского быта. Во Франкфуртѣ на Майнѣ только въ 1481 г. было запрещено держать въ Старомъ Городѣ сви-

ней, но запрещеніе не рѣшилось коснуться Новаго Города и Саксенгаузена; а въ Лейпцигѣ свиные хлѣва во внутреннемъ городѣ были снесены только въ 1645 г., послѣ того какъ соотвѣтственная попытка въ 1556 г. не имѣла успѣха. Богатые бюргеры, при случаѣ участвующіе въ богатыхъ торговыхъ обществахъ, остаются преимущественно крупными землевладѣльцами и въ предѣлахъ города находятся ихъ широкіе дворы съ громадными амбарами. Наиболѣе состоятельные между ними были владѣльцами тѣхъ роскошныхъ патриціанскихъ домовъ, которые донынѣ вызываютъ наше удивленіе, но въ остальномъ, даже въ болѣе старинныхъ городахъ, большая часть домовъ XV вѣка не сохранилась; лишь тамъ и сямъ строеніе съ открытыми стропилами и нависающими этажами, какъ въ Бахарахѣ, напр., или въ Мильтенбургѣ, является воспоминаніемъ о стилѣ, господствовавшемъ въ то время при постройкѣ бюргерскихъ домовъ. Главная масса низшихъ слоевъ населенія, частью питавшаяся исключительно подаяніемъ или добывавшая средства къ жизни наименѣе почетными ремеслами, жила преимущественно въ скудныхъ хижинахъ предмѣстья; городская стѣна составляла иногда единственную подпору ихъ жалкихъ построекъ. Внутренняя обстановка домовъ даже болѣе зажиточнаго класса населенія должна показаться, по современнымъ понятіямъ, въ достаточной степени бѣдной, особенно еще потому, что готическій стиль, замѣчательно подходившій для сооруженія церквей и ратушъ, оказывался несостоятельнымъ для художественной техники предметовъ роскоши. Именно домашній комфортъ безконечно выигралъ только подъ вліяніемъ возрожденія.

Въ XIV и XV вѣкахъ возникло большое число городскихъ церквей и ратушъ, которыя сохраняли свое назначеніе частью до новѣйшаго времени, частью сохраняютъ и сейчасъ. Въ нихъ, какъ равнымъ образомъ въ укрѣпленіяхъ съ могучими башнями и крѣпостными воротами, наиболѣе ярко выражается городская сила и благосостоятельность; каждое изображеніе города XVI или слѣдующаго столѣтія, выражающее видъ его въ законченномъ развитіи, на первое мѣсто выдвигаетъ эти сооруженія въ честь и славу города. Приложенная таблица „Кельнъ на Рейнѣ около 1530 г." даетъ представленіе о видѣ этого города, бывшаго въ ту эпоху, наряду съ Нюрнбергомъ, населеннѣйшимъ городомъ. Одна изъ прекраснѣйшихъ ратушъ сохранилась въ Мюнстерѣ; какъ и въ другихъ мѣстахъ, она остается послѣднимъ воспоминаніемъ о былой независимости городовъ. Дѣло въ томъ, что все равно, былъ ли городъ имперскимъ, епископскимъ, или составлялъ часть отдѣльнаго государства, — внутреннее управленіе, дѣла торговли и сообщеній были въ рукахъ городского совѣта въ такой степени, какъ это трудно представить въ наше время. Это было необходимо въ ту эпоху, когда вновь создававшееся территоріальное государство только что начинало сознавать свои соціальныя и экономическія задачи; корпорація, община, цехъ или церковная единица принимала на себя множество такихъ обязанностей, которыя нынѣ принадлежатъ государству; возможность къ этому представлялась малымъ развитіемъ сообщеній, вслѣдствіе чего существовало большое число мелкихъ замкнутыхъ экономическихъ областей; почти каждый городъ былъ центромъ такого района. Поэтому городское управленіе или соотвѣтственная организація была скорѣе всего въ состояніи заняться рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Ремесленное управленіе было въ рукахъ цеховъ, по соглашенію съ городскимъ совѣтомъ; призрѣніемъ бѣдныхъ занималась церковь, объ охранѣ городской стѣны и правильной пожарной службѣ заботились постановленія совѣта, но организація этой службы распредѣлялась по цехамъ и ремесламъ. Во исполненіе своихъ общественныхъ обязанностей городской совѣтъ заботился о заготовленіи въ своихъ складахъ запасовъ хлѣба, которые предназначались къ раздачѣ въ годы дороговизны; такіе склады были въ XV вѣкѣ устроены почти во всѣхъ городахъ. Съ другой стороны

Объясненіе картины на оборотѣ.

На рисункѣ представленъ видъ города Кельна по гравюрѣ на деревѣ Антона Вензама, 1531 г. Видъ отличается вѣрностью малѣйшихъ подробностей, — достоинство, которымъ могутъ похвалиться немногіе виды городовъ XVI вѣка, — принадлежитъ къ лучшимъ и притомъ старѣйшимъ изъ подобныхъ гравюръ, и даетъ прекрасное понятіе о внѣшности большого средневѣковаго города.

„Священный Кельнъ“, какъ прозывался городъ въ средніе вѣка, возникъ на пепелищѣ римской колоніи, Colonia Claudia Ara Agrippinensium, основанной въ 51 г. по Р. Хр.; латинское имя Colonia Agrippinensis удержалось за городомъ и въ средніе вѣка. Многочисленные памятники римской эпохи, особенно храмы, посвященные христіанскимъ мученикамъ первыхъ вѣковъ (Ѳиваидскому легіону, Св. Урсулѣ), напоминаютъ это далекое время. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ городъ сталъ резиденціей архіепископа и вмѣстѣ имперскаго канцлера для Италіи, и пріобрѣлъ крупное политическое значеніе. Экономическій, торговый подъемъ (городъ пользовался штапельнымъ [складочнымъ] правомъ, по которому каждый купецъ, спускавшійся внизъ по Рейну, выставлялъ здѣсь на продажу свои товары) способствовалъ значительному усиленію могущества имперскаго города. Какъ членъ Ганзейскаго союза, Кельнъ принималъ участіе въ экономическомъ господствѣ надъ сѣверомъ Германіи; какъ столица рейнской торговли, онъ былъ посредникомъ между верхнерейнскими городами и Нидерландами.

Политическое и экономическое процвѣтаніе въ средніе вѣка находило повсемѣстно выраженіе въ грандіозныхъ священныхъ и свѣтскихъ постройкахъ, этихъ высшихъ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ того времени. Наша картина изображаетъ имперскій городъ Кельнъ, — котораго съ 1288 г. уже не тревожили попытки архіепископовъ захватить власть въ свои руки, — въ моментъ его высшаго могущества, въ томъ видѣ, въ какомъ городъ имѣлъ честь дать въ своихъ стѣнахъ пріютъ императору Карлу V, въ 1531 г.; къ тому же году относится и поэтическое описаніе Іоганна Газельберга изъ Рейхенау.

Художникъ взялъ точку зрѣнія на городъ изъ Дейца, съ праваго берега Рейна. На это указываетъ помѣщенная на первомъ планѣ романтическая церковь Св. Гериберта (Monasterium Hereberti); передъ нами, на рѣкѣ, оживленная картина судоходства. Виднѣются всевозможные корабли, барки, лодки; одни движутся конной тягой вверхъ по рѣкѣ, другіе идутъ на веслахъ или подъ парусами. У пристаней тѣснятся суда для выгрузки и нагрузки товаровъ. Въ ходу большой подъемный кранъ и два поменьше. Устройство ихъ, движущій механизмъ въ видѣ большого вертикальнаго колеса, можно различить на рисункѣ (подобный кранъ употребляется и до сихъ поръ въ Андернахѣ для нагрузки мельничныхъ жерновoвъ на суда). Для защиты отъ враговъ городъ вокругъ обнесенъ крѣпкими стѣнами. Онѣ тянутся передъ нами по берегу рѣки, укрѣпленныя сильными башнями. Самая замѣчательная изъ нихъ Франкенторнъ. Въ городъ ведутъ 31 ворота, изъ нихъ 24 открываются къ Рейну, чтобы служить для сообщенія съ гаванью. Большая часть воротъ особо укрѣплена, напримѣръ фланкирована башенками. Изъ за стѣны подымаются крутыя крыши безчисленныхъ маленькихъ домиковъ, иногда пристроенныхъ къ самой стѣнѣ. Изъ этого моря домовъ вправо отъ собора возвышаются верхушки деревьевъ и мы можемъ догадываться о внутреннемъ видѣ города.

Изъ могучихъ зданій, высоко вздымающихся надъ домами горожанъ, наше вниманіе останавливаютъ прежде всего церкви, наиболѣе привлекавшія и посѣтителей города въ XVI вѣкѣ. Названный уже Іоганнъ Газельбергъ въ своей

Исторія человѣчества. VII.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Кельнъ на Рейнѣ около 1530. *По гравюрѣ на деревѣ Антона Вензама Вормскаго.*

Оригиналъ, сдѣланный для издательства Петра Квентеля, состоитъ изъ девяти листовъ большого формата; здѣсь воспроизведено три такихъ листа, въ уменьшеніи ²/₃. Первые оттиски были поднесены 5 января 1531 года императору Карлу Пятому и его брату Фердинанду, только что избранному римскимъ королемъ.

„Похвалѣ города Кельна“ насчитываетъ 19 приходскихъ церквей, 100 часовенъ и 24 монастыря, изъ которыхъ 12 дѣвичьихъ. Художникъ искусно обозначилъ въ подходящихъ мѣстахъ имена церквей и двухъ болѣе крупныхъ свѣтскихъ зданій, такъ что на рисункѣ легко распознать каждое строеніе. Для свѣтскихъ цѣлей служитъ прежде всего „Гюрценихъ“ (Gürzenich, Gortzenig, слѣва на самомъ краю рисунка), городской „танцовальный домъ“, выстроенный въ половинѣ XV вѣка для городскихъ торжествъ и съ 1475 неоднократно служившій мѣстомъ для пышныхъ празднествъ въ честь иноземныхъ гостей. Слѣва отъ высокой церкви Великаго Св. Мартина виднѣется башня ратуши (Domus senatorum), построенная въ пяти этажахъ съ 1407 до 1414 года; самое зданіе ратуши съ „ганзейскимъ заломъ“, устроеннымъ въ XIV вѣкѣ, скрыто отъ взоровъ зрителя.

На рисункѣ можно сосчитать 20 церквей, большихъ и малыхъ, различныхъ эпохъ и стилей. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ четыре. Церковь Апостоловъ (Ad apostolos), стройная базилика съ тремя нефами, съ куполомъ и двумя тонкими угловыми башенками надъ восточной четвертью и съ четырехугольной башней на западѣ. Постройка была начата около 1200 г. и закончена черезъ полъ столѣтія. Церковь Великаго Св. Мартина (Templum Martini Magni) находится на прежнемъ Рейнскомъ островѣ; ея постройку относятъ къ времени Меровинговъ, но въ нынѣшнемъ видѣ она была освящена архіепископомъ только въ 1172 г. Мощная башня, 84 метра высотой съ четырьмя угловыми башенками, воздвигнута уже въ началѣ XIII вѣка. Церковь Св. Гереона (Sanctus Gereon), находящаяся внѣ старой стѣны, окружавшей городъ до 1200 г., кажется на рисункѣ значительно меньше остальныхъ церквей, потому что она стоитъ гораздо дальше. Зданіе было освящено еще въ 1069 г. архіепископомъ Анпономъ, а куполъ оконченъ только въ 1227. Къ длиннымъ романскимъ хорамъ примыкаетъ десятиугольный готическій нефъ. Соборъ (Templum Sancti Petri et Sanctorum Trium Regum) является на рисункѣ далеко еще не въ законченномъ видѣ и состоитъ какъ бы изъ двухъ вовсе не связанныхъ между собою частей, — и это несмотря на работу надъ его возведеніемъ, длившуюся уже почти три столѣтія: фундаментъ былъ заложенъ въ 1248 г. Колоссальная громада этого зданія вызывала изумленіе уже въ XVI вѣкѣ. Часто цитировавшійся Газельбергъ говоритъ по этому поводу:

Dem wunder deth ich auch nachlauffen.
Sach nie kein grössern stein hauffen.

(Этому чуду дивился и я; никогда не видывалъ большей громады камней).

А свое общее впечатлѣніе отъ этого великолѣпнѣйшаго произведенія готической архитектуры онъ выражаетъ такъ:

Wer der Dum im baw verpracht,
Schönner Kirch wer nie gemacht.

(Если бы постройка собора была закончена, не было бы церкви, прекраснѣе его).

На рисункѣ обѣ главныя башни еще не возвышаются надъ „кораблемъ“ зданія, но подъемный кранъ на кровлѣ (онъ оставался на этомъ мѣстѣ съ 1445 до 1850 г.) свидѣтельствуетъ, что все еще разсчитывали продолжать постройку. Вблизи собора сосѣднія церкви совершенно теряются; ихъ происхожденіе частью болѣе позднее и подобныя имъ можно встрѣтить и въ менѣе значительныхъ городахъ.

установлены были для продажи всѣхъ товаровъ таксы, достаточно высокія для того, чтобы каждому ремесленнику легко было добыть средства къ существованію, а покупателю — дать гарантію въ доброкачественности товара. Свободная конкурренція была намѣренно устраняема, для чего ввозъ и продажа продуктовъ изъ чужихъ экономическихъ областей, за исключеніемъ ярмарочнаго времени, обставлялись отягчительными условіями.

Но городъ былъ и самымъ значительнымъ капиталистомъ. Какъ продавецъ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ рентъ, онъ былъ банкиромъ, пользовавшимся неограниченнымъ довѣріемъ. Въ свою очередь онъ этимъ путемъ пріобрѣталъ неограниченныя средства на постройку укрѣпленій или на выкупъ привилегій отъ нуждавшихся въ деньгахъ князей. Такъ какъ городскія должности были по большей части почетными, управленіе обходилось недорого. Поэтому, при большой выручкѣ отъ потребительныхъ пошлинъ, особенно отъ акциза, взиманіе котораго князья уступали городскимъ совѣтамъ сначала временно, затѣмъ и окончательно, прямые налоги могли быть умѣренными. Кромѣ низкой подымной подати, которую должно было платить каждое хозяйство, въ эту эпоху разсматривался, какъ подлежащій обложенію, лишь избытокъ, превышавшій средства, необходимыя для веденія достаточнаго образа жизни. При этомъ только около 1500 г. вводится подоходный налогъ, тогда какъ до тѣхъ поръ постоянно, а часто и впослѣдствіи въ общемъ употребленіи былъ налогъ поимущественный.

Такими путями шло развитіе городовъ еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Но вскорѣ послѣ 1550 года и въ процвѣтавшихъ до той поры городахъ обнаруживаются послѣдствія того великаго экономическаго переворота, который повлекло за собой открытіе морского пути въ Индію. Послѣ того какъ города своимъ поведеніемъ во время Шмалькальденской войны испортили свои отношенія какъ къ императору, такъ и къ князьямъ, ихъ политическое значеніе пришло къ концу. Оба эти обстоятельства, дѣйствуя совмѣстно, повели за собою сначала застой, а потомъ и явный упадокъ могущества городовъ. Въ концѣ концовъ нельзя считать столь важнымъ событіемъ, если Вестфальскій миръ и призналъ за всѣми имперскими городами ихъ полную имперскую самостоятельность, которая съ 1489 года болѣе не оспаривалась.

б) Князья около 1500 года.

Князья на исходѣ средневѣковья представляютъ вторую силу, дѣятельную въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи, и притомъ эта сила заключается не въ территоріи, а въ личности князя съ его свитой, дворомъ и княжеской администраціей. Отношенія къ территоріи зиждутся исключительно на основаніяхъ частнаго права; участіе сословій, являющихся вовсе не представителями страны, а лишь защитниками своихъ ближайшихъ интересовъ, допускается лишь нехотя, и какъ только позволяютъ условія, ограничивается, а часто и совсѣмъ устраняется. Въ политическомъ отношеніи вліяніе князей растетъ сообразно съ тѣмъ, какъ отступаютъ на задній планъ города; въ экономическомъ отношеніи князья усиливаются, подчиняя себѣ отдѣльные города (см. стр. 186) и основательнѣй используя тѣ, которые уже подчинились. Какъ бы отголоскомъ ленныхъ обязательствъ является полученіе князьями у сословій согласія на уплату прямыхъ налоговъ и разрѣшенія на обложеніе ихъ подданныхъ налогами косвенными. Секуляризація церковныхъ имуществъ, какъ послѣдствіе реформаціи въ Средней и Восточной Германіи, значительно увеличила основной фондъ состоянія князей-владѣтелей, причемъ неясность понятій о государственномъ имуществѣ и собственности правителя не поз-

воляла провести этого раздѣленія. Только со второй половины XVI вѣка болѣе глубокое развитіе получаетъ государственно-правовой взглядъ на отношенія между княземъ съ одной стороны, и территоріей и подданными — съ другой. Такимъ образомъ развитіе сдѣлало послѣдній шагъ, отбросивъ, какъ устарѣлое, понятіе о „Нѣмецкомъ королевствѣ“ и законодательнымъ путемъ на Вестфальскомъ конгрессѣ признавъ суверенность князей, хотя бы и „не во вредъ имперіи“.

Но и въ реформаціонную эпоху мы не встрѣчаемъ между князьями единства. На мѣсто стараго состязанія между князьями и городами возникаетъ новая противоположность между католическими и протестантскими князьями; противоположность, обусловливающая то или другое рѣшеніе политическихъ вопросовъ; противоположность, иногда заставляющая одного изъ князей прибѣгать къ союзу со своими иностранными единовѣрцами. Сила князей крѣпнетъ не смотря на всѣ бѣдствія и смятенія; они начинаютъ сознавать свои задачи, и когда послѣ войны наступаютъ лучшія времена, посвящаютъ свою дѣятельность экономическому поднятію народа. Только благодаря князьямъ современное государство достигло своего настоящаго положенія; культурные успѣхи отдѣльныхъ князей, служившихъ прежде всего своимъ личнымъ интересамъ, принесли благословеніе цѣлому народу. Университеты, основаніе которыхъ мы прослѣдили выше (стр. 167), представляютъ сначала частныя княжескія заведенія для подготовки научно образованныхъ дѣятелей; такъ и юридическіе факультеты служили для приготовленія чиновниковъ-юристовъ, и лишь постепенно возникаетъ современный университетъ, оставляющій для своего государя только высшее почетное званіе подъ тѣмъ или инымъ титуломъ.

Многочисленные возникшіе въ средніе вѣка замки, нынѣ дающіе, какъ государственная собственность, пріютъ судебнымъ или административнымъ учрежденіямъ, были основаны или пріобрѣтены князьями, и много драгоцѣнныхъ созданій свѣтской архитектуры обязаны имъ своимъ существованіемъ. Прекраснѣйшій образецъ изъ дворцовыхъ построекъ эпохи возрожденія представляетъ, въ его состояніи до разрушенія, таблица „Гейдельбергскій замокъ“ при стр. 311. Но замокъ-резиденція въ итальянскомъ стилѣ курфюрста Максимиліана въ Мюнхенѣ или увеселительный дворецъ герцоговъ Вюртембергскихъ въ Штуттгартѣ могутъ по художественной красотѣ поспорить съ этимъ гигантскимъ сооруженіемъ на Некарѣ. Необходимымъ условіемъ для такихъ построекъ является, кромѣ прогрессовъ техники и увеличенія числа даровитыхъ мастеровъ, накопленіе въ рукахъ правителей болѣе крупныхъ капиталовъ; постепенно князья достигли возможности избирать себѣ постоянное мѣстопребываніе, создавать свою резиденцію, и легко являлось желаніе художественно украсить ее. Но и это могло быть достигнуто только большимъ богатствомъ и энергичной организаціей, которая должна была доставить средства для содержанія княжескаго двора и наконецъ оказалась достаточно сильной для того, чтобы доставить въ резиденцію все необходимое.

в) Индивидуализмъ Возрожденія.

Впервые въ исторіи развитія Германіи рѣшающей силой дѣлаются деньги, въ XV вѣкѣ въ городахъ, въ XVI—въ рукахъ князей. Капиталъ даетъ экономическую самостоятельность и подъ его могучимъ вліяніемъ общественная жизнь отрѣшается отъ оковъ узкаго обычая. Сознаніе экономической свободы является неизбѣжнымъ условіемъ возможности болѣе глубокаго духовнаго развитія; но въ началѣ оно ведетъ къ полнѣйшей несдержанности, которая стремится какъ бы къ одухотворенію всего содержанія существованія. Но появляющееся въ этомъ сознаніе внѣшней

свободы служитъ первымъ шагомъ къ индивидуализму, характерному для эпохи реформаціи; оно приготовляетъ почву для принятія индивидуалистическаго, въ извѣстномъ смыслѣ, образованія эпохи Возрожденія. Ученіе Лютера нашло не случайно наибольшее пониманіе и сочувствіе у бюргеровъ, жителей городовъ, и у князей съ ихъ придворнымъ кругомъ, тогда какъ крестьянинъ, безъ всякихъ представленій о смыслѣ экономической свободы, не понималъ проповѣди монаха и создалъ для себя идеалъ свободы, не отличавшейся отъ анархіи.

Уже раньше, чѣмъ чувствуется вліяніе возрожденія въ Германіи (см. выше, стр. 169), можно указать во Фландріи, гдѣ города скорѣе чѣмъ гдѣ либо дошли до экономическаго расцвѣта, пробужденіе въ пластикѣ, а затѣмъ и въ живописи, натурализма, въ которомъ проявляется художественный индивидуализмъ. Съ третьяго десятилѣтія XV вѣка здѣсь возникаетъ новая живопись, представителями которой были художники Гюйбрехтъ (ум. въ 1426 г.) и Янъ ванъ Эйкъ (ум. въ 1440 г.). Правда, въ научномъ мышленіи схоластика пока еще остается единственнымъ методомъ изслѣдованія. Хотя возрожденіе и обогатило научные матеріалы и доставило наукѣ въ Германіи самостоятельное положеніе наряду съ искусствомъ, но схоластическій методъ мышленія дотянулъ свое существованіе далеко въ XVII вѣкъ, пока его не смѣнилъ, съ нѣкоторымъ запозданіемъ, соотвѣтственный художественному натурализму образъ мыслей, естественно-историческій, эмпирическій взглядъ на природу.

г) Книгопечатаніе.

Германскій народъ долженъ постоянно вспоминать съ благодарностью о томъ, что сдѣлало для него возрожденіе, но не слѣдуетъ преувеличивать его даровъ; только народъ, вполнѣ созрѣвшій для новаго образа мыслей, могъ такъ легко воспринять его. Созрѣлъ же онъ вполнѣ самостоятельно; именно этой подготовкѣ почвы, которую сдѣлала стремившаяся къ индивидуализму и къ господству надъ внѣшнимъ міромъ нѣмецкая культура, возрожденіе и гуманизмъ обязаны своими первыми успѣхами въ Германіи. Даже больше; именно Германія въ одной области опередила даже болѣе образованныя Францію и Италію: въ Германіи впервые возникло то искусство, которое болѣе всѣхъ остальныхъ является средствомъ распространить во всѣхъ слояхъ народа извѣстный уровень духовной культуры; возникло книгопечатаніе. Оно впервые сдѣлало возможнымъ распространеніе литературныхъ произведеній въ совершенно неожиданномъ обиліи и разнообразіи и способствовало введенію всесторонняго образованія. На Рейнѣ, этой культурной дорогѣ Германіи, тамъ, гдѣ Майнъ отдѣляетъ области Верхняго Рейна отъ среднерейнскихъ земель, въ Майнцѣ родина книгопечатанія. Правда, первые успѣшные опыты Іоганна Гэнсфлейша дumъ Гутенбергъ, изгнаннаго изъ родного города, имѣли мѣсто между 1440 и 1450 г. въ Страсбургѣ, за то первые распространители великаго открытія, Фустъ и Шефферъ, жили въ Майнцѣ, гдѣ и Гутенбергъ дѣлалъ вѣроятно, еще до изгнанія, свои первые опыты.

Подготовительными стадіями къ печати были графическія репродукціонныя искусства, гравюра по дереву и гравюра на мѣди; хотя онѣ были извѣстны и раньше, но въ болѣе широкое употребленіе вошли лишь съ начала XV вѣка; первая датированная гравюра по дереву относится къ 1423 г. Суть открытія Гутенберга заключается въ примѣненіи подвижныхъ буквъ, которыя можно было складывать по желанію. Но дерево, которымъ сначала пользовались для изготовленія буквъ, столь же мало соотвѣтствовало требованіямъ печати, какъ и мягкій свинецъ. Поэтому Гутенбергъ для дальнѣйшей разработки своего искусства, возвратившись на родину, вошелъ въ товарищество съ Іоганномъ Фустомъ; его помощникъ

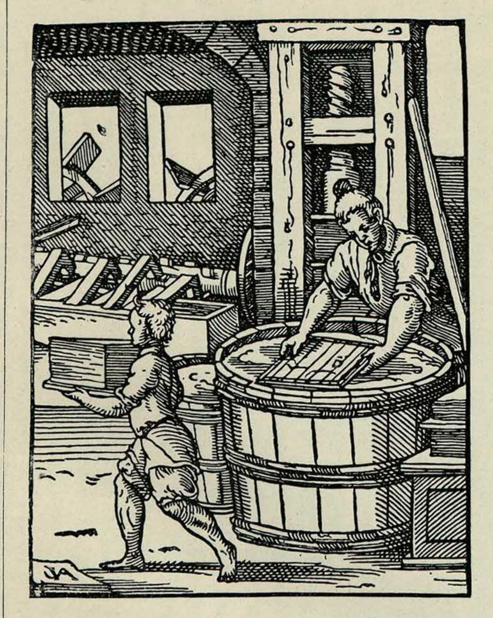
Петръ Шефферъ открылъ металическій сплавъ, оказавшійся пригоднымъ для отливки литеръ. Долѣе чѣмъ три столѣтія этотъ Фустъ, часто сливавшійся легендой въ одно лицо съ чернокнижникомъ докторомъ Фаустомъ, считался изобрѣтателемъ книгопечатанія, пока наконецъ постепенно имени Гутенберга была отдана надлежащая честь.

Въ майнцскомъ епископскомъ спорѣ между Дитеромъ Изенбургскимъ и Адольфомъ Нассаускимъ новымъ искусствомъ впервые воспользовались для вліянія на общество; той же цѣли при всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ передъ реформаціей и во время ея служили безчисленные летучіе листки. Около 1455 г. появилась первая печатная книга, полная латинская Библія. Форма буквъ была непосредственно скопирована съ тѣхъ, какія въ это время употреблялись для четкаго книжнаго письма. Старинныя печатныя книги, такъ называемыя инкунабулы, почти всегда кромѣ черныхъ буквъ имѣютъ красныя украшенія; иниціалы большей частью особенно художественно отдѣланы и часто украшены картинками, какъ въ старинныхъ рукописяхъ. Изъ буквъ этой формы постепенно выработались путемъ постоянныхъ преобразованій оба алфавита: латинскій (антиква) и нѣмецкій (фрактура).

Сначала новымъ ремесломъ занимались въ тайнѣ, но при взятіи города Майнца Адольфомъ Нассаускимъ въ 1462 г. мастерская была уничтожена, подмастерья разсѣялись по свѣту и распространили свое искусство. Уже въ 1472 г. ректоръ Парижскаго университета, Фише, въ краснорѣчивыхъ словахъ восхвалялъ заслуги изобрѣтателя книгопечатанія, какъ распространителя культуры, а гуманистъ Конрадъ Цельтесъ ставилъ это открытіе выше всѣхъ дѣяній древности. Съ необычайной быстротой книгопечатаніе распространилось по всѣмъ странамъ, признакъ того, что открытіе вполнѣ соотвѣтствовало самой настоятельной потребности. Трудно ожидать, чтобы сохранились всѣ извѣстія объ открытіи типографій; документально доказано введеніе книгопечатанія въ итальянскомъ монастырѣ Субіако въ 1465 г., въ Римѣ въ 1467 г., въ Венеціи и Миланѣ въ 1469 году. Парижъ послѣдовалъ въ 1470 г., Лувенъ и Утрехтъ въ 1473 г., Ліонъ въ 1474 г. и въ томъ же году Базель, впослѣдствіи занявшій видное мѣсто въ ряду пунктовъ книгопечатанія; Валенсія, Барселона и Лондонъ въ 1474 г., Стокгольмъ въ 1483 г., Москва только въ 1563 г. Въ Италіи Андреа де'Бусси оказалъ еще до 1475 г. большія заслуги въ дѣлѣ распространенія книгопечатанія; онъ ввелъ нѣмецкія работы Паннарца и Швейнгейма, составивъ для нихъ посвященія папѣ. Вообще говоря повсюду, даже въ Англіи, Испаніи и Португаліи первыми печатниками являются нѣмцы: Іоганнъ фонъ Шпейеръ былъ первымъ типографщикомъ въ Венеціи, гдѣ вскорѣ оказалась, какъ передаютъ, пятая часть всѣхъ печатныхъ станковъ. Вполнѣ естественно, что въ обильной капиталами Италіи особенно ревностно занялись книгопечатаніемъ и при томъ здѣсь сразу же приступили къ изданію классическихъ писателей, тогда какъ въ Германіи въ началѣ предпочтеніе отдавалось именно народной литературѣ.

Новыя произведенія, книги, переплетавшіяся и приготовлявшіяся къ употребленію въ самой типографіи, начали свое странствіе по свѣту, распространяемыя множествомъ кочевыхъ книготорговцевъ, книгоношъ. Уже въ 1506 г. есть свѣдѣнія о такомъ книгоношѣ въ далекомъ Германштадтѣ въ Семиградіи. Но всѣ печатныя произведенія были внѣ охраны закона; о правѣ духовной собственности не было никакого представленія: каждая книга, обѣщавшая какую-нибудь денежную выгоду, перепечатывалась свободно любымъ типографщикомъ. Такимъ образомъ многіе издатели и авторы, затратившіе на свое произведеніе цѣлые годы работы, лишались своей собственности, пока въ началѣ XVI вѣка не получила болѣе широкаго распространенія выдача императорами и князьями привилегій на книги. Этимъ достигалось по крайней мѣрѣ то, что перепечатокъ такихъ

Der Papyrer.

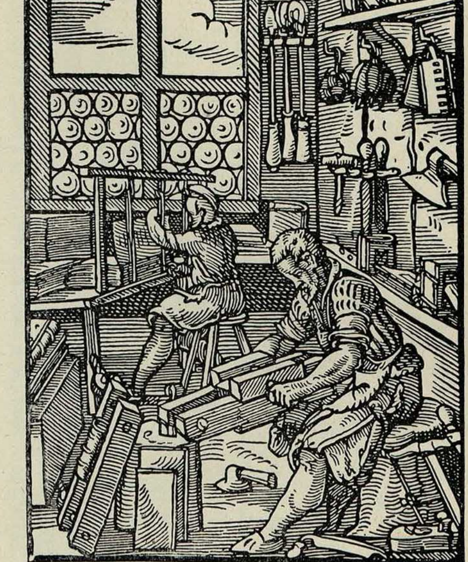


Ich brauch Hadern zu meiner Mül
Dran treibt mirs Rad deß waſſers viel/
Daß mir die zſchnitn Hadern nelt/
Das zeug wirt in waſſer einquelt/
Drauß mach ich Pogn/auff dē filtz bring/
Durch preß das waſſer darauß zwing.
Denn henck ichs auff/laß drucken wern/
Schneweiß vnd glatt/ſo hat mans gern.

Der Buchdrücker.

Ich bin geſchicket mit der preß
So ich aufftrag den Firniß reß/
So bald mein dienr den bengel zuckt/
So iſt ein bogn papyrs gedruckt.
Da durch kombt manche Kunſt an tag/
Die man leichtlich bekommen mag.
Vor zeiten hat man die bücher gſchribn/
Zu Meintz die Kunſt ward erſtlich triebn.

Der Buchbinder.



Ich bind allerley Bücher ein/
Geiſtlich vnd Weltlich/groß vnd klein/
In Perment oder Bretter nur
Vnd beſchlags mit guter Clauſur
Vnd Spangen/vnd ſtempff ſie zur zier/
Ich ſie auch im anfang planier/
Etlich vergüld ich auff dem ſchnitt/
Da verdien ich viel geldes mit.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Нѣмецкое книжное дѣло въ XVI вѣкѣ: бумажная, книгопечатная и переплетная мастерскія.

(По Гиртшовскому новому изданію „Stände und Handwerker“ Іобста Аммана.)

привилегированныхъ книгъ нельзя было продавать на важнѣйшихъ книжныхъ ярмаркахъ, а именно во Франкфуртѣ и позднѣе въ Лейпцигѣ. Но еще долгое время и даже въ XIX вѣкѣ авторамъ и издателямъ приходилось горько жаловаться на литературное пиратство. Правда, Лютеръ можетъ быть на дѣлѣ скорѣе выигрывалъ отъ перепечатокъ, потому что его сочиненія такимъ образомъ имѣли много изданій и распространялись въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, хотя эти изданія часто очень страдали ошибками. Но еще Гете и Шиллеръ много потерпѣли отъ перепечатокъ.

Техника конечно въ частностяхъ все болѣе совершенствовалась. Какъ происходило печатаніе въ второй половинѣ XVI вѣка, какъ бумажный мастеръ приготовляетъ бумагу, какъ типографщикъ поступаетъ при печатаніи, а переплетчикъ даетъ книгѣ окончательную отдѣлку все это изображено на прилагаемой таблицѣ „Нѣмецкое книгопечатаніе въ XVI вѣкѣ". Пояснительные стихи даютъ образецъ набора и техническихъ выраженій той эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ служить примѣромъ многочисленныхъ объясненій къ картинкамъ, которыя повсемѣстно распространялись и въ XVII вѣкѣ явились переходомъ къ новѣйшимъ періодическимъ журналамъ. Характерно для развитія книжнаго дѣла, что въ это время бумажное производство и переплетное ремесло составляютъ только побочныя отрасли книгопечатанія. Только постепенно эти производства стали самостоятельными отраслями промышленности.

Какъ бы не было важно для графической репродукціи путемъ печати техническое изобрѣтеніе, нельзя въ то же время не признать, что быстрое развитіе и распространеніе производства стало возможнымъ только благодаря накопленію капиталовъ въ городахъ; ибо въ книгопечатаніи впервые выражается основная экономически-техническая идея массоваго производства, которое не можетъ обойтись безъ болѣе крупнаго капитала. Только пользованіе капиталомъ давало возможность книгопечатанія, которое по своей сущности является не ремесленнымъ производствомъ, а предпріятіемъ. Именно по отношенію къ книгопечатанію легко выясняется присущее капиталу громадное экономическое значеніе, между тѣмъ какъ постоянно высказывается и повторяется ошибочное утвержденіе, что капиталистическое производство вызываетъ только обращеніе широкихъ слоевъ населенія въ пролетаріевъ; это явленіе, правда, иногда оказывается слѣдствіемъ такой формы производства, но оно отнюдь не связано съ нею силою естественной необходимости.

д) Нововведенія въ военномъ дѣлѣ.

Въ совершенно иной области человѣческихъ знаній мы наблюдаемъ въ теченіе XV вѣка тотъ же процессъ: въ военномъ искусствѣ. Оно также получаетъ капиталистическій оттѣнокъ и именно благодаря болѣе общему употребленію огнестрѣльнаго оружія. Правда, трудно рѣшить, на сколько оно само было причиной введенія наемныхъ войскъ и на сколько къ этому повели соціальныя причины: существованіе городского и сельскаго пролетаріата и уменьшившаяся способность дворянства къ военной службѣ, но новое оружіе по крайней мѣрѣ способствовало преобразованію. Фактически оно является наиболѣе яркой чертой наступившихъ въ военномъ искусствѣ измѣненій.

Мы не можемъ говорить объ изобрѣтеніи огнестрѣльнаго пороха, какъ говорили объ изобрѣтеніи книгопечатанія. Еще въ 1324 г. городъ Мецъ имѣлъ огнестрѣльныя орудія, англичане ими пользовались въ сраженіи при Креси въ 1346 г. (см. стр. 174); но арабы Испаніи знали ихъ и ранѣе. Можетъ быть Бертольдъ Шварцъ, который занимался алхиміей въ

XIV вѣкѣ и котораго особенно Себастіанъ Франкъ, историкъ и космографъ XVI вѣка, называетъ изобрѣтателемъ пороха, и въ самомъ дѣлѣ вновь открылъ или усовершенствовалъ способъ его приготовленія; точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ въ военномъ дѣлѣ XIV вѣка новое оружіе еще не имѣетъ значенія. Только во второй половинѣ XVI вѣка, особенно при королѣ Максѣ, лично интересовавшемся артиллеріей, можетъ быть рѣчь о введеніи огнестрѣльнаго оружія въ войскахъ, въ то время какъ въ общее употребленіе для охоты и стрѣльбы въ цѣль оно входитъ лишь значительно позже, очевидно вслѣдствіе издержекъ, слишкомъ значительныхъ для частныхъ цѣлей.

Въ общемъ король Максъ не былъ особенно счастливъ, какъ полководецъ, но въ этомъ болѣе виновата шаткость его политики и неустойчивость характера, чѣмъ его ошибки въ военномъ искусствѣ. Совершенно напротивъ: онъ его двинулъ значительно впередъ, чему не мало способствовало и органическое сліяніе артиллеріи съ прежними родами оружія. Послѣ того какъ при Земпахѣ пало подъ мужицкими копьями рыцарское войско, и соціальныя основы ленной арміи все болѣе таяли съ обѣдненіемъ дворянства, необходима была замѣна этой арміи; она состояла въ пѣхотѣ, служащей за жалованье. Правда, конница сохранила еще довольно важное значеніе; но введенное при Максѣ болѣе легкое панцырное вооруженіе дало ей возможность участвовать въ пѣшемъ бою, не теряя преимуществъ большей подвижности. При Максѣ всѣ солдаты служатъ на жалованьи, доходившемъ для кавалериста до 10 гульденовъ, для пѣхотинца до 4 гульденовъ въ мѣсяцъ; продовольствоваться солдатъ долженъ былъ самъ. Вниманіе короля было посвящено выработкѣ нѣмецкой пѣхоты, такъ называемыхъ ландскнехтовъ, тогда какъ швейцарцы и ранѣе имѣли подобную организацію: противоположность къ послѣднимъ и должна была выражаться въ имени. Въ основныхъ чертахъ реформа организаціи арміи была окончена еще до 1490 г.; съ этого времени встрѣчаются упоминанія имени и способа боя ландскнехтовъ. Они отличались одинаковымъ вооруженіемъ. Щитъ былъ выведенъ изъ употребленія, главнымъ оружіемъ каждаго была длинная пика; кромѣ того въ опредѣленной пропорціи были въ употребленіи алебарды и ручное огнестрѣльное оружіе. На отрядъ въ четыреста человѣкъ приходилось обыкновенно двадцать пять человѣкъ съ ружьями. Но главныя заботы Макса были посвящены артиллеріи. Самъ онъ, какъ никто, зналъ техническое устройство и употребленіе орудій. Потребность въ осадныхъ и полевыхъ орудіяхъ обезпечивалась такимъ образомъ, что на десятитысячное войско назначалось двѣсти повозокъ, изъ нихъ около пятидесяти подъ пушки и остальныя для снарядовъ изъ камня и желѣза.

Громадный переворотъ, который должны были произвести эти нововведенія въ военномъ дѣлѣ, его демократизація и связанная съ этимъ большая внушительность, понятны безъ дальнѣйшихъ объясненій. Но одна вещь была необходима для этого: свободная денежная наличность. При Максѣ-же она почти всегда отсутствовала (см. стр. 240—243), войска часто не вполнѣ оплачивались, а въ такихъ случаяхъ не оказывалось обыкновенно и военныхъ успѣховъ. Все таки при Максѣ для военныхъ цѣлей находились такія суммы, какъ никогда до тѣхъ поръ. Капиталъ, новая сила, начинавшая овладѣвать всѣми проявленіями жизни, сумѣлъ и въ этомъ случаѣ проявить свое вліяніе. Слѣдуетъ въ распространеніи огнестрѣльнаго оружія отмѣтить еще одно обстоятельство: что именно нѣмцы ему способствовали, и что всеобщее пользованіе этимъ оружіемъ получило начало изъ Германіи. Нѣмецкіе оружейники, изъ которыхъ мы знаемъ по имени, во второй половинѣ XV в., напр. троихъ франкфуртскихъ мастеровъ, расходились по всему свѣту, такъ что одинъ нѣмецкій путешественникъ по Востоку, Арнольдъ фонъ Гарффъ съ Рейна, встрѣтилъ своихъ соотечественниковъ — оружейниковъ въ Мореѣ и на

Кандіи; перваго характернымъ образомъ звали Петеръ Бомбадере, второго звали — Петеръ изъ Ульма.

е) Вліяніе открытій на отношенія державъ въ Западной Европѣ.

Открытіе Новаго Свѣта, какъ цѣль и результатъ далекихъ морскихъ путешествій европейцевъ, изложено болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ нашего труда (т. I, стр. 345); но мы должны еще на моментъ остановиться надъ вопросомъ о вліяніи этихъ открытій на европейскія государства. Въ началѣ XV вѣка на сѣверѣ Германіи въ торговлѣ господствовали безъ соперниковъ ганзейскіе города; на югѣ подобное положеніе занимали, каждый для своей области, города Базель, Ульмъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ и Вѣна, какъ конечные пункты важнѣйшихъ путей черезъ Альпы. Ганзейская торговля господствовала въ Россіи, Скандинавіи и Англіи, а южногерманскіе города стояли въ столь тѣсныхъ сношеніяхъ съ Италіей, средоточіемъ левантинской торговли, что въ Венеціи неожиданнаго расцвѣта могъ достичь нѣмецкій торговый домъ. Германія въ это время приняла впервые участіе въ міровой торговлѣ. Подъемъ ея городовъ, искавшихъ въ матеріальныхъ благахъ замѣны утраченной надеждѣ на политическую независимость, былъ слѣдствіемъ этихъ событій; благосостоятельное городское населеніе съ все возраставшими потребностями было особеннымъ покупщикомъ для ввозимыхъ торговлей цѣнныхъ тканей и пряностей. Если Италія, центральное мѣсто, откуда товары Востока расходились по Европѣ, и пользовалась при этомъ главной выгодой, создавая основы для блестящаго развитія своего могущества, то и Германія не оставалась въ убыткѣ. Во всякомъ случаѣ, она оставалась транзитной страной для Сѣвера, и ея торговыя общества вели дѣла съ цѣлымъ міромъ. Въ то же время очевидный расцвѣтъ Италіи былъ слишкомъ основательнымъ примѣромъ, чтобы не вызвать попытокъ войти въ сношенія съ Индіей другимъ путемъ и, если возможно, моремъ доставлять товары въ Европу. Особенно въ Португаліи уже вскорѣ послѣ половины XV вѣка начинаютъ обсуждать возможность достиженія Индіи морскимъ путемъ; черезъ нѣсколько десятилѣтій европейцы уже вступаютъ на западный и южный берега Африки и на вновь открытую почву Америки. Наконецъ, еще до исхода столѣтія (1498) Васко да Гама разрѣшилъ загадку вѣка, достигнувъ, въ самомъ дѣлѣ, Индіи на кораблѣ.

Это были событія неожиданной важности для судебъ Европы; ими было произведено не меньше, чѣмъ полный переворотъ въ отношеніяхъ силъ европейскихъ державъ. Италія и Германія быстро утратили преимущества своего положенія, тогда какъ Испанія съ Португаліей и Голландія выступаютъ какъ могучіе колонизаторы и властители міровой торговли. Лиссабонъ теперь сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ средоточій міра (стр. 79); море сдѣлалось общимъ путемъ сообщеній; корабль смѣнилъ торговые караваны. Съ этихъ поръ уже не страны по Средиземному морю пользуются наиболѣе благопріятнымъ положеніемъ, а тѣ земли, берега которыхъ омываются открытымъ океаномъ. Въ началѣ, правда, нѣмецкіе предприниматели въ значительномъ числѣ принимаютъ участіе въ міровыхъ путешествіяхъ и стараются отвоевать свою долю въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Уже въ XV вѣкѣ въ Лиссабонѣ существовала нѣмецкая колонія; нѣмецкій географъ Мартинъ Бегаймъ изъ Нюрнберга состоялъ на португальской службѣ, а аугсбургскій купеческій домъ Фуггеровъ, достигшій крупнаго значенія уже въ 1460-хъ годахъ, учредилъ въ 1505 году въ обществѣ съ купцами Вельзеромъ и Гохштеттеромъ одну изъ тѣхъ торговыхъ компаній, какъ онѣ устраивались тогда обыкновенно съ какой нибудь опредѣленной цѣлью, для доставки груза нѣсколькихъ кораблей индійскихъ пряностей по вновь открытому морскому пути (стр. 82)

Уже въ 1503 г. нѣмцамъ было разрѣшено устройство торговыхъ факторій въ Лиссабонѣ, и сначала Вельзеры, а затѣмъ, ставъ на первое мѣсто, Фуггеры, повели оттуда торговлю пряностями съ чрезвычайными барышами.

Но эти успѣхи отдѣльныхъ нѣмецкихъ крупныхъ купцовъ, пріобрѣтшихъ неожиданно большія состоянія, не должны скрывать отъ насъ настоящаго значенія событій, роковыхъ для Германіи въ цѣломъ. Даже современники смутно ощущали это значеніе и выражали свое непріятное ощущеніе въ несправедливыхъ по существу упрекахъ, что эти оптовые купцы грабятъ народъ ростовщическимъ вздорожаніемъ необходимѣйшихъ предметовъ продовольствія. Это обвиненіе, поднятое особенно лютеранскими проповѣдниками, находило опору въ воззрѣніи вѣка, по которому коммерческая прибыль считалась безнравственной; „Реформація императора Сигизмунда“ (см. стр. 213), программа соціальной реформы на христіански коммунистическихъ основаніяхъ, многократно перепечатывалась, начиная съ 1480 г., особенно въ смутныя времена послѣ 1520 г. Въ то время уже начинали сознавать, что экономическое положеніе Германіи уже далеко не прежнее, что недовольство въ массахъ значительно возросло; вина въ этомъ, — какъ было очевидно для наивнаго наблюдателя, — конечно лежала на крупныхъ предпринимателяхъ, собиравшихъ столь невѣроятные доходы, обладавшихъ фактической монополіей и блескомъ своей домашней обстановки превосходившихъ могучаго императора Карла V. Еще въ теченіе всего XVI вѣка Фуггеры играли роль въ Испаніи. Но въ началѣ XVII вѣка дѣла „общей испанской торговли“ приходятъ въ разстройство (стр. 84), въ то время какъ въ самой Германіи уже ярко наблюдаются плачевныя послѣдствія культурнаго упадка.

Начало этого бѣдствія еще было скрыто правленіемъ Карла V, одновременно владычествовавшаго надъ Испаніей и Германіей; но тѣмъ яснѣе сказалась наступившая перемѣна въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. Торговыя сношенія съ Италіей все болѣе приходили въ упадокъ, а на смѣну имъ ничего нельзя было найти: Нидерланды, сѣверная часть которыхъ, съ Амстердамомъ во главѣ, стала торговымъ средоточіемъ сѣверной Европы (см. стр. 59), на дѣлѣ уже не принадлежали къ имперіи, даже стали въ рѣзкую экономическую противоположность съ центральной Германіей. Голландскіе портовые города скоро побѣдили своихъ торговыхъ соперниковъ на Балтійскомъ морѣ, такъ что даже ганзейцы были на сѣверѣ вытѣснены изъ своего преобладающаго положенія въ торговлѣ. Только Гамбургъ въ эту эпоху выигралъ въ своемъ значеніи, такъ какъ благодаря своему положенію, представившему теперь выгоды для новаго развитія, онъ принялъ на себя роль посредника по ввозу голландскихъ товаровъ въ Германію и, предвидя возможныя при этомъ выгоды, разрѣшилъ въ концѣ концовъ англичанамъ пребываніе въ своихъ стѣнахъ (стр. 61).

Дѣйствіе этихъ событій, перемѣщеніе всѣхъ центровъ тяжести, дало себя вскорѣ чувствовать и населенію внутреннихъ частей страны; въ то время какъ торговля и ремесло стали приносить безъ сравненія болѣе низкіе барыши, денежное обращеніе замедлилось и стало замѣтнымъ значительное вздорожаніе всѣхъ товаровъ и возрастающее обезцѣненіе денегъ (см. стр. 77). Послѣдствіемъ этого было, въ свою очередь, возвращеніе націи отъ формъ экономическаго обмѣна къ домашнему хозяйству, возвратъ къ такимъ формамъ хозяйства, съ которыми все уже было давно кончено, по крайней мѣрѣ на западѣ и югѣ. Иначе обстояло дѣло въ областяхъ къ востоку отъ Эльбы. Въ культурномъ отношеніи онѣ еще очень отставали (въ Познани книгопечатаніе появилось только въ 1577 г.): Магдебургъ былъ чуть ли не самымъ восточнымъ изъ значительныхъ городовъ; вообще города были очень рѣдки и преобладало крестьянское населеніе, менѣе униженное, чѣмъ на западѣ. На эти восточныя области менѣе сильно повліялъ общій переворотъ; напротивъ, замѣчается усиленіе правитель-

ственной дѣятельности, особенно въ Бранденбургѣ, Саксоніи и Силезіи. Князья сумѣли подчинить сословія и съ этихъ поръ они смѣлѣе выступаютъ на первый планъ въ политикѣ, тѣмъ болѣе, что новая противоположность между католическими и протестантскими князьями заставляла восточныя территорія, бывшія главнѣйшими опорами протестантизма, занять болѣе опредѣленное политическое положеніе. На востокѣ экономическій переворотъ затронулъ чувствительнѣй всего только сельское дворянство, политическая роль котораго уже была довольно скромной. Отдѣльные его представители еще появляются періодически при дворѣ въ видѣ княжескихъ чиновниковъ, но большинство удалилось въ свои деревенскія рыцарскія помѣстья, которыя все болѣе теряютъ свой характеръ центральныхъ пунктовъ феодальной власти, обращаясь въ сельскохозяйственныя имѣнія. Владѣльческое хозяйство дѣлается крупной сельскохозяйственной промышленностью, впервые возникающей здѣсь на нѣмецкой почвѣ; наслѣдственное подданство, иначе выражаясь, крѣпостное право, доставляетъ этой промышленности рабочія руки на особыхъ условіяхъ.

Поземельныя отношенія на югѣ и западѣ Германіи привели къ совершенно другимъ экономическимъ и соціальнымъ результатамъ. Продолжавшееся размельченіе землевладѣнія и зачастую повышавшіяся при этомъ повинности поставили крестьянина, когда заимки земель окончились, въ условія, которыя иногда дѣлали его несчастнѣйшимъ существомъ этой эпохи. Подобныя же условія, еще ухудшенныя сильнымъ абсолютистическимъ правленіемъ, привели въ свое время во Франціи къ общественному состоянію, господствовавшему тамъ непосредственно передъ революціей 1789 года; эти же условія возникаютъ вездѣ, гдѣ естественному приросту населенія не открывается случая для эмиграціи и не является новыхъ источниковъ заработка путемъ введенія новыхъ отраслей промышленности. И притомъ, крестьянинъ былъ отстраненъ отъ всякаго участія въ высшей духовной жизни; въ политическомъ отношеніи онъ былъ безсиленъ, а упадокъ старинныхъ народныхъ судовъ сильно унизилъ его прежнее положеніе въ придворномъ судѣ. Но ни одна изъ властей, ни территоріальный государь, ни имперское законодательство не думали о томъ, чтобы сколько нибудь поднять крестьянское сословіе; а если бы эта мысль и возникла: какія средства могли-бы найтись для ея осуществленія?

ж) Рецепція римскаго права.

Развитіе духа индивидуализма, который такъ же мало удовлетворялся нѣмецкимъ правомъ, какъ и извѣстнымъ въ Германіи правомъ каноническимъ, повело наконецъ, ненамѣренно и помимо воли, къ тѣмъ правовымъ нормамъ общественнаго хозяйства, которыя находились въ готовомъ видѣ въ Corpus iuris Юстиніана, и съ которыми учащіеся нѣмцы знакомились въ университетахъ Болоньи и Гейдельберга. Это „писанное право" въ теченіе столѣтія проникаетъ въ высшее сознаніе націи; въ имперскомъ постановленіи 1495 г. оно уже признается оффиціальнымъ правомъ. Конечно, рецепція римскаго права въ Германіи не относилась ко всѣмъ его частямъ; эгоистическій духъ его часто въ значительной степени ослаблялся практикой; но за то не только духъ, и само матеріальное право стремилось получить доступъ въ Германіи. Только около 1450 г. мы можемъ доказать пользованіе римскимъ правомъ въ свѣтскихъ судахъ. Въ то время дворянскій имперскій придворный судья былъ вытѣсненъ придворнымъ судомъ, составлявшимся изъ юристовъ, воспитанныхъ въ понятіяхъ римскаго права. То же явленіе наблюдается въ это время и въ территоріальныхъ судахъ. Римское право вводится въ курсъ университетовъ: въ Гейдельбергѣ въ 1498 г. открывается каѳедра для чтенія пандектовъ (до того времени тамъ читали только Codex Justinianeus и Институціи), а въ

1522 г. присоединяется второе мѣсто профессора пандектовъ, тогда какъ каноническое право отступаетъ. Профессора были въ то же время княжескими совѣтниками: именно это обстоятельство, кажется, имѣлось въ виду при учрежденіи новыхъ каѳедръ. Даже города начинаютъ съ 1450 г. реформировать свои уложенія въ духѣ римскаго права. При этомъ постоянно вліяніе его начинается съ высшихъ судовъ и движеніе лишь постепенно распространяется на низшія инстанціи, въ виду необходимости оформлять приговоры такъ, чтобы они могли выдерживать обжалованіе въ высшей инстанціи. Въ началѣ народъ вообще не высказывалъ противодѣйствія нововведенію; протестъ становится замѣтнѣе лишь около 1480 г. и затѣмъ длится въ теченіе двухъ поколѣній. Ненависть направляется главнымъ образомъ противъ юристовъ; ихъ однихъ, а не право, народъ считаетъ отвѣтственными за медленность тайнаго судопроизводства и за матеріальныя потери, возникающія изъ приговора. Но съ 1540-хъ годовъ противодѣйствіе слабѣетъ. Уже вюртембергское земельное право 1552 г. выработано безъ содѣйствія сословій, хотя они и были приглашены къ сотрудничеству: оно является дѣломъ римскихъ юристовъ.

Несмотря на многія неудобства, сопровождавшія рецепцію римскаго права, она была благословеніемъ для нѣмецкаго народа; только благодаря ей весь народъ получилъ общія правовыя основанія; само развитіе права было облегчено и ускорено существованіемъ права болѣе прогрессивнаго. Нѣмецкое право было сословнымъ, тогда какъ римскому была извѣстна лишь равноправная масса подданныхъ: „равное право для всѣхъ“ это одинъ изъ принциповъ римскаго права. До рецепціи территоріальный властитель былъ рѣшающимъ судьей лишь въ силу своей личности; его чиновники замѣщаютъ его и вмѣшиваются въ примѣненія права; только подъ вліяніемъ чуждаго права изъ этого вмѣшательства получается полный правовой процессъ; только такимъ образомъ возникаетъ современный судебный приговоръ именемъ государя. Но во многихъ областяхъ права рецепція ничего не измѣнила; тамъ, гдѣ нѣмецкое право было лучше и цѣлесообразнѣе, оно сохранилось; корпоративныя общества по нѣмецкому праву продолжали свое существованіе, семейнаго права чуждыя вліянія едва коснулись, тогда какъ права распоряженія собственностью, ея дѣлимость и переходъ были реформированы соотвѣтственно потребностямъ времени. Публичное право подверглось вліянію въ общемъ духѣ, если не въ отдѣльныхъ институціяхъ; судебная и административная дѣятельность перешла по римскому образцу въ руки государя, участіе общества замѣнено чиновничествомъ съ юридическимъ образованіемъ. Но только этимъ путемъ заботы объ общественномъ благѣ и стали задачей государства.

з) Нѣмецкое крестьянство около 1500 года.

Какъ ни способствовала культурѣ рецепція Германіей римскаго права, не слѣдуетъ упускать изъ виду неурядицъ переходнаго времени; никого онѣ такъ тяжело не коснулись, какъ нѣмецкаго крестьянина. Въ римскомъ юристѣ онъ видѣлъ только обманщика; безпомощнымъ онъ оставался передъ нимъ и его непонятнымъ ученіемъ. И помимо отдѣльныхъ юридическихъ случаевъ общія положенія складывались именно въ пользу болѣе привилегированныхъ въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи лицъ и сословій. Помѣщикъ начиналъ относиться къ себѣ, какъ къ собственнику по понятіямъ римскаго права, то есть какъ къ неограниченному властителю. Крестьянинъ дѣлался „колономъ“ латинскаго юридическаго языка, и основная идея германскаго права, что всѣ личныя отношенія покоятся на взаимности правъ и обязанностей, утратилась навѣки. Рецепція не была причиной крестьянскихъ волненій,

но она имъ въ значительной мѣрѣ, все таки, способствовала. И городской пролетаріатъ находился не въ завидномъ положеніи и съ 1450 г., часто въ союзѣ съ окрестными крестьянами, во многихъ городахъ возставалъ противъ совѣта и даже пытался силой осуществить свой коммунистическій идеалъ. Но онъ далеко не выказалъ при этомъ той готовой на все бѣшеной ярости, которою дышали возстанія крестьянъ.

Со времени возстанія Паукера изъ Никласгаузена (1476), чувствовавшаго въ себѣ божественное призваніе церковнаго и общественнаго реформатора (по смерти его движеніе продолжалось въ области Вюрцбурга его приверженцами), возстанія въ областяхъ Альпъ и въ Фрисландіи, въ Франконіи и Тюрингіи, на Верхнемъ Рейнѣ и въ Швабіи не прекращались. „Бундшу" („крестьянскій башмакъ") 1502 г. въ области Шпейера и „Бѣдный Конрадъ" въ Вюртембергѣ въ 1514 г. наиболѣе извѣстныя изъ этихъ возстаній. При этомъ движеніе противъ свѣтскихъ привилегій духовенства, особенно противъ ихъ безпошлиннаго занятія ремеслами, составляющаго гибельную конкурренцію плательщику налоговъ, и противъ свободы духовнаго имущества отъ налоговъ, замѣчается еще до появленія Лютера и объясняетъ встрѣчу, какую нашли его сочиненія 1520 г. (стр. 268). Но и съ властями въ городѣ и деревнѣ поступаютъ не болѣе снисходительно. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ вновь начинается броженіе. Возстаніе, имѣвшее цѣлью насильственное введеніе ученія Лютера, было на этотъ разъ хорошо подготовлено. Но такъ какъ реформаторъ отшатнулся отъ союзниковъ такого рода, а предпріятіе Сикингена противъ епископа Трирскаго окончилось неудачей, то взрывъ возстанія еще нѣсколько замедлился. Но уже въ 1524 г. на Верхнемъ Рейнѣ возстало ландграфство Штюлингенъ, былъ втянутъ городъ Вальдсгутъ; въ области города Цюриха одновременно, въ связи съ проектами церковныхъ реформъ, вспыхнула открытая революція. Вскорѣ движеніе охватило всю Верхнюю Германію; цѣлью его было осуществленіе давно намѣченной соціалистической программы, которая казалась крестьянамъ тождественной со „справедливостью" и „свободой человѣка-христіанина", о которой говорилъ Лютеръ.

Въ половинѣ марта 1525 г. требованія возставшихъ уже нашли себѣ формулировку въ „двѣнадцати параграфахъ крестьянства". Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Эльзасѣ и Лотарингіи, къ жалобамъ противъ помѣщиковъ, которыя надо признать основательными, присоединились самыя широкія политическія требованія. Въ австрійскихъ областяхъ, особенно въ Тиролѣ, возстаніе безъ особаго труда удалось успокоить уступками осенью 1525 года. Но во Франконіи дошло до открытаго мятежа и ужаснѣйшихъ насилій; въ Швабіи борьбу съ мятежниками съ успѣхомъ взялъ на себя въ апрѣлѣ „Швабскій союзъ" (см. выше, стр. 238); города, бывшіе опорными пунктами возставшихъ, Ротенбургъ и Вюрцбургъ, были также усмирены. Но движеніе распространилось еще далѣе къ сѣверу и вспыхнуло въ Тюрингенѣ, особенно въ Мюльгаузенѣ. Здѣсь съ соціальными требованіями слился анабаптизмъ. Томасъ Мюнцеръ самъ повелъ въ бой мятежниковъ; но онъ и его товарищи были разбиты княжескими войсками при Франкенгаузенѣ и крестьяне потеряли убитыми до шести тысячъ человѣкъ.

Еще до истеченія 1525 г. возстаніе въ общемъ было почти повсюду подавлено и побѣдителями вездѣ были князья. Поскольку крестьяне получили нѣкоторыя мелкія облегченія, это было лишь второстепеннымъ результатомъ. Главнымъ стремленіемъ князей было ослабленіе дворянства, и ограниченіе помѣстныхъ правъ, какого требовали „двѣнадцать параграфовъ", шло навстрѣчу этому желанію. Въ общемъ, однако, положеніе крестьянства осталось такимъ же, какъ прежде; только непосредственныя слѣдствія войны, во время которой поля во многихъ мѣстахъ остались невоздѣланными, еще долго и тяжело отзывались на странѣ

и населеніи. Основательнаго улучшенія того состоянія, которое привело къ возстанію, не послѣдовало въ теченіе XVI вѣка: крестьянинъ оставался самымъ несчастнымъ членомъ общества. Только послѣ того какъ Тридцатилѣтняя война пронеслась надъ страной опустошительной бурей, и когда рабочій крестьянинъ снова вошелъ въ честь, какъ производитель цѣнностей, лишь тогда при абсолютистическомъ правленіи во многихъ территоріяхъ наступили и для крестьянина лучшія времена. Но еще и въ XVIII вѣкѣ тамъ и сямъ продолжались крестьянскіе безпорядки, пока революціи не покончили со старыми повинностями и не сдѣлали крестьянина снова тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нѣкогда: равноправнымъ гражданиномъ государства.

Какую бы сторону національной нѣмецкой жизни мы не разсматривали, повсюду мы замѣчаемъ въ XVI в. осязательные зачатки новой культуры. Въ области отвлеченной духовной дѣятельности, какъ и въ кругу общественныхъ и государственныхъ явленій мы находимъ начальныя ступени къ тому, что въ полномъ развитіи составляетъ современную культуру. Для болѣе глубокаго историческаго пониманія есть нѣчто нежелательное въ попыткахъ разграничивать періоды исторіи рѣзкими чертами, указаніемъ, напримѣръ, опредѣленнаго года. Но старинная школа, начинающая „Новую исторію“ съ 1492 или 1517 года, безъ сомнѣнія права въ томъ отношеніи, что большое число идей, которыя господствовали по существу еще въ XIX вѣкѣ, получили по крайней мѣрѣ распространеніе въ XVI вѣкѣ, хотя бы ихъ духовные творцы жили и въ XV в. или еще ранѣе. Правда, въ области государственнаго права принципы, соотвѣтственные новому времени, были еще далеко не установлены; въ этомъ отношеніи старые порядки просуществовали еще до Вестфальскаго мира. Онъ извѣстнымъ образомъ закончилъ истекшій періодъ, уничтожилъ устарѣлыя нормы и въ то же время создалъ государственно-правовую основу для современной государственности.

Б. **Реформаторы и ихъ дѣло.**

а) Лютеръ и нѣмецкая реформація до Нюрнбергскаго мира.

Мартинъ Лютеръ, родомъ изъ крестьянской семьи, ранѣе жившей въ Мерѣ, родился 10 ноября 1483 г. въ Эйслебенѣ. Несмотря на скудный достатокъ, отецъ отдалъ сына въ школу, сначала въ мѣстное низшее училище, а въ 1497 году въ Магдебургъ, въ школу „братства общей жизни“ (см. стр. 165). Черезъ годъ пятнадцатилѣтній отрокъ переѣхалъ въ Эйзенахъ для посѣщенія латинской школы, гдѣ наконецъ могъ пользоваться уроками учителей съ гуманистическимъ образованіемъ, правда, въ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, — ему приходилось добывать средства къ жизни уличнымъ пѣніемъ, пока онъ не нашелъ радушнаго пріема въ домѣ купца Котты. Въ лѣтній семестръ 1501 года Лютеръ поступилъ въ знаменитый Эрфуртскій университетъ, гдѣ единодушно дѣйствовали вмѣстѣ схоластики и гуманисты, и въ 1505 г. получилъ степень магистра свободныхъ искусствъ. Отецъ надѣялся, что сынъ изберетъ многообѣщающую профессію юриста, и сынъ былъ съ этимъ согласенъ; юридическая карьера могла привести къ высшимъ почестямъ.

Но еще раньше, чѣмъ молодой студентъ могъ приступить къ подготовкѣ въ избранной профессіи, наступили обстоятельства, направившія его на иной путь. Можетъ быть, часто упоминаемыя потрясенія, смерть друга и опасность, угрожавшая самому Лютеру отъ удара молніи, не были столь главными причинами, побудившими его вступить въ монастырь, какъ глубоко развитое религіозное чувство и ощущеніе несоотвѣтствія

дарованіямъ и наклонностямъ юридическаго призванія. Уже въ іюлѣ 1505 г. Лютеръ вступилъ въ монастырь, причемъ онъ избралъ Эрфуртскую колонію отшельниковъ-августинцевъ, принадлежавшую къ извѣстной своей строгостью саксонской конгрегаціи ордена; здѣсь тщательно изучалась Библія, и въ обязанность монахамъ вмѣнялся строгій аскетизмъ и самоиспытаніе. Годъ послушанія, въ которое входило и исполненіе самой черной работы, былъ выдержанъ, въ 1506 г. Лютеръ надѣлъ одежду ордена; съ посвященіемъ въ священники 2 мая 1507 года онъ получилъ титулъ патера и право совершать литургію. Съ неутомимымъ рвеніемъ исполнялъ Лютеръ свои монастырскія обязанности и въ то же время усердно учился. Впервые въ жизни онъ въ это время взялъ въ руки Библію и пробовалъ читать ее, не понявъ ея однако сразу. Только когда онъ отрѣшился отъ устарѣлыхъ понятій своей школьной теологіи, въ немъ возникаетъ сознаніе тѣхъ идей, которыя онъ позднѣе выразилъ въ могучихъ положеніяхъ.

Еще въ Эрфуртѣ молодой монахъ обратилъ на себя вниманіе генеральнаго викарія Штаупица, понявшаго глубину его дарованій. Викарій перевелъ Лютера послѣ посвященія въ орденскій монастырь въ Виттенбергѣ, и въ то же время доставилъ ему каѳедру философіи при мѣстномъ университетѣ. Лекціи Лютера были всецѣло выдержаны въ тонѣ излюбленной академической философіи, между тѣмъ какъ его духъ глубоко волновали богословскіе вопросы и онъ изучалъ „Нѣмецкую теологію“ Таулера, страсбургскаго мистика XIV вѣка. Путешествіе въ Римъ по дѣламъ ордена въ 1511 году имѣло, вѣроятно, громадное вліяніе на расширеніе его умственнаго кругозора, а воспоминаніе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ пребыванія въ предавшемся свѣтскимъ порокамъ Римѣ, несомнѣнно отозвалось впослѣдствіи въ нападеніяхъ Лютера на папство; но непосредственно по возвращеніи на родину ему еще была совершенно чужда мысль о принципіальномъ возстаніи противъ церкви и ея организаціи. Больше значенія для его будущности имѣло пріобрѣтеніе имъ, въ возрастѣ 29 лѣтъ, степени доктора богословія (1512) по иниціативѣ его стараго друга Штаупица; отнынѣ оффиціальнымъ учебнымъ предметомъ Лютера, вмѣсто философіи, стало богословіе. Такимъ образомъ, кругу его учениковъ сталъ доступнѣе внутренній міръ его религіозныхъ убѣжденій, тогда какъ самъ онъ все болѣе углублялся въ проблему вѣры. Отнынѣ его задачей дѣлается объясненіе самой Библіи. Формально и фактически онъ пользуется для этого инымъ методомъ, чѣмъ его предшественники и современники по каѳедрѣ; все еще опираясь на текстъ Вульгаты, онъ не только даетъ аллегорическія толкованія писанія, но и излагаетъ своимъ слушателямъ самое ученіе апостола Павла. Интересъ его къ ученію Августина въ это время видимо возрастаетъ, и онъ отъ души радуется, что Августинъ начинаетъ вытѣснять въ университетахъ Аристотеля.

Кромѣ учебной каѳедры, Лютеръ вскорѣ получаетъ и каѳедру проповѣдника при монастырской церкви, а съ 1515 ему приходится еще исправлять должность городского свящепника. Въ этой дѣятельности онъ впервые сталкивается съ торговлей индульгенціями, такъ какъ нѣкоторыя изъ духовныхъ чадъ пріобрѣтали за звонкую монету отпущеніе грѣховъ и предъявляли его своему исповѣднику; отпущенія продавалъ доминиканскій проповѣдникъ Іоганнъ Тецель въ Ютербогкѣ, въ области Магдебурга, такъ какъ саксонскій курфюрстъ запретилъ торговлю индульгенціями въ предѣлахъ своихъ владѣній. Противъ этой безсовѣстной спекуляціи Лютеръ уже въ 1516 г. публично выступилъ въ своихъ проповѣдяхъ; такъ какъ въ Римѣ нужны были деньги на постройку собора св. Петра, то за деньги выдавалось отпущеніе грѣховъ каждому, даже тягчайшему преступнику, не требуя отъ него даже необходимыхъ благо-

честивыхъ поступковъ. Религіозныя воззрѣнія Лютера, пришедшаго къ требованію оправданія вѣрою, не могли спокойно примириться съ такимъ вторженіемъ въ пастырскія права; онъ желалъ добиться, по крайней мѣрѣ, диспута по вопросу объ индульгенціяхъ, чтобы высказать свои воззрѣнія, повидимому не находившія пониманія, и избралъ для этого форму, какою обыкновенно пользовались профессора для приглашенія желающихъ на диспутъ, а именно опубликовалъ написанныя на латинскомъ языкѣ положенія (тезисы), прибивъ ихъ къ дверямъ замковой церкви въ Виттенбергѣ. Ихъ было числомъ 95 (вѣроятно въ видѣ отвѣта на 94 пункта инструкціи майнцскаго архіепископа Альбрехта своимъ торговцамъ индульгенціями); день 31 октября 1517 года былъ избранъ, какъ канунъ храмового праздника церкви Всѣхъ Святыхъ. По содержанію эти положенія выходятъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ обыкновенно держались подобныя приглашенія на диспутъ. Въ нихъ дана не только постановка вопросовъ, но также, для всякаго, кто умѣлъ вникнуть въ смыслъ, и полный отвѣтъ, осужденіе возмутительнаго злоупотребленія, хотя самое таинство покаянія и не было затронуто.

Таково было первое дѣяніе реформатора Лютера, но самъ онъ наименѣе ясно сознавалъ всю глубину его значенія: онъ менѣе всего думалъ объ отдѣленіи отъ вселенской церкви. Но камень началъ катиться и продолжалъ катиться далѣе, частью безъ особенной помощи со стороны того, кто первый привелъ его въ движеніе.

Самъ Лютеръ послалъ свои тезисы церковнымъ властямъ, именно архіепископу Альбрехту Майнцскому, по порученію котораго дѣйствовали торговцы индульгенціями; онъ сознавалъ чистоту своихъ намѣреній и долженъ былъ изумляться, что на диспутъ не явился ни одинъ противникъ, между тѣмъ какъ въ нѣсколько недѣль вся Германія ознакомилась къ содержаніемъ тезисовъ и превозносила имя ихъ составителя, бывшаго уже и ранѣе не совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ литературѣ противъ тезисовъ выступилъ наиболѣе прямо ими задѣтый доминиканецъ Тецель, и выставилъ противъ нихъ сто шесть положеній, всецѣло опираясь на Ѳому Аквинскаго. Это сочиненіе доставило автору титулъ доктора теологіи въ университетѣ Франкфурта на Одерѣ; и такъ какъ именно доминиканецъ выступилъ противъ августинскаго монаха, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ Римѣ дѣлу не придали особой важности и смотрѣли на него, какъ на споръ, вызванный соперничествомъ двухъ орденовъ. Болѣе серьезной опасностью грозило Лютеру сочиненіе ингольштадтскаго профессора Іоганна Эка. Въ немъ уже ясно высказывается, что многіе современники видѣли въ опубликованіи тезисовъ еретическій поступокъ и проводили многозначительное сравненіе съ чешскимъ еретикомъ Гусомъ. Лютеръ не смущался этими нападеніями, и развилъ свои идеи далѣе въ слѣдующемъ сочиненіи „Проповѣдь объ отпущеніи и милости“, написанномъ уже на нѣмецкомъ языкѣ; такимъ образомъ изъ спора ученыхъ дѣло стало народнымъ. Этотъ шагъ имѣлъ для будущаго весьма важное значеніе.

Въ Римѣ вовсе не хотѣли, какъ это находилъ естественнымъ Лютеръ, вступать въ обсужденіе затронутыхъ имъ вопросовъ, а уже весною 1518 года начали противъ него процессъ по обвиненію въ ереси. Когда его возвали къ суду двухъ епископовъ въ Италію, онъ обратился къ своему государю курфюрсту Фридриху Саксонскому, который давно выказывалъ къ нему благосклонность, и просилъ, чтобы его допросили въ Германіи. Курфюрстъ въ это время былъ въ Аугсбургѣ, гдѣ король Максъ собралъ свой послѣдній рейхстагъ и гдѣ кстати находилось папское посольство; ему удалось выхлопотать отъ императора, которому крайне нужно было расположеніе курфюрста въ дѣлѣ выбора своего внука Карла, постановленіе, по которому виттенбергскій монахъ подлежалъ допросу предъ

папскимъ посольствомъ въ Аугсбургѣ. Кардиналъ Томасъ де Віо Гаэтскій, обыкновенно называемый Каетаномъ, съ своей стороны согласился допросить протестующаго монаха. Лютеръ, который уже въ апрѣлѣ на конвентѣ ордена въ Гейдельбергѣ въ кругу своихъ товарищей монаховъ съ силой и успѣхомъ защищалъ свои воззрѣнія, смиренно предсталъ передъ кардиналомъ по закрытіи въ октябрѣ рейхстага, снабженный охранной грамотой императора. Разумѣется ихъ собесѣдованія, хотя они коснулись и фактической стороны вопроса, не имѣли ни малѣйшаго успѣха, такъ какъ Лютеръ нисколько не собирался отречься отъ своихъ заблужденій или дать обѣщаніе не повторять ихъ болѣе. Разставшись съ кардиналомъ, онъ аппелировалъ по уставамъ церкви „отъ плохо освѣдомленнаго къ долженствующему лучше освѣдомить папѣ“. Наконецъ онъ тайно покинулъ Аугсбургъ. Вскорѣ его настигло въ Виттенбергѣ извѣстіе, что папа требуетъ отъ курфюрста его изгнанія, и онъ былъ готовъ въ случаѣ необходимости покинуть страну. Всетаки онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ, оставшійся для него открытымъ: онъ аппелировалъ къ вселенскому собору въ концѣ ноября 1518 года.

Теперь папскимъ посланникомъ къ курфюрсту, чтобы побудить его къ энергичнымъ мѣропріятіямъ противъ Лютера, явился папскій камерарій Карлъ фонъ Мильтицъ. Происходя изъ саксонскаго дворянскаго рода, онъ лучше, чѣмъ итальянецъ, могъ понять положеніе дѣлъ въ странѣ; убѣдившись въ существованіи народнаго броженія, свидѣтельствовавшаго о симпатіяхъ массъ къ Лютеру, онъ рѣшился уладить дѣло мирнымъ путемъ. При личномъ свиданіи въ Альтенбургѣ Лютеръ наконецъ обѣщалъ хранить въ будущемъ молчаніе, если будутъ молчать его противники; но такъ какъ послѣдніе и не думали прекращать полемики, Лютеръ не считалъ себя связаннымъ обѣщаніемъ. Проектировавшійся уже ранѣе диспутъ между Экомъ и товарищемъ Лютера Андреемъ Рудольфомъ Боденштейномъ фонъ Карлштадтъ былъ назначенъ на іюнь 1519 года въ Лейпцигѣ и состоялся несмотря на протестъ епископа Мерзебургскаго. И на этотъ разъ Лютеру приходилось не нападать, а защищаться. Это видно особенно изъ тезисовъ Эка; въ нихъ онъ главнымъ образомъ напираетъ на вопросъ о папскомъ первенствѣ, до сихъ поръ лишь вскользь затронутый Лютеромъ. Въ самомъ диспутѣ Лютеръ выступилъ только тогда, когда споръ между Карлштадтомъ и Экомъ длился уже нѣсколько дней. Эку удалось вырвать у Лютера не только повторное утвержденіе, что признаніе первенства папы не безусловно необходимо для спасенія, но и допущеніе, что даже соборы въ состояніи заблуждаться и что только одно слово Божіе должно считаться непогрѣшимымъ. Это было побѣдою Эка: онъ доказалъ ересь Лютера; да и самъ Лютеръ только въ этотъ моментъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ уже не стоитъ на почвѣ церковныхъ воззрѣній. Онъ самъ долженъ былъ признать, что его не минуетъ папское отлученіе.

Только съ этого времени начинается „расколъ“. Приходилось становиться на сторону Лютера или противъ него. Кто только участвовалъ въ общественной жизни, долженъ былъ выбирать точку зрѣнія. Сторону реформатора приняла большая часть гуманистовъ и прежде всѣхъ лекторъ греческаго языка въ Виттенбергскомъ университетѣ Филиппъ Меланхтонъ (собственно Шварцердъ), который вѣроятно лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ богословскіе вопросы. Но и самъ Лютеръ не успокаивался; онъ составилъ программу, въ которую включилъ всѣ волновавшія его сомнѣнія. Въ августѣ 1520 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе: „Къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи объ улучшеніи христіанскаго состоянія“. На эту брошюру очевидно повліяли отношенія къ Ульриху фонъ Гуттенъ и Францу фонъ Сикингенъ, съ которыми Лютеръ сблизился не за долго до того; обходя князей, онъ свои надежды

въ предстоящемъ преобразованiи, которое должно было возстановить правильныя отношенiя между свѣтскими и духовными властями, возлагаетъ только на императора и дворянство. Въ развитiи этихъ идей авторъ сходится съ гуманистами, которые уже давно пресытились церковной опекой въ умственной дѣятельности (см. стр. 157 и 167); но энергичнѣе, чѣмъ они, Лютеръ доказываетъ, что выработанныя церковью различiя между священниками и мiрянами не имѣютъ основанiя въ Библiи. Въ то же время онъ развиваетъ программу свѣтскихъ реформъ, высказываясь въ духѣ рыцарства противъ капитализма, и бичуетъ корыстное свѣтское господство папъ; онъ даже увѣщеваетъ князей и всѣхъ свѣтскихъ властей ни подъ какимъ видомъ не дозволять вывоза денегъ въ Римъ. Легко понять причины быстраго распространенiя этой брошюры, въ которой небывалымъ образомъ было выражено все то, что давно уже чувствовалось тысячами людей, въ результатѣ самыхъ различныхъ направленiй мысли. Еще ранѣе, чѣмъ догматическiя соображенiя Лютера, особенно по отношенiю къ таинствамъ, были подробнѣе разработаны въ „Прелюдiи о вавилонскомъ плѣненiи Церкви“, въ Германiю пришло извѣстiе о подписанной 16 iюня папской буллѣ, которая осуждала 41 положенiе Лютера и требовала отъ него отреченiя въ шестидесятидневный срокъ. Смертельный врагъ его Экъ участвовалъ въ составленiи буллы и привезъ ее въ Германiю, гдѣ она была обнародована уже 27 сентября. Но, что было важнѣе, исполненiя буллы, котораго властно потребовали въ ноябрѣ папскiе нунцiи въ Кельнѣ отъ курфюрста Фридриха, не послѣдовало, такъ какъ государь, по совѣту Эразма, коротко отклонилъ требованiе. Въ Саксонiи булла совершенно не подѣйствовала, Виттенбергскiй университетъ отказался ее обнародовать. А въ университетахъ Эрфурта, Лейпцига, даже Вѣны, выражались нескрываемыя симпатiи къ Лютеру, который самъ 10 декабря у воротъ Виттенберга сжегъ послѣ декреталiй на кострѣ папскую буллу, — такъ же, какъ его сочиненiя были сожжены въ Кельнѣ, Майнцѣ, Левенѣ и другихъ мѣстахъ.

Еще до исхода 1520 г. Лютеръ опубликовалъ третье сочиненiе, въ которомъ, въ противоположность прежнему, критическому направленiю, приступаетъ къ созданiю системы собственнаго ученiя. Въ этой работѣ, написанной опять по нѣмецки, „О свободѣ человѣка-христiанина“, Лютеръ проводитъ различiе между духовнымъ и тѣлеснымъ человѣкомъ: духовный человѣкъ свободенъ чрезъ вѣру въ Бога; тѣлесный человѣкъ связанъ любовью къ ближнимъ. Своимъ дѣйствiемъ это сочиненiе, пожалуй, превзошло всѣ предшествовавшiя. Повсюду читались и были понятны слова Лютера, такъ какъ онъ излагалъ свои мысли на языкѣ народа. Лично онъ отказался отъ исполненiя монашескихъ правилъ только зимой 1520—21 г. (хотя продолжалъ носить рясу и впослѣдствiи); это свидѣтельствуетъ о томъ прогрессѣ въ его мiросозерцанiи, который былъ вызванъ самымъ фактомъ письменнаго выраженiя идей. Такъ какъ въ назначенный срокъ четырехъ мѣсяцевъ отреченiе Лютера не было получено въ Римѣ, то папа Левъ X предалъ отлученiю еретика и его приверженцевъ (3 января 1521 г.) и наложилъ интердиктъ на всѣ тѣ мѣста, гдѣ они будутъ находиться.

Въ началѣ при дворѣ молодого императора Карла совершенно открыто существовалъ планъ воспользоваться религiознымъ движенiемъ въ Германiи для того, чтобы оказывать на курiю давленiе въ политическихъ вопросахъ Съ другой стороны при императорскомъ дворѣ даже противъ воли приходилось щадить Лютера, чтобы не портить отношенiй съ саксонскимъ курфюрстомъ. Во всякомъ случаѣ было несомнѣнно, что рейхстагу, который долженъ былъ собраться въ Вормсѣ въ началѣ 1521 г., предстояло заняться вопросомъ, волновавшимъ всѣ выдающiеся умы. Правда, императорская программа занятiй не касалась религiознаго вопроса; но

сословія стремились къ его обсужденію. Признать императорскій указъ противъ еретиковъ, ставившій Лютера внѣ закона, сословія соглашались лишь въ томъ случаѣ, если обвиняемый будетъ допрошенъ передъ имперскимъ собраніемъ и лично подтвердитъ свое нежеланіе отречься. Подъ имперской охраной Лютеръ прибылъ 16 апрѣля въ Вормсъ и уже на слѣдующій день начался допросъ въ присутствіи императора и сословій. На вопросъ, предложенный ему по желанію императора, признаетъ ли онъ свои сочиненія и желаетъ ли отъ нихъ отречься или нѣтъ, Лютеръ испросилъ отсрочку для рѣшенія и затѣмъ, 18 апрѣля, отвѣчалъ на болѣе точно поставленный вопросъ, что лишь тогда будетъ возможна рѣчь объ отреченіи, если его опровергнутъ Св. Писаніемъ или доводами разума. Дѣйствіе этихъ словъ на нѣмецкую часть рейхстага было чрезвычайно благопріятно, но романская партія, а съ нею и императоръ, осталась недовольной. Результатомъ былъ указъ императора сословіямъ, сохранявшій обѣщаніе безпрепятственнаго пропуска въ Виттенбергъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запрещавшій продолженіе проповѣди и повелѣвавшій относиться къ Лютеру какъ къ изобличенному еретику. На обратномъ пути изъ Вормса въ Виттенбергъ Лютеръ, вѣроятно знавшій о планѣ своего курфюрста, былъ схваченъ близъ Вальтерсгаузена въ Тюрингенѣ саксонскими всадниками и привезенъ въ Вартбургъ, въ то время какъ его друзья въ Германіи считали его мертвымъ. Но императоръ еще въ Вормсѣ формально объявилъ еретика въ имперской опалѣ, повелѣлъ конфискацію имуществъ всѣхъ его сторонниковъ и уничтоженіе его сочиненій; для предотвращенія дальнѣйшихъ золъ былъ даже поднятъ вопросъ о введеніи общей цензуры книгъ.

Съ начала мая 1521 г. Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ; только небольшое число посвященныхъ, прежде всѣхъ Спалатинъ, знали тайну его мѣстопребыванія, которое вначалѣ оставалось неизвѣстнымъ даже для самого курфюрста. „Юнкеръ Георгъ", какъ здѣсь называли реформатора, воспользовался временемъ одиночества, чтобы изучить оригинальный текстъ Новаго Завѣта и начать свой переводъ. Въ сентябрѣ 1522 г. былъ наконецъ напечатанъ, хотя безъ имени Лютера, весь Новый Завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ. Во время своей тихой работы въ Вартбургѣ реформаторъ, стоявшій до тѣхъ поръ одиноко на первомъ планѣ, утратилъ свое руководящее вліяніе и слово перешло къ другимъ лицамъ, думавшимъ, что они дѣйствуютъ въ его духѣ. Въ Виттенбергѣ профессора и студенты начали проводить идеи Лютера въ дѣйствительность и особенно Карлштадтъ, дѣлая выводъ изъ положенія, что отдѣльнаго духовнаго сословія не существуетъ, требовалъ брака священниковъ; и причастіе подъ обоими видами совершалось въ Виттенбергѣ осенью 1521 г.; однимъ изъ причастниковъ былъ Меланхтонъ. Тою же зимой вновь проявились разрушительныя стремленія гуситовъ: изъ церквей выбрасывались алтари и иконы, міряне начали проповѣдывать народу. Особенно въ Цвикау, гдѣ суконщикъ Николай Шторхъ и священникъ Томасъ Мюнцеръ пытались разжечь возстаніе, иконоборцы нашли послѣдователей, хотя совѣту и удалось одолѣть движеніе и выслать Мюнцера, который удалился въ Чехію и продолжалъ тамъ, впрочемъ безъ особаго успѣха, свою агитацію.

Уже въ декабрѣ 1521 г. Лютеръ однажды пріѣхалъ на короткій срокъ въ Виттенбергъ, чтобы высказать свое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ этомъ городѣ, но вскорѣ опять вернулся въ Вартбургъ. Въ началѣ марта 1522 г. онъ болѣе не могъ вынести того удаленія отъ дѣлъ, которое отъ него требовалось, покинулъ противъ воли курфюрста свое убѣжище и переѣхалъ въ Виттенбергъ, гдѣ ежедневно проповѣдывалъ народу и предостерегалъ отъ дальнѣйшихъ увлеченій слѣпымъ рвеніемъ. Изъ этихъ увѣщаній ясно видно, что вождь и въ этихъ вопросахъ главное значеніе придавалъ вѣрѣ и наоборотъ весьма низко ставилъ по отношенію къ ней внѣшнія обряд-

ности культа. Дѣйствіе его словъ было поразительно. Въ городъ Виттенбергъ вновь возвратилось спокойствіе. Радикальное движеніе было отражено и были обрѣтены основы для новаго устройства церковной организаціи: уже не духовенство составляетъ церковь; центромъ ея является община, свободно избирающая своего проповѣдника. Проповѣдь занимаетъ главное мѣсто въ богослуженіи, а церковная пѣсня соединяетъ членовъ общины для молитвеннаго дѣйствія, какое было еще неизвѣстно XV вѣку. Такое же, какъ въ самомъ Виттенбергѣ, развитіе имѣетъ мѣсто въ ближайшемъ и дальнемъ сосѣдствѣ; особенно въ югозападной Германіи, гдѣ соціальные контрасты были выражены рѣзче, чѣмъ гдѣ либо, ученіе виттенбергскаго проповѣдника нашло радушный пріемъ у горожанъ и крестьянъ и его распространенію способствовали тысячи печатныхъ произведеній.

Что касается князей, они до сихъ поръ выказывали церковнымъ новшествамъ не особенную благосклонность; даже защитникъ Лютера, курфюрстъ Фридрихъ, не дошелъ до открытаго разрыва съ церковью. Но нигдѣ и не помышляли о серьезномъ исполненіи Вормсскаго эдикта; и уже въ 1522 году выяснилось, до какой степени общественное мнѣніе, сила, до тѣхъ поръ почти неизвѣстная, вліяло на сословія. Именно, на папскія требованія, выполнить на дѣлѣ Вормсскія постановленія, имперское правительство объявило, что желаетъ воздержаться отъ употребленія насильственныхъ мѣръ; о спорныхъ вопросахъ долженъ былъ посовѣтоваться соборъ, который предлагалось собрать въ нѣмецкомъ городѣ, при равномъ участіи духовенства и міряиъ. Хотя папскій нунцій Кьерегати заявилъ протестъ противъ этого отвѣта, при такомъ рѣшеніи и остались; на соборѣ предполагалось обсудить вопросъ, получившій, собственно говоря, уже давно законное рѣшеніе. Правда, на это рѣшеніе сословій повліяло не столько ихъ глубокое убѣжденіе, сколько страхъ кроваваго народнаго возстанія. Нѣмецкій соборъ и уже назначенный на ноябрь 1524 г. въ Шпейерѣ предварительный съѣздъ не состоялись. Но представители папскаго направленія собрались лѣтомъ 1524 г. въ Нюрнбергѣ и постановили, вмѣстѣ съ полнымъ осужденіемъ Лютера, стремиться все таки къ реформамъ въ нѣкоторыхъ несущественныхъ пунктахъ (папскія вымогательства денегъ, нравственность духовенства).

Таково было положеніе Германіи, когда интересы всѣхъ партій были одинаково затронуты взрывомъ крестьянской революціи, ходъ которой мы уже прослѣдили выше (см. стр. 263). Прежніе сторонники Лютера, какъ Томасъ Мюнцеръ и Карлштадтъ, раздували огонь и поддерживали фантастическое движеніе съ его экономически-коммунистической программой. Лютеръ, въ двухъ сочиненіяхъ: „Увѣщаніе къ миру на двѣнадцать параграфовъ“ (апрѣль 1525 г.) и „Противъ убійственныхъ и разбойничьихъ крестьянскихъ шаекъ“ (май 1525 г.), не только пытался оправдаться въ упрекѣ, будто онъ находится въ связи съ возстаніемъ, но даже требовалъ насильственнаго умиренія мятежниковъ, если мирныя увѣщанія окажутся безплодными.

Исходъ крестьянской войны извѣстенъ. По отношенію къ вопросу церковной реформы онъ имѣлъ двоякое дѣйствіе. Съ одной стороны князья Средней Германіи изъ устъ Лютера услышали совѣтъ, приступить къ кровавой расправѣ, и реформаторъ получилъ теперь для нихъ значеніе поддержки княжеской власти; онъ легко могъ пригодиться для ихъ цѣлей. Но съ другой стороны, во многихъ частяхъ Германіи не могли отказаться отъ мысли, что въ концѣ-концовъ во всемъ возстаніи виноватъ только одинъ Лютеръ, и это было достаточнымъ мотивомъ для враждебнаго отношенія вообще ко всей реформаціи. Въ этихъ кругахъ частью желали, частью боялись энергичнаго вмѣшательства императора, который только что вернулся побѣдителемъ съ первой французской войны,

тогда какъ князья Саксоніи, Гессена, Брауншвейгъ-Люнебурга, Ангальта и Мансфельда, вмѣстѣ съ городомъ Магдебургомъ, составили „Торгаускій союзъ“, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность явиться защитниками реформаціи при случаѣ даже противъ императора.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ состоялся уже рейхстагъ въ Шпейерѣ 1526 г.; отъ императора снова требовали созванія нѣмецкаго собора и уже не рѣшались предъявлять къ имперскимъ сословіямъ обязательныхъ требованій относительно выполненія Вормсскаго эдикта. Каждому князю предоставлялось поступать на его собственную отвѣтственность передъ Богомъ и императоромъ; для членовъ Торгаускаго союза такое рѣшеніе было равносильно устройству мѣстныхъ евангелическихъ церквей, получившихъ съ этихъ поръ въ такъ называемыхъ „Kirchenordnungen“ (церковные уставы) руководства къ устройству богослуженія и школьнаго дѣла (въ послѣднемъ отношеніи уже въ 1524 году Лютеръ побуждалъ города къ оживленной дѣятельности), призрѣнія бѣдныхъ и церковнаго благоустройства. Большое значеніе имѣлъ и сдѣлавшійся теперь всеобщимъ принципъ брака священниковъ, послѣ того какъ самъ Лютеръ въ 1525 г. обвѣнчался съ бывшей монахиней, Катариной фонъ Бора; этимъ было устранено исключительное положеніе духовенства и евангелическій пасторскій домъ долженъ былъ стать мѣстомъ, назначеннымъ основать и хранить евангелическіе завѣты.

Въ то время какъ устанавливалось значеніе евангелическихъ государей, какъ епископовъ своихъ территоріальныхъ церквей, а путемъ преобразованія школъ была и въ деревнѣ сдѣлана попытка духовно поднять крестьянина и воспитать въ немъ достойнаго члена общины, — не дремали и фантастическія мечты о переворотѣ и коммунѣ, съ какими мы уже встрѣчались напр. въ Цвикау. Повсемѣстно въ Германіи во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ появляются представители этого направленія, большей частью называвшіе себя „перекрещенцами“ (анабаптистами); съ ними одинаково ревностно борются и приверженцы старой вѣры, и сторонники воззрѣній Лютера. Въ Цюрихѣ уже въ 1527 году былъ утопленъ анабаптистъ Манцъ. И въ Мюнстерѣ, гдѣ въ 1534 году голландецъ Янъ Маттисъ изъ Гаарлема и Янъ (Бейкельсзонъ) Лейденскій пытались основать христіанское королевство на коммунистическихъ началахъ, евангелическое движеніе было въ 1535 г. совершенно подавлено. Политическія и религіозныя цѣли въ мюнстерскихъ событіяхъ стояли въ тѣсной связи. Нѣчто подобное было въ Любекѣ, гдѣ подъ предводительствомъ Юргена Вулленвебера въ 1534 г. демократическіе элементы побѣдили аристократическій совѣтъ и часть его членовъ изгнали изъ города (см. стр. 56); и здѣсь встрѣтился религіозный духъ разрушенія съ политическимъ, имѣвшимъ въ строгомъ лютеранствѣ рѣшительнаго противника. Но церковная дѣятельность этого демократическаго вождя значительно менѣе важна, чѣмъ его политическая дѣятельность, хотя въ концѣ концовъ герцогъ Брауншвейгскій велѣлъ его четвертовать именно, какъ анабаптиста (1537).

Шпейерскій рейхстагъ 1526 г. создалъ промежуточное религіозное положеніе, равно неудобное для старой и новой партіи, такъ какъ каждая изъ нихъ должна была опасаться серьезнаго наступленія противной стороны. Поэтому евангелическіе князья нисколько не удивились, когда канцлеръ саксонскаго герцога Георга Отто фонъ Пакъ довелъ до ихъ свѣдѣнія о существованіи могучаго католическаго союза. Съ крайней поспѣшностью Филиппъ Гессенскій началъ вооружаться противъ воображаемыхъ враговъ, во главѣ которыхъ, разумѣется, предполагался самъ императоръ; ему уже казалось, что вся европейская политика находится въ зависимости отъ религіознаго раскола; но къ сожалѣнію ему пришлось убѣдиться, что все сообщеніе Пака было ложью; такимъ образомъ рухнули его планы,

для которыхъ подобное положеніе вещей представляло бы необычайныя выгоды (1528).

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій собрался весной 1529 года въ Шпейерѣ новый рейхстагъ. Прочтенная при его открытіи императорская пропозиція на этотъ разъ обѣщала созваніе собора, но въ то же время оспаривала дѣйствительность принятыхъ на прошломъ рейхстагѣ въ Шпейерѣ 1526 г. рѣшеній относительно Вормсскаго эдикта. Правда, назначенная комиссія въ нѣсколькихъ пунктахъ смягчила форму императорскихъ требованій; но всетаки противъ нихъ возстали государи курфюршеской Саксоніи, Люнебурга, Ангальта и франконскаго Брандебурга, а также и города, оспаривая право собранія, рѣшеніемъ по большинству голосовъ внезапно отмѣнять постановленія рейхстага 1526 г. Однако побѣдило мнѣніе, энергично поддержанное эрцгерцогомъ Фердинандомъ, что большинство голосовъ должно имѣть рѣшающее значеніе во всѣхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, евангелическимъ князьямъ ничего другого не оставалось, какъ заявить протестъ противъ принятаго рѣшенія; обстоятельство, которое доставило имъ имя протестантовъ. Надо однако отмѣтить, что этотъ протестъ касался вопроса не религіи, а только государственнаго права, именно возможности отмѣнять большинствомъ голосовъ принятое однажды единогласно рѣшеніе. Конечно, въ этомъ процессѣ выразилось и общее религіозное убѣжденіе, которое въ борьбѣ съ авторитетомъ требовало для каждаго имперскаго сословія права самостоятельнаго рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ; высказывалась еще охота подчиниться развѣ только постановленію собора.

Непосредственнымъ результатомъ протеста было заключеніе уже въ апрѣлѣ 1529 г. тайнаго союза между курфюршеской Саксоніей и Гессеномъ и городами Ульмомъ, Страсбургомъ и Нюрнбергомъ для общей охраны своихъ религіозныхъ убѣжденій даже противъ имперіи, въ то время какъ Швабскій союзъ (см. стр. 233) началъ занимать положеніе передового бойца католицизма. Такимъ образомъ завершился расколъ между старой и новой вѣрой въ Германіи. Съ каждой стороны сплотились князья и города, ибо Шпейерскій рейхстагъ разрушилъ прежнее единеніе городовъ и никакой соборъ не могъ уже возстановить разъ уничтоженной связи.

Душою протестантскаго союза былъ Филипъ Гессенскій. Онъ имѣлъ въ виду высокія политическія цѣли и потому хотѣлъ привести къ единенію всѣхъ тѣхъ, кто отдѣлился отъ старой церкви; при этомъ ему пришлось обратить вниманіе на шедшее параллельно съ виттенбергскимъ реформаціонное движеніе въ Швейцаріи, во главѣ котораго, болѣе тѣсно примыкая къ гуманизму, стоялъ Цвингли (см. нѣсколько ниже, стр. 274). Уладить догматическія несогласія между Лютеромъ и Цвингли было сердечнымъ желаніемъ гессенскаго ландграфа, и онъ надѣялся достичь этого при помощи религіознаго собесѣдованія, состоявшагося въ октябрѣ, въ Марбургѣ. Цвингли со своими друзьями гуманистами Гедіо и Эколампадіемъ съ радостью послѣдовалъ приглашенію, но Лютеръ явился на собесѣдованіе лишь очень неохотно, такъ какъ для него была невозможна малѣйшая уступка въ убѣжденіяхъ относительно таинства причастія, самаго важнаго догматическаго спорнаго пункта. Какъ и слѣдовало ожидать, собесѣдованіе окончилось совершенно безрезультатно; тщетно этотъ фактъ старалась скрыть даже отъ современниковъ брошюра Лютера, въ которой онъ въ пятнадцати параграфахъ свелъ догматы, общіе ученіямъ обоихъ реформаторовъ, — въ противоположность основному различію ихъ возрѣній.

Вообще говоря, уже одна опасность отъ турокъ дѣлала положеніе государства достаточно тяжелымъ. Однако несмотря на это, рейхстагъ, засѣдавшій въ іюнѣ 1530 г. подъ предсѣдательствомъ императора въ Аугсбургѣ, гораздо внимательнѣй отнесся къ религіознымъ, даже богословскимъ спо-

рамъ, потому что и папскій легатъ и протестанты были согласны въ томъ, что этими вопросами слѣдуетъ заняться прежде всего. Согласно приглашенію императора протестанты вкратцѣ изложили свои основныя положенія въ „Аугсбургскомъ вѣроисповѣданіи“, работѣ Меланхтона, который старался какъ можно мягче касаться своихъ противниковъ-папистовъ и только принципіально отказывался признать, что ученіе Лютера есть ересь, доказывая, напротивъ, что оно вполнѣ согласуется съ ученіемъ Августина. Какъ опальный и отлученный, Лютеръ — такова была воля его курфюрста — не могъ лично выступить въ Аугсбургѣ защитникомъ своего дѣла; поэтому его мѣсто занялъ Меланхтонъ, но послѣдній показалъ своей большой уступчивостью, что онъ не былъ бы настоящимъ дѣятелемъ, чтобы руководить самой борьбой. Онъ все еще надѣялся на церковный миръ, соглашался удовольствоваться бракомъ для священниковъ, чашей для мірянъ и реформой литургіи, причемъ встрѣтилъ сочувствіе, пожалуй, въ католическихъ князьяхъ, но отнюдь не въ Римѣ. Католическое опроверженіе „Вѣроисповѣданія“, такъ называемая „confutatio“ выставила — къ счастью для протестантскаго движенія — рѣшительно отрицательную точку зрѣнія на всякое соглашеніе; императоръ увидѣлъ въ этомъ полную побѣду своей старой церкви, а протестантскіе князья наконецъ поняли, что противоположность уже стала непримиримой. Съ тѣхъ поръ по существу общее германское развитіе сохраняетъ рѣшительно неблагопріятный расколъ на два вѣроисповѣданія, часто враждующія, лишь изрѣдка примиряющіяся.

Ландграфъ Филиппъ уже оставилъ Аугсбургъ, когда императоръ пожелалъ объявить въ имперскомъ постановленіи, что протестанты были опровергнуты Библіей; конечно, послѣдніе стали оспаривать такое утвержденіе, именно въ „Апологіи“, составленной Меланхтономъ, противъ „Конфутаціи“. Императоръ не принялъ этой апологіи. Но протестантскія сословія съ своей стороны отказались, съ городами Аугсбургомъ и Меммингеномъ во главѣ, признать постановленіе рейхстага; кромѣ того, они отказывались принимать участіе и въ доставленіи помощи противъ турокъ. Тогда какъ императоръ и протестанты все еще желали собора, хотя изъ различныхъ видовъ и соображеній, папа Климентъ VII былъ рѣшительно противъ собора и въ этомъ смыслѣ старался повліять на императора. Но и въ рядахъ приверженцевъ старой религіи не смолкали требованія реформы; еще въ Аугсбургѣ было подано заявленіе аналогичнаго содержанія съ заявленіемъ Регенсбургскаго конвента, благодаря чему состоялся союзъ, представившій противоположность Торгаускому союзу.

Послѣ Аугсбургскаго рейхстага протестантскія сословія должны были понять, что для нихъ будетъ далѣе невозможно, сохраняя повиновеніе императору, какъ этого требовалъ Лютеръ, проводить религіозную реформу; самъ императоръ уже не оказывался тѣмъ безпристрастнымъ повелителемъ, какимъ его себѣ представляли, а самъ дѣлался партіей, какъ рѣшительный сторонникъ папства. Болѣе тѣсное единеніе становилось для протестантовъ необходимостью. Подъ вліяніемъ избранія эрцгерцога Фердинанда римскимъ королемъ, — законность этого избранія оспаривалъ саксонскій курфюрстъ, — союзъ состоялся уже къ концу 1530 г. въ Шмалькальденѣ; владѣтели курфюршества Саксоніи, Гессена, Люнебурга, Ангальта и Мансфельда, а съ ними города Магдебургъ и Бременъ соединились „для поддержанія христіанской правды и мира и для отраженія несправедливаго насилія“, тогда какъ другіе города и князья покамѣстъ медлили примкнуть къ союзу. Въ южной Германіи въ данный моментъ на союзниковъ нельзя было разсчитывать. За то уже были завязаны переговоры съ Даніей и королемъ шведскимъ Густавомъ. Даже въ Англіи положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: король Генрихъ VIII, окончательно

ставшій во враждебныя отношенія къ императору Карлу, произвелъ тамъ церковную реформу на собственный ладъ.

Эти событія, равно какъ опасеніе, что южная Германія примкнетъ къ Шмалькальденскому союзу, невозможность побудить папу къ созванію собора и главнымъ образомъ все возроставшая опасность отъ турокъ, заставили наконецъ императора отказаться отъ осуществленія Аугсбургскихъ постановленій и заключить 23 іюля 1532 г. предварительный миръ съ протестантами, такъ называемый Нюрнбергскій религіозный миръ. По этому договору сословія должны были не вступать въ религіозные споры до собора; въ случаѣ необходимости, мѣсто собора могъ заступить рейхстагъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ процессы, возбужденные въ камеральныхъ судахъ по вопросамъ вѣры, подлежали прекращенію. Этимъ миромъ императоръ формально признавалъ политическое существованіе союза.

Уже съ 1521 г. имперская политика находилась подъ постояннымъ вліяніемъ религіознаго движенія; съ даннаго времени это вліяніе становится еще опредѣленнѣе: выработка догмы и культа постепенно дѣлается внутреннимъ, богословскимъ дѣломъ церкви и уже не имѣетъ первенствующаго значенія въ политическихъ комбинаціяхъ. Съ этихъ поръ уже князья, пока еще связанные Шмалькальденскимъ договоромъ съ частью городовъ, а не виттенбергскіе профессора, становятся представителями протестантизма. Религіозный и соціальный періодъ новаго ученія закончился и уступилъ свое мѣсто политическому.

б) Цвингли.

Гульдрейхъ Цвингли родился 1 января 1484 г. и былъ почти ровесникомъ Лютера. Онъ получилъ преимущественно гуманистическое образованіе, слушалъ въ Вѣнѣ Конрада Цельтеса и особенно занимался Эразмовой теологіей. Уже въ 1506 г. онъ сталъ священникомъ въ Гларусѣ; въ этомъ санѣ онъ объяснялъ Библію и изучалъ Оригена. Послѣ удаленія отъ должности по проискамъ французской партіи, ненавидѣвшей его за обличительныя проповѣди противъ службы въ наемныхъ войскахъ, онъ отправился священникомъ въ мѣсто паломничества Марія-Эйнзидельнъ и началъ (1516), еще раньше Лютера, проповѣдывать въ реформаторскомъ духѣ, но еще не отдѣляясь отъ церкви внѣшнимъ образомъ. Уже здѣсь, а еще больше въ Цюрихѣ, гдѣ Цвингли пребывалъ въ 1519 г., онъ толковалъ Священное Писаніе все болѣе самостоятельно, занимая въ то же время враждебное французамъ политическое положеніе. Съ 1522 г. его отзывы о церковныхъ установленіяхъ (посты, безбрачіе) становятся рѣзче: онъ требуетъ нравственнаго обновленія на основаніи оправданія вѣрою. Въ слѣдующемъ году, на Цюрихскомъ диспутѣ, вызванномъ жалобой Констанцскаго епископа совѣту на религіозныя новшества, Цвингли отвергъ уже все то, что не соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ требованіямъ Писанія; такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ гораздо радикальнѣе Лютера и встрѣтилъ одобреніе присутствовавшихъ. Въ 1524 г. онъ женился (на 43-лѣтней вдовѣ Аннѣ Мейеръ, урожденной Рейнгардъ) и сталъ раздавать причастіе подъ обоими видами.

Изъ Цюриха церковная реформа „независимой общины“ проникла и въ другія государства Швейцарскаго союза; въ Аппенцеллѣ уже въ 1522 г. была отмѣнена литургія. Но въ то же время явилось и сопротивленіе „пяти кантоновъ“, Швица, Ури, Унтервальдена, Люцерна и Цуга, которые, какъ сторонники службы во французскихъ войскахъ, не были довольны протестомъ Цвингли. Реформаторъ уже въ 1525 г. призывалъ къ войнѣ противъ пяти кантоновъ. Но на этотъ разъ еще опасность миновала; Цюрихъ даже, къ своему тріумфу, не былъ исключенъ изъ союза, несмотря

на требованіе основныхъ кантоновъ, и нашелъ въ кантонѣ Бернѣ новаго товарища по религіи (январь 1528 г.). Послѣ того какъ въ Бернѣ было въ 1528 г. введено демократическое городское управленіе, кантоны Санктъ-Галленъ, Гларусъ, Шафгаузенъ и Базель тоже ввели у себя реформацію въ духѣ Цвингли. Въ то же время его ученію посчастливилось найти значительное число друзей и въ южной Германіи. Въ Констанцѣ, Мюльгаузенѣ, Нюрнбергѣ и другихъ городахъ выражалось горячее сочувствіе Цюрихской реформаціи, основанной на независимости бюргерства; поэтому Цвингли имѣлъ основанія надѣяться на болѣе обширный союзъ своихъ послѣдователей, когда Филиппъ Гессенскій пригласилъ его на религіозное собесѣдованіе въ Марбургъ. Но намъ уже извѣстно, какъ обманчива была его надежда. А между тѣмъ, пять кантоновъ рѣшились выступить на защиту своей старой вѣры съ оружіемъ въ рукахъ. Они заключили союзъ съ Австріей, но не получили отъ нея поддержки и были вынуждены лѣтомъ 1529 г. принять условія (перваго) мира въ Каппелѣ, по которымъ устанавливалось равноправіе въ Швейцарскомъ союзѣ католическихъ и реформатскихъ кантоновъ.

Это было выдающимся успѣхомъ Цвингли и поэтому онъ не выказалъ особой готовности, когда со стороны Шмалькальденскаго союза послѣдовалъ запросъ, не приметъ ли Цвингли со своими сторонниками участія въ союзѣ. Онъ все еще надѣялся на большой южногерманскій союзъ съ руководящимъ господствомъ городовъ. Къ этой цѣли его должна была приблизить особая политическая организація. По плану Цвингли, Цюрихъ и Бернъ должны были получить по закону господствующіе голоса въ Швейцарскомъ союзѣ. Поэтому Цвингли рѣшилъ дѣйствовать противъ пяти старовѣрческихъ кантоновъ самыми крутыми мѣрами; но этотъ планъ не нашелъ сочувствія въ Базелѣ и Бернѣ. Была сдѣлана попытка изолировать Пять кантоновъ, отрѣзавъ у нихъ доставку продовольствія, но они быстро поднялись противъ Цюриха и 11 октября 1531 года одержали рѣшительную побѣду при Каппелѣ. Самъ Цвингли палъ въ бою; трупъ его былъ четвертованъ. Послѣ вторичнаго пораженія цюрихцевъ былъ заключенъ въ ноябрѣ второй Каппельскій миръ, обезпечившій свободу вѣроисповѣданія для реформатскихъ и католическихъ кантоновъ, но обязавшій обѣ стороны къ расторженію союзовъ, заключенныхъ съ иностранцами. Евангелическая партія была побѣждена; старый культъ дѣлалъ обратныя завоеванія и южногерманскіе послѣдователи новаго вѣроисповѣданія, потерявшіе всякую надежду на поддержку со стороны швейцарцевъ, тѣснѣе примкнули къ среднегерманскимъ городамъ, принадлежавшимъ къ Шмалькальденскому союзу.

B. Германская имперія при Карлѣ V.

а) Начало правленія Карла (1519—1529 г.).

Еще при жизни императора Максимиліана внукъ его Карлъ сталъ въ 1515 г. повелителемъ Нидерландовъ, а въ началѣ 1516 г., по смерти своего дѣда Фердинанда, и королемъ Испаніи, подъ именемъ Карла I. Но въ началѣ онъ не былъ самостоятельнымъ и находился въ полной зависимости отъ своихъ совѣтниковъ; при томъ въ Нидерландахъ, вслѣдствіе тяжелаго гнета налоговъ, господствовало не особенно благопріятное настроеніе, а въ Испаніи вспыхнуло открытое возмущеніе. Этотъ-то Карлъ былъ въ 1519 г. по желанію своего дѣда, который уже не дожилъ до дня выбора, избранъ германскимъ королемъ. Девятнадцатилѣтній властитель, повелитель трехъ государствъ, имѣлъ передъ собой соперниками двѣ важнѣйшія политическія силы эпохи, папу и французскаго короля, не го-

воря уже о неурядицахъ во внутреннихъ дѣлахъ всѣхъ трехъ государствъ. Все это обѣщало бурную будущность.

Тотчасъ-же послѣ избранія во Франкфуртѣ (28 іюня 1519 г.) Карлъ долженъ былъ сдѣлать князьямъ важныя уступки въ выборной капитуляціи; онъ это сдѣлалъ черезъ своего испанскаго уполномоченнаго, который столь же мало, какъ и самъ Карлъ, былъ въ состояніи оцѣнить всю глубину значенія сдѣланныхъ уступокъ. Только въ октябрѣ 1520 г. „избранный римскій императоръ“ вступилъ на почву Германіи и былъ коронованъ въ Ахенѣ. Однимъ изъ его первыхъ правительственныхъ мѣропріятій было назначеніе рейхстага въ Вормсѣ, къ началу 1521 г. Въ Германіи напряженно интересовались новымъ императоромъ; не слабѣе былъ интересъ и сторонниковъ реформаціи; отъ положенія, которое могъ занять Карлъ, зависѣло многое, если не все. Самъ онъ имѣлъ вѣскія основанія обратить вниманіе на личность Лютера; съ одной стороны, имъ можно было при случаѣ воспользоваться, какъ орудіемъ противъ Рима, съ другой стороны необходимо было щадить или, по крайней мѣрѣ, не дѣлать врагомъ его защитника, могучаго курфюрста Саксонскаго. Но понять ученіе Лютера, хотя бы внѣшнимъ образомъ представить, что означаетъ это „оправданіе вѣрою“, испанецъ Карлъ, вѣрный приверженецъ католической церкви несмотря на всю политическую вражду къ папѣ, конечно не былъ въ состояніи. Какой оборотъ приняло обсужденіе религіознаго вопроса въ Вормсѣ, мы уже знаемъ. Гораздо ближе интересовали императора другіе вопросы: онъ хотѣлъ обсудить поддержаніе имперскаго мира, назначеніе имперскаго правленія для его замѣщенія, поѣздку въ Римъ и возвращеніе отчужденныхъ отъ имперіи областей. Но несмотря на всѣ его усилія, ему не удалось добиться согласія сословій на обсужденіе этихъ вопросовъ, пока онъ не склонилъ ихъ на уступки, допустивъ по всеобщему требованію на обсужденіе вопросъ вѣроисповѣданія. Въ концѣ концовъ впрочемъ удалось упорядочить кое что въ политическихъ отношеніяхъ: за младшимъ братомъ Карла, эрцгерцогомъ Фердинандомъ, было обезпечено престолонаслѣдіе въ родовыхъ владѣніяхъ Габсбурговъ; по соглашенію относительно имперскаго правительства, оно должно было получить преимущественно сословный характеръ, но не имѣло права заключать союзовъ съ иностранными державами безъ разрѣшенія императора. Камеральный судъ былъ возобновленъ и положено основаніе уложенію объ имперской охранѣ, для чего подъ названіемъ „римскаго мѣсяца“ (= 118,000 гульденовъ) была создана единица взноса съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ по отдѣльнымъ сословіямъ.

Упорядоченіе этихъ дѣлъ имѣло для Карла довольно важное значеніе. Но не въ этомъ была главная цѣль, это было лишь необходимымъ условіемъ для того, чтобы въ данный моментъ не встрѣтить помѣхи къ осуществленію плановъ въ международной политикѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Карлъ получилъ въ наслѣдство несогласія съ Францискомъ I Французскимъ какъ изъ за Бургундіи, такъ и по поводу Неаполя. А боязнь преобладанія Карла въ Италіи, если онъ, какъ нѣмецкій король, изъявитъ притязанія на Миланъ, побуждала папу Льва X искать сближенія съ Франціей. Вооруженное столкновеніе было неизбѣжно.

Важнѣйшимъ для Карла вопросомъ было, какое положеніе займетъ папа, такъ какъ безъ его помощи Карлъ не могъ имѣть успѣха въ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Искусная дипломатія легата Іеронима Алеандера (1480—1542) разрѣшила вопросъ: взвѣсивъ послѣдовательно важность политическаго и церковнаго положенія папы и признавъ наибольшее значеніе за вторымъ, Алеандеръ устроилъ союзъ между папой и императоромъ, заключенный 1 мая 1521 г. Такимъ образомъ Карлъ былъ вынужденъ занять по отношенію къ реформаціонному движенію принципіально отрицательное положеніе. Между тѣмъ союзъ между папой и

королемъ Францискомъ, казавшійся цѣлесообразнымъ изъ чисто политическихъ видовъ, былъ расторгнутъ. Съ своей стороны Франція пріобрѣла въ союзники Феррару и несмотря на отмѣченное выше (стр. 274) противодѣйствіе цюрихцевъ обезпечила право вербовки войскъ въ швейцарскихъ кантонахъ. Политическое настроеніе Англіи было скорѣе благопріятно Карлу, такъ что бо́льшая сила была повидимому на сторонѣ германскаго короля, тѣмъ болѣе, что и швейцарцы, нарушивъ договоръ, уже осенью 1521 года перешли на сторону папы.

Подъ предводительствомъ Просперо Колонны имперское войско завоевало въ теченіе 1521 г. большую часть Миланскихъ владѣній, при томъ безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ у ненавистнаго французскаго намѣстника Оде де Фуа виконта де Лотрекъ не хватало денегъ на жалованье войскамъ. Къ концу года у французовъ оставались только Генуя, Кремона и цитадель Милана. Новая попытка французовъ въ слѣдующемъ году, избавиться отъ завоевателей, оказалась совершенно неудачной. Лотрекъ даже былъ вынужденъ окончательно оставить Италію, послѣ пораженія, нанесеннаго ему 27 апрѣля 1522 г. при Бикоккѣ Колонной и нѣмецкими ландскнехтами подъ командой Георга Фрундсберга. Тогда и Генрихъ VIII Англійскій открыто объявилъ войну и ввелъ войска во Францію. Карлъ сталъ господиномъ Италіи. Въ августѣ 1523 г. былъ возобновленъ союзъ между нимъ, братомъ его Фердинандомъ, Генрихомъ VIII, папой Адріаномъ VI, герцогомъ Миланскимъ и мелкими итальянскими республиками, для совмѣстной защиты Италіи противъ Франциска, который на 1524 г. готовилъ новый походъ въ Италію. Францискъ собирался лично стать во главѣ войска, когда онъ уже на пути узналъ о планѣ своего честолюбиваго двоюроднаго брата Карла, герцога Бурбонскаго, перейти на сторону императора. Поэтому онъ остался и послалъ въ Италію только своего полководца, Гильота Гуффье сьера де Бонниве, который и одержалъ нѣсколько незначительныхъ успѣховъ. Между тѣмъ англичане снова вторглись въ сѣверную Францію, а нѣмецкое войско опустошало Бургундію. 14 апрѣля 1524 г. французско-миланское войско Бонниве было совершенно разбито нѣмецкими стрѣлками у Гатинары на Сезіи, причемъ былъ убитъ и Пьеръ дю Террайль шевалье де Баяръ, „рыцарь безъ страха и упрека“.

Въ этомъ походѣ имперскимъ войскомъ командовалъ Карлъ Бурбонскій вмѣстѣ съ испанцемъ Фернандо Франческо де Авалосъ маркизомъ де Пескара (мужемъ поэтессы Витторіи Колонны). Теперь, когда господство Франціи въ Миланѣ было окончательно сломлено и снова принялъ власть герцога Францискъ II Сфорца, онъ побудилъ Карла къ вторженію въ самую Францію. Но нападеніе на Марсельскую гавань не удалось и Пескара былъ вынужденъ отступить въ Италію. Вслѣдъ за нимъ и король Францискъ вторгся въ Миланъ и расположился при Павіи, между тѣмъ, какъ нѣмецкія войска, лишенныя припасовъ, искали убѣжища въ горахъ. Этотъ успѣхъ французскаго оружія немедленно лишилъ императора союзниковъ: Венеція перешла на сторону Франциска, а папа и Флоренція заключили договоры о нейтралитетѣ. Какъ только нѣмецкіе ландскнехты были удовлетворены жалованьемъ, они собрались и, получивъ изъ Германіи подкрѣпленіе въ 15,000 человѣкъ, двинулись въ Миланскую область, гдѣ король Францискъ, за зиму 1524—25 г. провелъ утомительную осаду Павіи. Нѣмецкія войска подошли въ февралѣ: ландскнехты требовали боя. 24 февраля 1525 г. произошло сраженіе и имперцы, подъ начальствомъ конетабля Бурбонскаго и Пескары, одержали блестящую побѣду: самъ король Францискъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ; армія была уничтожена, Бонниве убитъ, артиллерія потеряна.

Императоръ гордился этой побѣдой. Онъ желалъ ее разумно использовать, но не сумѣлъ этого сдѣлать и потерялъ время въ длинныхъ пере-

говорахъ, требуя въ то же время слишкомъ много униженій отъ французской короны. Въ августѣ Англія заключила съ Франціей миръ. Папа Климентъ VII еще раньше перешелъ на сторону Франціи. Прочія государства Италіи должны были опасаться преобладанія Карла точно такъ же, какъ ранѣе боялись французскаго короля; даже въ освобожденномъ Миланѣ поднимались голоса противъ императора-освободителя. Только въ январѣ 1526 г. былъ заключенъ миръ въ Мадридѣ между Карломъ и Францискомъ; этотъ миръ означалъ бы полное пораженіе Франціи, если-бы Францискъ собирался выполнить его условія: отъ него требовали не меньше, чѣмъ уступку Бургундіи и отреченія отъ всѣхъ притязаній на Неаполь, Миланъ и Геную. Еще до формальной присяги въ договорѣ Францискъ имѣлъ рѣшеніе нарушить его и высказалъ это намѣреніе въ письмѣ своимъ совѣтникамъ.

Прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ и Карлъ снова увидѣлъ передъ собой враждебный союзъ. Въ маѣ папа, король Францискъ, миланскій герцогъ Францискъ Сфорца и Венеція заключили „священную лигу“ (стр. 228 и 247) для изгнанія изъ Италіи имперскихъ войскъ, которыя все еще занимали Миланъ, и для обезпеченія французскаго короля отъ исполненія условій мира; вмѣстѣ съ тѣмъ папа разрѣшилъ его отъ присяги. Несмотря на энергичное требованіе Карла, Бургундія не была уступлена. Давленіе на союзниковъ Франциска, выразившееся въ вооруженномъ нападеніи Колонны на Медичи (сентябрь 1526 г.) также не подѣйствовало.

Между тѣмъ, въ Миланѣ власть находилась въ рукахъ конетабля Бурбонскаго, но онъ могъ оказать сопротивленіе лигѣ только получивъ подкрѣпленіе въ 12,000 ландскнехтовъ, которыхъ ему привелъ на свой счетъ Фрундсбергъ. По недостатку средствъ полководецъ долженъ былъ ввести свое войско въ февралѣ 1527 г. во враждебную Папскую область; однако при Болоньѣ 16 марта между ландскнехтами призошелъ бунтъ, который съ трудомъ удалось усмирить. Тяжело огорченнаго Фрундсберга разбилъ ударъ (онъ умеръ 20 августа 1528 г. на родинѣ въ Миндельгеймѣ). Конетабль утвердился въ рѣшеніи идти прямо на Римъ; онъ отказался даже отъ перемирія, которое папа хотѣлъ купить значительной суммой, и въ началѣ мая былъ подъ стѣнами Рима. При штурмѣ, начатомъ на другой же день, 6 мая 1527 года, Карлъ Бурбонскій былъ убитъ; за него отомстили его ландскнехты, взяли городъ и произвели страшную рѣзню и грабежъ. Папа былъ запертъ въ Замкѣ св. Ангела, лига не подавала ему помощи. Ему пришлось наконецъ снизойти до соглашенія, по которому войска получили 400,000 дукатовъ и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ.

Императоръ Карлъ не принималъ никакого участія въ этомъ предпріятіи; напротивъ, онъ совершенно потерялъ власть надъ ландскнехтами; въ то же время Англія, отказавшись отъ всѣхъ своихъ притязаній на континентальныя владѣнія, тѣсно сблизилась съ Франціей, и императоръ вновь утратилъ всѣ свои пріобрѣтенія 1525 года. Въ Италіи французское войско встрѣтило повсюду радушный пріемъ и осенью 1527 г. осадило съ помощью Генуи имперскій Неаполь. Къ счастью для Карла во французскомъ лагерѣ свирѣпствовала чума, отъ которой наконецъ умеръ и самъ маршалъ Лотрекъ (15 августа 1528 г.); а генуэзскій начальникъ Дорія, чувствуя себя отодвинутымъ французами на задній планъ, предоставилъ въ 1528 г. свой флотъ въ распоряженіе императора. И послѣдующія французскія предпріятія были неудачны, пока наконецъ 5 августа 1529 г. не былъ заключенъ, при посредствѣ матери Франциска Луизы и тетки Карла Маргариты, давно съ нетерпѣніемъ желанный обѣими сторонами „дамскій“ миръ въ Камбрэ. По этому миру Франція отказывалась отъ Италіи и леннаго владычества надъ Фландріей и Артуа; Карлъ, оговаривая свои права, оставлялъ Бургундію во французскомъ владѣніи и освобождалъ за два милліона кронъ сыновей Франциска, до этого времени

находившихся у него заложниками. Францискъ, который долженъ былъ жениться на одной изъ сестеръ Карла, принялъ еще обязательство возстановить приверженцевъ конетабля Бурбонскаго въ ихъ владѣніяхъ.

Во время итальянскаго похода, который Карлъ предпринялъ сейчасъ же по заключеніи міра, состоялись и соглашенія съ Венеціей и миланскимъ герцогомъ. Отъ обоихъ императоръ получилъ значительныя суммы денегъ, далеко для него не лишнія. Папа, наконецъ, въ началѣ 1530 г. въ Болоньѣ короновалъ его императоромъ: послѣднее коронованіе папою нѣмецкаго государя (см. стр. 179). Послѣ десятилѣтней войны наконецъ Карлъ, которому только что исполнилось тридцать лѣтъ, явился умиротворителемъ Италіи, побѣдителемъ французской королевской власти. Но всетаки его положеніе было мало благопріятно, не говоря о религіозномъ расколѣ въ имперіи, начавшемъ уже въ то время овладѣвать всей политической жизнью (стр. 273); именно, на Западъ все ближе надвигалась великая гроза Востока, завоевательная армія невѣрныхъ турокъ.

б) Опасность отъ турокъ. Сулейманъ Великолѣпный.

Выше (см. стр. 233) мы прослѣдили распространеніе турецкаго могущества до начала XVI вѣка. Султанъ Селимъ I (умеръ въ 1520 г.) дѣлалъ завоеванія преимущественно на почвѣ Азіи, а также подчинилъ своей власти Египетъ. Но его сынъ, Сулейманъ II, по прозвищу „Великолѣпный" (его портретъ см. таблицу „Шесть турецкихъ султановъ", т. V), вновь напалъ на европейскія державы, взялъ въ 1521 г. Бѣлградъ и въ 1522 г. изгналъ іоаннитовъ съ острова Родоса; тщетно гросмейстеръ ордена, Филиппъ Вилльe де л' Иль Адамъ (1521—34), взывалъ о помощи къ христіанскимъ государствамъ; рыцари защищались геройски и, наконецъ, въ ночь на новый годъ (съ 1522 на 1523) оставили островъ, выговоривъ свободное отступленіе, подъ начальствомъ Вилльe. Указомъ 24 марта 1530 г. императоръ Карлъ назначилъ для ихъ жительства островъ Мальту съ Гоццо, Комино и Триполи, и вновь обязалъ ихъ продолжать борьбу съ турками и морскими разбойниками.

Когда 29 августа 1521 г. Бѣлградъ достался туркамъ, въ Венгріи былъ королемъ Людовикъ II, взошедшій на престолъ въ 1516 г., въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Съ огромнѣйшимъ войскомъ турки въ 1526 г. вновь двинулись на Венгрію; король выступилъ къ нимъ навстрѣчу съ недостаточными силами, 29 августа былъ разбитъ на голову при Могачѣ и палъ въ бою; побѣдитель безъ затрудненій овладѣлъ столицей и продолжалъ грабить, разорять и опустошать страну. Со смертью Людовика II возобновились старыя притязанія дома Габсбурговъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ встрѣтилъ, правда, соперника въ лицѣ семиградскаго воеводы Яна Заполья, который вошелъ въ сношенія съ Франціей и султаномъ и 10 ноября 1526 г. былъ частью народа возведенъ на престолъ. Однако 16 декабря 1526 г. на сеймѣ въ Пресбургѣ, подъ вліяніемъ вдовствующей австрійской королевы Маріи, другая часть избирателей провозгласила королемъ Габсбурга; когда Фердинандъ двинулся лѣтомъ 1527 г. въ Венгрію, Заполья былъ вынужденъ отступить въ Семиградье. Въ ноябрѣ Фердинандъ былъ коронованъ въ Штульвейсенбургѣ, и этимъ тѣсно связалъ Венгрію съ домомъ Габсбурговъ, подобно тому какъ уже въ началѣ 1527 г. упрочилъ владычество Габсбурговъ въ Чехіи. Такимъ образомъ было положено основаніе Австрійской имперіи.

Но въ то же время опасность отъ турокъ становилась въ высшемъ значеніи, чѣмъ прежде, государственнымъ вопросомъ; теперь нашествіе невѣрныхъ прежде всего угрожало имперскимъ наслѣдственнымъ землямъ. Мстителемъ Заполья выступилъ въ 1529 г. Сулейманъ, взялъ 8 сентября Офенъ и провозгласилъ Заполья королемъ. 27 сентября Сулейманъ появился съ 120,000-нымъ войскомъ даже подъ стѣнами Вѣны и началъ

осаду. Это событіе потрясло всю Европу; но благодаря геройской защитѣ гарнизона султанъ, вслѣдствіе ропота въ войскахъ и недостатка продовольствія, рѣшился 14 октября 1529 г. на отступленіе, разрушивъ церкви и опустошивъ страну на большомъ протяженіи.

Имперское правительство, возникшее на основаніи Вормсскихъ постановленій 1521 г., потеряло свой представительный характеръ и какъ императорское учрежденіе не могло пріобрѣсти въ имперіи авторитета. На протестантизмъ и его развитіе правительству едва удалось оказать вліяніе. Самъ императоръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вовлеченъ въ великіе міровые раздоры и потому могъ вліять только косвеннымъ путемъ, такъ что рейхстаги третьяго десятилѣтія XVI вѣка имѣли ничтожное значеніе для администраціи и законодательства имперіи. Съ другой стороны, въ отдѣльныхъ территоріяхъ произошли, въ связи съ церковной реформой, важныя перемѣны, послѣдствіемъ которыхъ было развитіе абсолютизма князей и подавленіе сословій. Аугсбургскій рейхстагъ лѣтомъ 1530 года былъ первымъ, на которомъ, послѣ окончательной побѣды, появился императоръ, отсутствовавшій въ теченіе девяти лѣтъ. Работы предстояло достаточно: кромѣ настоятельно необходимой имперской помощи противъ турокъ, предстояло обсудить рядъ имперскихъ законовъ, въ томъ числѣ уголовное уложеніе, извѣстное подъ названіемъ Carolina. Но религіозный вопросъ, до рѣшенія котораго отъ протестантовъ едва ли можно было достичь согласія на помощь противъ турокъ, постепенно оттѣснилъ своей важностью всѣ остальные предметы совѣщанія; только по заключеніи въ 1532 г. Нюрнбергскаго религіознаго мира, императоръ оказался въ состояніи осуществить давно задуманный планъ и выставить имперскую армію противъ турокъ. Въ теченіе лѣта на востокъ было отправлено до 70,000 человѣкъ. Правда, свыше трети этого количества были войска изъ имперскихъ наслѣдственныхъ земель; во всякомъ случаѣ противъ враговъ выступила значительная сила.

Въ военныхъ предпріятіяхъ 1532 г. Сулейману не посчастливилось: онъ тщетно осаждалъ венгерскій городокъ Гюнсъ, который храбро защищалъ Николай Юришичъ; осада Грана тоже была неудачна: на морѣ генуэзскій флотъ одержалъ рѣшительныя побѣды. Было бы не трудно, пользуясь обстоятельствами, освободить военной силой всю Венгрію. Но Карлъ, оставивъ армію, отправился въ Италію для переговоровъ съ папой по поводу собора, а тѣмъ временемъ распущенность войска стала настоящимъ бѣдствіемъ для страны. До большого сраженія дѣло не дошло и положенія не улучшила побѣда пфальцграфа Фридриха, захватившаго нѣсколько турецкихъ знаменъ. А между тѣмъ, въ теченіе затянувшихся переговоровъ императора съ папой въ Болоньѣ, были утрачены и преимущества, доставленныя миромъ въ Камбрэ (1529 г.; см. стр. 278), такъ какъ и папа и другія итальянскія державы все болѣе склонялись на сторону Франціи, чего не могъ вполнѣ уяснить себѣ Карлъ. Не прійдя къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ, Карлъ отправился изъ Италіи въ Испанію, оттуда предпринялъ въ 1535 году походъ противъ мавританскихъ разбойниковъ въ Тунисъ (см. таблицу „Разграбленіе Туниса“, т. IV, стр. 244) и затѣмъ былъ вовлеченъ въ новую войну (1526—38 г.) съ королемъ Францискомъ.

в) Нѣмецкая политика подъ вліяніемъ Шмалькальденскаго союза (1531—47 г.).

Между тѣмъ германскіе князья, предоставленные самимъ себѣ, основаніемъ Шмалькальденскаго союза (см. стр. 273) образовали не только представительство евангелическихъ интересовъ въ политикѣ, но и оппозицію габсбургскимъ захватамъ. Еще въ 1531 г. къ союзу примкнуло нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Франкфуртъ, Гамбургъ и Любекъ, а

за ними послѣдовали другіе верхненѣмецкіе города; только Нюрнбергъ держался въ сторонѣ. Союзники создали и военную организацію, вродѣ той, какая имѣлась у отживавшаго Швабскаго союза. Въ 1535 г. союзъ былъ продолженъ на десять лѣтъ. Руководителемъ въ политическихъ вопросахъ былъ безспорно Филиппъ Гессенскій, тогда какъ курфюршество Саксонія стояло при Іоганнѣ Фридрихѣ болѣе на заднемъ планѣ. Филиппъ умѣлъ пользоваться для цѣлей союза всѣми враждебными Габсбургамъ интересами въ Германіи и заграницей. Важнѣйшимъ его успѣхомъ было возвращеніе герцога Ульриха, изгнаннаго изъ Вюртемберга въ 1519 г., на его престолъ (1534 г.), что было равносильно вытѣсненію Фердинанда Габсбургскаго изъ его положенія въ Южной Германіи: Вюртембергъ ввелъ евангелическую реформу и вошелъ въ Шмалькальденскій союзъ, хотя лично Ульрихъ и не выказалъ по отношенію къ ландграфу Гессенскому особой благодарности. Въ Кааденскомъ договорѣ (29 іюня 1534 г.) король Фердинандъ былъ вынужденъ признать новое положеніе дѣлъ и не могъ препятствовать дальнѣйшему распространенію протестантизма во всѣхъ странахъ Германіи, даже въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Австріи. Кромѣ Помераніи и Ангальта, въ 1539 г. къ союзу присоединились еще герцогство Саксонія и могучій Бранденбургъ, не говоря уже о томъ, что реформація въ Англіи и Скандинавіи повела къ политическому сближенію этихъ государствъ съ союзомъ.

Между тѣмъ, какъ новая религія дѣлала такіе успѣхи, папа Климентъ VII умеръ. Преемникъ его, Павелъ III (1534—49 г.), уже заранѣе соглашался уступить императорскому требованію собора и 2 іюня 1536 года назначилъ его созваніе въ Мантую, на конецъ мая 1537 г. На соборъ были приглашены и лютеране. Принципіально вождь ихъ ничего противъ этого не имѣлъ и даже составилъ съ этой цѣлью такъ называемыя „Шмалькальденскія положенія“ (февраль—мартъ 1537 г.); но содержаніе ихъ выяснило невозможность для лютеранъ участія въ соборѣ. Можно было еще согласиться на нѣмецкій національный соборъ, но о вселенскомъ соборѣ въ евангелическихъ кругахъ не хотѣли и слышать.

Съ 1536 г. императоръ снова былъ вовлеченъ въ войну съ Франціей, такъ какъ Францискъ все еще не соглашался отказаться отъ притязаній на Италію. Карлъ съ войскомъ вторгся въ южную Францію и безпощадно опустошалъ страну. Хотя Франціи содѣйствовали одновременныя предпріятія турокъ противъ республики Венеціи и помощь нѣмецкихъ протестантовъ, всетаки военные успѣхи были незначительны, и утомленіе обоихъ противниковъ привело къ заключенію въ Ниццѣ перемирія на десять лѣтъ (18 іюля 1538 г.): папа былъ посредникомъ. Примиреніе казалось столь упроченнымъ, что оба государя строили совмѣстные планы войны съ турками; но сначала предстояло возвратить вселенской церкви нѣмецкихъ протестантовъ, — мирнымъ путемъ, какъ желалъ императоръ.

Расширеніемъ союза протестанты явно нарушили постановленія Нюрнбергскаго религіознаго мира. Поэтому вполнѣ отвѣчало требованіямъ времени, когда 10 іюля 1538 г. католическія сословія въ Нюрнбергѣ составили противосоюзъ; организація союза была заимствована у шмалькальденцевъ, а цѣлью его была охрана Нюрнбергскаго мира безъ содѣйствія постороннихъ державъ; предводителемъ этого союза былъ брауншвейгскій Генрихъ Младшій. Шмалькальденцы охотно приняли вызовъ на борьбу, такъ какъ при успѣшномъ исходѣ столкновенія Саксонское курфюршество могло осуществить свои притязанія къ императору на нижнерейнское герцогство Клеве. Но именно теперь Карлъ былъ въ миролюбивомъ настроеніи. Послѣ того, какъ исчезла возможность созванія собора, онъ пытался привести къ единенію путемъ менѣе крупныхъ собраній въ подобномъ родѣ: признакъ того, что онъ все еще не могъ сознать всей противоположности между старой и новой вѣрой. Уже „Франкфуртское собра-

ніе“ 19 апрѣля 1539 г. повело къ договору между обѣими религіозными партіями, но этотъ договоръ не встрѣтилъ особеннаго сочувствія ни у одной изъ сторонъ. Въ іюнѣ (въ Гагенау) и въ ноябрѣ 1540 г. (въ Вормсѣ) императоръ провелъ тайное соглашеніе между католическими и протестантскими теологами; а пользуясь Регенсбургскимъ рейхстагомъ (апрѣль 1541 г.), онъ попытался закончить свое предпріятіе. Дѣйствительно противники, между ними Экъ и Меланхтонъ, въ короткое время пришли къ соглашенію относительно важнѣйшихъ религіозныхъ догматовъ; но какъ прежде, попытки къ уніи были отвергнуты и въ Римѣ и въ Виттенбергѣ. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ регенсбургскихъ совѣщаній былъ тотъ фактъ, что одинъ изъ духовныхъ князей, именно кельнскій архіепископъ графъ Германъ фонъ Видъ, на основаніи этого договора приступилъ къ введенію въ архіепископствѣ реформаціи и такимъ образомъ подготовилъ секуляризацію духовнаго княжества.

Такимъ образомъ новое ученіе и Шмалькальденскій союзъ одерживали побѣды по всей боевой линіи, тѣмъ болѣе, что именно въ это время Францискъ I былъ уже вновь расположенъ вступить въ союзъ противъ Карла. Могла бы начаться борьба между католическимъ и протестантскимъ союзами, и въ общемъ перевѣсъ былъ повидимому на сторонѣ послѣдняго. Но именно этотъ союзъ держался уже непрочно и явное распаденіе его наступило тогда, когда сталъ извѣстенъ двойной бракъ Филиппа Гессенскаго, заключенный съ разрѣшенія Виттенбергскаго реформатора, и Іоганнъ Фридрихъ былъ тяжело оскорбленъ отстраненіемъ саксонской принцессы, настоящей законной супруги Филиппа. Гессенъ и Саксонія стали во враждебныя отношенія и прежній вождь протестантовъ сталъ помышлять о соглашеніи съ императоромъ, которое и въ самомъ дѣлѣ заключилъ 13 іюня 1541 г., хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно Шмалькальденскаго союза. Такимъ образомъ союзъ былъ расторгнутъ; лишенный подходящаго предводителя, онъ уже не могъ воспользоваться случаемъ, когда король Францискъ началъ въ 1542 г. новую войну съ императоромъ, при поддержкѣ Швеціи и Даніи, между тѣмъ какъ Сулейманъ завладѣлъ всей Венгріей. Шмалькальденцы оставались въ бездѣйствіи. Они даже не поддержали противъ императора герцога Юлихскаго, а только воспользовались случаемъ, чтобы втихомолку провести секуляризацію епископствъ.

24 марта 1543 г. офицеръ герцога Юлихскаго, Вильгельма, Мартинъ ванъ Россемъ, при помощи французовъ, одержалъ побѣду надъ имперскимъ войскомъ при Ситтардѣ. Но Карлъ, заручившись союзомъ съ Генрихомъ VIII Англійскимъ, самъ появился съ значительнымъ войскомъ (40,000 ч.) на нижнемъ Рейнѣ. Въ короткое время Дюренъ былъ взятъ и вся страна оказалась въ рукахъ Карла; побѣжденный герцогъ Юлихскій, по договору 6 сентября 1543 г. въ Венло, уступилъ Нидерландамъ Цютфенъ и Гельдернъ, и обязался прервать сношенія съ Франціей и вновь ввести въ странѣ католичество. Теперь князьямъ ослабѣвшаго союза предстояло готовиться къ нападенію императора. Но на рейхстагѣ въ Шпейерѣ 1544 г. было объявлено согласіе императора отказаться отъ созванія собора и упорядочить религіозныя отношенія на реформаціонныхъ началахъ имперскою властью. Послѣ такого успѣха и князья приняли вооруженное участіе въ войнѣ съ Францискомъ, который уже 18 сентября 1544 г. согласился на заключеніе мира въ Крепи-анъ-Лаоннэ, при чемъ императоръ и король дали обѣщаніе совмѣстной борьбы съ еретиками. Въ то же время Францискъ обѣщалъ и участіе свое въ войнѣ съ турками. Но опасность отъ турокъ была на нѣкоторое время устранена, осенью 1545 года, перемиріемъ съ Сулейманомъ, который всетаки удержалъ за собой бо́льшую часть Венгріи.

Въ началѣ 1546 г. императору, казалось, ничто не мѣшало начать вооруженную борьбу съ еретиками, тѣмъ болѣе что папа, на соборѣ,

Исторія человѣчества. VII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Д-ръ Мартинъ Лютеръ.

Съ портрета, находящагося въ алтарѣ городской церкви Веймара (начатаго въ 1552 году Лукою Кранахомъ и оконченнаго въ 1555 году его сыномъ. Снимокъ К. Швира въ Веймарѣ).

состоявшемся въ концѣ 1545 г. въ Тріентѣ, энергично выступилъ противъ протестантскаго ученія и обѣщалъ помощь войсками и деньгами для войны съ Шмалькальденскимъ союзомъ. Въ іюнѣ 1546 г. императоръ и папа заключили формальный договоръ. Къ Карлу присоединился Вильгельмъ Баварскій, и даже нѣкоторые протестантскіе князья: гогенцоллернскіе маркграфы Гансъ и Альбрехтъ и брауншвейгскій герцогъ Эрихъ II поступили на имперскую службу. Большее значеніе, чѣмъ эти князья, постепенно пріобрѣлъ молодой герцогъ Морицъ Саксонскій; еще въ 1541 года онъ вышелъ изъ Шмалькальденскаго союза и вмѣстѣ съ Филиппомъ Гессенскимъ, съ которымъ сходился и въ оппозиціонномъ отношеніи къ курфюршеству Саксоніи, сблизился съ императоромъ. Онъ былъ чуждъ религіознаго воодушевленія, но тѣмъ въ большей степени обладалъ рыцарской храбростью и политической разсудительностью. Союзъ съ императоромъ открывалъ для него блестящія перспективы, и потому онъ не побоялся вступить въ договоръ (въ іюнѣ, на Регенсбургскомъ рейхстагѣ), причемъ однако не пожертвовалъ окончательно возможностью вновь вступить въ сношенія съ шмалькальденцами.

Для императора и папы дѣло состояло исключительно въ подготовленіяхъ къ религіозной войнѣ. Но въ Германіи, чтобы встрѣтить сочувствіе городовъ и рыцарства, которые были недовольны только князьями, а не евангелическимъ ученіемъ, нельзя было слишкомъ откровенно заявлять о такой цѣли. Самый фактъ, что въ союзѣ съ императоромъ были и лютеранскіе князья, повидимому говорилъ за то, что война будетъ идти не за религію; однако, участіе папы свидѣтельствовало обратное. Мудрость императора побудила его начать предпріятіе обоими средствами; все таки, оставалось сомнительнымъ, удастся ли ему сдержать обѣщанія, данныя обѣимъ партіямъ. Протестанты долго еще не хотѣли вѣрить, что приготовленія угрожаютъ именно имъ, несмотря на постоянныя предостереженія Филиппа Гессенскаго, снова склонявшагося уже на сторону союза. Сословія были созваны на рейхстагъ въ Регенсбургѣ. Всѣ чувствовали, что предстоитъ военное предпріятіе, но долго никто не рѣшался задать императору соотвѣтственный вопросъ. Осмѣлившіеся наконецъ на это протестанты узнали въ отвѣтъ, что дѣло идетъ только о наказаніи нѣсколькихъ князей, нарушившихъ миръ; это могло относиться только къ ландграфу Филиппу, который не явился на рейхстагъ. Императоръ хотѣлъ такимъ заявленіемъ разъединить Гессенъ и курфюршество Саксонію; но это ему не удалось; противъ ожиданія союзъ въ это время сплотился тѣснѣе и даже города покамѣстъ оставались вѣрными союзниками.

Походъ начался во второй половинѣ іюня 1546 г. Но тотъ человѣкъ, который всегда страшился именно религіозной войны, если въ послѣднее время повиновеніе императору и не казалось ему христіанской обязанностью какъ раньше, Мартинъ Лютеръ, уже не дожилъ до наступленія военнаго времени: онъ умеръ въ Эйслебенѣ, 18 февраля 1546 г. Но личность его, какъ она воспроизведена на приложенной таблицѣ „Мартинъ Лютеръ", осталась вдохновляющимъ геніемъ для преобразованія германской религіи и на будущія времена, хотя часто и не вполнѣ сохранялась при этомъ истина историческаго преданія.

Въ началѣ борьбы императоръ еще продолжалъ предсѣдательство на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ и оставался до начала августа, охраняемый лишь недостаточнымъ прикрытіемъ; войска его находились еще заграницей, тогда какъ союзники уже обладали арміей болѣе чѣмъ въ 50,000 человѣкъ. Если бы они немедленно двинулись на Регенсбургъ, ихъ успѣхъ былъ бы обезпеченъ. Вмѣсто этого они раздробили свои силы, взяли 20 іюля Донаувертъ и не могли выиграть побѣды при Ингольштадтѣ, гдѣ наконецъ встрѣтились съ имперскимъ войскомъ. Между тѣмъ нидерландскія войска, численностью въ 20,000, соединились съ арміей Карла. Незна-

чительность успѣховъ шмалькальденцевъ отклоняла иностранныя державы отъ мысли о серьезномъ участіи въ союзѣ. Но въ концѣ осени положеніе стало окончательно безнадежнымъ когда Морицъ 27 октября объявилъ войну своему родственнику-курфюрсту. Послѣдній былъ въ опалѣ и Морицъ получилъ въ ленъ отнятое у него званіе саксонскаго курфюрста. Съ помощью короля Фердинанда Морицъ занялъ земли курфюршества и этимъ принудилъ занимавшихъ Швабію союзниковъ немедленно отступить въ Среднюю Германію. Такимъ образомъ югъ оказался во власти императора, такъ какъ города сдались, а герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій тоже былъ вынужденъ отказаться отъ сопротивленія. Еще однимъ тріумфомъ католической религіи было ея полное возстановленіе въ началѣ 1547 г. въ Кельнѣ, гдѣ архіепископъ Германъ фонъ Видъ былъ вынужденъ 25 февраля выйти въ отставку и уступилъ мѣсто своему прежнему коадьютору, Адольфу фонъ Шаумбургъ. Между тѣмъ войска союза таяли въ Средней Германіи.

У Іоганна Фридриха была одна только цѣль: отвоевать свои владѣнія. Но пока онъ пытался достичь ея, Карлъ безпрепятственно прошелъ черезъ Чехію въ Саксонію и настигъ врасплохъ бывшаго курфюрста при Мюльбергѣ на Эльбѣ. Съ императоромъ были Морицъ и Фердинандъ. Саксонцы покинули укрѣпленныя позиціи въ городѣ и во время преслѣдованія были разбиты императорскимъ полководцемъ, герцогомъ Альбой, на Лохаускомъ лугу. Пораженіе саксонцевъ было полнымъ, Іоганнъ Фридрихъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а немного позже и Виттенбергъ попалъ во власть императора. Кромѣ Бремена и Ольденбурга, въ Сѣверной Германіи почти только одинъ Гессенъ не испыталъ еще пораженія; Филиппъ не хотѣлъ ввѣряться превратностямъ войны и принялъ посредничество курфюрста Морица; послѣдній заключилъ съ императоромъ договоръ, по которому ландграфъ, въ случаѣ подчиненія, избавлялся отъ наказанія. Филиппъ Гессенскій явился, но былъ 19 іюня заключенъ въ тюрьму, вопреки смыслу договора, но согласно съ его буквальнымъ значеніемъ, по которому оговаривалось только пожизненное заключеніе; это глубоко огорчило Морица. И такъ, оба нѣкогда сильнѣйшіе изъ протестантскихъ князей томились въ заключеніи; между тѣмъ смерть короля Франциска, 31 марта 1547 года, избавила Карла отъ опаснаго соперника, а 19 іюня ежегодной данью было куплено у турокъ перемиріе на пять лѣтъ.

Правда, надежда папы на религіозное подчиненіе протестантовъ не оправдалась; напротивъ, Карлъ даровалъ имъ свободу вѣроисповѣданія, а его представители въ Тріентѣ вели себя не особенно дружелюбно по отношенію къ требованіямъ папы, являясь главнымъ образомъ рѣшительными противниками перенесенія собора въ Италію. Однако папа Павелъ III рѣшился на этотъ шагъ: 11 марта 1547 г. онъ переѣхалъ въ Болонью, мотивируя рѣшеніе опасностью отъ чумы. Теперь и въ старой церкви грозилъ возникнуть расколъ. Въ Болоньѣ Карлъ не желалъ принимать участія въ церковной реформѣ, а отказъ папы заставлялъ его взять ее въ собственныя руки, по крайней мѣрѣ для Германіи.

г) Послѣдніе годы Карла: отъ Аугсбургскаго интерима до отреченія и смерти императора.

По иниціативѣ Аугсбургскаго рейхстага былъ составленъ осенью 1547 г. при значительномъ участіи короля Фердинанда проектъ, Аугсбургскій интеримъ; этимъ до общеобязательнаго рѣшенія собора долженъ былъ получить возстановленіе религіозный порядокъ въ Германіи. Въ серединѣ марта 1548 г. это религіозное уложеніе было готово; въ немъ достаточно ясно выражалась побѣда надъ протестантами. Въ общемъ, интеримъ требовалъ возвращенія къ старой церкви и дѣлалъ только двѣ

уступки; чашу для мірянъ и бракъ для священниковъ. Въ остальномъ, расколъ пытались обойти двусмысленными выраженіями, допускавшими различное толкованіе. Но и этотъ договоръ, заслужившій одобреніе императора, не привелъ къ единенію; интеримъ разсматривали какъ обязывающій только протестантовъ, тогда какъ католики отказывались ему подчиняться. Этого нельзя было считать успѣхомъ дѣятельности Карла.

Больше, если и не всецѣло, удалось ему усиленіе абсолютной императорской власти; города, равно стѣсненные императоромъ и князьями, наконецъ теряютъ политическое значеніе; совѣтниковъ въ камеральные суды назначаетъ только императоръ; закономъ 26 іюня 1548 года Нидерланды, какъ „бургундскій округъ", присоединяются, правда, къ имперіи, но въ то же время объявляются неподсудными камеральнымъ судамъ; во всякомъ случаѣ этой мѣрой, безъ всякаго ограниченія династической самостоятельности, достигалась имперская защита этихъ спорныхъ областей противъ французскихъ притязаній. Несмотря на то, что интеримъ вызывалъ повсемѣстныя издѣвательства и только кое-гдѣ встрѣтилъ внѣшнее признаніе, Карлъ все-таки попытался на почвѣ Аугсбургскаго рейхстага подготовить настроеніе въ пользу избранія своего сына Филиппа, но встрѣтилъ на этотъ разъ противодѣйствіе не только со стороны своего брата Фердинанда, имѣвшаго, въ качествѣ римскаго короля, преимущественныя права на императорскую корону, но и со стороны всѣхъ имперскихъ князей: результаты правленія испанца Карла были не на столько заманчивы, чтобы можно было рѣшиться вторично избрать императоромъ кровнаго испанца; честь націи требовала рѣшительнаго отказа въ такомъ притязаніи. Уже въ 1550 г. Филиппъ получилъ въ ленъ Нидерланды, а 9 марта 1551 года императоръ и король заключили соглашеніе, по которому Фердинандъ занималъ послѣ смерти Карла императорскій престолъ, но за нимъ долженъ былъ слѣдовать Филиппъ, получавшій до тѣхъ поръ санъ римскаго короля; только послѣ смерти Филиппа престолъ долженъ былъ перейти къ Максу, сыну Фердинанда; однако отношеніе курфюрстовъ, имѣвшее для этого вопроса рѣшающее значеніе, оставалось невыясненнымъ: даже самый договоръ, поскольку онъ касался младшей линіи дома Габсбурговъ, надо считать вынужденнымъ.

Аугсбургскій рейхстагъ 1550—51 г. былъ немноголюденъ. Пренебрежительное отношеніе къ Германіи Карла и его приближенныхъ вызывало раздраженіе, тѣмъ болѣе что Карлъ, несмотря на настоятельныя ходатайства князей, отказывался распустить испанскія войска, находившіяся, въ нарушеніе закона, въ боевой готовности. Какъ на униженіе княжескаго достоинства вообще, князья смотрѣли и на изысканно жестокое заточеніе ландграфа Филиппа. Короче, назрѣвало общее возстаніе противъ императора и силы для этого были, казалось, въ наличности. Уже съ 1548 г. въ сѣверо-восточной Германіи подготовлялся новый союзъ, для котораго возлагались надежды, кромѣ Франціи, особенно на протестантскую Данію. Дѣйствительно въ февралѣ 1550 г. состоялся союзъ между герцогами Альбрехтомъ Прусскимъ и Іоганномъ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ и маркграфомъ Гансомъ Кюстринскимъ. Когда-же съ союзомъ завязалъ сношенія Морицъ Саксонскій, не забывавшій оскорбленія, полученнаго отъ императора, и поэтому повсюду искавшій и находившій сторонниковъ, тогда въ маѣ 1551 г. былъ заключенъ въ Торгау тайный союзъ противъ императора для защиты княжескихъ вольностей. Уже раньше Морицъ, какъ имперскій уполномоченный, не возбуждая подозрѣній, навербовалъ войско для долго откладывавшагося похода на Магдебургъ, объявленный въ имперской опалѣ; во главѣ этого войска Морицъ и остался. Эрнестинскіе князья обязались сохранить нейтралитетъ. Римскаго короля рѣшено было по возможности щадить, а съ Франціей были завязаны переговоры, которые повели зимой съ 1551 на 1552 г, къ благопріятнымъ результатамъ и были оформлены 14

февраля 1552 г. договоромъ въ Фридевальдѣ (Гессенъ): Генрихъ II обѣщалъ свою помощь въ войнѣ съ императоромъ и получалъ въ награду право занять Мецъ, Туль, Вердэнъ и Камбрэ въ качествѣ „имперскаго викарія“. Эти подготовленія не могли пройти незамѣченными; но именно императоръ не хотѣлъ вѣрить слухамъ, доносившимся до него въ Иннсбрукъ, гдѣ онъ лежалъ больнымъ. Поэтому онъ былъ чрезвычайно пораженъ, когда разразилась буря. Въ мартѣ король Генрихъ вторгся съ тридцати-пятитысячнымъ войскомъ въ Лотарингію, а князья проникли въ южную Германію до Аугсбурга. Все еще Карлъ не хотѣлъ вѣрить участію Морица, тѣмъ болѣе что послѣдній вошелъ въ переговоры съ Фердинандомъ, чтобы привести при его посредствѣ къ соглашенію между императоромъ и князьями. 4 апрѣля Аугсбургъ сдался побѣдителямъ. У Карла не было средствъ для борьбы; приходилось выигрывать время переговорами. 18 апрѣля Фердинандъ и Морицъ имѣли свиданіе въ Линцѣ; на 26 мая былъ назначенъ съѣздъ въ Пассау для дальнѣйшихъ переговоровъ, но на перемиріе Морицъ не согласился. Онъ хотѣлъ совершенно отрѣзать императора и въ самомъ дѣлѣ, движеніемъ въ область Альпъ принудилъ Карла 19 мая къ бѣгству въ Каринтію; туда сопровождалъ его и освобожденный наконецъ изъ заключенія Іоганнъ Фридрихъ Саксонскій. Незадолго до начала переговоровъ въ Пассау Морицъ занялъ Иннсбрукъ и собравшіеся въ Тріентѣ члены собора бѣжали, чтобы не попасть въ плѣнъ къ курфюрсту.

Вскорѣ послѣ назначеннаго дня (начало іюня 1552 г.) въ Пассау начались совѣщанія сословій. Императоръ и даже его братъ должны были держаться въ сторонѣ; французское вліяніе также было исключено. Въ церковной области Морицъ требовалъ религіозной терпимости, въ политической — правленія курфюрстовъ и уничтоженія императорскаго абсолютизма. Князей, единомышленниковъ Морица, было легко побудить согласиться, но тѣмъ труднѣе было убѣдить императора. Наконецъ онъ, убѣжденный Фердинандомъ, согласился, подъ условіемъ вторичнаго обсужденія вопросовъ на рейхстагѣ, разрѣшить до того времени побѣдителямъ руководствоваться въ религіозныхъ дѣлахъ собственной совѣстью. И ландграфъ Филиппъ былъ освобожденъ осенью 1552 г. Такимъ образомъ аугсбургскій интеримъ былъ отмѣненъ. Впервые, хотя и на короткій срокъ, было признано равноправіе обоихъ вѣроисповѣданій и надломлено преобладаніе императора не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Между тѣмъ какъ императоръ въ ноябрѣ 1552 г. отправился на войну съ королемъ Генрихомъ и осадилъ Мецъ, Морицъ еще въ сентябрѣ, согласно данному обѣщанію, послѣдовалъ за королемъ Фердинандомъ на войну съ турками; въ средней Германіи въ это время началъ разбои и грабежи дикій гогенцоллернскій маркграфъ Альбрехтъ, безъ препятствій со стороны императора. Противъ него соединились 29 марта 1553 г. южногерманскіе князья, составившіе Гейдельбергскій союзъ; наконецъ Альбрехтъ былъ побѣжденъ 9 іюля при Сиверсгаузенѣ курфюрстомъ Морицомъ и Генрихомъ Брауншвейгскимъ. Къ сожалѣнію курфюрстъ былъ въ этой битвѣ раненъ и 11 іюля умеръ. Разбитый вторично 13 іюня 1554 г. при Шварцахѣ въ Нижней Франконіи, Альбрехтъ бѣжалъ во Францію.

Въ 1554 г. князья, безъ помощи императора, сами возстановили спокойствіе и порядокъ въ имперіи. Но Карлъ былъ утомленъ властью и началъ отстраняться отъ дѣлъ. Въ томъ же году онъ уступилъ всѣ верховныя права въ Германіи брату Фердинанду, въ октябрѣ 1555 г. сынъ его Филиппъ сталъ повелителемъ Нидерландовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ испанскихъ владѣній въ Италіи съ титуломъ неаполитанскаго короля; въ январѣ 1556 г. онъ получилъ и соединенныя короны Испаніи. Самъ-же императоръ въ сентябрѣ 1556 г. удалился въ Санъ Джеронимо де Юсте, гдѣ и умеръ 21 сентября 1558 года.

Фердинанду предстояло привести въ порядокъ положенiе дѣлъ въ Германiи и созвать рейхстагъ, обѣщанный договоромъ въ Пассау. 5 февраля 1555 г. рейхстагъ собрался въ Аугсбургѣ. Протестанты немедленно выставили требованiе религiознаго мира для имперiи, со взаимнымъ признанiемъ вѣроисповѣданiй въ границахъ, фактически существовавшихъ во время Пассаускаго договора. Впрочемъ, это признанiе должно было распространяться только на имперскiя сословiя, а не на подданныхъ, вѣроисповѣданiе которыхъ и впредь должно было оставаться въ зависимости отъ религiи государя. Фердинанду пришлось подчиниться требованiю. Соглашенiе состоялось по слѣдующимъ пунктамъ: миръ продолжается на неопредѣленное время; въ него входятъ всѣ имперскiя сословiя, которыя имѣютъ право измѣнять религiю въ своей области; но эти положенiя имѣютъ силу лишь для католиковъ и приверженцевъ Аугсбургскаго вѣроисповѣданiя, а не для цвинглiанцевъ. Съ этихъ поръ имперiя оказываетъ лютеранамъ правовую защиту; въ то же время значительно усилилась и княжеская власть католическихъ государей, которые получили въ управленiе церковныя имущества. Имперскiй законъ отмѣнялъ смертную казнь для еретиковъ и разрѣшалъ имъ свободную эмиграцiю. Но въ то же время было постановлено, что духовные князья, хотя и имѣютъ право лично перемѣнить католическую религiю на протестантскую, но область ихъ должна въ этомъ случаѣ остаться католической и ими утрачивается. Это постановленiе получило названiе „духовной оговорки“. Протестанты заявили противъ него формальный протестъ, но не рѣшились упорной настойчивостью въ одномъ этомъ пунктѣ подвергнуть опасности все соглашенiе. Такимъ образомъ рейхстагъ закончился 25 сентября 1555 г. религiознымъ миромъ, сохранившимъ силу до Вестфальскаго мира.

Кромѣ религiознаго вопроса, къ извѣстному окончанiю было приведено и имперское уложенiе; при этомъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ императорскiя права перешли къ сословному правительству, такъ какъ новое камеральное судебное уложенiе поручило замѣщенiе должностей и надзоръ за судопроизводствомъ имперскимъ сословiямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новое окружное уложенiе, имѣвшее главной цѣлью облегченiе исполненiя приговоровъ камеральныхъ судовъ, сдѣлало обязанностью сословiй то, что было послѣднимъ королевскимъ правомъ, охрану мира въ странѣ. Такимъ образомъ имперское право признавало, что княжеская территорiя получила характеръ полноправнаго государства (см. выше, стр. 168 и сл.).

Г. Францiя въ эпоху реформацiи.

а) Францискъ I.

Въ первый день 1515 года умеръ Людовикъ XII и ему наслѣдовалъ на французскомъ престолѣ Францискъ Ангулемскiй. Царственный рыцарь желалъ вернуть своей коронѣ Миланъ; лѣтомъ того же года онъ перешелъ Альпы и въ кровопролитной битвѣ при Мариньяно разбилъ швейцарскiя войска миланскаго герцога (см. стр. 249). Послѣ этого и папа старался стать въ дружественныя отношенiя къ побѣдоносному королю, а въ Швейцарiи нашли благовременнымъ заключить съ нимъ мирный договоръ. Положенiе французовъ въ Италiи становилось все прочнѣе; притомъ послѣ смерти Фердинанда Испанскаго (23 января 1516 г.) между его сыномъ, впослѣдствiи императоромъ Карломъ, и Францискомъ состоялось въ Нойонѣ дружественное соглашенiе, по которому дочь Франциска была помолвлена съ Карломъ и ей въ приданое обѣщаны притязанiя Францiи на Неаполь. Еще осенью 1516 г. былъ заключенъ и договоръ съ швейцарцами, по которому каждый кантонъ получалъ ежегодное пособiе; это тотъ самый до-

говоръ, по которому швейцарскія войска такъ долго находились на французской службѣ, и противъ котораго такъ рѣзко возставалъ въ Цюрихѣ патріотическій реформаторъ Цвингли (см. стр. 274). Намъ уже извѣстно, что императоръ Максъ въ послѣдніе годы царствованія также заключилъ миръ съ Францискомъ и Венеціей (см. выше, стр. 250); извѣстно, какъ впослѣдствіи при императорѣ Карлѣ военное счастье и искусство дипломатіи доставляло то одной, то другой сторонѣ большіе успѣхи и возбуждало еще большія надежды, пока миръ въ Крепи-анъ-Лаоннэ (см. стр. 282) не положилъ конца планамъ Франциска на территоріальныя пріобрѣтенія.

Въ теченіе своего правленія король находился подъ вліяніемъ своей властолюбивой матери Луизы Савойской (1476—1531) и канцлера Антуаня Дюпра (1463—1535; съ 1527 г. кардиналъ); невоздержность наклонностей Франциска вносила такую неувѣренность во все его управленіе государствомъ, что его царствованіе во многихъ отношеніяхъ оказалось мало полезнымъ для Франціи. Болонскій конкордатъ 1516 г. вновь упорядочилъ отношенія къ главѣ церкви: прагматическая санкція (см. стр. 219) была отмѣнена, французская корона получила право замѣщенія епископскихъ и аббатскихъ вакансій, а папа удержалъ за собой право на аннаты. Это нововведеніе не имѣло особаго успѣха во Франціи, гдѣ съ этихъ поръ духовныя должности стали раздаваться исключительно по произволу; парламентъ долго отказывалъ въ своемъ согласіи, но былъ вынужденъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, въ концѣ концовъ подчиниться волѣ самодержавнаго короля. Недостатокъ денегъ въ королевской казнѣ, на который не обращали вниманія при щедрыхъ подачкахъ фаворитамъ, частью пополнялся самыми неблаговидными операціями, а король нарушалъ въ политическихъ договорахъ святость своего слова и присяги, не помышляя объ исполненіи обѣщаній. Такъ же предательски, какъ съ Карломъ, Францискъ, а еще больше — его мать, обошлись съ конетаблемъ Карломъ Бурбонскимъ, у котораго насильно захватили наслѣдство его жены, и подобнымъ обращеніемъ заставили его наконецъ перейти въ непріятельскій лагерь (см. стр. 277). Въ глазахъ современниковъ повредило королю Франциску, можетъ быть, сильнѣе всего то обстоятельство, что онъ нѣсколько разъ вступалъ въ союзъ съ невѣрными, злѣйшими врагами христіанства; подобнымъ же образомъ онъ, будучи добрымъ католикомъ и рѣшительнымъ врагомъ ереси, не отступилъ и передъ союзомъ съ протестантскими князьями, руководствуясь исключительно враждей къ слишкомъ для него могучему императору Карлу. Прежнія отношенія къ Англіи продолжались и при Францискѣ, и мы уже знаемъ, что Генрихъ VIII иногда по соглашенію съ императоромъ нападалъ на Францію (стр. 277 и 282); только за годъ до смерти Франциска состоялся 7 іюня 1546 г. миръ съ Англіей, почти совершенно лишившій послѣднюю ея континентальныхъ владѣній.

Хотя превратности войны почти не давали успокоиться странѣ, однако король извѣстнымъ образомъ способствовалъ улучшенію матеріальнаго благосостоянія народа: при немъ въ Ліонѣ введено шелковое производство. Онъ создалъ государственный флотъ и тѣмъ способствовалъ путешествіямъ для открытій въ Новомъ свѣтѣ и поселенію французовъ въ Канадѣ (т. I, стр. 424). Онъ усовершенствовалъ военное снаряженіе, особенно артиллерію. Художникамъ (Сарто, Росси, Приматиччіо, Руджіери, Фонтана, Беллини) и ученымъ (Пелиссье, Будэусъ; Парижскій университетъ достигаетъ новаго расцвѣта благодаря гуманизму) король щедро покровительствовалъ. Онъ привлекъ во Францію Леонардо да Винчи, и Рафаэль едва не сталъ его придворнымъ живописцемъ. Впервые при дворѣ Франциска начинаютъ играть роль остроумныя дамы, но въ то же время появляется безнравственность въ небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ.

б) Кальвинъ.

Новое евангельское ученіе вскорѣ распространилось и во Франціи. Но его послѣдователи немедленно подверглись самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ, причемъ король, страннымъ образомъ, — вопреки прежнимъ воззрѣніямъ, по которымъ еретики подлежали только духовному суду, — поручилъ ихъ преслѣдованіе и наказаніе свѣтскимъ судамъ, какъ того требовалъ „Молотъ вѣдьмъ“ (Malleus maleficarum, I изд., Кельнъ, 1489 г.) Якоба Шпренгера. Самъ король крѣпко держался старой вѣры, хотя ему и случалось увѣрять въ противномъ шмалькальденскихъ князей или приглашать къ своему двору Меланхтона, для обсужденія религіозныхъ вопросовъ; въ январѣ 1535 г. онъ велѣлъ сжечь шестерыхъ протестантовъ на кострѣ, а въ 1545 г. безпощадно истребилъ остатки общинъ вальденцевъ въ Провансѣ.

Въ теченіе двадцатыхъ годовъ ученіе Лютера нашло себѣ друзей повсюду и во всѣхъ слояхъ общества: сестра короля Маргарита и придворный поэтъ Клеманъ Маро. Но и преслѣдованія, и нѣмецкое происхожденіе ученія объ оправданіи вѣрою помѣшали образованію общинъ и распространенію въ массѣ, пока во главѣ французской реформаціонной партіи не сталъ Жанъ Кальвинъ (Caulvin). Онъ началъ самостоятельную дѣятельность въ тридцатыхъ годахъ, болѣе примыкая къ Цвингли, чѣмъ къ Лютеру. Кальвинъ родился 10 іюля 1509 года въ Нойонѣ (Пикардія), въ 1527 году обратился къ духовной карьерѣ, но покинулъ ее и сталъ юристомъ, какъ только изученіе св. Писанія вызвало въ немъ сомнѣнія въ правильности католической религіозной системы. Около 1530 г. онъ отказался и отъ юриспруденціи и съ 1531 г. началъ въ Парижѣ агитацію въ пользу новаго ученія. Но въ 1534 г. онъ былъ вынужденъ бѣжать изъ Парижа, переѣхалъ въ Базель и тамъ написалъ въ 1536 г. книгу о своемъ евангельскомъ ученіи, „Institutio christianae religionis“ (Учрежденіе христіанской религіи), которую посвятилъ королю Франциску, чтобы лично заступиться передъ нимъ за столь жестоко гонимыхъ единовѣрцевъ.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Италіи Кальвинъ въ августѣ 1536 г. поселился въ Женевѣ, гдѣ реформація была введена въ 1535 году. Здѣсь онъ нашелъ большое число приверженцевъ; онъ писалъ, диспутировалъ, училъ и основывалъ новыя общества. Но споръ изъ за богослуженія съ женевскимъ совѣтомъ побудилъ его переѣхать въ 1538 г. въ Страсбургъ, гдѣ онъ занималъ должности проповѣдника французской общины и учителя при университетѣ. Отсюда онъ вошелъ въ сношенія съ Меланхтономъ (Франкфуртъ 1539 г., Вормсъ 1540 г. и Регенсбургъ 1541 г.) и слѣдилъ за ходомъ реформаціи въ Германіи, но, уступая просьбамъ гражданъ Женевы, возвратился туда въ сентябрѣ 1541 г. Здѣсь онъ основалъ первую общину съ демократическимъ церковнымъ уложеніемъ („Пресвитеріальное уложеніе“), давшимъ впослѣдствіи образецъ для организаціи реформатской церкви. Кальвинъ неутомимо заботился о подготовкѣ духовенства и для этого учредилъ гимназію и богословскую академію (1559 г.). Несмотря на щепетильность Кальвина, видѣвшаго въ каждомъ уклоненіи отъ его убѣжденій тяжкое преступленіе, въ 1549 г. былъ заключенъ договоръ съ цюрихскими цвингліанцами, по которому обѣ партіи соединились подъ именемъ „реформатовъ“, составивъ противоположность лютеранамъ.

Религіозная система Кальвина въ Женевѣ именно потому получила столь важное значеніе, что она пріобрѣла массу сторонниковъ во Франціи, хотя сынъ Франциска, Генрихъ II (1547—1559 г.), продолжалъ преслѣ-

дованіе еретиковъ не менѣе ревностно, чѣмъ его отецъ; въ другихъ вопросахъ онъ болѣе отклонялся отъ правительственной системы своего предшественника. Повелительницей его двора была его фаворитка Діана Пуатье (съ 1548 г. герцогиня Валентинуа), безнравственная противница новой церкви, находившей въ кальвинизмѣ болѣе прочную опору, чѣмъ прежде, когда приходилось считаться только съ отдѣльными личностями. Кромѣ того, придворная интрига охотно пользовалась новой религіей какъ предлогомъ для устраненія нежелательныхъ личностей, съ тѣхъ поръ какъ эдиктъ 1551 года вмѣнилъ судьямъ въ обязанность разыскиваніе еретиковъ, гдѣ бы они не находились. Во внѣшней политикѣ, Генрихъ пріобрѣлъ, при содѣйствіи нѣмецкихъ протестантовъ (см. стр. 286) города Мецъ, Туль и Верденъ, и возвратилъ отъ Англіи Калэ, послѣ болѣе чѣмъ 200-лѣтняго отчужденія. Но правленіе добродушнаго по характеру, за то слабаго и покорнаго постороннимъ вліяніямъ короля помогло подготовить во Франціи, подъ покровомъ религіозныхъ несогласій, гражданскую войну, которой суждено было вспыхнуть при его сыновьяхъ, Францискѣ II (1559—1560 г.), Карлѣ IX (1560—1574 г.) и Генрихѣ III (1574—1589 г.).

в) Гугеноты.

Франциску II, когда умеръ его отецъ (10 іюля 1559 г.), было всего пятнадцать лѣтъ; съ 1558 г. онъ былъ женатъ на шотландской принцессѣ Маріи Стюартъ, дочери Іакова V. Правленіе государствомъ было въ рукахъ матери молодого короля, коварной Екатерины Медичи; она сблизилась съ обѣими сильнѣйшими личностями королевства, съ герцогами Францискомъ и Карломъ Гизами, сдѣлавъ перваго изъ нихъ главнокомандующимъ арміей, а Карла, кардинала и архіепископа Реймсскаго, первымъ министромъ. Гизы были вождями католической партіи, тогда какъ во главѣ кальвинистовъ или, какъ ихъ съ этихъ поръ называютъ, гугенотовъ, сталъ родственникъ королевскаго дома Людовикъ Бурбонскій, принцъ Конде. Но политическія цѣли, по крайней мѣрѣ у руководителей партій, имѣли преобладающее значеніе; религіозными несогласіями они пользовались для того только, чтобы имѣть больше основаній для насильственныхъ предпріятій. Вообще говоря, сторонники Конде и Бурбоновъ соглашались съ тѣмъ, что Гизовъ слѣдовало лишить ихъ преобладающаго положенія; мнѣнія расходились только по вопросу, какой путь избрать для этого. Попытка привлечь къ участію въ планѣ вдовствующую королеву не имѣла успѣха.

Только въ это время возникла мысль, по совѣту Гаспара де Шатильона Колиньи, войти въ союзъ съ реформатами, которые, несмотря на всѣ преслѣдованія, составляли до двухъ тысячъ общинъ. Политическій оттѣнокъ, принятый религіознымъ движеніемъ, только усилилъ ярость преслѣдованій со стороны господствовавшей партіи: уже осенью 1559 г. былъ изданъ эдиктъ, запрещавшій гугенотамъ подъ страхомъ смертной казни всякое богослуженіе; многіе были въ самомъ дѣлѣ казнены. Безъ прямого участія Бурбоновъ составился заговоръ для устраненія силою Гизовъ и королевы-матери; но предпріятіе не удалось и вожаки заговора поплатились жизнью. При дворѣ въ совершенствѣ знали, какую связь имѣли намѣренія гугенотовъ съ политикой Конде; но первоначально Гизы повидимому не добивались его наказанія, тѣмъ болѣе что онъ удалился въ свои владѣнія. Но принцъ боялся мести вельможъ и поэтому предпочелъ не явиться на созванное въ Фонтенебло собраніе нотаблей, что естественно вызвало особенныя подозрѣнія противниковъ. Петиція къ королю, ходатайствовавшая о терпимости для гугенотовъ, не имѣла никакихъ послѣдствій; наконецъ, на собраніи сословій въ Орлеанѣ принцъ Конде былъ

арестованъ 30 октября 1560 г. и спеціально назначенной для этого комиссіей, компетентность которой онъ настойчиво оспаривалъ, былъ осужденъ на смерть, какъ виновный въ оскорбленіи величества. Но еще раньше, чѣмъ могъ быть исполненъ приговоръ, совершенно неожиданно скончался король Францискъ II (5 дек. 1560 г.); и два дѣятеля, которыхъ Гизы очень желали погубить, король Антонъ Наваррскій и адмиралъ Колиньи, даже не были подвергнуты судебному преслѣдованію.

Такъ какъ Францискъ не оставилъ потомства, ему наслѣдовалъ братъ его Карлъ IX, которому едва исполнилось десять лѣтъ. Королева Екатерина еще рѣшительнѣй, чѣмъ прежде, взяла власть въ свои руки и прежде всего задалась цѣлью ниспровергнуть могущество Гизовъ. Для этого ей была необходима поддержка Бурбоновъ и она успѣла, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, пріобрѣсть ихъ довѣріе; принцъ Бурбонъ былъ оправданъ, король Антонъ былъ назначенъ генеральнымъ намѣстникомъ короля Франціи; за собой Екатерина оставила титулъ правительницы, а за кардиналомъ Гизомъ все таки сохранила управленіе финансами. Этимъ правительница, однако, нарушала обѣщаніе, данное ею королю Антону: въ условіе входило полное удаленіе Гизовъ и свобода вѣроисповѣданія для гугенотовъ. Но по всей вѣроятности Екатерина никогда не думала въ самомъ дѣлѣ выполнить свое обѣщаніе; это поставило бы ее въ слишкомъ большую зависимость отъ Бурбоновъ. Король Антонъ только добился эдикта, замѣнившаго смертную казнь за еретическое богослуженіе изгнаніемъ изъ страны и запретившаго обыски въ домахъ. Религіозное собесѣдованіе, устроенное по инціативѣ королевы Екатерины, какъ и слѣдовало ожидать, не привело ни къ какимъ результатамъ для выясненія мнѣній, тѣмъ болѣе что католики, къ своему ужасу, подмѣчали въ королевѣ склонность къ протестантской партіи; канцлеръ Мишель де Л'Опиталь настоятельно рекомендовалъ умѣренность. Какъ слѣдствіе совѣщанія, явился въ январѣ 1562 г. указъ, разрѣшавшій гугенотамъ богослуженіе внѣ черты городовъ, хотя въ то же время требовавшій отъ нихъ возвращенія церквей и церковныхъ имуществъ католикамъ. Для дѣла реформаторовъ это было небывалымъ успѣхомъ, дававшимъ основанія для самыхъ свѣтлыхъ надеждъ.

Въ это время король Антонъ перешелъ на сторону католиковъ, видя въ этомъ легкій способъ заслужить благосклонность Филиппа II Испанскаго. Католики требовали гражданской войны и принудили королеву гораздо тѣснѣе сблизиться съ Конде и Колиньи. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ изданія новаго эдикта герцогъ Францискъ Гизъ, нападеніемъ на гугенотовъ во время богослуженія, подалъ сигналъ къ кровопролитному возстанію; король и его мать были захвачены католической партіей, которая овладѣла Парижемъ. Ободряемые королевой, Конде и Колиньи подготовляли въ Орлеанѣ походъ для освобожденія короля, между тѣмъ какъ по всей странѣ эти раздоры побуждали гражданъ браться за оружіе. За гугенотовъ была большая часть дворянства и городовъ, за католиковъ стояло почти все крестьянство. Обѣ партіи не уступали другъ другу въ жестокостяхъ, убійствахъ и разгромахъ; обѣ искали помощи заграницей и получили ее: католики отъ Испаніи и Италіи, гугеноты отъ Германіи и Англіи. Во время осады Орлеана Францискъ Гизъ былъ застрѣленъ фанатикомъ-кальвинистомъ (февраль 1563 г.). Тяжелая потеря, понесенная католической партіей, побудила ее согласиться на миръ въ Амбуазѣ (15 марта 1563 г.). Этимъ миромъ всѣ ленные властители Франціи пріобрѣтали для себя и своихъ подданныхъ право свободы вѣроисповѣданій; прочее дворянство получало то же право для семьи; городамъ подобныя права давались не полностью. Англичане были послѣ этого отброшены изъ Франціи, а принцу Конде было обѣщано участіе въ дѣлахъ управленія; но извѣстная склонность Екате-

рины къ нарушеніямъ своего слова заранѣе не позволяла разсчитывать на исполненіе обѣщаній.

Къ сожалѣнію, развязка первой религіозной и гражданской войны нисколько не измѣнила отношеній между враждующими партіями. Даже ужасный опытъ военныхъ бѣдствій не могъ предостеречь отъ новыхъ раздоровъ. Молодой король, проявлявшій не очень благопріятныя черты характера, былъ въ четырнадцать лѣтъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но на дѣлѣ продолжала править государствомъ все еще его мать. Путешествуя съ сыномъ по Франціи, она старалась такимъ образомъ ознакомиться съ настроеніемъ народа. Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ заключенія мира, далеко не удовлетворившаго партій, съ трудомъ удавалось подавлять вспышку возстанія. Хотя Колиньи и примирился внѣшнимъ образомъ съ братомъ убитаго Гиза, съ обѣихъ сторонъ готовились къ возобновленію военныхъ дѣйствій. 27 сентября 1567 со страшной силой вспыхнуло возстаніе гугенотовъ подъ предводительствомъ Конде и Колиньи. Конде осадилъ короля и королеву-мать въ слабо защищенномъ Парижѣ. Впрочемъ, гугеноты были вынуждены отступить безъ успѣха, а въ ноябрѣ, несмотря на отважное сопротивленіе, были разбиты. Хотя они въ Лотарингіи получили помощь отъ Пфальца, но армію короля въ свою очередь поддержали папскія войска. Конде уже имѣлъ все-таки рѣшительный перевѣсъ, когда королева вновь начала переговоры и 23 марта 1568 года былъ въ Лонжюмо возобновленъ миръ 1563 года.

Но взаимное недовѣріе и на этотъ разъ не угасло. Послѣ того какъ канцлеръ Л'Опиталь былъ уволенъ въ отставку, дворъ отмѣнилъ мирный эдиктъ и подъ страхомъ смертной казни запретилъ всякое некатолическое богослуженіе. Это постановленіе надлежало выполнить силой, и гугеноты были готовы на сопротивленіе. Но 13 марта 1569 г. они были совершенно разбиты при Жарнакѣ, и Конде былъ убитъ. Колиньи еще разъ собралъ всѣхъ приверженцевъ новой религіи, хотя онъ потерялъ почти всѣхъ своихъ соратниковъ и самъ былъ въ сентябрѣ приговоренъ Парижскимъ парламентомъ къ смертной казни за государственную измѣну. Еще разъ гугеноты одержали побѣду на полѣ битвы, но 3 октября они снова потерпѣли полное пораженіе при Монконтурѣ, и Колиньи долженъ былъ отступить. Но силы двора были уже исчерпаны и король желалъ мира, такъ какъ и среди католической партіи давно уже перестало господствовать полное согласіе. Поэтому 8 августа 1570 г. въ Сенъ Жерменъ-анъ-Лай былъ вторично подтвержденъ миръ 1563 года и отмѣнены всѣ прочіе эдикты. Кромѣ того гугеноты могли на два года занять гарнизонами четыре крѣпости, въ видѣ гарантіи исполненія договора.

Трудно допустить, что при дворѣ и въ дѣйствительности разсчитывали, какъ увѣряли, на этотъ разъ сдѣлать гугенотамъ положительныя уступки. Важнѣйшимъ событіемъ, которое истолковывалось въ этомъ смыслѣ, было совершенное 18 августа 1572 г. бракосочетаніе сестры короля Маргариты съ Генрихомъ Наваррскимъ, сыномъ королевы Іоанны, еще недавно сражавшимся въ рядахъ гугенотовъ. И Колиньи былъ радушно принятъ королемъ Карломъ и приглашенъ въ государственный совѣтъ; но высказанное имъ мнѣніе, что король достаточно созрѣлъ для самостоятельнаго правленія, было причиной его гибели. Уже смерть королевы Іоанны Наварской вызвала волненія среди гугенотовъ, подозрѣвавшихъ, что она была отравлена. Королева-мать всѣми силами желала смерти Колиньи, боясь, что адмиралъ отстранитъ ее, побудивъ короля къ самостоятельности въ правленіи. Наемный убійца, направленный королевой, только слегка ранилъ адмирала своимъ выстрѣломъ, а увѣреніе короля, что онъ ни о чемъ не знаетъ, успокоило вождей гугенотовъ, такъ что

они — на свою погибель — остались въ Парижѣ. Екатерина была такъ раздражена неудачей, что замыслила новый планъ: не только Колиньи долженъ былъ пасть, а съ нимъ и всѣ вожди гугенотовъ и возможно большее число ихъ приверженцевъ. Съ маленькой группой вѣрныхъ Гизовъ она 23 августа 1572 г. убѣдила наконецъ короля дать приказъ въ ту же ночь истребить всѣхъ гугенотовъ. Приказъ былъ такъ быстро распространенъ и исполненъ, что утромъ 24 августа улицы Парижа были залиты кровью и усѣяны трупами: совершилась Варѳоломеевская ночь (la Saint-Barthélemy). Жертвами убiйцъ пали съ Колиньи всѣ вожди гугенотовъ и тысячи горожанъ. Не только гугенотовъ; много добрыхъ католиковъ пали въ эту ночь жертвами иныхъ побужденiй, чѣмъ религiозное рвенiе: мести и корысти, личной вражды и звѣрской кровожадности. На слѣдующiе дни подобныя избiенiя были произведены во многихъ провинцiальныхъ городахъ. Самъ король не могъ, повидимому, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, онъ ли дѣйствительно повелѣлъ всѣ эти злодѣянiя, или они совершились безъ его желанiя, а можетъ быть и наперекоръ ему. При избiенiи были пощажены только Генрихъ Наваррскiй и Генрихъ Конде. Помилованные по молодости, они должны были немедленно покориться. Король Наваррскiй сейчасъ-же уступилъ и отказался отъ ереси; Конде выказалъ нѣкоторое постоянство, но затѣмъ и онъ подчинился королевскому приказанiю.

Послѣ ужасной катастрофы большая часть гугенотовъ бѣжала изъ Францiи и искала прiюта заграницей; четыре гарантированныя крѣпости тоже мало обезпечивали безопасность; уже королевскiя войска приступили къ осадѣ Ла Рошелли, сильнѣйшей изъ этихъ крѣпостей. Когда взятiе ея не удалось, Булонскiй эдиктъ (30 iюня 1573 г.) предоставилъ гугенотамъ свободу совѣсти и право публичнаго богослуженiя въ трехъ изъ мѣстностей, разрѣшенныхъ уже ранѣе. Но еще прежде чѣмъ Карлъ IX умеръ (30 мая 1574 года), королевскому двору пришлось вынести нѣкоторыя треволненiя. Честолюбивой королевѣ Екатеринѣ удалось возвести на престолъ польскаго королевства своего любимаго сына Генриха и еще въ 1573 году онъ отправился въ свое новое государство. Но на родинѣ былъ возбужденъ вопросъ о престолонаслѣдiи, такъ какъ повидимому приближалась кончина Карла. Особая партiя, имѣвшая сношенiя съ гугенотами, надѣялась успѣть въ возведенiи на престолъ четвертаго сына Екатерины, герцога Алансонскаго. Готовилось даже возстанiе, которое должно было предоставить правленiе заговорщикамъ; но замыселъ не удался. Королева, обратившая вниманiе на угрожавшую опасность, тотчасъ же по смерти Карла вызвала изъ Польши своего любимца. Правда, онъ явился не такъ скоро, какъ могъ бы; но благодаря заботамъ матери, престолъ былъ за нимъ обезпеченъ.

По характеру Генрихъ III (1574—89 г.) напоминалъ мать; онъ предавался жестокостямъ и насилiямъ, расточительности и сладострастiю, пока излишества не подточили его силъ. Братъ короля, принцъ Конде и Генрихъ Наваррскiй, очень скоро отдалились отъ двора и стали во главѣ гугенотовъ. Когда весной 1576 года Конде, поддержанный пфальцграфомъ Iоанномъ Казимиромъ, приблизился съ войскомъ, гугеноты возобновили жалобы и требовали осуществленiя своихъ правъ. Безъ сомнѣнiя дворъ не имѣлъ достаточно силъ для борьбы, и поэтому, миромъ въ Болье (8 мая 1576 года), разрѣшилъ гугенотамъ не только свободу богослуженiя повсюду, за единственнымъ исключенiемъ Парижа, но и доступъ къ административнымъ и судебнымъ должностямъ. Герцогъ Алансонскiй получилъ желанный имъ кругъ дѣятельности съ назначенiемъ его намѣстникомъ, и поэтому охладѣлъ къ гугенотамъ. Но католическiй дворъ лишь нехотя согласился на уступки. Наконецъ въ лицѣ Генриха Гиза, молодого сына герцога Франциска, католическая партiя нашла вождя, ставшаго во

главѣ „священной лиги,“ союза, который распространился по всей Франціи и имѣлъ цѣлью истребленіе реформатовъ. Тайные планы заходили еще далѣе; помышляли о низложеніи королевскаго дома и возведеніи на престолъ молодого Генриха Гиза.

Извѣстіямъ объ этомъ тайномъ союзѣ король сначала не вѣрилъ, но когда онъ убѣдился, что противодѣйствіе невозможно, онъ самъ примкнулъ къ союзу и велѣлъ объявить себя его главою. Такимъ образомъ онъ избѣжалъ опасности низложенія. Вновь начались притѣсненія гугенотовъ, поведшія къ шестой войнѣ, которая окончилась договоромъ въ Бержеракѣ въ октябрѣ 1577 г. Не столько примиреніе съ положеніемъ дѣлъ, сколько изнеможеніе правительства было причиной того, что послѣ заключеннаго въ ноябрѣ 1580 года мира въ Флэксѣ спокойствіе въ странѣ не нарушалось нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ лига находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Филиппомъ Испанскимъ и ждала благопріятнаго случая. Этотъ случай представился, когда умеръ младшій братъ короля, герцогъ Алансонскій (10 іюня 1584 г.); со смертью бездѣтнаго Генриха домъ Валуа долженъ былъ прекратиться и власть перешла бы къ протестантамъ-Бурбонамъ; Генрихъ Наваррскій, удалившись отъ двора, окончательно обратился къ гугенотамъ и ихъ религіи. Чтобы предотвратить эту возможность, лига по соглашенію съ Филиппомъ выдвинула въ качествѣ наслѣдника престола стараго кардинала Карла Бурбонскаго. Послѣдній, помимо короля, обнародовалъ манифестъ, въ которомъ обѣщалъ что лига заступится за религію и за государство. Начались вооруженія и дѣло грозило принять серьезный оборотъ. Тогда король согласился на переговоры и былъ вынужденъ обѣщать могучему союзу отмѣну всѣхъ эдиктовъ, благопріятствовавшихъ гугенотамъ (Немуръ, 7-го іюля 1585 г.).

Это было опредѣленнымъ разрывомъ съ реформатами. Но восьмая война вначалѣ не привела къ какому-нибудь рѣшенію вопроса. Король все болѣе утрачивалъ свою власть правителя, тогда какъ вліяніе Генриха Гиза возрастало. Побѣда гугенотовъ при Кутра̀ (20 окт. 1587 г.) не повела къ дальнѣйшимъ успѣхамъ; вскорѣ послѣдовало пораженіе при Оно̀, а весной 1588 г. умеръ молодой Конде. Но отношенія между королемъ и Генрихомъ Гизомъ, который пользовался особенной благосклонностью парижанъ, все болѣе обострялись; въ стачкѣ между королевскими швейцарцами и сторонниками Гиза на улицахъ Парижа (12 мая 1588 г.) былъ побѣжденъ король. Ему во время удалось бѣжать изъ города, отъ покушенія, замышлявшагося на его жизнь. Съ этихъ поръ Гизъ занимаетъ положеніе правителя и наконецъ, по договору въ Руанѣ (15 іюля 1588 г.), вырываетъ у униженнаго короля его послѣднія верховныя права и получаетъ санъ генеральнаго намѣстника. Но недолго продолжалось владычество Гиза: 23 декабря 1588 г. онъ былъ лишенъ жизни наемными убійцами, по приказанію короля.

Въ началѣ 1589 г. умерла и старая королева Екатерина. Слабохарактерный сынъ ея остался совершенно одинокимъ и не имѣлъ силъ воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ, въ которое его поставила гибель соперника. Онъ не рѣшился немедленно вернуться въ Парижъ, гдѣ между тѣмъ лигисты вызвали буйныя волненія противъ короля и открыто возбуждали къ его убійству. Но еще ранѣе чѣмъ доминиканецъ Жакъ Клеманъ предательски вонзилъ въ короля ножъ, подавая ему въ Сенъ-Клу прошеніе (1 августа 1589 г.), лишенный престола государь вошелъ въ соглашеніе съ гугенотами, примирился съ Генрихомъ Наваррскимъ и вмѣстѣ съ нимъ началъ войну съ лигистами. На смертномъ ложѣ послѣдній Валуа призвалъ къ себѣ Бурбона, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и велѣлъ своимъ приближеннымъ признавать въ Генрихѣ будущаго короля. Впрочемъ Генрихъ Наваррскій еще долженъ былъ сначала завоевать корону,

перешедшую къ нему по праву; лига владѣла Парижемъ и ненавидѣла кальвиниста Бурбона какъ еретика.

По смерти Генриха Гиза во главѣ лиги сталъ его братъ, герцогъ Майеннскій, присвоившій себѣ и званіе генеральнаго намѣстника. Чтобы не сдѣлать своего положенія съ самаго начала невозможнымъ, Генрихъ IV (1589—1610 г.) далъ обѣщаніе поддерживать впредь католическую религію и лично принять поученіе въ ея догматахъ; онъ соглашался и подчиниться рѣшенію національнаго собора. Дѣйствительно, благодаря этимъ обѣщаніямъ, къ нему примкнула часть католиковъ; но гугеноты по той же причинѣ не безъ основаній опасались его отпаденія. Борьба между лигой и королемъ не приводила къ рѣшительнымъ результатамъ; наконецъ при Иври-Ла-Батайль Генрихъ 14 марта 1590 г. одержалъ блестящую побѣду. Но лигисты все еще владѣли Парижемъ. Генрихъ осадилъ городъ, но долженъ былъ снять затянувшуюся осаду, такъ какъ лигѣ оказала помощь Испанія. Филиппъ II вообще не желалъ признавать королемъ Генриха Бурбона, считая законнымъ повелителемъ Франціи стараго кардинала, именовавшагося Карломъ X; по смерти его испанскій король разсчитывалъ на корону Франціи для своей дочери, происходившей по женской линіи изъ дома Валуа.

Борьба продолжалась. Англія и Германія прислали королю вспомогательныя войска; лигисты разбились на двѣ партіи, причемъ соперникомъ герцога Майеннскаго выступилъ герцогъ Карлъ Гизъ; смятеніе въ странѣ возрастало. Въ началѣ 1593 года лигисты пытались избрать новаго правовѣрнаго короля, но не могли прійти къ опредѣленному рѣшенію. Изъ этого событія Генрихъ однако заключилъ, что безъ перемѣны религіи ему нельзя надѣяться на спокойное правленіе, и 2 іюля въ Сенъ-Дени перешелъ въ католичество. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону значительную часть католиковъ; другая партія смотрѣла на перемѣну религіи какъ на лицемѣріе и продолжала возмущать народъ противъ государя. Покушеніе одного фанатика на жизнь короля по счастью не удалось. Лига, лишь вяло поддерживавшаяся Филиппомъ, не могла уже оказывать дѣятельнаго сопротивленія, и въ январѣ 1594 г. состоялось коронованіе Генриха IV. Въ мартѣ наконецъ, по соглашенію съ военнымъ комендантомъ Парижа, улажена и сдача столицы королю. Генрихъ вступилъ въ Парижъ, простивъ гражданамъ ихъ враждебное отношеніе. Приходилось еще продолжать борьбу съ герцогомъ Майеннскимъ. Второе покушеніе на жизнь короля было также неудачно (конецъ 1594 г.). Наконецъ и герцогъ Майеннскій призналъ Бурбона королемъ, послѣ того какъ папа принялъ Генриха въ лоно католической церкви. Война съ Испаніей продолжалась еще нѣсколько времени. Наконецъ Генрихъ IV приступилъ къ реформамъ и 25 апрѣля 1598 г. объявилъ Нантскій эдиктъ, который одинаково мало удовлетворилъ и строгихъ реформатовъ и ревностныхъ католиковъ, но въ извѣстной степени обезпечивалъ религіозный миръ; только съ этихъ поръ Франція получила для упорядоченія религіозныхъ отношеній правовую основу, какую въ 1555 году создалъ Аугсбургскій религіозный миръ для Германіи.

Страна очень пострадала отъ постоянныхъ гражданскихъ войнъ. Второй задачей Генриха было, поэтому, поднятіе народнаго благосостоянія. Эту задачу онъ образцово рѣшилъ съ помощью Максимиліана де Бетюнъ (съ 1606 г.), герцога Сюлли (1560—1641), выдающагося финансиста. Запущенное съ давнихъ поръ государственное хозяйство было вновь упорядочено съ 1597 года и королевское казначейство постепенно пополнялось, несмотря на огромные долги, еще требовавшіе погашенія. Но кинжалъ фанатическаго паписта Франсуа Равальяка поразилъ короля на смерть 14 мая 1610 года, въ то время какъ Генрихъ намѣревался вмѣшаться въ нѣмецкіе раздоры изъ за Клеве.

3. Эпоха контръ-реформаціи.

A. Католическая реакція въ Германіи и въ Нидерландахъ.

a) Тріентскій соборъ и орденъ іезуитовъ.

Въ эпоху религіозныхъ волненій въ Германіи особенно императоръ Карлъ постоянно хлопоталъ о созваніи собора. Наконецъ, 13 декабря 1545 г. начались засѣданія въ Тріентѣ; они нѣсколько разъ прерывались превратностями политики (1547—51; 1552—62), наконецъ соборъ былъ открытъ 18 января 1562 г. въ послѣдній разъ и 4 декабря 1563 г. окончательно распущенъ. Нельзя считать дѣятельность собора особенно блестящей. Задачи, поставленныя ему, часто мѣнялись: первоначально дѣло шло о возвращеніи еретиковъ и поэтому въ началѣ 1552 г. къ совѣщаніямъ были даже на время допущены протестанты. Но въ общемъ этотъ соборъ все таки привелъ къ болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ всѣ предыдущіе. На немъ была постановлена организація церкви, произведена реформа духовнаго уложенія и опредѣленно выражено содержаніе религіозныхъ догматовъ; поэтому дальнѣйшее устройство католической церкви является не чѣмъ инымъ, какъ проведеніемъ въ жизнь тріентскихъ постановленій. Давно уже было извѣстно, что слишкомъ свѣтская жизнь многихъ служителей церкви вовсе не соотвѣтствуетъ требованіямъ религіи, но всѣ попытки борьбы съ этимъ зломъ были неудачны до тѣхъ поръ, пока примѣръ протестантовъ, имѣвшихъ такой значительный успѣхъ отчасти именно благодаря этой борьбѣ, не показалъ настоятельной необходимости энергичнаго вмѣшательства. Въ числѣ тріентскихъ постановленій были и такія, которыя должны были рѣшить эту задачу. Въ частности была признана необходимой научно-богословская подготовка духовенства и въ то же время запрещено совмѣстительство приходовъ, что должно было ограничить возможность слишкомъ роскошнаго образа жизни.

Выполненіе первой изъ названныхъ мѣръ еще за два десятилѣтія до того составило бы для церкви труднѣйшую проблему. Теперь это было сравнительно легче; на совершенно иной почвѣ у церкви явилась поддержка въ видѣ ордена іезуитовъ; этотъ орденъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ протестантизмъ, воспользовался гуманистическимъ образованіемъ для подготовки умственно развитаго духовенства. Основателемъ ордена былъ Иниго Лопесъ де Рекальде Лойола (1491—1556 г.), родомъ испанецъ, сначала бывшій въ военной службѣ. Послѣ тяжелой раны (1521 г.) онъ искалъ въ аскетизмѣ удовлетворенія своего религіознаго чувства; странствуя по свѣту, онъ прилежно изучалъ богословскія сочиненія и наконецъ возымѣлъ намѣреніе явиться охранителемъ и защитникомъ католической церкви противъ новаго ученія. Съ 1528 г. онъ нашелъ въ Парижѣ рядъ ревностныхъ приверженцевъ (Лайнесъ, Сальмеронъ, Бобадилья, Родригесъ, Лефевръ и Ксавье), готовыхъ съ нимъ дѣйствовать, съ нимъ посвятить себя духовному аскезу и небывалымъ доселѣ образомъ отдать всю свою личность на службу средневѣковой церкви (1534 г.). Но для выполненія этихъ задачъ была необходима организація. Такую организацію дала папская булла, которая 27 сентября 1540 г. установила Общество Іисуса, т. е. общину числомъ не болѣе шестидесяти человѣкъ, дававшихъ обѣтъ распространять истинную религію въ строжайшемъ повиновеніи папѣ и главѣ ордена. Главной задачей была миссіонерская дѣятельность, которою они занимались въ неутомимыхъ странствіяхъ по разнымъ государствамъ. Но только когда было въ 1543 г. отмѣнено огра-

ниченіе числа членовъ ордена, началось развитіе его организаціи и дѣятельности. Самъ Лойола сталъ въ 1541 г. первымъ генераломъ ордена и его воля проявлялась въ каждомъ членѣ общества, связанномъ безусловнымъ повиновеніемъ, не знающимъ собственной воли, собственнаго мнѣнія.

Въ орденѣ была съ чрезвычайной энергіей проведена іерархическая система и результаты вполнѣ соотвѣтствовали усиліямъ его членовъ. Съ поразительной быстротой росло ихъ число и вліяніе во всѣхъ странахъ; повсюду возникали общины, объединявшіяся въ территоріальныя провинціи; много отдѣльныхъ братьевъ занимали мѣста учителей въ среднихъ школахъ и университетахъ. Именно въ Германіи это обстоятельство имѣло особую важность, такъ какъ тамъ протестантское преподаваніе грозило получить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ исключительное господство; уже въ 1549 г. іезуиты появляются въ баварскомъ Ингольштадтскомъ университетѣ и постепенно достигаютъ въ этомъ заведеніи полнаго преобладанія; въ 1559 г. въ Мюнхенѣ возникаетъ іезуитская гимназія. Но еще ранѣе по иниціативѣ Лойолы папа основалъ учрежденіе, весьма важное для контръ-реформаціи въ Германіи; это было Collegium germanicum въ Римѣ (1552 г.), заведеніе, долженствовавшее подготовлять на будущее время нѣмецкихъ богослововъ въ іезуитскомъ духѣ. Воспитанники этой коллегіи должны были составить главныя силы въ борьбѣ съ протестантизмомъ, занять руководящія должности въ нѣмецкой церкви и постепенно вернуть утраченную Германію въ лоно католической религіи.

Между тѣмъ какъ протестантскіе богословы послѣ Аугсбургскаго религіознаго мира начали жаркій догматическій споръ съ швейцарскими реформатами, между тѣмъ какъ въ Саксонскомъ курфюршествѣ свирѣпствовали гоненія противъ криптокальвинизма (см. ниже, стр. 304), нѣмецкій католицизмъ духовно окрѣпъ и могъ уже, исходя изъ Баваріи и Австріи, начать борьбу съ протестантизмомъ. Замѣчательно, что папская политика нашла поддержку почти только у этихъ обоихъ свѣтскихъ князей, между тѣмъ какъ многочисленные духовные князья частью открыто склонялись къ протестантизму (какъ особенно кельнскій архіепископъ Гебгардъ фонъ Вальдбургъ, бывшій сначала строгимъ папистомъ, см. стр. 284), частью считались въ Римѣ неблагонадежными и лишь постепенно были побуждены къ признанію положеній Тріентскаго собора. Въ то же время учрежденіемъ такъ называемыхъ нунціатуръ, сначала въ Кельнѣ и Вѣнѣ, была установлена болѣе тѣсная и правильная связь Германіи съ римской куріей, гдѣ между тѣмъ установились болѣе строгіе и чистые нравы; при помощи нунціатуръ Римъ могъ сильнѣе вліять на соборные капитулы, особенно при выборахъ епископовъ, чѣмъ ранѣе чрезъ посредство отдѣльныхъ легатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, лица, занимающія епископскія каѳедры въ Германіи съ восьмидесятыхъ годовъ XVI вѣка, оказываются гораздо болѣе ревностными католиками, чѣмъ ихъ предшественники. Частью избранные изъ младшихъ представителей домовъ Габсбурговъ и католическихъ Виттельсбаховъ, они находились и въ политической связи съ этими княжескими домами и были готовы на проведеніе въ своихъ областяхъ тріентскихъ постановленій. Этимъ было вновь внесено единство въ политику многихъ католическихъ князей, тогда какъ общности дѣйствій съ протестантской стороны мѣшали длившіеся раздоры между Пфальцомъ и курфюршествомъ Саксоніей. Въ рейхстагѣ католикамъ постоянно принадлежало большинство голосовъ, какъ въ коллегіи курфюрстовъ, такъ и въ коллегіи князей.

Въ одной только области протестантизмъ еще имѣлъ временный успѣхъ, именно въ Нижнерейнской области, гдѣ нашли прибѣжище многочисленные протестанты, изгнанные изъ Нидерландовъ. Въ совѣтъ имперскаго города Ахена протестанты проникаютъ съ 1574 года, а черезъ

нѣсколько лѣтъ они уже оказываются въ большинствѣ. Даже въ Кельнскомъ архіепископствѣ Гебгардъ фонъ Вальдбургъ, правда, по совершенно личнымъ побужденіямъ (онъ желалъ вступить въ бракъ съ графиней Агнесой Мансфельдской), попытался реформировать свое курфюршество и вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки „духовной оговоркѣ“, удержать за собой свѣтскую княжескую власть. Онъ публично перешелъ въ кальвинизмъ (1582 г.) и 2 февраля 1583 г. женился. Но сословія не оказали ему поддержки; и такъ какъ лютеранскіе князья почти не пытались вступиться за кальвиниста, то вновь избранный архіепископъ, Эрнстъ Баварскій, побѣдилъ съ помощью испанцевъ Гебгарда и въ 1584 г. достоинство курфюрста было признано за нимъ имперіей и даже протестантскими князьями.

б) Война за освобожденіе Нидерландовъ.

Описанное событіе было значительнымъ успѣхомъ для католицизма, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ впервые кончилась неудачей попытка обращенія въ протестантство, а нерѣшительное поведеніе протестантскихъ князей показало, что уже прошли времена Шмалькальденскаго союза. Но на сѣверозападной границѣ Германіи уже раньше произошли крупныя перемѣны, именно въ Нидерландахъ, гдѣ давно нашли убѣжище религіозные мечтатели и кальвинизмъ получилъ значительное распространеніе. Императоръ Карлъ энергично дѣйствовалъ противъ еретиковъ, но безъ особаго успѣха, тѣмъ болѣе что къ религіозному движенію присоединилось политическое недовольство государемъ. Сынъ Карла, Филиппъ, получилъ отъ отца власть въ 1556 г. (см. стр. 286), но какъ природный испанецъ онъ возбуждалъ къ себѣ личную нанависть нидерландцевъ, чего нельзя было сказать о Карлѣ. Кромѣ того пребываніе въ странѣ испанскихъ войскъ вызывало сильное недовольство народа, а финансовыя затрудненія увеличивались по мѣрѣ того какъ торговля, въ которой начала конкуррировать Англія, приносила все меньшіе доходы. Все это давало пищу революціоннымъ движеніямъ въ народѣ и вызывало планы на полное низверженіе испанскаго владычества.

Отправляясь въ 1559 г. изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ назначилъ намѣстницей свою сводную сестру Маргариту Пармскую; она по своему характеру была вполнѣ способна управлять государствомъ, тѣмъ болѣе что при ней состояло центральное правительство, прекрасно организованное еще при Карлѣ. Но въ государственномъ совѣтѣ, кромѣ испанцевъ и безусловно преданнаго королю Антуана Перрено де Гранвель (младшаго; 1517—1586 г.), засѣдало значительное число нидерландскихъ вельможъ, которые, нисколько не желая покорно подчиниться испанскому вліянію, склонялись къ протестантизму. Во главѣ ихъ были Ламораль графъ Эгмондъ (принцъ Гаврскій) и принцъ Вильгельмъ I (Молчаливый) Нассау-Оранскій. Чтобы упрочить католическую религію Филиппъ учредилъ одиннадцать новыхъ діоцезъ и собирался вмѣшаться во французскія религіозныя волненія въ пользу католической партіи (стр. 295), но встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе вождей дворянства; въ противоположность Филиппу, Вильгельмъ Оранскій искалъ сближенія съ нѣмецкими протестантами (онъ былъ зятемъ курфюрста Августа Саксонскаго) и съ гугенотами Франціи. Уже въ 1563 г. вопросъ значительно обострился. Дворянство требовало созванія генеральныхъ штатовъ, но Гранвель рѣшительно отказался отъ этого созванія, которое неизбѣжно подорвало бы политическое и церковное преобладаніе Испаніи. На этотъ разъ Филиппъ уступилъ настояніямъ дворянства и отозвалъ Гранвеля весной 1564 года.

Несмотря на это, настроеніе народа и правительства оставалось прежнимъ; протестантское движеніе даже все болѣе усиливалось, такъ какъ

намѣстники провинцій вовсе не намѣревались исполнять строгихъ мѣропріятій правительства противъ еретиковъ. Инквизиція попробовала приступить къ дѣятельности, но противъ нея возстали народъ и дворянство. Маргарита была вынуждена согласиться въ 1565 г. на отправленіе къ королю посольства, которое должно было представить ему требованія нидерландцевъ. Къ королевскому двору былъ посланъ графъ Эгмондъ, но онъ ничего не достигъ. Инквизиція была сохранена, а созваніе генеральныхъ штатовъ было строжайше воспрещено до того времени, пока не будетъ возстановленъ полный религіозный, т. е. католическій порядокъ. Но народъ не могъ уже выносить такого положенія дѣлъ. Королевскій приказъ былъ встрѣченъ издѣвательствами; въ Антверпенѣ населеніе возстало и провинціальные намѣстники отказывались повиноваться распоряженіямъ правительства. Въ ноябрѣ 1565 года по такъ называемому компромиссу въ Бреда состоялся тайный союзъ дворянства, имѣвшій цѣлью революцію противъ Испаніи и инквизиціи.

Первымъ шагомъ союзниковъ была 5 апрѣля 1566 г. подача петиціи намѣстницѣ съ прежними требованіями; Маргарита отвѣчала уклончиво и ходатайство не было уважено. Поэтому было лѣтомъ подано новое прошеніе, въ которомъ гезы (такое прозвище приняла партія по предложенію графа Генриха Бредероде) требовали отставки намѣстницы и учрежденія сословнаго правительства; управленіе страной и охрана ея наемными войсками должна была перейти къ Эгмонду, принцу Оранскому и Филиппу Монморанси-Нивеллю графу Горну. Раньше чѣмъ Маргарита успѣла отвѣтить, кальвинисты, въ это время чрезвычайно усилившіеся, подняли иконоборческое движеніе въ августѣ 1566 г. и начали вербовать войска для защиты своей религіи. Но это религіозное движеніе простонародья не встрѣтило сочувствія у дворянъ и крупныхъ купцовъ; намѣстница, смущенная народнымъ возстаніемъ, сдѣлала имъ нѣкоторыя уступки, и такимъ образомъ интересы дворянства и народа раздѣлились. Въ 1566 и 1567 г. Маргаритѣ удалось подавить возстаніе въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ и вновь, вопреки прежнимъ обѣщаніямъ, возстановить дѣйствія инквизиціи въ полномъ объемѣ.

Въ общемъ, побѣда была за правительницей, но она не воспользовалась результатами своихъ трудовъ: въ августѣ 1567 г. король послалъ въ Нидерланды для полнаго возстановленія абсолютной королевской власти, герцога Альбу, равно выдающагося политическаго дѣятеля и полководца. Полномочія Альбы были столь широки, что Маргарита въ декабрѣ отказалась отъ правленія и уступила герцогу свое мѣсто. Главной цѣлью короля и его намѣстника было совершенное возстановленіе католической религіи. Особенный судъ, учрежденный для еретиковъ, началъ въ ту же зиму свою ужасную кровавую работу; арестованные 9 сентября 1567 года графы Эгмондъ и Горнъ были казнены 5 іюня 1568 года; Вильгельмъ Оранскій спасся въ Германію. Попытки его, оттуда дѣйствовать для освобожденія своей страны, были безуспѣшны; Альба не только съ крайней строгостью провелъ всѣ мѣропріятія, которыхъ требовалъ король, не только способствовалъ организаціи католической церкви, но и угнеталъ страну налогами (такъ называемый десятый пфеннигъ) на содержаніе войска, постепенно уничтоживъ авторитетъ генеральныхъ штатовъ въ вопросѣ о назначеніи налоговъ.

Значительная часть лютеранъ и кальвинистовъ бѣгствомъ спаслась отъ смертной казни. Удалившись на берега страны и въ море, они подъ именемъ „морскихъ гезовъ“ разбоями и пиратствомъ старались возмѣстить утрату прежняго благосостоянія. Уже 1 апрѣля 1572 г. эти морскіе разбойники имѣли крупный успѣхъ: они взяли городъ Бріелль, удержали его за собой и захватили еще нѣсколько городовъ, пока Альба былъ занятъ на французской границѣ. Вильгельмъ Оранскій все время

ободрялъ мятежниковъ изъ своего убѣжища и помогалъ имъ въ вербовкѣ войскъ въ Германіи. 18 іюля 1572 г. онъ былъ избранъ голландскими провинціальными штатами въ Дордрехтѣ намѣстникомъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, т. е. представителемъ испанскаго короля. Для Альбы это избраніе было мятежомъ. Но только взявъ городъ Монсъ въ Генегау онъ получилъ возможность двинуться къ сѣверу. Гарлемъ сопротивлялся семь мѣсяцевъ и палъ только 13 іюля 1573 года. Подобное сопротивленіе оказали и другіе города, особенно Алькмаръ. Но еще до конца года Альба вышелъ въ отставку, повидимому убѣдившись въ безплодности своихъ усилій.

Преемникомъ Альбы былъ прежній намѣстникъ Милана, Луисъ де Рекенсесъ-и-Сунига. Со вступленіемъ его въ должность поведеніе испанцевъ измѣнилось. Рекенсесъ охотно согласился бы на переговоры о мирѣ. Но уже было поздно; гезы были готовы на все. Борьба продолжалась не ко вреду испанцевъ. Они побѣдили подъ начальствомъ д'Авилы 14 апрѣля 1574 г. на Моокскомъ лугу и съ 25 мая до 3 октября сильно тѣснили городъ Лейденъ. Рекенсесъ умеръ 4 марта 1576 г. Еще при жизни его повстанцы добились соединенія Голландіи съ Зеландіей и провозгласили Вильгельма Оранскаго главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами. Это было важнмъ шагомъ на пути къ государственной самостоятельности, такъ какъ уже возникала мысль замѣнить протекторатъ Испаніи покровительствомъ Франціи или Англіи. На этотъ разъ новаго намѣстника долго не назначали. Войска, частью побѣдоносныя, бунтовали, не получая жалованья; они на свой рискъ начали грабить страну и этимъ возбудили личное сопротивленіе населенія; организовавшись въ гражданскіе отряды, оно во многихъ мѣстностяхъ вступило въ борьбу съ войсками.

Но для изгнанія иностранцевъ было необходимо еще одно условіе: соединеніе южныхъ провинцій съ сѣверными. 4 ноября 1576 г. оно состоялось въ формѣ „Гентской пацификаціи“: тринадцать провинцій соединялись этимъ договоромъ для общаго замиренія страны, причемъ главнымъ условіемъ было равноправіе реформатскаго и католическаго вѣроисповѣданія. Новый намѣстникъ, побочный братъ короля донъ Жуанъ Австрійскій долженъ былъ признать договоръ 12 февраля 1577 г. и только 1 мая вступилъ въ Брюссель. Вильгельмъ Оранскій неохотно участвовалъ въ переговорахъ съ намѣстникомъ и вскорѣ увидѣлъ неискренность Жуана, который уже въ іюлѣ занялъ Намюръ, чтобы вновь выказать могущество Испаніи. Но его попытка была тщетной. Всѣ провинціи кромѣ Люксембурга снова возстали, принцъ Оранскій вступилъ въ Брюссель и былъ провозглашенъ регентомъ Брабанта раньше, чѣмъ успѣлъ утвердиться вызванный южными провинціями эрцгерцогъ Матѳей Австрійскій (впослѣдствіи императоръ). Генеральные штаты даже осмѣлились низложить Жуана и заключили 10 декабря 1577 года новый союзъ семнадцати провинцій, „Брюссельскую унію“, по которой реформатское вѣроисповѣданіе было объявлено вполнѣ равноправнымъ католическому.

Для поддержки донъ Жуана король Филиппъ послалъ значительныя силы подъ начальствомъ принца Александра Фарнезе Пармскаго; въ началѣ 1578 г. онъ побѣдилъ войска союзниковъ. Но поддержка ослабѣвала, а 1 октября 1578 г. умеръ донъ Жуанъ. Въ самихъ генеральныхъ штатахъ несогласія между католиками и кальвинистами все усиливались и угрожали только что созданному единству; между тѣмъ Александръ Пармскій, въ мудрой умѣренности, обѣщалъ южнымъ провинціямъ выполненіе всѣхъ требованій (кромѣ равноправія кальвинистовъ, котораго католическія области и не особенно домогались) и этимъ привлекъ ихъ на сторону Испаніи. Такимъ образомъ испанскій намѣстникъ тоже пріобрѣталъ поддержку въ народѣ. Великая Гентская пацификація была расторгнута основаніемъ

валлонскаго Атрехтскаго союза 6 января 1579 г. Но принцъ Оранскій сумѣлъ противопоставить южной католической области сѣверную, протестантскую. Утрехтская Унія 23 января 1579 г. объединила Голландію, Зеландію, Утрехтъ, Гельдерландъ, Гронингенъ, Оберисссль и Фрисландію; этотъ союзъ, опираясь на патріотическое гражданство цвѣтущихъ сѣверныхъ городовъ, послужилъ исходнымъ пунктомъ для образованія впослѣдствіи государства „Соединенныхъ Нидерландовъ“.

Военное счастье было, между тѣмъ, на сторонѣ принца Александра; онъ взялъ Мастрихтъ и проникъ далѣе на сѣверъ. Безъ посторонней помощи унія не могла ему противостоять и потому обратилась къ Франціи. Въ началѣ 1582 г. герцогъ Францискъ Анжуйскій былъ объявленъ будущимъ повелителемъ Нидерландовъ (кромѣ Голландіи и Зеландіи) и унія отказалась отъ подданства испанскому королю; эрцгерцогъ Матѳей наконецъ удалился изъ страны, въ которой его дѣятельность имѣла такъ мало успѣха. Но и французскій принцъ не сумѣлъ сохранить за собой своего новаго положенія. Посягнувъ, вопреки заключенному договору, на свободу уніи, онъ уже въ іюнѣ 1583 года былъ изгнанъ изъ страны со всей своей французской свитой. Но до возстановленія спокойствія было еще далеко. Принцъ Пармскій продолжалъ занимать угрожающее положеніе; 17 іюля 1584 г. принцъ Вильгельмъ Оранскій былъ застѣрленъ злоумышленникомъ; еще раньше южныя валлонскія и притомъ католическія провинціи окончательно примкнули къ Испаніи; въ теченіе 1585 года во власть испанскаго намѣстника попалъ Брюссель (10 марта) и Антверпенъ (17 августа). Оставалось покорить только провинціи, объединенныя въ уніи.

На югѣ подъ владычествомъ принца Пармскаго католицизмъ вновь получилъ исключительное господство. Хотя въ Антверпенѣ и не дошло до кроваваго преслѣдованія протестантовъ, однако многія состоятельныя семейства были вынуждены навѣки покинуть городъ. Въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ уніи оставалось только обратиться къ Англіи. Въ силу заключеннаго лѣтомъ 1585 г. договора въ страну прибылъ Робертъ Дедли графъ Лейстеръ съ 6000 человѣкъ и вскорѣ пріобрѣлъ рѣшающее вліяніе на политику союза. Его образъ дѣйствій былъ направленъ особенно противъ сына Вильгельма, Морица Оранскаго. Подъ предводительствомъ послѣдняго приморскія провинціи возстали противъ Лейстера; въ ноябрѣ 1586 г. онъ оставилъ страну, а въ декабрѣ 1587 г., послѣ вторичнаго пребыванія, окончательно покинулъ Нидерланды.

Такимъ образомъ унія потерпѣла одинаковыя неудачи въ обращеніяхъ къ имперіи, къ Франціи и къ Англіи. Наконецъ она рѣшилась остаться самостоятельной и образовала аристократическую торговую республику, въ которой было устранено до сихъ поръ еще значительное вліяніе дворянства; эта организація дала силу для борьбы со старымъ врагомъ. 29 мая 1588 года изъ Лиссабона была отправлена Армада, могучій испанскій флотъ (160 кораблей, 32,000 человѣкъ, 2,600 пушекъ). 22 іюля флотъ вышелъ изъ Форуньи въ море на завоеваніе Англіи. Но неблагопріятная погода (afflavit Deus et dissipati sunt) и соединенныя силы англичанъ и нидерландцевъ уничтожили Армаду; великіе замыслы испанцевъ рухнули. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ Испанія была вовлечена въ войну съ Франціей; въ этой войнѣ участвовали и войска уніи подъ начальствомъ Морица Оранскаго. Послѣ смерти герцога Пармскаго (3 декабря 1592 года) тяжелый санъ намѣстника перешелъ къ слабому эрцгерцогу Эрнсту (умеръ въ 1595 году), а послѣ него къ его болѣе энергичному брату Альбрехту, мужу дочери Филиппа II, Изабеллы. При Альбрехтѣ испанцы вновь одерживаютъ военные успѣхи; въ 1595 году они завоевываютъ Калэ, что было въ равной степени угрозой для Франціи и Англіи. Поэтому обѣ державы осенью 1596 года заключили союзъ со штатами уніи; союзъ этотъ не имѣлъ особаго вліянія на ходъ войны, но важенъ потому, что въ немъ унію впер-

вые признавали самостоятельнымъ государствомъ другія державы. Незадолго до смерти Филиппа (13 сентября 1598 года) Франція заключила миръ съ Испаніей, по которому южные Нидерланды, какъ наслѣдственная область принцессы Изабеллы, получили почти независимое государственное существованіе. Альбрехтъ, супругъ Изабеллы, продолжалъ войну съ уніей, которая пользовалась нѣкоторой поддержкой Франціи.

По смерти англійской королевы Елизаветы (1603 г.) мирное соглашеніе становилось необходимостью; военные расходы почти превышали средства какъ Испаніи, такъ и республики; испанская торговля пришла въ упадокъ а возраставшій успѣхъ торговыхъ предпріятій купечества уніи наводилъ на мысль, что для страны гораздо прибыльнѣе эти доходныя занятія, чѣмъ разорительная война. Послѣ нескончаемыхъ переговоровъ былъ заключенъ 9 апрѣля 1609 года миръ въ формѣ двѣнадцатилѣтняго перемирія; Испанія отказывалась отъ своихъ верховныхъ правъ и признавала протестантскую республику равноправнымъ государствомъ. Впослѣдствіи Вестфальскій миръ (см. т. IV, стр. 548) подтвердилъ этотъ договоръ и въ то же время призналъ отдѣленіе республики отъ Германской имперіи, фактически существовавшее съ 1609 года.

Б. **Германская имперія; католическіе и протестантскіе князья.**

а) Германія при Габсбургахъ: Фердинандѣ I, Максимиліанѣ II, Рудольфѣ II. 1556—1612 г.

Когда императоръ Карлъ въ 1554 г. отрекся отъ германской короны (см. стр. 286), правленіе перешло къ его брату, умѣренному Фердинанду I, и оставалось въ его рукахъ до 1564 г. Имперская политика въ это время всецѣло была подъ вліяніемъ религіозныхъ несогласій между католиками и протестантами. Въ средѣ протестантовъ, между которыми никогда не было настоящаго единства, возникъ въ это время новый расколъ. И въ религіозно-политическомъ, и въ догматическомъ отношеніи курфюршество Саксонское расходилось съ курфюршествомъ Пфальцскимъ и оба имѣли сторонниковъ изъ числа князей. На родинѣ лютеранства господствовало въ общемъ консервативное направленіе, въ политикѣ стремившееся тѣсно примкнуть къ императору, а въ догматикѣ строго слѣдовавшее Лютеру; между тѣмъ пфальцскіе курфюрсты ревностно призывали къ борьбѣ съ католичествомъ, чѣмъ оскорбляли императора, охранителя религіознаго мира, а въ догматикѣ склонялись къ болѣе радикальному кальвинизму; въ 1563 г. было введено соотвѣтственное церковное уложеніе (Гейдельбергскій катехизисъ) и перемѣна религіи окончательно совершилась. Фридрихъ III Пфальцскій былъ первымъ княземъ имперіи, который ввелъ въ своей территоріи кальвинизмъ (до сихъ поръ онъ имѣлъ приверженцевъ лишь въ пограничныхъ областяхъ и въ отдѣльныхъ пунктахъ внутри имперіи). Съ этого времени имперіи приходится считаться съ новымъ религіознымъ направленіемъ, находившимся въ одинаковомъ противорѣчіи съ католическимъ и протестантскимъ вѣроисповѣданіемъ, да къ тому же не признаннымъ равноправнымъ по религіозному миру.

Императоръ Фердинандъ былъ вынужденъ къ миролюбію въ политикѣ, ради помощи противъ турокъ, которую ему приходилось испрашивать у князей почти на каждомъ рейхстагѣ; доказательствомъ его миролюбія было возбужденное имъ передъ папой, но разумѣется оставшееся безъ исполненія, ходатайство о разрѣшеніи чаши для мірянъ и брака для священниковъ; Фердинандъ былъ готовъ на все для сохраненія мира. За своимъ сыномъ Максомъ онъ уже въ 1562 г. обезпечилъ чешскую корону, въ 1563 г. устроилъ его избраніе римскимъ королемъ и умирая (25

іюля 1564 г.) завѣщалъ ему имперію. Изъ наслѣдственныхъ земель Максимиліанъ II владѣлъ только собственной Австріей, между тѣмъ какъ его братья Фердинандъ и Карлъ получили во владѣніе остальныя австрійскія земли. Новый императоръ отличался чрезвычайно свободными религіозными взглядами. До вступленія на престолъ онъ склонялся къ евангелическому вѣроисповѣданію и, можетъ быть, перемѣнилъ бы религію, если бы его не оттолкнули мелочные раздоры въ средѣ протестантовъ. Какъ государь, онъ выказывалъ по отношенію къ дворянству, въ большинствѣ протестантскому, такую терпимость, какая была бы неслыханной въ другихъ государствахъ; несмотря на протестъ папы, онъ учредилъ для евангелическихъ сословій особую „религіозную депутацію“. Наконецъ, въ Чехіи были въ 1567 г. отмѣнены Пражскіе компактаты и большая часть населенія приняла Аугсбургское вѣроисповѣданіе.

Внѣшній миръ при Фердинандѣ и Максѣ въ общемъ не нарушался. Только турецко-венгерская пограничная война продолжалась, притомъ безъ особыхъ успѣховъ съ какой либо стороны. 5 сентября 1566 года умеръ Сулейманъ (см. стр. 279), а черезъ два дня его войско взяло крѣпость Сигетваръ, причемъ погибъ геройской смертью графъ Николай Црини. Но уже въ 1568 г. былъ заключенъ миръ на восемь лѣтъ между Максимиліаномъ и Селимомъ II, купленный значительной ежегодной данью.

На рейхстагахъ предметомъ постояннаго обсужденія были условія религіознаго мира, особенно по отношенію къ духовной оговоркѣ, которая должна была упрочить за католическимъ вѣроисповѣданіемъ духовныя княжества (см. стр. 287). Самымъ энергичнымъ агитаторомъ при этомъ все время являлся пфальцскій курфюрстъ. Саксонскій курфюрстъ большей частью находился въ оппозиціи къ нему и поддерживалъ условія мира; но въ концѣ концовъ уже въ 1557 году всѣ евангелическіе князья объявили, что не могутъ считать оговорку законной. Этотъ вопросъ былъ, повидимому, важнѣйшимъ для дальнѣйшаго распространенія протестантизма. За исключеніемъ Австріи, Баваріи и Клеве всѣ свѣтскія территоріи уже были протестантскими и область новой религіи могла расширяться и округляться только на счетъ духовныхъ владѣній. Притомъ именно въ соборныхъ капитулахъ засѣдало много членовъ, расположенныхъ къ протестантамъ, и были случаи избранія евангелическихъ епископовъ. Еще далѣе по отношенію къ духовной оговоркѣ князья зашли на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ 1575 года, когда они потребовали законодательнаго подтвержденія обѣщанія, даннаго Фердинандомъ еще въ 1558 г., что въ духовныхъ княжествахъ евангелическіе подданные будутъ пользоваться терпимостью. Императоръ не удовлетворилъ ходатайства князей и на рейхстагѣ слѣдующаго года, съ согласія саксонскаго и бранденбургскаго курфюрстовъ, отклонилъ требованіе, поддерживавшееся преимущественно Пфальцомъ. Это положеніе, занятое обоими курфюрстами, повело къ разладу между протестантами, продолжавшемуся десятилѣтія и существенно способствовавшему прогрессамъ контръ-реформаціи.

Этому благопріятствовало и то обстоятельство, что сынъ и преемникъ Макса, Рудольфъ II (1576—1612 г.), былъ вѣрнымъ приверженцемъ католической церкви и дѣятельнымъ пособникомъ папской политики обращенія; не даромъ онъ получилъ воспитаніе при испанскомъ дворѣ Филиппа II. Онъ прежде всего запретилъ евангелическое богослуженіе въ Вѣнѣ. Проповѣдники были частью высланы изъ страны, а граждане многихъ городовъ были силою обращены въ католичество, тогда какъ протестантское дворянство было отстранено отъ двора и должностей. Какъ въ наслѣдственныхъ земляхъ, такъ Рудольфъ поступалъ и въ имперіи: онъ упрочилъ кельнское архіепископство за католическимъ вѣроисповѣданіемъ, вновь вернулъ къ нему-же и Страсбургъ. Объявленіемъ имперской опалы

надъ протестантами Ахена, Рудольфъ оказалъ рѣшительное содѣйствіе при возстановленіи тамъ католическаго городского совѣта (1598 г.), причемъ были изгнаны евангелическіе члены совѣта (см. стр. 278) и проповѣдники. Протестантскіе князья не препятствовали всему этому; только пфальцскіе курфюрсты пытались вступиться за своихъ единовѣрцевъ въ имперіи и внѣ ея. Саксонскій курфюрстъ какъ раньше, такъ и теперь не пользовался своимъ политическимъ вліяніемъ, а занимался преслѣдованіемъ криптокальвинистовъ, т. е. лютеранъ, склонявшихся къ ученію Кальвина; стремленію точнѣе опредѣлить отличительные признаки этихъ двухъ исповѣданій обязано своимъ появленіемъ послѣднее изложеніе догматовъ лютеранства, „Формула согласій“, торжественно обнародованная въ саксонскомъ курфюршествѣ въ 1580 году.

Уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. движеніе католицизма сдѣлало рѣшительные успѣхи. Скоро выяснилось, что только политическій союзъ всѣхъ протестантовъ можетъ дать силы для отпора наступленію противника. Англія вступилась за гугенотовъ Франціи, тогда какъ Филиппъ II оказывалъ столь же энергичное содѣйствіе католическимъ лигистамъ. Вѣроисповѣдный вопросъ сталъ принципомъ западно-европейской политики; поэтому, если нѣмецкіе князья желали имѣть голосъ въ международныхъ вопросахъ, они должны были примкнуть къ опредѣленной партіи. Когда Генрихъ IV обратился къ нѣмецкимъ протестантамъ, они не отказали ему въ поддержкѣ, но чтобы имѣть возможность оказать дѣйствительную помощь, нужно было уладить старый споръ между Пфальцомъ и Саксоніей. Этого удалось достичь въ теченіе 1590 года, а въ слѣдующемъ году были намѣчены условія единенія важнѣйшихъ протестантскихъ князей между собою и съ Франціей. Но осуществленію настоящаго союза помѣшала смерть, постигшая въ короткій срокъ важнѣйшихъ дѣятелей этого соглашенія.

А между тѣмъ именно въ это время протестантская унія была повидимому вопросомъ первостепенной важности. Отъ рѣшенія спора о регентствѣ или наслѣдованіи въ герцогствѣ Юлихъ-Клеве-Бергскомъ зависѣло, останется ли эта сильная нижнерейнская территорія католической или станетъ протестантской областью; для будущности евангелическихъ государствъ имѣлъ чрезвычайное значеніе вопросъ, можно ли признавать наслѣдованіе по женской линіи. Старый герцогъ Вильгельмъ кромѣ душевнобольного и бездѣтнаго сына Іоганна Вильгельма имѣлъ только дочерей, въ замужествѣ за протестантскими князьями. Тотъ, кто получилъ бы регентство за Іоганна Вильгельма, конечно имѣлъ бы всего болѣе шансовъ стать впослѣдствіи его наслѣдникомъ. Чтобы замедлить развязку, императоръ передалъ управленіе территоріальнымъ сословіямъ, чѣмъ временно отстранялись протестанты. Этимъ не уничтожались надежды на успѣхъ впослѣдствіи, но осуществленіе онѣ могли получить только при помощи протестантскаго союза.

И другія событія доказывали необходимость союза. Пфальцская партія уже нѣсколько разъ обусловливала на рейхстагахъ уплату турецкой подати требованіемъ удовлетворенія религіозныхъ жалобъ, но не имѣла успѣха, пока саксонская партія оставалась на сторонѣ императора. Дѣло измѣнилось, когда энергичныя мѣропріятія Габсбурговъ противъ лютеранъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ вызвали неудовольствіе саксонскаго курфюрста; уже въ 1604 г. энергичныя представленія Христіана II не имѣли въ Вѣнѣ успѣха и раздраженный курфюрстъ грозилъ прекратить взносъ податей. Когда въ началѣ 1608 г. собрался рейхстагъ въ Регенсбургѣ, протестанты вошли въ соглашеніе и, такъ какъ императоръ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ уступокъ, наконецъ покинули рейхстагъ, прервавъ такимъ образомъ его дѣятельность. Наконецъ протестанты, послѣ долгихъ несогласій, вновь объединились. Надежды, возлагавшіяся ими

на это единство, были тѣмъ больше, что и въ габсбургскихъ земляхъ именно въ это время возникло протестантское движеніе противъ императора, имѣвшее вождемъ его брата Матѳея. Въ самомъ началѣ 1608 года онъ подступилъ къ императорской резиденціи Вѣнѣ, а 25 іюня 1608 года императоръ уступилъ ему корону Венгріи и наслѣдственныя земли, Австрію и Моравію; для протестантскихъ князей являлось вполнѣ естественнымъ сближеніе съ Матѳеемъ и сословіями тѣхъ габсбургскихъ земель, которыя придерживались евангелическаго вѣроисповѣданія.

б) Унія и лига (1608—1618 г.).

Между тѣмъ Матѳей, не смотря на разладъ съ братомъ Рудольфомъ, приверженцемъ католицизма, и не смотря на покровительство протестантскому дворянству, вовсе не былъ искреннимъ послѣдователемъ евангелической религіи. Онъ съ неудовольствіемъ отнесся къ желанію австрійскихъ сословій, еще до принесенія присяги потребовавшихъ отъ него обязательствъ относительно богослужебныхъ правъ, и неохотно далъ имъ 19 марта 1609 г. обѣщанія, въ очень растяжимыхъ терминахъ „резолюціи“. При такихъ обстоятельствахъ союзъ протестантскихъ князей съ Матѳеемъ не подавалъ повода къ большимъ ожиданіямъ, тѣмъ болѣе, что первенство теперь было за кальвинистами съ Пфальцомъ во главѣ. Еще 14 мая 1608 года они составили унію въ Аугаузенѣ. Эта унія включала всѣ евангелическія территоріи кромѣ курфюршества Саксоніи, представляла оборонительный союзъ и имѣла собственную военную организацію. Подъ главенствомъ 36-лѣтняго герцога Максимиліана Баварскаго образовалась 10 іюля 1609 г., въ противовѣсъ уніи, католическая лига, вначалѣ, впрочемъ, включавшая, кромѣ Баваріи, только мелкихъ духовныхъ князей, и установившая военную организацію на подобіе уніи. Габсбурги на первыхъ порахъ держались въ сторонѣ отъ этого союза.

Унія имѣла первый случай выступить въ политикѣ. 25 марта 1609 года умеръ юлихскій герцогъ Іоганнъ Вильгельмъ. Претендентами на престолъ герцогства явились въ полной готовности князья Іоганнъ Сигизмундъ Бранденбургскій (какъ мужъ Анны, племянницы умершаго) и Филиппъ Людвигъ Пфальцъ-Нейбургскій (мужъ Анны, второй сестры Іоганна Вильгельма). Оба были членами уніи. Между тѣмъ императоръ считалъ герцогство выморочнымъ имперскимъ леномъ и хотѣлъ отдать управленіе имъ эрцгерцогу Леопольду. Леопольдъ взялъ въ маѣ 1609 г. крѣпость Юлихъ, между тѣмъ какъ бранденбургскій и пфальцскій князья, вступивъ 10 іюня въ особый договоръ, заняли сообща страну и столицу Дюссельдорфъ и управляли совмѣстно, съ формальнаго согласія протестантскихъ членовъ уніи. Этого уже было достаточно, чтобы заставить лигу примкнуть къ императору. Но у нея не оставалось другого выбора и въ интересахъ ея сочлена, кельнскаго архіепископа, который не могъ равнодушно отнестись къ сосѣдству евангелическихъ князей. Въ самое недавнее время Генеральные штаты заключили оборонительный союзъ съ Франціей и Англіей противъ Испаніи; и это было достаточнымъ основаніемъ, привлечь первыхъ на сторону уніи, Испанію — на сторону лиги. Такимъ образомъ были на лицо данныя для западно-европейской войны; взрывъ ея замедлился только смертью короля Генриха IV (см. стр. 295), съ которымъ погибло духовное средоточіе великихъ политическихъ предпріятій. Вмѣсто большой войны, завязалась только борьба между Бранденбургомъ и Нейбургомъ, взаимныя отношенія которыхъ все ухудшались. Окончательный разрывъ произошелъ только въ 1613 году, съ переходомъ пфальцграфа Вольфганга Вильгельма (сына Филиппа Людвига) въ католичество; въ концѣ 1615 года состоялся его бракъ съ баварской принцессой Магдаленой. Такимъ образомъ дѣйствій пфальцграфъ пріобрѣлъ поддержку

лиги, Бранденбургъ-же, чтобы заручиться болѣе энергичной помощью со стороны уніи, принялъ 25 декабря 1613 г. кальвинистское вѣроисповѣданіе. На подмогу къ Бранденбургу подошли голландскія войска, а испанское войско подъ начальствомъ Амброзіо Спинолы заняло Везель. Но еще до истеченія 1614 г. обѣ партіи пришли въ Ксантенѣ къ соглашенію, по которому къ Пфальцъ-Нейбургу переходили земли Юлиха и Берга, а Бранденбургъ получалъ Клеве, Марку, Равенсбергъ и Равенштейнъ. Впрочемъ нѣсколько пунктовъ въ странѣ остались во власти голландцевъ и испанцевъ (частью до 1672 г.); а въ то же время союзы, заключенные уніей — съ Англіей и Швеціей, и лигой — съ Лотарингіей, Савойей и папой, заставляли опасаться возобновленія вооруженныхъ столкновеній.

Въ послѣдніе годы жизни у императора Рудольфа уже не оставалось досуга, чтобы обратить вниманіе на нижнерейнскіе раздоры; онъ былъ занятъ событіями въ своихъ наслѣдныхъ земляхъ, гдѣ приходилось обезпечивать будущность. Рудольфъ не могъ вполнѣ довѣрять своему брату Матѳею, который выступалъ противъ него во главѣ сословій; поэтому императоръ желалъ доставить корону Чехіи эрцгерцогу Леопольду, хотя Матѳей былъ уже признанъ сословіями, съ согласія самого Рудольфа, будущимъ королемъ Чехіи. Попытка вооруженной силой захватить въ февралѣ 1611 года Прагу и поставить сословія въ зависимость отъ воли императора, не удалась; на ландтагѣ императоръ уступилъ Матѳею чешскую корону; 23 мая 1611 года Матѳей былъ коронованъ и обязался, взамѣнъ уступки Чехіи, Силезіи и Лузаціи, только платить императору ежегодную ренту. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рудольфъ обратился къ курфюрстамъ, прося у нихъ финансовой поддержки; курфюрсты отозвались, что обсужденіе такой поддержки можетъ послѣдовать только на рейхстагѣ. Рудольфъ вовсе не желалъ собирать рейхстага, а между тѣмъ возрастъ императора уже дѣлалъ своевременнымъ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи. Поэтому курфюрсты самостоятельно назначили на апрѣль 1612 года избирательный съѣздъ во Франкфуртѣ. Но уже 20 января Рудольфъ II умеръ.

Какъ въ Чехіи и Австріи, такъ и въ имперіи наслѣдникомъ Рудольфа былъ избранъ его братъ, Матѳей (1612—1619); на новаго повелителя возлагались большія ожиданія всѣми партіями, въ томъ числѣ и протестантами. Но уже первый рейхстагъ показалъ (Регенсбургъ, августъ 1613 г.), какъ необоснованны были эти надежды. Снова отъ сословій потребовалась крупная подать на турокъ; снова протестанты потребовали сначала удовлетворенія своихъ требованій; но императоръ уже совершенно не выказывалъ своихъ прежнихъ симпатій къ протестантамъ и подъ давленіемъ опасности отъ турокъ разрѣшилъ только обсужденіе жалобъ внѣ рейхстага. Разумѣется, это обсужденіе осталось безрезультатнымъ. Недовольные протестанты вышли изъ собранія. Турецкая подать была установлена, отъ имени всего рейхстага, одними католиками, противъ чего уніонисты, конечно, заявили протестъ. Этимъ разрушались и остальныя надежды, которыя возлагалъ на рейхстагъ канцлеръ Мельхіоръ Клесль (1552—1630); именно, надлежало обсудить реформу имперской юстиціи. Положеніе дѣлъ было хуже, чѣмъ даже въ 1608 году. Турки въ самомъ дѣлѣ вторглись въ Венгрію и въ 1613 году сдѣлали Габріеля Бетлена Иктарскаго владѣтелемъ Семиградья. Кромѣ того, примиреніе между религіозными партіями, котораго добывался Клесль, чрезвычайно затруднилось вступленіемъ императора въ лигу; этимъ Матѳей терялъ свое, господствующее надъ партіями, положеніе. Впрочемъ, канцлеръ все еще хлопоталъ о созваніи съѣзда для устройства соглашенія; этого-же вновь потребовала и унія на нюрнбергскомъ собраніи 1615 г. Тѣмъ желательнѣе было соглашеніе, что силы уніи увеличились болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Генеральными штатами и Даніей и присоединеніемъ союза городовъ.

Но эти хлопоты не повели къ положительнымъ результатамъ; императорская политика была занята совершенно инымъ вопросомъ: о престолонаслѣдіи въ имперіи и наслѣдныхъ земляхъ. Матѳей и съ нимъ Клесль желали бы уклониться отъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія, такъ какъ избранный императоръ получилъ бы вліяніе на дѣла правленія; между тѣмъ эрцгерцогъ Максимиліанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы императоромъ былъ избранъ строгій католикъ Фердинандъ Штирійскій. Его стараніями, цѣлью которыхъ было, между прочимъ, и низложеніе Клесля, Фердинандъ въ іюнѣ 1617 года заключилъ договоръ съ Испаніей, въ которомъ тайно обѣщалъ, въ случаѣ достиженія императорской короны, территоріальныя уступки; тогда-же католическія сословія Чехіи признали, — а не избрали, — Фердинанда королемъ. Въ этомъ спорномъ вопросѣ государственнаго уложенія протестанты расходились съ католиками; въ то время какъ католики категорически признавали Чехію наслѣднымъ владѣніемъ Габсбурговъ, протестанты столь же рѣшительно объявляли ее избирательной державой. Послѣдніе постольку имѣли больше основаній для своего утвержденія, поскольку самъ Матѳей въ 1608 и 1611 г. положительно призналъ, что получилъ престолъ Чехіи на основаніи свободнаго избранія, тогда какъ католики могли привести только тотъ доводъ, что королевская корона Чехіи принадлежала Габсбургамъ уже почти столѣтіе.

Полученіе Фердинандомъ чешской короны должно было привести къ борьбѣ, такъ какъ права протестантскихъ сословій были далеко не точно установлены. При Рудольфѣ происходили сильнѣйшія недоразумѣнія. Только по принужденію онъ въ 1609 году высочайшей грамотой уступилъ требованіямъ протестантовъ и гарантировалъ имъ религіозную свободу. Въ числѣ чешскихъ привилегій Матѳей подтвердилъ и эту грамоту, но исполненіе другихъ требованій сословій онъ отложилъ на будущее время, именно ходатайства о соединеніи сословій всѣхъ имперскихъ земель и о введеніи общаго военнаго уложенія. Очевидно въ Чехіи при этомъ разсчитывали на созданіе особаго сословно-протестантскаго правительства; но императоръ попытался воспользоваться этимъ планомъ для своей войны съ турками, для чего и созвалъ въ Линцъ въ августѣ 1614 года съѣздъ представителей имперскихъ владѣній. Но съѣздъ не имѣлъ успѣха. Представители не получили полномочій отъ своихъ странъ, и вовсе не чувствовали склонности къ войнѣ съ турками; поэтому пришлось покамѣстъ отказаться отъ этой мысли, и лѣтомъ 1615 года были заключены сравнительно выгодные договоры съ Габріелемъ Бетленомъ и съ султаномъ Ахмедомъ I. Вопросы внутренняго управленія были вновь назначены къ обсужденію на генеральномъ ландтагѣ въ іюнѣ 1615 года. Но на этомъ ландтагѣ была, кромѣ Верхней и Нижней Австріи, представлена только Чехія; Венгрія отсутствовала. Переговоры опять остались безрезультатными.

При этихъ условіяхъ въ Австріи и Чехіи столкновенія католическихъ и протестантскихъ сословій между собою и съ имперскимъ правительствомъ были неизбѣжны и повели къ продолжительнымъ волненіямъ. Въ Австріи обѣщанія, данныя императоромъ въ 1609 г., не были выполнены. Особенно города утѣснялись давленіемъ на муниципальные выборы въ пользу католиковъ, между тѣмъ какъ протестантское дворянство было почти совершенно отстранено отъ должностей. Въ Чехіи протестанты занимали, правда, и нѣкоторыя высшія мѣста, но въ большинствѣ были все таки католики и пользовались этимъ для притѣсненія протестантизма въ королевскихъ камеральныхъ имѣніяхъ и въ духовныхъ владѣніяхъ, гдѣ однако грамота 1609 года разрѣшала постройку церквей. Въ 1612 году Матѳей передалъ пользованіе своими правами патроната пражскому архіепископу; естественнымъ результатомъ было назначеніе католиковъ во

многіе приходы, бывшіе протестантскими. Такъ какъ духовныя имѣнія считались „королевскими“, то протестанты, на основаніи грамоты 1609 года, начали и въ нихъ возведеніе своихъ церквей, хотя еще въ 1611 году Матѳей отвергъ такое толкованіе грамоты по отношенію къ Браунау; постройка церквей тѣмъ не менѣе продолжалась. Въ Клостерграбѣ архіепископъ распорядился закрыть протестантскую церковь и императоръ подтвердилъ его распоряженіе.

Протестантскія сословія энергично возстали противъ такого толкованія религіозной свободы. Не добившись удовлетворенія, они открыто подняли вопросъ о выборѣ другого короля нѣмецкаго происхожденія; уже въ 1614 г. нѣсколько вождей партіи вступили въ переговоры, какъ съ кандидатомъ, съ саксонскимъ курфюрстомъ. Но лишь послѣ того какъ въ Браунау народъ силой воспротивился закрытію церкви, а архіепископъ велѣлъ снести клостерграбскую церковь (конецъ 1617 г.), началось возстаніе. Протестантское дворянство, соединившись подъ руководствомъ Генриха Матѳея графа Турна, еще разъ обратилось съ ходатайствомъ къ намѣстникамъ, затѣмъ къ королю, и получивъ повсюду отказъ, рѣшило наконецъ осуществить свои права силою. Кромѣ категорическаго отказа въ вопросахъ о церквахъ Браунау и Клостерграба, императоръ еще особенно строжайше воспретилъ назначенный на 21 мая 1618 г. съѣздъ протестантовъ. Но сословія не повиновались, полагаясь на свои привилегіи, и собрались въ назначенный день. Собравшимся былъ объявленъ императорскій декретъ, еще разъ подтверждавшій приказаніе; когда сословія сообщали отвѣтъ на это требованіе намѣстникамъ, 23 мая 1618 года, объясненіе приняло столь бурный характеръ, что двое изъ намѣстниковъ, которыхъ общее мнѣніе считало виновными, Вильгельмъ Славата (впослѣдствіи графъ фонъ Хлумъ и Кошумбергъ) и Ярославъ Боржита Мартиницъ, а съ ними и неповинный тайный писецъ были выброшены изъ окна въ крѣпостной ровъ. Это тяжкое оскорбленіе, нанесенное первымъ имперскимъ сановникамъ, означало полный разрывъ съ императоромъ.

Между тѣмъ на западѣ имперіи отношенія еще болѣе обострились. Не говоря уже о томъ, что договоръ въ Ксантенѣ, раздѣлившій земли Юлихъ, Клеве, Бергъ между Пфальцъ-Нейбургомъ и Бранденбургомъ (стр. 306) доставлялъ достаточно поводовъ для дальнѣйшихъ несогласій, — еще лѣтомъ 1610 года Саксонскій курфюршескій домъ получилъ эти же земли въ ленъ, на основаніи прежняго императорскаго постановленія, отвергавшаго наслѣдованіе по женской линіи. Кромѣ того Генеральные штаты старались удержаться въ однажды занятомъ положеніи, эрцгерцогъ Альбрехтъ стремился къ тому-же, какъ представитель Габсбурговъ; поэтому на Нижнемъ Рейнѣ продолжались мелкія военныя дѣйствія. Для осуществленія дальнѣйшихъ плановъ Генеральные штаты вошли въ союзъ съ Ганзой. Уже къ концу 1615 года выяснилось такимъ образомъ, что спорные вопросы сѣвера окажутъ вліяніе на германскую политику. Въ Швеціи, противъ католика Сигизмунда (1592—99), основой для устройства національной церкви было въ 1593 г. принято Аугсбургское исповѣданіе; принятіе королевскаго титула протестантомъ Карломъ IX (1604) вело вмѣстѣ съ тѣмъ къ серьезной войнѣ съ Польшей, съ которой все еще продолжался споръ изъ за Прибалтійскихъ провинцій. Такъ какъ польскій (съ 1587 года, низложенъ въ Швеціи въ 1599 году) король Сигизмундъ, сынъ короля шведскаго Іоанна III, тѣснѣе сблизился съ Австріей, то Швеція должна была искать помощи у протестантскихъ князей Германіи; обращеніе къ тоже протестантской Даніи, самой значительной державѣ Сѣвера при энергичномъ Христіанѣ IV (1588—1648), было невозможно, потому что она являлась опасной соперницей Швеціи на Балтійскомъ морѣ; въ самомъ дѣлѣ, въ 1611 году вспыхнула шведо-датская война изъ за пошлины при проходѣ кораблей черезъ Зундъ. Нидерланды и Ганза, терпѣв-

шіе крупныя невыгоды отъ датскихъ пошлинъ, стали на сторону Швеціи; но въ 1613 году дѣло дошло только до союза между Генеральными штатами и Любекомъ. Упомянутый выше союзъ 1615 года возникъ только вслѣдствіе опасности, грозившей ганзейскому городу Брауншвейгу, когда его осадилъ брауншвейгскій герцогъ съ датскими вспомогательными войсками.

Характерной чертой, общей всѣмъ политическимъ предпріятіямъ этого десятилѣтія передъ началомъ великой войны, является стремленіе къ заключенію союзовъ; то шире, то уже намѣчавшіе свои цѣли по отношенію къ участникамъ, планамъ и продолжительности, эти союзы въ концѣ концовъ раздѣли всю Европу на два враждебныхъ лагеря: унію и лигу.

Унія значительно усилилась со времени рейхстага 1613 года; постепенно была приведена въ порядокъ военная организація и ея основа — союзная касса. Въ 1614 году дѣйствительно состоялся союзъ на двѣнадцать лѣтъ съ Генеральными штатами, проектированный уже въ 1612 году при переговорахъ съ Англіей. Переговоры велись и съ нижнесаксонскими протестантами, Люнебургомъ и Помераніей, съ администраторами епископствъ, виды которыхъ на будущее были очень сомнительны; даже съ стоявшей въ сторонѣ вліятельной курфюршеской Саксоніей пытались войти въ соглашеніе. Въ 1615 году послѣдовало довольно важное сближеніе уніи съ нижнесаксонскимъ округомъ. Въ слѣдующемъ году уже ведутся переговоры о возобновленіи союза, срокъ котораго истекалъ въ 1618 году. Повсюду признавалась необходимость дальнѣйшаго существованія уніи; но курфюршество Бранденбургское вышло изъ ея состава, такъ какъ уніонисты, а именно города, не соглашались поддерживать притязаній на Юлихъ. Вмѣстѣ съ девятью князьями теперь въ унію входило семнадцать городовъ, вовсе не склонныхъ къ воинственной политикѣ и обязавшихся участвовать въ союзѣ только до 1621 года.

Между тѣмъ лига сильно окрѣпла благодаря вступленію въ нее императора и пфальцграфа Вильгельма. Но участіе Австріи въ то же время подорвало до сихъ поръ не оспаривавшееся первенство Максимиліана Баварскаго; руководящее положеніе, очевидно, долженъ былъ теперь занять императоръ. Майнцскому архіепископу удалось уладить затрудненія; въ 1613 г. онъ провелъ новую организацію; Габсбургъ Максимиліанъ Тирольскій получилъ третій, послѣ Майнца и Баваріи, союзный округъ; католическіе интересы были выражены менѣе рѣзко и въ лигу получили доступъ протестантскіе князья. Но Максимиліанъ Баварскій былъ чрезвычайно недоволенъ этими результатами. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ примѣниться къ обстоятельствамъ, онъ въ январѣ 1616 года вышелъ изъ лиги. Остальные не могли дѣйствовать безъ него. Но въ маѣ 1617 года Максимиліанъ Баварскій заключилъ съ духовными князьями новый договоръ на четыре года.

Между тѣмъ, переговоры о наслѣдованіи въ имперіи все продолжались. Что будущему императору должна была принадлежать и Австрія, съ этимъ всѣ соглашались. Наиболѣе подходящей личностью казался Фердинандъ Штирійскій, какъ младшій изъ Габсбурговъ. Но въ 1613 г выставилъ свои притязанія король испанскій, правда, въ то же время оговорившись, что удовольствуется территоріальной уступкой. Въ виду того, что послѣ результатовъ рейхстага 1613 г. нельзя было надѣяться привлечь на свою сторону пфальцскаго и бранденбургскаго курфюрстовъ, духовные князья и саксонскій курфюрстъ предлагали императору созвать съѣздъ курфюрстовъ безъ указанія опредѣленной цѣли. Но этого не желалъ Клесль (стр. 306); онъ больше стремился къ примиренію религіозныхъ партій; именно необходимость соглашенія въ вопросѣ о престолонаслѣдіи могла, по его мнѣнію, повести и къ соглашенію религіозному. Въ 1615 г. обѣ партіи даже составили заявленія о пунктахъ, на которыхъ слѣдовало настаивать; но до совѣщанія дѣло не дошло. За то эрцгерцогъ Максими-

ліанъ попытался побудить императора къ дѣйствіямъ и совѣтовалъ приступить къ избранію короля при поддержкѣ, въ случаѣ надобности, вооруженной силой; по крайней мѣрѣ, такъ передаютъ протестантскіе источники. Съ своей стороны курфюрсты пфальцскій, бранденбургскій и саксонскій устроили лѣтомъ 1616 г. совѣщаніе по поводу избранія короля и рѣшили отложить выборы до смерти императора и затѣмъ избрать, можетъ быть, герцога Максимиліана Баварскаго.

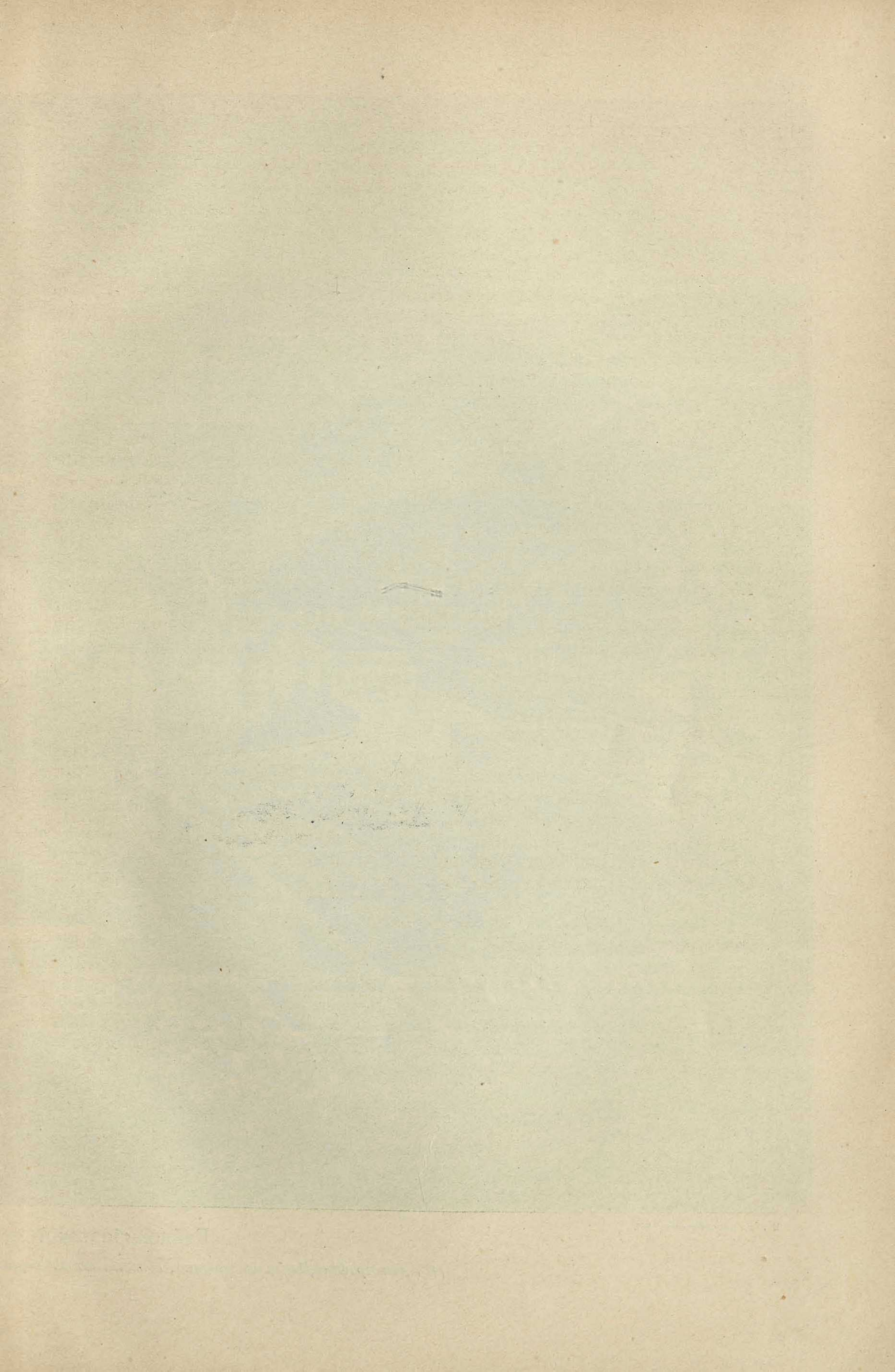
Въ началѣ 1617 года наслѣдованіе Фердинанда въ австрійскихъ земляхъ было такимъ образомъ обезпечено; но въ имперіи положеніе его было тѣмъ безнадежнѣе, а чешское „признаніе" (см. стр. 307), какъ и проведенное наконецъ венгерскими сословіями „избраніе" королемъ, были лишь слабымъ утѣшеніемъ. Наконецъ удалось, по крайней мѣрѣ, получить отъ саксонскаго курфюрста согласіе на назначеніе личнаго съѣзда курфюрстовъ въ февралѣ 1618 г., именно для обсужденія выборовъ, причемъ кандидатура Фердинанда подразумѣвалась сама собой. Между тѣмъ пфальцскій курфюрстъ велъ въ то же время переговоры съ протестантскими чинами Чехіи, которые, опираясь на избирательное право, не признавали Фердинанда законнымъ королемъ; но о передачѣ пфальцграфу чешской короны рѣчь зашла лишь осенью 1618 г. Въ теченіе всего этого года возникали еще самые различные планы королевскаго избранія; вновь была выставлена кандидатура Максимиліана Баварскаго; существовалъ и проектъ раздѣла габсбургскихъ земель по соглашенію съ Савойей. Но раньше, чѣмъ вопросъ былъ выясненъ, императоръ Матвей умеръ, 20 марта 1619 года. Фердинанду приходилось теперь самому рѣшать, будетъ ли въ состояніи его дипломатическое искусство обезпечить за нимъ императорскую корону.

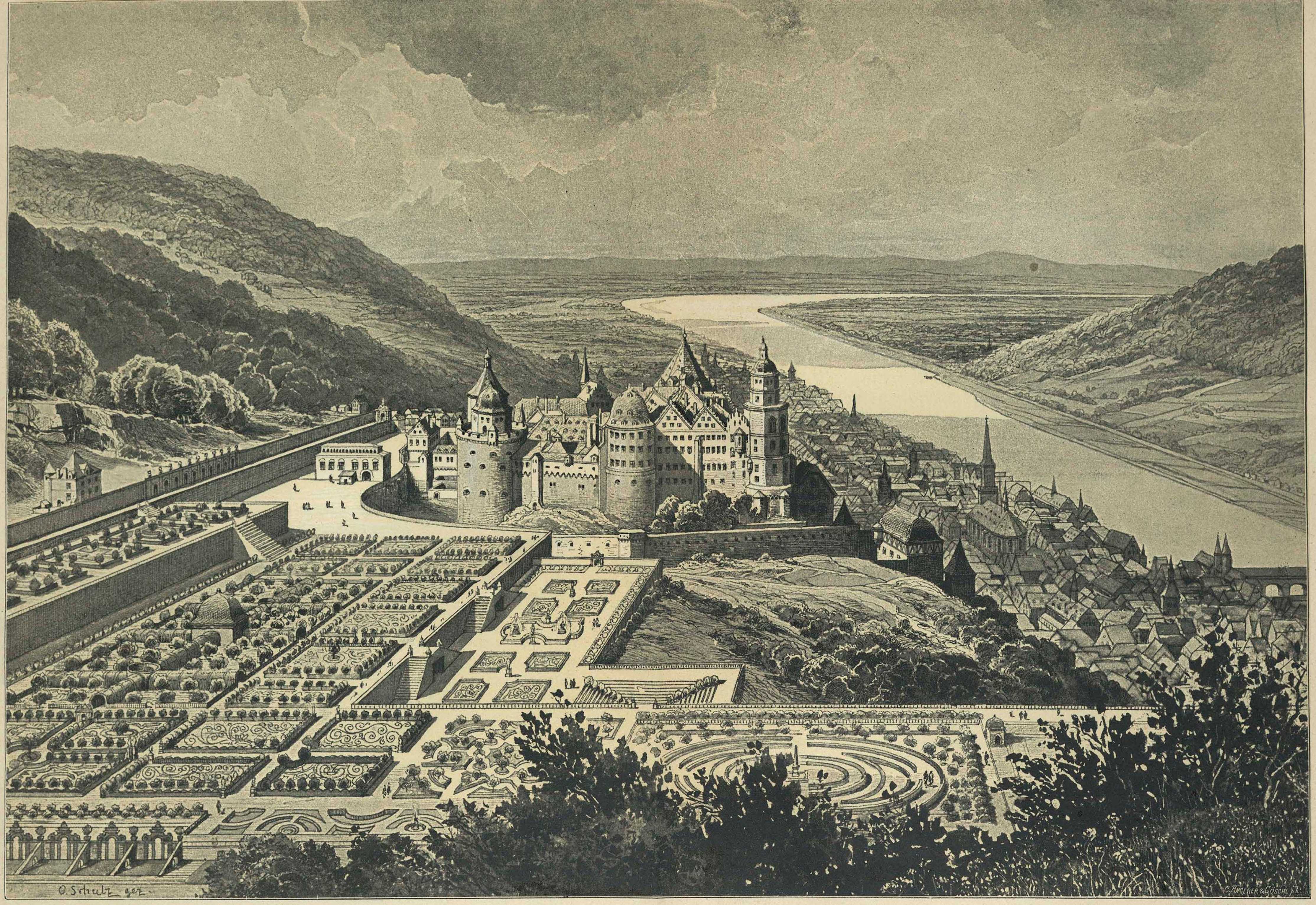
B. **Тридцатилѣтняя война.**

Даже въ Австріи, непосредственно послѣ смерти Матвея, осуществленіе верховныхъ правъ Фердинанда встрѣтило препятствія. Сословія полагали, что законныя права на престолъ принадлежатъ его брату Альбрехту, и протестантская партія вошла въ сношенія съ чешскими мятежниками. Фердинандъ понималъ, что обладаніе императорскимъ саномъ значительно упрочитъ его положеніе въ Габсбургскихъ земляхъ, и потому въ іюлѣ отправился на избирательное собраніе во Франкфуртѣ, гдѣ былъ представителемъ Чехіи. Но курфюрсты пфальцскій и бранденбургскій уже вошли въ соглашеніе противъ выбора Фердинанда. Наконецъ Саксонія примкнула къ духовнымъ курфюрстамъ; даже Бранденбургъ перешелъ на ихъ сторону, послѣ чего Пфальцъ остался совершенно одинокимъ. Теперь избраніе Фердинанда было обезпечено, тѣмъ болѣе, что онъ согласился допустить переговоры о примиреніи, долженствовавшіе состояться между курфюрстами въ ноябрѣ. 21 августа Фердинандъ былъ избранъ. Имперія вновь получила верховнаго вождя. Но Фердинандъ II (1619—37) навлекъ тяжелыя несчастія на Германію и Европу, съ тѣхъ поръ какъ онъ перенесъ на имперскую почву споръ съ сословіями своихъ наслѣдныхъ земель и предалъ имперской опалѣ пфальцграфа Фридриха V, изгнаннаго изъ Чехіи.

a) Чешско-пфальцская война (1618—1623).

Съ 24 мая 1618 года (см. стр. 308) въ Чехіи началось возстаніе. Протестантское дворянство стало у власти и назначило тридцать директоровъ; войско подъ начальствомъ графа Турна разбило имперцевъ при Будвейсѣ, а предводитель наемниковъ Петеръ Эрнстъ фонъ Мансфельдъ занялъ Пильзенъ. Въ то время какъ Турнъ собирался черезъ Моравію напасть на Австрію, умеръ Матвей, а немного спустя положеніе дѣлъ для короля Фердинанда начало мѣняться къ лучшему. Однако

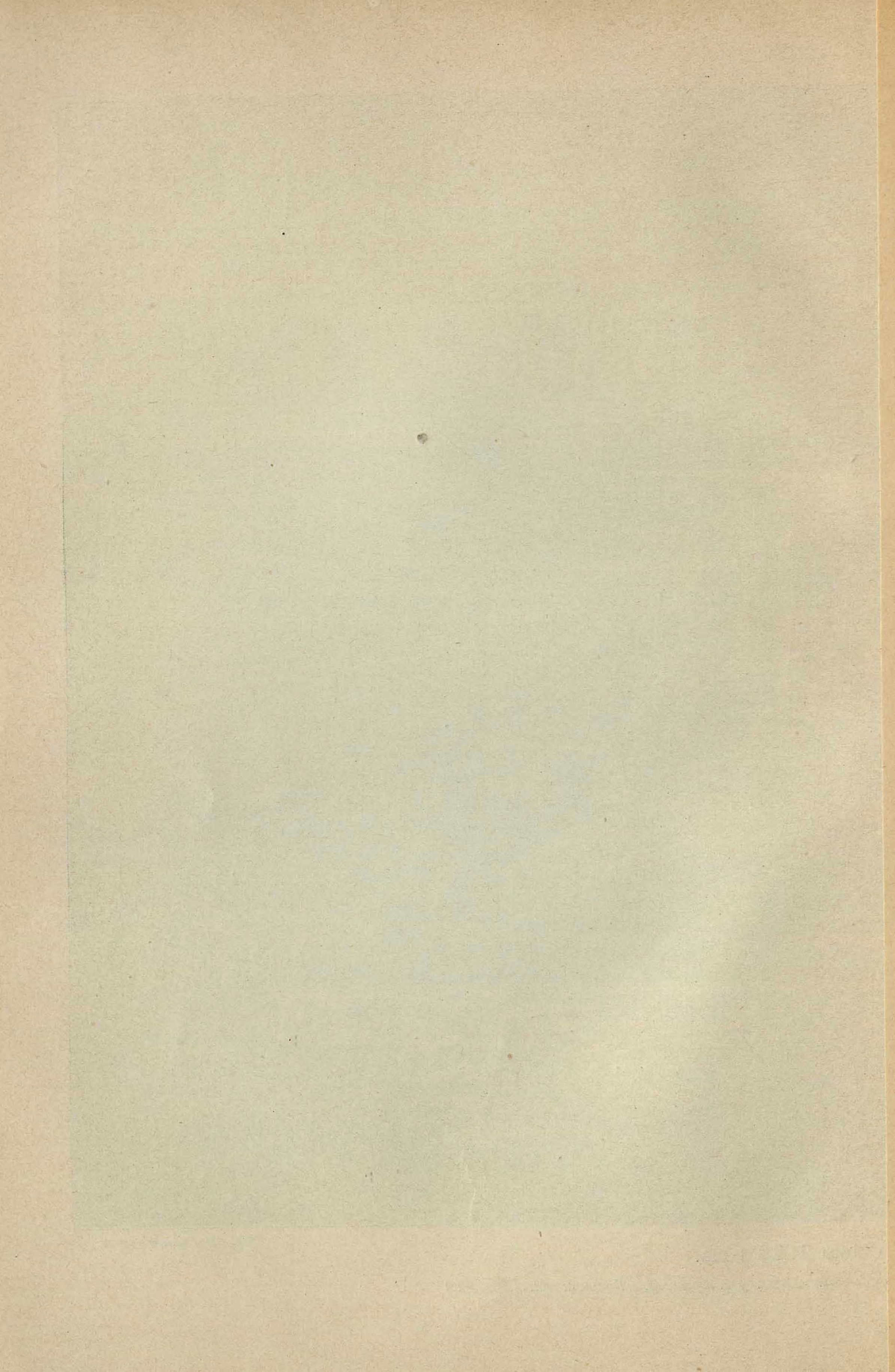




Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Гейдельбергскій замокъ около 1620 года.

(По литографіи Деруа съ рисунка, сдѣланнаго Т. Вергасомъ по Матѳею Меріану старшему. Рисунокъ О. Шульца.)



Гейдельбергскій замокъ около 1620 года.

Пфальцграфъ Рудольфъ I (1294—1319) впервые воздвигъ замокъ на высотахъ лѣваго берега Некара. Но болѣе крупныя постройки были возведены только при Рупрехтѣ III (германскомъ императорѣ съ 1400 года). Курфюрсты Фридрихъ I (1449—1479 г.) и Людвигъ V (1508—1544) расширили замокъ и обновили его укрѣпленія, но только при ихъ преемникахъ замокъ былъ вновь отстроенъ и сдѣлался всемірно-извѣстнымъ образцомъ архитектурнаго искусства.

Отто Генрихъ, еще въ бытность владѣтелемъ Пфальцъ-Нейбурга, возвелъ много роскошныхъ построекъ. Ставъ съ 1556 года курфюрстомъ, онъ тотчасъ началъ строить новый замковый флигель, такъ называемый по его имени „Ottheinrichsbau“, прямоугольный корпусъ, втиснутый между старыми, уже существовавшими частями. Отто Генрихъ не дожилъ до окончанія этого флигеля съ „императорской залой“ и „комнатой“. Только черезъ четыре года послѣ его смерти было закончено это зданіе, подъ главнымъ руководствомъ скульптора Антони, воспитанника нидерландской школы (1563 г.). Къ флигелю ведетъ открытая лѣстница, фасадъ украшаютъ статуи въ оконныхъ нишахъ.

Постройки были возобновлены послѣ значительнаго перерыва, при Фридрихѣ IV, въ 1601 г. Въ это время было выстроено „зданіе Фридриха“ вдоль Некара, оконченное въ 1607 году. Постройкой завѣдывалъ архитекторъ Іоаннъ Шохъ, скульптурныя работы исполнилъ Себастьянъ Гецъ. Въ то время какъ въ „зданіи Отто Генриха“ выражены формы ранняго возрожденія, — точное подражаніе античнымъ образцамъ наряду съ иными произвольными художественными формами, — въ „зданіи Фридриха“ выражается уже расцвѣтъ возрожденія, какъ ни въ одномъ архитектурномъ памятникѣ Германіи. Между тѣмъ и въ этомъ строеніи повторены основныя идеи старинныхъ частей постройки, только онѣ выражены въ новыхъ формахъ. Въ нижнемъ этажѣ тѣ же грандіозныя, горизонтально раздѣленныя окна, статуи въ нишахъ размѣщены такъ же, какъ въ „зданіи Отто Генриха“.

Слѣва къ „зданію Фридриха“ примыкаетъ „Дамское зданіе“, построенное еще при Людвигѣ V; здѣсь находились помѣщенія придворныхъ дамъ. Какъ художественное произведеніе, эта постройка не выдерживаетъ сравненія съ болѣе новыми частями замка. На юговосточномъ углу возвышается широкая башня, такъ наз. „Krautturm“ (т. е. Пороховая башня). Она имѣла 24 метра въ поперечникѣ и при разрушеніи замка въ 1693 г. оказалась до того прочной, что внѣшняя ея половина, упавшая въ ровъ, и до сихъ поръ тамъ лежитъ цѣльной громадой. Между этой башней и зданіемъ Фридриха находится Англійское зданіе, которое велѣлъ возвести, въ честь своей супруги Елизаветы, дочери англійскаго короля Іакова I, чешскій „зимній король“ Фридрихъ V; пышность этого зданія, какъ передаютъ, превзошла всѣ ожиданія.

Въ настоящее время мы можемъ любоваться только руинами былого великолѣпія. Чтобы возстановить впечатлѣніе, которое нѣкогда вызывалъ замокъ, прибѣгнемъ къ гравюрѣ Меріана, воспроизводящей видъ замка около 1620 года.

Замокъ представленъ въ перспективѣ птичьяго полета. Мы видимъ на переднемъ планѣ садъ, разбитый передъ замкомъ, городъ и долину Некара. Между прочимъ, чтобы правильно оріентировать рисунокъ относительно странъ свѣта, его слѣдовало бы обернуть правой стороной влѣво. Изъ рисунка ясно замѣтна мощность постройки. Особенно рѣзко выступаетъ на лѣвомъ углу грозная твердыня пороховой башня; но отъ зрителя закрыты художественныя красоты внутреннихъ фасадовъ замка. Только задняя сторона зданія Отто Генриха съ ея простыми рядами оконъ видна на рисункѣ, совершенно заслоняя собою зданіе Фридриха и Дамское зданіе. На рисункѣ едва намѣчена величественная высота, съ которой замокъ (195 м.) господствуетъ надъ городомъ, между тѣмъ какъ надъ нимъ подымается еще выше лѣсистая гора (301 м.). Именно это положеніе замка обусловливало военное значеніе его укрѣпленій.

Отъ всего этого нынѣ остались только живописныя развалины. Нѣтъ и слѣдовъ тѣхъ садовъ, террасъ, фонтановъ и гротовъ, которые украшали окрестности замка въ началѣ XVII вѣка.

При взятіи Гейдельберга Тилли въ 1622 году замокъ пострадалъ не много, и при Карлѣ Людвигѣ (ум. въ 1680 г.) всѣ поврежденія были совершенно исправлены. Но по смерти курфюрста Карла въ 1685 году Людовикъ XIV предъявилъ притязанія на владѣніе Пфальцомъ и въ октябрѣ 1688 г. велѣлъ занять городъ и замокъ. Въ мартѣ 1689 г., когда подступила нѣмецкая армія, графъ Мелакъ велѣлъ поджечь городъ, взорвать укрѣпленія, и отступилъ. Но это было еще не все. Въ маѣ 1693 г. опять вернулись французы. Было разрушено все, что уцѣлѣло отъ перваго разгрома; была взорвана и пороховая башня. Попытки послѣдующихъ курфюрстовъ возстановить замокъ были въ общемъ безуспѣшны. Кое что удалось отстроить, но и это было сожжено въ 1764 г. ударомъ молніи. Съ тѣхъ поръ развалины лежатъ въ молчаливомъ покоѣ. Тысячи туристовъ ежегодно посѣщаютъ руины великолѣпнаго зданія, на которомъ запечатлѣлись слѣды всѣхъ ступеней развитія архитектуры возрожденія.

почти въ то же время, когда онъ былъ избранъ императоромъ во Франкфуртѣ, 27 августа 1618 года въ Прагѣ на основаніи сословнаго избирательнаго права былъ избранъ королемъ Фридрихъ V Пфальцскій, глава уніи. Поощряемый Христіаномъ Ангальтскимъ и противъ совѣта своего тестя, короля Англіи Іакова I, пфальцграфъ принялъ санъ, который въ будущемъ готовилъ ему только потерю страны и прекрасной резиденціи (см. приложенную таблицу „Гейдельбергскій замокъ около 1620 г.“ а также стр. 254), и 3 ноября былъ коронованъ.

До сихъ поръ Габріель Бетленъ, по соглашенію съ чехами, угрожалъ императору изъ Семиградья и волновалъ венгерскихъ протестантовъ. Имперцы отступили къ Вѣнѣ. Подъ стѣнами ея появился и графъ Турнъ, но по недостатку средствъ не могъ начать осады. Бетленъ тоже отступилъ, а въ Венгріи усилилась католическая партія. Зиму 1619—20 года чехи еще продержались и даже получили помощь отъ нижней Австріи. Но императоръ склонилъ Испанію къ нападенію на Пфальцъ со стороны Нидерландовъ, вновь оживилъ дѣятельность лиги и заключилъ съ ея вождемъ, своимъ другомъ Максимиліаномъ Баварскимъ, договоръ, которымъ обѣщалъ ему, въ случаѣ благопріятнаго исхода войны, санъ пфальцскаго курфюрста. Съ своей стороны Максъ даже заручился содѣйствіемъ саксонскаго курфюрста, между тѣмъ какъ унія не поддержала своего вождя, а напротивъ, тоже вступила въ переговоры съ Баваріей. Въ августѣ 1620 года баварскія войска проникли въ Австрію, въ сентябрѣ — въ Чехію, встрѣтили въ Прагѣ полное замѣшательство и при Бѣлой Горѣ близъ Праги, 8 ноября, подъ начальствомъ Іоганна Тилли (см. его портретъ, на таблицѣ при стр. 315), вмѣстѣ съ имперцами подъ начальствомъ Карла Бонавентуры де Лонгеваль графа де Букуа, одержали рѣшительную побѣду надъ чехами подъ начальствомъ Христіана Ангальтскаго. „Зимнее королевство“ Фридриха окончилось. Онъ бѣжалъ въ Силезію и дѣло протестантизма было проиграно. Немедленно же началась въ Чехіи и Австріи строгая контръ-реформація. Императоръ собственноручно изорвалъ грамоту 1609 года, вожди дворянства были казнены и тысячи остававшихся вѣрными своей религіи были изгнаны изъ страны. Король Фридрихъ еще не могъ понять всего значенія этой побѣды; даже Чехію онъ въ началѣ соглашался уступить только за вознагражденіе; слишкомъ поздно онъ убѣдился въ томъ, что императоръ во всякомъ случаѣ считаетъ нужнымъ бороться съ нимъ и въ Пфальцѣ, и какъ съ курфюрстомъ. Уже съ лѣта 1620 года въ Пфальцѣ стояли испанскія войска подъ начальствомъ Спинолы; въ 1621 году унія отказалась отъ борьбы и вскорѣ, лишенная вождя и силы, окончательно распалась. Все таки Фридрихъ не слѣдовалъ совѣтамъ своего тестя, который дѣятельно велъ переговоры съ Фердинандомъ, а продолжалъ сопротивленіе. Хотя Мансфельдъ и маркграфъ Георгъ Фридрихъ Баденъ-Дурлахскій и одержали побѣду надъ Тилли при Вислохѣ, 27 апрѣля 1622 года, за то другія войска курфюрста были разбиты при Вимпфенѣ (6 мая) и Гехстѣ (20 іюня 1622 года). Послѣ того какъ Тилли, наконецъ, занялъ столицу пфальцграфа, прекрасный Гейдельбергъ, и одержалъ рѣшительную побѣду при Штадтлонѣ 5—6 августа 1623 года, въ этомъ же году курфюршескій санъ вмѣстѣ съ Верхнимъ Пфальцомъ былъ переданъ Максимиліану Баварскому. Правда, протестанты, на этотъ разъ и Саксонія, энергично возстали противъ этой мѣры на съѣздѣ депутатовъ въ Регенсбургѣ, но не могли измѣнить хода событій. Съ этихъ поръ въ коллегіи курфюрстовъ протестанты постоянно остаются въ меньшинствѣ.

б) Нижнесаксонско-датская война (1624—1629).

Мѣропріятіе, долженствовавшее усилить католическую партію въ имперіи, вызвало, наоборотъ, новое сопротивленіе, именно со стороны ниж-

ненѣмецкихъ протестантскихъ князей, которые до сихъ поръ болѣе держались на второмъ планѣ. Георгъ Вильгельмъ Бранденбургскій (1620—1640) приглашалъ курфюрста саксонскаго къ серьезной борьбѣ противъ императора, но такъ какъ тотъ отказался, нижнесаксонскій округъ не могъ открыто вступиться за пфальцграфа. За то неблагопріятное значеніе усиленія австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ побудило англійскаго короля стать на сторону своего зятя; поддержку онъ нашелъ въ генеральныхъ штатахъ и у короля Христіана Датскаго. И шведскій король былъ готовъ принять участіе въ борьбѣ съ Габсбургами. Поэтому къ концу 1625 года состоялся союзъ между Англіей (гдѣ королемъ былъ уже Карлъ I), Голландіей и Даніей, для возвращенія пфальцграфа въ его наслѣдныя владѣнія. Имперскіе чины Нижней Саксоніи съ своей стороны вооружились для изгнанія войска лигистовъ, которымъ командовалъ Тилли, и избрали вождемъ Христіана Датскаго. При поддержкѣ Мансфельда и герцога Брауншвейгскаго король Христіанъ еще до окончанія переговоровъ вступилъ въ Нижнюю Саксонію, съ вполнѣ достаточными военными силами.

Императоръ не имѣлъ средствъ для борьбы съ этой неожиданной опасностью. Онъ боялся и усиленія лиги, и баварскаго курфюрста, а потому радостно встрѣтилъ предложеніе чешскаго дворянина Альбрехта Венцеля Эвзебія Вальдштейна, обыкновенно называемаго Валленштейномъ (портретъ на таблицѣ: „Знаменитые полководцы Тридцатилѣтней войны“, при стр. 315). Валленштейнъ, сражавшійся на сторонѣ императора еще въ 1617 году, предложилъ ему навербовать на свой счетъ и поставить въ распоряженіе императора войско въ 20,000 человѣкъ. Въ апрѣлѣ 1625 года императоръ согласился. Валленштейнъ остался единственнымъ главнокомандующимъ, соединилъ въ своемъ войскѣ всѣ націи и даже при выборѣ высшихъ офицеровъ не дѣлалъ различія между католиками и протестантами. Чрезвычайныя полномочія, данныя ему императоромъ вмѣстѣ съ герцогскимъ титуломъ, не были слишкомъ высокой наградой. Только Валленштейнъ далъ императору возможность независимо отъ князей, какъ протестантовъ, такъ и католиковъ, проводить свою политику и поддерживать ее вооруженной силой.

Въ іюлѣ 1625 года графъ Тилли, до сихъ поръ находившійся съ арміей лигистовъ на лѣвой сторонѣ Везера, перешелъ въ Нижнюю Саксонію. Валленштейнъ съ 30,000 чел. съ августа двинулся туда же изъ Чехіи, въ половинѣ октября соединился съ Тилли и занялъ Гальберштадтъ и Магдебургъ. Раньше чѣмъ дошло до столкновенія, были начаты переговоры между генералиссимусомъ и нижнесаксонскими сословіями; конечно, соглашенія не послѣдовало. Но какъ мало было единства въ средѣ протестантскихъ князей, такъ же неблагопріятны были отношенія между Тилли и Валленштейномъ. Датскій король желалъ перенести театръ войны въ Австрію и направилъ туда черезъ Силезію Мансфельда. Но 25 апрѣля 1626 г. Мансфельдъ былъ совершенно разбитъ Валленштейномъ у моста черезъ Эльбу при Дессау. Планъ Христіана рушился. Въ то же время несогласія между Тилли и Валленштейномъ усиливались, а противъ послѣдняго повелъ интригу передъ императоромъ Максимиліанъ Баварскій. Оба полководца еще собирались сообща выступить противъ короля Христіана; но когда Мансфельдъ съ новымъ войскомъ въ 17,000 чел. направился черезъ Силезію въ Австрію на соединеніе съ Бетленомъ, Валленштейнъ медленно послѣдовалъ за нимъ. Миръ между семиградскимъ княземъ и императоромъ принудилъ Мансфельда распустить войска. Отправившись затѣмъ въ Венецію, Мансфельдъ на пути умеръ (Раковица въ Босніи, 29 ноября 1626 года).

Между тѣмъ Тилли побѣдилъ короля Христіана при Луттерѣ у Баренберга (27 августа 1626 года) и этимъ овладѣлъ всей Нижней Герма-

нiей. Подоспѣвшiй тѣмъ временемъ Валленштейнъ принудилъ датчанъ отступить на острова. Герцоговъ Мекленбургскихъ онъ изгналъ изъ ихъ владѣнiй и планъ, утвердить господство императора на Балтiйскомъ морѣ, не удался только благодаря сопротивленiю Штральзунда (съ 23 мая по 4 августа 1628 года). Такъ какъ и Швецiя начала угрожать войной, императорскiй полководецъ нашелъ выгоднымъ заключить миръ съ Данiей; договоръ состоялся 12 мая 1629 г. въ Любекѣ; король обѣщалъ на будущее время сохранять нейтралитетъ и получалъ обратно всѣ свои владѣнiя.

Генералиссимусъ достигъ высшихъ предѣловъ своего могущества. Но уже давно лигистскiе князья и императорскiй дворъ были имъ недовольны: его грозная сила казалась слишкомъ опасной. Послѣ того какъ министръ князь Эггенбергъ въ ноябрѣ 1626 года имѣлъ личное совѣщанiе съ Валленштейномъ, жалобы на нѣкоторое время замолкли, но затѣмъ возобновились еще сильнѣе со стороны лигистовъ, которые видѣли, что полководецъ въ веденiи войны болѣе соображался съ требованiями политики, чѣмъ съ военными задачами, и что его войско составляетъ опору власти императора противъ князей. На вюрцбургскомъ съѣздѣ лиги въ 1627 году была составлена жалоба, поданная императору; но онъ не могъ удовлетворить ходатайства князей. Ту же цѣль имѣло собранiе курфюрстовъ въ концѣ этого года. На немъ была составлена новая подробная жалоба на притѣсненiе странъ войсками Валленштейна, но и она осталась безъ послѣдствiй. Высокомѣрiе герцога росло съ его военными успѣхами. Послѣ низложенiя мекленбургскихъ герцоговъ онъ не безъ труда исхлопоталъ для себя у императора въ январѣ 1628 г. пожалованiе въ ленъ ихъ владѣнiй и сталъ въ нихъ наслѣдственнымъ государемъ съ 1629 года. И въ другихъ отношенiяхъ его полномочiя были еще расширены. Фельдмаршалъ оставался вѣрнымъ слугой своего повелителя, проводя только его имперiалистическiе планы. Однако возникалъ вопросъ объ опасности, какою онъ угрожалъ Фердинанду въ случаѣ какого нибудь несогласiя. Въ этомъ смыслѣ на императора влiяли Максимилiанъ Баварскiй и испанскiй Габсбургъ Филиппъ IV, между тѣмъ какъ о намѣренiяхъ и планахъ Валленштейна существовали различные слухи. Еще до начала осады Штральзунда курфюрсты вновь потребовали отъ императора отставки фельдмаршала; въ случаѣ надобности они даже обѣщали воспользоваться противъ него вооруженной силой.

Послѣ мира съ Данiей наконецъ обнаружилось первое несогласiе во мнѣнiяхъ между Фердинандомъ и Валленштейномъ. По соглашенiю съ лигистами императоръ весною 1629 года обнародовалъ такъ называемый „реституцiонный эдиктъ“. Князья лишались всѣхъ духовныхъ владѣнiй, прiобрѣтенныхъ послѣ Нассаускаго договора, и этимъ отъ протестантизма сразу отторгались значительныя области. Проведенiе этого эдикта вернуло бы католикамъ, кромѣ крупныхъ монастырскихъ владѣнiй, архiепископства Бременское и Магдебургское и двѣнадцать епископствъ. Но эдиктъ былъ явнымъ нарушенiемъ религiознаго мира. Соблюдалась только „духовная оговорка“ и отвергалось компенсацiонное условiе, выговаривавшее подданнымъ духовныхъ владѣнiй свободу вѣроисповѣданiя. Кромѣ того, категорически исключались всѣ кальвинисты и цвинглiанцы и признавались только приверженцы Аугсбургскаго исповѣданiя. Этимъ было бы нарушено все имперское уложенiе, и кромѣ того было ясно, что подобное нападенiе призоветъ къ оружiю всѣ протестантскiя государства. Именно избѣжать этого старался Валленштейнъ; поэтому онъ возсталъ противъ осуществленiя реституцiоннаго эдикта и не помогалъ своими войсками приведенiю его въ дѣйствiе. Императоръ, снова тѣснимый лигистами, охотно удалилъ бы Валленштейна, но тогда онъ опять лишился бы армiи. Шведскiй король вновь грозилъ нападенiемъ, временно закончивъ польско-шведскую войну перемирiемъ въ Альтмаркѣ при Штумѣ, 26 сентября 1629 г.

Кромѣ того уже началась война съ Франціей за обладаніе Мантуей, и часть войска Валленштейна принимала участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Несмотря на это, на Регенсбургскомъ съѣздѣ курфюрстовъ въ іюлѣ 1630 г. были возобновлены жалобы противъ Валленштейна. Побуждаемый особенно папой, императоръ наконецъ рѣшился уволить генералиссимуса въ отставку. Валленштейнъ покорно удалился въ Гитчинъ.

в) Шведская война (1630—1634 г.).

Между тѣмъ какъ въ Регенсбургѣ рѣшалась отставка Валленштейна, на сѣверѣ уже высадился шведскій король Густавъ II Адольфъ (его портретъ на таблицѣ при стр. 315). 6 іюля 1630 года онъ съ 13,000 человѣкъ, не наемниковъ, а шведскаго народнаго ополченія, вышелъ на берегъ у устья Пеены, занялъ Штеттинъ и принудилъ герцога Померанскаго къ заключенію союза. Хотя армія короля была усилена подкрѣпленіями съ родины до 40,000 человѣкъ, протестантскіе князья, кромѣ Гессенъ-Касселя и Саксенъ-Веймара, чувствовали къ нему серьезное недовѣріе и даже соединились для поддержанія вооруженнаго нейтралитета. За то мекленбургскіе герцоги, кузены шведскаго короля, были возвращены въ ихъ владѣнія, а Франція въ январѣ 1631 года вошла съ Швеціей въ договоръ о субсидіи. Пока Густавъ Адольфъ занималъ на сѣверѣ одинъ городъ за другимъ и упрочивалъ свое положеніе, Тилли съ войсками лиги двинулся на Магдебургъ, чтобы принудить городъ къ принятію реституціоннаго эдикта. Въ виду положенія, принятаго Бранденбургомъ и курфюршеской Саксоніей, шведы не могли ни поспѣшить на помощь, ни заставить Тилли, взятіемъ Франкфурта на Одерѣ, измѣнить планъ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, 20 мая 1631 года осажденный городъ палъ. Начался страшный грабежъ; вспыхнувшій въ это время пожаръ испепелилъ бóльшую часть города. Католики встрѣтили побѣду Тилли ликованіемъ. Но протестанты — слишкомъ поздно — поняли, что только отъ шведовъ можно ждать помощи въ бѣдѣ: участь Магдебурга угрожала постичь въ короткое время и другіе епископальные города.

Наконецъ Гессенъ и Веймаръ съ своей стороны вступили въ переговоры со шведами. Но холодность Бранденбурга и Саксоніи была причиной, что Густавъ Адольфъ сначала отклонилъ союзъ; только 21 іюня былъ заключенъ договоръ съ Бранденбургомъ, давшій шведскому королю право занять Шпандау и Кюстринъ, чтобы сохранить обезпеченное отступленіе къ берегу моря. Успѣхъ не заставилъ себя ждать: 18 іюля Тилли былъ при Бургшталлѣ близъ Вольмирштедта разбитъ, — въ первый разъ! Новыя подкрѣпленія изъ Швеціи и Англіи дѣлали положеніе короля все болѣе благопріятнымъ. Это побудило и Саксонію (15 сентября) примкнуть къ его политикѣ, тѣмъ болѣе, что Тилли уже вступилъ въ Саксонію, чтобы въ силу реституціоннаго эдикта отнять у курфюрста присоединенныя епископства. Дѣло быстро дошло до сраженія, такъ какъ курфюрстъ прежде всего домогался удаленія непріятеля изъ своей области. 17 сентября 1631 года произошла битва при Брейтенфельдѣ, близъ Лейпцига, только что занятаго Тилли. Армія лигистовъ была совершенно разбита, самъ полководецъ раненъ; императоръ, потерявшій все войско, трепеталъ за свои наслѣдныя земли, между тѣмъ какъ евангелическая Германія начинала въ Густавѣ Адольфѣ привѣтствовать своего спасителя. Саксонцы подъ начальствомъ Іоганна Георга фонъ Арнимъ вступили въ Чехію и заняли Прагу; самъ Густавъ Адольфъ двинулся черезъ Тюрингію къ Майну и 18 октября занялъ Вюрцбургъ; лигистскій епископъ бѣжалъ изъ города. Въ декабрѣ былъ занятъ и Майнцъ. Здѣсь король расположился на зимовку, свидѣлся съ несчастнымъ Фридрихомъ Пфальцскимъ и чрезъ посредство Ришелье завязалъ мирные переговоры съ лигой, отъ которой

Объясненіе къ портретамъ.

1. **Альбрехтъ Венцель Эвзебій Валленштейнъ** (собственно **Вальдштейнъ**), герцогъ Фридландскій, Саганскій и Мекленбургскій, имперскій генералиссимусъ и фельдмаршалъ, генералъ Балтійскаго и Океаническаго морей (1583—1634). Портретъ А. Ванъ-Дейка.

2. **Іоганнъ Тсерклаесъ, графъ Тилли,** фельдмаршалъ католической лиги, генералиссимусъ лигистской и имперской арміи (1559—1632). Портретъ А. Ванъ-Дейка.

3. **Густавъ II Адольфъ, король Шведскій, герцогъ Франконскій** (1594—1632). Портретъ А. Ванъ-Дейка.

4. **Бернгардъ, герцогъ Саксенъ-Веймарскій и Франконскій** (1604—1639). Портретъ съ натуры Христіана Рихтера изъ Альтенбурга; гравюра на деревѣ Іоганна Дюрра изъ Аугсбурга, въ 1634 г.

(1—3 по фотографіямъ съ оригиналовъ въ мюнхенской Пинакотекѣ; 4 по оригинальной гравюрѣ.)

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Знаменитые полководцы Тридцатилѣтней войны.

онъ требовалъ нейтралитета въ дальнѣйшей борьбѣ съ императоромъ. Переговоры остались безъ результата. Въ мартѣ Густавъ Адольфъ, обезпечивъ Рейнъ противъ Баваріи, поднялся съ зимнихъ квартиръ, 15 апрѣля 1632 г. снова побѣдилъ при Райнѣ на Лекѣ Тилли, который былъ въ этой битвѣ смертельно раненъ (умеръ 20 апрѣля), и къ срединѣ мая вступилъ въ Мюнхенъ. Лига распалась и императоръ погибъ бы, если бы Валленштейнъ не явился вторично его спасителемъ.

Вскорѣ послѣ битвы при Брейтенфельдѣ, еще настоятельнѣй — послѣ вторженія Арнима въ Чехію, императоръ предлагалъ Фридланду вновь принять начальство надъ войскомъ; но только въ декабрѣ 1631 года князю Эггенбергу (стр. 313) удалось уговорить полководца и получить отъ него обѣщаніе, что черезъ три мѣсяца онъ выставитъ въ поле 40,000 человѣкъ. Въ дѣйствительности Валленштейнъ принялъ главное командованіе арміей въ апрѣлѣ 1632 г., послѣ того какъ ему, въ Цнаймѣ, было предоставлено еще и право самостоятельно заключать договоры: главной цѣлью при этомъ было — отвлечь Саксонію отъ союза съ шведами. Такимъ образомъ, полномочія полководца дѣлались столь широкими, что и командованіе арміей и политика оказались совершенно въ его рукахъ.

Саксонскій курфюрстъ Іоганнъ Георгъ уже съ начала года помышлялъ о заключеніи мира съ императоромъ безъ участія Швеціи, но въ этомъ ему препятствовало положеніе Бранденбурга; появленіе Валленштейна въ Чехіи окончательно разрушило надежды на миръ, который могъ бы обезпечить за Саксоніей владѣніе духовными областями. Очистивъ Чехію отъ саксонскихъ войскъ, Валленштейнъ попытался соединиться съ Максимиліаномъ Баварскимъ; между тѣмъ Густавъ Адольфъ двинулся къ сѣверу, чтобы поспѣшить на помощь саксонскому курфюрсту. Сборнымъ мѣстомъ шведскихъ войскъ былъ Нюрнбергъ; но Валленштейнъ тоже подступилъ къ этому городу и укрѣпился въ лагерѣ на Фюртѣ, не вступая въ сраженіе. Наконецъ, 3 сентября Густавъ Адольфъ напалъ на непріятельскій лагерь — безъ успѣха; послѣ тщетныхъ попытокъ добиться заключенія мирнаго договора, король отступилъ 18 сентября. Сначала шведы двинулись къ югу, чтобы напасть на Австрію. Но когда пришли извѣстія, что Валленштейнъ все сильнѣе тѣснитъ саксонцевъ и стягиваетъ свои войска къ Лейпцигу, шведы двинулись туда же ускореннымъ маршемъ, соединились въ Эрфуртѣ съ ландграфомъ Вильгельмомъ Гессенскимъ и въ серединѣ ноября уже занимали позиціи вблизи имперскаго войска. Валленштейнъ все еще хотѣлъ избѣжать сраженія. Но 16 ноября 1632 г. Густавъ Адольфъ напалъ на непріятеля при Люценѣ, чтобы обезпечить соединеніе съ саксонской арміей; самъ король палъ въ жаркомъ бою; имперцы потеряли храбраго кавалерійскаго генерала, графа Готфрида Генриха Паппенгейма. По смерти короля команду принялъ герцогъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій (см. его портретъ на приложенной таблицѣ „Знаменитые полководцы Тридцатилѣтней войны") и удержалъ за собой поле битвы; Валленштейнъ отступилъ. Ликованіе католиковъ по поводу этого сраженія не соотвѣтствовало значенію мнимой „побѣды", но выражало то чувство облегченія, съ которымъ была встрѣчена гибель великаго вождя протестантовъ.

Начальство надъ осиротѣлымъ войскомъ осталось и далѣе за Бернгардомъ Веймарскимъ. Политическое представительство Швеціи въ Германіи шведскій государственный совѣтъ поручилъ канцлеру Акселю Оксенстирна, передъ которымъ стояла трудная задача. Прежде всего, само войско было уже не та старая шведская сила, съ которой была произведена высадка; большая часть его была вновь навербована въ Германіи. Уже самъ король лишь съ трудомъ могъ поддерживать въ немъ прежнюю дисциплину. Съ этихъ поръ, шведское войско въ грабежахъ и разбояхъ нисколько не уступаетъ имперцамъ; какъ и они, шведы являются бичемъ

для каждой области, черезъ которую проходятъ. Въ политическомъ отношеніи на веденіе войны начинаетъ оказывать вліяніе Франція, платящая субсидію. Стремленія Ришелье направлены главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе нѣмецкихъ территорій. Но важнѣйшей задачей остается сохраненіе шведами ихъ германскихъ союзниковъ.

При переговорахъ, которые велись еще до исхода 1632 г. съ Іоганномъ Георгомъ Саксонскимъ, онъ потребовалъ, прежде всего, большей доли участія въ направленіи дѣлъ. По предварительному соглашенію было рѣшено выставить двѣ арміи: шведскую подъ начальствомъ Оксенстирна и саксонскую подъ командой Іоганна Георга; оставалось однако сомнительнымъ, къ кому изъ нихъ примкнутъ остальные протестанты Германіи. Верхнегерманскіе и рейнскіе князья тяготѣли къ шведамъ; но подъ давленіемъ Франціи рядомъ съ шведскимъ канцлеромъ была учреждена особая совѣщательная коллегія. Такъ было рѣшено въ мартѣ 1633 г., по Гейльброннскому договору. Въ то же время и императоръ началъ новые переговоры съ Саксоніей. Валленштейнъ вошелъ въ сношенія съ Арнимомъ, начальникомъ саксонской арміи, и соглашался, противъ желаній императора, на дальнѣйшія уступки въ религіозныхъ вопросахъ; но Саксонія и Бранденбургъ не соглашались на его предложенія. Съ другой стороны, Оксенстирна вступилъ въ переговоры съ генералиссимусомъ и предлагалъ ему, какъ того желали и чешскіе эмигранты, добиваться избранія въ короли Чехіи; но и этотъ планъ не имѣлъ успѣха. Послѣ битвы при Люценѣ Бернгардъ Веймарскій окончательно вытѣснилъ имперцевъ изъ Саксоніи и затѣмъ (10 іюля 1633 г.) былъ по волѣ Оксенстирна сдѣланъ герцогомъ вновь образованнаго изъ епископствъ Бамберга и Вюрцбурга Франконскаго герцогства.

Валленштейнъ побѣдилъ Арнима при Штейнау 23 октября 1633 г. и освободилъ Силезію отъ непріятеля. Но когда онъ, оставивъ Регенсбургъ въ рукахъ Бернгарда Веймарскаго, блистательно завладѣвшаго городомъ 4 ноября 1633 г., возвратился обратно въ Чехію, императоръ сталъ питать къ своему полководцу серьезное недовѣріе. Между тѣмъ, послѣдній вновь началъ переговоры съ Саксоніей, Франціей и Швеціей; со шведами онъ вошелъ въ тайное соглашеніе, по которому въ Эгерѣ должно было послѣдовать соединеніе обѣихъ армій. Для Валленштейна не было тайной недовѣріе, которое къ нему чувствовали въ Вѣнѣ. 12 января 1634 г. онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Просьба не была уважена, но уже 24 января послѣдовалъ тайный указъ объ его низложеніи. 18 февраля Валленштейнъ былъ открыто обвиненъ императоромъ въ измѣнѣ и 25 февраля 1634 г. убитъ въ Эгерѣ, послѣ того какъ даже его войска отказали ему въ повиновеніи. Начальство надъ арміей перешло къ сыну императора (впослѣдствіи Фердинанду III) и къ графу Матѳею Галласу. Въ лицѣ Валленштейна погибъ не только даровитѣйшій дѣятель, превосходный полководецъ и дипломатъ, но и единственный изъ всѣхъ вождей, стоявшій выше религіозныхъ раздоровъ.

Со смертью Валленштейна императоръ, а съ нимъ и дѣло католичества оказались въ благопріятномъ положеніи, подобное которому ранѣе никогда не бывало достигнуто. Фердинандъ теперь впервые обладалъ собственной арміей. Онъ немедленно двинулъ ее къ Регенсбургу. Городъ достался фридландскимъ войскамъ въ іюлѣ 1634 г., а 6 сентября Галласъ одержалъ при Нердлингенѣ блестящую побѣду надъ Бернгардомъ Веймарскимъ и Густавомъ Горномъ. Теперь, когда шведы были побѣждены, императору было легко закончить дѣло соглашенія съ Саксоніей, начатое еще Валленштейномъ: уже въ ноябрѣ 1634 г. былъ заключенъ предварительный договоръ, подтвержденный Пражскимъ миромъ 30 мая 1635 г. По этому договору Саксонія получила въ наслѣдственное владѣніе обѣ Лузаціи, заложенныя Іоганну Георгу I послѣ паденія „зимняго королев-

геліческихъ интересовъ и обѣщала въ случаѣ необходимости воевать съ Швеціей и Франціей. Въ короткое время къ этому миру примкнуло большинство чиновъ Сѣверной Германіи; Швеція сразу была вытѣснена изъ своего преобладающаго положенія и ея войска рисковали оказаться отрѣзанными отъ сообщеній съ родиной. Съ этихъ поръ сглаживаются противорѣчія религіозной политики между важнѣйшими представителями католическихъ и протестантскихъ князей; свѣтскіе интересы рѣшительнѣе, чѣмъ до этого времени, начинаютъ оказывать вліяніе на веденіе войны. Съ этого момента война является въ сущности борьбой между Австріей и Испаніей съ одной стороны, Франціей и Швеціей — съ другой. Надо отмѣтить, что Фердинандъ III, замѣстившій въ 1637 г. своего отца на тронѣ Имперіи и наслѣдственныхъ владѣній Австріи (умеръ въ 1657 г.), все время поддерживалъ тѣсныя отношенія съ габсбургскимъ царствующимъ домомъ въ Испаніи.

г) Шведско-французская война (1635—48 г.).

Для тѣхъ протестантовъ, которые не примкнули къ Пражскому миру, оставался послѣ гибели шведскаго могущества только одинъ выходъ: болѣе тѣсное сближеніе съ Франціей, которая подъ геніальнымъ управленіемъ Ришелье (стр. 322) стремилась къ тому, чтобы вытѣснить обѣ линіи дома Габсбурговъ изъ ихъ преобладающаго положенія въ Западной Европѣ. Съ Испаніей французы боролись въ Италіи. Въ Германіи, съ появленія Густава Адольфа, они оказывали ему поддержку, дѣйствуя такимъ образомъ противъ императора. Они сдѣлали завоеванія въ Лотарингіи, утвердившись особенно прочно въ области Трирскаго курфюршества. Весной 1635 г. имперское войско удачно дѣйствовало на правомъ берегу Рейна, чѣмъ принудило Францію открыто вступить въ войну. Ришелье прикрылся съ двухъ сторонъ: съ Генеральными Штатами онъ заключилъ союзъ для общаго нападенія на Испанію, со Швеціей — обусловилъ общую войну съ императоромъ и обязательство совмѣстнаго заключенія мира. Такимъ образомъ императору повсюду, и въ военныхъ дѣйствіяхъ, и при будущихъ мирныхъ переговорахъ, предстояло имѣть дѣло съ двойнымъ противникомъ.

Военныя дѣйствія 1635 года со стороны Франціи не представляли ничего выдающагося. Войска, мало пріученныя къ войнѣ, не рѣшались вступить во внутреннюю Германію и съ трудомъ были доведены до Рейна, гдѣ осенью имперцы оставались господами положенія. Правда, на сѣверѣ шведскіе генералы Іоганъ Банеръ и Леннартъ Торстенсонъ одержали нѣсколько побѣдъ (между прочимъ, при Демицѣ, 11 ноября) и вытѣснили имперскія войска, соединенныя съ саксонцами, изъ Мекленбурга и Помераніи. Въ затруднительномъ положеніи Ришелье заключилъ съ Бернгардомъ Веймарскимъ, даровитѣйшимъ изъ протестантскихъ вождей, своеобразный договоръ (въ Сенъ-Жермэнѣ en-Laye, 27 октября 1635): Бернгардъ обязывался навербовать въ Германіи войско въ 12,000 пѣхотинцевъ и 6000 всадниковъ, на французскія деньги (4.000,000 ливровъ ежегодно); это войско предназначалось для борьбы съ императоромъ за освобожденіе Германіи; побѣдителя ожидала богатая награда въ видѣ Эльзаса, принадлежавшаго еще Габсбургамъ.

Но и 1636 годъ не былъ особенно счастливымъ для Франціи: имперскія войска проникли въ глубину вражеской территоріи, надвигались на Бургундію, а кавалерійскій генералъ Іоганнъ фонъ Вертъ даже угрожалъ Парижу. Бернгардъ съ трудомъ держался въ Эльзасѣ. Только когда французскій народъ, въ сознаніи національной опасности, взялся за оружіе, удалось въ ноябрѣ принудить Галласа къ отступленію. Незадолго до того (4 октября 1636 г.) Банеръ одержалъ при Витштокѣ новую побѣду надъ саксонцами и имперцами и получилъ преобладаніе на сѣверѣ Германіи.

(4 октября 1636 г.) Банеръ одержалъ при Витштокѣ новую побѣду надъ саксонцами и имперцами и получилъ преобладаніе на сѣверѣ Германіи. Саксоніи и Бранденбургу теперь пришлось тяжело поплатиться опустошеніемъ страны за отпаденіе отъ дѣла протестантовъ. Часть бранденбургскихъ совѣтниковъ уже склонялась на сторону шведовъ и старалась побудить курфюрста къ новой перемѣнѣ политики; при этомъ играло роль то обстоятельство, что герцогъ Помераніи Богиславъ XIV, которому предстояла бездѣтная кончина, завѣщалъ Бранденбургу свои наслѣдственныя притязанія. Однако курфюрстъ сохранялъ вѣрность императору. Наконецъ, въ декабрѣ появились имперскія вспомогательныя войска. Притязанія на Померанію, когда Богисловъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ (20 марта 1637 г.), пришлось, впрочемъ, осуществлять при помощи военной силы. На сѣверѣ положеніе Банера противъ бранденбургскихъ и имперскихъ войскъ становилось затруднительнымъ; онъ долгое время не могъ соединиться съ войсками Германа Врангеля и наконецъ былъ вынужденъ отступить къ Штеттину. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Бернгардомъ Веймарскимъ нельзя было и помышлять. Послѣдній, по возвращеніи изъ Франціи и Швейцаріи, только 27 іюля могъ подойти къ правому берегу Рейна; тѣснимый здѣсь имперцами, онъ долженъ былъ отступить въ область Мемпельгарда. Французамъ удалось пріобрѣсти въ различныхъ пунктахъ перевѣсъ надъ испанцами; но въ Германіи имперцы и въ теченіе 1637 года оставались во всѣхъ отношеніяхъ побѣдителями.

6 марта 1638 г. Швеція и Франція сочли нужнымъ возобновить свой договоръ и обязательство вступать въ мирные переговоры не иначе, какъ совмѣстно. Въ этомъ году походъ Бернгарда увѣнчался наконецъ успѣхомъ. 3 марта 1638 онъ напалъ врасплохъ при Рейнфельденѣ на имперскаго генерала Фридриха герцога Савелло и Іоганна ф. Верта, взялъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ остальными вождями, завладѣлъ 23 марта Рейнфельденомъ и началъ осаду крѣпости Брейзаха. Полгода продолжалась борьба за нее и только 17 декабря Бернгардъ вступилъ побѣдителемъ въ Брейзахъ. Между тѣмъ Банеръ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ имперской арміи, получилъ на сѣверѣ свободу дѣйствій и проникъ въ Чехію и Австрію. Побѣда Бернгарда вселила въ германскихъ протестантовъ новое мужество. Банеръ проектировалъ съ побѣдителемъ Эльзаса нападеніе на наслѣдныя владѣнія императора. Императоръ вновь приступилъ къ попыткамъ привлечь доблестнаго Бернгарда на свою сторону. Между тѣмъ, неблагодарная Франція старалась отнять у побѣдителя обѣщанную награду. Но Бернгарду, какъ второму Густаву Адольфу, не были суждены дальнѣйшіе подвиги. Онъ умеръ 16 іюля 1639 года и этимъ выручилъ императора изъ очень затруднительнаго положенія.

Ришелье не колебался ни одного мгновенія. Онъ рѣшилъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, взять хорошо подготовленныя войска Бернгарда, дѣйствовать сообща съ Банеромъ и продолжать борьбу противъ императора, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи онъ, мудро пользуясь внутренними неурядицами, могъ разсчитывать на успѣхъ безъ особой затраты силъ. Съ этихъ поръ французы дѣйствуютъ въ тѣсномъ согласіи съ шведами и выдвигаютъ такихъ полководцевъ, какъ Анри де Латуръ д'Овернь виконтъ де Тюреннъ (1611—75) и „великій Конде“ (Луи Бурбонъ; 1621—86), хотя военное преобладаніе всетаки остается за шведами. Послѣ смерти Банера (10 мая 1641 г.) Торстенсонъ одержалъ рядъ рѣшительныхъ побѣдъ въ Силезіи въ 1642 г. и совершенно разбилъ имперскія войска, подъ начальствомъ эрцгерцога Леопольда и Октавіо Пикколомини, во второмъ сраженіи при Брейтенфельдѣ близъ Лейпцига (2 ноября 1642 г.). Нѣсколько оживились надежды императора только тогда, когда во Франціи умеръ сначала Ришелье (4 декабря 1642 г.) а вскорѣ затѣмъ (14 мая 1643 г.) и его повелитель, король Людовикъ XIII, оставивъ наслѣдникомъ Людовика XIV.

которому еще не было пяти лѣтъ (см. стр. 322). Около того же времени Данія была вовлечена въ новую войну съ Швеціей.

Управленіе государственными дѣлами Франціи перешло къ кардиналу Юлію Мазарини, который талантливо и успѣшно продолжалъ политику своего предшественника. Въ войнѣ съ датчанами въ теченіе 1643 и 1644 года Торстенсонъ оставался рѣшительнымъ побѣдителемъ, а въ октябрѣ 1644 г. онъ въ двухъ сраженіяхъ уничтожилъ имперское войско Галласа при Ютербогкѣ и Магдебургѣ, вторгся въ Австрію, при поддержкѣ семиградскаго князя Георгія I Ракочи (1630—48 г.), и дошелъ почти до Вѣны. Съ гораздо меньшимъ счастьемъ сражались французы. Именно въ то время, какъ Торстенсонъ угрожалъ Вѣнѣ, Тюреннъ былъ 5 мая 1645 г. разбитъ имперскими войсками подъ начальствомъ барона Франца фонъ Мерси. Побѣдоносное войско получило возможность двинуться на выручку наслѣдныхъ земель; поэтому Торстенсонъ, не смотря на блестящую побѣду, одержанную надъ Мельхіоромъ Гацфельдтомъ при Янкау (6 марта 1645 г.), прервалъ осаду Брюнна и оступилъ въ Чехію. Но Конде и Тюреннъ соединенными силами вторглись въ Баварію и 3 августа разбили при Аллерсгеймѣ Мерси, который палъ въ бою. Въ то же время (25 августа) Данія заключила миръ со Швеціей въ Бремсебро, а Саксонія, находившаяся совершенно во власти шведовъ, подъ начальствомъ Ганса Христофа фонъ Кенигсмаркъ, вошла 6 сентября 1645 г. въ перемиріе на шесть мѣсяцевъ, къ которому примкнулъ и Бранденбургъ. Шведы стали такимъ образомъ полными господами въ сѣверной Германіи.

Карлъ Густавъ Врангель, главнокомандующій послѣ отставки Торстенсона (25 декабря 1645 г.), соединился въ 1646 г. съ Тюренномъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ двинуться въ южную Германію; вскорѣ въ ихъ власти оказалась вся Баварія и въ сентябрѣ 1646 г. союзнымъ войскамъ былъ открытъ путь въ наслѣдныя земли. Безвыходное положеніе, въ которомъ оказался Максимиліанъ Баварскій, вынудило его заключить въ мартѣ 1647 г. нейтральный договоръ съ Швеціей. Къ нему присоединились Кельнъ, Майнцъ, Гессенъ. Врангель вступилъ въ Чехію, но здѣсь ему оказали сопротивленіе имперцы, къ которымъ въ сентябрѣ по Пильзенскому договору вновь примкнулъ Максимиліанъ. Опять шведы были вынуждены отступить на сѣверъ, тѣмъ болѣе что Тюреннъ былъ отозванъ во Францію. Но счастье улыбнулось императору лишь вскользь. Весной 1648 г. Тюреннъ снова перешелъ Рейнъ, проникъ вмѣстѣ съ Врангелемъ въ Баварію и 7 мая при Цусмарсгаузенѣ разбилъ имперско-баварское войско подъ начальствомъ графа Петра Меландера Гольцаппеля. Курфюрстъ бѣжалъ, страна подверглась ужасному опустошенію. Подъ начальствомъ Кенигсмарка шведы вступили въ Чехію и 26 іюля заняли часть Праги. И въ другихъ мѣстахъ счастье благопріятствовало французскому и шведскому оружію (побѣда Конде при Ленсѣ, 20 августа). Положеніе императора было безнадежнымъ. Уже готовились приступить къ бомбардированію старой Праги, когда страну облетѣла вѣсть, что 24 октяря подписанъ миръ въ Мюнстерѣ.

Превратности великой войны, театромъ которой должна была стать Германія, это сердце Европы, — въ силу ея географическаго положенія, представляютъ для историческаго воспоминанія безотрадную картину. Передъ нами постоянное колебаніе партій, полное отсутствіе сознательной борьбы за единую великую цѣль. Преобладающее значеніе имѣютъ въ эту эпоху отдѣльныя выдающіяся личности, полководцы и дипломаты. Какъ бы не было велико ихъ несходство между собою, у всѣхъ почти, особенно у четырехъ героевъ, Тилли, Валленштейна, Густава Адольфа, Бернгарда Веймарскаго (см. таблицу при стр. 315), была по крайней мѣрѣ одна общая черта: великіе мастера военнаго дѣла, они были типами современной эпохи, нелишенными извѣстныхъ идеаловъ, несмотря на свои жестокіе подвиги.

Г. **Вестфальскій миръ.**

а) Предварительные переговоры.

Соглашеніе между Франціей и Швеціей, возлагавшее на оба государства обязательство вступать въ мирные переговоры съ императоромъ не иначе, какъ совмѣстно (стр. 317), было результатомъ геніальной политики Ришелье. Именно неожиданное заключеніе мира однимъ изъ союзниковъ являлось до сихъ поръ причиной, постоянно губившей дипломатическіе успѣхи побѣдителей обѣихъ партій. Но Франція и Швеція не даромъ находились въ сильной зависимости другъ отъ друга; то, чего достигала первая богатствомъ своихъ средствъ и дипломатической подготовкой политическихъ дѣятелей, уравновѣшивалось удачами шведскаго оружія. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ попытки императора, добиться заключенія отдѣльнаго мира, оканчивались безъ успѣха. Волей-неволей ему пришлось въ 1640 г. согласиться на созваніе въ Регенсбургѣ рейхстага, не собиравшагося уже двадцать семь лѣтъ, для обсужденія мѣропріятій къ заключенію мира. Упорный императоръ менѣе чувствовалъ эту настоятельную потребность въ покоѣ, чѣмъ князья, хотя-бы и католическіе. Всесторонне возникло сознаніе, что прежде всего необходимо добиться изгнанія иноземцевъ изъ Германіи; но до поры — до времени было такъ же невозможно побудить императора окончательно разорвать съ Испаніей, какъ заставить протестантовъ отказаться отъ своихъ надеждъ на Францію и Швецію. Поэтому совѣщанія рейхстага не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Все таки стремленіе къ миру было выражено достаточно ясно и дальнѣйшіе шаги должны были неизбѣжно направляться по разъ избранному направленію. Въ 1641 г. въ Гамбургѣ состоялось соглашеніе, по которому назначались переговоры имперскихъ уполномоченныхъ съ французами въ Мюнстерѣ и съ шведами и нѣмецкими протестантами въ Оснабрюкѣ. Совѣщанія должны были начаться къ лѣту 1643 г. и съ этого времени оба города признавались нейтральными. Въ дѣйствительности, совѣщанія начались въ апрѣлѣ 1644 г. Но извѣстія о военныхъ успѣхахъ той или другой партіи мѣшали спокойствію преній и окончательнымъ рѣшеніямъ, и часто даже грозили сдѣлать всѣ подготовительные труды безплодными. Наконецъ, 8 августа 1648 былъ законченъ оснабрюкскій мирный трактатъ; 17 сентября былъ готовъ и мюнстерскій договоръ. Оба трактата получили 28 октября 1648 г. общую ратификацію въ Мюнстерѣ. Наконецъ страна получила миръ, о которомъ большинство современниковъ знало въ эту пору уже только по наслышкѣ.

Вестфальскія постановленія имѣютъ выдающуюся важность въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, они положили конецъ военному времени и принципіально упорядочили политическіе и религіозные вопросы, возникшіе съ 1555 г.; во вторыхъ, они создали основу для дальнѣйшаго политическаго развитія, оффиціальнымъ признаніемъ фактическаго распаденія Германской имперіи и возведеніемъ территорій на степень современныхъ и нормальныхъ государственныхъ единицъ, группирующихся въ союзъ государствъ, подъ именемъ Римской Имперіи Германской Націи (см. приложенную карту „Германія около 1648 г.“).

б) Французское королевство съ 1610 г.: Людовикъ XIII и первыя 10 лѣтъ царствованія Людовика XIV.

Многое можно прочесть между строкъ мирныхъ трактатовъ. Въ нихъ для насъ ясно, что съ этихъ поръ въ европейской политикѣ получаетъ

Регистръ къ картѣ „Германская имперія въ 1648 году“.

Германская имперія.

А. Свѣтскія области.

1. Курфюршества:

Баварія (герцогство)	FG4,5
Бранденбургъ (маркграфство)	FGH2,3
Пфальцъ (пфальцграфство)	DE3,4
Саксонія (Альбертинская линія, герцогство	FEG2,3
Чехія (королевство	FGH 3,4

2. Герцогства:

Австрія (эрцгерцогство)	GH 4,5
съ Передней Австріей	DE 4,5
Бергъ	CGE
Брауншвейгъ: Вольфенбюттель	EF 2,3
— Грубенгагенъ	E3
— Календергъ	CD3
— Люнебургъ	DF 2
Бременъ (см. 8)	
Верхній Пфальцъ	F4
Виртембергъ	DE4C5
Голштинія	E1,2
Задняя Померанія съ Камминомъ	GH1,2
Каринтія	FG 5
Клеве	C3
Крайна	GH56
Лотарингія	CD4
Магдебургъ	FG 2,3
Мекленбургъ-Гюстровъ	FG 1,2
— Шверинъ	F2
Передняя Померанія (см.8)	
Савойя	C5,6
Саксенъ-Лауэнбургъ	DE,EF2
Саксонія (эрнестинская линія)	EF3
Силезія	HI 3,4
Штирія	GH5
Юлихъ	CD3

3. Княжества:

Ангалтъ	F2,3
Бранденбургъ-Ансбахъ	E4
— Кульмбахъ	EF 3,4
Верденъ (см. 8)	
Гальберштатъ	EF 2,3
Геннебергъ (княж. графство)	E3
Зульцбахъ	F4
Минденъ	D2
Нассау	D3,4
Нейбургъ	EF4
Ратцебургъ	EF2
Тироль (княж. графство) съ Форльбергомъ	EF 5,6
Цвейбрюкенъ	D4

4. Маркграфства:

Баденъ-Баденъ	D4
— Дурлохъ	D4,5

5. Ландграфства:

Гессенъ-Дармштадтъ	D3,4
— Кассель	DE3
Кленгау (Тіенгенъ)	D5
Лейхтенбергъ	F4

6 Графства:

Бентгеймъ	CD2
Бургундія (фрейграфство, см. 8)	
Вальбургъ	E5
Вальдекъ	KE3
Вернигероде	E3
Вертгеймъ	E4
Видъ	D3
Виттгенштейнъ	D3
Восточная Фрисландія	D2
Ганау-Лихтенбергъ	D4
— Мюнценбергъ	DE3
Герольштейнъ	D3
Герцъ	G5,6
Гогенлоэ	E4
Гогенцоллернъ	DE4
Гомбургъ	D3
Гонштейна	E3
Градиска	G6
Заарбрюкенъ	CD4
Заарверденъ	D4
Зайнъ	D3
Заммъ	CD4
Изенбургъ	D3
Кастель	E4
Кенигсепъ	E4,5
Кенигштейнъ	DE3
Лейнингенъ	D4
Лимбургъ	E4
Лингенъ	D2
Липпе	DE2,3
Марка	D3
Мемпельгардъ	C5
Мерсъ	C3
Миттербургъ	G6
Ольденбургъ	D2
Ортенбургъ	94
Равенсбергъ	G2,3
Раппольдштейнъ	D4
Рейнское графство	D4
Рейссъ	F3
Ринтекъ	E3
Ротенфельсъ	E5
Сольмсъ	D3
Текленбургъ	D2
Фалькенштейнъ	D4
Фуггеръ	E4
Фюрстенбергъ	DE4,5
Шаумбургъ	E2
Шварцбургъ	EF3
Шварценбергъ	E4
Штейнфуртъ	D2
Эрбахъ	DE4
Эттингенъ	E4

7. Баронства:

Ангальтъ	C3
Блискастель	D4
Вадуцъ	E5
Вейлеръ (Эльзасъ)	D4
Вейсенштейгъ	E4
Вильденбергъ	D3
Вильдесгаузенъ (см. 8)	
Висмаръ (см. 8)	
Гогенвальденъ	F5
Дагсбургъ	D4
Іеверъ	D2
Месскирхъ	DE4,5
Паппенгеймъ	EF4
Пфальцбургъ	D4
Реда	D3
Ридбергъ	D3
Флекенштейнъ	D4
Шпекфельдъ	E4

8. Имперскія области въ иностранномъ владѣніи:

Испанскія владѣнія:	
Испанскіе Нидерланды	ABC3,4
Фрейграфство Бургундія	C5
Шведскія владѣнія:	
Бременъ (герцогство)	DE2
Верденъ (княжество)	E2
Вильдесгаузенъ (баронство)	D2
Висмаръ (баронство)	F1,2
Передняя Померанія (герцогство)	FG1,2

9. Имперскіе города:

Ааленъ	C4
Аахенъ	E3
Аугсбургъ	E4
Безансонъ	C5
Биберахъ	E4
Бременъ	D2
Бухгорнъ	E5
Вангенъ	E5
Вейль (городъ)	Д4
Вейсенбургъ (Эльзасъ)	D4
Вейсенбургъ	EF4
Вецларъ	D3
Вимпфенъ	E4
Вормсъ	D4
Гагенау	D4
Галль	E4
Гамбургъ	E2,D2
Гейльброннъ	E4

Регистръ къ картѣ ‚Германская имперія въ 1648 году‘.

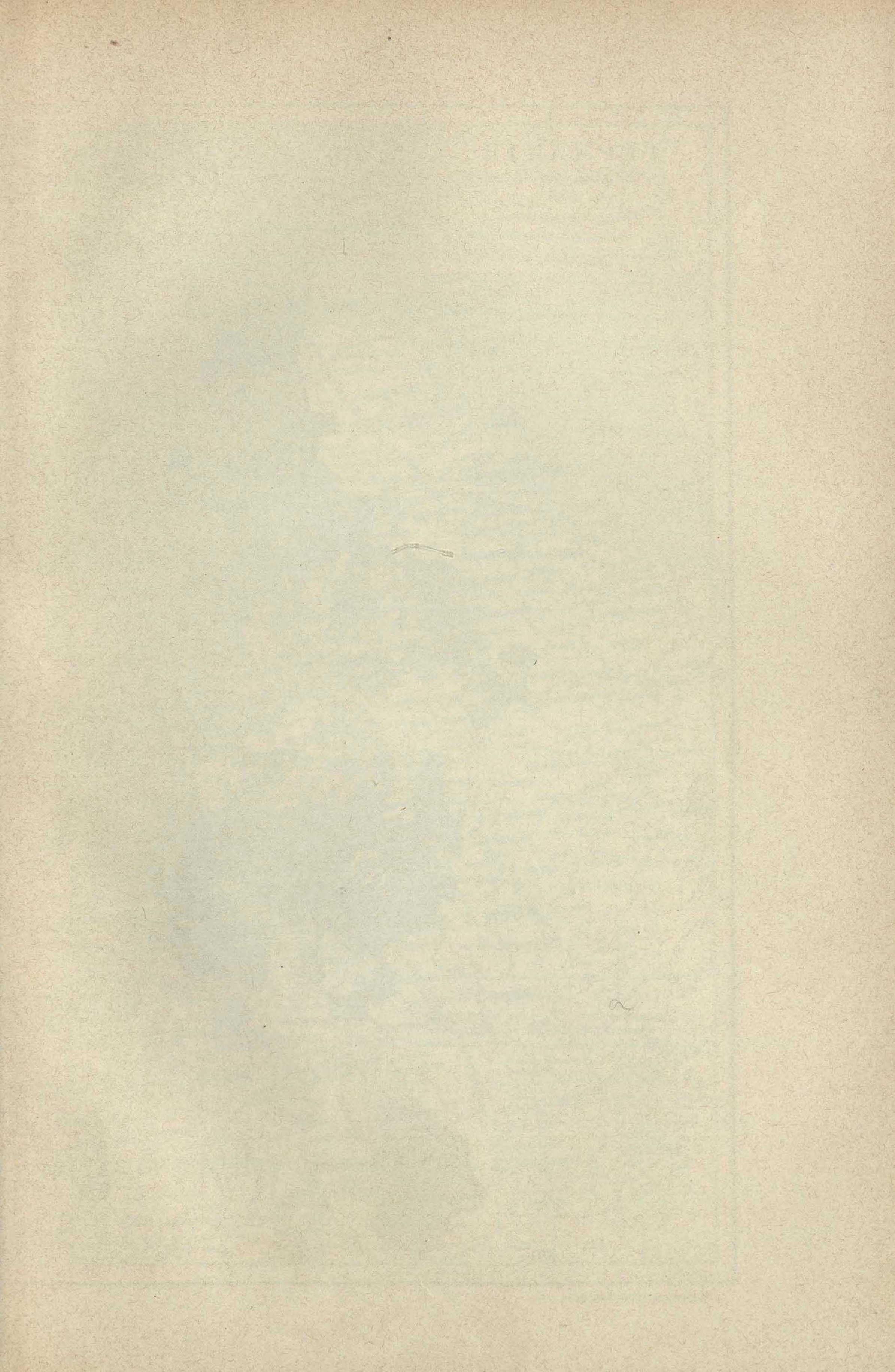
Б. Духовныя области.

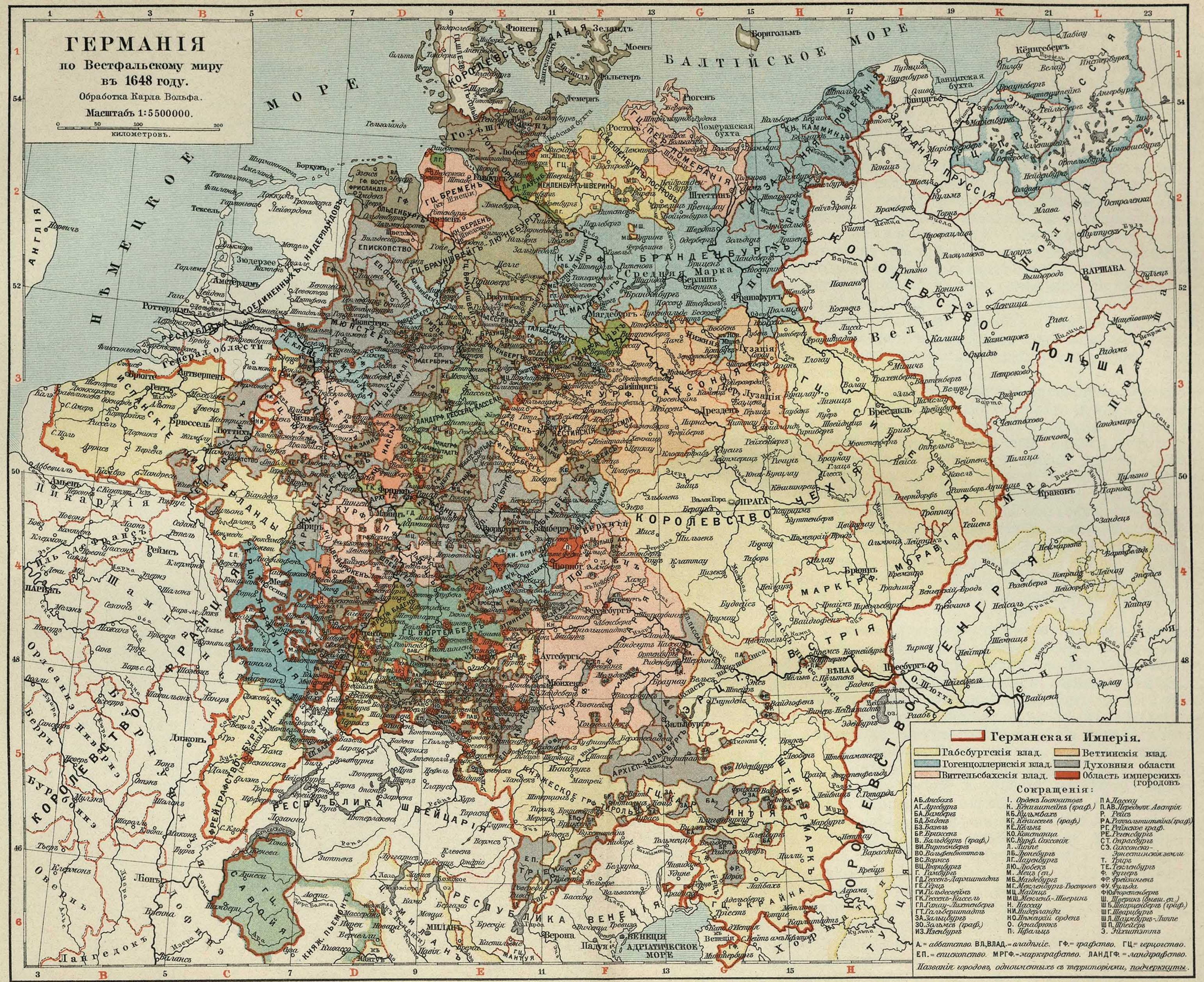
1. Архіепископства:

2. Епископства:

3. Аббатства:

4. Пробства:





Исторія человѣчества. VII.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

преобладаніе Французское королевство, что приближается вѣкъ Людовика XIV. Въ борьбѣ за положеніе среди европейскихъ державъ Францiя одержала окончательную побѣду надъ домомъ Габсбурговъ; мечты Франциска I осуществились. Когда Генрихъ IV былъ убитъ (стр. 295), старшему сыну его, Людовику XIII (1610—43). было всего 9 лѣтъ. Поэтому, регентство за короля получила его мать, Марія Медичи, и воспользовалась властью, чтобы ввести систему управленія, совершенно не похожую на прежнюю. Сюлли, котораго неохотно терпѣли, какъ реформата, получилъ отставку; королева все болѣе подпадала подъ вліяніе іезуитовъ. Общее недовольство охватило и народъ, и вельможъ государства, и членовъ королевскаго дома, совершенно отстраненныхъ отъ всякаго участія въ управленіи. Положенія дѣлъ не измѣнило и парламентское провозглашеніе короля совершеннолѣтнимъ, въ октябрѣ 1614 г.; король обратился къ матери съ просьбой продолжать и далѣе управленіе государствомъ. Согласно съ общимъ желаніемъ королева, впрочемъ, созвала государственныя сословія; но ихъ совѣщанія не имѣли ни малѣйшаго успѣха и послѣдній вплоть до революціи 1789 г. французскій сеймъ разошелся, ничего не сдѣлавъ. Охрана народныхъ правъ противъ королевскаго абсолютизма съ этихъ поръ осталась только за парламентами (ихъ было 12, по одному для каждой провинціи). Очень рѣдко эта охрана оказывалась успѣшной.

Задуманный Маріей планъ притѣсненія гугенотовъ вскорѣ вызвалъ новыя столкновенія между религіозными партіями; принцъ Конде въ іюлѣ 1615 года вступилъ въ союзъ съ протестантами, которые взялись за оружіе. На время раздоры были улажены миромъ (май 1616 г.), послѣ того какъ принцъ былъ привлеченъ на сторону королевской партіи. Повѣреннымъ Маріи во всѣхъ ея замыслахъ былъ итальянецъ Кончино Кончини маршалъ д'Анкръ. Онъ особенно вызывалъ къ себѣ ярость народа; въ ближайшихъ къ Людовику кругахъ тоже поднимались голоса противъ всесильнаго временщика; наконецъ король приказалъ арестовать и убить его (24 апрѣля 1617 г.) и немедленно взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Королева была вынуждена удалиться отъ дѣлъ. Людовикъ, окруженный бездарными министрами (Шарль д'Альберъ герцогъ де Люинь, Брюльяръ де Силлери и Ла Вьевилль), пытался принять мѣры для предотвращенія неурядицъ.

Но и король вызвалъ неудовольствіе отстраненнаго отъ управленія дворянства и этимъ способствовалъ планамъ королевы матери, мечтавшей о возвращеніи власти; въ союзѣ съ дворянами она угрожала междоусобной войной. Но ранѣе чѣмъ начались настоящія военныя дѣйствія, 10 августа 1620 г. состоялось мирное соглашеніе въ Понъ-де-Се, и именно при посредствѣ человѣка, которому предстояло руководить судьбою Франціи: это былъ Жанъ Арманъ дю Плесси де Ришелье; королевѣ-матери было разрѣшено вернуться ко двору. Но новыя осложненія возникли изъ за церковнаго вопроса. Сильно утвердившаяся католическая церковь начала вновь борьбу съ еретиками, требуя и отчасти добиваясь силою возвращенія секвестрованныхъ церковныхъ имуществъ. Въ 1621 году, дѣло дошло до открытой борьбы съ реформатами; на сѣверѣ они были вскорѣ побѣждены, но на югѣ сопротивленіе ихъ продолжалось до октября 1622 г., когда Нантскій эдиктъ получилъ въ общихъ чертахъ новое подтвержденіе. Между тѣмъ королева-мать пользовалась вновь пріобрѣтеннымъ вліяніемъ менѣе въ личныхъ цѣляхъ, чѣмъ для возвышенія кардинала Ришелье; она достигла избранія его въ государственный совѣтъ. Съ 1624 года во главѣ правительства стоитъ одинъ Ришелье.

Съ этого времени начинается подъемъ французской политики, возрастаетъ ея вліяніе, доходящее до полнаго господства надъ дипломатіей Европы. Цѣль у Ришелье была та же, что у Генриха IV: ослабленіе

власти Габсбурговъ въ Австріи и Испаніи. Голландская республика, нѣмецкіе протестанты и шведы пользовались поддержкой Франціи; споръ за мантуанское наслѣдство окончился 6 апрѣля 1631 г. къ выгодѣ Франціи, причемъ Испанія утратила важную опору своего вліянія въ Италіи. Во внутреннемъ управленіи Ришелье руководился исключительно требованіями государственнаго блага; уступки частнымъ интересамъ прекратились; это создало кардиналу страстныхъ враговъ при дворѣ. Чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ волненій, какія возникали уже въ теченіе цѣлаго столѣтія при постоянномъ участіи гугенотовъ, кардиналъ задумалъ ихъ уничтоженіе (1626 г.). При этомъ онъ не отказался даже отъ испанской помощи, тогда какъ Англія поддерживала реформатовъ. Сильнѣйшая крѣпость, гугенотовъ, Ла Рошель, была осаждена въ 1627 г. подъ личнымъ руководствомъ Ришелье; только 28 октября 1628 г. крѣпость сдалась, не дождавшись обѣщанныхъ англичанами подкрѣпленій. Голодъ страшно свирѣпствовалъ среди жителей. Пережившимъ осаду Ришелье обѣщалъ сохраненіе жизни и собственности, а также свободу богослуженія; но укрѣпленія были срыты и городскія привилегіи уничтожены. По миру, заключенному лѣтомъ 1629 г., были уничтожены укрѣпленія всѣхъ крѣпостей гугенотовъ; свобода богослуженія была имъ оставлена, и только отнято у нихъ политическое представительство.

Прежнее расположеніе королевы-матери къ Ришелье смѣнилось, между тѣмъ, противоположными чувствами. Давно уже она интриговала противъ министра, — но тщетно; сама она должна была удалиться отъ двора. Вмѣсто нея повелъ козни противъ Ришелье братъ короля, герцогъ Гастонъ Орлеанскій; въ 1632 г., при поддержкѣ Генриха Монморанси, онъ даже рѣшился вступить въ открытую борьбу; но послѣ пораженія при Кастельнодари (1 сентября), когда Монморанси попалъ въ плѣнъ (а затѣмъ былъ казненъ), онъ былъ вынужденъ сдаться. Съ побѣдой надъ герцогомъ Орлеанскимъ стоитъ въ связи и пораженіе его тестя, герцога Карла III Лотарингскаго, который помогалъ императору и за это былъ вынужденъ сдать французамъ Нанси до заключенія мира. На дѣлѣ, вся страна оставалась почти три десятилѣтія (до 1659 г.) во власти французовъ, между тѣмъ какъ герцогъ Карлъ, сражаясь на сторонѣ императора, тщетно пытался вернуть свои владѣнія. Герцогъ Орлеанскій, вновь вошедшій въ милость съ 1634 г., опять задумалъ заговоръ противъ Ришелье, но планъ и на этотъ разъ не удался. Нѣсколько позже рушились и надежды герцога на престолонаслѣдіе, когда родился наслѣдный принцъ, впослѣдствіи Людовикъ XIV (1638 г.). Однако, онъ еще разъ попытался (1642 г.) низвергнуть Ришелье, въ союзѣ въ Анри Куафье де Рюзе маркизомъ де Сенъ-Марсъ, котораго Людовикъ XIII возвелъ въ санъ великаго шталмейстера, и въ соглашеніи съ Испаніей. Заговоръ опять неудался. Но конецъ Ришелье былъ близокъ; онъ умеръ 4 декабря 1642 года; а 14 мая 1643 г. скончался и король. Хотя кардиналу и не довелось принять участіе на мирномъ конгрессѣ въ Мюнстерѣ, но то преобладающее положеніе, которое Франція оказалась въ состояніи занять при заключеніи мирнаго трактата, было безспорно плодомъ его неутомимой дѣятельности (см. стр. 320).

Опеку надъ малолѣтнимъ принцемъ получила, вопреки желанію отца, королева Анна Австрійская, съ которой Людовикъ жилъ въ не весьма счастливомъ бракѣ. Приверженцы Ришелье уже боялись переворота въ правительственной системѣ. Въ это время королева избрала своимъ довѣреннымъ состоявшаго съ 1639 года на французской службѣ итальянца Джуліо Мазарини, который, хотя и не обладалъ геніемъ и энергіей Ришелье, все таки, подобно ему, стремился дѣйствовать для величія Франціи. Во внутреннихъ дѣлахъ неудовольствіе на военныя тяготы и все возраставшіе налоги привело лѣтомъ 1648 г. къ серьезнымъ безпорядкамъ (Фронда) въ Парижѣ; волненія окончились побѣдой парламента, кото-

рому удалось заставить королеву признать за нимъ долю участія въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Попытки королевы взять свои уступки назадъ не увѣнчались успѣхомъ. По мирному договору въ Рюэйлѣ (1 апрѣля 1649 г.) она была вынуждена подчиниться требованіямъ; впрочемъ, Мазарини еще сохранялъ свое руководящее положеніе. Но когда онъ, въ соглашеніи съ королевой, арестовалъ 18 января 1650 года вождя противной партіи, принца Людовика Конде и его родственниковъ (Армана Конде, Анри де Лонгвиля), онъ вызвалъ противъ себя такую бурю негодованія, что былъ вынужденъ покинуть Францію и могъ только помогать королевѣ своими совѣтами изъ Люттиха и Брюгге. Онъ уже собирался возвратиться, когда Конде вновь началъ возстаніе; только когда послѣдній былъ побѣжденъ Тюренномъ, Мазарини смогъ 3 февраля 1653 года вернуться побѣдителемъ во Францію. За два года до того Людовикъ XIV достигъ совершеннолѣтія и формально началъ править государствомъ; но настоящей повелительницей все еще до времени оставалась его мать.

Какъ видно, картина положенія внутреннихъ дѣлъ во Франціи во время великой войны не представляется особенно отрадной. Несмотря на это, рѣшающее вліяніе при заключеніи Вестфальскаго мира имѣла французская политика. Только благодаря ей, удалось побудить императора согласиться на допущеніе къ переговорамъ и князей, какъ представителей имперіи. Разумѣется, цѣлью французскихъ стараній была не столько защита протестантовъ, сколько собственныя территоріальныя пріобрѣтенія. Интересы Франціи требовали только, чтобы габсбургскій императоръ въ лицѣ нѣмецкихъ князей, все равно — какого вѣроисповѣданія, получилъ принципіальнаго противника. Этого французская дипломатія въ самомъ дѣлѣ достигла.

в) Содержаніе и значеніе Вестфальскаго мира.

Мирными переговорами въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ были выработаны во первыхъ положенія относительно религіозныхъ вопросовъ, и эти положенія выходили далеко за предѣлы прежнихъ соглашеній. Пассаускій договоръ и Аугсбургскій религіозный миръ были не только въ полномъ объемѣ подтверждены, но и распространены на реформатовъ. Отношенія между государствомъ и церковью были существенно измѣнены, въ духѣ равноправія вѣроисповѣданій. Въ то время какъ былыя столѣтія выработали высокую степень терпимости по отношенію къ нехристіанамъ, съ пятнадцатаго столѣтія, когда окончательно завершилось внутреннее проникновеніе нѣмецкой народности христіанствомъ, подобнаго отношенія уже не наблюдается, христіанская церковь въ глазахъ ея приверженцевъ является уже не только „вселенской“, но и единственной религіозной общиной, могущей выражать притязанія на это имя. Реформаторы, и среди нихъ особенно могучій Лютеръ, стремились къ цѣли не меньшей, чѣмъ полное преобразованіе христіанства по своимъ идеаламъ; самъ Лютеръ смотрѣлъ на свое ученіе, какъ на возвратъ къ Августину. Ни отъ чего онъ не былъ такъ далекъ, какъ отъ религіозной терпимости, которая вообще можетъ возникнуть лишь въ видѣ необходимаго на практикѣ компромисса и никогда не является выводомъ религіознаго убѣжденія; каждый представитель обладающаго внутренней мощью міровоззрѣнія, конечно, обладаетъ стремленіемъ распространить свою идею и сдѣлать ее достояніемъ всего человѣчества. Но невозможность для каждой изъ партій достичь подобной цѣли заставила политиковъ отказаться отъ всякихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Правда, въ самихъ мирныхъ трактатахъ не упоминается о принципіальной вѣротерпимости, но было ограничено существовавшее право князей опредѣлять вѣроисповѣданіе своихъ подданныхъ. Годъ 1624 былъ избранъ въ качествѣ нормальнаго и каждому, кто въ этомъ году фактически принадлежалъ къ тому или другому вѣро-

исповѣданію, была гарантирована свобода религіи на всѣ времена. При томъ вѣроисповѣданіе ни для кого не должно было являться препятствіемъ въ пользованіи гражданскими правами. Такимъ образомъ стало возможнымъ сосуществованіе нѣсколькихъ вѣроисповѣданій въ предѣлахъ одной территоріи. Съ другой стороны, случайная перемѣна религіи однимъ изъ князей уже не могла принудить къ такому же переходу весь его народъ. Очевидно, подобная реформа должна была привести прежде всего къ практической терпимости, а затѣмъ и къ государственному и общенародному признанію этой терпимости. Окончательно побѣдили новыя воззрѣнія въ XVIII вѣкѣ и замѣчательна, между прочимъ, попытка Лессинга найти философское обоснованіе вѣротерпимости (см. въ III отдѣлѣ этого тома).

Конечно, постановленія мирныхъ трактатовъ не были окончательными. Какъ относительно фактическаго состоянія вѣроисповѣданій въ „нормальномъ году", такъ и по поводу толкованія всѣхъ остальныхъ пунктовъ, возникли безконечные споры и многіе изъ нихъ были улажены только благодаря полному распаденію старой имперіи. Но уже самый фактъ существованія этихъ споровъ ясно свидѣтельствуетъ, что мирный трактатъ въ дѣйствительности сталъ „Основнымъ закономъ Священной римской имперіи", чего требовало и такъ называемое „Новѣйшее имперское постановленіе" 1654 г., включившее въ свое содержаніе полный текстъ обоихъ мирныхъ трактатовъ.

Что касается свѣтскихъ дѣлъ, было прежде всего въ существенныхъ пунктахъ измѣнено имперское уложеніе: Баварія удержала свое курфюршеское достоинство, а Пфальцъ, ограниченный областью рейнскаго Пфальца, пріобрѣлъ новый, восьмой голосъ въ собраніи курфюрстовъ. Всѣ имперскіе чины, князья и города получили въ то же время полную территоріальную суверенность, съ правомъ заключать союзы между собою и съ заграницей, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы такіе союзы не были направлены противъ императора и государства. Имперское законодательство поступило теперь въ общее вѣдѣніе императора и сословій и этимъ существенно расширены полномочія рейхстага. За имперскими городами, значеніе которыхъ къ этому времени очень ослабѣло, были категорически признаны права государственныхъ чиновъ, которыя серьезно не оспаривались уже съ 1489 г. (см. стр. 253).

Важнѣе чѣмъ эти положенія, которыя только узаконили фактически установившійся порядокъ, были отвѣты на международные вопросы. Франція пріобрѣла значительную долю габсбургскихъ владѣній въ Эльзасѣ (за категорическимъ исключеніемъ Страсбурга) и занятыя съ 1552 г. епископства Мецъ, Туль и Верденъ (см. стр. 286). Швеція получила прочную опору на южномъ берегу Балтійскаго моря и вошла въ составъ германскихъ государственныхъ чиновъ: кромѣ пяти милліоновъ талеровъ вознагражденія за военныя издержки, она получила Переднюю Померанію и Рюгенъ, меньшую часть Задней Помераніи съ Штеттиномъ и устьями Одера, городъ Висмаръ, епископство Бременъ, кромѣ города, а также епископство Верденъ. Курфюршество Бранденбургъ, имѣвшее наслѣдныя притязанія на всю Померанію, было вынуждено удовлетвориться большей частью Задней Помераніи, но было за это вознаграждено епископствами Гальберштатомъ, Минденомъ и правопреемствомъ на Магдебургъ. Наконецъ, на границахъ имперіи были выдѣлены двѣ самостоятельныя республики, ранѣе входившія въ ея составъ. Для Швейцаріи этимъ только признавалось положеніе дѣлъ, упрочившееся съ 1499 г. (см. стр. 241). Со временъ Цвингли и Кальвина (стр. 274 и 289) Швейцарскій союзъ былъ обезсиленъ внутренними религіозными раздорами. Нѣсколько разъ въ движеніе вмѣшивались Франція и Испанія, какъ сосѣдняя держава, владѣтельница Милана; аристократическое правительство городовъ, особенно Берна,

вмѣстѣ съ религіозными требованіями крестьянъ, тоже часто вызывало смуту въ странѣ; еще въ 1653 г. было съ кровопролитіемъ подавлено возстаніе крестьянъ въ Бернѣ, Люцернѣ, Золотурнѣ и Базелѣ. Еще въ большей степени пріобрѣли право на политическую самостоятельность Генеральные штаты, которые въ это время находились на пути къ колоссальному экономическому подъему (уже въ 1602 г. была основана Остиндская компанія; см. стр. 97). Выгоды приморскаго положенія побуждали города, бывшіе издавна мѣстами процвѣтанія денежнаго хозяйства, къ захвату морского владычества при помощи торговаго флота. Упадокъ Испаніи въ то же время давалъ возможность воспользоваться въ этомъ отношеніи наслѣдіемъ прежнихъ тирановъ Голландіи.

Вступленіемъ въ силу мирнаго трактата, Германская Имперія по существу своему, распадалась. Императоръ имѣлъ отнынѣ право голоса только какъ властитель Австріи, и имперскіе чины могли безпрепятственно вступать въ сношенія съ иностранными державами. Швеція, этотъ опасный сосѣдъ, даже вошла въ составъ имперскихъ чиновъ, съ мѣстомъ и голосомъ въ рейхстагѣ, который, въ свою очередь, являлся лишь пародіей на имперское представительство. Съ этого времени въ областяхъ съ нѣмецкимъ населеніемъ существуютъ только отдѣльные князья. Одинъ изъ нихъ, государь Бранденбурга, теперь именно начинаетъ вести свое управленіе и хозяйство на совершенно новыхъ основахъ; впослѣдствіи ему удалось создать многое и оставить, умирая (1688 г.), свою страну въ положеніи совершенно не похожемъ на то, въ какомъ она была при вступленіи его на престолъ въ 1640 г. (см. въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома). Что касается высшей политики, каждый нѣмецкій государь долженъ былъ считаться прежде всего съ западнымъ сосѣдомъ, который лишь временно удовлетворялся своими пріобрѣтеніями по мирному трактату и только ждалъ случая для захвата новыхъ нѣмецкихъ областей.

Вестфальскимъ миромъ закончилась наиболѣе плачевная эпоха нѣмецкой исторіи. Миръ засталъ истощенную, опустошенную, обезлюдѣвшую страну со всѣми признаками упадка. Мы должны отказаться даже отъ попытки изобразить страданія, вынесенныя государствомъ. Чтобы дать достаточное представленіе о дѣйствіяхъ военнаго погрома, довольно сравнить состояніе страны до начала волненій и въ послѣднія времена войны. Цѣна съѣстныхъ припасовъ возрасла мѣстами въ десять разъ противъ нормальной. Число жителей уменьшилось ужасающимъ образомъ. Къ сожалѣнію, именно по этому вопросу недостаетъ точныхъ данныхъ; для одной лишь Чехіи вычисленія привели къ достовѣрному выводу, по которому, вмѣсто четырехъ милліоновъ населенія въ 1618 г., въ концѣ войны насчитывалось уже только 800,000 человѣкъ. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что, какъ было указано выше, всѣ безъ различія области испытали этотъ погромъ и были одинаково опустошены врагами и союзниками. Даже заключеніе мира не могло сразу положить конецъ всѣмъ насиліямъ; арміи повсюду оставались на военномъ положеніи; отдѣльныя притязанія ждали провѣрки и осуществленія заинтересованными сторонами. Въ общихъ чертахъ эта работа была выполнена въ Нюрнбергѣ въ теченіе 1649 г.; только въ іюнѣ 1650 г. было составлено „главное постановленіе о выполненіи условій мира“ (Friedensexekutions-Hauptabschied).

Не сразу осуществились всѣ тѣ надежды, съ которыми было встрѣчено въ Германіи извѣстіе о заключеніи мира; въ теченіе десятилѣтій еще Германія страдала отъ ранъ, нанесенныхъ войной. Но съ другой стороны нельзя упустить изъ виду, что только путемъ столь тяжкихъ испытаній имперія оказалась въ состояніи разрушить устарѣлыя формы государственности и проложить такимъ образомъ свободный путь для современнаго государственнаго развитія, которое въ девятнадцатомъ вѣкѣ привело наконецъ къ созданію новой Германской Имперіи.

[illegible]

Вестфальскимъ миромъ въ силу мирнаго трактата Германская Имперія [illegible] Императоръ [illegible] Австріи [illegible] съ иностранными державами [illegible]

[illegible]

[illegible]

III. Западное христіанство и его миссіи со временъ реформаціи.

Профессора д-ра **Вильгельма Вальтера.**

1. Расколъ въ западной церкви.

А. Нѣмецкая реформація (1517—1555 г.).

Никогда ни раньше, ни послѣ христіанская церковь въ западной Европѣ не испытывала столь опасныхъ потрясеній, какъ въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Церковная религіозность средневѣковья покоилась на двухъ основныхъ положеніяхъ: сильное подчиненіе авторитету и сознаніе противоположности между духовенствомъ и мірянами. Но уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій постоянно подымались новыя сомнѣнія въ справедливости этихъ основныхъ возрѣній. Гуманизмъ сдѣлалъ общимъ достояніемъ образованнаго круга совершенно другія идеи. Ожило сознаніе неизбѣжныхъ потребностей, присущихъ человѣческой природѣ: сознаніе, что человѣкъ есть самостоятельная личность; стремленіе къ свободѣ, къ самоопредѣленію и безпрепятственному развитію, и вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе положенія, которое долженъ занять человѣкъ по отношенію къ окружающему міру, стремленіе къ земной дѣятельности и къ земному блаженству. Изъ ребенка, который чувствовалъ себя счастливымъ подъ постояннымъ присмотромъ родителей и еще боялся выступить въ широкій свѣтъ, выросъ юноша, требовавшій свободы выбора и желавшій самостоятельно опредѣлить свое мѣсто въ міровой работѣ и наслажденіи. Но церковь не позаботилась признать основательность этого стремленія и воспитать еще подчинявшееся ей человѣчество къ религіозной свободѣ и самостоятельности, къ нравственной міровой дѣятельности и къ нравственному пользованію плодами работы. Она неуклонно придерживалась своихъ старыхъ воззрѣній и хотѣла удержать въ нихъ весь міръ. Она продолжала еще вѣрить въ дѣйствительность своихъ исправительныхъ наказаній, забывая, что наступаетъ время, когда сына уже не пугаетъ отцовская лоза.

И однако, внѣ религіи, проникнутой этими средневѣковыми убѣжденіями, на Западѣ не было христіанства. Дѣло было ясно: новыхъ идей нельзя было примирить со старой вѣрой. Приходилось либо вѣрить и жить согласно съ тѣми старыми идеалами и жертвовать новыми, либо придерживаться новыхъ идей и отказаться отъ старой религіи. Многіе уже избирали второй путь; они не были въ состояніи противиться могучему движенію эпохи. Но при этомъ они отказываются отъ старой религіи, потому что вся она пропитана тѣми старыми идеями. Разумѣется, привычка и въ религіозной области является могучей силой. Большинство продолжаетъ нѣкоторое время внѣшнимъ образомъ придерживаться стараго вѣроисподанія. Но раньше или позже все таки привычку побѣждаетъ потребность въ цѣльномъ міровоззрѣніи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ слѣдуетъ считать духовными вождями человѣчества. Но горе религіи, которая сохраняется только благодаря закону инерціи. Правда, въ эпоху наступленія новаго времени число тѣхъ, кто исповѣдывалъ христіанство изъ искреннаго благочестія, по крайней мѣрѣ въ Германіи, было еще

очень велико, даже больше, чѣмъ когда либо. Но церковь уже не въ состояніи удовлетворить ихъ религіознымъ запросамъ, потому что стремленіе къ самостоятельности и къ господству надъ міромъ начало уже проявляться и въ области религіи; потому что и въ этой области слѣпую покорность и бѣгство отъ міра начинаютъ ощущать и ненавидѣть, какъ насиліе надъ человѣческой природой.

Въ чемъ могла искать спасенія религія? Помощь могла состоять только въ единственномъ исходѣ: міру необходимо было дать новую форму христіанства; христіанство, которое не подавляло бы природы человѣка, а вело бы къ ея свободному развитію; которое признавало бы стремленіе къ религіозной свободѣ и міровой дѣятельности и старалось бы направить это стремленіе на истинный путь. Правда, и въ томъ случаѣ, когда спасеніе является подобнымъ путемъ, нельзя избѣжать вредныхъ послѣдствій того, что церковь только старается подавить всякую религіозную самостоятельность и не пытается воспитать свою паству къ пользованію свободой. Религіозной свободой тоже злоупотребляютъ самымъ плачевнымъ образомъ, но по крайней мѣрѣ жаждущимъ истины открывается возможность утолить свою духовную жажду. Въ нихъ христіанство должно воскреснуть въ новой, очищенной формѣ.

Это обновленіе христіанства не случайно совершилось именно въ Германіи. Еще въ средніе вѣка изъ Германіи исходили всѣ попытки лишить вѣру, переданную Европѣ римско-греческимъ міромъ, ея характера строгой законности и сдѣлать ее личнымъ дѣломъ индивидуальнаго сознанія. Особенно свойственная германцамъ, враждебная видимой внѣшности глубина настроенія, искренность, которая не можетъ довольствоваться наружнымъ благочестіемъ, совѣстливость, которая не въ состояніи удовлетвориться успокоительными увѣреніями земныхъ авторитетовъ, — эти качества нѣмецкаго духа зародили именно въ Германіи новую, болѣе искреннюю и сознательную религію, доставили ей именно въ Германіи восторженный пріемъ.

Мартинъ Лютеръ воспитался въ чисто средневѣковыхъ возрѣніяхъ. Онъ слѣпо ввѣряется и повинуется церкви. Трепетъ благочестія охватываетъ четырнадцатилѣтняго мальчика, когда онъ видитъ, какъ по улицамъ Магдебурга проходитъ одѣтый въ монашескую рясу князь Ангальтскій, согбенный подъ тяжестью нищенской сумы. „Кто его видѣлъ, трепеталъ отъ благочестія и стыдился своего свѣтскаго званія". Но въ немъ живетъ жгучая жажда религіозной самостоятельности и желаніе личной увѣренности въ томъ, что онъ правильно выполняетъ передъ Богомъ свою обязанность. Его изумительная душевная искренность дѣлаетъ для него совершенно невозможнымъ тѣшить себя какими нибудь отговорками. Чтобы заслужить милость Божію, онъ въ состояніи выполнить крайнее, что предписываетъ для этой цѣли церковь Онъ отрекается отъ всего, что ему дорого на землѣ, онъ вступаетъ въ августинскій монастырь и подрываетъ свое здоровье благочестивыми упражненіями. Но онъ не можетъ, какъ это дѣлаютъ тысячи, успокоить свою совѣсть тѣмъ, что онъ больше ничего не умѣетъ сдѣлать. Въ своей неуклонной искренности онъ все яснѣе чувствуетъ, что всѣ его благочестивыя упражненія не достаточны передъ Богомъ, такъ какъ все это совершается изъ страха, даже съ тайнымъ ропотомъ на Творца, который несмотря на всѣ мольбы не ниспосылаетъ на него своей благодати. Все громче вздыхаетъ онъ: „Когда же наконецъ стану я благочестивымъ и обрѣту дѣлами своими милосердіе Божіе?" Его готово охватить отчаяніе, такъ какъ онъ наконецъ по опыту приходитъ къ такому сознанію: единаго, отъ чего все зависитъ, настоящей любви къ Богу, мы обрѣсти не въ состояніи; слѣдовательно мы не въ состояніи и заслужить благодати Господней. „Въ адъ снизойти я долженъ!" скорбитъ онъ. Въ это время его орденскій генералъ, благоче-

стивый Штаупицъ, указываетъ его порывамъ иную цѣль. Для насъ невозможно заслужить благодать Божію нашимъ благочестіемъ; но отъ отчаянія мы имѣемъ прибѣжище во Христѣ; Христосъ не устрашаетъ, а утѣшаетъ. Христомъ мы можемъ испросить прощенія въ томъ, что мы не таковы, какими должны быть; прощенія, а съ нимъ и благодати Господней. Вмѣсто неразрѣшимаго вопроса: „Когда же наконецъ я стану праведнымъ?“ мы должны ставить другой вопросъ: „Когда я обрѣту прощеніе?“ И отвѣтъ на него гласитъ: только чрезъ Христа, чрезъ вѣру въ Него, то есть черезъ личное упованіе на Него, какъ носителя милости Господней.

Теперь Лютеръ читаетъ Библію и она является для него въ новомъ свѣтѣ. „Праведный живъ будетъ вѣрою своей“, эти слова для него отрадны и драгоцѣнны. Только вѣра дѣлаетъ праведнымъ, даетъ жизнь. Чѣмъ больше онъ въ тяжелой борьбѣ научается, оставивъ старый путь, который ему указывало ученіе церкви, идти по новому пути упованія на благодать Господню, тѣмъ сильнѣе онъ убѣждается въ томъ, что это правый путь. Совѣсть его успокаивается. Онъ знаетъ, что теперь въ самомъ дѣлѣ обрѣлъ благодатнаго Бога. Такимъ образомъ онъ по личному опыту удостовѣрился въ томъ, какой путь ведетъ къ спасенію, и передъ нимъ открылась истина Святого Писанія.

Новое христіанство, открытое имъ, это—самое древнее христіанство: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ.— Никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (см. также томъ IV, стр. 159). Такимъ образомъ Лютеръ пришелъ къ совершенно самостоятельной вѣрѣ; никакихъ земныхъ церковныхъ авторитетовъ онъ уже не признаетъ. И однако эта вѣра возникла не по его личному произволу. Скорѣе объективная дѣйствительность, объективно существующая благодать Божія стала его субъективнымъ достояніемъ. Страшная опасность, скрывавшаяся въ пробужденіи стремленія къ самостоятельности въ сферѣ религіи, опасность, что каждая отдѣльная личность создастъ себѣ какую нибудь вѣру и этимъ удовлетворится, — эта опасность была счастливо обойдена Лютеромъ. Его вѣра самостоятельна, но не произвольна; вполнѣ искренняя и въ то же время обоснована внѣ его лежащей дѣйствительностью; вполнѣ свободна и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣлена; она покоится на авторитетѣ, Того, Кто является единственнымъ авторитетомъ; самого Творца. Какъ падаетъ теперь для Лютера значеніе всѣхъ земныхъ авторитетовъ, отцовъ церкви, папъ, соборовъ! Какъ блѣднѣютъ всѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ грѣшникъ, трепетавшій передъ страшной карой: покаянныя дѣла, индульгенціи, заступничество патроновъ. По мнѣнію Лютера, все это не нужно тому, кто находится съ истиннымъ общеніи съ Господомъ. Вся обрядовая сторона, оставленная Лютеромъ, должна служить только для того, чтобы вызывать и поддерживать радостное упованіе на благодать и любовь Божію.

На основѣ новой религіозной идеи создавалась и соотвѣтственная мораль: „Христіанинъ свободный господинъ всѣхъ вещей и никому не подчиненъ“. Никакое принужденіе не въ состояніи вызвать истинно добрыхъ дѣлъ, но какъ хорошее дерево само собою приноситъ хорошій плодъ, такъ и вѣра, вдохновляющая человѣка, какъ бы непроизвольно вызываетъ въ немъ богоугодные поступки. Новыя отношенія создаютъ новое поведеніе. Возникаетъ самостоятельная мораль, вполнѣ независимая отъ того, требуетъ ли церковь строгаго благочестія или нѣтъ, или даже сама попираетъ его; эта мораль стремится стать выше завѣта и запрета, дурного или добраго примѣра. Правда, въ душѣ еще таится склонность ко злу; но вѣра не можетъ терпѣть ея, не станетъ маскировать ее дѣлами притворнаго благочестія. Она ненавидитъ зло, поскольку истинна ея любовь къ Богу; поэтому вѣра неутомимо борется со злыми наклонностями.

Насколько новы источники и сущность этой морали, настолько же

нова и форма ея проявленія. Средневѣковье считало идеаломъ удаленіе отъ міра и жизнь, посвященную всецѣло религіи. Но тотъ, кто въ званіи, предназначенномъ ему Провидѣніемъ, чувствуетъ, что достигъ до истиннаго общенія съ Богомъ, тотъ знаетъ, что онъ именно въ этомъ званіи долженъ выразить свое новое положеніе; что не то, что онъ дѣлаетъ, составляетъ разницу, а то, какъ онъ дѣлаетъ; дѣлаетъ ли онъ свое дѣло въ любви къ Богу, какъ призваніе Божіе, какъ угодное предъ Богомъ. Лютеръ считаетъ безуміемъ видѣть нечистое въ мірскихъ призваніяхъ: въ семейной, брачной, общественной жизни. Скверна можетъ проникнуть въ самую святую дѣятельность: въ молитву, въ церковную жертву, въ монашеское состояніе. И самое скромное мірское дѣло освящается любовью и вѣрою, „если бы даже было не больше, чѣмъ поднять соломинку". Могутъ ли быть мірскія радости нечистыми сами въ себѣ? Кто сподобился благодати Божіей, съ благодарной радостью принимаетъ отъ руки Его все, что даруетъ ему благость Божія, и эта благодарность должна отвратить его отъ злоупотребленій. Такимъ образомъ побѣждена еще одна страшная опасность, таящаяся въ пробужденіи чувства, которое, отдѣляя мірскую работу и мірскую радость отъ Творца и Владыки міра, будетъ служить міру только изъ корыстныхъ цѣлей и губить и своего носителя, и его близкихъ. Итакъ, христіанству была придана новая форма. Оно уже не противорѣчитъ идеаламъ новаго времени, напротивъ, оно желаетъ и можетъ спасти ихъ отъ вырожденія. Какъ бы не вздымались волны новаго потока свободы и господства надъ міромъ,—въ возрожденной религіи создана опора, спасающая отъ гибели въ этомъ потокѣ. Христіанство на Западѣ спасено для новаго времени.

Лютеръ самъ не подозрѣвалъ всеобъемлющаго значенія своего религіознаго открытія. Воспринятое съ молокомъ матери почтеніе къ церкви не позволяло ему даже помыслить, что онъ отклоняется отъ ея ученій. Онъ прибилъ къ дверямъ Виттенбергской церкви свои 95 тезисовъ объ индульгенціяхъ только для того, чтобы бороться съ отдѣльнымъ злоупотребленіемъ. Но не смотря на скромный языкъ этихъ тезисовъ, не смотря на то, какъ мало въ нихъ сказывалась его реформаторская идея, дѣйствіе ихъ было зажигательно. Прочтя ихъ, благочестивый монахъ докторъ Флекъ воскликнулъ: „Ого, вотъ этотъ надѣлаетъ дѣлъ; вотъ тотъ, кого мы такъ долго ждали". Чувствовалось, что тутъ заговорила совѣсть, равно жаждавшая объективной правды и субъективной увѣренности. И приверженцы старыхъ воззрѣній оказали Лютеру большую услугу, когда своимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ обнаружили пропасть, лежавшую между ними и реформаторомъ. Лейпцигская диспутація между Лютеромъ и римскимъ ученымъ богословомъ д-ромъ Экомъ (іюль 1519 г.) вызвала участіе къ этой борьбѣ и среди гуманистовъ, до тѣхъ поръ хранившихъ равнодушіе. Посланіе „Къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи", въ которомъ Лютеръ въ пламенныхъ выраженіяхъ излагаетъ жалобы на римскій престолъ и требуетъ настоящаго реформаціоннаго собора (начало 1520 года), сдѣлало требованіе Лютера общимъ интересомъ германскаго народа.

Но Римъ изрекъ свое рѣшеніе, не обращая вниманія на знаменія времени. Папство враждебно заградило путь новому историческому развитію, осудивъ особой буллой Лютера, его ученіе и приверженцевъ. Когда на сторону папства удалось наконецъ привлечь и императора (Вормсъ, въ маѣ 1521 г.), и папское рѣшеніе было поддержано имперской опалой надъ новаторами, оставалась только альтернатива: либо мощное религіозное движеніе надлежало сломить силою, либо Римъ долженъ былъ склониться передъ нимъ. Но Римъ не уступалъ; а между тѣмъ политическія условія не позволяли императору исполнить роль, которую онъ принялъ на себя послѣ приговора, произнесеннаго папскимъ легатомъ, и явиться послушнымъ исполнителемъ велѣній римскаго престола.

Такимъ образомъ реформаціонное движеніе, включившее въ себя различныя составныя части, получило время для уясненія собственной сущности и для отреченія отъ того, что не согласовалось съ этой сущностью. Тотъ, кто желалъ только отмѣны нѣкоторыхъ вопіющихъ злоупотребленій, или, въ слѣпомъ подчиненіи церкви, только отъ нея ожидалъ помощи, тѣ отдѣлились отъ Лютера, какъ только выяснилось, что церковь настаиваетъ на его осужденіи. Другіе находили нужнымъ идти далѣе Лютера, хотя не могли отряхнуть всѣхъ остатковъ средневѣковья. Это мистически-мечтательное направленіе вновь находитъ противоположность между божественнымъ умомъ и земнымъ твореніемъ; поэтому проповѣдники этого ученія требуютъ внѣшняго отреченія отъ всего земного, желаютъ слышать голосъ Божій непосредственно въ человѣкѣ, отвергаютъ всякое естественное посредничество и всякое историческое развитіе. Они порицаютъ Лютера за то, что онъ сочувствуетъ мірскимъ радостямъ; они выдаютъ самыя безумныя созданія своего воображенія за откровеніе божественнаго духа; они отвергаютъ знаніе и науку и хотятъ уничтожить въ церкви все, чего въ ней не было во времена апостоловъ. Когда Лютеръ укрывался въ Вартбургѣ, въ Виттенбергѣ разразилась буря. Профессоръ Карлштадтъ прекратилъ чтеніе лекцій, учитель бросилъ уроки; прежде всего нужно было уничтожить все, возникшее съ теченіемъ времени, и главнымъ образомъ, уничтожить иконы. Лютеръ, несмотря на запрещеніе курфюрста, покинулъ свое вѣрное убѣжище и въ теченіе недѣли ежедневно проповѣдывалъ противъ этихъ фанатиковъ, пока ему не удалось совершенно успокоить волненіе. Впрочемъ подобный духъ обнаружился и въ другихъ мѣстахъ, особенно тамъ гдѣ сопротивленіе Рима дѣлало невозможнымъ попеченіе о духовныхъ нуждахъ народа. Общимъ признакомъ этого движенія былъ отказъ отъ крещенія дѣтей. Но исходившее отъ Лютера реформаціонное теченіе сразу приняло направленіе, рѣзко отличавшееся отъ этой струи.

Пришлось отказаться и отъ третьяго направленія, которое главнымъ образомъ жаловалось на недостатки соціальнаго строя и для устраненія ихъ не останавливалось передъ революціоннымъ путемъ. Это недовольство, существовавшее задолго до появленія Лютера (см. соотвѣтственный отдѣлъ VI тома), теперь, когда римская церковь не разрѣшала даже требовавшейся имъ религіозной свободы и старалась подавить всѣ подобныя стремленія проклятіемъ и опалой, — должно было вспыхнуть яркимъ пламенемъ. И Лютеръ горячо поддерживалъ эти основательныя жалобы, но при этомъ постоянно подчеркивалъ, что христіанину не подобаетъ насиліе противъ власти: „Кто принимаетъ мое ученіе, тотъ не подымаетъ безчинства". Поэтому, когда начались крестьянскіе бунты, съ убійствами и пожарами, и дворянство, сознававшее, что оно виновато въ этомъ возстаніи, обнаружило малодушіе, Лютеръ энергично призвалъ властей къ исполненію своего долга неуклонно подавить революцію. Это оттолкнуло отъ него тѣхъ, кто домогался главнымъ образомъ соціальной, а не религіозной свободы.

Не малое число гуманистовъ благодаря Лютеру глубже отнеслись къ борьбѣ съ церковными злоупотребленіями и всецѣло приняли его ученіе. Но „король гуманистовъ", великій ученый Дезидерій Эразмъ Роттердамскій, все еще занималъ неопредѣленное положеніе, а съ нимъ и многіе другіе. Ему нравилась борьба противъ „толстопузыхъ монаховъ" и слишкомъ высокомѣрной „тройной папской тіары". Но больше чѣмъ истиной, онъ дорожилъ спокойствіемъ и согласіемъ. „И истина не нравится мнѣ, когда она вызываетъ раздоры." У него не было рѣшительныхъ религіозныхъ интересовъ Лютера. Наконецъ въ 1524 г. онъ даже позволилъ убѣдить себя выступить въ литературѣ противъ Лютера. Ученіе о свободной волѣ онъ избралъ поводомъ, чтобы — въ противоположность

къ Лютеровской увѣренности въ вѣрѣ, основанной на опытѣ, — доказывать, что въ области религіи возможны только мнѣнія, а не увѣренность. Само Святое Писаніе недостаточно ясно для того, чтобы дать намъ увѣренность; въ лучшемъ случаѣ мы можемъ найти вѣроятность, такъ какъ можно допустить что ученые, папы и соборы попали на вѣрное рѣшеніе. Вообще вѣра имѣетъ меньше значенія, чѣмъ нравственность и единодушіе; а чтобы воспитать эти качества, не всегда слѣдуетъ настаивать на истинѣ, такъ какъ истина легко можетъ причинить вредъ. Такимъ образомъ обнаружилась пропасть между Лютеромъ и Эразмомъ. Такъ какъ Эразмъ не обрѣлъ еще того, что требовали самые глубокіе и религіозные умы его времени, именно увѣренности въ вѣрѣ, то онъ довольствовался непрочной вѣроятностью. Лютеръ отвѣчалъ ему: „Святой Духъ не скептикъ: онъ начерталъ въ нашихъ сердцахъ не шаткую иллюзію, а сильную, великую увѣренность, которая не даетъ намъ колебаться, а благодаря Бога дѣлаетъ насъ столь же увѣренными, сколь мы увѣрены въ томъ, что два и три пять.“ Тогда, какъ Лютеръ искалъ морали, которая, покоясь на упованіи на Бога, старалась бы быть только богоугодной, Эразмъ соглашался на мораль, воспитанную въ случаѣ надобности хотя бы неправдою, лишь бы она не нарушала гражданскаго спокойствія. Итакъ, отвергалась исходящая отъ Бога и направленная къ Богу религіозность, въ которой для Лютера заключалось все. Гуманисты, съ которыхъ было достаточно того, что предлагалъ имъ Эразмъ, съ этихъ поръ категорически отстраняются отъ реформаціи.

Приверженцы старины громко ликовали, считая всѣ потери, которыя видимо несло враждебное Риму движеніе. Но надежда ихъ, видѣть гибель этого движенія, вновь и вновь обманывалась. Сохранившіе вѣрность сторонники реформаціи въ эти годы броженія только достигали большей ясности убѣжденій и несмотря на всѣ нападки пріобрѣтали постоянно новыхъ сторонниковъ. Еще въ Вартбургѣ Лютеръ предпринялъ переводъ Библіи. Нѣмецкій Новый Завѣтъ появился въ сентябрѣ 1522 года и въ теченіе слѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ выдержалъ по крайней мѣрѣ шестьдесятъ восемь изданій. Затѣмъ послѣдовали отдѣльныя части Ветхаго Завѣта и въ 1534 году была готова вся Библія. О дѣйствіи этого труда сохранилось такое свидѣтельство великаго противника Лютера, Іоанна Кохлея (Добенекъ): „Портные и сапожники, бабы и другіе тупоумные идіоты читали Новый Завѣтъ Лютера какъ кладезь всей истины, съ величайшей жадностью. Они не боялись диспутировать о вѣрѣ и Евангеліи даже со священниками и монахами, магистрами и докторами Священнаго Писанія.“

Не меньшій успѣхъ имѣли духовныя пѣсни съ новыми, энергичными мелодіями. Въ этихъ пѣсняхъ Лютеръ, а по его примѣру и другіе учителя новой религіи, возвѣщали міру ученіе реформаціи. Эти пѣсни народъ пѣлъ не только во время богослуженія, но и въ пути и за работой. Богослуженіе, до сихъ поръ латинское, тоже стало совершаться на нѣмецкомъ языкѣ. Первый дошедшій до насъ чинъ евангелическаго богослуженія, составленный Каспаромъ Канцомъ въ Нердлингенѣ, относится еще къ 1522 году. Лютеръ издалъ свою нѣмецкую литургію только въ 1526 году, онъ боялся приступать къ внѣшнимъ нововведеніямъ, пока народъ еще не созрѣлъ для нихъ. Когда затѣмъ, вслѣдствіе постановленія шпейерскаго рейхстага 1526 года, евангелическіе имперскіе чины приступили къ устройству церковныхъ дѣлъ въ своихъ областяхъ на новыхъ основаніяхъ, и назначенныя для этого визитаціи обнаружили плачевное состояніе, въ которомъ находился народъ, оставленный въ пренебреженіи римской церковью и смущенный всѣми волненіями послѣднихъ лѣтъ, тогда Лютеръ подарилъ евангелической церкви два своихъ катехизиса, изъ которыхъ особенно малый катехизисъ явился великимъ произведеніемъ, дававшимъ народу чистую струю новой религіи.

На чьей же обязанности лежала забота о церковномъ порядкѣ въ евангелическихъ областяхъ? Необходимо было назначать визитаціи и замѣщать должности приходскихъ священниковъ; необходимо было управлять лишившимися владѣльцевъ монастырскими помѣстьями и дать новое назначеніе доходамъ съ нихъ; необходимо было ввести новый церковный уставъ и оградить его отъ нарушеній. Между тѣмъ епископы по большей части противились новому ученію. Кто же долженъ былъ исполнять въ отдѣльныхъ областяхъ тѣ обязанности, отъ которыхъ отказывались епископы? Одно только лицо обладало необходимой для такого внѣшняго церковнаго управленія властью и авторитетомъ; это былъ государь области. Не было совершенно новымъ положеніе, выставленное Лютеромъ въ посланіи „Къ христіанскому дворянству“, что въ случаѣ необходимости каждый членъ церкви долженъ ей содѣйствовать, насколько можетъ. Не было новостью и предложеніе Лютера своему государю, не отказывать областной церкви въ своей помощи въ часъ нужды. Еще въ XV вѣкѣ вновь высказывалось господствовавшее до 800 г. во Франкской монархіи воззрѣніе (см. томъ VI), что государь страны имѣетъ права и обязанности по отношенію къ своей областной церкви; самъ папа призналъ за территоріальными князьями много такихъ правъ. Часто уже князья оказывали церкви подобныя услуги. Напримѣръ, когда распущенность монастырскаго быта сдѣлала безусловно необходимой реформу, а епископы не выполняли своего долга, тогда государи брали реформу въ свои руки. Въ другихъ случаяхъ, когда возникали ереси, князья считали своимъ долгомъ оберегать своихъ подданныхъ отъ ихъ тлетворнаго дѣйствія точно такъ же, какъ отъ вражескихъ нападеній.

Конечно, Лютеръ на основаніи словъ „Кесарево кесарю, а Божіе Богу“ ясно разграничивалъ духовную и свѣтскую власть и признавалъ равно несправедливымъ какъ подчиненіе свѣтской власти церковному вліянію, такъ и стѣсненіе совѣсти внѣшней силой; конечно онъ отнюдь не желалъ, чтобы свѣтскіе князья пользовались духовной властью, управляли внутренними дѣлами церкви и оказывали давленіе на свободу совѣсти. Но въ наступившемъ бѣдственномъ положеніи они должны были оказать церкви свое содѣйствіе. Она должна была слѣдовать собственнымъ правиламъ и законамъ. Но необходимые для этого порядокъ и благочиніе должны были обезпечить церкви князья, которые обязаны заботиться о благѣ своихъ подданныхъ и которые являются единственной властью, способною разрѣшить задачу. Конечно, возможны злоупотребленія вліянія, которое князья пріобрѣтутъ такимъ путемъ. Но нельзя придумать такого церковнаго уложенія, при которомъ злоупотребленія были бы немыслимы. Вѣдь и средневѣковая церковь процвѣтала, пока князья, сознавая себя ея сынами, заботились о ея внѣшнемъ благочиніи; вѣдь она приблизилась къ гибели именно тогда, когда ей удалось обезпечить себя отъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтскихъ властей. Все зависитъ только отъ господствующаго въ ней духа. Исходя изъ этого убѣжденія Лютеръ поручилъ внѣшнее благочиніе областныхъ церквей попеченію территоріальныхъ государей.

И князья оказали евангелическому дѣлу громадныя услуги. Именно они на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ (1529 г.) протестовали противъ обнародованія постановленія большинства якобы „съ ихъ воли, вѣдома и совѣта“. Это постановленіе гласило, чтобы тѣ, кто до сихъ поръ старался искоренить евангелическое ученіе, продолжали дѣйствовать въ этомъ духѣ; чтобы никто не бралъ подъ свою защиту преслѣдуемыхъ за евангеліе, и чтобы въ евангелическихъ областяхъ поддерживались всѣ еще сохранившіеся остатки католицизма. Согласиться съ этимъ постановленіемъ, по отзыву князей, значило бы „не что иное, какъ явно отречься отъ Христа и Его словъ“. Князья же на рейхстагѣ въ Аугсбургѣ

(1530 г.) торжественно выразили передъ императоромъ и имперіей свою принадлежность къ вѣроисповѣданію, которое высшія власти христіанскаго міра предали отлученію и опалѣ. Князья же тѣсно сомкнулись для защиты евангелическаго вѣроисповѣданія въ Шмалькальденскій союзъ (1531 г.).

Правда, своекорыстная политика герцога Морица Саксонскаго доставила императору въ Шмалькальденской войнѣ побѣду и взятіе въ плѣнъ вождей евангелическаго союза (1546 г.). Но когда Морицъ, чтобы загладить послѣдствія своей измѣны, снова обратился противъ императора, тогда аугсбургскій религіозный миръ (1555 годъ) могъ наконецъ возвести въ правовой принципъ до сихъ поръ неслыханную мысль: религіозную свободу и политическое равноправіе приверженцевъ различныхъ вѣроисповѣданій. Правда, что допущеніе первоначально относилось только къ правящимъ властямъ. Онѣ получили право свободнаго выбора между старой и новой религіей. Мысль, что и каждый отдѣльный подданный можетъ имѣть полную свободу вѣроисповѣданія, была въ то время еще невозможной. Къ тому же и распря между церковными партіями была еще слишкомъ свѣжа и сопровождалась слишкомъ горькими воспоминаніями, чтобы можно было разсчитывать на мирное совмѣстное существованіе различныхъ вѣроисповѣданій въ предѣлахъ одной области. Но все таки, разрывъ со средневѣковыми воззрѣніями былъ произведенъ окончательно: никто не долженъ былъ нести кары за уклоненіе отъ господствующей религіи. Иновѣрные подданные должны были оставить страну, не терпя ущерба ни въ чести, ни въ имуществѣ. Неудивительно, что императоръ Карлъ V не могъ рѣшиться принять участіе въ заключеніи такого договора.

Б. **Періодъ установленія конфессіональныхъ церквей (1555—1658 гг.).**

Даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ни за какую цѣну не желали отпаденія отъ папства, ученіе Лютера произвело величайшія послѣдствія. Въ его сочиненіяхъ выражалась такая глубокая религіозность, что многіе представители католической церкви начали возмущаться безнравственными нравами высшаго и низшаго духовенства, стыдились прежняго легкомысленнаго отношенія къ своимъ грѣхамъ и порокамъ, и подобно Лютеру требовали реформы. Многіе добрые католики не могли отрицать и того, что не всѣ ученія и обрядности, выработанныя церковью, одинаково неоспоримы. Такимъ образомъ возникли опасныя колебанія. Тогда какъ еще въ 1485 году архіепископъ Бертольдъ Майнцскій учредилъ книжную цензуру, чтобы не пропускать въ свѣтъ нѣмецкихъ Библій и подобныхъ произведеній, тогда какъ еще такіе люди какъ Себастьянъ Брантъ и Гейлеръ фонъ Кайзерспергъ объявляли „злымъ дѣломъ“ печатаніе Библіи на нѣмецкомъ языкѣ, — теперь на Шпейерскомъ сеймѣ (1526 г.) уже католики могли ходатайствовать объ изданіи нѣмецкой Библіи, и вѣрные приверженцы церкви могли изготовлять и распространять переводы Библіи: Эмзеръ по „милостивому приказу“ строго католическаго герцога Георга Саксонскаго, Дитенбергеръ „по милости и вольности“ императора Карла V. И такъ велико было въ католическомъ народѣ стремленіе обладать нѣмецкой Библіей, что работа Дитенбергера, который нѣсколько измѣнилъ въ католическомъ духѣ переводъ Лютера, выдержала въ теченіе XVI вѣка, цѣлостью или по частямъ, по крайней мѣрѣ тридцать пять изданій.

Даже главный догматъ лютеранства, положеніе, что „только вѣра дѣлаетъ праведнымъ“, было признано на религіозномъ собесѣдованіи въ Регенсбургѣ (1541 г.) католической партіей, занесено, какъ признанное, императорскимъ совѣтникомъ Гранвеллой въ протоколъ и по-

слано папскимъ легатомъ Контарини на одобреніе въ Римъ. Конечно папа не утвердилъ этого признанія. Но каково было вліяніе Лютера даже на вѣрныхъ сторонниковъ папскаго престола, видно изъ самой возможности подобныхъ предложеній. Наступалъ крайній срокъ для католической церкви провести строгую границу между собой и лютеранами и не допускать, чтобы кто либо изъ ея членовъ могъ преступить эту границу.

Это было сдѣлано на Тріентскомъ соборѣ (1545—1563). Программой его было „истребленіе ересей и исправленіе нравовъ". На этомъ соборѣ различныя обличавшіяся Лютеромъ искаженія первоначальнаго христіанства, которыя постепенно вкрались въ церковь въ теченіе раннихъ столѣтій, но о которыхъ до сихъ поръ еще было позволено имѣть различныя мнѣнія, теперь были объявлены оффиціальнымъ ученіемъ церкви, слѣдовательно увѣковѣчены въ ея обиходѣ. Этимъ исключались всѣ попытки соглашенія и возсоединенія съ протестантизмомъ. Такъ напримѣръ, соборъ категорически объявилъ, что церковная традиція должна столь же благочестиво почитаться, какъ и Святое Писаніе. А когда былъ выставленъ вопросъ, какія традиціи подъ этимъ подразумѣваются, то епископъ Бертано заявилъ: „Тѣ, какія мы хотимъ, мы принимаемъ; а тѣ, которыя намъ не нравятся, рѣшительно отвергаемъ". Рѣшеніе же вопроса, каковъ „истинный смыслъ" Писанія, принадлежитъ исключительно церкви. Такимъ образомъ церковь ставится выше Святого Писанія, а потому осуждается и ученіе объ оправданіи вѣрою; поэтому же церковь остается единственной посредницей между Богомъ и людьми: въ ней путь къ спасенію, и семь ея таинствъ уже своимъ исполненіемъ доставляютъ благодать.

Съ другой стороны принимаются мѣры, частью въ формѣ общихъ благочестивыхъ увѣщаній, частью въ видѣ категорическихъ запретовъ, противъ наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, дававшихъ особенный матеріалъ для „хулителей церкви." Когда Лютеръ нападалъ на производившуюся римской церковью торговлю индульгенціями, высокопоставленный папскій чиновникъ въ Римѣ, Сильвестръ Маццолини, по прозванію Пріеріасъ, пытался уничтожить протестанта такимъ положеніемъ: „Кто говоритъ по поводу индульгенцій, что римская церковь не должна дѣлать того, что она дѣйствительно дѣлаетъ, тотъ еретикъ". Теперь отпущеніе все еще выхваляется, какъ нѣчто „прекрасное", а власть раздавать его, какъ „дарованная церкви Христомъ." Но въ то же время повелѣвается соблюдать умѣренность вь раздачѣ отпущеній и отмѣнить при этомъ совершенно „всякую позорную корысть".

Соборъ принялъ еще нѣкоторыя мѣры для борьбы съ уклоненіями отъ римской церковности, но исполненіе ихъ предоставилъ папѣ. Было составлено исповѣданіе вѣры, которое должны были давать подъ присягою всѣ обладатели церковныхъ должностей и университетскіе преподаватели. Въ этой присягѣ дается обѣтъ вѣрности папѣ, „намѣстнику Іисуса Христа", и клятва заботиться о томъ, чтобы всѣ подчиненные блюли католическую религію, „внѣ которой никто не можетъ обрѣсти блаженства". Въ противовѣсъ катехизису Лютера былъ составленъ „римскій катехизисъ". Для подавленія опасныхъ направленій въ литературѣ былъ составленъ „Указатель запрещенныхъ книгъ" и чтеніе Библіи въ переводѣ дозволено только тѣмъ, кто по совѣту своего духовника получитъ на это письменное разрѣшеніе епископа и инквизитора. Наконецъ Тріентскій соборъ объявилъ текстъ латинскаго перевода Библіи, извѣстнаго подъ названіемъ Вульгаты, „автентичнымъ", и повелѣлъ, чтобы никто не осмѣливался отступать отъ него ни подъ какимъ предлогомъ. Но такъ какъ тексты прежнихъ изданій различались между собой въ безчисленныхъ варіантахъ, и слѣдовательно никто не могъ рѣшить, какой текстъ считать автентичнымъ, то папа Сикстъ V изготовилъ въ

1590 году „совершенно безошибочное“ изданіе, и ссылаясь на обѣщанную апостолу Петру непогрѣшимость и угрожая наказаніемъ, запрещалъ „измѣнять, прибавлять или убавлять въ этой Библіи самую маленькую частичку“. Но второй преемникъ его, Климентъ VIII, нашелъ въ этомъ изданіи столько ошибокъ, что онъ велѣлъ скупить и уничтожить всѣ экземпляры, какіе еще можно было достать, и сдѣлалъ новое изданіе, въ которомъ было исправлено около 12,000 мѣстъ и куда вошли даже нѣкоторыя книги, вовсе не попавшія въ первое изданіе.

Всѣми этими мѣрами католическая церковь безповоротно отдѣлилась отъ протестантизма, и объявила непримиримую войну вѣяніямъ новой эпохи. Съ тѣхъ поръ въ ней начинается время новаго подъема. Снова появляется воодушевленіе идеей католицизма, готовность къ борьбѣ, стремленіе къ завоеваніямъ, самопожертвованіе. Измѣняется и способъ борьбы съ протестантизмомъ. Съ поразительнымъ трудолюбіемъ и проницательностью католическіе писатели работаютъ надъ созданіемъ новой теологичской науки. Овладѣвъ идеями новаго времени, провозглашавшимися Лютеромъ, ихъ богословіе стремится доказать, что страшная опасность, которую несутъ съ собою эти идеи, устраняется только ихъ покорнымъ подчиненіемъ верховенству Римской церкви. Другіе ученые смѣло пускаются въ историческія изысканія. Такъ, по ихъ мнѣнію, римскія катакомбы являются свидѣтельствомъ глубокой древности римскаго ученія и церковныхъ обрядовъ.

Но и какая же судьба ждала нынѣ въ Германіи католическую церковь, если бы она не собрала силъ для энергическаго сопротивленія! Даже въ областяхъ, гдѣ всякое враждебное Риму движеніе подавлялось самыми крутыми мѣрами, по рецепту герцога Вильгельма Баварскаго: „Кто покается, того обезглавить; кто не покается, того сжечь“;—даже въ такихъ областяхъ, какъ Австрія и Баварія, несмотря на всѣ мѣропріятія, протестантизмъ распространялся все шире, и уже въ 1556 г., напримѣръ, чины Нижней Австріи соглашались дать средства для турецкаго похода только подъ условіемъ что имъ будетъ дарована свобода вѣроисповѣданія. Императору Фридриху пришлось по крайней мѣрѣ разрѣшить имъ „чашу для мірянъ“. Нѣсколько лѣтъ спустя даже прелаты объявили императору, что вся его страна отпадетъ отъ католичества, если не будутъ разрѣшены браки духовенства и причащеніе подъ обоими видами для мірянъ. Положеніе дѣлъ еще ухудшилось, когда въ 1564 г. на престолъ вступилъ Максимиліанъ II, получившій воспитаніе въ догматахъ евангелической конфессіи. Только изъ за Испаніи и католическихъ имперскихъ князей онъ удержался отъ формальнаго перехода къ евангелической церкви. Своимъ имперскимъ чинамъ онъ даровалъ свободу вѣроисповѣданія. Большая часть дворянства ввела за себя и своихъ подданныхъ реформацію. Одинъ венеціанецъ, какъ впечатлѣніе отъ своихъ наблюденій, сообщаетъ, что въ Германіи изъ десяти человѣкъ только одинъ католикъ. Въ короткое время въ Германіи должна была исчезнуть католическая церковь.

Но уже было готово сильное и отважное войско для завоеванія обратно всего, что было отторгнуто отъ папской церкви. Въ оффиціальной исторіи ордена іезуитовъ мы находимъ слѣдующее: „Лютеру, позорному пятну человѣчества и погубителю Европы, этой свиньѣ Эпикура, этому злосчастному человѣку, ненавистному Богу и людямъ, Богъ по предвѣчному своему рѣшенію противопоставилъ Игнатія Лойолу“. Всѣ ордена, возникшіе въ средневѣковой церкви, оказались несостоятельными въ борьбѣ съ реформаціей. Монахи либо сами примкнули къ реформаціи, либо сражались съ нею только на посмѣшище свѣту. Они боролись оружіемъ устарѣлой эпохи, выдвигали побѣжденное міровоззрѣніе. Идеи бывшаго офицера, испанца Игнатія, напротивъ, настолько новы, что инквизиція,

когда вокругъ него стала собираться кучка вдохновленныхъ послѣдователей, возымѣла противъ Лойолы подозрѣнія и заключила его въ тюрьму. Немногаго не доставало, чтобы спаситель церкви былъ осужденъ на сожженіе. Въ Римѣ онъ высказалъ желаніе поставить себя и свою общину, „товарищество Іисуса", въ распоряженіе папы. Но и здѣсь онъ встрѣтился со всеобщимъ недовѣріемъ. Папу побѣдило только недосягаемое искусство, съ которымъ Лойола умѣлъ разсчетливо дѣйствовать на индивидуальность каждаго противника. „Вотъ Божій духъ!" воскликнулъ папа, прочтя въ доложенномъ ему уставѣ ордена такое положеніе: „Въ вѣрномъ повиновеніи нашему святѣйшему господину, папѣ, наше общество и каждый отдѣльный членъ несетъ воинскую службу Господу". 27 сентября 1540 г. орденъ получилъ папское утвержденіе.

Каково значеніе ордена для исторіи религіи? Онъ стремится приспособить католичество къ требованіямъ эпохи, охваченной новыми идеями, и предложить западному христіанству возможную и въ лонѣ католической церкви эквивалентную замѣну новшествъ, введенныхъ и проповѣдовавшихся Лютеромъ. На новую эпоху уже не могутъ произвести впечатлѣнія идеалы средневѣковья, идеи отреченія отъ міра. Поэтому и новый орденъ не долженъ удаляться отъ міра и расходовать свои силы въ аскетическихъ упражненіяхъ; онъ долженъ дѣйствовать въ мірѣ и на міръ. И обрѣтенныхъ имъ приверженцевъ орденъ не станетъ отвлекать отъ міра. Пусть они остаются въ міру, лишь бы въ своихъ свѣтскихъ радостяхъ они сохраняли покорность церкви и въ своей свѣтской дѣятельности приносили ей пользу. Охладѣло большинство и къ другому идеалу средневѣковаго благочестія: къ слѣпому повиновенію; мѣсто его занимаетъ стремленіе къ самостоятельности, къ индивидуальной выработкѣ религіозныхъ убѣжденій. Игнатій указываетъ этому стремленію путь къ удовлетворенію. То, чего требовалъ для этой цѣли и признавалъ достижимымъ Лютеръ, именно положеніе, что каждый индивидуумъ вѣрою достигаетъ личнаго общенія съ Богомъ и становится новымъ человѣкомъ, борющимся со своими грѣховными наклонностями, это положеніе Лойола находитъ безуміемъ, заключающимъ въ себѣ высшую опасность, что человѣкъ станетъ чувствовать себя самостоятельнымъ по отношенію къ церкви. Испанскій офицеръ Игнатій находитъ иной путь. Подобно тому какъ военныя упражненія развиваютъ тѣлесныя силы такимъ образомъ, что онѣ совершенно подчиняются волѣ, такъ и силы души должны быть развиты „духовными упражненіями" такъ, чтобы всѣ безпорядочныя стремленія были подъ господствомъ разума. Когда человѣкъ прошелъ такую дисциплину, то онъ самъ можетъ управлять своими влеченіями и питать лестное сознаніе, что онъ самостоятельно достигъ извѣстныхъ результатовъ. Итакъ, стремленіе къ самостоятельности, эта характерная черта новой эпохи, находитъ въ религіозной области полное удовлетвореніе. Лютеръ обѣщаетъ блаженную религіозную самостоятельность только внутреннему превращенію, какое можетъ произвести одинъ Богъ. Игнатій оказывается снисходительнѣе: владычество разума надъ остальными силами души, которое человѣкъ можетъ самъ пріобрѣсти извѣстной дисциплиной, тоже доставляетъ возвышенное чувство самосознанія. Но именно благодаря этому владычеству надъ самимъ собою пріобрѣтается необычайная власть надъ другими, еще не достигшими этой самостоятельности. Какъ господство надъ своими силами является для Игнатія высшимъ совершенствомъ, такъ владычество надъ другими должно быть высшей цѣлью дѣятельности. Въ его орденѣ самая злая язва католичества, стремленіе къ власти взойдетъ пышнымъ цвѣтомъ, и постепенно отодвинетъ все дальше на задній планъ лучшія идеи и традиціи католицизма, сохранившіяся отъ первобытнаго христіанства.

На какомъ же полѣ борцы прежде всего должны были развернуть

свои силы? Надлежало вновь воскресить тайную исповѣдь, вызывавшую въ послѣднее время такія злобныя и презрительныя нападки. Вѣдь тотъ, кто подчинялся этому обряду, высказывалъ готовность повиноваться господству. Ни въ чемъ иномъ не было столь благопріятнаго случая завладѣть руководствомъ совѣстью. Между тѣмъ въ эпоху, когда мірскія стремленія господствовали и такъ велико было отвращеніе къ исповѣди и покаяніямъ, народъ можно было бы пріучить къ исповѣди только при условіи „облегченія ига Христова“, какъ обыкновенно выражались іезуиты.

Поэтому они направили свое высшее остроуміе на выработку новой морали, предписаніями которой надлежало руководиться при исповѣди, и старались установить положенія настолько снисходительныя, что исповѣдь необычайно облегчалась, хотя въ то же время должна была притупляться совѣсть. Грѣхъ опредѣлялся только какъ такой дурной поступокъ, который совершается не по невѣдѣнію или въ порывѣ страсти, а съ полнымъ сознаніемъ. Не существуетъ нравственной обязанности поступать именно такъ, какъ мы сами считаемъ справедливымъ; можно и вопреки своей совѣсти придерживаться того образа дѣйствій, который одобренъ авторитетомъ. „Примѣрно, жена убила своего мужа, чтобы выйти замужъ за влюбленнаго, и затѣмъ согрѣшила съ послѣднимъ. Должна ли она упомянуть на исповѣди объ этомъ обстоятельствѣ?“ Такъ какъ одинъ авторитетъ, Генрикесъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ „да“, а другой, Лессіусъ, напротивъ „нѣтъ“, то согласно съ этимъ „вѣроятнымъ мнѣніемъ, разрѣшается молчать и вопреки совѣсти. Далѣе, при совершеніи какого нибудь поступка особенно важно намѣреніе. „Дозволено горячо желать смерти своего отца, если при этомъ мы не намѣрены именно желать зла отцу, а только желаемъ какого нибудь блага самому себѣ, напримѣръ ожидаемаго послѣ его смерти богатаго наслѣдства“. „Если кто нибудь находится въ преступной связи съ замужней женщиной не потому, что она замужемъ, а потому, что она красива, причемъ на фактъ ея замужества не обращаетъ вниманія, то по нѣкоторымъ авторитетамъ такая связь не заключаетъ въ себѣ грѣха прелюбодѣянія. Далѣе, разрѣшается обманъ при помощи выбора такихъ словъ, которыя могутъ ввести въ заблужденіе. Точно также, можно мысленно дѣлать какую нибудь оговорку къ своимъ словамъ. „Если человѣка, который убилъ патера, спрашиваютъ объ этомъ, то онъ можетъ отвѣчать, что не убивалъ патера, и при этомъ подразумѣвать другое лицо съ тѣмъ же именемъ“. На такой образъ дѣйствій мы имѣемъ право всегда, когда необходимо „сохранить свое тѣло, жизнь, или честь, спасти свое состояніе или совершить добродѣтельный поступокъ“. [1]

Точно также какъ съ грѣховными стремленіями, удалось уладить и вопросъ о невѣріи. Если въ предыдущія столѣтія довольствовались простымъ признаніемъ ученія церкви, то теперь признано было достаточнымъ уже воздержаніе отъ явнаго отрицанія догматовъ вѣры. „Человѣкъ и тогда можетъ получить отпущеніе, когда онъ совершенно незнакомъ съ таинствами религіи“, таково новое ученіе. Этимъ путемъ становилось возможно привлечь къ чисто внѣшнему подчиненію церкви, выражающемуся въ исповѣди, даже тѣхъ, въ комъ совершенно отсутствовала истинная религіозность.

Еще цѣлый рядъ другихъ орденовъ обязанъ своимъ возникновеніемъ антипротестантскому движенію и подъему католической церкви. Идеаломъ ихъ тоже является не отреченіе отъ міра, а дѣятельность въ міру. Въ широкихъ кругахъ возникаетъ такой протестъ противъ неразрывныхъ цѣпей ненарушимаго обѣта, что найдено было полезнымъ разрѣшить

---

[1] Положеніе „цѣль освящаетъ средства“ въ этихъ именно выраженіяхъ не встрѣчается. Но Германъ Бузенбаумъ, напр., говоритъ: „Если цѣль (finis) позволена, то и средства позволены“, и Гуртадо: „Конечной цѣлью средства дѣлаются честными (honestantur)“.

свободный выходъ изъ этихъ орденовъ. Наибольшій успѣхъ имѣли учрежденія Винцентія Паульскаго (1576—1660 г.), особенно основанное въ 1633 г. въ Парижѣ общество милосердныхъ сестеръ. Онѣ даютъ свои обѣты каждый разъ только на одинъ годъ. На мѣсто монахини, удалившейся отъ всего остального человѣчества, является дѣятельная среди людей сестра. Монастырь для нея уже не ограниченный мірокъ, а родной очагъ, гдѣ она подготовляется къ своему труду и отдыхаетъ отъ него. Какова же ихъ конечная цѣль? Винцентій такъ объяснялъ ее сестрамъ: „Не было волей Бога, когда онъ создавалъ вашу общину, чтобы вы помогали только въ тѣлесныхъ недугахъ; для этого не было бы недостатка въ дѣятеляхъ. Напротивъ, воля Господня, чтобы вы помогали душамъ бѣдняковъ войти въ царствіе Божіе“. Такимъ образомъ главной цѣлью дѣятельности его миссіонеровъ и сестеръ становится обращеніе еретиковъ, и велико бываетъ ликованіе, когда въ какомъ нибудь госпиталѣ удается возвратить въ лоно церкви нѣсколько десятковъ „невѣрующихъ“.

Усилившійся такимъ образомъ католицизмъ могъ теперь съ увѣренностью въ побѣдѣ приступить къ обратному завоеванію утраченнаго господства. Прежде всего стали искать компенсаціи въ иныхъ частяхъ свѣта. Съ 1542 г. іезуиты начинаютъ дѣйствовать въ Остиндіи, Японіи и Китаѣ (см. т. IV, стр. 208). Когда ихъ успѣхи показались имъ не вполнѣ удовлетворительными, они такъ искусно приспособились къ обстоятельствамъ, что проповѣдывали христіанство подъ формой китайской философіи и даже оказывали должное почитаніе идоламъ. Съ 1606 г. Нобили выступалъ подъ видомъ брамина и разрѣшалъ новокрещенцамъ сохранять свои языческіе обряды. Правда, когда въ эти мѣста прибыли другіе католическіе миссіонеры, то этотъ вопросъ сталъ предметомъ жгучей полемики. Но успѣхи, достигнутые іезуитами при помощи такой снисходительности, были такъ колоссальны, что даже папскій запретъ такого способа обращенія, какъ вызывающаго нареканія, не могъ заставить ихъ измѣнить свой образъ дѣйствій. Въ Японіи іезуитамъ удалось крестить нѣсколько сотенъ тысячъ человѣкъ, но затѣмъ ненасытное властолюбіе побудило ихъ вмѣшаться въ политику, что навлекло на нихъ страшныя преслѣдованія, а затѣмъ и полное закрытіе страны для всѣхъ христіанъ. За то въ Парагваѣ имъ удалось основать всецѣло по своимъ воззрѣніямъ самостоятельное государство, образцовую республику, состоявшую изъ дѣтски-безправныхъ индѣйцевъ и управлявшуюся отцами іезуитами (см. т. I, стр. 398—402). Чтобы доставить католическимъ миссіямъ цѣльность, единство и устойчивость, папа Григорій XV въ 1622 г. учредилъ въ Римѣ „Пропаганду“.

Повсюду, гдѣ въ Европѣ проявились реформаціонныя стремленія, католицизмъ вскорѣ приступилъ къ истребительной борьбѣ съ ними, пользуясь то іезуитской мудростью, то грубой силой. Въ Скандинавіи, правда, побѣду одержало лютеранство. За то въ Нидерландахъ съ 1555 г. безпощадно свирѣпствовала инквизиція. Но народъ не соглашался вернуться въ лоно католической церкви, и сѣверныя провинціи послѣ тяжелой кровавой борьбы добились въ 1648 году религіозной и политической свободы.

Во Франціи, гдѣ не смотря на всѣ преслѣдованія число протестантовъ постоянно увеличивалось, въ 1557 году была назначена смертная казнь для всѣхъ отступниковъ отъ государственной религіи. Кровь мучениковъ полилась потоками. Возмутительное избіеніе въ Васси протестантовъ, собравшихся для богослуженія, было поводомъ къ междоусобной войнѣ. Послѣ того какъ по мирному Сенъ-Жерменскому договору (1570 г.) гугеноты добились свободы вѣроисповѣданія и гражданскаго равноправія, католическая партія прибѣгла къ неслыханно-гнусному предательству. Въ Варѳоломеевскую ночь (1572 г.) началось коварное избіеніе проте-

стантовъ въ Парижѣ, и гонцы разнесли воззваніе къ убійствамъ по всей странѣ. Число жертвъ оцѣниваютъ приблизительно въ 70,000. Папа велѣлъ въ знакъ торжества палить изъ пушекъ крѣпости Св. Ангела, звонить въ колокола, пѣть Tedeum, отчеканить медаль въ память событія. Послѣдовали новыя гражданскія войны (см. стр. 293). Генрихъ IV Нантскимъ эдиктомъ (1598 г.) обезпечилъ за протестантами ихъ религіозныя и политическія права, и былъ убитъ монахомъ Равальякомъ. Послѣ новыхъ притѣсненій и кровавыхъ войнъ Ришелье удалось сломить политическое значеніе гугенотовъ, но онъ тоже долженъ былъ по Нимскому эдикту (1629 г.) потвердить ихъ религіозныя права. Столь часто замышлявшееся уничтоженіе французской евангелической церкви удалось лишь спустя нѣсколько десятилѣтій.

И въ Италіи, и даже въ Испаніи, реформація нашла послѣдователей. Но здѣсь церковь обладала достаточными силами для того, чтобы быстро принятыми кровавыми мѣрами уничтожить малѣйшіе слѣды антипапскаго движенія. Около 1570 г. обѣ страны были совершенно „очищены", въ католическомъ смыслѣ.

Даже въ Англіи, въ царствованіе католички Маріи (1553—1558 г.) оказалась возможной попытка возстановить папское господство. Вожди протестантовъ, двѣсти или триста человѣкъ, были казнены. Когда на престолъ вступила протестантка Елизавета, папа Павелъ IV не призналъ за ней законнаго права на корону. Затѣмъ постепенно въ Англію прокрались сотни іезуитовъ, которыхъ папа побуждалъ „убрать съ дороги нечестивую Іезавель". Постоянно открывались заговоры противъ жизни королевы. Защитникъ католичества, Филиппъ Испанскій, послалъ въ Англію свою грозную Армаду, чтобы очистить это гнѣздо еретиковъ. При Іаковѣ I католики покушались во время открытія парламента взорвать на воздухъ короля со всѣмъ собраніемъ. Этотъ „пороховой заговоръ" несомнѣнно былъ устроенъ съ вѣдома іезуитскаго суперіора. Хотя всѣ эти предпріятія и потерпѣли неудачу, всетаки они довольно ясно свидѣтельствовали, къ какимъ цѣлямъ стремится обрѣтшая новыя силы папская церковь.

Въ Германіи іезуиты, изъ своихъ главныхъ позицій, Вѣны, Кельна и Ингольштадта, предприняли истребленіе протестантизма. Въ Баваріи съ 1564 г. всѣ евангелическіе проповѣдники были изгнаны, протестантское дворянство не допускалось на земскіе сеймы, всѣ евангелическіе подданные, не согласившіеся вернуться въ католичество, принуждены къ выселенію. Этому примѣру послѣдовали духовные князья. Фердинандъ II Австрійскій, воспитанникъ іезуитовъ, передъ вступленіемъ на престолъ далъ передъ чудотворнымъ образомъ Богоматери въ Лорето торжественный обѣтъ, во что бы то не стало положить конецъ ересямъ въ наслѣдныхъ владѣніяхъ Габсбурговъ. Вѣдь въ это время во многихъ мѣстахъ его государства уже почти не было католиковъ: какъ передаютъ, въ столицѣ Штиріи, въ Грацѣ, ихъ насчитывалось всего три человѣка. Фердинандъ успокоился не раньше, чѣмъ всѣ его подданные были возвращены въ „вѣрное стадо" католической церкви или изгнаны изъ страны. Все смѣлѣй становился образъ дѣйствія іезуитовъ. Они уже заявляли въ печати, что нельзя далѣе соблюдать условій Аугсбургскаго религіознаго міра. Именно теперь,—доказывается въ одной книгѣ, вышедшей въ 1600 г., — особенно легко совершенно уничтожить въ Германіи еретическую заразу. Между протестантами нѣтъ ни одного вождя, который могъ бы оказаться опаснымъ противникомъ въ войнѣ; притомъ же въ ихъ средѣ возникли несогласія: расколъ между лютеранами и кальвинистами.

Это наблюденіе слишкомъ вѣрно согласовалось съ дѣйствительностью. Рядомъ съ ученіемъ, исходившимъ отъ Лютера, въ Швейцаріи возникла иная форма протеста противъ папства. Несогласія между лютеранскимъ и цвингліанскимъ направленіемъ можно по всей вѣроятности свести на раз-

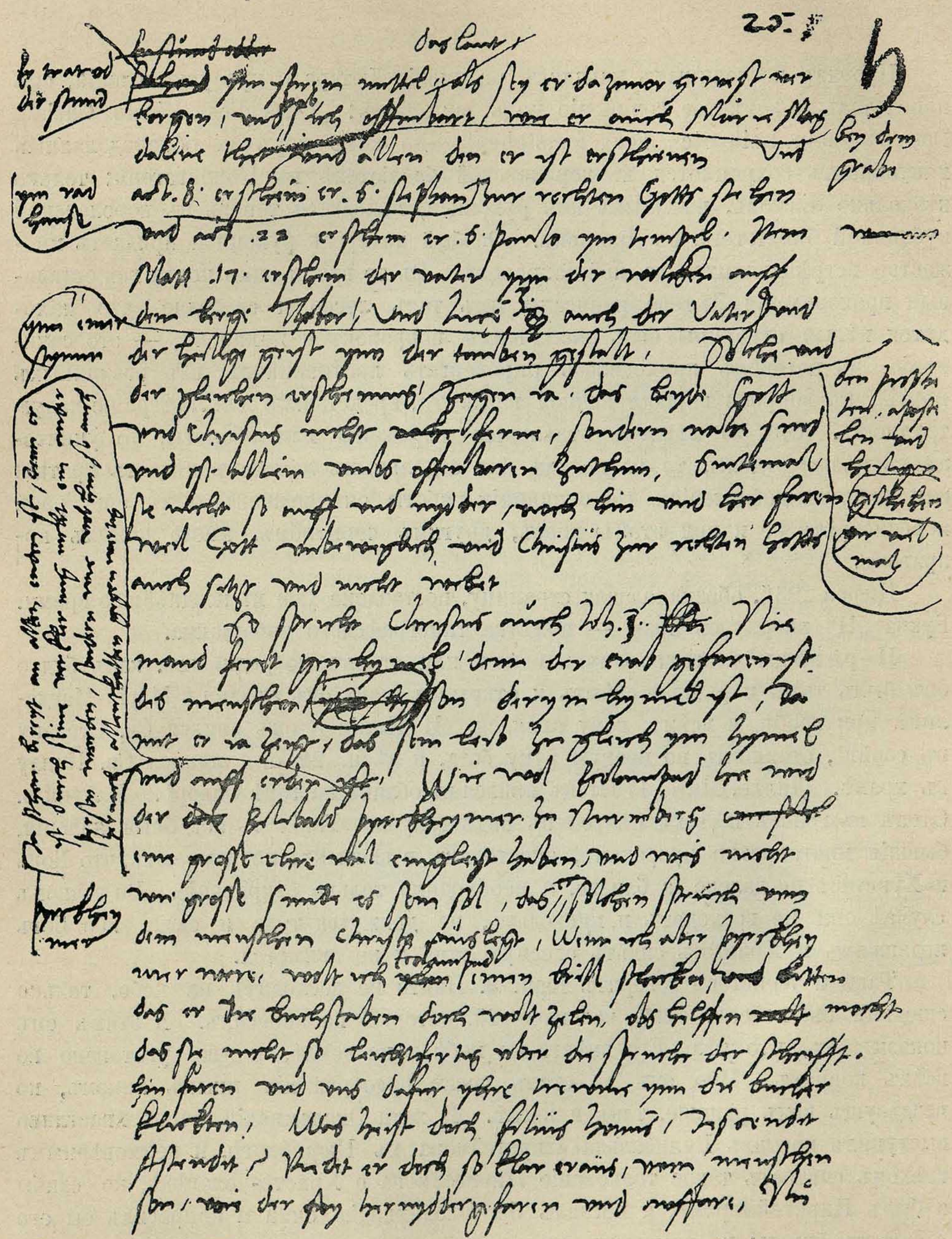
Объясненіе и переводъ рукописи Лютера.

Противъ постоянныхъ нападокъ на ученіе Лютера о пресуществленіи, онъ напечаталъ объемистое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Dass diese Worte Christi, Das ist mein Leib etc., noch feststehen". До сихъ поръ не обнародованный манускриптъ сохраняется въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ; только нѣсколько листовъ, вынутыхъ изъ рукописи, находятся теперь въ королевской публичной библіотекѣ въ Дрезденѣ. Особый интересъ рукописи придаетъ множество встрѣчающихся въ ней поправокъ. Въ то время какъ почти всѣ остальныя произведенія Лютера написаны имъ такъ легко и свободно, что находятся цѣлыя страницы безъ малѣйшихъ поправокъ и помарокъ, — это сочиненіе, въ которомъ приходилось опровергать противниковъ изъ различныхъ партій, въ вопросѣ первостепенной важности, представило для Лютера не малую трудность. Онъ то мѣняетъ отдѣльныя выраженія или обороты, то уничтожаетъ цѣлые отдѣлы, то на поляхъ или отдѣльныхъ листкахъ дѣлаетъ краткія или длинныя добавленія. По окончаніи работы онъ долженъ былъ еще разъ пересмотрѣть ее и при этомъ внесъ, другимъ черниломъ, много новыхъ поправокъ.

Цифра „25", обозначающая страницу, поставлена уже въ позднѣйшее время. Буква „H" вверху съ краю — помѣтка типографскаго наборщика.

Переводъ текста: Онъ входилъ или стоялъ посреди ихъ, какъ будто онъ былъ тамъ и раньше скрытъ и открылся, какъ онъ явился и Маріи Магдалинѣ при гробѣ, и всѣмъ, кому являлся. И дѣянія 8 онъ явился Св. Стеѳану въ совѣтѣ, стоящимъ по правую руку бога, и дѣян. 22 онъ явился Св. Павлу въ храмѣ. Далѣе, Матѳ. 17 Отецъ явился въ облакѣ на горѣ Ѳаворѣ. И Луки 3. Отецъ въ голосѣ и Духъ Святой въ видѣ голубя. Такія и под бныя явленія, бывшія многократно пророкамъ, апостоламъ и святымъ, показываютъ, что Богъ и Христосъ не далеко, а близко, и необходимо только откровеніе. Во всякомъ случаѣ спи не восходятъ и нисходятъ, не движутся туда и сюда, ибо Богъ недвижимъ и Христосъ сидитъ одесную отца и не движется.

Такъ и Христосъ говоритъ Іоан. 3. Никто не восходитъ на небо, только сшедшій съ небесъ, сынъ человѣческій, который на небесахъ. А этимъ онъ показываетъ, что тѣло Его вмѣстѣ на небѣ и на землѣ, и уже уготовано во всѣхъ концахъ. Ибо онъ не сталъ послѣ преображенія инымъ лицомъ, но вездѣсущъ какъ раньше, такъ и послѣ. И хотя Эколампадій очень хвастливо выступилъ противъ Вилибальда Пиркгеймера въ Нюрнбергѣ, и неимовѣрнымъ грѣхомъ считаетъ такое толкованіе Пиркгеймера о Христѣ-человѣкѣ, но еслибы я былъ Пиркгеймеромъ, я послалъ бы Эколампадію очки и попросилъ бы его сосчитать буквы; не поможетъ ли ему это перестать такъ легкомысленно скользить по изрѣченіямъ писанія и вмѣсто нихъ насовывать въ книги свои собственныя каракули. Что это значитъ filius hominis, Descendit, Ascendit? Пусть говоритъ ясно, о сынѣ человѣческомъ, какъ онъ сошелъ и вознесся. Вотъ ....



Естрія человѣчества. VII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Рукопись Лютера.

Страница изъ манускрипта сочиненія, напечатаннаго въ 1527 году: Dass diese Worte Christi ..... „Das ist mein Leib“ etc. noch feststehen, wider die Schäwrmgeister.

(По оригиналу въ Королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ.)

личіе въ представленіи о Божествѣ, какое имѣли основатели этихъ ученій. Путемъ тяжелаго внутренняго опыта Лютеръ пришелъ къ увѣренности, что Богъ есть абсолютная любовь. Это сознаніе доставило ему блаженство и покой. Напротивъ, Цвингли, чѣмъ болѣе онъ освобождается изъ подъ вліянія Лютера и занимаетъ независимое положеніе, тѣмъ болѣе отождествляетъ онъ понятіе о Божествѣ съ идеей высшаго, безпредѣльнаго. Называя Божество „высшимъ благомъ“, онъ въ этомъ опредѣленіи соединяетъ не тѣ признаки, которые дѣлаютъ Божество высшимъ благомъ для человѣчества, а тѣ, которые дѣлаютъ его высшимъ „an sich“, въ себѣ самомъ. Оба, и Лютеръ и Цвингли, ратуютъ во славу Божію, но въ различномъ направленіи. Лютеръ хочетъ привести человѣчество къ блаженству въ божественной любви; по его мнѣнію, высшая слава Божества, въ отличіе отъ того, въ чемъ видятъ свою славу земные честолюбцы, заключается въ снисхожденіи, дарованіи счастья, блаженства. Но такъ какъ человѣкъ можетъ обрѣсть это блаженство только путемъ совершенно свободнаго стремленія къ нему, то Лютеръ совершенно отвергаетъ какое либо принужденіе. Его удовлетворяетъ уже то, что отдѣльныя личности обрѣтаютъ его истинную вѣру. Преслѣдованія, которымъ подвергается правда, его даже не удивляютъ. Напротивъ Цвингли, во что бы то не стало, желаетъ оградить божественное величіе. Поэтому онъ хочетъ создать христіанскую общину, въ которой всѣ члены будутъ слѣдовать закону Божію; поэтому онъ хочетъ сдѣлать невозможнымъ преслѣдованіе истины; поэтому онъ для достиженія своей цѣли не пренебрегаетъ даже политическими предпріятіями.

Эта противоположность обнаружилась въ различномъ отношеніи реформаторовъ къ таинствамъ. Лютеръ видитъ въ нихъ доказательства любви Божіей, желающей даровать намъ небесныя блага, Цвингли видитъ въ нихъ выраженіе нашей покорности предъ Божествомъ. Лютеръ благоговѣетъ предъ милостью Господа, соединяющагося въ Святомъ Причастіи съ вѣрующими въ него (см. приложенный снимокъ съ рукописи Лютера); Цвингли отвергаетъ самое ученіе о пресуществленіи. Уже въ 1525 г. Цвингли заявлялъ, что его лютеранскіе противники, „побуждаются инымъ духомъ“, чѣмъ онъ; а на религіозномъ собесѣдованіи въ Марбургѣ (1529 г.), Цвингли, полный своими высокими политическими замыслами, пытался провести соединеніе съ виттенбергской партіей. Лютеръ не могъ не высказать своего впечатлѣнія, — „У васъ иной духъ, чѣмъ у насъ“, — хотя онъ, не сознавая настоящей цѣли всѣхъ этихъ переговоровъ, еще надѣялся, что въ будущемъ противорѣчія сгладятся.

Въ немного измѣненной формѣ это швейцарское ученіе распространилось далеко за предѣлы своей родины. Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Цвингли, въ 1536 г., Кальвинъ приступилъ, въ Женевѣ, къ созданію такой христіанской общины, въ которой все подчинялось бы закону Божію. Каждый отдѣльный гражданинъ долженъ былъ подъ присягою засвидѣтельствовать свое вѣроисповѣданіе. Всѣ члены общины были поставлены подъ постоянный надзоръ свѣтскихъ старѣйшинъ. Послѣ ужасной борьбы и неутомимаго примѣненія самыхъ рѣзкихъ мѣръ, Кальвинъ наконецъ осуществилъ свой идеалъ. Чего въ началѣ приходилось добиваться строжайшими карами, то стало постепенно общественнымъ обычаемъ. На свѣтъ уже не выступало ни невѣріе, ни религіозный индифферентизмъ. Надъ всѣмъ господствовала предписанная церковность и узаконенный порядокъ жизни. Такимъ образомъ, по мнѣнію Кальвина, было установлено господство Божіе. Онъ придалъ реформатскому христіанству его окончательный характеръ. Направленіе, исходившее отъ Цвингли, было Кальвиномъ почти совершенно отодвинуто на задній планъ, такъ какъ онъ ставилъ Лютера гораздо выше Цвингли по глубинѣ его идей. Широкая переписка и многочисленныя сочиненія доставили Кальвину громадное вліяніе и далеко за предѣлами Швейцаріи. Въ Женевѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ

за религіи французы и англичане. Когда настали болѣе спокойныя времена, они возвращались въ отечество, проникнутые духомъ ученія Кальвина. Въ Женевѣ онъ основалъ и университетъ, доставлявшій заграничнымъ реформатскимъ общинамъ проповѣдниковъ, которымъ внушались строго-кальвинистскія убѣжденія.

Такимъ образомъ весь протестантизмъ распадается на два теченія. Въ то время какъ согласно ученію Лютера не составляетъ важности только внѣшнее подчиненіе человѣка заповѣдямъ Божіимъ, и напротивъ высказывается опасеніе, что подобная закономѣрность только можетъ воспрепятствовать человѣку познать свое внутреннее отпаденіе отъ Божества и обратиться къ поискамъ общенія съ Господомъ, — реформатское ученіе напротивъ выдвигаетъ положеніе, что Божество является всевластнымъ и единымъ повелителемъ, а потому стремится исполнить волю своего Господа; если не всѣ могутъ быть приведены къ истинному блаженству, то всѣхъ можно принудить къ внѣшнему повиновенію. Поэтому реформатская церковь отличается чертами строгой, суровой законности; но за то она гораздо болѣе, чѣмъ лютеранская, въ состояніи подвинуть къ внѣшнимъ дѣламъ, установить общую церковность и мораль, создать церковныя общины и поддерживать въ нихъ порядокъ и дисциплину. Въ то же время вновь развивается стремленіе, когда духовныхъ средствъ оказывается недостаточно, бороться во славу Божію чисто свѣтскими орудіями. Въ Женевѣ, насчитывавшей тогда около 20,000 жителей, за пять лѣтъ господства Кальвина было произнесено не менѣе пятидесяти восьми смертныхъ приговоровъ и семьдесятъ шесть приговоровъ объ изгнаніи. Во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Шотландіи кальвинистамъ удалось сформировать политическія партіи и они постоянно брались за оружіе въ защиту своей вѣры. Но именно это рвеніе во славу Божію вызывало въ кальвинистахъ и порывы благороднаго самопожертвованія, и безгранично дѣятельную энергію. И въ то время какъ Лютеръ стремился дѣйствовать только тамъ, гдѣ этого требовало его призваніе, кальвинизмъ ставилъ себѣ задачей всеобщее распространеніе своего ученія.

Вотъ почему и самъ Кальвинъ не могъ удовольствоваться тѣмъ, чего ему удалось достичь въ Женевѣ. Постепенно вытѣснивъ ученіе Цвингли повсюду въ Швейцаріи, онъ желалъ одержать побѣду и въ лютеранскихъ областяхъ Германіи. Около 1551 года онъ, казалось, и въ самомъ дѣлѣ былъ близокъ къ осуществленію этого плана. Подъ его вліяніе подпали всѣ евангелическія общины Европы. Только сѣверная Германія стойко держалась ученія Лютера. И даже человѣкъ, который по смерти Лютера сталъ вождемъ его послѣдователей, даже Меланхтонъ уже не вполнѣ строго придерживался завѣтовъ нѣмецкаго реформатора. Гамбургскій проповѣдникъ Вестфаль первый указалъ на опасность, что кальвинизмъ готовъ поглотить все лютеранство. Послѣдовала ожесточенная борьба. Сторонники лютеранства поняли наконецъ, что на нихъ лежитъ обязанность до конца бороться за наслѣдіе, съ боя пріобрѣтенное для нихъ отцами. Даже въ курфюршеской Саксоніи сторонники Кальвина сумѣли достичь власти. Когда ихъ намѣренія были наконецъ поняты курфюрстомъ, вѣрнымъ приверженцемъ ученія Лютера, онъ арестовалъ ихъ вождей и смѣстилъ съ должностей всѣхъ проповѣдниковъ, которые не соглашались признать лютеранскаго ученія (1574 г.).

Въ результатѣ этой жаркой распри лютеране пришли къ убѣжденію, что церковное соединеніе съ кальвинистами невозможно, и что только строгимъ обособленіемъ отъ реформатской церкви можно избѣжать крайняго смятенія въ церковныхъ дѣлахъ. Притомъ же въ средѣ самихъ лютеранъ уже возникали несогласія по различнымъ пунктамъ ученія. Якобъ Андреэ, канцлеръ Тюбингенскаго университета, задался цѣлью составить „Конкордію,“ соглашеніе между всѣми группами лютеранъ. Въ постоянно

возобновлявшихся переговорахъ съ князьями и учеными составленное имъ по этому вопросу сочиненіе подвергалось все новой обработкѣ. Такъ создалась формула конкордіи, которая соединяла три символа старой церкви, первыя лютеранскія исповѣданія, составленную Меланхтономъ Аугсбургскую конфессію и ея апологію, а также Лютеровскія Шмалькальденскія положенія и оба его катехизиса, въ одну книгу конкордіи (1580 г.). Она была подписана пятьюдесятью однимъ княземъ и владѣтелемъ, тридцатью пятью городами и девятью тысячами богослововъ и приходскихъ церквей.

Еще въ промежутокъ времени между 1559 и 1566 годами отдѣльныя реформатскія церкви составили свои изложенія исповѣданія. Когда же Арминій въ Лейденѣ выступилъ противъ ученія Кальвина, по которому Богъ предопредѣлилъ однихъ къ осужденію, другихъ къ блаженству, и его протестъ былъ поддержанъ многочисленными послѣдователями, тогда Дордрехтскій синодъ (1618—1619 г.) попытался установить исповѣданіе, общее для всѣхъ реформатовъ, объявивъ истиннымъ это ученіе о предопредѣленіи, но устранивъ изъ него наиболѣе рѣзкія положенія. Правда, постановленія Дордрехтскаго синода были приняты не всѣми реформатскими церквами. Но по крайней мѣрѣ теперь со стороны обѣихъ протестантскихъ церквей произведена была попытка опредѣленнымъ разграниченіемъ положить конецъ постояннымъ неурядицамъ, волновавшимъ общины. Одновременно съ этими событіями упрочилась еще одна форма протестантизма. Елизавета Англійская надѣялась, путемъ нѣкоторыхъ уступокъ приверженцамъ римской церкви, водворить наконецъ спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ. Для этой цѣли въ 1563 году было объявлено тридцать девять положеній, установившихъ своеобразный характеръ англиканской государственной церкви, съ ея смѣшеніемъ реформаціонныхъ и католическихъ идей. Такимъ образомъ съ этихъ поръ западное христіанство распадается на четыре конфессіонныхъ церкви.

Наряду съ этими событіями особенное значеніе имѣлъ переходъ лютеранскаго курфюрста Іоганна Сигизмунда Бранденбургскаго въ реформатскую церковь (1613 г.). Возбужденіе, вызванное въ его странѣ этой перемѣной религіи, было такъ велико, что курфюрстъ счелъ за лучшее не уступать убѣжденіямъ своихъ приближенныхъ кальвинистовъ и издалъ реверсъ, которымъ обязывался не назначать насильно ни въ одинъ приходъ нежелательныхъ проповѣдниковъ. Но вполнѣ естественно, что въ народѣ не могли остаться безъ вліянія примѣръ и желаніе государя, и разумѣется въ распоряженіи курфюрста было много путей, которыми онъ могъ бороться съ лютеранствомъ безъ явныхъ правонарушеній. Этотъ шагъ курфюрста положилъ начало объединительной политикѣ Гогенцоллерновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ противорѣчіе между самыми значительными евангелическими державами Германіи, между Бранденбургомъ и Саксоніей, и этотъ разладъ является грозной опасностью для могущества протестантизма.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій въ области религіи была Тридцатилѣтняя война. Евангелическая церковь въ Германіи, а вмѣстѣ съ нею, вѣроятно, и все дѣло реформаціи были бы уничтожены, если бы Густавъ Адольфъ, руководимый столько же политическими, сколько и религіозными мотивами, не вмѣшался въ религіозную войну. Концомъ этого ужаснаго времени было полное изнеможеніе обѣихъ сторонъ. Католическая партія была наконецъ вынуждена признать, что объ уничтоженіи протестантизма нечего и думать, что приходится считаться съ нимъ какъ съ самостоятельной силой. Вестфальскій миръ установилъ равноправіе религіозныхъ партій, въ томъ числѣ и реформатовъ (стр. 323). Правда, папа Иннокентій X объявилъ миръ недѣйствительнымъ и постановленія его необязательными даже для тѣхъ, кто принялъ ихъ подъ присягою.

Но Германія вынесла слишкомъ много бѣдствій, чтобы позволить втянуть себя еще въ новую религіозную войну. Вестфальскимъ миромъ кончилась борьба, длившаяся не тридцать, а цѣлыя сто лѣтъ. Этотъ миръ призналъ отвергавшееся средневѣковой церковью право на существованіе за тѣми, кто являлся представителями идей новаго времени въ области религіи. Если католическая церковь и продолжала еще стремиться уничтожить эти идеи, то она уже была не въ состояніи, по крайней мѣрѣ въ Германіи, помышлять объ уничтоженіи представителей этихъ идей. Евангелическая церковь, какъ самостоятельная община, была обезпечена.

2. Односторонняя выработка религіозныхъ направленій.

A. **Ортодоксія, піетизмъ, свободомысліе въ евангелической церкви (около 1650—1750 г.).**

Только теперь рѣшительныя идеи новаго времени, идеи свободы личности и достоинства свѣтской дѣятельности, получили какъ бы политическое признаніе и съ этихъ поръ имѣютъ возможность безпрепятственно развиваться во всѣхъ областяхъ. И не только въ евангелическихъ земляхъ, новыя воззрѣнія пролагаютъ себѣ путь и въ странахъ, внѣшнимъ образомъ еще подчиненныхъ католической церкви. Свѣтская жизнь начинаетъ развиваться самостоятельно. Самостоятельные пути избираетъ себѣ государственная политика, соціальное движеніе, искусство и наука. Прежде всего добивается независимости изслѣдованіе природы и философія. Такимъ образомъ множество интересовъ появляется рядомъ съ церковно-религіозными; церковь утрачиваетъ свое руководящее и преобладающее значеніе и въ глазахъ тѣхъ, кто не считается съ ея религіознымъ вліяніемъ, уже не встрѣчаетъ должнаго признанія. Въ обществѣ можетъ возникнуть отчужденіе отъ церкви. Даже больше! Теперь, когда церковь намѣрена и вынуждена была ограничиться своей исключительной областью, свѣтскія стремленія неизбѣжно могли направляться и на такіе пути, которыхъ не можетъ одобрить религія; могло проявиться безудержное стремленіе къ мірскому, свѣтскому наслажденію, пренебрегающее религіей и даже прямо враждебное ей. Далѣе, только теперь, когда требованіе объ уничтоженіи всякаго насилія въ вопросахъ религіи, нашло наконецъ признаніе, только теперь эта идея свободы совѣсти могла распространиться въ болѣе широкихъ кругахъ. Даже тогда, когда религіозныя убѣжденія вырабатываются не самостоятельно, а только слѣдуя авторитету, видно желаніе не подчиняться авторитету, а свободно слѣдовать за нимъ, по собственному произволу избирать себѣ авторитетъ. Такимъ образомъ возникаетъ самостоятельность индивидуума по отношенію къ церкви. Но отсюда не далеко и до того, чтобы вѣра стала чѣмъ то чисто произвольнымъ, чтобы на рѣшеніе вопроса вѣрить ли вообще, и во что вѣрить, смотрѣли какъ на дѣло личной прихоти. Въ то время какъ религія предъявляетъ требованіе достигать личнаго убѣжденія исходя изъ объективныхъ истинъ, ея требованіе искажается такимъ образомъ, что человѣкъ успокаивается на какомъ нибудь произвольно избранномъ убѣжденіи.

Являлся вопросъ, будетъ ли евангелическая церковь въ состояніи справиться съ этой грозившей опасностью? Не приведутъ ли злоупотребленія идеями нового времени къ сомнѣнію въ цѣнности самихъ этихъ идей? Не явится ли въ церкви вновь огульное осужденіе всего свѣтскаго, какъ грѣховнаго по самому существу? Не ограничится ли евангелическая церковь, изъ страха передъ свободой убѣжденій, требованіемъ лишь внѣшняго признанія церковнаго ученія? Различныя конфессіи обособились другъ отъ друга и изложили въ особыхъ исповѣданіяхъ свои ученія. Но

евангелическая церковь, слѣдуя своимъ принципамъ, не могла довольствоваться унаслѣдованнымъ достоянiемъ. Предыдущiя столѣтiя могли удовлетворяться своимъ безжизненнымъ владѣнiемъ; но въ новую эпоху церковь, которая поставила бы своей единственной задачей внѣшнее сохраненiе старыхъ формъ, вскорѣ встрѣтила бы опасное сопротивленiе. Евангелическiе теологи, радуясь, что составленiе символическихъ книгъ завершило процессъ выработки вѣроученiя, съ раннихъ поръ уже занялись приведенiемъ церковнаго ученiя въ стройную систему. Теперь, когда существованiе областныхъ церквей было по крайней мѣрѣ извнѣ обезпечено, все сильнѣе чувствуется потребность обезпечить это существованiе и нравственно, путемъ выработки ученiя до мельчайшихъ частностей, чтобы этимъ избѣгнуть влiянiй другихъ исповѣданiй на собственную общину. Чтобы сплотить эти областныя церкви, составленныя изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, являются попытки сдѣлать отдѣльныя положенiя вѣроученiя убѣдительными и для тѣхъ членовъ общины, которые не питаютъ къ дѣламъ церкви горячаго интереса. Путемъ доказательствъ пытаются провести идеи, которыя по смыслу ученiя Лютера могутъ быть признаны за истину только путемъ искреннихъ поисковъ и душевнаго опыта. Евангелическая церковь все болѣе довольствуется внѣшнимъ признанiемъ своего ученiя и внѣшнимъ подчиненiемъ своимъ предписанiямъ и порядкамъ. И успѣхи въ этой области утѣшаютъ даже тогда, когда оказывается что эта церковность далеко не приноситъ въ жизни благородныхъ плодовъ. Является довольство мертвенной ортодоксiей.

Въ сущности это направленiе было не чѣмъ инымъ, какъ проявленiемъ въ новой церкви стариннаго духа нетерпимости и стремленiя къ безусловному господству. Поэтому наряду съ нимъ мы постоянно можемъ прослѣдить и другое теченiе, болѣе чисто сохранившее завѣты реформацiи и выдвинувшее людей, одушевленныхъ живой и дѣятельной вѣрой. Они ясно сознавали и ту опасность, которую навлекло на церковь безжизненно-ортодоксальное направленiе, и серьезно предостерегали противъ этой опасности. Такова была уже ранѣе дѣятельность Iоганна Арндта (умеръ въ 1621 г., былъ суперинтендентомъ въ Целле), написавшаго очень популярную книгу, „Das wahre Christentum“; назовемъ еще ростокскаго профессора и суперинтендента Генриха Мюллера (умеръ въ 1675 году), возстававшаго противъ четырехъ нѣмыхъ идоловъ церкви, то есть противъ чисто внѣшняго выполненiя требуемыхъ обрядностей; старшаго придворнаго проповѣдника въ Кведлинбургѣ, умершаго въ 1693 г. Христiана Скривера, написавшаго знаменитый „Seelenschatz“. Неутомимый пѣвецъ Павелъ Гергардтъ (умеръ въ 1676 году) былъ такъ твердъ въ своемъ лютеранскомъ вѣроисповѣданiи, что объединительныя попытки курфюрста Фридриха Вильгельма заставили его отказаться отъ своей должности въ Берлинѣ; искреннiя и вдохновенныя пѣсни этого поэта нашли между тѣмъ распространенiе и за предѣлами лютеранской общины. Наконецъ величайшiй композиторъ, Iоганнъ Себастьянъ Бахъ (умеръ въ 1750 году), далъ въ своихъ несравненныхъ по глубинѣ композицiяхъ музыкальное выраженiе всѣмъ чувствамъ и мыслямъ евангелическаго христiанства.

Но не всѣ противники неподвижной церковности сумѣли удержаться на вѣрномъ и здравомъ пути. Шпенеръ, бывшiй съ 1666 году сенiоромъ духовнаго управленiя во Франкфуртѣ на М., является отцомъ нѣмецкаго пiетизма. Нужно считать неоспоримой его заслугой, что ему удалось вновь оживить религiозность въ ту эпоху, когда въ теологiи достигла почти неограниченнаго господства самодовлѣющая мертвенная ортодоксiя. Онъ скорбѣлъ о томъ, что вѣра оказывается безсильной измѣнить образъ жизни своихъ внѣшнихъ послѣдователей. Въ сравненiи съ гигантомъ Лютеромъ онъ называлъ себя только карликомъ, но прибавлялъ, что и карликъ выше великана, когда стоитъ у него на плечахъ. Итакъ онъ

хотѣлъ основываться на ученіи Лютера, который по его мнѣнію вернулъ церкви истинную религіозность. Онъ нисколько не хотѣлъ посягать на его ученіе, а исходя изъ него, стремился реформировать жизнь. Въ дѣйствительности однако онъ уже этимъ самымъ отклонялся отъ точки зрѣнія Лютера и скорѣе приближался къ духу ортодоксіи. Дѣло въ томъ, что самой существенной заслугой Лютера было именно признаніе, что истинная вѣра создаетъ новое общеніе людей съ Божествомъ и результатомъ этого уже само по себѣ является иное отношеніе человѣка къ окружающему міру. Такимъ образомъ мнимой вѣрѣ надлежитъ доказать по плодамъ ея, что она мертва и слѣдовательно не есть вѣра; надлежитъ стремиться къ созданію живой вѣры, если желательно вызвать истинную христіанскую нравственность. Дѣйствительно, то же самое высказывалъ и Шпенеръ, и вотъ почему ему удалось влить новую жизненную струю въ замершую протестантскую церковность.

Но Шпенеръ этимъ не удовольствовался. Наряду съ простымъ засвидѣтельствованіемъ божественной истины онъ примѣнилъ и новыя средства, которыя какъ бы должны были усилить дѣйствія божественнаго слова; эти то средства и представляли нѣчто внѣшнее, формальное, механическое, и внесли въ піетизмъ нездоровые элементы. Шпенеръ учреждалъ collegia pietatis, благочестивыя собранія, параллельныя церковной общинѣ; здѣсь надлежало внушать, что „для христіанства мало одного знанія, что оно состоитъ главнымъ образомъ въ упражненіи". На этихъ собраніяхъ надлежало давать взаимный отчетъ о своемъ душевномъ состояніи и о прогрессахъ, достигнутыхъ въ духовной жизни; надлежитъ давать другъ другу совѣты, какъ избавиться отъ своихъ недостатковъ. Въ частности, студенты богословія, для своего руководства, должны были время отъ времени „излагать передъ собраніемъ коллегіи состояніе своей совѣсти и постоянно слѣдовать совѣтамъ собранія; такимъ образомъ безъ сомнѣнія въ короткое время воспослѣдуютъ отличные успѣхи на пути къ достиженію блаженства. Итакъ Шпенеръ хочетъ внѣшними искусственными средствами доставить человѣку то, что по воззрѣніямъ Лютера должно постепенно выработаться въ душѣ путемъ божественнаго воздѣйствія. Получилась какая то дрессировка блаженства.

Шпенеръ былъ приглашенъ въ Берлинъ и при учрежденіи новаго университета въ Галле имѣлъ возможность замѣстить должности на теологическомъ факультетѣ сторонниками своихъ воззрѣній (1694 г.). Въ этой школѣ, особенно подъ руководствомъ Августа Германа Франке, вырабатывались люди, которые распространяли ученіе піетизма все далѣе. Широкія учрежденія, задуманныя Франке, свидѣтельствуютъ о религіозномъ рвеніи и усердіи къ вѣрѣ, которое воодушевляло этихъ дѣятелей. Отсюда исходитъ мысль о расширеніи дѣятельности за предѣлы евангелической церкви, о проповѣди евангелическаго ученія язычникамъ. Изъ устроеннаго Франке сиротскаго дома вышли первые лютеранскіе миссіонеры. Правда, ортодоксія не разъ пыталась побороть это новое направленіе, но съ каждой попыткой только все больше теряла свое общественное значеніе.

Такимъ образомъ піетизмъ какъ бы заступилъ мѣсто ортодоксіи. Онъ сдѣлался господствующимъ направленіемъ. А это поставило на его долю задачу не только оказывать религіозное вліяніе въ небольшихъ кругахъ, а дѣйствовать и на массы. Но здѣсь піетизмъ оказался несостоятельнымъ. Напротивъ, все яснѣе обнаруживаются его слабыя стороны. Въ противоположность ортодоксіи, которая придавала главную важность чистотѣ ученія, піетисты главное значеніе придавали благочестивой жизни, и относились почти индифферентно къ церковному ученію, забывая, что оно вѣдь должно приводить къ истинной вѣрѣ. Такимъ образомъ создавалось благочестіе, основанное на неясныхъ или ложныхъ религіозныхъ

представленіяхъ, а потому и не чистое. При этомъ піетизмъ вновь впалъ въ заблужденіе, опровергнутое реформаціей, будто естественное и мірское само по себѣ находится въ разладѣ съ духовнымъ и божественнымъ. Науки и свѣтское образованіе, которыя по Лютеру должны были предохранять религіозность отъ заблужденій, теперь подверглись презрѣнію и выставлялись врагами благочестивыхъ упражненій, въ которыхъ лежала вся сущность піетизма. Теологи должны были создаваться молитвой, а не образованіемъ. Требовалось внѣшнее отстраненіе отъ „свѣта", который видѣли въ чисто внѣшнихъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, вродѣ посѣщенія театра, игры въ карты, танцевъ, подраженія модѣ, смѣха, шутокъ, игръ. Въ народныхъ массахъ, которыя только внѣшнимъ образомъ подчинялись достигшему господства піетизму, создавалась такимъ образомъ религіозность, по существу ничѣмъ не отличавшаяся отъ той, какая была въ времена мертвой ортодоксіи, но еще менѣе симпатичная по формѣ, въ какой проявлялась. Какъ ранѣе прикрытіемъ отъ упрека въ отсутствіи истиннаго благочестія служила принадлежность къ церкви, такъ теперь ограждало участіе въ упражненіяхъ піетистовъ. Если раньше отличительнымъ признакомъ вѣрующаго было исполненіе предписаній церкви, то теперь требовалось избѣгать внѣшнихъ поступковъ, въ которыхъ видѣлось нѣчто „свѣтское". И въ то же время піетисты настаивали, что только они достигли истиннаго христіанства. Въ результатѣ это христіанство неизбѣжно должно было только оттолкнуть тѣхъ, кого оно мечтало возвратить къ вѣрѣ.

Такое же плачевное дѣйствіе имѣло еще другое своеобразное заблужденіе піетизма. Люди съ болѣе глубокими запросами, которые не могли довольствоваться піетистическимъ бѣгствомъ отъ міра, хотѣли новыми чувствами получить увѣренность въ томъ, что они стали новыми людьми. Они хотѣли чувствовать покаянную борьбу, чувствовать внутреннюю небесную радость. Они старались искусственно вызвать эти желанныя чувства. Въ результатѣ явилось дѣланное и воображаемое благочестіе, которое должно было на посторонняго наблюдателя произвести отталкивающее впечатлѣніе неискренности.

А между тѣмъ нѣмецкой церкви грозили новыя невзгоды, борьба съ которыми могла бы оказаться подъ силу только здравому благочестію. Все болѣе начинаетъ распространяться въ Германіи отчужденіе отъ христіанства вообще. Нельзя возлагать отвѣтственности за такой поворотъ дѣла ни на піетизмъ, ни на ортодоксію, но обѣ эти нездоровыя формы евангелической конфессіи виноваты, что новое направленіе могло распространяться не встрѣчая сопротивленія.

Новое движеніе становится въ противорѣчіе ко всѣмъ до сихъ поръ разсмотрѣннымъ нами формамъ религіозности. Оно отрицаетъ самыя положенія, на которыхъ всѣ эти формы основаны. Оно болѣе или менѣе открыто пытается отрицать, что человѣчество получило откровеніе, памятникомъ котораго является святое писаніе. Духъ этотъ постоянно существовалъ въ западной церкви, съ тѣхъ поръ какъ она изъ небольшого общества добровольныхъ участниковъ стала учрежденіемъ, охватившимъ массы. Но пока образованіе, доставлявшее извѣстную самостоятельность, находилось исключительно въ рукахъ церкви, и пока эта церковь пользовалась міровымъ господствомъ, подобныя идеи не могли открыто высказываться. Но время отъ времени это свободомысліе обнаруживалось даже въ столѣтія, предшествовавшія реформаціи (см. томъ VI); гуманизмъ далъ этимъ идеямъ новую обильную пищу. Затѣмъ послѣдовала эпоха реформаціи, десятилѣтія непрерывной борьбы между старыми и новыми религіозными воззрѣніями. Каждая изъ различныхъ религіозныхъ партій утверждала, что истина именно на ея сторонѣ и въ доказательство своихъ воззрѣній ссылалась на откровеніе священнаго писанія. Господствовала

общая неувѣренность, за кѣмъ въ концѣ концовъ останется побѣда. Поэтому появилось безчисленное множество такихъ личностей, которыя предпочитали во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій не высказываться ни за одну изъ религіозныхъ партій, оставить церковные вопросы до времени безъ отвѣта и обождать исхода борьбы. Лютеръ съ глубокой скорбью и пламеннымъ гнѣвомъ выступалъ противъ ихъ этихъ „экспектантовъ“ (ожидающихъ), которые совершенно отдалялись отъ церкви и ея установленій, и не находя при этомъ иной замѣны, которая удовлетворяла бы религіознымъ потребностямъ, все болѣе и болѣе отчуждались отъ христіанства. А между тѣмъ, чѣмъ болѣе находила себѣ признанія идея новаго времени о свободѣ религіи, тѣмъ болѣе являлось поводовъ считать себя въ правѣ самостоятельно составлять свои религіозныя убѣжденія, далеко не придерживаясь при этомъ основы христіанства, признанія дѣйствительности откровенія.

Къ тому же новыя научныя пріобрѣтенія эпохи могли наводить на мысль, будто опровергнута точка зрѣнія, поддерживавшаяся ученіемъ церкви. Такъ какъ религіозныя истины для своего распространенія облекаются въ систему ученія, то эта одежда создается изъ господствующихъ въ данное время воззрѣній на міръ и природу. Теперь, когда обѣ идеи новаго времени, свобода личности и обладаніе міромъ, соединенными силами побуждали къ самостоятельному изслѣдованію природы и міра, выработалось совершенно иное міровоззрѣніе, чѣмъ то, которое до сихъ поръ считалось истиннымъ. Коперникъ подвергъ сомнѣнію все зданіе птолемеевской системы вселенной. Галилей поддержалъ его великое открытіе новыми неоспоримыми доказательствами. Такимъ образомъ церковь стала передъ тяжелой задачей, провести ясное различіе между религіознымъ содержаніемъ, которое она представляла, и преходящей формой, въ которую это содержаніе облекалось, и признать эту форму временной и случайной, чтобы вмѣстѣ съ нею не было отвергнуто и содержаніе. Что церковь не сразу же послѣ этихъ новыхъ открытій измѣнила согласно съ ними свою систему, было вполнѣ понятно, такъ какъ не разъ уже заблужденія выдавались за неоспоримо вѣрныя открытія. Но принципіально являлась необходимость провести границу между вѣчной сущностью и преходящей формой ученія. Католической церкви въ особенности это новое міровоззрѣніе, когда она оцѣнила глубину его значенія, показалось такой ересью, что она вынудила Галилея отречься отъ своего открытія (1633 г.).

Именно такое отношеніе церкви къ новымъ открытіямъ усилило опасность, которая заключалась въ нихъ. Не малая часть общества укрѣпилась въ заблужденіи, что эти новые результаты научнаго изслѣдованія касаются не внѣшнихъ выраженій религіи, а ея внутренней сущности; казалось, что такъ какъ средневѣковое міровоззрѣніе покоилось на истинахъ откровенія, то съ разрушеніемъ средневѣковой науки разрушаются и эти истины. Евангелическая церковь, согласно своимъ принципамъ, учившимъ различать религіозную истину отъ ея человѣческаго выраженія, могла бы помочь западному христіанству справиться съ этой опасностью. Но и ортодоксія и піетизмъ оказались передъ нею безсильными; первая потому, что она требовала подчиненія своей системѣ въ цѣломъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; второй потому, что его бѣгство отъ міра, презрѣніе къ наукѣ, самодовольное тщеславіе отталкивало именно сторонниковъ новыхъ идей. Оба эти направленія даже способствовали заблужденіямъ, въ которыя впадало научное изслѣдованіе; ортодоксія тѣмъ, что она пыталась доказать религіозную истину доводами разума и этимъ допустила непозволительное вторженіе разсудочности въ сферу религіи; піетизмъ—тѣмъ, что онъ положилъ такое рѣзкое разграниченіе между наукой и благочестіемъ и этимъ вызывалъ мнѣніе, будто самыя необузданныя теоріи въ научной области не могутъ затрагивать истиннаго благочестія.

Опаснѣе всего положеніе дѣлъ было повидимому въ Англіи, такъ какъ здѣсь реформація не возникла, какъ въ Германіи, изъ чисто религіозныхъ мотивовъ, а была создана королемъ Генрихомъ VIII изъ личныхъ и политическихъ соображеній, сохранила поэтому въ сущности католическій характеръ, только безъ подчиненія папѣ, и не могла доставить полнаго удовлетворенія сторонникамъ новыхъ идей. Здѣсь, далѣе, гуманистическая партія перешла къ новой церкви безъ того распаденія, какое проявилось въ Германіи. Здѣсь, наконецъ, кровопролитная борьба между различными религіозными партіями заставляла искать за предѣлами несогласій и раздоровъ области высшей религіозности, въ которой возможно объединеніе всѣхъ разумныхъ мыслителей. Первымъ произведеніемъ возникающаго такимъ образомъ въ Англіи деизма надо считать сочиненіе Эдварда Герберта лорда Черберы: „Какъ различается истина отъ откровенія“ (De veritate prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili et a falso; 1624 г.). По мнѣнію Герберта существенное значеніе имѣетъ естественная религія, религія здраваго смысла, элементъ, общій всѣмъ религіямъ. Всѣ же различія между религіями, ихъ положительныя стороны, цѣнности, по его мнѣнію, не имѣютъ. Естественное нравственное сознаніе учитъ насъ, что Богъ есть, что его должно почитать, именно благочестивой добродѣтельностью; что проступки искупаются раскаяніемъ; что существуетъ воздаяніе въ этой жизни и въ будущей. Новыя возрѣнія провозглашались въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ многими представителями, пока наконецъ Генри Сентъ Джонъ виконтъ Болингброкъ (1678—1751 г.) выступилъ съ самыми необузданными нападками на христіанство и его церковныя преданія („Letters on the study of history“).

Смятенія, вызванныя этими ученіями въ Англіи, были такъ велики, что тамъ теперь были готовы на крайнія средства для спасенія христіанства. Въ 1729 году нѣсколько студентовъ въ Оксфордѣ составили кружокъ, имѣвшій цѣль сходную съ collegia pietatis Шпенера. Эти дѣятели, именно братья Уеслей и Джорджъ Уайтфильдъ, основали методизмъ, который еще преувеличилъ ошибки піетизма и какъ бы обособился въ замкнутую систему. Цѣль его—потрясающими покаянными проповѣдями поразить души и оторвать ихъ отъ грѣха. Сущность религіи лежитъ для него въ чувствѣ. Отъ отпаденія должна предохранять закономѣрная дисциплина. Жгучее желаніе этихъ проповѣдниковъ въ самомъ дѣлѣ спасти заблудшія души, ихъ рѣшительный образъ дѣйствій, не смущавшійся даже насильственнымъ принужденіемъ, доставилъ методизму значительные успѣхи. Правда, ученіе распространялось преимущественно среди низшаго класса, который въ методистическомъ обращеніи съ духовной личностью видитъ непреодолимую силу, а не притязательную навязчивость. Но все таки это бурное движеніе затронуло всѣ слои англійскаго общества и вновь оживило упавшій духъ религіозности.

Между тѣмъ возникшее въ Англіи отрицательное направленіе перешло и на континентъ, частью же зародилось здѣсь самостоятельно. Рене Декартъ (Картезій; 1596—1650 г.) учитъ, что должно во всемъ сомнѣваться. Единственная опорная точка—это самосознаніе. Что ему непосредственно соотвѣтствуетъ, то истинно; мѣрило истины—ясность. Барухъ (Бенедиктъ) Спиноза (1632—77 г.) хочетъ разумомъ постичь абсолютное, имманентную причину всѣхъ явленій; религія требуетъ вѣры и повиновенія, философія же разума и любви. Пьеръ Бэйль (1647—1706) старается въ своемъ „Dictionaire historique et critique“ показать несоотвѣтствіе между вѣрой и разумомъ, и его сочиненіе является богатой сокровищницей аргументовъ для отрицателей слѣдующаго періода. Въ Галле, недавнемъ оплотѣ піетизма, Христіанъ Вольфъ (1679—1754) высказываетъ такое положеніе: „Все должно быть провѣрено при помощи разума, какъ философскаго пробирнаго камня“. Въ 1723 г. Вольфъ былъ изгнанъ изъ прус-

скихъ владѣній, но черезъ семнадцать лѣтъ призванъ обратно и вступилъ въ Галле какъ тріумфаторъ. Къ этому времени его направленію слѣдовало въ Германіи уже до сотни писателей. Въ 1735 году сообразно съ этой философіей создается и переводъ Библіи для народа, снабженный соотвѣтственными примѣчаніями и извѣстный подъ названіемъ Вертгеймской Библіи. Какъ примѣръ обращенія съ текстомъ Святого Писанія, приводимъ начало перевода: „Всѣ тѣла вселенной и наша земля созданы въ началѣ Богомъ. Въ частности, что касается земли, то она въ началѣ была совершенно пустынной; она была окружена темнымъ туманомъ и кругомъ омывалась водою, надъ которой началъ подыматься сильный вѣтеръ. Но скоро на ней стало нѣсколько свѣтлѣе, какъ того требовалъ божественный Промыселъ“.

Могла ли протестантская церковь устоять противъ натиска всѣхъ этихъ теченій? Ближайшимъ послѣдствіемъ должно было явиться въ ней полное смятеніе.

Б. **Побѣды ордена іезуитовъ (1650—1750).**

Римская церковь продолжала свои завоеванія и послѣ Тридцатилѣтней войны, хотя при этомъ не замедлили обнаружиться грандіозные размѣры, которые приняла религіозная самостоятельность. Наибольшей благодарностью протестантизмъ былъ обязанъ двумъ княжескимъ домамъ, саксонскому и шведскому, такъ какъ первый покровительствовалъ первымъ зачаткамъ реформаціи, а второй, въ лицѣ Густава Адольфа, спасъ ее отъ истребленія. Можно представить, какимъ ударомъ для евангелической Европы былъ переходъ въ католичество Христины (1654 г.), дочери и наслѣдницы этого короля. Но ей не удалось увлечь за собою свою страну. Она была вынуждена отречься отъ короны, а новый законъ обрекалъ всѣхъ католиковъ на изгнаніе изъ Швеціи. Курфюрстъ Фридрихъ Августъ I Саксонскій, ослѣпленный блескомъ манившей его польской короны (онъ сталъ королемъ польскимъ подъ именемъ Августа II), принялъ католичество въ 1697 году. Но народъ его такъ твердо стоялъ за евангелическую религію, что король и его преемники должны были подписать реверсъ, которымъ они обязывались охранять неприкосновенность евангелической церкви въ своей странѣ, и предоставить церковное управленіе евангелическимъ властямъ. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ князей наслѣдниковъ,—не достигавшихъ, впрочемъ, престола,—предпочелъ евангелическому вѣроисповѣданію католицизмъ. Франція стала первой державой Европы. Дворъ Людовика XIV сіялъ такимъ великолѣпіемъ, что стало обязательнымъ требованіемъ аристократическаго хорошаго тона посѣтить Парижъ и увидѣть великаго короля. И здѣсь посѣтители видѣли, какія необычайныя удобства доставляетъ попавшая подъ вліяніе іезуитовъ католическая религія; увидѣли, что можно считаться благочестивымъ, вовсе не смущаясь какими нибудь требованіями нравственности.

Фердинандъ III Австрійскій не призналъ дѣйствительности Вестфальскаго мира для своихъ родовыхъ владѣній. Такимъ образомъ Силезія, почти сплошь протестантская, была возвращена въ лоно католической церкви. Здѣсь было постепенно силой отнято у протестантовъ около 1300 приходовъ. Кто не желалъ перейти въ католичество, долженъ былъ выселиться. Въ Венгріи подъ предлогомъ, что страна охвачена заговоромъ, были пролиты потоки крови. Кровавое судилище Караффы въ Эперье (1687 г.) должно было устрашить протестантское дворянство. И въ самомъ дѣлѣ, только немногіе среди представителей знати устояли противъ угрозъ и заманчивыхъ обѣщаній іезуитовъ. Торнская кровавая баня (7 декабря 1724 г.) показала, чего слѣдуетъ ждать тому, кто не чтитъ іезуитовъ надлежащимъ образомъ. Чтобы искупить свои грѣхи и наполнить

свою казну, архіепископъ Фирміанъ Зальцбургскій вызвалъ въ 1728 г. въ страну партію іезуитовъ, которые должны были выслѣживать и обращать протестантовъ. Упорныхъ отступниковъ старались убѣдить тюрьмой, розгами, голодомъ и жаждой. Но до 30,000 человѣкъ предпочли изгнаніе отреченію отъ вѣры. Нигдѣ у іезуитовъ не представлялось такого благопріятнаго случая провести на практикѣ свои „снисходительные“ моральные принципы, какъ во Франціи. Нравы, особенно при королевскомъ дворѣ, были такъ распущены, что только при безграничной уступчивости „человѣческимъ слабостямъ“ можно было поддержать внѣшнее общеніе этого развращеннаго круга съ церковью. Іезуиты любезно и предупредительно учили сохранять вѣрность церкви, не отказываясь отъ распущенности. Подобное благочестіе не могло удовлетворять болѣе глубокія натуры, и въ католической церкви Франціи начинается двойная реакція.

Съ 1630 г. при Левенскомъ университетѣ проповѣдывалъ реформу Корнелисъ Янсенъ (1585—1638 г.). Онъ десятокъ разъ перечиталъ сочиненія великаго отца церкви Августина и наконецъ для него стало неоспоримо ясно, что распущенная теологія іезуитовъ далеко уклонилась отъ ученія Августина. Его сочиненіе „Augustinus“ подверглось ожесточеннѣйшимъ нападкамъ іезуитовъ и было запрещено папой. Но въ Парижѣ идеи Янсена встрѣтили горячее сочувствіе въ кружкахъ благочестивыхъ и ученыхъ дѣятелей. Лежавшій за городомъ монастырь Порръ Рояль де Шанъ (Port Royal des Champs) сталъ средоточіемъ ихъ религіозной партіи и дѣятельности. Стоявшій во главѣ этого кружка докторъ Сорбонны Антуань Арно (Arnauld) напалъ (въ книгѣ „De la fréquente communion“) на легкомысленное ученіе іезуитовъ объ отпущеніи, доходившее до того, что напримѣръ великосвѣтскія дамы по дорогѣ на балъ въ вечернемъ туалетѣ заходили къ исповѣди и на слѣдующій день принимали причастіе. Знаменитый математикъ Блэзъ Паскаль въ своихъ „Письмахъ къ провинціалу“ („Lettres provinciales“) изобличалъ то съ потрясающей серьезностью, то съ блестящимъ остроуміемъ змѣиную мудрость и безнравственную мораль этихъ исповѣдниковъ народа. Но власти, и король и папа, были на сторонѣ враговъ. Іезуитамъ удалось добиться того, что отъ всѣхъ французскихъ священниковъ, монаховъ и монахинь было потребовано произнести проклятіе янсеніевской ереси; кто отказывался, подвергался изгнанію. Іезуиты окончательно успокоились не раньше, чѣмъ были уничтожены послѣдніе слѣды испытаннаго позора, разрушенъ монастырь Поръ-Рояль (1710 г.). Еще разъ ожилъ янсенизмъ. Священникъ Пасхазій Кенель въ 1687 и 1693 г. издалъ переводъ Новаго Завѣта съ поучительными примѣчаніями въ духѣ, противномъ господствовавшему тогда во французской церкви. По проискамъ іезуитовъ король исхлопоталъ въ 1713 году папскую Буллу Unigenitus, предававшую проклятію 101 тезисъ этой книги. Значительная партія апеллировала противъ этого указа къ будущему собору. Но недовольныхъ заставили замолчать смѣщеніемъ съ должностей, заключеніемъ или изгнаніемъ. Папское рѣшеніе было зарегистровано въ видѣ французскаго государственнаго закона (1730 г.). Іезуиты опять стали полновластными господами.

Іезуитскому ордену удалось устранить со своей дороги и другого противника. Еще въ половинѣ XVI вѣка въ католической церкви обнаружилось направленіе, которое въ противоположность къ внѣшнему характеру, принятому католицизмомъ, шло къ углубленію католическаго міровоззрѣнія. Постоянной внутренней набожностью и совершенно безкорыстной любовью къ Богу душа должна обрѣсти полный покой и такимъ образомъ достичь единенія съ Богомъ. Этотъ мистическій квіетизмъ нашелъ очень широкое распространеніе въ Испаніи, Италіи и Франціи и еще въ 1681 г. былъ признанъ инквизиціонной комиссіей за соотвѣтствую-

щій ученію церкви. Но іезуиты поняли, что подобныя требованія стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ проводившимися ими воззрѣніями, по которымъ напримѣръ оказывалось „вѣроятнымъ, что заповѣдь любви къ Богу является строго обязательной для человѣка даже не каждыя пять лѣтъ“, и что „достаточно одинъ разъ въ жизни вызвать чувство вѣры“. Неслыханными происками имъ удалось достичь въ 1687 году осужденія „богохульной ереси квіетистовъ“. Жанна Мари Бувье де ла Мотъ Гюйонъ, сторонница этого направленія, съ 1688 года вынесла сначала заточеніе въ монастырѣ, затѣмъ (1695/96 и 1698—1703 г.) томилась въ мрачной камерѣ Бастиліи. Сочиненіе, которое Франсуа де Салиньякъ де ла Мотъ Фенелонъ, съ 1689 г. воспитатель внуковъ короля и съ 1695 г. архіепископъ Камбрэ, написалъ въ защиту этой несчастной женщины въ 1696 году, было въ 1699 году предано проклятію и архіепископъ вынужденъ подчиниться.

Одновременно іезуиты могли отпраздновать третій тріумфъ. Легко было представить такому королю, какъ Людовикъ XIV, всю желательность обращенія его протестантскихъ подданныхъ. Всемогущество государства, воплощавшагося въ немъ лично, было его главнымъ стремленіемъ и не терпѣло религіозныхъ различій въ области, гдѣ простирался его авторитетъ. Его манила и безсмертная слава, которую сулили ему, если онъ сумѣетъ, чего тщетно добивались всѣми силами четыре монарха до него, сломить желѣзное упорство убѣжденія этихъ гугенотовъ. Наконецъ, не могло найтись лучшей покаянной жертвы за всѣ грѣхи короля, какъ искорененіе протестантизма въ его владѣніихъ. Теперь высшимъ сословіямъ пришлось узнать, что они теряютъ, отказываясь изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій отъ королевскихъ милостей. Для бѣдняковъ-же были устроены кассы, въ которыхъ каждый обращенный получалъ награду наличными деньгами. Этимъ способомъ, какъ передаютъ, было за шесть лѣтъ уловлено свыше 58,000 душъ. Съ 1681 г. дѣло обращенія получило еще болѣе энергичный ходъ. Страшныя драгонады, назначеніе въ протестантскіе дома постоя въ нѣсколько десятковъ драгунъ, которымъ разрѣшались всевозможныя безчинства, дали невѣроятный успѣхъ. Злодѣянія этихъ изверговъ производили такой паническій ужасъ, что при одномъ извѣстіи объ ихъ приближенія цѣлыя мѣстечки обращались въ католичество. Множество этихъ обращенныхъ сохраняло надежду получить въ скоромъ времени возможность вернуться къ своей вѣрѣ. Поэтому былъ изданъ законъ, каравшій возвращеніе къ протестантству ссылкой на галеры или смертной казнью. Въ 1685 г. наконецъ былъ безъ всякаго стѣсненія отмѣненъ выданный когда то на вѣчныя времена Нантскій эдиктъ. Всѣ церкви протестантовъ подлежали немедленному разрушенію, школы—закрытію, священники—изгнанію изъ королевства въ двухнедѣльный срокъ; всѣ богослужебныя сборища, даже въ частныхъ домахъ, были запрещены. Единственный путь спасти свою вѣру, эмиграція, была запрещена мужчинамъ подъ страхомъ каторги, женщинамъ подъ угрозой заточенія. Все таки болѣе чѣмъ полумилліону этихъ несчастныхъ удалось перебраться черезъ границу и найти убѣжище въ Бранденбургѣ, Голландіи, Англіи или Швейцаріи. Во Франціи осталось около двухъ милліоновъ протестантовъ, безправныхъ, беззащитныхъ. Многіе изъ нихъ укрылись въ горахъ Лангедока. Охваченные мистическимъ возбужденіемъ эти камизары въ десятилѣтней борьбѣ оборонялись отъ преслѣдовавшей ихъ обратительной маніи: роковая борьба героизма самостоятельной личной вѣры новаго времени съ яростью безчеловѣчныхъ поработителей совѣсти средневѣковья.

Но побѣды, одержанныя іезуитами, были побѣдами Пирра. Истребленіемъ всѣхъ благородныхъ движеній католической церкви, какъ это было съ квіетизмомъ и янсенизмомъ, они далеко не пріобрѣли сочувствія и ува-

женія народа. И даже тѣ, кто лично вовсе не питалъ особой потребности въ болѣе достойномъ христіанскомъ ученіи, чѣмъ былъ іезуитизмъ, должны были чувствовать глубокое презрѣніе къ папству, которое не имѣло силы защитить лучшихъ и достойнѣйшихъ представителей церкви и должно было противъ воли служить орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Что же было выиграно истребленіемъ протестантизма? Массы обращенныхъ отказались отъ евангелической религіи. Но могли ли они чувствовать любовь и почтеніе къ католической церкви? Новая вѣра была для нихъ только сдѣлкой съ совѣстью. Они только умножили собою ряды тѣхъ, кто въ глубинѣ сердца ненавидѣлъ католичество и мечталъ свергнуть религіозное иго, которое лежало еще на внѣшнихъ проявленіяхъ вѣры. Іезуиты постарались уничтожить во Франціи искренное благочестіе. Оставалось еще благочестіе, ими вскормленное, мирившееся съ пустыннымъ безвѣріемъ и открытой безнравственностью; оставалось внѣшнее подчиненіе церкви. Вопросъ, на долго ли еще?

Господствовавшее на самомъ дѣлѣ невѣріе должно было раньше или позже отнестись къ церковному господству какъ вещи невыносимой и притомъ не имѣющей никакихъ правооснованій. Если до сихъ поръ церковь указывала минимальные размѣры религіозныхъ требованій, то теперь возникало желаніе самостоятельно опредѣлять для себя этотъ минимальный размѣръ, хотя бы онъ былъ равенъ нулю. Если до сихъ поръ іезуиты требовали отъ безнравственности по крайней мѣрѣ дани въ видѣ исповѣди, то теперь безнравственность требовала для себя полной свободы. Если до сихъ поръ господство церкви основывалось на завѣтахъ христіанства, то теперь начинается отрицаніе даже этихъ завѣтовъ. Такимъ образомъ труды и старанія іезуитовъ вызвали новый видъ враговъ христіанства. Тамъ, гдѣ церковь, хотя бы и заблуждаясь, все таки держалась въ границахъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ, подтверждаемыхъ естественной совѣстью, и уважала свободу убѣжденія, тамъ враждебное отношеніе къ вѣрѣ никогда не утрачиваетъ вполнѣ сознанія своей неправоты и поэтому не порываетъ окончательно своей связи съ религіей; слѣдовательно, сохраняется возможность возвращенія къ христіанству. Такъ было съ деизмомъ, возникшимъ на протестантской почвѣ Англіи. Но тамъ, гдѣ сама церковь нарушаетъ основы религіи и морали, чтобы удержать за собой чисто внѣшнее господство надъ совѣстью, тамъ вражда къ вѣрѣ, которую представляетъ церковь, считаетъ себя оправданной и становится ненавистью рабовъ, которые не могутъ больше вынести своихъ цѣпей. Такъ было во Франціи. Девизомъ стало восклицаніе Вольтера „Ecrasez l'infame“. При этомъ подразумѣвалась церковь, но внѣ католической церковности во Франціи была невозможна религія. Поэтому въ результатѣ распространяется безвѣріе. Утрачивается глубокое свойство человѣческой природы. Становятся возможными тѣ нечеловѣческіе ужасы, которые пришлось увидѣть французской революціи,

3. Господство свободомыслія.

А. Свободомысліе и католическая церковь (около 1750—1815 г.)

О Франсуа Мари Аруэ-Вольтерѣ (1694—1778 г.), воспитанникѣ іезуитовъ, другъ его, Фридрихъ II Прусскій, отозвался такъ: „Какая жалость, что съ такимъ прекраснымъ геніемъ связана такая ничтожная душа“. Вольтеръ ставитъ себѣ задачей уничтожить старое, „основанное 1775 лѣтъ тому назадъ зданіе обмана“, ту религію, которая своими когтями растерзала Францію, своими зубами пожирала людей, десять милліоновъ предала мучительной смерти. Вольтеръ описываетъ возникшее подъ вліяніемъ

іезуитовъ извращенное направленіе католицизма, и ему кажется, что такимъ образомъ онъ изобличаетъ христіанство. Вольтеръ самъ лишенъ добродѣтели и не вѣритъ въ нее. Мотивомъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ онъ считаетъ своекорыстіе. Онъ борется только съ ненормальными явленіями, съ тѣми, кто питаетъ свое себялюбіе на счетъ другихъ равноправныхъ эгоистовъ. По этой же причинѣ онъ требуетъ и конфессіональной терпимости. „Такъ какъ всѣ мы проникнуты заблужденіями и ошибками, то мы должны прощать ошибки другъ другу".

Въ томъ же направленіи, иногда еще смѣлѣе, работали энциклопедисты, издатели двадцатитомной „Энциклопедіи всѣхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ" (съ 1750 года). Одинъ изъ нихъ, Клодъ Адріенъ Гельвецій (1715—1771 г.) проповѣдывалъ въ своемъ сочиненіи „De l' esprit" (1758 г.) чистый матеріализмъ. „Душа — это способность чувствовать; духъ — ея дѣйствіе; со смертью тѣла она подпадаетъ уничтоженію. Кто приноситъ пользу себѣ, не вредя при этомъ другимъ, а способствуя также и ихъ благу, тотъ истинно хорошій человѣкъ". Еще дальше заходитъ баронъ Поль Гольбахъ (1723—1789 г.) въ своей „Système de la nature" (1770). Религія дѣлаетъ, по его мнѣнію, невозможнымъ образованное общество. Духовенство вводитъ толпу въ заблужденіе и украшаетъ свою тираннію ореоломъ святости. Цѣлый потокъ другихъ сочиненій распространяетъ этотъ духъ во всѣхъ слояхъ общества. Тѣ же, для кого это направленіе казалось еще слишкомъ крайнимъ, могли просвѣщаться мудростью Жанъ-Жака Руссо (1712—1778 г.). Хотя онъ былъ противъ атеистическаго матеріализма, все таки именно его вліяніе дало этому ученію широкое распространеніе среди французскаго народа. Именно потому, что въ его сочиненіяхъ, наряду съ заблужденіями, высказывается столько истинъ, они и могли пріобрѣсть такой неимовѣрный успѣхъ. Его особенно страстно раздражала неестественность въ отношеніяхъ, ставшихъ историческими, главнымъ образомъ роковая неестественность въ области религіи, явившаяся результатомъ дѣятельности іезуитовъ. Онъ видитъ единственное средство спасенія въ полномъ разрушеніи и истребленіи историческихъ традицій. Главный источникъ зла онъ находитъ въ неравенствѣ (книга его „Discours sur l'inégalité parmi les hommes"; 1775 г.). Блаженное первобытное состояніе человѣчества онъ представляетъ себѣ и описываетъ такъ, что Вольтеръ писалъ ему: „Когда читаешь вашу книгу, то приходитъ охота побѣгать на четверенькахъ". То, что Руссо проповѣдывалъ ссобща съ атеистической литературой, идеи всеобщаго переворота отличались увлекательной силой благодаря дикому пылу страсти, съ которымъ возвѣщалъ ихъ авторъ. Когда французское духовенство попыталось наложить запрещеніе на эти антицерковныя книги, тогда обнаружилось, какъ глубоко и всеобще было уже презрѣніе къ католицизму, находившемуся подъ господствомъ іезуитовъ. Слабыя мѣропріятія, которыя должны были остановить бушующій потокъ, вызывали только смѣхъ.

Къ этому еще присоединялось общее неудовольствіе, вызванное попытками іезуитовъ усилить свое вліяніе въ политической и общественной сферѣ. Въ Парагваѣ они основали христіанское государство (стр. 341). Когда въ 1750 г. между Испаніей и Португаліей состоялся договоръ, который долженъ былъ повести къ точному разграниченію Ла-Платскихъ областей, тогда индѣйцы по рѣкѣ Уругваю, находившіеся подъ управленіемъ отцовъ іезуитовъ, объявили, что они не желаютъ подчиняться новому разграниченію; заитересованнымъ державамъ удалось подчинить себѣ Парагвай только послѣ долголѣтней войны (см. томъ I, стр. 401). Возбужденіе по поводу того, что святые отцы вмѣсто миссіонерской колоніи основали политическое государство и защищали его съ оружіемъ въ рукахъ противъ законныхъ владѣльцевъ, было такъ велико, что начали требовать реформаціи ордена. Когда папа воспротивился этому, а на

жизнь португальскаго короля было совершено покушеніе, виновниками котораго считали іезуитовъ, тогда орденъ былъ совершенно уничтоженъ во всѣхъ португальскихъ владѣніяхъ (3 сентября 1759 г.; см. томъ IV, стр. 554).

Франція послѣдовала этому примѣру. Давно уже высказывались жалобы на то, что іезуиты при помощи своей миссіонной дѣятельности захватили въ свои руки всю заморскую торговлю и старались добиться преобладанія въ политикѣ. Въ это время патеръ Ла Валеттъ, увлекшись слишкомъ отважными коммерческими предпріятіями, былъ вынужденъ прекратить платежи. Кредиторы его потребовали возмѣщенія убытковъ отъ ордена. Парламентъ согласился съ ихъ доводами и объявилъ, что принципы ордена, какъ видно изъ его устава, несогласуются съ благомъ церкви и съ правовыми догматами Франціи, и что ученіе ордена безнравственно. Король хотѣлъ реформировать орденъ, чтобы спасти его. Но тогдашній покровитель іезуитовъ, папа Климентъ XIII, высказался такъ: „Sint ut sunt ant non sint“ (пусть будутъ, какъ есть, или не будутъ). Такимъ образомъ орденъ былъ изгнанъ изъ Франціи на вѣчныя времена. То же произошло и въ другихъ государствахъ.

Когда въ 1769 г. надлежало избрать новаго папу, главное значеніе имѣлъ вопросъ, будетъ ли новый избранникъ врагомъ іезуитовъ или ихъ другомъ. Новый папа Климентъ XIV не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Но еще до избранія онъ высказалъ передъ испанскимъ королемъ мнѣніе, что папа имѣетъ право уничтожить орденъ и что такой поступокъ былъ бы желательнымъ въ видахъ поддержанія мира. Теперь государи настаивали, чтобы избранникъ поступилъ согласно этому отзыву, а іезуиты грозили ему за такой поступокъ небеснымъ мщеніемъ. Четыре года папа колебался. Наконецъ 21 іюля 1773 года появилась лично имъ составленная булла объ отмѣнѣ ордена „Dominus ac redemptor noster“. Она объявляла, что во все продолженіе своего существованія орденъ только сѣялъ несогласія. „Въ виду того, что пока существуетъ общество Іисуса, церковь не въ состояніи когда либо вновь обрѣсти истинный и прочный миръ, мы симъ отмѣняемъ означенное общество. Вся и всякая власть начальниковъ ордена должна навсегда быть уничтожена. Сей указъ долженъ навѣки пребывать прочнымъ, неотмѣненнымъ и дѣйствительнымъ“.

Вскорѣ папа началъ недомогать и въ слѣдующемъ году умеръ. Указъ объ отмѣнѣ ордена былъ приведенъ въ исполненіе всѣми католическими государствами. Но уже было поздно. Созрѣла жатва изъ посѣва іезуитовъ.

Когда при Людовикѣ XVI должны были начаться совѣщанія о покрытіи долговъ, подъ бременемъ которыхъ изнемогала Франція, тогда епископъ Отэнскій, Шарль Морисъ графъ де Талейранъ-Перигоръ, предложилъ продать всѣ церковныя имущества, какъ національную собственность, и уплачивать клиру жалованье изъ государственной казны. Поднявшіяся противъ этого возраженія только выяснили, что уже существуетъ рѣшимость не признавать исторически пріобрѣтенныхъ правъ. Движеніе пошло по разъ принятой дорогѣ съ увлекательной быстротой. Слѣдовало ли щадить монастырскія имѣнія? „Вамъ нужны свободные граждане, восклицаетъ Пьеръ Жозефъ Мари Барнавъ, основатель клуба якобинцевъ, „всѣ монахи рабы, отказавшіеся отъ пользованія своимъ разсудкомъ!“ Друзья церкви хотѣли предотвратить открытое отпаденіе отъ нея и поэтому предлагали ввести въ конституцію положеніе, по которому католическая религія признавалась бы національной религіей Франціи. Онорэ Габріель Викторъ Рикетти графъ Мирабо (портретъ его на таблицѣ. „Шесть главныхъ дѣятелей французской революціи“, приложенной къ VIII тому) отвѣчалъ: „Съ моего мѣста я вижу окно, изъ котораго король, убійца своихъ подданныхъ, подалъ сигналъ къ Варѳоломеевской ночи“. Въ 1790 г. было

издано новое церковное уложеніе, „Гражданская конституція клира“. По новому закону всѣ церковныя должности должны были впредь замѣщаться выборнымъ порядкомъ. Когда поднялись голоса противъ такого порядка, имъ возражали вопросомъ, какъ клирики получали свои должности во время полновластія католицизма во Франціи: не получали развѣ епископы своихъ мѣстъ при помощи фаворитокъ короля, а священники по протекціи этихъ епископовъ? Всѣмъ французскимъ гражданамъ было запрещено признавать авторитетъ иностранныхъ епископовъ. Такимъ образомъ національная церковь отдѣлилась отъ папы. Каждый священникъ долженъ былъ дать присягу, что всѣми силами будетъ поддерживать гражданскую конституцію. Присягнули немногіе клирики, одни изъ слабости характера, другіе — воодушевленные свободой. Папа предалъ ихъ отлученію. Дальнѣйшая ломка производилась съ яростью рабовъ, одолѣвшихъ своего надсмотрщика. Христіанское лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, дѣленіе года на семидневныя недѣли, наконецъ самое христіанство было объявлено уничтоженнымъ и въ божество возведенъ былъ Разумъ. Одна актриса была торжественно внесена въ церковь Парижской Богоматери, въ „Храмъ Разума“, и тамъ народъ поклонялся ей, какъ богинѣ разума. Въ короткое время было раззорено около 2000 церквей. Даже въ средѣ духовенства обнаруживалось скрытое до сихъ поръ безвѣріе и ненависть къ религіи. Одинъ кюре послѣ смертной казни короля, попирая ногами распятіе, восклицалъ: „Тиранъ плоти уничтоженъ, теперь время уничтожить тирана души“. Другой закончилъ свою проповѣдь доказательствомъ, что Бога нѣтъ, и богохульнымъ восклицаніемъ: „Докажи свое существованіе и низвергни на меня свою молнію“.

Деисты школы Руссо почувствовали опасенія, что свобода и равенство станутъ невозможны, если народъ утратитъ вѣру въ высшее Существо. По предложенію Максимиліана Мари Исидора Робеспьера (его портретъ на вышеупомянутой таблицѣ въ VIII томѣ) конвентъ въ маѣ 1794 г. постановилъ, что французская нація признаетъ Высшее Существо и безсмертіе души. Послѣ того какъ ненависть къ господствовавшему католицизму была утолена и врагъ пересталъ внушать какія-либо опасенія, была сдѣлана попытка провести различіе между католичествомъ и вѣрой вообще. Наконецъ Франція пресытилась и убійствомъ. Директорія, получившая исполнительную власть, въ февралѣ 1795 года объявила свободу всѣхъ вѣроисповѣданій. Вскорѣ выяснилось, что религіозная потребность все-таки легче удовлетворяется католической церковью, чѣмъ новоизобрѣтеннымъ національнымъ культомъ. Конечно, и введенный Робеспьеромъ деизмъ могъ принять формы церковнаго учрежденія. Среди того общества, которое собралось, чтобы совмѣстно чтить въ новыхъ, очищеннныхъ формахъ, „великаго геометра, руководящаго великимъ зданіемъ вселенной“, былъ одинъ изъ пяти директоровъ. „Поклоняйтесь богу, любите ближняго, приносите пользу“, таковъ былъ девизъ этихъ теофилантроповъ. Но когда этотъ директоръ однажды спросилъ Талейрана, какимъ средствомъ можно было-бы доставить побѣду этой совершеннѣйшей религіи, тотъ отвѣчалъ ему: „Велите себя распять и въ третій день воскресните“. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся новая религія вернулась въ прежнее ничтожество.

Папство тоже было вовлечено въ водоворотъ событій, такъ какъ Пій VI примкнулъ къ врагамъ Франціи. Наконецъ, въ Римѣ была провозглашена республика. Папа долженъ былъ отказаться отъ власти, и его перевозили съ мѣста на мѣсто, пока онъ не умеръ во Франціи, въ 1799 году. Съ нимъ угасла папская власть. Правда, на слѣдующій годъ кардиналы, собравшіеся въ Венеціи подъ защитой Австріи, избрали новаго папу, который могъ оказаться полезнымъ и Наполеону въ достиженіи его политическихъ плановъ. Но когда послѣдній предъявилъ къ нему въ концѣ концовъ требованіе: „Мои враги должны стать и вашими“, а папа отвѣчалъ, что не мо-

жетъ воевать съ частью своей паствы, тогда Наполеонъ объявилъ, что отнимаетъ пожалованіе, дарованное римскому епископу „имераторомъ французовъ, великимъ предшественникомъ его, Наполеона, Карломъ Великимъ". Вся церковная область вошла въ составъ французской имперіи и папа, не желавшій отречься отъ власти, былъ плѣнникомъ привезенъ въ Фонтенебло (1812 г.). Правда, Пій VII вскорѣ согласился заключить конкордатъ, въ которомъ уступалъ императору все, чего тотъ требовалъ. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ папа взялъ назадъ всѣ свои обѣщанія, такъ что разгнѣванный императоръ заявилъ: „Если я не укорочу нѣсколькихъ изъ этихъ поповъ въ Фонтенебло на длину головы, то мы не пріидемъ къ соглашенію".

Католическая церковь Германіи въ это время тоже испытывала самыя тяжелыя внутреннія и внѣшнія потрясенія. Духъ просвѣтительной эпохи проникъ и въ нее. Въ 1763—46 году трирскій епископъ Іоаннъ Николай Гонтгеймъ напечаталъ подъ псевдонимомъ „Юстинъ Февроній" сочиненіе „De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis", въ которомъ онъ уже такъ легко относится къ основнымъ различіямъ между евангелической и католической церковью, что считаетъ вполнѣ возможнымъ возсоединеніе церквей, если только будетъ въ достаточной степени ограничена чрезмѣрная папская власть. И подобное сочиненіе особенно заинтересовало католическаго императора изъ дома Габсбурговъ! Іосифъ II даровалъ эдиктомъ о вѣротерпимости 1781 года своимъ протестантскимъ подданнымъ всѣ общественныя права и свободу вѣроисповѣданія. Что касается католической церкви его государства, она должна была стать національной австрійской церковью, независимой отъ Рима, подчиненной государству, работающей на пользу народнаго просвѣщенія. Было постановлено, чтобы ни одинъ священникъ не получалъ подготовки къ занятію своей должности въ Римѣ; на мѣсто епископскихъ семинарій становятся имперскія образовательныя учрежденія съ свободомыслящими преподавателями, которые должны „распространять въ народѣ здравыя понятія". Всѣ монастыри, которые не служатъ практическимъ цѣлямъ, преподаванію, духовному попеченію и уходу за больными, подлежатъ закрытію. Папа не убоялся далекаго путешествія въ Вѣну, чтобы личными убѣжденіями повліять на императора, но не имѣлъ никакого успѣха. Въ Австріи возникло много евангелическихъ общинъ, сооружались и церкви, даже въ самой Вѣнѣ. Главные духовные князья Германіи тоже соединились для возвращенія себѣ независимости и постановили, по Эмсской пунктаціи, учрежденіе свободной отъ римскаго господства нѣмецко-католической національной церкви. Правда, подобныя предпріятія слишкомъ рѣзко расходились съ общимъ направленіемъ историческаго развитія, а потому и не могли имѣть прочнаго успѣха. Но какъ широко успѣлъ распространиться духъ просвѣтительной эпохи даже въ средѣ образованныхъ католиковъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ возникновеніе ордена иллюминатовъ, основаннаго воспитанникомъ іезуитовъ Адамомъ Вейсгауптомъ, профессоромъ права въ Ингольштадтѣ (1776 г.). Цѣлью ордена было реформировать міръ просвѣщеніемъ и гуманной моралью. Въ тайный союзъ для воспитанія благородныхъ идей въ человѣчествѣ входили и католики и протестанты (Гете, Гердеръ), духовные и міряне, князья (Карлъ Августъ Веймарскій, Эрнстъ и Августъ Готскіе, Фердинандъ Брауншвейгскій, Дальбергъ) и подданные. Несогласія между вождями ордена, Вейсгауптомъ и Книгге, повели, правда, къ обнаруженію ордена и закрытію его баварскимъ правительствомъ (1784/85 г.), но движеніе, начатое имъ, продолжалось и впослѣдствіи.

Въ то же время было ниспровергнуто свѣтское господство нѣмецкихъ духовныхъ князей, и географическая карта получила совершенно новый видъ. Постановленіемъ имперскаго комитета (1803 г.)

всѣ духовныя княжества и владѣнія были распредѣлены между свѣтскими, большей частью протестантскими князьями. Болѣе 17,000 квадратныхъ миль и слишкомъ три милліона населенія промѣняли господство епископальнаго жезла на владычество свѣтскаго скипетра. Тщетно папа заявлялъ, что по каноническому праву скорѣе надлежало бы конфисковать имѣнія еретиковъ и освободить подданныхъ еретическихъ князей отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ своимъ государямъ; и что если уже нельзя провести въ дѣло этихъ священныхъ принциповъ, то ни въ коемъ случаѣ нельзя допускать, чтобы достояніе католической церкви переходило въ руки протестантскихъ князей.

Б. **Просвѣщеніе въ евангелической церкви (около 1750—1814 г.).**

Въ это время евангелическая церковь тоже переживала эпоху переворотовъ, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ католическая. Послѣдняя являлась по существу внѣшнимъ учрежденіемъ, желавшимъ господствовать надъ народами. Поэтому эпоха освободительныхъ стремленій вовлекла ее въ такую же борьбу, какую приходилось выдерживать политическимъ государствамъ; пришлось испытать насилія, ограниченія внѣшняго могущества. Напротивъ, евангелическая церковь знала только одну власть, именно вѣру. Поэтому эпоха броженія и вовлекла ее исключительно въ споры изъ за вѣры. Эти споры отличались такою страстностью, что казалось, грозило уничтоженіе основнымъ религіознымъ догматамъ. Характерной чертой этой эпохи въ области религіи является полная распущенность. Родившійся во Франціи натурализмъ, соединившись съ нѣмецкимъ разсудочнымъ направленіемъ, явившимся какъ реакція піетизму и ортодоксіи, потрясаетъ основы положительной религіи.

Французскій духъ этой эпохи былъ усвоенъ самымъ вліятельнымъ государемъ Германіи, Фридрихомъ Великимъ прусскимъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью „борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, просвѣщеніе умовъ“. Но подъ „предразсудками“ онъ понималъ главнымъ образомъ старую религію, подъ „просвѣщеніемъ“ мудрость своего друга Вольтера. Онъ привлекъ къ своему двору цѣлый рядъ блестящихъ французскихъ писателей, даже матеріалиста Жюльена Оффрэ де Ламетри, автора сочиненія „L,homme-machine“ (1748 г.). Правда, король не желалъ совершенно отказываться отъ всякой религіи и называлъ себя деистомъ; но даже въ своемъ завѣщаніи онъ высказывается такъ: „Я отдаю охотно и безъ сожалѣнія жизненный духъ, одушевляющій меня, благой природѣ, а тѣло — стихіямъ. Я жилъ какъ философъ и такъ же хочу умереть“. Конечно, знаменитое его выраженіе: „Въ моихъ земляхъ каждый пусть достигаетъ блаженства на свой ладъ“, прежде всего свидѣтельствуетъ о его терпимости, но въ самой формѣ этой фразы кроется насмѣшка надъ религіей, надѣющейся на блаженство. Восхваляя терпимость, Фридрихъ въ то же время издѣвался надъ христіанствомъ и доставлялъ его врагамъ свою могучую поддержку. При каждомъ случаѣ онъ давалъ полный просторъ своимъ насмѣшливымъ выходкамъ противъ изреченій Писанія, особенно противъ священныхъ обрядовъ церкви, ея пѣснопѣній, противъ духовенства, и не только отдѣльныхъ недостойныхъ его представителей, но противъ всего сословія въ цѣломъ. Въ инструкціи для воспитанія своего племянника онъ помѣстилъ такое указаніе: „Къ священнику, который будетъ его законоучителемъ, онъ не долженъ питать особаго уваженія“. Тонъ, принятый при дворѣ короля, отражался во всемъ Берлинѣ, въ высшихъ классахъ прусскаго общества, при другихъ нѣмецкихъ дворахъ. Все шире распространялось воззрѣніе, считавшее религію пригодной развѣ только для простонародья.

Покровительство, которое Фридрихъ Великій оказывалъ философу

Христіану Вольфу (см. выше, стр. 352), унаслѣдовали преемники его идей, популярные философы. Они ставили себѣ задачей популяризовать философію просвѣщенія и сдѣлать ее основой общаго образованія. Израилитъ Моисей Мендельсонъ, книготорговецъ Христофъ Фридрихъ Николаи и ихъ единомышленники (Іоаннъ Якобъ Энгель, Томасъ Абтъ) проповѣдывали въ своихъ изданіяхъ „Bibliothek der schönen Wissenschaften“ и „Allgemeine deutsche Bibliothek“, „здравый человѣческій разумъ“, какъ единственный путь къ познанію истины. Всѣ глубокія серьезныя идеи они предавали поверхностному, плоскому и пошлому осмѣянію. Противниковъ они клеймили названіемъ лицемѣровъ или ограниченныхъ умовъ. Къ этой партіи примкнули даже многіе священники, особенно берлинскіе; но они выработали особый „крадущійся“ тонъ, и называли свою дѣятельность „ниспроверженіемъ предразсудковъ и введеніемъ чистой морали“. Разумѣется, въ этомъ просвѣщенномъ кругу братски сближались представители всѣхъ религій и конфессій. Каждый прежде всего считалъ себя человѣкомъ, обладающимъ здравымъ человѣческимъ разумомъ.

Надлежало воспитать и юношество въ новыхъ идеяхъ. Іоаннъ Бернгардъ Базедовъ (1723—1790 г.) основалъ въ 1774 году въ Дессау Филантропинумъ, учебное заведеніе, которое должно было создавать людей по идеаламъ Руссо. Религіозное обученіе, которое получали здѣсь дѣти, начиная съ десятилѣтняго возраста, должно было состоять только въ истинахъ, общихъ всѣмъ религіямъ. „Въ храмѣ Отца вселенной братски будутъ молиться сограждане всѣхъ толковъ“. Всякое неестественное принужденіе исключалось изъ программы; всему должно было учить играя. Черезъ нѣкоторое время филантропы, учредители этого заведенія, самымъ жестокимъ образомъ перессорились между собою, и одинъ изъ учителей, Христіанъ Готгильфъ Зальцманъ (1744—1811 г.), основалъ въ Шнепфенталѣ второе подобное заведеніе.

На широкіе слои образованнаго общества громадное вліяніе имѣли изданные Лессингомъ (въ 1774 и 1777/8 годахъ) Вольфенбюттельскіе „Fragmente eines Ungenannten“, взятые изъ рукописей умершаго въ 1768 году гамбургскаго профессора Германа Самуила Реймаруса. Здѣсь общество нашло самые убѣдительные доводы въ пользу совершившагося уже болѣе или менѣе въ средѣ его отпаденія отъ вѣры. Реймарусъ подвергалъ самой злобной и уничтожающей критикѣ основные догматы вѣроученія, и эта критика нашла слишкомъ благодарную почву въ подготовленномъ уже міровоззрѣніи общества.

Въ такое время, когда ученія церкви встрѣчаютъ самую невоздержанную и рѣзкую критику, задачей теологіи становится изслѣдованіе выставленныхъ противъ религіи возраженій, и опроверженіе ихъ путемъ выясненія самой сущности религіознаго ученія. Богословіе разсматриваемаго времени дѣйствительно произвело такое изслѣдованіе и признало, что существовавшая форма религіи въ самомъ дѣлѣ даетъ основанія къ нападкамъ. Но чтобы избѣжать противорѣчій, само богословіе постепенно занимаетъ позицію, враждебную истинамъ откровенія, и отступаетъ отъ христіанства, на защиту котораго оно было призвано. Нѣкоторые изъ такихъ теологовъ все еще сохраняютъ серьезность убѣжденій и даже считаютъ себя вѣрующими христіанами. Для примѣра назовемъ Іоганна Землера (1725—91 г.), несмотря на то, что онъ считалъ неимѣющимъ въ данное время никакого значенія все то въ Библіи, что не служило „къ моральному улучшенію человѣчества“, и разсматривалъ исторію церкви и ея ученія только какъ непрерывный рядъ заблужденій. Другіе относятся къ своему долгу еще легкомысленнѣй. Такъ напримѣръ Карлъ Фридрихъ Бардтъ (1741—91 г.) пишетъ: „Я считалъ Моисея, Конфуція, Лютера, Землера и себя самого орудіями Провидѣнія. Я былъ убѣжденъ, что эти и подобные люди черпали единственно изъ источника разума“.

Будучи доцентомъ въ Галле, онъ въ то же время содержалъ трактиръ на виноградникѣ за городомъ, и разойдясь съ женой, хозяйничалъ тамъ со своей служанкой. Другой, прусскій пасторъ Андрей Римъ, дерзнулъ даже затронуть личность основателя христіанской религіи, къ которому до сихъ поръ все еще считали долгомъ относиться съ глубокимъ почтеніемъ. Проповѣдникъ Іоганнъ Генрихъ Шульцъ въ Гильсдорфѣ близъ Берлина, изобличалъ Моисея въ обманахъ, называлъ христіанство лицемѣрной маской, изобрѣтенной властолюбивымъ духовенствомъ.

Если протестантское богословіе дошло до такого безвѣрія, то неудивительно, что въ свѣтскихъ кругахъ обнаруживались еще болѣе отрицательныя воззрѣнія. По ученію брауншвейгскаго офицера, Якоба Мовильона (1743—94 г.), религіозная мораль дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ и низкимъ, рекомендуетъ бѣдность, безбрачіе, нетерпимость, запрещаетъ войну, оказывается неспособною исправить нравы, искоренить суевѣрія, просвѣтить міръ и содѣйствовать наукамъ. Поэтому ее надо замѣнить моралью, построенной на основахъ разума. Невѣроятное множество брошюръ, большей частью выходившихъ безъ имени авторовъ, нападаетъ на религію съ самой злобной яростью. Вѣра объявляется источникомъ всѣхъ золъ и страданій, а человѣкъ разсматривается, какъ совершеннѣйшее животное.

Что касается народа, по старой привычкѣ все еще придерживавшагося церкви, то просвѣщенное духовенство старается перевести его какъ можно незамѣтнѣе къ „разумному богопочитанію". Такъ напримѣръ, при богослуженіи все еще читались издавна принятыя мѣста изъ Святого Писанія, но ихъ старались приспособить въ интересахъ „просвѣщенной морали". Исторія Рождества, съ ея хлѣвомъ и яслями, давала поводъ къ бесѣдѣ о пользѣ хлѣвного кормленія; пасхальный разсказъ о мироносицахъ, рано пришедшихъ ко Гробу, позволялъ побесѣдовать „о пользѣ ранняго вставанія", исторія о Входѣ въ Іерусалимъ, причемъ народъ ломалъ вѣтви съ деревьевъ, служила предлогомъ къ проповѣди противъ тайной рубки лѣса и вреднаго истребленія рощъ. Исходя изъ тѣхъ же основаній, у народа были отняты его излюбленные старые духовные гимны, непріятно дѣйствовавшіе своей архаичностью формъ, силой и вдохновеніемъ тона, на просвѣщенное общество, не понимавшее значенія историческихъ преданій и восхищавшееся напыщенной болтовней. Поэтому въ старыя пѣсни были внесены такія измѣненія, что народъ ихъ не могъ уже пѣть; были созданы и новыя пѣсни, ничего общаго не имѣвшія съ истинно молитвеннымъ благоговѣніемъ, напримѣръ: „Заботиться и холить тѣло, Всевышній, вотъ нашъ первый долгъ", или, „Высоты, горы и холмы, дворцы и хижины Ты снѣгомъ осыпаешь, и по велѣнью Твоему потоки обратятся въ ледъ". Обычныя и съ дѣтства привычныя народу формы богослуженія и остальныхъ церковныхъ требъ тоже были уничтожены. Каковы могли быть послѣдствія? Народъ не находилъ въ богослуженіи того, чего искалъ; онъ чувствовалъ отчужденіе и смущеніе. Поэтому онъ послѣдовалъ примѣру образованнаго класса, который, обладая своей религіей разума, не чувствовалъ уже потребности въ прибѣжищѣ къ вѣрѣ. Посѣщеніе церквей стало такъ быстро сокращаться, что найдено было возможнымъ срыть многія зданія, чтобы освободить мѣсто для болѣе полезныхъ цѣлей, и въ остальныхъ храмахъ сократить число церковныхъ службъ. Только законъ инерціи спасъ въ эту эпоху евангелическую церковь отъ необходимости совершенно прекратить свои функціи

Одинъ разъ все таки была сдѣлана энергичная попытка пріостановить этотъ процессъ разложенія. Фридрихъ Вильгельмъ II Прусскій, не понимая, что единымъ указомъ нельзя уничтожить общаго направленія, которому почти полъ столѣтія такъ необычайно покровительствовалъ его предшественникъ, Фридрихъ Великій, надѣялся возстановить ортодоксію

религіознымъ эдиктомъ 1788 года. Но ему удалось смѣстить только одного священника, уже упомянутаго Шульца въ Гильсдорфѣ, и то не законнымъ порядкомъ, а при помощи особаго кабинетнаго приказа. Преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ III, отмѣнилъ въ 1797 году всѣ его мѣропріятія, по тому мотиву, что религія не нуждается въ насильственныхъ законахъ, такъ какъ она существуетъ въ народѣ сама по себѣ со своими нераздѣльными спутниками, разумомъ и философіей. „Просвѣщеніе“ снова стало полновластнымъ.

Но приблизительно съ 1790 года въ немъ съ силой проявляется новое теченіе. Здравый человѣческій разумъ, такъ громко восхвалявшійся, оказывался между прочимъ у многихъ самодовольныхъ его проповѣдниковъ достаточно слабымъ и плоскимъ. А между тѣмъ они отрицали все, что не было доступно ихъ нѣсколько ограниченному разуму. Къ тому же нѣкоторые представители этого произвольнаго пользованія разумомъ приходили къ слишкомъ плачевнымъ результатамъ. Серьезные мыслители и честные умы выносили изъ этой поверхностной философіи отталкивающее впечатлѣніе. Такъ противъ Николаи и его „Всеобщей нѣмецкой Библіотеки“, выступили великіе поэты Германіи, Шиллеръ, Гете, Тикъ. „То, до чего не достать, слѣпецъ, ты считаешь нелѣпымъ, все же, чего ты касаешься, грязью покроется вмигъ“. Точно также отнесся великій мыслитель Иммануель Кантъ. Онъ не нападаетъ на сущность просвѣтительныхъ идей; онъ только даетъ имъ болѣе глубокое обоснованіе. Критика, которая до сихъ поръ прилагала субъективный разумъ къ объективнымъ, исторически даннымъ явленіямъ, теперь прилагается къ самому разуму. Вслѣдствіе этого проводится разграниченіе между „чистымъ разумомъ“, который не можетъ постичь объективнаго, слѣдовательно долженъ отказаться отъ прежней слѣпой увѣренности въ безошибочномъ познаваніи истины, и „практическимъ разумомъ“, который, не вдаваясь въ доводы за и противъ, доставляетъ человѣку внутреннее убѣжденіе именно въ существованіи категорически повелѣвающаго нравственнаго закона, въ бытіи Бога и безсмертія. Этимъ, конечно, далеко не оказывалась поддержка низложенной религіи. Откровеніе отрицается, сущность всей религіи оказывается исключительно въ морали, человѣкъ всецѣло предоставленъ самому себѣ. О христіанской идеѣ благодати не можетъ быть рѣчи. Самъ Кантъ называетъ свое ученіе „раціонализмомъ“, вѣрой разума. Но болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи онъ побѣдоносно опровергъ поверхностность господствовавшихъ до того просвѣтительныхъ идей; такъ, въ своемъ ученіи о „радикальномъ злѣ“, которое можно устранить не „исправленіемъ“, а только „переворотомъ въ образѣ мыслей“, „измѣненіемъ основныхъ убѣжденій“; далѣе своимъ рѣзкимъ установленіемъ нравственнаго закона, какъ безусловно обязывающаго; а главное, доказательствомъ невозможности путемъ чистаго разума прійти къ познанію сверхчувственнаго міра. Эта глубокая мораль и серьезная работа мысли повліяли на общество, какъ свѣжій утренній вѣтеръ, разсѣивающій тяжелые туманы ночи. Философія эта, нашедшая себѣ выразительнаго проповѣдника въ лицѣ Іоанна Готлиба Фихте, въ религіозномъ отношеніи все еще была вѣрой разума, но сила ея моральныхъ обоснованій уже предвѣщала новое время.

Однако не смотря на всѣ смятенія въ евангелической церкви настоящая вѣра все таки не утрачивалась. Не энергично велась борьба, въ которой нѣсколько теологовъ выступали на защиту своей вѣры въ откровеніе и божественное происхожденіе святого писанія. И все таки, именно сочиненія этихъ супранатуралистовъ облегчили новому поколѣнію возвратъ къ религіи. Далѣе, тамъ и сямъ мы встрѣчаемъ отдѣльные кружки, старавшіеся въ эту эпоху безвѣрія сохранить свои христіанскія убѣжденія и привлечь къ себѣ новыхъ сторонниковъ. Таковъ былъ кружокъ во Франкфуртѣ на М., въ центрѣ котораго стояла Сузанна Катарина фонъ

Клеттенбергъ (1723—74 г.); исповѣдь этой „прекрасной души“ Гете помѣстилъ въ своемъ романѣ „Wilhelm Meister“. Характерно для этихъ кружковъ, что изъ за отдѣльныхъ пунктовъ, въ которыхъ сходились убѣжденія участниковъ, отступали далеко на заднiй планъ всѣ различія въ ихъ вѣрованіяхъ. Княгиня Адельгейда Амалія Голицына (1748—1806 г.) была католичкой, но въ ея кружокъ входили и благочестивые лютеране. Въ числѣ такихъ дѣятелей были и высоко одаренныя личности, напримѣръ глубокомысленный Іоганнъ Георгъ Гаманнъ (1730—88 г.), о которомъ Жанъ Поль (Рихтеръ) отзывается, что запятыя его были планетными системами, его періоды — солнечными мірами, слова его — цѣлыми сочиненіями. Назовемъ и любвеобильнаго Іоганна Каспара Лафатера (1741—1802 г.), который, правда, кое кого оттолкнулъ отъ себя своими попытками къ ихъ обращенію (Гете, Мендельсонъ), но съ другой стороны своей радостной вѣрой и глубокимъ сердечнымъ благочестіемъ ободрялъ и поддерживалъ колеблющіеся или нерѣшительные умы. Далѣе назовемъ задушевнаго мечтателя Іоганна Генриха Юнга, впослѣдствіи принявшаго имя Штиллинга (1740—1817 г.). Его автобіографію, полную глубокой вѣры, издалъ въ печати Гете. Добродушный, шутливый, сердечный Маттіасъ Клавдіусъ (1740—1815 г.) высказывался такъ: „Исправлять религію по даннымъ разума, по моему похоже на то, чтобы ставить путь солнца по старымъ деревяннымъ стѣннымъ часамъ.“ Философію онъ называлъ, между прочимъ, метлой, „чтобы выметать изъ храма паутину; можно ее еще считать заячьей лапкой, чтобы обметать ею пыль со святыхъ изваяній.“ Подобные люди являются доказательствомъ, что бури, которыя пронеслись надъ церковью, не прошли безъ всякой пользы; новые дѣятели защищаютъ уже не мертвенную ортодокію, не болѣзненный піетизмъ; они являются представителями живой, задушевной, хотя у большинства какъ бы нѣсколько ребяческой вѣры. Зло, причиненное бурей, бушевавшей въ послѣднія десятилѣтія, вызываетъ въ нихъ желаніе сформироваться въ общества, чтобы пробудить религіозное чувство по возможности въ болѣе широкихъ кругахъ. Эти планы находятъ себѣ осуществленіе уже въ XIX вѣкѣ.

Такъ какъ въ евангелической церкви не подверглось окончательному истребленію убѣжденное христіанство, то религіозная борьба предстояла и въ будущемъ. Но по сравненію съ прежнимъ въ ней должно проявиться одно существенное отличіе: общественное мнѣніе осуждаетъ теперь всѣ попытки распространить или уничтожить религіозныя убѣжденія путемъ насильственныхъ мѣропріятій. Это цѣнное пріобрѣтеніе, унаслѣдованное отъ просвѣтительной эпохи. Въ евангелической церкви религіозныя воззрѣнія стали слишкомъ разнообразны для того, чтобы ихъ можно было привести насильственными мѣрами къ общему уровню. Привычка къ пестрой смѣси толковъ въ отдѣльныхъ областяхъ была уже такъ сильна, что единообразіе вѣроисповѣданія не являлось, какъ прежде, необходимымъ условіемъ мира и общественнаго порядка. Сознаніе необходимости религіозной свободы и самостоятельности личности настолько опредѣлилось, что уже нельзя было найти нравственнаго оправданія для примѣненія иныхъ средствъ, кромѣ свободнаго убѣжденія, къ дѣлу возстановленія религіознаго единства. Разумѣется, такая терпимость, которая устранила бы всякую борьбу изъ за религіи, была бы возможна только при полномъ и всеобщемъ религіозномъ индифферентизмѣ. Но наконецъ была отвергнута точка зрѣнія той средневѣковой нетерпимости, которая считала своимъ правомъ и долгомъ принуждать „еретика“ къ покорности, въ случаѣ надобности, открытымъ насиліемъ. Впрочемъ, только будущее могло показать, отступитъ ли папская церковь въ свою очередь отъ старой точки зрѣнія. Не исключалась возможность, что не смотря на страшныя потрясенія, которыя ей тоже пришлось перенести за эти послѣднія десятилѣтія, она ничему не научилась и ничего не забыла.

4. Реставрація и новое развитіе обособленности.

А. Возстановленіе церкви (1814—1840 г.).

Характернымъ для первыхъ десятилѣтій истекшаго XIX вѣка было возстановленіе ниспровергнутаго строя. Слишкомъ наглядно выяснилось, къ какимъ результатамъ приводитъ полное безвѣріе. При томъ же страданія, испытанныя подъ господствомъ французовъ, вели къ выработкѣ народнаго самосознанія, а идея освобожденія отечества возбуждала воодушевленіе. Девизомъ стало: „Съ Богомъ за короля и отечество". Въ пламени Москвы видѣли грозный Промыселъ Вершителя судебъ человѣчества, и такія рѣчи уже не были напыщеннымъ фразерствомъ. Въ самомъ дѣлѣ замѣчается сильный подъемъ религіознаго сознанія, и пораженіе непобѣдимаго до сихъ поръ императора значительно упрочило это чувство вѣры.

Вполнѣ понятно, что при новомъ и еще невыяснившемся воодушевленіи трудно было достаточно внимательно отнестись къ урокамъ прошлаго. Главной цѣлью государей западной Европы было возстановленіе стараго порядка. Никто не задавалъ себѣ вопроса, по какой же причинѣ такъ быстро и окончательно распался старый строй. Ярость освободительнаго движенія во Франціи направилась прежде всего противъ католической церкви. Вмѣсто того, чтобы глубже изслѣдовать причины этого антирелигіознаго направленія, князья просто приняли допущеніе, что алтари являются опорой троновъ, и поэтому съ крайней готовностью помогали католической церкви сдѣлать если можно даже еще бóльшія пріобрѣтенія, чѣмъ было ея достояніе до начала послѣднихъ бурь. Папа Пій VII могъ наконецъ снова возвратиться въ Римъ, 24 мая 1814 года. Вскорѣ онъ уже издалъ указъ, объявлявшій библейскія общества язвой, обращающей Евангеліе Христово въ евангеліе дьявола. 7 августа онъ уже возстановилъ орденъ, который былъ уничтоженъ папой Климентомъ XIV на вѣчныя времена на томъ основаніи, что существованіе его является несовмѣстимымъ съ единодушіемъ на землѣ. Король Піемонтскій объявилъ, что никто, кромѣ іезуитовъ, не въ состояніи охранить Европу отъ революціи, и эта мысль не встрѣтила опроверженій. Въ томъ же мѣсяцѣ были возстановлены инквизиціонные суды. Для разграниченія духовной и государственной власти папа заключилъ съ отдѣльными нѣмецкими государями конкордаты, доставившіе ему львиную долю участія въ власти.

Все это способствовало сильному возрастанію чисто римскаго духа въ католической церкви Германіи. Правда, на пути его все еще стояли двѣ партіи. Мистическое направленіе особенно процвѣтало въ кружкѣ, группировавшемся возлѣ регенсбургскаго епископа, человѣка глубоко благочестивыхъ убѣжденій, Іоганна Михаила Зайлера (1752—1832 г.). Но противодѣйствіе ихъ проповѣди „Любви къ Богу во Христѣ" было такъ энергично, что это теченіе постепенно изсякло. Только немногіе представители этого кружка, напримѣръ Іоганнъ Госнеръ, перешли къ евангелической церкви. Другое, свободомыслящее направленіе сильнѣе всего проявилось въ средѣ духовенства Силезіи. Главными требованіями партіи было введеніе нѣмецкаго языка въ богослуженіе и отмѣна безбрачія. Но прусское правительство, передъ которымъ партія ходатайствовала объ удовлетвореніи этихъ требованій, не хотѣло портить своихъ отношеній къ папѣ и безучастно отнеслось къ подавленію этихъ уже не своевременныхъ стремленій.

Даже пораженія, которыя католическая церковь потерпѣла въ романскихъ странахъ, не открыли глазъ ослѣпленнымъ вождямъ ея.

Въ Италіи друзья свободы не хотѣли уступать ни одного изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ими во время владычества французовъ. Партія „молодой Италіи“ негодовала на возстановленіе низвергнутыхъ Наполеономъ старыхъ династій и стремилась сдѣлать отечество единымъ и могучимъ. Австрійскія войска неоднократно вступали въ страну, чтобы подавить эти стремленія. Франція не могла выносить конкордата, заключеннаго въ 1817 году согласно съ интересами папы. Пришлось расторгнуть договоръ. Когда же при Карлѣ X была сдѣлана попытка уничтожить свободу печати и другія гражданскія гарантіи, народъ отвѣчалъ на это изгнаніемъ Бурбоновъ и возведеніемъ на престолъ Орлеановъ, въ іюлѣ 1830 года. Католическая церковь потеряла свои права государственной религіи, іезуиты были высланы. Въ Испаніи власть въ 1823 году досталась въ руки либераловъ. Постепенно всѣ монашескіе ордена были отмѣнены, всѣ монастыри закрыты, церковныя имѣнія объявлены національной собственностью, папскій нунцій высланъ заграницу. Подобныя же событія имѣли мѣсто въ Португаліи.

Наконецъ началась борьба и въ Германіи. Въ Пруссіи по закону 1803 года всѣ дѣти должны были принадлежать къ религіи отца и были запрещены договоры между супругами, клонившіеся къ обходу этого закона. Тогда католическое духовенство отказалось вѣнчать смѣшанные браки иначе какъ подъ условіемъ, что всѣ дѣти, вопреки государственному закону, будутъ воспитываться въ католической религіи. Кельнскій архіепископъ Клеменсъ Августъ баронъ фонъ Дросте цу Фишерингъ обѣщалъ передъ своимъ избраніемъ (1835 г.) правительству, что онъ откажется отъ этого спорнаго условія. Но когда это обѣщаніе сдѣлалось извѣстнымъ въ Римѣ, онъ повелѣлъ подчиненному духовенству (въ сентябрѣ 1837 года) держаться прежняго образа дѣйствій. 20 ноября 1837 года архіепископъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Минденъ. Изъ за того же спорнаго пункта гнѣзненскій архіепископъ Мартинъ Дунинъ въ 1839 году подвергся заключенію въ крѣпости Кольбергѣ.

Духъ просвѣщенія такъ глубоко проникъ въ евангелическую церковь Германіи, что еще цѣлыя десятилѣтія продолжалась его борьба съ возрождавшейся положительной религіей. Генрихъ Эбергардъ Готлобъ Паулусъ въ Гейдельбергѣ (1761—1851 г.) основной идеей христіанства считалъ „мышленіе и хотѣніе благого“. Онъ еще придерживался историческаго содержанія Св. Писанія, но желалъ дать ему естественное объясненіе и пускался въ самыя рискованныя натяжки для истолкованія въ духѣ раціонализма чудесъ и явленій Евангелія. Прозвище „папы раціонализма“ получилъ Іоаннъ Фридрихъ Рёръ, старшій придворный проповѣдникъ и генералъ-суперинтендентъ въ Веймарѣ, (1877—1848 г.), который въ теченіе тридцати восьми лѣтъ защищалъ въ своихъ изданіяхъ „Predigerlitteratur“ и „Kritische Predigerbibliothek“ идеи раціонализма противъ усиливавшагося преобладанія новаго религіознаго направленія. Романтическая школа, которой главнѣйшими представителями были Іоганнъ Людвигъ Тикъ (1773—1853 г.) и Фридрихъ фонъ Шлегель (1772—1829 г.), называла это направленіе „осадкомъ, который остается на днѣ жизни, когда съ нея слита поэзія“. Тотъ же Берлинъ, который такъ долго былъ главнымъ оплотомъ и очагомъ просвѣщенія, сталъ теперь родиной новаго кипучаго движенія. Новая школа выше всего ставитъ не сверхразумный разумъ, а инстинктивно созидающій геній. Оно увлекается не сухими отвлеченностями, а жизненной дѣйствительностью или элементомъ таинственнаго, безсознательнаго, романтичнаго. Такимъ образомъ снова возрождается пониманіе прошлаго времени, когда еще можно было вдохновляться идеями; возбуждаются симпатіи къ средневѣковому рыцарству и культу дамъ, къ отреченію отъ міра и святому поэтическому призванію. Далѣе на борьбу съ раціонализмомъ, отодвинувшимъ идею Высшаго существа въ недосягаемую даль и не обнаружившимъ участія

разума во всемірной исторіи, появляется новый противникъ, философія Фридриха Вильгельма Іосифа Шеллинга (1775—1854 г.), которая видѣла и въ природѣ и въ исторіи самооткровеніе Божіе; не меньшее значеніе имѣла философія Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831 г.); по сравненію съ ея смѣлымъ и послѣдовательнымъ ходомъ мыслей вся мудрость просвѣщенія должна была казаться самой поверхностной болтовней.

Но самое большое вліяніе на выработку новой теологіи оказалъ Фридрихъ Эрнстъ Шлейермахеръ (1768—1834 г.). Его рѣчи, „Reden über die Religion an die Gebildeten unter ihren Verächtern", вышедшія еще въ 1799 году, произвели необычайное впечатлѣніе. Онъ стремился вернуть къ религіи многочисленныхъ отступниковъ, фактически порвавшихъ съ нею всякую связь. Но онъ не хочетъ навязывать своимъ современникамъ того, что главнымъ образомъ подорвало ихъ религіозную увѣренность, именно „теологическихъ догматовъ и мнѣній". Идея его такова: „То, что вы презираете, не есть самая религія. Но почему вы не проникли глубже, до того, что составляетъ внутреннюю сущность извѣстной вамъ внѣшности?" Раціоналистъ считалъ, что знаніе и моральный образъ дѣйствій уже составляютъ для него религію. По Шлейермахеру, религія есть нѣчто болѣе глубокое и искреннее: „чувство и влеченіе къ безконечному". Далѣе, въ своихъ Монологахъ" (1800 г.) Шлейермахеръ пытается дать опредѣленіе нравственной жизни. Раціонализмъ стремился къ тому, чтобы выработать всеуравнительную утилитарную мораль. Напротивъ, Шлейермахеръ признаетъ индивидуальную самобытность нравственнымъ правомъ и даже нравственнымъ долгомъ каждой личности. Каждый человѣкъ долженъ являться индивидуальнымъ воплощеніемъ всего человѣчества. Онъ долженъ все болѣе вырабатывать свои опредѣляющія свойства, но въ то же время сохранять пониманіе всего, что составляетъ чужую самобытность. Въ этомъ ученіи были только отрывки религіи. Но именно потому, что на первое время Шлейермахеръ предъявлялъ къ современникамъ такія скромныя требованія, его проповѣдь тѣмъ легче встрѣчала сочувствіе. Послѣ того какъ онъ въ 1807 году переѣхалъ изъ Галле въ Берлинъ и все больше склонялся къ ученію положительной религіи, дѣятельность его какъ на проповѣднической каѳедрѣ (съ 1809 г.), такъ и на каѳедрѣ профессора (съ 1810 г.), принимаетъ самые широкіе размѣры. Въ 1821 году, появилось его главное теологическое произведеніе: „Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche" („Христіанская вѣра по принципамъ евангелической церкви"). Итакъ, Шлейермахеръ уже въ состояніи обосновать свое ученіе истинами евангелической религіи. А какимъ событіемъ было это произведеніе, можно судить по тому, что въ немъ проводилось доказательство, что религія есть фактическая, жизненная дѣйствительность, и что поэтому наука о религіи, теологія, должна считаться не съ философскими положеніями, а именно съ даннымъ фактически состояніемъ человѣческой души; далѣе отдѣльныя ученія сводятся на лежащіе въ ихъ основѣ религіозные интересы, и догматы объясняются какъ изложеніе внутренняго религіознаго достоянія.

Какъ и слѣдовало ожидать, христіанская религіозность, возрождавшаяся подъ этими разнообразными вліяніями, была еще очень неясно опредѣлена и слабо выражена. Борьба послѣдняго столѣтія была направлена противъ христіанства вообще или даже противъ всякой религіи. Поэтому тѣ, кому удалось сохранить въ этихъ буряхъ свою вѣру, чувствовали себя по отношенію къ могучему противнику только христіанами, а не приверженцами той или иной конфессіи. Большинство тѣхъ, кто вновь устремился на поиски вѣры, когда миновали бури, были рады, если имъ вообще удавалось обрѣсти какое либо христіанство. Отличалось ли оно болѣе реформатскимъ или лютеранскимъ оттѣнкомъ было для нихъ без-

различно. Фридрихъ Вильгельмъ III Прусскій, нѣкогда другъ просвѣщенія, особенно послѣ смерти своей возлюбленной жены Луизы (1810 г.), тоже все сильнѣе склонялся на сторону старой религіи. Онъ принадлежалъ къ реформатской церкви. Но онъ особенно любилъ Лютеровскій переводъ Библіи и другія его сочиненія; разумѣется, онъ чтилъ его не какъ догматика, но какъ истиннаго и геройскаго христіанина. Поэтому, если король пытался достигнуть объединенія реформатской и лютеранской церкви, то его побуждало къ этому не только старинное желаніе Гогенцоллерновъ уничтожить различіе въ вѣроисповѣданіи между королевскимъ домомъ и народомъ; по самому глубокому убѣжденію Фридриха Вильгельма уничтоженіе этой преграды было бы дѣломъ богоугоднымъ и принесло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія. Такимъ образомъ 27 сентября 1817 года послѣдовалъ кабинетный приказъ, который долженъ былъ „привести къ соединенію раздѣленныхъ протестантскихъ церквей въ единую евангелическую".

Правильно сознавая, что въ религіозныхъ вопросахъ истинное единеніе не можетъ быть вынуждено насильственными мѣрами, Фридрихъ Вильгельмъ III не желалъ навязывать этой уніи своему народу; поэтому онъ предписалъ, чтобы она была произведена совершенно добровольно. Указъ короля въ такой степени соотвѣтствовалъ духу времени, что не только во время юбилейнаго празднества въ честь реформаціи въ 1817 году въ Берлинѣ реформатскіе и лютеранскіе священники сообща совершали таинство Св. причастія, но и большинство общинъ въ остальной Пруссіи охотно приняли наименованіе „евангелическихъ". Вскорѣ однако выяснилось, что истинное единеніе далеко еще не достигнуто. Именно, когда король пожелалъ наконецъ ввести единообразіе и во внѣшнія церковныя формы и съ этой цѣлью попытался ввести въ 1822 г. составленную имъ самимъ сводную Агенду (порядокъ службъ), то съ самыхъ различныхъ сторонъ поднялись протесты. Недовольныхъ успокоило только второе изданіе, въ которомъ было приведено большее количество различныхъ формулъ. Сопротивленіе же тѣхъ, кто вообще ни на какихъ условіяхъ не соглашался на унію, король пытался сломить такими мѣрами, которыя можно оправдать только тѣмъ, что онъ видѣлъ въ этомъ сопротивленіи отголосокъ революціи 1830 года. Сопротивлявшіеся священники подвергались увольненію. Если они не хотѣли подчиняться и оставить должность, то имъ грозило тюремное заключеніе. Члены общинъ платились денежными штрафами. Въ общину Генигернъ, послѣ того какъ ея священникъ былъ смѣщенъ съ должности, было поставлено на постой нѣсколько сотъ солдатъ, пока наконецъ члены общины не отказались отъ своего упорства и не приняли назначеннаго правительствомъ новаго священника. Наконецъ, когда король вступилъ въ тяжкую распрю съ католической церковью, онъ пожелалъ водворить миръ по крайней мѣрѣ въ средѣ собственной церкви и съ 1831 года прибѣгаетъ уже къ болѣе мягкому образу дѣйствій.

Къ числу противниковъ введенія уніи принадлежалъ между прочимъ голштинскій священникъ Клаусъ Гармсъ (1778—1855 г.). Къ реформаціонному юбилею (онъ былъ тогда архидіакономъ въ Килѣ) Гармсъ напечаталъ новое изданіе 95 тезисовъ Лютера, „вмѣстѣ съ другими 95 тезисами, въ видѣ перевода изъ 1517 г. на языкъ 1817 года". Одно изъ этихъ положеній гласитъ такъ: „Какъ бѣдную дѣву, лютеранскую церковь хотятъ обогатить бракосочетаніемъ. Но не заключайте этого союза надъ прахомъ Лютера, иначе онъ возстанетъ, и тогда горе вамъ". Но главнымъ образомъ Гармсъ нападалъ на религію разума, которая, по его отзыву, „лишена либо религіи, либо разума, либо того и другого вмѣстѣ". Его тезисы вызвали около двухсотъ сочиненій. Число борцовъ противъ раціонализма все возростало. Это были главнымъ образомъ ученики Августа Вильгельма

Неандера въ Берлинѣ (1789—1850 г.), девизомъ котораго было: „Богослова дѣлаетъ сердце“, и Фридриха Августа Готтрея Толука въ Галле (1799—1877), который, обладая чрезвычайно разносторонними дарованіями и замѣчательной энергіей духа, оказывалъ рѣдкое вліяніе не только своими сочиненіями и проповѣдями, но и личнымъ общеніемъ съ учащимися; наконецъ, послѣдователи Эрнста Вильгельма Генгстенберга въ Берлинѣ (1802—1869 г.), который въ безконечной борьбѣ неуклонно защищалъ свою позицію и въ основанной имъ въ 1827 году „Евангелической Церковной Газетѣ“ доказывалъ свою главную идею, что въ религіи имѣютъ равное значеніе и *право*вѣріе, и право*вѣріе*. Честь нанести старому раціонализму послѣдній смертельный ударъ досталась даровитому, свободомыслящему іенскому профессору Карлу Августу Газе (1800—1890 г.). На бездарныя нападки Рёра онъ отвѣчалъ въ 1834 г. сочиненіемъ „Anti-Röhr“, гдѣ далъ убѣдительное доказательство, что раціонализмъ, какъ отжившее направленіе, уже не имѣетъ права голоса при рѣшеніи теологическихъ вопросовъ. Съ этихъ поръ богословіе навсегда покончило съ этимъ бездарнымъ „просвѣщеніемъ“.

B. **Выработка новой религіозной обособленности (1840—70 г.).**

Папа Пій IX занималъ престолъ апостола Петра долѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ, именно съ 1846 до 1878 года. Начало своего правленія онъ ознаменовалъ свободомыслящими реформами, вызвавшими неизмѣримое ликованіе народа, проникнутаго освободительными идеями. Поссорившись изъ за этого съ іезуитской партіей, онъ рѣшилъ искать опоры исключительно въ народѣ. Но когда весной 1848 года надъ Европой пронеслась буря революціи, и требованія, которыя предъявляла къ папѣ итальянская передовая партія, становились все выше, тогда папа наконецъ рѣшилъ, что дальнѣйшія уступки съ его стороны невозможны. Но тутъ тѣ самые вольные отряды, которымъ онъ недавно ниспосылалъ на ватиканскомъ дворѣ свое благословеніе, взяли приступомъ Квириналъ. Папа согласился на всѣ народныя требованія, а послѣ убійства Росси 15 ноября 1848 года бѣжалъ изъ Рима и взялъ назадъ всѣ свои уступки. Въ Римѣ была провозглашена республика и папство было объявлено утратившимъ свѣтскую власть. Этотъ горькій опытъ заставилъ папу отказаться отъ всѣхъ своихъ либеральныхъ идей и подчинилъ его вліянію іезуитовъ. 12 апрѣля 1850 года папа вновь вступилъ на престолъ Петра. Свое спасеніе онъ приписывалъ особому заступничеству Богоматери и какъ бы въ благодарность за это провозгласилъ 8 декабря 1854 года новый догматъ, объявлявшій и ее свободной отъ первороднаго грѣха. Возведеніемъ этого ученія о „непорочномъ зачатіи дѣвы Маріи“, которому противорѣчили самые уважаемые отцы церкви, въ обязательный церковный догматъ, папа нарушилъ основную старинную традицію католической церкви, по которой истиннымъ могло быть только то, чему „вѣрили всѣ, всюду и во всѣ времена.“

Въ 1861 году Викторъ Эммануилъ сталъ королемъ Италіи. Одна за другою возставали папскія провинціи, требуя своего присоединенія къ новому королевству. Всѣ проклятія, которыми папа осыпалъ каждаго, кто будетъ содѣйствовать умаленію свѣтской власти намѣстниковъ Петра, не могли повліять на его католическихъ подданныхъ. Только Римъ и Кампанья остались въ его власти, благодаря французской оккупаціи. Тѣмъ смѣлѣе дѣйствовалъ папа въ религіозныхъ вопросахъ. 8 декабря 1864 года онъ обнародовалъ энциклику, посланіе къ епископамъ, призывавшее ихъ на борьбу съ духомъ времени и заключавшее списокъ 80 положеній, которыя должны были отвергаться каждымъ вѣрующимъ, какъ еретическія (Syllabus complectens praecipuos nostrae aetatis errores). Утвержденія, встрѣ-

чающіяся здѣсь, часто высказывались въ прошедшіе вѣка. Казалось невѣроятнымъ, что все это будетъ съ полной серьезностью повторено въ XIX столѣтіи. Церковь получила свыше власть карать и принуждать святыми наказаніями непокорныхъ членовъ. Папы никогда не преступали границъ своихъ полномочій, никогда не присвоивали себѣ правъ государей. Въ преступномъ заблужденіи находится тотъ, кто полагаетъ, что возможно и желательно примиреніе папы съ современной цивилизаціей! А между тѣмъ на этой современной цивилизаціи покоятся всѣ государственныя учрежденія Запада, свобода религіи, равенство передъ закономъ, участіе народа въ законодательствѣ. А между тѣмъ, современная цивилизація считаетъ всѣ тѣ вторженія папъ въ политическія дѣла, низложеніе государей, раздачу ихъ владѣній другимъ, за беззаконное нарушеніе предѣловъ ихъ духовной власти. Казалось, папство подало вызовъ князьямъ и народамъ. „Вы отняли у меня свѣтскую власть и я не признаю ни правъ, ни законовъ вашихъ!“

Но Пій хотѣлъ достичь еще большаго. Римская система должна была получить блестящее завершеніе, которое обезпечивало бы все ея зданіе. Уже часто высказывалось утвержденіе что папа, какъ глава церкви, непогрѣшимъ. Но постоянно эти попытки рушились. И Пій чувствовалъ головокруженіе передъ такой высотой. Но іезуиты ясно понимали, что новое проявленіе свобомыслящихъ стремленій только тогда сдѣлается невозможнымъ, когда будетъ окончательно упрочено положеніе „Намѣстника Христова на землѣ“. Постепенно они подготовляли общество къ неслыханному событію. Отъ вѣрующихъ требовались теперь жертвы папскому престолу не только достояніемъ и жизнью; предстояло еще принести ему и „жертву разумомъ“. 8 декабря 1869 года былъ открытъ въ Римѣ ватиканскій соборъ, который между прочимъ долженъ былъ установить этотъ новый догматъ. Оппозиціонная партія убѣдительно доказывала, что непогрѣшимость папы — понятіе, чуждое церковной вѣрѣ, что оно противорѣчитъ Библіи, церковно-исторической традиціи и здравому смыслу. Пій возразилъ: „Традиція — это я“. 18 іюля 1870 года послѣдовало заключительное голосованіе. Папская непогрѣшимость была признана большинствомъ 533 голосовъ противъ 2. Остальные противники этого догмата уѣхали изъ Рима ранѣе. Какъ разъ на слѣдующій день послѣдовало объявленіе войны между Германіей и Франціей. Французскій гарнизонъ, до сихъ поръ охранявшій для папы послѣдніе остатки его свѣтскихъ владѣній, былъ отозванъ во Францію, какъ необходимый во время войны. Послѣ седанской катастрофы итальянскій народъ потребовалъ возвращенія Рима, какъ столицы королевства. Вѣчный городъ былъ 20 сентября 1870 года взятъ католическими войсками. Народное голосованіе дало въ Римѣ 40,785 голосовъ за присоединеніе къ Италіи и 46 противъ. За папой остался только Ватиканъ. Онъ отказался отъ всякаго соглашенія, всякаго возмѣщенія убытковъ. Онъ гордился своей ролью плѣнника, не могущаго покинуть предѣловъ Ватиканскаго дворца. Онъ не хотѣлъ считать благодѣяніемъ, что былъ избавленъ отъ всѣхъ трудностей, которыя влекло за собою соединеніе свѣтской власти съ духовной. Напротивъ, онъ неустанно продолжалъ требовать возвращенія своихъ свѣтскихъ владѣній.

Незадолго до того папство одержало въ Германіи цѣлый рядъ тріумфовъ. Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, благородная личность, обладавшая богатымъ научнымъ, эстетическимъ и теологическимъ образованіемъ и питавшая живой интересъ къ вопросамъ религіи. Но въ немъ была сильно развита романтическая жилка, стремленіе къ идеаламъ, за которыми онъ не умѣлъ составить яснаго представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Такъ напримѣръ его вдохновляла идея свободы вѣроисповѣданій. Но онъ забывалъ, что като-

лическая церковь не только духовное учрежденіе, но и міровая держава, по отношенію къ которой государство, чтобы безпрепятственно выполнять свои функціи, непремѣнно должно охранять свою самостоятельность. Король покончилъ съ длившейся до сихъ поръ церковной распрей (см. выше, стр. 366), безъ всякихъ условій возвративъ должности смѣщеннымъ архіепископамъ Кельнскому и Гнѣзенскому. Онъ отказался отъ пользованія королевскимъ правомъ утверждать выборы епископовъ и допустилъ полную свободу сношеній съ папскимъ престоломъ. Въ министерствѣ вѣроисповѣданій было въ 1841 году учреждено особое „отдѣленіе для католическихъ церковныхъ дѣлъ“, получившее такую неограниченную власть, что его мѣтко называли папскимъ министерствомъ въ Пруссіи. Конституція 1850 года доставила католической церкви полную свободу. Подъ ея защитой церковь могла относиться къ государственнымъ законамъ, какъ къ несуществующимъ, рѣшая свои дѣла согласно каноническому праву и желаніямъ папы; могла основывать одну за другой колоніи іезуитовъ; могла въ школы, семинаріи, университеты назначать рѣзко ультрамонтанскихъ дѣятелей; могла получать отъ государства все возраставшія суммы для цѣлей культа и духовнаго образованія, никогда не обязываясь отчетомъ въ расходованіи этихъ денегъ, которыхъ она получала въ пособіе отъ государства пропорціонально въ четыре раза больше, чѣмъ церковь евангелическая.

Въ теологической области тоже растетъ и усиливается ультрамонтанское направленіе. Появляются основательные ученые, талантливо нападающіе на протестантизмъ и стремящіеся къ апоѳеозу католичества. Іоганнъ Адамъ Мёлеръ (1796—1838 г.) въ своей „Символикѣ“ (1832 г.) находитъ сущность протестантизма въ нарушеніи основъ закона и разума, и выставляетъ католичество какъ золотую средину между нимъ и безвѣріемъ. Іоганнъ Іосифъ Игнатій Деллингеръ (1799—1890 г.) пытается предать позору и самого Лютера (1851 г.) и все дѣло реформаціи (1846—48 г.). Іезуитъ Джіованни Перроне (1794—1876 г.) своими теологическими лекціями внушалъ будущимъ священникамъ истинный духъ своего ордена. Іезуитъ Іоганнъ Петръ Гури (1801—66 г.) издалъ руководство къ теологической морали (1850 г.), въ которомъ вновь излагалъ все безнравственное ученіе о нравственности своихъ старыхъ собратій по ордену. Въ кругахъ евангелической церкви между тѣмъ считали невозможнымъ, чтобы давно побѣжденное католичество могло еще представлять какую нибудь опасность, а потому почти не обращали вниманія на эти и подобныя произведенія. Оставаясь неопровергнутыми они между тѣмъ чрезвычайно подымали католическое самосознаніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и разнообразныя чудеса, назначеніемъ которыхъ было поднять авторитетъ папской церкви. Въ 1846 г. въ Ла-Салеттъ-Фаллаво близъ Гренобля, въ 1858 г. въ Лурдѣ въ Верхнихъ Пиренеяхъ произошли чудесныя явленія Богоматери, точно также въ 1876—77 г. въ Марпингенѣ, въ Трирской области, и въ 1877 г. въ Дитрихсвальде въ Восточной Пруссіи. На мѣстѣ явленій появлялись источники, вода которыхъ обладала чудотворными свойствами. Такія же свойства обнаружили ризы Христовы въ Трирскомъ соборѣ, гдѣ ихъ въ 1844 году торжественно выставилъ епископъ Вильгельмъ Арнольди. Луиза Лато въ Буа д'Энъ въ Бельгіи съ 24 апрѣля 1868 года каждую пятницу получала на тѣлѣ „стигматы“ какъ бы отъ крестныхъ ранъ; въ теченіе многихъ лѣтъ съ марта 1871 года она ничего не вкушала, кромѣ ежедневнаго причастія, и при томъ все таки оставалась здоровой и бодрой и даже могла совершать самыя тяжелыя работы. При этомъ папство не смущалось вопросомъ, искупитъ ли пріобрѣтеніе такимъ образомъ большей преданности въ средѣ вѣрующихъ католиковъ ту потерю, которую церковь могла понести въ лицѣ тѣхъ, которыхъ вся эта политика могла только отдалить отъ католицизма.

Въ англиканской церкви съ 1833 года тоже наблюдается знаменательное явленіе. Католическому элементу, удержанному въ этой церкви, начинають придавать столь видное значеніе, что сильно приближаются и въ ученіи и въ обрядахъ культа къ чисто римскимъ формамъ. Кое кто изъ этихъ ритуалистовъ наконецъ открыто перешли къ римско-католической церкви. Это дало возможность папѣ Пію IX питать самыя смѣлыя надежды, и 24 сентября 1850 года онъ вновь учредилъ для Англіи римско-католическую іерархію: двѣнадцать епископій подъ главенствомъ архіепископа Вестминстерскаго, энергичнаго кардинала Николая Уайзмена (1802—65).

Въ евангелической церкви Германіи Фридрихъ Вильгельмъ IV покончилъ наконецъ съ несогласіями, вызванными введеніемъ уніи. Прусскіе лютеране, которые находили невозможнымъ принять участіе въ объединеніи обѣихъ еванглическихъ церковныхъ обществъ, получили право основать въ Бреславлѣ независимую отъ государства церковь, которая въ 1845 году была утверждена правительствомъ. И въ другихъ отношеніяхъ выяснилось, что прошло уже то время, когда можно было совершенно оставлять безъ вниманія различія, существующія между реформатской и лютеранской церковью. Если до сихъ поръ главное значеніе придавалось обще-христіанской основѣ, то теперь, подъ вліяніемъ изученія церковной исторіи и стремленія къ большей ясности религіознаго убѣжденія, вновь начинаетъ вырабатываться обособленность конфессій. Если въ предыдущій періодъ главной задачей было достичь христіанскаго міровоззрѣнія для каждой отдѣльной личности, то теперь на очередь выступило значеніе, которое имѣетъ для индивидуума общеніе съ совокупностью вѣрующихъ. Явились попытки снова придать церковному обществу обособленныя основанія, чтобы оградить его отъ смѣшенія ученій. Такимъ образомъ возникаетъ конфессіонально-церковное направленіе. Когда въ 1866 году съ Пруссіей были соединены чисто лютеранскія области, Ганноверъ и Шлезвигъ-Голштинія, опасавшіяся за неприкосновенность своей конфессіи, тогда это направленіе въ 1868 году получило свое завершеніе на „Общей евангелическо-лютеранской конференціи".

Параллель къ этимъ стремленіямъ представляетъ иное направленіе, которое желаетъ признанія равноправія „различныхъ направленій" въ областныхъ церквяхъ, но вполнѣ естественно не можетъ тамъ, гдѣ власть находится въ его рукахъ, считать позволительными именно тѣхъ воззрѣній, которыя протестуютъ противъ такого равноправія. Кое-гдѣ, сначала въ южной Германіи (Дурлахъ), затѣмъ и въ сѣверной, возникаютъ протестантскіе союзы, имѣвшіе первый общій съѣздъ „Германскаго протестантскаго союза" въ Эйзенахѣ 7 и 8 іюня 1865 года. Этихъ теологовъ называлъ „половинчатыми" представитель третьяго направленія, Давидъ Фридрихъ Штраусъ (1808—74 г.). Его сочиненіе „Leben Jesu, kritisch bearbeitet", напечатанное въ 1835 году, произвело необыкновенное впечатлѣніе. Здѣсь нѣмецкій теологъ доходитъ даже до отрицанія божественнаго достоинства въ основателѣ христіанской религіи, и не въ состояніи увидѣть въ евангельскомъ откровеніи ничего, кромѣ философской идеи о сліяніи Бога и человѣка въ человѣчествѣ. Въ другомъ сочиненіи „Christliche Glaubenslehre" (1841—42 г.) онъ отваживается на доказательство, будто современная наука устранила все религіозное ученіе. Но вмѣстѣ съ этими нападками на религію, Штраусъ обрушивается и на тѣхъ, кто выдаетъ себя за истинныхъ представителей христіанства и старается перекроить его по своему произволу, аллегорически перетолковывая чудеса откровенія. Наконецъ онъ открыто объявилъ, что онъ и его единомышленники уже болѣе не христіане, что на мѣсто религіи должно выступить искусство, и высказывался такъ: „Старая вѣра противорѣчила только разуму, себѣ са-

мой она не противорѣчила; новая во всѣхъ частяхъ противорѣчитъ самой себѣ, какъ же она можетъ соотвѣтствовать разуму?“ Не малое число его единомышленниковъ полагали, что могутъ найти оправданіе своему отступничеству отъ христіанства въ новыхъ теоріяхъ англійскаго естествоиспытателя Чарльза Роберта Дарвина, такъ что въ Германіи дарвинизмомъ воспользовались враги религіи, совершенно обратно тому, что имѣло мѣсто на его родинѣ. Наконецъ среднее положеніе между этими крайними партіями и тѣмъ конфессіональнымъ направленіемъ занимаетъ такъ называемая посредствующая теологія, представители которой принадлежатъ большей частью къ правой сторонѣ школы Шлейермахера. Эта школа тоже горячо сочувствуетъ уніи, но менѣе произвольна въ догматическихъ вопросахъ и болѣе умѣренна въ своей критикѣ, чѣмъ былъ ея основатель.

Между тѣмъ усилившееся рвеніе къ религіознымъ дѣламъ показываетъ, что за послѣднія десятилѣтія вѣра вновь стала живой движущей силой въ широкихъ слояхъ общества. Могучій подъемъ, который испытало дѣло внутренней и внѣшней миссіи, мы послѣдовательно изложимъ въ особомъ отдѣлѣ. Въ это же время яснѣе сознается обязанность облегчить сохраненіе своего вѣроисповѣданія членамъ евангелической церкви, живущимъ разсѣянно среди католическаго населенія. Въ этихъ видахъ дѣйствіе учрежденія Густава Адольфа, существовавшаго въ Саксоніи еще съ ноября 1832 года, было 16 сентября 1842 года распространено на всю Германію. Поддержка этого общества дала возможность множеству разсѣянныхъ евангелическихъ общинъ устроить школы, молельни, церкви и такимъ образомъ укрѣпить свое существованіе. До конца XIX столѣтія было израсходовано болѣе 33.000,000 марокъ и оказано пособіе 4518 общинамъ. Было построено 1972 церкви, молельни и пр., 882 школьныхъ дома, 768 пасторскихъ домовъ, 568 домовъ сиротскихъ и для готовящихся къ конфирмаціи. Рядомъ съ этимъ обществомъ работало, съ болѣе скудными средствами, основанное въ 1876 году общество „Лютеровская божья касса“, съ конфессіональнымъ направленіемъ. Новыя задачи этимъ обществамъ были поставлены возникшимъ въ Австріи на исходѣ XIX вѣка движеніемъ „прочь отъ Рима“. Побудительныя причины этого движенія далеко не вездѣ были связаны только съ политическими мотивами, и силы движенія не могло сломить даже рѣзкое противодѣйствіе ультрамонтанной партіи; въ 1899 году въ Австріи католическую церковь покинуло около шестнадцати тысячъ человѣкъ. Въ Англіи возникло стремленіе дать внѣшнее выраженіе сознанію, что всѣ „вѣрующіе христіане“, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, чувствуютъ общую связь между собою въ силу общности ихъ основного міровоззрѣнія. Съ этой цѣлью состоялся съ 19 августа по 2 сентября 1846 года первый съѣздъ евангелическаго союза, на которомъ впервые были представители всѣхъ евангелическихъ областей. Впослѣдствіи этотъ союзъ устраивалъ съѣзды и въ другихъ крупныхъ городахъ. Въ іюнѣ 1852 года была учреждена евангелическая (Эйзенахская) церковная конференція. Составляясь изъ представителей отдѣльныхъ евангелическихъ церковныхъ управленій, она собирается каждые два года, чтобы содѣйствовать единообразному рѣшенію преимущественно внѣшнихъ вопросовъ, относительно которыхъ возможно и желательно соглашеніе между различными евангелическими церквями. Такъ, конференція подвергла исправительному пересмотру Лютеровскій текстъ Библіи и послѣ двадцатипятилѣтней работы издала 29 февраля 1892 года „пересмотрѣнную Библію“. Въ академическихъ сферахъ тоже пробудилось желаніе дать внѣшнее выраженіе религіознымъ принципамъ въ студенческомъ быту. Съ 1836 года стали учреждаться союзы, старавшіеся оградить жизнерадостную свободу студенчества отъ нехристіанскихъ излишествъ (дуэли). Союзы эти объединились въ союзѣ Вингольфа и союзѣ Шварцбурга.

B. Культурная борьба.

Благодаря безпечности нѣмецкихъ правительствъ въ теченіе трехъ десятилѣтій, католическая церковь оказалась въ состояніи достичь такого могущества, которое начало уже угрожать дѣйствительной опасностью. Съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдили за этимъ усиленіемъ особенно представители постепенно окрѣпшаго въ народѣ либеральнаго направленія; впрочемъ, они не умѣли ясно различить христіанское и іезуитское теченіе, которыя совмѣстно выражались въ новомъ католицизмѣ. Какъ только это либеральное направленіе пріобрѣло болѣе значительное вліяніе, что случилось послѣ 1870 года, должна была начаться борьба. Между тѣмъ католическая церковь, чувствовавшая себя обезпеченной постояннымъ покровительствомъ свыше, испытала цѣлыхъ четыре разочарованія: въ 1866 году протестантская Пруссія одержала побѣду надъ католической Австріей, значительно расширила свою территорію и увеличила политическое вліяніе; въ 1870 и 1871 году Франція, остававшаяся при Наполеонѣ III вѣрной сторонницей папства, потерпѣла глубочайшее униженіе; въ связи съ этимъ папа утратилъ свою свѣтскую власть; новая имперская корона Германіи досталась протестантской династіи. Правда, католики Пруссіи до того привыкли къ тому, чтобы всѣ ихъ желанія исполнялись правительствомъ, что они даже питали надежду побудить побѣдоноснаго короля Вильгельма I къ возстановленію свѣтской власти папы. Но рѣшительное отклоненіе такого притязанія сразу показало, что правительство уже не намѣрено слѣдовать далѣе въ прежнемъ направленіи. Руководящіе католическіе круги не могли не прійти наконецъ къ убѣжденію, что для сохраненія за церковью прежняго могущества имъ необходимо приложить всѣ свои силы. Когда были назначены выборы въ германскій рейхстагъ, католическая партія прибѣгла къ самой усердной агитаціи. Ея представители сомкнулись въ особую партію, подъ названіемъ центра, и этимъ высказали, что будутъ относиться къ политическимъ вопросамъ исключительно съ точки зрѣнія послѣдствій, какія можетъ ожидать отъ рѣшенія этихъ вопросовъ католическая церковь. Такое смѣшеніе политическихъ и религіозныхъ задачъ осложнялось еще тѣмъ, что къ центру присоединились и некатолики, желавшіе доставить затрудненія политической дѣятельности правительства. Германскій имперскій канцлеръ князь Отто фонъ Бисмаркъ не сомнѣвался въ томъ, что эта партія при первой возможности уничтожила бы всѣ достигнутые имъ успѣхи. Онъ рѣшилъ возвратить католическую церковь въ ея границы и сломить ея чрезмѣрное могущество. Союзниками въ этомъ дѣлѣ явились для него либералы. Изъ ихъ среды онъ избралъ 22 ноября 1872 года министра вѣроисповѣданій Адальберта Фалька (умеръ 7 іюля 1900 года).

Бисмаркъ принялъ подъ свою защиту и другого врага ультрамонтанства, именно старо-католиковъ. Изъ противниковъ папской непогрѣшимости, покинувшихъ ватиканскій соборъ до окончательнаго голосованія (см. выше, стр. 370), одинъ за другимъ подчинялся невѣроятному догмату, даже роттенбургскій епископъ Карлъ Іосифъ фонъ Гафеле, который еще въ ноябрѣ 1870 года писалъ: „Я предпочитаю потерять каѳедру, чѣмъ спокойствіе совѣсти“. Но небольшая группа сохранила постоянство. Въ сентябрѣ 1871 года въ Мюнхенѣ состоялся первый конгрессъ старо-католиковъ. Впрочемъ самый видный изъ этихъ дѣятелей, ученый Дѣллингеръ, отступился отъ этого движенія, когда было рѣшено учредить независимыя отъ Рима общины; онъ предпочелъ вовсе не принадлежать внѣшнимъ образомъ къ какой либо церковной общинѣ. Прусское правительство тотчасъ оказало поддержку этимъ противникамъ папства: 7 октября 1873 года Фалькъ принялъ присягу бреславльскаго профессора Іосифа Губерта Рейнкена, какъ епископа старокатолическихъ общинъ Пруссіи. Впрочемъ это

покровительство продолжалось недолго, такъ какъ Пруссія убѣдилась въ томъ, что у старо-католиковъ ей не найти той энергичной помощи, на которую она разсчитывала въ предпринятой борьбѣ.

Какимъ же оружіемъ пользовалось въ этой борьбѣ правительство? Оно упустило изъ виду, что благодаря долгому покровительству католическое самосознаніе чрезвычайно окрѣпло, и что слѣдовательно только осторожными ограниченіями чрезмѣрныхъ и основательныхъ уступокъ можно достичь правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ; что именно въ католической церкви Германіи имѣютъ значеніе и религіозныя силы, въ которыхъ насильственныя мѣры могутъ только вызвать фанатизмъ; что для ограниченія вліянія католичества необходимо прежде всего усиленіе евангелической церкви и облегченіе ей способовъ вліянія на народъ. Напротивъ, къ участію въ этой борьбѣ были привлечены и такіе люди, которые видѣли враждебную культурѣ силу и въ евангелической церкви и поэтому вообще старались уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить церковное вліяніе на народъ. Такимъ образомъ, чтобы дать почувствовать католической церкви немилость правительства, были приняты рѣзкіе законы и полицейскія взысканія, которые, „ради интересовъ равноправія", были распространены и на евангелическую церковь. И въ то время какъ Римъ высказалъ этимъ мѣропріятіямъ побѣдоносное сопротивленіе и этимъ не мало поднялъ свой авторитетъ въ глазахъ народа, евангелическая церковь, которая держалась иныхъ убѣжденій относительно повиновенія государственнымъ законамъ, терпѣливо подчинилась и этимъ уронила уваженіе съ себѣ не только среди своихъ римскихъ противниковъ, но и въ средѣ собственной паствы.

Еще въ 1871 году въ Пруссіи было уничтожено „отдѣленіе католическихъ дѣлъ" министерства вѣроисповѣданій, надзоръ за школами отнятъ у церкви и переданъ государству, дѣятельность въ народныхъ школахъ запрещена членамъ духовныхъ орденовъ. Затѣмъ приступила къ мѣропріятіямъ и Германская имперія. Злоупотребленіе церковной каѳедрой для политической агитаціи каралось заключеніемъ въ крѣпости на срокъ до двухъ лѣтъ. Іезуиты были высланы. Въ отвѣтъ на эти мѣры былъ основанъ католическій союзъ. Въ 1873 году въ Прусіи послѣдовали „Майскіе законы" (11—14 мая; дополненія 20 и 11 мая 1874 года). Для всѣхъ священниковъ, въ томъ числѣ и евангелическихъ, былъ установленъ особый экзаменъ по предметамъ общаго образованія. Послѣдней инстанціей въ церковныхъ дѣлахъ было сдѣлано свѣтское учрежденіе, королевская судебная палата. Назначеніе и смѣщеніе священниковъ было поставлено въ зависимость отъ утвержденія нецерковныхъ властей и за обходъ закона назначенъ штрафъ въ размѣрѣ до 1000 гульденовъ. Папа объявилъ прусскіе церковные законы недѣйствительными. Правительство съ своей стороны разсчитывало, что епископы и ихъ клиръ, принесшіе папской непогрѣшимости въ жертву свои убѣжденія, не выкажутъ особой готовности принести матеріальныя жертвы. Явилась надежда смирить непокорныхъ пріостановкой выдачи государственныхъ субсидій (апрѣль 1875 года). Но въ результатѣ, въ католической церкви только вновь появились „мученики", и вспыхнуло ожесточенное и упорное ф а н а т и ч е с к о е в о о д у ш е в л е н і е. При выборахъ число представителей центра постоянно возрастало. Замкнутость католической церкви, ея приверженность къ папству, ея вражда къ евангелической церкви — достигли высшаго предѣла. Это замѣчается и въ той невѣроятной смѣлости, до которой доходитъ р ѣ з к а я п о л е м и к а, уже отмѣченная выше (стр. 371). Съ безпримѣрной увѣренностью въ побѣдѣ Іоганнъ Янсонъ, авторъ „Исторіи нѣмецкаго народа отъ конца среднихъ вѣковъ", начерталъ такую картину германскаго прошлаго, въ которой искажались результаты всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдованій, и его трудъ, исправившій исторію, путемъ умолчаній, поддѣлокъ и искаженій, согласно

нуждамъ догматики, нашелъ многія тысячи восторженныхъ читателей. Другіе писатели въ массѣ подобныхъ сочиненій разбирали различные историческіе вопросы въ томъ же духѣ, но только менѣе приличнымъ тономъ. Между прочимъ, выдвигали и убѣдительно доказывали даже утвержденіе, будто Лютеръ покончилъ самоубійствомъ.

Прусское правительство убѣдилось въ томъ, что избранный имъ путь привелъ къ результатамъ, какъ разъ обратнымъ тѣмъ, которыхъ оно надѣялось достигнуть. Новый папа Левъ XIII (съ 1878 года) увѣреніями въ своемъ миролюбіи облегчилъ правительству неизбѣжное отступленіе. Министръ вѣроисповѣданій Фалькъ былъ 14 іюля 1879 года замѣщенъ Робертомъ Викторомъ ф. Путткамеромъ. Въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ постепенно отмѣнялись одинъ за другимъ всѣ указанные выше боевые законы. Предметомъ постоянно возобновлявшихся нападеній центра оставался собственно только законъ объ іезуитахъ; и не мало дѣятелей изъ другихъ партій, вопреки урокамъ исторіи, не видѣли никакой опасности для государства въ отмѣнѣ этого закона, то-есть въ публичномъ государственномъ признаніи ордена іезуитовъ. Эта покаянная политика, новое „паломничество въ Каноссу“, распространила глубокую скорбь и стыдъ въ широкихъ кругахъ евангелическаго населенія. Чтобы по возможности противодѣйствовать повторенію подобныхъ событій 15—17 августа 1887 года былъ основанъ „Евангелическій союзъ для охраны нѣмецко-протестантскихъ интересовъ“. Этотъ союзъ путемъ преній въ своихъ отдѣлахъ, при помощи своего ежемѣсячнаго изданія „Kirchliche Korrespondenz für die deutsche Tagespresse“ и ежегодными общими собраніями старается укрѣпить или вновь пробудить протестантское самосознаніе. Законы о гражданскомъ состояніи 6 февраля 1875 года, которые правительство издало подъ вліяніемъ „культурной борьбы“, сильно нарушали интересы религіи. Въ обществѣ, и даже въ далеко не враждебной церкви части его, было вызвано сознаніе, что церковь является какимъ то излишнимъ придаткомъ къ государственному организму, и явилось стремленіе обходиться въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ: при вступленіи въ бракъ, рожденіи ребенка, смерти, — безъ благословенія религіи. Такое положеніе дѣлъ заставило многихъ постепенно и незамѣтно утратить завѣты религіи.

Подобное же отстраненіе церкви имѣло мѣсто и въ другихъ государствахъ. Въ Австріи правительство объявило, что заключенный съ папой конкордатъ нарушенъ съ его стороны объявленіемъ догмата непогрѣшимости, и въ маѣ 1874 года были введены церковные законы, которые требовали для вступленія въ должность епископовъ и замѣщенія всѣхъ церковныхъ должностей согласія свѣтской власти, подчиняли всѣ должностныя злоупотребленія чиновъ церкви свѣтскому уголовному уложенію и упорядочивали образованіе новыхъ религіозныхъ общинъ. Во Франціи, гдѣ во время правленія Макъ-Магона (президентъ до 30 января 1879 года) возликовала-было партія ультрамонтановъ, при Жюлѣ Греви съ 1880 года было проведено уничтоженіе ордена іезуитовъ и всѣхъ вообще орденовъ и конгрегацій, не получившихъ особаго правительственнаго утвержденія, разрѣшено погребеніе не-католиковъ на католическихъ кладбищахъ, отмѣнена свобода воспитанниковъ семинарій отъ воинской повинности, утвержденіемъ правительственныхъ женскихъ училищъ устранена необходимость давать воспитаніе дѣвушкамъ въ монастыряхъ и уничтожено конфессіональное преподаваніе религіи въ народныхъ школахъ. Такимъ образомъ въ Западной Европѣ съ 1870 года разрушаются всѣ связи, пятнадцать столѣтій соединявшія народъ съ христіанской церковью. Послѣдствія этого новаго порядка въ настоящее время далеко еще не поддаются точной оцѣнкѣ. Легко напрашивающійся выводъ, что и въ Германіи предстоитъ уничтоженіе тѣсной связи между государствомъ и евангелической церковью и предоставленіе ей такой же свободы и самостоятельности, какою

пользуется католическая церковь, этотъ выводъ вызываетъ равныя опасенія и съ дружественной церкви точки зрѣнія, и со стороны антиклерикальной партіи.

Быть можетъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ подготовленіе къ будущему положенію церкви, иное теченіе, возникшее въ евангелическихъ церковныхъ обществахъ. Подобно тому какъ народъ пріобрѣлъ вліяніе въ государственной области на политическій строй, такъ теперь выставляется требованіе, чтобы и церковь предоставила мірянамъ участіе въ управленіи ею. Въ Ганноверѣ уже въ 1866 году удалось добиться пресвитеріальнаго и синодальнаго уложенія, черезъ десять лѣтъ подобное же уложеніе было создано для прусской объединенной церкви (20 января 1876 года). Примѣру этому послѣдовали почти всѣ евангелическія церкви Германіи. Впрочемъ выборы въ эти церковныя учрежденія повели совершенно не къ тѣмъ результатамъ, на которые разсчитывала партія, особенно хлопотавшая объ ихъ устройствѣ: въ большинствѣ случаевъ избранники отнеслись къ своей церковно-административной дѣятельности не какъ къ праву, добытому съ боя, а какъ къ серьезной и отвѣтственной обязанности. Такимъ образомъ эти синоды дали толчокъ ко многимъ положительнымъ мѣропріятіямъ. Отдѣльныя сословія соединяются въ церкви для общей работы и труда на пользу цѣлаго, и церковь такимъ образомъ пріобрѣтаетъ самостоятельность, которая можетъ имѣть для нея весьма важное значеніе, въ случаѣ если наконецъ порвутся узы, связывающія ее съ государствомъ.

Конечно, евангелическая церковь все еще не отказывается отъ стремленія сохранить въ народѣ религію и возвратить къ себѣ равнодушныхъ и охладѣвшихъ. Она стремится къ этому различными путями. Извѣстная партія требуетъ, чтобы церковь приняла участіе въ разрѣшеніи жгучаго соціальнаго вопроса (см. слѣдующій отдѣлъ) и выраженіемъ сочувствія къ участи рабочихъ классовъ удержало бы ихъ отъ полнаго отступничества отъ религіи. Въ надеждѣ вновь возвести религію на степень силы, господствующей въ общественной жизни, Христіанъ Адольфъ Штекеръ, придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ, основалъ христіанско-соціальную рабочую партію. По его же побужденію возникли „Евангелически-соціальный конгрессъ“ (1890 г.) и „Церковно-соціальная конференція“ (1897 г.). Другой точки зрѣнія держался пасторъ Іосифъ Фридрихъ Науманнъ во Франкфуртѣ на М., который съ 1895 года издавалъ еженедѣльникъ „Помощь“, а въ слѣдующемъ году основалъ въ Эрфуртѣ „Національно-соціальный кружокъ“. Въ 1897 году онъ оставилъ свою должность во Франкфуртѣ и переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ всецѣло отдался своей соціально-политической дѣятельности. Какъ у него, такъ и у многихъ его единомышленниковъ, религіозныя цѣли ихъ общественной дѣятельности все болѣе отступаютъ на задній планъ. Въ теологическомъ отношеніи эти борцы противъ неурядицъ общественнаго строя принадлежатъ большей частью къ направленію, исходящему отъ геттингенскаго профессора Альбрехта Ричля (1822—89 г.). Ученіе Ричля имѣло въ виду прежде всего образованный классъ общества. Охраняя отъ всякихъ поползновеній личность основателя христіанской религіи, Ричль пытается удалить изъ нея все, что можетъ вызывать отчужденіе отъ нея въ образованныхъ кругахъ общества. Этимъ методомъ его школа думаетъ завершить очищеніе религіи, не вполнѣ законченное Лютеромъ. Можетъ быть теологія Ричля и въ самомъ дѣлѣ въ состояніи предохранить отъ полнаго разрыва съ религіей многихъ изъ тѣхъ, кто находитъ противорѣчіе между ея истинами и современной культурой. Во всякомъ случаѣ, западное богословіе обязано Ричлю сильнымъ побужденіемъ къ основательному изслѣдованію вопроса, какія составныя части вѣроисповѣданія являются его неотчуждаемой сущностью, и что можно выдѣлить, какъ присоединившуюся впослѣдствіи постороннюю при-

мѣсь, и, въ частности, что нужно считать нездоровыми послѣдствіями римскихъ и піетистическихъ вліяній.

Г. Западныя миссіи въ XIX вѣкѣ.

Оппозицію воззрѣніямъ крайнихъ послѣдователей школы Ричля составляетъ группа, въ которой пробудилась болѣе глубокая и искренняя религіозная потребность, могущая найти себѣ удовлетвореніе только въ настоящемъ, не приспособленномъ къ моднымъ вѣяніямъ христіанствѣ. Изъ партіи, объединяемой этимъ убѣжденіемъ, часть довольствуется простымъ сохраненіемъ стараго, другая и немалочисленная партія стремится очистить религіозную традицію отъ вкравшихся въ нее съ теченіемъ времени ошибокъ и заблужденій, обнаруженныхъ новѣйшимъ изслѣдованіемъ. Общее обѣимъ партіямъ стремленіе, выразить свою вѣру дѣлами любви и пріобрѣсти христіанству новыхъ друзей, привело ихъ къ крупнымъ успѣхамъ въ области внутренней и внѣшней миссіи.

а). Внутренняя миссія.

Еще во времена господства раціонализма сторонники старыхъ религіозныхъ воззрѣній чувствовали потребность соединяться въ кружки и союзы, чтобы вліять на народъ христіански практической дѣятельностью. Въ 1780 году по иниціативѣ аугсбургскаго лютеранскаго проповѣдника Іоганна Урльспергера было основано въ Базелѣ „Нѣмецкое христіанское общество“; къ нему вскорѣ примкнулъ рядъ филіальныхъ отдѣленій въ Германіи и Швейцаріи. Общество ставило себѣ задачей содѣйствіе всевозможнымъ цѣлямъ христіанской пропаганды: распространеніе Библій и мелкихъ богословскихъ сочиненій (трактатовъ), попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, устройство народныхъ библіотекъ, миссіонерскую дѣятельность среди католиковъ, евреевъ, турокъ и язычниковъ. При посредствѣ Урльспергера были завязаны сношенія и съ религіозными обществами Англіи. Здѣсь тоже члены самыхъ разнородныхъ евангелическихъ общинъ группировались въ союзы. Такъ возникло въ 1795 году лондонское миссіонерское общество, въ 1799 году общество трактатовъ, въ 1804 году британское и иностранное библейское общество. Эти общества въ свою очередь оказываютъ вліяніе на Германію. Въ Берлинѣ была основана въ 1800 году миссіонерская школа, въ Нюрнбергѣ въ 1805 году библейское общество, въ 1815 году миссіонерское общество въ Базелѣ, въ 1820 году въ Бейггенѣ (Баденъ) заведеніе для воспитанія покинутыхъ дѣтей и подготовки учителей для сиротскихъ школъ. Подобныхъ союзовъ и учрежденій возникаетъ далѣе значительное количество.

Все таки евангелической церкви не хватало того, чѣмъ обладала католическая въ лицѣ своихъ монаховъ и монахинь: профессіональныхъ дѣятелей въ практически-религіозной сферѣ. Въ это время Іоганнъ Гинрихъ Вихернъ (1808—1881 г.) основалъ близъ Гамбурга 1 ноября 1833 года такъ называемый „Суровый домъ“, пріютъ для исправленія порочныхъ и преступныхъ дѣтей, который сталъ одновременно воспитательнымъ заведеніемъ для подготовки помощниковъ въ области такъ называемой духовной миссіи, а 12 октября 1836 года Теодоромъ Флиднеромъ (1800—1864 г.) былъ открытъ первый домъ діакониссъ въ Кайзерсвертѣ на Рейнѣ. Сильный толчекъ развитію этого дѣла дали событія 1848 года. Революціонныя бури обнаружили неожиданно глубокое религіозное невѣжество въ широкихъ кругахъ образованнаго и необразованнаго населенія и ужасающую моральную распущенность. Вихернъ неутомимо пропагандировалъ мысль, что необходимъ единодушный и рѣшительный образъ дѣйствій, чтобы народъ не утратилъ окончательно своей религіозности. Его старанія не прошли

безслѣдно. Для охраны юношества отъ моральныхъ опасностей, особенно въ большихъ городахъ, были устроены союзы молодежи; для религіознаго обученія дѣтей учреждались воскресныя школы; чтобы доставить народу хорошій матеріалъ для чтенія, основывались народныя библіотеки; устраивались, далѣе, общества попеченія объ отбывшихъ наказаніе преступникахъ, ясли и дѣтскіе сады, убѣжища для безпріютныхъ, для падшихъ дѣвушекъ, для эпилептиковъ, калѣкъ, идіотовъ. Для подготовки силъ, необходимыхъ для такой дѣятельности, возникали все новыя учрежденія, а наряду съ ними общества попечительства о бѣдныхъ, о больныхъ и тому подобныя. Учрежденіемъ рабочихъ колоній пытались даже умѣрить возроставшее бродяжничество; за первой колоніей, обязанной своимъ учрежденіемъ (въ Вильсельмсдорфѣ при Билефельдѣ) билефельдскому пастору Фридриху Бодельшвингу, появились вскорѣ подобныя заведенія почти въ каждой провинціи. Даже и такіе дѣятели, которые не сочувствовали христіанскому движенію, вызвавшему къ жизни въ XIX вѣкѣ подобныя учрежденія, все таки съ симпатіей отнеслись къ гуманнымъ цѣлямъ этихъ послѣднихъ и сами работали въ томъ же направленіи.

Какъ сильно возросло за послѣднія десятилѣтія сочувствіе и рвеніе къ этой религіозно-благотворительной дѣятельности, могутъ наглядно показать нѣкоторыя статистическія данныя о евангелическихъ заведеніяхъ діакониссъ, дѣйствующихъ въ указанномъ направленіи. Кромѣ нихъ, развиваетъ плодотворную дѣятельность множество аналогичныхъ обществъ съ болѣе свободными уставами, не поддающихся статистической оцѣнкѣ. Приведемъ слѣдующія цифры:

	Заведеній.	Сотрудницъ (сестеръ).	Ежегодный доходъ.	Мѣстъ дѣятельности.
1864	30	1592	813,272	368
1868	40	2106	125,242	526
1878	51	3901	4.110,147	1,093
1888	57	7129	6.378,608	2,263
1898	80	1.3309	10.996,902	4,745

б) Внѣшняя миссія.

Аналогичнымъ образомъ, усердіе къ распространенію христіанства среди язычниковъ въ XIX вѣкѣ сильно возростаетъ по сравненію съ предыдущими столѣтіями. Иниціативу въ этомъ дѣлѣ дала Англія. За Всеобщимъ лондонскимъ миссіонерскимъ обществомъ, основаннымъ въ 1725 году и уже на слѣдующій годъ отправившимъ двадцать девять проповѣдниковъ Евангелія на острова Тихаго океана, въ теченіе всего столѣтія непрерывно основываются новыя подобныя общества въ Шотландіи, Голландіи, Америкѣ, Франціи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Финляндіи. Въ странахъ нѣмецкаго языка самыя значительныя общества находятся въ Базелѣ (1815 г.), Берлинѣ (1823 г.), Барменѣ (1828 г.), Бременѣ (1836 г., сначала въ Гамбургѣ); всѣ эти общества работаютъ болѣе въ уніонистическомъ духѣ; Лейпцигское (съ 1836 до 1848 года въ Дрезденѣ) и Германсбургское (1849 г.) дѣйствуютъ въ конфессіонально-лютеранскомъ направленіи. Представителемъ болѣе свободнаго направленія въ этой области является основанный въ 1884 году въ Веймарѣ „Всеобщій евангелически-протестантскій миссіонерскій союзъ". Достигнутые успѣхи могутъ быть представлены слѣдующими приблизительными цифрами. За послѣднее двадцатипятилѣтіе число евангелическихъ миссіонеровъ съ 2200 поднялось до 6000; число евангелическихъ христіанъ, новообращенныхъ изъ язычества, съ 1.500,000 до 4.000,000. Въ настоящее время ежегодно обращается къ евангелическому вѣроисповѣданію около 100,000 язычниковъ. Въ то же время наступаетъ полный переворотъ въ оцѣнкѣ этихъ стрем-

леній. Работа была первоначально предпринята свободными обществами. Оффиціальная церковь стояла отъ нихъ совершенно въ сторонѣ или даже оказывала имъ противодѣйствіе. Лица, менѣе сочувствовавшія положительной религіи, не находили для оцѣнки ихъ трудовъ ничего, кромѣ издѣвательства. Теперь напротивъ церковныя власти оказываютъ поддержку дѣятельности миссій и стараются привлечь къ работѣ по возможности все церковное общество. Англійская колоніальная политика, а затѣмъ по стопамъ ея и германская, давно научилась высоко цѣнить культурныя, духовныя и нравственныя вліянія, которыя миссіонерская дѣятельность распространяетъ въ языческихъ странахъ далеко за предѣлы круга новообращенныхъ своихъ питомцевъ.

На порогѣ двадцатаго столѣтія важнѣйшія области этой миссіонерской дѣятельности (см. приложенную „Карту религій и миссіонерскихъ станцій") представляются при бѣгломъ обзорѣ примѣрно въ слѣдующемъ видѣ.

α) Америка.

Въ Америкѣ неутомимое терпѣніе посланцевъ братской общины въ значительной степени обратило въ христіанство эскимосовъ Гренландіи, и обитатели Лабрадорскаго побережья тоже недалеки отъ полнаго обращенія. Изъ индѣйцевъ Британской Сѣверной Америки приблизительно двѣ трети приняли христіанство; часть ихъ протестанты, часть католики. Въ Соединенныхъ Штатахъ пропаганда среди туземцевъ чрезвычайно затруднялась беззастѣнчивыми захватами земель, которые практиковались бѣлыми поселенцами. Все таки изъ уцѣлѣвшихъ къ настоящему времени 250,000 краснокожихъ болѣе трети обращено въ христіанство и благодаря этому перешло къ осѣдлой жизни. Ввезенные въ Сѣверную Америку негры, числомъ около восьми милліоновъ, почти всѣ христіане и обыкновенно составляютъ самостоятельныя церковныя общины съ темнокожими священниками. Бывшія испанскія (до 1899 года) владѣнія въ Вестиндіи, а также республики острова Гаити, исповѣдуютъ католичество, въ остальныхъ частяхъ этой области острововъ господствуетъ преимущественно протестантское вѣроисповѣданіе. Въ то время какъ внутреннія области Южной Америки еще покрыты мракомъ язычества, въ береговыхъ областяхъ господствуетъ католицизмъ, который, впрочемъ, туземцы исповѣдуютъ чисто внѣшнимъ образомъ. Въ британской и нидерландской Гвіанѣ большіе успѣхи сдѣлали евангелическія миссіи, а на крайнемъ югѣ, среди туземцевъ Огненной Земли, которые сначала произвели на Дарвина впечатлѣніе совершенной неспособности къ культурѣ, — тамъ англійская настойчивость добилась такихъ результатовъ, что тотъ же ученый отзывается объ успѣхѣ миссіи, какъ о чемъ то поразительномъ. Результаты евангелической миссіонерской дѣятельности въ Америкѣ въ общемъ таковы: въ Гренландіи, Лабрадорѣ и Аляскѣ обращено въ христіанство около 18,500 душъ, въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ (не считая негритянскаго населенія) 115,500, въ Вестиндіи 800,000, въ Средней и Южной Америкѣ 215,000, слѣдовательно всего около 1.149,500 человѣкъ. Католики считаютъ изъ 102.000,000 обитателей Америки около 51 милліона принадлежащими къ католической церкви, но не указываютъ, какая часть этого числа приходится на долю новообращенныхъ изъ язычества.

β) Африка.

На западномъ берегу Африки между Сенегаломъ и Конго работаютъ различныя миссіонерскія общества, которыми основано болѣе ста главныхъ станцій. Несмотря на препятствія, которыя полагаетъ ихъ дѣятельности убійственный климатъ, низкое развитіе населенія и разлагающее вліяніе

Исторія человѣчества. VII.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

на него торговли спиртными напитками, миссіямъ этимъ удалось собрать все таки до 140,000 новообращенныхъ христіанъ. Особенно процвѣтаетъ основанная освобожденными неграми колонія Сьерра Леоне и имѣвшая одинаковое съ нею назначеніе республика Либерія. Изъ Каптоуна были сдѣланы попытки проникнуть въ южныя области темнаго материка. Здѣсь среди трехъ слишкомъ милліоновъ туземнаго населенія насчитывается около полумилліона христіанъ. Повсюду изъ нихъ удалось подготовить помощниковъ, дѣйствующихъ въ школѣ и церкви. Переводы Библіи и подобныя работы сдѣланы для всѣхъ африканскихъ языковъ. На Мадагаскарѣ двадцатипятилѣтнія гоненія королевы Ранавалоны I, царствовавшей до 1861 года, не могли совершенно искоренить христіанства, проповѣдь котораго начало здѣсь въ 1818 году лондонское общество. Когда же въ 1869 году Ранавалона II приняла крещеніе, примѣру королевы послѣдовали сотни тысячъ ея подданныхъ. Послѣ насильственнаго захвата острова французами (1895 годъ) сюда проникли іезуиты, которые, пользуясь политическимъ преобладаніемъ надъ англичанами, сильно подорвали дѣло евангелической миссіи. Но парижское евангелическое миссіонерское общество сдѣлало попытку положить конецъ іезуитскимъ проискамъ, приславъ на Мадагаскаръ французскихъ учителей и проповѣдниковъ.

Двое знаменитыхъ изслѣдователей центральной Африки, шотландскій врачъ миссіонеръ Давидъ Ливингстонъ и корреспондентъ „New York Herald“ Генри Мортонъ Стэнли (портеты ихъ помѣщены на таблицѣ „Важнѣйшіе изслѣдователи Африки“, во второй половинѣ III тома), при своихъ смѣлыхъ путешествіяхъ тоже имѣли въ виду главнымъ образомъ введеніе христіанства въ этихъ областяхъ. Въ 1875 году Стэнли напечаталъ горячій призывъ къ христіанскимъ обществамъ Англіи, которыхъ онъ убѣждалъ выслать миссіонеровъ на многообѣщающую дѣятельность въ громадномъ царствѣ Уганды, гдѣ Стэнли лично удалось склонить короля Мтеза къ соглашенію на принятіе христіанства и на постройку церкви въ своей столицѣ. Уже въ слѣдующемъ году были готовы средства и силы для этого крупнаго предпріятія. Правда, впослѣдствіи этой миссіи не разъ грозила гибель, частью вслѣдствіе непостоянства Мтезы, частью по причинѣ соперничества магометанъ, затѣмъ, когда въ страну проникли французскіе іезуиты, наконецъ, во время революціонныхъ смутъ. Но въ настоящее время тамъ дѣйствуетъ 36 англійскихъ миссіонеровъ и 10 миссіонерокъ, и число крещеныхъ туземцевъ превосходитъ 10,000. У Ніассы энергично работаютъ шотландцы, которые главнымъ образомъ озабочены образованіемъ народа и въ своихъ школахъ собираютъ много тысячъ туземцевъ, охотно воспринимающихъ ихъ уроки. Ближе остановливаясь на нѣмецкихъ колоніяхъ въ Африкѣ, можно отмѣтить дѣятельность Бременской (Сѣверогерманской) миссіи на Невольничьемъ берегу съ 1847 года. Часть области ея дѣятельности входитъ въ составъ нѣмецкаго колоніальнаго владѣнія Того. Убійственный климатъ потребовалъ себѣ въ жертву не менѣе чѣмъ 64 дѣятелей этой миссіи. Вслѣдствіе этого и успѣхи ея были незначительны. За 25 лѣтъ христіанская община дошла только до 100 человѣкъ; теперь тамъ около 1900 христіанъ. Миссіонныя діаконисы оказываютъ чрезвычайно важное для будущаго вліяніе на женскую молодежь населенія, и миссія безспорно вызвала среди народа значительный культурный подъемъ. Въ Маломъ Попо работаютъ кромѣ того и методисты, собравшіе нѣсколько сотъ христіанъ.

Въ Камерунѣ еще съ 1845 года дѣйствовали англійскіе баптисты. Послѣ занятія этой области Германіей въ 1884 году они передали продолженіе дѣла базельскому обществу. Но оно не могло удержать за собой баптистскихъ общинъ, которыя составили свободные приходы; всего тамъ около 2000 христіанъ-туземцевъ. За то базельцамъ удалось, при крупныхъ жертвахъ человѣческими жизнями, заложить не только въ Камерунской

котловинѣ среди дуалла, но и къ сѣверу, югу и западу отсюда девять главныхъ станцій и 90 второстепенныхъ, собрать до 1500 членовъ общины и выработать помощниковъ изъ среды туземцевъ. На языкъ дуалла переведена Библія.

Въ Нѣмецкой Югозападной Африкѣ, простирающейся отъ Кунене до Оранжевой рѣки, съ сороковыхъ годовъ работали рейнскіе миссіонеры, сначала въ области Нама (готтентотовъ), потомъ въ землѣ Гереро, а въ послѣднее время и въ Овамбо, съ 1870 года вмѣстѣ съ проповѣдниками финнскаго миссіонерскаго общества. Непостоянство готтентотовъ, бѣдность страны, постоянныя войны подвергали терпѣніе миссіонеровъ самымъ тяжелымъ испытаніямъ. Но теперь уже во всѣхъ важныхъ пунктахъ страны устроены миссіонерскія станціи, и хотя общее число обращенныхъ въ христіанство туземцевъ не превышаетъ 10,000 человѣкъ, все таки уже все населеніе стоитъ подъ христіанскимъ воспитательнымъ вліяніемъ, которое обѣщаетъ отрадные успѣхи, если только мирный порядокъ въ странѣ не будетъ нарушенъ.

Пріобрѣтеніе Германіей колоніальныхъ владѣній въ восточной Африкѣ побудило съ 1886 года цѣлый рядъ нѣмецкихъ обществъ къ отправкѣ туда своихъ миссіонеровъ. Лейпцигская миссія насчитываетъ шесть станцій среди вакамба и среди воджагга возлѣ Килиманджаро. Къ юговостоку отсюда, въ области Узамбара берлинское евангелическое миссіонерское восточно-африканское общество имѣетъ четыре цвѣтущихъ станціи, а южнѣе, въ области Узарамо, въ глубь материка отъ Даръ-эсъ-Салама, еще три станціи. Въ югозападномъ углу этихъ германскихъ владѣній, въ области Конде на сѣверномъ берегу озера Ніасса, нашлось съ 1891 года новое поле дѣятельности для другого берлинскаго миссіонерскаго общества и для братства гернгутеровъ. По просьбѣ лондонскаго миссіонерскаго общества гернгутеры приняли отъ него уединенную станцію Урамбо въ области Уніамвези и назначили туда двухъ своихъ миссіонеровъ.

γ) Азія.

Азія уже въ теченіе многихъ вѣковъ являлась областью миссіонерской дѣятельности (см. томъ IV, стр. 204 и сл.). Но здѣсь побѣда христіанства требуетъ долгой и упорной борьбы. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ большими государствами, которыя чувствуютъ себя замкнутыми единицами и гордятся своимъ культурно-историческимъ прошлымъ и старинными религіями съ священными книгами и преданіями, а потому оказываютъ проникновенію новой вѣры гораздо болѣе сильное и настойчивое сопротивленіе, чѣмъ отдѣльныя, не связанныя между собою племена, не имѣющія никакой культуры.

Въ Индіи ко всѣмъ этимъ препятствіямъ присоединяется еще строгій кастовый строй, заграждающій путь всякому прогрессу. Съ 1813 года здѣсь была съ новой энергіей возобновлена англичанами, американцами и нѣмцами миссіонерская дѣятельность. Но послѣ 38-лѣтней дѣятельности въ Индостанѣ насчитывалось не болѣе 260 общинъ и 91,000 евангелическихъ христіанъ. Только послѣ того какъ въ 1857 году было усмирено ужасное возстаніе сипаевъ и въ 1858 году верховная власть перешла изъ рукъ Остиндской компаніи къ королевѣ Англіи, тогда дѣло миссій испытало отрадный подъемъ (см. виды миссіи тамуловъ въ Индіи на приложенной хромолитографіи). Въ 1890 году насчитывалось уже 857 миссіонеровъ и 797 туземныхъ пасторовъ, 711 миссіонерокъ и 3278 туземныхъ помощницъ, 4863 евангелическихъ общинъ съ 559,661 христіанъ-туземцевъ, 5311 школъ съ 279,716 учащихся. Вся Библія переведена на тринадцать языковъ Индіи, Новый Завѣтъ еще кромѣ того на тринадцать языковъ.

Постройки миссіи тамуловъ въ Индіи.

(По оригиналамъ Евангелически-Лютеранской миссіи въ Лейпцигѣ.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Постройки миссіи тамуловъ въ Индіи.

Слѣва вверху: **Церковь Спасенія въ Мадурѣ** — построена въ 1893 г. Мадура, главный городъ округа Мадрасскаго президентства, гдѣ обитаютъ тамулы, благороднѣйшее племя дравидовъ; въ 1891 году имѣлъ изъ 87,500 жителей около 7000 христіанъ.

Справа вверху: **Домъ миссіи въ Мадурѣ** — построенъ въ 1887 году. Отсюда ведется руководство миссіонерской дѣятельностью въ округѣ, гдѣ въ 49 пунктахъ (съ 14 часовнями и 17 школами) имѣется 1092 христіанина (2 туземныхъ пастора, 27 учителей и учительницъ и 420 учениковъ). Европейская миссіонерская учительница воспитываетъ въ интернатѣ 49 дѣвочекъ и преподаетъ христіанское ученіе въ сенанахъ (женскихъ покояхъ) языческихъ домовъ.

Слѣва внизу: **Іерусалимская церковь въ Транкебарѣ**, построенная въ 1718 г. Цигенбальгомъ — древнѣйшая протестантская миссіонерская церковь въ Индіи. Транкебаръ, въ округѣ Танjоре (Танджауръ) Мадрасскаго президентства, съ 1616 года главный пунктъ датскихъ колоній въ Индіи; въ 1845 году проданъ британской остъ-индской компаніи за 400,000 марокъ. Здѣсь король Фридрихъ IV датскій въ 1705 году учредилъ первую протестантскую миссію въ Индіи, куда были приглашены миссіонеры Августомъ Германомъ Франке, учредителемъ сиротскаго дома въ Галле. Здѣсь работали Бартоломей Цигенбальгъ, Вальтеръ, Герике, а въ первое время и знаменитѣйшій миссіонеръ XVIII вѣка Хр. Фр. Шварцъ (1726—98 г.). Въ 1891 году изъ 14,500 жителей было больше 2,000 христіанъ. Миссіонерская станція съ 1847 года принадлежитъ Лейпцигской евангелическо-лютеранской миссіи, и здѣсь находится ея главная квартира для Индіи: церковный совѣтъ, учительская и проповѣдническая семинаріи, типографія и промышленная школа.

Справа внизу: **Построенное въ 1894 году Центральное училище въ Шіяли**, десятиклассная „High School“, въ которой учится 224 мальчика и юноши; 16 учителей. Предметы соотвѣтствуютъ программѣ нѣмецкой реальной гимназіи. Выпускные экзамены даютъ право на академическое образованіе. Въ находящійся при школѣ интернатъ принимаются и лучшіе ученики изъ семиклассныхъ среднихъ школъ, содержимыхъ миссіей въ другихъ городахъ; здѣсь проходятъ курсъ трехъ старшихъ классовъ, — отсюда и названіе „Центральное училище“.

Постройки миссіи тамуловъ въ Индіи.

Слѣва вверху: **Церковь Спасенія въ Мадурѣ** — построена въ 1893 г.; Мадура, главный городъ округа Мадрасскаго президентства, гдѣ обитаютъ тамулы, благороднѣйшая отрасль дравидовъ; въ 1891 году имѣлъ изъ 87,500 жителей около 7000 христіанъ.

Справа вверху: **Домъ миссіи въ Мадурѣ** — построенъ въ 1887 году. Отсюда ведется руководство миссіонерской дѣятельностью въ округѣ, гдѣ въ 49 пунктахъ (съ 14 часовнями и 17 школами) имѣется 1092 христіанина (2 туземныхъ пастора, 27 учителей и учительницъ и 420 учениковъ). Европейская миссіонерская учительница воспитываетъ въ интернатѣ 49 дѣвочекъ и преподаетъ христіанское ученіе въ сенанахъ (женскихъ покояхъ) языческихъ домовъ.

Слѣва внизу: **Іерусалимская церковь въ Транкебарѣ**, построенная въ 1712 г. Цигенбальгомъ, — древнѣйшая протестантская миссіонерская церковь въ Индіи. Транкебаръ, въ округѣ Таніоре (Танджауръ) Мадрасскаго президентства, съ 1616 года главный пунктъ датскихъ колоній въ Индіи; въ 1845 году проданъ британской остъ-индской компаніи за 400,000 марокъ. Здѣсь король Фридрихъ IV датскій въ 1705 году учредилъ первую протестантскую миссію въ Индіи, куда были приглашены миссіонеры Августомъ Германомъ Франке, учредителемъ сиротскаго дома въ Галле. Здѣсь работали Бартоломей Цигенбальгъ, Вальтеръ, Герике, а въ первое время и знаменитѣйшій миссіонеръ XVIII вѣка Хр. Фр. Шварцъ (1726—98 г.). Въ 1891 году изъ 14,500 жителей было больше 2,000 христіанъ. Миссіонерская станція съ 1847 года принадлежитъ Лейпцигской евангелическо-лютеранской миссіи, и здѣсь находится ея главная квартира для Индіи: церковный совѣтъ, учительская и проповѣдническая семинарія, типографія и промышленная школа.

Справа внизу: **Построенное въ 1894 году Центральное училище въ Шійяли**, десятиклассная „High School“, въ которой учится 224 мальчика и юноши; 16 учителей. Предметы соотвѣтствуютъ программѣ нѣмецкой реальной гимназіи. Выпускные экзамены даютъ право на академическое образованіе. Въ находящійся при школѣ интернатъ принимаются и лучшіе ученики изъ семиклассныхъ среднихъ школъ, содержимыхъ миссіей въ другихъ городахъ; здѣсь проходится курсъ трехъ старшихъ классовъ, — отсюда и названіе „центральное училище.“

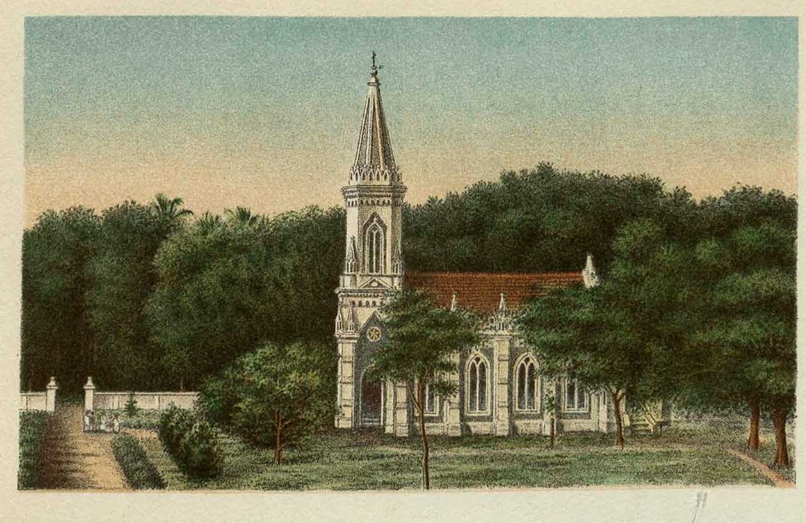
Постройки миссіи тамуловъ въ Индіи.

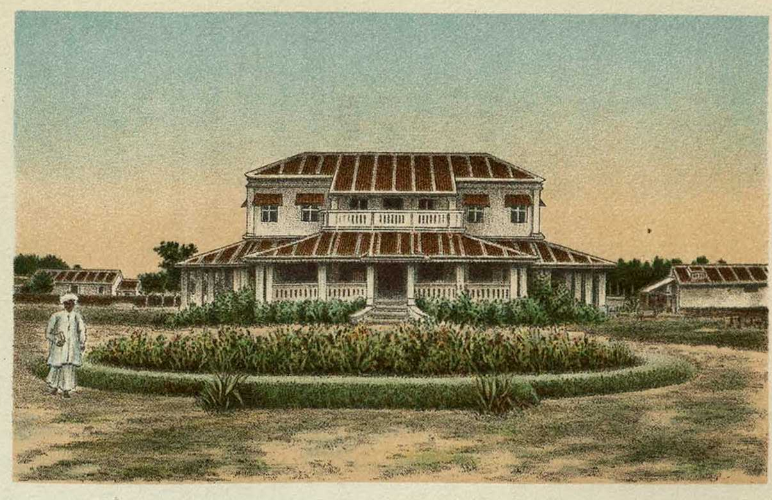
Слѣва вверху: **Церковь Спасенія въ Мадурѣ** — построена въ 1893 г.; Мадура, главный городъ округа Мадрасскаго президентства, гдѣ обитаютъ тамулы, благороднѣйшая отрасль дравидовъ; въ 1891 году имѣлъ изъ 87,500 жителей около 7000 христіанъ.

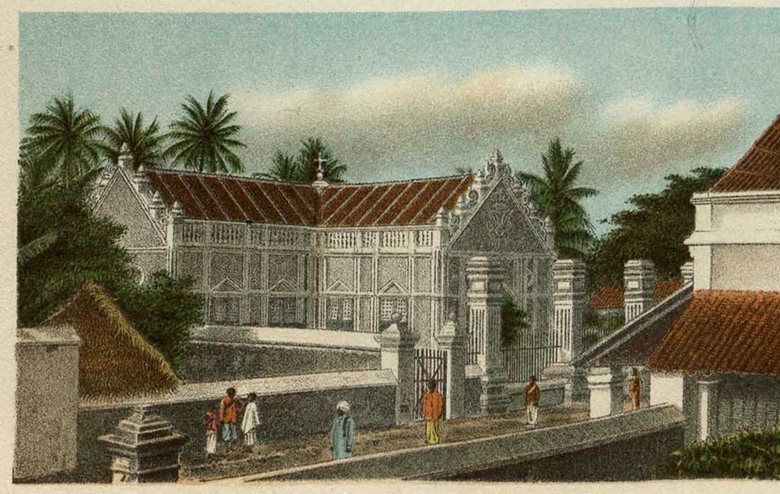
Справа вверху: **Домъ миссіи въ Мадурѣ** — построенъ въ 1887 году. Отсюда ведется руководство миссіонерской дѣятельностью въ округѣ, гдѣ въ 49 пунктахъ (съ 14 часовнями и 17 школами) имѣется 1092 христіанина (2 туземныхъ пастора, 27 учителей и учительницъ и 420 учениковъ). Европейская миссіонерская учительница воспитываетъ въ интернатѣ 49 дѣвочекъ и преподаетъ христіанское ученіе въ сенанахъ (женскихъ покояхъ) языческихъ домовъ.

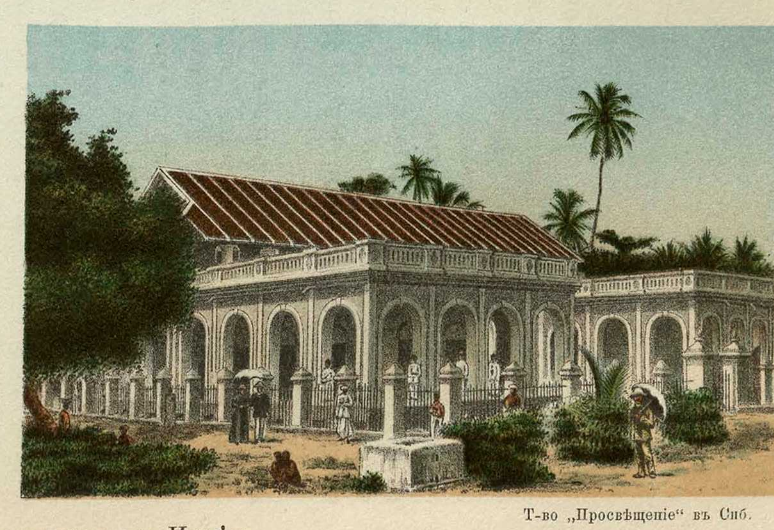
Слѣва внизу: **Іерусалимская церковь въ Транкебарѣ**, построенная въ 1712 г. Цигенбальгомъ, — древнѣйшая протестантская миссіонерская церковь въ Индіи. Транкебаръ, въ округѣ Таніоре (Танджауръ) Мадрасскаго президентства, съ 1616 года главный пунктъ датскихъ колоній въ Индіи; въ 1845 году проданъ британской остъ-индской компаніи за 400,000 марокъ. Здѣсь король Фридрихъ IV датскій въ 1705 году учредилъ первую протестантскую миссію въ Индіи, куда были приглашены миссіонеры Августомъ Германомъ Франке, учредителемъ сиротскаго дома въ Галле. Здѣсь работали Бартоломей Цигенбальгъ, Вальтеръ, Герике, а въ первое время и знаменитѣйшій миссіонеръ XVIII вѣка Хр. Фр. Шварцъ (1726—98 г.). Въ 1891 году изъ 14,500 жителей было больше 2,000 христіанъ. Миссіонерская станція съ 1847 года принадлежитъ Лейпцигской евангелическо-лютеранской миссіи, и здѣсь находится ея главная квартира для Индіи: церковный совѣтъ, учительская и проповѣдническая семинарія, типографія и промышленная школа.

Справа внизу: **Построенное въ 1894 году Центральное училище въ Шійяли**, десятиклассная „High School“, въ которой учится 224 мальчика и юноши; 16 учителей. Предметы соотвѣтствуютъ программѣ нѣмецкой реальной гимназіи. Выпускные экзамены даютъ право на академическое образованіе. Въ находящійся при школѣ интернатъ принимаются и лучшіе ученики изъ семиклассныхъ среднихъ школъ, содержимыхъ миссіей въ другихъ городахъ; здѣсь проходится курсъ трехъ старшихъ классовъ, — отсюда и названіе „центральное училище.“









Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Постройки миссіи тамуловъ въ Индіи.

(По оригиналамъ Евангелически-Лютеранской миссіи въ Лейпцигѣ.)

Въ Нидерландскихъ владѣніяхъ со второго десятилѣтія девятнадцатаго вѣка работаютъ миссіонеры всѣхъ одиннадцати голландскихъ обществъ, кромѣ того два нѣмецкихъ и одно англійское общество. Въ сѣверной части Суматры нѣкогда пользовавшаяся самой дурной славой область Силиндунгъ совершенно обращена въ христіанство и насчитываетъ около 16,000 крещеныхъ туземцевъ. Лежащее еще сѣвернѣе Тоба, двадцать лѣтъ тому назадъ еще совершенно недоступное, имѣетъ цвѣтущія христіанскія общины съ тысячами членовъ, такъ что общее число христіанъ изъ племени бата доходитъ до 4000. Труднѣе была работа на Явѣ и Борнео, между тѣмъ какъ на Целебесѣ въ христіанство обращено до 143,000 язычниковъ. Всего въ Нидерландской Индіи насчитывается около 315,000 евангелическихъ христіанъ.

Несмотря на частыя и истребительныя гоненія, которымъ подвергалось христіанство въ Китаѣ, католическимъ миссіонерамъ съ начала девятнадцатаго вѣка удалось, благодаря поддержкѣ французской политики, достигнуть здѣсь значительныхъ успѣховъ, но эта же политика вызвала въ широкихъ слояхъ населенія ненависть къ христіанской религіи. Не менѣе способствовали этому отношенію тѣ насилія, которыми Англія вынудила для себя разрѣшеніе ввоза опіума. Вотъ почему и открытіе для торговли двадцати китайскихъ гаваней, послѣдовавшее постепенно по договорамъ въ Нанкинѣ 1842 года, въ Тянцинѣ 1858 года и послѣ штурма Пекина въ 1860 году, и провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія для христіанъ было встрѣчено съ горькимъ неудовольствіемъ. Эта ненависть къ иностранцамъ безконечно тяжело отражалась на дѣятельности миссій, какъ свидѣтельствуютъ кровавыя избіенія въ Тянцинѣ въ 1870 году, въ долинѣ Янцекіанга въ концѣ 80-хъ годовъ и въ Кучунгѣ въ 1895 году. Къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ миссіонерамъ ясно, что полная беззащитность оказала бы ихъ дѣлу большую услугу, чѣмъ прикрытіе европейскихъ пушекъ. Но среди протестантскихъ миссіонеровъ были и голоса, протестовавшіе противъ мотивировки захвата Германской имперіей бухты Кіаучау убійствомъ двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ (католиковъ), въ южной части провинціи Шантунгъ (1897 годъ). Различныя данныя католическихъ миссій опредѣляютъ число христіанъ-католиковъ въ Китаѣ (въ этомъ числѣ, впрочемъ и европейцевъ) въ 500,000—1.000,000 человѣкъ. Англійскія, американскія и нѣмецкія миссіонерскія общества утвердили свое вліяніе прежде всего на южномъ и юговосточномъ побережьи. Въ 1893 году они насчитывали здѣсь 683 миссіонера, 641 миссіонерку, сверхъ того 252 китайскихъ пастора, и около 3000 туземныхъ помощниковъ. За отчетный годъ приняло крещеніе 10,268 язычниковъ. Число евангелическихъ христіанъ, сгруппированныхъ приблизительно въ 700 постоянныхъ общинъ, доходило къ концу XIX вѣка по меньшей мѣрѣ до 130,000 человѣкъ. Страшное возстаніе боксеровъ въ 1900 году было направлено столько же противъ туземныхъ христіанъ, сколько и противъ „иноземныхъ дьяволовъ“.

Съ тѣхъ поръ какъ американцы въ 1882 году добились открытія Кореи для иностранныхъ сношеній, здѣсь тоже началась правильная дѣятельность миссій. Устроено около 50 общинъ, насчитывающихъ около 2000 христіанъ, и всѣ отчеты сходятся въ признаніи, что это новое поле дѣятельности должно оказаться однимъ изъ плодороднѣйшихъ.

Послѣ длившагося почти триста лѣтъ обособленія, съ 1853 года Японія, эта „азіатская Великобританія“, все шире открывается для міровыхъ сношеній. Въ 1896 году на ея островахъ работало 31 миссіонерское общество съ 238 миссіонерами и 234 миссіонерками. Благодаря особому стремленію японскаго народа къ образованію, крещеному японцу Незима удалось въ 1875 году основать христіанскую высшую школу и постепенно преобразовать ее въ настоящій университетъ. Черезъ десять лѣтъ въ ней

было 230, черезъ 15 лѣтъ уже 900 студентовъ. До 1889 года замѣчался постоянный и быстрый подъемъ японской миссіи, съ этого времени наступаетъ застой. Въ 1888 году число ежегодныхъ обращеній въ христіанство было не меньше 7700, въ 1892 году только 3700, и съ этихъ поръ цифра обращенія почти не подымается. То поразительное стремленіе къ принятію христіанства часто объяснялось причинами политическаго или культурнаго характера, и торопливое усвоеніе европейскаго быта не осталось безъ опасныхъ послѣдствій. Поэтому друзья старины нашли у многихъ сочувствіе своей проповѣди возвращенія къ старой религіи. Но съ тѣхъ поръ какъ въ 1899 году послѣдовала отмѣна консульской юрисдикціи и всѣ иностранцы подчинены японскимъ законамъ, правительство разрушило послѣднія надежды буддистовъ на предпочтеніе ихъ религіи оффиціальнымъ заявленіемъ, что согласно конституціи всѣ власти обязаны оказывать равную защиту каждой религіи; одновременно послѣдовалъ указъ буддистскому первосвященнику, предписывавшій не допускать насильственныхъ мѣръ противъ христіанства. Католики насчитываютъ въ Японіи около 20,000 приверженцевъ своего вѣроисповѣданія, евангелическія миссіи обратили въ христіанство около 50,000 язычниковъ.

д) Австралія и Океанія.

На островахъ Тихаго Океана евангелическая миссія совершила такое преобразованіе, что успѣхи ея заслужили высокую оцѣнку даже въ средѣ противниковъ религіи. Болѣе 300,000 туземцевъ исповѣдуютъ евангелическую религію, около 50,000 — католическую. Есть цѣлые острова и группы острововъ, на которыхъ язычество совершенно забыто, напримѣръ острова Гервея, Самоа, Фиджи, Тонга. Былое людоѣдство, человѣческія жертвоприношенія, дѣтоубійство, безпрестанныя войны искоренены окончательно. Библія частью или цѣликомъ переведена на 40 языковъ. Болѣе 100,000 мальчиковъ и дѣвочекъ посѣщаютъ многочисленныя школы, нѣсколько тысячъ туземцевъ занимаются пасторскою или учительскою дѣятельностью.

Впрочемъ, первобытные обитатели Австраліи и папуасы стоятъ на такой низкой степени развитія и въ прежнее время испытали такое безчеловѣчное истребленіе со стороны бѣлыхъ поселенцевъ, что миссія среди нихъ могла сдѣлать только незначительные успѣхи. Въ христіанство обращено вѣроятно около 1000 человѣкъ. Напротивъ на Новой Зеландіи насчитывается уже до 30,000 христіанъ изъ племени маори.

Наиболѣе отстали въ этомъ отношеніи острова, которыми должна была удовольствоваться Германія, позже всѣхъ выступившая на поприще колоніальной державы. На Новой Гвинеѣ, принадлежащей по частямъ голландцамъ, нѣмцамъ и англичанамъ, въ своихъ внутреннихъ областяхъ еще неизслѣдованной, работаютъ въ области Императора Вильгельма два нѣмецкихъ миссіонерскихъ общества, съ 1886 года Нейэндеттельсауское и съ 1887 года Рейнское. Нездоровый климатъ и духовная тупость дикихъ и враждующихъ между собою племенъ необычайно затрудняютъ эту работу, такъ что считается благопріятнымъ признакомъ уже то, что населеніе начинаетъ питать къ миссіонерамъ нѣкоторое довѣріе. На архипелагѣ Бисмарка, подъ нѣмецкимъ протекторатомъ съ 1884 года, методисты съ 1875 года, исходя изъ Австраліи, распространяютъ христіанство среди дикихъ язычниковъ Новой Помераніи, Новаго Лауенберга и Новаго Мекленбурга. Къ концу XIX вѣка здѣсь насчитывалось до 6000 христіанъ, но ихъ просвѣщеніе и нравственность еще далеко не удовлетворительны. На Соломоновыхъ островахъ работаетъ изъ Норфолька меланезійская миссія, главнымъ образомъ при помощи подготовленныхъ тамъ туземныхъ проповѣдниковъ, которыхъ по временамъ посѣщаютъ англійскіе миссіонеры.

Но именно на сѣверныхъ островахъ этой группы, принадлежащихъ Германіи и покрытыхъ непроходимыми тропическими лѣсами, населеніе, состоящее изъ 100,000 человѣкъ, до сихъ поръ упорно защищаетъ свои языческія вѣрованія отъ приникновенія христіанства.

Микронезія, къ которой принадлежитъ находящійся подъ германскимъ господствомъ архипелагъ Маршаловыхъ островов съ приблизительно 15,000 жителей, съ 1852 года имѣетъ миссіонеровъ „Гавайской евангелической ассоціаціи", которая дѣйствуетъ здѣсь преимущественно при помощи туземныхъ учителей, числомъ около 90. Хотя эти силы въ большин- Испаніи. Евангелическіе миссіонеры были высланы, престарѣлый Доанъ даже арестованъ и увезенъ въ Манилью, испанцы приступили къ насильственному обращенію въ католичество. Евангелическимъ миссіонерамъ до сихъ поръ отказываютъ въ разрѣшеніи вернуться на главный островъ архипелага. Понапе, гдѣ насчитывается до 1800 туземцевъ-протестантовъ. Острова Самоа, раздѣленные по соглашенію 1899 года между Германіей и Соединенными Штатами, были впервые открыты для христіанства „апостоломъ Тихаго океана", Джономъ Вильямсомъ, въ 1830 году. Съ 1819 года онъ, начиная съ островов Товарищества, проповѣдывалъ Евангеліе, неутомимо странствуя по островамъ Тихаго океана, и въ 1839 году умеръ мученической смертью на Эрроманго, одномъ изъ Новогебридскихъ острововъ. Въ настоящее время на Самоа главная дѣятельность миссій закончена. Насчитывается 32,000 протестантовъ. Католическіе миссіонеры, которые тоже проникли сюда, пріобрѣли до 4000 приверженцевъ.

в) Новые пути.

Мы видимъ, что на исходѣ XIX вѣка, въ то время какъ съ одной стороны замѣчается охлажденіе и равнодушіе къ религіи, съ другой стороны обнаруживается дѣятельное религіозное рвеніе. Равнодушное подчиненіе формамъ церковности постепенно исчезаетъ. Партіи выясняются опредѣленнѣе и противорѣчіе между ними выступаетъ рѣзче. Этимъ объясняется возникновеніе въ средѣ искреннихъ приверженцевъ религіи сознанія, что необходимо избрать новые пути, чтобы добиться новыхъ религіозныхъ побѣдъ. Новое энтузіастическое направленіе получило особенное развитіе въ Англіи, гдѣ протестантизмъ имѣлъ своеобразную форму, методизмъ оказывалъ особенное вліяніе, а самый складъ народнаго характера, располагалъ къ увлеченію предпріятіями, имѣющими оттѣнокъ спорта. Одинъ англійскій фабрикантъ, Пирсолль Смитъ, устраивалъ съ 1874 года не только на родинѣ, но и въ другихъ странахъ, большія собранія для „просвѣщенія" народа, пользуясь при своихъ чтеніяхъ заграницей услугами переводчика. Онъ проповѣдывалъ высказанное методистами ученіе, что въ земной жизни можно достигнуть безгрѣшнаго состоянія. Вильямъ Бутсъ, исходя изъ признанія, что массу, равнодушную къ религіознымъ истинамъ, можно привлечь только сильными впечатлѣніями, основалъ въ 1878 году свою „Армію спасенія". Форменные костюмы, знамена, трескучая музыка, оглушительные боевые возгласы должны были подготовлять къ воспріятію религіозныхъ истинъ и усиливать ихъ дѣйствіе. Съ 1880 года эта армія предпринимала и „завоевательные походы" по Европѣ и Америкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, самоотверженности и бурному рвенію ея представителей удалось, въ средѣ наиболѣе низкаго паденія человѣчества, многихъ нравственно поднять и направить на честный путь жизни; съ другой стороны способы дѣйствія „Арміи" вызывали не мало раздраженія, насмѣшекъ и издѣвательствъ.

Теченіе, которое въ этихъ формахъ выразилось съ наибольшей яркостью, въ менѣе рѣзкомъ видѣ проявилось и въ евангелической церкви Германіи. Возникаютъ новые союзы, молитвенныя собранія, проповѣдни-

чество мірянъ, причемъ весьма сомнительно, ведетъ ли все это движеніе въ самомъ дѣлѣ къ укрѣпленію религіознаго чувства, или только къ нервному возбужденію. Но даже подобныя движенія являются свидѣтельствомъ, что и въ вѣкъ матеріализма далеко еще не угасло стремленіе къ чему то, выходящему за предѣлы чувственнаго сознанія. Во всякомъ случаѣ вся предыдущая исторія христіанства, имѣвшаго постоянно новыхъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, оправдываетъ смѣлыя слова апостола Павла (во 2 посланіи къ коринѳянамъ, VI, 9): „Насъ почитаютъ умершими, но вотъ, мы живы; насъ наказываютъ, но мы не умираемъ“.

IV. Соціальный вопросъ.

Профессора д-ра **Георга Адлера.**

Споръ есть право міра, отецъ и царь всѣхъ вещей. Стремящееся навстрѣчу поддерживаетъ другъ друга; на взаимномъ напряженіи покоится гармонія вселенной, какъ лиры и лука.

Гераклитъ.

1. Введеніе.

А. Развитіе капиталистическаго способа производства.

Современный общественный порядокъ въ Западной Европѣ характеризуется: въ техническомъ отношеніи перевѣсомъ крупнаго производства и широчайшимъ пользованіемъ силами природы; въ экономическомъ отношеніи, свободой конкурренціи и отмѣной цеховаго строя; въ политическомъ, свободой слова, свободой ассоціацій и участіемъ народа въ государственномъ управленіи. Только на этихъ основахъ явилась возможность для широкихъ слоевъ производительнаго, но зависимаго населенія принять самостоятельное участіе въ крупныхъ событіяхъ всемірной исторіи. До тѣхъ поръ эта масса являлась только пассивнымъ субстратомъ во всякой борьбѣ за политическое или соціальное господство, и могла добиваться только скромныхъ улучшеній своего матеріальнаго положенія. По скольку въ предыдущія столѣтія вообще разрѣшалась какая нибудь организація, напримѣръ цеховымъ подмастерьямъ въ городахъ, кругъ ея дѣятельности ограничивался товарищескими и религіозными потребностями, вспомоществованіями, пріисканіемъ работы и улучшеніемъ нѣкоторыхъ условій рабочаго договора. Цехи и власти тщательнымъ надзоромъ и неуклонными строгостями достигали того, что союзы подмастерьевъ никогда не могли перешагнуть этихъ узкихъ границъ.

Если такимъ образомъ въ прежнее время государство и общество были ограждены отъ притязаній низшихъ слоевъ населенія прочной неприступной стѣной, то свобода современнаго государственнаго строя западной Европы дала народу возможность разрушить эту до тѣхъ поръ непоколебимую преграду. Сознаніе этой возможности само собою повело къ тому, что широкіе слои населенія вышли изъ своего прежняго равнодушія, такъ что, раньше или позже, движеніе низшихъ классовъ народа во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ стало въ такой же степени общимъ, какъ была до сихъ поръ ихъ безучастность.

Но для формы и характера этого движенія, для его требованій и цѣлей наибольшее значеніе имѣла современная промышленная техника, опредѣляющимъ признакомъ которой является капиталистическій способъ производства. Этотъ способъ имѣетъ мѣсто повсюду, гдѣ одинъ индивидуальный капиталъ занимаетъ одновременно значительное число рабочихъ производствомъ однороднаго товара.

Въ историческомъ отношеніи капиталистическое производство имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ домашнюю промышленность, которая съ наступленіемъ новаго времени начала развиваться наряду съ цехо-

вымъ ремесломъ, когда маленькія замкнутыя экономическія области городскихъ общинъ превратились въ крупныя территоріи съ единой администраціей, и когда открытіе новыхъ колоніальныхъ областей вызвало грандіозный подъемъ международной торговли. Были вызваны къ жизни потребности, которымъ не могла удовлетворить старая цеховая организаціи, и домашнее производство явилось новой организаціонной формой обрабатывающей промышленности. Для этого производства характерно существованіе предпринимателя, снабжающаго извѣстное число работниковъ заказами, которые тѣми исполняются на дому. Такимъ образомъ, въ техническомъ отношеніи тутъ еще господствуетъ ремесленный способъ производства.

Все таки, если не по способу производства, то по способу сбыта домашняя промышленность является прогрессомъ по сравненію съ ремесломъ. Ремесленникъ продаетъ свой товаръ непосредственно тому лицу, которое въ немъ нуждается; въ домашнемъ производствѣ между производителемъ и потребителемъ стоитъ по крайней мѣрѣ одинъ посредникъ, именно раздатчикъ работы. И въ то время, какъ отдѣльный ремесленникъ сбываетъ только незначительное количество товара, обыкновенно на ближайшій рынокъ, — раздатчикъ направляетъ цѣлыя массы товаровъ на одинъ или нѣсколько, близкихъ или отдаленныхъ рынковъ. Поэтому по отношенію къ сбыту домашняя промышленность является крупнымъ производствомъ, вполнѣ приспособленнымъ къ снабженію товаромъ далекихъ рынковъ. И именно потому, что здѣсь съ привычной издавна формой заготовки товара по мелочи соединилась болѣе совершенная форма сбыта его крупными партіями, именно потому такой видъ производства явился наиболѣе удобной формой, которая при наименьшихъ измѣненіяхъ существующаго строя могла бы удовлетворить потребности новаго времени въ болѣе интенсивномъ междуобластномъ и международномъ товарообмѣнѣ. Люди, обладавшіе нѣкоторымъ капиталомъ и имѣвшіе достаточно чутья, чтобы вѣрно оцѣнить направленіе новаго спроса и размѣры платежеспособности потребителей, взяли дѣло въ свои руки, навербовали ремесленниковъ изъ нецеховыхъ поденьщиковъ городовъ и незанятаго сельскаго населенія, и вызвали къ жизни новую организацію.

Домашняя промышленность возникла въ Англіи еще до конца XV вѣка; тамъ она должна была удовлетворять потребностямъ суконнаго производводства, работавшаго для вывоза и крупныхъ рынковъ (см. выше, стр. 105). Затѣмъ эта форма производства все болѣе распространялась, и въ Англіи почти до конца XVIII вѣка была обычной формой важнѣйшихъ отраслей промышленности, разсчитанныхъ на массовый сбытъ. Равнаго значенія домашнее производство не достигло нигдѣ болѣе; но всетаки въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи оно до извѣстной степени преобладало и во Франціи и въ государствахъ Германіи. Возникали такимъ образомъ цѣлыя крупныя области домашняго производства, новая форма труда по праву считалась крупнымъ шагомъ впередъ и ея инициаторы чествовались какъ благодѣтели народа. Такъ напримѣръ І. І. Бехеръ, важнѣйшій германскій писатель той эпохи по экономическимъ вопросамъ, говоритъ: „Есть примѣры, что благодаря ихъ дѣятельности расцвѣтали цѣлые города и получали средства къ жизни многія тысячи народа. Они увеличиваютъ населенность и зажиточность страны, являются полезными членами общества, ставящими себѣ цѣлью умножить и пропитать societatem civilem (гражданское общество). И еще Фридрихъ Великій (см. стр. 124 и 125) имѣлъ право называть силезскіе округа ткачей своимъ прусскимъ Перу.

Мы замѣтили выше, что въ домашней промышленности техника сохранила старый ремесленный характеръ; но измѣненіе въ способѣ сбыта продуктовъ все таки было сопряжено съ важными соціальными послѣдствіями. Правда, и при домашнемъ производствѣ мастеръ часто работаетъ еще со своими подмастерьями, является собственникомъ инструментовъ, а

иногда и части сырого матерьяла, совершенно какъ ремесленный мастеръ; но онъ уже не сбываетъ своего продукта различнымъ потребителямъ, а сдаетъ ихъ за условленную заранѣе плату либо капиталистическому предпринимателю, либо его посредникамъ, факторамъ, которые распредѣляютъ сырой матеріалъ, надзираютъ за исполненіемъ заказа, собираютъ готовый продуктъ и производятъ разсчетъ. Такимъ образомъ производитель еще остается господиномъ своего очага, но по существу онъ уже продаетъ трудъ, подчиняется полученному заказу и стоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ предпринимателю, какъ рабочій къ работодателю. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ производитель не могъ уже сохранить по отношенію къ капиталисту той независимости, какую имѣлъ ремесленникъ по отношенію къ своимъ потребителямъ; съ теченіемъ времени онъ постепенно нисходитъ на положеніе простого рабочаго, тогда какъ предприниматели пользуются огромной прибылью, какую можетъ давать производство, разсчитанное на правильный сбытъ. „Съ одной стороны люди, которые знаютъ свѣтъ, которые своимъ знакомствомъ съ рынками и платежеспособностью избавляютъ мелкаго производителя отъ заботы о сбытѣ, которые находятъ сбыть при помощи путешествій, связей, кредита, и могутъ легче производителя справляться съ отдѣльными неудачами, которые доступнѣе техническимъ усовершенствованіямъ, обладая болѣе высокимъ образованіемъ и большей подвижностью взглядовъ; съ другой стороны ремесленники, крестьяне, мелкіе мѣщане, горцы, женщины и дѣти, которые рады найти работу, наряду со своимъ ремесломъ занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, идутъ на лѣсные промыслы и поденьщину, съ ограниченнымъ кругозоромъ, съ бѣдными техническими приспособленіями, безъ особаго капитала, безъ раздѣленія труда, трудно доступные всякимъ новшествамъ, цѣпкіе приверженцы рутины. Поэтому домашній производитель почти всегда стоитъ въ невыгодныхъ условіяхъ для конкурренціи съ предпринимателемъ, который знаетъ дѣло и можетъ выжидать, опираясь на свой капиталъ“ (Густавъ Шмоллеръ).

Результатомъ такого положенія дѣлъ явилось ухудшеніе соціальныхъ отношеній, которое въ началѣ, когда главное вниманіе односторонне обращалось на увеличеніе сбыта и интересы предпримателей, не могло получить надлежащей оцѣнки: во первыхъ низкая заработная плата для этихъ домашнихъ производителей; далѣе, эксплуатація отдѣльныхъ и потому беззащитныхъ работниковъ „факторами“: прижимки въ уплатѣ, растовщическій разсчетъ товарами, обманы въ расцѣнкѣ доставленнаго сырого матеріала; наконецъ при неблагопріятныхъ конъюнктурахъ, — потерѣ старыхъ рынковъ и тому подобныхъ затрудненіяхъ, — крайняя нужда именно въ средѣ этихъ работниковъ, потому что они, вынужденные использовать не только свою рабочую силу, но и рабочіе инструменты, составляющіе большей частью ихъ единственное достояніе, должны принимать работу за всякую плату, хотя бы она была едва достаточна для самаго бѣдственнаго существованія. Такимъ образомъ дошло до того, что въ концѣ концовъ извѣстныя области домашней промышленности стали первыми очагами современной массовой бѣдности.

Кромѣ домашней промышленности потребностямъ крупныхъ рынковъ выступила на встрѣчу еще новая форма производства: мануфактура, развивавшаяся, впрочемъ, медленнѣе первой. Признакомъ ея является занятіе предпринимателемъ значительнаго числа рабочихъ для производства товара въ общемъ помѣщеніи. Поэтому она основывается не только на оптовомъ сбытѣ, какъ домашняя промышленность, но и на оптовомъ производствѣ. Послѣдствія этой формы труда, чрезвычайно важныя, по Марксу выражаются примѣрно въ слѣдующемъ. Во первыхъ тамъ, гдѣ много рабочихъ заняты производствомъ одного продукта, часто является возможность провести въ мастерской широкое раздѣленіе труда. Изъ из-

дѣлія самостоятельнаго ремесленника, вырабатывающаго разныя части и предметы, продуктъ обращается въ издѣлія нѣкотораго числа работающихъ совмѣстно ремесленниковъ, изъ которыхъ каждый постоянно исполняетъ одну и ту же часть этой работы. Часы, которые при цеховомъ строѣ являлись индивидуальнымъ созданіемъ какого нибудь нюрнбергскаго ремесленника, въ эпоху мануфактуры дѣлаются продуктомъ группы частичныхъ работъ: одинъ обрабатываетъ сырой матеріалъ, другіе дѣлаютъ пружину, циферблаты, спирали, стрѣлки, коробки, винты; есть и позолотчикъ, и пригонщикъ который собираетъ всѣ эти части и выпускаетъ готовые часы. Работа все еще ведется въ ручную и потому зависитъ отъ силы, ловкости, смышленности и увѣренности отдѣльнаго рабочаго. Но такъ какъ каждый изъ нихъ теперь прикованъ къ какой нибудь отдѣльной, постоянной работѣ, то мануфактура вызываетъ виртуозность въ выдѣлкѣ деталей. Если уже по этому основанію мануфактурное производство могло давать большее количество товара при меньшемъ количествѣ работы, то въ томъ же направленіи вліяла и возникшая спеціализація инструментовъ; такъ какъ рабочія орудія теперь приспособлялись къ исключительнымъ потребностямъ той или другой части производства, то они получили большее совершенство, чѣмъ прежде, и тоже должны были повысить продуктивность работы.

Далѣе, такъ какъ результатъ работы одного участника является исходнымъ пунктомъ для работы другого, то для непрырывнаго хода общей работы необходимо, чтобы въ каждой части производства одновременно достигались соотвѣтственные результаты, чтобы все производство совершалось по опредѣленному плану. Эта взаимная зависимость заставляетъ каждаго отдѣльнаго работника выполнять свою задачу въ самое короткое время, чѣмъ достигается такая непрерывность, равномѣрность и правильность, а потому и интенсивность работы, какая была совершенно незнакома самостоятельному ремесленнику.

Далѣе, благодаря расчлененію общей задачи на простыя и сложныя, мелкія и важныя операціи, явилась возможность распредѣлять производство между рабочими сообразно ихъ врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ способностямъ. Образуется іерархія рабочихъ силъ, и соотвѣтственно ей разныя степени заработной платы. Конечно, производительность только выиграетъ, если капиталистъ „можетъ достать какъ разъ то количество силы и способности, которое соотвѣтствуетъ каждой операціи". Далѣе въ каждомъ производствѣ есть еще рядъ простыхъ обязанностей, которыя каждый можетъ выполнить безъ всякой подготовки. И эти обязанности теперь, когда всѣ операціи работы разлагаются на мельчайшіе элементы, дѣлаются исключительной спеціальностью отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ мануфактура производитъ классъ неученыхъ рабочихъ, которые строго исключались изъ ремесленнаго производства. Въ мануфактурѣ этимъ путемъ смогъ найти примѣненіе и дешевый женскій и дѣтскій трудъ.

Мануфактуры въ болѣе крупныхъ размѣрахъ возникли въ Англіи съ послѣдней трети шестнадцатаго столѣтія и въ слѣдующія двѣсти лѣтъ значеніе ихъ безпрерывно возрастало. Такъ какъ старое устройство городовъ (corporate towns) и ихъ цеховое уложеніе препятствовали учрежденію мануфактуръ, то онѣ предпочтительно устраивались въ вывозныхъ портахъ или внѣ городовъ, въ областяхъ, подчиненныхъ только правительственному контролю. Правительство, слѣдуя догматамъ меркантилистовъ (см. стр. 112) поощряло эти предпріятія, гдѣ только была возможность, защитными пошлинами и вывозными преміями, запрещеніемъ производства извѣстныхъ мануфактурныхъ товаровъ въ колоніяхъ и тому подобными мѣропріятіями. Той же политики по отношенію къ мануфактурамъ держались и другія государства Европы

Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ слишкомъ высоко оцѣнивать тогдашняго значенія мануфактуръ: даже въ восемнадцатомъ столѣтіи онѣ, какъ категорически констатировалъ Марксъ, далеко не вполнѣ овладѣваютъ національнымъ производствомъ передовыхъ культурныхъ государствъ, и все еще опираются, какъ искусственное созданіе экономическаго строя, на широкую основу городского ремесла и побочныхъ домашнихъ промысловъ крестьянства. Даже въ Англіи, гдѣ мануфактуры достигли высшаго развитія, имъ никогда не удавалось овладѣть положеніемъ настолько, чтобы одолѣть старые законы объ ученикахъ съ ихъ семилѣтнимъ срокомъ ученичества (см. стр. 106).

Но дойдя до извѣстной степени техническаго развитія, мануфактура открыла наконецъ средства, которыя могли совершенно преобразовать ея характеръ. Она достигла совершенства въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя занимались изготовленіемъ рабочихъ инструментовъ и именно входившихъ уже въ употребленіе сложныхъ механическихъ аппаратовъ. Наконецъ появилось производство машинъ, въ которыя вносились постоянно новыя усовершенствованія: съ этого времени начинается медленное и непрерывное преобразованіе большей части мануфактурныхъ предпріятій въ заведенія съ машиннымъ производствомъ (см. стр. 119). Оно то и наложило рѣзкую печать на промышленную дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на общественный строй девятнадцатаго вѣка.

Машина, со введеніемъ которой такимъ образомъ начинается новая эра въ технически-экономическомъ развитіи современнаго культурнаго міра, отличается отъ прежняго орудія производства, ручного инструмента, прежде всего въ чисто техническомъ отношеніи; являясь гораздо болѣе совершенной формой орудія, допуская въ необычайной степени пользованіе механическими движущими силами (вѣтеръ, вода, паръ, электричество) и дѣлая возможнымъ колоссальное повышеніе рабочей производительности. Адамъ Смитъ еще хвалебно отзывается, что въ мануфактурѣ десять человѣкъ могутъ приготовить ежедневно 48,000 иголокъ, а Карлъ Марксъ уже безъ всякаго изумленія передаетъ, что машина для изготовленія иголокъ производитъ ихъ въ день 145,000 штукъ, и что, слѣдовательно одна женщина обыкновенно надзирающая за четырьмя такими машинами, при ихъ помощи изготовляетъ ежедневно 600,000 иголокъ.

Все таки различіе между машиной и ручнымъ инструментомъ съ технической точки зрѣнія только количественное, тогда какъ съ соціальной точки зрѣнія это различіе уже является качественнымъ. При такомъ взглядѣ на вопросъ рѣшающимъ является положеніе рабочаго при томъ или другомъ способѣ производства, и тогда обнаруживается (какъ показалъ въ исчерпывающемъ изслѣдованіи Адольфъ Гельдъ), что положеніе рабочаго, занятаго при машинѣ, какъ по роду дѣятельности, такъ и по мѣсту, занимаемому имъ въ крупномъ производствѣ, существенно отличается отъ положенія рабочаго, занятаго ручнымъ трудомъ. Молотокъ, напилокъ, — все это простые инструменты. Пользованіе ими развиваетъ силу, упражненіе вырабатываетъ извѣстную ловкость въ органахъ человѣка, который своими движеніями заставляетъ двигаться орудіе. Поэтому работникъ можетъ считать орудіе чѣмъ то вродѣ своего собственнаго усовершенствованнаго органа и чувствовать себя господиномъ его. Въ этомъ смыслѣ и прялка, и ручной ткацкій станокъ тоже инструменты, потому что рабочій все таки владѣетъ этими орудіями, которыя и предназначены только къ тому, чтобы содѣйствовать его ручному труду. Гдѣ орудіе труда доставляетъ больше, чѣмъ только это содѣйствіе, тамъ оно уже является машиной. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ дѣло съ машиной тогда, „когда дѣятельность человѣка направлена въ сторону, совершенно уклоняющуюся отъ движенія, являющагося результатомъ дѣйствія аппарата“ (Адольфъ Гельдъ). Поэтому локомотивъ — машина, такъ

какъ пріемы кочегара и машиниста сове шенно несравнимы съ получаемымъ результатомъ: движеніе по рельсамъ нагруженнаго поѣзда.

Поэтому Марксъ можетъ выразить различіе между инструментомъ и машиной (и въ связи съ этимъ, между мануфактурой и фабрикой) вкратцѣ въ такомъ видѣ: въ мануфактурѣ и ремеслѣ работникъ пользуется инструментомъ, на фабрикѣ онъ служитъ машинѣ; тамъ отъ его воли зависитъ движеніе прибора, здѣсь онъ долженъ слѣдовать движенію машины; однимъ словомъ, изъ пожизненной спеціальности владѣть какимъ либо частнымъ орудіемъ, дѣлается пожизненная спеціальность служить какой либо частной машинѣ. Въ періодъ мануфактурнаго производства основой остается, хотя и въ раздробленномъ видѣ, ручной способъ. Рабочіе являются слѣдовательно членами живого механизма. На фабрикѣ, независимо отъ нихъ, существуетъ мертвый механизмъ, въ который рабочіе включаются, какъ живые придатки" (Карлъ Марксъ). Въ этомъ смыслѣ Андрью Юръ, первый философъ фабричнаго вопроса, опредѣляетъ фабрику, какъ большой автоматъ, составленный частью изъ механическихъ, частью изъ сознательныхъ органовъ, дѣйствующихъ согласно и непрерывно, для производства одного и того же предмета.

Своеобразное развитіе совмѣстнаго производства въ этой формѣ промышленности повело къ тому, что въ фабрикѣ окончательно проявились многія особенности, которыя въ мануфактурѣ были только намѣчены. Такъ, здѣсь впервые окончательно установилось устраненіе всѣхъ духовныхъ дарованій процесса производства отъ матеріальнаго труда; всѣ фазы работы раздѣлены на элементарныя части, то есть до простѣйшихъ движеній; проведенъ принципъ исполненія отдѣльныхъ задачъ особыми, соотвѣтственно одаренными дѣятелями (начиная отъ какого нибудь доктора химіи. вплоть до простого неумѣлаго парня или малолѣтняго ребенка). Все это вмѣстѣ, въ свою очередь, дѣлаетъ необходимой казарменную дисциплину и въ связи съ нею постоянную равномѣрную интенсивность работы, такъ какъ иначе фабричное производство, съ его разнородными рабочими и связанными между собой отдѣльными фазами работы, не было бы въ состояніи правильно функціонировать. Итакъ, человѣкъ здѣсь долженъ отречься отъ своихъ нерегулярныхъ рабочихъ привычекъ и сравняться съ неизмѣнной правильностью дѣйствія производительныхъ машинъ. Поэтому Юръ имѣлъ право говорить о „миріадахъ подданныхъ," которыхъ собираетъ вокругъ себя сила пара въ большихъ мастерскихъ. Но именно это обстоятельство, при значительномъ увеличеніи продуктивности, способствовало успѣху машины и фабрики. Небывалая до тѣхъ поръ равномѣрность, непрерывность, правильность и быстрота производства удовлетворяла всѣмъ требованіямъ товарной торговли, служащей потребностямъ международныхъ рынковъ.

Важнѣйшія изобрѣтенія машинъ, положившія начало новой фабричной эрѣ, были сдѣланы во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ новой еще области хлопчатобумажнаго производства. Этому промышленному перевороту предшествовало изобрѣтеніе „ленточной мельницы", служившей для тканья лентъ и тесьмы. Она была въ ходу въ Данцигѣ еще въ XVI вѣкѣ, но была запрещена городскимъ совѣтомъ за ущербъ, который причиняла конкуррирующимъ ремесленникамъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ машина была выставлена въ Лейденѣ (instrumentum textorium, quo solus quis plus panni et facilius conficere poterat, quam plures aequali tempore;" „ткацкій инструментъ, на которомъ одинъ человѣкъ могъ сдѣлать больше лентъ и легче, чѣмъ нѣсколько въ равное время", Боксгорнъ) и здѣсь, послѣ неоднократныхъ запрещеній совѣта, была наконецъ разрѣшена Генеральными штатами. Въ Германіи же ея употребленіе было запрещено, сначала городскими, потомъ императорскими указами, остававшимися въ силѣ еще до половины XVIII вѣка, тогда какъ въ Англіи уже задолго

до того удалось добиться введенія этой машины, несмотря на то, что она вызвала волненія среди потерпѣвшихъ убытки ремесленниковъ и потерявшихъ работу подмастерьевъ.

Съ послѣдней трети восемнадцатаго вѣка послѣдовали затѣмъ изобрѣтенія прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, предвѣстницей которыхъ и была наша „ленточная мельница". Около 1765 года изобрѣтена прядильная машина (такъ называемая „Дженни"), которая приводила въ движеніе сначала шесть, а потомъ даже двадцать пять веретенъ. Но эту машину еще можно было установить въ простой мастерской. Напротивъ, устроенная вскорѣ послѣ этого Аркрайтомъ „водяная рама", машина, дѣйствовавшая паромъ и водою и гораздо болѣе продуктивная, требовала уже для установки особаго фабричнаго зданія. Въ 1768 году тотъ же Аркрайтъ устроилъ въ Ноттингемѣ первую фабрику (см. стр. 119). Новая форма производства быстро прививается въ предѣлахъ Великобританіи. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ Англіи и Шотландіи возникло цѣлыхъ сто сорокъ двѣ большихъ бумагопрядильни, въ которыхъ 92,000 работниковъ приводили въ движеніе болѣе двухъ милліоновъ веретенъ и производили пряжи болѣе чѣмъ на семь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Машинная техника шла быстрыми шагами къ совершенству. Съ 1790 года, когда Уаттъ изобрѣлъ свою паровую машину (см. стр. 119), фабрики уже не связаны, какъ до тѣхъ поръ, пользованіемъ силой воды и могутъ основываться повсюду, а не только на берегахъ рѣкъ, какъ было раньше. Съ этого времени начинается концентрація фабрикъ въ городахъ. Въ 1803 году была изобрѣтена „dressing frame", которая позволяла одному ребенку управлять одновременно двумя ткацкими станками и изготовлять примѣрно втрое больше ткани, чѣмъ могъ бы сдѣлать прилежный ткачъ на ручномъ станкѣ.

Постепенно и другія отрасли промышленности: производство шерстяныхъ, льняныхъ тканей, металлургія, литейное, горное дѣло принимаютъ участіе въ развитіи машинной техники и совершаютъ переходъ къ фабричному производству (см. очерки исторіи англійской промышленности Адольфа Гельда и Вильгельма Стида).

Б. **Непосредственныя слѣдствія капиталистическаго производства.**

Возникновеніе фабричнаго способа производства оказало самое широкое вліяніе на промышленный и общественный строй. Въ очень важныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, особенно въ бумаготкацкомъ и прядильномъ дѣлѣ, фабрика выказала значительное превосходство надъ прежними домашними и ремесленными способами производства. Въ этихъ отрасляхъ ремесло было вскорѣ устранено или низведено на степень ничтожества. Домашнее производство, благодаря своеобразной организаціи, оказалось значительно жизнеспособнѣе. Если фабричное машинное производство понизило стоимость выдѣлки товара, то въ домашней индустріи предприниматель могъ получить тотъ же результатъ пониженіемъ заработной платы и эксплоатаціей добавочнаго труда домашняго рабочаго и всей его семьи. Такимъ образомъ въ форму домашней индустріи вкрались въ широкихъ размѣрахъ тѣ злоупотребленія, которыя съ тѣхъ поръ тяготѣли на ней, какъ проклятіе: возможность ихъ объясняется тѣмъ, что работники должны были мириться со всякимъ ухудшеніемъ условій быта, такъ какъ для нихъ были закрыты всѣ остальные исходы. Поэтому нѣтъ большого преувеличенія въ отзывѣ Маркса, что во всемірной исторіи нѣтъ зрѣлища болѣе ужаснаго, чѣмъ постепенная, тянувшаяся десятилѣтія и завершившаяся въ 1838 году гибель англійскихъ ручныхъ ткачей, изъ которыхъ многіе со своими семьями влачили жалкое суще-

ствованіе на $2^1/_2$ пенса въ день. Таково было дѣйствіе фабричнаго способа производства на работниковъ конкуррирующихъ предпріятій

Не менѣе пагубно было въ началѣ это вліяніе и на самыхъ фабричныхъ рабочихъ. Прежде всего, новая система раздѣленія труда впервые сдѣлала возможнымъ примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ постояннаго фабричнаго труда женщинъ и дѣтей, а этотъ трудъ былъ чрезвычайно выгоденъ для фабриканта, потому что обходился ему гораздо дешевле труда взрослыхъ мужчинъ. „По скольку машины дѣлаютъ ненужной мускульную силу, онѣ дѣлаются средствомъ примѣнять рабочихъ слабосильныхъ и недостаточно развитыхъ физически, но обладающихъ большей гибкостью членовъ. Поэтому женскій и дѣтскій трудъ былъ первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ“ (Марксъ).

Разумѣется было очень выгодно добиться отъ этихъ дешевыхъ и наименѣе способныхъ къ сопротивленію рабочихъ силъ наиболѣе продолжительнаго рабочаго времени. Соотвѣтственные факты приводитъ одинъ англійскій оффиціальный отчетъ: „Фактически установлено, что до изданія закона въ защиту малолѣтнихъ рабочихъ (1833 г.), дѣти и подростки должны были работать цѣлый день, цѣлую ночь, или день и ночь ad libitum“. Джонъ Фильденъ, либеральный филантропъ изъ средняго сословія, писалъ: „Въ Дербиширѣ, Ноттингемширѣ и особенно въ Лэнкаширѣ новоизобрѣтенныя машины были установлены на фабрикахъ вдоль потоковъ, которые могли приводить въ движеніе водяныя колеса. Внезапно въ этихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ городовъ, потребовались тысячи рукъ. Тотчасъ выработалось обыкновеніе выписывать себѣ учениковъ изъ лондонскихъ, бирмингамскихъ и иныхъ приходскихъ рабочихъ пріютовъ. Такимъ образомъ на сѣверъ пересылались цѣлыя тысячи этихъ маленькихъ безпомощныхъ существъ въ возрастѣ отъ семи до четырнадцати лѣтъ. Фабрикантъ обязывался одѣвать, кормить своихъ учениковъ и отводить имъ особое помѣщеніе по близости отъ фабрики. Были назначены надзиратели для присмотра за ихъ работой; такъ какъ высота жалованья зависѣла отъ продуктивности работы, то личный интересъ побуждалъ надсмотрщиковъ до крайности напрягать силы своихъ малолѣтнихъ невольниковъ. Въ результатѣ непомѣрная работа замаривала дѣтей до смерти; во многихъ случаяхъ они отъ голода худѣли до костей, а на работу ихъ гнала плеть. Барыши фабрикантовъ были огромны, но это только раздражало ихъ волчій голодъ. Они ввели въ практику ночную работу, то есть, утомивъ дневнымъ трудомъ одну партію рабочихъ рукъ, они держали на готовѣ другую партію для ночной смѣны; дневная группа отправлялась въ постели, только что покинутыя ночной партіей, и vice versa. Народъ въ Лэнкаширѣ увѣрялъ, что эти постели никогда не успѣвали остыть“.

Работа взрослыхъ мужчинъ, которые не имѣли организаціи и не чувствовали еще себя, какъ впослѣдствіи, единымъ цѣлымъ, тоже зачастую растягивалась до непомѣрныхъ предѣловъ; серьезные писатели этого времени находили справедливымъ признать, что англійскій фабричный рабочій низведенъ на ступень низшую, чѣмъ вестиндскій невольникъ. Но даже это скромное существованіе не было обезпечено рабочему на продолжительное время: безъ его вины наступала безработица и обрекала его на нужду, иногда въ концѣ концовъ приводила и къ преступленію. Разумѣется въ исторіи всѣхъ культурныхъ странъ наблюдались во всѣ времена случаи отсутствія работы для работоспособныхъ и готовыхъ трудиться людей; но только со времени развитія современнаго технически-экономическаго строя и установленія соотвѣтствующаго ему правопорядка, это зло, по крайней мѣрѣ временами, принимаетъ небывалые размѣры. Это стоитъ въ связи съ частотой наступленія неблагопріятныхъ конъюнктуръ и кризисовъ. Послѣдніе состоятъ главнымъ образомъ въ невозможности сбыть массу произведеннаго товара по прежней или хотя близкой къ ней цѣнѣ, а иногда

и въ невозможности даже вообще выгодно продолжать фабрикацію въ прежнихъ размѣрахъ. Продавцы, фабриканты и купцы терпятъ тяжелые убытки, иногда совершенно разоряются; во всякомъ случаѣ, приходится сократить размѣры производства, и тысячи рабочихъ неожиданно остаются безъ мѣста.

Кризисы, какъ типическое явленіе, стали возможными только при современномъ экономическомъ строѣ, когда повсюду господствуетъ производство для мірового рынка или для неизвѣстнаго покупателя, а не для знакомаго и постояннаго спроса опредѣленнаго потребителя, какъ было раньше. Поэтому каждая причина, которая быстро понижаетъ спросъ на какой нибудь товаръ или повышаетъ производство за предѣлы спроса, необходимаго для покрытія доходовъ (включая обычную прибыль), необходимо должна вызвать паденіе цѣнъ и кризисъ сбыта. Явленіе кризиса можетъ быть, слѣдовательно, вызвано несчетнымъ числомъ причинъ, такъ какъ вообще поводомъ къ паденію цѣнъ можетъ явиться все, что подрываетъ порядокъ производства, потребленія, распредѣленія, устойчивость обращенія, финансовъ или кредита. Такіе кризисы бываютъ иногда спеціальными, поражающими отдѣльныя отрасли производства, или общими, затрогивающими всю торговлю, промышленность и индустрію и даже имѣющими международный характеръ. Послѣдняго рода кризисамъ обыкновенно предшествуетъ повышеніе цѣнъ, вызывающее повсюду довѣріе къ благопріятнымъ конъюнктурамъ рынка и потому ведущее къ лихорадочному напряженію производства. Наконецъ наступаетъ моментъ, когда накопляется такое количество произведенныхъ товаровъ, что сбытъ ихъ по требуемой цѣнѣ становится невозможнымъ; тогда разражается буря; паника дѣлается столь же общей, какъ было передъ этимъ довѣріе. Но этимъ дана только характеристика острыхъ кризисовъ.

Между тѣмъ не меньшее значеніе для девятнадцатаго столѣтія имѣютъ хроническіе кризисы, развивающіеся обыкновенно въ связи съ происходящимъ во многихъ отрасляхъ вытѣсненіемъ ремесла и домашней индустріи фабричнымъ производствомъ; менѣе совершенный по техникѣ способъ производства становится убыточнымъ и только часть рабочихъ можетъ найти себѣ мѣсто въ заведеніяхъ, побѣдоносно вышедшихъ изъ конкуренціи. Подобная же опасность хроническаго кризиса кроется для промышленности, работающей для вывоза, въ возможности постепеннаго усиленія иностранной конкуренціи. Въ первой трети истекшаго столѣтія на освобожденіе рабочихъ силъ вліяло и то обстоятельство, что новыя техническія изобрѣтенія слѣдовали быстрой чередой и часто устраняли неожиданно необходимость ручной работы; такимъ образомъ „теперь, когда машинное производство въ общемъ совершенно завладѣло всей доступной для него областью и рабочее населеніе приспособилось къ новымъ формамъ производства, условія для ищущихъ работы гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ то время, когда машина только что начинала свое побѣдоносное шествіе и ручная работа еще пыталась вести съ нею безнадежную борьбу“ (Вильгельмъ Лексисъ).

Послѣ всего вышеизложеннаго мы не будемъ удивляться, что въ эпоху, когда все зло, принесенное новой экономической системой, выступало особенно ярко, „царственный купецъ“ Робертъ Пиль старшій (1750—1830 г.), жаловался въ своемъ докладѣ парламенту, что „тѣ великія изобрѣтенія британскаго генія, которыя довели машинную работу на нашихъ фабрикахъ до такого совершенства, вмѣсто того, чтобы быть благословеніемъ для націи, грозятъ стать ея жесточайшимъ проклятіемъ“.

2. Соціальный вопросъ въ Англіи.

А. **Неполитическій соціализмъ Роберта Овена.**

Рабочее сословіе выразило свой первый протестъ противъ злоупотребленій фабричной системы въ самой грубой формѣ: нападеніями на фабрикантовъ, разрушеніемъ фабрикъ и особенно машинъ, въ которыхъ часто видѣли причину всего зла. Лишь постепенно это инстинктивное возмущеніе пролетаріата противъ фабричнаго капитала приняло форму стачекъ. Но раньше возникло, исходя изъ филантропической точки зрѣнія, движеніе, которое стремилось излечить общественные недуги проектомъ радикальныхъ реформъ.

Робертъ Овенъ (1771—1858 г., портретъ его на таблицѣ при стр. 411), „selfmade-man", какъ выражаются англичане, въ молодости занялъ видное положеніе компаньона въ большой бумагопрядильнѣ въ Нью-Лэнаркѣ (Шотландія) и здѣсь, въ ограниченной сферѣ дѣятельности, пытался бороться съ описанными неурядицами путемъ обдуманнаго попеченія о рабочихъ; онъ удалилъ съ фабрики дѣтей моложе десяти лѣтъ, ограничилъ рабочее время для взрослыхъ десятью часами въ сутки, устроилъ для рабочихъ здоровыя жилища и сады, содѣйствовалъ пріобрѣтенію сообща съѣстныхъ припасовъ и другихъ товаровъ, ввелъ безвозмездный уходъ за больными и наконецъ, когда работы на фабрикѣ пришлось пріостановить на нѣсколько мѣсяцевъ за неполученіемъ запаса хлопчатой бумаги, платилъ рабочимъ, не по своей винѣ оставшимся безъ дѣла, полное жалованье.

Но хотя фабрика Овена, доставлявшая порядочную прибыль несмотря на всѣ издержки этого попеченія о рабочихъ, прославилась во всей Европѣ, и стала мѣстомъ, которое посѣщали филантропы, государственные дѣятели и даже монархи, все таки данный Овеномъ примѣръ только въ исключительныхъ случаяхъ нашелъ себѣ подражаніе среди фабрикантовъ. Этотъ фактъ привелъ Овена къ заключенію, что только государственное законодательство имѣетъ силу прекратить всѣ злоупотребленія. Такимъ образомъ Овенъ былъ первымъ, поднявшимъ требованіе законодательной регламентаціи фабричнаго дѣла (1813) и начавшимъ оживленную агитацію по этому вопросу. Съ 1817 года онъ съ особымъ увлеченіемъ отдается рѣшенію проблемы о борьбѣ съ безработицей, которая именно въ то время, когда обнаружился первый крупный торговый кризисъ на англійской почвѣ, представляла наибольшій интересъ для мыслителей. Его предложеніе, примыкавшее къ болѣе старому, выставленному Джономъ Беллерсомъ, сводилось къ требованію, чтобы государство устроило всѣхъ работоспособныхъ, но безработныхъ людей въ особыхъ заведеніяхъ, гдѣ можно было бы организовать сельскохозяйственный и ремесленный трудъ. Развивая далѣе эту мысль, Овенъ пришелъ къ концепціи своей соціальной системы, и съ этихъ поръ слабѣетъ его интересъ къ улучшенію участи рабочихъ „мелкими средствами".

Основу системы Овена, детально разработанной въ двухъ сочиненіяхъ: „A new view of society" (1813 г.) и „A book of the new moral world" (1836—44 г.), представляетъ положеніе, что характеръ каждаго человѣка въ существенной степени опредѣляется подходящимъ воспитаніемъ и соотвѣтственными условіями обстановки; Овенъ даже высказываетъ мнѣніе, что „дѣтямъ можно воспитаніемъ привить какой угодно нравственный и умственный строй, лишь бы онъ прямо не противорѣчилъ человѣческой природѣ". Въ настоящее время, къ сожалѣнію, не примѣняется никакихъ мѣръ, чтобы удержать людей отъ слѣпого подчиненія своимъ страстямъ:

въ результатѣ, извращенность современнаго мірового порядка, съ общей очевидностью обнаруживающаяся въ бѣдственномъ состояніи рабочаго пролетаріата. А основная причина того, что до сихъ поръ пренебрегали принятіемъ какихъ либо мѣръ, лежитъ въ отсутствіи яснаго сознанія въ средѣ правящаго класса: ему, именно, не было извѣстно, каковы тѣ надлежащія средства, которыми можно усовершенствовать человѣческій характеръ. Но теперь, продолжаетъ Овенъ, эти средства всѣмъ ясны, послѣ того какъ въ Нью-Лэнаркѣ удалось поднять служащихъ моральнымъ воспитаніемъ на высшую нравственную ступень: все дѣло только въ томъ, что людей нужно направить къ тому, чтобы они вѣрно поняли, въ чемъ заключается личное благо, къ которому всѣ они стремятся; именно въ томъ, чтобы каждый дѣйствовалъ такъ, какъ того требуетъ благо общества! Ранѣе этотъ высшій законъ, управляющій міромъ, не былъ извѣстенъ; но теперь онъ открытъ, и каждый можетъ легко убѣдиться въ томъ, что личное благо человѣка можетъ увеличиться только въ той степени, въ какой самъ онъ дѣятельно трудится на благо всѣхъ своихъ ближнихъ. Если только удастся усвоить эти основные принципы, то легко найти спеціальныя средства, которыми можно создать высшую сумму блага какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго человѣчества. Уже изъ этого положенія ясно, что Овенъ является наслѣдникомъ философовъ восемнадцатаго вѣка, раздѣляющимъ ихъ раціоналистическія и утилитаріанскія воззрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ высокопарный и неисправимый оптимизмъ. Онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти сухіе принципы религіи и морали въ состояніи возродить міръ. „Тутъ“, возвѣщалъ онъ, „у насъ есть прочная основа, на которой мы можемъ создать жизненную, чистую и не запятнанную религію, и притомъ единственную, которая, не испытывая сопротивленія зла, можетъ доставить человѣку покой и счастье“.

Однако Овенъ былъ слишкомъ большимъ знатокомъ практической жизни и ея потребностей, чтобы быть въ состояніи удовольствоваться, подобно идеологамъ XVIII вѣка, этико-педагогическими требованіями. Напротивъ, онъ вполнѣ отчетливо сознавалъ, что даже моральный человѣкъ, если ему не доставить возможности существовать своимъ трудомъ, подпадетъ вліянію искушенія. Поэтому Овенъ нашелъ необходимымъ наряду со своей системой воспитанія выставить и проектъ государственной организаціи труда. Проектъ сводился къ обобщенію уже приведеннаго выше предложенія средствъ для борьбы съ безработицей. Все производство должно происходить въ общинахъ (communities) въ двѣ, три или четыре тысячи душъ; здѣсь взрослое населеніе восьмичасовымъ трудомъ должно создать большую часть земледѣльческихъ и ремесленныхъ продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а остальное можетъ добыть обмѣномъ избытка своего производства на избытокъ производства другихъ общинъ. При этомъ сущность руководящей мысли такова: „каждая изъ этихъ общинъ въ состояніи удовлетворить свои потребности, а потому на ней одной лежитъ отвѣтственность, если она терпитъ въ чемъ нибудь недостатокъ“. Особыхъ принциповъ для раздѣленія продуктовъ производства,—а въ этомъ и кроется настоящій камень преткновенія для соціалистическихъ системъ общественнаго строя, — Овенъ не указываетъ; да споръ и невозможенъ, когда вся община проникнута глубокой моралью, а благодаря необычайному подъему производительности, на долю каждаго хватитъ съ избыткомъ. Поэтому смѣло можно предоставить рѣшеніе вопроса личнымъ потребностямъ и сообразно съ ними назначать каждому его долю въ пользованіи общими благами.

Чтобы осуществить свои планы на дѣлѣ, Овенъ, лично готовый на величайшія жертвы, обратился сначала къ высшимъ классамъ, въ которыхъ предполагалъ найти подобную же гуманность. Только тогда, когда дворянская и буржуазная филантропія осталась глухой къ его воззваніямъ,

Овенъ началъ агитацію и среди рабочихъ, не раздувая однако классовой ненависти и вообще отнюдь не покидая строго законнаго пути. Наряду съ этимъ онъ не переставалъ повторять своихъ воззваній къ правящимъ классамъ и даже къ коронованнымъ особамъ, прося ихъ о помощи и покровительствѣ его стремленіямъ, согласно своему убѣжденію, „что бѣдные и богатые, правители и подданые въ сущности имѣютъ только общіе интересы". Эта агитація, временами достигавшая чрезвычайнаго оживленія (съ 1826 по 1837 годъ Овенъ подалъ пятьсотъ адресовъ, сказалъ 1000 публичныхъ рѣчей и напечаталъ 2000 газетныхъ статей), встрѣтила сильнѣйшее сопротивленіе среди духовенства, которое, до крайности раздраженное нападками Овена на церковь, организовало оппозиціонное ему движеніе. Но и собственно-народная партія того времени, радикальная, рѣшительно высказалась противъ стремленій Овена, потому что ею преслѣдовались, прежде всего, чисто политическія цѣли, именно расширеніе избирательныхъ правъ. Между тѣмъ Овенъ считалъ ненужной борьбу за политическія права, такъ какъ по его мнѣнію настоящимъ интересамъ народа могли содѣйствовать только педагогическія и экономическія реформы.

Но полную неудачу коммунистической агитаціи Овена рѣшила плачевная гибель его коммунистическихъ колоній, которыя онъ рѣшился основать для убѣжденія англійскаго рабочаго, на котораго вліяютъ только практическія доказательства, а не теоретическія разсужденія. Продуктивность этихъ колоній постоянно оказывалась недостаточной, такъ что вскорѣ пришлось до крайности ограничить долевые раціоны колонистовъ. Возникло недовольство, которое повело, въ концѣ концовъ, къ распаденію колоній; разумѣется, Овенъ понесъ при этомъ значительныя матеріальныя потери.

Не болѣе удачны были результаты основаннаго имъ въ 1832 году рабочаго обмѣннаго банка (Labour Exchange Bank). Этотъ банкъ на практикѣ долженъ былъ осуществить идеальный принципъ всякаго обмѣна, равенство затраченнаго труда и цѣнности продукта; въ случаѣ удачи опыта это могло бы повести къ установленію соціалистической общины среди капиталистическаго строя народнаго хозяйства. Каждый членъ банка могъ выставлять въ его магазинѣ свои товары, за которые онъ тотчасъ получалъ заработную квитанцію (Labour notes). Высота этой плата опредѣлялась стоимостью сырого матеріала и среднимъ (а не указываемымъ самимъ вкладчикомъ) рабочимъ временемъ, потребнымъ для изготовленія продукта. На эти квитанціи вкладчикъ могъ затѣмъ пріобрѣсти въ магазинахъ банка соотвѣтственное количество другихъ товаровъ. Но такъ какъ участники доставляли только не особенно ходкіе товары, вродѣ картинныхъ рамъ, каминныхъ экрановъ, угольныхъ щипцовъ и такъ далѣе, а желали на полученныя отъ банка квитанціи пріобрѣсть хлѣба, мяса, одежду, которыхъ какъ разъ и не оказывалось въ запасѣ, то результаты оказались такими же, какъ и въ первомъ предпріятіи. Дѣло было ликвидировано, и Овенъ долженъ былъ покрыть дефицитъ.

Такимъ образомъ планы Овена подверглись осмѣянію, которое всегда дѣйствуетъ гибельно. Паденіе коммунистической школы въ Англіи сдѣлалось неизбѣжнымъ. Фабричное населеніе подпадаетъ въ это время подъ вліяніе политически-революціоннаго „чартизма"; Овенъ не желалъ примкнуть къ новому движенію и поддерживать его незаконныхъ излишествъ и борьбы за политическія права; а затѣмъ, послѣ чартизма, наступила эпоха производительныхъ и потребительныхъ ассоціацій.

Б. Революціонное рабочее движеніе („Чартизмъ").

Между тѣмъ какъ пропаганда Овена, несмотря на многолѣтнія усилія, привлекла только малую часть рабочаго класса,—правда это были наи-

болѣе нравственно развитые и самоотверженные члены его,—въ это время, къ концу тридцатыхъ годовъ, въ Англіи сразу создалась могучая рабочая партія. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

При сильномъ народномъ движеніи, которое въ 1832 году провело реформу избирательныхъ законовъ, буржуазно-либеральная партія призвала себѣ на помощь рабочее сословіе. Хотя проведенная реформа доставила избирательныя права только среднему сословію (достигнуто было на первый разъ дарованіе голоса только лицамъ, владѣющимъ домами, оцѣненными не ниже десяти фунтовъ стерлинговъ), но все таки считалось установленнымъ, что на будущее время законодательство обратитъ большее вниманіе на положеніе рабочаго класса, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. До какой степени рабочіе ошиблись въ томъ довѣріи, которое они возлагали на буржуазію, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что среднее сословіе, получивъ участіе въ государственномъ управленіи, немедленно приступило къ реформѣ стараго филантропическаго закона о бѣдныхъ. По этому закону съ конца XVIII столѣтія оказывалось пособіе не только неспособнымъ къ труду, но и занятымъ рабочимъ, если заработокъ оказывался недостаточнымъ для прокормленія семьи; вслѣдствіе этого ассигновки на бѣдныхъ вскорѣ возросли при населеніи въ одинадцать милліоновъ до колоссальной суммы въ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Но такъ какъ въ эпоху быстраго появленія новыхъ техническихъ изобрѣтеній, постоянно лишавшихъ работы извѣстное количество „рукъ“, притязанія къ фонду бѣдныхъ должны были непрерывно возрастать, то новое либеральное правительство рѣшило отмѣнить названный законъ и ввести строгое содержаніе работоспособныхъ бѣдняковъ въ рабочихъ домахъ съ суровой регламентаціей (1834 г.). Недовольство низшихъ классовъ этимъ „прогрессивнымъ“ мѣропріятіемъ было тѣмъ сильнѣе, что рабочіе дома, жестокимъ обращеніемъ и плохимъ содержаніемъ въ нихъ, быстро пріобрѣли въ народѣ дурную славу.

Когда къ тому же въ парламентѣ было подавляющимъ большинствомъ отвергнуто предложеніе крайней лѣвой о расширеніи избирательныхъ правъ, и вождь либераловъ, лордъ Джонъ Рессель, объявилъ реформу законченной, тогда рабочіе основали собственные союзы, чтобы новымъ народнымъ движеніемъ добиться вторичной, въ самомъ дѣлѣ направленной въ интересахъ народа, реформы избирательнаго права. Во главѣ этихъ союзовъ стояла (основанная въ 1836 году) „лондонская ассоціація рабочихъ“ (The London Workmen Association), которая въ 1837 году выставила слѣдующую,—первоначально намѣченную радикалами, программу: общее право голоса, тайная подача голосовъ, пропорціональные числу населенія избирательные округа, ежегодные выборы въ парламентъ, отмѣна имущественнаго ценза для парламентскихъ кандидатовъ и жалованье депутатамъ. Программа была провозглашена подъ названіемъ „народной хартіи“ (the people's Charter), потому что она должна была имѣть то же значеніе для интересовъ народа, какое въ теченіе столѣтій имѣла Magna Charta для интересовъ аристократіи и буржуазіи; отъ этого названія приверженцы программы получили прозвище „чартистовъ“.

Цѣлью ихъ было, при помощи своихъ политическихъ требованій, которыя должны были сначала получить осуществленіе, добиться преобразованія соціальнаго законодательства въ интересахъ массъ. Поэтому въ первомъ воззваніи, обращенномъ въ 1838 году лондонской ассоціаціей къ рабочимъ Великобританскаго королевства, говорится: „Если мы боремся за равенство политическихъ правъ, то не затѣмъ, чтобы добиться отмѣны несправедливаго налога или доставить какой нибудь партіи преимущества богатства, силы или вліянія. Мы дѣлаемъ это для того, чтобы быть въ состояніи уничтожить источникъ нашихъ общественныхъ бѣдствій, чтобы предотвращать зло цѣлесообразными средствами, а не карать его неспра-

ведливыми законами". Еще опредѣлительнѣй выражается методистскій проповѣдникъ Д. Стефенсъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ агитаторовъ первой поры чартизма: „Чартизмъ, друзья мои, не политическій вопросъ, въ которомъ рѣчь идетъ о дарованіи избирательнаго права, — чартизмъ, это вопросъ „ножа и вилки", хартія, это значитъ хорошее жилище, хорошая пища и питье, хорошій достатокъ и короткое рабочее время". Во всѣхъ фабричныхъ городахъ, гдѣ давно уже правильная агитація противъ закона о бѣдныхъ и плачевнаго состоянія рабочихъ вызывала тревожныя волненія, программа чартизма была встрѣчена съ восторгомъ; жестоко тѣснимые капиталистической конкурренціей круги мелкихъ горожанъ и ремесленниковъ примкнули къ недовольнымъ рабочимъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ новая партія распространилась по всей Англіи; повсюду, гдѣ дымились фабричныя трубы, можно было съ увѣренностью искать и кружокъ чартистовъ.

Но такихъ быстрыхъ успѣховъ можно было достичь только потому, что агитаторы соблазняли себя и своихъ послѣдователей изъ рабочаго и средняго класса надеждой на скорую побѣду: разсчитывали, какъ было при движеніи за реформу 1832 года, что правительство вновь пойдетъ на уступки энергичнымъ народнымъ требованіямъ. Въ этомъ крылась принципіальная ошибка, которой суждено было сдѣлаться погибельной для партіи. Именно, когда въ февралѣ 1839 г. на партійномъ съѣздѣ, „національномъ конвентѣ", былъ выставленъ вопросъ, какъ дѣйствовать дальше, тогда, вслѣдствіе этой обманчивой агитаціи, партія „моральной силы", предводимая овенистомъ Вильямомъ Ловеттомъ (1800—1877 г.) оказалась, со своей программой мирной пропаганды и массовыхъ петицій парламенту, только въ меньшинствѣ.

Большинство голосовъ получила партія, лозунгъ которой, „физическое насиліе", далъ Фиргусъ О'Коннорь (1796—1855 г.). Эта партія такъ была опьянена надеждой скорѣйшаго исполненія своихъ требованій, что она въ странномъ ослѣпленіи сочла себя достаточно сильной для того, чтобы сломить прочные устои стараго порядка. Поэтому было принято рѣшеніе, на случай, если хартія будетъ отклонена парламентомъ, объявить „священный мѣсяцъ", то есть одновременно прекратить работу во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Когда вскорѣ послѣ этого хартія, на которой насчитывали болѣе милліона подписей, была отвергнута, тотчасъ же вспыхнули возстанія: въ Бирмингэмѣ союзные рабочіе и мѣщане завладѣли городомъ, который пришлось отнимать у нихъ съ помощью войскъ; національный конвентъ въ самомъ дѣлѣ обнародовалъ постановленіе о прекращеніи народомъ всѣхъ работъ на одинъ мѣсяцъ съ 5 августа 1839 года. Но эта стрѣла, отразившись, ударила въ самого стрѣлка. Рабочее населеніе не чувствовало склонности къ такой мѣрѣ; немногіе существовавшіе уже въ то время ремесленные союзы заняли оппозиціонное положеніе. Приказъ пришлось отмѣнить, такъ какъ полная неудача забастовки казалась неизбѣжной. Этимъ поступкомъ національный конвентъ подорвалъ весь свой авторитетъ среди рабочихъ классовъ; онъ самъ понялъ, что игра его окончательно проиграна. Ему оставалось только разойтись. Между тѣмъ правительство начало принимать свои мѣры. Оно отдало подъ судъ всѣхъ агитаторовъ, произносившихъ возмутительныя рѣчи: въ концѣ 1839 года болѣе трехсотъ чартистовъ были подвергнуты тюремному заключенію на болѣе или менѣе продолжительное время.

На нѣкоторое время пропаганда совершенно прекратилась. Но въ 1840 году партія получила новую организацію; принципомъ ея теперь было проведеніе хартіи законнымъ путемъ. Но когда въ 1842 году новая массовая петиція была категорически отклонена нижней палатой, то партія физической силы снова стала во главѣ движенія и опять была объявлена общая забастовка. На этотъ разъ угроза была выполнена по крайней мѣрѣ

въ части Лэнкашира; но такъ какъ въ остальномъ королевствѣ спокойствіе не было нарушено, то чартисты сознали безполезность этого метода дѣйствій и уже черезъ полъ-мѣсяца прекратили забастовку. Постепенно чартизмъ угасалъ; въ 1848 году, послѣ февральской революціи въ Парижѣ, онъ сдѣлалъ послѣднее предсмертное усиліе. Вновь была приготовлена петиція, какъ увѣряли, съ 5.700,000 подписей, и О'Конноръ похвалялся, что вручитъ ее парламенту во главѣ арміи недовольныхъ. Но революціонная процессія была запрещена, и въ виду принятыхъ правительствомъ предупредительныхъ мѣръ, О'Конноръ свезъ петицію въ парламентъ на извощикѣ. Произведенная палатой провѣрка показала, что петиція имѣла неполныхъ два милліона подписей, изъ которыхъ сотни тысячъ оказались фиктивными. Чартизмъ сталъ посмѣшищемъ; революціонный соціализмъ въ Англіи отжилъ свой вѣкъ.

B. **Рабочіе союзы.**

Распространенныя до сихъ поръ движенія не имѣли непосредственныхъ практическихъ успѣховъ. Лучшая судьба ожидала возникшее въ самой средѣ рабочаго класса движеніе, которое стремилось осуществить его требованія на основѣ самопомощи. Рѣчь идетъ о рабочихъ союзахъ.

a) Рабочіе союзы въ періодъ забастовокъ.

Рабочіе союзы, это общества взаимопомощи рабочихъ для достиженія лучшихъ условій труда и вообще для охраны профессіональныхъ интересовъ. Подобныя общества въ довольно значительномъ количествѣ, частью примыкая къ болѣе стариннымъ союзамъ подмастерьевъ, основывались въ Англіи еще въ XVIII вѣкѣ, когда на рабочихъ тяжело отозвался первый натискъ побѣдоноснаго капиталистическаго производства. Но противъ этихъ обществъ тотчасъ съ силою выступили законы и строгіе судебные приговоры. Англійская юстиція распространила понятіе о заговорѣ, которое въ сущности примѣнимо только къ тайнымъ сообществамъ для выполненія преступныхъ цѣлей, на всѣ союзы рабочихъ, ставившіе своей задачей повышеніе заработной платы. Въ теченіе всего XVIII столѣтія издавались особыя запрещенія коалицій рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, и на исходѣ этого вѣка былъ наконецъ объявленъ строгій общій законъ, назначавшій заключеніе въ исправительной тюрьмѣ за всѣ соглашенія между рабочими, направленныя къ повышенію заработной платы или къ уменьшенію времени и количества работы; той же карѣ подлежали лица, отговаривавшія рабочихъ отъ поступленія на какое нибудь мѣсто, или побуждавшія его бросить службу. Вся односторонность этихъ постановленій обнаруживается, если прибавить, что въ то же время соглашенія между работодателями съ цѣлью пониженія заработной платы подлежали только денежному штрафу.

Послѣдствіемъ этихъ мѣръ было то, что въ началѣ XIX столѣтія повсемѣстно возникли тайныя общества рабочихъ, и такъ какъ за всякій родъ дѣятельности имъ грозила одинаковая кара, то они пользовались для достиженія своихъ цѣлей самыми отчаянными и недозволительными средствами: рабочіе, отказывавшіеся, особенно при забастовкахъ, отъ солидарности со своими товарищами (такъ называемые „черноногіе") ежедневно подвергались нападеніямъ, а иногда происходили и убійства. Власти конечно не замедлили прибѣгнуть къ безпощадному преслѣдованію заговорщиковъ. Всетаки, уничтожить рабочихъ коалицій не удавалось: очевидное доказательство, что въ эпоху капиталистическаго производства онѣ являлись неизбѣжнымъ, какъ бы инстинктивнымъ явленіемъ.

Запрещеніе рабочихъ коалицій должно было казаться каждому безпристрастному наблюдателю тѣмъ большей несправедливостью, что коалиціи

работодателей съ цѣлью пониженія заработной платы, благодаря классовому пристрастію англійскихъ мировыхъ судей, постоянно оставались безнаказанными. „Намъ былъ сообщенъ“, такъ заявляетъ одинъ парламентскій докладъ (1824), „цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ работодатели обвинялись въ соглашеніи съ цѣлью понизить заработную плату и увеличить рабочее время; но не могло быть приведено случая, когда какой нибудь работодатель былъ бы наказанъ за подобныя дѣйствія“. Подъ впечатлѣніемъ парламентскаго слѣдствія, доказавшаго несправедливость и безполезность разсмотрѣнныхъ законовъ, прошло предложеніе радикала Джозефа Юма, уничтожившее запрещеніе коалицій и оставившее тюремное заключеніе только за насилія, угрозы и запугиванія, произведенныя съ цѣлью привлечь рабочихъ къ коалиціи или принудить работодавцевъ къ уступкамъ требованіямъ рабочихъ (1824 г.). Впрочемъ эта свобода была значительно ограничена въ слѣдующемъ же году, когда коалиціи внезапно распространились по всей Англіи и повидимому грозили опасностью всѣмъ имущественнымъ интересамъ буржуазіи. Новый законъ постановилъ, что заговорами должны считаться „всѣ совѣщанія объ условіяхъ работы лицъ, не присутствующихъ; о лицахъ, которымъ работодатель долженъ или не долженъ давать работу; о машинахъ, которыми онъ долженъ пользоваться; далѣе, всѣ соглашенія не работать вмѣстѣ съ опредѣленнымъ лицомъ или побудить другихъ лицъ къ непринятію работы или къ забастовкѣ“.

Не смотря на то, что эти правила грозили карой за многія дѣйствія, казавшіяся необходимыми для успѣшной работы союзовъ, несмотря на то, что и въ самомъ дѣлѣ многія лица подверглись карательнымъ приговорамъ, все таки нельзя было остановить побѣдоноснаго распространенія рабочихъ союзовъ. Именно съ 1825 года общества рабочихъ начали принимать форму, типичную для ихъ дѣятельности и историческаго значенія. Приблизительно до 1830 года они были строго мѣстными союзами товарищей по профессіи. Но такъ какъ этимъ путемъ они, вслѣдствіе слабости союзныхъ силъ, не могли справляться со своими задачами, — пособія при забастовкахъ, безработицѣ, болѣзни и неспособности къ труду, — то они естественнымъ ходомъ дѣлъ пришли къ сознанію необходимости образовать національные союзы по отдѣльнымъ профессіямъ.

Организація ихъ такова. Руководство всѣми дѣлами принадлежитъ исполнительному комитету, который выбирается на опредѣленный короткій срокъ членами общества, находящимися въ городѣ, гдѣ засѣдаетъ комитетъ (по традиціи, всегда въ главномъ центральномъ пунктѣ данной отрасли промышленности). Но рѣшающій голосъ принадлежитъ входящему въ этотъ комитетъ генеральному секретарю, который избирается всѣми членами рабочаго союза на десять лѣтъ и получаетъ жалованье. Расходы покрываются во первыхъ вступительными и постоянными взносами членовъ, а затѣмъ чрезвычайными сборами, которые назначаются въ случаѣ особой необходимости.

Особенно важное значеніе имѣютъ слѣдующія частности, которыя Брентано, лучшій знатокъ англійскаго рабочаго вопроса, призналъ типическими. Не каждый рабочій принимается въ члены союза, а только тотъ, кто можетъ доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ исправный работникъ, для чего нужно поручительство двухъ членовъ союза въ томъ, что онъ въ состояніи вырабатывать обычный въ данномъ округѣ размѣръ платы. Такимъ образомъ предъявляется требованіе минимума заработной платы, но не къ фабриканту, а къ рабочему, такъ какъ опытъ показалъ, что недобросовѣстные рабочіе, предлагая свой трудъ за болѣе дешевую цѣну, могутъ давать фабриканту поводъ сбавить плату за трудъ и добросовѣстнымъ рабочимъ. Далѣе, когда членъ союза полагаетъ, что онъ не получаетъ заслуженной имъ заработной платы, то онъ можетъ обратиться съ жалобой къ мѣстному отдѣлу рабочаго союза. Если отдѣлъ признаетъ его жалобу

основательной, а просьба его о повышеніи платы будетъ все таки отклонена работодателемъ, то онъ прекращаетъ работу и получаетъ „даръ“ (donation), пока вновь не найдетъ заработка. Если мѣстный отдѣлъ желаетъ общаго повышенія заработной платы въ данной отрасли производства, или вообще иного улучшенія условій труда, то онъ подаетъ докладъ исполнительному комитету національнаго союза; если комитетъ одобритъ рѣшеніе, — только въ этомъ случаѣ, — тогда члены мѣстнаго отдѣла, если ихъ требованія останутся невыполненными и произойдетъ забастовка, получаютъ отъ исполнительнаго комитета, то есть изъ кассы національнаго союза, извѣстное пособіе. Но кромѣ всѣхъ дѣйствій для упорядоченія условій труда, кромѣ попеченія о больныхъ, неспособныхъ къ труду и престарѣлыхъ, рабочіе союзы въ Англіи являются еще и важной вспомогательной организаціей для проведенія фабричныхъ законовъ, и вообще „органами, посредствомъ которыхъ выражаются желанія рабочаго класса, когда дѣло идетъ о политическихъ мѣропріятіяхъ въ интересахъ рабочихъ; слѣдовательно, союзы имѣютъ тенденцію, подобно стариннымъ гильдіямъ, охватывать всѣ стороны жизни рабочаго“ (Брентано).

Такъ какъ рабочіе союзы, цѣпко и энергично защищая интересы своихъ членовъ, часто вызывали продолжительныя забастовки, то общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ буржуазно настроенной прессы, долгое время относилось недоброжелательно къ обществамъ рабочихъ. Такъ, суды относились къ рабочимъ союзамъ, какъ къ внѣзаконнымъ обществамъ и поэтому, согласно старому англійскому праву, отказывали имъ въ законной охранѣ, такъ что напримѣръ, кража союзнаго имущества была ненаказуемой. Далѣе, послѣ того какъ отдѣльные члены рабочихъ обществъ, во время стачекъ, позволяли себѣ разныя нарушенія общественнаго порядка, были неоднократно предпринимаемы мѣры для уничтоженія организаціи. Послѣдняя попытка въ такомъ родѣ была сдѣлана въ 1866 году. Но назначенная тогда королевская комиссія для разслѣдованія строя рабочихъ союзовъ послужила какъ разъ къ тому, чтобы разсѣять многіе господствовавшіе въ обществѣ предразсудки. Съ этихъ поръ рабочіе союзы получаютъ оффиціальное признаніе. Особыми законами 1871 и 1876 годовъ принятыми при консервативномъ и стоявшемъ за рабочихъ министерствѣ Дизраэли, было объявлено, что рабочіе союзы не должны считаться внѣзаконными обществами; поскольку при этомъ отсутствовало прямое насиліе, обезпечивалась свобода стачекъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ, такъ что напримѣръ разрѣшалось выставлять часовыхъ вблизи фабрикъ и жилищъ. Кромѣ того, рабочимъ союзамъ, которые бы зарегистровали оффиціально свои уставы, предоставлялись права юридической личности: „они могутъ быть истцами и отвѣтчиками, имѣть движимое и недвижимое имущество, могутъ преслѣдовать своихъ должностныхъ лицъ за нарушеніе довѣрія въ порядкѣ суммарнаго производства“. Конгрессъ рабочихъ союзовъ въ Глазговѣ имѣлъ полныя основанія высказать консервативной партіи „неограниченную признательность за это величайшее изъ благодѣяній, когда либо оказывавшихся сынамъ труда“.

Съ этого времени рабочіе союзы, раньше подвергавшіеся преслѣдованіямъ, пользуются въ Англіи почтенной репутаціей. Число членовъ ихъ въ настоящее время доходитъ до 1.400,000 человѣкъ; они пріобрѣли даже извѣстное участіе въ управленіи: секретари союзовъ назначаются на должности фабричныхъ инспекторовъ, мировыхъ судей, даже попадаютъ въ составъ министерскихъ совѣтовъ. Еще важнѣе, что общественное мнѣніе королевства видитъ въ рабочихъ союзахъ необходимое учрежденіе и нерѣдко оказывается на его сторонѣ въ столкновеніяхъ съ предпринимателями. При разработкѣ законовъ о рабочихъ правительство всегда предварительно запрашиваетъ объ отзывѣ рабочіе союзы. При подрядныхъ договорахъ правительства и многихъ общественныхъ учрежденій обусловли-

вается соблюденіе требуемыхъ рабочими союзами условій труда (fair wages). Мѣстами на фабрикахъ установилось даже нѣчто вродѣ конституціоннаго правленія: управляющій фабрикой совѣщается съ рабочимъ союзомъ во всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ такъ или иначе отразиться на интересахъ рабочихъ.

б) Рабочіе союзы въ періодъ третейскихъ судовъ.

Слѣдуя изложенной политикѣ, рабочіе союзы на случай отказа въ выполненіи ихъ требованій въ теченіе десятилѣтій знали и примѣняли только одинъ выходъ, пріостановку работы. Но когда воззрѣнія рабочихъ достигли большей зрѣлости, а союзы ихъ собрали крупныя средства, вполнѣ естественно было заняться выработкой методовъ, которые вели бы къ цѣли помимо обоюдоостраго оружія забастовокъ. Работодатели съ точки зрѣнія своихъ интересовъ тоже были бы довольны возможностью рѣшать несогласія безъ открытой борьбы. „Какъ только обѣ партіи примутъ въ соображеніе свои собственные интересы, они спросятъ себя, не можетъ ли борьба, состязаніе въ силахъ, замѣниться болѣе разумными средствами, подобно тому какъ напряженіе пара измѣряется особымъ приборомъ, а не ждутъ для того, чтобы убѣдиться въ его силѣ, взрыва котла“ (ф. Шульце-Геверницъ). Изъ этихъ соображеній возникло въ Англіи учрежденіе посредническихъ палатъ, которыя должны вести разрѣшеніе споровъ между капиталомъ и трудомъ мирнымъ путемъ и такимъ образомъ поддерживать общественное согласіе.

Образцомъ для большинства подобныхъ палатъ является устройство board of arbitration, основаннаго фабрикантомъ Антони Джономъ Мунделла въ Ноттингемѣ, главномъ центрѣ ткацкой промышленности (1860 г.). Въ составъ этого board входитъ по десять представителей отъ работниковъ и фабрикантовъ, избирающихъ предсѣдателя, голосъ котораго при равенствѣ голосовъ даетъ перевѣсъ. Но каждое — обязательно письменное — предложеніе о толкованіи старыхъ или введеній новыхъ условій труда поступаетъ сначала въ такъ называемый слѣдственный комитетъ, въ которомъ состоятъ по два представителя отъ рабочихъ и фабрикантовъ. Въ этомъ комитетѣ стараются путемъ общихъ устныхъ переговоровъ привести дѣло къ соглашенію. Только въ случаѣ неудачи этой попытки, вопросъ докладывается палатѣ. Постановленное ею рѣшеніе имѣетъ на опредѣленный срокъ безусловно обязательную силу для спорящихъ сторонъ, такъ какъ въ рабочихъ договорахъ всѣхъ участниковъ должно заключаться условіе, что они въ спорныхъ пунктахъ должны безусловно подчиняться постановленіямъ посреднической палаты. Благопріятные результаты, которые дала эта система и другая, введенная судьей графства Рупертомъ Кеттлемъ, на первый разъ въ строительномъ дѣлѣ, въ Вольвергемптонѣ, повели къ тому, что новый способъ соглашенія нашелъ примѣненіе во многихъ промышленныхъ центрахъ и вскорѣ нашелъ поддержку въ законодательствѣ, придавшемъ посредническимъ палатамъ право обращаться къ суду для исполненія своихъ рѣшеній(Arbitration Act 6 августа 1872 года).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ сильныерабочіе союзы имѣютъ дѣло съ столь же сплоченными кружками работодателей, система получила еще дальнѣйшія усовершенствованія. Такъ, въ угольной промышленности графствъ Дергема и Нортумберленда всѣ отдѣльныя несогласія, возникающія при примѣненіи рабочаго договора, имѣющаго равномѣрное значеніе для всего округа, разрѣшаются постояннымъ комитетомъ изъ двѣнадцати членовъ поровну отъ каждой партіи (joint committee) подъ предсѣдательствомъ избраннаго лица, стоящаго внѣ партій. Всѣ же несогласія относительно самихъ условій рабочаго договора, то есть общихъ вопросовъ рабочаго времени и заработной платы, должны рѣшаться полнымъ собраніемъ работо-

дателей совмѣстно съ представителями рабочаго союза. Если нельзя достигнуть соглашенія, то дѣло переходитъ въ court of arbitration. Здѣсь каждую партію представляютъ два посредника, избирающихъ съ своей стороны третейскаго судью, который постановляетъ окончательное рѣшеніе. Онъ разсматриваетъ дѣло по формамъ судебнаго процесса: происходитъ провѣрка доказательствъ, допросъ свидѣтелей, рѣчи сторонъ, причемъ посредники играютъ роль повѣренныхъ сторонъ. „Лица, ведущія переговоры, такъ хорошо знакомы съ дѣломъ и опираются на такую сильную организацію, что переговоры ведутся съ такой тонкостью и проходятъ такъ правильно, какъ если бы совѣщаніе происходило между самыми крупными торговыми фирмами“ (Шульце-Геверницъ).

Исполненіе третейскаго приговора безусловно возлагается на обѣ заинтересованныя стороны. Существованіе рабочаго союза является для этого необходимымъ, такъ какъ нѣтъ иной силы, которая могла бы заставить многія тысячи рабочихъ фактически подчиниться договору. Разумѣется, согласіе дѣйствительно только на опредѣленное число мѣсяцевъ: затѣмъ должно состояться возобновленіе старыхъ договоровъ или новый пересмотръ ихъ. Между тѣмъ, если третейскій судья въ своемъ приговорѣ руководствовался только личными чувствами и побужденіями, то его постановленіе не могло бы оказаться устойчивымъ и заключало бы въ себѣ только поводы для новыхъ столкновеній. Именно поэтому, „третейскій судья, какъ всякое третье лицо, призванное для опредѣленія цѣнъ между двумя независимыми партіями, долженъ только установить, какъ опредѣлилась бы, безъ его участія, естественная высота цѣнъ. Такъ какъ онъ призванъ для избѣжанія борьбы, то его задача, это выполненіе путемъ изслѣдованія функціи, какую имѣетъ борьба, то есть установленіе взаимоотношенія силъ. Только, если это условіе выполнено, тогда можно съ увѣренностью разсчитывать, что судейское рѣшеніе окажется примѣнимымъ на практикѣ“ (Германъ Шульце-Геверницъ, въ статьѣ „Zum socialen Frieden“).

Насколько безсильны устранить несогласія на продолжительное время такіе приговоры, которые исходятъ изъ моральныхъ мотивовъ, доказывается однимъ случаемъ въ 1877 году, когда лордъ Парреръ Гершель, бывшій третейскимъ судьей, отклонилъ требованіе владѣльцевъ копей Нортумберлэнда объ уменьшеніи выборочной платы. Правда, владѣльцы копей подчинились рѣшенію на трехмѣсячный срокъ его дѣйствительности, но вслѣдъ за тѣмъ возобновили свое требованіе, объявили, что вынуждены отказаться отъ третейскаго посредничества, и при послѣдовавшей затѣмъ забастовкѣ углекоповъ одержали верхъ.

Парламентъ и правительство старались по возможности содѣйствовать этому ходу развитія. Такъ въ 1895 году состоялся актъ о соглашеніи и третейскомъ судѣ, давшій торговому комитету (board of trade) право вмѣшательства при рабочихъ несогласіяхъ. Board of trade получилъ прежде всего право вызывать стороны, назначать депутатовъ для разрѣшенія спора чрезъ посредство переговоровъ, иногда подъ предсѣдательствомъ лица, предложеннаго торговымъ комитетомъ. Далѣе board of trade можетъ отъ себя посылать соотвѣтственное лицо для разслѣдованія спорнаго вопроса на мѣстѣ и составленія доклада. Наконецъ комитетъ можетъ содѣйствовать учрежденію посредническихъ палатъ въ тѣхъ округахъ или отрасляхъ промышленности, гдѣ подобныхъ не имѣется.

Съ этихъ поръ число посредническихъ палатъ увеличивается и часто ихъ дѣятельность оказывается весьма плодотворной; во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличенно оцѣнивать достигнутые ими результаты. Рѣдкое общественно-политическое учрежденіе вызвало такое единодушное сочувствіе среди всѣхъ политическихъ и соціальныхъ партій, какъ именно

посредническія палаты; и однако за сорокъ лѣтъ онѣ не могли получить въ Англіи всеобщаго распространенія, и даже довольно часто не выполняли своего назначенія въ границахъ области, гдѣ ихъ удалось ввести. Опытъ, какъ оказывается, выяснилъ, что эти палаты далеко не въ состояніи, какъ надѣялись нѣкоторые, водворить полное общественное согласіе. Когда одна изъ двухъ партій убѣждена, что она въ самомъ дѣлѣ обладаетъ достаточной силой, чтобы добиться выполненія своихъ требованій, то она относится къ посредничеству, какъ къ тормазу, и не желаетъ третейскихъ услугъ. Въ концѣ концовъ, даже если посредническая палата дѣйствовала плодотворно, фабриканты, по легко понятнымъ психологическимъ побужденіямъ, не прочь въ одинъ прекрасный день попытаться снова стать господами своего производства; а рабочіе готовы еще разъ рискнуть, не удастся ли имъ, единодушно сплотившись противъ хозяевъ, вынудить отъ нихъ еще болѣе выгодныя условія труда. Поэтому до сихъ поръ еще ни одна посредническая палата не избѣгала насильственныхъ перерывовъ своей дѣятельности. До извѣстной степени, экономическая борьба въ народномъ хозяйствѣ со свободной конкурренціей является, какъ видно, неизбѣжной. Конечно, это не говоритъ противъ рабочихъ союзовъ и третейскаго посредничества, такъ какъ вся эта организація приноситъ несомнѣнную пользу обществу и значительно регулируетъ отношенія.

Г. **Потребительныя общества.**

Еще рѣзче, чѣмъ въ движеніи рабочихъ союзовъ, переходъ отъ коммунизма къ общественнымъ реформамъ сказывается въ развитіи потребительныхъ обществъ, которыя, когда разсѣялся туманъ иллюзіи, окружавшій агитацію и проповѣдь Овена, явились ея непосредственнымъ результатомъ. Овенъ совѣтовалъ рабочимъ составлять общества, чтобы покрывать свое потребленіе общимъ производствомъ. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ выяснилось, что общество потребителей является единственной формой, въ которой въ данное время могутъ объединяться рабочіе. Разъ что это было сознано, такія общества со своими лавками начали рости съ такой быстротой, какъ грибы послѣ теплаго лѣтняго дождя.

Такимъ образомъ въ 1826 году возникло движеніе, которое, по словамъ его историка, госпожи Сидней Веббъ, „является первой настоящей попыткой англійскаго рабочаго класса осуществить идеи Овена въ практической формѣ“. Духъ, оживлявшій этихъ первыхъ истинныхъ борцовъ за соціальную реформу, хорошо выражается въ эпиграфѣ, стоящемъ на уставѣ Воррингтонскаго товарищества: „Они помогали другъ другу, и каждый говорилъ брату: мужайся“. Но молодое растеніе, такъ быстро и сильно расцвѣтшее (уже въ 1832 году насчитывалось до 500 потребительныхъ обществъ), также быстро и поблекло; уже черезъ нѣсколько лѣтъ не замѣтно и слѣдовъ этого движенія среди бурь чартистской пропаганды, глубоко взволновавшей весь рабочій классъ Англіи. Упадокъ чартизма совпадаетъ по времени съ новымъ подъемомъ потребительныхъ обществъ, продолжающимся почти непрерывно съ тѣхъ поръ и до настоящаго момента.

Во главѣ новаго движенія выступили „честные піонеры Рочдэля“; такъ называли себя бѣдные ткачи фланели (28 человѣкъ), которые на второй день рождества 1844 года открыли въ одной изъ глухихъ улицъ Рочдэля лавку „Auld Wayvers Shop“ („Лавку стараго ткача“) съ капиталомъ всего въ 28 фунтовъ стерлинговъ. По уставу цѣли общества таковы: „Устройство лавки для продажи съѣстныхъ припасовъ, одежды и пр.; постройка, покупка и устройство домовъ, въ которыхъ могутъ жить члены общества, желающіе помогать другъ-другу въ улучшеніи ихъ домашняго и соціальнаго положенія; производство такихъ това-

ровъ, какіе найдетъ нужнымъ общество, чтобы доставить заработокъ безработнымъ или имѣющимъ слишкомъ скудное жалованье сочленамъ; покупка или аренда участковъ земли для той же цѣли; наконецъ общество ставитъ себѣ цѣлью какъ можно скорѣе перейти къ устройству у себя на родинѣ самодовлѣющей колоніи съ общимъ производствомъ и распредѣленіемъ и помогать другимъ обществамъ въ устройствѣ подобныхъ колоній“.

Въ этомъ случаѣ ясно видно значеніе, которое могутъ имѣть въ успѣхѣ предпріятія именно идеальныя иллюзіи: только онѣ могли дать этимъ бѣднымъ ткачамъ и тѣмъ тысячамъ, которыя за ними послѣдовали, гордое сознаніе, что они являются учениками великой идеи, піонерами всего человѣчества; только отсюда явилась та нравственная сила, которая тела ихъ на смѣлое рѣшеніе и упорную дѣятельность. Но эти мечты все ваки не затемняли ихъ отношенія къ практической жизни; это видно изъ образцоваго устава, который выработали Рочдэльскіе піонеры, нашедшіе тысячи подражателей. По этому уставу лавка при продажѣ руководствуется обычными розничными цѣнами, а полученную такимъ образомъ прибыль распредѣляетъ между участниками пропорціонально суммѣ сдѣланныхъ ими покупокъ. Покупатель получаетъ при покупкѣ особую квитанцію (обыкновенно жестяную марку). Въ концѣ каждой четверти года эти марки возвращаются, подсчитываются и прибыль распредѣляется; въ англійскихъ потребительныхъ обществахъ она обыкновенно составляетъ 5—15 процентовъ въ четверть года. Членомъ можетъ стать каждый желающій, за вступительную плату въ одинъ шиллингъ. Членъ является, преимущественно, только покупателемъ. Конечно, при подобномъ уставѣ, каждый членъ заинтересованъ расширеніемъ круга кліентовъ общества, такъ какъ оборотъ при этомъ увеличивается, затраты на веденіе дѣла относительно уменьшаются, и слѣдовательно дивидендъ растетъ.

Вскорѣ при помощи конгрессовъ удалось до извѣстной степени объединить отдѣльныя общества потребителей, а затѣмъ было основано два оптовыхъ торговыхъ товарищества, которыя должны были доставлять потребительнымъ обществамъ нужные имъ товары по рыночной цѣнѣ, а затѣмъ распредѣлять между ними прибыль, тоже пропорціонально суммѣ покупокъ. Наконецъ съ 1872 года продукты, потребные для этихъ оптовыхъ товариществъ, начали изготовлять на собственныхъ фабрикахъ. Это было „нравственной побѣдой, такъ какъ начало общественнаго производства для нуждъ союзныхъ потребительныхъ обществъ является дальнѣйшимъ шагомъ впередъ въ развитіи общественнаго строя“ (слова Cooperative News). Эти фабрики, слѣдовательно, не являются продуктивными товариществами,—подобныя учрежденія ни въ Англіи, ни въ иныхъ мѣстахъ не оказались жизнеспособными,—эти фабрики принадлежатъ потребительнымъ обществамъ, управляются назначаемой ими дирекціей, а работникамъ своимъ платятъ „правильное жалованье“ (fair wages). Размѣры дѣйствія товариществъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1897 году общества потребителей имѣли 1.520,000 членовъ, оборотъ въ 660 милліоновъ рублей и чистую прибыль свыше 50 милліоновъ; служащихъ было 73,000, въ томъ числѣ 30,000 рабочихъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ, производившихъ товары для непосредственнаго потребленія. Эти успѣхи побудили многихъ идеологовъ, особенно на германской почвѣ, видѣть въ потребительныхъ обществахъ панацею, разрѣшающую соціальный вопросъ.

Потребительныя общества, въ противоположность рабочимъ союзамъ, встрѣтили съ самаго начала благосклонное отношеніе законодательства. И тутъ Дизраэли оказалъ значительную поддержку, даровавъ имъ (рядомъ законовъ въ 1852—76 годахъ) права корпорацій, подъ условіемъ заявки, многія другія необходимыя льготы, и ограничивъ отвѣтственность членовъ долей ихъ въ капиталѣ товарищества.

Д. Стремленія къ соціальной реформѣ и законодательная защита рабочаго класса.

Во многихъ отрасляхъ промышленности фабричный строй привелъ къ неслыханному злоупотребленію рабочими силами, особенно женскими и дѣтскими. Овенъ устранилъ это зло у себя въ Нью-Лэнаркѣ еще въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности. Но убѣдившись въ томъ, что его примѣръ только въ исключительныхъ случаяхъ нашелъ подражаніе среди другихъ фабрикантовъ, Овенъ пришелъ къ заключенію, что покончить со всѣми злоупотребленіями можетъ только общеобязательный государственный законъ. Такимъ образомъ, Овенъ впервые выставилъ требованіе фабричныхъ законовъ и вскорѣ поднялъ по этому вопросу оживленную агитацію (1813—1817 годъ). Въ программѣ, которую пропагандировалъ Овенъ, заключалось: во первыхъ, запрещеніе работы на фабрикахъ для дѣтей моложе десяти лѣтъ и для дѣтей, не получившихъ извѣстнаго минимальнаго образованія; во вторыхъ, максимальный рабочій день въ шесть часовъ для дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ и въ $10^1/_2$ часовъ для болѣе взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ. Этой программой Овенъ, самъ вскорѣ затѣмъ почти всецѣло отдавшійся своимъ утопическимъ планамъ, ввелъ въ современное соціальное движеніе идею правительственной охраны рабочихъ.

Если бы опредѣляющее значеніе имѣли только интересы одного класса, какъ утверждаютъ сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи, то защита рабочихъ не могла бы найти себѣ доступа въ законодательство по крайней мѣрѣ въ то время, когда рабочіе классы не имѣли вліянія въ парламентѣ: фактически предложеніе и введеніе охраны интересовъ рабочихъ обязано моральнымъ, религіознымъ и филантропическимъ побужденіямъ столько же, сколько прозорливымъ соображеніемъ государственной мудрости. Въ 1819 году, по инціативѣ Роберта Пиля старшаго, былъ проведенъ первый существенный фабричный законъ (Пиль самъ былъ фабрикантомъ); была запрещена работа дѣтей моложе девяти лѣтъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, и рабочій день для подростковъ моложе шестнадцати лѣтъ ограниченъ двѣнадцатью часами. Но законъ не могъ дѣйствовать съ полной силой, такъ какъ мѣстныя власти находились въ слишкомъ большой зависимости отъ крупныхъ промышленниковъ. Поэтому въ 1833 году былъ изданъ новый фабричный актъ, назначившій особыхъ чиновниковъ для надзора за защитой рабочихъ, именно фабричныхъ инспекторовъ, которые по этому образцу были затѣмъ введены во всѣхъ культурныхъ государствахъ; тотъ же законъ установилъ для всѣхъ ткацкихъ заведеній восьмичасовый рабочій день для дѣтей отъ девяти до тринадцати лѣтъ, двѣнадцатичасовый день для подростковъ отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ.

Еще раньше, уже въ 20-хъ годахъ девятнадцатаго вѣка, началось сильное народное движеніе въ пользу десятичасоваго рабочаго дня; вождемъ его былъ политикъ съ филантропическими убѣжденіями, тори Ричардъ Остлеръ, „фабричный король“; наряду съ нимъ выдѣлились еще либеральный членъ парламента Джонъ Фильденъ и члены партіи тори Томасъ Сэдлеръ и лордъ Антони Эшли (впослѣдствіи графъ Шефтсбэри; 1801—85 г.) Это движеніе, длившееся почти двадцать лѣтъ, вызвало въ рабочихъ классахъ значительное воодушевленіе и въ періодъ господствовавшей въ концѣ тридцатыхъ годовъ безработицы и дороговизны хлѣба, мѣстами приняло такія формы, которыя вызвали опасенія правящихъ и состоятельныхъ классовъ. Такъ, государственный дѣятель сэръ Робертъ Пиль, сынъ упомянутаго выше, высказался слѣдующимъ образомъ: „Страданіе и смута въ положеніи рабочихъ классовъ слишкомъ велики; это и позоръ и опас-

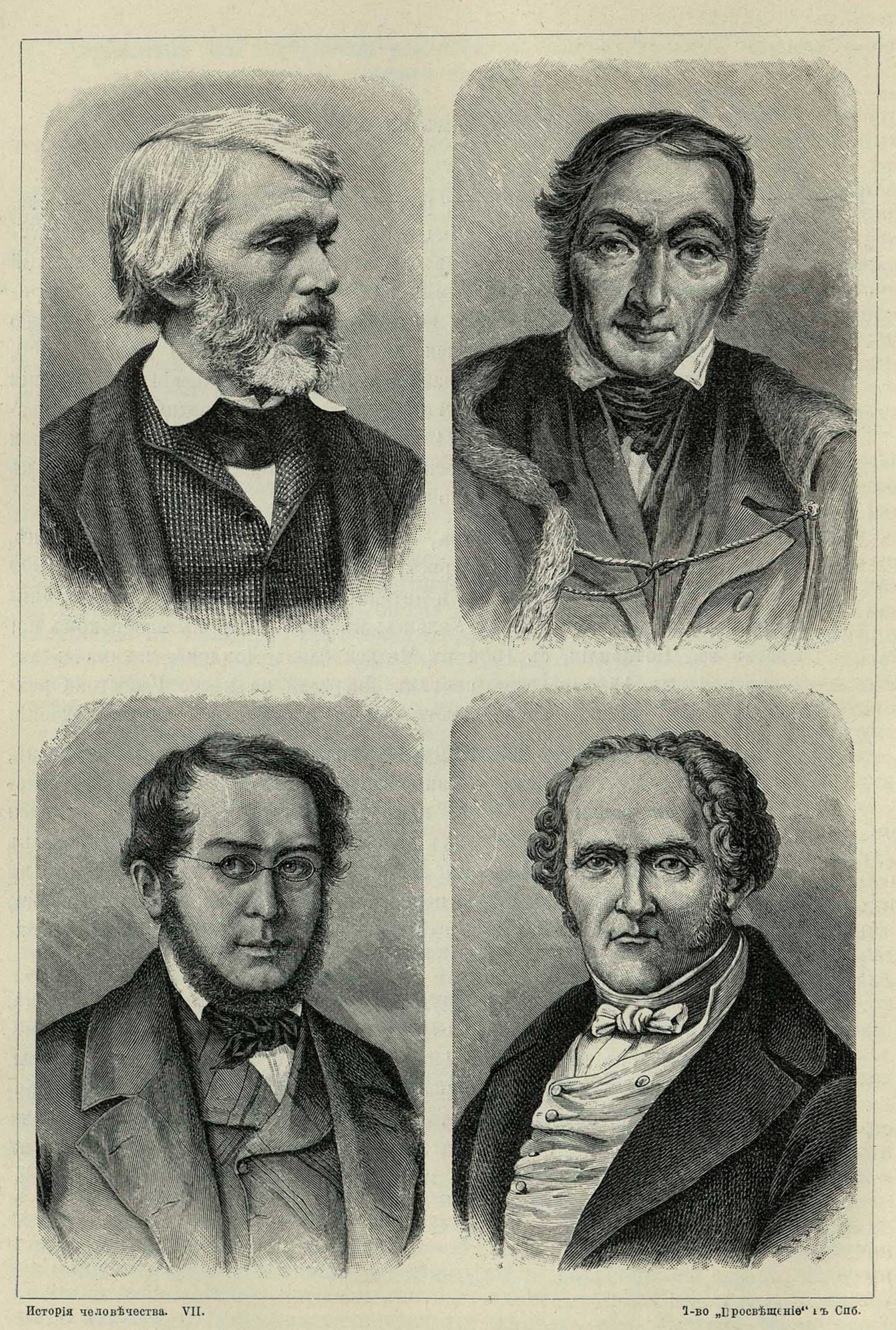
Къ портретамъ на оборотѣ.

Справа вверху: **Робертъ Оуэнъ**, род. 14 мая 1771 въ Ньютоунѣ въ сѣв. Валлисѣ, сынъ ремесленника, 1781 ученикъ у торговца сукномъ въ Стамфордѣ, позже прикащикъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ, 1790 управляющій хлопкопрядильней съ 500 рабочими въ Лэнкаширѣ; основалъ съ товарищами прядильню въ Манчестерѣ, но скоро оставилъ ее, купилъ прядильню Дэля въ Нью-Лэнаркѣ и женился на миссъ Дель; съ 1 января 1800, управляя прядильней, дѣлаетъ различныя филантропическія нововведенія въ широкихъ размѣрахъ, въ 1813 превращаетъ свое предпріятіе въ товарищество капиталистовъ, въ 1824 покупаетъ Нью-Гармони въ Индіанѣ и основываетъ тамъ коммунистическую общину; въ 1827 возвратился въ Лондонъ; умеръ на родинѣ 17 ноября 1858.

Слѣва сверху: **Томасъ Карлейль**, родился 4 дек. 1795 въ Экльфечанѣ, въ шотландскомъ графствѣ Дэмфрисъ, сынъ мелкаго арендатора; съ 1809 студентъ философіи, математики и литературы, въ Эдинбургѣ, затѣмъ учитель, женился на Дженъ Бэйли Уэльшъ; въ 1828 жилъ въ маленькомъ помѣстьи въ Шотландіи, съ 1834 въ Челси близъ Лондона, занимаясь литературой; въ 1865 избранъ противъ Дизраэли на мѣсто Гладстона ректоромъ Эдинбургскаго университета; умеръ 6 февраля 1881 въ Лондонѣ.

Справа внизу: **Франсуа Мари Фурье**, род. 7 апр. 1772 въ Безансонѣ, сынъ купца; былъ сначала комми-вояжеромъ, въ 1793 торговцемъ колоніальными товарами въ Ліонѣ; какъ противникъ якобинцевъ, лишился всего состоянія, два года служилъ въ солдатахъ, 1799 г. былъ купцомъ въ Марсели, потомъ маклеромъ въ Ліонѣ; 1808—26 то въ Парижѣ, то въ Безансонѣ; въ 1816 пріобрѣлъ перваго послѣдователя Жюста Мюирона; съ 1826 г. жилъ въ Парижѣ, гдѣ основалъ свою школу; умеръ 10 октября 1837 въ Парижѣ.

Слѣва внизу: **Пьеръ Жозефъ Прудонъ**, род. 15 іюня 1809 въ Безансонѣ, сынъ ремесленника, наборщикъ; 1837 — стипендіатъ академіи въ Безансонѣ, 1838 — владѣлецъ типографіи, 1848 — депутатъ отъ департамента Сены, въ 1850 и вскорѣ затѣмъ еще разъ былъ обвиненъ за преступленія противъ законовъ о печати; бѣжалъ въ Бельгію, гдѣ жилъ политическимъ изгнанникомъ до 1860 г., когда получилъ амнистію и возвратился въ Парижъ; умеръ 19 января 1865 г. въ Пасси близъ Парижа.



 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Общественные дѣятели Англіи и Франціи: Карлейль и Оуэнъ, Фурье и Прудонъ.

ность для нашей цивилизаціи; безусловно необходимо сдѣлать ихъ положеніе менѣе тяжелымъ и шаткимъ. Если мы и не можемъ сдѣлать всего, то мы можемъ сдѣлать хоть что нибудь, и нашъ долгъ сдѣлать столько, сколько мы въ состояніи“. Это сознаніе сдѣлала наконецъ общимъ взволновавшая всю Англію агитація чартистовъ. Правда чартизмъ, главная сила котораго была сломлена уже въ 1839 году (см. стр. 403), непосредственно не могъ произвести никакого измѣненія въ спеціальныхъ условіяхъ; зато тѣмъ значительнѣе были его косвенныя послѣдствія. Рѣзкая гибель движенія привела рабочіе классы къ пониманію, что примѣненіемъ насилія невозможно сломить прочныхъ устоевъ стараго порядка; съ этихъ поръ рабочая партія старается достичь своихъ цѣлей, опираясь на положенія существующаго строя. Съ другой стороны чартизмъ распространилъ въ широкихъ слояхъ правящихъ классовъ сознаніе, что дѣло не можетъ идти дальше по прежнему, что необходимо отказаться отъ небрежнаго отношенія къ вопросамъ соціальной политики. Такимъ образомъ въ средѣ состоятельныхъ и образованныхъ классовъ возникаетъ направленіе, благопріятствующее исполненію умѣренныхъ желаній четвертаго сословія.

Геніальнѣйшимъ проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній былъ Томасъ Карлейль (1795—1881 г.; портретъ его помѣщенъ на приложенной таблицѣ). Ему прежде всего принадлежитъ заслуга въ пробужденіи соціальнаго сознанія своихъ современниковъ. Онъ существенно отличается отъ соціалистовъ и радикаловъ въ томъ, что считаетъ принципіально присущимъ строю человѣческаго общества понятіе власти, безъ которой существованіе общества невозможно. Но онъ ставитъ двѣ предпосылки: со стороны властителей защиту и заботу о подчиненныхъ и слабыхъ, со стороны послѣднихъ вѣрность и добрыя отношенія къ своему вождю и покровителю. Но и то и другое возникаетъ только на почвѣ вѣры и труда всѣхъ участниковъ; трудъ необходимъ, чтобы оправдать наше земное существованіе, а вѣра въ высшіе идеалы должна помочь намъ сносить тяжесть труда и страданія земной жизни.

По мнѣнію Карлейля неурядицы современнаго строя коренятся именно въ утратѣ этихъ предпосылокъ истинно человѣческаго существованія. Старыя отношенія между властителемъ и подданнымъ, феодаломъ и вассаломъ, исчезли и дали мѣсто бездушному вознагражденію наличными деньгами, которое осталось единственной связью между капиталистомъ и рабочимъ; бѣднякъ нигдѣ уже не находитъ себѣ защиты и предоставленъ исключительно своимъ силамъ; послѣдствіемъ этого является утрата имъ вѣрности правящимъ классамъ, помыслы его направляются только на мятежи и перевороты. Вѣра повсюду колеблется, а иногда и вовсе утрачена. Работа, наконецъ, стала всѣмъ въ тягость, и пролетарій трудится только по принужденію, а аристократъ совершенно уклоняется отъ труда. Итакъ, „люди думаютъ, что нашъ міръ большой широкій скотный дворъ и рабочій домъ, съ громадной кухней и длинными обѣденными столами, и мудръ только тотъ, кто умѣетъ найти себѣ за ними мѣсто“.

Карлей считаетъ утѣшительнымъ явленіемъ именно то обстоятельство, что въ наше время, подъ господствомъ эгоизма, повсюду замѣчаются признаки разложенія, неустойчивости и даже невыносимости существующихъ условій. Онъ видитъ въ этомъ только близость одного или другого исхода: либо развращенные жаждой наживы народы погибнутъ, подчинятся чужеземнымъ завоевателямъ, а затѣмъ, какъ подобаетъ, извнѣ получать новую вѣру и новую аристократію; либо же они самостоятельно выработаютъ новые идеалы и новый общественный строй, который соединитъ всѣ классы узами взаимной вѣрности.

Что именно въ Англіи господствуетъ недовольство, вполнѣ понятно, такъ какъ господствующія ученія и учрежденія совершенно негодны. Карлейль поочередно осыпаетъ ихъ горькимъ издѣвательствомъ. Вотъ ути-

литаріанская философія и политическая экономія ея послѣдователей: они исходятъ отъ міра, полнаго мошенниковъ, и надѣются создать изъ него что нибудь честное! Вотъ, далѣе, мальтузіанцы; они думаютъ, что рабочій классъ можетъ, при помощи полового воздержанія, уменьшить число „рабочихъ рукъ" и улучшить свое положеніе; они вѣрятъ въ золотой вѣкъ, когда сразу двадцать милліоновъ рабочихъ произведутъ забастовку въ одной отрасли производства; вѣдь довольно во всеобщемъ рабочемъ союзѣ провести рѣшеніе не вступать въ браки раньше, чѣмъ положеніе рабочаго рынка не станетъ вполнѣ блапріятнымъ! А парламентское правительство! „Въ немъ ни одинъ британскій подданный не можетъ стать государственнымъ дѣятелемъ, то есть первымъ въ дѣлахъ, если онъ раньше не выкажетъ себя первымъ въ болтовнѣ. По истинѣ, самый скверный избирательный методъ, какой было можно выдумать". А какъ правитъ временное большинство! Оно не помогаетъ народу, не руководитъ имъ, а только колеблется на волнахъ народнаго благорасположенія, какъ трупъ утонувшаго осла. Такъ дѣло дойдетъ до того, что накопится народное возмущеніе, и нѣкогда надвинется страшной грозой и низвергнетъ трупъ въ глубину тины.

Все это должно измѣниться. Но какъ? На соціализмъ Карлейль не возлагаетъ особыхъ надеждъ; онъ не хочетъ идеала праздности, даже еслибы осуществленіе его было выполнимо; онъ хочетъ для всѣхъ тяжелаго труда, потому что въ немъ назначеніе человѣка; онъ хочетъ подчиненія достойнѣйшимъ, потому что только такимъ путемъ возможно существованіе и прогрессъ человѣческаго общества. Нужно такое правительство, какъ было прежде: тогда низшіе и высшіе не были, какъ нынѣ, только въ отношеніяхъ продавца съ покупателемъ; были еще тысячи связей между воиномъ и полководцемъ, членомъ клана и родовымъ вождемъ, вѣрнымъ подданнымъ и правящимъ монархомъ. „Съ полнымъ тріумфомъ наличныхъ денегъ настало иное время, значитъ, должна явиться и другая аристократія". Карлейль видитъ ее въ „промышленномъ дворянствѣ", которое создастъ порядокъ и явится благороднымъ руководителемъ, которому низшіе классы должны будутъ платить вѣрностью и повиновеніемъ. Сначала этотъ идеалъ осуществятъ отдѣльные руководители промышленныхъ предпріятій; но вскорѣ ихъ станетъ все больше и больше, пока наконецъ будетъ создана благородная и справедливая промышленная страна подъ господствомъ мудрѣйшихъ. Итакъ, девизомъ аристократа будущаго будетъ: честность въ соревнованіи и сердечная забота о всѣхъ подчиненныхъ. Вотъ тема положительной соціальной политики Карлейля, къ которой онъ постоянно возвращается, пользуясь все новыми картинами и историческими сравненіями, то съ паѳосомъ, то съ меланхоліей, то въ могучемъ вдохновеніи идеалистическаго провозвѣстника, то въ грозныхъ обличеніяхъ ветхозавѣтнаго пророка.

Такимъ образомъ, Карлейль былъ первымъ проповѣдникомъ будущаго строя, въ которомъ промышленный классъ, проникнутый идеей общаго блага, долженъ явиться правящимъ сословіемъ, національной аристократіей. Все остальное онъ считаетъ второстепеннымъ, если только наступитъ ожидаемый добровольный подъемъ экономически господствующихъ классовъ до новаго кодекса обязанностей. Если Карлейль, слѣдовательно, и не былъ государственнымъ соціалистомъ, то онъ всегда былъ достаточно благожелателенъ къ рабочему сословію, чтобы выступить въ пользу государственнаго покровительства низшимъ классамъ. За то Карлейль является рѣшительнымъ противникомъ демократическихъ стремленій, которыя по его мнѣнію играютъ роль только до тѣхъ поръ, пока правящіе классы не выяснили себѣ своихъ обязанностей.

Для справедливой оцѣнки Карлейля, къ нему не слѣдуетъ относиться какъ къ научному философу или политико-эконому; онъ далеко не былъ

бы въ состояніи дать изложеніе принциповъ современной экономической науки. Главнымъ же образомъ онъ былъ геніальнымъ публицистомъ, умѣвшимъ будить общественное воодушевленіе. Отдѣльныя его мысли, именно вслѣдствіе недостатка научно-экономической подготовки, были не приложимы на практикѣ, да и слишкомъ эскизно набросаны, чтобы мочь найти примѣненіе въ дѣйствительной жизни; но его идеи были могучимъ литературнымъ двигателемъ, пробудившимъ въ высшихъ классахъ націи сознаніе незаслуженности страданій рабочаго сословія, и показавшимъ необходимость реформы этого положенія. Лично Карлейль, разумѣется, вѣрилъ въ будущее, когда Англіей станетъ править „промышленная аристократія", и вскорѣ вся Англія повторяла новый девизъ. Идея эта являлась по существу только иллюзіей правящихъ классовъ, — и однако подъ вліяніемъ этой иллюзіи воспослѣдовало отреченіе господствовавшей партіи отъ догматовъ манчестерской школы въ рабочемъ вопросѣ и выработалось благожелательное отношеніе къ рабочимъ союзамъ и коалиціямъ.

Наряду съ Карлейлемъ долженъ быть названъ Бенджаменъ Дизраэли (впослѣдствіи графъ Биконсфильдъ; 1804—1881 г.), основатель первой „соціально-консервативной группы въ парламентѣ, такъ называемой „молодой Англіи". Существенныя черты своихъ воззрѣній онъ заимствовалъ отъ Карлейля, но въ нихъ мы встрѣчаемъ и много оригинальныхъ мыслей: у него главнымъ образомъ впервые съ полной ясностью обрисовывается идея соціальнаго королевства. Въ послѣднее время, — такъ онъ излагаетъ вопросъ, — въ Англіи господствовали опредѣленные классы, и результатомъ этого была борьба между зажиточными и неимущими, которая при господствѣ свободной конкурренціи вызвала бѣдственное положеніе народа. Зло это необходимо устранить путемъ уничтоженія господства классовъ, а съ нимъ классоваго законодательства. Власть снова должна вернуться къ королю, какъ къ единственной въ государствѣ силѣ, не представляющей никакихъ сословныхъ интересовъ. Тогда, при монархическомъ правленіи, въ странѣ должна снова окрѣпнуть вѣра и нравственность. А самымъ могучимъ вспомогательнымъ орудіемъ для этого должна быть истинная аристократія, которая заключаетъ въ себѣ всѣ избранныя силы государства, будь онѣ основаны на знатности рода, или же на талантѣ, добродѣтели, должности или достояніи.

Послѣдствія этой теоріи для практической жизни Дизраэли наглядно представилъ въ своихъ романахъ „Coningsby or the new generation" (1844) и „Sybil or the two nations" (1845). Въ нихъ онъ описываетъ образцовыя фабрики, на которыхъ между капиталистомъ и рабочимъ царитъ полное согласіе и сочувствіе. Фабрикантъ со своей стороны дѣлаетъ все возможное: въ самыхъ широкихъ размѣрахъ заботится о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, сокращаетъ ихъ рабочее время, устраиваетъ хорошія жилища, сады, бани, школы, читальни, церкви, доставляетъ и развлеченія вродѣ пѣвческихъ кружковъ, игръ, празднествъ и танцевъ. При поддержкѣ своего хозяина многіе рабочіе пріобрѣтаютъ даже собственные дома, сады и небольшія фермы. И такая гуманность находитъ вознагражденіе на практикѣ въ исполнительности и добросовѣстности рабочихъ, такъ что идеальный фабрикантъ Дизраэли заявляетъ, что и съ точки зрѣнія прибыльности употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ своего капитала, оказалось самымъ выгоднымъ. Сдѣлать такое положеніе дѣлъ реальнымъ фактомъ было задачей молодыхъ аристократическихъ политиковъ, къ которымъ Дизраэли и обратился непосредственно. И призывъ его въ самомъ дѣлѣ имѣлъ успѣхъ. Группа молодыхъ представителей знати, только что получившихъ высшее образованіе и совершенно охваченныхъ романтическими идеями того времени, составила партію „молодой Англіи", видѣвшей въ Дизраэли своего вождя и учителя и стремившейся къ соціальнымъ реформамъ.

Другая партія стремилась пробудить старинную религіозность и распространеніемъ въ человѣчествѣ истино христіанскихъ воззрѣній создать единственную возможную основу для экономической реформы. Во главѣ движенія стоялъ Фредерикъ Денисонъ Морисъ, капелланъ лондонской адвокатской гильдіи (1805—1872 г.); онъ высказывался такъ: „Наши интересы общи и каждый полонъ обязанностей по отношенію къ другимъ!" Поэтому надлежало бороться съ инымъ, нехристіанскимъ, воззрѣніемъ на сущность человѣческаго общества и дать выраженіе солидарности интересовъ всего человѣчества въ практической дѣятельности. Такимъ образомъ Морисъ былъ основателемъ новѣйшаго „христіанскаго соціализма". Вскорѣ къ нему примкнули другіе дѣятели, обладавшіе столь же возвышенными убѣжденіями и неутомимо стремившіеся къ благу низшихъ классовъ: таковы были Чарльзъ Кингслей, Джонъ Малькольмъ Ледлоу и Венситтартъ Ниль, „союзъ друзей, преимущественно священниковъ и адвокатовъ, для благородной дѣятельности которыхъ нельзя подобрать достаточной похвалы" (Милль). Не служа какой либо партіи, они постоянно оказывали содѣйствіе рабочимъ въ достиженіи мирнымъ путемъ ихъ реформаторскихъ цѣлей, особенно когда дѣло шло о развитіи идеи товариществъ, и приносили этому дѣлу самыя крупныя жертвы. Во время забастовокъ они открыто вступались за интересы стачечниковъ, безвозмездно руководили продуктивными ассоціаціями рабочихъ и оказывали ихъ товариществамъ весьма цѣнныя услуги.

Въ этомъ крестовомъ походѣ противъ аномалій новаго строя, на большихъ митингахъ, приняли воодушевленное участіе массы рабочихъ, и реформаціонное движеніе сороковыхъ годовъ вскорѣ должно было пріобрѣсти неотразимую силу, особенно съ тѣхъ поръ какъ парламентскія слѣдствія и оффиціальные отчеты установили крайнее переутомленіе эксплуатируемыхъ рабочихъ силъ и развернули такія картины быта англійскихъ рабочихъ, которыя, по Морицу Брошу, производятъ не менѣе ужасное впечатлѣніе, чѣмъ Дантовское описаніе ада, и даже превосходятъ его свой жизненной реальностью.

Напрасно сторонники господствовавшей теоріи невмѣшательства, съ признанными вождями школы, Кобденомъ и Брайтомъ, во главѣ, всѣми силами противились агитаціи, которая наносила такіе удары принципамъ манчестерцевъ и слѣдовательно должна была представлять крайнюю опасность; напрасно крупные промышленники, подъ предводительствомъ владѣльца огромныхъ копей, лорда Лондондерри, ополчились противъ „лицемѣрной гуманности, захватившей власть въ свои руки"; напрасно ткацкіе фабриканты подымали раздирательныя жалобы на гибель, грозящую ихъ промышленности; напрасно ученый оксфордскій профессоръ Сеніоръ доказывалъ, какъ дважды-два четыре, при помощи такъ называемого „анализа фабричнаго процесса", — а на самомъ дѣлѣ посредствомъ вымышленныхъ цифръ издержекъ производства и цѣнъ фабричныхъ продуктовъ, что вся чистая прибыль на фабричный капиталъ получается въ теченіе двѣнадцатаго рабочаго часа, и что поэтому никакое сокращеніе немыслимо; напрасно панегиристъ фабричной системы, д-ръ Андрью Юръ, вступался даже за интересы и нравственность рабочаго юношества, которое, слишкомъ рано ускользая отъ фабричной дисциплины, подвергается вліянію праздности и порока! Но всѣ эти препятствія, рядомъ съ которыми сильно тормозило дѣло реформы неблагопріятное отношеніе къ ней главы министерства, сэра Роберта Пиля, — все это не могло устоять передъ мощнымъ натискомъ общенароднаго движенія: при рѣшительномъ голосованіи въ парламентѣ часть виговъ подъ предводительствомъ Маколея (который горячо рекомендовалъ защиту рабочихъ, какъ средство сохранить за народомъ всѣ тѣ высокія качества, которыми создалось величіе отечества) соединилась съ большинствомъ торіевъ и съ радикалами; былъ введенъ

десятичасовый рабочій день для подростковъ отъ тринадцати до восемнадцати лѣтъ и для женщинъ-работницъ всякаго возраста, на первый разъ въ ткацкомъ фабричномъ производствѣ (въ 1847 году). Послѣ того какъ десятичасовый день былъ сдѣланъ закономъ, явилась задача добиться его осуществленія на практикѣ. Нѣкоторыя неясности закона, пристрастія мировыхъ судей (собратій фабрикантовъ по сословію) въ пользу нарушавшихъ законъ работодателей, наконецъ уступчивость, которую выказало правительство требованіямъ заинтересованныхъ капиталистическихъ круговъ въ своей инструкціи фабричнымъ инспекторамъ, все это должно было способствовать вялому примѣненію закона. Но дополнительный законъ вскорѣ ограничилъ возможность обхода десятичасоваго билля; рабочіе союзы тщательно отмѣчали каждый случай нарушенія, а многіе фабричные инспектора выполняли свой надзоръ съ такимъ самоотверженнымъ рвеніемъ, что даже Марксъ называетъ эти годы героической эпохой англійской фабричной инспекціи и даетъ въ „Капиталѣ“ слѣдующій почетный отзывъ объ ея представителѣ Леонардѣ Горнерѣ: „Безсмертная заслуга его передъ рабочимъ сословіемъ Англіи заключается въ томъ, что онъ всю жизнь боролся не только съ раздраженными фабрикантами, но и съ министрами, для которыхъ несравненно важнѣе былъ счетъ голосовъ фабрикантовъ въ нижней палатѣ, чѣмъ счетъ рабочихъ часовъ фабричныхъ рукъ“.

Хотя новый законъ фактически низвелъ рабочій день на десять часовъ не только для лицъ, подлежавшихъ защитѣ его, но и для всѣхъ вообще рабочихъ (такъ какъ классы, ограждавшіеся закономъ, составляли шестьдесятъ процентовъ всѣхъ рабочихъ силъ), — все таки не наступило ни одно изъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ такъ боялись заинтересованные или ученые противники. Сумма британскаго вывоза, опредѣлявшаяся до изданія закона, въ 1846 году, въ 57.700,000 фунтовъ стерлинговъ, уже черезъ немного лѣтъ, въ 1852 году, поднялась до 78.000,000 фунтовъ, слѣдовательно на 35 процентовъ. „Еслибы проницательныя вычисленія профессора Сеніора были вѣрны“, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ съ мѣткой ироніей одинъ фабричный инспекторъ, „то за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ всѣ хлопчатобумажныя фабрики соединеннаго королевства работали бы себѣ въ убытокъ“. Что касается до порчи дѣтскихъ нравовъ, которую долженъ былъ повести за собою слишкомъ короткій рабочій день, то уже въ 1848 году въ одномъ изъ инспекторскихъ отчетовъ говорится, что всѣ эти бездушныя разглагольствованія о праздности и порокѣ „должны быть заклеймены какъ чистѣйшее ханжество и безстыднѣйшее лицемѣріе!“ Именно классъ, воспользовавшійся законной охраной, былъ, по оффиціальнымъ показаніямъ, спасенъ отъ полнаго вырожденія и его физическое состояніе тоже значительно улучшилось. Такимъ образомъ чудесное развитіе промышленности, рука объ руку съ физическимъ и нравственнымъ возрожденіемъ рабочаго класса, должно было поразить самаго тупого зрителя (слова Маркса); постепенно законы были распространены и на другія отрасли крупнаго производства, въ 1867 году, при министерствѣ Дизраэли, отчасти и на мастерскія; а въ 1878 году по иниціативѣ этого же министра всѣ законодательные акты по рабочему вопросу, уже почти не поддававшіеся обзору, были сведены и дополнены въ общемъ фабричномъ и ремесленномъ актѣ, „Factory and Workshop Act“.

Фабриканты уже раньше этого успѣли совершенно примириться съ теоріей правительственной защиты рабочихъ. Съ этихъ поръ они не возстаютъ противъ нея ни принципіально (путемъ политической агитаціи), ни на практикѣ (нарушеніемъ фабричныхъ законовъ). Въ этомъ смыслѣ выражается въ своемъ отчетѣ и назначенная парламентомъ комиссія для изслѣдованія результатовъ предшествовавшаго фабричнаго законодательства (въ 1876 году): „Многочисленныя прежнія слѣдствія о положеніи

дѣтей и женщинъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ отечественнаго производства, обнаруживали такія стороны, которыя могуче будили общее состраданіе и неотразимо требовали законодательнаго вмѣшательства. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ условіями, обнаруженными тѣми слѣдствіями, находится современное положеніе тѣхъ, въ чью пользу были изданы различные законы о фабрикахъ и мастерскихъ. Нѣкоторыя занятія, не смотря на санитарныя полицейскія предписанія этихъ законовъ, все еще вредятъ здоровью; въ другихъ отрасляхъ иногда еще встрѣчается работа выше предѣловъ, назначенныхъ закономъ, что неблагопріятно отражается на здоровьи занятыхъ лицъ. Но къ нашему удовольствію всѣ эти случаи являются исключеніями. При этомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній къ предположенію, что законодательство, въ такой яркой степени оказавшееся благодѣтельнымъ для рабочихъ, принесло какой нибудь замѣтный ущербъ производствамъ, въ которыхъ оно примѣнялось. Напротивъ, прогрессу индустріи фабричные законы очевидно нисколько не помѣшали; даже среди работодателей найдутся лишь немногіе, которые пожелали бы отмѣны главныхъ постановленій этого закона, или стали бы отрицать благотворное дѣйствіе этихъ постановленій.“

E. Роль высшихъ классовъ въ рабочемъ вопросѣ.

Въ ту эпоху, когда классовая борьба раздѣляла Англію на двѣ націи, утратившія всякое взаимное пониманіе, Карлейль училъ: на фабрикѣ долженъ быть созданъ новый видъ зависимыхъ отношеній, основанныхъ на сочувственномъ попеченіи работодателя о своихъ служащихъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ во многихъ промышленныхъ учрежденіяхъ была приняты болѣе или менѣе широкія мѣры въ интересахъ рабочихъ: устроены кассы для больныхъ и инвалидовъ, жилища, бани и т. п. Но опытъ показалъ уже, что всѣ эти учрежденія, основывавшіяся часто съ самыми благими намѣреніями, процвѣтали только до тѣхъ поръ, пока не ослабѣвалъ живой интересъ ихъ иниціаторовъ, а затѣмъ быстро распадались. Далѣе выяснился фактъ, что подобное патріархальное попеченіе не въ состояніи на долгое время удовлетворить современнаго рабочаго. Онъ чуждается опеки и надзора, ему нужна полная свобода времяпрепровожденія внѣ рабочихъ часовъ, а это благонамѣренное попечительство въ большинствѣ случаевъ лишало его такой свободы. Часто вліяніе, которое пріобрѣтали подобнымъ образомъ фабриканты, прямо употреблялось на то, чтобы понизить заработную плату, помѣшать участію рабочихъ въ ремесленныхъ и общественныхъ движеніяхъ, и даже навсегда привязать ихъ къ опредѣленной фабрикѣ, при помощи взыманія взносовъ въ вспомогательныя кассы, не возвращавшихся при оставленіи рабочимъ своего мѣста.

Всѣ эти недостатки въ концѣ концовъ подорвали цѣнность даже знаменитѣйшаго образца англійскаго попечительства о рабочихъ, рабочага городка Сальтэра, построеннаго сэромъ Титомъ Сальтомъ для своей фабрики. Тутъ жили только его служащіе, и въ ихъ распоряженіи находился театръ, музей, пароходъ, большой паркъ съ площадками для игръ крытая купальня, учебное заведеніе. „При внѣшнемъ блескѣ“, сообщаетъ недавній посѣтитель Сальтэра, Шульце-Геверницъ, „тѣневыя стороны картины незамѣтны для бѣглаго взгляда; только бесѣды съ обитателями показали намъ, что въ этомъ учрежденіи всѣ благодѣянія покупаются лишеніемъ свободы. Положеніе рабочихъ въ Сальтэрѣ опредѣляется тѣмъ, что всѣ дома рабочихъ составляютъ собственность владѣльца фабрики. Въ результатѣ фирма можетъ удалить изъ Сальтэра каждую нежелательную ей личность, чѣмъ исключаются всякія попытки рабочихъ создать какую нибудь собственную организацію. Пока во главѣ предпріятія стоялъ сэръ

Титъ, благожелательно-патріархальный фабрикантъ, эта зависимость, какъ экономическая, такъ и соціальная, мало давала себя чувствовать. Но его менѣе благожелательные преемники не могли устоять передъ искушеніемъ воспользоваться зависимостью рабочихъ въ своихъ выгодахъ. Это выразилось въ пониженіи заработной платы, которая здѣсь ниже, чѣмъ на сосѣднихъ фабрикахъ. Рабочіе были безсильны противиться этому; только молодежь попыталась, не безъ одобренія остальныхъ, оказать сопротивленіе. Такимъ образомъ и Сальтэръ не миновалъ забастовокъ, но онѣ всегда кончались подчиненіемъ рабочихъ односторонне составленнымъ условіямъ; вождей этихъ движеній попросту удаляли изъ городка. Нынѣ и учрежденія сэра Тита, не допускавшія самоуправленія рабочихъ, начинаютъ распадаться, такъ какъ утратился личный интересъ завѣдующихъ фабрикой. Купальня уже заперта и бездѣйствуетъ; школа изнемогаетъ подъ тяжестью долговъ и приближается къ подобной же участи." Такимъ образомъ англійскій рабочій разочаровался въ благотворительныхъ стремленіяхъ, которыми создавалось зависимое положеніе; впрочемъ, всѣ такія попытки безспорно были умѣстны въ то время, когда еще процвѣтали всѣ злоупотребленія капитализма, а пролетаріатъ не обладалъ ни силой, ни подготовкой, нужной для достаточно энергичной и плодотворной самопомощи.

Иное значеніе имѣютъ тѣ случаи, когда фабриканты или другіе члены высшихъ сословій въ качествѣ частныхъ лицъ содѣйствуютъ стремленіямъ рабочихъ, не выставляя со своей стороны особыхъ притязаній на учрежденія, вызванныя къ жизни при ихъ содѣйствіи. Тамъ они основываютъ рабочую кассу, управленіе которой находится въ рукахъ самихъ рабочихъ; въ другомъ мѣстѣ они вводятъ на фабрикѣ всѣ мѣры для охраны здоровья служащихъ; иногда они оказываютъ рабочимъ поддержку въ ихъ стремленіи посвятить свободное время подходящимъ общественнымъ развлеченіямъ или интересамъ образованія. Конечно, не только фабриканты могли этимъ путемъ принимать участіе въ положеніи рабочаго касса. Часто лица, стоявшія внѣ борьбы экономическихъ интересовъ, оказывались гораздо болѣе въ состояніи развить практическую дѣятельность въ этомъ направленіи и пріобрѣсти довѣріе рабочихъ. Высшее значеніе именно въ этой области имѣетъ дѣятельность Арнольда Тойнби, безвременно скончавшагося филантропа (1852—83 г.), который организовалъ въ широкомъ масштабѣ популярно-научные курсы для рабочихъ, и вообще, не принадлежа къ какой-либо партіи, всецѣло жилъ интересами рабочихъ. Его самоотверженный примѣръ подѣйствовалъ; молодые люди изъ высшихъ общественныхъ круговъ сотнями добивались сближенія съ народомъ и на время вступали въ его среду, пропагандируя общественныя развлеченія и физическія упражненія, читая лекціи и устраивая пренія. Вскорѣ и университеты пришли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на помощь потребности народа въ образованіи; были устроены правильные курсы по всѣмъ необходимымъ предметамъ, особенно по англійской исторіи и національной экономіи, этимъ основамъ политическаго образованія. Такимъ образомъ въ высшихъ классахъ англійскаго общества въ самомъ дѣлѣ отчасти живетъ духъ проповѣди Карлейля (см, стр. 411): его ученіе, не смотря на фантастичность многихъ своихъ элементовъ, оказалось способнымъ привлечь многія тысячи послѣдователей и побудить ихъ къ сочувственному отношенію и сближенію съ жизнью народа.

Тотъ же успѣхъ выпалъ въ самое послѣднее время на долю Джона Рескина (1819—1899 годъ), выступившаго вначалѣ съ художественно литературными трудами, когда онъ съ вдохновенной силой провозгласилъ подобныя-же воззрѣнія на сущность и жизнь общества. По Рескину, соціальная іерархія должна сохранить свое существованіе; но она должна найти себѣ моральное оправданіе въ духѣ справедливости и любви, ко-

торый долженъ одержать побѣду надъ духомъ торгашества. И по смерти Рескинъ остается вліятельнѣйшимъ писателемъ Англіи. Тысячи молодыхъ послѣдователей и послѣдовательницъ его стремятся въ духѣ его ученія уничтожить противорѣчіе между классовыми интересами.

Итакъ къ началу двадцатаго вѣка опредѣлились слѣдующіе окончательные результаты соціально-политическаго развитія Англіи въ XIX столѣтіи: объ опасныхъ противорѣчіяхъ общественнаго строя уже не можетъ быть рѣчи; рабочіе классы въ цѣломъ упрочили свое вліяніе, свое значеніе для законодательства и администраціи, и значительно подняли свое матеріальное благостояніе. Разумѣется, экономическая классовая борьба въ Англіи далеко не устранена. Напротивъ, нигдѣ въ мірѣ не наблюдается такой широкой и напряженной борьбы въ обмѣнѣ взаимными услугами между рабочимъ и капиталистомъ, какъ именно въ Англіи; но эта борьба приняла законныя формы и ни въ одной странѣ Стараго Свѣта не совершилось такого приближенія, къ соціальному конституціонализму, какъ въ Великобританскомъ королевствѣ.

Ж. Политика третьяго сословія въ Великобританіи. Ирландскій аграрный вопросъ.

До движенія ремесленнаго третьяго сословія въ Англіи въ XIX вѣкѣ дѣло не дошло, но въ одной части соединеннаго королевства, именно въ Ирландіи, развилось движеніе крестьянскаго третьяго сословія. Насколько своебразны были политически-соціальныя условія страны, въ которой разыгралось это движеніе, настолько же своебразную форму принялъ ходъ этого движенія и рѣшеніе вопроса, къ какому по настоящее время пришло ирландское крестьянство. Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ слѣдовать изложенію Морица Іаффе.

Въ Ирландіи въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ почти всѣ земли путемъ долгаго ряда конфискацій перешли въ собственность англійскихъ протестантскихъ помѣщиковъ, которые, не помышляя о жизни въ своихъ помѣстьяхъ, отдавали ихъ въ управленіе посредникамъ и раздробляли на мелкіе арендные участки. Увеличеніе населенія и все возраставшая конкурренція ирландскихъ арендаторовъ между собою повели въ концѣ концовъ къ крайнему измельченію арендныхъ участковъ и одновременно къ повышенію земельной ренты. Такъ какъ сверхъ того Англія въ XVIII вѣкѣ, по узко меркантилистическимъ побужденіямъ, подавляла въ Ирландіи, какъ и въ своихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, всякое развитіе индустріи, то населеніе Ирландіи, достигшее къ 1840 году восьми милліоновъ, было почти всецѣло предоставлено земледѣлію и пропитаніе его зависѣло отъ урожая единственнаго продукта, именно картофеля. Поэтому неурожайные годы 1845 и 1846 (картофельная болѣзнь) должны были вызвать въ Ирландіи ужасную катастрофу: отъ болѣзней и голода погибло четверть милліона человѣкъ (по самой низкой оцѣнкѣ), три милліона человѣкъ получали пособіе изъ фонда бѣдныхъ. „Эти два года внушили населенію тотъ ужасъ передъ своей родиной, который вызвалъ неослабѣвавшее переселеніе и продолжающееся до нынѣ уменьшеніе цифры населенности Ирландіи“ (Морицъ Іаффе). Въ англійскомъ парламентѣ давно уже неустанно занимались ирландскими арендными условіями, такъ что одинъ изъ членовъ парламента при случаѣ могъ назвать Ирландію „единственнымъ, постоянно откладываемымъ вопросомъ“. Послѣ того какъ благодаря акту объ эмансипаціи въ нижнюю палату вступили подъ предводительствомъ Даніеля О'Коннеля (1775—1847 г.) ирландскіе католики, они безъ перерывовъ напоминали объ этомъ вопросѣ, такъ что въ кругахъ англійскихъ политиковъ все сильнѣе становилось сознаніе необходимости государственнаго вмѣшательства въ Ирландіи, гдѣ по одному заяв-

ленію, сдѣланному въ 1844 году въ палатѣ пэровъ, „лэндлордъ обладалъ монополіей на средства къ существованію, и небывалой силой при исполненіи продиктованныхъ имъ условій, именно силой голода“.

Первоначально ирландское движеніе преслѣдовало главнымъ образомъ политическую цѣль, именно созданіе ирландскаго государственнаго права; полагали, что по достиженіи этой цѣли уже не трудно будетъ избавиться какимъ нибудь способомъ отъ чужихъ лэндлордовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ сороковыхъ годовъ въ сельскомъ населеніи вырабатывается своеобразный способъ самопомощи: тайныя общества, которыя старались терроризаціей защитить арендаторовъ отъ слишкомъ большихъ притѣсненій и запугиваніемъ заставляли подчиняться себѣ агентовъ помѣщика, арендаторовъ, осмѣливавшихся занимать освободившіеся участки, присяжныхъ засѣдателей. Съ пятидесятыхъ годовъ возникаетъ среди переселившихся въ Соединенные Штаты ирландцевъ организація феніевъ, стремившихся къ полному отторженію Ирландіи отъ Англіи и въ виду безнадежности революціи прибѣгавшихъ къ покушеніямъ на представителей правительственной власти или на ненавистныхъ служителей земельной аристократіи.

Уже въ это время Исаакъ Беттъ (1813—1879 г.), предводитель парламентской ирландской фракціи и основатель программы самостоятельнаго управленія (home-rule), ясно указывалъ на путь, который долженъ былъ вывести изъ этихъ неурядицъ. Беттъ предлагалъ законодательную реформу, которая должна была „обезпечить настоящимъ арендаторамъ право на умѣренную ренту“, чѣмъ конечно подрывались имущественныя выгоды лэндлордовъ. Беттъ въ этомъ отношеніи указывалъ, какъ на образецъ, на арендные обычаи, принятые въ одной области Ирландіи, именно въ провинціи Ульстеръ. Этотъ „Ulster custom“, не признававшійся судомъ, но фактически поддерживавшійся сильнымъ крестьянствомъ преимущественно шотландскаго происхожденія, заключалъ три слѣдующихъ основныхъ положенія: во первыхъ, арендная плата можетъ быть повышаема только по крайне вѣскимъ причинамъ, а не только потому, что конкурренты предлагаютъ за право аренды высшую цѣну (слѣдовательно, дешевая рента, „fair rent“); далѣе за арендаторомъ признается право на его ферму; отказать ему можно только въ случаѣ запущенія его хозяйства или по другимъ подобнымъ основаніямъ, а за сдѣланныя улучшенія въ арендномъ участкѣ землевладѣлецъ долженъ вознаградить фермера при его уходѣ (такъ называемая обезпеченная аренда, „fixity of tenure“); наконецъ арендаторъ при уходѣ самъ имѣетъ право найти себѣ преемника, который уплачиваетъ ему за то нѣкоторое вознагражденіе (свободная продажа права аренды, „free sale“). Вотъ тѣ знаменитыя три буквы FFF, которыя съ шестидесятыхъ годовъ были боевымъ девизомъ ирландскаго аграрнаго движенія и позже стали краеугольнымъ камнемъ законодательной реформы. Въ Ульстерѣ, гдѣ этотъ обычай неоспоримо господствовалъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, онъ сыгралъ роль, подобную рабочимъ союзамъ въ движеніи англійскихъ рабочихъ классовъ: лучшіе и болѣе зажиточные арендаторы процвѣтали подъ защитой этого обычнаго права, но болѣе слабая часть крестьянства бѣдствовала не менѣе сильно, чѣмъ и раньше. Независимо отъ этого, далеко не исключались и всевозможныя несогласія между землевладѣльцами и арендаторами, такъ какъ понятіе fair rent не было строго ограничено и поэтому давало на практикѣ поводъ къ частымъ несогласіямъ во мнѣніяхъ. За то „обезпеченная аренда“, tenant right, являлась условіемъ, вполнѣ понятнымъ для ирландскаго крестьянства, которое видѣло въ немъ свое неотъемлемое право; „въ сущности, въ немъ и не было чего нибудь необыкновеннаго; это было только осуществленіемъ и выполненіемъ неписаннаго кодекса ирландскаго Tenantry, фермерства, тѣхъ воззрѣній, которыя, въ противоположность ан-

глійскому праву, господствовали въ народѣ, но кромѣ Ульстера находили себѣ практическое примѣненіе почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда на помощь имъ являлись преступленія и ужасы, угрозы и застращиванія" (М. Іаффе).

Въ этомъ то направленіи и стремилась дѣйствовать аграрная реформа, предпринятая Вильямомъ Эвартомъ Гладстономъ (1809—1898 г.); проведеніе ея было ускорено революціоннымъ движеніемъ, которымъ руководилъ съ семидесятыхъ годовъ Чарльзъ Стюартъ Парнеллъ (1849—91 г.), и основаніемъ „земельной лиги", имѣвшей теоретической цѣлью превращеніе арендаторовъ въ собственниковъ и въ безчисленныхъ случаяхъ пользовавшейся практическимъ методомъ бойкотированія покорныхъ помѣщичьихъ агентовъ и арендаторовъ. Первый аграрный законъ 1870 года былъ только робкой попыткой въ указанномъ направленіи; въ 1881 году по иниціативѣ Гладстона состоялся всеобъемлющій земельный актъ, являющійся однимъ изъ самыхъ великихъ созданій его государственной дѣятельности. Этотъ актъ прежде всего признаетъ за арендаторомъ право продавать или передавать по наслѣдству свою аренду; лэндлордъ имѣетъ право протеста только „по уважительнымъ причинамъ"; если онъ хочетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ преимущественной покупки, то долженъ удовлетворить арендатора извѣстной суммой (опредѣляемой, при отсутствіи соглашенія, судебнымъ порядкомъ). Далѣе законъ предусматриваетъ установленіе арендной платы, по требованію одной изъ сторонъ, судебнымъ приговоромъ на пятнадцатилѣтній срокъ. Въ теченіе этого срока лэндлордъ не имѣетъ права ни повысить аренды, ни отказать арендатору.

За земельнымъ актомъ 1881 года послѣдовалъ рядъ дополнительныхъ законовъ; важнѣйшій изъ нихъ относится къ 1885 году. По этому закону земельная комиссія въ Дублинѣ, назначенная для проведенія аграрной реформы, получила порученіе содѣйствовать, гдѣ только возможно, обращенію арендаторовъ въ собственниковъ. Покупавшій землю арендаторъ могъ получить отъ комиссіи въ ссуду всю стоимость своего участка съ обязательствомъ уплачивать въ теченіе 49 лѣтъ 4 процента ссуды въ видѣ процентовъ и погашенія. Комиссія получила въ свое распоряженіе для этой цѣли громадный фондъ въ 43 милліона фунтовъ стерлинговъ.

Какъ видно, это законодательство глубоко затронуло и пріобрѣтенныя лэндлордами права, и экономическую свободу. Но несмотря на то, что важнѣйшій пунктъ всего дѣла, именно сущность „дешевой ренты", остался невыясненнымъ,—такъ какъ онъ и не поддавался опредѣленію,— и слѣдовательно былъ оставленъ самый широкій просторъ для свободнаго произвола судовъ, всетаки новое законодательство, какъ того и желали его иниціаторы, явилось крупной соціальной реформой. Нѣсколько цифровыхъ данныхъ наглядно пояснятъ достигнутые результаты. До 1888 года не менѣе 16,000 крестьянскихъ арендаторовъ были сдѣланы собственниками; съ тѣхъ поръ впрочемъ эта цифра становится значительно меньше: ирландскій крестьянинъ не чувствуетъ стремленія къ пріобрѣтенію земли и предпочитаетъ оставаться арендаторомъ. Число арендныхъ договоровъ, фиксированныхъ либо земельной комиссіей, либо судами, достигало къ 1894 году 295,000, то есть ровно половины всѣхъ хозяйственныхъ единицъ Ирландіи. При этомъ въ среднемъ было достигнуто пониженіе арендной платы приблизительно на 20 процентовъ сравнительно съ прежними условіями. Облегченію арендаторовъ конечно соотвѣтствовали убытки землевладѣльцевъ, не получившихъ отъ государства никакого вознагражденія. Многіе изъ нихъ, отягчившіе свои помѣстья крупными закладными, совершенно раззорились. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи аграрная реформа оказалась равносильной конфискаціи имѣній.

Конечно, всѣ эти мѣропріятія не могли изгнать нужду изъ Ирландіи,

именно изъ Западной Ирландіи (провинція Коннаутъ въ особенности). Часть аграрныхъ бѣдствій происходитъ здѣсь вовсе не отъ арендныхъ условій, а отъ крайней раздробленности земельныхъ участковъ, воздѣлываемыхъ къ тому же самымъ примитивнымъ способомъ. И въ дѣйствительности М. Д. Боннъ въ своихъ этюдахъ о западной Ирландіи установилъ, что въ десяткахъ тысячъ этихъ крошечныхъ фермъ вырабатывается настолько незначительный доходъ, что даже полное уничтоженіе арендной платы не могло бы избавить населенія отъ нужды. Конечно, въ этомъ нельзя видѣть возраженія противъ аграрной реформы; самые лучшіе законы не въ состояніи въ теченіе немногихъ десятилѣтій создать благопріятное положеніе въ странѣ, народъ которой, послѣ столѣтій притѣсненія и нищеты, такъ сильно отсталъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніи.

Въ началѣ ирландская партія, представлявшая въ парламентѣ недовольное крестьянство, отрицательно отнеслась къ реформамъ аграрнаго закона 1881 года; Парнелль даже обнародовалъ манифестъ, въ которомъ приглашалъ крестьянъ не пользоваться законными льготами, а сокращать арендную плату по своему усмотрѣнію. Революціонная агитація продолжалась нѣсколько времени и даже давала о себѣ знать кровавыми покушеніями. Но съ паденіемъ Парнелля (1891 г.) его партія раздѣлилась и потеряла свое вліяніе въ парламентѣ; а въ самой Ирландіи, гдѣ тѣмъ временемъ обнаружились благодѣтельныя послѣдствія аграрной реформы, устранившей много несправедливостей и нужды, агитація уже дѣйствовала далеко не такъ зажигательно, какъ раньше. Постепенно страна успокоилась. Арендная плата вносится исправно, и отношенія между землевладѣльцами и арендаторами можно въ общемъ считать достаточно сносными.

Итакъ, за послѣднее тридцатилѣтіе политическія дарованія государственныхъ дѣятелей и правящихъ классовъ Англіи не хуже справились съ задачей разрѣшенія соціальнаго вопроса въ Ирландіи, чѣмъ въ предыдущій періодъ, съ трудностями, созданными фабричнымъ рабочимъ вопросомъ. Оба раза потребовались массовыя движенія недовольныхъ, чтобы убѣдить правящіе классы Англіи въ несостоятельности существующаго порядка; но оба раза англійская политика честно исполнила свой долгъ по отношенію къ угнетеннымъ классамъ, изслѣдовала въ каждомъ данномъ случаѣ, отбросивъ всѣ господствовавшіе предразсудки экономическихъ ученій, какую помощь можетъ и должно оказать государство, съ здравымъ реализмомъ всегда старалась развить начала, выработанныя до того уже самопомощью, и никогда не останавливалась передъ крупными реформами изъ боязни ущерба, какой должны понести при этомъ болѣе состоятельные классы.

3. Соціальный вопросъ во Франціи.

А. **Соціальное движеніе до 1848 года.**

Во Франціи первое соціальное движеніе (въ современномъ смыслѣ) возникло на почвѣ великой революціи. Послѣдняя стремилась къ осуществленію идей Руссо объ естественномъ правѣ. Человѣкъ отъ природы добръ, училъ Руссо; этотъ добрый неиспорченный человѣкъ,—развивалъ далѣе его теорію Робеспьеръ,—воплощается только въ низшемъ сословіи, незатронутомъ роскошью и развратомъ. Поэтому дарованіе всѣмъ гражданамъ равныхъ политическихъ правъ должно было доставить господство низшему сословію, и тогда наступало царство вѣчнаго равенства, добродѣтели и общаго блаженства. Вотъ почему новая конституція 1793 года выставила во главѣ положенія: „Всѣ люди равны по природѣ и по

закону“ и „цѣль общества—всеобщее благо“. И далѣе, Робеспьеръ возвѣщалъ: „Мы хотимъ, чтобы въ нашей странѣ своекорыстіе смѣнилось нравственностью, честолюбіе честностью, приличіе чувствомъ долга, презрѣніе къ несчастію—презрѣніемъ къ пороку“.

Но дѣйствительность имѣла совсѣмъ иной видъ, и всѣ эти прекрасные идеалы оставались безъ осуществленія.

Въ то время не приходили еще къ яснымъ воззрѣніямъ на новое перераспредѣленіе благъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ только при директоріи, когда была уже уничтожена демократическая конституція 1793 года, Франсуа Ноэль Бабефъ (1764—1797 г.), прежній партизанъ Робеспьера. исходя изъ законовъ естественнаго права, представлялъ себѣ новое общество основаннымъ на слѣдующихъ принципахъ: общій долгъ трудиться законодательное установленіе числа рабочихъ часовъ; регулированіе производства особой высшей властью, избираемой народомъ; распредѣленіе необходимыхъ работъ между отдѣльными гражданами; право всѣхъ гражданъ на всѣ блага.

Такъ какъ самая смѣлая фантазія не могла ожидать непосредственнаго осуществленія этого идеала безъ всякаго перехода, то Бабефъ измыслилъ цѣлый рядъ планомѣрныхъ реформъ, чтобы связать современный строй со своимъ соціальнымъ созданіемъ будущаго. Мы не можемъ обойти его проектовъ молчаніемъ, такъ какъ они играли впослѣдствіи важную роль въ исторіи соціально-революціоннаго движенія. Каждый французъ можетъ вступить въ общину, если онъ передастъ ей свое состояніе и предоставитъ въ ея распоряженіе свою рабочую силу. Члены работаютъ сообща и за то получаютъ съѣстные припасы, „составляющіе умѣренный и простой столъ“, и вообще всѣ предметы жизненной необходимости. Лица, имѣющія при вступленіи въ общину какіе нибудь долги, освобождаются отъ всѣхъ обязательствъ.

Эта программа сгруппировала вокругъ Бабефа, благодаря извѣстнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько тысячъ послѣдователей; это были по большей части старые приверженцы якобинскихъ доктринъ, недовольные горожане, идеологи изъ всѣхъ классовъ общества; не малую часть составляли ремесленники и рабочіе. Вмѣшалось правительство, которому направленіе движенія казалось опаснымъ. Поэтому была устроена тайная организація (клубъ Пантеона), которая занималась подготовленіемъ рѣшительнаго удара: возникъ планъ быстрымъ ударомъ завладѣть столицей и провозгласить экономическое равенство вмѣстѣ съ политическимъ; впрочемъ приготовленный къ населенію манифестъ осторожно говорилъ только о возстановленіи нарушенной конституціи 1793 года. чтобы этимъ привлечь на сторону заговорщиковъ всю якобинскую партію. Но во время этихъ тайныхъ подготовленій Бабефъ и его помощники, давно уже преданные и состоявшіе подъ полицейскимъ надзоромъ, были арестованы (май 1796 года). Судъ приговорилъ Бабефа и его друга Дартэ къ смерти; друзья были гильотинированы 27 мая 1797 года, а семь соучастниковъ заговора, въ томъ числѣ его будущій историкъ, Филиппо Буонаротти (1761—1837; см. стр. 426), были сосланы. Оставшись такимъ образомъ безъ вождей, неокрѣпшее движеніе должно было быстро угаснуть. Но для французскаго общества, которое стремилось къ покою, порядку, обезпеченію возникшихъ послѣ переворота новыхъ экономическихъ отношеній и къ безпрепятственной хозяйственной дѣятельности, — для него открытіе коммунистическаго заговора было только лишнимъ поводомъ, чтобы признать всякую власть, которая могла бы обѣщать исполненіе этихъ желаній. Поэтому, „новый актъ въ трагедіи революціи былъ законченъ, чтобы дать мѣсто личности человѣка, который вскорѣ блескомъ своихъ побѣдъ заставилъ притихнуть республиканизмъ, свободолюбіе, коммунизмъ и охлократію“ (Лоренцъ фонъ Штейнъ).

Только въ третьемъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка, въ то время, когда промышленное развитіе далеко еще не создало массоваго пролетаріата, во Франціи снова начинается болѣе значительное движеніе. Условіями времени объясняется, что приверженцы его вербовались главнымъ образомъ въ кружкахъ идеалистовъ высшихъ и среднихъ классовъ. Здѣсь „молодежь въ дѣтствѣ слышала о грандіозныхъ событіяхъ революціи, пережила имперію и отцами имѣла героевъ или жертвъ. Они были зачаты между двумя сраженіями и пушечный громъ сопровождалъ ихъ появленіе на свѣтъ“ (Г. Брандесъ). Эта молодежь, страстно и романтично настроенная, полная естественнаго отвращенія къ беззастѣнчивому эгоизму и плоской прозаичности окружавшаго ее буржуазнаго общества, должна была рѣшительно выступить противъ господствовавшей утилитарной морали и съ энтузіазмомъ послѣдовать за каждымъ проповѣдникомъ, который позвалъ бы на борьбу съ эгоизмомъ, буржуазіей и финансовой знатью. Такимъ проповѣдникомъ явился въ 1828 году Базаръ, который, развивая ученіе Сенъ-Симона, вербовалъ приверженцевъ соціализма.

Графъ Клодъ Анри де Сенъ-Симонъ (1760—1825 г,), который самъ только сумѣлъ основать школу, но не могъ вызвать настоящаго движенія, въ своихъ выводахъ еще не дошелъ до соціализма. Онъ не уяснялъ себѣ значенія борьбы капитала и пролетаріата. Напротивъ, онъ соединялъ оба класса въ понятіе производительныхъ (то есть трудящихся надъ созданіемъ матеріальныхъ благъ) и доказывалъ, что этому, самому многочисленному и продуктивному сословію должно принадлежать управленіе государствомъ, находившееся фактически все еще въ рукахъ дворянства, крупныхъ землевладѣльцевъ, духовенства и высшей бюрократіи. На эту идею легко могли навести политическія условія того времени; именно тогда (1815—1830 г.) во Франціи происходила рѣшительная борьба между сторонниками стараго режима и буржуазіей, поддерживавшейся народомъ; классовыя противорѣчія, между имущими классами и находившимся еще въ періодѣ развитія пролетаріатомъ, далеко не выяснились.

Ученіе Сенъ-Симона было слѣдовательно теоретическимъ выраженіемъ стремленій классовъ, добившихся господства. Требуемое имъ преобладаніе производителей уже начинало проявляться въ фактическомъ хозяйственномъ развитіи въ видѣ господства капитала. Если изъ началъ Сенъ-Симона могло выработаться соціалистическое ученіе, то оно опиралось на его настойчивыя требованія равенства, признававшаго права только за работоспособностью, а не за присхожденіемъ; на его проповѣдь введенія въ практическую жизнь болѣе совершенной этики. Это требованіе стоитъ въ связи съ теченіемъ, характеризующимся романтикой и стремленіемъ къ религіозной реформѣ. И духу времени и мистически-мечтательной сущности характера Сенъ-Симона отвѣчало то обстоятельство, что его система прежде всего должна была являться и морально-религіозной; самъ онъ называлъ свое ученіе „новымъ христіанствомъ“. Намѣренія его сводились къ тому, чтобы исполнить человѣчество новой нравственностью и на этой основѣ создать новый политическій и соціальный порядокъ. „Въ новомъ христіанствѣ“, писалъ онъ, „вся нравственность должна выводиться непосредственно отъ слѣдующаго принципа: люди должны считать другъ-друга братьями. Этотъ принципъ, принадлежащій первобытному христіанству, достигнетъ возрожденія и въ немъ явится въ видѣ такого положенія: религія должна вести общество къ высокой цѣли скорѣйшаго улучшенія участи бѣднѣйшаго класса“. Итакъ цѣлью Сенъ-Симона было, путемъ преобразованія христіанства въ практическую мораль, доставить человѣчеству полное земное благополучіе.

Сенъ-Симонъ былъ далекъ отъ мысли о реформѣ собственности. Эту идею выставилъ только Сентъ-Аманъ Базаръ (1791—1832 г.), который

вмѣстѣ съ тѣмъ, примыкая къ общественно-историческимъ взглядамъ своего учителя, выработалъ собственное ученіе объ историческомъ развитіи. По его теоріи, есть два основныхъ принципа общественности: эгоизмъ (или индивидуализмъ) и единеніе (или ассоціація). Смотря по тому, который принципъ преобладаетъ, въ исторіи народовъ можно отличать органическія и критическія эпохи. Органическая эпоха характеризуется общепризнаннымъ авторитетомъ опредѣленныхъ идей, общностью воззрѣній и взглядовъ и общей работой для достиженія извѣстной цѣли. Въ такія эпохи человѣчество сознаетъ свое назначеніе и потому создаетъ устойчивыя формы соціальнаго строя. Критическая эпоха характеризуется критикой завѣщанныхъ принциповъ, которые утрачиваютъ свою власть надъ умами, утратой чувства общности и господствомъ идивидуализма. Существующій строй въ такія эпохи подрывается и зданіе, сооруженное прошлыми вѣками, въ концѣ концовъ рушится.

До сихъ поръ всемірная исторія отмѣтила двѣ великія органическія и двѣ великія критическія эпохи. Органическая эпоха классической древности создала славу Эллады и величіе Рима; критическая эпоха наступаетъ съ возникновеніемъ греческой философіи, подорвавшей старую религію и міровоззрѣніе эллиновъ, и съ проникновеніемъ въ римскую имперію разлагающаго индивидуализма. Послѣ распаденія стараго міра христіанство дало начало второму органическому періоду; создались новыя устойчивыя государственныя формы и новая культура. Но съ пятнадцатаго вѣка снова пробуждается критика; повсюду торжествуетъ сомнѣніе, міръ раздѣляется, всѣ общія связи утрачиваются. Но этотъ новый критическій періодъ, принесшій съ собою невыразимыя бѣдствія, приближается къ своему концу. Повсюду чувствуется потребность въ новой органической эпохѣ, которая, очевидно, уже совсѣмъ близка, вѣдь явился уже ея провозвѣстникъ — Сенъ-Симонъ.

Но въ эту новую эпоху и матеріальный строй долженъ подвергнуться реорганизаціи, такъ какъ только этимъ путемъ каждый индивидуумъ можетъ найти свое настоящее мѣсто въ обществѣ. Въ началѣ, когда борьба между личностями выражалась еще въ самыхъ грубыхъ формахъ, побѣжденный предавался смерти. Но вскорѣ побѣдитель понялъ, что для него гораздо выгоднѣе оставить соперника въ живыхъ, чтобы подчинить его себѣ. Послѣдствіемъ этого явилась эксплуатація человѣка человѣкомъ, которая съ тѣхъ поръ составляетъ характерную основу общественнаго строя. Въ древности побѣжденный былъ рабомъ, въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ христіанства, крѣпостнымъ, въ новую эпоху онъ сталъ рабочимъ (ouvrier),—свободнымъ по закону, но лишеннымъ всякаго имущества и подчиненнымъ волѣ богачей, „рабомъ своего несчастія и своей бѣдности, отъ которыхъ онъ такъ же не въ силахъ освободиться по желанію, какъ не могъ крѣпостной“.

Поэтому формула проста: Каждому по его способностямъ, и каждой способности по ея дѣламъ; или, еще яснѣе, по выраженію Анфантэна (см. ниже): Каждому трудъ по способностямъ и награда по его дѣламъ. Такимъ то путемъ должно наконецъ возстановиться единство между индивидуумомъ и обществомъ, необходимое для новаго соціальнаго строя: личность работаетъ, прежде всего, для себя; но оставляя по смерти свое состояніе обществу, она въ то жевремя работаетъ для общества. И вотъ, провозвѣстники новаго ученія „пророчили изумленному міру вѣкъ, полный такой славы и блеска, такія прекрасныя времена, такіе золотые посѣвы, такіе богатые плоды, такое народное счастье, столько богатства и разнообразія, столько величія, столько наслажденій, столько гармоніи, что даже равнодушный заслушивался этими пророческими грезами“ (Луи Рейбо).

Разработку ученія въ частностяхъ произвелъ главнымъ образомъ Бартелеми Просперъ Анфантэнъ (1796—1864 г.); всякую прибыль, наемную плату

ренту, онъ считаетъ доходами, основанными не на трудѣ владѣльца, а на эксплуатаціи рабочаго. Проведеніе принциповъ, которые положили бы всему этому конецъ, должно было послѣдовать путемъ іерархической организаціи общества; а потому и воинствующая община сенъ-симонистовъ получила строгую іерархическую организацію и руководство ею принадлежало двумъ „верховнымъ жрецамъ“ (pères suprêmes): Базару и Анфантэну (1829 г.). Но когда Анфантэнъ, въ увлеченіи быстрымъ успѣхомъ (насчитывались уже тысячи послѣдователей), потерялъ всякую мѣру и началъ проповѣдывать эмансипацію плоти, то есть расторжимость брака при охладѣваніи склонности, такъ какъ общество должно удовлетворять всѣмъ характерамъ, а значитъ, и вѣтреннымъ и непостояннымъ, тогда Базаръ, возмущенный подобнымъ искаженіемъ истиннаго ученія, вышелъ изъ общины (1831 г.). Вскорѣ и печатный органъ общины, „Globe“, началъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ проповѣдывать доктрину свободной любви. Это безразсудное и безнравственное поведеніе быстро оттолкнуло общество отъ ученія, запятнавшаго себя двойнымъ клеймомъ шутовства и разврата. Удаляясь съ остатками своей общины, недавно еще столь могучей, въ свое имѣніе Менильмонтанъ близъ Парижа, Анфантэнъ могъ собрать около себя только сорокъ послѣдователей (1832 г.). „Анфантэнъ“, объявлялось въ послѣднемъ номерѣ „Globe“, это мессія Божій, царь народовъ. Міръ видитъ пророка своего — и не познаетъ его; поэтому онъ удаляется отъ васъ со своими апостолами“. Послѣдніе остатки школы (Олиндъ, Родригесъ, Мишель Шевалье, Шарль Дювейрье) были наконецъ разогнаны судебнымъ вмѣшательствомъ, по возбужденному противъ нихъ обвиненію въ безнравственности. Движеніе пронеслось такъ быстро и отрезвленіе общества было такъ внезапно, что отъ всей картины въ публикѣ осталось „только удивленіе, какъ могла она увлечься этимъ ученіемъ, и новый поводъ для недовѣрія къ всѣмъ новшествамъ. Не прошло и года, а о сенъ-симонизмѣ говорили, какъ о давно угасшемъ движеніи“ (Лоренцъ фонъ Штейнъ).

Независимо отъ Сенъ-Симона разработалъ свою соціальную теорію Шарль Фурье (1772—1837 г.; портретъ его помѣщенъ на таблицѣ при стр. 411). Онъ исходитъ изъ строго индивидуалистическихъ принциповъ; цѣль Фурье не въ благѣ общества или въ всеобщемъ равенствѣ, а въ удовлетвореніи стремленій личности, въ по возможности блаженной жизни каждаго индивидуума. По Фурье, всѣ индивидуальныя стремленія, какъ вытекаетъ изъ самаго факта ихъ существованія, дарованы человѣку свыше, слѣдовательно хороши. Необходимо только дать имъ свободное проявленіе на полезномъ поприщѣ; тогда достигается цѣль, что человѣкъ можетъ постоянно желать, а природа въ состояніи охотно исполнять каждое его желаніе. Если въ наше время человѣкъ обладаетъ желаніями, которыя не находятъ исполненія, и стремленіями, которыя приходится подавлять, то въ виду предназначенной Провидѣніемъ гармоніи между желаніемъ и наслажденіемъ, это является зломъ, которое слѣдуетъ поставить въ вину исключительно неудовлетворительной организаціи человѣческаго общества.

Соотвѣтственно этому, Фурье подвергаетъ жестокой критикѣ всѣ историческія формы общественности, и сильнѣе всего нападаетъ на современный строй, который саркастически называетъ „цивилизаціей“. Мелкія производства, такъ предсказывалъ Фурье еще въ 1808 году, должны погибнуть въ борьбѣ, останутся только крупныя предпріятія, и въ концѣ концовъ судьбу міра будетъ рѣшать небольшая группа могучихъ капиталистовъ. Торговля, которая должна была оставаться только посредникомъ между производствомъ и потребленіемъ, стала господиномъ производителя, пользуется непомѣрными барышами и занимаетъ слишкомъ много людей. Ремесла, въ ихъ современной организаціи, также мало удовлетво-

ряютъ справедливымъ требованіямъ. Трудъ, который долженъ былъ бы доставлять удовольствіе рабочему, сдѣлался вмѣстѣ этого тягостью и приноситъ слишкомъ ничтожную выручку. Что и сельское хозяйство не можетъ быть продуктивнымъ, станетъ ясно, если принять во вниманіе, что земля раздроблена на мелкіе участки и земледѣліемъ занимаются бѣдные, тупые крестьяне.

Лучше въ всякомъ случаѣ, чѣмъ „цивилизація", былъ бы вѣкъ „гарантизма", къ которому она видимо приближается. Въ немъ по крайней мѣрѣ каждой личности будетъ обезпечено существованіе, среднее сословіе получитъ дешевый кредитъ, а рабочіе будутъ страховкой гарантированы отъ различныхъ несчастныхъ случаевъ. Но между тѣмъ, если организовать человѣчество въ „фаланги", что можно сдѣлать непосредственно, то оно сразу же испытаетъ упоительное счастье. „Фаланги" это общины въ 2000 человѣкъ, которые совмѣстно живутъ, работаютъ и пользуются добытыми благами, то есть, поскольку это имъ нравится. Каждый членъ общины въ каждый моментъ выполняетъ ту работу, которая какъ разъ доставляетъ ему удовольствіе, что должно необычайно повысить продуктивность труда. Всѣ произведенныя цѣнности распредѣляются между участниками пропорціонально затраченной работѣ, обнаруженнымъ дарованіямъ и вложенному капиталу.

Система Фурье выдвигается на первый планъ только послѣ распаденія школы Сенъ-Симона. Особое вліяніе здѣсь принадлежитъ Виктору Консидерану (1808—97 г.), который очистилъ систему своего учителя отъ всевозможныхъ фантастическихъ придатковъ и придалъ главное значеніе болѣе жизненнымъ и практическимъ идеямъ, хорошо примѣнимымъ для народной агитаціи: таковы идеи права на трудъ и страхованія рабочихъ.

Одинъ изъ сосланныхъ заговорщиковъ „бабувистовъ", итальянецъ Филиппо Буонаротти (см. выше, стр. 422), воспользовался амнистіей и по возвращеніи въ Парижъ вскорѣ безудержно отдался новымъ заговорамъ. Онъ сталъ карбонаріемъ, а потомъ принималъ участіе и въ упомянутомъ уже республиканскомъ обществѣ. Но то, чего не могли сдѣлать доводы одряхлѣвшаго партизана, то произвела его книга объ ученіи Бабефа („Conspiration de Babeuf", Брюссель, 1828 г.).

Руководящую роль играли Луи Огюстъ Бланки (1805 — 1881 г.) и Арманъ Барбесъ (1809 — 1870). Эти „люди дѣла", болѣе увлекавшіеся демоническимъ соблазномъ заговора, чѣмъ его реальной цѣлью, не были въ состояніи выставить проекта положительныхъ реформъ, хотя бы даже такихъ, какія предлагалъ уже Бабефъ.

При строгостяхъ противъ тайныхъ обществъ, естественная антипатія французовъ къ составленію прочныхъ и устойчивыхъ партійныхъ союзовъ тѣмъ скорѣе вела къ возникновенію пестраго множества сектъ, соотвѣтственно разнообразію соціалистическихъ системъ того времени. Преувеличенныя идеи Бабефа о равенствѣ нашли продолженіе въ школѣ Этьена Кабэ (1788 — 1856 г.), которая впрочемъ стремилась къ достиженію своей цѣли строго законнымъ путемъ и вообще въ лучшую сторону отличалась отъ бабувизма съ его эксцентричностями. О фурьеристахъ мы уже упоминали. Далѣе идетъ школа Филиппа Бюшэ (1796 --1865 г.) который придалъ болѣе опредѣленныя формы смутнымъ представленіямъ фурьеристовъ о благодѣтельномъ значеніи единенія. Еще съ 1831 года Бюше доказывалъ, что рабочіе должны до тѣхъ поръ дѣлать сбереженія, пока не будутъ въ состояніи учредить продуктивную ассоціацію. Затѣмъ часть прибылей должна была бы пойти на расширеніе стараго союза или на учрежденіе новаго, пока постепенно всѣ рабочіе Франціи не стали бы владѣльцами капитала, необходимаго для производства. Эти идеи, какъ указалъ Лексисъ, въ самомъ дѣлѣ повели къ ряду практическихъ попытокъ

о вообще довольно прочно укоренились въ сознаніи многихъ кружковъ парижскихъ рабочихъ.

Еще большее сочувствіе пролетаріата должна была найти развитая Луи Бланомъ (1811 — 82 г.) идея объ основаніи такихъ ассоціацій при помощи государства. Согласно этому, рабочему уже не приходилось дѣлать сбереженій изъ своего скуднаго заработка; освобожденіе четвертаго сословія могло бы совершиться однимъ ударомъ. Въ частности предложеніе Луи Блана сводилось къ тому, чтобы государство, по желанію рабочихъ, устраивало для нихъ мастерскія, которыми въ первый годъ должно было завѣдывать правительство, а далѣе сами рабочіе. Эти „ateliers sociaux“ должны были составлять союзъ, приходить къ соглашенію относительно качества и количества производства, заботиться объ инвалидахъ и больныхъ и помогать предпріятіямъ, испытывающимъ кризисы. Предполагалось, что капиталистическія предпріятія, тѣснимыя новыми конкуррентами, вскорѣ вынуждены будутъ пріостановить свою дѣятельность.

Всѣ эти школы были вовсе не исключительно выразителями интересовъ рабочаго класса. Это обстоятельство нужно тѣмъ рѣзче подчеркнуть, что оно обыкновенно упускается изъ виду. Напротивъ, онѣ считаютъ себя представителями всѣхъ классовъ, страдающихъ отъ капиталистическаго способа производства, слѣдовательно столько же мелкой буржуазіи, сколько и пролетаріата.

Еще яснѣе эта черта наблюдается у радикальныхъ христіанскихъ соціалистовъ того времени, каковы Пьеръ Леру (1797—1871); аббаты Гюгъ Фелиситэ Роберъ де Ламеннэ (1782—1854) и Анри Бенжамэнъ Констанъ (де Ребекъ, 1767—1830), Константэнъ Пекеръ (1801—1887). Сознательно или безсознательно они примыкаютъ къ воззрѣнію Сенъ-Симона, что только очищеніе человѣчества религіей и моралью въ состояніи проложить пути для будущей соціальной реформы; ибо только тогда всѣ люди будутъ относиться другъ къ другу какъ братья и потому смогутъ создать организацію, при которой имущіе согласятся на уравненіе состояній.

Въ это же время гораздо сознательнѣй вступается за интересы среднихъ и низшихъ классовъ Пьеръ Жозефъ Прудонъ (1809—65; портретъ его на таблицѣ при стр. 412); остроумнымъ, хотя чисто идеологическимъ методомъ онъ стремится къ осуществленію и въ экономическомъ мірѣ трехъ основныхъ идей великой революціи: справедливости, равенства, свободы. Въ интересахъ свободы личности Прудонъ рѣшительно выступаетъ противъ коммунизма, который упрекаетъ въ обезличеніи индивидуальностей, въ воспитаніи всеобщей лѣности и въ истребленіи личнаго самосознанія. Планы Прудона заключаются въ томъ, чтобы сохранить пріобрѣтенія индивидуалистическаго экономическаго строя, и устранить только сопровождающія его бѣдствія и несчастія. По этой причинѣ конкурренцію необходимо сохранить; но борьба и обособленіе должны быть въ извѣстныхъ границахъ смягчены взаимопомощью и единеніемъ. „Конкурренція и ассоціація“, говоритъ онъ, „помогаютъ другъ другу. Далеко не исключая другъ друга, онѣ даже не расходятся въ направленіи. Понятіе конкурренціи уже предполагаетъ въ себѣ понятіе объ общей цѣли; слѣдовательно конкурренція не есть эгоизмъ, и прискорбной ошибкой соціализма было видѣть въ ней зло, пагубное для общества“. Прудонъ только выступаетъ противъ необузданнаго состязанія, въ которомъ обладаніе капиталомъ, какъ преимущество привилегированнаго меньшинства, эксплуатируетъ народную массу, обреченную на тяжелый трудъ; въ которомъ мелкій промышленникъ, не имѣя кредита, не въ состояніи держаться на ногахъ, и въ которомъ соціальныя неурядицы ведутъ къ кризисамъ, къ банкротству предпринимателей и къ безработицѣ многихъ тысячъ рабочихъ. Такимъ путемъ Прудонъ приходитъ къ неизбѣжному

требованію такого общественнаго строя, который сохранилъ бы конкурренцію, а съ ней и частную собственность, но въ то же время обуздалъ бы ихъ соціальными мѣропріятіями. Этого можно достичь „установленіемъ цѣнностей“, то есть нормой, регулирующей, по принципамъ справедливости, всѣ цѣны, а также учрежденіями, которыя предоставляли бы всѣмъ кредитоспособнымъ труженикамъ безпроцентныя ссуды въ требуемыхъ для производства размѣрахъ. Общество, по положенію Прудона, должно просто предоставлять заимообразно необходимыя средства отдѣльнымъ личностямъ и ассоціаціямъ, которыя предпринимаютъ производство; тогда никто не будетъ зависѣть отъ другихъ, значитъ, обмѣнъ и торговое обращеніе будутъ происходить безъ принужденія для какой нибудь изъ сторонъ (въ противоположность отношеніямъ, существующимъ нынѣ между капиталистомъ и рабочимъ или ремесленникомъ). Со введеніемъ реформы обмѣну будутъ всегда подвергаться только равноцѣнные продукты, то есть изготовленные въ равное время и съ равными затратами.

Такимъ образомъ въ систему входитъ и то, что полное значеніе и полную оцѣнку получаетъ только трудъ, такъ что справедливая продажная цѣна является сама собой какъ послѣдствіе настоящей свободы обмѣна, созданной безпроцентностью капитальной ссуды. Поэтому и будущій строй является въ представленіиПрудона вовсе не централистическимъ, а въ самомъ широкомъ смыслѣ федералистическимъ. Крестьяне не будутъ организованы въ ассоціаціи, такъ какъ сельско-хозяйственная работа не совмѣстима съ коммунистическими началами; каждый крестьянинъ будетъ вполнѣ независимо воздѣлывать свой участокъ. Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, которыя требуютъ въ производствѣ самаго широкаго раздѣленія труда. Такъ какъ здѣсь повидимому ассоціація безусловно необходима, то весь вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ придать ей форму, совмѣстимую съ достоинствомъ отдѣльныхъ участниковъ. Такой формой является та, когда каждый рабочій имѣетъ долю въ предпріятіи. Далѣе каждая ассоціація обязывается передъ правительствомъ доставлять всѣ требуемые продукты или услуги постоянно почти по собственной цѣнѣ. Союзы конкуррируютъ между собою и не имѣютъ права соединяться для какого нибудь давленія на высоту цѣнъ. Ихъ книги подлежатъ, по требованію, просмотру администраціи, которая имѣетъ право контроля. Въ случаѣ нарушенія этихъ принциповъ, администрація можетъ требовать распущенія ассоціаціи. Оставить ассоціацію и разсчитаться съ ней можетъ каждый, когда ему хочется; съ другой стороны ассоціація можетъ принимать въ число членовъ каждаго, кого пожелаетъ. Впрочемъ никому, кто пожелалъ бы отдѣльно заняться какимъ нибудь предпріятіемъ, не воспрещается открыть собственную мастерскую и заниматься, чѣмъ ему угодно. И тому, кто пожелалъ бы работать въ этой мастерской за поденную плату, тоже не должно быть никакихъ препятствій.

Итакъ Прудонъ измыслилъ своеобразный идеалъ общественнаго строя. Но этотъ идеалъ, съ его страннымъ смѣшеніемъ соціализма и индивидуализма, съ уничтоженіемъ всякой централизаціи не только въ политикѣ, но и въ экономическомъ быту, наконецъ съ требованіемъ безпроцентнаго кредита, нисколько не утрачивалъ своего притягательнаго дѣйствія на пролетаріатъ, и при томъ являлся заманчивымъ и для мелкихъ хозяевъ.

Разумѣется, низшіе классы, на которые настоящимъ ливнемъ сыпались всѣ эти системы и теоріи, не могли провести между ними тщательнаго разграниченія. Въ умахъ, не отдавшихся всецѣло какой нибудь опредѣленной системѣ, долженъ былъ выработаться родъ „обыденнаго соціализма“, слагавшагося изъ различныхъ нападокъ на собственность, обвиненій противъ зажиточной буржуазіи, сожалѣній объ участи рабочихъ, надеждъ на лучшее будущее, притязаній къ государству и иллюзій относительно цѣ-

лебной силы ассоціацій. Въ массѣ народа повторялись извѣстные термины, не заключавшіе никакого яснаго понятія, но именно поэтому казавшіеся каждому панацеей противъ неурядицъ эпохи, такъ какъ каждый подставлялъ подъ эти термины, какое заблагоразсудится, содержаніе. Въ числѣ этихъ терминовъ наиболѣе прославилась фраза объ „организаціи труда“. „Это выраженіе“, заявилъ впослѣдствіи въ парламентѣ одинъ изъ депутатовъ, „оказывало чуть ли не волшебное дѣйствіе. Слово распространялось изъ устъ въ уста, изъ одного листка въ другой, и находило въ публикѣ общій отголосокъ. Успѣхъ его усиливался именно неопредѣленностью формулы При каждомъ банкротствѣ, при каждомъ торговомъ кризисѣ, при каждой пріостановкѣ работъ, каждый разъ когда изобрѣтеніе новой машины уменьшало число занятыхъ рабочихъ, все вновь и вновь повторялась фраза о необходимости организаціи труда“.

При такомъ настроеніи народа вскорѣ и партія демократическаго средняго сословія, руководимая Александромъ Огюстомъ Ледрю-Ролэномъ (1807—1874), увидѣла себя вынужденной пойти на сближеніе съ соціализмомъ. Ея главный органъ, „La Réforme“, съ готовностью началъ помѣщать на своихъ столбцахъ соціально-политическія статьи Луи Блана; и въ оффиціальной общественной программѣ партіи явно обнаружилось вліяніе новыхъ соціалистическихъ теорій. „Рабочіе“, гласила эта программа, „были нѣкогда рабами, они были крѣпостными; теперь они — наемные труженики; надо стремиться къ тому, чтобы сдѣлать ихъ участниками предпріятій. Государство должно взять на себя иниціативу индустріальнаго прогресса и создать такую организацію труда, при которой рабочіе будутъ участниками предпріятій. Государство обязано доставить сильному и здоровому гражданину трудъ, а старому и слабому помощь и защиту“.

Несмотря на всю мощь этого соціалистическаго движенія, оно въ первое время лишь слабо проявлялось въ политической жизни; строгіе законы о собраніяхъ и обществахъ, высокій имущественный цензъ для избирателей, дававшій во всей Франціи право голоса только 200,000 богатѣйшихъ гражданъ, таковы были препятствія, не позволявшія новымъ идеямъ проявиться съ полной силой въ нормальныя эпохи государственной жизни.

Въ это время, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда соціализмъ и освобожденіе низшихъ классовъ заняли уже столь выдающееся мѣсто въ царствѣ идей, правящія сословія оставались еще совершенно незатронутыми новымъ теченіемъ; никогда въ теченіе девятнадцатаго вѣка крупныя промышленники и финансисты не оказывали такого вліянія на правящія сферы Западной Европы, какъ именно въ эту эпоху, которую Трейчке называетъ „золотыми днями буржуазіи“. Фабричное законодательство, въ частности, далеко не охраняло интересовъ рабочихъ и было односторонне разсчитано въ выгодахъ буржуазіи. Союзы между товарищами по ремеслу для охраны ихъ „якобы общихъ интересовъ“, по характерному выраженію закона, относившагося еще къ 1791 году, были до сихъ поръ запрещены; къ тому же этотъ законъ во время правленія Людовика Филиппа примѣнялся исключительно противъ коалицій рабочихъ и ни разу противъ работодателей. Инструкціи префектовъ обязывали ихъ при забастовкахъ воспрещать собранія и немедленно высылать заграницу иностранныхъ рабочихъ. Рабочая книжка была обязательной для рабочаго, а въ ремесленныхъ судахъ большинство было обезпечено за работодателемъ. Въ защиту рабочихъ былъ изданъ только недостаточный законъ о рабочемъ времени, устанавливавшій для дѣтей двѣнадцатичасовый максимальный день; да и то оффиціальная инструкція оговаривалась, что „невозможно требовать строгаго и полнаго примѣненія“. И правящіе классы Франціи оставались безучастными, не смущаясь ни нищетой пролетаріата большихъ городовъ, ни волненіями среди голодныхъ рабочихъ, ни возстаніями коммунистическихъ заговорщиковъ.

Вѣнцомъ этой политики заблужденій была та отважная безразсудность, съ которой оффиціальные представители этого господства крупной буржуазіи просто-на-просто отрицали существованіе неурядицъ и провозглашали свой міръ наилучшимъ изъ міровъ. Имѣя дѣло съ состояніемъ общества, таившимъ въ себѣ самыя рѣзкія классовыя противоположности, эти люди увѣряли, что не существуетъ ни притѣсненій, ни привилегій, такъ какъ каждому открыта возможность разбогатѣть и затѣмъ достичь высшихъ политическихъ правъ. „Нѣтъ больше классовой борьбы“, такъ заявлялъ Франсуа Пьеръ Гильомъ Гизо (1778—1874), бывшій министромъ-президентомъ, незадолго до февральской революціи, „такъ какъ больше не существуетъ враждебныхъ другъ-другу интересовъ“. А когда указывалось на существованіе народнаго движенія, онъ далъ такой отзывъ: „Мы, три силы, престолъ и обѣ палаты, — единственные законные органы верховной власти народа; внѣ насъ нѣтъ ничего, кромѣ узурпаціи и революціи“. По такимъ основаніямъ было категорически отказано въ расширеніи избирательныхъ правъ, которыми въ цѣлой странѣ пользовалась всего какая нибудь четверть милліона плательщиковъ высшихъ налоговъ. Классъ, который такъ цѣпко держался своихъ привилегій, не могъ на долгое время обезпечить порядокъ въ странѣ; и въ самомъ дѣлѣ, тронъ, воздвигнутый въ іюлѣ 1830 года, былъ низвергнутъ, какъ карточный домикъ, революціонной бурей 1848 года.

И все таки, въ разсматриваемое время наиболѣе зрѣлымъ политически классомъ была крупная буржуазія. Настоящее среднее сословіе, мелкая буржуазія городовъ, во время іюльской монархіи составляло радикальную оппозицію, въ политикѣ лелѣявшую традиціи великой революціи, а въ остальномъ смутно колебавшуюся между охраной всѣхъ правъ собственности и соціалистическими идеалами; оно даже не сумѣло достичь сближенія съ крестьянствомъ, самымъ многочисленнымъ сословіемъ Франціи. Политическою незрѣлостью превосходили среднее сословіе только рабочіе, которые постоянно надѣялись однимъ удачнымъ прыжкомъ попасть въ обѣтованную страну, прозывавшуюся соціализмомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ временное правительство, поставленное революціей 1848 года и представлявшее прежде всего среднее сословіе, затѣмъ рабочіе классы, не было въ силахъ совершить значительныхъ реформъ. Максимальный рабочій день для всѣхъ промышленныхъ предпріятій былъ только намѣченъ, но не осуществленъ; запрещеніе пользоваться мастерами-посредниками (эксплуатировавшими рабочихъ) не выполнялось; данное рабочимъ ассоціаціямъ пособіе въ три милліона франковъ не могло поднять дѣла коопераціи, а нехотя введенная попытка осуществить право на трудъ повела въ концѣ концовъ, когда были закрыты созданныя съ этой цѣлью „національныя мастерскія“, къ бунту рабочихъ.

Б. **Имперіализмъ. Соціальная политика Наполеона III.**

Такимъ образомъ французскій государственный корабль безъ цѣли и компаса носился по бурнымъ волнамъ океана политики, и долженъ былъ достаться первому, кто сумѣлъ бы стать у кормила и ввести судно въ безопасную гавань. При Наполеонѣ III направленіе оффиціальной общественной политики опредѣлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ императоръ, когда былъ еще молодымъ принцемъ, разработалъ собственную программу соціальной реформы, сводившуюся къ созданію фабричной аристократіи въ духѣ Карлейля и къ государственной борьбѣ съ безработицей при помощи обработки невоздѣланныхъ земель. Какія же мѣры были приняты къ осуществленію проекта, когда его авторъ вступилъ на престолъ Франціи? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ проложилъ себѣ путь къ власти измѣной и преступленіемъ и поэтому долженъ былъ остерегаться мстителей. Итакъ, его

система началась походомъ противъ всѣхъ, разнороднѣйшихъ, рабочихъ обществъ, которыя считались самыми дѣятельными очагами революціонныхъ стремленій. Поэтому жертвой диктатуры, „спасительницы общества“, пали не только всѣ политическіе кружки, но и чисто хозяйственныя товарищества, въ томъ числѣ много цвѣтущихъ обществъ потребителей и не мало производительныхъ ассоціацій.

Но послѣ того какъ прошла первая жгучая пора укрѣпленія имперіализма, было проведено тщательное разграниченіе между политическими и экономическими организаціями пролетаріата; и насколько безпощадно подавлялись въ самомъ зародышѣ первыя, настолько свободно было предоставлено развиваться вторымъ. Поэтому при второй имперіи возникаетъ весьма оживленное движеніе рабочихъ, главной цѣлью имѣющее устройство союзовъ для повышенія заработной платы и вообще улучшенія условій труда. Подобныя коалиціи все еще оставались подъ запретомъ по упомянутому закону 1791 года, но теперь ихъ молчаливо терпѣли. Появилось болѣе снисходительное отношеніе къ рабочимъ забастовкамъ и префектамъ было приписано въ такихъ случаяхъ соблюдать полный нейтралитетъ. Наконецъ (въ 1864 г.) было отмѣнено и самое запрещеніе коалицій.

Идя далѣе, имперія предприняла еще длинный рядъ практическихъ мѣръ для помощи рабочимъ классамъ. Такъ, правительство старалось обезпечить въ столицѣ дешевыя цѣны на необходимые предметы продовольствія. Особенно способствовало этому учрежденіе особой кассы булочниковъ, caisse de la boulangerie, изъ которой отдѣльные пекаря, при повышеніи цѣнъ на муку, получали пособія, чтобы сохранить низкую цѣну на хлѣбъ. Далѣе, была предпринята энергичная борьба съ безработицей; но она велась не въ той расплывчатой формѣ, которую предлагала брошюра принца Людовика Наполеона; это была система общественныхъ построекъ. За полтора десятилѣтія въ одной только столицѣ было затрачено свыше полутора милліардовъ на сооруженіе общественныхъ зданій; подобнымъ образомъ велось дѣло въ Ліонѣ, Марсели и Бордо. Въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ которыхъ была примѣнена эта мѣра, она имѣла рядъ важныхъ послѣдствій: множество рабочихъ рукъ получили на долгое время доходное занятіе; заработная плата начала выказывать тенденцію къ повышенію и усиленная строительная дѣятельность оживила энергію предпринимателей во всѣхъ областяхъ промышленности.

Всѣ остальныя мѣропріятія имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе. Наиболѣе заслуживаетъ упоминанія еще законодательство объ обществахъ взаимопомощи, оказывающихъ поддержку своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни, а иногда и инвалидности. Они получили правительственное пособіе въ десять милліоновъ франковъ и различныя привилегіи. И въ самъ дѣлѣ, число ихъ, съ 2000 въ 1852 году, поднялось до 4000 въ 1859 году. Для рабочихъ въ казенныхъ мастерскихъ было введено обязательное страхованіе на старость, и одновременно жалованье ихъ увеличено на сумму страховыхъ премій. Далѣе были сдѣланы правительственныя пособія для постройки жилищъ для рабочихъ и на устройство благотворительныхъ учрежденій (ясли для дѣтей, пріюты для инвалидовъ и калѣкъ). Замѣчательно, что вторая имперія не подымала и рѣчи о настоящемъ защитительномъ фабричномъ законодательствѣ.

Самый мѣткій отзывъ обо всей этой соціальной политикѣ данъ Лексисомъ въ его сочиненіи о французскихъ рабочихъ союзахъ: „Какъ императору, Луи Наполеону, собственно говоря, вовсе нечего было смущаться, что рабочіе напомнятъ ему его брошюру о пауперизмѣ. Соціально-политическая программа имперіи вовсе не стояла въ противорѣчіи съ духомъ этой брошюры. Дисциплина и надзоръ за рабочими съ одной стороны, улучшеніе ихъ матеріальнаго благосостоянія съ другой, вотъ идеи, отъ

которыхъ никогда не отрекалась внутренняя политика Луи Наполеона". На практикѣ рабочее сословіе безспорно выиграло при новомъ положеніи дѣлъ. Благосостояніе массъ въ теченіе лѣтъ 1850—1870 несравненно поднялось. Даже развитіе капитализма въ эпоху грюндерства, благодаря возникновенію множества новыхъ предпріятій, оказало извѣстную пользу низшимъ классамъ, потому что, „хотя часть перемѣщавшихся милліоновъ и концентрировалась въ кассахъ капиталистическихъ главарей, все таки другая часть разошлась въ массѣ наемныхъ тружениковъ" (Лексисъ).

Несмотря на все это, пролетаріатъ оставался нечувствительнымъ ко всѣмъ приманкамъ второй имперіи. Онъ принималъ дары безъ благодарности, не вѣрилъ обѣщаніямъ, былъ холоденъ ко всѣмъ заискиваніямъ; „потокъ республиканскихъ идей увлекалъ со стихійной силой все бо́льшую часть народа" (Лексисъ). Мелкое среднее сословіе было особенно недовольно, такъ какъ въ эпоху неумѣреннаго грюндерства и спекуляціи, въ то время какъ носители самыхъ блестящихъ бонапартистскихъ именъ кружились въ пляскѣ передъ золотымъ тельцомъ, ему приходилось платить главную долю расходовъ. Ничего не понимая въ чернокнижномъ искусствѣ биржевой игры, стремясь къ заработку безъ труда, буржуазія поддавалась заманчивымъ обѣщаніямъ и вкладывала свои трудовыя сбереженія въ рискованныя или мошенническія предпріятія.

Такимъ образомъ среднее сословіе и пролетаріатъ, особенно взъ Парижѣ, соединенными силами готовили низверженіе имперіи. Иллюніи, созданныя теоріями Прудона, давали имъ общіе идеалы и указывали а возможность совмѣстнаго дѣйствія. Когда послѣ разгрома императорской арміи въ 1870 году пала имперія, эта же партія выступила и противъ буржуазной республики; на нѣкоторое время ей въ самомъ дѣлѣ удалось завладѣть Парижемъ и создать здѣсь коммуну, въ которой видную роль играла вербовавшаяся главнымъ образомъ изъ низшихъ сословій національная гвардія (мартъ—май 1871 г). Такъ какъ ни Парижъ, ни правительство не шли на уступки, то дѣло дошло до междоусобной войны, которая, какъ и слѣдовало неизбѣжно ожидать, кончилась усмиреніемъ мятежнаго населенія столицы. Правительство осажденнаго города за короткое время своей власти не могло обнаружить мало-мальски значительной реформаціонной дѣятельности, да къ тому же его соціально-политическая программа далеко не отличалась ясностью.

B. **Соціальная политика третьей республики.**

При третьей республикѣ, когда французскіе рабочіе впервые получили на долгое время полную свободу дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, возникаютъ сильные политическіе союзы среди рабочихъ и крупныя экономическія организаціи четвертаго сословія. Въ политикѣ важнѣйшимъ событіемъ было полное отдѣленіе пролетаріата отъ мелкой буржуазіи: пролетаріатъ отнынѣ преслѣдуетъ въ политикѣ и въ экономическихъ вопросахъ свои особыя цѣли, слѣдовательно придерживается программы классовой борьбы.

a) Пролетаріатъ.

Рабочее движеніе вовсе не представляется по своей сущности единымъ; оно распадается на извѣстное число соціалистическихъ партій, смотря по преобладанію революціонной или реформаторской основной идеи, и даже смотря по стремленію отдѣльныхъ вожаковъ рѣзче выразить свою индивидуальность. Поэтому мы находимъ здѣсь фракціи бланкистовъ, марксистовъ и такъ называемыхъ поссибилистовъ съ программой, благопріятствующей реформамъ.

Въ виду политическаго вліянія рабочихъ массъ правительство вынуждено прибѣгать къ соціальнымъ реформамъ, которыя прежде всего относятся къ разработкѣ законодательной защиты рабочихъ (введенъ десятичасовой максимумъ рабочаго дня для молодежи до 18 лѣтъ и всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ) и къ предоставленію полной свободы коалицій (съ 1884 года). Кромѣ того во многихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, рабочіе провели устройство различныхъ учрежденій, содѣйствующихъ ихъ интересамъ; таково напримѣръ устройство рабочихъ биржъ на общественный счетъ, далѣе правило объ установленіи минимальной платы и максимальнаго дня при всѣхъ общественныхъ работахъ, производящихся городами.

Устройство во Франціи рабочихъ и потребительныхъ обществъ тоже сдѣлало за послѣднее время громадные успѣхи; число рабочихъ, объединенныхъ въ профессіональныхъ союзахъ, достигаетъ уже 500,000. Хотя англійскій образецъ далеко еще не достигнутъ, все таки слѣдуетъ ждать, что при дальнѣйшемъ безпрепятственномъ развитіи соціально-экономическія организаціи французскихъ рабочихъ черезъ нѣсколько десятилѣтій пріобрѣтутъ значеніе, достаточно подобное тому, какое имѣютъ соотвѣтственныя англійскія организаціи.

Отмѣтить слѣдуетъ, какъ важное обстоятельство, что соціалистамъ удалось повліять въ интересахъ рабочихъ на управленіе министерствомъ торговли, имѣющимъ такое крупное значеніе въ соціальныхъ интересахъ. Этого удалось достигнуть, когда соціалисты соединились съ демократическими фракціями въ защиту республики противъ нападеній со стороны милитаристическихъ и клерикальныхъ кружковъ.

б) Мелкая буржуазія.

Чѣмъ болѣе рабочее сословіе приближалось этимъ путемъ къ практическому осуществленію своихъ непосредственныхъ экономическихъ интересовъ, противоположныхъ интересамъ состоятельныхъ классовъ и сталкивавшихся во многихъ отношеніяхъ съ интересами мелкой буржуазіи, тѣмъ менѣе могла послѣдняя находить удовлетвореніе въ союзѣ съ пролетаріатомъ. Вотъ причина, почему съ семидесятыхъ годовъ все быстрѣе таяло господство идей Прудона, раньше составлявшихъ духовную связь между обоими сословіями, и мелкая буржуазія начинала искать удовлетворенія своимъ нуждамъ внѣ соціалистическихъ организацій. Но мелкому среднему сословію еще не удалось создать собственной программы; поэтому сотни тысячъ мелкихъ горожанъ съ восторгомъ встрѣчаютъ демагоговъ, обѣщающихъ имъ выступить противъ капитализма и соціалистическихъ стремленій одновременно. Этимъ объясняется временный успѣхъ „буланжизма“ (въ 1889 году), а въ самое послѣднее время широкое распространеніе, которое начинаетъ получать „группа націоналистовъ“, надѣющихся побѣдой надъ еврейскимъ торговымъ и финансовымъ господствомъ вызвать новый подъемъ французскаго средняго сословія. Впрочемъ, это движеніе еще слишкомъ молодо для того, чтобы можно было предпринять выясненіе его запутаннаго экономическаго содержанія.

4. Соціальный вопросъ въ Германіи.

А. Первые агитаторы. Система Маркса.

Первые признаки агитаціи среди нѣмецкихъ рабочихъ замѣчаются въ сороковыхъ годахъ. Въ то время она обращалась — вслѣдствіе строгаго полицейскаго законодательства Германскаго Союза — преимущественно къ нѣмецкимъ ремесленникамъ заграницей, которыхъ насчитывались

тысячи. Руководителемъ пропаганды былъ портной Вильгельмъ Вейтлингъ (1808—1871 г.), который, какъ эмиссаръ тайнаго парижскаго „союза справедливыхъ", перенесъ коммунистическую агитацію въ Швейцарію. Онъ организовалъ движеніе такимъ способомъ: учреждались подъ невинными предлогами открытыя общества рабочихъ, и тутъ-то вербовались рекруты для „союза справедливыхъ". Цѣлью было введеніе революціоннымъ путемъ коммунистическаго общественнаго строя, для котораго Вейтлингъ, опираясь на ученія французскихъ утопистовъ, изобрѣлъ собственную систему.

Одновеменно интересъ къ коммунизму пробудился и въ самой Германіи, въ ея среднемъ сословіи; въ его философски и литературно образованныхъ кругахъ идеалистически-доктринерское направленіе того времени создало для этого благодарную почву. Подъ вліяніемъ „гуманистической" философіи Людвига Андреаса Фейербаха (1804—1872 г.) выставлялось требованіе „гуманныхъ" условій въ общественной жизни и по примѣру критики французскихъ соціалистовъ осуждался безсердечный капиталистическій строй экономическаго быта. Положительнымъ идеаломъ этой школы, во главѣ которой стояли писатели Моисей Гесъ (1812—75 г.) и Карлъ Грюнъ (1813—1887 г.), была полная свобода человѣка, предполагавшагося по природѣ своей благороднымъ, въ дѣйствіи или бездѣйствіи, въ производствѣ и потребленіи; слѣдовательно эту школу нужно считать анархистической, такъ какъ она проповѣдывала безусловное самовластіе индивидуума и полное устраненіе общественнаго принужденія. Этотъ философскій соціализмъ нашелъ себѣ распространеніе сначала среди образованнаго средняго общества, а затѣмъ и въ тайномъ „союзѣ справедливыхъ".

Но такъ какъ доводы этого сорта соціализма все таки должны были отзываться для рабочаго чѣмъ то чуждымъ, то въ концѣ 1847 года Карлу Марксу (1818—1883 г.) удалось устранить вліяніе этой системы въ названномъ союзѣ. Ему удалось добиться, что союзъ, принявшій съ этого времени названіе „союза коммунистовъ", призналъ принципы Маркса, что впрочемъ на практикѣ не повело ни къ какимъ дальнѣйшимъ результатамъ, такъ какъ его побѣда совпала съ февральской революціей 1848 года, разсѣявшей членовъ союза по всему міру.

Первое самостоятельное движеніе рабочихъ зародилось независимо отъ союза коммунистовъ и было организовано типографскимъ наборщикомъ Стефаномъ Борномъ (1825—1897 г.). „Его энергичной агитаціи удалось основать рабочую партію, которая выступила подъ именемъ „рабочаго братства" и ближайшей своей цѣлью выставила общее избирательное право при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія и введеніе десятичасоваго рабочаго дня. Во время, когда дѣйствовалъ этотъ кружокъ, условія принудили его впрочемъ ограничиться только поддержкой демократіи въ борьбѣ съ контръ-революціей, и братство было вовлечено въ пораженіе, которое понесла демократія. Союзъ былъ распущенъ (1850 г.) и всѣ попытки, создать новые рабочіе союзы, подавлялись въ зародышѣ" (см. Georg Adler, „Geschichte der ersten socialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland"),

Нѣкоторыя попытки Маркса и другихъ дѣятелей вновь начать агитацію заграницей при помощи возстановленія стараго союза коммунистовъ, потерпѣли неудачу благодаря бдительности полиціи, и вскорѣ союзъ этотъ угасъ окончательно (1853 г.). Въ теченіе всего этого десятилѣтія реакція не позволяла возникнуть какому бы то ни было рабочему движенію. Этимъ временемъ Марксъ воспользовался для дальнѣйшей разработки своей системы, набросокъ которой онъ далъ еще въ 1848 г. въ „Коммунистическомъ манифестѣ". Наиболѣе оригинальныя изъ его созданій, доставившія ему безспорное мѣсто среди величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ, это „ма-

теріалистическій взглядъ на исторію“ и изслѣдованіе „капиталистическаго“ способа производства“.

Благодаря Гегелю, Марксъ пришелъ къ основному принципу, что исторія представляетъ вѣчный процессъ „становленія“, угасанія и движенія впередъ, въ которомъ каждая отдѣльная стадія безусловно необходима и относительно правомѣрна, въ какомъ бы противорѣчіи она не стояла съ господствующими въ данный моментъ политическими или моральными принципами. Но въ то время, какъ Гегель выводилъ законы историческаго движенія изъ „саморазвитія абсолютнаго понятія“, Марксъ, подъ вліяніемъ философіи Фейербаха (см. выше), пришелъ къ убѣжденію, что не „идея“ опредѣляетъ исторію человѣчества, а человѣкъ создаетъ идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ все направленіе его мыслей получило матеріалистическую основу, такъ какъ онъ призналъ результатъ изслѣдованій Фейербаха, что высшія существа, созданныя нашей мистической фантазіей, являются только идеальнымъ отраженіемъ нашей собственной сущности. Если же человѣкъ дѣйствительно создалъ бы такимъ образомъ, безсознательно, религію, то почему не допустить того же процесса возникновенія для всякаго политическаго, правового, художественнаго и научнаго бытія? И тутъ то по мнѣнію Маркса открывается внутренняя связь всякаго историческаго развитія, такъ какъ онъ допускаетъ, что во первыхъ политика, а за тѣмъ и всѣ остальныя проявленія духовной, общественной и культурной жизни могутъ быть сведены, какъ къ единой причинѣ, къ экономическимъ отношеніямъ и ихъ развитію.

Между тѣмъ экономическій строй общества, со временъ распаденія доисторической общей земельной собственности, опредѣляется до сихъ поръ во всѣ историческія времена классовыми противоположностями, именно противоположностью между властвующими и подвластными классами. Но съ теченіемъ времени это положеніе измѣняется. При всякомъ экономическомъ строѣ постепенно вырабатываются производительныя силы, которыя въ конечномъ результатѣ оказываются несовмѣстимыми со старой формой производства и со старой формой классоваго господства. Вслѣдствіе этого классовыя противоположности обостряются до степени классовой борьбы, и дѣлается неизбѣжнымъ кризисъ, который можетъ повести только къ двоякому исходу: либо расторженіе прежняго общественнаго строя и переходъ его къ высшей формѣ посредствомъ низложенія правившихъ до сихъ поръ классовъ низшими сословіями; либо общая гибель враждующихъ классовъ.

Каковы условія современности, можно увидѣть изъ тщательнаго изслѣдованія нашего экономическаго строя. Въ немъ цѣнность всѣхъ товаровъ опредѣляется необходимымъ для ихъ производства количествомъ „общественно необходимаго“ (то есть нормальнаго) рабочаго времени. Товаръ, который обошелся въ двѣнадцать часовъ общественно необходимой работы, имѣетъ цѣнность вдвое большую, чѣмъ товаръ, стоившій шесть часовъ. Между тѣмъ въ капиталистическомъ обществѣ товары можетъ производить только тотъ, кто обладаетъ средствами производства и продовольствія; а поэтому значительное большинство неимущихъ должно продавать свой единственный товаръ, рабочую силу, имущимъ, то есть работать на службѣ у нихъ. „Рабочій“, говорится у Фридриха Энгельса (1820—1895 г.), въ его изложеніи ученія Маркса, которое можно считать автентичной передачей, „продаетъ капиталисту свою рабочую силу за извѣстное поденное вознагражденіе. Работой нѣсколькихъ часовъ онъ уже воспроизвелъ цѣнность, равную этому вознагражденію. Но по условіямъ рабочаго договора онъ долженъ затратить еще длинный рядъ часовъ, чтобы отбыть полный рабочій день. Вотъ эта цѣнность, которую онъ произведетъ въ теченіе добавочныхъ часовъ лишней работы, является прибавочной цѣнностью, которая ничего не стоитъ капиталисту и однако поступаетъ въ его карманъ“. При-

своеніе неоплаченной работы является основнымъ закономъ капиталистическаго производства, а потому существованіе послѣдняго всецѣло покоится на эксплуатаціи рабочаго. При этомъ, такъ какъ, по Марксу, прибавочная цѣнность есть единственный пунктъ, привлекающій капиталиста, во всемъ процессѣ производства, то и экономическая политика крупнаго производителя постоянно должна направляться къ увеличенію этой прибавочной цѣнности.

Послѣдствія этой погони за прибавочной цѣнностью выражаются въ такомъ видѣ: во первыхъ, ежедневное рабочее время растягивается выше всякой мѣры; затѣмъ въ громадныхъ размѣрахъ вводится примѣненіе дешеваго женскаго и дѣтскаго труда; наконецъ все болѣе и болѣе обостряется анархія въ общественномъ производствѣ, которая такъ характерна для новѣйшаго экономическаго строя. „Главнымъ орудіемъ", объясняетъ Энгельсъ воззрѣніе Маркса, „которымъ капиталистическій способъ производства усилилъ эту анархію въ общественномъ производствѣ, была какъ разъ противоположность анархіи: усиленіе общественной организаціи производства въ каждомъ единичномъ промышленномъ заведеніи; этимъ рычагомъ капитализмъ низвергнулъ старинную мирную устойчивость. Въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, гдѣ была введена новая организація, она не терпѣла рядомъ съ собою другихъ методовъ производства; гдѣ она вводилась въ ремесло, тамъ старое ремесло уничтожалось. Поприще труда стало боевымъ полемъ, и борьба велась не только между отдѣльными мѣстными производителями; мѣстныя распри выростали въ свою очередь до степени національныхъ, торговыхъ войнъ, которыя велись въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Крупная индустрія и возникновеніе мірового рынка сдѣлали борьбу универсальной и вмѣстѣ съ тѣмъ придали ей неслыханную рѣзкость. Между отдѣльными капиталистами, какъ между цѣлыми отраслями промышленности и цѣлыми странами, вопросъ существованія рѣшается преимуществами естественныхъ или искусственныхъ условій производства. Побѣжденный безпощадно устраняется. Противорѣчіе между общественной продукціей и капиталистическимъ присвоеніемъ выражается въ формѣ противоположности между организаціей производства на отдѣльной фабрикѣ и анархіей производства, взятаго въ цѣломъ. Послѣдствіемъ этого порядка являются иногда случайные, иногда общіе застои въ дѣлахъ и въ производствѣ, ведущіе къ образованію полчища безработныхъ, такъ называемой „индустріальной резервной арміи". Съ теченіемъ времени эта армія должна все болѣе увеличиваться. Дѣло въ томъ, что общество справляется съ кризисами только при помощи двухъ родовъ мѣропріятій: во первыхъ, путемъ вынужденнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ (фабрики, остановившія производство, и т. п.), во вторыхъ, путемъ завоеванія новыхъ рынковъ. Итакъ побѣдой надъ кризисами подготовляются кризисы еще болѣе глубокіе и обширные, и вмѣстѣ съ тѣмъ умаляются средства для предотвращенія кризисовъ.

Между тѣмъ, кризисы являются средствомъ, дающимъ возможность собрать въ однѣхъ рукахъ значительные капиталы; каждый капиталистъ раззоряетъ нѣсколькихъ соперниковъ. Рука объ руку съ этимъ уничтоженіемъ многихъ капиталистовъ немногими, развивается и кооперативная форма труда во все болѣе широкомъ масштабѣ, и превращеніе старинныхъ, разсчитанныхъ на силу единичнаго рабочаго орудій производства въ такія, которыми можно пользоваться только сообща, и опутываніе всѣхъ народовъ земли въ сѣть мірового рынка, и въ силу этого интернаціональный характеръ капиталистическаго владычества. Съ постепеннымъ убываніемъ въ числѣ магнатовъ-капиталистовъ, обезпечивающихъ исключительно себѣ всѣ выгоды этого переворота, растетъ сумма бѣдствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недовольство среди рабочаго класса, все увеличивающагося въ числѣ и получающаго извѣстную организацію въ силу самого механизма

капиталистическаго производства. Капиталистическая монополія становится оковами для способа производства, возникшаго благодаря ей и вмѣстѣ съ ней,

Б. Возникновеніе и развитіе соціалъ-демократіи въ Германіи.

Въ то время какъ Марксъ разработывалъ свою систему, находясь въ Лондонѣ, въ Германіи съ конца пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка была предпринята попытка привлечь рабочихъ къ участію въ либеральномъ движеніи, вступившемъ въ новую стадію развитія. Эта цѣль имѣлась въ виду и при основаніи рабочихъ образовательныхъ обществъ и при пропагандѣ самопомощи, руководимой бывшимъ опекунскимъ судьей Германомъ Шульце-Деличемъ (1808—83 г.). Образовательнымъ обществамъ, въ силу самой ихъ сущности, могъ открываться только ограниченный кругъ дѣятельности. Иную роль могла бы сыграть пропаганда самопомощи, если бы она основывалась на настоящихъ интересахъ рабочихъ классовъ и слѣдовательно вела бы прежде всего къ организаціи рабочихъ союзовъ; новмѣсто этого Шульце-Деличъ стремился главнымъ образомъ къ устройству ссудо-сберегательныхъ кассъ, обществъ для закупки сырья, складочныхъ обществъ и подобныхъ ассоціацій, разсчитанныхъ главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ мастеровъ, тогда какъ пролетаріи привлекались къ участію только въ учреждавшихся одновременно потребительныхъ обществахъ.

Такимъ образомъ, рабочіе неминуемо должны были найти такое представительство своихъ классовыхъ интересовъ недостаточнымъ и обратиться за помощью и руководствомъ къ инымъ дѣятелямъ. Избранникомъ ихъ въ этихъ обстоятельствахъ оказался другъ Маркса, Фердинандъ Лассаль (1825—1864 г.). Именно его политическая дѣятельность послужила исходнымъ пунктомъ для развитія современной рабочей партіи а съ нею и „соціалъ-демократіи“.

Лассаль началъ свою агитацію въ мартѣ 1863 года „Открытымъ отвѣтнымъ посланіемъ“ комитету лейпцигскихъ рабочихъ, который поинтересовался узнать его мнѣніе о соціальномъ положеніи и средствахъ къ его улучшенію. Уже въ этой брошюрѣ изложены всѣ принципы соціальной программы Лассаля; всѣ позднѣйшія сочиненія агитатора только обосновываютъ, истолковываютъ, углубляютъ и защищаютъ эти главные принципы. Прежде всего Лассаль устанавливаетъ, что средняя заработная плата при экономическомъ строѣ, основанномъ на частномъ капиталѣ и свободной конкурренціи, всегда остается ограниченной предѣлами насущныхъ потребностей, которыя, по установившемуся обиходу народа, являются необходимыми для поддержанія жизни и размноженія („желѣзный законъ Лассаля“). Это положеніе является для рабочаго неизбѣжнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ трудиться за плату. Но при существующихъ условіяхъ организація труда въ формѣ продуктивныхъ ассоціацій была бы возможна только тогда, еслибы государство ссужало рабочихъ деньгами, необходимыми для пріобрѣтенія фирмъ и всѣхъ прочихъ принадлежностей и орудій производства. А средствомъ для достиженія такого государственнаго кредита должно было явиться введеніе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, которое якобы должно было обезпечить за четвертымъ сословіемъ большинство въ парламентѣ: этимъ призывомъ и заключалось „Отвѣтное посланіе“.

Чтобы дѣйствовать въ духѣ этихъ идей пропагандой, Лассаль вызвалъ учрежденіе „Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза“ и самъ сталъ его вождемъ съ неограниченными полномочіями.

Разумѣется, старшее поколѣніе нѣмецкихъ коммунистовъ, со своимъ верховнымъ вождемъ Марксомъ, не могло одобрить ни теоретическихъ воззрѣній Лассаля, ни его тактики дѣйствій. Уже его основное положеніе о

законѣ заработной платы должно было крайне не понравиться Марксу; проектъ продуктивной ассоціаціи, какъ цѣлебнаго средства противъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій, долженъ былъ еще сильнѣе раздражать коммунистическаго мыслителя. Не менѣе сомнительнымъ съ точки зрѣнія коммунистовъ должно было казаться и преувеличенное значеніе, которое лассалисты придавали всеобщности избирательнаго права.

При жизни Лассаля его противники не могли съ нимъ бороться, но тотчасъ же послѣ его безвременной кончины (въ 1864 году) начинается хъ тайная работа.

11 мая и 2 іюня 1878 года произошли двапокушенія на жизнь германскаго императора; общественное мнѣніе возложило отвѣтственность за эта злодѣянія на соціалъ-демократовъ, и такимъ образомъ явился (въ октябрѣ 1878 года) исключительный законъ „противъ общественно-опасныхъ стремленій соціалъ-демократіи.“ Въ началѣ партія была повидимому совершенно подавлена, Когда затѣмъ въ 1881 году были административно разрѣшены „профессіональные кружки“ рабочихъ, тогда соціалъ-демократія снова достигла прежней свободы дѣйствій.

Поэтому не должно вызывать удивленія, что законъ о соціалистахъ не выполнилъ цѣли, лежавшей въ его основѣ, именно уничтоженія партіи. Со дня на день все болѣе выяснялось, что исключительнымъ закономъне было достигнуто никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ, и съ другой стороны, онъ только разлагающимъ образомъ вліялъ на политическую мораль. По этимъ соображеніямъ германскій императоръ Вильгельмъ II рѣшилъ отказаться отъ пользованія обоюдоострымъ оружіемъ (30 сентября 1890 года),

B. Бисмаркъ и система обязательнаго страхованія рабочихъ.

Одновременно съ подавленіемъ соціалъ-демократической рабочей агитаціи, князь Бисмаркъ ввелъ систему законодательной соціальной политики, которая имѣла задачей осуществить тѣ требованія современнаго рабочаго движенія, какія представлялись основательными.

До тѣхъ поръ германское законодательство обращало на рабочій вопросъ мало вниманія. Въ 1869 году оно даровало рабочимъ право коалицій, а въ остальномъ удовольствовалось запрещеніемъ фабричной работы для дѣтей ниже двѣнадцатилѣтняго возроста и ограниченіемъ рабочаго дня для подростковъ моложе шестнадцати лѣтъ. Соціально-политическія основныя убѣжденія имперскаго канцлера ограничили дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи, несмотря на то, что она особенно горячо рекомендовалась школой катедеръ-соціалистовъ, даровитѣйшими представителями которой были Альбертъ Шэффле, Густавъ Шмоллеръ, Адольфъ Вагнеръ, Вильгельмъ Лексисъ и Луйо Брентано. Прежде всего Бисмаркъ желалъ, чтобы фабрикантъ оставался полнымъ хозяиномъ своего предпріятія и распоряжался производствомъ совершенно по своему усмотрѣнію. Далѣе, канцеръ не могъ отрѣшиться отъ убѣжденія, что фабричное законодательство о максимальномъ рабочемъ днѣ, воскресномъ отдыхѣ и т. д. слишкомъ сильно понижаетъ прибыль фабриканта и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ заработную плату рабочаго, а иногда можетъ и совершенно лишить его занятія. Кромѣ того, Бисмаркъ полагалъ, что слишкомъ продолжительное рабочее время является только мѣстами поводомъ къ жалобамъ, а потому вмѣшательство было бы еще менѣе желательнымъ.

Настоящимъ несчастіемъ современнаго пролетаріата Бисмаркъ считалъ необезпеченность существованія. Программа его поэтому гласила: Обезпеченіе рабочаго, когда онъ боленъ, старъ или неспособенъ къ труду; доставленіе ему работы, когда онъ безъ мѣста. Осуществленіе перваго тре-

бованія онъ представлялъ себѣ въ такомъ видѣ, что милліоны рабочихъ будутъ застрахованы въ государственныхъ кассахъ противъ экономическихъ послѣдствій болѣзни, несчастныхъ случаевъ, неспособности къ труду и старости; необходимыя средства должны были доставить частью сами рабочіе, частью владѣльцы предпріятій, частью наконецъ правительство, которое могло бы найти суммы для крупныхъ пособій путемъ введенія табачной монополіи и доходныхъ акцизовъ на спиртные напитки. Второе требованіе Бисмаркъ предполагалъ осуществить признаніемъ „права на трудъ“, которое на практикѣ должно было удовлетворяться въ эпохи общей безработицы путемъ выполненія подходящихъ работъ на общественный счетъ, напримѣръ, постройки каналовъ или дорогъ.

Съ этими взглядами на необходимость государственнаго попеченія о рабочихъ Бисмаркъ соединялъ убѣжденіе, усиленное новыми успѣхами соціалъ-демократіи, что эта партія представляетъ крайнюю опасность для государственнаго строя и при дальнѣйшемъ безпрепятственномъ развитіи вызоветъ, рано или поздно, кровавую соціальную катастрофу. Результатомъ этого воззрѣнія былъ его истребительный походъ противъ соціалъ-демократіи, который впрочемъ, какъ мы видѣли нѣсколько выше (стр. 441), совершенно не удался. За то положительная соціальная политика Бисмарка увѣнчалась необычайнымъ успѣхомъ. Германское страхованіе рабочихъ, объявленное императорскимъ посланіемъ въ 1881 году и окончательно введенное къ 1889 году, должно считаться выдающимся, даже исключительнымъ во всемірной исторіи государственнымъ учрежденіемъ. Всю грандіозность созданной организаціи могутъ показать цифры участвующихъ въ ней рабочихъ. Въ 1900 году было застраховано: противъ болѣзни девять, противъ старости и неспособности—тринадцать, противъ несчастныхъ случаевъ семнадцать милліоновъ рабочихъ. Суммы, поступающія въ страховой фондъ въ видѣ однихъ только добавочныхъ взносовъ со стороны предпринимателей и казны, уже въ настоящее время превышаютъ ежегодно 200.000,000 марокъ, и предвидится дальнѣйшее ихъ возрастаніе. Только одинъ пунктъ программы Бисмарка остался не выполненнымъ: борьба съ безработицей. Но несмотря на этотъ пробѣлъ, соціально-политическое созданіе перваго канцлера остается для него памятникомъ „прочнѣе мѣди“.

Г. Соціальное движеніе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка.

„Новый курсъ“, датирующій отъ отставки Бисмарка въ мартѣ 1890 года, начался мѣропріятіями, необычайно благосклонными къ рабочему классу. Законъ о соціалистахъ не былъ возобновленъ. Одновременно-же Вильгельмъ II въ двухъ открытыхъ посланіяхъ развилъ свою соціально-политическую программу. По этой программѣ, государственной власти надлежало такъ „упорядочить время, длительность и способы труда, чтобы было обезпечено сохраненіе здоровья, требованія нравственности, экономическія потребности рабочихъ и ихъ притязанія на законное равноправіе“. Далѣе для поддержанія согласія между работодателями и рабочими надлежало принять законодательныя мѣры для достаточнаго представительства рабочихъ. Вскорѣ значительно была усилена и охрана рабочихъ; законъ 1891 года воспретилъ воскресную работу, работу дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, и ввелъ максимальный одиннадцатичасовый рабочій день для взрослыхъ фабричныхъ работницъ. И въ другихъ отношеніяхъ, несмотря на возникшее съ этого времени сильное противотеченіе въ кругахъ состоятельной буржуазіи, дѣло соціальной реформы значительно подвинулось впередъ; отмѣтимъ изъ мѣропріятій: введеніе двѣнадцатичасоваго максимальнаго дня для всѣхъ пекарей, закрытіе лавокъ въ 9 часовъ вечера, ремесленные суды для споровъ между работодавцами и ихъ служащими;

наконецъ рядъ дополненій и улучшеній системы государственнаго страхованія рабочихъ.

Въ теченіе этихъ лѣтъ соціалъ-демократическая партія медленно, но постоянно распространялась; но въ то же время внутри самой партіи начинается ясно замѣтный процесъ распаденія. На эрфуртскомъ конгрессѣ (въ 1891 году), гдѣ была выработана новая программа, партія еще являлась объединенной подъ знаменемъ марксизма; но съ той поры завязывается жаркій бой за старые марксистскіе путеводные принципы.

Вождемъ оппозиціи марксизму, находящейся покамѣстъ въ меньшинствѣ, является Эдуардъ Бернштейнъ (родился 6 января 1850 г.); совершенныя имъ нѣкогда нарушенія законовъ о печати вынуждаютъ его жить за границей Германіи. Это писатель съ всестороннимъ образованіемъ, замѣчательный своимъ стремленіемъ къ объективности и рѣдкой сдержанностью стиля. Бернштейнъ прежде всего выступаетъ противъ партійнаго взгляда, будто слѣдуетъ въ ближайшемъ будущемъ ожидать катастрофы гражданскаго общества и сообразовать съ этимъ свою тактику. Обостреніе соціальныхъ отношеній произошло, по Бернштейну, вовсе не тѣмъ способомъ, какъ предсказывалъ Марксъ. „Число имущихъ стало не меньше, а больше. Чрезмѣрное возрастаніе общественнаго богатства не только порождаетъ уменьшеніе числа магнатовъ капитала, но и производитъ множество капиталистовъ разныхъ степеней. Средніе слои измѣняютъ свой характеръ, но не исчезаютъ изъ ряда общественныхъ степеней“. Даже въ индустріи, по Бернштейну, концентрація производства только въ отдѣльныхъ отрасляхъ подтверждаетъ предсказанія соціалистической критики, въ другихъ замѣтно отстаетъ отъ нихъ; а въ сельскомъ хозяйствѣ концентрація происходитъ еще медленнѣе. Въ политическомъ отношеніи привилегіи капиталистической буржуазіи уступаютъ демократическимъ учрежденіямъ, поползновенія капитализма все болѣе ограничиваются самимъ обществомъ. А сообразно съ этимъ должна уменьшиться и необходимость и возможность грандіознаго политическаго переворота, послѣдствій котораго, кромѣ того, рабочій классъ, въ настоящее время и даже въ далекомъ будущемъ, не былъ бы въ состояніи вынести. Поэтому соціалъ-демократія не должна далѣе разсчитывать на великій переворотъ; она должна дать рабочему классу политическую организацію, выработать демократію и проводить государственныя реформы, которыя могли бы поднять положеніе рабочаго класса и преобразовать государственный строй въ демократическомъ духѣ. Въ этомъ смыслѣ важнѣйшій вопросъ тактики выражается простыми словами такъ: каковъ лучшій путь къ расширенію политическихъ и профессіональныхъ правъ нѣмецкаго рабочаго? (см сочиненіе Бернштейна, „Über die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie“. Теоретическимъ обоснованіемъ, на которомъ Бернштейнъ построилъ эти выводы, является научная критика системы, созданной Марксомъ; впрочемъ эта критика не принадлежитъ самому Бернштейну, а выполнена уже раньше представителями буржуазнаго направленія въ наукѣ (Юлій Вольфъ, Георгъ Адлеръ и другіе).

То обстоятельство, что Бернштейнъ, несмотря на испытанныя имъ жестокія нападки, остался членомъ партіи, и дальнѣйшій фактъ, что многіе „интеллигенты“ въ ней болѣе или менѣе приняли его теорію, позволяютъ надѣяться на лучшее будущее рабочаго движенія въ Германіи. Если въ самомъ дѣлѣ съ теченіемъ времени большинство соціалъ-демократической партіи отрѣшится отъ безплодныхъ доктринъ ученія Маркса, чтобы устремиться, на національной почвѣ, къ честной общественной реформѣ, то отъ старой „соціалъ-демократіи“ не останется ничего кромѣ имени и поклоненіе государству будущаго обратится въ безобидную забаву.

Д. Движеніе средняго сословія въ Германіи.

Долгое время въ Германіи привыкли все содержаніе „соціальнаго вопроса“ видѣть въ экономическихъ бѣдствіяхъ и потребностяхъ рабочаго класса, явившихся послѣдствіемъ развитія капиталистическихъ условій производства, обмѣна и конкуренціи. Но послѣ того, какъ это развитіе отразилось и въ другихъ слояхъ общества, частью оказавъ неблагопріятное дѣйствіе, частью вызвавъ новыя потребности, нельзя было уже долѣе отказываться отъ сознанія, что объемъ явленій, захватываемыхъ соціальнымъ вопросомъ, значительно шире. Наиболѣе ясно это выразилось въ томъ, что и другіе профессіональные классы общества начали устраивать свои организаціи, и съ такою же односторонностью, какъ четвертое сословіе, подняли энергичныя требованія о вмѣшательствѣ государственной власти, въ ихъ интересахъ, въ экономическія отношенія. Сначала выступили мастера ремесленники, а за ними въ самое послѣднее время мелкіе торговцы. Оба эти класса обыкновенно подразумѣваются, когда рѣчь идетъ о движеніи средняго сословія въ Германіи, хотя оно впрочемъ до сихъ поръ имѣло несравненно меньше значенія, чѣмъ движеніе рабочихъ.

а). Ремесло.

Движеніе въ средѣ ремесленниковъ проявляется главнымъ образомъ въ двухъ союзахъ профессіональныхъ кружковъ: въ соединенныхъ цеховыхъ обществахъ и во всеобщемъ нѣмецкомъ союзѣ ремесленниковъ. Политическое представительство ихъ требованій взяли на себя консервативная и клерикальная партіи, и особенно одностороннимъ образомъ „немецко-соціальная партія реформы“ (фракція чистыхъ антисемитовъ). Выставляются главнымъ образомъ два постулата, осуществленіе которыхъ должно усилить сословіе ремесленниковъ, утѣсненное современнымъ развитіемъ фабрикъ, торговли и потребностей; эти постулаты суть: во первыхъ, доказательство технической умѣлости, требуемое отъ каждаго, кто избираетъ занятіе мастерствомъ; во вторыхъ, обязательное участіе всѣхъ мастеровъ въ ихъ профессіональномъ союзѣ. Доказательство умѣлости должно во первыхъ ручаться за добросовѣстность работы ремесленника, во вторыхъ должно ограничить конкурренцію въ пользу уже существующихъ мастеровъ. Принудительность союза должна объединить всѣхъ мастеровъ для совмѣстной защиты ихъ интересовъ, и привлечь каждаго въ отдѣльности къ участію въ издержкахъ на учрежденія, заводимыя для поднятія ремесла (кредитныя кассы, учебные курсы), такъ какъ опытъ успѣлъ показать, что при добровольности участія въ союзы вступаетъ лишь меньшинство. Сверхъ этого, предлагаются еще слѣдующія мѣры: учрежденіе ремесленныхъ палатъ, которыя могли бы служить соотвѣтственнымъ органомъ надзора для союзовъ и заступать интересы ремесла при всѣхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ: далѣе ограниченіе военныхъ мастерскихъ, тюремной работы, торговли въ разносъ; затѣмъ, запрещеніе потребительныхъ обществъ, подвижныхъ складовъ, продажи ремесленныхъ товаровъ съ аукціона, филіальныхъ отдѣленій торговыхъ фирмъ; наконецъ упорядоченіе торговъ на казенныя поставки въ интересахъ ремесленниковъ и преимущественныя права для претензій ремесленниковъ при конкурсахъ.

Требованіе доказательства умѣлости и въ самомъ дѣлѣ нашло за себя большинство въ германскомъ рейхстагѣ: 20 января 1890 г. предложеніе въ этомъ смыслѣ было принято 130 голосами противъ 92. Но правительство категорически уклонилось отъ исполненія этого требованія.

Гораздо предупредительнѣе отнеслось прусское правительство ко второму главному требованію ремесленниковъ, принудительности союзовъ; оно предложило въ союзномъ совѣтѣ введеніе для большей части мелкихъ

ремеселъ этого учрежденія съ опредѣленнымъ законнымъ кругомъ дѣйствій (въ 1896 году). Союзный совѣтъ измѣнилъ этотъ проектъ въ либеральномъ смыслѣ; принципъ общеобязательнаго принужденія былъ оставленъ и образованіе обязательнаго союза поставлено въ зависимость отъ рѣшенія большинства заинтересованныхъ мастеровъ. Въ этой формѣ проектъ съ іюля 1897 года сталъ закономъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что союзы не имѣютъ права устраивать общественныхъ промышленныхъ предпріятій для содѣйствія ремесленному производству своихъ сочленовъ, слѣдовательно имѣютъ ограниченную сферу дѣятельности; далѣе, законъ осуществляетъ и другое требованіе ремесленной партіи, учреждая ремесленныя палаты, на которыя возложены различныя административныя функціи.

Далѣе, нѣмецкія правительства стремятся въ частности къ тому, чтобы созданіемъ особаго закона оградить болѣе дѣйствительно, чѣмъ то было прежде, интересы рабочихъ и мастеровъ строительнаго дѣла по вопросамъ, возникающимъ при участіи ихъ въ работахъ и поставкахъ при перестройкахъ и возведеніи новыхъ зданій.

Къ дальнѣйшимъ требованіямъ ремесленниковъ, стремящихся къ достиженію нѣкотораго рода цеховыхъ привилегій, правительство по настоящее время относится довольно холодно; въ видѣ своей собственной программы оно чрезъ представителей прусскаго министерства, выставило слѣдующія положенія. Во первыхъ подмастерьямъ, желающимъ стать мастерами, должна быть предоставлена возможность получить спеціально-техническое образованіе, а также изучить вычисленіе и счетоводство; далѣе должны быть устроены постоянныя выставки всѣхъ силовыхъ, рабочихъ машинъ и инструментовъ, употребляемыхъ въ мелкомъ производствѣ; наконецъ должна быть по возможности оказана поддержка устройству товариществъ мастеровъ для общихъ экономическихъ цѣлей (для закупки сырья, складовъ и т. п.). Какая часть этихъ мѣръ будетъ осуществлена, это, конечно, прежде всего будетъ зависѣть отъ доброй воли самихъ ремесленниковъ, среди которыхъ товарищества далеко еще не получили такого развитія, какъ политическое движеніе въ кругахъ средняго сословія, требующее государственныхъ принудительныхъ мѣръ для устраненія стѣснительной конкурренціи.

б) Мелкая торговля.

Вслѣдъ за агитаціей ремесленниковъ началось движеніе среди торговцевъ средняго сословія, до настоящаго времени, впрочемъ, далеко отстающее отъ перваго движенія. Начало агитаціи было положено „центральнымъ союзомъ нѣмецкихъ купцовъ", рядомъ съ которымъ затѣмъ выступилъ, съ 1898 года, берлинскій „Союзъ торговцевъ и ремесленниковъ". Поскольку это движеніе направлено противъ недобросовѣстной конкурренціи, цѣль его вполнѣ заслуживаетъ одобренія, и германскія правительства пришли къ нему на помощь введеніемъ закона для борьбы съ недобросовѣстной конкурренціей, обнаруживающейся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но агитація противъ большихъ магазиновъ уже выходитъ за предѣлы уважительныхъ стремленій; еще больше заслуживаетъ порицанія неумѣренная борьба съ такими полезными учрежденіями, какими являются потребительныя общества. Противъ крупныхъ магазиновъ, въ особенности, съ 1899 года начата настоящая истребительная облава, которая и не осталась безъ результатовъ. Въ Саксоніи многіе города ввели уже прогрессивный сборъ съ оборота крупныхъ торговыхъ предпріятій; въ Баваріи въ подобномъ же духѣ былъ преобразованъ ремесленный налогъ, а въ Пруссіи въ 1900 году былъ предложенъ правительствомъ и принятъ ландтагомъ соотвѣтственный законопроектъ.

5. Соціальное движеніе въ остальной Западной Европѣ.

Въ Австріи шансы для развитія соціалъ-демократіи были неблагопріятнѣе, чѣмъ въ Германіи, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ жгучій споръ между національностями оттѣснялъ интересъ ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ на задній планъ, а правительство строгими мѣропріятіями противъ прессы, обществъ и собраній заглушало ростки зародившагося соціалъ-демократическаго движенія. Лассалеанская агитація нашла въ Австріи лишь слабые отголоски. За то въ 1867 году, послѣ разрѣшенія собраній, новая соціалъ-демократическая рабочая партія на первыхъ порахъ пріобрѣла массу послѣдователей; впрочемъ она ихъ снова потеряла, когда, послѣ ея присоединенія къ германской „эйзенахской программѣ", право собраній было у нея отнято министромъ Гискрой. Въ 1871 году, при болѣе мягкомь толкованіи министерствомъ Гогенварта законовъ объ ассоціаціяхъ, начинается новый подъемъ; но болѣе строгая политика министерства Адольфа Ауерсперга (1871—79 г.) вызвала вторичный упадокъ. При слѣдующемъ министерствѣ Таафе мѣропріятія были вновь смягчены.

Профессіонально-рабочее движеніе съ 1893 года тоже начинаетъ развиваться, хотя къ настоящему времени оно насчитываетъ немного болѣе 100,000 участниковъ. Законодательство объ охранѣ и страхованіи рабочихъ сдѣлало особенные успѣхи при министерствѣ Таафе; въ это время были введены рѣшительные фабричные законы, — въ томъ числѣ одиннадцатичасовый рабочій день для мужчинъ, а также обязательное страхованіе противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ.

Особенную важность пріобрѣло въ Австріи именно движеніе средняго сословія, котороя въ то же время, подъ покровительствомъ клерикальныхъ членовъ высшаго дворянства и значительной части католическаго духовенства, является антисемитическимъ. Еще прежде, чѣмъ партія представляла значительную силу, въ 1883 году, въ Австріи были осуществлены два главнѣйшихъ требованія ремесленнаго класса, клонящихся къ его усиленію: доказательство умѣлости и принудительность союзовъ. Доказательство умѣлости, по словамъ графа Рихарда Белькреди, который содѣйствовалъ побѣдѣ этого требованія, должно было служить „необходимѣйшей защитой честнаго труда и существующихъ ремесленныхъ предпріятій противъ конкурренціи и недобросовѣстнаго производства; защитой противъ неопытности, недостаточнаго умѣнія и знанія, противъ легкомыслія въ занятіи ремесломъ; защитой потребителей, покупателей противъ недоброкачественности товара". Принудительность союзовъ со своей стороны должна была содѣйствовать организаціи ремесленнаго производства, способствовать развитію во всѣхъ его отрасляхъ солидарности, добросовѣстности и порядочности. Но именно опытъ Австріи показалъ, что доказательство умѣлости никогда не приносило пользы ремесленнику, а иногда и стѣсняло его излишнимъ разграниченіемъ отраслей ремесла. А принудительные союзы вовсе не развили своей дѣятельности въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ направленіе движенія средняго сословія на политическія цѣли не только не имѣло ожидавшагося успѣха, но еще повидимому и затормозило профессіональныя стремленія къ самопомощи, которыя всетаки могли бы принести пользу лучшей части ремесленныхъ классовъ.

Въ Венгріи профессіональная организація находится пока въ зародышѣ и должна, особенно въ сельскихъ областяхъ, выдерживать еще борьбу съ администраціей; въ рабочихъ союзахъ всего насчитывается около 50,000 участниковъ. Защитительное фабричное законодательство еще пока совершенно не разработано; единственнымъ крупнымъ успѣхомъ,

достигнутымъ за послѣднее время, является введеніе обязательнаго страхованія противъ болѣзней.

Въ Швейцаріи, несмотря на издавнюю свободу дѣйствій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и на постоянный притокъ въ страну соціалистовъ-эмигрантовъ изъ заграницы, соціалъ-демократія никогда не могла достичь существеннаго значенія. Причина этого заключается въ правильномъ ходѣ политическаго и соціальнаго развитія страны и наконецъ въ трезвомъ, направленномъ на практическія цѣли національномъ характерѣ. Важнѣе общество Грютли, принимающее въ свою среду исключительно швейцарскихъ гражданъ; нынѣ оно насчитываетъ 15,000 членовъ.

Профессіональное движеніе, исключая нѣкоторыя отрасли, напримѣръ типографщиковъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, развито не очень сильно. Нѣкотораго значенія достигли мѣстами, какъ напримѣръ въ Базелѣ, потребительныя общества. Соціальное законодательство въ Швейцаріи стремилось къ очень важнымъ мѣропріятіямъ, но всенародное голосованіе отвергло самые выдающіеся законопроекты (союзное страхованіе противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, проектировавшееся по плану Г. Адлера, обязательное страхованіе отъ безработицы, въ Базелѣ и другіе). Все таки въ Швейцарскомъ союзѣ уже съ 1877 г. введенъ одиннадцатичасовый рабочій день для мужчинъ. Проведены были также важныя мѣропріятія въ кантональномъ законодательствѣ, въ Базелѣ напримѣръ безвозмездность обученія, учебныхъ пособій, похоронъ и лѣченія больныхъ.

Профессіональная организація въ Даніи рабочихъ имѣетъ еще большее значеніе; въ нее вошло по настоящее время до 80,000 фабричныхъ рабочихъ, которые энергичными совмѣстными дѣйствіями значительно улучшили условія труда. Съ 1896 г. въ противовѣсъ имъ начинаютъ составляться крупные союзы работодателей, съ нескрываемой цѣлью составить прочный оплотъ возрастающимъ притязаніямъ рабочихъ. Въ 1899 г. обѣ организаціи помѣрялись силами; работодатели потребовали отъ рабочихъ союзовъ признанія за ними принципіальнаго права распредѣлять работу по своему усмотрѣнію, и на отказъ въ этомъ требованіи отвѣчали прекращеніемъ пріема членовъ союза на работу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы былъ заключенъ компромиссъ, въ которомъ въ общемъ выразилось преобладаніе работодателей, но и рабочіе союзы добились признанія.

Законодательная защита рабочихъ въ Даніи не очень развита. Она ограничивается, въ общемъ, введеніемъ десятичасоваго рабочаго дня для подростковъ.

Въ Голландіи мало развита крупная фабричная промышленность. Главными экономическими основами страны являются цвѣтущее земледѣліе и обширная торговля. Если кромѣ того принять во вниманіе религіозное чувство народа и его спокойный, хладнокровный характеръ, то станетъ вполнѣ ясно, почему слишкомъ пылкая пропаганда не могла собрать здѣсь обильной жатвы.

Больше значенія имѣютъ профессіональные рабочіе союзы, въ которыхъ къ настоящему времени принимаютъ участіе до 30,000 рабочихъ. Соціально-политическое законодательство сводится къ установленію одиннадцатичасоваго максимальнаго рабочаго дня для женщинъ и подростковъ.

„Въ Бельгіи“, по словамъ Жана Больдерса, одного изъ вождей партіи, „невозможно разсчитывать на одну только политическую группировку. При малѣйшемъ натискѣ эти группы, не имѣющія между собой иной связи, тотчасъ распадаются. Напротивъ, организаціи, связанныя общими экономическими интересами, выдерживаютъ натискъ. Таковы

профессiональные союзы, имѣющiе цѣлью защиту опредѣленныхъ расцѣнокъ и повышенiе заработной платы; таковы также кооперативныя товарищества, представляющiя прочную основу для единенiя организацiй и ихъ членовъ. Уничтожить такiя общества труднѣе, потому что члены ихъ тѣснѣе держатся вмѣстѣ для охраны общаго достоянiя". Нѣкоторыя изъ этихъ экономическихъ товариществъ Бельгiи извѣстны своимъ прекраснымъ веденiемъ дѣлъ и широкимъ кругомъ дѣятельности, таковы „Vooruit" въ Гентѣ и „Народный домъ" въ Брюсселѣ,

Въ Италiи, гдѣ еще до послѣдняго времени не существовало значительной индустрiи, отношенiя предпринимателей, сельскихъ и городскихъ, къ своимъ рабочимъ далеко не отличались патрiархальностью; рабочiе, не имѣвшiе удовлетворительной организацiи, эксплуатировались самымъ безпощаднымъ образомъ. Крайняя бѣдность, необразованность народа и романскiй нацiональный характеръ, болѣе склонный къ страстнымъ и бурнымъ, хотя бы и рискованнымъ нападенiямъ, вели къ тому, что анархизмъ нѣкоторое время процвѣталъ. Ему впрочемъ способствовала еще и другая особенность положенiя дѣлъ въ Италiи, именно существованiе множества сбившихся съ круга представителей буржуазiи, для которыхъ послѣднимъ якоремъ спасенiя являлась политика.

Только съ начала восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка, анархистическое движенiе, послѣ ряда столкновенiй, было подавлено строгими мѣропрiятiями правительства.

Фабричное законодательство Италiи сводится главнымъ образомъ къ обязательному страхованiю отъ несчастныхъ случаевъ.

По своему промышленному развитiю Испанiя далеко отстаетъ даже отъ Италiи. Въ общемъ же политически-соцiальная жизнь Испанiи въ важнѣйшихъ отношенiяхъ зиждется на тѣхъ самыхъ основныхъ особенностяхъ, какiя мы видѣли въ Италiи: нужда низшихъ классовъ, плачевная необразованность народа и участiе въ политикѣ множества раззорившихся выходцевъ изъ „высшихъ классовъ" общества.

Профессiональныя общества, насчитываютъ къ настоящему времени около 15,000 членовъ. Фабричное законодательство очень мало развито и даже скромныя предписанiя закона далеко не всегда выполняются.

6. Общiе выводы.

A. Результаты новѣйшаго соцiальнаго развитiя.

Введенiе въ промышленность машиннаго производства и учрежденiе первыхъ фабрикъ безспорно отозвалось во всѣхъ странахъ Западной Европы значительными бѣдствiями и нуждою низшихъ классовъ народа; это можно считать установленнымъ сотнями свидѣтельствъ изъ первой эпохи капиталистическаго производства, приходящейся въ общемъ на первую половину девятнадцатаго вѣка. Но съ того времени культурный мiръ успѣлъ приспособиться къ капитализму, и теперь соцiальный механизмъ существующаго экономическаго строя,—какъ это впервые показалъ Юлiй Вольфъ,—дѣйствуетъ какъ бы автоматически въ направленiи постояннаго роста благосостоянiя низшихъ классовъ. Ростъ капитала, ищущаго продуктивнаго помѣщенiя, обусловливаетъ такое усиленiе спроса на трудъ, что заработная плата сама собою должна повышаться,—явленiе, которое конечно должно еще значительно усиливаться дѣятельностью рабочихъ союзовъ. Съ другой стороны цѣны на многiе продукты первой необходимости, особенно же на предметы массового производства, благодаря уменьшенiю издержекъ производства, обнаруживаютъ сильную тенденцiю къ пониженiю. Только квартирная плата, вслѣдствiе монопольнаго поло-

женія частныхъ собственниковъ земель, лежащихъ въ предѣлахъ городскихъ территорій, измѣняется въ обратномъ отношеніи.

Нѣсколько цифровыхъ данныхъ изъ подоходной статистики наглядно представятъ эти послѣдствія капиталистическаго производства. Въ Саксоніи, важнѣйшемъ фабричномъ округѣ Германіи, съ 1879 по 1894 годъ (слѣдовательно въ самый неблагопріятный періодъ германскаго экономическаго развитія съ 1850 года) число доходовъ ниже 800 марокъ значительно понизилось, именно съ 76 процентовъ всѣхъ переписанныхъ лицъ до 65 процентовъ. Итакъ, бѣднѣйшій слой населенія значительно уменьшился въ числѣ, и въ то же время нѣсколько болѣе состоятельный слой, располагавшій доходомъ отъ 800 до 2200 марокъ, значительно увеличился; въ 1879 году только 18% объектовъ переписи располагали такимъ доходомъ, въ 1898 году ихъ было насчитано уже 28 процентовъ. И мелкое среднее сословіе, которое выражается въ слоѣ населенія съ доходомъ отъ 2200 до 4800 марокъ, вовсе не убыло, какъ пророчила пессимистическая критика, а напротивъ, существенно усилилось. Въ 1879 году къ нему относилось 3,75 процента переписанныхъ лицъ, въ 1899 году уже 4,67 процента, значитъ, на цѣлую четверть больше, принимая при этомъ во вниманіе и естественное возростаніе населенія. Что касается, наконецъ, богатаго класса, то выставленное соціалистами и часто повторяемое положеніе, что число богачей якобы сокращается, тоже оказывается ошибочнымъ. Такъ, мы видимъ, что въ Саксоніи въ 1879 году было 930 богатыхъ людей (то есть съ доходомъ свыше 26,000 марокъ), а въ 1894 году ихъ насчитано 2547, то есть почти втрое больше. Слѣдовательно статистика обнаруживаетъ, какъ выражается Юлій Вольфъ, „не концентрацію, а расширеніе капитала“.

Еще рѣзче цифровыя данныя въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи, классической странѣ фабричной промышленности. Здѣсь будетъ достаточно привести одну цифровую данную. Число семействъ съ доходомъ отъ 150 до 1000 фунтовъ стерлинговъ, включающихъ рабочую аристократію и все среднее сословіе, было въ 1851 году равно 300,000, а въ 1881 году 990,000; въ то время какъ населеніе за эти тридцать лѣтъ увеличилось на 30 процентовъ, число состоятельныхъ людей увеличилось на 230 процентовъ.

Въ то самое время, какъ значительно возрасла заработная плата, было на много сокращено и ежедневное рабочее время во всѣхъ фабричныхъ и ремесленныхъ предпріятіяхъ, частью вслѣдствіе конкурренціи между фабрикантами, заставляющей ихъ идти на встрѣчу желаніямъ работниковъ, частью благодаря энергичной самопомощи рабочихъ, частью, наконецъ, при посредствѣ государственнаго законодательства, которое именно въ этой области достигло особенно цѣнныхъ результатовъ. Если къ тому же принять въ соображеніе, что личность рабочаго стала почти повсюду гораздо болѣе независимой и пріобрѣла большее сознаніе собственнаго достоинства, чѣмъ было полвѣка тому назадъ, то нельзя не признать что улучшеніе положенія средняго рабочаго является всестороннимъ.

Нельзя конечно отрицать въ частныхъ случаяхъ,—для отдѣльныхъ лицъ, мѣстностей и отраслей промышленности,—существованія нужды, главнымъ образомъ вызываемой неблагопріятными конъюнктурами, экономическимъ упадкомъ и затяжными кризисами. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ случаи, когда своеобразныя условія современной конкурренціи ставятъ извѣстныя отрасли промышленности, особенно ремесленныя мастерства и домашнее производство, временно или на долго, въ стѣсненное положеніе, которое конечно съ удвоенной тягостью отражается на рабочемъ. Тутъ является важная задача для дѣятельности государства, которое можетъ рѣшить ее либо устройствомъ страхованія отъ безработицы, частью путемъ техническаго пріученія страдающихъ слоевъ населенія къ

болѣе выгоднымъ отраслямъ промышленности. Но даже если государство въ будущемъ выполнило бы все, что окажется возможнымъ въ этой области, все же случаи, при которыхъ экономическое состязаніе будетъ по временамъ обездоливать цѣлую группу существованій, должны считаться неизбѣжными. И этотъ фактъ не долженъ вызывать жалобъ уже потому, что экономическая гибель менѣе цѣнной въ духовномъ и въ нравственномъ отношеніи группы необходима для того, чтобы средній уровень культурнаго человѣчества не подвергался измельчанію.

Б. **Соціализмъ, какъ историческая иллюзія, и будущее соціальнаго вопроса.**

Наблюдая ходъ соціально-политическаго развитія, приходимъ къ заключенію, что прогрессъ является слѣдствіемъ ошибокъ и иллюзій; одна изъ такихъ иллюзій—это соціализмъ.

Въ то время, какъ въ Англіи соціализмъ все болѣе отходитъ въ область исторіи, пролетаріатъ континентальной Западной Европы все еще находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ системы марксизма. Именно эта система льстила исключительно классовымъ интересамъ рабочихъ и приписывала имъ въ настоящемъ и будущемъ главную роль на міровой сценѣ. „Переживаніе наиболѣе приспособленнаго“ наблюдается и въ исторіи школъ и доктринъ. Изъ всѣхъ соперничающихъ направленій въ соціализмѣ, то должно было одержать окончательную побѣду, которое наиболѣе вдохновляло городской промышленный пролетаріатъ, откуда вербовалась главная масса сторонниковъ партіи. Разсматривая объективно, систему Маркса слѣдуетъ признать однимъ гигантскимъ недоразумѣніемъ. Если культурные народы Западной Европы все еще находятся въ восходящей стадіи развитія, то неминуемо наступитъ день, когда они ограничатся цѣлями реалистической соціальной политики и отвергнутъ марксизмъ какъ и всѣ другія соціалистическія воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ признаки указываютъ на то, что съ теченіемъ времени,—какъ указывалъ Вильгельмъ Лексисъ еще въ 1879 году въ своемъ трудѣ о французскихъ рабочихъ союзахъ, — „рабочіе при помощи своей организаціи станутъ къ капиталу въ чисто дѣловыя отношенія, свободныя отъ ненависти и страстей и покоящіяся на разсудительномъ разсчетѣ практически выполнимыхъ цѣлей“.

Изъ примѣра Англіи, гдѣ этотъ процессъ развитія наиболѣе подвинулся впередъ, можно вмѣстѣ съ тѣмъ заключить, что если соціальный вопросъ и не прійдетъ такимъ путемъ къ окончательному рѣшенію въ ближайшемъ будущемъ, то все же утратитъ свой острый характеръ. Уже въ настоящее время въ Англіи соціальный вопросъ, хотя онъ все еще считается очень важнымъ, пересталъ занимать уже первое мѣсто въ общественныхъ дебатахъ. На первый планъ теперь выдвинулся вопросъ о распространеніи національности и экономическомъ міровомъ господствѣ. Это является прямымъ результатомъ новѣйшаго экономическаго развитія Англіи: дѣлаясь все болѣе индустріальной страной, она вынуждена не переставая расширять свои области сбыта, чтобы производство, въ цѣляхъ дешевизны, могло вестись все болѣе и болѣе въ широкихъ размѣрахъ. Вслѣдствіе этого насущныя потребности массового фабричнаго производства таковы, что оно стремится къ постоянному увеличенію вывоза массовыхъ продуктовъ, къ постоянному усиленію экономическаго господства надъ заграницей. Поэтому въ настоящее время вся англійская нація, включая и рабочій классъ, согласна въ томъ, что ея настоящее и будущее зависитъ отъ поддержанія и дальнѣйшаго смѣлаго развитія имперіалистической политики, и что предъ вопросомъ экономическаго мірового могущества должны отступить на задній планъ всѣ остальные, въ томъ числѣ и соціальный вопросъ.

Выполненіе задачъ, выставленныхъ соціальной проблемой, слѣдовательно, главнымъ образомъ, постояннаго вниманія къ интересамъ рабочаго класса, стало общепризнаннымъ требованіемъ; тамъ, гдѣ предприниматели не желаютъ считаться съ этимъ требованіемъ, рабочіе классы добиваются его признанія при помощи своей грандіозной организаціи и при поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Къ такому положенію дѣлъ замѣтно приближаются всѣ міровыя и культурныя государства Западной Европы. Такимъ образомъ выполнится мысль, высказанная въ ту эпоху, когда соціальный вопросъ представлялся еще въ общемъ мнѣніи грозной загадочной опасностью. Эта мысль, высказанная величайшимъ реалистомъ нашего времени, Бисмаркомъ, выражается такъ: „Ни одинъ политическій вопросъ не приходитъ къ полному математическому заключенію, такъ, чтобы можно было подвести по книгамъ балансъ. Они возникаютъ, имѣютъ свою эпоху и наконецъ исчезаютъ за другими вопросами исторіи. Таковъ путь органическаго развитія“.

V. Возникновеніе великихъ державъ.

Профессора д-ра **Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорста.**

I. Характеристика времени съ 1650 по 1780 годъ.

Заключенiе Вестфальскаго мира является знаменательной эрой въ политическомъ и экономическомъ развитiи Европы (см. стр. 324). Съ нимъ совпадаетъ установленiе понятiя суверенности и начало господства меркантильной системы. Въ то же время ленное право, на которомъ зиждились политическiе союзы средневѣковья, его администрацiя и организацiя труда, теряетъ свое значенiе во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. Формы его, правда, во многихъ случаяхъ затянулись даже до девятнадцатаго вѣка, и по наше время его можно распознать въ отдѣльныхъ пережиткахъ; но содержанiе его уже не охватывало европейскаго культурнаго мiра. Личныя отношенiя, на которыхъ было построено ленное право, потеряли свою силу.

Борьба за признанiе индивидуальности, подавленной общиннымъ строемъ средневѣковья, имѣетъ, конечно, гораздо болѣе давнее происхожденiе; она сопровождала гуманизмъ и возрожденiе, и въ области наукъ и искусствъ одержала полную побѣду еще въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтiи. Только послѣ того, какъ побѣда была рѣшена въ этой области, воспослѣдовало и приложенiе установленнаго основного принципа индивидуализацiи къ формамъ государственности. Въ этомъ должны были принять участiе новыя силы, такъ какъ элементы, изъ которыхъ сложился феодальный государственный строй, совершенно отказывались служить. Чѣмъ ниже падала дѣеспособность корпорацiй, тѣмъ болѣе расширялось поле дѣйствiя для личности, тѣмъ настоятельнѣе предъявлялось къ князьямъ требованiе разрѣшить задачу собственными силами и на свою исключительную отвѣтственность, тогда какъ раньше въ такомъ рѣшенiи участвовали многообразныя корпорацiи.

Нападенiе, которое направила реформацiя противъ римско-папской церкви, самой грандiозной и могучей изо всѣхъ международныхъ корпорацiй, не дошло еще въ шестнадцатомъ столѣтiи до полной развязки; она наступила только въ Тридцатилѣтнюю войну, когда клонившiяся къ единовластiю стремленiя католической церкви потеряли послѣднiе виды на осуществленiе. Было признано равноправiе христiанскихъ вѣроисповѣданiй въ римско-германской имперiи; молодыя евангелическiя державы, Англiя, Швецiя и Голландiя, были уравнены въ дипломатическомъ отношенiи съ оставшимися вѣрными католичеству, санкцiонированными папствомъ „всехристiаннѣйшими“, „католическими“ и „апостолическими“ королевствами; идея всеохватывающаго христiанскаго общества, какъ она нѣкогда представлялась величайшимъ мыслителямъ и отважнѣйшимъ политикамъ, была устранена навѣки. Послѣдствiя этого факта обнаружились не только въ евангелическихъ государствахъ, но и въ католическихъ. Католицизмъ

сталъ орудiемъ политики, но государственныя учрежденiя уже не посвящаютъ себя осуществленiю идей католичества. Домъ Габсбурговъ нашелъ для себя выгоды въ союзѣ съ папствомъ; но онъ могъ и можетъ отречься отъ этого союза, когда онъ оказывается помѣхой въ достиженiи какой нибудь политической цѣли. Доказательства встрѣчаются въ исторiи восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтiй. Еще рѣзче замѣтно это направленiе въ политикѣ французскихъ правительствъ, Бурбоновъ и Наполеоновъ. Соединенiе и использованiе всѣхъ государственныхъ силъ, для поднятiя внѣшняго могущества и укрѣпленiя внутренней связи между составными частями государства, стало высшей задачей всѣхъ правительствъ.

Для осуществленiя этихъ задачъ необходимо было прежде всего преобразованiе военнаго дѣла. Обязательная воинская повинность ленныхъ владѣльцевъ уже въ XV столѣтiи оказывалась недостаточной для охраны страны. Ленныя войска такъ же мало удовлетворяли запросамъ правящихъ домовъ, стремившихся къ расширенiю своихъ владѣнiй, какъ и крупныя городскiя общины Италiи не могли разрѣшать воинской силой собственныхъ гражданъ представлявшихся имъ политическихъ задачъ. Средствами для созданiя армiй стали наемъ и вербовка; при помощи солдатъ по ремеслу велись войны въ династическихъ и городскихъ интересахъ, основывались и разрушались государства. Нѣмецкое учрежденiе ландскнехтовъ развилось самобытно, выказало въ своихъ уложенiяхъ и уставахъ чисто нацiональныя черты; но оно не служило нацiональному благу, для котораго не существовало ни политической формулы, ни авторитетнаго признанiя. Въ теченiе шестнадцатаго вѣка династiи и политическiя партiи могли удовлетворяться этимъ переходившимъ изъ рукъ въ руки военнымъ матерiаломъ, который поступалъ въ распоряженiе воюющей державы по договору на извѣстный срокъ. Грандiозное потрясенiе, произведенное Тридцатилѣтней войной, положило начало новымъ военнымъ организацiямъ, составившимъ переходъ отъ вербовавшихся въ случаяхъ надобности армiй ландскнехтовъ къ постоянному войску, которымъ княжескiя государства пользовались какъ орудiемъ для достиженiя своихъ политическихъ цѣлей. Только во второй половинѣ семнадцатаго вѣка во Францiи и Германiи одерживаетъ верхъ воззрѣнiе, по которому не ленные владѣльцы, а территорiальныя области обязаны доставлять силы, изъ которыхъ государь бы могъ формировать свою армiю. Въ началѣ были распредѣлены области для вербовки отдѣльныхъ частей войска, опредѣленныхъ полковъ; затѣмъ къ областямъ было предъявлено требованiе пополнять контингентъ, котораго не хватило при вербовкѣ. Наконецъ усилившаяся государственная власть присвоила себѣ право конскрипцiи или набора; подобное учрежденiе было бы немыслимо до 1500 года, какъ несовмѣстимое съ территорiальнымъ характеромъ верховной власти. Этотъ характеръ утратился въ государствѣ новой эпохи; на его мѣсто конституцiонная система XIX вѣка желала выставить понятiе „личной свободы“, но и это понятiе во многихъ отношенiяхъ ограничивается требованiями „государственныхъ соображенiй“ и „государственнаго блага“.

Во внутреннемъ управленiи все большее значенiе прiобрѣтаетъ чиновничество. Государственная власть постепенно воспользовалась тѣми правами, которыя раньше были связаны съ владѣнiемъ землей или основывались на городскихъ привилегiяхъ. Осуществленiе этихъ правъ поручалось лицамъ, которыя зависѣли исключительно отъ воли государя или его представителей. Устройство и градацiи всѣхъ этихъ органовъ общественной власти, опиравшейся всецѣло на понятiе суверенности, установленiе бюрократической iерархiи было предметомъ живого интереса еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, пока вырожденiе этой бюрократiи и ея неспособность закончить внутреннее государственное устройство не привели къ

мысли о необходимости содѣйствія слоевъ народа, въ теченіе извѣстнаго времени совершенно исключавшихся изъ участія въ управленіи. Но постоянныя арміи и бюрократизмъ являются особенными признаками той политической системы, которая смѣнила феодальный строй; въ настоящее время мы еще не можемъ ни обозрѣть ея развитія, ни оцѣнить возможной ея продолжительности.

Новый государственный порядокъ долженъ былъ искать себѣ поддержку и въ преобразованіи экономическаго строя, состоявшемъ въ отграниченіи областей и сплоченіи дѣйствовавшихъ въ нихъ производительныхъ силъ. Меркантильная система находитъ во второй половинѣ семнадцатаго вѣка всестороннее примѣненіе. Сущность ея заключается въ томъ, что государственное управленіе ставитъ себѣ задачей использованіе дѣятельности своихъ подданныхъ въ интересахъ государства, поддержку этой дѣятельности для того, чтобы изъ обильныхъ прибылей ея по возможности большая часть могла бы отойти на государственныя предпріятія (см. стр. 112). Изъ этихъ предпріятій войско и флотъ прежде всего считались основными условіями для проявленія государственнаго могущества и жизнеспособности. Мѣсто городской общины заступаетъ теперь территоріальная. Правительства занимаются изысканіемъ средствъ для поднятія производства, такъ какъ оно полезно не только отдѣльнымъ производителямъ или общинамъ, но и повышаетъ платежную способность населенія; они стремятся къ пріобрѣтенію колоніальныхъ владѣній, способствуютъ образованію крупныхъ торговыхъ обществъ, которыя уже не являются самостоятельными корпораціями, а подчиняются правительственному контролю и должны соображаться съ политическими видами государей. Только теперь собственно осуществляется понятіе общественнаго управленія, какъ единой дѣятельности, исходящей отъ носителя суверенной власти. Въ меркантилистическомъ направленіи народнаго хозяйства впервые рѣзко выражается характеръ хозяйства государственнаго, создающій совершенно новыя воззрѣнія на назначеніе и предѣлы государственной власти.

Важность этого измѣненія, отмѣченная впервые Ранке, въ новѣйшее время подчеркивается многими изслѣдователями; историческое значеніе меркантильной системы, ея вліяніе на государственное устройство занимало политико-экономистовъ и побудило ихъ къ обстоятельнымъ изслѣдованіямъ этихъ взаимоотношеній. Леопольдъ фонъ Ранке категорически указалъ на поворотъ въ міровоззрѣніи западно-европейскаго человѣчества, послѣдовавшій въ эпоху заключенія вестфальскаго мира. „Во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія“, говоритъ онъ, „силы человѣчества, послѣ того какъ религіозная область была въ извѣстной степени разработана, начинаютъ направляться болѣе въ сторону государственности“. Карлъ Бюхеръ, въ своемъ изложеніи возникновенія народнаго хозяйства, даетъ такую характеристику меркантилизма: „Это не мертвый догматъ, а живая практика всѣхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей отъ Карла V до Фридриха Великаго. Свое типическое выраженіе онъ нашелъ въ экономической политикѣ Кольбера; онъ служитъ назначенію, создать отграниченное извнѣ государственное хозяйство, которое было бы въ состояніи удовлетворить всѣ потребности подданныхъ національнымъ производствомъ“. Густавъ Шмоллеръ подробно выясняетъ связь новаго экономическаго строя съ выработкой территоріальныхъ княжествъ, выводитъ изъ этой зависимости постепенное признаніе территоріальнаго законодательства, борьбу рыцарства и земскихъ сеймовъ съ самостоятельной экономической политикой городовъ и устанавливаетъ фактъ, что территоріальныя системы обложенія существенно способствовали возникновенію экономической связи между городомъ и деревней и между отдѣльными областями. Въ періодъ развитія могущества князей „возникали государства,

которыя совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ раньше, были едиными и поэтому сильными, богатыми и могучими экономическими организмами; въ которыхъ совершенно иначе, чѣмъ раньше, государственная организація служила народному хозяйству, а это послѣднее — политикѣ; въ которыхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше, государственное финансовое хозяйство служило посредствующимъ звеномъ между политической и экономической жизнью. Дѣло шло не только объ учрежденіи государственныхъ армій, флотовъ и чиновничества, но и о созданіи единообразныхъ финансовыхъ и экономическихъ системъ, которыя охватывали бы силы милліоновъ людей, цѣлыя области съ ихъ хозяйственною жизнью".

Этотъ процессъ совершается не одновременно у различныхъ народовъ Европы; быстрѣе всего онъ могъ протекать тамъ, гдѣ уже было достигнуто политическое единеніе, гдѣ центральная власть побѣдоносно вышла изъ борьбы съ самоуправлявшимися корпораціями. Задачу исторіи составляетъ выясненіе обстоятельствъ, которыя вліяли на образованіе государственности въ способствующемъ или задерживающемъ направленіи. Въ данномъ случаѣ, зависимостью экономической жизни отъ внѣшнихъ событій и политическаго положенія обусловливается необходимость прежде всего обстоятельно разсмотрѣть политическую исторію, взаимоотношенія державъ, раньше чѣмъ перейти къ изложенію культурнаго развитія. Исторія культуры, которая желаетъ охватить въ каждый данный моментъ всю картину состоянія народовъ, находящихся въ сходныхъ условіяхъ, и не желаетъ ограничиться разсмотрѣніемъ духовной дѣятельности, науки и искусства, — не можетъ существовать, не опираясь на политическую исторію; сама по себѣ она не можетъ раскрыть побудительныхъ мотивовъ народной и государственной жизни, какъ это требуется отъ исторической науки.

Въ настоящее время мы еще не можемъ найти отвѣта на вопросъ, какая форма государственнаго и экономическаго строя окажетъ на человѣчество въ будущемъ столь же опредѣляющее вліяніе, какое оказывалъ въ теченіе тысячелѣтія феодализмъ; мы не знаемъ, мыслимо ли вообще наступленіе такихъ продолжительныхъ фазъ развитія, или болѣе быстрая смѣна формъ производства повліяетъ и на правовыя воззрѣнія и чаще будетъ вызывать преобразованія соціальнаго строя. Но тутъ настоятельно требуетъ признанія фактъ, что возникновеніе тѣхъ удивительно организованныхъ государственныхъ формъ, которыя нынѣ принято называть великими державами, оказало чрезвычайное вліяніе на историческую жизнь не только Европы, но и всего земного шара. Національзмъ, который былъ не въ состояніи со своимъ скуднымъ духовнымъ содержаніемъ создать новыя формы политическихъ организацій, послужилъ до сихъ поръ только къ упроченію силы великихъ державъ. И въ настоящее время положеніе дѣлъ имѣетъ такой видъ, будто задачи, которыя предстоятъ человѣчеству въ ближайшемъ будущемъ, могутъ быть осилены только съ помощью этихъ грандіозныхъ государственныхъ механизмовъ.

Высказывать дальнѣйшія предположенія о будущемъ ходѣ развитія не можетъ быть дѣломъ исторіи, которая должна тщательно избѣгать политическихъ гипотезъ; но за историкомъ остается обязанность изслѣдовать происхожденіе тѣхъ колоссальныхъ политическихъ организмовъ, которые въ настоящее время являются рѣшающими силами во всѣхъ вопросахъ политики. Съ этой точки зрѣнія мы здѣсь изложимъ историческія событія, и сдѣлаемъ попытку выдвинуть на первый планъ всѣ обстоятельства, которыя могутъ способствовать объясненію выдающагося и многозначительнаго въ историческомъ отношеніи явленія: мѣста, занятаго великими державами въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

2. Французское королевство.

А. Побѣда надъ фрондой.

„Мечты и грезы Филиппа Августа, намѣренія и желанія Филиппа Красиваго, традиціи Генриха IV“ были вестфальскимъ миромъ приближены къ осуществленію, если и не окончательно удовлетворены (см, карту при стр. 320). Какъ пробуетъ доказать Альбертъ Сорель, Франція только осуществляла свои старинныя законныя права на наслѣдіе Карла Великаго, его франкское государство. Но многаго еще не хватало, чтобы возвратить это достояніе, о которомъ Франція якобы никогда не забывала, въ полномъ его объемѣ. Еще не была осуществлена программа Гильбера Мецскаго, 1434 года, которая вмѣняла французскому королю въ обязанность пріобрѣтеніе Люттиха, Фландріи, Геннегау, Брабанта, Гельдерна, Юлиха, Верхней и Нижней Бургундіи, Прованса, Савойи, Лотарингіи, Люксембурга, Меца, Туля, Вердэна, Трира, Кельна, Майнца и Страсбурга; но часть этой программы уже была выполнена: области епископствъ Меца, Туля и Вердэна, которыя, правда, уже цѣлое столѣтіе (съ 1552 года; см. стр. 286) фактически входили въ составъ французскаго королевства, теперь формально были выдѣлены изъ состава германской имперіи; старо-габсбургскія владѣнія и права въ Эльзасѣ и Зундгау, городъ Брейзахъ и ландфогтство надъ эльзасскими имперскими городами были уступлены французской коронѣ; была достигнута рейнская граница. Изъ за Пиренеевъ и Западныхъ Альпъ, изъ за сѣверной границы все еще продолжался споръ съ Испаніей и военныя отношенія не прекращались.

Великій кардиналъ, съ такой изумительной настойчивостью хранившій завѣты Генриха IV, не имѣлъ счастья дожить до признанія національныхъ правъ, на достиженіе которыхъ онъ устремилъ всѣ силы государства; но онъ разстался съ дѣломъ своей жизни въ такой моментъ, когда въ побѣдѣ Франціи уже врядъ ли можно было сомнѣваться (стр. 322.) Мазарини не колеблясь продолжалъ ту же политику, которая стала въ настоящемъ смыслѣ народной; какъ утверждаетъ Сорель, она сама собою вытекала изъ правомѣрныхъ притязаній французовъ, преемниковъ и наслѣдниковъ галловъ, создателей древней Австразіи, Условія, при которыхъ стали возможными эти „ревиндикаціи“, конечно не такъ-то легко выводятся изъ силы общественнаго мнѣнія во Франціи. Трудно представить зависимость, какая можетъ существовать между народной волей и тѣми событіями, которыя обусловили государственную концентрацію герцогствъ и графствъ, возникшихъ на почвѣ Франціи. Бургундскій домъ долженъ былъ угаснуть въ четвертомъ поколѣніи, французскіе короли должны были пріобрѣсти бракомъ или наслѣдованіемъ Бретань и Берри, Анжу и Провансъ, три царственныхъ брата, Францискъ II, Карлъ IX и Генрихъ III, бездѣтными сошли въ могилу, чтобы дать возможность Генриху Наваррскому возложить на себя осиротѣвшую французскую корону, блескъ которой началъ зловѣще блѣднѣть въ періодъ гугенотскихъ войнъ. Еслибы религіозная борьба велась цвѣтущими княжескими фамиліями, которыя могли бы воспользоваться конфессіональнымъ отграниченіемъ территорій въ своихъ свѣтскихъ интересахъ, какая возможность была бы для „галльской идеи“ стать политической силой, какъ могло бы антикварное изысканіе древнихъ границъ Австраліи обуздать сепаратистскія стремленія княжескихъ родовъ? „Прирожденное право“ французовъ получало возможность существовать только потому, что политическое развитіе германскаго народа, который тоже можно было считать сонаслѣдникомъ имперіи Карла Великаго, направилось по пути, какъ разъ противоположному ходу раззитія монархической Франціи. Ученіе о естественныхъ границахъ галль-

ской народности не могло бы никогда получить практическаго значенія, если бы переходъ отъ феодальнаго государства къ абсолютной монархіи протекъ въ Германіи при столь же благопріятныхъ условіяхъ, какъ онъ совершился во Франціи.

На какихъ слабыхъ опорахъ покоится такъ называемая закономѣрность и необходимость національнаго развитія, Франціи пришлось впрочемъ испытать на себѣ въ тотъ моментъ, когда она сдѣлала самый важный и многозначительный шагъ къ достиженію желанной гегемоніи надъ Западной Европой. Когда 24 октября 1648 года почтари въ Мюнстерѣ сѣдлали своихъ коней, чтобы разнести по міру вѣсть, что нѣмцы наконецъ исполнили всѣ требованія иностранныхъ посредниковъ и изъ обрушившейся на нихъ общей катастрофы спасли по крайней мѣрѣ суверенность своихъ князей — въ это время далеко еще не былъ рѣшенъ вопросъ, воспользуется ли молодой король, на мѣстѣ котораго судьбой Франціи руководилъ кардиналъ Жюль Мазарини (стр. 322), всѣми преимуществами, какія добыли для него нѣмецкіе полки, сражавшіеся на жалованьи Франціи въ только что оконченную войну. Концентрація государственной власти, такъ успѣшно начатая Ришелье, неожиданно встрѣтила препятствія, значеніе которыхъ оцѣнивалось слишкомъ низко.

Феодальные владѣльцы, а съ ними и чиновничество, пользовавшееся своеобразной самостоятельностью, сочли моментъ подходящимъ для того, чтобы предъявить коронѣ свои права и привилегіи и поставить регентство королевы въ такія рамки, какихъ королевская власть не терпѣла уже полъ столѣтія. Собравшіяся въ Сенъ-Луи четыре палаты судебныхъ и административныхъ чиновниковъ потребовали установленія въ защиту личной свободы закона, по которому каждый арестованный правительствомъ какъ въ Англіи, долженъ быть приведенъ въ теченіе 24 часовъ къ компетентному судебному допросу; они настаивали, далѣе, на томъ, чтобы всѣ податныя распоряженія получали силу только послѣ одобренія ихъ парламентомъ, которому принадлежитъ охрана права и закона. Правительство почувствовало стѣсненіе въ своихъ финансовыхъ операціяхъ, а потому и въ военныхъ предпріятіяхъ. Оно попыталось остановить движеніе арестомъ двухъ членовъ верховнаго совѣта, но вскорѣ вынуждено было убѣдиться, что вызвало этой мѣрой только болѣе ожесточенное сопротивленіе, да къ тому же заинтересовало въ требованіяхъ привилегированныхъ сословій и все населеніе Парижа. Онъ уступило и какъ разъ 24 октября пошло на соглашеніе, которое особенно благопріятствовало ремесленнымъ классамъ.

Но цѣли своей правительство не достигло; напротивъ, оно вызвало въ кругахъ помѣстнаго дворянства, при Ришелье утратившаго почти все свое вліяніе, стремленіе добиться своего прежняго преобладанія въ государствѣ, при помощи союза съ „noblessse des robes", находившейся благодаря покупкамъ и наслѣдованію, въ обладаніи высшими чиновными должностями. Жанъ Франсуа Поль де Гонди, герцогъ де Рецъ и коадъюторъ своего дяди, архіепископа парижскаго Генриха, собралъ нѣсколько вліятельныхъ пэровъ, которые потребовали отставки Мазарини и установленія регентскаго совѣта, въ которомъ они должны были получить мѣсто и голосъ. Королевская семья и кардиналъ были вынуждены оставить Парижъ, въ которомъ фронда, — такое названіе приняла оппозиціонная партія, — захватила власть въ свои руки. Сорегентъ, герцогъ Орлеанскій, и герцогъ Людовигъ Конде, который еще въ бытность принцемъ Ангіенскимъ пріобрѣлъ блестящую воинскую славу и недавно разбилъ при Ланѣ испанцевъ (20 августа 1648 года), еще сохраняли вѣрность правительству. Но младшій братъ Конде, Арманъ Конти, сестра его, герцогиня Анна Женевьева де Лонгвиль, Вандомы, Бофоръ, Бульонъ стали союзниками коадъютора. Отважный полководецъ Анри де Латуръ д'Овернь виконтъ де Тюреннъ, братъ Бульона, предоставилъ себя въ распоряженіе союзни-

ковъ, и если бы онъ не былъ совершенно лишенъ дипломатическаго чутья, то даже двинулся бы съ войскомъ отъ Рейна къ Парижу; но онъ позволилъ Мазарини обмануть себя и не замѣтилъ, что тотъ тайкомъ отъ него вошелъ въ сношенія съ его помощникомъ, швейцарцемъ Іоганномъ Людвигомъ фонъ Эрлахъ, который своевременнымъ подкупомъ привлекъ войско на сторону королевской партіи. Имя Тюренна, который раздѣлялъ уже съ Конде славу величайшаго полководца Франціи, было само по себѣ крупнымъ пріобрѣтеніемъ для партіи, которое должно было оказаться еще болѣе цѣннымъ, если бы состоялся подготовлявшійся союзъ съ Испаніей и можно было бы выставить союзную армію для совмѣстныхъ дѣйствій.

У Мазарини не было средствъ сломить всѣхъ этихъ враговъ его политики однимъ ударомъ, какъ это часто удавалось его предшественнику, ему необходимо было выиграть время, чтобы разъединить своихъ враговъ и побѣдить ихъ по одиночкѣ. Онъ примирился съ парламентомъ, отмѣнившимъ свой указъ объ его опалѣ, и перевезъ дворъ обратно въ Парижъ. Но это еще не сломило духа сопротивленія королевскому абсолютизму. Этотъ протестъ теперь проявился въ кругахъ промышленной буржуазіи столицы, въ провинціальныхъ парламентахъ и въ знатныхъ фамиліяхъ, имѣвшихъ опору для своего политическаго вліянія въ управленіи прежними герцогствами, которое находилось въ рукахъ ихъ представителей. Самъ великій Конде, которому не удалось отстранить Мазарини и получить исключительное вліяніе на свою кузину-королеву, сталъ во главѣ родственниковъ королевскаго дома, которые не соглашались унизиться до положенія правительственныхъ чиновниковъ. Но именно въ перевѣсѣ принцевъ крови заключалась опасность для оппозиціоннаго союза, такъ какъ благодаря ихъ присутствію терпѣло уронъ значеніе другихъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Мазарини понялъ это и сблизился съ фракціей коадъютора Реца, чтобы отдалить ее отъ фронды. Удача, сопровождавшая его переговоры съ вождями парижскаго парламента, не покинула его и въ сношеніяхъ съ ихъ старымъ союзникомъ, и по соглашенію съ тѣмъ и другими, 18 января 1650 ему удалось арестовать принцевъ Конде, Конти и Лонгвиля.

Этимъ Мазарини опять далъ поводъ къ образованію новой фронды, во главѣ которой агитировали женщины, игравшія въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ блестящую роль и проявлявшія болѣе энергичную дѣятельность, чѣмъ ихъ мужья, уступавшіе имъ въ даровитости и остроуміи. Герцогини Конде и Лонгвиль собрали на югѣ приверженцевъ арестованныхъ принцевъ, обезпечили за собою обладаніе городомъ Бордо и крѣпостями на испанско-нидерландской границѣ и снова вступили въ серьезные переговоры съ Испаніей. Тамъ между тѣмъ правительство сознавало, что ничто не можетъ быть для него выгоднѣе, чѣмъ постоянная слабость королевской власти во Франціи, раздѣленіе страны на враждующія изъ за господства партіи. Несмотря на тѣсную связь съ іерархіей, которая постоянно являлась опредѣляющей внѣшнюю политику Испаніи, былъ принятъ планъ воскресить гугенотскія традиціи; ожидали, что Тюреннъ дастъ реформатскому дворянству военную организацію; даже послѣ пораженія, которое онъ потерпѣлъ при Сомпи (15 декабря 1650 года) высшая опасность для Франціи заключалась въ союзѣ двухъ лучшихъ и популярнѣйшихъ полководцевъ и въ ихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ внѣшнимъ врагомъ. Мазарини утратилъ власть надъ силами, которыя считалъ находящимися въ его распоряженіи. Герцогъ Орлеанскій объявилъ его единственнымъ и величайшимъ врагомъ Франціи и отказывался участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ засѣданіяхъ регентскаго совѣта; старые фрондеры, только что примиренные, снова отъ него отступились, а парижскій парламентъ потребовалъ освобожденія принцевъ и отставки кардинала. Онъ счелъ за лучшее уклониться отъ надвигавшейся на него бури, въ февралѣ 1651 года выѣхалъ изъ Парижа и нашелъ прибѣжище у кельнскаго курфюрста.

Наступилъ моментъ, когда могло бы совершиться обратное преобразованіе государственнаго строя Франціи по образцу средневѣковой феодальной системы, ограниченіе королевской власти путемъ обособленія крупныхъ областей, принадлежавшихъ князьямъ, — если бы Конде оказался способнымъ выставить и провести политическую программу. Но онъ былъ только честолюбивымъ принцемъ, а не княжескимъ правителемъ, привыкшимъ исполнять въ своей территоріи всѣ функціи разносторонней администраціи. И знатное общество, окружавшее его, имѣло такъ же мало серьезныхъ и прочныхъ связей съ страной и населеніемъ, которыя доставляли имъ средства для содержанія пышныхъ дворовъ. Французская знать обладала деревнями и городами, крѣпостями и гаванями, могла призывать своихъ ленниковъ къ оружію и вести ихъ на войну; но отсутствовало понятіе взаимной связи по родной территоріи, понятіе, которое сближало въ мельчайшемъ нѣмецкомъ графствѣ династовъ и подданныхъ. Во Франціи въ то время существовало слишкомъ много административныхъ органовъ, кругъ дѣятельности которыхъ не совпадалъ съ территоріальнымъ дѣленіемъ, слишкомъ много силъ, служившихъ центральной власти, гораздо больше такихъ интересовъ, которые могли найти помощь со стороны королевской власти, чѣмъ такихъ, которые зависѣли отъ феодальной знати.

Поэтому и положеніе партій въ эпоху раздоровъ постоянно мѣнялось; чуть ли не каждую недѣлю возникали новыя группы, участіе въ томъ или иномъ предпріятіи обусловливалось новыми требованіями. Дѣло уже клонилось къ соглашенію Конде съ королевой и присоединенію имъ должности руководящаго министра къ сану перваго принца крови; но Мазарини изъ Бонна агитировалъ противъ него и предостерегалъ королеву не рисковать, входя въ соглашеніе съ Конде, будущностью ея сына, какъ разъ приближавшагося къ совершеннолѣтію; тотчасъ устроилась комбинація, которая должна была повести къ открытому разрыву съ Конде. Старые фрондеры отпали отъ него, согласились на возвращеніе Мазарини и удаленіе двора изъ Парижа, гдѣ все таки было бы всего легче наблюдать за нимъ и вліять на него.

Самой тяжелой потерей для Конде, событіемъ, быть можетъ, рѣшившимъ исходъ уже неизбѣжной междоусобной войны, было отпаденіе Тюренна, поведеніе котораго опредѣлялось не политическими соображеніями, а личными надеждами и разсчетами. Прекрасная герцогиня де Лонгвиль могла бы удержать его подъ знаменами своего брата; но она отвергла поклоненіе единственнаго изъ своихъ приверженцевъ, который былъ бы въ состояніи успѣшно защитить дѣло Конде. Дарованія Тюренна рѣшили борьбу въ пользу короля. Ни наемныя войска герцога Лотарингскаго, ни отвага grande Mademoiselle д'Орлеанъ не могли спасти великаго Конде отъ пораженія. Когда Парижъ открылъ ему ворота послѣ пораженія въ Сентъ-Антуанѣ и спасъ его отъ гибели, судьба его была рѣшена: граждане столицы были уже утомлены борьбой и не позволили удержать себя отъ заключенія мира съ королемъ, который, сопровождаемый Тюренномъ, подступилъ къ городу. Еще разъ (въ августѣ 1652 г.) Мазарини удалился отъ двора, чтобы не быть помѣхой примиренію; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Людовикъ XIV, вступившій въ Парижъ во главѣ своей гвардіи, съ торжественнымъ церемоніаломъ вернулъ его и ввелъ, 3 февраля 1653 года, въ городъ, который его такъ страстно ненавидѣлъ и преслѣдовалъ.

Б. Централизація управленія.

а) Пиренейскій миръ и послѣдніе годы Мазарини.

Единство государства было спасено. Правда, королевское правительство не могло беззаботно относиться къ будущности, пока продол-

жалась война съ Испаніей и Конде сражался на сторонѣ враговъ; правительству приходилось слѣдить и за партикуляристическими движеніями въ Нормандіи, Гіенни и Бургундіи, и за новыми интригами коварнаго Реца, который по смерти своего дяди изъявлялъ притязанія на парижскую архіепископскую каѳедру. Но уже не приходилось по крайней мѣрѣ опасаться ослабленія связи между провинціями, изъ которыхъ составилось королевство. Конде сталъ партизаномъ Испаніи; но онъ уже не былъ представителемъ союзной съ врагомъ части государства, какъ бывало, когда Баварія или Бранденбургъ входили въ союзъ съ Франціей противъ римскаго императора. Заграничные сосѣди получили вѣскія доказательства того, что королевское правительство снова вполнѣ сознаетъ свою силу; Мазарини даже могъ составить проектъ кандидатуры Людовика XIV на императорскій германскій престолъ послѣ смерти Фердинанда III, и на избраніе Габсбурга отвѣтить учрежденіемъ подъ французскимъ протекторатомъ перваго рейнскаго союза. Цареубійственнаго повелителя Англіи, Кромвеля, тоже удалось побудить принять въ спорѣ романскихъ державъ Западной Европы сторону Франціи и прійти на выручку разстроеннымъ финансамъ двора, присылкой нѣсколькихъ бригадъ англійской пѣхоты. Цѣна, которую пришлось заплатить за это, именно уступка Дюнкирхена Англіи, была, правда, достаточно высока, но и съ этимъ можно было примириться, въ виду достигнутыхъ результатовъ: полнаго истощенія военныхъ силъ сопротивленія испанской монархіи.

Пиренейскій миръ, заключенный послѣ долгихъ переговоровъ 7 ноября 1659 года, использовалъ то состояніе безсилія, въ которое въ теченіе двухъ поколѣній впала монархія Филиппа II. Франція получила рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ и областей, существенно улучшила свое стратегическое положеніе, и пріобрѣтенія, сдѣланныя по Вестфальскому миру, были значительно упрочены. Особенное вниманіе было обращено на усиленіе сѣверной границы королевства, для чего и были присоединены Артуа и Аррасъ, такъ какъ главная опасность для Франціи при оборонительной войнѣ всегда заключалась въ близости бельгійской границы къ столичному городу. Стенэй и Тіонвилль явились цѣнными оплотами для епископальныхъ областей Меца и Вердэна, Авень -- для Шампани. Пріобрѣтеніе Руссильона затрудняло Испаніи наступательныя дѣйствія противъ низменностей Оды, а Пиньероль обезпечивалъ доступъ въ Пьемонтъ, когда потребуется. Молодой король преодолѣлъ свою склонность къ Маріи Манчини, племянницѣ Мазарини, и обвѣнчался съ инфантой Маріей Терезіей, старшей дочерью Филиппа IV, причемъ отказъ ея отъ престолонаслѣдія въ испанско-габсбургскихъ областяхъ былъ обусловленъ выплатой приданаго въ 500,000 золотыхъ гульденовъ.

Такимъ образомъ флорентинецъ Мазарини, которому Франція обязана не меньше, чѣмъ своему національному вождю, выполнившему завѣщаніе Генриха IV, блестяще обезпечилъ интересы государства, которому служилъ, передъ своей кончиной, послѣдовавшей 9 марта 1661 года. Даже заботы о собственной семьѣ, крупныя богатства которой еще значино увеличились за время правленія Мазарини, послужили на пользу государства: выдачей замужъ своихъ племянницъ Мазарини сблизилъ съ интересами двора важныя фамиліи: Конти (съ Анной Маріей Мартиноцци), Меркёръ изъ рода Вандомовъ (съ Лаурой Манчини), де-ла Портъ-Мельерэй изъ рода Ришелье (съ Гортензіей Манчини) и Савойанъ-Кариньянъ (съ Олимпіей Манчини). Высшимъ доказательствомъ подчиненія своего личнаго честолюбія благу государства было то противодѣйствіе, которое кардиналъ выказалъ браку короля съ Маріей Манчини, ставшей впослѣдствіи княгиней Кастильони-Колонна. Въ развитіи характера Людовика не маловажное значеніе имѣетъ моральная побѣда, которую онъ, подъ руководствомъ Мазарини, одержалъ надъ своей страстью. И вотъ наконецъ.

вѣрный слуга очистилъ мѣсто и оставилъ на престолѣ единодержавнаго юношу, когда началъ становиться для него стѣснительнымъ и могъ помѣшать его подготовкѣ къ самостоятельному правленію.

б) Самостоятельное правленіе Людовика XIV.

Людовикъ XIV продолжалъ разрабатывать и развивать созданіе двухъ кардиналовъ, и его правленіе достигло такой самостоятельности и такой степени вліянія на всѣ общественныя учрежденія, о какомъ только могли мечтать тѣ уполномоченные престола. Кто могъ ожидать, что политическія средства, которыя могли успѣшно примѣняться въ скромныхъ мелкихъ княжествахъ, окажутся дѣйствительными и въ королевствѣ, въ которомъ обитало самое гордое дворянство Европы, а могучія судебныя установленія были въ силахъ отстаивать законъ и обычное право даже противъ притязаній короны? Людовикъ пришелъ къ убѣжденію, что монархъ, который можетъ заставить служить себѣ всѣ силы государства и своею волей направить ихъ на достиженіе государственнаго блага, въ состояніи достичь еще болѣе блестящихъ результатовъ, чѣмъ геніальнѣйшій министръ. Ему доставляла удовольствіе надежда доказать эту идею, и притомъ онъ обладалъ и честолюбіемъ, и духовными дарованіями, достаточными для того, чтобы посвятить всю жизнь разрѣшенію этой великой задачи. Въ самомъ дѣлѣ, это была истинно королевская задача, и король разрѣшилъ ее. Людовикъ былъ вполнѣ царственной натурой, призванной для того, чтобы показать человѣчеству, какой высоты власти и чисто индивидуальнаго вліянія можетъ достичь могучая личность, которая, опираясь на великія преданія и исполнившись духомъ богато одареннаго народа, въ теченіе полустолѣтія будетъ устремлять всѣ свои старанія и усилія на то, чтобы умножить и расширить общее достояніе.

Необычайный политическій талантъ короля обнаружился уже въ самомъ началѣ его правленія, въ той увѣренности, съ какой онъ сразу сумѣлъ установить строй этого правленія. Самъ онъ — первый и единственный министръ; нѣсколько даровитѣйшихъ дѣятелей — его помощники; но именно только помощники, которымъ онъ, какъ господинъ, предписывалъ направленіе и указывалъ сферу дѣйствій: Кольберъ, Ле Телье, отецъ и сынъ (Лувуа), и Ліоннъ. Въ случаяхъ, когда король находилъ нужнымъ, онъ по временамъ призывалъ къ участію въ государственномъ совѣтѣ, въ которомъ всегда предсѣдательствовалъ лично, и другихъ дѣятелей; въ началѣ очень часто Тюренна, позже Вильруа и другихъ государственныхъ секретарей. При выборѣ онъ руководствовался спеціальными познаніями, способностями къ тѣмъ или инымъ дѣламъ; происхожденіе и богатство уже не давали права на участіе въ совѣтѣ короля. Представителемъ королевской семьи, дома Бурбоновъ съ его вѣтвями, былъ только самъ король. Въ немъ воля націи и интересы династіи сливались. Великій Конде оказался очень маленькимъ рядомъ съ молодымъ монархомъ; онъ уже не могъ подняться выше положенія губернатора и командира арміи; ни одинъ изъ принцевъ крови, послѣ него, и не пытался предъявлять притязаній на участіе въ правленіи.

Каковы были планы, таковы должны были найтись и средства у правительства. Объ этомъ Людовикъ XIV позаботился прежде всего. Онъ понялъ, въ чемъ заключалось хозяйство „партизановъ", арендаторовъ налоговъ и кредиторовъ казны; необходимо было избавить отъ этихъ кровопійцъ народъ и правительство. Онъ началъ съ Николая Фуке, генералъ-прокуратора и оберинтенданта финансовъ, который при Мазарини съ большимъ искусствомъ завѣдывалъ денежными дѣлами государства, но при этомъ и самъ успѣлъ собрать колоссальныя богатства. Король былъ посвященъ Кольберомъ во всѣ продѣлки и обманы Фуке и уже было рѣшено его устраненіе, въ то время какъ тотъ еще съ увѣренностью разсчи-

тывалъ занять мѣсто Мазарини и въ санѣ перваго министра господствовать надъ королемъ и государствомъ. Онъ разсчитывалъ на чувственность молодого монарха, которая обнаруживалась уже и убѣдила дворъ въ томъ, что и въ этомъ отношеніи фрондерское общество, не ставившее никакихъ преградъ въ общеніи придворныхъ дамъ и кавалеровъ, останется далеко позади. Но въ томъ то и заключалась особая, царственная и вмѣстѣ тиранническая черта характера Людовика, что онъ никогда не давалъ собственнымъ страстямъ преобладанія надъ политическимъ разсудкомъ, что развлеченія и любовныя интриги не умаляли его интереса къ государственнымъ дѣламъ и правленію, и что у него находился досугъ для всѣхъ вопросовъ, могущихъ занимать широкій кругозоръ генія, стоящаго на высотѣ человѣческой жизни. Фуке былъ арестованъ 5 сентября 1661 года; еще незадолго передъ тѣмъ онъ привелъ короля въ восторгъ неимовѣрно блестящимъ и дорогимъ празднествомъ въ своемъ замкѣ Во (близъ Мелэна) и какъ будто совершенно расположилъ его въ свою пользу. Король предалъ его суду и настаивалъ на строгой карѣ, хотя общественное мнѣніе высказывалось въ пользу смѣлаго финансиста, который благоразумно расточалъ добытое правдой и особенно неправдой золото въ широкомъ кругу приверженцевъ и паразитовъ, а подчасъ награждалъ и полезныхъ дѣятелей, и поэтовъ и художниковъ. Кольберъ, какъ министерскій чиновникъ, съ неутомимымъ рвеніемъ изслѣдовавшій всѣ развѣтвленія грандіознаго дѣла, прекрасно зналъ способы, какими составились крупныя состоянія партизановъ, и поддерживалъ рѣшеніе короля, потребовать возвращенія суммъ, незаконно утаенныхъ отъ государства. Особая судебная палата занялась изслѣдованіемъ хищеній; по ея постановленію послѣдовали конфискаціи у 500 лицъ, вернувшія въ государственную казну сто десять милліоновъ ливровъ.

Благодаря этимъ суммамъ, а также пониженію процента по государственнымъ долгамъ, давшему 7 милліоновъ въ годъ экономіи, Кольберъ (портретъ его на таблицѣ при стр. 119) былъ въ состояніи безъ дальнѣйшихъ податныхъ отягченій поддержать равновѣсіе государственнаго бюджета, несмотря на то, что при началѣ его управленія доходы находились въ залогѣ по 1663 годъ. Онъ постепенно понизилъ поголовную подать „taille“, тяготѣвшую только на горожанахъ и крестьянахъ, такъ какъ отъ нея были освобождены клиръ, дворянство, высшая буржуазія и вообще каждый, кто носилъ какой бы то ни было титулъ; за то были повышены косвенные налоги, особенно налогъ на соль „gabelle“, слагавшійся только въ исключительныхъ случаяхъ и долженствовавшій больше отягчать крупныя хозяйства, чѣмъ мелкія.

Съ податной реформой началась та грандіозная экономическая централизація меркантильной системы, которая, какъ показалъ Густавъ Шмоллеръ, равносильна съ образованіемъ современнаго государственнаго строя. Кольберъ не изобрѣлъ новаго плана дѣйствій; онъ точно также выработалъ изъ экономической политики предшествовавшихъ правительствъ правомѣрный и здравый государственный эгоизмъ, какъ и его король и повелитель въ иностранной политикѣ слѣдовалъ по стопамъ Генриха IV и Ришелье. Мѣропріятія Людовика XI противъ ввоза иностранныхъ фабрикатовъ, освобожденіе торговли хлѣбомъ въ предѣлахъ королевства по эдикту 1539 года, дарованіе правительствомъ торговыхъ и ремесленныхъ привилегій съ 1577 и 1581 г., созданіе французскаго флота при Ришелье, — все это должно было предшествовать, чтобы сдѣлать возможнымъ протекціонистское государственное хозяйство, отмѣну таможенныхъ заставъ между провинціями, побѣду общихъ государственныхъ интересовъ надъ областными и городскими стремленіями къ обособленности (см. стр. 112). „Etats généraux“ нельзя уже было созывать, потому что въ нихъ опять началась бы и захватила всѣ силы правительства борьба со-

словій противъ центральной власти; необходимо было ограничить кругъ дѣйствія провинціальныхъ собраній, потому что отъ нихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было ожидать пониманія общегосударственныхъ нуждъ и несомнѣнно слѣдовало опасаться, что они используютъ свои привилегіи для достиженія кажущихся преимуществъ въ узкой области мѣстной администраціи и будутъ на каждомъ шагу мѣшать работѣ правительства, которое требовало ограниченія извѣстныхъ единичныхъ правъ въ видахъ достиженія высшихъ цѣлей народнаго хозяйства. Въ теченіе всего шести лѣтъ (1667—1673 г.) при помощи королевскихъ указовъ, ордонансовъ, была создана основа для единообразнаго управленія Франціей, безъ чего страна никогда не была бы въ состояніи доставить правительству огромныхъ суммъ для войнъ съ сосѣдями, на счетъ которыхъ надлежало округлить владѣнія Франціи до ея естественныхъ границъ. Объединеніе національныхъ средствъ должно было предшествовать напряженію всѣхъ государственныхъ силъ; политическая великая держава могла быть созданой на основѣ экономическаго могущества.

Чтобы поднять благосостояніе гражданъ, и слѣдовательно и ихъ способность удовлетворять нуждамъ государства, не было иного средства, какъ побудить ихъ заботиться объ увеличеніи запаса цѣнностей, ввести самостоятельное производство предметовъ національнаго потребленія, путемъ собственной торговой дѣятельности воспользоваться прибылью, которую до сихъ поръ получали иностранцы, оживить денежное обращеніе внутри страны и исключить заграницу, постояннымъ уменьшеніемъ ввоза, отъ участія въ доходахъ, которые могли бы доставить промышленность и торговля. Буржуазное общество Франціи пришлось принудить къ этому преобразованію экономическихъ отношеній чуть не насильственными правительственными мѣропріятіями; самостоятельно оно очень мало содѣйствовало реформѣ. Кольберъ не только далъ иниціативу введенія новыхъ отраслей промышленности, онъ не только выписывалъ иностранныхъ образцовыхъ мастеровъ и давалъ имъ занятіе на фабрикахъ; попеченіе правительства простиралось на мельчайшія детали техники; оно издавало предписанія къ суконодѣлію и красильному дѣлу, съ сотнями параграфовъ, и нарушенія уставовъ карались административными взысканіями. Въ сферѣ промышленности правительственная дѣятельность увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Дарованія и художественные вкусы французскаго ремесленника обнаружились и въ такихъ мануфактурахъ, которыя были только что заново введены (см. приложенную хромолитографію „Аудіенція папскаго посланника Киджи, въ 1664 г.“, съ объяснительнымъ текстомъ), или какъ производство кружевъ, приспособлены къ повышеннымъ требованіямъ.

За то подъемъ торговли, которому должно было содѣйствовать учрежденіе Вестиндской, Восточноафриканско-остиндской, Сѣверной и Левантинской компаній (см. стр. 114), далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Французы не склонны къ міровымъ сношеніямъ въ широкомъ масштабѣ; ихъ предпріимчивость рѣдко задаетъ себѣ слишкомъ обширныя задачи; поэтому они не могли, какъ это было желательно королю, выдержать конкурренцію съ голландцами. Ихъ малыя колонизаціонныя дарованія обнаружились въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ Франція неоднократно дѣлала попытки утвердиться въ разныхъ мѣстахъ. Въ настоящее время она не сохранила на всемъ сѣверномъ материкѣ Новаго Свѣта ни вліянія, ни колоній. Все давно захватила англо-германская Европа. Изо всѣхъ компаній, капиталы которыхъ составлялись подпиской, въ которой, „по желанію короля“, должно было участвовать высшее чиновничество, лучше всего шли дѣла Левантинской, постепенно овладѣвшей сообщеніемъ между западными областями Средиземнаго моря и берегами Турецкой имперіи, вытѣснивъ отчасти распространившихся здѣсь голландскихъ предпринимателей. Сооруженіе Южнаго канала возбуждало широкія надежды; разсчитывали, что

Людовикъ XIV принимаетъ въ аудіенціи папскаго посла Сигизмондо Киджи, въ Фонтэнебло, 29 іюля 1664 г.

За оскорбленіе, нанесенное французскому послу герцогу Креки въ Римѣ 20-го августа 1662 г. корсиканскими папскими гвардейцами, папа Александръ VII (Фабіо Киджи) былъ вынужденъ просить извиненія у короля Людовика XIV. Исполненіе этой щекотливой миссіи папа поручилъ своему племяннику Сигизмондо Киджи (впослѣдствіи кардиналъ Феррара), котораго отправилъ въ резиденцію французскаго короля въ качествѣ легата a latere. По приказанію короля, живописецъ Шарль Лебрэнъ включилъ эту аудіенцію, имѣвшую въ исторіи отношеній между Франціей и Ватиканомъ немаловажное значеніе, въ историческую серію гобеленовъ, извѣстную подъ названіемъ „Histoire du Roy“. Рисунокъ для изображеннаго на нашей хромолитографіи гобелена сдѣланъ самимъ Лебрэномъ (находится въ Луврѣ, въ Парижѣ); гобеленъ исполненъ въ 1671—76 годахъ.

Этотъ гобеленъ какъ нельзя лучше передаетъ всю церемонную пышность французскаго двора при Людовикѣ XIV, съ его этикетомъ и неслыханной роскошью. Подпись въ серединѣ нижней каймы гласитъ:

„Audience donnée par le Roy Louis XIV à Fontainebleau au Cardinal Légat Chigi, Neveu et Légat a latere du Pape Alexandre VII, le XXIX juillet MDCLXIV pour la satisfaction de l'injure faite dans Rome à son Ambassadeur.“

Этотъ прекрасный образецъ гобеленнаго искусства принадлежитъ къ національному имуществу и сохраняется въ Manufacture des Gobelins въ Парижѣ. Мюнцъ называетъ его „знаменитѣйшимъ экземпляромъ изъ всѣхъ серій, вышедшихъ изъ гобеленныхъ мастерскихъ въ теченіе царствованія Людовика XIV“. Напомнимъ кстати, что Шарль Лебрэнъ, первый живописецъ короля и директоръ Manufacture Royale des Gobelins, имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ 1663—90 гг. около 50 живописцевъ, архитекторовъ и рисовальщиковъ, въ томъ числѣ такихъ художниковъ, какъ Иваръ-отецъ, Ожье, Баптистъ Моннуайе, Никазій Бернаръ, Булль, Геноэльсъ и Бодуэнъ, Ноэль Куапель, оба Буллоня и др. Созданіе этого широко разростающагося художественнаго учрежденія, какъ и многіе другіе успѣхи французской культуры въ XVII вѣкѣ, является заслугой геніальнаго Кольбера.

Исторія человѣчества. VII.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Людовикъ XIV принимаетъ въ аудіенціи папскаго посла Сиджисмондо Киджи, 29 іюля 1664, въ Фонтенебло.

(По гобелену Шарля Лебрена, въ Manufacture des Gobelins, въ Парижѣ.)

большія морскія суда изберутъ этотъ новый путь изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море. При постройкѣ канала, правда, обнаружилась высокая степень французскаго инженернаго искусства, а льстецы, среди которыхъ выдѣлялся Пьеръ Корнель, получили случай вознести короля превыше Карла Великаго и всѣхъ остальныхъ его предшественниковъ. Но каналъ несмотря на это не сдѣлался важнымъ путемъ сообщенія; значеніе его обнаружилось только въ его ближайшемъ сосѣдствѣ, именно въ области Лангедока.

Упорядоченіе государственныхъ финансовъ, которому способствовалъ, по сообщеніямъ венеціанскаго посланника, и начавшійся притокъ наличныхъ денегъ изъ заграницы, дало королю возможность заняться организаціей арміи, которая въ той формѣ, въ какой она вышла изъ послѣднихъ войнъ, врядъ ли годилась бы для разрѣшенія болѣе трудныхъ задачъ. Вербовка ландскнехтовъ, обманы начальниковъ, всегда требовавшихъ жалованья сверхъ наличнаго числа людей, малое число строевыхъ солдатъ по сравненію съ безмѣрно разросшимся обозомъ, зависимость военныхъ передвиженій отъ зимнихъ квартиръ или качества урожая, и цѣлый рядъ подобныхъ неудобствъ и злоупотребленій могъ бы быть устраненъ только при томъ условіи, чтобы вся армія, офицеры и низшіе чины, находились въ матеріальной зависимости отъ одного только короля, чтобы содержаніе ихъ не было въ рукахъ третьихъ лицъ и чтобы никогда не случалось задержекъ въ выплатѣ жалованья.

Власть короля Франціи надъ арміей до сихъ поръ значительно ограничивалась губернаторами провинцій, которые держали гарнизоны въ крѣпостяхъ, созывали дворянское ополченіе (Arrière ban) и милиціонные батальоны. Отъ постоянной дворянской конницы пришлось совершенно отказаться, такъ какъ она не годилась при правильномъ методѣ веденія войны; къ милиціи Франсуа Мишель Ле-Телье маркизъ де Лувуа прибѣгнулъ, и то неохотно, только во время войны за испанское наслѣдство, когда нужда въ людяхъ доходила до крайности. За то и дворянство и города были обложены сборами, которые шли на вербовку (racolage). Людовикъ XIV поддерживалъ свое европейское преобладаніе не при помощи національнаго войска; у него была армія изъ профессіональныхъ солдатъ, среди которыхъ французовъ было меньше двухъ третей. Въ пѣхотѣ „Maison de Roi“, числомъ 6000 человѣкъ, была половина иностранцевъ; въ конной гвардіи, 800 кавалеристовъ изъ дворянъ, преобладали французы. Армейская пѣхота состояла изъ 46 полковъ; изъ нихъ 14 полковъ и 50 такъ называемыхъ свободныхъ ротъ были набраны изъ швейцаревъ, нѣмцевъ, ирландцевъ, итальянцевъ и валлоновъ. Кавалерія насчитывала 28 полковъ и 12,000 лошадей; восьмая часть людей были иностранцы, причемъ они считались кадромъ войска и получали жалованье высшее, чѣмъ уроженцы Франціи.

Возведеніе французскаго государства на степень міровой державы не было обусловлено какимъ нибудь могучимъ подъемомъ націи; оно было вызвано побѣдой централизаціонной системы и монархическаго абсолютизма, которому значительные государственные дѣятели, и прежде всѣхъ въ настоящемъ смыслѣ слова великій государь, намѣтили высочайшія цѣли. Цѣли эти соотвѣтствовали національному чувству, но онѣ все таки не выставлялись въ видѣ требованій этой общенародной воли. Королевской политикѣ приходилось постепенно пріучать къ своимъ замысламъ народное сознаніе. Обратный ходъ дѣлъ мы могли наблюдать въ германской имперіи. Тамъ общественное мнѣніе требовало мѣропріятій для національной защиты; тамъ литература летучихъ листковъ, распространявшихся во всѣхъ кругахъ образованнаго общества, обсуждала нужды и справедливыя требованія націи. Но все это пропадало безслѣдно. Ни императоръ, ни рейхстагъ не могли собрать силъ германскаго государства

хотя бы для защиты отъ нападеній, для репрессалій за нарушенія правъ и договоровъ, для отраженія насилій. Безъ этой противоположности, даже самая сильная державная воля во Франціи не была бы въ состояніи доставить своему государству значеніе, которое уже выходило за предѣлы природныхъ данныхъ и справедливыхъ народныхъ притязаній.

B. Деволюціонная война.

За внутренней концентраціей послѣдовало расширеніе, увеличеніе территоріальныхъ владѣній при помощи завоевательныхъ войнъ и съ такимъ отсутствіемъ мѣры, которое должно было стать опаснымъ для государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что не только австразійская легенда и притязаніе на естественныя границы, къ которымъ долженъ относиться Рейнъ, побуждали Людовика XIV къ его завоевательнымъ войнамъ; со времени бракосочетанія съ испанской инфантой помыслы короля несомнѣнно были направлены на пріобрѣтеніе испанской монархіи или по крайней мѣрѣ большей части ея владѣній. Эти планы вывели его за предѣлы классической системы французской политики, основанной Генрихомъ IV и разработанной кардиналами, и погубили ее[1]; среди французовъ развилась жажда завоеваній, пробудилось политическое высокомѣріе, но не могло выработаться безусловнаго чувства долга предъ государствомъ и беззавѣтной преданности королевскому дому, способной перенести самыя тяжкія потрясенія. Эта неумѣренность, будь она галльскаго или западно-франкскаго происхожденія, проявляется въ политической жизни Франціи, какъ и въ ея нравахъ или модахъ, и Людовикъ XIV не мало способствовалъ усиленію этой черты. Преувеличеніе государственной концентраціи имѣло для страны и народа послѣдствія до того пагубныя, что ихъ не могло исцѣлить и кровавое лѣченіе французской революціи.

Первый шагъ, обнаружившій замыслы молодого государя, былъ направленъ противъ Лотарингіи, которая была вовлечена въ сферу французскаго вліянія еще въ 1659 г., когда Франція пріобрѣла право пользоваться прорѣзавшей герцогство военной дорогой къ Рейну. Затѣмъ, рядомъ дипломатическихъ уловокъ, а подъ конецъ и насиліемъ, у герцогства была отнята послѣдняя крѣпость, Марсаль. Герцогская фамилія, принадлежавшая къ дому Гизовъ, вынуждена была, чтобы сохранить за собою владѣнія, обратиться къ союзу съ Габсбургами, но не была въ состояніи предложить императору сколько нибудь существенную поддержку со своей стороны.

Второй шагъ клонился уже къ пріобрѣтенію испанской области. Людовикъ XIV соглашался помочь своему тестю Филиппу въ борьбѣ съ Португаліей, которую тотъ снова хотѣлъ соединить съ Испаніей; французскій король ставилъ условіемъ признаніе недѣйствительности отреченія инфанты, его супруги, отъ наслѣдства и назначеніе ей въ долю Франшъ-Контэ и нѣсколькихъ нидерландскихъ округовъ. Намѣреніямъ Людовика благопріятствовало рѣшеніе нидерландскихъ государственныхъ юристовъ, доказавшихъ, особенно для Брабанта, существованіе такъ называемаго деволюціоннаго права, согласно которому Марія Терезія въ самомъ дѣлѣ имѣла основательныя притязанія на значительныя области Великой Бургундіи. Когда Филиппъ умеръ, въ 1665 г., раньше чѣмъ потребовалось отъ него рѣшеніе этого щекотливаго вопроса, тогда Людовикъ вошелъ въ соглашеніе съ Карломъ II Англійскимъ относительно территоріальнаго

---

[1] „Il y avait dans les entreprises exterieures une certaine mesure qu'il ne fallait point depasser, un excès que l'Europe n'eût point toléré et que les français eux-mêmes n'auraient pas été capables de soutenir. C'est le fond même du système classique: Louis XIV le denatura“ (Albert Sorel, L'Europe et la révolution française).

вознагражденія Англіи, заключилъ съ рейнскими князьями договоръ для обезпеченія переправъ черезъ Рейнъ противъ возможнаго наступленія имперскихъ войскъ, и затѣмъ велѣлъ маршаламъ Антуаню д'Омону и Тюренну, войска которыхъ были расположены на сѣверной границѣ, вступить во Фландрію и двинуться на Брабантъ.

Неожиданное нападеніе на испанцевъ не удалось въ той степени, какъ ожидало парижское правительство. Брюссель былъ слишкомъ хорошо защищенъ, чтобы его можно было взять въ расплохъ; Дендермонде, важнѣйшій стратегическій пунктъ на Шельдѣ, тоже располагалъ хорошими средствами обороны и для его взятія пришлось бы начать осаду, на что король, лично начальствовавшій однимъ изъ отрядовъ войска, не рѣшался. Но Шарльруа, Дуэ, Куртрэ и Лилль были заняты, прежде чѣмъ державы, встревоженныя неожиданнымъ нарушеніемъ мира со стороны Франціи, успѣли прійти къ какому нибудь соглашенію относительно противодѣйствія. Людовикъ далъ понять, что онъ хочетъ пріобрѣсти еще Франшъ-Контэ, Люксембургъ и нѣсколько нидерландскихъ пограничныхъ крѣпостей, но что онъ согласенъ, если за нимъ признаютъ эти пріобрѣтенія, отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній на наслѣдственныя права своей супруги. Завоеваніе Франшъ-Контэ было поручено Конде, который выполнилъ задачу съ поразительной быстротой, но дальше король въ эту первую кампанію не пошелъ. Сближеніе между Англіей и Генеральными штатами, къ которымъ примкнула Швеція, повело къ заключенію тройственнаго союза (23 января 1668 г.); союзъ соглашался признать сдѣланныя Людовикомъ пріобрѣтенія только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ откажется отъ всякихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ попытокъ.

Король уступилъ; онъ возвратилъ Испаніи Франшъ-Контэ и сохранилъ за собой пріобрѣтенія въ Нидерландахъ. Ахенскій миръ, на который была вынуждена согласиться Испанія, 2 мая 1668 года, подтвердилъ соглашеніе, не касаясь вопроса о наслѣдныхъ правахъ Маріи Терезіи. Министры Людовика настоятельно совѣтовали ему не губить только что установившагося порядка финансовъ продолженіемъ войны съ Испаніей. Эти предостереженія были тѣмъ основательнѣе, что и военныя силы Франціи, какъ показала деволюціонная война, далеко еще не могли исключать возможности успѣшнаго сопротивленія имъ. Передъ тѣмъ какъ возобновлять планы завоевательной политики, надлежало энергично провести далѣе концентрацію государственныхъ силъ. Задачей дипломатіи являлось расторженіе къ тому времени тройственнаго союза и устраненіе на будущее время возможности совмѣстныхъ дѣйствій со стороны такъ называемыхъ морскихъ державъ.

3. Англія и Генеральные Штаты.

А. **Господство патриціевъ въ Голландіи.**

Въ восьмидесятилѣтней борьбѣ съ Испаніей за освобожденіе протестантскіе нидерландцы не только добились религіозной свободы и политической независимости; за этотъ періодъ времени они стали первой торговой націей и крупнѣйшими капиталистами въ мірѣ. Въ тысячелѣтнемъ состязаніи между романской и германской расой, которое съ XVII вѣка обусловливало не только исторію западной Европы, но оказывало главное вліяніе и на политическія событія въ остальныхъ культуроспособныхъ областяхъ земли, — въ этомъ состязаніи нѣтъ болѣе блестящаго примѣра превосходства германскаго дѣлового духа предпріимчивости, смѣлости торговыхъ плановъ и выдержки при использованіи достигнутыхъ (хотя бы повидимому незначительныхъ) преимуществъ, какъ этотъ подъемъ нидерландской промышленно-торговой дѣятельности, послѣ вѣка откры-

тій, инициативу которыхъ дали Испанія и Португалія. Экономическія выгоды открытія морскихъ путей къ обѣимъ Индіямъ сумѣли основательно использовать только голландскіе купцы, въ то время какъ обильный притокъ драгоцѣнныхъ металловъ, доставившій Испаніи временное политическое могущество, оказался вовсе не существеннымъ и даже въ извѣстной степени опаснымъ для народнаго благосостоянія.

Быть можетъ, нѣмцы еще раньше голландцевъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ ними успѣли бы захватить значительную долю міровой торговли, если бы сношенія съ Португаліей, которая именно на средства Фуггеровъ, Вельзеровъ, Фелиновъ, Гехштеттеровъ и другихъ начала свои торговыя плаванія въ Остиндію, не были бы нарушены враждебными интересами Габсбурговъ и первыми религіозными войнами, которыя опустошительно отозвались какъ разъ на торговыхъ городахъ южной Германіи. Политическое состояніе германской имперіи послѣ Карла V было до такой степени неблагопріятно развитію нѣмецкой торговой дѣятельности, что съ этой стороны нидерландцамъ уже не приходилось опасаться никакого соперничества. За то имъ удалось почти совершенно вытѣснить Ганзу въ сношеніяхъ съ Балтійскимъ моремъ; колоніальные товары доставались голландцамъ такъ дешево, что они могли подорвать всякаго другого торговца; Россію они поддерживали въ ея войнахъ съ Польшей, поставляя огнестрѣльное оружіе и военные припасы, и за то получали по самой низкой цѣнѣ громадные запасы сырья. При закупкѣ зернового хлѣба въ портахъ Балтійскаго моря голландцамъ доставляло преимущества обиліе у нихъ наличныхъ денегъ; ловля сельдей у береговъ Шотландіи, благодаря большему искусству въ консервированіи рыбы, давала голландцамъ такіе доходы, какихъ не могли извлечь изъ этого промысла англичане. Для торговыхъ сношеній съ Левантомъ была въ 1642 году учреждена особая палата; Венеція и Генуя, столѣтія спорившія за преобладаніе на восточныхъ рынкахъ, должны были примириться съ обстоятельствами и обезпечить себѣ помощью особыхъ договоровъ по крайней мѣрѣ розничную торговлю сушеной рыбой и колоніальными товарами. Венеціанскія сукна, нѣкогда столь знаменитыя, шедшія главнымъ образомъ въ Смирну, были вытѣснены нидерландскими и французскими фабрикатами, которыми торговали голландцы. Они же распространяли французскіе товары по всѣмъ приморскимъ торговымъ пунктамъ Европы; въ 1658 году стоимость ихъ опредѣлялась въ 43 милліона. Правда, вслѣдствіе разрыва съ Португаліей, и столько же вслѣдствіе неуступчивости и жестокости собственной администраціи, голландцы потеряли Бразилію; за то у португальцевъ были отняты ихъ важнѣйшіе пункты въ Остиндіи, были завязаны торговыя сношенія съ Тонкиномъ, заняты обширныя области на Цейлонѣ. Далѣе слѣдовали открытія на берегахъ Австраліи, Новой Гвинеи, Новой Зеландіи, поселенія въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ хлѣбопашество и коневодство въ самое короткое время достигло крупныхъ успѣховъ.

Блескъ патриціанской жизни, самосознаніе гражданъ, увѣковѣчены въ произведеніяхъ нидерландскихъ живописцевъ, которые въ тѣ времена экономическаго и политическаго могущества занимали среди своихъ современниковъ высшую ступень въ художественномъ творчествѣ. Эти мастера оставили намъ несравненные портреты своихъ городскихъ совѣтниковъ и крупныхъ купцовъ, людей, которые полъ вѣка были въ состояніи поддерживать могущество страны, простиравшееся на всѣ части свѣта.

Но это могущество было недолговѣчно. Въ моментъ, когда оно повидимому достигло высшаго расцвѣта, оно стояло уже наканунѣ гибели. Область, которую голландцы обезпечили за собой трудной борьбой со стихійными силами моря, была съ суши открыта для всякаго нападенія, за-

щита требовала необычайнаго напряженія силъ; а между тѣмъ народъ, къ которому предъявлялись такія требованія, не былъ уже способенъ къ дальнѣйшему развитію. Онъ довелъ посредническую торговлю до высшей возможной степени, но не былъ достаточно многочисленъ, чтобы перейти къ собственному производству и создать наряду съ классомъ торговыхъ спекулянтовъ еще иные производительные трудящіеся классы, которые могли бы служить государству силами лучшими, чѣмъ тѣ, какими обладали умныя, но ограниченныя головы, возсѣдавшія въ городскихъ ратушахъ.

Къ тому же несдержанное высокомѣріе, съ которымъ капиталисты относились къ землевладѣльцу, менѣе богатому наличными средствами, побудило городской патриціатъ лишить себя поддержки дворянства при дальнѣйшей разработкѣ государственнаго строя, и отнять у Оранскаго дома, несшаго передъ ними въ самыя тяжелыя времена борьбы знамя свободы и независимости, то положеніе, въ которомъ онъ оказалъ общему отечеству величайшія услуги. Намѣстникъ и генеральный капитанъ Вильгельмъ II умеръ въ молодомъ возрастѣ (6 ноября 1650 года). Наслѣдный принцъ, сынъ покойнаго и англійской принцессы Маріи, родился только черезъ восемь дней, 14 ноября 1650 года. „Благородные высокомощные", какъ титуловали себя регенты Голландіи, увидѣли въ этомъ благопріятный случай взять въ свои руки самодержавіе, для чего требовалось не только устранить всякое участіе оранской партіи въ управленіи, но и урѣзать права и вольности мелкихъ городовъ и бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Нѣтъ большаго высокомѣрія, чѣмъ кичливость выскочекъ-финансистовъ и нѣтъ администраціи болѣе своекорыстной и стѣснительной, чѣмъ та, которая благо личности и государства видитъ въ порядкѣ своихъ счетныхъ книгъ. Съ ханжескимъ лицемѣріемъ новые республиканцы сравнивали свое государство съ древнимъ царствомъ іудеевъ; но когда они, чтобы обосновать свое предложеніе объ отмѣнѣ наслѣдственнаго сана намѣстника, представили счетъ издержекъ штатовъ на содержаніе вождей и правителей Голландіи, тогда обнаружилось, что голландскія торгашескія душонки могли, правда, соперничать по качеству съ выродившимся корыстнымъ дѣльцомъ, воспитанникомъ средневѣковья, по что политическія идеи ихъ далеко не дохватывали до государственныхъ убѣжденій и міровоззрѣнія избраннаго народа въ былое лучшее время его величія.

Въ войнѣ съ Англіей, неизбѣжномъ результатѣ торговой конкурренціи, флотъ поддержалъ прежнюю славу моряковъ нижней Германіи. Послѣднимъ тріумфомъ геройскаго духа великой оранской эпохи былъ подвигъ Михаэля Адріансона де Рюйтера, который въ 1667 году проникъ въ Темзу и на глазахъ изумленныхъ британцевъ, почти подъ пушками Тоуера, увелъ или сжегъ ихъ лучшіе корабли. Тѣмъ плачевнѣе было положеніе дѣлъ въ крѣпостяхъ на сухопутной границѣ. Внутренніе раздоры и подозрительность партій подрывали духъ войска и парализовали энергію офицеровъ, которымъ не хотѣли платить жалованья въ виду ихъ сочувствія оранской партіи.

Несмотря на это великій пенсіонарій Голландіи, Янъ де Виттъ, человѣкъ сухихъ разсчетовъ, честный, но ограниченный въ своихъ страстныхъ республиканскихъ и буржуазныхъ воззрѣніяхъ, былъ въ своей высокомѣрной мудрости увѣренъ, что заключеніемъ тройственнаго союза противъ Людовика XIV съ Англіей и Швеціей ему удалось спасти государство отъ всѣхъ, грозившихъ ему опасностей (стр. 465). Но его математическія познанія, доставившія ему репутацію учености, были не на столько велики, чтобы позволить ему разглядѣть политическіе разсчеты, которые составилъ французскій король, когда счелъ нужнымъ расторгнуть союзъ морскихъ державъ. Де Виттъ былъ увѣренъ, что ему удалось свя-

зать интересы Англiи и своего отечества и сдѣлать возможнымъ осуществленiе той политической идеи, которую суждено было побѣдоносно выполнить оранскому принцу, тому самому, котораго де Виттъ съ ненавистью преслѣдовалъ и хотѣлъ низвести на степень простого подданнаго „высокоблагородномощныхъ“. Но выполненiе этой идеи стало вообще возможнымъ только тогда, когда перемѣнились роли, когда англiйскiй народъ, достигшiй полнаго развитiя своихъ политическихъ силъ, могъ взять на себя главную роль, чтобы спасти германскую Европу отъ подчиненiя великому королю Францiи.

Б. **Новое королевство Стюартовъ.**

Между тѣмъ въ моментъ, когда Людовикъ XIV испытывалъ свое дипломатическое искусство въ подготовленiяхъ къ рѣшительному нападенiю на Нидерланды, положенiе дѣлъ въ королевствѣ Великобританiи далеко не позволяло надѣяться, чтобы отсюда могло послѣдовать спасенiе европейской свободы.

Англiйское общество быстро перенесло сильно взволновавшую его республиканскую горячку: представительство народа въ двухъ палатахъ парламента было гораздо удачнѣе, чѣмъ то, какое имѣли „семь провинцiй“. Но по несчастiю, личность, которая должна была послѣ реставрацiи занять уничтоженный было Кромвелемъ королевскiй престолъ (см. томъ VI), оказалась крайне неподходящей для этого положенiя, и Англiя все еще не была въ состоянiи занять въ политическомъ мiрѣ подобающее мѣсто. Нужно считать тягчайшимъ испытанiемъ для народа, проникнутаго сознанiемъ высокаго достоинства монархiи, когда самъ вѣнценосецъ является недостойнымъ короны, когда онъ лично неспособенъ взять на себя задачи монарха. Стюартъ Карлъ II не имѣлъ никакого представленiя объ отношенiяхъ между государствомъ и княземъ, народнымъ представительствомъ и королевской властью. Для него корона Англiи была его природнымъ достоянiемъ, но онъ имъ пользовался только для того, чтобы вести разгульный образъ жизни. Ни нацiональнаго чувства, ни даже просто политическаго честолюбiя у него не было. Тѣмъ легче могъ Людовикъ XIV управлять имъ и пользоваться для своихъ цѣлей, сдѣлавъ французскiя деньги необходимой его потребностью. Конвенцiонный парламентъ, заключившiй передъ реставрацiей соглашенiе съ Стюартами, не особенно щедро отмѣрилъ королевскiй цивильный листъ; 1,200,000 фунтовъ могло бы хватить для содержанiя приличнаго двора, но этого было недостаточно для удовлетворенiя расточительнымъ страстямъ королевскихъ фаворитокъ, соперничавшихъ между собою въ роскоши. Денежныя дѣла между Карломъ II и Людовикомъ XIV начались выкупомъ Дюнкирхена (см. выше, стр. 108), за который Францiя заплатила 400,000 фунтовъ, частью наличными, частью векселями, при учетѣ которыхъ дѣло какъ будто не обошлось безъ участiя самого короля Людовика.

Такъ называемый кавалерскiй парламентъ, выбранный въ 1661 году, не заставлялъ ничего больше желать по отношенiю къ лойяльности убѣжденiй и преданности монарху; но и онъ все таки крѣпко держался за важнѣйшiя права по утвержденiю налоговъ и надзору за расходами; строго разграничивая суммы, ассигнованныя на опредѣленныя цѣли, парламентъ ввелъ издержки на управленiе и администрацiю въ рамки государственнаго бюджета. Небрежное отношенiе Карла къ своимъ правамъ и обязанностямъ облегчило парламенту возможность пользоваться своей законодательной властью и укрѣпить зданiе государственнаго строя. Такимъ образомъ парламентъ дѣйствовалъ въ Англiи въ цѣляхъ такого же объединенiя силъ, которое уже оказало грандiозныя дѣйствiя подъ сильной рукой пуританскаго диктатора Кромвеля. Дѣятельность свою парламентъ

началъ въ религіозной и экономической области, а затѣмъ позаботился и о внѣшнихъ отношеніяхъ, и о положеніи Британіи въ ряду мiровыхъ державъ, послѣ того какъ обнаружилась полная политическая несостоятельность дома Стюартовъ.

Конфессіональная политика парламента отличалась нетерпимостью, доходившей до жестокости; она повела къ преступленіямъ, судебнымъ убійствамъ и преслѣдованіямъ сторонниковъ другихъ толковъ, производившимся съ такой суровостью, для которой мы тщетно стараемся отыскать примѣры въ эпохи самой строгой католической контръ-реформаціи. Единовластіе англиканской церкви должно было служить порукой за сохраненіе государственнаго единства и равномѣрное подчиненіе всѣхъ гражданъ правительственному авторитету; поэтому законъ охранялъ англиканскую церковь и каждая попытка борьбы съ нею подавлялась въ зародышѣ самыми суровыми карами, постигавшими папистовъ и пресвитеріанъ. Объединительный актъ 1662 года воспретилъ всѣ формы богослуженія, кромѣ епископальной высокой церкви, владѣльцы пребендъ были лишены слѣдовавшихъ имъ доходовъ, 1800 священниковъ-диссидентовъ были изгнаны и обездолены. Преслѣдованія папистовъ, которыя король, самъ католически настроенный, старался по возможности обуздать, постоянно вновь усиливались, благодаря слухамъ объ ужаснѣйшихъ заговорахъ, которымъ народъ всегда охотно вѣрилъ. Даже благородные лорды подвергались смертной казни по самымъ необоснованнымъ подозрѣніямъ. Склонность къ фанатизму, которая въ англичанахъ повидимому нераздѣльна съ религіозной убѣжденностью, облекала эти ужасныя насилія ореоломъ благочестія; но въ сущности все это были только симптомы сильнаго стремленія къ государственной централизаціи.

Наряду съ этими явленіями замѣчаются и первыя движенія духа предпріимчивости. Примѣръ нидерландцевъ возбудилъ и вдохновилъ торговую дѣятельность англичанъ, которая, со времени путешествій Вальтера Ралея при королевѣ Елизаветѣ, сдѣлала лишь незначительные успѣхи (см. томъ I). Кромѣ Лондона существовала только одна гавань съ значительными заморскими сношеніями, именно Бристоль, поддерживавшій оживленное сообщеніе съ Виргиніей и Антильскими островами. Манчестеръ обрабатывалъ въ годъ не болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ хлопчатой бумаги, которая доставлялась изъ Кипра и Смирны; къ важнѣйшимъ предметамъ ввоза нужно отнести португальское и испанское вино, игравшее видную роль при постоянныхъ пирахъ, которымъ англійское общество, послѣ сурово-нравственнаго пуританскаго режима, предавалось съ удвоеннымъ рвеніемъ. Мануфактурное производство тоже ни въ одной отрасли не поднялось на высшую ступень: и по качеству и по количеству оно не дошло еще до возможности конкуррировать съ бельгійскими или французскими товарами; даже лучшіе сорта предметовъ ножеваго производства въ то время выписывались еще изъ заграницы. Добываніе желѣза было стѣснено ограниченіями въ выдѣлкѣ древеснаго угля; оно едва ли превышало 10,000 тоннъ. Сѣверо-американскія колоніи имѣли населеніе приблизительно въ 30,000 человѣкъ; оно неутомимо и разсудительно трудилось надъ выработкой своего общественнаго строя, мало затрогивалось опустошительной партійной борьбой, бушевавшей на родинѣ, но и не могло способствовать благосостоянію метрополіи, въ виду недостаточности своего экономическаго развитія.

Въ эпоху реставраціи, господствующимъ классомъ въ Англіи все еще было помѣстное дворянство, вяло поддерживавшее сношенія съ столицей, такъ какъ путешествія, при плохихъ дорогахъ и постоянныхъ опасностяхъ, были сопряжены съ большими издержками. Образовательный цензъ этой сельской знати врядъ ли былъ выше, чѣмъ среди мелкихъ дворянъ Оверни или Лиможа; и даже въ отдаленнѣйшихъ областяхъ Германіи

можно было безъ сомнѣнія встрѣтить людей болѣе опытныхъ, воспитанныхъ и знакомыхъ съ нравами хорошаго общества Европы, чѣмъ въ какомъ нибудь Сомерсетширѣ или Іоркширѣ. Доходы земледѣлія, которое едва ли захватывало больше половины площади королевства, были обильны и въ большинствѣ случаевъ достаточно удовлетворяли потребностямъ среднихъ помѣщиковъ, съ ихъ непритязательнымъ бытомъ. Но даже богатѣйшіе бароны не имѣли въ распоряженіи крупныхъ денежныхъ средствъ; ренты въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ принадлежали къ самымъ крупнымъ.

Съ тѣхъ поръ какъ тираннія пуританизма была сломлена и парламентское войско, на которое опиралось могущество Кромвеля, было распущено, явилась возможность заняться подъемомъ благосостоянія. Лорды и патриціи изъ Сити соединялись для составленія торговыхъ обществъ, которыя по голландскимъ образцамъ должны были заняться товарнымъ и транспортнымъ дѣлами. Наряду съ существовавшей уже остиндской компаніей была основана африканская, снабжавшая Антильскіе острова негритянскими рабами. Изъ Гвинеи ввозился золотой песокъ, изъ котораго были отчеканены первыя гинеи.

Но повсюду, гдѣ появлялись англійскіе корабли, они встрѣчали въ лицѣ голландцевъ завистливыхъ враговъ, стремившихся погубить каждое англійское предпріятіе. Въ 1664 году дѣло дошло до столкновеній и битвъ въ далекихъ моряхъ, еще раньше чѣмъ оба государства стали открыто во враждебныя отношенія. Разрывъ сношеній и объявленіе войны въ 1665 г. были только формальнымъ признаніемъ того положенія дѣлъ, которое возникло изъ торговаго соперничества и давно уже перешло въ колоніяхъ въ открытую борьбу. Война дала англійскому флоту нѣсколько случаевъ выказать свои достоинства въ блестящихъ и побѣдоносныхъ сраженіяхъ; но прочнаго перевѣса надъ голландцами ему не удалось пріобрѣсти. Напротивъ, въ теченіе войны дѣятельность его все больше ослабѣваетъ, несмотря на то что парламентъ, вовсе не расположенный къ усиленію сухопутныхъ войскъ или къ образованію постоянной арміи, въ этомъ случаѣ не скупился въ своихъ ассигновкахъ на флотъ. Но изъ 1,250,000 фунтовъ, которые были ассигнованы на веденіе войны, 400,000 поступили въ частную казну короля; поэтому денегъ не хватало для снабженія верфей хорошимъ деревомъ и годнымъ строительнымъ матеріаломъ. Начальниками военныхъ судовъ назначались протеже королевскихъ фаворитокъ, причемъ ни на опытность, ни на дарованія обращалось вниманія. Послѣ извѣстнаго нападенія Рюйтера на Гравезендъ и Четэмъ (см. стр. 467) пришлось совершенно отказаться отъ надежды смирить отважнаго соперника. Съ прискорбнымъ разочарованіемъ замѣтила Англія, что сдѣлала своимъ королемъ человѣка, котораго серьезно не заботила судьба отечества. „Въ ту ночь, когда голландцы сожгли наши корабли“, пишетъ адмиралтейскій чиновникъ и добрый роялистъ Пепайсъ въ своемъ дневникѣ, „король съ леди Кестльмэнъ ужиналъ у герцогини Монмаутъ (жены его признаннаго побочнаго сына), и они безмѣрно забавлялись, гоняя и стараясь словить какого то жалкаго мотылка“.

Послѣ заключенія мира въ Бреда (1667 г.; стр. 109), который не былъ неблагопріятенъ для Англіи, стало очевиднымъ, что никто столько не пострадалъ въ только что оконченной войнѣ, какъ пострадала репутація дома Стюартовъ въ глазахъ вѣрнаго и преданнаго англійскаго дворянства, которое возвело его на престолъ по убѣжденію въ его законности и изъ ненависти къ пуританскому лицемѣрію. Въ Англіи начали справляться съ голландской конкурренціей и рѣшили продолжать борьбу, не сходя уже съ почвы дѣловыхъ сношеній; выяснилась общность опасности, которая грозила со стороны Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ она не была болѣе связана войной съ испанцами; поэтому заключеніе тройственнаго союза было встрѣчено одобрительно. Карлъ II совершенно не понималъ

политическихъ и моральныхъ силъ, двигавшихъ его народъ; онъ не заботился о томъ, какое направленіе было популярно среди патриціевъ Сити или представителей графствъ, если онъ не могъ воспользоваться этимъ направленіемъ для увеличенія своихъ доходовъ. Король и его братъ Іоркъ вложили, правда, капиталы для поправленія дѣлъ Африканской компаніи, которая пришла въ упадокъ за время войны, но они сдѣлали это не для того, чтобы показать благой примѣръ и повысить охоту къ предпріятіямъ среди состоятельнаго общества, а изъ жажды къ наживѣ и влеченія къ биржевой игрѣ; королевскія фаворитки могли въ одну ночь проигрывать въ карты до 25,000 фунтовъ, и если король затратилъ 5000 фунтовъ на вкладъ въ африканскую компанію, то эта сумма была для него незначительной ставкой. Столь мелкія суммы не играли роли въ его финансовыхъ планахъ, хотя иногда у него не хватало денегъ и на пріобрѣтеніе новаго бѣлья.

B. **Нападеніе Франціи на Голландію.**

Ни уваженіе къ только что заключенному тройственному союзу, ни сознаніе отвѣтственности передъ конституціей не помѣшали королю Карлу II пойти на политическую сдѣлку, которую предложилъ ему Людовикъ XIV, тѣмъ болѣе, что эта сдѣлка, казалось, должна была принести прибыль вѣрнѣе и обильнѣе, чѣмъ торговля пряностями или рабами негритенками. Царственный французскій собратъ къ тому же былъ такъ любезенъ и остороженъ, что поручилъ установленіе условій договора дамскимъ ручкамъ, именно сестрѣ Карла, Генріетѣ Орлеанской, и ея спутницѣ Луизѣ де Керуайль, которой было суждено, въ санѣ герцогини Портсмутской, пріобрѣсть столь же сильное вліяніе на рѣшенія короля, какимъ до нея пользовалась графиня Кестльмэнъ. По Дуврскому договору (22 мая 1670 г.) Карлъ обязался перейти въ католичество, расторгнуть тройственный союзъ и заключить союзъ съ Франціей противъ Голландіи, за что Людовикъ XIV долженъ былъ немедленно выдать ему въ даръ 200,000 фунтовъ и обезпечить, подъ названіемъ военныхъ контрибуцій, дальнѣйшую ежегодную поддержку въ размѣрѣ 300,000 фунтовъ. Кромѣ того, въ случаѣ если бы король оказался вынужденнымъ выступить противъ парламента въ защиту своихъ монаршихъ правъ, въ Англію надлежало послать 6000-ное французское войско. Впрочемъ Людовикъ не ограничился тѣмъ, что привлекъ на свою сторону короля; онъ не берегъ денегъ на взятки, которыя братъ Кольбера долженъ былъ раздать членамъ парламента и министрамъ.

Англійское общественное мнѣніе, которое королю удалось уже ранѣе, при помощи удаленія въ отставку ненавистнаго канцлера Кларендона, отвлечь отъ критики все возраставшей распущенности придворныхъ нравовъ, находилось въ совершенномъ заблужденіи относительно намѣреній правительства, дѣлами котораго въ это время завѣдывало такъ называемое министерство Кабаль (по начальнымъ буквамъ именъ министровъ Клиффорда, Арлингтона, Букингема, Эшли (Ashley) и Лоудерделя); это министерство еще успѣло истребовать отъ парламента $2^1/_2$ милліона фунтовъ для защиты береговъ королевства въ случаѣ голландско-французской войны, и затѣмъ парламентъ былъ распущенъ. Отсутствіемъ его воспользовались для насильственнаго мѣропріятія противъ кредиторовъ казначейства, главнымъ образомъ противъ занимавшихся банкирскими дѣлами лондонскихъ ювелировъ, которымъ отказали въ возвращеніи капиталовъ; въ то же время былъ изданъ указъ, отмѣнявшій карательные законы противъ папистовъ и пресвитеріанъ. Такимъ образомъ была покинута почва конституціоннаго права и потрясена приверженность къ дому Стюартовъ самой многочисленной партіи королевства, которая считала при-

знаніе англиканской церкви государственной религіей важнѣйшимъ пунктомъ своей программы. Зародыши новыхъ внутренныхъ раздоровъ зрѣли и развивались, когда Людовикъ XIV занесъ руку для хорошо подготовленнаго удара Генеральнымъ штатамъ, чтобы обезвредить самаго опаснаго противника своихъ пріобрѣтательныхъ замысловъ.

Швеція тоже была куплена Франціей; она обязалась выступить на сторонѣ Людовика съ 16,000 войска, въ случаѣ если бы императоръ или имперія вступились за Голландію. За то она получала при мирномъ исходѣ 400,000, въ случаѣ войны 600,000 имперскихъ талеровъ. Императоръ Леопольдъ I по убѣжденію своихъ министровъ, князя Іоганна Вейкгарда Ауерсперга и князя Венцеля Лобковица, еще въ 1668 г. вошелъ съ Людовикомъ XIV въ соглашеніе относительно будущаго раздѣла Испанской монархіи. Ауерспергу, который находился подъ вліяніемъ иллюзіи, что ему необходимо стать кардиналомъ, чтобы считаться столь же великимъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ Ришелье, или Мазарини, нуждался въ протекціи французскаго короля при хлопотахъ въ Римѣ; Лобковицъ ненавидѣлъ испанцевъ, все еще пытавшихся задавать тонъ при вѣнскомъ дворѣ, хотя въ ихъ распоряженіи уже не было тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми они лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ заставляли служить своимъ интересамъ тайныхъ совѣтниковъ, сановниковъ церкви и генераловъ.

Германскій домъ Габсбурговъ далъ свое согласіе на пріобрѣтенія, сдѣланныя Франціей въ деволюціонную войну. Кромѣ того по тайному договору, на который впервые указалъ только Гримоаръ въ 1806 г. (въ „Œuvres de Louis XIV“), Габсбурги вошли съ Франціей въ соглашеніе, по которому послѣдняя, въ случаѣ вымиранія испанской линіи, должна была получить Нидерланды, Франшъ-Контэ, Наварру, Неаполь и Сицилію, Филиппинскіе острова и крѣпости на побережьи Африки, тогда какъ къ императору отходила бы Испанія, Миланъ, Сардинія, Балеары и Канарскіе острова. Людовикъ XIV нисколько не собирался выполнить условія сдѣлки; но договоръ доставилъ ему принципіальное согласіе дома Габсбурговъ на раздѣлъ всего испанскаго наслѣдства, если оно откроется, и кромѣ того надолго связалъ вѣнскую политику по отношенію къ предпріятіямъ Людовика, направленнымъ противъ Нидерландовъ. 1 ноября 1671 г. при посредничествѣ князя Лобковица императоръ подписалъ договоръ, въ которомъ обѣщалъ не вмѣшиваться въ войны, которыя Франція будетъ вести внѣ предѣловъ Германской имперіи или испанскаго королевства, и обязывался не оказывать враждебнымъ Франціи державамъ никакого содѣйствія, кромѣ дружественнаго посредничества. Вслѣдствіе этого, усилія австрійскаго посланника при Генеральныхъ штатахъ, барона Франца де Л'Изола, побудить императора оказать помощь Голландіи, остались до поры до времени безъ результатовъ (см. стр. 476). Занятіе Лотарингіи французскими войсками и изгнаніе герцога изъ его страны тоже не измѣнили политики императора, хотя и вызвали сопротивленіе партіи при вѣнскомъ дворѣ, благосклонно расположенной къ испанцамъ.

Изъ нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ, положеніе которыхъ могло бы повліять на французское войско, дѣйствовавшее противъ Голландіи, Франціи удалось расположить въ свою пользу Кельнъ, Баварію, Пфальцъ и воинственнаго епископа Мюнстерскаго; изъ Вельфовъ, Іоаннъ Фридрихъ Ганноверскій согласился заключить договоръ о нейтралитетѣ за десять тысячъ талеровъ ежемѣсячнаго пособія. Целле и Оснабрюкъ сохраняли выжидательное положеніе, Майнцъ объявилъ, что всякое сопротивленіе французской военной силѣ считаетъ безполезнымъ.

Только курфюрстъ Бранденбургскій, Фридрихъ Вильгельмъ, къ которому регенты штатовъ, какъ къ дядѣ и опекуну молодого принца Оранскаго постоянно относились съ недовѣріемъ, лишая его доходовъ и

владѣній, предвидѣлъ тяжкія осложненія, которыя должна была вызвать въ имперіи побѣда Франціи надъ Голландіей, и объявилъ, что „въ глазахъ современниковъ и потомковъ такое пожертвованіе свободой Германіи и всего христіанства будетъ казаться непростительной слабостью.“ Онъ не соглашался на предложеніе, которое ему сдѣлалъ французскій посолъ, и не позволилъ запугать себя угрозами. Онъ съ удовольствіемъ заключилъ бы союзъ со штатами; но они, ослѣпленные самоувѣренностью въ своихъ силахъ и низкой оцѣнкой финансоваго могущества Людовика, слишкомъ долго медлили принятіемъ условій, которыя Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ выставить, сообразуясь съ силами своего государства и многосторонними задачами своей политики. Только въ февралѣ 1672 г., когда нидерландскій посланникъ на запросъ о французскихъ вооруженіяхъ, получилъ отъ короля рѣзкій отвѣтъ, что онъ закончитъ свои вооруженія и употребитъ ихъ такъ, какъ найдетъ нужнымъ, тогда штаты согласились на заключеніе договора о поставкѣ 24,000 человѣкъ; впрочемъ за ихъ содержаніе они согласились платить только 80,000 талеровъ въ мѣсяцъ, вмѣсто 100,000, которыя требовалъ курфюрстъ.

Черезъ два мѣсяца Людовикъ съ арміей въ 140,000 человѣкъ двинулся въ походъ. Послѣ короткой остановки у Мастрихта, двѣ арміи подъ начальствомъ Тюренна и Конде отклонились къ Рейну, прошли черезъ кельнскую область и завладѣли голландскими пограничными крѣпостями, которыя находились въ самомъ плохомъ состояніи и были заняты заброшенными трусливыми гарнизонами. При таможнѣ у Шенкеншанца французская знать, которая передъ лицомъ короля хотѣла поддержать свою прежнюю рыцарскую славу, форсировала переправу черезъ Рейнъ; въ то же время епископы Кельнскій и Мюнстерскій ввели свои войска подъ самыми ничтожными предлогами въ Фрисландію и Обериссель и заняли рядъ городовъ, въ томъ числѣ Девентеръ, Цволле, Гардервійкъ; послѣ этого провинція Обериссель добровольно подчинилась верховной власти Мюнстерскаго епископа. Тѣмъ временемъ англійскій флотъ подъ командой герцога Іорка, при очень недостаточной поддержкѣ французскаго флота, далъ сраженіе де Рюйтеру на рейдѣ при Саутвольдѣ (7 іюня 1672 г.); но ни одинъ изъ противниковъ не могъ похвалиться полной побѣдой; по счастью необычайный отливъ и сильная буря помѣшали высадкѣ, которую англичане собирались произвести въ Зеландіи. Всетаки никто въ Семи провинціяхъ уже не чувствовалъ себя въ безопасности. Богатые купцы со своими семьями и деньгами, драгоцѣнными камнями и художественными сокровищами бѣжали въ Гамбургъ, Данію и даже во враждебную Англію; въ городахъ послѣ того, какъ гарнизоны бѣжали, властью завладѣла буржуазія, чтобы добиться отъ непріятеля условій капитуляціи и спасти свои состоянія, хотя бы цѣною свободы и независимости. Генрихъ фонъ Трейчке при изложеніи этихъ событій восклицаетъ: „Такъ ужасно сбывается на геройскомъ народѣ, выдержавшемъ восьмидесятилѣтнюю борьбу за независимость, проклятіе Маммона, къ такому несказанному позору ведетъ трусливый самообманъ, который считаетъ миръ за высшее изъ благъ!“

Г. Вильгельмъ Оранскій.

Среди анархическаго положенія дѣлъ, до котораго довели страну республиканцы-патриціи, почти непосредственно передъ катастрофой государственнаго строя, который не служилъ ни свободѣ, ни національности, а только интересамъ владычества разжившихся мингеровъ, ихъ здороваго чувства неиспорченныхъ классовъ, хранившихъ старую вѣру и старыя традиціи, исходитъ призывъ къ сильному вождю, къ личности государя, къ возведенію послѣдняго потомка оранскаго дома въ санъ наслѣднаго на-

мѣстника и генеральнаго капитана. Къ грандіознымъ историческимъ предопредѣленіямъ, которыя постоянно усиливаютъ въ насъ вѣру въ значеніе личности въ исторіи, относится обстоятельство, что довѣрію и надеждѣ, съ которыми былъ сдѣланъ этотъ призывъ, соотвѣтствовали и достоинства личности, къ которой онъ обращался; во всѣхъ городахъ и маршахъ нижнегерманскихъ мореходовъ не было человѣка, который обладалъ качествами, нужными теперь отечеству, — убѣжденіемъ, непоколебимымъ мужествомъ, вѣрой, преданностью идеѣ національной независимости, — въ такой степени, какъ двадцатидвухлѣтній принцъ Вильгельмъ Оранскій, который сохранилъ свой царственный умъ и характеръ несмотря на всѣ усилія его республиканскихъ воспитателей.

Какъ бываетъ всегда, когда народныя страсти взволнованы какимъ нибудь неожиданнымъ потрясеніемъ, вмѣстѣ съ симпатіями къ природному вождю обнаруживается и ненависть къ его врагамъ и притѣснителямъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того какъ Генеральные штаты отмѣнили вѣчный эдиктъ, которымъ братья де Виттъ въ 1668 году хотѣли навсегда помѣшать возвращенію наслѣдственнаго намѣстничества оранскому дому, эта ненависть дошла до степени дикой ярости и бушующая народная толпа предала братьевъ де Виттъ истязаніямъ, окончившимся ихъ убійствомъ (20 августа 1672 года). Историки съ республиканскими воззрѣніями, напримѣръ ванъ Кампенъ, упрекаютъ принца Оранскаго въ томъ, что онъ не употребилъ всего своего вліянія для спасенія пенсіонарія Яна и Руварда Корнелиса, одного изъ лучшихъ вождей голландскаго флота; но при этомъ упускаютъ изъ виду, что въ это время намѣстникъ долженъ былъ собрать для борьбы съ врагами всѣ силы, которыя добровольно подчинялись ему; что онъ ни какомъ случаѣ не могъ вызывать недовольства въ партіи, рѣшившейся для спасенія отечества пожертвовать достояніемъ и жизнью. Когда либеральное доктринерство, какъ это случилось въ Голландіи, становится преступленіемъ противъ общественнаго блага, оно должно подвергнуться той же судьбѣ, что и радикализмъ; оно должно почувствовать силу побѣдителя и спасителя общества.

Въ то время какъ въ Голландіи, подъ впечатлѣніемъ смѣлой увѣренности принца Оранскаго, расло въ народѣ довѣріе къ собственной силѣ, а искуственное наводненіе, затоплявшее страну, преградило дальнѣйшій путь французской арміи, уже завладѣвшей Утрехтомъ, — европейскія державы, между тѣмъ, стали понемногу приходить къ убѣжденію, что нельзя далѣе безучастно относиться къ насилію надъ Голландской республикой и къ побѣдамъ Франціи. Въ Испаніи одержала верхъ партія войны и немедленно приложила всѣ усилія къ тому, чтобы побудить императора къ разрыву съ Франціей. Въ Германской имперіи, курфюрстъ Бранденбургскій рѣшился взяться за оружіе въ защиту своего племянника, слѣдуя столько же общему настроенію, господствовавшему въ протестантскихъ областяхъ, сколько и своему личному влеченію и политическимъ принципамъ. Но онъ считалъ безполезнымъ начинать кампанію только со своей собственной арміей, потому что французскія войска могли помѣшать ему соединиться съ военными силами, собранными принцемъ Оранскимъ, или хотя бы дѣйствовать по общему плану; со стороны прочихъ сѣверо-германскихъ князей нельзя было ожидать сколько нибудь существенной помощи. Поэтому слѣдовало обратиться къ главѣ имперіи съ напоминаніемъ объ его долгѣ и съ приглашеніемъ къ совмѣстнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Уже въ это время кюрфюрстъ выработалъ планъ полюбовнаго соглашенія между прусскимъ Бранденбургомъ и Австріей, причемъ за первымъ признавалось бы преобладающее вліяніе въ евангелической Сѣверной Германіи, а за второю на католическомъ югѣ и западѣ; но планъ этотъ оказался слишкомъ преждевременнымъ и даже не поддавался обсужденію съ такими дѣятелями, какъ Лобковицъ или имперскій вице-канцлеръ

Гохеръ, которые считали невозможнымъ навсегда отказаться отъ возобновленія борьбы съ протестантизмомъ.

Во всякомъ случаѣ Фридрихъ Вильгельмъ придавалъ особую важность участію императора въ походѣ противъ Франціи и при посредствѣ Іоганна Георга Ангальтскаго ревностно хлопоталъ въ Вѣнѣ о заключеніи наступательнаго союза. 12 іюня 1672 года было заключено соглашеніе, по которому Австрія и Бранденбургъ должны были выставить по 12,000 человѣкъ для защиты границъ имперіи и отраженія французовъ отъ предѣловъ Германіи; было рѣшено также пригласить къ участію въ союзѣ имперскихъ чиновъ, Испанію и Данію; договаривавшіяся стороны руководствовались при этомъ противоположными принципами и задачами. Дружественная Франціи партія при Вѣнскомъ дворѣ была убѣждена, что окажетъ болѣе важную услугу французскому королю, если Австрія, какъ союзникъ, пріобрѣтетъ право и случай вмѣшиваться въ дѣйствія Бранденбурга и тормазить его планы, чѣмъ если она откажется отъ союза съ курфюрстомъ и этимъ заставитъ его дѣйствовать на собственный рискъ. Фридрихъ Вильгельмъ съ своей стороны питалъ увѣренность, что ему удастся заставить австрійскія войска сдѣлать какое нибудь важное стратегическое движеніе, отвлечь значительную часть французской арміи и облегчить положеніе нидерландцевъ.

Имперскій главнокомандующій графъ Раймундъ Монтекукколи вначалѣ вовсе не отказывался содѣйствовать планамъ курфюрста и двинуть войска на Рейнъ для совмѣстныхъ операцій противъ французовъ; но уже во время похода къ намѣченному театру военныхъ дѣйствій онъ убѣдился въ томъ, что въ Вѣнѣ отъ него желаютъ, чтобы онъ держался по возможности дальше отъ столкновенія съ дружественнымъ непріятелемъ. Ему было предписано ожидать нападенія Тюренна, которому была поручена защита нижняго Рейна, и ни въ какомъ случаѣ не начинать со своей стороны непріязненныхъ дѣйствій. Хотя Фридриху Вильгельму не удалось добиться, чтобы Монтекукколи дошелъ съ нимъ хотя бы до Кобленца, какъ обѣщано было принцу Оранскому, все таки курфюрстъ продолжалъ настаивать на соединеніи обѣихъ армій. Такимъ образомъ утратилась возможность сближенія съ голландскими и испанскими войсками, занимавшими позиціи близь Маастрихта, такъ какъ Монтекукколи отказывался отъ перехода черезъ Рейнъ вмѣстѣ съ курфюрстомъ. Когда союзники къ концу 1672 года передвинулись въ Вестфалію, Тюреннъ послѣдовалъ за ними и отрѣзалъ ихъ отъ сообщенія съ нидерландскими войсками, утвердившимися въ Восточной Фрисландіи.

Генеральные штаты прекратили выдачу курфюрсту денежнаго пособія, такъ какъ онъ не выполнилъ обѣщанныхъ имъ дѣйствій на театрѣ войны; онъ не рѣшался напасть на Тюренна, занявшаго сильную позицію при Зестѣ, и въ концѣ концовъ, опасаясь подвергнуться нападенію превосходныхъ силъ непріятеля, предпочелъ заключить перемиріе съ Франціей. При нерѣшительности имперской политики и слабости выставленныхъ императоромъ войскъ (замѣститель Монтекукколи Бурнонвиль имѣлъ только 10,000 человѣкъ), этотъ шагъ былъ для даннаго времени самымъ лучшимъ, и вѣроятно единственнымъ, позволявшимъ избѣжать пораженія. По миру въ Сенъ-Жерменѣ (10 апрѣля 1673 г.) Фридрихъ Вильгельмъ обязался не предпринимать враждебныхъ дѣйствій ни противъ Франціи, ни противъ союзныхъ съ нею Англіи, Кельна и Мюнстера; по договору въ Воссемѣ (16 іюня) французскій король предоставилъ ему 800,000 ливровъ въ возмѣщеніе потери голландскаго пособія; при этомъ курфюрстъ не лишался права въ случаѣ имперской войны принять въ ней участіе, къ которому его обязывали имперскія матрикулы. Фридрихъ Вильгельмъ не скрывалъ отъ голландскихъ посланниковъ, упрекавшихъ его въ отпаденіи, что вина въ этомъ падаетъ только на поспѣшность, съ какою

они прекратили выплату военнаго пособія; впрочемъ онъ обѣщалъ, если послѣдуетъ заключеніе общаго мира, снова съ готовностью выступить за Генеральные штаты. Сенъ-жерменскій миръ не лишаетъ значенія того факта, что только участіе курфюрста и его вліяніе на императора спасло голландскую республику отъ уничтоженія. И удаленіе Бранденбурга съ поля военныхъ дѣйствій, вызванное только временными обстоятельствами и отчасти также событіями въ Польшѣ, не причинило нидерландцамъ ущерба; напротивъ императоръ, былъ теперь вынужденъ выйти изъ своего неопредѣленнаго положенія и съ большей настойчивостью позаботиться о защитѣ независимости имперіи и непрнкосновенности ея границъ, если онъ не желалъ подвергнуться опасности окончательно утратить свой и безъ того пошатнувшійся авторитетъ въ имперіи.

При посредничествѣ барона Л'Изола (стр. 472), 30 августа 1673 г. состоялся союзъ между Штатами, Испаніей и императоромъ; послѣдній выговорилъ себѣ на военныя издержки ежемѣсячное пособіе въ размѣрѣ 95,000 талеровъ; Монтекукколи снова сталъ во главѣ арміи и своими маневрами заставилъ Тюренна, проникшаго черезъ Тюрингію до Ретенбурга на Тауберѣ, отступить къ Рейну; Вильгельмъ Оранскій осадилъ и взялъ Боннъ, послѣ того какъ маршалъ Франсуа Анри герцогъ Люксембургъ былъ вынужденъ очистить правый берегъ Рейна. При занятіи зимнихъ квартиръ Франція находилась уже скорѣе въ оборонительномъ, чѣмъ въ наступательномъ положеніи. Она не могла помѣшать и отпаденію своихъ союзниковъ. Англія, не добывшая лавровъ въ морской войнѣ съ голландцами, должна была согласиться на Вестминстерскій миръ (19 февраля 1674 г.), такъ какъ ей грозила гибель торговли съ Испаніей; за ней послѣдовали Мюнстеръ, Кельнъ и Пфальцъ.

Кампанія 1674 года грозила немалой опасностью Людовику XIV, который теперь имѣлъ дѣло съ сильнымъ союзомъ европейскихъ державъ и только тяжелыми денежными пожертвованіями могъ удержать Англію отъ присоединенія къ коалиціи. Въ кровопролитной битвѣ при Сенеффѣ въ Геннегау (11 августа 1674 года) Конде побѣдилъ соединенныя силы нидерландцевъ, испанцевъ и имперцевъ и спасъ сѣверъ королевства отъ непріятельскаго вторженія. Чтобы удержать Эльзасъ, на который былъ направленъ главный натискъ имперской арміи, потребовалось все военное искусство Тюренна, обнаружившаго при этомъ свои дарованія въ высшемъ блескѣ. Сюда же двинулъ и курфюрстъ Бранденбургскій войско въ 16,000 человѣкъ подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала, Георга фонъ Дерфлингера, какъ только Людовикъ XIV, промедленіемъ въ уплатѣ пособія, далъ курфюрсту желанный предлогъ считать Воссемскій договоръ (стр. 475) расторгнутымъ.

Но нѣмецкія войска, между которыми, кромѣ упомянутыхъ, прекрасной подготовкой и мужествомъ отличались люнебургскій и брауншвейгскій контингенты, не могли добиться рѣшительныхъ успѣховъ, потому что бездарный и трусливый способъ дѣйствій вышеупомянутаго (стр. 475) герцога Александра Бурнонвиля, который командовалъ имперскимъ войскомъ, вызывая на себя нареканія не только въ неспособности, но даже въ предательствѣ, совершенно не позволялъ пользоваться имѣвшимися силами. Въ ноябрѣ 1674 года Тюреннъ, уступая численному перевѣсу непріятеля, долженъ былъ отойти изъ Эльзаса въ Лотарингію. Тамъ онъ получилъ подкрѣпленія, до 13,000 человѣкъ, а затѣмъ провелъ свое войско, возросшее до 30,000, незамѣтно, отдѣльными колоннами, къ Бельфору; въ концѣ 1674 года онъ оттуда внезапно двинулся на Мюльгаузенъ и отбросилъ застигнутыхъ въ расплохъ, расположившихся уже на зимнія квартиры союзниковъ. Они были вынуждены, послѣ нерѣшительнаго сраженія при Тюркгеймѣ (5 января 1675 г.), очистить Эльзасъ и вернуться на правый берегъ Рейна.

Между имперскими и бранденбургскими генералами, вслѣдствіе постоянныхъ ошибокъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, господствовалъ полный разладъ. Все таки курфюрстъ, потерявшій сына, Эмиля, который умеръ во время похода, въ Страсбургѣ, отъ тифа, отвелъ свои войска только до Франконіи, чтобы имѣть возможность, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, располагать ими сообразно съ общимъ планомъ кампаніи; самъ онъ въ теченіе зимы вырабатывалъ въ Клеве, вмѣстѣ съ принцемъ Оранскимъ, планъ дальнѣйшихъ дѣйствій и старался убѣдить императора въ необходимости соотвѣтственно усилить его армію. Но и послѣ паденія министра Лобковица, при Вѣнскомъ дворѣ не чувствовали склонности къ значительнымъ жертвамъ и энергичнымъ мѣропріятіямъ; отказывались даже принять достаточныя мѣры для защиты Бранденбурга и Помераніи отъ нападенія Швеціи, незадолго до того заключившей союзъ съ Франціей. Въ самомъ дѣлѣ безпокойный сосѣдъ вторженіемъ въ Марку, 30 мая 1675 года, началъ военныя дѣйствія противъ Бранденбурга; курфюрсту ничего болѣе не оставалось, какъ вывести усиленный имперскій контингентъ, стоявшій во Франконіи, черезъ Магдебургъ въ свою область и положиться въ защитѣ страны на собственныя силы.

Послѣ ухода бранденбуржцевъ имперская армія на Рейнѣ, начальство надъ которой снова принялъ Монтекукколи, оказалась бы въ опасномъ положеніи, еслибы въ стычкѣ при Засбахѣ въ Баденѣ (27 іюля 1675 года) не былъ убитъ Тюреннъ, стоившій, по своему стратегическому таланту, опытности и смѣлости, больше чѣмъ цѣлая армія. Съ этихъ поръ война въ Пфальцѣ и Брейсгау тянулась безъ особенныхъ событій; только маршалъ Франсуа герцогъ Креки, сражавшійся съ перемѣннымъ счастьемъ въ области Мозеля, завладѣлъ наконецъ важной крѣпостью Брейзахомъ. Въ испанскихъ Нидерландахъ французская армія подъ начальствомъ Люксенбурга дѣйствовала весьма успѣшно, разбила принца Оранскаго при Сентъ-Омерѣ и завладѣла Гентомъ и Иперномъ. Король поручилъ Вобану расширить и усовершенствовать укрѣпленія Конде, Валансьена и Камбрэ, такъ что въ его рукахъ они стали первоклассными крѣпостями; очевидно онъ и не помышлялъ объ ихъ очищеніи. Но наиболѣе изумительно было то обстоятельство, что Франція и на морѣ оказалась въ состояніи выставить внушительныя силы. Талантливый адмиралъ Людовика маркизъ Абрагамъ дю Кэнь разбилъ соединенный испанско нидерландскій флотъ при Липарскихъ островахъ и при Катаніи; незадолго до послѣдней битвы, голландцы въ побѣдоносномъ для нихъ сраженіи при Агостѣ (29 апрѣля 1676 г.) потеряли своего знаменитаго морского героя де Рюйтера. Пріобрѣтенный такимъ образомъ Франціей перевѣсъ на Средиземномъ морѣ и завоеванія, сдѣланныя ею въ Испанскихъ Нидерландахъ, произвели въ Англіи самое неблагопріятное впечатлѣніе. Парламентъ, созванный въ 1677 году послѣ перерыва въ 15 мѣсяцевъ, настаивалъ, чтобы король, все еще получавшій щедрыя пособія отъ Людовика XIV, заключилъ новый союзъ съ Генеральными штатами. Еще передъ тѣмъ Карлу пришлось согласиться на бракосочетаніе дочери герцога Іоркскаго, воспитанной въ протестантской религіи, съ Вильгельмомъ Оранскимъ.

Такъ какъ денежныя средства Франціи были истощены, кредитъ окончательно исчерпанъ и Кольберъ поэтому дѣлалъ королю самыя настоятельныя представленія о необходимости окончить войну, то Людовикъ пришелъ къ соглашенію съ республиканской партіей и вождями англійскаго парламента о принципіальныхъ условіяхъ мира, о которомъ уже ранѣе начались переговоры въ Нимвегенѣ. При этомъ Людовикъ съ одной стороны старался разстроить соглашеніе принца Оранскаго съ штатами, съ другой стороны положить конецъ крайне неудобнымъ вымогательствамъ ненадежнаго Стюарта. Это удалось королю, когда онъ убѣдилъ голландцевъ отказаться отъ союза съ Испаніей и предоставить Франціи

вознаградить себя за ея счетъ пріобрѣтеніями въ испанскихъ Нидерландахъ и во Франшъ-Контэ. 10 августа 1678 года былъ заключенъ договоръ между Франціей и Нидерландами; 17 сентября Испанія была принуждена подписать продиктованныя ей уступки; въ февралѣ слѣдующаго года къ мирному договору присоединился и германскій императоръ.

Курфюрстъ Бранденбургскій, при поддержкѣ Даніи побѣдоносно сражавшійся противъ шведовъ, остался одинокимъ передъ грознымъ натискомъ всей французской арміи, которая въ іюнѣ дошла до Миндена и продолжала путь по направленію къ Берлину. Съ положеніемъ курфюрста и мотивами, побудившими его согласиться на условія Сенъ-Жермэнскаго мира (29 іюня 1679 г.) мы ознакомимся въ связи съ германскими дѣлами (стр. 501); здѣсь же достаточно упомянуть, что Бранденбургъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ завоеваній въ Помераніи и согласиться на возстановленіе границъ, опредѣленныхъ по Вестфальскому миру. Людовикъ XIV добился выполненія своихъ требованій, но онъ не скрывалъ, что изо всѣхъ его противниковъ Фридрихъ Вильгельмъ внушилъ къ себѣ наибольшее уваженіе; еще до истеченія 1679 г. Людовику удалось сдѣлать курфюрста своимъ союзникомъ.

Какъ курфюрстъ Бранденбургскій былъ оставленъ на произволъ судьбы императоромъ и имперіей, а особенно его любезными вельфскими сосѣдями, такъ же точно отъ принца Оранскаго отступились Генеральные штаты, регенты того государства, которое только онъ одинъ спасъ отъ раздѣла и разграбленія. Наряду съ безнравственнымъ выродкомъ дома Стюартовъ, всегда бывшаго незначительнымъ, а теперь близившагося къ полному упадку, ни одна политическая величина того времени не производитъ такого плачевнаго впечатлѣнія, какъ голландская республика, съ готовностью подчинившаяся униженію со стороны врага, погубившаго ея могущество и блескъ, — чтобы имѣть случай унизить и оскорбить геройскаго принца, который одинъ сохранялъ ей вѣрность во времена бѣдствій, и почти неизбѣжной гибели. Если бы принцъ Оранскій обладалъ характеромъ какого нибудь амстердамскаго купца, то онъ еще въ началѣ войны сумѣлъ бы поладить съ Людовикомъ и сдѣлаться сувереннымъ графомъ Голландіи и Зеландіи; но онъ былъ достойнымъ потомкомъ своихъ благородныхъ предковъ и однимъ изъ рѣдкихъ людей, которые способны посвятить всю жизнь одной великой идеѣ. Когда онъ понялъ, что высокомощные торгаши на Зюйдерзее не способны составить подходящихъ сотрудниковъ въ борьбѣ за эту идею, тогда онъ обратился къ болѣе здоровому и даровитому германскому народу, будущее величіе котораго въ то время еще не сознавалось; и этому народу была суждена побѣда.

Въ дни нимвегенскаго мира Европа склонялась передъ волей монарха, который хотѣлъ доставить Франціи положеніе, какое занимала въ былое время имперія Карла Великаго. Казалось, что, кромѣ падишаха въ Стамбулѣ, въ Европѣ суждено существовать только одной великой державѣ: французскому королевству.

4. Германская имперія послѣ Вестфальскаго мира.

А. Паденіе феодальнаго строя.

Нѣмецкое государство, старая „римская имперія нѣмецкой націи“, былой оплотъ западнаго христіанства, наслѣдникъ четвертой міровой монархіи, — по Вестфальскому миру отказалось отъ своего положенія великой державы. Оно не только было лишено областей, населенія и достоянія, ослаблено въ экономическомъ отношеніи, а потому и морально обезсилено; самое уложеніе его приняло такую форму, при которой стано-

вилось совершенно невозможнымъ объединеніе національныхъ силъ, та государственная концентрація, безъ которой немыслима никакая дѣятельность. Феодальная система развивалась здѣсь въ иномъ направленіи, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Королевская власть зиждилась на избирательномъ правѣ свободнаго сословія, и хотя кругъ избирателей все болѣе суживался, все таки ни одинъ изъ королевскихъ домовъ, которые съ согласія и при опредѣленной закономъ поддержкѣ крупныхъ ленниковъ поддерживали имперскую власть по обѣ стороны Альпъ, не могъ устранить этихъ избирательныхъ правъ. Когда наконецъ функція избранія короля на извѣстныхъ законныхъ условіяхъ была возложена на князей-избирателей, курфюрстовъ, тогда ихъ власть и исключительное положеніе были обезпечены основными законами, а предѣлы королевскихъ правъ до такой степени ограничены, что королямъ былъ совершенно закрытъ путь къ полной суверенности. И чины, лишенные участія въ избраніи короля, были защищены отъ насилія, такъ какъ они съ одной стороны являлись для носителей короны необходимой поддержкой въ борьбѣ съ преобладаніемъ курфюрстовъ, съ другой стороны, примыкая къ послѣднимъ, успѣшно могли охранять свое политическое существованіе отъ королевскихъ поползновеній. Многосторонность интересовъ, представителемъ которыхъ по обязанности или по настоянію чиновъ являлся король-императоръ, всецѣло поглощала его силы; недостатокъ доходовъ, находившихся въ распоряженіи главы государства для имперскихъ нуждъ, ставила его въ зависимость отъ доброй воли феодальныхъ владѣльцевъ, которые всякой услугой со своей стороны пользовались для того, чтобы расширить свои права и пріобрѣсть большее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Церковныя владѣнія нигдѣ не были такъ независимы и не пользовались столь широкими свѣтскими правами, какъ въ Германіи; внѣ предѣловъ германской имперіи не встрѣчалось духовныхъ князей, равныхъ по значенію какому нибудь архіепископу Майнцскому или Кельнскому, епископу Вюрцбургскому или Мюнстерскому, которые могли называть себя герцогами Франконіи и Вестфаліи. Реформація уменьшила число этихъ князей, но наслѣдство ихъ не стало имперскимъ достояніемъ, что могло бы случиться, еслибы глава имперіи взялъ въ свои руки направленіе движенія, требовавшаго реформы церковныхъ порядковъ. Евангелическій императоръ, который сталъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ императоромъ, быть можетъ сумѣлъ бы побѣдоносно выйти изъ борьбы съ феодальными силами, если бы онѣ пробовали противиться ему за оплотомъ старой вѣры. Но союзникъ и добровольный намѣстникъ папы предоставилъ отнятую отъ старой церкви часть имперскаго достоянія княжескимъ домамъ, которые такимъ образомъ обогатились и укрѣпили свое политическое положеніе. Оно стало неприступнымъ, что и обнаружилось въ тридцатилѣтнюю войну. Не слѣдуетъ, впрочемъ, умалчивать и о томъ, что религіозная борьба въ Германіи могла бы принять совсѣмъ иное направленіе, если бы корона принадлежала не Карлу V, а кому нибудь изъ дома Цоллерновъ, или если бы Фердинандъ II былъ одушевленъ идеями Генриха IV, или даже если бы этотъ бездарный воспитанникъ ингольштадтскихъ іезуитовъ по крайней мѣрѣ обладалъ достаточной моральной силой, чтобы использовать таланты и безпринципность Валленштейна въ интересахъ господства вооруженной имперіи. Но на дѣлѣ у дома Габсбурговъ отсутствовала та могучая индивидуальность, которая могла бы призракъ ея имперскаго господства превратить въ дѣйствительность. Столь же мало были Габсбурги въ состояніи, несмотря на божественную поддержку, оффиціально обѣщанную имъ преемниками Петра, исполнить возложенную на нихъ миссію: подчиненіе отпавшихъ имперскихъ чиновъ владычеству римской церкви.

Въ дѣйствительности сами же духовные князья не мало способствовали пріостановленію побѣдоноснаго движенія императорской арміи. Они

стояли на сторонѣ Виттельсбаха Максимиліана, когда онъ на сеймѣ въ Регенсбургѣ вынудилъ отъ императора отставку Валленштейна. Именно въ это время былъ отрицательно рѣшенъ вопросъ о возможности для Германіи сдѣлаться монархіей. Филиппъ Богуславъ фонъ Хемницъ съ полнымъ основаніемъ называетъ, въ своей знаменитой „Dissertatio de ratione status in imperio nostro romano-germanico“, уложеніе германской имперіи аристократическимъ, въ которомъ нѣкоторыя административныя функціи выполняются монархомъ; но монархъ, какъ „princeps“, пользуется только тѣми правами, какія ему добровольно уступаютъ его соправители въ государствѣ. „Эта особа высшаго сана носитъ старинный римскій титулъ императора, но далеко не является тѣмъ, что представляетъ монархъ въ другихъ государствахъ. Суверенность или верховенство принадлежитъ не императору, а только собирающемуся на имперскихъ сеймахъ обществу государственныхъ чиновъ“. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ къ переговорамъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюнѣ были приглашены и представители германскаго рейхстага, и Вестфальскимъ миромъ была формально подтверждена суверенность всѣхъ отдѣльныхъ имперскихъ чиновъ, отъ курфюрстовъ и герцоговъ до такихъ городковъ, какъ Динкельсбюль или Бопфингенъ (см. стр. 324).

Такимъ образомъ имперія перестала существовать какъ государство. Строй ея уже не отвѣчалъ требованіямъ феодальнаго государства, которое не можетъ приравнивать ленника къ господину лена, требуетъ личной зависимости и подчиненія; но въ то же время имперія не была въ состояніи собственными силами доставить своимъ членамъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ и сохраненія внутренняго порядка; еще менѣе могла она озаботиться мѣрами для поднятія благосостоянія и образованія. Исполненіе государственныхъ задачъ выпало на долю чиновъ, владѣльцевъ территорій, которымъ суждено было постепенно развиться до степени государствъ или слиться съ другими; такъ какъ при томъ же чинамъ былъ предоставленъ выборъ религіи, то въ ихъ рукахъ оказалось важнѣйшее средство вліянія на выработку новаго общественнаго строя. На рейхстагѣ германскіе чины имѣли 158 голосовъ, на самомъ же дѣлѣ число отдѣльныхъ владѣній доходило до 300, но различія въ пространствѣ, составѣ и силѣ ихъ были такъ велики, что только незначительная часть могла достичь государственнаго существованія. Въ періодъ отъ Вестфальскаго мира до распаденія старой имперіи содержаніе исторіи Германіи составляетъ не только борьба чиновъ, защищавшихъ свою суверенность отъ попытокъ императоровъ ограничить ее, но еще въ большей степени борьба за средства къ обезпеченію этого государственнаго существованія: расширеніе территоріи, увеличеніе населенія, укрѣпленіе внутренней связи.

Имперія не могла провести концентраціи; имперское уложеніе сдѣлало закономъ раздробленность и разъединеніе; концентрація была возможна только въ узкихъ границахъ территорій и потому стала исключительно задачей нѣмецкихъ князей. Сильныя и счастливыя фамиліи, выдвигавшія энергичныхъ и даровитыхъ представителей, оказались въ состояніи основать жизнеспособныя государства, которыя смогли уберечь свою суверенность во всѣхъ катастрофахъ и политическихъ передѣлкахъ. Другія либо подверглись судьбѣ всѣхъ слабыхъ, возстающихъ противъ сильнаго, и погибли, либо сохранились въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ власти и территоріи, благодаря молчаливому согласію сосѣдей и въ силу традиціи, которая выражаетъ уже повидимому не столько политическія требованія, сколько простую симпатію къ исторической старинѣ.

Первое мѣсто среди нѣмецкихъ княжескихъ домовъ, по вліянію и внѣшнему могуществу, занимали Габсбурги; но ихъ владѣнія и интересы далеко выходили за предѣлы имперіи; австрійскій домъ, casa d'Austria самъ по себѣ сталъ міровой державой. Правда, только Карлъ V еди-

нолично правилъ всей колоссальной областью унаслѣдованныхъ земель; раздѣлъ между испанской и нѣмецкой линіей былъ слѣдствіемъ полной несовмѣстимости жизненныхъ интересовъ различныхъ территорій монархіи, и состоялся въ силу тѣхъ же фамильныхъ законовъ, которые повели къ объединенію вопреки всѣмъ политическимъ и экономическимъ основаніямъ. Испанская монархія, со своими бургундскими и итальянскими придатками и американскими колоніями, не могла удержаться на степени міровой державы; она была вынуждена уступить Франціи и Голландіи. Притязанія правящаго дома, который не считалъ нужнымъ ставить предѣловъ своему честолюбію и въ тридцатилѣтней міровой борьбѣ расточалъ силу на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, — находились въ противорѣчіи съ малыми способностями испанской національности къ политической организаціи; такимъ образомъ монархія Филипа II была приведена къ внѣшнему и внутреннему упадку (см, томъ IV, стр. 545 и сл.). Раздѣлъ нѣмецкой линіи, казавшійся неизбѣжнымъ, былъ предотвращенъ тѣмъ, что братья Рудольфъ и Матѳей умерли бездѣтными; испанское вліяніе сдѣлало Фердинанда II единымъ властителемъ, испанскія деньги позволяли содержать войско, которымъ потомокъ австрійской линіи могъ защитить свои владѣнія. Но эти же обстоятельства привели нѣмецкихъ Габсбурговъ къ необходимости возложить на себя тяжкое бремя императорской короны.

Ослабленіе связи между составными частями „римской имперіи нѣмецкой націи“ должно было благопріятствовать всякимъ династическимъ стремленіямъ къ созданію, подъ личной властью и общей администраціей, новыхъ областныхъ группъ; больше всего могли этимъ воспользоваться Габсбурги, которымъ удалось ввести въ своихъ владѣніяхъ принудительное единство вѣроисповѣданія. Контръ-реформація въ Альпійскихъ областяхъ, побѣда надъ чешскимъ возстаніемъ, подчиненіе образованія и духовной опеки контролю іезуитовъ, — всѣ эти обстоятельства почти совершенно разорвали духовную связь между культурными государствами остальной Германіи и габсбургскими землями, которыя въ эту эпоху получаютъ уже общее названіе австрійскихъ; дѣловой торговый застой, результатъ обѣдненія, причиненнаго Тридцатилѣтней войной, повелъ къ замедленію и ослабленію экономическихъ сношеній. Поэтому Пуфендорфъ, назвавшій въ своемъ сочиненіи „De statu imperii germanici“ (1667 г., подъ псевдонимомъ Северина де Мозамбано) уложеніе римской имперіи ненормальнымъ и уродливымъ, говоритъ о государствѣ австрійскаго дома и о легкости, съ какою его можно выдѣлить изъ состава имперіи и снабдить самостоятельнымъ уложеніемъ. Этотъ фактъ онъ приводитъ, какъ основаніе для своего утвержденія, что за Габсбургами долженъ быть сохраненъ императорскій санъ, такъ какъ при выдѣленіи ихъ земель изъ имперіи, которое неизбѣжно воспослѣдуетъ послѣ передачи короны другой княжеской фамиліи, имперія будетъ ослаблена и ей будетъ грозить опасность раздѣлить участь Италіи. Кромѣ того, никакая другая фамилія не въ состояніи нести издержекъ, связанныхъ съ содержаніемъ имперскаго двора и съ соблюденіемъ императорскаго достоинства. Эти выводы были до такой степени неотразимы, что не нашлось ни одного имперскаго князя, который выразилъ бы желаніе получить императорскую корону, когда послѣ смерти Фердинанда III (1657 г.) Людовикъ XIV занялся разысканіемъ подходящихъ кандидатовъ на престолъ. Курфюрстъ Фердинандъ Марія Баварскій тоже отклонилъ отъ себя предложеніе, сдѣланное ему графомъ Эгономъ Фюрстенбергомъ отъ имени французскаго правительства, и при этомъ замѣтилъ, что не желаетъ быть императоромъ милостью Франціи и не склоненъ рисковать своимъ новымъ, но надежнымъ и постояннымъ саномъ курфюрста ради ненадежнаго и преходящаго императорскаго достоинства.

Рѣшающiй голосъ при избранiи Леопольда I, которому энергично противилась Францiя, принадлежалъ Бранденбургу. Кромѣ него и Баварiи всѣ курфюрсты и министры ихъ были подкуплены. Мазарини открылъ посланникамъ Грамону и Лiонну, назначеннымъ на избирательный съѣздъ, кредитъ въ 3,000,000 ливровъ, и изъ этихъ денегъ крупныя суммы были розданы влiятельнымъ особамъ при Кельнскомъ, Майнцскомъ, Трирскомъ и Гейдельбергскомъ дворахъ. Впрочемъ, австрiйскiя и испанскiя деньги тоже находили хорошiй сбытъ; послѣднiя особенно расходились въ Дрезденѣ. Въ концѣ концовъ принятiе подарка отъ обѣихъ сторонъ обязывало наименѣе. Курфюрстъ Бранденбургскiй (см. ниже, стр. 501 и сл.) въ то время пользовался уже столь большимъ влiянiемъ, какого не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ борьбѣ интересовъ, направленныхъ на преобладанiе въ Восточной Европѣ, Швецiя, Польша и Австрiя должны были уже считаться съ его силами; сосѣди въ имперiи не безъ опасенiй выступали противъ союза, къ которому примыкалъ курфюрстъ. Еще до начала засѣданiй избирательной коллегiи Фридрихъ Вильгельмъ въ письмѣ къ курфюрсту Кельнскому всецѣло высказался въ пользу австрiйской кандидатуры; совершенно въ духѣ Пуфендорфа онъ признаетъ соотвѣтственнымъ благу имперiи, а потому и необходимымъ, чтобы „вновь былъ избранъ такой домъ, который своими силами въ состоянiи поддержать Римскую имперiю".

Но когда было приступлено къ составленiю избирательнаго договора, гдѣ излагались принципы, которыми избранный императоръ долженъ руководствоваться въ своемъ правленiи, тогда Бранденбургъ рѣшительно примкнулъ къ той партiи, которая ратовала противъ слiянiя нѣмецкихъ интересовъ съ испанскими и старалась избѣжать возможности, чтобы императоръ вовлекъ имперiю въ ссору съ западнымъ сосѣдомъ изъ за испанско-французской войны. Стремленiя эти сводились къ тому, чтобы Габсбургъ, возложивъ на себя нѣмецкую корону, не воспользовался усиленiемъ своего могущества для спасенiя Испанiи отъ гибели. Согласная дѣятельность Вѣнскаго и Мадридскаго дворовъ постоянно благопрiятствовала католицизму, и Бранденбургъ не находилъ нужнымъ со своей стороны помогать его усиленiю. Тотъ фактъ, что положенiе Бранденбурга главнымъ образомъ имѣло цѣлью обезпеченiе протестантизма, не опровергается обстоятельствомъ, что большинство голосовъ на съѣздѣ курфюрстовъ было доставлено ему Пфальцомъ и духовными князьями Майнца и Кельна, ставшими на его сторону подъ давленiемъ Францiи, тогда какъ евангелическая Саксонiя изъ чувства соперничества примкнула къ католической партiи (Баварiя и Триръ). Леопольдъ долженъ былъ дать обѣщанiе не вмѣшиваться въ войны, которыя вела Францiя въ Италiи и бургундской области и не оказывать помощи ея противникамъ; за то онъ обязывался способствовать заключенiю мира между Испанiей и Францiей. Если бы императоръ, какъ верховный глава государства, пожелалъ заключить союзъ съ иностранными державами, то онъ обязывался получить согласiе курфюрстовъ, и при томъ не письменно, а выраженное на коллегiальномъ съѣздѣ. Такое же согласiе было признано необходимымъ для объявленiя какого нибудь члена имперiи въ имперской опалѣ. Избирательно-правовой характеръ имперiи былъ самымъ категорическимъ образомъ подтвержденъ избирательнымъ договоромъ Леопольда I, гдѣ заключаются, какъ въ дополненiи къ Золотой буллѣ 1356 года, важнѣйшiе пункты имперскаго уложенiя.

Б. **Рейнскiй союзъ 1658 года и рейхстагъ.**

Избранiе Габсбурга являлось требованiемъ общей имперской политики; оно вовсе не знаменовало сближенiя имперскихъ князей, хотя бы

только католическихъ, съ императоромъ и его домомъ. Республика князей нашла себѣ знатнаго и богатаго представителя и связала новымъ договоромъ государство, которое стремилось удержать въ равновѣсіи силы, боровшіяся на юговостокѣ Европы: но члены имперіи прекрасно понимали, что фамильныя владѣнія императора и добровольный союзъ германскихъ государей уже не составляли политическаго цѣлаго, и что каждый изъ нихъ могъ и безъ императора проводить самостоятельную политику. Это воззрѣніе повело на дѣлѣ къ основанію союза рейнскихъ князей, послѣдовавшему непосредственно послѣ избирательнаго съѣзда. Союзъ этотъ, если только обращать вниманіе исключительно на букву договора, подписаннаго 14 августа 1658 года, можно было бы назвать союзомъ друзей мира, до такой степени настойчиво указывалось въ немъ, что „союзники, безъ различія вѣроисповѣданій, не должны подавать ни одной иностранной державѣ повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ, а между собою должны поддерживать постоянную дружбу и всякія несогласія разрѣшать законными путями“. Организація эта не могла возбуждать противъ себя особыхъ подозрѣній уже потому, что всѣ ея силы заключались въ постоянномъ войскѣ въ 4700 пѣхотинцевъ и 2370 всадниковъ, которое обѣщали выставить участники союза.

Характеръ союза, къ которому примкнули, кромѣ курфюрстовъ Майнца и Кельна и Пфальцъ-Нейбурга, также Брауншвейгъ-Люнебургъ и ландграфъ Гессенскій, опредѣлился яснѣе, когда былъ заключенъ союзный договоръ съ Франціей. Послѣдняя обязывалась защищать права и владѣнія членовъ союза, а тѣ въ свою очередь ручались за соблюденіе условій Вестфальскаго мира и всѣхъ сдѣланныхъ Франціи уступокъ, и обѣщали поддерживать французскаго короля своими войсками, въ случаѣ если бы послѣдовало нападеніе на одну изъ областей, отошедшихъ къ нему по мирному договору. Обязательное участіе Франціи въ союзѣ было довольно скромно, ограничиваясь 1600 пѣхотинцами и 800 всадниками; но эта цифра выражала только обусловленную помощь политическаго союзника въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣмецкимъ князьямъ понадобилась бы поддержка Франціи; за симъ, французскій король оставлялъ за собой неограниченное право защищать всѣми потребными средствами свои интересы въ союзной области. Въ войнахъ съ Испаніей и Генеральными штатами Людовикъ XIV пользовался на практикѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ этимъ правомъ которое въ теоріи установила еще изворотливая дипломатія Мазарини. Въ началѣ, въ переговорахъ участвовалъ и Бранденбургъ, но онъ воздержался отъ заключенія договора; его слишкомъ сложныя политическія задачи не могли найти рѣшенія въ рамкахъ рейнскаго союза. Онѣ требовали слишкомъ частыхъ перемѣнъ политики, а потому и большей свободы дѣйствій, чѣмъ могъ предоставить этотъ договоръ взаимнаго страхованія нѣсколькихъ мелкихъ германскихъ государствъ противъ преобладанія имперіи. Къ этому времени Бранденбургская Пруссія поднялась уже на степень государства, которое скорѣе могло стать само во главѣ союза, чѣмъ сдѣлаться его вѣрнымъ и послушнымъ членомъ подъ руководствомъ Франціи.

Императорскій дворъ не могъ не замѣчать, что основаніе рейнскаго союза главнымъ образомъ угрожаетъ его собственному положенію въ имперіи и является крайне подозрительнымъ вмѣшательствомъ Франціи въ имперскія дѣла. Поэтому вѣнскій дворъ прежде всего постарался изъять изъ вліянія рейнскихъ князей законное представительство имперскихъ сословій, которое, пока не собирался рейхстагъ, принадлежало депутаціоннымъ съѣздамъ. На очередь выступилъ вопросъ, гдѣ должны собираться депутаціонные съѣзды, въ Регенсбургѣ или Франкфуртѣ; такъ какъ императоръ не соглашался уступить въ полное распоряженіе майнцскаго курфюрста завѣдываніе важнымъ дѣломъ сословнаго представительства, то

рейнскіе союзники потребовали созванія рейхстага, который въ 1654 году былъ отсроченъ на два года.

Задачи нѣмецкаго рейхстага, который послѣдовалъ за нюрнбергскимъ съѣздомъ для выполненія условій мира, могли бы зайти чрезвычайно далеко; рейхстагъ могъ бы, не ограничиваясь только разработкой намѣченныхъ по Вестфальскому миру основъ имперскаго уложенія, коснуться вопросовъ объ обезпеченіи границъ, объ организаціи имперской арміи, о средствахъ къ подъему общественнаго благосостоянія, къ оживленію торговли и промышленности.

Между тѣмъ, къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ послѣдствій Тридцатилѣтней войны принадлежитъ тотъ фактъ, что всѣхъ бѣдствій и разгромовъ, постигшихъ Германію въ этотъ періодъ, не было достаточно, чтобы убѣдить нѣмцевъ въ необходимости совмѣстныхъ дѣйствій и охраны общихъ интересовъ. Если въ широкихъ слояхъ народа и дремало подобное смутное сознаніе, если среди бѣдствовавшихъ массъ и таилась надежда на помощь отъ императора и имперіи, то это сознаніе не имѣло сколько нибудь значительныхъ проявленій въ политикѣ. Никогда еще положеніе о безсиліи бѣдности такъ ярко не выражалось въ государственной жизни, какъ на примѣрѣ Германской имперіи, потерявшей въ великой войнѣ половину своего населенія, четыре пятыхъ всего домашняго скота и на несчетныя суммы сооруженій, драгоцѣнныхъ металловъ, произведеній промышленности. Томимые голодомъ люди, утратившіе всякое пониманіе благодѣяній культуры и доходившіе, какъ это часто случалось въ послѣдніе годы войны, до каннибализма, неспособны бороться за свои политическія права; отъ нихъ далеко сознаніе возможной связи между этими правами и настоятельнѣйшими реальными потребностями. Нужда массъ способствуетъ богатству и могуществу отдѣльныхъ болѣе ловкихъ или счастливыхъ личностей, которыя умѣютъ захватить въ свое распоряженіе тѣ средства, при помощи которыхъ можно добиться правъ. Когда въ XVI вѣкѣ большая часть Германіи была взволнована идеей коммунистическаго распредѣленія имуществъ, и началась борьба, тогда нѣмецкіе крестьяне, по крайней мѣрѣ часть ихъ, пользовались еще такимъ благосостояніемъ, которое почти граничило съ изобиліемъ, отсюда у нихъ и явилось побужденіе требовать соціальнаго равноправія съ землевладѣльцами; даже послѣ подавленія кровопролитныхъ возстаній въ Тюрингіи и Швабіи крестьянство не утратило столько правъ, сколько въ тѣ два десятилѣтія, въ которыя нѣмецкими областями правили полковники и капитаны вражескихъ и дружественныхъ армій.

Въ средѣ землевладѣльцевъ точно также произошли крупныя перемѣны; много владѣльческихъ родовъ были истреблены, изгнаны, или разорены до того, что, лишившись рабочихъ рукъ и капитала, не могли продолжать хозяйства; ихъ мѣсто заняло военное дворянство, собравшее въ своихъ рукахъ большую часть наличныхъ денегъ. „Новые господа не чувствовали снисхожденія къ бѣднымъ подданнымъ, съ которыми ихъ не сближала вѣковая совмѣстная жизнь. При помощи изворотливыхъ римскихъ юристовъ, которые за хорошее вознагражденіе соглашались на самыя двусмысленныя дѣла, правовыя отношенія, хранившіяся неприкосновенно старинными коренными фамиліями, были теперь преобразованы въ пользу помѣщиковъ. Свободныя крестьянскія усадьбы были отобраны или закрѣпощены“. Между тѣмъ личности, ставшія такимъ путемъ крупными помѣщиками, не могли такъ быстро отрѣшиться отъ привычекъ и пороковъ, къ которымъ пріучили ихъ долгія военныя времена. Въ отстроенныхъ и пышно разукрашенныхъ на чужія деньги замкахъ кипѣла разгульная жизнь, и самые безмѣрные кутежи и игры прерывались только буйными охотничьими наѣздами. А въ деревняхъ старые отставные солдаты, бродившіе по большимъ дорогамъ, отнимали у крестьянина тотъ

скудный достатокъ, который давала запущенная, на спѣхъ воздѣланная почва. Во многихъ поселеніяхъ не было ни священника, ни учителя; нѣтъ никакихъ признаковъ того богатаго культурнаго достоянія, которое трудами гуманистовъ проникало въ крестьянскія избы. Невѣжество, суевѣріе, вѣра въ вѣдьмъ — господствуютъ надъ умами; даже понятіе чести было вытѣснено попрошайничествомъ.

Вслѣдствіе недостатка денегъ у низшихъ и среднихъ классовъ, упали цѣны на сырые продукты и заработная плата. Ремесленный трудъ могъ заниматься только предметами насущной необходимости, для художественной промышленности не хватало средствъ производства. Капиталъ, собравшійся въ рукахъ немногочисленныхъ богачей, направился заграницу (см, стр. 122) и повелъ къ увеличенію ввоза, главнымъ образомъ изъ Франціи, но также изъ Амстердама, Лондона, Лиссабона и Венеціи. „Изъ крупныхъ и мелкихъ дворовъ свѣтскихъ и духовныхъ князей, изъ дворянскихъ усадьбъ, гдѣ собрана была разбойничья добыча полководцевъ и командировъ всѣхъ націй и вѣроисповѣданій, деньги, доставленныя подданными, стекались въ кассы парижскихъ фабрикъ, предписывавшихъ моду всему континенту. Такимъ образомъ къ политическому тріумфу Франціи присоединялся экономическій, и несчастіе Германіи было причиной обогащенія ея западнаго сосѣда“. Торговлей, которая нѣкогда разцвѣла въ ганзейскихъ областяхъ, завладѣли голландцы и англичане; въ южной Германіи воцарился почти полный торговый застой. Многія изъ крупныхъ патриціанскихъ фамилій стали графами и землевладѣльцами, другіе искали удовлетворенія своему честолюбію въ чиновной карьерѣ, а большая часть пришла въ упадокъ. Ничто не возбуждало духа предпріимчивости; въ великихъ міровыхъ сношеніяхъ нѣмцы почти не занимаютъ мѣста.

Но такое положеніе дѣлъ нисколько не заботило господъ совѣтниковъ и синдиковъ, которые явились въ Регенсбургѣ представителями своихъ государствъ и посвящали бóльшую часть времени чтенію широковѣщательныхъ докладовъ о безрезультатныхъ переговорахъ или изученію инструкцій, въ которыхъ главнымъ образомъ заключались наставленія къ затягиванію каждаго общеполезнаго проекта. „Имперскій указъ“ (Reichsabschied), какъ называлось сопоставленіе принятыхъ рѣшеній, содержалъ въ себѣ текстъ Вестфальскаго мира и Нюрнбергскихъ исполнительныхъ постановленій, затѣмъ законъ о реформѣ имперскаго камернаго суда, нѣсколько поправокъ къ военному уложенію и незначительныя постановленія на счетъ уплаты просроченныхъ долговъ. Партіи, тридцать лѣтъ сражавшіяся между собою, все еще не довѣряли другъ другу; вѣроисповѣдные интересы и заботы о сохраненіи суверенныхъ правъ вытѣсняли всякое помышленіе объ общемъ національномъ благѣ, несмотря на общественное мнѣніе, которое въ массѣ политическихъ летучихъ листковъ настоятельно призывало правительства къ патріотической дѣятельности. Страхъ передъ возможностью попытки со стороны императора расширить свои верховныя права былъ такъ великъ, что явилось отрицательное отношеніе къ обязательности постановленій большинства въ коллегіи курфюрстовъ. Графъ Георгъ Фридрихъ фонъ Вальдекъ, пользовавшійся въ это время значительнымъ вліяніемъ на имперскую политику курфюрста Бранденбургскаго (см. ниже, стр. 503), предостерегаетъ послѣдняго отъ подчиненія постановленіямъ насчетъ имперскихъ налоговъ, на томъ основаніи, что имераторская партія справедливо придаетъ правильному платежу налоговъ самое важное значеніе. Подчиняясь этому требованію, курфюрстъ, „который подобенъ королю, станетъ подданнымъ, окладнымъ (т. е. обязаннымъ налогами) владѣльцемъ, меньшимъ по могуществу и средствамъ, чѣмъ какой нибудь чешскій или польскій земскій чинъ“.

B. Положеніе дома Габсбурговъ.

Опыты, которые имѣлъ съ рейхстагомъ Фердинандъ III, не могли возбуждать въ Леопольдѣ особаго желанія возобновить совѣщанія имперскихъ чиновъ, такъ какъ онъ врядъ ли могъ ожидать найти въ нихъ поддержку своимъ планамъ. Только вновь возникшая опасность наступательной войны со стороны Турціи, грозившей наслѣднымъ областямъ Габсбурговъ, побудила Леопольда все таки созвать рейхстагъ, въ февралѣ 1662 года. И крупныя земельныя владѣнія дома Габсбурговъ все еще не имѣли государственной организаціи и не обладали достаточной внутренней силой, чтобы успѣшно противиться тѣмъ огромнымъ военнымъ полчищамъ, какія могъ выставить падишахъ. Эту область необходимо было защищать на германскія средства и германскими войсками, такъ какъ она по праву могла считаться оплотомъ имперіи на востокѣ. Національное мадьярское королевство не могло выполнить этой задачи; послѣ злополучной битвы при Могачѣ, оно было раздроблено и стало поприщемъ борьбы партій, часто способствовавшихъ вторженіямъ османовъ.

Можетъ быть, положеніе дѣлъ въ Венгріи приняло бы иной оборотъ, если бы у власти остался родъ Гуніада; но и въ такомъ случаѣ нельзя было бы съ увѣренностью разсчитывать, что все венгерское феодальное дворянство приметъ участіе въ тяжелыхъ жертвахъ, которыхъ требовала постоянная война съ турками. Съ того времени какъ османскіе завоеватели завладѣли Балканскимъ полуостровомъ, болѣе осмотрительные мадьярскіе дѣятели уже не считали необходимымъ соблюдать то обособленное положеніе, которое занимало Венгерское королевство; была сознана необходимость тѣснаго союза съ сильнымъ сосѣдомъ и лучшимъ ручательствомъ за прочность связи считалась личная унія. Это воззрѣніе проявилось и при договорахъ съ Габсбургами въ 1463 и 1491 годахъ, и при выборѣ на престолъ чешскаго короля Владислава. На той же точкѣ зрѣнія остановился офенскій сеймъ въ 1527 году, послѣ того какъ былъ сломленъ терроризмъ Яна Заполья и его партіи. Націоналисты, добившіеся въ 1505 году постановленія, по которому ни одинъ иностранецъ не могъ быть избранъ королемъ Венгріи, на самомъ дѣлѣ никогда серьезно не расчитывали доставить мадьярскому государству самостоятельность; но по ихъ мнѣнію зависимость отъ Турціи была предпочтительнѣе подчиненія дому Габсбурговъ. Не безъ вліянія на настроеніе восточной Венгріи, главнаго очага оппозиціи, была вѣроисповѣдная политика Габсбурговъ, такъ какъ ихъ близость съ папствомъ и іезуитами грозила постоянной опасностью свободѣ евангелической конфессіи, укоренившейся въ карпатскихъ горныхъ областяхъ и по долинѣ Тейсы. Національныя движенія подъ предводительствомъ Бочкая, Бетлена или Ракочи всегда въ числѣ своихъ цѣлей ставили защиту протестантизма и находили опору въ сближеніи съ соотвѣтственной партіей въ Германской имперіи. Домъ Габсбурговъ надѣялся единствомъ религіи создать прочную связь между своими владѣніями; но своимъ рѣзкимъ сопротивленіемъ принципу религіозной свободы онъ оттолкнулъ симпатіи населенія, подорвалъ довѣріе къ династіи и обезпечилъ политическимъ партіямъ постояннаго союзника въ видѣ религіознаго фанатизма, который очень сильно былъ развитъ среди мадьярскихъ кальвинистовъ.

Религіозная нетерпимость не принадлежала къ числу коренныхъ традицій дома Габсбурговъ: внуки Максимиліана I относились къ реформаціи какъ къ политическому вопросу. Сопротивленіе ей не было для нихъ дѣломъ чувства или долгомъ совѣсти; они находили невозможнымъ отказать духовнымъ князьямъ и клиру въ поддержкѣ противъ захватовъ свѣтскихъ имперскихъ и земскихъ чиновъ. Но политическія воззрѣнія

перемѣнчивы; они должны приспособляться къ измѣненію обстоятельствъ; это обнаруживалось и въ колебаніяхъ политики Фердинанда I, Максимиліана II, и даже Рудольфа и Матѳея. Рѣшающимъ для судьбы Австріи явилось единовластіе внутренне-австрійской линіи, въ которой перевѣсъ получила кровь Виттельсбаховъ и темпераментъ эрцгерцогини Маріи. Психологамъ семьи и наслѣдственности мы должны предоставить объясненіе причинъ того факта, что именно въ Баварской фамиліи такъ прочно сохранилась преданность іезуитскому католицизму; во всякомъ случаѣ его вліяніе, длящееся уже четыреста лѣтъ, всегда замѣтно и должно быть принято во вниманіе при истолкованіи исторіи Австріи. Іезуиты были создателями той централистической системы, которая затормозила естественную организацію странъ, соединенныхъ подъ державой Габсбурговъ, въ сильное союзное государство, породила отчужденіе между отдѣльными народностями и поставила ихъ интересы въ противоположность съ интересами государственными. Іезуиты заботились о германизаціи земель чешской короны, а съ другой стороны уничтожали духовную связь, соединявшую съ евангелическими сородичами издревле нѣмецкія альпійскія герцогства, пріобрѣтеніемъ и объединеніемъ которыхъ было создано ядро габсбургскихъ фамильныхъ владѣній. Духовная культура этихъ странъ, достигшая блестящаго расцвѣта въ XIII и XIV вѣкѣ, была этимъ образомъ дѣйствій почти совершенно уничтожена. Литературу заполнили бездарныя плоскія фразы; явилась масса духовныхъ братствъ, принижавшихъ волю, возводившихъ въ добродѣтель рабскую покорность, будившихъ зависть и поощрявшихъ доносы.

Противодѣйствіе тѣмъ нарушеніямъ права, которыя допустилъ по отношенію къ евангелическимъ чинамъ подъ вліяніемъ своихъ баварскихъ родичей и іезуитскихъ совѣтниковъ Фердинандъ II, велось путемъ безплодныхъ преній, которыхъ не поддерживала борьба энергичнымъ дѣломъ; протестантскіе владѣтели нерѣшительно и робко укрылись отъ наемныхъ ландскнехтовъ Австріи за стѣнами своихъ замковъ и оттуда спокойно созерцали обращеніе горожанъ и горцевъ въ католичество. До реституціоннаго эдикта 1629 года имъ еще удавалось удержать за собой хотя право домашняго богослуженія, но затѣмъ пришлось поступиться и этимъ правомъ, чтобы не утратить имперскихъ сословныхъ вольностей. Передъ оскорбленіями римскаго клира, которому репрессаліи фридландскихъ отрядовъ обезпечивали увѣренность въ побѣдѣ, благородныя фамиліи, не желавшія отречься отъ своей религіи, покидали дома, владѣнія и родину, въ надеждѣ дождаться времени, когда Германская имперія и союзныя съ ней державы доставятъ имъ право свободнаго вѣроисповѣданія и возможность возвращенія въ родныя мѣста. Съ безпримѣрнымъ упорствомъ императоръ Фердинандъ III шесть лѣтъ, которыя длились переговоры въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, противился распространенію постановленій религіознаго мира на свои фамильныя владѣнія; за это время онъ упустилъ нѣсколько благопріятныхъ комбинацій, упорно отклоняя всякое вмѣшательство Швеціи въ судьбу австрійскихъ протестантовъ. Такимъ образомъ, хотя по заключеніи мира вся власть Фердинанда въ имперіи свелась къ пользованію титуломъ и внѣшними отличіями императорскаго сана, за то было спасено религіозное единство въ нѣмецкихъ областяхъ австрійскаго дома. Дальнѣйшія попытки евангелическихъ чиновъ, уничтожить или хотя бы умѣрить притѣсненіе своихъ австрійскихъ единовѣрцевъ, не имѣли успѣха, тѣмъ болѣе что не отличались должной настойчивостью.

Имперскій сеймъ и избраніе Леопольда императоромъ могли бы конечно представить случай для энергичнаго давленія, но этимъ случаемъ никто не пытался воспользоваться, такъ какъ отсутствовало серьезное участіе къ судьбѣ австрійскихъ владѣній. Нигдѣ убѣжденіе въ безсиліи

имперіи не было такъ сильно, какъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ императоръ былъ владѣтельнымъ государемъ; давно желанная, горячо вымаливавшаяся имперская помощь, о которой въ рейхстагахъ расточалось столько рѣчей и проливалось такъ много чернилъ, появлялась на границѣ въ очень плачевномъ видѣ и не могла произвести впечатлѣнія на помѣстныхъ владѣльцевъ, постоянно тревожимыхъ и разоряемыхъ турецкими нашествіями. Постепенно въ представленіи народа императорскій титулъ сталъ естественной принадлежностью государя, вовсе не указывавшей на связь съ „римской" имперіей. Только высшее дворянство, стремившееся къ доходнымъ имперскимъ должностямъ или разсчитывавшее еще возвыситься вступленіемъ въ коллегію имперскихъ князей или графовъ, принимало живое участіе въ дѣлахъ имперіи. Представленіе о принадлежности къ имперіи все болѣе утрачивалось, и австрійскій народъ начинаетъ смотрѣть на германскую имперію, какъ на нѣчто чуждое, постороннее. Обособленіе габсбургскихъ фамильныхъ владѣній отъ остальной Германіи такъ неуклонно подготовлялось со времени Вестфальскаго мира, что его государственно-правовое осуществленіе въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіи не представило особыхъ затрудненій, и вся глубина значенія переворота даже не была сознана населеніемъ.

Веденныя сообща турецкія войны не задержали этого процесса отчужденія, потому что нѣмецкіе князья, совѣщавшіеся на сеймахъ съ императоромъ объ оказаніи помощи, были далеки отъ мысли требовать въ видѣ взаимной уступки усиленія связи между имперскими областями, или настаивать на дарованіи рейхстагу большей доли вліянія на внутреннія дѣла габсбургскихъ областей, въ особенности по религіознымъ вопросамъ; напротивъ, цѣною денегъ, войскъ и личной военной службы князья все время стремились пріобрѣсти большую независимость отъ имперіи, большую территоріальную самостоятельность, а слѣдовательно все болѣе ослабляли связь между имперскими областями. Чѣмъ легче удавалось князю самому играть роль суверена, тѣмъ равнодушнѣе было отношеніе къ стремленію императоровъ, всевозможными административными мѣропріятіями, обособить свои фамильныя владѣнія въ независимое отъ имперіи государство. Уже въ разсматриваемую эпоху фактическому положенію дѣлъ соотвѣтствовало объединеніе въ формѣ союзовъ, тогда какъ объединеніе въ имперію существовало только по внѣшности.

Совершенно иначе выражался образъ мыслей народа, который, подъ вліяніемъ распространявшихся въ печати извѣстій о турецкихъ жестокостяхъ въ Семиградіи и Верхней Венгріи, чувствовалъ живѣйшую охоту принять участіе въ рѣшительной борьбѣ съ наслѣдственнымъ врагомъ. Геройская защита Гросвардейна лѣтомъ 1660 года еще усилила участіе къ судьбѣ единовѣрцевъ Венгріи и Семиградіи. Но при Вѣнскомъ дворѣ не обращали вниманія на настроеніе народа и не чувствовали ни малѣйшаго желанія воспользоваться общей готовностью на крестовый походъ, который въ концѣ концовъ могъ повести только къ усиленію протестантизма.

Вѣнское правительство продолжало дипломатическимъ путемъ совѣщаться о военныхъ и оборонительныхъ мѣрахъ, хотя такой способъ дѣйствій былъ сопряженъ съ трудностями всѣхъ родовъ. Архіепископъ Зальцбургскій, въ качествѣ имперскаго главнаго комиссара, шесть мѣсяцевъ дожидался въ Регенсбургѣ съѣзда депутатовъ отъ имперскихъ чиновъ; когда въ январѣ 1663 года явилась наконецъ возможность начать засѣданія рейхстага, то оказалось, что не только приходится считаться съ личными требованіями отдѣльныхъ курфюрстовъ, но еще образовалась особая княжеская оппозиція, которая свое согласіе на помощь имперіи обставляла невыполнимыми условіями. Не безъ содѣйствія Франціи, не упускавшей ни одного случая для тайныхъ интригъ, Вильгельмъ Филиппъ

Пфальцъ-Нейбургскій основалъ съ Брауншвейгомъ, Гессеномъ и Вюртенмбергомъ „союзъ князей“, который былъ направленъ противъ преобладанія курфюршескихъ домовъ и главнымъ образомъ требовалъ участія совѣта князей въ выработкѣ условій избирательнаго договора, которую курфюрсты считали своимъ исключительнымъ правомъ. Вотъ почему оппозиціонная партія обусловливала свое согласіе на помощь противъ турокъ такими измѣненіями въ имперской конституціи, какихъ императоръ даже не имѣлъ права произвести собственной властью.

Когда наконецъ союзъ князей остался въ меньшинствѣ и было рѣшено оказать имперскому правительству на первый разъ пособіе въ размѣрѣ 50 „римскихъ мѣсяцевъ“ (безъ экземцій и считая всѣ десять имперскихъ городовъ, по смѣтѣ 6.400,000 гульденовъ, на самомъ дѣлѣ не больше половины этой суммы), тогда возникъ вопросъ, какимъ способомъ собрать эти деньги. Тогда имперскіе города, давно тяготившіеся непомѣрнымъ обложеніемъ, потребовали точной провѣрки имперскихъ матрикулярныхъ списковъ: члены рейнскаго союза, подъ вліяніемъ Франціи, вовсе не соглашались на уплату наличныхъ денегъ, а предлагали вернуться къ старой формѣ поставки вспомогательныхъ войскъ. При этомъ Франція руководствовалась вполнѣ вѣрнымъ соображеніемъ, что разъ собранныя наличныя деньги навсегда останутся въ безусловномъ распоряженіи министра, тогда какъ участіе войскъ въ проектируемыхъ походахъ можно во всякое время обставить новыми условіями, а наконецъ и совсѣмъ отозвать войска назадъ подъ любымъ предлогомъ. За дебатами о спѣшной помощи послѣдовало разсмотрѣніе проекта объ обезпеченіи на будущее время неприкосновенности имперіи, внесеннаго брауншвейгскими дворами; этимъ вопросомъ рейхстагъ занимался до своей блаженной кончины; былъ высказанъ цѣлый рядъ самыхъ благихъ намѣреній, но всѣ пренія не повели ни къ какимъ практическимъ результатамъ; нельзя было ввести сколько нибудь годнаго военнаго уложенія, такъ какъ не было средствъ принудить имперскихъ чиновъ къ выполненію возлагавшихся на нихъ обязанностей.

Г. **Турецкія войны.**

Въ теченіе лѣта 1663 года обнаружилось намѣреніе турокъ воспользоваться партійными раздорами въ Семиградьи, вызванными происками рода Ракочи, для крупной военной экспедиціи, которая должна была рѣшительнымъ ударомъ, направленнымъ противъ австрійскихъ владѣній, упрочить турецкое господство на среднемъ Дунаѣ. Великій визирь Ахмедъ Кеприли, двинулъ къ берегамъ Ваага 120,000 человѣкъ и повидимому готовился направиться прямымъ путемъ на Вѣну. По счастью для австрійской столицы ограниченность военныхъ дарованій визиря не уступала его самонадѣянности; вмѣсто того, чтобы безостановочно двигаться по избранному направленію, онъ занялся осадой крѣпости Нейгейзеля; геройская защита Адама Форгаха задержала его здѣсь до 27 сентября 1663 года; когда наконецъ крѣпость сдалась на капитуляцію, визирь отошелъ къ Грану и распустилъ войска на зимнія квартиры.

Имперскій полководецъ графъ Раймундъ Монтекукколи, одинъ изъ лучшихъ военныхъ теоретиковъ своего времени (см. выше, стр. 475), притомъ хитрый и осторожный стратегъ, такъ искусно маневрировалъ со своими незначительными военными силами, что великій визирь составилъ о нихъ преувеличенное представленіе и не рѣшился аттаковать позицію имперцевъ при Альтенбургѣ; что касается Венгріи, то ея участіе въ защитѣ собственной территоріи было весьма незначительно; численность ополченія, выставленнаго дворянствомъ и комитатами, не превышала 11.000 человѣкъ, которые годились только для развѣдочныхъ и партизанскихъ дѣйствій и не могли выдержать серьезнаго сраженія. Военныя дѣйствія имперскаго главноко-

мандующаго не только не находили достаточной поддержки, но еще затруднялись произвольными пріостановками подкрѣпленій и провіанта. Городъ Пресбургъ отказался впустить Монтекукколи, и только тогда принялъ имперскій гарнизонъ, когда непріятель появился у самыхъ городскихъ стѣнъ. Земскій сеймъ не разрѣшалъ имперской арміи вступить на венгерскую территорію, пока не было собрано ополченіе, закрылъ для нея сухопутное сообщеніе и принудилъ доставлять изъ Вѣны подкрѣпленія къ угрожаемымъ пунктамъ по Дунаю.

Ожидая, что Ахмедъ Кеприли несомнѣнно возобновитъ на слѣдующій годъ свое нападеніе, императоръ чрезвычайно тревожился; въ декабрѣ 1663 года онъ лично явился въ Регенсбургъ, чтобы обезпечить себѣ энергичную поддержку со стороны имперскихъ чиновъ. Онъ нашелъ тамъ ревностнаго ходатая въ лицѣ курфюрста бранденбургскаго, который предоставилъ въ распоряженіе императора ту часть своихъ войскъ, безъ которой могъ обойтись въ виду необходимости вооруженій противъ Швеціи и Польши; 10 ротъ кавалеріи и 1000 пѣхотинцевъ вступили въ Моравію, чтобы императоръ могъ вывести оттуда въ Венгрію свои войска, находившіяся тамъ для охраны страны. Баварія тоже выставила 1000 пѣхотинцевъ и 150 всадниковъ, Саксонія 1200, Майнцъ 900 пѣхотинцевъ; рейнскій союзъ снарядилъ собственный отрядъ въ 7200 человѣкъ подъ начальствомъ графа Вольфа Юлія Гогенлоэ, которому впрочемъ было предписано не вмѣшиваться въ военныя дѣйствія пока императоръ не дастъ своего согласія на присоединеніе отряда французскихъ войскъ. На рейхстагѣ Бранденбургъ предложилъ выставить имперское войско въ 60,000 человѣкъ. Однако другіе имперскіе чины не хотѣли обязываться опредѣленными размѣрами арміи, которую пришлось бы снарядить и содержать на общій счетъ; было рѣшено собрать тройной взносъ по максимиліановскимъ или вормсскимъ матрикулярнымъ спискамъ; эта сумма могла бы дать приблизительно желаемый контингентъ арміи, если бы на практикѣ не существовало разнообразныхъ экземцій (льготъ и исключеній), и обязательные взносы поступали бы хотя съ приблизительной аккуратностью. Такимъ образомъ къ началу лѣта 1664 года въ походъ выступили: имперскій фельдмаршалъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ кавалеріи, фельдцейхмейстеръ и генералъ инфантеріи, а съ ними два генералъ-вахтмейстера и два директора имперскаго военнаго совѣта; но подъ командой всего этого начальства было всего на всего семь кавалерійскихъ и восемь пѣхотныхъ полковъ, то есть 9—10 тысячъ человѣкъ,

Отрядъ рейнскаго союза еще зимою 1663-64 года дошелъ до Дравы и предпринялъ безполезное движеніе противъ Эссека, кончившееся съ крупнымъ урономъ. Императоръ само-собою не могъ долѣе отказывать въ присоединеніи нежелательныхъ ему французскихъ подкрѣпленій; въ виду наступленія многочисленныхъ полчищъ непріятеля приходилось пользоваться всякой представлявшейся помощью. Монтекукколи находилъ желательнымъ собрать на Дунаѣ главную армію въ 50,000 человѣкъ при 124 орудіяхъ. Но военный совѣтъ въ Регенсбургѣ потребовалъ составленія трехъ армій; одной подъ начальствомъ Луи Ратвиха графа де Сушъ для Верхней Венгріи и Семиградья, другой на Дравѣ, подъ командой Строцци и Николая Црини для завоеванія Каницы и третьей, съ Монтекукколи, на Дунаѣ и Платтенскомъ озерѣ безъ опредѣленной задачи. Турки были вовлечены въ оборону Каницы и отдалились благодаря этому отъ своей естественной линіи наступленія. Монтекукколи во время успѣлъ соединить на Раабѣ свою армію съ войсками рейнскаго союза и французами; 1 августа 1664 года онъ далъ сраженіе при Санктъ Готардѣ, которое кончилось отступленіемъ турокъ, потерявшихъ до 14,000 человѣкъ отборнаго войска: побѣду, слѣдовательно, можно было считать значительной. Великій визирь былъ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго нападенія, такъ какъ состояніе его арміи казалось ему не внушающимъ особаго довѣрія. Между тѣмъ и Мон-

текукколи собралъ при Альтенбургѣ 40,000 человѣкъ и 60 орудій, и могъ бы съ этими силами перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, если бы имперскія войска и французы находились у него въ безусловномъ подчиненіи. Но этого нельзя было добиться; время тратилось больше на военные совѣты, чѣмъ на войну, и достигнутыми преимуществами не умѣли пользоваться.

Не мало способствовала этому неувѣренность и сбивчивость политики Габсбурговъ. Чтобы побѣдоносно закончить войну съ турками и упрочить обладаніе Венгріей, слѣдовало бы до поры до времени предоставить собственной участи испанскія и французскія дѣла и, путемъ уступокъ по вопросу о Силезіи, привлечь на свою сторону Бранденбургъ, наиболѣе сильное въ военномъ отношеніи государство Германіи. Восточную Венгрію и Семиградье можно было бы примирить дарованіемъ настоящей религіозной свободы; города и мелкое помѣстное дворянство не прочь были бы признать королевскую власть Габсбурговъ, если бы тѣ обезпечили имъ защиту отъ притѣсненій крупныхъ магнатовъ и духовныхъ князей. Но Вѣнскій дворъ не могъ пойти на столь энергичныя мѣры и предпочелъ заключить 10 августа 1664 г. въ Васварѣ (Эйзенбургъ) безславный миръ съ Турціей, или вѣрнѣе, перемиріе на болѣе продолжительный срокъ. Этотъ миръ не удовлетворилъ ни имперіи, ни Венгріи. Черезъ немного лѣтъ послѣ заключенія мирнаго договора вспыхнуло возстаніе фамилій Црини, Надасди, Франгипани и Таттенбаха, стремившихся къ отдѣленію Венгріи отъ Габсбурговъ. Возстаніе могло представить величайшую опасность, если бы Людовикъ XIV не былъ какъ разъ въ это время занятъ приготовленіями къ войнѣ съ Голландіей. Заговоръ былъ открытъ, вожди его преданы смертной казни; но недовольство въ Венгріи отъ этого только усилилось; Турція имѣла всѣ данныя разсчитывать, какъ до сихъ поръ, на поддержку магнатовъ. Отъ нея зависѣло избрать подходящій моментъ для возобновленія войны.

5. Балтійскія державы.

A. **Великій курфюрстъ.**

Съ тѣхъ поръ уложеніе римской имперіи германской націи стало „нелѣпостью“ и нѣмецкое государство было признано ненормальнымъ, дальнѣйшее развитіе государственности должно было выпасть на долю княжествъ, потому что коренныя основанія дѣлали невозможной реформу имперіи, несмотря на постоянное стремленіе и многократныя попытки провести такую реформу. Отъ хода этого развитія зависѣла политическая судьба нѣмецкаго народа, которая только въ томъ случаѣ могла бы сложиться благопріятно, если бы могла возникнуть единая германская государственная организація, которая сгруппировала бы подъ своей властью значительную часть націи и сумѣла бы воспользоваться дремлющими въ ней силами для созданія самостоятельной могучей державы. Составленію жизнеспособнаго союза препятствовали династическіе интересы, которые къ тому же находили поддержку въ религіозныхъ несогласіяхъ и соотвѣтствовали партикуляристическимъ наклонностямъ населенія. Нельзя было ожидать, чтобы отдѣльныя государства, существованіе которыхъ было еще крайне шатко и необезпечено, добровольно отказались отъ верховныхъ правъ своихъ въ пользу центральной власти: для объединенія національныхъ силъ необходима была нѣмецкая великая держава, которая была бы въ состояніи побѣдить противодѣйствія, препятствовавшія ходу политическаго объединенія. Интересы австрійскаго дома не совпадали съ интересами нѣмецкаго народа; владѣнія Австріи большей частью находились за предѣлами Германіи; Австрія разсчитывала на императорскую корону для

усиленія своего вліянія; для охраны своихъ владѣній и для увеличенія ихъ при удобномъ случаѣ она нуждалась въ нѣмецкихъ войскахъ. Для того, чтобы основать нѣмецкое государство, у нея не было ни призванія, ни умѣнья.

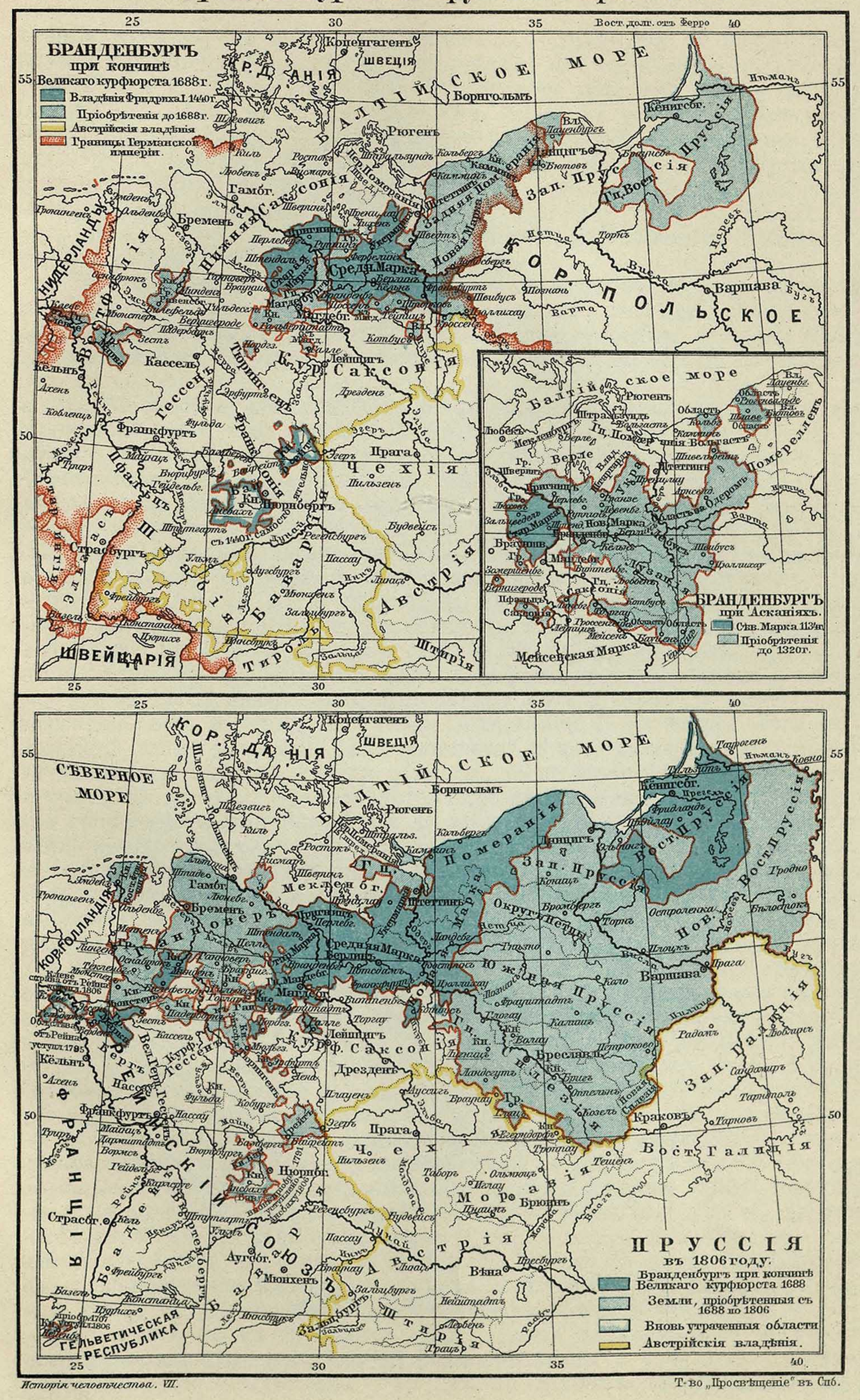
Впрочемъ созданіе нѣмецкой великой державы не принадлежало къ числу задачъ семнадцатаго столѣтія; даже самый смѣлый политическій мыслитель той эпохи не могъ бы представить себѣ, какимъ образомъ одна изъ территорій имперіи, споривших между собой изъ за права участвовать въ избраніи императора, преобразуется въ государство, которое нѣкогда окажется въ состояніи помѣряться силой съ великими міровыми державами. И однако еще въ теченіе этого столѣтія состоялось основаніе этого государства, событіе, котораго современники не умѣли оцѣнить по достоинству. Отъ Вестфальскаго мира до Французской революціи въ исторіи Западной Европы нѣтъ событія болѣе важнаго, чѣмъ образованіе той нѣмецкой монархіи (см. приложенную карту, на которой представлено постепенное развитіе Прусскаго королевства), которая могла оказаться способной съ юношеской силой принять освобожденное отъ балласта международныхъ фамильныхъ интересовъ наслѣдіе германскаго королевства и снова возстановить его вліяніе среди семьи европейскихъ народовъ и государствъ.

Основаніе этой монархіи, Пруссіи, было дѣломъ Фридриха Вильгельма, курфюрста Бранденбургскаго (1640—1688 г.), который вступилъ въ управленіе марками по Эльбѣ, Гавелю и Шпрее въ такое время, когда экономическое и политическое значеніе всей этой области пришло въ такой упадокъ, въ какомъ страна не была даже въ то время, когда ее пріобрѣли Цоллерны. Въ послѣдній періодъ войны страна тяжко пострадала. Шведскіе и имперскіе полковники распоряжались въ ней какъ господа, между тѣмъ какъ курфюрстъ Георгъ Вильгельмъ удалился въ свое герцогство Пруссію, лежавшую внѣ предѣловъ Германской имперіи, и тамъ, въ Кенигсбергѣ, безъ помѣхъ отдавался своимъ излюбленнымъ удовольствіямъ. По смерти послѣдняго герцога Померанскаго, ставъ въ силу договоровъ о престолонаслѣдіи его преемникомъ, Георгъ Вильгельмъ всецѣло передался на сторону императора, послѣ того какъ Швеція, давно уже завладѣвшая Помераніей, отнеслась къ наслѣднымъ притязаніямъ Бранденбурга съ полнымъ пренебреженіемъ. Курфюршескими областями управлялъ католикъ, графъ Іоаннъ Шварценбергъ, и поставленные императоромъ гарнизоны отнимали у населенія послѣдніе остатки его жалкаго достоянія.

Фридрихъ Вильгельмъ обладалъ выдающимися дарованіями, которыя получили блестящее развитіе въ теченіе четырехъ лѣтъ его пребыванія въ Голландіи, гдѣ на него вліяло общество его оранскихъ родственниковъ. Онъ сразу понялъ весь вредъ неподходившаго къ даннымъ условіямъ союза съ императоромъ, и постарался создать себѣ нейтральное положеніе, которое позволило бы ему преслѣдовать собственныя политическія и государственныя цѣли, не ограничивая ихъ устарѣвшими обязательствами. Уже первые шаги его въ этомъ направленіи обнаружили всю ясность его политическихъ воззрѣній и всю твердость его воли. Чины герцогства Пруссіи, какъ и всѣ феодальные владѣтели, находили для себя выгоднымъ по возможности ослабить могущество своего леннаго главы. Они сблизились съ Польшей, чтобы сдѣлать зависимымъ и безопаснымъ для себя положеніе Гогенцоллерна, который въ качествѣ герцога Прусскаго былъ леннымъ вассаломъ польскаго короля. Фридрихъ Вильгельмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступилъ противъ этого союза единомышленниковъ, враговъ государственнаго порядка. Въ 1641 году онъ въ Варшавѣ получилъ ленъ на не слишкомъ обременительныхъ условіяхъ и въ отношеніяхъ къ дворянству своего герцогства получилъ возможность явиться государемъ благосклоннымъ, но сознающимъ свои права и рѣшившимся пользоваться ими.

Послѣ того какъ дѣла въ Пруссіи были окончательно улажены и по-

Бранденбургъ и Прусское королевство.



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

люченіе доходовъ съ герцогства обезпечено, курфюрстъ озаботился дѣлами марокъ и рейнскихъ владѣній, доставшихся ему по наслѣдству отъ герцоговъ Юлиха и Клеве. Перемиріе, заключенное Швеціей, отдало въ распоряженіе его почти всѣ бранденбургскіе города и крѣпости; договоръ съ Генеральными штатами внесъ хотя нѣкоторый порядокъ въ запутанныя финансовыя дѣла, которыя были у Бранденбурга со штатами. Предшественникъ курфюрста велъ эти дѣла такъ неумѣло, что накопленіе процентовъ и сложныхъ процентовъ за сдѣланный въ 1614 году заемъ въ 100,000 талеровъ повело уже къ закладу всѣхъ клевскихъ казенныхъ имѣній и къ наложенію взысканія на кассы герцогства.

На мирномъ конгрессѣ въ Оснабрюкѣ бранденбургскій посланникъ выразилъ притязаніе на всѣ верховныя права, которыя можно было вывести изъ курфюршескихъ полномочій, и самымъ энергичнымъ образомъ воспротивился планамъ шведовъ и имперцевъ, которые смотрѣли на Померанію, какъ на область, очень подходящую для удовлетворенія шведскихъ претензій. Молодой курфюрстъ былъ искреннимъ сторонникомъ реформатскаго вѣроисповѣданія и не считалъ совмѣстнымъ со своими убѣжденіями прислуживаться къ католическимъ князьямъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе всегда руководствовались правиломъ, по которому было вполнѣ позволительно „не держать слова, даннаго еретику". Такъ какъ по этимъ причинамъ курфюрстъ не могъ примкнуть ни къ шведской партіи, ни къ имперской или къ французской, то онъ попытался найти поддержку въ Генеральныхъ штатахъ, гдѣ въ то время у власти находился еще Оранскій домъ. Европейская дипломатія долго обсуждала проектъ брака курфюрста съ Христиной, наслѣдницей Швеціи, но наконецъ, 7 декабря 1646 года, состоялась свадьба его съ Луизой, дочерью принца Фридриха Генриха, причемъ за курфюрстомъ была обезпечена часть Помераніи и юлихъ-клевскія области.

Когда послѣ смерти наслѣдственнаго штатгальтера (14 марта 1647 г.) и безвременной кончины его сына Вильгельма II (6 ноября 1650 г.) въ Голландіи стали у власти „высокомощные" и несогласія между Испаніей и Генеральными штатами начали затихать, тогда Франція выразила желаніе вступить въ союзъ съ Бранденбургомъ; но курфюрстъ не хотѣлъ связывать себя сближеніемъ съ иностранной державой и дѣятельно хлопоталъ о соглашеніи между евангелическими имперскими чинами и объединеніи ихъ въ „третью" партію; эта идея нашла еще единомышленника въ лицѣ майнцскаго курфюрста Іоганна Филиппа фонъ Шендорна, питавшаго патріотическія убѣжденія. Своекорыстное поведеніе Саксоніи, которое уже столько разъ мѣшало разрѣшенію германскихъ конфесіонныхъ несогласій, явилось и на этотъ разъ помѣхой предпріятію, во всѣхъ отношеніяхъ достойному и согласованному съ требованіями времени. И на этотъ разъ такое поведеніе повело кромѣ того къ утратѣ нѣмецкой области. По мирному договору не только вся Передняя Померанія съ Штеттиномъ отошла къ Швеціи; и отъ Задней Помераніи послѣ продолжительныхъ переговоровъ была отрѣзана береговая полоса въ милю шириной, такъ что Кольбергъ остался единственной пригодной гаванью во владѣніяхъ Бранденбурга. Въ возмѣщеніе за утрату Передней Помераніи Бранденбургъ получилъ епископства Гальберштадтъ, Минденъ и Камминъ и правонаслѣдіе на архіепископство Магдебургъ по кончинѣ тамошняго администратора, герцога Августа Саксонскаго (ум. 4 іюня 1680 г.). Изъ за Клеве пришлось еще вступить въ войну съ Пфальцъ-Нейбургомъ (1651); чины этой области отказывались отъ всякихъ повинностей и грозили, что охотнѣй подчинятся Голландіи, чѣмъ Бранденбургу; только своевременнымъ арестомъ вождя этой партіи, Вилиха фонъ Виненталя, удалось предотвратить открытое возмущеніе.

Въ распоряженіи курфюрста, для созданія политическаго могущества своей державы, находился цѣлый рядъ прекрасныхъ владѣній отъ Мемеля и до Рейна. Но между ними отсутствовала всякая внутренняя связь

и всякое сознаніе государственной общности; не было даже возможности разсчитывать на личную привязанность своевольнаго помѣстнаго дворянства къ своему ленному господину. Прусское дворянство относилось къ имперскимъ дѣламъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; оно домогалось вольностей и привилегій, какими обладали польскіе магнаты; чины Марокъ за всякую денежную помощь требовали дарованія новыхъ правъ надъ своими подданными и крѣпостными; въ Клеве опирались на договоры, заключенные съ вымершимъ княжескимъ домомъ, и смотрѣли на новаго бранденбургскаго государя, какъ на нежелательнаго пришельца, отъ котораго слѣдовало бы какъ можно скорѣе отдѣлаться. Никто не сознавалъ, сколько могло бы значить для національности и евангелическаго исповѣданія объединеніе гогенцоллернскихъ владѣній подъ державой энергичнаго и сильнаго государя.

Фридрихъ Вильгельмъ создалъ бюрократію, которая на долгое время осталась исключительнымъ воплощеніемъ государственнаго единства; онъ привелъ въ порядокъ разстроенные финансы, освободилъ государственныя имущества отъ отягчавшихъ ихъ закладныхъ, старался раздавать казенныя имѣнія въ аренду и положилъ предѣлъ расточительному обращенію съ доходами; на мѣсто натуральнаго хозяйства онъ старался, гдѣ только возможно, ввести денежное и обезпечилъ себѣ такіе доходы, при помощи которыхъ оказался въ состояніи освободить содержаніе своего двора отъ постыдной задолженности и оплатить контингентъ постояннаго войска, достаточный по крайней мѣрѣ для того, чтобы дать отпоръ какому нибудь нечаянному нападенію одного изъ завистливыхъ сосѣдей. Графъ Георгъ Фридрихъ фонъ Вальдекъ (см. выше, стр. 485), которому было поручено главное командованіе бранденбургскими военными силами, вѣрно и мудро помогалъ курфюрсту какъ во всѣхъ дипломатическихъ осложненіяхъ, такъ и во всѣхъ тѣхъ гигантскихъ трудахъ, которые должны были создать внутреннюю реформу. Онъ былъ, можетъ быть, первымъ въ Германіи, кто предчувствовалъ что изъ фамильнаго государства Гогенцоллерновъ можетъ развиться великая евангелически-нѣмецкая держава.

Б. Шведская политика преобладанія.

Въ разсматриваемое время, между тѣмъ, Швеція успѣла занять на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ такое положеніе, которое вполнѣ позволяло ей достичь преобладанія и устранить всякое соперничество со стороны своихъ германскихъ сосѣдей. Обладаніе герцогствами Бременомъ и Верденомъ при устьѣ Везера и побережьями Помераніи и Рюгена, съ ихъ прекрасными гаванями, должно было бы послужить для націи, опытной въ судоходствѣ и торговлѣ, вмѣстѣ и поводомъ и средствомъ къ тому, чтобы завладѣть всѣмъ торговымъ транспортомъ Балтійскаго моря и международной торговлей между Англіей и Голландіей съ одной стороны, Сѣверной Германіей — съ другой. Только съ такой точки зрѣнія можно было бы считать цѣнными и многообѣщающими тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣлала Швеція по Вестфальскому миру. Но шведскій народъ не обладаетъ призваніемъ къ торговлѣ или судоходству въ широкихъ размѣрахъ, это крестьянскій народъ, привязанный къ своему клочку земли, который природа не обдѣлила ни красотой, ни плодородіемъ; выше всего этотъ народъ цѣнитъ свободную и скромно-зажиточную осѣдлость. Отсутствуетъ и избытокъ населенія, который вынуждалъ бы къ разселенію или къ избранію профессій, заставляющихъ покидать родину.

Безъ сомнѣнія военныя времена, тянувшіяся двадцать лѣтъ, глубоко потрясли весь общественный строй шведскаго государства; но это потрясеніе не повело къ измѣненію характера дѣятельности населенія. Не явилось стремленія ни къ промышленнымъ предпріятіямъ, ни къ составленію торговыхъ обществъ; послѣдствіями войны было только нарушеніе добрыхъ

отношеній между крупными и мелкими землевладѣльцами, упадокъ правовъ и ослабленіе королевской власти. Дворянство обогатилось въ теченіе войны, потому что представители его, служа въ арміи, не упускали случая, въ качествѣ командировъ войска или начальниковъ крѣпостей, вступать въ выгодныя сдѣлки съ другомъ и недругомъ; далѣе ими были пріобрѣтены коронныя имѣнія, такъ какъ правительство вынуждено было уступить ихъ взамѣнъ уплаты по безконечнымъ счетамъ издержекъ на жалованье и продовольствіе войскъ; а въ составленіи такихъ счетовъ полковые писаря и фурьеры семнадцатаго столѣтія пріобрѣли поразительное искусство. Отставные полковники, ротмистры и капитаны пировали въ своихъ померанскихъ помѣстьяхъ или, возвратившись на родину, тратили со своими пріятелями нажитую добычу въ разгульныхъ кутежахъ и попойкахъ, вспоминая о евангелическомъ благочестіи и воздержаніи, которое умѣлъ когда то поддерживать среди своихъ воиновъ король Густавъ Адольфъ, не иначе какъ съ подходящей къ случаю насмѣшкой.

Все, что Швеція добыла въ войнѣ съ Германіей, было расхищено и растрачено; добыча не способствовала увеличенію общаго благосостоянія и государственнаго богатства сѣвернаго королевства. Мудрость и опытность его дипломатовъ, доблесть его офицеровъ и превосходныхъ солдатъ не могла дать экономическому строю стимула къ дальнѣйшему развитію, не могла поставить новыхъ задачъ стремленіямъ шведскихъ дѣятелей. Королева Христина (1633—54 г., ум. въ 1689 г.) менѣе всего была способна къ благотворной иниціативѣ въ этомъ направленіи. Для нея корона казалась тяжелымъ бременемъ, практическая дѣятельность ее отталкивала. Ея прихотливость и добродушіе самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражались на государственной казнѣ и постоянный отливъ денегъ могъ пополняться только все новыми отчужденіями имуществъ короны. Раздача коронныхъ имѣній нанесла тяжелый ударъ свободѣ шведскихъ крестьянъ: вмѣстѣ съ землями, обрабатывавшимися ими, они перешли во владѣніе дворянскихъ фамилій, капиталы которыхъ поступили въ королевскую казну.

Вся страна была охвачена тревожнымъ движеніемъ. Мелкіе землевладѣльцы изъ дворянъ и духовенства вмѣстѣ съ свободными крестьянами выступили противъ крупныхъ дворянскихъ родовъ и епископовъ, которые захватили въ свои руки всю территорію и намѣревались использовать ее трудами своихъ крѣпостныхъ. Въ одномъ воззваніи къ народу средней Швеціи, изданномъ въ 1649 году, высказываются жалобы на то, что у дочери Густава Адольфа скоро останется отъ короны и королевства одинъ только титулъ. „Съ раздачей леновъ совершаются крупные подлоги, потому что ихъ раздаютъ не по заслугамъ; низшіе чиновники распредѣляютъ ихъ за деньги и подарки; они же заставляютъ бѣдныхъ вдовъ платить себѣ за правосудіе масломъ и телятами. Налоги такъ возрасли, что стали невыносимыми; поголовная подать взимается съ бѣдныхъ и богатыхъ въ самыхъ несправедливыхъ размѣрахъ. Жалобы простого народа на сеймахъ не выслушиваются; писцами ему назначены крючкотворы, искажающіе его жалобы, тогда какъ по стариннымъ постановленіямъ сеймовъ крестьяне сами имѣютъ право избирать писцовъ, которые должны доводить ихъ жалобы до свѣдѣнія властей“. На сеймѣ 1650 года было заявлено, что области, добытыя самыми тяжелыми жертвами народа, служатъ на пользу не государству, а только отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, а корона и королевство только вводятся въ убытокъ и ослабляются незаконными раздачами. Королева вполнѣ сознавала правоту угнетенныхъ классовъ; она видѣла упадокъ государства; но характеръ ея не позволялъ ей вступить въ борьбу съ высшимъ дворянствомъ, которому сама она позволила такъ чрезмѣрно усилиться. Но даже ея рѣшеніе отречься отъ власти и передать престолъ своему двоюродному брату Карлу Густаву Пфальцъ-Цвейбрюкенскому, который тщетно домогался ея руки, не вызвало существеннаго поворота въ положеніи дѣлъ.

Карлъ X Густавъ (1654—1660 г.) былъ даровитымъ воиномъ; онъ былъ знакомъ и съ побудительными мотивами, направлявшими политику европейскихъ державъ, и былъ готовъ посвятить государственному благу всѣ свои знанія и способности. Но именно въ этотъ моментъ Швеція какъ разъ не нуждалась въ томъ, что могъ предложить ей новый король. Гораздо болѣе, чѣмъ въ новыхъ завоеваніяхъ и воинскихъ успѣхахъ, страна испытывала потребность въ возстановленіи соціальнаго равновѣсія и въ покровительствѣ промышленной дѣятельности третьяго сословія. Между тѣмъ Карлъ надѣялся увеличить силу короны новыми земельными пріобрѣтеніями и доходами. Онъ обратилъ вниманіе на ту часть берега Балтійскаго моря, которая находилась подъ верховенствомъ Польши и благодаря широко развитымъ торговымъ сношеніямъ являлась многобѣщающимъ полемъ для сбора тѣхъ „лицентовъ“ (корабельныхъ сборовъ и ввозныхъ пошлинъ), которые оказались въ такой степени прибыльными уже въ Помераніи.

B, **Варшава и Фербеллинъ.**

Воинственные замыслы Карла X Густава дали курфюрсту Бранденбургскому, герцогу Прусскому, случай занять рѣшающее политическое положеніе. Перевѣсъ долженъ былъ оказаться на той сторонѣ, къ которой примкнулъ бы Фридрихъ Вильгельмъ. Для Швеціи былъ бы совершенно невозможенъ походъ на Польшу, если бы шведскимъ войскамъ грозила возможность нападенія съ фланга, изъ Маркскихъ областей, и опасность потери линіи отступленія, Швеція должна была добиться отъ Фридриха Вильгельма по крайней мѣрѣ нейтралитета, если не союза, и предложить ему за это соотвѣтственное вознагражденіе. Съ другой стороны слѣдовало ожидать, что Польша, стѣсненная воинственнымъ врагомъ, постарается привлечь сосѣда на свою сторону и сдѣлать ему извѣстныя политическія уступки. Поэтому являлось наиболѣе выгоднымъ въ началѣ несогласій принять сторону шведовъ, чтобы такимъ образомъ запугать своего польскаго сюзерена, а затѣмъ пойти на сближеніе съ нимъ и получить желательныя уступки. Фридрихъ Вильгельмъ сумѣлъ сразу вѣрно понять это положеніе дѣлъ; вопросъ былъ для него въ такой степени яснымъ, что не могло оставаться никакого сомнѣнія въ выборѣ образа дѣйствій; такова была его личность. Исторія видѣла довольно примѣровъ такихъ правителей, которымъ логическая способность измѣняла именно въ подобныхъ наиболѣе простыхъ умозаключеніяхъ. Въ этомъ случаѣ оказалось особенно выгоднымъ для Бранденбурга-Пруссіи и то обстоятельство, что онъ ни съ какой стороны не былъ связанъ союзами и въ частности сохранилъ полную независимость отъ имперской политики; если бы руководство судьбою страны все еще принадлежало Георгу Вильгельму или какому нибудь Шварценбергу, то шведско-польская война принесла бы германскому сѣверу только вредъ, а ни въ коемъ случаѣ не освобожденіе отъ недостойной и стѣснительной зависимости.

При началѣ шведско-польской войны успѣхи курфюрста были еще очень незначительны, почти незамѣтны для современниковъ. Въ ноябрѣ 1655 г. шведскія войска заняли большую часть герцогства Пруссіи, не встрѣтивъ со стороны курфюрста сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. По Кенигсбергскому договору (17 января 1656 г.) Карлъ X Густавъ обязался очистить территорію герцогства и бранденбургскій курфюрстъ получилъ Пруссію въ ленъ отъ Швеціи. Польша отказалась отъ защиты своей ленной области, а потому утратила и права на нее; побѣдитель занялъ мѣсто побѣжденнаго. Но вскорѣ положеніе дѣлъ на театрѣ войны измѣнилось. Карлъ Густавъ, проникшій въ глубь завоеванныхъ польскихъ областей, подвергался значительнымъ опасностямъ; онъ болѣе чѣмъ когда либо зависѣлъ отъ поддержки своего новаго ленника, который былъ

обязанъ выставить, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ, всего только 1000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ. При заключеніи новаго договора въ Маріенбургѣ, 25 іюля 1656 г., яснѣе были выражены и сопоставлены планы и стремленія обѣихъ сторонъ. Курфюрстъ обѣщалъ немедленно же двинуть на помощь королю всѣ свои военныя силы, а король въ награду уступилъ въ полное суверенное владѣніе Бранденбурга палатинаты Познань, Калишъ, Сѣрадзь и Ленчицу. Теперь насталъ часъ, когда должно было обнаружиться все достоинство бранденбургской арміи, до сихъ поръ още не имѣвшей случая серьезно испытать своихъ силъ. Въ трехдневномъ сраженіи при Варшавѣ (28—30 іюля 1656), 9000-ная бранденбургская и 9000-ная шведская армія разбили 80—90,000 поляковъ, литовцевъ и татаръ, отбросили совершенно разстроеннаго противника за Вислу и овладѣли королевской столицей.

Сраженіе при Варшавѣ доказало, что военная сила и боевая подготовка Бранденбурга уже выдерживаетъ сравненіе со шведской арміей. Каждая изъ обѣихъ равно сильныхъ частей войска съ одинаковымъ успѣхомъ выполнила свою важную и трудную задачу; въ послѣдній день сраженія, наступленіе бранденбургскихъ пѣхотныхъ бригадъ подъ начальствомъ фельдцейхмейстера Отто Христофа фонъ Шпарро было выполнено съ такой могучей силой, аттака кавалеріи подъ личной командой курфюрста была такъ успѣшна, что Карлъ Густавъ ревниво велѣлъ пріостановить преслѣдованіе, чтобы его союзники не успѣли собрать слишкомъ много трофеевъ. Оффиціальные шведскіе отчеты съ крайнимъ усердіемъ умаляли долю участія Фридриха Вильгельма въ удачномъ исходѣ сраженія, а курфюрстъ былъ настолько скроменъ, что воздержался отъ опроверженія этихъ отчетовъ; но очевидцы сраженія распространили болѣе правдивыя свѣдѣнія о дѣлѣ, и міръ былъ изумленъ быстротой, съ какою нѣмецкое курфюршество, до сихъ поръ находившееся почти въ пренебреженіи, успѣло создать себѣ блестящую армію. Возникновеніе этой арміи неразрывно связано съ исторіей основанія прусскаго государства; это войско, собственное созданіе своего государя, уже не пополнялось рыцарскими, феодальными подкрѣпленіями, а было только коронным войскомъ, не ополченіемъ, но все-таки національной боевой силой, въ которой обнаружилась блестящая пригодность сѣверо-германскаго народа для военныхъ дѣйствій дисциплинированными и обученными частями войскъ.

Фридрихъ Вильгельмъ показалъ, сколько онъ можетъ сдѣлать, если пуститъ въ ходъ всѣ свои силы; но у него не было никакого основанія предоставлять эти силы на болѣе продолжительное время въ распоряженіе шведовъ. Для защиты своего герцогства отъ русскаго вторженія и нападенія литовско-польскаго войска, курфюрстъ былъ вынужденъ отступить въ предѣлы собственной территоріи. Въ это время поляки одержали верхъ надъ шведами и король Янъ Казиміръ 15 ноября 1656 года вступилъ въ Данцигъ съ 12,000-ной арміей. Курфюрстъ получилъ предложенія отъ обѣихъ сторонъ; онъ принялъ то, которое давало ему освобожденіе Пруссіи отъ ленной зависимости: пріобрѣтеніе, не увеличивавшее его матеріальнаго достоянія, но крайне важное для его положенія въ политическомъ мірѣ. По договору, заключенному въ Лабіау (20 ноября 1656 года), Карлъ Густавъ призналъ своего союзника суверенным герцогомъ Пруссіи, съ единственнымъ ограниченіемъ, по которому тотъ не имѣлъ права держать военный флотъ.

Вскорѣ послѣдовалъ разрывъ со Швеціей, когда Карлъ X Густавъ устремилъ всѣ свои силы на войну съ Даніей и до поры до времени отказался отъ своихъ польскихъ предпріятій; при посредствѣ Голландіи состоялось примиреніе курфюрста съ Польшей. За этотъ миръ Польша признала независимость Пруссіи, послѣ того какъ по договору въ Велау (29 сентября 1657 г.) было расторгнуто старинное условіе о ленномъ подчиненіи.

существовавшее со временъ злополучнаго боя при Танненбергѣ (см. стр. 50 и 181).

Предстояло еще сломить упорство прусскихъ чиновъ и кенигсбергскаго патриціата, который въ своемъ кружкѣ, такъ называемомъ „Kneiphof", пользовался почти неограниченною властью надъ городомъ Но Христіанъ Людвигъ фонъ Калькштейнъ и Гіеронимъ Ротъ, подъ предводительствомъ которыхъ оппозиція курфюрсту приняла характеръ настоящаго мятежа, быстро лишились своихъ приверженцевъ, когда Фридрихъ Вильгельмъ осенью 1662 года лично явился въ герцогство, чтобы водворить въ немъ порядокъ. „Спокойствіе и благосклонность, которою отличался его образъ дѣйствій, вызвали хорошее впечатлѣніе, и въ то же время видъ бранденбургскихъ драгуновъ успокоительно подѣйствовалъ на разгорячившихся буржуазныхъ героевъ, которые тщетно ждали вторженія въ Пруссію польскихъ конфедератовъ." Польша съ большимъ удовольствіемъ наблюдала трудности, какія создавались для курфюрста непокорностью Пруссіи, укрѣпляла послѣднюю въ ея враждебномъ отношеніи къ курфюршескому правительству и одобряла ея вѣрность старому ленному господину. Но ни король, ни сеймъ, не помышляли о томъ, чтобы начать войну съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, который теперь могъ бы справиться съ ними уже и безъ участія Швеціи. Когда въ 1663 году послѣдовала наконецъ резолюція сейма, признававшая суверенность Пруссіи, а затѣмъ, 18 октября 1663 года была принесена присяга, то при ней присутствовали и польскіе комиссары, которые удовольствовались оговоркой, признававшей право Польши на герцогство, въ случаѣ если вымретъ домъ Гогенцоллерновъ.

Еще больше трудностей, чѣмъ укрѣпленіе государственно - правоваго положенія Пруссіи, представляло для курфюрста упорядоченіе администраціи и экономическихъ отношеній какъ въ герцогствѣ ,такъ и въ курфюршескихъ областяхъ и въ Клеве. Пришлось сдѣлать много уступокъ въ вопросахъ податного обложенія, чтобы обезпечить за курфюрстомъ право свободнаго передвиженія войскъ и вербовки, что само собою представляло для него въ данное время вопросъ первостепенной важности. И все таки, благодаря искусному использованію коронныхъ имѣній, доходы курфюршеской казны росли изъ года въ годъ и позволяли Бранденбургу-Пруссіи держать въ постоянной боевой готовности армію, съ которой приходилось считаться при всѣхъ политическихъ осложненіяхъ въ Западной Европѣ. Въ этомъ уже была вынуждена убѣдиться Франція (см. выше, стр. 482 и 483); но наибольшее стѣсненіе въ своихъ предпріятіяхъ испытывала Швеція, для которой энергичный и готовый къ бою Бранденбургъ являлся вовсе не пріятнымъ сосѣдомъ.

Фридрихъ Вильгельмъ примирился не только съ Польшей. При выборахъ императора онъ высказался въ пользу Австріи (стр. 482) и такимъ образомъ вышелъ изъ своей рискованной обособленности. Когда Карлъ X Густавъ, съ цѣлью окончательно раздавить Данію, которую онъ уже тяжко унизилъ и почти совершенно обезсилилъ по миру въ Рескильде (8 марта 1658 года), напалъ на нее вторично, желая предотвратить союзъ между нею и Бранденбургомъ, курфюрстъ вмѣшался въ дѣло. Онъ выступилъ во главѣ такъ называемой „голштинской кавалькады", въ которой Бранденбургъ выдвинулъ въ поле 92 роты кавалеріи, 15 ротъ драгунъ, 49 ротъ пѣхоты, всего 16,000 человѣкъ и 42 орудія; Австрія выставила со своей стороны 10—12,000 человѣкъ и 20 орудій, и Польша 4—5000 человѣкъ. Фридрихъ Вильгельмъ проникъ до Альзена и былъ готовъ вступить въ бой съ шведской арміей, осаждавшей Копенгагенъ, еслибы голландскій адмиралъ де Рюйтеръ, на которомъ лежала защита датской столицы съ моря, доставилъ курфюрсту корабли, необходимые для переправы войскъ. При взятіи Фюнена союзными войсками только бранденбургская конница оказалась въ состояніи справиться со шведскими пѣхотинцами.

Связь между сѣвернымъ осложненіемъ и борьбой Франціи съ Габсбургами за преобладаніе обнаружилась въ томъ участіи, которое принялъ Людовикъ XIV въ освобожденіи Карла Густава отъ грозившаго ему охвата: Швеція все еще считалась противникомъ католической имперіи и опорой протестантской оппозиціи. Фридрихъ Вильгельмъ отказывался иначе, какъ подъ условіемъ обезпеченія всеобщаго мира, принять участіе въ затѣянномъ Мазарини „Гаагскомъ концертѣ"; онъ долженъ былъ ожидать, что Швеція тотчасъ же нападетъ на него, какъ только она при посредничествѣ Франціи и Англіи будетъ освобождена изъ своего отчаяннаго положенія на датскихъ островахъ и материкѣ Ютландіи Неожиданная внезапная смерть Карла Густава (23 февраля 1660 г.) ослабила эту опасность, которая казалась тѣмъ грознѣе, что и Австрія по заключеніи Пиренейскаго мира (1659 г., см. стр. 459) вывела свои войска изъ областей по Балтійскому морю. Для Австріи перспектива отчаянной борьбы не заключала въ себѣ ничего непріятнаго; Австрія могла оставаться спокойной наблюдательницей событій, пока не представился бы случай для выполненія выгодной роли третейскаго посредника.

Оливскій миръ (3 мая 1660 г.) является знаменательнымъ поворотомъ въ исторіи развитія морскихъ державъ по Балтійскому морю. Періодъ возвышенія Швеціи окончился, не оставивъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ; Швеція должна была отказаться отъ мысли создать великую державу, опираясь на владѣніе важнѣйшими берегами Балтійскаго моря и на военный флотъ, который всегда могъ бы поддержать ея перевѣсъ надъ остальными береговыми государствами. Сколько бы мы не принимали въ разсчетъ того вліянія, которое оказываютъ на судьбу государствъ энергичные и вдохновенные правители, все таки нельзя придавать рѣшающаго значенія въ вопросѣ о преобладаніи на Балтійскомъ морѣ тому обстоятельству, что и Густавъ II Адольфъ и Карлъ X Густавъ погибли въ самомъ разгарѣ своихъ грандіозныхъ политическихъ начинаній. Шведская гегомонія въ сѣверной Германіи не имѣла внутренняго историческаго оправданія; она не могла бы пережить правленія Густава Адольфа. Столь же мало было возможно, не смотря на всѣ усилія дѣятельнаго и ревностнаго государя, обратить Швецію въ морскую державу, потому что шведскій народъ не чувствовалъ склонности къ мореплаванію и не испытывалъ такого недостатка въ землѣ, удобной для культуры, который заставилъ бы его искать заработка на морѣ. Врядъ ли можно теперь опредѣлить, могло-ли столько обсуждавшееся, для однихъ желанное, для другихъ грозное соединеніе Швеціи съ Бранденбургомъ путемъ брака Фридриха Вильгельма съ Христиной (см. стр. 495) повести къ быстрому возвышенію Бранденбурга на степень великой державы и къ подчиненію всего Балтійскаго моря нѣмцамъ. Конечно, Польша немедленно была бы отброшена отъ побережья, Данцигъ еще въ XVII вѣкѣ сталъ бы прусско-бранденбургской гаванью; но у насъ недостаточно данныхъ, чтобы найти отвѣтъ на вопросъ, въ какой формѣ могли бы быть уравновѣшены шведскіе и сѣверо-германскіе интересы и какъ могло бы состояться конституціонное объединеніе силъ обоихъ государствъ. Завоевательное движеніе Швеціи при Карлѣ Густавѣ представляло для Бранденбурга значительную опасность, и поэтому смерть шведскаго короля явилась событіемъ, какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для исполненія предначертаній „Великаго курфюрста."

Всѣ дальнѣйшія попытки шведскаго правительства достигнуть усиленія на счетъ Бранденбурга должны были потерпѣть неудачу уже потому, что во главѣ правительства не было лица, которое, какъ Карлъ Густавъ, соединяло бы крупныя политическія дарованія съ военнымъ талантомъ, опытностью и храбростью. Нападеніе, которое шведы предприняли на Бранденбургъ въ качествѣ союзниковъ Людовика XIV во время второй завоевательной кампаніи, дало случай курфюрсту совершить самый блестящій

и популярный изъ своихъ подвиговъ: это было сраженіе при Фербеллинѣ. „Не радостнымъ моментомъ въ жизни курфюрста, и безъ того уже казавшейся цѣпью заботъ, усилій, разочарованій и опасностей, было появленіе славныхъ „спасителей Евангелія“, которые расположились въ его странѣ какъ господа и повелители. Только что неожиданная коварная болѣзнь похитила его старшаго сына; походъ, который онъ подготовилъ съ большими жертвами ради чести и самостоятельности нѣмецкой національности, окончился плачевно, и всѣ противники курфюрста указывали на него какъ на виновника неудачи; тяжело страдая отъ подагры, онъ не могъ подняться съ постели; жена его была наканунѣ разрѣшенія отъ бремени; не поступали субсидіи, необходимыя ему для содержанія своихъ доблестныхъ войскъ, на которыхъ теперь, какъ всегда, покоилась будущность его дома и его положеніе въ совѣтѣ нѣмецкихъ князей; и не смотря на это, курфюрстъ не обнаружилъ ни робости, ни колебаній.“

Фридрихъ Вильгельмъ такъ увѣренно полагался на себя и своихъ соратниковъ, какъ будто сознавалъ, что шведы добровольно идутъ на свою погибель. Онъ довольно скоро успѣлъ убѣдиться въ томъ, что отъ австрійскаго двора помощи ожидать нечего; переговоры съ Генеральными штатами все затягивались, хотя Вильгельмъ Оранскій оставался вѣрнымъ своему союзнику. Данія была не прочь поддержать курфюрста, но требовала субсидій. Только Брауншвейгъ могъ и согласился оказать немедленную помощь, — но Фридрихъ Вильгельмъ не сталъ дожидаться этой помощи. Съ 5000 всадниковъ, 800 драгунъ, 1200 человѣкъ пѣхоты и съ 14 орудіями онъ поспѣшилъ въ свою область, занятую шведами, засталъ врасплохъ полковника Вангелина въ Ратеновѣ и такъ быстро надвинулся на генерала Вольдемара Врангеля (брата имперскаго маршала Карла Густава), что тотъ былъ вынужденъ принять сраженіе у Беллинской переправы (Фербеллинъ), 28 іюня 1675 года. Въ блестящихъ кавалерійскихъ сваткахъ, начатыхъ принцомъ Фридрихомъ Гессенъ-Гомбургскимъ съ излишней горячностью, которая не вызвала впрочемъ особаго неудовольствія курфюрста, бранденбуржцы одержали верхъ надъ шведами, оказавшими мужественное сопротивленіе. Искусство стараго маршала Дерфлингера, которому австрійское происхожденіе не мѣшало быть вѣрнѣйшимъ паладиномъ бранденбургскаго маркграфа, повело наконецъ къ полному пораженію генерала Врангеля. Одинъ этотъ рѣшительный ударъ сразу освободилъ Марки отъ вражескаго нашествія.

Нѣмецкій народъ отнесся къ этой побѣдѣ бранденбуржцевъ, какъ къ національному подвигу, освобожденію отъ стѣснительнаго преобладанія иноземцевъ, которое даже въ евангелическихъ областяхъ вызывало уже все возраставшее неудовольствіе. Бранденбургъ впервые пріобрѣлъ популярность въ Германіи; его курфюрстъ оказался человѣкомъ и государемъ, какого столько времени уже не было у нѣмецкаго народа. Протестантскіе писатели въ многочисленныхъ брошюрахъ доказывали его право положить конецъ притязаніямъ шведовъ, которые давно уже перестали воевать въ защиту Евангелія; народные пѣвцы распѣвали хвалебныя пѣсни въ честь „великаго героя“, побѣдившаго шведовъ и прославившаго свое имя.

Въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ шведы терпѣли ударъ за ударомъ. Въ морскомъ сраженіи при Борнгольмѣ (11 іюня 1676 года) шведскій флотъ былъ почти совершено уничтоженъ союзными эскадрами голландцевъ и датчанъ; въ этомъ сраженіи участвовали уже и бранденбургскія суда. Датская сухопутная армія заняла Шоненъ. Курфюрстъ проникъ до побережья и наконецъ, послѣ осады, при которой обѣ стороны выказали чудеса отваги и настойчивости, взялъ крѣпость Штеттинъ (22 декабря 1677 г.) Только сраженіе при Лундѣ, въ которомъ молодой шведскій король Карлъ XI одержалъ побѣду надъ датчанами, спасло королевство отъ уничтоженія. Казалось, что Померанія окончательно потеряна для шведовъ:

Штральзундъ былъ вынужденъ сдаться курфюрсту. Лифляндская армія, которая вторглась въ Пруссію и заняла рядъ городовъ и мѣстечекъ, на себѣ убѣдилась въ быстротѣ, съ какою бранденбуржцы умѣли вести военныя дѣйствія. Прославленный двукратный переходъ курфюрста черезъ замерзшій Гафъ (въ концѣ января 1679 года) привелъ ее въ полное смятеніе и вынудилъ къ стремительному отступленію на Ригу, куда изъ 16,000-наго войска прибыло въ строевомъ порядкѣ только 1000 человѣкъ.

Но всѣ эти побѣды явились только моральными успѣхами; политическая цѣль курфюрста, пріобрѣтеніе шведской Помераніи, не была достигнута. При заключеніи Нимвегенскаго мира (5 февраля 1679 г.) императоръ и имперія отреклись отъ Бранденбурга: въ число условій мирнаго договора было включено возвращеніе Помераніи шведамъ. Не только императора тревожило возникновеніе въ его имперіи новой военной и политической силы; имперскіе чины, католическіе и евангелическіе, духовные и свѣтскіе, побаивались побѣдоноснаго бранденбургскаго войска и помышляли о низведеніи Бранденбурга на степень обыкновеннаго имперскаго курфюршества. Эту задачу должна была взять на себя Франція, и вотъ Фридрихъ Вильгельмъ очутился одинъ, безъ союзниковъ, лицомъ къ лицу съ новымъ противникомъ, между тѣмъ какъ Швеція разсчитывала на возобновленіе борьбы въ союзѣ съ Франціей, и даже Брауншвейгъ выказывалъ готовность выставить въ поле небольшой отрядъ, разсчитывая получить отъ Людовика XIV награду въ видѣ какой нибудь бранденбургской области. Но король Франціи прекрасно умѣлъ оцѣнивать истинное значеніе нѣмецкихъ князей; ему вовсе не было желательно подрывать положеніе, занятое Бранденбургомъ въ имперіи; онъ только хотѣлъ сдержать обѣщаніе, данное Швеціи, и по возможности поставить курфюрста въ зависимость отъ французской политики. Фридрихъ Вильгельмъ пошелъ на уступки. По договору въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лэ (29 іюня 1679 года) онъ не только подчинился третейскому рѣшенію Франціи и возвратилъ шведамъ почти всю Померанію, но и принялъ (25 октября 1679 г.) субсидію отъ Людовика (на десять лѣтъ по 100,000 ливровъ) для поддержанія своей арміи въ боевой готовности, разрѣшилъ французскимъ войскамъ свободный проходъ черезъ свои территоріи и даже обѣщалъ при ближайшихъ императорскихъ выборахъ подать голосъ за короля Франціи или дофина.

Эти событія окончательно выдѣлили Бранденбургъ-Пруссію изъ состава имперіи и придали ему характеръ самостоятельной европейской державы. Также поступили рейнскіе князья со своей партіей за двадцать лѣтъ до того (см. стр. 483), курфюрстъ Фердинандъ Марія Баварскій сдѣлалъ то же на девять лѣтъ раньше. Но ихъ поступки не имѣли особыхъ послѣдствій; ихъ союзъ съ Франціей почти не поколебалъ европейскаго равновѣсія. „Договоръ, сдѣланный курфюрстомъ въ Сенъ-Жерменѣ, былъ шагомъ на пути дома Гогенцоллерновъ къ положенію великой державы, къ созданію изъ имперскаго княжества—нѣмецкаго государства“.

6. Людовикъ XIV и апогей могущества Франціи.

А. **Французскіе захваты и турецкая война 1683 года.**

За послѣднія два десятилѣтія XVII вѣка, зачатки новаго направленія исторической жизни народовъ Европы постепенно достигаютъ полнаго развитія; большая часть крупныхъ перемѣнъ въ достояніи и взаимныхъ отношеніяхъ державъ къ этому времени была уже подготовлена: французскіе завоевательные походы и повторныя нападенія на Германскую имперію; обращеніе нѣмецко-габсбургской политики къ востоку, благодаря счастливому повороту въ турецкихъ войнахъ, и возсоединеніе съ габсбургскими

владѣніями Венгріи и сопредѣльныхъ областей; война за испанское наслѣдство; соперничество Польши и Швеціи, вызвавшее новыя осложненія на сѣверо-востокѣ; наконецъ возростаніе значенія бранденбургско-прусскаго государства, и возведеніе Пруссіи въ рангъ королевства, чѣмъ было окончательно утверждено ея суверенное положеніе. Новымъ опредѣляющимъ политическимъ факторомъ явилось восшествіе Оранскаго дома на престолъ Англіи и обнаруживающаяся съ этого времени въ англійской политикѣ солидарность съ интересами Генеральныхъ штатовъ. Наконецъ въ кругъ политическихъ силъ Европы вступаетъ новый членъ, именно Россія, государство, призванное вывести на арену культурной борьбы здоровыя, жизнеспособныя славянскія племена, на смѣну польско-литовскому государству неудержимо стремившемуся къ полной гибели.

а.) Французскіе захваты.

Тотчасъ же по заключеніи Нимвегенскаго мира (см. стр. 501), Людовикъ XIV приступилъ къ подготовкѣ новыхъ плановъ для пріобрѣтенія тѣхъ областей, которыя по его убѣжденію и по мнѣнію французскихъ патріотовъ были необходимы для округленія предѣловъ королевства; съ этой цѣлью король выдвинулъ совершенно новые принципы національнаго и историческаго права. Во имя епископовъ Меца, Туля и Вердэна онъ предъявилъ требованіе о возстановленіи всѣхъ не признававшихся уже въ теченіе столѣтій ленновладѣльческихъ правъ этихъ епископовъ на помѣстья и области, лежавшія въ предѣлахъ Германской имперіи; на эти области надлежало теперь распространить верховное господство Франціи. Постановленіямъ Вестфальскаго мира объ уступкѣ австрійскаго ландфогтства въ городахъ Эльзаса Людовикъ придалъ такое толкованіе, по которому Франція могла предъявить притязанія на всю страну, вмѣстѣ со Страсбургомъ. Представленія императора и рейхстага конечно не могли помѣшать королю понемногу фактически завладѣть всей областью, которую онъ считалъ принадлежащей себѣ по праву. Въ концѣ сентября 1681 года, узнавъ, что императоръ имѣетъ намѣреніе занять Страсбургъ своимъ гарнизономъ, Людовикъ врасплохъ захватилъ древній имперскій городъ и заставилъ гражданъ принести присягу на подданство Франціи.

При императорскомъ дворѣ далеко не были склонны къ уступчивости въ этомъ вопросѣ. Было, разумѣется, совершенно ясно, что одними дипломатическими мѣропріятіями никогда не удастся вытѣснить Людовика XIV изъ занятыхъ имъ благопріятныхъ позицій; оставалось только выиграть время, приготовиться къ борьбѣ, устроить союзы противъ Франціи. Но виды на такую возможность были въ данный моментъ очень плохи. Именно теперь явилось крайне неблагопріятнымъ то положеніе отчужденности, въ которое былъ поставленъ Бранденбургъ: безъ его войскъ всѣ силы, которыя могли бы выставить имперскія земли, не были въ состояніи помѣряться съ арміей французскаго государя. Конечно нельзя отрицать, что поворотъ въ политикѣ Великаго курфюрста, послѣдовавшій послѣ Нимвегенскаго мира, значительно облегчилъ Людовику его захватъ; но столь же несомнѣнно, что король еще смѣлѣе могъ бы обращаться съ достояніемъ имперіи, если бы Бранденбургъ истощилъ свои силы въ безнадежной борьбѣ съ Швеціей и Франціей, и безъ пользы пожертвовалъ бы своею только что созданной арміей (см. стр. 498 и 499). Самое существованіе этой арміи было опорой для имперіи на случай послѣдней крайности. Впрочемъ Фридрихъ Вильгельмъ съ полной готовностью снова сталъ бы на сторону императора. Но прежде онъ желалъ убѣдиться въ томъ, что послѣдній дѣйствительно обладаетъ необходимыми средствами для возобновленія войны съ Франціей; кромѣ того, курфюрстъ требовалъ взаимныхъ уступокъ, именно желалъ получить области въ Силезіи, гдѣ уже въ это время у Гогенцоллерновъ

были наслѣдственныя притязанія. Но вѣнскій дворъ не считалъ нужнымъ соглашаться на всѣ условія курфюрста; имѣлись въ виду иныя вспомогательныя силы.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ то время находились участники для того могучаго союза, который позже выступилъ противъ универсальнаго преобладанія французской монархіи. Но сближеніе еще не окрѣпло и союзники не были въ состояніи создать достаточный противовѣсъ энергичной волѣ французскаго короля. Вильгельмъ Оранскій собралъ вокругъ себя кружокъ нидерландскихъ и нѣмецкихъ государственныхъ дѣятелей, которые были проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости положить предѣлъ все расширявшимся замысламъ Людовика XIV; къ этому кружку принадлежалъ и Георгъ Вильгельмъ фонъ Вальдекъ, бывшій бранденбургскій министръ и генералъ (см. стр. 485 и 494), который съ 1672 года находился на службѣ Генеральныхъ штатовъ. Вальдекъ надѣялся, что ему удастся организовать военныя силы имперіи, послѣ того какъ онъ еще въ сентябрѣ 1679 года объединилъ для общей защиты нѣсколькихъ имперскихъ чиновъ средняго Рейна, Веттерау, Вестервальда и Эйфеля. Къ этой „Уніи“ примкнули Гессенъ-Кассель, Гессенъ-Дармштадтъ, Фульда, Бамбергъ-Вюрцбургъ съ франконскимъ округомъ, а вскорѣ затѣмъ и Саксенъ-Гота.

Вальдекъ сумѣлъ представить свое дѣло частной обороны передъ вѣнскимъ дворомъ въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, что императоръ 10 іюня 1682 года заключилъ даже съ „уніей“ такъ называемый „Лаксенбургскій союзъ“, къ которому надѣялись привлечь и другихъ имперскихъ чиновъ. Этотъ союзъ долженъ былъ озаботиться военной имперской организаціей, основныя положенія которой обсуждалъ уже, но не умѣлъ перейти отъ намѣреній къ дѣлу, регенсбургскій рейхстагъ, къ этому времени ставшій постояннымъ учрежденіемъ. Важнѣе были такія событія, какъ сближеніе Баваріи съ Габсбургами: бракосочетаніе молодого курфюрста Макса Эмануила, въ іюлѣ 1685 года (Фердинандъ Марія умеръ 26 мая 1679 года), съ эрцгерцогиней Маріей Антоніей, дочерью императора, должно было создать тѣсную связь между Австріей и Баваріей; далѣе, много значило отпаденіе саксонскаго курфюрста Іоанна Георга III (1680—91 г.) отъ французской партіи, и данное герцогомъ Эрнстомъ Августомъ I Ганноверскимъ обѣщаніе выставить на Рейнъ армію въ 10,000 человѣкъ для поддержки имперскихъ войскъ. Леопольдъ и его совѣтники, среди которыхъ въ это время руководящая роль принадлежала барону фонъ Штратману, были проникнуты убѣжденіемъ, что интересы Габсбургскаго дома, принимая въ разсчетъ и Испанію, безусловно требуютъ противодѣйствія усиленію Франціи; отъ этого убѣжденія въ Вѣнѣ не хотѣли отказываться и тогда, когда все грознѣе стала надвигаться опасность новой войны съ турками,

б) Турки у Вѣны.

Венгерская политика вѣнскаго двора никогда не бывала удачной. Она не умѣла умѣренностью въ обращеніи съ некатоликами смягчать религіозныя несогласія; такъ же неумѣло она справлялась съ личными и семейными дѣлами. Притязанія фамиліи Ракочи, за которую, какъ за родственную, вступился семиградскій магнатъ Эмерихъ Текели, могли бы быть улажены своевременными сдѣлками, титулами, выгодными браками; но вѣнскій дворъ никогда не находилъ времени удѣлить подобнымъ вопросамъ подобающее вниманіе и нерѣдко отталкивающимъ обращеніемъ доставлялъ оппозиціи могучихъ приверженцевъ. Рѣзкій и суровый въ мирѣ, слабый и податливый въ войнѣ, австрійскій домъ не могъ вызвать въ мадьярахъ ни почтенія къ себѣ, ни довѣрія.

Когда турки послѣ безуспѣшныхъ войнъ съ Польшей и Россіей пожелали вознаградить себя завоеваніями на Дунаѣ, они нашли положеніе

дѣлъ въ Семиградіи и Верхней Венгріи очень благопріятнымъ для осуществленія своихъ плановъ. Великій визирь Кара Мустафа нуждался въ воинскихъ успѣхахъ, чтобы сохранить свое мѣсто; онъ побудилъ султана повелѣть новый походъ для наказанія невѣрныхъ и самъ двинулся на Вѣну во главѣ двухсотъ-тысячнаго войска.

Вѣнскіе дипломаты и въ самомъ дѣлѣ довели до того, что Австріи пришлось одновременно вести войну съ Франціей на Рейнѣ и отражать натискъ колоссальныхъ полчищъ на отчину императорскаго дома. Бранденбургскій курфюрстъ прилагалъ всѣ усилія къ устройству перемирія съ Франціей, причемъ вопросъ о присоединеніяхъ былъ бы отложенъ на неопредѣленное время; въ случаѣ заключенія такого договора съ его союзникомъ, Людовикомъ XIV, курфюрстъ обѣщалъ выставить въ Венгрію войско въ 16,000 или больше. Но такъ какъ во время этихъ переговоровъ вновь были выставлены притязанія на Іегерндорфъ, то императоръ отказался отъ бранденбургской помощи, которая теперь не казалась ему уже столь необходимой, послѣ того какъ онъ получилъ отъ польскаго короля обѣщаніе выставить свою армію противъ общаго врага. Папа Иннокентій XI побудилъ Людовика XIV временно пріостановить начатыя уже военныя дѣйствія противъ Габсбургскаго дома, и король согласился на это, въ надеждѣ, что къ нему еще обратятся, какъ къ спасителю въ тягчайшей крайности, и что тогда онъ сможетъ предъявить еще болѣе смѣлыя требованія.

Отчаянное сопротивленіе, которое оказалъ турецкой арміи, осадившей столицу имперіи, графъ Рюдигеръ фонъ Штарембергъ, выдержка его войскъ, которымъ помогала и часть населенія Вѣны, наконецъ счастливый исходъ сраженія подъ стѣнами столицы (12 сентября 1683 года), въ которомъ Кара Мустафа былъ на голову разбитъ соединенными польскими и нѣмецкими войсками, — все это разрушило надежды Людовика и въ неожиданной степени подняло престижъ императора. Главное начальство надъ союзной арміей принадлежало, по договору, Яну Собѣскому; наряду съ нимъ руководилъ сраженіемъ герцогъ Карлъ Лотарингскій, подъ начальство котораго въ этотъ достопамятный день добровольно стали два нѣмецкихъ курфюрста, Іоаннъ Георгъ III Саксонскій и Максимиліанъ Эмануилъ Баварскій, а съ ними имперскій фельдмаршалъ графъ фонъ Вальдекъ.

Императоръ не былъ въ состояніи выставить имперской арміи; имперія еще не имѣла достаточно времени, чтобы принять рѣшенія, необходимыя для веденія войны. Императоръ получилъ помощь, безъ которой было бы невозможно предотвратить паденіе Вѣны, отъ союзныхъ съ нимъ „вооруженныхъ чиновъ“, къ которымъ принадлежалъ, кромѣ курфюрстовъ, еще и франконскій округъ. До сихъ поръ постоянныя арміи были устроены только въ тѣхъ сѣверо-германскихъ территоріяхъ, которыя были вынуждены озаботиться самопомощью. Кромѣ курфюрста бранденбургскаго, который превосходилъ своими военными силами всѣхъ германскихъ князей, Брауншвейгскіе герцоги и епископъ Мюнстерскій тоже имѣли въ своемъ распоряженіи порядочныя войска, которыя годились для самостоятельныхъ военныхъ дѣйствій. Понемногу въ имперіи распространилась система устройства сепаративныхъ армій, такъ что военное дѣло получило совершенно новую форму развитія.

Для болѣе крупныхъ территоріальныхъ государей было очень выгодно постоянно имѣть въ распоряженіи собственныя войска и выдвигать ихъ въ поле сообразно особеннымъ соглашеніямъ. Но такъ какъ содержаніе этихъ постоянныхъ княжескихъ войскъ было чрезвычайно дорого и не могло покрываться областными доходами, то князья искали случая употребить свои войска въ дѣло и тамъ, гдѣ этого не требовалъ ихъ узкій кругъ интересовъ; они отдавали по договорамъ свои войска въ пользованіе другихъ державъ, недостаточно или совсѣмъ не вооруженныхъ, за соотвѣтственное денежное вознагражденіе, поступавшее въ ихъ военную кассу. Это

занятіе, практиковавшееся во времена ландскнехтовъ полковыми командирами, а во время Тридцатилѣтней войны — крупными предпринимателями, вродѣ Мансфельда, Христіана Брауншвейгскаго, Валленштейна, Бернгарда Веймарскаго и другихъ, теперь стало, спеціальностью военачальниковъ-князей, которые умѣли извлекать изъ него еще большія выгоды и не были въ столь же значительной степени подвержены политическимъ превратностямъ. Жалобы на такъ называемую „продажу подданныхъ“ принадлежатъ уже позднѣйшему времени, которое успѣло забыть связь новой военной системы съ прежней воинской повинностью. Что касается самихъ солдатъ, то они въ большинствѣ случаевъ прекрасно сознавали, что данное положеніе дѣлъ является необходимымъ слѣдствіемъ избранной ими профессіи; они вовсе и не думали считать себя „защитниками отечества“. Мелкіе имперскіе чины, у которыхъ не хватало ни людей, ни капиталовъ для устройства подобныхъ предпріятій, большей частью входили въ соглашеніе съ „вооруженными“ чинами, когда имперія или союзники заставляли ихъ выставить вооруженную силу; округи, въ которыхъ не было преобладавшаго своими фамильными силами государя, составляли военные союзы и вступали въ число вооруженныхъ чиновъ. Но подобное положеніе дѣлъ въ большей части случаевъ было весьма неустойчиво. Какъ только проходила крайняя необходимость, какъ окружные чины распускали свои военные отряды, потому что содержаніе войскъ не являлось для нихъ столь существенной потребностью, какъ для ихъ могучихъ имперскихъ сосѣдей, и потому, что военныя издержки тяжелѣе отражались на бюджетѣ мелкихъ областей, чѣмъ въ хозяйствѣ болѣе населенныхъ государствъ, гдѣ тяжелое бремя поддавалось раскладкѣ на бо́льшее число плательщиковъ. Нѣмецкія военныя силы въ періодъ съ 1670 по 1680 годъ и въ послѣдующія десятилѣтія распадались на контингенты „вооруженныхъ“ чиновъ. Союзы и ассоціаціи являлись средствами для того, чтобы собрать болѣе крупныя національныя арміи. Императорская политика, точно также какъ и дипломатія династій, стремившихся къ внѣшнимъ успѣхамъ, безпрестанно стремилась къ устройству союзовъ съ вооруженными чинами имперіи; вслѣдствіе этого нити дипломатическихъ сношеній распадаются въ данную эпоху на столько отдѣльныхъ волоконъ, что оказывается труднѣе, чѣмъ когда либо, распутать ихъ и истолковать ихъ значеніе надлежащимъ образомъ.

Б. **Нападеніе Франціи на Германію.**

Пораженіе, понесенное турками подъ стѣнами Вѣны, заставило Людовика XIV снова болѣе энергично выступить противъ обоихъ габсбургскихъ дворовъ и Германской имперіи. Кромѣ Страсбурга, онъ завладѣлъ еще двумя важными стратегическими пунктами: Казале на рѣкѣ По (30 сентября 1681 г.) и Люксембургомъ (4 іюня 1684 г.); послѣ этого онъ предложилъ императору перемиріе на 30 или по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ, съ гарантіей за неотъемлемость сдѣланныхъ захватовъ. За это время имперія могла бы употребить всѣ силы на борьбу со своимъ стариннымъ врагомъ. Бранденбургскій курфюрстъ прилагалъ все вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Регенсбургѣ и въ Вѣнѣ, къ тому, чтобы провести принятіе этого предложенія, освобождавшаго его изъ той затруднительной позиціи, въ которую его поставили его отношенія къ Франціи. Дѣло въ томъ, что курфюстъ ясно сознавалъ невозможность оставаться противникомъ императора въ такой моментъ, когда большинство въ Германіи считало продолженіе войны съ турками національнымъ долгомъ. Курфюрстъ откровенно высказался въ этомъ смыслѣ передъ французскимъ посланникомъ, виконтомъ де Ребенакъ, и присовокупилъ къ этому признанію призывъ къ великодушію Людовика XIV, котораго умолялъ не пользоваться въ своихъ интересахъ отчаяннымъ положеніемъ имперіи. Ребенакъ, пользовавшійся

полнымъ довѣріемъ курфюрста, ревностно старался исхлопотать ему знаки особаго благоволенія французскаго короля, въ видѣ наличной монеты (увеличеніе субсидіи на 100,000 ливровъ ежегодно, въ случаѣ войны — въ удвоенномъ размѣрѣ; кромѣ того особые личные подарки).

И вѣнскій дворъ въ теченіе турецкой кампаніи успѣлъ измѣнить свои воззрѣнія. Уже спустя нѣсколько недѣль послѣ вступленія въ столицу, перенесшую тяжелое испытаніе, довѣріе императора къ польскимъ союзникамъ въ значительной степени пошатнулось. Собѣскій послѣ сраженія при Паркани (9 октября 1683) нашелъ, что его войска терпятъ слишкомъ большой сравнительно уронъ; при взятіи штурмомъ Грана (27 октября) онъ уже участвовалъ со своими войсками только въ качествѣ зрителя, а затѣмъ отправился съ ними на родину. Императору приходилось изыскивать новыя вспомогательныя войска для веденія войны въ Венгріи; а такія войска могли найтись только въ Германіи. Поэтому императору Леопольду предстояло рѣшить вопросъ, заключить ли съ турками новый безвыгодный миръ и опять вступить въ борьбу съ Франціей, или отложить рѣшеніе этого спора и сначала завоевать Венгрію. Общее міровое положеніе габсбургскаго дома противорѣчило въ данномъ случаѣ особымъ государственнымъ интересамъ германской линіи. Леопольдъ избралъ второй исходъ. Походъ 1684 года въ Венгрію, веденный съ недостаточными силами, кончился безуспѣшно; новая попытка при помощи особаго посланника, графа Лемберга, въ февралѣ 1684 года, побудить Бранденбургъ къ разрыву съ Франціей кончилась также неудачно, и въ концѣ концовъ императоръ далъ свое согласіе на заключеніе двадцатилѣтняго перемирія съ Франціей (въ Регенсбургѣ, 15 августа 1684 года).

Это событіе было поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ враждовавшихъ партій; съ этихъ поръ начинается постепенное отдаленіе Великаго курфюрста отъ Людовика XIV. Цѣлый рядъ другихъ событій въ 1685 году способствовалъ усиленію недовѣрія къ французской политикѣ и составленію того обширнаго союза, который помѣшалъ осуществленію великихъ замысловъ французскаго короля, угрожавшихъ независимости Европы. Важнѣйшими изъ этихъ событій слѣдуетъ считать отмѣну Нантскаго эдикта, притѣсненіе гугенотовъ и свободы вѣроисповѣданія во Франціи, а также восшествіе на англійскій престолъ Стюарта Іакова II, который принялъ католичество и открыто способствовалъ контръ - реформаціи, гдѣ только ему представлялась возможность. Фридрихъ Вильгельмъ, открывшій своимъ единовѣрцамъ, французскимъ бѣглецамъ (refugiés) свои владѣнія, снова ближе сошелся съ Вильгельмомъ Оранскимъ, и оба были согласны въ необходимости оказать сопротивленіе Людовику, который очевидно имѣлъ цѣлью ниспровергнуть равноправіе христіанскихъ вѣроисповѣданій, установленное по Вестфальскому миру. Король, несмотря на то, что самъ былъ не въ ладахъ съ папой, все же считался самымъ опаснымъ противникомъ свободы евангелической религіи. Ложный предвзятый взглядъ, будто централизація государственнаго строя не терпитъ совмѣстнаго существованія различныхъ конфессіонныхъ корпорацій, и будто сила монархіи подрывается свободою совѣсти, — этотъ взглядъ былъ причиной, вызвавшей въ стройномъ зданіи національной политики Людовика XIV ту опасную трещину, которая подъ конецъ привела государство къ самымъ тяжелымъ потрясеніямъ.

Какъ только Великій курфюрстъ рѣшился пожертвовать субсидіями, которыя ему доставлялъ съ 1680 года Ребенакъ, и отказаться отъ союза съ Франціей, болѣе уже несовмѣстнаго, по его мнѣнію, съ положеніемъ государя протестанской державы, — тотчасъ же прекратились всѣ колебанія, удерживавшія его до сихъ поръ отъ примиренія съ императоромъ и поддержки его предпріятій. Курфюрстъ не могъ не понять наконецъ, что Людовикъ только старается заставить его бездѣйствовать; рас-

ширенія территоріи на счетъ Брауншвейга-Ганновера или Швеціи, чего курфюрстъ надѣялся достичь съ помощью Франціи, ему такъ и не удалось дождаться.

Однако переговоры съ имперскимъ правительствомъ все таки не пришли бы къ благопріятнымъ результатамъ, еслибы наслѣдный принцъ Фридрихъ, открытый ненавистникъ французовъ, не согласился устранить съ дороги камень преткновенія. Дѣло въ томъ, что отецъ его настаивалъ на признаніи его наслѣдственныхъ правъ на Іегерндорфъ и еще нѣсколько силезскихъ владѣній, разсчитывая нѣсколько округлить свою территорію, именно присоединеніемъ такъ называемаго округа Швибуса. Могучіе Габсбурги, какъ разъ готовившіеся завладѣть королевствомъ Венгріей, конечно могли бы безъ особаго ущерба пожертвовать область въ 24 квадратныхъ мили съ нѣсколькими тысячами жителей, преимущественно протестантовъ. Какая то непонятная придирчивая мелочность не позволяла вѣнскимъ дипломатамъ принести эту скромную жертву для заключенія крайне важнаго и полезнаго союза. Швибусъ былъ только для вида уступленъ императоромъ на время жизни курфюрста: наслѣдный принцъ долженъ былъ подписать особое обязательство, что тотчасъ по восшествіи на престолъ возвратитъ спорную область императору. За это онъ еще получилъ особый подарокъ въ 10,000 дукатовъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, были очень кстати въ его плохомъ финансомъ положеніи. Отъ стараго государя эту недостойную сдѣлку удалось скрыть; до самой кончины курфюрстъ сохранялъ вѣру въ искренность Австріи. Императоръ, разумѣется, сейчасъ же оттягалъ у наслѣдника свои 24 мили, но этимъ самымъ создалъ для Фридриха Великаго предлогъ объявить для себя необязательнымъ отказъ его предковъ отъ Силезскихъ княжествъ и придать своимъ захватамъ нѣкоторое правовое основаніе.

2 сентября 1686 года, при взятіи штурмомъ имперско-германскими войсками крѣпости Офена, главной опоры турецкаго господства въ Венгріи, бранденбургское вспомогательное войско въ 8200 человѣкъ подъ начальствомъ Ганса Адама фонъ Шенинга и Ганса Альбрехта Барфуса уже принимало выдающееся участіе въ этомъ блестящемъ подвигѣ, который вернулъ императору, черезъ 145 лѣтъ, потерянную королевскую столицу Венгріи. Затѣмъ бранденбуржцы взяли на свою долю защиту нижняго Рейна и совмѣстно съ голландцами дѣйствовали противъ Франціи, между тѣмъ какъ Максъ Эмануилъ Баварскій и Карлъ Лотарингскій битвою при Могачѣ (12 августа 1687 г.) и первымъ взятіемъ Бѣлграда (6 сентября) сломили возобновленный натискъ турецкой силы. Фельдмаршалъ Барфусъ съ шеститысячнымъ бранденбургскимъ отрядомъ принималъ рѣшающее участіе въ битвѣ при Сланкаменѣ (комитатъ Сирмія), 19 августа 1691 г., вмѣстѣ съ ландграфомъ Людвигомъ Вильгельмомъ Баденскимъ, и помогъ одержать ту славную побѣду, которая блестящимъ образомъ упрочила положеніе имперской арміи въ Венгріи, сильно расшатанное въ прошлую кампанію потерей Бѣлграда (8 октября 1690 г.).

Тѣмъ временемъ послѣдовалъ разрывъ съ Франціей. Людовикъ XIV не могъ безучастно отнестись къ усиленію державы Габсбурговъ на востокѣ и къ усиленію вліянія императора среди имперскихъ князей; онъ долженъ былъ съ своей стороны выдвинуть новыя притязанія и вновь упрочить свое европейское преобладаніе вмѣшательствомъ въ германскія дѣла. Онъ воспользовался смертью курфюрста Карла Пфальцскаго (16 мая 1685 года), съ которымъ угасла Симмернская линія дома Виттельсбаховъ, и потребовалъ за своего брата, Филиппа Орлеанскаго, какъ супруга принцессы Елизаветы Шарлотты, сестры скончавшагося курфюрста, уступки Симмернскихъ аллодіальныхъ имѣній, обладаніе которыми сдѣлало бы французскаго принца имперскимъ княземъ Германіи; въ спорѣ

за кельнское архіепископство Людовикъ принялъ сторону Вильгельма Эгона Фюрстенберга (1682 г. епископъ страсбургскій, 7 января 1688 г. кельнскій коадъюторъ) противъ принца Іосифа Клеменса Баварскаго, и этимъ нарушилъ интересы Австріи и Баваріи и права папы, который рѣшилъ споръ въ пользу Іосифа Клеменса. Несмотря на все это, Иннокентій XI прилагалъ самыя ревностныя старанія къ тому, чтобы побудить короля избрать мирный способъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и удержать его отъ новой войны. Это не удалось. Людовикъ чувствовалъ, что ему грозитъ опасность съ двухъ сторонъ, и рѣшилъ предупредить сформированіе направленнаго противъ него союза быстрымъ нападеніемъ, которое должно было бы смутить и запугать противниковъ. Людовику внушалъ опасенія заключенный 9 іюля 1686 года Аугсбургскій союзъ, въ который, въ качествѣ имперскихъ чиновъ, вошли императоръ, Испанія, Швеція, франконскій и баварскій округъ и нѣкоторые князья, обязавшіеся выставить союзное войско численностью свыше 46,000 человѣкъ, для защиты имперскихъ владѣній до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно проведена военная организація имперіи; но еще гораздо болѣе опасеній вызывалъ усилившійся разладъ между англійскимъ парламентомъ и королемъ Іаковомъ II, и вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія, завязавшіяся между вождями протестантизма въ Англіи и Вильгельмомъ Оранскимъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ обезпечить согласіе Генеральныхъ штатовъ на тѣ шаги, какіе онъ нашелъ бы необходимымъ предпринять для защиты евангелическаго конфессіональнаго характера англійскаго правительства.

B. Паденіе Стюартовъ и Рисвикскій миръ.

а) Изгнаніе Іакова II.

Для принца Оранскаго, который столько времени уже долженъ былъ, въ безконечной борьбѣ съ недовѣріемъ „штатовъ“ и ихъ близорукой оппортунистической политикой, откладывать и таить выполненіе своихъ великихъ плановъ, наступалъ наконецъ моментъ, когда онъ получилъ доступъ къ могущественному положенію, дававшему ему возможность вступить въ борьбу съ самодержавнымъ властелиномъ Франціи, угрожавшимъ свободѣ Европы и особенно протестантскихъ ея государствъ. Какъ супругъ дочери Іакова II, протестантки по крещенію и убѣжденіямъ, Вильгельмъ III былъ призванъ въ Англію для приведенія въ порядокъ пришедшихъ въ страшное разстройство дѣлъ соединеннаго островного королевства; съ вигами, которые участвовали еще въ сопротивленіи Карлу II, соединились теперь, — для ниспроверженія папистскаго режима, противъ котораго энергично протестовалъ весь народъ, — большая часть торіевъ и все духовенство. Поразительная ограниченность Іакова II способствовала успѣхамъ возмущенія, хотя никто еще не могъ предвидѣть размѣровъ, которые оно приметъ, и его радикальнаго исхода. Іаковъ доставлялъ протестантскимъ епископамъ поводы изображать мучениковъ за вѣру, давалъ іерархіи „высокой церкви“ удобные предлоги безнаказанно уклоняться отъ повиновенія королю; онъ расшаталъ дисциплину своихъ войскъ, помѣщая въ вѣрные англійскіе и шотландскіе полки ненавистныхъ ирландцевъ, игнорировалъ разумные совѣты своего покровителя, французскаго монарха, и отплатилъ за его щедрость забавнымъ высокомѣріемъ. Наконецъ, несоблюденіемъ предписаннаго придворнаго церемоніала онъ далъ пищу слухамъ, будто родившійся 10 августа 1688 года принцъ Уэльскій — подсунутый іезуитами ребенокъ, существованіе котораго должно устранить возможность протестантскаго престолонаслѣдія. Только эти поводы, да цѣлый рядъ вызывающихъ поступковъ, принудили оппозицію прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ сопротивленія, на что она рѣшилась весьма неохотно, въ виду окрѣпшей, послѣ реставраціи, династической вѣрности

Объясненіе гравюры.

На берегу Таутона принцъ Вильгельмъ Оранскій остановился, окруженный графами Сольмсъ, Нассау, Бентинкъ, Мэкльсфильдъ и Аржиль; передъ ними стоятъ депутаты провинцій Дартмаутъ и Экстеръ; туда же направляются депутаты Корнваллиса. Внизу, на берегу, находятся еще Бернетъ и Фергюссонъ, еще лѣвѣе Корнбюри, Сеймуръ и др. Войсками, находящимися позади принца, уланами, командуетъ Де Фагель; далѣе вправо идетъ гвардія Бентинка, пѣшая гвардія и отрядъ Гагедорна (подъ Броксгемской башней, гдѣ высаживаются драгуны). Посреди передняго плана развѣвается знамя лейбъ-гвардіи принца Оранскаго. Справа, на первомъ планѣ — англичане, желающіе вступить въ службу къ Вильгельму. Слѣва подвозятъ провіантъ и фуражъ. На заднемъ планѣ эскадра, среди которой выдѣляется горделивый корабль принца Оранскаго, продолжаетъ высадку.

 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Высадка Вильгельма III Оранскаго въ Англіи 15—16 ноября 1688 г.

(По современной гравюрѣ Ромэна де Гугъ.)

всѣхъ классовъ общества. Крупная роль, которую при этой перемѣнѣ правительства въ Англіи, столь важной для исторіи всей Европы, играла личная неспособность короля и его католическихъ приближенныхъ, была такъ знаменательна, что англійскій историкъ В. Э. Г. Лэки, вопреки своему стремленію выдѣлить всюду „постоянныя черты національной жизни“, считаетъ здѣсь нужнымъ обратить вниманіе своихъ читателей на то обстоятельство, „что каждая стадія этой сложной драмы была вызвана скорѣе поступками отдѣльныхъ личностей и случайными обстоятельствами, чѣмъ общими причинами“.

Вильгельму Оранскому, послѣ того какъ его тесть двукратнымъ бѣгствомъ открылъ ему свободный путь къ коронѣ, удалось добиться того, что не супруга его получила престолъ, а за нимъ самимъ, какъ государемъ, призваннымъ волей націи, были признаны полныя суверенныя права. Только это обстоятельство явилось настоящей побѣдой партіи виговъ, укрѣпило вліяніе парламента и призвало къ правленію высшія интеллектуальныя силы націи, одаренной крупнѣйшими политическими способностями. Съ переходомъ Вильгельма Оранскаго съ родного берега на берегъ Англійскій (см. приложенную таблицу: „Высадка Вильгельма III Оранскаго въ Англіи“), къ Англіи перешло также и историческое призваніе Голландіи; Генеральные штаты, исчерпавшіе свой идеализмъ и свои политическія силы въ побѣдѣ надъ Испаніей, въ такой же мѣрѣ утрачиваютъ свое прежнее значеніе, въ какой Англія поднимается до мірового положенія, не находящаго себѣ ни мѣрила, ни сравненія во всей прошлой исторіи. Правда, изъ европейской великой державы Англія совершила переходъ къ міровой державѣ уже въ XIX вѣкѣ; но основа для ея могущества была заложена еще въ семнадцатомъ столѣтіи. Елизавета, Кромвель, Вильгельмъ, вотъ имена тройного созвѣздія, которое сіяло самому счастливому и горделивому изъ германскихъ народовъ въ его пути къ величію, которымъ онъ идетъ, почти безъ перерывовъ, уже два столѣтія.

Уже самъ Вильгельмъ III сознавалъ, что Англіи будетъ принадлежать первенство среди морскихъ державъ; всѣ свои заботы, всѣ труды, всю рѣдкую мощь своихъ политическихъ дарованій онъ посвятилъ на подготовку Соединеннаго королевства къ выполненію этихъ великихъ задачъ. „Подозрительность, съ которой британцы относились къ голландскимъ симпатіямъ своего новаго короля, вскорѣ оказалась столь же неосновательной, какъ въ наши дни боязнь вліянія Кобурговъ въ Англіи. На престолѣ Англіи Вильгельмъ былъ чужестранецъ, узурпаторъ; если онъ желалъ удержаться на престолѣ, то долженъ былъ предпочесть новое отечество старому. Суровые англійскіе таможенные законы остались въ силѣ, навигаціонный актъ былъ даже распространенъ на колоніи; подъ управленіемъ голландца возникли и оба грандіозныя финансовыя учрежденія, Англійскій банкъ и новая остиндская компанія, принесшія гибель нидерландской торговлѣ. Въ мирномъ состязаніи между союзными народами быстро выяснился перевѣсъ Англіи; имя „морскихъ державъ“, ставшее на дипломатическомъ языкѣ коллективнымъ понятіемъ, быстро получило, по злостному замѣчанію Фридриха Великаго, такой смыслъ: „англійскій военный корабль съ голландской шлюпкой на буксирѣ“ (Генрихъ фонъ Трейчке).

б) Новыя войны Людовика XIV.

Перемѣна династіи въ Англіи не послѣдовала бы такъ быстро, а можетъ быть оказалась бы и вовсе не выполнимой, если бы Людовикъ XIV, непосредственно передъ высадкой Вильгельма, не началъ въ сентябрѣ 1688 года съ германской имперіей войны, которая у нѣмецкихъ историковъ получила названіе „третьей разбойничьей“. Король разсчитывалъ

энергичнымъ нападеніемъ на южную Германію распространить ужасъ и принудить императора, — который былъ вынужденъ пользоваться своими лучшими полководцами и войсками въ войнѣ съ турками, — къ обращенію перемирія въ окончательный миръ, который обезпечилъ бы за Людовикомъ обладаніе возсоединенными областями. Военные успѣхи не заставили себя ждать. Прекрасно снаряженныя французскія войска проникли черезъ Пфальцъ (ср. стр. 507) до Гейльброна, грозили Вюртембергу, опустошили плодородныя долины Рейна, взорвали 2 марта 1689 года Гейдельбергскій замокъ и до конца этого года собрали, при помощи конфискацій, больше двухъ милліоновъ ливровъ.

Но всѣ эти „энергичныя мѣропріятія“ не оказали моральнаго воздѣйствія; въ имперіи не появлялось и мысли о томъ, чтобы откупиться отъ этихъ вымогательствъ заключеніемъ постыднаго мира. Императоръ рѣшилъ вести войну на два фронта, и въ заключенный 22 октября 1688 г. „Магдебургскій концертъ“ вооруженныхъ чиновъ вошли не только ближайшіе союзники императора, Баварія, Саксонія и Бранденбургъ, но также и Ганноверъ и Гессенъ; даже регенсбургскій рейхстагъ объявилъ имперскую войну. Вскорѣ къ Бонну, преданному въ руки французовъ кардиналомъ Фюрстенбергомъ, подошла 20,000 армія Бранденбурга; Карлъ Лотарингскій, командовавшій императорской и имперской арміей, послѣ восьминедѣльной борьбы отнялъ у французовъ Майнцъ, 8 сентября 1689 г., а вскорѣ затѣмъ былъ взятъ и Боннъ (13 октября). Въ слѣдующіе годы война въ Германіи не сопровождалась особо значительными успѣхами; нѣмцамъ удавалось только препятствовать дальнѣйшимъ движеніямъ непріятеля. Рѣшительныхъ ударовъ, и даже попытокъ въ этомъ направленіи, не производилось ни при маркграфѣ Христіанѣ Эрнстѣ Бранденбургъ-Байрейтскомъ, ни при побѣдителѣ подъ Сланкаменомъ, маркграфѣ Людвигѣ Вильгельмѣ Баденскомъ, принявшихъ по смерти Карла Лотарингскаго (18 апрѣля 1690 года) вмѣсто него главное командованіе имперской арміей.

На нидерландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій князь Георгъ Фридрихъ Вальдекскій проигралъ сраженіе при Флёрю (1 іюля 1690 года), французы взяли Монсъ (апрѣль 1691 г.) и Намюръ (іюль 1692 года); Вильгельмъ Оранскій не сумѣлъ дать дѣлу при Стенкирке въ Геннегау (3 августа 1692 года) рѣшительнаго исхода. Съ другой стороны Катина, 18 августа 1690 года, выигралъ сраженіе при Стаффардѣ у герцога Витторіо Амедео Савойскаго; на помощь послѣднему двинулся черезъ Альпы Максъ Эмануилъ, но и ему не удалось добиться столь желаннаго союзниками измѣненія участи Верхней Италіи.

Итакъ, перевѣсъ оставался за сухопутными войсками французовъ повсемѣстно. Только флотъ ихъ, 29 мая 1692 года при Ла Гугъ (см. стр. 115), въ дѣлѣ съ соединенными подъ начальствомъ лорда Эдварда Ресселя флотами англичанъ и голландцевъ, понесъ пораженіе, первое изъ того ряда неудачъ, которыя въ теченіе двухъ столѣтій при каждомъ случаѣ являлись доказательствомъ того, что въ морскомъ бою романцы не въ состояніи состязаться съ германскими націями. Разумѣется, у Людовика XIV не было основаній тѣшить себя надеждой, что ему удастся совершенно одолѣть всѣ выступившія противъ него державы; онъ не былъ въ состояніи сконцентрировать свои силы такъ, чтобы въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ сломить сопротивленіе непріятелей. Нельзя было считать особеннымъ успѣхомъ и того, что 22 мая 1693 года былъ вторично разрушенъ Гейдельбергъ и замокъ, чудный памятникъ германскаго возрожденія, обращенъ въ развалины (см. таблицу при стр. 311); во всякомъ случаѣ маркграфъ Баденскій снова оттѣснилъ французовъ за Рейнъ и даже выработалъ планъ упрочить свою позицію въ Эльзасѣ. И союзникъ съ береговъ Босфора не выполнилъ того, чего ждалъ отъ него Людовикъ:

правда, въ слѣдующіе годы, послѣ того какъ баденцы удалились съ венгерскаго театра военныхъ дѣйствій, имперскія войска не дѣйствовали сколько нибудь успѣшно; но и мусульмане въ своихъ предпріятіяхъ обнаруживали медлительность и вялость.

б) Рисвикъ.

Продолжать войну до изнеможенія было тѣмъ менѣе цѣлесообразно, что необходимо было беречь и готовить силы для приближавшагося спора, который долженъ былъ явиться неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прекращенія Габсбургскаго дома въ Испаніи. Даже средства цвѣтущаго, не затронутаго вторженіями враговъ французскаго королевства грозили истощиться. Крестьяне и мелкопомѣстные дворяне съ трудомъ сносили суровое обложеніа; а въ городскомъ хозяйствѣ нельзя было предупредить отлива рабочихъ силъ и капиталовъ протестантскихъ обывателей, нельзя было предотвратить послѣдствій этого явленія. Какъ только явилась возможность предполагать съ нѣкоторой увѣренностью, что дипломатическимъ путемъ можно безъ особыхъ жертвъ расшатать связь между союзниками, какъ Людовикъ принялъ неоднократно уже предлагавшееся посредничество Швеціи и приступилъ къ мирнымъ переговорамъ въ Рисвикѣ (близь Дельфта, 19 мая до 20 сентября 1697 года), въ которыхъ, послѣ того какъ морскія державы выразили свое согласіе, должны были принять участіе и императоръ съ Испаніей (30 октября). На неизбѣжное условіе, признаніе Оранскаго принца королемъ Англіи, Людовикъ скрѣпя сердце вынужденъ былъ согласиться, послѣ того какъ убѣдился, что несмотря на различныя несогласія, возникшія между сторонниками Вильгельма, нельзя будетъ составить сильной партіи для второго возвращенія Стюартовъ въ соединенное королевство. И смерть королевы Маріи (7 января 1695 г.) не могла пошатнуть положенія ея супруга; вигистскій принципъ, что парламентъ имѣетъ право передавать корону помимо прямого наслѣдованія, сохранилъ свою силу. Голландія легко удовлетворялась возобновленіемъ торговыхъ преимуществъ. По отношенію къ Испаніи Людовикъ, въ благоразумномъ предвидѣніи будущаго сближенія, выказалъ чрезвычайную предупредительность; ей былъ даже возвращенъ Люксембургъ и отнятая въ самый послѣдній періодъ войны Барселона. Издержки по заключенію мира должна была понести имперія. Страсбургъ, который еще удалось бы, вѣроятно, смѣлымъ натискомъ отвоевать въ послѣдній моментъ, пришлось въ концѣ концовъ уступить; за то Австрія получила обратно Фрейбургъ и Брейсгау, имперія — Кель и Филиппсбургъ. Кельнскій вопросъ былъ поконченъ: баварскій принцъ сохранилъ свое курфюршество, вопросъ о пфальцскомъ престолонаслѣдіи былъ исчерпанъ умѣреннымъ денежнымъ вознагражденіемъ со стороны Пфальцъ-Нейбурга.

Католическій курфюрстъ Іоаннъ Вильгельмъ Пфальцскій, который уже успѣлъ, съ фанатическимъ рвеніемъ, въ унаслѣдованной имъ протестантской области начать контръ-реформацію, постарался включить въ мирный договоръ пресловутую „Рисвикскую“ оговорку, по которой въ занятыхъ было Франціей и отходившихъ по условіямъ мира обратно къ имперіи областяхъ католическая религія должна была на будущее время сохранить то положеніе, которое доставили ей старанія и насилія французовъ. 29 октября протестантскіе участники союза должны были подчиниться и этому требованію; католическіе союзники, въ томъ числѣ императоръ, не считали нужнымъ заботиться о выполненіи условій Вестфальскаго мира.

Миръ, заключенный въ Рисвикѣ 30 октября 1697 года, явился только перемиріемъ въ той борьбѣ, которую уже двѣсти лѣтъ вели между собою Франція и домъ Габсбурговъ за преобладаніе въ Европѣ; раз-

дѣлъ испанскаго наслѣдства, наступленіе котораго ожидалось въ ближайшемъ будущемъ, долженъ былъ неминуемо повести къ возобновленію военныхъ дѣйствій по всей линіи. Людовикъ XIV воспользовался наступившимъ затишьемъ для того, чтобы при помощи всѣхъ средствъ своей глубокой политической мудрости и дипломатическаго искусства обставить свое положеніе сколько возможно благопріятнѣе. И послѣ заключенія мира, дававшаго возможности обратить всѣ военныя силы противъ турокъ, императоръ все таки не рѣшился вдаваться въ трудную войну въ балканскихъ областяхъ и приложить всѣ усилія къ ниспроверженію стариннаго врага, хотя какъ разъ въ это время на венгерскомъ театрѣ войны совершился неожиданный благопріятный поворотъ въ дѣлахъ.

г) Принцъ Евгеній.

Въ 1695 и 1696 году положеніе дѣлъ въ Венгріи было довольно прискорбно; отозваніе маркграфа Людвига Вильгельма Баденскаго подѣйствовало какъ пораженіе; курфюрстъ Фридрихъ Августъ I Саксонскій не отличался въ своихъ предпріятіяхъ ни талантомъ, ни счастьемъ; недостатокъ денегъ, уже не поддававшійся утайкѣ, лишилъ войско мужества и ослабилъ дисциплину. Назначеніе главномандующимъ молодого (33 года) принца Франца Евгенія Савойскаго-Кариньянскаго, младшаго сына племянницы Мазарины, Олимпіи, и графа де Руассонъ (въ 1696 году), произвело въ положеніи дѣлъ многозначительный поворотъ. Однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ и плодотворныхъ счастливыхъ случаевъ, которые выпадали на долю дома Габсбурговъ со времени избранія королемъ Рудольфа Габсбургскаго, былъ безъ сомнѣнія тотъ, когда „petit Abbé“, котораго Людовикъ XIV со свойственнымъ ему произволомъ заставлялъ избрать духовную карьеру, обратился къ вѣнскому двору, чтобы просить, по примѣру своего брата Людовика Жюля, о пріемѣ на императорскую военную службу. „Кто можетъ сказать“, справедливо замѣчаетъ Альфредъ Арнетъ, „какъ бы измѣнилась судьба Европы, еслибы принцъ обратился не къ Австріи, а къ Испаніи, еслибы ему не приходилось сражаться съ турками, еслибы въ войнѣ за испанское наслѣдство онъ выступилъ на сторонѣ Филиппа Анжуйскаго, а не противъ него, еслибы онъ воевалъ не съ Франціей, а за Францію?“ Приходится долго искать въ военной исторіи, чтобы найти еще столь же сильно выраженный талантъ вмѣстѣ съ честнымъ характеромъ, благородными и скромными наклонностями, которому никогда не было трудно подчинять личные интересы требованіямъ дѣла. Послѣ него Баяръ и Тремуйль, Ланнуа и Пескара (см. стр. 277) кажутся хвастунами, военная дѣятельность Валленштейна — бездарной; даже шведскіе Густавы и Великій курфюрстъ не выдерживаютъ сравненія съ нимъ. Одинъ только былъ сродни ему по духу, хотя не обладалъ его рѣшительностью и нравственнымъ мужествомъ: это былъ Тюреннъ, котораго, быть можетъ, слѣдуетъ считать отцомъ военнаго искусства Евгенія.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принцъ, уже пользовавшійся среди испытанныхъ императорскихъ солдатъ величайшимъ довѣріемъ, настолько подвинулъ впередъ реорганизацію арміи, что могъ уже съ увѣренностью выступить противъ громадныхъ полчищъ, съ которыми надвинулся въ августѣ 1697 года для рѣшительнаго удара самъ султанъ Мустафа II (1695—1703 г.). 11 сентября Евгеній застигъ турокъ у Центы на Тейсѣ, гдѣ они, отбитые у Петервардейна, хотѣли перейти въ Семиградье, и нанесъ имъ такое пораженіе, отъ котораго нельзя было быстро оправиться. На полѣ сраженія или въ волнахъ Тейсы погибло множество лучшихъ турецкихъ офицеровъ и 30,000 солдатъ: побѣдителю досталось 80 орудій, 423 знамени и 7 бунчуковъ; потери австрійцевъ не превышали 1500 убитыхъ и раненыхъ. Распредѣливъ большую часть войска по зимнимъ квар-

тирамъ, Евгеній съ 4000 всадниковъ, 2600 чел. пѣхоты и 12 орудіями успѣлъ еще сдѣлать знаменитый набѣгъ на Сераево, доказавшій туркамъ, что и Балканскія области, гдѣ они чувствовали себя за горами въ безопасности отъ европейскаго войска, утратили теперь недоступность не только для австрійской кавалеріи, но даже для артиллеріи.

На слѣдующій годъ принцъ Евгеній предполагалъ уже приступить къ осадѣ Бѣлграда и Темешвара, но императоръ не могъ доставить денежныхъ средствъ и потому выказалъ склонность принять мирное посредничество морскихъ державъ. Могущество Порты было сломлено; кромѣ Австріи, Польша также сдѣлала важныя пріобрѣтенія. Между тѣмъ Венеція при Франческо Морозини (умеръ въ 1694 году) захватила всю Морею, взяла Аѳины (причемъ 26 сентября 1687 года былъ разрушенъ Парѳенонъ) и доказала еще разъ свое превосходство на морѣ. Республика, которая, казалось, послѣ геройской, но несчастной борьбы за Кандію (1669 г.) утратила свое преобладающее положеніе въ Левантѣ, въ 1685 году снова подняла престижъ знамени святого Марка и упрочила свое преобладаніе на Средиземномъ морѣ. Она была бы не прочь продолжать борьбу и далѣе и еще болѣе урѣзать область турецкаго господства въ Архипелагѣ, но у нея хватило мудрости подчиниться рѣшенію сухопутныхъ державъ и не вступать въ единоборство съ врагами христіанскаго міра. 26 января 1699 года въ Карловицѣ былъ заключенъ миръ, по которому Австрія заняла королевство Венгрію, за исключеніемъ Баната, Семиградію и Славонію, Польша получила Украйну и Каменецъ-Подольскъ, Россія пріобрѣла Азовъ, а за Венеціей остался полуостровъ Морея съ Эгиной и Санта Маурэ (Левкасъ), Каттаро и нѣсколько мелкихъ пунктовъ по далматскому берегу.

Казалось, для Европы настала пора затишья и отдыха; продолжительность этой паузы зависѣла отъ жизни послѣдняго габсбургскаго короля, который медленно угасалъ въ Мадридѣ.

7. Упадокъ Испаніи. Начало возвышенія Россіи.

А. Борьба за испанское наслѣдство.

Къ наступленію восемнадцатаго вѣка понятіе о государствѣ еще не выходило изъ предѣловъ династическаго принципа; національнымъ правомъ пользовались только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ орудіемъ для осуществленія династическихъ плановъ. Союзъ между правящими домами, устройство и осуществленіе правъ на наслѣдованіе, — таковы были самыя надежныя средства для усиленія политическаго могущества. Поэтому вымираніе правящаго дома, обладавшаго столь обширными территоріальными владѣніями, какія принадлежали испанской линіи Габсбурговъ, неминуемо должно было вызвать міровую войну, въ которой снова подлежалъ разрѣшенію вопросъ, получитъ ли одна изъ европейскихъ державъ опредѣленное преобладаніе, или же удастся сохранить между ихъ силами извѣстное равновѣсіе. По обычному праву въ испанскихъ королевствахъ послѣ мужской линіи наслѣдовала женская. И въ домѣ Габсбурговъ было признано право женскаго наслѣдованія и право первородства; какъ испанскія владѣнія, такъ и земли австрійской линіи представляли собою майораты, нераздѣльно переходившіе къ старшему сыну, а затѣмъ къ ближайшимъ мужскимъ наслѣдникамъ, поскольку таковые существовали. Такъ какъ дочери испанскаго дома въ теченіе двухъ поколѣній вступали въ бракъ только съ Бурбонами и германскими Габсбургами, то при вымираніи мужской линіи споръ о наслѣдствѣ долженъ былъ прежде всего произойти между этими двумя домами. При этомъ, для наслѣдныхъ правъ Бурбоновъ являлось важнымъ то обстоятельство, что въ бракъ съ представителемъ

французскаго дома вступала всегда старшая инфанта. Мать Людовика XIV Анна Марія родилась раньше (22 сентября 1601 г.), чѣмъ сестра ея Марія Анна, мать императора Леопольда (родилась въ 1606 году); изъ сестеръ Карла II, послѣдняго испанскаго Габсбурга, старшая, — Марія Терезія (род. 10 сентября 1638 года) была супругой Людовика, младшая, — Маргарита Терезія (родилась 12 іюля 1651 года) была первой (изъ трехъ) женой Леопольда. Правда, Марія Терезія дала торжественное отреченіе отъ своихъ правъ наслѣдованія, тогда какъ Маргарита Терезія была по завѣщанію своего отца назначена наслѣдницей на случай прекращенія мужской линіи. Поэтому при вѣнскомъ дворѣ не существовало никакихъ сомнѣній въ томъ, что испанское наслѣдство, сообразно съ правовыми основаніями, должно достаться императору Леопольду. Съ своей стороны Людовикъ XIV еще при началѣ деволюціонной войны (см. стр. 464) нашелъ достаточно поводовъ для того, чтобы объявить отреченіе своей супруги недѣйствительнымъ; само собою разумѣется, онъ продолжалъ поддерживать эту точку зрѣнія, объявилъ себя единственнымъ правомѣрнымъ наслѣдникомъ испанской короны и свое вступленіе въ переговоры о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства мотивировалъ исключительно своимъ предупредительнымъ отношеніемъ къ общимъ интересамъ Европы.

Положеніе германскаго габсбургскаго дома по отношенію къ бурбонской политикѣ было невыгоднымъ особенно потому, что стремленія Габсбурговъ къ усиленію не находили себѣ поддержки ни въ національныхъ, ни въ государственныхъ идеяхъ. Домъ Габсбурговъ все еще односторонне держался фамильной политики, представлялъ территоріальное государство безъ внутренней связи между его составными частями. Корона германской имперіи была цѣлью его честолюбивыхъ стремленій, потому что она все еще доставляла высшій санъ христіанскаго міра; но она не доставляла никакого усиленія власти и не имѣла будущности. Съ Вестфальскаго мира нельзя было болѣе разсчитывать на возможность объединенія силъ всего нѣмецкаго народа подъ верховенствомъ католическаго императора. Самый могучій политическій геній не былъ бы въ состояніи избрать себѣ задачей имперскую реформу, поворотъ германскаго строя на путь централизаціи. Понятіе австрійскаго государства не существовало; вслѣдствіе этого ни династія, ни тайный совѣтъ не задавались вопросомъ, въ какомъ направленіи должны и могутъ расширяться фамильныя владѣнія, чтобы постепенно преобразоваться въ настоящее государство.

Міровая политика, вести которую вынуждали Габсбурговъ ихъ непредвидѣнныя колоссальныя пріобрѣтенія по наслѣдству, препятствовала имъ употребить все должное вниманіе на созданіе прочнаго союза между Дунайскими областями и на проведеніе единства управленія въ ихъ неоспоримыхъ и прочно утвержденныхъ владѣніяхъ. Вниманіе Габсбурговъ постоянно отвлекалось погоней за всевозможными выгодами, которыхъ можно было достичь въ отдаленныхъ краяхъ; свои крупныя средства они растрачивали на безплодныя предпріятія и упускали надзоръ за порядкомъ въ своихъ старинныхъ областяхъ, гдѣ можно было пріобрѣсть и богатство, и могущество. Веденіе турецкой войны кончилось успѣшно, завоеваніе Венгріи и Семиградіи открыло на цѣлое столѣтіе поприще для колонизаціонной дѣятельности. Тутъ являлась возможность разрѣшить величайшія экономическія задачи и добыть такія сокровища, какими не обладала ни одна изъ правящихъ фамилій Европы. Балканскія области лежали безъ прикрытія передъ императорскими войсками, и никогда еще условія въ такой степени не благопріятствовали ихъ быстрымъ успѣхамъ. Вновь усилившаяся республика Венеція могла бы стать такимъ союзникомъ, планы котораго постоянно совпадали бы съ цѣлями Габсбурговъ; усиленіе этого союзника вело бы за собою не ущербъ, а постоянный подъемъ благосостоянія земель внутренней Австріи; обмѣнъ продуктами и си-

лами былъ вѣдь необходимъ, неизбѣженъ, подразумѣвался самъ собою. Чѣмъ больше гаваней пріобрѣтали венеціанцы на греческомъ, македонскомъ, албанскомъ берегу, тѣмъ легче и выгоднѣе можно было бы использовать произведенія тѣхъ странъ, которыми завладѣла Австрія; восточный бассейнъ Средиземнаго моря снова могъ бы возвратить себѣ прежнее торгово-политическое значеніе, потому что изъ тысячи путей, связывавшихъ въ былыя времена Адрію съ Левантомъ, не всѣ еще разорвались, и они могли быть завязаны вновь.

Смерть Карла II, послѣдняго родственника, объединявшаго Испанію, Неаполь, Миланъ, католическіе Нидерланды и „обѣ Индіи" подъ своей державой, была роковою для германскихъ Габсбурговъ, потому что она снова вовлекла ихъ въ широкую міровую политику, въ которой имъ счастье не благопріятствовало со временъ Максимиліана и Карла I (V), и отвлекла отъ непосредственно доступныхъ и многообѣщавшихъ предпріятій, которыя, можетъ быть, были бы намѣчены и осуществлены австрійскимъ домомъ, если бы у него нашелся необходимый для этого досугъ. Всѣ эти соображенія не могли вліять на императора Леопольда. Габсбургскія традиціи налагали на него рядъ обязанностей, отъ которыхъ онъ не отваживался уклоняться. Его непоколебимое упованіе на верховный промыселъ было еще укрѣплено побѣдами надъ невѣрными: онъ вѣрилъ въ свое право и святость своего призванія, повелѣвавшаго ему защищать это право; политическое размышленіе и практика государственнаго искусства не оказывали вліянія на рѣшенія императора. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы понять, что для него есть только одинъ путь къ крупнымъ успѣхамъ: мирное соглашеніе съ Людовикомъ XIV, раздѣлъ испанскаго наслѣдства и совмѣстное отраженіе всякаго посторонняго вмѣшательства. Но онъ не только не избралъ этого пути, но даже не особенно тревожился приготовленіями остальныхъ державъ на случай освобожденія испанскаго престола.

Вильгельмъ Оранскій давно уже успѣлъ уяснить себѣ, что для европейскаго спокойствія будетъ всего выгоднѣе, если ни Бурбоны, ни Габсбурги не получатъ возможности значительно усилиться, и если будетъ сохранена неприкосновенность и независимость Испанской монархіи. Существовалъ для нея и наслѣдникъ, права котораго можно было доказать безъ особыхъ натяжекъ: курпринцъ Іосифъ Фердинандъ Баварскій, сынъ отъ брака курфюрста Макса Эмануила съ эрцгерцогиней Маріей Антуанеттой, единственной дочерью Леопольда I и инфанты испанской Маргариты Терезіи. Если бы придерживаться въ испанскомъ престолонаслѣдіи женской линіи, то Іосифъ Фердинандъ являлся правопреемникомъ своей матери, умершей еще въ 1692 году. Людовикъ XIV вступилъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ въ совѣщанія насчетъ договора о раздѣлѣ (11 октября 1698 года), по которому курпринцъ долженъ былъ получить Испанію, католическіе Нидерланды (Бельгію) и колоніи, французскій дофинъ, — Неаполь и Сицилію; второй сынъ императрицы Карлъ, — герцогство Миланское, которое къ тому же было леномъ Германской имперіи; но, когда Карлъ II Испанскій подписалъ 14 ноября 1698 года завѣщаніе, въ которомъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ курпринца, Людовикъ отказался признать его и ожидалъ дальнѣйшаго хода событій, исподволь вербуя среди испанскихъ грандовъ сторонниковъ для своего внука Филиппа.

Еще разъ положеніе дѣлъ требовало, чтобы императоръ, — который тоже оспаривалъ наслѣдное право курпринца и право угасавшаго короля Карла распоряжаться наслѣдствомъ, — вошелъ съ Людовикомъ XIV въ соглашеніе относительно раздѣла. Такой раздѣлъ могъ бы принести наибольшія выгоды, если бы привлечь къ участію въ договорѣ и курфюрста Баварскаго, который за королевство Бельгійское согласился бы отказаться

отъ своихъ баварскихъ владѣній. Такимъ путемъ Габсбурги пріобрѣли бы нѣмецкую область, усилили бы свое вліяніе въ Германіи, могли бы обѣщать Миланъ и Неаполь въ удѣлъ второму сыну Карлу, и за все это уступили бы Испанію Бурбонамъ. Такимъ образомъ силы австрійскаго дома не были бы растрачены въ войнѣ за испанское наслѣдство, кончившейся гораздо менѣе успѣшно, а были бы свободны для продолженія наступательной борьбы съ турками и для колонизаціи по нижнему Дунаю и въ сѣверныхъ Балканскихъ областяхъ. Но раньше еще, чѣмъ былъ составленъ планъ и сдѣланы хотя бы первые шаги для переговоровъ съ Франціей, внезапная кончина баварскаго курпринца (6 февраля 1699 г.), какъ разъ собиравшагося отплыть изъ Амстердама въ Италію, измѣнила все положеніе дѣлъ.

Въ мартѣ 1700 года Людовикъ вошелъ въ обсужденіе сдѣланныхъ Вильгельмомъ Оранскимъ новыхъ предложеній о раздѣлѣ, чтобы удержать Вильгельма отъ сближенія съ императоромъ; послѣдній, между тѣмъ, опирался исключительно на благопріятное для его дома завѣщаніе своего испанскаго родича, не сомнѣваясь въ томъ, что оно будетъ признано и морскими державами. Принимая во вниманіе, что испанскій народъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ относился ко всякимъ проектамъ раздѣла, можетъ быть, еще удалось бы провести наслѣдованіе нѣмецкаго Габсбурга, если бы онъ явился въ королевство съ достаточной военной силой, чтобы, пользуясь ея поддержкой, оказать энергичное сопротивленіе французской арміи, вторженія которой слѣдовало ожидать вслѣдъ за смертью короля. Но Леопольдъ не видѣлъ для себя возможности рѣшиться на такія издержки, да и въ самомъ дѣлѣ это обошлось бы ему не дешево. Поэтому онъ согласился на предложеніе Людовика, взаимно обязаться не приступать ни къ какимъ военнымъ мѣропріятіямъ въ Испаніи при жизни короля. Всѣ выгоды этого соглашенія были на сторонѣ Франціи: по полученіи перваго извѣстія о смерти короля она могла доставить войско къ берегамъ Эбро во столько же дней, сколько требовалось недѣль для императора, чтобы высадить хоть одинъ полкъ въ любой испанской гавани. При такихъ обстоятельствахъ умиравшій въ Мадридѣ Габсбургъ никоимъ образомъ не могъ придти къ геройскому рѣшенію призвать на престолъ своего вѣнскаго родственника вопреки волѣ могучаго сосѣда; въ его собственной странѣ сторонники мира, въ ихъ числѣ особенно Луисъ Мануэль Фернандесъ графъ Порто-Карреро, архіепископъ Толедскій, ставили королю на видъ, что вся Испанія будетъ занята французскими войсками раньше, чѣмъ эрцгерцогъ успѣетъ выступить въ бой для защиты своихъ правъ.

Подъ давленіемъ этихъ соображеній было составлено завѣщаніе отъ 3 октября 1700 г., которымъ признавалось право инфанты Маріи Терезіи на престолонаслѣдіе, и на престолъ призывались ея потомки, именно прежде всего второй сынъ дофина герцогъ Филиппъ Анжуйскій, а если бы ему достался французскій престолъ, то братъ его Карлъ Беррійскій. Только послѣ Бурбоновъ наслѣдовали германскіе Габсбурги, послѣ нихъ Савойскій домъ, происходившій отъ сестры Филиппа III. 1 ноября 1700 года завѣщаніе уже вступило въ силу: въ этотъ день умеръ Карлъ II, правнукъ Филиппа II, послѣдній отпрыскъ рода, въ теченіе столѣтія бывшаго самымъ могущественнымъ въ Европѣ.

Черезъ двѣ недѣли Людовикъ XIV поздравилъ герцога Анжуйскаго со вступленіемъ на испанскій королевскій престолъ подъ именемъ Филиппа V Испанскаго и одновременно ввелъ его во владѣніе всѣми коронами, соединенными съ этимъ титуломъ. Теперь Людовикъ считалъ свою игру окончательно выигранной; ему было извѣстно, что ни Англія, ни Голландія не склонны къ новымъ военнымъ предпріятіямъ и крупнымъ финансовымъ затратамъ. Людовикъ разсчитывалъ, что если ему удастся

въ возможно кратчайшій срокъ фактически завладѣть всѣми испанскими областями, то морскія державы едва ли найдутъ возможность оспаривать у него добычу. Силы же императора Людовикъ считалъ не настолько значительными, чтобы устоять противъ отличныхъ войскъ, которыми онъ располагалъ.

Б. Прусское королевство.

Императоръ Леопольдъ твердо рѣшилъ, что онъ не долженъ признавать завѣщанія своего двоюроднаго брата; что онъ, напротивъ, какъ глава имперіи и представитель правъ своей фамиліи, силою долженъ воспрепятствовать захвату Испаніи французскими войсками. Старшій сынъ его римскій король Іосифъ, со всѣми своими придворными приверженцами, давно уже былъ убѣжденъ въ этой необходимости; въ этомъ смыслѣ онъ энергично вліялъ на императора, чтобы тотъ какъ можно скорѣе доставилъ принцу Евгенію средства для начала итальянскаго похода. Рѣшительность поведенія германскихъ Габсбурговъ укрѣплялась еще сознаніемъ, что у нихъ не только станетъ во главѣ начинающей войну арміи выдающійся полководецъ, но есть еще и готовый къ бою союзникъ, котораго пѣхота и конница вызывали удивленіе Европы: это былъ курфюрстъ Бранденбургскій и — король Прусскій. Фридрихъ III, сынъ и преемникъ Великаго курфюрста, не былъ духовными качествами похожъ на отца; добродушный, любившій пышность государь со скромными политическими дарованіями, онъ придалъ внѣшнюю законченность созданію прусскаго государства, доставивъ ему и формальный титулъ европейской державы второго класса. То, что тогда могло казаться только удовлетвореніемъ личнаго тщеславія, пріобрѣло въ позднѣйшія времена значеніе важной ступени развитія. Не безразлично обстоятельство, что это событіе относится къ эпохѣ, когда императорскій домъ приносилъ своимъ планамъ и идеямъ міровой политики самыя тяжелыя жертвы. Если бы Габсбургамъ не предстояла рѣшительная борьба съ соперниками Бурбонами, они никогда не дали бы своего согласія на учрежденіе нѣмецкаго королевства, а безъ согласія императора конечно было невозможно признаніе Пруссіи королевствомъ.

Правда, и съ другой стороны нашлись охотники эксплоатировать пламенное желаніе курфюрста; сосѣдъ его Фридрихъ Августъ I, курфюрстъ Саксонскій, ставшій, цѣною своего протестантскаго исповѣданія (перешелъ въ католичество 1 іюня 1697 г. въ Баденѣ, близъ Вѣны) избраннымъ королемъ Польскимъ 27 іюня 1697 года, съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы, что его отпаденіе нашло подражателей и что бранденбургскій курфюрстъ выхлопоталъ себѣ отъ папы возведеніе въ королевскій санъ. Все, что для этого требовалось, — было принятіе католичества. Епископъ Эрмеландскій Андрей Хризостомъ Залускій уже прибылъ въ Берлинъ съ грамотой папы Иннокентія XII, въ которой довольно откровенно высказывалась готовность куріи на такую сдѣлку. Но въ этомъ случаѣ курфюрстъ Фридрихъ доказалъ, что у него есть болѣе серьезные задатки, чѣмъ позволялъ предполагать его внѣшній образъ жизни; онъ ни на мгновеніе не подчинился мысли о перемѣнѣ вѣры и только позволялъ полякамъ питать подобныя надежды до тѣхъ поръ, пока ему казалась опасной ихъ оппозиція возвышенію Пруссіи. Вѣрность, съ которою онъ сохранилъ свои религіозныя убѣжденія, подняла его во мнѣніи современниковъ и доставила его дому положеніе въ протестантской Германіи, которое утратилъ легкомысленный веттинецъ ради польской чечевичной похлебки.

Также вѣрно Фридрихъ понялъ, что ему не слѣдуетъ принимать желанную корону изъ рукъ короля Франціи; вѣдь королевскій санъ долженъ былъ дать ему не вассальное положеніе, а независимость, и прину-

дить европейскихъ государей считать его своимъ равнымъ. Изъ римской имперіи германской націи должно было возникнуть новое прусское королевство, не какъ врагъ ея, а какъ новое выраженіе силы, все еще таившейся въ этомъ захудаломъ организмѣ. Поэтому согласіе императора было важнѣйшимъ условіемъ и въ то же время залогомъ признанія со стороны всѣхъ остальныхъ державъ, для которыхъ рѣшающимъ являлось отношеніе императора. Могло случиться и иначе: во время смутъ предстоявшей войны Бранденбургъ могъ бы захватить какую-нибудь область, подходящую къ его владѣніямъ, и заявить притязанія на королевскій титулъ; такъ, вѣроятно, и поступилъ бы Великій курфюрстъ. Путь, который избралъ Фридрихъ, былъ вѣрнѣе, соотвѣтствовалъ его состоянію. Онъ стоилъ ему жертвъ; но онѣ были невелики въ сравненіи съ быстро достигнутыми успѣхами. 24 іюля 1700 года тайный совѣтъ императора далъ принципіальное согласіе на веденіе переговоровъ по этому вопросу, 16 ноября они были закончены. Бранденбургъ отклонилъ всякое формальное возведеніе въ королевскій санъ императоромъ и только заплатилъ, за обѣщаніе послѣдняго привѣтствовать новаго короля послѣ его коронованія, обязательствомъ помочь императору въ войнѣ изъ-за принадлежавшихъ имперіи частей испанскаго наслѣдства (включая герцогство Миланское) арміей въ 8000 человѣкъ, за содержаніе которыхъ въ мирное время платы не полагалось, въ военное время полагалась плата въ 100,000 талеровъ. Сверхъ того курфюрстъ отказывался отъ всѣхъ претензій на недополученныя имъ отъ Австріи пособія и обязывался, за себя и наслѣдниковъ, подавать голосъ при избраніяхъ римскаго короля за австрійскаго эрцгерцога. За это императоръ предоставлялъ новому королю оранское наслѣдство послѣ смерти Вильгельма.

18 января 1701 года Фридрихъ возложилъ на себя и свою супругу, въ Кенигсбергѣ, королевскую корону, и такимъ образомъ возвелъ Пруссію, которая по договорамъ въ Лабіау и Велау уже освободилась отъ всѣхъ ленныхъ обязательствъ, на степень королевства. Курфюрстъ Бранденбургскій былъ теперь одновременно и королемъ Прусскимъ, какъ курфюрстъ Саксонскій—королемъ Польскимъ, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій — королемъ Датскимъ, а на десятилѣтіе позже курфюрстъ Ганноверскій сталъ королемъ Англійскимъ. Формы личной уніи и правовой связи между имперской областью и независимой монархіей были во всѣхъ этихъ случаяхъ тождественны, но фактическіе результаты слагались далеко неодинаково. Только бранденбургскій курфюрстъ сталъ нѣмецкимъ королемъ. Его королевской резиденціей былъ сдѣланъ Берлинъ, а не Кенигсбергъ.

B. **Сѣверная война.**

Прусско-бранденбургская помощь была для императора тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе его близкій союзникъ курфюрстъ Саксонскій и король Польскій оказывался не въ состояніи выполнить обѣщанія, данныя имъ на случай войны съ Франціей. Главнымъ образомъ по его винѣ вспыхнула война изъ-за прибалтійскихъ областей, которой предстояло волновать Европу, вмѣстѣ съ войной за испанское наслѣдство, цѣлое десятилѣтіе: это была вторая, или великая сѣверная война (1700—1718 г.). Еще разъ засверкало ослѣпительнымъ блескомъ шведское боевое счастье. Уже можно было думать, что скандинавскій народъ, подъ предводительствомъ новаго героя-короля, достигнетъ положенія великой державы, которое онъ занималъ при Густавѣ II, Адольфѣ и Карлѣ X Густавѣ.

Но рѣшеніе состоялось въ совершенно иномъ направленіи: на мѣсто Швеціи на востокѣ Европы выступила новая великая держава, царство русскихъ славянъ, счастливыхъ и одаренныхъ отличными политическими

качествами сосѣдей Польши (см. томъ V). Не сознавая собственнаго историческаго призванія, русскіе были, въ одно поколѣніе, подняты геніальнымъ государемъ на такую ступень, которая сдѣлала ихъ способными воспринять большую часть постепенно выработавшихся въ Средней и Западной Европѣ государственныхъ учрежденій и создать себѣ жизнеспособную государственную организацію. Кто можетъ представить себѣ переходъ отъ незначительной Москвы къ русской имперіи безъ личности Петра Великаго? Кто можетъ отдѣлить судьбы созданной имъ монархіи отъ воли ея повелителей? Только повинуясь своимъ государямъ, Россія стала европейской великой державой, въ которой славянство достигло мощи и величія. Главная заслуга русскихъ заключается при этомъ въ ихъ способности къ подчиненію, послушанію и въ ихъ непоколебимомъ довѣріи къ царю, какъ исполнителю Божественнаго промысла. Эти качества дали русскимъ побѣду надъ поляками; они дали имъ способность къ тому великому историческому призванію, которое постигъ царь Петръ I и принялъ на себя и своихъ преемниковъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого сознанія, окрѣпшаго во время путешествій Петра I по Западной Европѣ, было его участіе въ нападеніи Фридриха-Августа Саксонскаго-Польскаго на Швецію. Этимъ представлялся случай пріобрѣсть для Россіи области по берегу Балтійскаго моря. Не пользуясь плодами взятія Азова въ 1696 году, Петръ поспѣшилъ заключить миръ съ Портой (2 іюля 1700 года), чтобы получить свободу дѣйствій для своихъ предпріятій на сѣверѣ: онъ твердо сознавалъ, что не связь съ Востокомъ, а облегченіе сношеній съ Западомъ можетъ укрѣпить его внутреннія реформы и ввести Россію въ среду европейскихъ державъ. Когда порывистый юноша, занимавшій шведскій престолъ, послѣ побѣды надъ Даніей (Травендальскій миръ 18 августа 1700 года) напалъ при Нарвѣ съ 8,000-нымъ войскомъ на 40,000-ную русскую армію и разбилъ ее 30 (19) ноября 1700 года, Петръ все-таки не уклонился отъ своей цѣли. Пораженіе только тѣмъ сильнѣе побудило его къ усовершенствованію русской военной организаціи, и онъ отлично понялъ, что его „неопытные ученики не могли устоять передъ этимъ старымъ, вышколеннымъ и испытаннымъ войскомъ“. Насмѣшки Европы надъ московской неумѣлостью, о которой въ шведскихъ отчетахъ разсказывались удивительныя вещи, длились недолго; царь сумѣлъ реорганизовать военную администрацію, перелилъ колокола на пушки, нашелъ новые источники доходовъ и вскорѣ былъ уже въ состояніи снова перейти въ наступленіе. Между тѣмъ Карлъ XII, къ удовольствію своего противника, имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ польскія смуты; онъ водилъ свое войско взадъ и впередъ по Привислянскимъ областямъ и возведеніемъ на престолъ, какъ анти-короля, Станислава Лещинскаго (1704 г.) еще усилилъ партійные раздоры польскаго дворянства, лишавшіе Рѣчь Посполитую ея послѣднихъ силъ.

Г. Великій союзъ.

Хотя сѣверныя осложненія и препятствовали усиліямъ императора провести чрезъ области германскаго союза значительныя военныя силы для защиты рейнской границы, однако они не заставили его отказаться отъ рѣшенія прибѣгнуть къ оружію для защиты своихъ правъ.

Рѣшеніе послать войска въ Верхнюю Италію подъ начальствомъ принца Евгенія, для возвращенія почти уже захваченнаго французами герцогства Миланскаго, было однимъ изъ удачнѣйшихъ, которое Леопольдъ I сдѣлалъ за свое долгое царствованіе. Успѣхи принца Евгенія подняли престижъ австрійскаго дома и имѣли рѣшающее значеніе для тѣхъ государствъ, которыя еще колебались, вообще, принять ли имъ участіе въ раз-

дѣлѣ испанскаго наслѣдства, или спокойно отнестись къ переходу испанскаго королевства къ внуку Людовика XIV. Вѣсть о томъ, что Евгеній достигъ венеціанской территоріи переходомъ чрезъ бездорожныя еще тогда Альпы и, разбивъ французскія войска, занимавшія крѣпкія позиціи подъ начальствомъ маршала Николая Катина (битва при Карпи 9 іюля 1701 г.), оттѣснилъ ихъ до рѣки Огліо, произвела потрясающее впечатлѣніе. Но когда императорскій полководецъ отразилъ и герцога Вильруа (Кіари 1 сент.), отбивъ французовъ съ значительнымъ урономъ, возликовали вдругъ всѣ враги Франціи и явные, и тайные. Тогда возродилась мысль о новомъ союзѣ противъ того, кто стремился къ диктаторству въ Европѣ.

Несмотря на это, сомнительно однако, присоединились ли бы снова къ императору морскія державы, если бы самъ Людовикъ путемъ невѣрныхъ шаговъ не открылъ имъ опасности, которая имъ угрожала, не обезпечивъ еще собственнаго успѣха.

Вильгельмъ Оранскій III не рѣшался предложить англійскому парламенту разрывъ съ Франціей: онъ зналъ, какую выгоду извлекаютъ отъ торговли съ Испаніей англійскій купецъ и морякъ, и имѣлъ въ виду серьезныя потери, которыя долженъ повлечь за собою этотъ разрывъ, вызванный войной.

Вотъ почему онъ относился съ большой сдержанностью къ предложеніямъ императора и утѣшалъ французскаго посла указаніями на будущее, когда миролюбивое настроеніе Англіи и Генеральныхъ Штатовъ можетъ совершенно измѣниться. Осторожность его основывалась еще и на томъ, что въ Англіи долженъ былъ тогда рѣшиться вопросъ о наслѣдіи, а натянутость между трономъ и парламентомъ могла бы уничтожить его планы. Со смертью послѣдняго ребенка его невѣстки Анны, супруги принца Георга Датскаго, исчезли виды на продолженіе евангелическаго потомства Карла II; поднялись было шансы на возвращеніе Іакова II или сына его Іакова III; но этому воспротивились обѣ партіи парламента, принявшія законъ о наслѣдіи Ганноверскаго рода.

Между тѣмъ дальновидность опытнаго политика сказалась. Будучи менѣе всего заинтересованнымъ въ общемъ спорѣ, Людовикъ XIV считалъ, что ему удастся смирить Голландію, несоглашавшуюся признать Филиппа Анжуйскаго королемъ испанскимъ, и удержать ее отъ всякихъ враждебныхъ попытокъ.

Въ февралѣ 1701 года онъ переправилъ чрезъ испанско-нидерландскую границу маршала Луи-Франсуа де Буфлера съ требованіемъ возвратить тѣ крѣпости, въ которыхъ въ силу барьернаго трактата съ Испаніей находились голландскіе гарнизоны. Испанскій штатгальтеръ въ Брюсселѣ Максъ-Эмануилъ Баварскій даже самъ предложилъ комендантамъ сдать крѣпости Франціи, слѣдствіемъ чего было, что 23 голландскихъ батальона попали къ французамъ въ плѣнъ. Съ признаніемъ Филиппа, Генеральные Штаты также принуждены были подчиниться французамъ, противъ которыхъ въ данный моментъ они были совершенно безоружны; но недовольство ихъ достигло высшей степени, что они явно выразили англійскому парламенту. Послѣдній обѣщалъ послать въ Гаагу, гдѣ обсуждались условія поддержанія мира, своего посла. Когда послѣ долгихъ сопротивленій распространенію переговоровъ и Людовикъ XIV склонился къ послѣднему, Штаты и Англія пошли еще дальше и потребовали, чтобы къ нимъ примкнулъ и какой-нибудь императорскій посолъ. Тогда для Франціи выросла опасность, что исполненіе завѣщанія Карла II послужитъ на-руку европейскому конгрессу. Въ то время, какъ дипломатическія отношенія между домомъ Бурбонскимъ и морскими державами замѣтно обострялись, общественное мнѣніе Англіи постепенно переходило въ оппозицію. Тори боялись потерять вліяніе, если они воспротивятся теченію, и примирились съ Ганноверскимъ наслѣдіемъ; но имъ удалось стать во главѣ внѣшней политики и провести

въ Нижней палатѣ слѣдующее руководящее для короля объясненіе: „Королю умѣстно соединиться съ императоромъ, — для поддержанія свободы Европы, благоденствія и мира Англіи и съ цѣлью ограничить чрезмѣрную мощь Франціи“.

Надежда на сильную помощь Англіи въ предстоящей войнѣ, а также и извѣстія, приходившія изъ Италіи, не прошли безслѣдно и для Голландіи. Прибывъ на родину въ сентябрѣ 1701 года, Вильгельмъ Оранскій осуществилъ Великій Союзъ, признавшій захватъ всей испанской монархіи французскимъ государемъ неправильнымъ. За императоромъ признано владѣніе католическими Нидерландами, Миланомъ, Неаполемъ и Сициліей, а также и испанскими островами въ Средиземномъ морѣ. Морскія державы выговорили себѣ право присоединить себѣ ту часть вестъ-индскихъ колоній, которую они находятъ наиболѣе подходящей для ихъ торговли и мореплаванія. Испанія и Франція никогда не должны слиться, и король французскій ни въ какомъ случаѣ не можетъ управлять одновременно и Испаніей. Пока эти условія не будутъ обезпечены, ни одно государство не можетъ вступать въ переговоры. У наслѣднаго герцога Карла, къ которому Испанія перешла въ наслѣдіе отъ его отца, не отнимается право укрѣпить королевство за собой, но союзники не обязаны поддерживать его въ этомъ предпріятіи. Однако, несмотря на это, они предоставили ему свой флотъ для пользованія.

Постановленія союза не дѣлали войну необходимой. Если бы Людовикъ XIV понялъ серьезность своего положенія и согласился бы на раздѣлъ своего чрезмѣрно выросшаго владѣнія, удачное соглашеніе было бы вполнѣ возможно. Но его политическіе планы приняли уже слишкомъ величественный характеръ, чтобы онъ могъ согласиться на предложеніе добровольнаго ограниченія своего могущества; заключенный 9-го марта 1701 года союзъ его съ Максимиліаномъ II Эмануиломъ Баварскимъ, братъ котораго Іосифъ Клеменсъ Кельнскій и безъ того уже зависѣлъ отъ него, воскресилъ въ немъ новыя надежды. Вотъ почему вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу морскимъ державамъ и побудить ихъ къ посредничеству между нимъ и Габсбургскимъ домомъ, онъ окончательно порвалъ съ Англіей, признавъ королемъ тринадцатилѣтняго Іакова III (сына Іакова II, умершаго 17 сент. 1701 г.), и, разрѣшивъ Филиппу носить титулъ графа Габсбургскаго и герцога Австрійскаго, вызвалъ императора къ суровому противодѣйствію безъ всякаго повода со стороны послѣдняго.

Вильгельмъ Оранскій только нѣсколько мѣсяцевъ жилъ послѣ этого измѣненія въ отношеніяхъ европейскихъ великихъ державъ: онъ упалъ съ лошади, отчего и скончался 9 марта 1702 г., доживъ до сдачи Кремоны и, въ высшей степени обезкуражившаго Францію, плѣна полководца Вильруа (1 февр. 1702 г.). Союзъ противъ Людовика XIV остался завѣтомъ Вильгельма Оранскаго. Невѣстка его Анна конечно продолжала союзъ, такъ какъ ея царствованіе только и покоилось на антагонизмѣ съ ея родственниками, поддерживаемыми Франціей. Сильно желалъ войны супругъ ея подруги, Мальборо; видя въ ней путь къ славѣ и богатству, онъ разсчитывалъ не только на сильную помощь англійскаго парламента, но также и на правильно-понимаемую оранскую политику въ Штатахъ, гдѣ въ лицѣ совѣтника Антонія Гендіуса онъ нашелъ одушевленнаго сторонника и вѣрнаго исполнителя предначертаній Вильгельма.

Надежды Людовика относительно Германской имперіи не осуществились; оба Вительсбаха не встрѣтили никакого сочувствія. Соединенные и вооруженные округи заключили-было договоръ съ Баваріей о нейтралитетѣ, но во-время сообразили невыгоду для нихъ такого положенія и снова примкнули къ императору, на сторонѣ котораго былъ маркграфъ Людвигъ-Вильгельмъ Баденскій, взявшій на себя защиту Рейна. Ганноверъ и Люнебургъ послали Генеральнымъ Штатамъ 6000 чел., Англіи

10,000; прусскій король послалъ морскимъ державамъ 6000 чел., кромѣ предназначенной для императора и его государства военной помощи.

Война началась весною 1702 года на Рейнѣ и въ Нидерландахъ одновременно. Максъ-Эммануилъ открыто сталъ на сторону Франціи; онъ напалъ на главный городъ Ульмъ и овладѣлъ Регенсбургомъ.

Задачей Макса-Эммануила было держаться на Дунаѣ до тѣхъ поръ, пока французское войско перейдетъ Шварцвальдъ и присоединится къ нему. Далѣе было намѣчено идти на Вѣну. Но соединеніе маршала Клода герцога де Виллара съ содержимой Франціей баварской арміей произошло только 12 марта 1703 г. Однако оба войска еще и теперь не чувствовали себя въ силахъ двинуться на Вѣну, не будучи обезпеченными отъ противодѣйствія въ Тиролѣ. Кромѣ того, Максъ-Эммануилъ имѣлъ еще въ виду сохранить за собой эти земли, что онъ считалъ вполнѣ выполнимымъ. Поэтому онъ стремился соединиться съ дѣйствовавшимъ тогда въ Верхней Италіи герцогомъ Вандомскимъ, которому принцъ Евгеній нанесъ кровавое, но нерѣшительное пораженіе при Луццарѣ (15 авг. 1702 г.). Къ этому времени баварцы окрѣпли, взяли Иннсбрукъ и подошли къ Бреннеру; тогда поднялись тирольцы, войска которыхъ сохранили организацію 1511 года, и разбили ихъ сначала при Ландекѣ, потомъ при Бреннерѣ. Такимъ образомъ планы курфюрста Баварскаго не удались. Если бы Людвигъ Баденскій, долгое время стоявшій на Дунаѣ со своимъ численнымъ преимуществомъ противъ французскихъ войскъ подъ начальствомъ Виллара, понялъ бы и использовалъ бы моментъ, Максъ-Эммануилъ былъ бы стѣсненъ и принужденъ заключить невыгодный миръ. Но тутъ онъ, въ соединеніи съ Вилларомъ, повели дѣло очень ловко и даже одержали побѣду надъ императорскими войсками подъ начальствомъ австрійскаго графа Германа Отто Стирума (при Гехштедтѣ, 20 сент. 1703 г.).

Дѣла императора были плохи, не было денегъ для снаряженія и платы войскамъ. Хотя во главѣ военнаго совѣта находился принцъ Евгеній, но его жаркія усилія доставить войскамъ хотя бы необходимое были безуспѣшны, такъ какъ приходилось воевать и въ Венгріи. Внутренняя, нетерпимая политика Леопольда приносила теперь свои плоды. Если бы завоеванной Венгріи предоставили свободу религіи и, по признаніи ею габсбургской династіи въ пресбургскомъ рейхстагѣ въ 1687 году, сохранивъ самоуправленіе въ странѣ, занялись бы колонизаціей, благоустройствомъ городовъ, постройкой судовъ, заселяли бы страну нѣмецкими крестьянами и ремесленниками, поддерживали бы ихъ матеріальные интересы, тогда не воспламенилась бы такъ страсть по условіямъ жизни при турецкомъ владычествѣ, послужившая честолюбивымъ планамъ Бетели и Ракочи, пользовавшихся для осуществленія своихъ прихотей французскими деньгами. Торговыя дѣла велись въ Венгріи главнымъ образомъ чрезъ посредство „войскового еврея“ Оппенгеймера, причемъ такъ легкомысленно, что кредитъ Австрійскаго дома совершенно палъ. Доходовъ отъ заклада драгоцѣнностей короля не хватало для покрытія необходимѣйшихъ посольскихъ разъѣздовъ. О правильномъ платежѣ жалованья, достаточномъ снабженіи провіантомъ, возмѣщеніи потерь дѣйствовавшихъ полковъ не могло быть и рѣчи.

Предводитель итальянскаго войска графъ Гвидо Штарембергъ получалъ изъ Вѣны такъ мало поддержки, что онъ даже заподозрилъ было своего старшаго начальника въ желаніи поставить его въ невозможныя условія по отношенію къ могущественному врагу. Несмотря на это, онъ занялся своимъ врагомъ, предпринявшимъ столь неудачный походъ въ Тріентъ для соединенія съ Максомъ-Эммануиломъ, и въ началѣ 1704 г. съ 14,660 челов. совершилъ знаменитый фланговый походъ по правому берегу По, чрезъ Апеннины и Монтферратскую горную страну, въ Туринъ, гдѣ онъ соединился съ перешедшимъ на сторону императора герцогомъ Вик-

торомъ Амедеемъ II Савойскимъ. Съ этого момента начинаютъ сражаться въ Верхней Италіи на двухъ отдѣльныхъ театрахъ: на Минчіо, озерѣ Гарда и въ Бресчіанскихъ Альпахъ, съ одной стороны, на рѣкѣ По у Кивассо и Кресчентино, съ другой. Къ Великому Союзу присоединился также и донъ Педро II Португальскій; по его настоянію англійско-голландскій флотъ привезъ въ Лиссабонъ наслѣднаго герцога Карла, которому императоръ уступилъ свое право на соединенныя испанскія владѣнія. Хотя и не хватило средствъ для дружнаго похода на Иберійскій полуостровъ, все-таки удалось задержать тамъ значительныя французскія силы. Маршалъ Ренэ де Фрулэ графъ Тессэ рѣшился на осаду завоеванной 1704 г. императорскимъ фельдмаршаломъ принцемъ Георгомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ крѣпости Гибралтаръ (1705 г.), что ему стоило 10,000 человѣкъ.

Д. Принцъ Евгеній и Мальборо.

Людовикъ XIV все еще мечталъ о счастливомъ поворотѣ войны, когда Максъ-Эммануилъ во главѣ баварско-французскаго войска двинется къ Вѣнѣ и укрѣпится въ императорской резиденціи. Онъ заставилъ уже сдаться Пассау (1704 г.) и шелъ по направленію къ Линцу. Разстановка воюющихъ войскъ представляла собой въ высшей степени замѣчательное зрѣлище; поразительно быстрое соединеніе видимо несвязанныхъ разсѣянныхъ корпусовъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ въ исторіи этой войны. Максъ-Эммануилъ съ 16,000 человѣкъ находился въ Верхней Австріи, маршалъ Марсенъ съ 20—22,000 французовъ въ Аугсбургѣ между рѣками Иллеръ и Лехъ, около 10,000 баварцевъ — гарнизонами въ Мюнхенѣ, Ингольштадтѣ, Ульмѣ и во многихъ меньшихъ городахъ; противъ нихъ находилось 10,000 австрійцевъ въ Верхней Австріи и на границѣ съ Тиролемъ, имперская армія въ 21,000 подъ начальствомъ фельдмаршала Тюнгена и нидерландскаго генерала Гоора въ области Боденскаго озера съ главной квартирой въ Брегенцѣ, затѣмъ еще армія подъ предводительствомъ маркграфа Христіана-Эрнста Бранденбургъ-Байрейтскаго (императорскія войска, франконскія и прусскія подъ начальствомъ Леопольда Дессаускаго составляли вмѣстѣ не больше 14,000 чел.) во Франконіи. Войска Марсена были въ довольно жалкомъ состояніи и весьма нуждались въ пополненіи ихъ рекрутами, которыхъ долженъ былъ ему поставить маршалъ Камиллъ Таллаpъ, находившійся на верхнемъ Рейнѣ съ 30,000 человѣкъ. На р. Мозелѣ стояло 14,000 французовъ подъ начальствомъ герцога Франсуа Куаньи. Маркграфъ Людвигъ-Вильгельмъ Баденскій, стоявшій въ Ашаффенбургѣ, могъ выставить противъ него и Таллара 30,000 чел. императорскихъ войскъ и нанятыхъ голландцами гессенъ-дармштадтцевъ и люнебургцевъ; большинство силъ онъ сосредоточилъ на рейнской долинѣ противъ Страсбурга и въ проходахъ Шварцвальда. Въ Нидерландахъ въ теченіе года стояла англо-голландская армія подъ предводительствомъ герцога Мальборо; противъ стояли французы подъ начальствомъ Вильруа. Обѣ арміи бездѣйствовали. Это объясняется тѣмъ, что голландскіе военные комиссары вмѣшивались во всѣ военные вопросы и создавали непреодолимыя препятствія при малѣйшемъ расширеніи плана дѣйствія; они привыкли смотрѣть на войну какъ на торговлю и, будучи жадными купцами, склонными ко всякимъ хитрымъ предпріятіямъ, они точно также поступали и предъ всякой битвой, — спорили и разсуждали до тѣхъ поръ, пока не ускользалъ моментъ.

При этихъ обстоятельствахъ очевидно было, что рѣшеніе борьбы враждующихъ сторонъ должно было произойти на Дунаѣ. Возможно, что самымъ блестящимъ доказательствомъ военнаго генія Мальборо является то, что онъ это во-время понялъ и использовалъ. Подобно тому, какъ и при высшихъ достоинствахъ личное честолюбіе часто играетъ замѣтную роль, мы видимъ, что и лордъ Джонъ Мальборо избралъ военную карьеру въ

надеждѣ на успѣхъ и славу. Возвративъ Генеральнымъ Штатамъ ихъ войска и оставивъ незначительную часть нанятой помощи для нуждъ Нидерландовъ, онъ отправился съ 20,000 англичанъ по направленiю къ Германiи съ цѣлью разбить французовъ. При дворѣ уже стало ясно, что Австрiю придется защищать со стороны Рейна и Шварцвальда, вслѣдствiе чего въ глубь страны былъ отправленъ принцъ Евгенiй. Онъ взялъ на себя защиту верхняго Рейна, въ то время какъ маркграфъ Людвигъ Баденскiй сталъ во главѣ императорской армiи, дѣйствовавшей противъ курфюрста Эммануила и Марсена. Узнавъ объ укрѣпленiи Шварцвальда и приближенiи войскъ изъ Франконiи къ Дунаю, Максъ-Эммануилъ повернулъ отъ верхней Австрiи къ р. Лехъ; онъ не безъ основанiя сомнѣвался въ возможности соединиться съ Таллaромъ и понималъ свое сомнительное положенiе. Если бы медлительный маркграфъ хотя бы нѣсколько лучше понималъ свою задачу и умѣлъ воспользоваться своей силой, курфюрстъ несомнѣнно попался бы въ плѣнъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ, двинувшись навстрѣчу воспомогательному французскому отряду, дошелъ до Вилингена. Получивъ отъ Таллара 20 мая подкрѣпленiе изъ 10,000 чел., громадный обозъ съ амуницiей, оружiемъ, одеждой и 1,300,000 ливровъ, онъ повернулъ обратно къ Рейну; франко-баварская же армiя избѣгла угрожавшей ей опасности при Штокахѣ и повернула къ Ульму (1 iюня 1704 г.). Вскорѣ послѣ этого произошло соединенiе Мальборо съ войсками макграфа, и планъ дѣйствiй могъ, наконецъ, утвердиться. Въ обсужденiи послѣдняго принялъ участiе и принцъ Евгенiй, соглашавшiйся съ Мальборо въ необходимости примѣненiя болѣе рѣшительныхъ мѣръ по отношенiю къ Максу-Эммануилу, пользуясь настоящимъ превосходствомъ своихъ силъ. Начальствованiе надъ соединенными войсками мѣнялось ежедневно между Мальборо и маркграфомъ.

Второго iюля Мальборо повелъ соединенныя англо-голландскiя войска на битву подъ Донаувертомъ и, несмотря на значительныя потери (фельдмаршалъ Стирумъ и генералъ Гооръ), одержалъ надъ франко-баварцами полную побѣду. Послѣднiе должны были обратно перейти Дунай и двинуться къ Аугсбургу.

Теперь гордость курфюрста была сильно унижена; онъ не уклонялся больше отъ мирныхъ предложенiй императора и не отказался отъ плановъ Людовика XIV только благодаря Марсену, принявшему крайнiя мѣры, чтобы затруднить ему сношенiя съ посредниками. Тѣмъ временемъ Марсенъ вызвалъ на помощь курфюрсту Таллара, силы котораго въ это время въ три раза превосходили силы Евгенiя; съ 25,000 чел. и 45 пушками Таллaръ, бывшiй въ соединенiи съ Вильруа, перешелъ Шварцвальдъ. Какъ только принцъ Евгенiй узналъ это, онъ немедленно собралъ всѣ войска, присутствiе которыхъ на намѣченныхъ раньше линiяхъ не было необходимымъ, и двинулся туда, гдѣ по мнѣнiю Великаго союза должно было сразиться — къ Дунаю. Въ то время, какъ онъ условился съ Мальборо только вдвоемъ сразиться съ врагомъ въ открытомъ полѣ, предоставивъ пока маркграфу Баденскому осаду Ингольштадта, Максъ-Эммануилъ убѣдилъ Марсена двинуться изъ Аугсбурга на западъ къ Дунаю и перейти на лѣвый берегъ рѣки. Тамъ примкнули къ нимъ войска Таллара. Прикрывъ при Райнѣ отступленiе имперской армiи, Мальборо поспѣшилъ на помощь къ принцу Евгенiю, проведшему нѣсколько дней въ большой опасности, такъ какъ подавляющая сила франко-баварцевъ могла его вытѣснить отъ Кессельбаха. Осторожные французы ожидали прибытiя дополнительныхъ баварскихъ отрядовъ, такъ какъ они далеко не хотѣли тратить свои силы, а баварцевъ держать вдали отъ боя. Однако, баварцы не поспѣли во-время.

Сейчасъ же по прибытiи Мальборо къ Кессельбаху, произошла битва при Гехштедтѣ. Войска союзниковъ поднялись 13 августа 1704 г. Съ 18-ью батальонами и 78-ью эскадронами (9000 ч. пѣшихъ, 9360 конныхъ) дви-

Объясненіе гравюры.

Картина, написанная и гравированная Жаномъ Гухтенбургомъ въ Гаагѣ, представляетъ ту часть поля битвы, гдѣ былъ данъ рѣшительный ударъ, именно лѣвый берегъ Дуная между Блиндгеймомъ (Бленгеймомъ) и Гехштедтомъ. Налѣво, съ самаго края, изображенъ пылающій Бленгеймъ, на который направлена аттака 109 эскадроновъ мальборо. Французы отступаютъ черезъ Зондергеймъ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ маршалъ Талларъ, вдоль Дуная къ Гехштедту. Главная группа, на переднемъ планѣ, въ которой съ праваго края принцъ Евгеній указываетъ шпагой направленіе аттаки на Оберъ-Глаугеймъ (въ центрѣ картины), изображаетъ бой на правомъ флангѣ союзниковъ, на высотахъ Люцингена, откуда открывается широкій видъ на долину Дуная.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сраженіе при Гехштедтѣ 13 августа 1704 г.

(По Du Mont, Baron de Carelskron: Oorlogskundige Beschrywing van de Veldslagen en Belegeringen der drie doorluchtige Krygsoversten Prins Eugenius van Savoye, Prins en Hertog van Marlborough en Prins van Oranje- en Nassau-Vriesland; In's Gravenhaage 1729.)

нулся принцъ Евгеній къ Лютцингену, гдѣ расположился Максъ-Эммануилъ и Марсенъ. Первый имѣлъ при себѣ 5 батальоновъ и 23 эскадрона, Марсенъ 37 батальоновъ и 60 эскадроновъ. Таллару съ 36-ью батальонами, 44 кавалерійскими и 16 пѣшими эскадронами пришлось сразиться съ Мальборо, который располагалъ 46-ью батальонами, 23,000 чел., 88-ью эскадронами и 10,560 всадниками. Въ общемъ союзники выставили 51,000 чел. и 52 пушки противъ 56,000 франко-баварцевъ и 90 пушекъ.

Союзники, предводители которыхъ одинаково были убѣждены въ необходимости сраженія и обнаружили замѣчательную правильность пріемовъ, одержали блестящую побѣду. Два раза былъ отброшенъ Мальборо Таллaромъ, однако, онъ могъ снова вступить въ бой, такъ какъ Евгеній такъ крѣпко держалъ лѣвое крыло противника, что Марсенъ не могъ дать ни одного батальона на помощь Таллару. Исходъ былъ рѣшенъ штурмованіемъ 10-ю прусскими батальонами (подъ начальствомъ Леопольда-Ангальтъ-Дессаускаго) Лютцингена, послѣ того, какъ императорская кавалерія уже была отброшена франко-баварской.

Максъ-Эммануилъ и принцъ Евгеній были въ самой свалкѣ аттаки. Талларъ не сумѣлъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ своей пѣхоты: большую часть ея онъ оставилъ для обороны Блиндгейма и только 9 батальоновъ и 1200 чел. спѣшенныхъ рейтаръ отправилъ на поле дѣйствій. Мальборо напротивъ выставилъ всѣ свои силы; при аттакѣ Оберглаугейма на срединѣ боевой линіи между Лютцингеномъ и Блиндгеймомъ было выставлено 109 эскадроновъ (см. карт. „Битва при Гёхштедтѣ 13 августа 1704 г.“), передъ которыми Талларъ такъ скоро отступилъ, что его инфантерія не могла ужъ выйти изъ Блиндгейма. Когда маршалъ лично направился къ этому опасному мѣсту, онъ былъ самъ захваченъ въ плѣнъ гессенскими драгунами. Такая же судьба постигла и инфантерію, которую онъ думалъ было спасти. Въ 9 час. вечера союзники, потерявшіе 12,600 чел. (четверть выступившихъ въ бой), были рѣшительными побѣдителями. Курфюрстъ Максъ и Марсенъ съ половиной своихъ бывшихъ силъ повернули обратно. Въ бою было убито и ранено 17,000 чел. и 11,000 (изъ нихъ 1,500 офицеровъ) было взято въ плѣнъ.

Сраженіемъ при Гёхштедтѣ начинается современная война, ищущая рѣшеніе вопроса не въ пріобрѣтеніи земли или завоеваніи крѣпостей, а въ уничтоженіи врага въ открытомъ полѣ. Стратегическіе пріемы, изысканные и примѣненные принцемъ Евгеніемъ, усовершенствованы Фридрихомъ Великимъ и Гнейзенау и закончены Мольтке. Но все-таки тогда не умѣли еще извлекать выгодъ. Побѣду надъ франко-баварцами можно было бы одержать еще до соединенія ихъ съ Вильруа, если бы имѣло мѣсто болѣе усиленное преслѣдованіе, чему нѣмецкіе всадники вполнѣ могли бы удовлетворить. Но, съ одной стороны, въ обычаи войны совершенно не входило отказываться отъ необходимыхъ для подкрѣпленія паузъ, послѣ рѣшительныхъ битвъ; съ другой стороны, думали, возобновивъ переговоры съ баварцами, придти къ конечной цѣли войны также и дипломатическимъ путемъ. Однако, этого не случилось; остатки армій Марсена и Таллара съ нѣсколькими тысячами баварцевъ подъ начальствомъ Вильруа достигли лѣваго берега Рейна и затѣмъ расположились на зимнія квартиры въ Эльзасѣ и на Мозелѣ.

Максъ-Эммануилъ снова занялъ постъ намѣстника въ Брюсселѣ. Войска его продолжали бороться съ австрійцами до тѣхъ поръ, пока принцъ Евгеній не взялъ Баваріи, не распустилъ курфюрстскихъ батальоновъ и не заключилъ договора съ оставшейся въ Мюнхенѣ княгиней Терезіей, по которому обезпечивалось ея содержаніе, но отнималось право на всякое вмѣшательство въ управленіе. Но въ слѣдующемъ же году было возстаніе крестьянъ, вызванное притѣсненіями австрійскихъ правителей и введеніемъ рекрутскаго набора; оно было подавлено только сраженіемъ подъ Зендлингомъ.

Великій Союзъ могъ теперь перейти отъ обороны къ наступленію. Но онъ ограничился только небольшими шагами впередъ. Такъ, въ годъ смерти Леопольда (1705), когда Іосифъ I безъ затрудненій достигъ императорской короны, Мальборо взялъ французскія линіи въ Нидерландахъ; (тогда же произошло безрезультатное столкновеніе между принцемъ Евгеніемъ и герцогомъ Вандомскимъ (при Кассано, 16 авг.).

Только въ 1706 году Мальборо одержалъ побѣду надъ Вильруа при Рамильи, въ испанскихъ Нидерландахъ, а Евгеній въ грандіозной битвѣ при Туринѣ (7 сент.), когда прусскія войска еще разъ показали себя рѣдкими, блестящими воинами, а французы окончательно должны были оставить Италію. 27 іюня 1706 англо-португальское войско подъ начальствомъ графа Галловей и маркиза Ласъ Минасъ захватило Мадридъ въ пользу Карла III, но вскорѣ они должны были снова уступить его, а Валенція стала резиденціей Габсбурга, до пораженія при Альманзѣ, нанесеннаго Галловеемъ 22 апрѣля 1707 г. французскимъ маршаломъ Джемсомъ Фицджемсомъ герцогомъ Бервикскимъ. Вскорѣ и южныя провинціи перешли къ Филиппу V.

Людовикъ XIV пожелалъ новыхъ путей для своей политики и задумалъ соединиться съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, двинувшимся въ 1706 г. изъ Польши въ Саксонію и 27 сент. 1706 года при Альтранштедтѣ заставившимъ курфюрста Фридриха-Августа отказаться отъ видовъ на Польшу. Къ союзу этому пришлось весьма серьезно отнестись, такъ какъ Карлъ выставилъ императору различныя требованія, на которыя онъ съ трудомъ соглашался, вслѣдствіе чего нападеніе шведовъ на императорскія земли, при причудливомъ характерѣ Карла, было вполнѣ возможно. Если бы Карлъ XII обладалъ хотя бы небольшимъ политическимъ талантомъ, онъ могъ бы достичь многаго, воспользовавшись затрудненіями между Австріей и Франціей. Но онъ дѣйствовалъ не по плану, а капризами; его военные успѣхи поражали, но не вели къ укрѣпленію шведскаго могущества, значеніе котораго было почти всюду преувеличено. Личное посредничество Мальборо (апрѣль 1706 г.) заставило Карла сохранить вѣрность союзникамъ.

Улаженіе недоразумѣній съ императоромъ произошло впервые только 30 авг. 1707 года, послѣ того, какъ онъ пошелъ на уступки силезійскимъ протестантамъ. Съ 40,000 войска и 100,000 лошадей, пріобрѣтенныхъ Карломъ XII во время своего пребыванія въ Саксоніи, соединившись съ Людовикомъ XIV, онъ сталъ бы диктаторомъ Германіи: страна не имѣла войска, которое могло бы противустоять ему; но дальнѣйшее движеніе на востокъ было для него весьма пагубнымъ. Онъ шелъ навстрѣчу своей гибели. Побуждаемый казацкимъ гетманомъ Мазепой, Карлъ напалъ на Украйну, не позаботившись отнять сначала завоеванныя русскими восточныя области. Битва при Полтавѣ (8 іюля—27 іюня 1709 г.) уничтожила шведское войско, заставила короля бѣжать на турецкую границу, утвердила за Петромъ Великомъ владѣніе С.-Петербургомъ и этимъ обезпечила основаніе будущей великой державы.

E. **Послѣднія войны и заключеніе мира.**

a) Уденарде и Мальплакэ; гаагскій концертъ.

Людовикъ XIV съ большимъ трудомъ добывалъ средства на продолженіе войны. Пораженія при Уденарде (11 іюля 1708 г.),—побѣда, одержанная принцемъ Евгеніемъ и Мальборо надъ герцогомъ Бургундскимъ и Вандомомъ—и Мальплакэ (11 сент. 1709 г.) принудили его къ мирнымъ переговорамъ, по которымъ онъ готовъ былъ уже отказаться отъ притязаній на Испанію, если Филиппъ будетъ вознагражденъ Неаполемъ. Было

уже лишней дерзостью, когда гаагская конференція потребовала еще и поручительство въ удаленіи французскихъ войскъ и Филиппа Анжуйскаго. Людовикъ никогда не былъ лучшимъ представителемъ своего народа, чѣмъ въ то время, когда, надѣясь на самоотверженность и отвагу французовъ, объявилъ продолженіе войны. Франціи никто больше не боялся. Значеніе ея въ Испаніи было также надломлено; національная партія склонялась къ Филиппу Анжуйскому, такъ какъ и онъ стоялъ за независимость государства. Морскія державы не встрѣтили бы отказа въ удовлетвореніи всѣхъ ихъ требованій торговыхъ льготъ. Европа больше не имѣла причины бороться за государство Карла III, вотъ почему наступила почва для мирнаго посредничества, которое могло бы повести къ общему удовлетворенію.

Но этому мѣшалъ такъ наз. барьерный трактатъ, заключенный Генеральными Штатами съ Англіей (29 дек. 1709 г.) безъ вѣдома остальныхъ членовъ Союза. Трактатъ этотъ разрѣшалъ имъ занятіе многихъ крѣпостей въ Испанскихъ Нидерландахъ, въ томъ числѣ городовъ Люттиха, Бонна и Гельдерна; такимъ образомъ онъ коснулся испанскаго наслѣдства, до того, какъ оно было раздѣлено между наслѣдниками.

Узнавъ объ этомъ Людовикъ уже предвидѣлъ распаденіе Союза и, поспѣшивъ этимъ воспользоваться, рѣшилъ, чтобы дальнѣйшія его мирныя предложенія вели только къ переговорамъ; онъ былъ увѣренъ, что если бы они начались, перемѣны въ отношеніяхъ великихъ державъ послужатъ ему въ пользу.

Эти перемѣны начались въ 1710 году паденіемъ партіи Мальборо и парламентскими выборами, закончившимися уменьшеніемъ партіи торіевъ почти на три четверти. Королева Анна, хотя и сочувствовала Союзу, но послѣ разлада съ честолюбивой герцогиней Саррой Мальборо страстно хотѣла мира, когда командованіе Мальборо было бы излишне и удаленіе его отъ войска умѣстно. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Испаніи было таково, что нечего было помышлять объ изгнаніи Филиппа. Начальствованіе надъ войскомъ послѣдняго взялъ на себя герцогъ Вандомъ; онъ не только заставилъ Карла возвратить почти уже захваченный имъ Мадридъ, но и разбилъ „gran capitan'a“ Штаремберга при Вилла-Виціозѣ (10 декабря 1710 г.).

Карлъ долженъ былъ ограничиться Барцелоной и нѣкоторыми береговыми пунктами Каталоніи. Если бы предоставили Филиппу всю страну, фактически и безъ того имъ захваченную, то Франція несомнѣнно не отказалась бы пойти въ остальномъ на существенныя уступки.

б) Смерть императора Іосифа и отпаденіе Англіи.

Когда путь къ миру былъ уже почти очищенъ, умеръ императоръ Іосифъ I (17 апрѣля 1711 года); онъ не оставилъ послѣ себя сына, который объединилъ бы габсбургскій домъ, владѣніе испанскимъ наслѣдствомъ и нѣмецкими землями.

Это непредвидѣнное обстоятельство окончательно рѣшило судьбу Великаго Союза. Главари англійской политики виконтъ Болингброкъ и лордъ Страффордъ сейчасъ же, не увѣдомивъ о своихъ замыслахъ даже королеву, вступили съ Людовикомъ XIV въ тайное соглашеніе. Они обманули императорскихъ пословъ и Генеральные Штаты, дѣлая видъ, что ничего не предпринимаютъ. Но они не дали никакихъ обезпеченій денежнаго вспомоществованія и не принимали никакихъ военныхъ плановъ. Пріѣхавшій въ Лондонъ съ цѣлью продолженія военныхъ дѣйствій принцъ Евгеній былъ холодно принятъ. Герцогъ Мальборо могъ бы и одинъ разбить французовъ, взявъ на себя отвѣтственность, если бы онъ этого только хотѣлъ. Но теперь это было безполезно. 8 окт. 1711 года произошло, по соглашенію съ Франціей, отпаденіе Англіи. Людовику для этого пришлось только изготовить для Филиппа Анжуйскаго торжественное отреченіе отъ

притязаній на французскую корону и дать различныя обѣщанія относительно вознагражденія за потери сторонъ.

Когда Англія потребовала отъ Генеральныхъ Штатовъ участія въ мирныхъ переговорахъ, послѣдніе не осмѣлились снять съ себя иго торіевъ и снова вспомнить о цѣли славнаго Вильгельма.

Изъ англійскаго лагеря выступили войска всѣхъ союзныхъ государей: пруссаки, ганноверцы и датчане.

Евгеній сталъ во главѣ 122 батальоновъ и 273 эскадроновъ, съ намѣреніемъ направиться къ Парижу. Но амстердамскіе купцы не отличались теперь тѣмъ духомъ, который нѣкогда поставилъ ихъ государство на степень великой державы; они рѣшили подчиниться Англіи. Несмотря на то, что въ политическомъ отношеніи Англія отличалась невѣрностью, — возможно, впрочемъ, именно при помощи послѣдней, но главнымъ образомъ вслѣдствіе своей неустрашимости, хитрости и умѣнья преслѣдовать свои интересы, Англія сумѣла поставить свои морскія силы внѣ конкурренціи до настоящаго времени.

в) Утрехтъ.

Споръ объ испанскомъ наслѣдствѣ окончился. Все, что еще происходило на полѣ военныхъ дѣйствій въ Бельгіи и на Рейнѣ, уже не имѣло значенія. Условія мира диктовалъ Людовикъ XIV. Миръ этотъ былъ заключенъ въ Утрехтѣ, 11 апрѣля 1713 года, безъ участія императора.

Людовикъ XIV призналъ за Ганноверскимъ домомъ право на англійскій престолъ, и къ Англіи перешли земли по берегу Гудзонова залива (теперешнія британскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ). Къ голландцамъ перешло нѣсколько барьерныхъ крѣпостей на французско-нидерландской границѣ, къ Пруссіи часть оранскаго наслѣдства — Нейшатель въ Швейцаріи и испанская часть Обергельдерна.

Съ признаніемъ Филиппа V и его потомства для Испаніи началась новая бурбонская династія. Къ Португаліи перешли земли по р. Амазонкѣ, а герцогъ Савойскій получилъ Сицилійскія владѣнія. Императору остались Неаполь, Миланъ и остальная часть испанскихъ Нидерландовъ. Курфюрсту баварскому возвратили принадлежавшія ему владѣнія съ Люксембургомъ, Намюромъ и Шарльруа.

Самымъ тяжелымъ условіемъ для императора и государства являлось несомнѣнно то, что они должны были принять и одарить наградами и землями Виттельсбаха, который открыто стоялъ на сторонѣ враговъ. Пришлось возвратить ему тѣ земли, которыя были на законномъ основаніи отняты у него и откуда онъ былъ изгнанъ съ оружіемъ въ рукахъ.

г) Раштадтъ и Баденъ.

Но императоръ не могъ продолжать войны; прежде всего онъ нуждался для этого въ деньгахъ. Принцъ Евгеній ясно понималъ это, вслѣдствіе чего послѣ годовой стоянки на Рейнѣ, уступивъ волѣ Франціи, онъ вступилъ съ ней въ мирные переговоры въ Раштадтѣ и Баденѣ (7 марта и 8 сент. 1714 г.). Сущностью ихъ было признаніе Утрехтскаго мира и примиреніе Макса-Эммануила съ императоромъ. Между ними серьезно обсуждался тогда проектъ обмѣна: Нидерланды съ Люксембургомъ помѣнять на Баварію.

Несмотря на несогласіе своего брата Іосифа-Клеменса Кельнскаго, Максъ-Эммануилъ, предпочитавшій веселую и роскошную жизнь въ Брюсселѣ скромному Мюнхену, даже охотно отнесся къ этому дѣлу; это нуждалось только въ небольшой денежной суммѣ и соотвѣтствующемъ давленіи вѣнскаго двора. Но что выигралъ бы отъ этого Габсбургскій домъ? Въ то время Пруссія и не смѣла даже думать объ ослабленіи австрійскаго

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

могущества въ южной Германіи. Спустя полъ-столѣтія, когда планъ обмѣна всплылъ наружу, Фридрихъ Великій могъ бы помѣшать его осуществленію и безъ войны.

8. Государство нѣмецкихъ Габсбурговъ.

A. Политическія системы Европы въ XVIII столѣтіи.

Распредѣленіе земель, закончившее войну за Испанское наслѣдство, поставило государства Европы въ опредѣленныя отношенія (см. карту „Западная Европа въ эпоху развитія великихъ державъ"). Выработанныя ими основныя положенія остались въ силѣ, хотя владѣтели земель еще долгіе годы старались ихъ уничтожить. Смертью Людовика XIV (1 сент. 1715 г.), послѣдовавшей чрезъ два года послѣ Утрехтскаго мира, закончился вѣкъ побѣдоноснаго развитія Франціи; Людовикъ XIV, стремившійся къ главенству въ Европѣ и дѣйствительно на короткое время добившійся его, оставилъ послѣ себя обезсиленное государство, не давъ ему правителя, который привелъ бы въ порядокъ расшатанное хозяйство и нашелъ бы средства къ созданію новаго могущества. Цѣль эта могла бы быть достигнута только путемъ упорнаго труда, мудрой сдержанности и неуклоннаго стремленія къ общему благу. Но именно этихъ качествъ не доставало не только французскимъ правителямъ, начиная отъ Филиппа Орлеанскаго до Людовика XVI, но и всему французскому обществу, которое прежде всего было виновно въ созданіи „Короля-Солнца". Вотъ почему это государство, дошедшее до удивительнаго развитія, неудержимо шло къ гибели. Долгое время міръ былъ въ невѣдѣніи относительно споровъ и раздоровъ, происходившихъ между дворянствомъ и буржуа, но не было недостатка въ ясныхъ доказательствахъ того, что на мѣсто стойкой воли и широкихъ политическихъ цѣлей выступили мелкое самолюбіе и личные счеты. Во французской политикѣ XVIII-го столѣтія не было недостатка въ различныхъ планахъ и даже широкихъ предпріятіяхъ, но она ничего не достигла. Франція страдала отъ традицій до тѣхъ поръ, пока бурбонское правительство окончательно опротивѣло французской націи. Между тѣмъ испанскіе родственники не могли примириться съ дѣйствительностью, что не могутъ стать во главѣ великой державы и должны довольствоваться только своими землями и лѣчить раны своего народа. Если, вообще говоря, было еще возможно улучшить и поднять достояніе гибнущаго народа, то во всякомъ случаѣ не Бурбоны были призваны для подобнаго возрожденія. Несмотря на то, что владѣнія ихъ были слишкомъ громадны, чтобы управляться небольшимъ числомъ способныхъ чиновниковъ, они все еще стремились къ новымъ пріобрѣтеніямъ, льстя себя ложной надеждой, что въ политикѣ „выигрываетъ количество".

Съ тѣхъ поръ, какъ маркграфъ Бранденбургскій и король Прусскій съ его 270,000 талеровъ бюджета и 3 милліонами подданныхъ сталъ болѣе важнымъ союзникомъ, чѣмъ правитель обѣихъ Индій, династическая ненасытность въ погонѣ за новыми землями потеряла всякую осмысленность; однако Бурбоны отъ нея не отказывались.

Испанское дворянство все еще мечтало овладѣть міромъ; надежды эти особенно расцвѣли съ вторичнымъ бракомъ Филиппа V съ наслѣдной принцесой Елизаветой Пармской (1717 г.), рѣшившей во что бы то ни стало основать Итальянское королевство, куда вошли бы и габсбургскія владѣнія. Опытный дѣлецъ аббатъ Альберони (впослѣдствіи кардиналъ) поддерживалъ ее во всѣхъ ея предпріятіяхъ, нарушавшихъ миръ Европы, до тѣхъ поръ, пока самъ же не былъ низвергнутъ хитрой, вѣроломной итальянкой. Снова начались споры о Сардиніи и Сициліи. Австрія стремилась къ тому, чтобы снова привлечь испанцевъ на свою сторону, и дѣйствовала въ

этомъ направленіи, несмотря на зависимость ея отъ морскихъ державъ. Но все это было безуспѣшно, пока не вмѣшался заключенный въ 1717—18 г, союзъ четырехъ державъ (Англія, Франція, Габсбургъ и Савойя); при этомъ Сицилія вмѣстѣ съ Неаполемъ („Королевство обѣихъ Сицилій") снова отошли къ Габсбургамъ, Сардинія—къ герцогу Виктору Амедею II, принявшему титулъ „Короля Сардиніи".

Вѣнскій миръ, заключенный 3 октября 1735 г., поднявъ вопросъ о польскомъ наслѣдствѣ, вызвалъ новое осложненіе. Въ то время въ Неаполѣ и Сициліи основалась третья бурбонская династія, родоначальниками которой были старшій сынъ Филиппа V испанскій инфантъ донъ Карлосъ и Елизавета Пармская. Къ Габсбургамъ перешла Пьяченца, а зять императора герцогъ Францъ-Стефанъ Лотарингскій получилъ оставшуюся послѣ прекращенія дома Медичи Тоскану. Область Сардиніи увеличилась лежавшими по правому берегу Тичино миланскими владѣніями.

Въ балтійскихъ странахъ со смертью Карла XII былъ водворенъ порядокъ. Несмотря на многочисленныя разочарованія, безпокойный король всегда твердо надѣялся, что ему удастся возвратить странѣ утеряннныя по его винѣ провинціи. Горькій урокъ, полученный имъ и турками подъ Полтавой, не заставилъ его рѣшиться на миръ съ нѣкоторыми потерями; онъ продолжалъ воевать: въ 1715 году онъ сражался съ Пруссіей (въ Рюгенѣ), въ 1718 г, боролся противъ Даніи (въ Норвегіи) и, наконецъ, 11 декабря 1718 года палъ жертвой пули въ траншеѣ подъ Фредериксгальдомъ. Жизнь его, полная труда, опасностей, стремленій и борьбы, не покрыла славой его имя и не спасла Швеціи отъ многихъ тяжелыхъ потерь. Его геройская натура пала жертвой своей ненасытности, долженствовавшей привести къ трагическому концу; тяжелый урокъ получила и Швеція въ своемъ напрасномъ стремленіи къ созданію изъ себя великой державы, къ чему ея народъ не былъ призванъ. По Ништадскому миру (10 сентября 1721 г.) Швеція отдала Россіи остзейскія земли: Эстляндію, Лифляндію, Курляндію, Ингерманландію и часть Кареліи, которыми она не умѣла пользоваться, въ то время какъ для Россіи, основавшей въ 1703 г. на Невѣ свою столицу, онѣ стали опорой для европейскаго положенія. Добыча тридцатилѣтней войны, герцогства бременское и верденское, перешли по Стокгольмскому миру (20 ноября 1719 г.) къ Ганноверу.

Штеттинъ и передняя Померанія между Одеромъ и Пеной, острова Воллинъ и Узедомъ, служившіе какъ-бы отступной суммой за всю Померанію, пріобрѣтеніе которой должно было случиться въ будущемъ, перешли къ Пруссіи по Стокгольмскому миру 1 февр. 1720 г. Данія же, по миру въ Фредериксборгѣ 14 іюля 1720 г., получила Гольштейнъ-готторпскую часть въ Шлезвигѣ и 600,000 талеровъ Полученные Швеціей отъ Фридриха Вильгельма I два милліона за переднюю Померанію до Пены, милліонъ отъ Ганновера и два милліона отъ Россіи не могли освободить Швецію даже отъ самыхъ тягчайшихъ финансовыхъ затрудненій, въ которыя она впала по винѣ Карла.

Въ XVIII вѣкѣ при новой ганноверской династіи, занявшей престолъ 20 сент. 1714 года безъ особой оппозиціи, Англія быстро достигала положенія міровой торговой державы, чего ей окончательно удалось добиться въ XIX в. Вліяніе парламента на правленіе все возростало. Вильгельмъ Оранскій III былъ послѣднимъ королемъ, дававшимъ направленіе иностранной политикѣ; при этомъ, хотя честь иниціативы онъ предоставлялъ парламенту, но все-таки заставлялъ послѣдній считаться съ его личными убѣжденіями и волей.

Ничтожные во внѣшней и внутренней политикѣ, славные только своими пороками, ганноверцы лишь на короткое время прерывали парламентское господство, при чемъ обнаруживались все новыя доказательства ихъ неспособности; хотя они не останавливались для этого передъ всѣми

средствами хитрости и подкупа для осуществленія своей воли, но имъ не хватало сильнаго представителя. Робертъ Вальполь (отъ октября 1715 года по апрѣль 1717 г.; съ іюня 1721 г. по февраль 1742 г.) и Генри Пеламъ (съ августа 1743 г. по мартъ 1754 г.), будучи предводителями аристократически-вигистскаго парламентскаго большинства, непоколебимо стояли на своемъ посту около полустолѣтія и были сторонниками мирной политики, въ основѣ которой лежало ослабленіе Франціи и Испаніи.

Отклоненіе стюартовскихъ притязаній, которымъ Франція во время войны за австрійское наслѣдство покровительствовала, требовало небольшихъ усилій; битва при Куллоденѣ (27 апрѣля 1746 г.), окончившаяся пораженіемъ смѣлаго претендента Карла-Эдуарда Стюарта, рѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи въ отрицательномъ смыслѣ, что было весьма на-руку нетерпимой государственной церкви. Находясь внѣ вліянія измѣненій въ европейской кабинетной политикѣ, никогда впрочемъ не причинявшей Англіи серьезныхъ опасностей, торговля послѣдней при благопріятныхъ условіяхъ быстро развилась и создала капиталъ для промышленности; послѣдняя настолько обогатила среднее сословіе, что больше не приходилось опасаться долгаго властвованія земельной аристократіи, являющагося для современнаго государства, замѣнившаго феодальное, невыносимымъ. Продолжая обогащаться, Англія въ XIX вѣкѣ стала первенствующей морской державой.

Даже помимо вступленія Россіи въ кругъ державъ, безъ участія которыхъ стало теперь невозможнымъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ европейской группы государствъ, вообще главный процессъ историческаго развитія Западной Европы происходитъ въ это время на ея крайнемъ востокѣ. Относительно же Польши слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, указывающимъ, какъ извѣстныя народныя черты могутъ подорвать жизнь государства. При всей пышности, съ которой жили польскіе короли и дворянство, при всемъ его объемѣ, государство это никогда не стало на той ступени, на которой работоспособность его населенія создала бы благосостояніе по крайней мѣрѣ извѣстной политической группы, которая принимала бы участіе въ рѣшеніи своей судьбы.

То же самое происходило и съ Турціей. Магометанскій міръ такъ глубоко палъ съ высоты своего могущества, что военные пріемы, на которыхъ основывались его завоевательныя стремленія, больше не могли удовлетворять предъявляемымъ имъ требованіямъ. Религіозный фанатизмъ также не былъ настолько силенъ, чтобы замѣнить дѣйствительную силу, отсутствіе которой проявилось въ имущественномъ расхищеніи, стѣсненіяхъ, грабежѣ. Хотя турки и показали себя склонными къ воспріятію магометанско-арабской культуры, но они не сумѣли ее продолжить. Они никогда не подумали надъ задачей привести въ соотвѣтствіе свои государственныя воззрѣнія съ нуждами балканскихъ и левантскихъ народовъ; это объясняется тѣмъ, что они не обращали никакого вниманія на своихъ христіанскихъ подданныхъ; всюду, куда они являлись, они дѣйствовали раззоряя, ничего не созидая, и до тѣхъ поръ обогащались чужими богатствами, пока запасъ не былъ исчерпанъ.

Обѣднѣніе приморскихъ городовъ Леванта и паденіе промышленности въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ было тѣсно связано съ гоненіемъ на венеціанскую торговлю, вмѣсто которой турки въ свою очередь ничего создать не могли. Для нихъ ничего не было бы важнѣе удачнаго договора съ венеціанской республикой, которая, хотя и не была опасна, однако все еще завѣдывала торговымъ сообщеніемъ побережья Средиземнаго моря съ передней Азіей и сѣверной Африкой и доставляла сбытъ левантскимъ товарамъ. Гордость и недомысліе турокъ все-таки повели къ уничтоженію торговой дѣятельности венеціанцевъ и къ оставленію ими страны, хотя турки и по природѣ своей не могли быть ихъ замѣстителями. Миръ въ

Карловицахъ (1699 г.) создалъ относительно Греціи и острововъ не только сносное, но даже очень удобное положеніе для обѣихъ сторонъ. Венеціанцамъ предоставлялось всѣми средствами укрѣплять за собою пріобрѣтенія въ Мореѣ, заселять ее и, главнымъ образомъ, соединять интересы своихъ старыхъ колоній съ ихъ главнымъ городомъ путемъ денежныхъ оборотовъ. Турція въ свою очередь должна была бы поддерживать дѣятельность республики, такъ какъ послѣдняя и ей приносила пользу; во всякомъ случаѣ выгоды венеціанцевъ не мало коснулись бы турецкихъ кассъ, въ то время какъ венеціанцы не могли надѣяться на особый денежный притокъ со стороны обнищавшаго турецкаго населенія.

Но обѣ стороны не поняли своей выгоды и не послѣдовали по намѣченному ею пути. Турція задумала воспользоваться послѣдовавшимъ за блестящимъ періодомъ Франческо Морозини упадкомъ военныхъ силъ для возвращенія отнятыхъ у нея областей, которыя въ смыслѣ расширенія границъ совершенно не имѣли значенія. Въ 1714 году воинственный великій визирь Ахмеда III Дамадъ Али внезапно напалъ на венеціанцевъ въ Мореѣ и быстро вытѣснилъ ихъ. Когда вѣсть объ этомъ достигла Вѣны, мысль о помощи венеціанцамъ немедленно осуществилась; поговаривали о томъ, что ободренный успѣхомъ на полуостровѣ надъ Венеціей великій визирь думаетъ прибѣгнуть къ военной силѣ на Дунаѣ и на сѣверныхъ Балканахъ. Принцъ Евгеній заявилъ, что императоръ ни подъ какимъ условіемъ не долженъ допустить, чтобы Далмація досталась въ руки Портѣ; онъ смотрѣлъ на пріобрѣтеніе Босніи и Сербіи, какъ на ближайшую задачу австрійскаго дома и, вслѣдствіе этого, настоялъ на возобновленіи союза съ республикой и посылкѣ войскъ въ Венгрію. Въ новомъ походѣ онъ еще упрочилъ свою міровую славу и нанесъ Турціи такіе удары, отъ которыхъ она больше никогда не оправилась.

Въ битвѣ при Петервардейнѣ (5 авг. 1716 г.) палъ великій визирь, оставивъ разбитыя войска, великое множество военныхъ припасовъ, оружія, лошадей и драгоцѣнностей. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало взятіе Темешвара (13 окт. 1716 г.) и заселеніе Баната, мѣстности, тянувшейся на разстояніи 650 кв. миль и отличавшейся рѣдкимъ плодородіемъ.

Жившія тамъ дворянскія фамиліи, сторонники династіи, въ правленіе Карла VI и Маріи-Терезіи сдѣлали тамъ недорогія земельныя пріобрѣтенія, разросшіяся потомъ въ роскошныя помѣстья. Въ слѣдующемъ году произошла осада Бѣлграда, и турецкое войско снова было разбито на голову (17 авг. 1717 г.). На слѣдующій день сдалась эта важная дунайская крѣпость, ключъ сѣверныхъ Балкановъ.

Сила сопротивленія Порты была окончательно сломлена. Перевѣсъ, пріобрѣтенный ею недавно надъ венеціанцами, не могъ ей дать столько устойчивости, чтобы перенесть страшныя дунайскія потери. По миру въ Пассаровицахъ (21 іюля 1718 г.) къ Карлу VI отошли Банатъ, Бѣлградъ и широкая полоса Сербіи; теперь Карлъ VI могъ защитить Венгрію организаціей военной границы, идущей отъ Ценга на Адріатическомъ морѣ до Дуная. По смерти принца Евгенія (21 апр. 1736 г.) Турція снова отвоевала Бѣлградъ (1737—39 гг.) и нѣкоторыя части Босніи, но все-таки Банатъ остался за Австріей и этимъ упрочилъ связь между Венгріей и Семиградіей, присоединеніе которой къ государству было теперь закончено.

Б. **Государственно-правовыя основы Австро-Венгерской монархіи.**

Рѣшеніе спора объ испанскомъ наслѣдствѣ, завоеваніе Венгріи, обнаруживавшееся, начиная съ вестфальскаго мира, стремленіе такъ называемыхъ нѣмецкихъ наслѣдныхъ областей отдѣлиться отъ имперіи принудили къ формальному объединенію габсбургскихъ владѣній, къ первой нерѣшительной попыткѣ образовать единое государство. Австрійскаго го-

сударства — не было; были только родовыя области; существовало соединеніе королевствъ и странъ, связанныхъ и не связанныхъ государственной связью, съ общими интересами и безъ таковыхъ, объединенныхъ исключительно личностью монарха, обогащенныхъ правами и обремененныхъ многочисленными обязанностями. Тѣ самыя обстоятельства, которыя способствовали образованію могущественнаго фамильнаго владѣнія, тутъ препятствовали соединенному государственному развитію. Искали въ прошломъ признаковъ стремленія къ такому единенію. Такъ, указывалось на соединеніе Венгріи и Чехіи съ альпійскими нѣмецкими областями, длившееся еще съ 1526 года, указывали, что уже въ началѣ XVII ст. бывали попытки къ совмѣстному рѣшенію общихъ вопросовъ на делегаціяхъ сеймовъ; ссылались на то, что признаніе правъ наслѣднаго габсбургскаго дома въ венгерскихъ земляхъ (1687 г.) является указаніемъ на сознаніе необходимости тѣснаго сближенія, — однако всѣ эти явленія объясняются только повышеніемъ могущества территоріальной власти и устанавливаютъ только тотъ фактъ, что образованіе самостоятельныхъ государствъ изъ отдѣльныхъ частей габсбургскихъ владѣній не могло удаться. Новое поднятіе вопроса о соединеніи Чехіи, Моравіи и силезійскихъ княжествъ подъ чужимъ государственнымъ правленіемъ встрѣтило сопротивленіе въ религіозной противоположности, которая принудила католическія государства вступиться за право наслѣдія Фердинанда II. Битва при Бѣлой Горѣ устранила всякую возможность создать богемское государственное право, т. е. устройство богемскихъ земель въ видѣ союза самостоятельныхъ отдѣльныхъ государствъ съ собственнымъ правленіемъ, войскомъ и финансами, и соединила Чехію съ Германской имперіей личностью государя. Если бы удалось утвердиться пфальцграфу, то ему пришлось бы по возможности укрѣплять связь между Чехіей и имперіей и при помощи связи съ послѣдней обезпечить за собою поддержку евангелическихъ чиновъ; единство церкви способствовало бы германизаціи чеховъ.

Противодѣйствіе католиковъ революціонной протестантской партіи не приняло во вниманіе національныхъ стремленій. Усиленіе германизма было католикамъ нежелательно, такъ какъ сила католицизма покоилась не на нѣмцахъ, а на романцахъ и славянахъ. Хотя завоеваніе Венгріи произошло только при помощи Германіи, однако послѣдняя спокойно предоставила завоеванное габсбургскому дому, такъ какъ, при недостаткѣ организованной защиты и постояннаго войска, она была не въ силахъ сохранить верховную власть надъ такой громадной и далекой страной.

Габсбургскій домъ не могъ воспользоваться тѣми средствами, которыя примѣнилъ Бранденбургъ для соединенія своихъ земель въ одно государство; невозможно было такъ скоро и съ такимъ успѣхомъ привести къ единству Венгрію, Чехію и дюжину нѣмецкихъ герцогствъ и графствъ, какъ это случилось тамъ.

Прежде всего, Австрійскій домъ былъ гораздо болѣе Гогенцоллернскаго занятъ различными европейскими вопросами и спорами; затѣмъ для перехода отъ старыхъ міровыхъ притязаній и разбросанной внѣшней политики къ правильной внутренней организаціи потребовалось бы по меньшей мѣрѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Только неисторическая критика, примѣняющая современныя понятія къ событіямъ прошлаго, совершенно ей чуждаго, можетъ не замѣтить, что такъ называемая староавстрійская политика объединенія въ воззрѣніяхъ римскаго императора, бывшаго въ то же время королемъ венгерскимъ и считавшаго себя обязаннымъ защищать права своего дома на Испанію и Неаполь, Миланъ и Нидерланды, не могла играть выдающейся роли.

Эта общность австрійскихъ земель впервые отражается въ войскѣ Евгенія. Но онъ велъ отъ побѣды къ побѣдѣ не „австрійскую“, а „императорскую“ армію. Она отдѣльно стояла подлѣ имперской арміи,

во время войнъ въ Италiи или Нидерландахъ, но на почвѣ имперiи часто соединялась съ имперскими или княжескими войсками въ общiе отряды, предводительствуемые генералами, которые получали плату не отъ императора, а отъ имперiи. Связь между войсковыми частями сохранялась вооруженными чинами гораздо больше, чѣмъ императоромъ; такъ что скорѣе можно говорить о бранденбурго-прусскомъ, баварскомъ или ганноверскомъ войскѣ, чѣмъ объ „австрiйскомъ". Дипломатическое представительство нѣмецкихъ Габсбурговъ являлось всегда въ лицѣ императора, потому что послѣднiй пользовался многими преимуществами. Что касается финансовъ, то невозможно выдѣлить общiй бюджетъ австрiйскаго государственнаго хозяйства въ той массѣ разнородныхъ поступленiй, какими были „римскiе мѣсяцы", субсидiи сеймовъ, десятины, „общiе пфенниги" и пр.

Созданiе государства при отсутствiи нацiональной общности или, по крайней мѣрѣ, руководящей нацiи, которая опиралась бы на численный перевѣсъ и на значительную матерiальную силу, не можетъ быть дѣломъ нѣсколькихъ поколѣнiй; это является государственной проблемой, неразрѣшенной и въ наше время. Первые шаги, ведущiе къ разрѣшенiю ея, могли исходить только изъ самого царствующаго дома; они обусловливаютъ государственно-правовое признанiе династiи какъ нѣчто недѣлимое, обусловливаютъ и прочность порядка престолонаслѣдiя, съ цѣлью воспрепятствованiя раздѣленiю.

Фердинандъ I еще не замѣчалъ ослабленiя могущества въ раздѣленiи владѣнiя на отдѣльныя территорiи; онъ считалъ положенiе носителей короны всесильнымъ. Властитель внутреннихъ-австрiйскихъ земель,—Штирiи, Каринтiи и Крайны, графъ Тирольскiй или владѣтель передней Швабiи и верхняго Рейна, не могъ преслѣдовать другой политики, кромѣ той, которая ему была предписана его царственнымъ братомъ или дядей. Такъ представлялось еще въ XVI вѣкѣ. Споръ и партiйная борьба между Рудольфомъ и Матѳеемъ указали на возможность противоположныхъ интересовъ между членами одного и того же дома.

Единодержавiе Фердинанда II надъ всѣмъ габсбургскимъ домомъ было вызвано интересами Испанiи по отношенiю къ нѣмецкой линiи и стремленiями католической церкви къ удержанiю католицизма въ альпiйскихъ и судетскихъ странахъ. Оставленiе Тироля подъ властью его брата Леопольда было просто уступкой, которая не имѣла никакихъ государственно-правовыхъ послѣдствiй, такъ какъ тирольская вѣтвь прекратилась во второмъ поколѣнiи.

Ни Фердинанду II, ни Фердинанду III не пришлось утвердить право наслѣдiя въ соединенномъ государствѣ,—каждый изъ нихъ имѣлъ только одного наслѣдника. Правомъ порядка наслѣдiя занялся Леопольдъ I, когда ему и его первенцу Iосифу пришлось отказаться отъ наслѣдства въ Испанiи въ пользу его второго сына Карла. Тогда Леопольдъ, по взаимному соглашенiю съ сыновьями, постановилъ, что обѣ линiи могутъ наслѣдовать одна другой по праву первенства, т. е. что по прекращенiи мужского рода со стороны Iосифа, Карлъ и его потомство нераздѣльно владѣютъ нѣмецко-габсбургскимъ домомъ, точно такъ же, какъ въ случаѣ прекращенiя основанной Карломъ испанской линiи, Испанiя переходитъ къ Iосифу и его потомству. Если мужское потомство обѣихъ линiй прекратится одновременно, то право наслѣдiя переходитъ къ женской линiи (къ старшей дочери) потомства Iосифа, причемъ онѣ имѣютъ право наслѣдiя и въ Испанiи преимущественно передъ женскими наслѣдниками Карла.

„Pactum mutuae successionis", договоръ о взаимонаслѣдiи, утвержденный упомянутыми тремя лицами 12 сент. 1703 г., получилъ нѣкоторыя дополненiя въ завѣщанiи Леопольда I отъ 26 апрѣля 1705 г. а именно — въ случаѣ, если отъ испанскаго наслѣдства Карлу ничего не останется, онъ получаетъ во владѣнiе Тироль и переднiя земли, съ условiемъ, однако, „безъ права войны и вступленiя въ союзы". Когда Iосифъ I въ цвѣтѣ лѣтъ и

безъ мужского потомства умеръ, Карлъ II сталъ законнымъ наслѣдникомъ всѣхъ габсбургскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ странъ. Онъ дѣйствительно воспользовался этимъ правомъ и вступилъ въ управленіе значительной долей испанскихъ владѣній. Преимущества дочерей Іосифа предъ его дочерьми пали; на его обязанности лежало только дать имъ полагающееся приданое.

В. Прагматическая санкція.

Неожиданная смерть Іосифа весьма озаботила тайныхъ совѣтниковъ государя; они обратились къ находившемуся еще въ Испаніи Карлу съ просьбой, чтобы онъ, какъ единственный мужской потомокъ дома, далъ бы новое опредѣленное поясненіе о правѣ на наслѣдіе женской линіи. Это поясненіе было прочитано въ присутствіи главныхъ придворныхъ чиновниковъ Нижней Австріи, Чехіи, Венгріи и Семиградіи въ „зданіи Тайнаго Совѣта“ только 19 апрѣля 1713 г. Послѣ прочтенія „Pactum mutuae successionis“ императоръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что онъ въ силу только что прочитанныхъ постановленій является единственнымъ представителемъ всего государства и что оно нераздѣльно переходитъ отъ него къ его мужскому потомству по праву первенства; въ случаѣ прекращенія его мужского потомства правленіе переходитъ къ его женскому потомству, всегда въ порядкѣ старшинства. Дочери Іосифа получаютъ право наслѣдія только въ случаѣ окончательнаго прекращенія брачнаго потомства, причемъ также по праву первородства.

Предисловіе и поясненіе, данное императоромъ, было внесено въ протоколъ особымъ нотаріусомъ, придворнымъ совѣтникомъ фонъ Шикомъ; протоколъ этотъ представляетъ собой „Прагматическую санкцію Карла VI“, являющуюся государственно-правовымъ основаніемъ Австро-Венгерской монархіи. Выраженное въ столь краткихъ словахъ содержаніе его обозначаетъ соединеніе всѣхъ земель Габсбургскаго дома въ одно государство, которое, такимъ образомъ, покоится на единомъ управленіи всѣми входящими въ него землями. Единство это не только въ личности монарха, но также и въ выработанныхъ послѣднимъ государственныхъ законахъ, которые, хотя и вытекаютъ изъ отношеній къ отдѣльнымъ землямъ и странамъ, все же подчиняются исполнительной власти регента и выражаются въ видѣ общихъ положеній.

„Право войны, мира и союза“, слѣдовательно вся внѣшняя политика подчинена исключительно рѣшеніямъ общаго монарха; только онъ имѣетъ право выставить войско, взявъ для этого средства отъ всѣхъ подчиненныхъ ему земель; этимъ войскомъ онъ можетъ защищать интересы своего дома и всѣхъ относящихся къ послѣднему территорій. Этимъ ограничивается общность правленія. Все же, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ суверенитету, прагматической санкціей не разсматривается какъ обще-государственное; такимъ образомъ, монархія нѣмецкихъ Габсбурговъ при помощи прагматической санкціи не создала еще настоящаго государства, хотя, въ силу оказаннаго ею на судьбы Европы вліянія, она является великой державой.

Въ поясненіи, данномъ Карломъ VI, ничего не было сказано объ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ землямъ, такъ какъ это могло бы вызвать волненіе, которое понятно отразилось бы на судьбѣ объединеннаго государства. Если бы считаться съ согласіемъ всѣхъ многочисленныхъ земель, стоявшихъ по своей жизненной силѣ на разной высотѣ, никогда нельзя было бы прійти къ единому уложенію, какъ это случилось по собственной волѣ императора, герцога и князя. Гораздо легче было достигнуть присоединенія къ императорскому поясненію отдѣльныхъ ландтаговъ. Переговоры объ этомъ начались въ 1720 году, послѣ того какъ въ 1716 году умеръ

сынъ Карла Леопольдъ, и съ тѣхъ поръ больше не было мужского потомка. Въ обращеніи къ ландтагу впервые говорилось о „цѣли“ прагматической санкціи; отъ „уніи“ королевства и земель, говорилось теперь, зависитъ благо и спокойствіе народовъ и подданныхъ. Въ правящихъ сферахъ былъ, кромѣ того, предложенъ созывъ „конгресса ландтаговъ“. Нижне-австрійскій ландтагъ предложилъ „братство наслѣдниковъ“, по которому всѣ области дали бы поруку во взаимонаслѣдіи; хотя принцъ Евгеній и былъ за введеніе представительства отъ всѣхъ ландтаговъ, правительство, боясь дальнѣйшихъ расширеній и увлеченій, не рѣшилось на это. Переговоры подобнаго рода могли пробудить опасенія въ Венгріи, гдѣ еще въ 1712 году представители Хорватіи постановили добиться соединенія съ нижне-австрійскими землями, съ которыми они имѣли общіе политическіе и экономическіе интересы и часто должны были совмѣстно выступать для защиты отъ турокъ; такимъ путемъ они надѣялись освободиться отъ государственно-правовой связи съ Венгріей.

Чехія и остальныя наслѣдныя земли легко присоединились къ санкціи; при этомъ нѣкоторыя „льготы“ и мѣстные порядки были подтверждены. Но въ то время какъ въ Чехіи не было сдѣлано никакихъ указаній на особыя права населяющихъ ее націй, городъ Эгеръ, отдѣльно высказываясь за порядокъ наслѣдія, сдѣлалъ отъ себя и своей области такое заявленіе къ присоединенію Чехіи, что за нимъ остаются всѣ привилегіи, данныя ему римскими императорами и чешскими королями.

Тирольскіе чины сѣтовали, что у нихъ отнята надежда имѣть своего князя, который жилъ бы въ ихъ странѣ, и требовали, чтобы будущій монархъ былъ „нѣмецкимъ отпрыскомъ“.

Для Венгріи, гдѣ представительство было одновременно національнымъ и государственнымъ явленіемъ и гдѣ оно только нѣсколько утеряло свое значеніе, переговоры въ ландтагѣ (1722—23 г.) имѣли большее значеніе, чѣмъ для всѣхъ другихъ габсбургскихъ земель. Еще въ 1712 г. Венгрія выставила требованіе, чтобы всѣ эти земли заключили между собой особый союзъ, который призналъ бы общаго монарха и вносилъ бы на содержаніе военной границы и гарнизоновъ въ венгерскихъ крѣпостяхъ, причемъ Венгрія взяла бы на себя защиту наслѣдныхъ земель и Чехіи отъ турокъ. Поэтому Венгрія предложила ландтагу (который долженъ былъ представить свои заключенія по вопросу о наслѣдіи), чтобы наслѣдники или наслѣдницы Габсбургскаго дома, которыхъ они склонны признать какъ королей, находились бы во владѣніи всего „нераздѣльнаго цѣлаго“ габсбургскихъ земель.

Отъ наслѣдныхъ земель ни въ коемъ случаѣ ничего нельзя отдѣлить: вмѣстѣ съ венгерскимъ королевствомъ и ближайшими къ нему землями онѣ должны образовать одно наслѣдное владѣніе. Венгерскій ландтагъ 1722—23 года создалъ, такимъ образомъ, дуализмъ и ту опредѣленность и точность относительно своихъ отношеній къ княжескому дому и къ его невенгерскимъ землямъ, которыя во всѣхъ вопросахъ по государственному праву и устройству давали Венгріи замѣтное предпочтеніе предъ другими группами (нѣмецко-славяно-романскими).

Конституціонное значеніе прагматической санкціи было въ Венгріи глубже понято, чѣмъ въ другихъ странахъ, представители которыхъ не были достаточно подготовлены къ пониманію новаго устава и пропустили случай выставить Венгріи и свои требованія, вызвать и обратныя права и обязанности. Незнакомство съ историческимъ развитіемъ Австро-Венгерской монархіи, поразительное отсутствіе политическаго образованія и знанія законовъ побудило также и нѣмецкихъ либераловъ XIX в. выставить объединенному государству такія претензіи, которыя удовлетворить оно никоимъ образомъ не могло ни вслѣдствіе своего происхожденія, ни по своему характеру.

Карлъ VI и его совѣтники не придавали большого значенія мнѣніямъ ландтаговъ наслѣдныхъ земель. Они сами еще не были глубоко убѣждены въ необходимости общаго подчиненія государству, но въ то же время они видѣли, что въ конгломератѣ странъ, которыми они управляютъ, не было государства, которое могло бы устоять противъ сильнаго натиска. Только одинъ вѣрилъ въ эту силу, — то былъ принцъ Евгеній, прозванный „Савойскимъ“, но ставшій настоящимъ австрійцемъ. Будучи съ нимъ несогласенъ, императоръ направилъ всю политику къ тому, чтобы достигнуть признанія его дома всѣми державами. Начиная отъ Раштаттскаго мира, не было пропущено ни одного конгресса или мира, гдѣ бы это не было провозглашено.

Прагматическая санкція прежде всего обезпечивалась самой имперіей, такъ какъ при помощи ея произошло выдѣленіе нѣмецко-австрійскихъ владѣній изъ объединеннаго государства, и Габсбургскій домъ получилъ право привести въ конституціонную связь принадлежащія государству помѣстья, земли и присоединенное королевство Чехію съ прилегающими къ ней землями — съ самостоятельнымъ государствомъ Венгеріей.

Германская имперія признала свою солидарность съ императорскимъ домомъ (переговоры объ этомъ велись въ Регенсбургѣ) и необходимость существованія австрійской монархіи. „Гарантія, такимъ образомъ, является первымъ актомъ союза Германской имперіи съ Австріей; это объясняется тѣмъ, что рейхстагъ считаетъ владѣнія Габсбургскаго дома самостоятельной державой, сохраненіе которой лежитъ въ собственныхъ же правильно понимаемыхъ интересахъ государства“.

Заслуга привести это въ исполненіе принадлежитъ королю Фридриху-Вильгельму I Прусскому, который, согласно договорамъ въ Кенигсвустергаузенѣ (12 октября 1726 г.) и въ Берлинѣ (23 декабря 1728 г.), сталъ союзникомъ императора. Онъ былъ достаточно силенъ, чтобы самому провести въ рейхстагѣ этотъ вопросъ вопреки Баваріи и Саксоніи; предпринятое имъ въ 1730 году путешествіе къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ дворамъ, не принимавшимъ еще въ этомъ участія, несомнѣнно имѣло цѣлью исхлопотать голоса за императора и предложить принятіе гарантіи. Баварія и Саксонія сопротивлялись напрасно. Они не могли перетянуть большинства въ княжеской коллегіи; имъ ничего не оставалось, какъ протестовать противъ заключенія рейхстага и не признать его для себя обязательнымъ.

Императорское правительство могло отсюда заключить, что несмотря на всѣ дипломатическія ухищренія по отношенію къ гарантіямъ вопросъ о женскомъ наслѣдіи не пройдетъ безъ борьбы, такъ какъ оба курфюрста основывали свои притязанія на участіе въ наслѣдствѣ на родствѣ съ императорскимъ домомъ (старшая дочь Іосифа I Марія-Іозефа была замужемъ за Фридрихомъ Августомъ II Саксонскимъ, сестра ея Марія-Амалія за Карломъ-Альбрехтомъ Баварскимъ). Вотъ почему первѣйшей обязанностью умной политики было бы при всѣхъ условіяхъ сохранить себѣ своего вѣрнѣйшаго сторонника, Пруссію, и добровольными уступками связать и ее съ интересами императорскаго дома. Вмѣсто этого Австрія именно въ послѣдніе годы ослабила свой союзъ съ Пруссіей и отказала ея королю, которому она главнымъ образомъ была обязана своей государственной гарантіей, въ обѣщанной ею помощи относительно Юлихъ-Клевесскаго наслѣдства. Но не слѣдуетъ требовать отъ умственнаго кругозора тогдашнихъ политическихъ дѣятелей Австріи, чтобы они поняли, что основаніе самостоятельнаго государства плохо вяжется съ господствомъ въ имперіи; нельзя одновременно порвать тѣсную связь съ нею и править въ ней; пришло время поспорить съ сѣверо-нѣмецкимъ государствомъ о своемъ значеніи. Но съ точки зрѣнія практической политики все-таки слѣдуетъ замѣтить, что пренебреженіе Пруссіей произошло вслѣдствіе неправильной

оцѣнки силъ, такъ какъ потеря прусской помощи не могла возмѣститься дорого купленными обѣщаніями Франціи.

Г. Марія-Терезія и Іосифъ II.

а) Марія-Терезія.

Смерть Карла VI, съ которой прекратилась основанная Рудольфомъ I и достигнувшая при Карлѣ V высшаго земного могущества правящая династія, поставила политически объединенныя земли (въ силу прагматической санкціи) въ необходимость защищать свое право всѣмъ своимъ достояніемъ. Должно было рѣшиться, можетъ ли стать во главѣ Габсбургскаго дома габсбурго-лотарингская династія, основывавшая свои притязанія на замужествѣ старшей дочери Карла VI Маріи-Терезіи, родившейся 13 мая 1717 года, за Лотаринго-Тосканскимъ герцогомъ, Францомъ-Стефаномъ. Раздѣленіе владѣнія требовалъ курфюрстъ баварскій Карлъ-Альбрехтъ (сынъ Макса-Эмануила), женившійся въ 1722 г. на второй дочери Іосифа Маріи-Амаліи. Онъ основывалъ свои притязанія на право наслѣдія на многочисленныхъ родственныхъ узахъ, значеніе которыхъ, вслѣдствіе поддѣлки въ завѣщаніи Фердинанда I, было преувеличено, предъявлялъ претензіи на всѣ наслѣдныя земли и Марію-Терезію считалъ только королевой Венгріи.

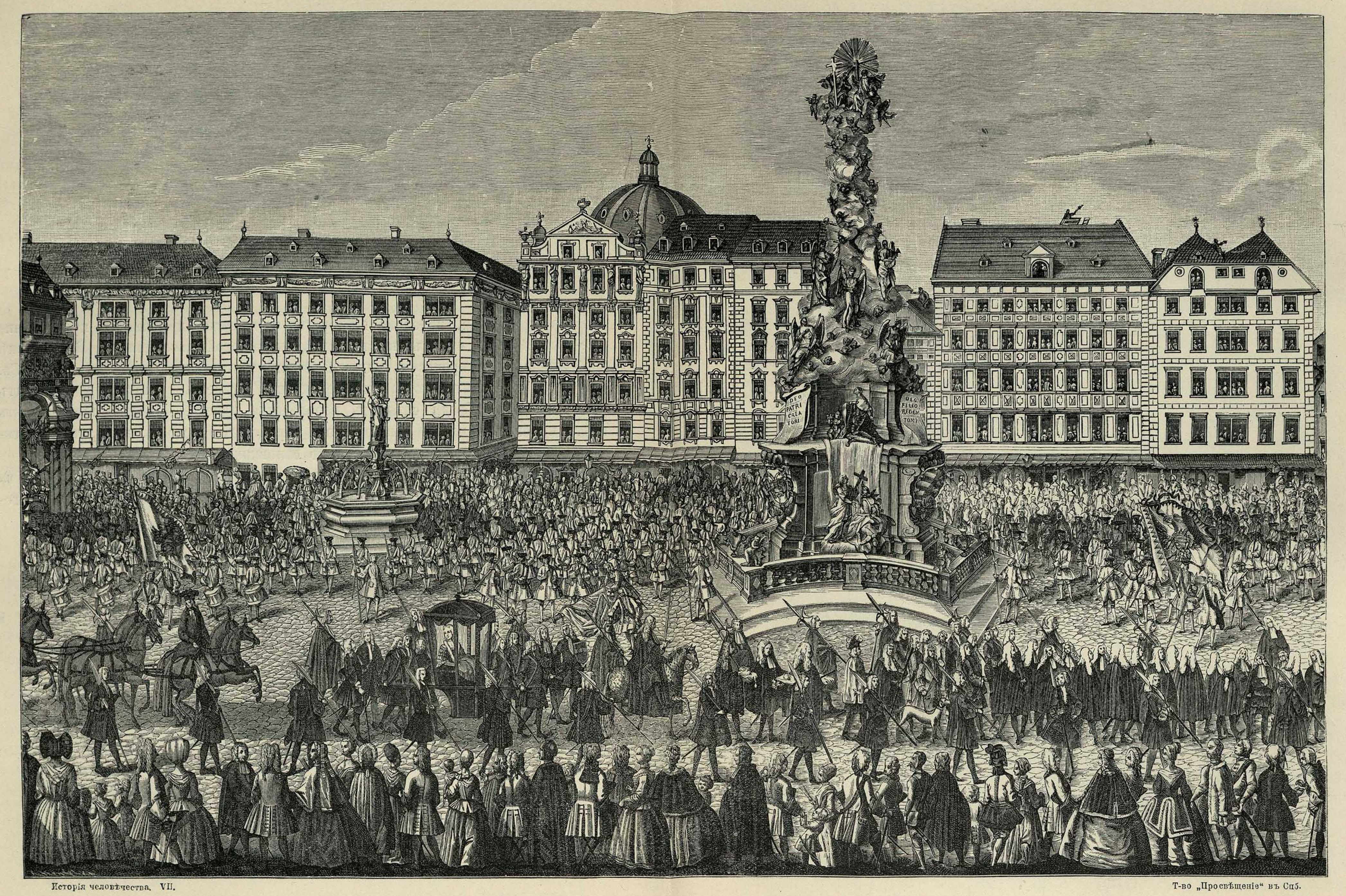
Происки Карла Альбрехта не оказали бы вліянія, если бы Баварія не имѣла столько сторонниковъ даже въ самой Австріи и если бы Марія-Терезія имѣла бы дѣло только съ однимъ этимъ противникомъ. Гораздо болѣе опаснаго противника имѣла она въ лицѣ Фридриха II Прусскаго, вступившаго на престолъ своего отца въ годъ смерти Карла VI. Онъ не призналъ прусскихъ обязательствъ, такъ какъ умершій императоръ не выполнилъ обѣщанія, и потребовалъ возмѣщенія за отнятое княжество Іегерндорфъ и Швибусскій округъ, который былъ отданъ его дѣдомъ Фридрихомъ по принужденію. Вопросъ о правѣ былъ въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ. Фридрихъ обратилъ вниманіе на эти спорныя области, такъ какъ имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе нижней Силезіи съ цѣлью округлить границы до Одера и не могъ не воспользоваться удобнымъ случаемъ для увеличенія своего государства. Онъ предложилъ Маріи-Терезіи помощь противъ Баваріи и свой голосъ за избраніе ея мужа императоромъ; онъ былъ почти готовъ гарантировать ея владѣнія въ Германіи и приплатить 2,000,000 талеровъ, если только ему будетъ уступлена Силезія до Бреславля. Это предложеніе могло бы быть принято Австріей, и опытный политикъ нашелъ бы въ этомъ смыслъ; но принятіе его было затруднено самимъ Фридрихомъ, такъ какъ онъ тогда же послалъ въ Силезію 20,000 чел. (декабрь, 1740 г.). Марія-Терезія могла бы уступить. Случай къ мирному признанію прусскаго могущества въ Германіи представился, это не было бы позорно и не было бы связано съ замѣтнымъ урономъ для Австріи: большинство протестантскихъ земель, которыя Фридрихъ себѣ намѣтилъ, не вносили ни гроша въ вѣнскую имперскую казну, и тамошнее дворянство привыкло даже служить въ прусской арміи.

Но молодая эрцгерцогиня и королева венгерская (см. иллюстрацію „Присяга Маріи Терезіи“) присоединилась къ мнѣнію пылкаго Бартенштейна, высказывшагося противъ прусскаго предложенія. Въ ней дѣйствовалъ не только гнѣвъ женщины противъ невѣрности, но и также чисто-женскій (возможно, впрочемъ, завѣщанный предками) страхъ предъ потерей достоянія и твердая убѣжденность въ томъ, что полученное владѣніе должно охранять всякой цѣной. Габсбурги никогда не были жадны, но всегда упорны въ защитѣ своихъ законныхъ правъ. Выступленіе Маріи-Терезіи противъ Пруссіи имѣло скорѣе моральное значеніе, нежели

Объясненіе гравюры.

Марія Терезія, королева венгерская и чешская, принимаетъ присягу нижне-австрійскихъ чиновъ, въ качествѣ австрійской наслѣдницы. На картинѣ изображена часть процессіи, идущей изъ императорскаго дворца въ соборъ Св. Стефана, въ моментъ, когда она переходитъ Грабенъ. Марія Терезія сидитъ въ портъ-шезѣ. Сзади слѣдуетъ королевская карета. Передъ портъ-шезомъ идутъ чиновники, члены рыцарскаго и баронскаго сословія, пажи, тайные совѣтники и камергеры, государственные сановники и придворные чины.

По обѣ стороны памятника Троицы (воздвигнутаго въ благодарность за прекращеніе чумы въ 1682 году при Леопольдѣ I) выстроилась вѣнская городская гвардія.



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Присяга Маріи Терезіи, эрцгерцогинѣ Австрійской, 22 ноября 1740 г.

Изъ Georg Christoph Kriegl'я „Erbhuldigung“; Вѣна, 1742. (По оригиналу въ германскомъ національномъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.)

политическое. Ея отвага и исходившая изъ непоколебимой вѣры въ Бога стойкость много помогли народу въ стремленіи поддержать старую династію, съ которой онъ въ теченіе пяти столѣтій дѣлилъ и радость, и горе. Раздѣляли ея ненависть къ Фридриху и искренно сочувствовали ей какъ тѣснимой и преслѣдуемой.

Типичная нѣмка, со всѣми добродѣтелями нѣмецкой хозяйки и матери, и въ то же время правительница, полная величія и кротости, строгая въ приказаніяхъ, твердая въ рѣшеніяхъ, постоянная въ гнѣвѣ и милости, той дивной красоты, которая вызываетъ поклоненіе, она пріобрѣла народную симпатію не только на родинѣ: и среди враждебныхъ націй слыла она „великой императрицей". Неувѣренность и колебаніе, эти смертельные враги монархической силы, были ей чужды. Она иногда ошибалась въ силѣ, которой располагала, но никогда въ своеобразномъ характерѣ своего государства: она ясно понимала, что венгерское самоуправленіе должно быть сохранено, и что наоборотъ въ чшескихъ и нѣмецкихъ наслѣдныхъ земляхъ должна быть концентрація управленія. Она не признала чешскаго государственнаго права, несмотря на свое коронованіе, и строго слѣдила за единствомъ и равномѣрностью управленія. Хорошо понимая значеніе управленія, она избрала тѣ пути, которые ведутъ къ образованію государства. Съ Маріей-Терезіей начинается тотъ трудный переходъ отъ династическаго произвола къ правовому порядку, который продолжался до нашихъ дней, такъ какъ его, повидимому, близкій конецъ искусственно задерживался шаблонными требованіями либераловъ. Отношеніе княжескаго дома къ Чехіи при Маріи-Терезіи снова носило характеръ нападающей стороны; королевство это пришлось вновь завоевать силой оружія, послѣ того какъ оно уже подчинилось императорскому правленію. Баварскій курфюрстъ въ ноябрѣ 1741 г. ворвался изъ сѣверной Австріи въ Чехію и, послѣ взятія (почти безъ всякаго сопротивленія) Праги, заставилъ присягнуть себѣ какъ королю. Привилегіи габсбургскаго дома не особенно цѣнились тогдашними представителями королевства: не менѣе 400 чешскихъ представителей, среди которыхъ были извѣстнѣйшія имена, лично принесли присягу, несмотря на то, что ихъ никто не принуждалъ. Баварскія войска пришли бы въ порядочное замѣшательство, если бы чешское дворянство, которое такъ кичилось своей преданностью императорскому дому, осталось бы сидѣть въ своихъ замкахъ и организовало бы партизанскую войну, вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Прагу и цѣловать руку баварскому князю.

Изгнаніе баварцевъ и помогавшихъ имъ французовъ удалось войскамъ Маріи-Терезіи, когда она уже заключила миръ съ пруссаками. Послѣ пораженій при Мольвицѣ (10 апр. 1741 г.) и Хотузичѣ (17 мая 1742 г.) Марія-Терезія поняла необходимость уступить Силезію, за исключеніемъ княжествъ Троппау, Тешенъ и большей части Іегерндорфа, за-то потомъ она должна была еще пожертвовать Глацомъ, т. е. дать значительно больше того, что потребовалось бы при миролюбивомъ соглашеніи съ Фридрихомъ. Договоры, заключенные въ Бреславлѣ (11 іюня) и въ Берлинѣ (28 іюня 1742 г.), были не совсѣмъ искренни. Едва только Марія использовала ихъ, захватила Баварію и убѣдила міръ въ жизнеспособности своего государства, какъ въ ней пробудилась уже жажда отомстить Пруссіи. Возможность получить вмѣсто Силезіи Баварію, которая при полномъ безсиліи Карла VII (провозглашеннаго римскимъ императоромъ 24 янв. 1742 г.) могла бы стать главнымъ пунктомъ переговоровъ, не соблазняла ее; она возвратила сыну Карла VII (умерш. 20 янв. 1745 г.) курфюрсту Максимиліану III Іосифу Баварію вмѣстѣ съ верхнимъ Пфальцомъ, даже признала имперію его отца и вступила въ переговоры съ Саксоніей, Россіей и Франціей. Еще и до того Фридрихъ II былъ убѣжденъ, что это стремленіе къ заключенію союзовъ будетъ ему стоить не одной только Силезіи, но и вообще своего европейскаго положенія; въ концѣ августа 1744 г. онъ снова выступилъ въ походъ. При

Гогенфридбергѣ и Соорѣ ему удалось разбить австрійцевъ (4 іюня и 30 сент. 1745 г.), при Кессельдорфѣ (15 декабря 1745 г.) саксонцевъ. По миру, заключенному имъ съ противниками въ Дрезденѣ (1745 г.), за нимъ было признано право на завоеванное, причемъ онъ призналъ супруга Маріи-Терезіи эргерцога Франца I Тосканскаго императоромъ Римскимъ.

Только теперь, какъ супруга императора, королева Венгерская и Чешская стала императрицей. Марія-Терезія начала линію австрійскихъ императоровъ и съ нею связано понятіе австрійскаго государства.

Если бы Австрія, послѣ прекращенія второй силезской войны, считала бы дальнѣйшія стычки съ Пруссіей безполезными, то это несомнѣнно принесло бы ея внутреннему устройству больше пользы, чѣмъ это удалось императрицѣ. Кромѣ того, возобновленіемъ союза съ Пруссіей можно было бы достичь полнаго низложенія Бурбоновъ и даже пріобрѣтенія Неаполя. Эта мысль однажды была ей предложена министромъ, графомъ Антономъ-Венцелемъ-Кауницъ, но, встрѣтивъ сопротивленіе, предложеніе это не имѣло успѣха. Возможно было-бъ ее убѣдить въ этомъ, если бы воскресить въ ея памяти планы принца Евгенія относительно балканскихъ земель. Политика графа Кауница была такъ же плоха, какъ и Меттерниха. Кауницъ не только не ускорилъ развитія австрійскаго государства, но, возобновленіемъ враждебнаго Пруссіи союза, подорвалъ это развитіе, пріостановилъ его. Чего могла бы достигнуть опытная и счастливая рука Маріи-Терезіи, если бы силы, затраченныя ею на семилѣтнюю войну, были бы сохранены для внутренняго благоустройства! По меньшей мѣрѣ не было-бъ необходимости подчиниться всѣмъ требованіямъ Венгріи (при установленіи государственно-правовыхъ отношеній къ ближайшимъ землямъ); можно было бы снова подумать о торгово-политическихъ предпріятіяхъ Карла VI, о пріобщеніи Австріи къ торговлѣ средней и южной Европы. Марія-Терезія не считала бы нужнымъ даже преслѣдованіе протестантовъ, жившихъ и въ безъ того безлюдныхъ альпійскихъ странахъ, если бы она не видѣла въ нихъ тайныхъ единомышленниковъ ненавистнаго прусскаго короля. Чувство ненависти было въ ней такъ сильно, что эта обыкновенно разсудительная женщина въ порывѣ мщенія дошла до причиненія вреда своему же государству. Для Австріи не было повода къ соревнованію съ Пруссіей. Государственное развитіе Австріи могло и должно было идти только совершенно независимо отъ германскаго государства и также независимо отъ достоинства римско-нѣмецкаго императора; стремленіе къ главенству надъ всей государственной системой германскаго государства и позднѣйшихъ нѣмецкихъ союзовъ было постояннымъ тормазомъ къ преслѣдованію чисто-австрійскихъ цѣлей.

Марія-Терезія и ея потомство, съ одной стороны, были слишкомъ консервативны въ пониманіи обще-европейскихъ отношеній, съ другой стороны, слишкомъ подчиняясь сторонникамъ римско-католической церкви, видѣвшей въ расцвѣтшей Пруссіи новый залогъ къ дальнѣйшему развитію евангелическаго ученія, они становились въ такія отношенія къ этому государству, которыя совершенно не соотвѣтствовали интересамъ ихъ и ихъ земель.

б) Іосифъ II и Леопольдъ II.

Іосифъ II (1780—90), однако, не подчинялся этому вліянію. Въ немъ пробудилась мысль къ проведенію всякихъ реформъ, осуществленіемъ которыхъ онъ весьма спѣшилъ. Но онъ слишкомъ поздно понялъ (только по смерти Фридриха II), что гигантская задача централизаціи управленія всѣхъ королевствъ и странъ можетъ совершиться только по окончательномъ улаженіи всякихъ недоразумѣній съ Пруссіей. Въ письмѣ Іосифа къ Кауницу (6 дек. 1786 г.) ясно изложено это основаніе будущей здоро-

вой австрійской политики; но оно не встрѣтило сочувствія. Кауницъ такъ понималъ задачу австрійской дипломатіи: „Когти слѣдуетъ заботливо спрятать для того, чтобы, когда они понадобятся, вѣрнѣе ими воспользоваться. Только это можетъ быть конечной цѣлью нашей политики; предположеніе же, чтобы наши истинно-государственные интересы могли когда-нибудь окончательно слиться съ прусскими, относится къ благимъ пожеланіямъ“.

Іосифъ II также понялъ и другую сторону австрійскихъ интересовъ,— движеніе на востокъ; его союзъ съ Россіей съ цѣлью вытѣсненія турокъ изъ дунайской области, политика по отношенію къ Албаніи, Черногоріи, Сербіи указываютъ на широкій горизонтъ его политическаго мышленія. Но если исключить поднятіе въ наслѣдныхъ земляхъ индустріи (вызванное запретительной системой), воля его, вслѣдствіе отсутствія подготовки, мало успѣвала. Онъ думалъ управлять страной посредствомъ системы чиновничества, которое должно было-бъ отвѣчать высшимъ требованіямъ понятливости, безкорыстія и самодѣятельности, и не создалъ даже части этой творческой машины. Онъ хотѣлъ, при посредствѣ физіократической системы (выставленной въ противуположность меркантильной системѣ школой Кенэ), сдѣлать сельское хозяйство (земледѣліе) носительницей государственныхъ тяжестей, развить его, удалить мѣшающія препятствія, облегчить обмѣнъ; но въ его странахъ не было никакихъ сельскихъ хозяевъ, а только, за небольшимъ исключеніемъ, жадные къ рентѣ помѣщики и темные, въ значительной степени безправные крестьяне, которые касались государства только чрезъ посредничество господъ и бездѣятельныхъ чиновниковъ. Онъ отнялъ послѣднія привилегіи у сословныхъ корпорацій, и безъ того уже почти безправныхъ, совершенно не обдумавъ, что именно эти корпораціи могутъ подойти къ его филантропическимъ планамъ, что между ними онъ долженъ будетъ искать сотрудниковъ, такъ какъ ихъ интересы неотдѣлимы отъ государственныхъ.

Также не обдумавъ, началъ онъ въ 1787 г. войну съ турками; двинулся онъ съ плохо-организованнымъ войскомъ и безъ полководцевъ. Ветераны семилѣтней войны, ничему на ней не научившіеся и все-таки бывшіе о себѣ высокаго мнѣнія, не были въ состояніи въ короткое время сломить упорное противодѣйствіе турокъ. Долгая продолжительность войны, медленность движеній дали возможность великимъ державамъ (сплотившимся вслѣдствіе австрійско-русской наступательной политики) придти на помощь Турціи и сдѣлать безцѣльными даже побѣды надъ ними принца Фридриха Саксенъ-Кобургскаго и русскаго генерала Александра Васильевича Суворова (при Фокшанахъ 1 авг. 1789 г., при Мартинешти на Рымникѣ 22 сент.) и взятіе Бѣлграда фельдмаршаломъ Гедеономъ Эрнстомъ Лаудономъ (8 окт. 1789), по миру, заключенному въ Систовѣ 4 авг. 1791 г.

Вслѣдствіе недостаточной обдуманности и предусмотрительности Іосифа II, какъ государственнаго дѣятеля, правительственныя ошибки привели габсбургскую монархію въ состояніе неслыханнаго замѣшательства. Руководимая исключительно доктринерскимъ ученіемъ и безъ всякой практической цѣли образовалась въ Нидерландахъ оппозиція духовенству и одновременно сословному и городскому самоуправленію, вызвавшая волненіе въ Брюсселѣ (12 дек. 1789 года). Конституціонныя права Венгріи не брались во вниманіе, начиная съ 1783 года; не считаясь съ постановленіями рейхстага, объявлялись законы, назначались новыя подати; въ то же время въ Вѣну была перевезена корона святого Стефана, почитаемая мадьярами какъ указаніе на ихъ независимость. Все это вмѣстѣ сдѣлало настроеніе высшихъ классовъ Венгріи настолько враждебнымъ, что съ 1788 г. они начинаютъ уже стремиться къ союзу съ Пруссіей и хотятъ даже возвести на венгерскій тронъ, какъ наслѣдника Арпадовъ, принца Круа, прусскаго принца или герцога Карла-Августа-Веймарскаго.

Система, такъ называемаго, „Народнаго государя", вслѣдствіе переоцѣнки понятія „просвѣщенія" вылившаяся въ тираническую форму бюрократическаго государства, совершенно пала еще до смерти Іосифа II (20 февр. 1790 г.). Чтобы сохранить чувствительный организмъ габсбургскаго государства отъ окончательной развинченности безъ значительнаго ущерба правъ короны, необходима была мудрая умѣренность, опытность и умственная зрѣлость его брата Леопольда II, проникнутаго ученіемъ Макіавели.

Соглашеніе съ Пруссіей въ Рейхенбахѣ (27 іюля 1790 г.) было ключемъ къ леопольдовской реставраціи, которая за два года его правленія (умеръ 1 марта 1792 г.) успѣла такъ много, что Австро-Венгрія могла пережить страшныя потрясенія, внесенныя въ страну завоевательнымъ шествіемъ Наполеона-Бонапарта. Недовольство разрушительнымъ духомъ Іосифа II укоренилось въ Венгріи настолько глубоко, что дурныя отношенія между націей и правящимъ домомъ продолжались въ теченіе всего XIX вѣка, и улучшились только послѣ озлобленно веденной революціонной войны (1848—49 г.).

9. Развитіе Прусскаго королевства.

Судьба государства нераздѣльно связана съ индивидуальностью его правителей. Также и въ республикѣ посредственности, стоящія во главѣ исполнительной власти, не могутъ долго устоять безъ замѣтнаго вреда для общества. Усиленіе и паденіе значенія монархіи зависитъ отъ тѣхъ талантовъ, которые производятся династіей. Пруссія обязана быстротой своего возрастанія Гогенцоллернамъ.

Въ новѣйшія времена нельзя найти княжеской фамиліи, которая впродолженіи двухъ столѣтій произвела бы четырехъ истинно-государственныхъ людей. Между слѣдующими четырьмя Цоллернами: курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, первымъ королемъ этого имени, королемъ Фридрихомъ II и Вильгельмомъ I,—Великій курфюрстъ и Великій Фрицъ (см. табл. при стр. 547) были истинно-геніальными натурами.

A. Фридрихъ-Вильгельмъ I.

Фридриха-Вильгельма I долгое время не признавали великимъ королемъ; время „просвѣщенія", съ его часто превратными понятіями о государствѣ, не могло его оцѣнить; даже собственному сыну его нужно было долгое время, пока онъ понялъ отца. Только мы, оглядываясь на прошлое, можемъ понять, чѣмъ ему обязаны Пруссія и нѣмецкій народъ: укрѣпленіемъ государства, подготовкой къ борьбѣ за существованіе и воспитаніемъ своего сына такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть, чтобы стать „великимъ". Если нѣмецкіе школьные учителя создали великія побѣды XIX вѣка, то Фридрихъ Великій является ихъ образцомъ, величайшимъ учителемъ, который когда-либо приготовилъ народъ къ задачамъ, выставляемымъ ему жизнью. Самъ онъ ни у кого не учился; при дворѣ его родителей не были знакомы съ гражданскими чувствами, которыя были въ его душѣ; то, что онъ тамъ видѣлъ, наполняло его отвращеніемъ. Мотовство, которому онъ тогда не могъ противодѣйствовать, пробудило въ немъ бережливость, которую мать считала скупостью и не считала полезной. Не ускользавшія еще въ юности отъ его хозяйственнаго глаза хищенія были имъ впослѣдствіи съ успѣхомъ преслѣдуемы.

Возвратившись въ 1710 году съ нидерландскаго похода, онъ уничтожилъ систему графа Августа Зайнъ-Витгенштейна и Іоганна-Казимира Кольбе, посредствомъ которой государственное имущество расхищалось

безъ всякой отвѣтственности. Тогда же послѣдовало и удаленіе этихъ нечестныхъ министровъ (дек. 1710 г.).

Вступивъ въ управленіе королевствомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, вслѣдствіе быстроты и радикализма въ реформахъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе; пруссаки считали его тираномъ, заграницей смѣялись надъ нимъ и считали его не вполнѣ нормальнымъ.

Развѣ это королевскій дворъ, гдѣ продаютъ выѣздныхъ лошадей, плавятъ серебряную посуду, гдѣ за небольшую вину присуждаютъ къ денежнымъ штрафамъ важнѣйшихъ сановниковъ, поступая съ ними какъ съ простыми преступниками? Развѣ подходитъ королю съ утра засаживаться за акты, счеты, провѣрку кассъ, провѣрку рекрутовъ или же отправляться въ обѣденное время къ берлинскимъ гражданамъ, пробовать подаваемую на столъ ихъ пищу, освѣдомляться о стоимости каждаго блюда? Изъ-за его очевидныхъ недостатковъ, — неукротимой вспыльчивости, недовѣрія къ членамъ собственной фамиліи и къ чиновникамъ, о чемъ шли въ народѣ невѣроятные слухи, совершенно забывали о пользѣ, которую принесла съ собой его дѣятельность. Во всѣхъ этихъ ложныхъ сужденіяхъ, распространенныхъ о немъ при большинствѣ европейскихъ дворовъ, супруга его Софія-Доротея Ганноверская имѣла немалую вину; она не раздѣляла суровыхъ взглядовъ короля, какъ считала униженіемъ—недостаточность этикета и тягостную скупость въ содержаніи двора. Старшія дѣти,— Фридерика-Софія-Вильгельмина (родившаяся 3 іюля 1709 г.) и наслѣдный принцъ (родившійся 24 янв. 1712 г.) несомнѣнно подались вліянію этого отношенія матери къ суровому и на видъ неумолимому отцу. Но уже послѣ перваго десятилѣтія новаго царствованія нельзя было не видѣть, что старый монархъ съ капральской палкой въ рукахъ сдѣлалъ великое дѣло.

Были уже уплочены долги, наполнены кассы, войско наготовѣ, чего обыкновенно въ Европѣ не привыкли видѣть, введено центральное управленіе, съ непогрѣшимой вѣрностью и точностью шедшее навстрѣчу высокимъ задачамъ. Прусскому королю не пришлось встрѣтиться съ такими затрудненіями, которыя впослѣдствіи стали по пути не менѣе великому реформатору,—Іосифу II. Не слѣдуетъ забывать, что уже Великій курфюрстъ справился съ сословными правами и претензіями, что Гогенцоллерны въ Пруссіи могли иначе дѣйствовать, чѣмъ Габсбурги въ Венгріи, и что дворяне клевскіе и маркскіе могли скорѣе быть сломлены, чѣмъ бельгійскія коммуны, и что, наконецъ, общность религіи и націи помогла созданію единаго правленія.

Но все-таки Фридрихъ-Вильгельмъ I не сразу создалъ поразительный организмъ своего правленія; и онъ дѣлалъ ошибки и видѣлъ неоправданныя надежды. Раздѣленіе финансовъ на гражданскіе и военные оказалось невыполнимымъ; оно сѣяло недоразумѣнія и напрасно отягчало подданныхъ. Король открыто сознался въ этомъ; онъ открылъ главнымъ правителямъ областей печальное положеніе дѣла и лично создалъ (20 дек. 1722 г.) „генеральную директорію“, спеціальный департаментъ, въ рукахъ котораго съ этого времени лежало направленіе всего финансоваго дѣла. Преимущества этой централизаціи почувствовалъ и самъ правитель.

Особенно благодѣтельно дѣйствовала ясность и простота судопроизводства, чувство справедливости, укрѣпленное въ сознаніи каждаго подданнаго безъ различія сословій, вслѣдствіе строгаго наблюденія надъ учрежденіями и коллегіями со стороны самого короля. Король зналъ всѣ народныя нужды изъ своего наблюденія и частныхъ бесѣдъ съ представителями различныхъ круговъ. Отъ его вниманія не ускользалъ и не былъ забытъ ни одинъ отдѣлъ соціальной политики. Онъ заботился о помощи нищимъ, изгналъ цыганъ, выступилъ противъ злоупотребленій привилегированныхъ классовъ въ городахъ и освободилъ ремесла отъ

цеховыхъ стѣсненій. Все, что умъ и осмотрительность одного человѣка могли сдѣлать въ смыслѣ обнаруженія и уничтоженія различныхъ неправильностей, было сдѣлано этимъ королемъ, который, не имѣя возможности опереться на теоретическія знанія, при помощи своихъ необыкновенныхъ способностей въ обсужденіи экономическихъ положеній, былъ призванъ освободить продуктивныя силы отъ давленія и объединить ихъ для широкихъ начинаній.

Фридрихъ-Вильгельмъ не былъ „солдатскимъ королемъ", хотя онъ себя такимъ считалъ, какъ его считали и тысячи любопытныхъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ посмотрѣть его великановъ-гренадеръ, полюбоваться головоломными упражненіями, которыя продѣлывались солдатами всевозможныхъ оружій. Конечно, военной силѣ онъ отдавалъ наибольшее вниманіе. Онъ не сомнѣвался относительно того, какимъ образомъ его дѣдъ при незначительномъ государствѣ сталъ европейскимъ монархомъ; онъ зналъ, что новое нѣмецкое королевство ему придется укрѣпить силой своего оружія. Но именно потому, что ему хотѣлось создать сильное войско, онъ направилъ свой политическій умъ главнымъ образомъ на вопросъ объ администраціи, исходя изъ того правильнаго положенія, что военная сила можетъ развиться только при условіи основательно-построенной и правильно работающей государственной машины. Его отецъ съ трудомъ имѣлъ 30,000 войска и уже съ нимъ сыгралъ немалую роль въ борьбѣ за наслѣдство. Но онъ не могъ рисковать, не могъ дѣйствовать безъ оглядки, такъ какъ не могъ бы еще устоять противъ союза враждебныхъ государствъ.

Но уже въ 1725 году Фридрихъ-Вильгельмъ могъ въ короткое время выставить 64,000 человѣкъ войска, которое было гораздо дѣльнѣе, чѣмъ австрійское и французское. Передъ его смертью, постоянное войско его состояло изъ 66 баталіоновъ пѣхоты, 114 эскадроновъ, 18,560 лошадей, 6 ротъ полевой артиллеріи, 4 ротъ гарнизонной и 43 офицеровъ инженеровъ. Это была уже армія великой державы.

Въ кантональныхъ правилахъ, изданныхъ въ 1733 году, когда служба въ королевскихъ полкахъ введена была уже почти какъ обязательство, предусматриваются уже и способы комплектованія и усиленія арміи. Уже въ первые годы своего правленія, Фридрихъ сумѣлъ увеличить число баталліоновъ съ 66 на 88; всѣ они были одинаково вооружены, прекрасно вымуштрованы, обучены скорой стрѣльбѣ и могли быть двинуты въ походъ въ теченіе двѣнадцати дней. При вступленіи въ правленіе Маріи-Терезіи, австрійское войско стояло на рѣдкой высотѣ; оно состояло изъ 107,000 челов. инфантеріи и 32,000 лошадей. Но приготовленіе такого войска въ походъ сопровождалось большими трудностями; необходимыя походныя вещи не были приготовлены, чувствовался недостатокъ въ деньгахъ; такимъ образомъ австрійское войско ни въ коемъ случаѣ нельзя сопоставить съ прусскимъ. Но Фридрихъ-Вильгельмъ заботился не только о численности и муштровкѣ войска; онъ поднялъ послѣднее, главнымъ образомъ, улучшеніемъ офицерскаго положенія, которое въ его войскѣ было выше, чѣмъ во всякой другой европейской арміи. Онъ былъ первымъ офицеромъ, сидѣвшимъ на тронѣ. Офицерскую форму носилъ самъ король, что подымало ея престижъ. При немъ совершилось тѣсное сближеніе прусскаго дворянства съ арміей, такъ какъ только военная служба приближала къ королю и давала возможность отличиться.

При всей рѣзкости въ личномъ обращеніи короля, все-таки ему именно удалось высоко поднять чувство чести среди офицеровъ и строго его охранять; даже необходимость строгаго повиновенія старшимъ соблюдалась съ условіемъ, чтобы „не была затронута честь".

Служба такъ высоко стояла, что каждый отпускной солдатъ съ гордостью говорилъ о ней своимъ близкимъ. Фридрихъ-Вильгельмъ завѣщалъ своему сыну тѣсно-сплоченную военную силу.

Но онъ лично не воспользовался тѣмъ оружіемъ, которое выковалъ; такъ, когда въ 1715 году онъ началъ свою войну съ Карломъ XII шведскимъ и завоевалъ переднюю Померанію до р. Пены, Узедомъ и Воллинъ, основные законы военной организации еще не созрѣли и было сдѣлано только начало великаго дѣла. Впослѣдствіи онъ подчинился своеобразному характеру дипломатіи своего времени, безпокойному стремленію къ союзамъ и искусственно создаваемымъ поручительствамъ и договорамъ; онъ медлилъ воспользоваться своимъ могуществомъ въ политической борьбѣ, хотя бы онъ и ставилъ самыя справедливыя требованія. Позволительно задать вопросъ, какое положеніе занялъ бы великій курфюрстъ въ Европѣ, если бы въ его распоряженіи находились и деньги, и войска, которыя такъ умѣло собиралъ его внукъ. Не безъ горькаго разочарованія закончилъ Фридрихъ Вильгельмъ свой жизненный путь. Берлинскій договоръ съ Австріей, приведенный къ концу ловкимъ политикомъ графомъ Фридрихомъ Генрихомъ Зекендорфомъ 23 дек. 1728 г., онъ заключилъ въ томъ убѣжденіи, что интересы домовъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ тѣсно связаны между собой; онъ соблюдалъ всѣ обѣщанія, и признаніе имперіей прагматической санкціи было его дѣломъ. Но онъ долженъ былъ убѣдиться, что императоръ не расположенъ помочь ему, въ дѣлѣ о Юлихскомъ наслѣдствѣ, отстоять свое право на пріобрѣтеніе Берга и Равенштейна. Способностью собственными силами освободиться изъ сѣти козней, которая его оплетала, онъ не обладалъ. Однакожъ, послѣ долгихъ сомнѣній, послѣ многихъ лѣтъ снѣдающей скорби, онъ по крайней мѣрѣ нашелъ утѣшеніе въ убѣжденіи, что въ сынѣ своемъ онъ можетъ видѣть того человѣка, „который будетъ мстить за него.“

Какимъ образомъ онъ воспиталъ этого сына, какъ онъ боролся съ его недостатками, дѣйствительными и мнимыми, какое жестокое насиліе совершилъ онъ надъ мягкой душой, надъ колеблющейся волей юноши, въ геніальныхъ способностяхъ котораго отецъ находилъ невыполнимыя, даже безумныя и безнравственныя желанія, — все это составляетъ содержаніе потрясающей драмы. Не простымъ капризомъ было все то, что отецъ позволялъ себѣ тутъ учинить надъ непонятымъ сыномъ; это было исполненіемъ долга, высокое значеніе котораго истекало изъ его міровоззрѣнія, изъ вѣры его въ призваніе монарха. Склонность къ развлеченіямъ, къ модной литературѣ и искусству, стремленіе къ веселой жизни и пышнымъ празднествамъ, замѣчавшіяся въ кронпринцѣ, приводили его въ бѣшенство; и молодого человѣка, стремившагося уже къ самостоятельной дѣятельности, онъ подвергалъ поношеніямъ и наказаніямъ, считая, что онъ долженъ его ненавидѣть, хотя въ глубинѣ своего сердца онъ питалъ къ нему горячую любовь. Унизительное обращеніе и презрѣніе, выказывавшіяся по отношенію къ 18-лѣтнему Фридриху со стороны его отца передъ всѣми придворными, какъ и передъ военными лицами его круга, заставили его въ началѣ августа 1730 г. рѣшиться на бѣгство — на дезертированіе, какъ король назвалъ неудавшуюся попытку его сына къ самопомощи. Назначенъ былъ военный судъ, который долженъ былъ рѣшить вопросъ о жизни и смерти будущаго короля. Въ тюремномъ заключеніи Фридрихъ долженъ былъ ждать своего приговора; а 6 ноября ему пришлось смотрѣть, какъ рубили голову его близкому другу Гансу Герману фонъ Катте, и мучиться ужаснымъ сознаніемъ, что онъ повиненъ въ смерти вѣрнаго, отважнаго и преданнаго человѣка.

Лишь послѣ необычайнаго нравственнаго потрясенія нашелъ онъ утѣшеніе въ работѣ, пробудившей въ немъ его жизнерадостность. Онъ сталъ заниматься въ Кюстринской военной и вотчинной камерѣ (съ 20 ноября 1730 г.). Чего король ожидалъ отъ него, онъ въ нѣсколькихъ словахъ высказалъ гофмаршалу фонъ Вольдену: „Онъ долженъ исполнять лишь мою волю, французскія и англійскія дѣла выбросить изъ головы

и быть только пруссакомъ, своему повелителю и отцу вѣрнымъ быть и имѣть нѣмецкое сердце, забыть про всѣхъ щеголей, про французскую политическую и проклятую лживость, а взамѣнъ того съ усердіемъ молить Бога о милости, никогда не забывать Его, тогда Господь все устроитъ на пользу ему". Переворотъ въ отношеніи короля къ сыну, возстановленіе прежняго довѣрія были вызваны искреннимъ раскаяніемъ кронпринца, который созналъ свою вину и пожалѣлъ, что при попыткѣ къ бѣгству и другихъ вовлекъ въ преступленіе. Послѣ того ему представилось тяжелое испытаніе жениться по настоянію отца на нелюбимой невѣстѣ, — герцогинѣ Елизаветѣ Христинѣ Брауншвейгъ-Бевернской. 12 іюня 1733 г. онъ принесъ эту тяжелую жертву; впослѣдствіи онъ, однакожъ, если и не испытывалъ особеннаго счастья съ нею, то и недовольства не чувствовалъ, и даже сердечное участіе не совсѣмъ отсутствовало въ ихъ совмѣстной жизни. Теперь уже и отецъ не препятствовалъ его духовному развитію, его философскимъ и естественно-научнымъ, какъ и художественнымъ занятіямъ, ибо онъ убѣдился, что Фридрихъ и офицеръ не дурной, и что онъ сдѣлался и дѣльнымъ полковымъ командиромъ. Въ смертный свой часъ (31 мая 1740 г.) Фридрихъ Вильгельмъ могъ воскликнуть въ присутствіи офицеровъ, приблизившихся къ его постели для прощанія: „Не милостивъ ли былъ Богъ ко мнѣ, что Онъ далъ мнѣ такого прекраснаго и достойнаго сына?" Впослѣдствіи, когда этотъ сынъ воевалъ съ войсками Европы, однажды, какъ разсказываетъ Рейнгольдъ Козеръ, онъ увидѣлъ во снѣ, что онъ въ Шарлоттенбургѣ и передъ нимъ отецъ. Фридрихъ только-что передъ тѣмъ имѣлъ столкновеніе съ маршаломъ Дауномъ. „Хорошо ли я держался?" — спросилъ онъ, и Фридрихъ Вильгельмъ отвѣтилъ: „Да." — „Въ такомъ случаѣ я доволенъ; ваше одобреніе для меня важнѣе похвалъ всего міра".

Б. **Фридрихъ II Великій.**

Условія къ возвеличенію Пруссіи были Фридрихомъ Великимъ созданы; Фридрихъ II (1740—86) позналъ ихъ существованіе и направилъ государство на тотъ путь, который долженъ былъ доказать его значеніе для Европы. Значеніе это стало бы очевиднымъ въ томъ случаѣ, если бы планъ дѣйствія, намѣченный государствомъ, былъ проведенъ, несмотря на противодѣйствіе большинства великихъ державъ. Означенный же планъ заключался въ увеличеніи Пруссіи въ области Одера, въ усиленіи центральной области, гдѣ возвысилось курфюршество, округовъ на Гавелѣ и Шпрее, въ обезпеченіи Берлина расширеніемъ предѣловъ страны къ юго-востоку. Тамъ лежали силезскія княжества съ евангелическимъ населеніемъ, родственнымъ пограничному; Гогенцоллернъ уже три столѣтія тому назадъ обратилъ на нихъ свое вниманіе: въ 1523 году онъ купилъ герцогство Іегерндорфъ, въ 1537 году онъ съ герцогомъ Фридрихомъ II, владѣтелемъ Лигница, Брига и Волау, заключилъ братскій союзъ, на основаніи котораго великій курфюрстъ въ 1686 году счелъ себя обладателемъ Швибусскаго округа. Онъ ошибся: сынъ его обязался вернуть Австріи этотъ скромный участокъ послѣ смерти отца (ср. стр. 507). Австрія въ 1694 году настояла на этомъ обязательствѣ и не избавила курфюрста отъ позора вынужденнаго его исполненія, хотя впослѣдствіи она все же должна была ему дать королевскій титулъ. Съ формальной точки зрѣнія она была права, но она совершила безтактность, имѣвшую тяжелыя послѣдствія. Одними постановленіями и судейскими приговорами не создавалось государство и не подавлялось возникновеніе таковаго. Къ тому же уже давно прошло то время, когда для пріобрѣтенія земель и присоединенія провинцій единственное значеніе имѣли частно-правовыя отношенія, главнымъ же образомъ личное право наслѣдованія. Теперь правами этими пользовались лишь какъ формальностью при предъявленіи тѣхъ претензій,

Исторія человѣчества. VII. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ и Фридрихъ Великій.

(По репродукціямъ гравюръ на мѣди Антона Массона и Іоганна Вильг. Вилле, изданнымъ имперской типографіей.)

Объясненіе къ портретамъ на оборотѣ.

Слѣва: **Великій курфюрстъ.** Гравировано въ 1683 г. Антуаномъ Массономъ, граверомъ (род. въ Луври близъ Орлеана, ученикъ Ник. Миньяра, работалъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1700 г.).

Гравюра Массона предназначалась для „Les Césars de l'empereur Julien, traduits du grec" (Парижъ, Дени Тьерри, 1683) Езекіеля Шпангейма, юриста, уроженца Женевы, съ 1680 г. бывшаго въ Парижѣ чрезвычайнымъ посломъ Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго и посвятившаго великому курфюрсту свой французскій переводъ *Καίσαρες* Юліана Отступника со множествомъ изображеній монетъ. Подъ портретомъ находится слѣдующая подпись:

Tel est de ce héros le port et le visage, sur les plus grands Césars il a tout l'avantage
de l'Empire Germain le soûtien et l'honneur, du prix de la vertu, du prix de la valeur.

Библіотека Шпангейма куплена Фридрихомъ I и включена въ Кор. берлинскую библіотеку.

Справа: **Великій король.** По картинѣ Антуана Pesne, гравюра І. Г. Вилле (род. въ 1715 г. въ Гессенѣ, работалъ въ Парижѣ и находился подъ сильнымъ вліяніемъ французской школы; ум. въ Парижѣ въ 1808 г.).

(Частью по сборнику „Kupferstiche und Holzschnitte alter Meister in Nachbildungen", изд. дирекціи имперской типографіи при участіи д-ра Ф. Липмана, директора Кор. Кабинета гравюръ на мѣди въ Берлинѣ.)

которыя сами собой вытекали изъ потребностей государства. Понятіе о „цѣлесообразномъ расширеніи владѣній“ соединялось съ практикой „уравниванія интересовъ“, которая со времени великаго спора объ Испанскомъ наслѣдствѣ получила при дворахъ право гражданства.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи короля Фридриха на престолъ прекратилась мужская линія Габсбурговъ (20 окт. 1740 г.). Король былъ согласенъ допустить переходъ Габсбургскихъ владѣній въ однѣ руки, онъ даже готовъ былъ силой вступиться за это, но онъ желалъ вознагражденія, уступки земли, которая дала бы возможность его собственному государству вести самостоятельную политику, независимую отъ могущественнаго сосѣда; онъ требовалъ немедленнаго присужденія нижней Силезіи, взамѣнъ чего онъ склоненъ былъ отказаться отъ права на Юлихское наслѣдство, которымъ такъ дорожилъ его отецъ. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи совершенно безразлично, основательны-ли, или неосновательны тѣ доводы, которыми старый профессоръ Іоганъ Петръ фонъ Людевигъ изъ Галле доказываетъ право Бранденбурга на четыре силезскія княжества; но и для сужденія о характерѣ молодого короля вопросъ объ этомъ правѣ также не представляетъ значенія. Конечно, онъ не былъ настолько простъ и ясенъ, чтобы обѣ стороны не могли вѣрить въ свое право; если Фридрихъ былъ убѣжденъ, что ему слѣдуетъ отстаивать въ Силезіи интересы своего дома, то не нужно его порицать за то, что онъ воспользовался поводомъ къ предъявленію этихъ требованій. Болѣе важнымъ кажется намъ то обстоятельство, что онъ вѣрилъ въ право своего государства на уваженіе со стороны могущественнаго сосѣда, которому домъ его оказалъ большую услугу и которому онъ теперь разсчитывалъ еще больше услужить.

Насколько естественно стремленіе короля воспользоваться благопріятнымъ политическимъ положеніемъ, настолько же понятно и его рѣшеніе обезпечить себѣ Силезію военнымъ путемъ, еще до вступленія съ Австріей въ правильные переговоры. Оно вполнѣ понятно, такъ какъ политическій талантъ, намѣтивъ планъ дѣйствія, постоянно сообразуется и съ тѣми средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи, и такъ какъ среди способовъ къ пріобрѣтенію владѣній захватъ послѣднихъ, несомнѣнно, является наиболѣе надежнымъ. Фридрихъ II не могъ быть увѣренъ въ томъ, что вступленіе въ Силезію (16 дек. 1740) неизбѣжно повлечетъ за собою войну; но онъ былъ готовъ вести таковую, если бы Австрія отвергла его предложенія.

Въ дѣйствительности ему ради обладанія Силезіей пришлось употребить всю неиспытанную еще до того силу своего государства; ради этого ему пришлось даже поставить на карту и цѣлость, и само существованіе своего королевства. Обосновать такой шагъ достоинствами Силезіи невозможно; его можно объяснить лишь той чрезвычайной важностью, которая лежитъ въ проведеніи собственнаго желанія, въ настояніи на поставленномъ требованіи. Три силезскія войны представляютъ нѣчто большее, чѣмъ борьбу за Силезію: они олицетворяютъ собою *борьбу за существованіе прусскаго, т. е. новаго нѣмецкаго государства*. Рѣшающими въ этой борьбѣ были прочность строя прусской администраціи, вѣрность народа, пригодность его къ участію во всѣхъ дѣлахъ войны и мира, моральная сила и военныя способности короля. Какъ полководецъ, Великій Фрицъ не только спасъ свое Прусское королевство, но и привлекъ къ себѣ сердца нѣмцевъ. Уже давно, со временъ Варшавы и Фербелина не было такого воителя, которымъ могъ бы порадоваться каждый честный нѣмецъ (см. прилагаемую таблицу „Фридрихъ Вильгельмъ Великій курфюрстъ и Фридрихъ Великій“). Какъ ни сильны были удары маленькаго савойца, какъ ни мѣтки были наѣзды Гвидо Штаремберга, какъ ни красивы были тѣ пѣсни, которыя распѣвались о Мальборо при Мальплаке — попу-

лярностью Фридриха Великаго все же никто изъ нихъ не пользовался. Тоже явленіе мы видимъ и при Наполеонѣ I. Къ тому же, военное искусство, примѣнявшееся Фридрихомъ, и въ самомъ дѣлѣ было новинкой, которая въ извѣстной степени возникла и росла на глазахъ современниковъ.

Подобно тому, какъ ни одинъ поэтъ и ни одинъ художникъ не въ состояніи избѣгнуть критики, точно такимъ же образомъ ея не можетъ избѣжать ни одинъ полководецъ, ни одинъ стратегъ. Ибо „стратегія не наука", какъ доказываетъ принцъ Крафтъ фонъ-Гогенлоэ-Ингельфингенъ, „она искусство, для нея нуженъ даръ". Сильный характеръ, рѣшительность являются главнымъ условіемъ стратегическаго успѣха. Изученіе стратегіи можетъ содѣйствовать усвоенію ея, но ученіе не можетъ создать стратега: таковымъ нужно родиться. Фридрихъ Великій родился стратегомъ; занятія навѣрно не много ему дали: на войнахъ онъ научился войнѣ. Конечно, не хотѣли признать, что онъ сдѣлался образцомъ полководца; ближайшій его родственникъ, его братъ принцъ Генрихъ (1726—1802) произносилъ надъ нимъ самые суровые приговоры, не замѣчая при этомъ, что они исключаютъ другъ друга. Въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, будто тому вѣчно хотѣлось воевать, въ другомъ заявляется по секрету, что у него собственно никакого мужества не было. Фридрихъ Вильгельмъ Эрнстъ фонъ-Гауди и Георгъ Генрихъ фонъ-Беренгорстъ приписываютъ ему всевозможные недостатки, дабы снять отвѣтственность съ его генераловъ, повинныхъ не въ одномъ пораженіи. Современники не оцѣнили тѣхъ замѣчательныхъ успѣховъ, которые достигнуты были въ тактикѣ войны благодаря Фридриху Великому. Наполеонъ былъ первый, кто сумѣлъ оцѣнить его по достоинству. Фридрихъ разъ навсегда отказался отъ мелкихъ военныхъ операцій, осадъ и походовъ, направленныхъ къ отвлеченію вниманія непріятеля; онъ не пытался причинять ему ущербъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ и постепенно вытѣснять его изъ позицій: уничтоженіе главныхъ силъ непріятеля ставилъ онъ своею цѣлью. „Преимущественно во время семилѣтней войны, въ каждой изъ намѣченныхъ имъ битвъ имѣлось въ виду гораздо рѣшительнѣй, чѣмъ въ какомъ бы то ни было мѣропріяіи Наполеона, — полное уничтоженіе непріятельскаго войска. Такъ это прежде всего было при Прагѣ, при Лейтенѣ, гдѣ уничтоженіе непріятельскаго войска удалось наиболѣе совершеннымъ образомъ, при Цорндорфѣ, при Кунерсдорфѣ и даже при Колинѣ; въ меньшей степени это удалось при Росбахѣ, гдѣ нужно было быстро воспользоваться неожиданно представившимся благопріятнымъ моментомъ" (Теодоръ фонъ-Бернгарди).

a) Первыя двѣ силезскія войны.

Въ первой силезской войнѣ, совпавшей съ нашествіемъ Баваріи на Верхнюю Австрію и съ французско-баварскими предпріятіями въ Чехіи (ср. стр. 539), побѣдилъ генералъ-фельдмаршалъ Куртъ Христофоръ Шверинъ при Мольвицѣ (10 апр. 1741 г.), благодаря, главнымъ образомъ, умѣлому маневрированію и превосходной стрѣльбѣ прусской пѣхоты. Но уже при Хотузицъ-Часлау (17 мая 1742 г.) на благопріятный исходъ сраженія повліяло руководительство короля. Своевременное выступленіе изъ Моравіи было его собственнымъ рѣшеніемъ; счастливую комбинацію съ младшимъ Леопольдомъ (II Максимиліаномъ) Ангальтъ-Дессаускимъ онъ провелъ; лично въ битвахъ рѣшающимъ моментомъ являлась непоколебимость прусскихъ батальоновъ. Поразивъ быстротою своего нападенія на Силезію, король не въ меньшей степени изумилъ союзниковъ одностороннимъ заключеніемъ мирнаго договора въ Бреславлѣ, впервые доставившаго ему обладаніе Силезіей. Съ полнымъ самосознаніемъ и хладнокровіемъ отнесся онъ и къ неудовольствію, и къ упрекамъ Франціи; онъ зналъ,

что съ радостью стали бы привѣтствовать его соучастіе во всеобщей войнѣ, если бы онъ счелъ нужнымъ снова взяться за оружіе.

Договоры Маріи Терезіи съ Англіей, Саксоніей и Сардиніей возбудили въ немъ опасеніе за Силезію; 5-го іюня 1744 г. заключилъ онъ въ Версалѣ новый союзъ съ Франціей и напалъ на Чехію (Вторая силезская война). Правда, къ осени ему пришлось ее снова очистить. Однако же, при Гогенфридебергѣ (4 іюня 1745 г.) онъ блестящей побѣдой разрушилъ надежды союзныхъ державъ (Австріи, Саксоніи, Англіи и Голландіи) на уничтоженіе Пруссіи. Его опредѣленныя, ясныя распоряженія быстро возстановили упавшее было довѣріе войска къ недостаточно еще оцѣненному вождю; довѣріе это дало ему возможность спокойно выжидать, покуда австрійскія и саксонскія войска не выступятъ въ горы, вслѣдъ за чѣмъ онъ и застигъ ихъ врасплохъ, двинувшись ночнымъ походомъ изъ Шведница. Саксонцы были отброшены при Штригау прежде, чѣмъ австрійцы успѣли приготовиться къ битвѣ; а когда они затѣмъ съ обычной своей беззавѣтностью и храбростью вступили въ бой, то они не сумѣли противостоять натиску прусскихъ всадниковъ, среди которыхъ „байрейтскій“ драгунскій полкъ генералъ - лейтенанта Фридриха Леопольда Геслера произвелъ удивительную аттаку. Счастливыя битвы при Соорѣ (30 сентября) и при Кессельдорфѣ (15 декабря) съ такой очевидностью доказали перевѣсъ прусскаго оружія, что императрицѣ при заключеніи Дрезденскаго мира (25 дек. 1745 г.) пришлось вторично уступить Силезію. На положеніе австрійскаго дома въ Германіи Фридрихъ не посягалъ: императорскій санъ Франца I Стефана, супруга Маріи Терезіи, былъ теперь признанъ и Бранденбургомъ - Пруссіей.

б) Семилѣтняя война.

О началѣ семилѣтней войны, которая ознаменовалась нападеніемъ Пруссіи на Саксонію (28 авг. 1756 г.), до послѣдняго времени существуютъ самыя противорѣчивыя мнѣнія. Вопросъ въ томъ, являлась ли война противъ Пруссіи необходимымъ слѣдствіемъ договоровъ, заключенныхъ между Австріей, Франціей и Россіей, преимущественно же Версальскаго договора, подписаннаго 1 мая 1756 г. въ Жуи. Въ такомъ случаѣ, Фридрихъ дѣйствовалъ лишь въ цѣляхъ самообороны, предупреждая нападеніе превосходящаго своей силой непріятеля. Но возможно, что заключеніемъ союзовъ, въ сущности для него и неопасныхъ, онъ воспользовался лишь какъ предлогомъ для того, чтобы получить возможность привести въ исполненіе уже давно лелѣянную имъ мечту о пріобрѣтеніи Саксоніи. Прусскіе голоса начала XIX столѣтія, ссылаясь на сообщенія наиболѣе довѣренныхъ лицъ короля, указывали на генералъ-лейтенанта Ганса Карла фонъ-Винтерфельдта, какъ на главнаго зачинщика, передъ горячимъ напоромъ котораго совершенно будто-бы стушевывались всѣ доводы Шверина и Вольфа Фридриха фонъ-Рецова. Если, съ одной стороны, послѣднее мнѣніе не согласуется съ характеромъ короля, то и съ другой стороны, нѣтъ достаточнаго основанія дѣлать ему тяжелый упрекъ въ необузданной политикѣ захватовъ. Что Вестминстерскій договоръ, заключенный между Пруссіей и Англіей 16 янв. 1756 г. въ Уайтъ-Голлѣ, приведетъ не къ ожидавшемуся сближенію съ Россіей, находившейся тогда въ союзѣ съ Англіей, а, напротивъ того, лишь къ ухудшенію отношеній съ Елизаветой и затѣмъ также и къ отпаденію Франціи, не могло быть предусмотрѣно даже такимъ человѣкомъ, какъ Фридрихъ. А что Пруссія въ томъ случаѣ, если бы король не поспѣшилъ нарушить миръ, могла бы спокойно оставаться при Силезіи, врядъ ли кто станетъ утверждать, такъ какъ политика графа Кауница, въ концѣ концовъ, все же принудила бы Фридриха къ защитѣ пріобрѣтенныхъ владѣній. Миновать этотъ періодъ въ долго-

временномъ процессѣ выясненія нѣмецкихъ отношеній было невозможно; наступилъ ли онъ раньше, или позже, это уже вопросъ второстепенной важности.

Никакого отношенія ко всему этому не имѣетъ и обаяніе личности Фридриха на нѣмецкій народъ. Оно зиждется на томъ фактѣ, что великій король и его вѣрный народъ 7 лѣтъ стояли въ бою противъ пяти величайшихъ державъ, изъ коихъ каждая въ отдѣльности превосходила ихъ своею численностью, — противъ Австріи, Франціи, Россіи, Швеціи и Германской имперіи, — что оба они выдерживали жесточайшую борьбу и не были сломлены. Велась ли эта война по собственному желанію, или же противники Пруссіи къ ней принудили — для народа это была геройская борьба, которая вызывала удивленіе, которая плѣняла и воображеніе, и чувства современниковъ. „Вѣрный инстинктъ руководилъ нѣмецкимъ народомъ даже и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ не могли себѣ представить съ полной ясностью истинныхъ размѣровъ всего того, что въ этой войнѣ ставилось на карту; гдѣ не знали, что теперь прошлое напрягло всѣ свои силы, какъ во время тридцатилѣтней войны, чтобы не дать развиться будущему Германіи. Все, что изъ узкихъ рамокъ тогдашней духовной жизни нѣмцевъ рвалось на встрѣчу болѣе свободному, болѣе прекрасному будущему, примкнуло къ дѣлу короля Фридриха: и юноша Гёте, и убѣленный сѣдинами Лессингъ, находившійся тогда на высотѣ своего творчества“ (Т. фонъ Бернгарди).

Начало войны прошло блестяще. Саксонія была занята, и ея войско должно было сдаться при Пирнѣ 16 окт. 1756 г. При Лобозицѣ Фридрихъ 1-го октября открылъ себѣ путь въ Чехію, затѣмъ онъ разбилъ 6 мая 1757 г. австрійцевъ при Прагѣ (причемъ палъ графъ Шверинъ), приступилъ къ осадѣ этого города и двинулся на встрѣчу тому войску, которое фельдмаршалъ Леопольдъ Іосифъ графъ Даунъ привелъ на помощь осажденнымъ.

При Колинѣ (18 іюня 1757 г.) впервые постигла его неудача. Побѣда австрійцевъ, которую слѣдуетъ скорѣе приписать храбрости и выносливости войскъ, преимущественно саксонскихъ, нежели распоряженіямъ ихъ полководцевъ, главнымъ же образомъ тому обстоятельству, что принцъ Морицъ фонъ Ангальтъ-Дессау не понялъ одного важнаго приказа короля, освободила вскорѣ Чехію отъ непріятеля. Послѣ пораженія, подѣйствовавшаго на его генераловъ уничтожающимъ образомъ, Фридрихъ одинъ сохранилъ присутствіе духа и ясность взгляда. Онъ понялъ, что смѣлый размахъ, съ котораго онъ началъ, слѣдуетъ сократить, что нужно отказаться отъ исключительно наступательнаго движенія и оборонительное положеніе превратить въ рядъ наступательныхъ ударовъ. При этомъ онъ возможно дольше удерживалъ за собою свою выгодную позицію, оставляя свое войско въ непріятельской странѣ, покуда выступленіе австрійцевъ подъ предводительствомъ принца Карла Александра Лотарингскаго и Бара въ Силезію не принудило его покинуть Чехію и отступить въ Лузацію.

Фридрихъ предоставилъ своему брату Августу Вильгельму (отцу Фридриха Вильгельма II) прикрытіе линіи Одера, а самъ, послѣ того, какъ ему не удалось завлечь австрійцевъ въ битву при Циттау, перешелъ у Дрездена черезъ Эльбу, чтобы преградить дорогу отряду принца Карла Роганъ-Субиза и соединившейся съ этимъ отрядомъ имперской арміи, находившейся подъ предводительствомъ имперскаго фельдмаршала принца Іосифа Фридриха Вильгельма Саксенъ - Гильдбурггаузенскаго; появленіе ихъ на Эльбѣ было бы особенно опасно послѣ того, какъ англо-ганноверское войско было разбито французской арміей маршала Людовика Франсуа Армана Дюплеси герцога Ришелье и 8 сентября вынуждено было при Цевенѣ сдаться на капитуляцію. Несмотря на это пораженіе, Фридрихъ уже рѣшился было соблюдать по отношенію къ французамъ лишь оборо-

нительное положеніе и двинуться въ Силезію на австрійцевъ, дѣйствовавшихъ тамъ съ большимъ успѣхомъ, какъ вдругъ ему Субизъ и Гильдбурггаузенъ предоставили случай дать сраженіе при Росбахѣ (5 ноября 1757 г.), одно изъ наиболѣе радостныхъ и благодарныхъ, какія когда-либо совершались нѣмецкими войсками. Благодаря умственному своему превосходству, Фридрихъ однимъ искуснымъ ходомъ разрушилъ всю неуклюжую попытку противниковъ къ обходу; затѣмъ лишь потребовалась блестящая аттака кавалеріи Зейдлица, чтобы разбить и обратить въ бѣгство 43000 чел., сражавшихся противъ 8500 пруссаковъ. Французы бѣжали до Гессена и Франкфурта, имперскія войска въ Франконію.

Теперь надо было спѣшить въ Силезію, гдѣ опасность потерять всю страну достигла высшей степени. Великолѣпный наѣздъ австрійскихъ гусаровъ подъ предводительствомъ фельдмаршала-лейтенанта Андрея Гадика на Берлинъ (16 окт. 1757 г.), хотя и оказался совершенно маловажнымъ въ военномъ отношеніи, показалъ, однакожъ, съ ужасающей ясностью, какъ близко линіи врага уже придвинулись къ столицѣ. Два мѣсяца спустя австрійцы оттѣснили въ Силезіи къ самымъ стѣнамъ Бреславля неоднократно уже терпѣвшую пораженія армію герцога Августа Вильгельма Брауншвейгъ - Бевернскаго; тамъ эта армія была аттакована въ своихъ окопахъ (22 ноября 1757 г.), вслѣдъ за чѣмъ принуждена была отступить на правый берегъ Одера. Дурныя вѣсти получалъ король на спѣшномъ пути изъ Саксоніи въ Силезію: сначала о пораженіи, а два дня спустя и о плѣнѣ герцога Бевернскаго и сдачѣ Бреславля безъ сопротивленія.

2-го декабря Фридрихъ соединился при Пархвицѣ съ Гансомъ Іоахимомъ Цитеномъ, приведшимъ къ нему остатокъ разбитаго войска; теперь въ распоряженіи его имѣлись 22,000 чел. пѣхоты, 12,000 кавалеріи, 96 легкихъ батальонныхъ пушекъ и 71 тяжелое орудіе. Лишь генеральнымъ сраженіемъ могъ онъ предотвратить потерю Силезіи; кто до него осмѣлился бы на такой шагъ? Но онъ тотчасъ же рѣшился на это, еще до того, какъ австрійцы постановили сами двинуться ему на встрѣчу.

Карлъ Лотарингскій одержалъ верхъ надъ осмотрительнымъ Дауномъ, который предпочиталъ поджидать короля въ укрѣпленной позиціи при Бреславлѣ — вѣроятно, не для сраженія, а въ полной увѣренности, что Фридрихъ тотчасъ же выступитъ изъ Силезіи, какъ только увидитъ многочисленное австрійское войско (90,000 чел., въ томъ числѣ и части Вюртембергскія и Баварскія). И вотъ, 5 декабря 1757 г. король увидѣлъ при Гейдау своего противника въ боевой линіи, простиравшейся на цѣлую нѣмецкую милю. На глазахъ непріятеля Фридрихъ двинулъ почти всю свою армію на лѣвое крыло австрійцевъ, послѣ того, какъ его собственное лѣвое произвело удачное нападеніе на ихъ саксонскій авангардъ и затѣмъ остановилось. Даунъ и герцогъ Карлъ еще не вполнѣ сообразили, что Фридрихъ хочетъ сдѣлать, какъ уже ихъ лѣвое крыло подъ командой Франца Леопольда фонъ Надасди было съ неистовствомъ аттаковано съ лѣваго фланга и отброшено къ серединѣ при Лейтенѣ. Когда герцогъ явился съ праваго крыла на помощь, кавалерія графа Луккези была разбита отрядомъ изъ 60 прусскихъ эскадроновъ генералъ-лейтенанта Георга Вильгельма фонъ Дризена, стоявшихъ до того времени въ прикрытіи. Теперь уже и для Надасди, какъ и для центра, не было спасенья: все обратилось въ безпорядочное бѣгство. Австрійцы потеряли 21,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 12,000 плѣнныхъ), 116 пушекъ, 51 знамя и 4000 повозокъ. Пруссаки лишились 6300 человѣкъ и 200 офицеровъ.

Результатъ побѣды при Лейтенѣ, наиболѣе очевидной и наиболѣе достойной удивленія изъ всѣхъ побѣдъ, какія Фридрихъ когда-либо одерживалъ, соотвѣтствовалъ тому искусству, съ которымъ она была достигнута. Направивъ свой ударъ на непріятельскія силы такимъ образомъ, что съ

намѣченной линіи отступленія онѣ были оттѣснены къ сѣверо-востоку, король своей побѣдой вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ ихъ въ сильнѣйшее смятеніе. Карлъ Лотарингскій переправилъ черезъ горы всего лишь 35,000 человѣкъ; 18,000 бѣжали въ Бреславль, гдѣ они уже 21-го декабря должны были сдаться. Вся Силезія была очищена до самаго Швейдница. Болѣе блестящимъ образомъ не могло сказаться вліяніе талантливаго руководителя, который себѣ ставитъ наиболѣе высокія задачи и въ рѣшительный моментъ съ спокойной обдуманностью выбираетъ наиболѣе соотвѣтственное средство для ихъ выполненія. Лейтенскаго побѣдителя отнынѣ уже невозможно было уничтожить.

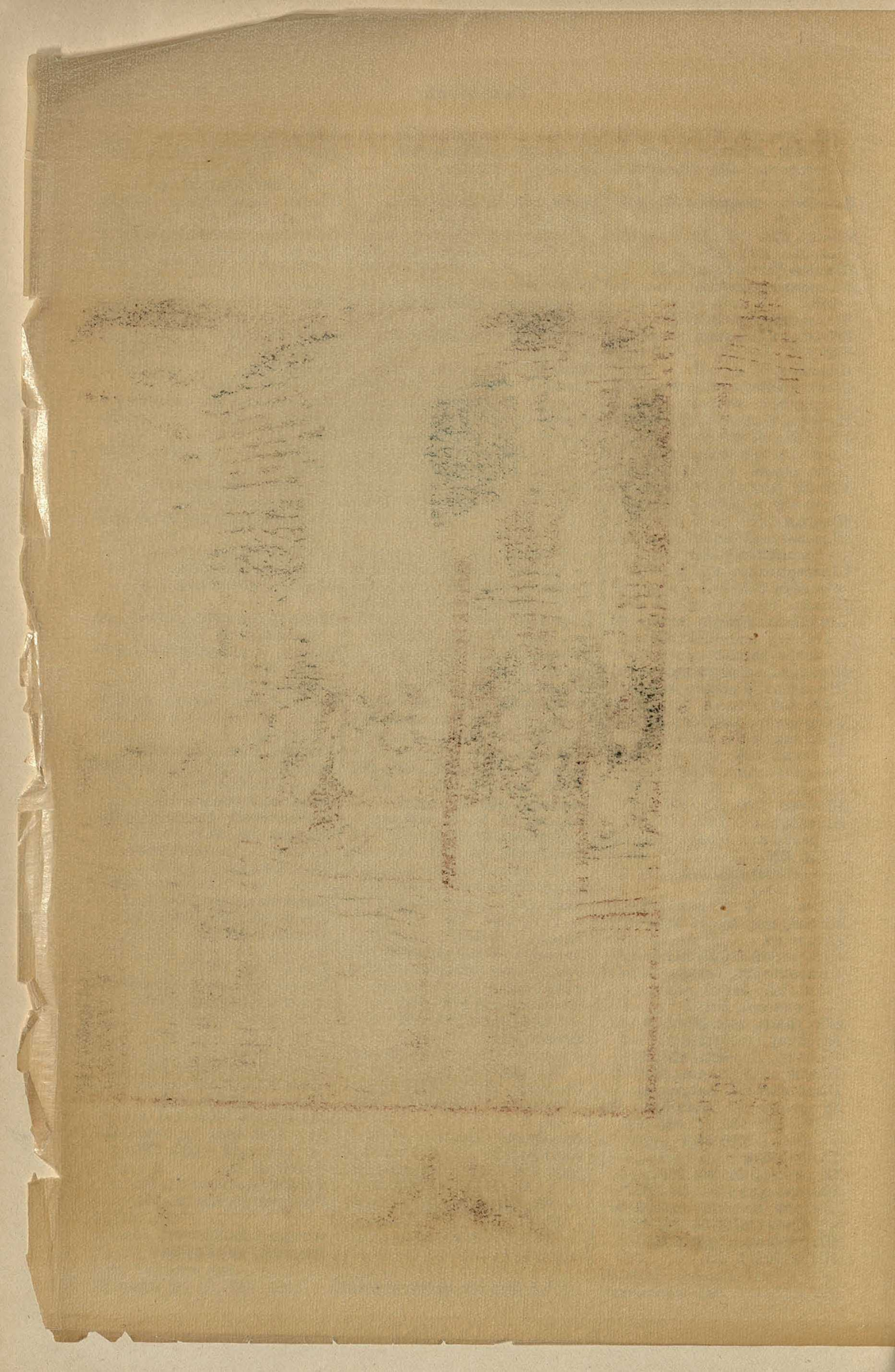
Походъ 1757 года остался примѣрнымъ для всей войны. Правда, король слишкомъ поспѣшно истолковалъ отступленіе русскихъ изъ Пруссіи какъ выходъ изъ союза съ Австріей и отозваніемъ отряда стараго фельдмаршала Ганса Левальда оставилъ безъ защиты свое королевство на дальнѣйшее время войны. Правда и то, что несмотря на двукратную попытку генералъ-лейтенанта Фридриха Вильгельма Зейдлица, онъ не сумѣлъ ни одержать побѣду при Цорндорфѣ (25 августа 1758 г.), ни избѣжать при Гохкирхѣ пораженія (14 окт. 1758 г.) со стороны вдвое превосходившей своею численностью арміи Дауна. Мало того, въ 1759 г., послѣ побѣды Лаудона при Кунерсдорфѣ на Одерѣ (12 авг.), уже гибель Пруссіи казалась близкой, такъ какъ вслѣдъ за этой побѣдой генералъ Карлъ Христофоръ графъ Шметтау очистилъ 4-го сент. Дрезденъ, а 21 ноября генералъ-лейтенантъ Фридрихъ Августъ фонъ Финкъ сдался на капитуляцію при Максенѣ. Но союзники не воспользовались выгодой своего положенія; опасенія передъ быстрыми рѣшеніями прусскаго короля удерживали ихъ шаги и заставляли ихъ дѣйствовать съ медлительной осторожностью тамъ, гдѣ только смѣлость и отвага могли бы имѣть успѣхъ.

До осени 1760 г. Фридрихъ препятствовалъ соединенію войскъ Дауна и Лаудона, представлявшихъ въ своей совокупности силу, грозившую ему истребленіемъ. 15 авг. ему удалось отбросить Лаудона при Лигницѣ; 3-го нояб. улыбнулось ему счастье при Торгау, гдѣ Цитенъ вырвалъ изъ рукъ австрійцевъ почти вѣрную ихъ побѣду и заставилъ Дауна отступить къ Дрездену. Въ 1761 г. онъ, лишь благодаря разногласію между Лаудономъ и Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, избѣжалъ опасности быть раздавленнымъ при Бунцельвицѣ (18 авг. до 9 сент.) соединенными войсками австрійцевъ и русскихъ въ 130,000 человѣкъ. До рѣшительнаго сраженія, однако-же, не дошло. Враги окружили израненнаго, ослабленнаго льва, но они не осмѣливались бороться съ нимъ на жизнь и на смерть. Война превратилась въ стычки и маневры, покуда ей не положилъ конецъ дѣйствительный уходъ русскихъ войскъ послѣ смерти императрицы Елизаветы (15 янв. 1762 г.).

Губертусбургскій миръ (15 февр. 1763 г.) ничего не измѣнилъ въ территоріальныхъ отношеніяхъ Германіи; но онъ въ третій разъ обезпечилъ Пруссіи обладаніе Силезіей и такимъ образомъ призналъ за ней тотъ призъ, ради котораго она взялась за оружіе. Императорская корона должна была остаться за домомъ Маріи Терезіи: голосомъ Бранденбурга сынъ ея 27 марта 1764 г. былъ избранъ во Франкфуртѣ. Но этотъ титулъ не имѣлъ существеннаго значенія; онъ уже не былъ политическимъ званіемъ, а являлся лишь выраженіемъ традиціи, воспоминаніемъ о прежнемъ величіи. Въ сѣверной Германіи стояла твердо и непоколебимо новая держава, съ прекрасно организованнымъ и объединеннымъ готовностью на жертвы и безпримѣрной выдержкой въ борьбѣ евангелическимъ народомъ, который носилъ въ себѣ призваніе заставить всѣ вѣтви нѣмецкой народности признать главенство этой державы и собрать ихъ вокругъ ея побѣдоносныхъ знаменъ.

Прусскій король Фридрихъ сдѣлался нѣмецкимъ народнымъ героемъ, какъ мало онъ ни стремился къ этому. Онъ не научился вѣрить въ будущее той націи, которая ему поклонялась, поэты которой его воспѣвали, но онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отъ Прибалтійскихъ странъ до Альповъ ничего не совершалось противъ его воли. Миссія Гогенцоллерновъ не была еще исполнена. Цѣлое столѣтіе еще должно было пройти, прежде чѣмъ воля народа избрала ихъ охранителями его чести и могущества, прежде чѣмъ судьба его неразрывно соединилась съ ихъ судьбой.

Указатель.



Каталогъ изданій
Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе".

С.-Петербургъ, 7 рота, соб. д. № 20.

Городское отдѣленіе: Невскій пр., д. 50.

Главное представительство для Россіи Библіографическаго Института (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ

1904 г.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знан., подъ общ. ред. ***С. Н. Южакова.*** Съ 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отдѣльн. приложен.: хромолитогр., карт. въ краск. и черн. картин.		
Рекомендовано *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ.*		
200 выпусковъ по 50 коп. — 20 томовъ въ роскошн. полукожан. переплетахъ по	6	—
Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва „Просвѣщеніе" на 1904-й г.		
На полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой	1	50
Въ формѣ отрывного календаря	1	—

Сочиненія по исторіи литературъ.

	Р.	К.
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. Соч. проф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Полн. пер. прив.-доц. Имп. Спб. унив. *А. Л. Погодина.* Съ 72 рис., 2 геліогравюр., 18 хромолитогр. и 6 черн. картин.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*		
Рекомендовано *Учебнымъ комитетомъ Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.***		
Допущено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству среднихъ учебныхъ заведеній.*		
15 выпусковъ по 50 коп. — Въ роскошн. полушагрен. перепл.	8	60

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Народовѣдѣніе, проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Полн. пер. съ оч. обширными оригин. дополнен. со 2-го соверш. переработ. изданія проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1103 рис., 6 карт. въ краск., 30 хромолитогр. и 26 черн. картин. ***Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*** *признано вполнѣ цѣлесообразнымъ* ***допустить*** *это сочиненіе въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.* ***Допущено*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству среднихъ учебныхъ заведеній.* 36 выпусковъ по 35 коп. — Въ 2 роскошн. полушагрен. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра, проф. ***В. Гааке.*** Полн. пер. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. д-ра зоол. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 469 рис., 1 карт. въ краск., 9 рѣз. на дер. картин. и 11 хромолитогр. ***Рекомендовано*** *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.* ***Одобрено*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній Министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.* ***Одобрено*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.* 15 вып. по 50 коп. — За все изданіе 6 руб. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	7	—
Человѣкъ, проф. ***І. Ранке.*** Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона и д-ра мед. Берлинск. университета А. Л. Синявскаго, подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1398 рис., 6 карт. въ краск. и 35 хромолитогр. ***Рекомендовано*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.* ***Рекомендовано*** *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.* 30 вып. по 50 коп. -- За все изданіе 12 руб. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	14	20
Жизнь животныхъ Брэма. Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** Съ 1179 рис., 30-ю хромолитогр., 50 черн. картин. и 1 карт. въ краск. ***Рекомендовано*** *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.* ***Одобрено*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.* ***Одобрено*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.* 60 выпусковъ по 35 коп. — Въ 3 роскошн. полушагрен. перепл.	24	—

Новыя сочиненія по всемірной географіи.

	Р.	К.
Земля и жизнь. *Сравнительное землевѣдѣніе.* Проф. ***Ф. Ратцеля.*** Полный перев. подъ редакц. ординарн. проф. Императорск. Казанск. универс. *П. И. Кротова.* Съ 400 рис. въ текстѣ, 20 картами въ краскахъ и 40 таблицами (хромолит. и черн. картин.). 30 выпусковъ по	—	50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Африка. Проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Полн. перев. съ совершенно переработан. 2-го изданія *Д. А. Коропчевскаго.* 200 художеств. иллюстр. въ текстѣ, 11 картъ въ краск. и 21 хромолитогр., геліограв. и черн. картины.		
15 выпусковъ по 50 коп. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	8	50

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Пушкинъ, А. С. *Полное собраніе сочиненій.* Съ 30 художествен. приложеніями. Ред. ***П. О. Морозова.***		
8 томовъ въ изящн. коленк. перепл.	9	—
Потѣхинъ, А. А. *Первое полное собраніе сочиненій.* Съ портретомъ и факсимиле автора.		
12 том. 12 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	18	—
Островскій, А. Н. *Полное собраніе сочиненій.* Съ портретомъ и факсимиле автора. Критически провѣренный текстъ, библіографическія примѣчанія и пр. ***М. И. Писарева.***		
10 том. 16 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	21	—
Лермонтовъ, М. Ю. *Полное собраніе сочиненій.* Съ 15 художествен. приложеніями. Ред. ***А. И. Введенскаго.***		
4 тома по 75 коп., въ изящ. коленкор. перепл.	5	—
Помяловскій, Н. Г. *Полное собраніе сочиненій.* Съ портретомъ и біографіей автора, составленной ***Н. А. Благовѣщенскимъ.*** *Десятое изданіе.* *Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
2 большихъ тома 3 руб., въ 2-хъ изящн. коленкор. перепл.	4	—
Крыловъ, И. А. *Полное собраніе сочиненій.* Съ художествен. приложеніями. Ред. ***В. В. Каллаша.***		
4 тома въ изящн. коленкор. перепл.	5	—

Новыя популярно-научныя сочиненія.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. *Чудеса природы и произведенія человѣка.* Проф. ***Г. Крэмера.*** Полный перев. подъ редакц. проф. *А. С. Догеля.* Съ 2000 рисунковъ, черныхъ и въ краскахъ, и многочисленными приложеніями fac-simile		
100 выпусковъ . . . . по	—	40
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* Проф. ***К. Вёрмана.*** Пер. подъ ред. старш. хранит. Императорск. Эрмитажа *А. И. Сомова.* Съ 1500 худож. иллюстр. въ текстѣ, 80 геліогр. и рѣз. на дер. черн. картин. и 50 хромолитогр.		
60 выпусковъ по 40 коп. или 3 больш. тома въ роскошн. полукож. перепл. по 9 р	27	—
Исторія первобытной культуры. Д-ра ***Генриха Шурца.*** Съ 434 рисунками въ текстѣ, 1 картой и 23 табл., рѣзан. на деревѣ, автотипіями и хромолитографіями. Перев. и допол. проф. *И. Н. Смирнова.*		
15 выпусковъ по	—	50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* Составлена извѣстнѣйшими профессорами-спеціалистами подъ общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Полн. пер. съ значит. дополн. для Россіи избранн. русскихъ ученыхъ. Съ 260 отдѣльн. приложен., изъ нихъ 60 хромолитогр., 55 картъ въ краск. и 145 черн. картинъ.		
Рекомендовано *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.*		
1 томъ ***одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.***		
90 выпусковъ по 50 коп. или 9 томовъ въ роскошн. перепл. по 6 р.	54	—
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Проф. ***К. Э. Бока.*** *Настольная книга и руководитель семьи.* Съ многими рисунками и 2 хромолитограф. приложеніями.		
Допущено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки для выдачи взрослымъ.*		
2 тома по 2 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	6	—
Новый способъ лѣченія, Настольная книга для здоровыхъ и больныхъ. Сочин. *М. Платена.* Полн. перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Съ приблиз. 600 рис. въ текстѣ, 33 хромолитогр., портрет. автора и 10 разборн. анатомическ. моделями въ краскахъ.		
3 тома въ роскошн. перепл. по 5 руб.	15	—

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полн. пер. подъ ред. и съ значит. дополн. по русск. зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. Института Гражданск. Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 900 рис. въ текстѣ и 14 отдѣльн. приложен. (хромолитогр. и черн. картин.).		
Допущено *Ученымъ Комитетомъ* ***Министерства Народнаго Просвѣщенія*** *въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. Полн. пер. съ IX нѣм. изданія проф. Технологич. Института Николая I ***Н. А. Гезехуса.*** Съ 950 рис. и 3 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полн. пер. подъ ред. и съ значительн. дополн. съ IX нѣм. изд. проф. Электротехн. Института Александра III ***В. В. Скобельцына.*** Съ 900 рис. и 13 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Полн. пер. съ IX-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. проф. Спб. Лѣсного Института ***В. Я. Добровлянскаго и А. В. Ключарева.*** Съ 600 рис. и 9 прилож. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	—	50

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Описательный текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Полн. пер. преподават. учительск. Института въ Спб. *А. П. Нечаева*, съ предислов. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 85 стр. текста и 314 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.*		
Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.*		
Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.***		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 84 стр. текста съ 258 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис.		
Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*		
Допущенъ *въ безплатныя читальни.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 76 стр. текста и 238 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. на 134 табл.		
Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*		
Рекомендованъ *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ, подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.*		
Допущенъ *въ безплатныя читальни.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Описат. текстъ профес. д-ра ***В. Маршалля.*** Полн. пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 76 стр. текста и 208 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис.		
Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*		
Рекомендованъ *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.*		
Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ, подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.*		
Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона.* Ок. 70 стр. текста и 292 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Рекомендованъ *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.*		
Допущенъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Съ описат. текст. д-ра ***М. Кронфельда.*** Полный пер. прив.-доц. Спб. университета *А. Г. Генкеля.* Ок. 80 стр. текста и 216 отдѣльн. рѣз. на дер. и вытравл. на мѣди худож. рис. по фотогр. на 116 стр.		
Допущенъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. Картины расположены на 55 таблицахъ въ систематическомъ порядкѣ.		
Допущенъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и въ учительскія низшихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.*		
Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

На складѣ Товарищества находятся:

Новое Искусство (Ars Nova) II. Выдающіяся художественныя произведенія. Вступит. статья *А. А. Карелина.* 45 геліогравюръ in folio на слоновой бумагѣ. *Цѣна* 1 экз. въ роскош. папкѣ *60 руб.*

Жизнь бабочекъ, проф. ***Штандфусса.*** Пер. и дополн. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* Съ 200 рисунковъ. *Цѣна 2 р. 50 к.*, въ перепл. *3 р. 25 к.*

Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествовѣдѣніе, а равно и учительскихъ институтовъ и семинарій.*

Хрестоматія для устн. и письм. сочинен. съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** *Цѣна 60 коп.*

Русская лира, Сборникъ произведеній русской художеств. лирики. *Цѣна 1 р. 50 к.*, въ перепл. *2 р. 25 к.*

Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Стихотворенія и проза. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга первая.*** *Второе изданіе.* Иллюстрировано. *Цѣна 2 руб.*

Стихотворенія. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга вторая.*** Иллюстрировано. *Цѣна 1 руб. 80 коп.*

Головинъ, К. (Орловскій, К.). *Полное собраніе сочиненій. Цѣна* 12 том. *12 руб.*, въ изящн. коленкор. перепл. *21 руб.*

Оболенскій, Л. Е. *Исторія мысли.* Опытъ критической исторіи философіи. *Цѣна 1 руб. 25 коп.*

Допускается самая широкая разсрочка платежа; условія разсрочки высылаются по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 декабря 1903 г. Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по [illegible] животныхъ. [illegible] *Рекомендованъ* [illegible] *Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [illegible] Въ [illegible] переплетѣ	2	75
Альбомъ картинъ по [illegible] [illegible] *М. Прокофьевъ.* [illegible] *Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [illegible] Въ [illegible] переплетѣ	1	75
Школьный атласъ картинъ къ „Жизни животныхъ“ Брэма. [illegible] въ систематическомъ порядкѣ. *Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [illegible]	1	75

Въ складѣ Товарищества находятся:

Иванъ Ивановичъ [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] *Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [illegible]

Хрестоматія для [illegible] Составили преподаватели *В. И. [illegible]* и *А. [illegible]*. Цѣна 60 коп.

Русская лира. *Сборникъ произведеній русской художественной лирики.* Цѣна 1 р. [illegible] к., въ переплетѣ [illegible]

[illegible] Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія [illegible]

[illegible] *Книга первая.* [illegible] Иллюстрированное [illegible]

[illegible] *Книга вторая.* Иллюстрированное. Цѣна 1 руб. [illegible] коп.

Голсуорси, [illegible] Полное собраніе сочиненій. Цѣна 12 том. 18 руб. [illegible]

Оболенскій, Л. Е. [illegible] критической исторіи философіи. Цѣна 1 руб. [illegible] коп.

[illegible]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, [illegible] 19[illegible] г.

Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе“. [illegible]